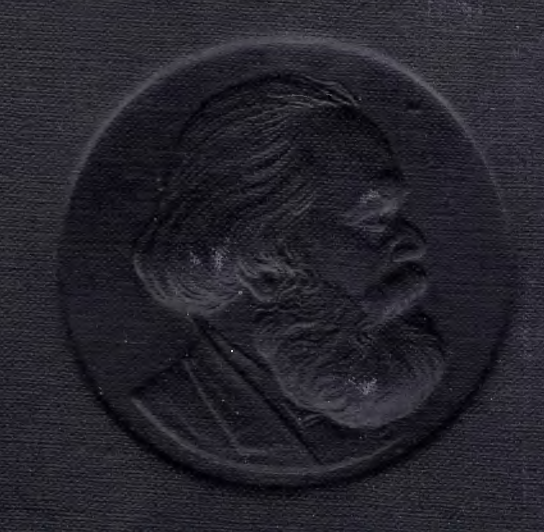

К. МАРКС

КАПИТАЛ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

К. МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ТРЕТИЙ

ЧАСТИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

КНИГА III: ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

ПЕРЕВОД
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА,
ПРОВЕРЕННЫЙ И ИСПРАВЛЕННЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1951

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА

При подготовке III тома «Капитала» в перевод И. И. Степанова-Скворцова внесены поправки того же характера, что и в предыдущие томы.

Перевод сверен с подготовленным Энгельсом изданием III тома «Капитала» (1894 г.), причем устранен ряд вкравшихся в перевод ошибок и недостатков.

Отдельные вызывавшие сомнения места немецкого издания сличены с имеющейся в ИМЭЛ рукописью Маркса, а также с первоисточниками, причем выявлен и устранен ряд погрешностей.

1939 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Наконец, мне удалось опубликовать эту третью книгу главной работы Маркса, окончание ее теоретической части. При издании второй книги в 1885 г. я думал, что третья книга, если не считать, конечно, некоторых очень важных отделов, представит, пожалуй, только технические затруднения. Так оно и было в действительности; но тех трудностей, которые предстояли мне именно в этих важнейших отделах целого, я в то время совсем не предвидел, равно как не предвидел и других препятствий, которые должны были так сильно замедлить подготовку книги.

Прежде всего и больше всего мешала мне продолжающаяся слабость зрения, сводившая на протяжении ряда лет к минимуму время, которое я мог уделять письменным занятиям, и еще теперь лишь в виде исключения позволяющая мне браться за перо при искусственном освещении. К этому присоединились другие неотложные работы: новые издания и переводы прежних работ Маркса и моих, следовательно пересмотры, предисловия, дополнения, часто невозможные без нового изучения, и т. д. Прежде всего английское издание первой книги, за текст которого в конечном счете отвечаю я и которое поэтому отняло у меня много времени. Кто хоть сколько-нибудь следил за огромным ростом международной социалистической литературы за последние десять лет и в особенности за числом переводов прежних работ Маркса и моих, тот признает, что я имел основания радоваться, что очень ограничено число языков, на которых я мог быть полезен переводчикам и, следовательно, был обязан не отказываться от просмотра их работ. Но рост литературы был только симптомом соответственного

роста самого международного рабочего движения. А это налагало на меня новые обязанности. С первых дней нашей общественной деятельности на Маркса и на меня пала основательная работа по посредничеству между национальными движениями социалистов и рабочих различных стран; работа эта возрастала соответственно усилению всего движения. Но между тем как Маркс и в этой области брал главное бремя труда на себя, после его смерти постоянно нарастающая работа падала на меня одного. Между тем непосредственные сношения отдельных национальных рабочих партий между собой стали с тех пор, и, к счастью, изо дня в день все более становятся, общим правилом; несмотря на это, к моей помощи еще прибегают гораздо чаще, чем мне бы того хотелось, исходя из интересов моей теоретической работы. Но кто, подобно мне, более пятидесяти лет активно участвовал в этом движении, для того вытекающие из него работы являются неотложной обязанностью, требующей немедленного исполнения. Как в шестнадцатом столетии, так и в наше бурное время чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции.

Так как я живу в Лондоне, эти партийные сношения осуществляются зимой главным образом в письменной форме, а летом — по большей части лично. Вследствие этого, а также вследствие необходимости следить за ходом движения в постоянно возрастающем количестве стран и за еще сильнее растущим количеством органов печати, для меня оказалось невозможным работы, не допускающие никакого перерыва, выполнять иначе, как зимой, преимущественно в первые три месяца года. Когда человеку перевалило за семьдесят лет, мейнертовские ассоциативные волокна мозга работают с какой-то непреодолимой медленностью; перерывы в трудной теоретической работе преодолеваешь уже не так легко и не так быстро, как раньше. Поэтому выходило так, что работу одной зимы, если она не была вполне доведена до конца, приходилось в следующую зиму в значительной части проделывать заново; это и случилось как раз с наиболее трудным пятым отделом.

Как увидит читатель из последующих данных, работа по редактированию этой книги существенно отличалась от редактирования второй книги. Для третьей книги имелся только один первоначальный набросок, к тому же изобиловавший пробелами. Обыкновенно начало каждого особого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отделано стилистически. Но чем дальше, тем более эскизной и неполной становилась обработка рукописи, изложение содержало все больше отступлений по поводу возникавших в ходе исследования побочных вопросов, причем работа по окончательному расположению материала откла-

дывалась до позднейшего времени; все длиннее и запутаннее становились периоды, в которых выражались мысли, записанные in statu nascendi [в процессе их зарождения]. Во многих местах почерк и изложение слишком ясно выдают вторжение и постепенное развитие тех вызванных чрезмерным трудом приступов болезни, которые сначала все более и более мешали автору в его самостоятельной работе и, наконец, по временам делали ее совершенно невозможной. И неудивительно. Между 1863 и 1867 гг. Маркс не только подготовил две последние книги «Капитала» вчерне, а первую книгу в готовом для печати виде, но еще выполнил гигантскую работу, связанную с основанием и развитием Международного Товарищества Рабочих. Но вследствие этого уже в 1864 и 1865 гг. обнаружились серьезные признаки тех расстройств в здоровье Маркса, по вине которых не он сам закончил обработку II и III книг.

Моя работа началась с того, что я продиктовал всю рукопись с оригинала, который даже я часто лишь с трудом мог разобрать, и таким образом получил удобочитаемую копию, что одно отняло уже довольно много времени. Лишь после этого могла начаться настоящая редакция. Я ограничил ее самым необходимым: всюду, где это допускала ясность, по возможности сохранил характер первоначального наброска, даже не зачеркивал отдельных повторений там, где они, как это обыкновенно бывает у Маркса, каждый раз касаются предмета с новой стороны или по крайней мере передают его в иных выражениях. В тех случаях, когда мои изменения или добавления не носят чисто редакционного характера или когда я вынужден был обрабатывать приведенный Марксом фактический материал и делать из него собственные, хотя и возможно более выдержанные в духе Маркса, выводы, в таких случаях все место поставлено в прямые скобки и отмечено моими инициалами *. В моих подстрочных примечаниях скобки кое-где отсутствуют; но там, где они помечены моими инициалами, я отвечаю за все примечание.

В рукописи, — как это само собою понятно для первого наброска, — имеются многочисленные указания на те пункты, которые впоследствии должны были получить разработку, причем эти обещания не во всех случаях были исполнены. Я сохранил их, так как они дают представление о намерениях автора относительно будущей разработки.

А теперь перейдем к отдельным вопросам.

Для первого отдела главной рукописью можно было воспользоваться лишь с большими ограничениями. В самом начале ее помещены все математические вычисления отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли (что составляет

* В настоящем издании прямые скобки заменены витыми. *Ред.*

нашу главу III), тогда как предмет, изложенный в нашей главе I, обсуждается лишь позже и мимоходом. В этом случае оказали помощь два начала переработки, каждое в 8 страниц in folio; но и они не везде разработаны с надлежащей связностью. Из них составилась глава I в ее теперешнем виде. Глава II взята из главной рукописи. Для главы III имелся целый ряд неоконченных математических вычислений, а также целая почти законченная тетрадь, относящаяся к семидесятым годам и представляющая в уравнениях отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли. Мой друг Сэмюель Мур, выполнивший также бо̀льшую часть английского перевода первой книги, взялся обработать для меня эту тетрадь, к чему он в качестве старого кэмбриджского математика был несравненно более способен. Из его резюме я составил затем главу III, пользуясь для этого кое-где и главной рукописью. Из главы IV имелось только заглавие. Но так как рассматриваемый здесь пункт — влияние оборота на норму прибыли — имеет решающе важное значение, то я обработал его сам, вследствие чего вся эта глава в тексте и поставлена в скобках. При этом оказалось, что в действительности данная в главе III формула нормы прибыли для того чтобы сделаться общезначимой, нуждается в некоторой модификации. Начиная с пятой главы, главная рукопись является единственным источником для остальной части отдела, хотя здесь также оказалось необходимым сделать очень много перестановок и дополнений.

Для следующих трех отделов, если не говорить о стилистической редакции, я почти сплошь мог придерживаться оригинала рукописи. Отдельные ее места, в большинстве случаев касающиеся влияния оборота, были обработаны в соответствии со вставленной мною главой IV; они также заключены в скобки и отмечены моими инициалами.

Главное затруднение представлял отдел V, в котором притом рассматривается запутаннейший предмет всей книги. И как раз здесь во время работы застиг Маркса один из упомянутых тяжких приступов болезни. Следовательно, это — не готовый набросок и даже не схема, очертания которой пришлось бы заполнить, а лишь самое начало работы, которое нередко представляет собою неупорядоченную кучу записей, заметок, материалов в форме выписок. Сначала я пытался закончить этот отдел, как это мне до некоторой степени удалось с первым отделом, заполняя пробелы и обрабатывая выраженные лишь в форме намека отрывки, чтобы отдел этот хоть приблизительно представлял собой все то, что намеревался дать автор. По меньшей мере три раза я делал такую попытку, но всякий раз безуспешно, и в потере на это времени заключается главная причина запоздания. Наконец, я убедился, что этим путем дело не пойдет. Мне пришлось бы просмотреть всю обширную литературу этой области, и в конце концов

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, erster Theil.

Buch III:
Der Gesammtprocess der kapitalistischen Produktion.
Kapitel I bis XXVIII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1894.

Титульный лист первого немецкого издания I части III тома «Капитала».
(Уменьшено.)

у меня получилось бы нечто, но это не было бы книгой Маркса. Мне не оставалось ничего иного, как отказаться от дальнейших попыток в этом направлении и по возможности ограничиться упорядочением того, что имелось, сделав лишь самые необходимые дополнения. И таким образом весной 1893 г. я закончил главную работу над этим отделом.

Из отдельных глав главы XXI—XXIV были в основном разработаны. Главы XXV и XXVI потребовали пересмотра фактического материала и включения материала, находившегося в других местах. Главы XXVII и XXIX можно было почти целиком дать по рукописи; напротив, главу XXVIII местами пришлось расположить иначе. Но настоящее затруднение началось с XXX главы. Начиная отсюда, приходилось приводить в надлежащий порядок не только фактический материал, но и самый ход мыслей, ежеминутно прерываемый вводными предложениями, отступлениями и т. д. и потом получающий дальнейшее развитие в другом месте, часто совершенно мимоходом. Таким образом XXX глава составилась путем перестановок и исключений отдельных отрывков, для которых находилось употребление в другом месте. XXXI глава снова оказалась разработанной в более связной форме. Но затем в рукописи следует длинный отдел, озаглавленный: «Путаница» [«Die Konfusion»], представляющий собой сплошные извлечения из парламентских отчетов о кризисах 1848 и 1857 гг., в которых сгруппированы суждения двадцати трех лиц делового мира и писателей-экономистов о деньгах и капитале, об отливе золота, о чрезмерной спекуляции и пр., местами сопровождаемые краткими юмористическими комментариями. Здесь в лицах, как задающих вопросы, так и отвечающих на них, достаточно представлены почти все ходячие взгляды того времени на отношение денег и капитала, и Маркс хотел критически и сатирически рассмотреть обнаруживающуюся при этом «путаницу» на тот счет, что̀ является на денежном рынке деньгами и что̀ — капиталом. После многих попыток я убедился, что составление этой главы невозможно; материал, в особенности в тех случаях, когда он сопровождается комментариями Маркса, я использовал там, где это допускала связность изложения.

Затем следует в довольно упорядоченном виде то, что помещено мною в главе XXXII, но непосредственно за этим — новая груда выписок из парламентских отчетов о всевозможных предметах, затрагиваемых в этом отделе, перемешанная с более или менее пространными или краткими замечаниями автора. К концу извлечения и комментарии все более концентрируются вокруг вопроса о движении денежного металла и колебаниях вексельного курса и заканчиваются опять всевозможными дополнительными замечаниями. Напротив, глава XXXVI «Докапиталистические отношения» была вполне обработана.

Из всего этого материала, начиная с «Путаницы», поскольку он уже не был помещен раньше, я составил главы XXXIII—XXXV. Конечно, дело не обошлось без значительных вставок с моей стороны для установления связи. Поскольку эти вставки не чисто формального свойства, они прямо обозначены как принадлежащие мне. Таким способом мне, наконец, удалось поместить в тексте все сколько-нибудь относящиеся к делу суждения автора; ничего не было опущено, кроме незначительной части выписок, в которых или только повторялось то, что уже было приведено в каком-нибудь другом месте, или же затрагивались пункты, которыми рукопись ближе не занимается.

Отдел о земельной ренте был разработан много полнее, хотя и он отнюдь не приведен в порядок, как это явствует уже из того, что в главе XLIII (в рукописи самый конец отдела о ренте) Маркс нашел необходимым вкратце напомнить общий план всего отдела. И это было тем более желательно для издания, что рукопись начинается главой XXXVII, за которой следуют главы XLV—XLVII и только после того — главы XXXVIII—XLIV. Больше всего работы потребовали таблицы дифференциальной ренты II и открытие, что в главе XLIII совершенно не был исследован подлежащий здесь рассмотрению третий случай этого вида ренты.

Для этого отдела о земельной ренте Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные изучения. В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках сделавшиеся в России неизбежными после «реформы» 1861 г. статистические исследования и другие издания о земельной собственности, доставлявшиеся ему русскими друзьями с желательной полнотой, делал из них выписки и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. При разнообразии форм землевладения и эксплуатации земледельческих производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда. К сожалению, Марксу не удалось осуществить этот план.

Наконец, седьмой отдел был закончен в рукописи, но только как первый набросок, бесконечные периоды которого приходилось расчленять для того чтобы сделать пригодными для печати. Из последней главы имеется только начало. Здесь предстояло рассмотреть соответствующие трем главным формам дохода — земельной ренте, прибыли и заработной плате — три крупных класса развитого капиталистического общества: землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих, и необходимо связанную с их существованием классовую борьбу как фактически данное порождение капиталистического периода. Подобные итоговые обобщения Маркс обыкновенно откладывал до окончательной редакции, незадолго до печатания, причем новейшие исторические события

с неизменной правильностью доставляли актуальнейший иллюстративный материал для его теоретических положений.

Цитат и иллюстраций здесь, как уже и во II книге, значительно меньше, чем в первой. Цитаты из книги I приводятся с указанием страниц 2-го и 3-го изданий*. Там, где в рукописи имеется ссылка на теоретические суждения прежних экономистов, большею частью приводится только имя, а самую цитату предполагалось привести при окончательной обработке. Конечно, мне все это так и пришлось оставить. Из парламентских отчетов использованы только четыре, но они использованы довольно широко. Эти отчеты следующие:

1) Reports from Committees (Нижней палаты), т. VIII, Commercial Distress, т. II, ч. I. 1847—48. Minutes of Evidence. — Цитированы как Commercial Distress, 1847—48.

2) Secret Committee of the House of Lords on Commercial Distress 1847. Report printed 1848. Evidence printed 1857 (потому что в 1848 г. он считался слишком компрометирующим). — Цитируется как С. D. 1848—1857.

3) Report: Banc Acts, 1857. — То же, 1858. — Отчеты комитета Нижней палаты о влиянии банковых актов 1844 и 1845 гг. Со свидетельскими показаниями. — Цитируется как В. А. (иногда также В. С.) 1857, resp. [соответств.] 1858 г.

К четвертой книге — история теории прибавочной стоимости — я приступлю, как только это будет для меня сколько-нибудь возможно.

В предисловии ко второму тому «Капитала» я должен был посчитаться с теми господами, которые к тому времени подняли большой крик, желая найти «в Родбертусе тайный источник теории Маркса и его несравненного предшественника». Я дал им случай показать, «что̀ в состоянии дать экономия Родбертуса»; я приглашал их показать, «каким образом может и должна образоваться равная средняя норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но как раз на его основе». Те самые господа, которые тогда, исходя из субъективных или объективных оснований, но, как правило, из оснований каких угодно, только не научных, провозглашали доброго Родбертуса экономической звездой первой величины, все без исключения не дали никакого ответа. Напротив, другие люди сочли сто̀ящим труда заняться этим вопросом.

В своей критике II тома («Conrads Jahrbücher», XI, 1885 г., стр. 452—465) профессор *В. Лексис* поднял этот вопрос, хотя и не пожелал дать прямого решения. Он говорит: «Разрешение

* В настоящем томе они даются по 4-му немецкому изданию с указанием соответствующих страниц I тома «Капитала» русского издания 1949 г. *Ред.*

этого противоречия» (между законом стоимости Рикардо — Маркса и равной средней нормой прибыли) «невозможно, если рассматривать различные виды товаров *отдельно* и если их стоимость должна быть равна их меновой стоимости, а эта последняя равна или пропорциональна их цене». Как полагает Лексис, это возможно лишь при том условии, если «отказаться от измерения стоимости трудом для отдельных видов товара и иметь в виду лишь товарную продукцию в *целом* и ее распределение между целыми классами капиталистов и рабочих... Из всего общественного продукта рабочий класс получает только известную часть... Другая часть, достающаяся классу капиталистов, образует прибавочный продукт в марксовском смысле слова, а потому и... прибавочную стоимость. Затем члены класса капиталистов распределяют между собой эту совокупную прибавочную стоимость *не* соответственно числу занятых ими рабочих, а пропорционально величине капитала, представляемого каждым из них, причем земля также принимается в расчет как капитальная стоимость». Идеальные стоимости Маркса, определяемые единицами труда, воплощенными в товарах, не соответствуют ценам, но могут «рассматриваться как исходный пункт сдвига, который приводит к действительным ценам. Последние обусловливаются тем, что равные капиталы требуют равновеликих доходов». Вследствие этого некоторые капиталисты будут получать за свои товары цену более высокую, а другие цену более низкую, чем идеальная стоимость этих товаров. «Но так как потери и прибавки в прибавочной стоимости взаимно погашаются в пределах класса капиталистов, то в целом величина прибавочной стоимости оказывается такою же, как если бы все цены были пропорциональны идеальным стоимостям товаров».

Как мы видим, вопрос здесь далеко не решен, но, хотя расплывчато и поверхностно, в общем все же *поставлен* правильно. А это действительно больше, чем мы можем ожидать от кого бы то ни было, кто, подобно этому автору, с известной гордостью называет себя «вульгарным экономистом»; это прямо поразительно, если сравнить с тем, что̀ дали другие вульгарные экономисты и о чем речь будет позже. Правда, вульгарная экономия Лексиса особого рода. Он говорит, что доход на капитал, конечно, можно вывести по способу Маркса, но ничто не *обязывает* к такому пониманию. Напротив, вульгарная экономия имеет свой способ объяснения, по меньшей мере более приемлемый: «Капиталистические продавцы, производитель сырья, фабрикант, оптовый торговец, розничный торговец — получают доход от своих предприятий вследствие того, что каждый из них продает дороже, чем покупает, следовательно повышает на известный процент себестоимость товара. Только рабочий не в состоянии сделать подобной надбавки к стоимости; вследствие своего неблагоприятного поло-

жения по отношению к капиталисту он вынужден продавать свой труд за такую цену, какой он стоит ему самому, именно за необходимые средства существования... таким образом эти надбавки к цене по отношению к покупающим наемным рабочим сохраняют свое полное значение и обусловливают перенесение известной части стоимости всего продукта в руки класса капиталистов».

Не требуется больших усилий мысли, чтобы убедиться, что это «вульгарно-экономическое» объяснение прибыли на капитал практически ведет к такому же результату, как и теория прибавочной стоимости Маркса; что, по представлению Лексиса, рабочие находятся совершенно в таком же «неблагоприятном положении», как и у Маркса; что они совершенно так же оказываются обманутыми, потому что каждый не-рабочий может продавать выше цены, а рабочий не может; и что на основе этой теории может быть построена по крайней мере столь же поверхностная система вульгарного социализма, какая создана здесь, в Англии, на основе теории потребительной стоимости и предельной полезности Джевонса — Менгера. Я даже думаю, что, если бы господину Джорджу Бернарду Шоу была известна эта теория прибыли, он был бы способен ухватиться за нее обеими руками, дать отставку Джевонсу и Карлу Менгеру и на этом камне вновь воздвигнуть фабианскую церковь будущего.

Но в действительности эта теория — только парафраз теории Маркса. Откуда же покрываются все надбавки к цене? Из «совокупного продукта» рабочих. И именно вследствие того, что товар «труд», или, как говорит Маркс, товар рабочая сила, должен продаваться ниже его цены. Потому что если общее свойство всех товаров состоит в том, что их можно продавать дороже издержек производства, и если труд представляет единственное исключение из этого и постоянно продается лишь по издержкам производства, то он продается именно ниже той цены, которая является общим правилом в этом вульгарно-экономическом мире. Добавочная прибыль, достающаяся вследствие этого капиталисту, resp. [соответств.] классу капиталистов, именно в том и состоит и в конечном счете только потому и может получиться, что рабочий, воспроизведя возмещение цены своего труда, должен еще сверх того производить продукт, за который он не получает платы, — прибавочный продукт, продукт неоплаченного труда, прибавочную стоимость. Лексис — человек в высшей степени осторожный в выборе выражений. Он нигде не говорит прямо, что вышеприведенное понимание — его собственное; но если это так, то совершенно ясно, что мы имеем здесь дело не с одним из тех обычных вульгарных экономистов, о которых он сам говорит, что каждый из них в глазах Маркса «в лучшем случае только безнадежно слабоумен», а с марксистом, облачившимся в костюм вульгарного экономиста. Произошло ли такое переодевание

преднамеренно или непреднамеренно, этот психологический вопрос нас здесь не интересует. Тот, кто захотел бы выяснить это, быть может, исследует также, каким образом оказалось возможным, что такой несомненно умный человек, как Лексис, одно время мог защищать такую бессмыслицу, как биметаллизм.

Первый, кто действительно попытался дать ответ на вопрос, был д-р *Конрад Шмидт* в работе: «Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes», изд. Dietz, Stuttgart 1889. Шмидт пытается согласовать детали образования рыночной цены как с законом стоимости, так и со средней нормой прибыли. Промышленный капиталист получает в своем продукте, во-первых, возмещение авансированного им капитала, во-вторых, прибавочный продукт, за который он ничего не заплатил. Но, чтобы получить этот прибавочный продукт, он должен авансировать свой капитал на производство, т. е. он должен применить определенное количество овеществленного труда, чтобы иметь возможность присвоить этот прибавочный продукт. Следовательно, для капиталиста этот авансированный им капитал есть количество овеществленного труда, общественно необходимое для того чтобы создать ему этот прибавочный продукт. Это относится и ко всякому другому промышленному капиталисту. А так как по закону стоимости продукты обмениваются друг на друга пропорционально труду, общественно необходимому для их производства, и так как для капиталиста трудом, необходимым для изготовления его прибавочного продукта, является как раз прошлый труд, накопленный в его капитале, то из этого следует, что прибавочные продукты обмениваются пропорционально капиталам, требующимся на их производство, а не пропорционально *действительно* воплощенному в них труду. Следовательно, доля, приходящаяся на каждую единицу капитала, равна сумме всей произведенной прибавочной стоимости, разделенной на сумму употребленных на это капиталов. Поэтому равные капиталы в равные промежутки времени приносят равную прибыль, и это происходит таким образом, что исчисленные так издержки производства [Kostpreis] прибавочного продукта, т. е. средняя прибыль, прибавляются к издержкам производства оплаченного продукта, и по этой повышенной цене продается и то и другое, и оплаченный и неоплаченный продукт. Устанавливается средняя норма прибыли, хотя, как думает Шмидт, средние цены отдельных товаров определяются согласно закону стоимости.

Конструкция в высшей степени остроумная, она совершенно по гегелевскому образцу, но имеет то общее с большею частью гегелевского, что она неправильна. Если закон стоимости должен иметь *непосредственное* значение и для средних цен, то и прибавочный продукт и продукт оплаченный — в этом отношении между ними нет различия — должны продаваться в соответствии с обще-

КАПИТАЛЪ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА

изданное подъ редакціей **Фридриха Энгельса**

Переводъ съ нѣмецкаго

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Книга III

ПРОЦЕССЪ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЗЯТЫЙ ВЪ ЦѢЛОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1896

Титульный лист первого русского издания I части III тома «Капитала».
(Уменьшено.)

ственно необходимым трудом, требующимся для их изготовления и употребленным на это. Закон стоимости с самого начала обращается против возникшего из капиталистического способа представления взгляда, будто накопленный прошлый труд, из которого состоит капитал, не только есть определенная сумма готовой стоимости, но как фактор производства и образования прибыли обладает свойством создавать стоимость, следовательно представляет источник большей стоимости, чем та, какую он сам имеет; закон стоимости прочно устанавливает, что такое свойство принадлежит только живому труду. Что капиталисты ожидают равной прибыли, пропорциональной величине своих капиталов, следовательно смотрят на авансированные ими капиталы как на своего рода издержки производства их прибыли, это известно. Но если Шмидт пользуется таким представлением, чтобы при помощи него привести в согласие с законом стоимости цены, вычисленные в соответствии со средней нормой прибыли, то он таким образом упраздняет самый закон стоимости, присоединяя к нему в качестве соопределяющего фактора представление, стоящее в полном противоречии с этим законом.

Или накопленный труд наряду с живым трудом создает стоимость. В таком случае закон стоимости недействителен.

Или он не создает стоимости. Тогда доводы Шмидта несовместимы с законом стоимости.

Шмидт отклонился от правильного пути в момент, когда он был уже очень близок к решению задачи, так как он думал, что нужно во что бы то ни стало найти математическую формулу, которая дала бы возможность показать соответствие средней цены каждого отдельного товара с законом стоимости. Но если здесь, будучи совсем близко к цели, он последовал по ложному пути, то остальное содержание брошюры показывает, с каким пониманием он сделал из обеих первых книг «Капитала» дальнейшие выводы. Ему принадлежит честь самостоятельного открытия правильного объяснения до того времени необъясненной тенденции нормы прибыли к понижению, — объяснения, данного Марксом в третьем отделе третьей книги; ему принадлежит также заслуга выведения торговой прибыли из промышленной прибавочной стоимости и целый ряд замечаний о проценте и земельной ренте, в которых предвосхищены им вещи, развитые Марксом в четвертом и пятом отделах третьей книги.

В одной позднейшей работе («Neue Zeit», 1892—1893, №№ 3 и 4) Шмидт пытается притти к решению иным путем. Этот путь сводится к тому, что среднюю норму прибыли устанавливает конкуренция благодаря тому, что она заставляет капитал переходить из отраслей производства с недостаточной прибылью в другие отрасли, где получается избыточная прибыль. Что конкуренция — великая уравнительница прибылей, это не ново.

Но Шмидт стремится показать, что эта нивелировка прибылей тожественна со сведением продажной цены товаров, производимых в избыточном количестве, к такой стоимостной мере [Werthmass], которую общество может заплатить за них согласно закону стоимости. Почему и это не могло привести к цели, достаточно явствует из разъяснений Маркса в самой книге.

После Шмидта к проблеме приступил *П. Фиреман* («Conrads Jahrbücher», dritte Folge, III, стр. 793). Я не останавливаюсь на его замечаниях о других сторонах изложения у Маркса. Они основываются на недоразумении, будто Маркс дает определения там, где он в действительности развивает, и на непонимании того, что у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений. Ведь само собой разумеется, что, когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а развивают в их историческом, resp. [соответств.] логическом, процессе образования. После этого станет, конечно, ясно, почему Маркс в начале первой книги, где он исходит из простого товарного производства, являющегося для него исторической предпосылкой, чтобы затем в дальнейшем изложении перейти от этого базиса к капиталу, — почему он при этом начинает именно с простого товара, а не с формы, логически и исторически вторичной, не с товара, уже капиталистически модифицированного; этого Фиреман, конечно, никак не может понять. Эти и другие второстепенные вещи, которые могли бы дать повод еще к кое-каким возражениям, мы предпочитаем оставить в стороне и переходим прямо к сущности дела. Тогда как теория учит Фиремана, что прибавочная стоимость при данной норме прибавочной стоимости пропорциональна числу приложенных рабочих сил, опыт показывает ему, что при данной средней норме прибыли прибыль пропорциональна величине всего вложенного капитала. Фиреман объясняет это тем, что прибыль — явление лишь условное (для него это означает: принадлежащее определенной общественной формации, вместе с ней существующее и исчезающее); ее существование связано только с капиталом; последний, если он достаточно силен для того чтобы вынудить себе прибыль, ставится конкуренцией в необходимость ограничиться получением нормы прибыли, равной для всех капиталов. Без равной нормы прибыли капиталистическое производство было бы прямо невозможно; эта форма производства предполагает, что для каждого отдельного капиталиста масса прибыли при данной норме прибыли может зависеть только от величины его капитала. С другой стороны, прибыль состоит из прибавочной стоимости, из неоплаченного труда. Каким же образом происходит при этом превращение прибавочной стои-

мости, величина которой определяется эксплуатацией труда, в прибыль, величина которой определяется величиной требующегося для этого капитала? «Просто таким образом, что во всех отраслях производства, где отношение между... постоянным и переменным капиталом наибольшее, товары продаются выше их стоимости, а это означает также, что в тех отраслях производства, где отношение постоянного капитала к переменному капиталу = $= c : v$ наименьшее, товары продаются ниже их стоимости, и что только там, где отношение $c : v$ представляет определенную среднюю величину, товары отчуждаются по их истинной стоимости... Представляет ли это несовпадение отдельных цен с их соответственными стоимостями опровержение принципа стоимости? Отнюдь нет. Ибо благодаря тому, что цены одних товаров поднимаются выше стоимости в такой же степени, в какой цены других товаров падают ниже их стоимости, общая сумма цен остается равной общей сумме стоимостей... в конце концов это несовпадение устраняется». Такое несовпадение представляет «возмущение» [«Störung»]; «но в точных науках возмущение, которое можно предвидеть, обыкновенно никогда не рассматривается как опровержение известного закона» [стр. 806 и 808].

Сравните с этим соответствующие места главы IX, и вы найдете, что Фиреман действительно затронул здесь решающий пункт. Но сколько посредствующих звеньев потребовалось бы еще и после этого открытия, чтобы Фиреман мог выработать полное очевидное решение проблемы, — это показывает незаслуженно холодный прием, которым встречена его столь значительная статья. Как ни много людей интересовалось проблемой, все они еще боялись на ней обжечься. И это объясняется не только несовершенной формой, в которой Фиреман оставил свое открытие, но и бесспорными недостатками как его понимания изложения у Маркса, так и его собственной общей критики этого изложения, основанной на таком понимании.

Если представляется случай осрамиться на каком-нибудь трудном деле, то за господином профессором *Юлиусом Вольфом* в Цюрихе дело никогда не станет. Вся проблема, рассказывает он нам («Conrads Jahrbücher», 1891, dritte Folge, II, стр. 352 и сл.), разрешается при помощи относительной прибавочной стоимости. Производство относительной прибавочной стоимости основывается на увеличении постоянного капитала сравнительно с переменным. «Прирост постоянного капитала предполагает прирост производительной силы рабочих. Но так как этот прирост производительной силы (путем удешевления жизни для рабочего) влечет за собою прирост прибавочной стоимости, то устанавливается прямое отношение между возрастанием прибавочной стоимости и возрастанием доли постоянного капитала во всем

капитале. Увеличение постоянного капитала свидетельствует об увеличении производительной силы труда. При неизменяющемся переменном и возрастающем постоянном капитале прибавочная стоимость должна поэтому возрастать в согласии с Марксом. Вот какой вопрос был задан нам» [стр. 358].

Правда, Маркс в сотне мест первой книги говорит прямо противоположное; правда, утверждение, будто по Марксу при уменьшающемся переменном капитале относительная прибавочная стоимость возрастает в таком же отношении, как возрастает постоянный капитал, столь изумительно, что для него трудно подыскать парламентское выражение; правда, господин Юлиус Вольф каждой строчкой доказывает, что он ни относительно, ни абсолютно ничего не понял ни в абсолютной, ни в относительной прибавочной стоимости; правда, он сам говорит: «С первого взгляда кажется, что здесь находишься поистине в вертепе несообразностей» [стр. 361], что, кстати сказать, единственно правильное замечание во всей его статье. Но что же из того? Господин Юлиус Вольф так горд своим гениальным открытием, что не может удержаться, чтобы не воздать за это посмертной хвалы Марксу и эту свою собственную непомерную бессмыслицу не превознести как «новое доказательство той проницательности и дальновидности, с какой набросана его (Маркса) критическая система капиталистического хозяйства»!

Дальше еще лучше: господин Вольф говорит: «Рикардо выдвинул два положения. Во-первых: равные затраты капитала — равная прибавочная стоимость (прибыль), во-вторых: равные затраты труда — равная (по массе) прибавочная стоимость. И вопрос заключался тогда в том, как одно согласуется с другим. Однако Маркс не признавал такой постановки вопроса. *Он без сомнения показал (в третьей книге),* что второе утверждение не представляет безусловного следствия закона стоимости, что оно даже противоречит его закону стоимости и, следовательно... должно быть прямо отвергнуто» [стр. 366]. И затем он исследует, кто из нас двоих заблуждался, я или Маркс. Что он сам пребывает в заблуждении, об этом он, конечно, не думает.

Если бы я захотел проронить хоть одно слово по поводу этого великолепного места, это значило бы оскорбить моих читателей и не понять всей комичности положения. Я прибавлю к этому только следующее: с такой же смелостью, с какой он уже тогда мог сказать, что «Маркс в третьем томе без сомнения показал», он пользуется случаем, чтобы сообщить профессорскую сплетню о том, будто вышеупомянутая работа Конрада Шмидта «прямо инспирирована Энгельсом» [стр. 366]. Господин Юлиус Вольф! В том мире, в котором живете и действуете вы, может быть, и принято, что человек, который публично ставит перед другими

проблему, втихомолку сообщает ее решение своим личным друзьям. Что вы на это способны, я вам охотно верю. Что до таких низостей не приходится опускаться в том мире, где вращаюсь я, докажет вам настоящее предисловие.

Едва Маркс умер, как господин *Ахилл Лориа* поспешил опубликовать статью о нем в «Nuova Antologia» (апрель 1883 г.): сначала биография, переполненная ложными данными, затем критика общественной, политической и литературной деятельности. Материалистическое понимание истории Маркса здесь фальсифицировано и искажено с таким апломбом, который позволяет угадать великую цель. И эта цель была достигнута: в 1886 г. тот же господин Лориа издал книгу: «La teoria economica della constituzione politica», в которой он возвестил изумленным современникам, как свое собственное открытие, историческую теорию Маркса, так основательно и так умышленно искаженную им в 1883 г. Конечно, теорию Маркса он свел здесь к довольно филистерскому уровню; исторические иллюстрации и примеры также пестрят ошибками, непростительными и для школьника четвертого класса; но что до всего этого? Открытие того, что политические условия и события всегда и всюду находят свое объяснение в соответствующих экономических условиях, было сделано, как доказано упомянутой книгой, отнюдь не Марксом в 1845 г., а господином Лориа в 1886 г. По крайней мере он счастливо уверил в этом своих соотечественников, а с того времени, как его книга появилась на французском языке, — и некоторых французов, и может теперь важничать в Италии как автор новой исторической теории, создавшей эпоху, пока тамошние социалисты не найдут времени повыщипать у illustre Loria краденые павлиньи перья.

Но это лишь один маленький образец приемов господина Лориа. Он уверяет нас, что все теории Маркса основываются на *сознательном* софизме (un consaputo sofisma); что Маркс не смущался паралогизмами даже в тех случаях, если он сам *видел в них таковые* (sapendoli tali) и т. д. И после того, как он в целом ряде подобных пошлых россказней сообщил своим читателям все необходимое для того чтобы они увидели в Марксе карьериста à la Loria, который достигает своих маленьких эффектов при помощи таких же мизерных, негодных шарлатанских приемов, как наш падуанский профессор, он может теперь сообщить им важную тайну, а вместе с тем и нас возвращает к норме прибыли.

Господин Лориа говорит: по Марксу масса прибавочной стоимости (которую господин Лориа отожествляет здесь с прибылью), произведенной в капиталистическом промышленном предприятии, зависит от примененного в нем переменного капитала, так как постоянный капитал не приносит никакой прибыли. Но это противоречит действительности, потому что на практике прибыль

зависит не от переменного капитала, а от всего капитала. И Маркс сам видит это (I, гл. XI) и соглашается, что факты по внешней видимости противоречат его теории. Как же разрешает он это противоречие? Он отсылает своих читателей к еще не появившемуся следующему тому. Об этом томе Лориа уже раньше сказал *своим* читателям, что он не верит тому, чтобы Маркс хотя бы одно мгновение думал о его написании, и теперь он торжествующе восклицает: «Итак, я справедливо утверждал, что этот второй том, которым Маркс постоянно угрожает своим противникам и который, однако, никогда не появится, что этот том, весьма вероятно, служил хитроумной увերткой, которую Маркс применял в тех случаях, когда у него нехватало научных аргументов (un ingegnoso spediente ideato dal Marx a sostituzione degli argomenti scientifici)». И, кто теперь не убедился, что Маркс стоит на такой же высоте научного шарлатанства, как l'illustre Loria, с тем пива не сваришь.

Итак, вот что мы узнали: по мнению господина Лориа, теория прибавочной стоимости Маркса абсолютно несовместима с фактом общей равной нормы прибыли. Но вот появилась вторая книга и вместе с тем публично предложенный мною вопрос как раз об этом самом пункте. Если бы господин Лориа был одним из нас, стыдливых немцев, он пришел бы в некоторое смущение. Но он — смелый южанин, он происходит из жаркого климата, где, как он может утверждать, беззастенчивость является до некоторой степени естественным условием *. Вопрос о норме прибыли предложен публично. Господин Лориа публично объявил его неразрешимым. И именно потому он теперь превзойдет самого себя, разрешив его публично.

Такое чудо произошло в «Conrads Jahrbücher», neue Folge, т. XX [1890], стр. 272 и сл., в статье о вышеупомянутой работе Конрада Шмидта. После того, как он узнал от Шмидта, как образуется торговая прибыль, для него сразу все стало ясно. «Так как определение стоимости рабочим временем дает преимущество тем капиталистам, которые вкладывают бо̀льшую часть своего капитала в заработную плату, то непроизводительный» (следует сказать — торговый) «капитал может заставить этих пользующихся преимуществом капиталистов платить ему более высокий процент» (следует сказать — прибыль) «и создать равенство между отдельными промышленными капиталистами... Так, напр., если промышленные капиталисты *A*, *B*, *C* употребляют на производство по 100 рабочих дней каждый и постоянного капитала соответственно 0, 100 и 200, а заработная плата за 100 рабочих дней содержит в себе 50 рабочих дней, то каждый капиталист получает

* Непереводимая игра слов: Unverfrorenheit обозначает одновременно и «беззастенчивость» и «незамерзаемость». *Ред.*

прибавочную стоимость в 50 рабочих дней, а норма прибыли составляет 100% для первого, 33,3% для второго и 20% для третьего капиталиста. Но если четвертый капиталист *D* накопляет непроизводительный капитал в 300, который предъявляет притязание на получение от капиталиста *A* процента» (прибыли) «стоимостью в 40 рабочих дней и от капиталиста *B* — процента стоимостью в 20 рабочих дней, то норма прибыли капиталистов *A* и *B* понизится до 20%, как у *C*, а капиталист *D* с капиталом в 300 получит прибыль в 60, т. е. норму прибыли в 20%, как и остальные капиталисты».

С такой поразительной ловкостью, в один миг, l'illustre Loria разрешил тот самый вопрос, который он за десять лет перед тем объявил неразрешимым. К сожалению, он не открыл нам тайны, откуда «непроизводительный капитал» находит силу для того чтобы не только вытащить у промышленников эту их избыточную прибыль, превышающую среднюю норму прибыли, но и удержать ее у себя в кармане совершенно так же, как земельный собственник кладет себе в карман в виде земельной ренты добавочную прибыль арендатора. В самом деле, при этом купцы взимали бы с промышленников дань, совершенно аналогичную земельной ренте, и таким путем устанавливали бы среднюю норму прибыли. Конечно, торговый капитал, как это достаточно известно всякому, очень существенный фактор в установлении общей нормы прибыли. Но только литературный авантюрист, который в глубине души плюет на всю политическую экономию, может позволить себе утверждение, что торговый капитал обладает волшебной силой поглощать всю избыточную прибавочную стоимость, превышающую общую норму прибыли, притом поглощать прежде, чем последняя установлена, и превращать ее в земельную ренту для себя самого, притом еще так, что для этого ему не требуется никакой земельной собственности. Не менее удивительно утверждение, будто торговый капитал всегда находит тех промышленников, прибавочная стоимость которых как раз достигает лишь средней нормы прибыли, и что он почитает за честь для себя до некоторой степени облегчить участь этих несчастных жертв закона стоимости Маркса, продавая их продукты без особого вознаграждения, даже без всякой комиссии. Каким надо быть шарлатаном, чтобы вообразить себе, будто Маркс нуждался в подобных жалких фокусах!

Но в полном блеске своей славы наш l'illustre Loria выступает только тогда, когда мы сравниваем его с его северными конкурентами, напр. с господином Юлиусом Вольфом, который ведь тоже известен не со вчерашнего дня. Каким мелким брехуном кажется Вольф рядом с итальянцем даже в своей толстой книге «Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung»! Как беспомощно,

я чуть было даже не сказал как скромно, выглядит он по сравнению с тем благородным дерзновением, с каким маэстро выдает за нечто само собой разумеющееся, что Маркс не более, не менее такой же, как и все другие люди, что он совершенно такой же сознательный софист, паралогист, хвастун и шарлатан, как сам господин Лориа, что Маркс всякий раз, когда попадает в затруднительное положение, обещает публике дать окончание своей теории в следующем томе, который он, как это ему самому очень хорошо известно, и не может и не собирается выпустить! Безграничная отвага, соединяющаяся с чрезвычайной изворотливостью и умением выходить из самых невозможных положений, героическое равнодушие к полученным пинкам, стремительно быстрое присвоение чужих работ, назойливое шарлатанство рекламы, организация успеха при помощи шумихи друзей, — кто может сравниться с ним во всем этом?

Италия — страна всего классического. С того великого времени, когда там взошла заря современного мира, эта страна произвела величественные характеры недосягаемого классического совершенства, от Данте до Гарибальди. Но времена унижения и чужеземного господства оставили ей и другие классические характеры, среди них два особенно рельефных типа: Сганарелля и Дулькамару. Классическое единство обоих воплотилось, как мы видим, в нашем l'illustre Loria.

В заключение я должен повести своих читателей за океан. В Нью-Йорке господин доктор медицины *Георг Штибелинг* также нашел решение задачи, и притом в высшей степени простое. Настолько простое, что ни один человек ни по ту, ни по сю сторону океана не захотел признать его, вследствие чего он пришел в великий гнев и в бесконечном ряде брошюр и газетных статей по обеим сторонам океана горько жаловался на такую несправедливость. Хотя в «Neue Zeit» ему сказали, что все его решение основывается на ошибке в вычислениях, но это не могло его обеспокоить. Маркс тоже делал ошибки в вычислениях, однако во многих вещах оказался прав. Итак, посмотрим на решение Штибелинга.

«Я беру две фабрики, работающие одинаковое время с одинаковым капиталом, но при различном отношении постоянного и переменного капитала. Весь капитал $(c+v)$ я принимаю $=y$ и обозначаю разницу в отношении постоянного к переменному капиталу через x. Для фабрики I $y=c+v$; для фабрики II $y=(c-x)+(v+x)$. Следовательно, норма прибавочной стоимости для фабрики I $=\frac{m}{v}$, а для фабрики II $=\frac{m}{v+x}$. Прибылью (p) я называю всю прибавочную стоимость (m), на которую увеличивается весь капитал y, или $c+v$, в течение данного времени; следовательно, $p=m$. Поэтому норма прибыли для фаб-

рики $I = \frac{p}{y}$, или $\frac{m}{c+v}$, и точно так же для фабрики $II = \frac{p}{y}$, или $\frac{m}{(c-x)+(v+x)}$, т. е. точно так же $= \frac{m}{c+v}$. Следовательно, проблема... разрешается таким образом, что на основе закона стоимости при употреблении одинакового капитала и одинакового времени, но неодинаковых количеств живого труда, равная средняя норма прибыли происходит от изменения нормы прибавочной стоимости» (G. C. Stiebeling: «Das Werthgesetz und die Profitrate», изд. John Heinrich, New York [1890 г., стр. I]).

Как ни прекрасно, как ни ясно вышеприведенное вычисление, однако мы вынуждены предложить господину д-ру Штибелингу *один* вопрос: откуда он знает, что сумма прибавочной стоимости, которую производит фабрика I, совершенно равна сумме прибавочной стоимости, произведенной на фабрике II? Относительно *c*, *v*, *y* и *x*, следовательно о всех остальных факторах расчета, он нам прямо говорит, что они одинаковой величины для обеих фабрик, но об *m* ни слова. Но из того, что он алгебраически обозначает оба упоминаемые здесь количества прибавочной стоимости через *m*, это отнюдь не следует. Напротив, это есть именно то, что должно быть доказано, так как г. Штибелинг без всяких околичностей и прибыль *p* отожествляет с прибавочной стоимостью. Тут возможны только два случая: или оба *m* равны, каждая фабрика производит одинаковые количества прибавочной стоимости, следовательно при одинаковом общем капитале — и одинаковое количество прибыли, а в таком случае г. Штибелинг уже наперед предполагает то, что он должен еще доказать; или же одна фабрика производит бо̀льшую сумму прибавочной стоимости, чем другая, и в таком случае весь его расчет падает.

Господин Штибелинг не побоялся ни труда, ни издержек для того чтобы нагромоздить на этой своей ошибке в расчете целую груду вычислений и преподнести их публике. Я могу дать ему успокоительное заверение, что почти все они одинаково неверны и что там, где они в виде исключения правильны, они доказывают нечто совершенно иное, чем то, что он желает доказать. Так, сравнивая данные американских цензов 1870 и 1880 гг., он указывает на фактическое понижение нормы прибыли, но объясняет это совершенно ошибочно и думает, что теория Маркса о никогда не изменяющейся, неподвижной норме прибыли должна быть исправлена по указаниям практики. Но вот из третьего отдела предлагаемой третьей книги следует, что эта приписываемая Марксу «неподвижная норма прибыли» — чистая выдумка и что тенденция нормы прибыли к понижению основывается на причинах, диаметрально противоположных тем, которые приводит

д-р Штибелинг. У господина д-ра Штибелинга намерения несомненно добрые, но, если желаешь заниматься научными вопросами, необходимо прежде всего научиться читать сочинения, которыми хочешь воспользоваться, так, как их написал автор, и прежде всего не вычитывать из них того, чего в них нет.

Итог всего исследования: и по отношению к поставленному вопросу кое-что сделано опять-таки только школой Маркса. Фиреман и Конрад Шмидт, читая эту третью книгу, могут быть совершенно довольны каждый своей частью их собственных работ.

Ф. Энгельс.

Лондон, 4 октября 1894 г.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПРИБЫЛЬ И НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НОРМУ ПРИБЫЛИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА И ПРИБЫЛЬ.

В первой книге были исследованы те явления, которые представляет капиталистический *процесс производства,* взятый сам по себе, как непосредственный процесс производства, причем оставлялись в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется *процессом обращения,* который составил предмет исследования второй книги. Там, — именно в третьем отделе, при рассмотрении процесса обращения как опосредствования общественного процесса воспроизводства, — оказалось, что капиталистический процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения. Что касается задачи этой третьей книги, то она не может заключаться в том, чтобы представить общие рассуждения относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и описать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое.* В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым вид [Gestalt] капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его вид в процессе обращения, выступают лишь в качестве особых моментов. Видоизменения [Gestaltungen] капитала, как мы их развиваем в этой книге, шаг за шагом приближаются, таким образом, к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства.

Стоимость всякого капиталистически произведенного товара *Ст.* [стоимость] изображается в формуле: *Ст.* $= c + v + m$. Если из этой стоимости продукта вычесть прибавочную стоимость m, то останется только эквивалент или стоимость, возмещающая в товаре капитальную стоимость $c + v$, израсходованную в виде элементов производства.

Если, напр., производство известного товара вызвало затрату капитала в 500 ф. ст.: 20 ф. ст. на снашивание средств труда, 380 ф. ст. на материалы производства, 100 ф. ст. на рабочую силу, и если норма прибавочной стоимости составляет 100%, то стоимость продукта $= 400_c + 100_v + 100_m = 600$ ф. ст.

По вычете прибавочной стоимости в 100 ф. ст. остается товарная стоимость в 500 ф. ст., и она просто возмещает израсходованный капитал в 500 ф. ст. Эта часть стоимости товара, возмещающая цену потребленных средств производства и цену примененной рабочей силы, возмещает лишь то, чего стоит товар для самого капиталиста, и потому образует для него издержки производства товара.

То, чего стоит товар капиталисту, и то, чего стоит самое производство товара, это во всяком случае — две совершенно различные величины. Та часть товарной стоимости, которая состоит из прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда. Однако так как на основе капиталистического производства рабочий, вступив в процесс производства, сам образует составную часть функционирующего и принадлежащего капиталисту производительного капитала и, следовательно, действительным производителем товара является капиталист, то издержки производства товара для него представляются действительной стоимостью [Kost] самого товара. Если мы издержки производства назовем k, то формула: *Ст.* $= c + v + m$ превращается в формулу: *Ст.* $= k + m$, или товарная стоимость = издержкам производства + прибавочная стоимость.

Таким образом подведение различных частей стоимости товара, лишь возмещающих затраченную на его производство капитальную стоимость, под категорию издержек производства, с одной стороны, служит выражением специфического характера капиталистического производства. То, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой *капитала;* то, чего товар действительно стоит, — затратой *труда.* Поэтому капиталистические издержки производства товара количественно отличны от его стоимости, или действительных издержек его производства; они меньше, чем товарная стоимость, так как, раз *Ст.* $= k + m$, то $k =$ *Ст.* $- m$. С другой стороны, издержки производства товара отнюдь не являются такой рубрикой, которая существует лишь в капиталистическом счетоводстве. Обособление этой части стоимости практи-

Факсимиле рукописи Маркса к I странице III тома «Капитала».

(Уменьшено.)

чески постоянно дает о себе знать в действительном производстве товаров, так как из товарной формы эту часть посредством процесса обращения снова и снова приходится превращать обратно в форму производительного капитала и, следовательно, на возмещенные издержки производства необходимо снова и снова покупать элементы производства, потребленные на производство товара.

Напротив, категория издержек производства не имеет никакого отношения к образованию стоимости товара или к процессу возрастания стоимости капитала. Если я знаю, что $^5/_6$ товарной стоимости в 600 ф. ст., т. е. 500 ф. ст., составляют лишь эквивалент, стоимость, возмещающую затраченный капитал в 500 ф. ст., и потому достаточны только для того чтобы вновь купить вещественные элементы этого капитала, то я от одного этого еще не знаю ни того, как произведены эти $^5/_6$ стоимости товара, составляющие издержки его производства, ни того, как произведена последняя шестая, составляющая прибавочную стоимость в нем. Исследование, однако, покажет, что издержки производства приобретают в капиталистическом хозяйстве ложную видимость категории, относящейся к самому производству стоимости.

Возвратимся к нашему примеру. Если мы предположим, что стоимость, произведенная одним рабочим в течение одного среднего общественного рабочего дня, представлена в денежной сумме $= 6$ шилл. $= 6$ марок, то авансированный капитал в 500 ф. ст. $= 400_c + 100_v$ будет представлять собою новую стоимость, произведенную в $1666^2/_3$ десятичасовых рабочих дней, из которых $1333^1/_3$ рабочих дня кристаллизованы в стоимости средств производства $= 400_c$, $333^1/_3$ — в стоимости рабочей силы $= 100_v$. Следовательно, если норма прибавочной стоимости $= 100\%$, производство самого вновь создаваемого товара стоит затраты рабочей силы $= 100_v + 100_m = 666^2/_3$ десятичасовых рабочих дней.

Далее, нам известно (см. книгу I, гл. VII, стр. 173 и сл. [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 218 и сл.]), что стоимость вновь произведенного продукта в 600 ф. ст. слагается из: 1) снова появляющейся стоимости постоянного капитала в 400 ф. ст., израсходованного на средства производства, и 2) из вновь произведенной стоимости в 200 ф. ст. Издержки производства товара $=$ $= 500$ ф. ст. заключают снова появившиеся 400_c и половину вновь произведенной стоимости в 200 ф. ст. $(= 100_v)$, следовательно два совершенно различных по своему происхождению элемента товарной стоимости.

Благодаря целесообразному характеру труда, затраченного в течение $666^2/_3$ десятичасовых дней, стоимость потребленных средств производства суммой в 400 ф. ст. перенесена с этих средств производства на продукт. Таким образом эта старая стоимость вновь проявляется как составная часть стоимости продукта, но она

не возникает в процессе производства *этого* товара. Она только потому существует как составная часть товарной стоимости, что раньше существовала как составная часть авансированного капитала. Следовательно, израсходованный постоянный капитал возмещается той частью товарной стоимости, которую он сам присоединяет к товарной стоимости. Таким образом этот элемент издержек производства имеет двойственное значение: с одной стороны, он входит в издержки производства товара, потому что является той составной частью товарной стоимости, которая возмещает израсходованный капитал; а, с другой стороны, он лишь потому является составной частью товарной стоимости, что он представляет собою стоимость израсходованного капитала, или потому, что средства производства стоят столько-то.

Совершенно обратное с другой составной частью издержек производства. $666^2/_3$ дней труда, израсходованного во время производства товара, образуют новую стоимость в 200 ф. ст. Из этой новой стоимости одна часть лишь возмещает авансированный переменный капитал в 100 ф. ст., или цену примененной рабочей силы. Но эта авансированная капитальная стоимость отнюдь не входит в образование новой стоимости. При авансировании капитала рабочая сила оплачивается как *стоимость*, но в процессе производства она функционирует как *созидатель* стоимости. На место той стоимости рабочей силы, которая фигурирует при авансировании капитала, в действительно *функционирующем* производительном капитале выступает сама живая, созидающая стоимость рабочая сила.

Различие между этими разными составными частями товарной стоимости, которые вместе образуют издержки производства, тотчас бросается в глаза, как только наступает изменение в величине стоимости: в одном случае израсходованной постоянной, в другом случае израсходованной переменной части капитала. Пусть цена одних и тех же средств производства, или постоянная часть капитала, повысится с 400 ф. ст. до 600 ф. ст. или, наоборот, упадет до 200 ф. ст. В первом случае повысятся не только издержки производства товара с 500 ф. ст. до $600_c + 100_v = 700$ ф. ст., но и сама товарная стоимость повысится с 600 ф. ст. до $600_c + 100_v + 100_m = 800$ ф. ст. Во втором случае упадут не только издержки производства с 500 ф. ст. до $200_c + 100_v = 300$ ф. ст., но и сама товарная стоимость — с 600 ф. ст. до $200_c + 100_v + 100_m = 400$ ф. ст. Так как израсходованный постоянный капитал переносит на продукт свою собственную стоимость, то, при прочих равных условиях, стоимость продукта возрастает или падает соответственно абсолютной величине этой капитальной стоимости. Предположим, наоборот, что при прочих равных условиях цена прежней массы рабочей силы возрастает со 100 ф. ст. до 150 ф. ст. или, напротив, падает до 50 ф. ст. Хотя издержки

производства в первом случае повышаются с 500 ф. ст. до $400_c + 150_v = 550$ ф. ст., а во втором случае падают с 500 ф. ст. до $400_c + 50_v = 450$ ф. ст., но в обоих случаях товарная стоимость остается неизменной $= 600$ ф. ст.: в первом случае $= 400_c + 150_v + 50_m$, во втором случае $= 400_c + 50_v + 150_m$. Авансированный переменный капитал не присоединяет к продукту своей собственной стоимости. Напротив, вместо его стоимости в продукт вошла новая стоимость, созданная трудом. Поэтому изменение в абсолютной величине стоимости переменного капитала, поскольку оно служит выражением лишь изменения в цене рабочей силы, нисколько не изменяет абсолютной величины товарной стоимости, так как ничего не изменяет в абсолютной величине новой стоимости, создаваемой текучей рабочей силой. Напротив, такое изменение оказывает влияние лишь на отношение величин тех двух составных частей новой стоимости, из которых одна образует прибавочную стоимость, а другая возмещает переменный капитал и потому входит в издержки производства товара.

Общим для обеих частей издержек производства — в нашем случае $400_c + 100_v$ — является только одно: обе они суть части товарной стоимости, которые возмещают авансированный капитал.

Но с точки зрения капиталистического производства это действительное положение дела необходимо проявляется в превратном виде.

Капиталистический способ производства отличается от способа производства, основанного на рабстве, между прочим, тем, что стоимость, resp. [соответств.] цена рабочей силы, представляется здесь как стоимость, resp. как цена, самого труда, или как заработная плата (книга I, гл. XVII). Поэтому переменная часть стоимости авансированного капитала выступает в виде капитала, израсходованного на заработную плату, в виде капитальной стоимости, оплачивающей стоимость, resp. цену, всего труда, израсходованного на производство. Если мы, напр., предположим, что средний общественный рабочий день 10-часовой продолжительности воплощается в количестве денег $= 6$ шилл., то авансированный переменный капитал в 100 ф. ст. будет денежным выражением стоимости, произведенной в $333^1/_3$ десятичасовых рабочих дня. Но эта стоимость закупленной рабочей силы, фигурирующая при авансировании капитала, не составляет ни одной части действительно функционирующего капитала. Вместо нее в процесс производства вступает сама живая рабочая сила. Если степень эксплуатации последней составляет, как в нашем примере, 100%, то она расходуется в течение $666^2/_3$ десятичасовых рабочих дней и потому присоединяет к продукту новую стоимость в 200 ф. ст. Но при авансировании капитала переменный капитал в 100 ф. ст. фигурирует как капитал, затраченный на заработную плату, или как цена труда, выполненного в течение $666^2/_3$ десятичасовых

дней. 100 ф. ст., деленные на $666^2/_3$, дают нам в качестве цены десятичасового рабочего дня 3 шилл., стоимость, созданную в течение пятичасового труда.

Если мы сравним авансированный капитал, с одной стороны, и товарную стоимость — с другой, то мы получим:

I. Авансированный капитал в 500 ф. ст. = 400 ф. ст. капитала, израсходованного на средства производства (цена средств производства), + 100 ф. ст. капитала, израсходованного на труд (цена $666^2/_3$ рабочих дней, или заработная плата за них).

II. Товарная стоимость в 600 ф. ст. = издержкам производства в 500 ф. ст. (400 ф. ст., цена израсходованных средств производства, + 100 ф. ст., цена затраченных $666^2/_3$ рабочих дней) + 100 ф. ст. прибавочной стоимости.

В этой формуле часть капитала, затраченная на труд, только тем отличается от части капитала, затраченной на средства производства, напр. на хлопок или уголь, что она служит для оплаты вещественно отличного элемента производства, но отнюдь не тем, что в процессе образования стоимости товара, а потому и в процессе возрастания стоимости капитала, она играет функционально отличную роль. В издержках производства товара цена средств производства возвращается такой, как она уже фигурировала при авансировании капитала, и возвращается именно потому, что эти средства производства были целесообразно использованы. Совершенно так же в издержках производства товара цена, или заработная плата, за $666^2/_3$ рабочих дней, затраченных на его производство, возвращается именно такой, как она уже фигурировала при авансировании капитала, — и возвращается именно потому, что это количество труда затрачено в целесообразной форме. Мы видим лишь готовые, существующие стоимости, — те части стоимости авансированного капитала, которые входят в образование стоимости продукта, — но не видим элемента, создающего новую стоимость. Различие между постоянным и переменным капиталом исчезло. Все в целом издержки производства в 500 ф. ст. приобретают теперь двойное значение: во-первых, они представляют собою ту составную часть товарной стоимости в 600 ф. ст., которая возмещает капитал в 500 ф. ст., затраченный на производство товара; и, во-вторых, сама эта составная часть стоимости товара существует лишь потому, что раньше она существовала как издержки на примененные элементы производства, на средства производства и труд, т. е. как авансированный капитал. Капитальная стоимость возвращается как издержки производства товара потому и постольку, что и поскольку она была израсходована как капитальная стоимость.

Тем обстоятельством, что различные составные части стоимости авансированного капитала затрачены на вещественно различные элементы производства — на средства труда, сырье, вспомо-

1 1

Im ersten Buch wurden die Erscheinungen untersucht, die der kapitalistische Produktionsprozeß, für sich genommen, darbietet, als unmittelbarer Produktionsprozeß, bei dem noch von allen sekundären Einwirkungen ihm fremder Umstände abgesehn wurde. Aber dieser unmittelbare Produktionsprozeß erschöpft nicht den Lebenslauf des Kapitals. Er wird in der wirklichen Welt ergänzt durch den Cirkulationsprozeß, und dieser bildete den Gegenstand der Untersuchungen des zweiten Buchs. Hier zeigte sich, namentlich im dritten Abschnitt, bei Betrachtung des Cirkulationsprozesses als der Vermittlung des gesellschaftlichen Reproduktionsprozesses, daß der kapitalistische Produktionsprozeß,

~~Wir haben gesehen, daß der Produktionsprozeß~~ im Ganzen betrachtet Einheit von Produktions- und Cirkulationsprozeß ist. ~~Bei der Betrachtung des Cirkulationsprozesses als Vermittlung des gesellschaftlichen Reproduktionsprozesses (Buch II, Abschn. III) wurde dies näher entwickelt.~~ Worum es sich in diesem dritten Buch handelt, kann nicht sein, allgemeine Reflexionen über diese Einheit anzustellen. Es gilt vielmehr die konkreten Formen aufzufinden und darzustellen, welche aus dem Prozeß des Kapitals — als Ganzes betrachtet — hervorwachsen. In ihrer wirklichen Bewegung treten sich die Kapitale in solchen konkreten Formen gegenüber, für die die Gestalt des Kapitals im unmittelbaren Produktionsprozeß, wie seine Gestalt im Cirkulationsprozeß nur als besondere Momente erscheinen. Die Gestaltungen des Kapitals, wie wir sie

I страница III тома «Капитала», переписанная рукой секретаря, с поправками Энгельса. Вставка вверху страницы сделана рукой Энгельса.

(Уменьшено.)

гательные материалы и труд, — обусловливается лишь одно: что на издержки производства товара придется вновь купить эти вещественно различные элементы производства. Напротив, по отношению к образованию самих издержек производства заявляет о себе только одно различие, различие между основным и оборотным капиталом. В нашем примере 20 ф. ст. были засчитаны на снашивание средств труда ($400_c = 20$ ф. ст. на снашивание средств труда + 380 ф. ст. на производственное сырье). Если до производства товара стоимость этих средств труда была = = 1200 ф. ст., то после его производства она существует в двух видах: 20 ф. ст., — как часть товарной стоимости, 1200 — 20, или 1180 ф. ст., — как оставшаяся стоимость средств труда, находящихся, как и раньше, во владении капиталиста, или как элемент стоимости не его товарного капитала, а его производительного капитала. В противоположность средствам труда производственное сырье и заработная плата целиком затрачиваются на производство товара, а потому и вся их стоимость входит в стоимость произведенного товара. Мы видели, как эти различные составные части авансированного капитала по отношению к обороту приобретают формы основного и оборотного капитала.

Итак, авансированный капитал = 1680 ф. ст.: основной капитал = 1200 ф. ст. плюс оборотный капитал = 480 ф. ст. (= 380 ф. ст. в производственном сырье плюс 100 ф. ст. в заработной плате).

Издержки производства товара, напротив, = только 500 ф. ст. (20 ф. ст. на снашивание основного капитала, 480 ф. ст. на оборотный капитал).

Однако это различие между издержками производства товара и авансированным капиталом подтверждает лишь одно: что издержки производства товара образуются исключительно капиталом, действительно затраченным на его производство.

В производстве товара применяются средства труда стоимостью в 1200 ф. ст., но из этой авансированной капитальной стоимости в производстве теряются только 20 ф. ст. Поэтому примененный основной капитал лишь частично входит в издержки производства товара, так как в его производстве он израсходован лишь частично. Примененный оборотный капитал целиком входит в издержки производства товара, потому что он целиком израсходован в его производстве. Но что же доказывает это, как не то, что потребленные основные и оборотные части капитала, pro rata [пропорционально] величине их стоимости, одинаково входят в издержки производства соответственного товара и что эта составная часть стоимости товара вообще обязана своим происхождением лишь капиталу, израсходованному на его производство? Если бы это было не так, то нельзя было бы понять, почему авансированный основной капитал в 1200 ф. ст. не присоединяет

к стоимости продукта не только тех 20 ф. ст., которые утрачены им в процессе производства, но и тех 1180 ф. ст., которые не утрачены им в этом процессе.

Итак, это различие между основным и оборотным капиталом в отношении исчисления издержек производства лишь подтверждает кажущееся возникновение издержек производства из затраченной капитальной стоимости или той цены, в которую обходятся самому капиталисту израсходованные элементы производства, включая сюда и труд. С другой стороны, в отношении создания стоимости, переменная, затраченная на рабочую силу, часть капитала прямо отожествляется здесь с постоянным капиталом (частью капитала, состоящей из материалов производства) под рубрикой оборотного капитала, и таким образом завершается мистификация процесса возрастания стоимости капитала[1].

До сих пор мы рассматривали только один элемент товарной стоимости — издержки производства. Мы должны теперь посмотреть и на другую составную часть товарной стоимости, на избыток над издержками производства, или на прибавочную стоимость. Итак, прибавочная стоимость представляет собою прежде всего избыток стоимости товара над издержками его производства. Но так как издержки производства равны стоимости израсходованного капитала, в вещественные элементы которого они и совершают постоянно обратное превращение, то этот избыток стоимости представляет собою прирост стоимости капитала, издержанного на производство товара и возвращающегося из своего обращения.

Раньше мы уже видели, что, хотя m, прибавочная стоимость, возникает лишь из изменения стоимости v, переменного капитала, и потому по своему источнику представляет собою просто приращение переменного капитала, однако по окончании процесса производства она в такой же мере образует прирост стоимости $c + v$, всего израсходованного капитала. Формула $c + (v + m)$, которая указывает, что m производится вследствие превращения определенной капитальной стоимости v, авансированной на рабочую силу, в текучую величину, следовательно вследствие превращения постоянной величины в величину переменную, может быть представлена точно так же в виде $(c + v) + m$. До производства у нас был капитал в 500 ф. ст. После производства у нас имеется капитал в 500 ф. ст. плюс прирост стоимости в 100 ф. ст.[2].

---

[1] Какая путаница может возникнуть из-за этого в головах экономистов, показано в книге I, гл. VII, 3, стр. 185—191, на примере Н. В. Сениора. [См. *К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 230—235.]

[2] «В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с v, с частью капитала, превращенной в рабочую силу, что, следовательно, $v + m = v + \Delta v$ (v плюс прирост v). Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством,

Однако прибавочная стоимость представляет собою приращение не только к той части авансированного капитала, которая входит в процесс возрастания стоимости, но и к той части, которая не входит в него; следовательно, — приращение стоимости не только к тому издержанному капиталу, который возмещается из вырученных издержек производства товара, но вообще ко всему капиталу, вложенному в производство. До процесса производства у нас была капитальная стоимость в 1680 ф. ст.: 1200 ф. ст. основного капитала, который вложен в средства труда и из которого только 20 ф. ст. в возмещение снашивания входят в стоимость товара, плюс 480 ф. ст. оборотного капитала в материалах производства и заработной плате. После процесса производства у нас имеется 1180 ф. ст. как составная часть стоимости производительного капитала плюс товарный капитал в 600 ф. ст. Если мы сложим эти две суммы стоимости, то окажется, что капиталист владеет теперь стоимостью в 1780 ф. ст. Если он вычтет из этого весь авансированный капитал в 1680 ф. ст., то у него остается приращение стоимости в 100 ф. ст. Итак, 100 ф. ст. прибавочной стоимости в такой же мере составляют приращение стоимости вложенного капитала в 1680 ф. ст., как и той его доли в 500 ф. ст., которая израсходована во время производства.

Теперь для капиталиста ясно, что это приращение стоимости вытекает из производительных процессов, предпринятых с капиталом, что, следовательно, оно вытекает из самого капитала, так как оно получается после процесса производства, а до этого процесса его не было. Что касается прежде всего капитала, израсходованного на производство, то кажется, будто прибавочная стоимость возникает одинаково из различных элементов его стоимости, израсходованных на средства производства и труд: ведь эти элементы одинаково участвуют в образовании издержек производства. Они в одинаковой мере присоединяют к стоимости продукта свои составляющие авансированный капитал стоимости и не различаются между собой как постоянная и переменная величины стоимости. Это становится очевидным, если мы на один момент представим себе, что весь израсходованный капитал состоит или исключительно из заработной платы или исключительно из стоимости средств производства. Тогда в первом случае мы имели бы вместо товарной стоимости $400_c + 100_v + 100_m$ товарную стоимость $500_v + 100_m$. Затраченный на заработную плату капитал в 500 ф. ст. представляет собою стоимость всего труда, употребленного на производство товарной стоимости в 600 ф. ст., и как раз поэтому образует издержки производства всего продукта. Но

что вследствие возрастания своей изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был = 500, теперь он = 590» (книга I, гл. VII, 1, стр. 175 [*К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 220]).

единственным известным нам процессом создания этой товарной стоимости является такое образование этих издержек производства, при котором стоимость израсходованного капитала снова служит в качестве составной части стоимости продукта. Как возникает та ее составная часть в 100 ф. ст., которая образует прибавочную стоимость, мы не знаем. То же самое было бы во втором случае, когда товарная стоимость была бы $= 500_c + 100_m$. В обоих случаях мы знаем, что прибавочная стоимость возникает из данной стоимости потому, что эта стоимость авансирована в форме производительного капитала, — безразлично, в форме ли труда или в форме средств производства. Но, с другой стороны, авансированная капитальная стоимость не может образовать прибавочной стоимости лишь по той причине, что она израсходована и потому образует издержки производства товара. Как раз в той мере, в какой она образует издержки производства товара, она образует не прибавочную стоимость, а лишь эквивалент, стоимость, возмещающую израсходованный капитал. Следовательно, поскольку она образует прибавочную стоимость, она образует ее не в своем специфическом свойстве израсходованного капитала, а вообще как авансированный и потому примененный капитал. Поэтому прибавочная стоимость в одинаковой мере ведет свое происхождение как от той части авансированного капитала, которая входит в издержки производства товара, так и от той части, которая не входит в издержки производства, словом, — одинаково от основной и оборотной составных частей примененного капитала. Весь капитал — как средства труда, так и материалы производства и труд — вещественно служит созидателем продукта. В действительный процесс труда вещественно входит весь капитал, хотя только некоторая часть его входит в процесс возрастания стоимости. Быть может, именно в этом лежит причина того, что он лишь частично участвует в образовании издержек производства, но целиком участвует в образовании прибавочной стоимости. Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость ведет свое происхождение одновременно от всех частей приложенного капитала. Рассуждения можно было бы значительно сократить, если грубо и просто сказать вслед за Мальтусом: «Капиталист *ждет* одинакового барыша от всех частей авансированного им капитала»[3].

Прибавочная стоимость, представленная таким образом как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращенную форму *прибыли*. Следовательно, известная сумма стоимости является капиталом потому, что она затрачена для того чтобы получить прибыль[4], или прибыль появляется потому,

[3] *Malthus:* «Principles of Political Economy», 2-е изд., London 1836, стр. 268.

[4] «Капитал это то, что расходуют с целью получить прибыль». *Malthus:* «Definitions in Political Economy». London 1827, стр. 86.

что известная сумма стоимости употребляется как капитал. Если прибыль мы обозначим посредством p, то формула $Ст. = c + v + m = k + m$ превращается в формулу $Ст. = k + p$, или *товарная стоимость = издержкам производства + прибыль.*

Следовательно, прибыль, как мы здесь имеем ее сначала перед собою, есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в мистифицированной форме, которая, однако, необходимо возникает из капиталистического способа производства. Так как в образовании издержек производства, как оно выступает на поверхности явлений, нельзя обнаружить никакого различия между постоянным и переменным капиталом, то источник изменения стоимости, совершающегося во время процесса производства, приходится перенести с переменной части капитала на весь капитал. Так как на одном полюсе цена рабочей силы выступает в превращенной форме заработной платы, то на противоположном полюсе прибавочная стоимость выступает в превращенной форме прибыли.

Как мы видели, издержки производства товара меньше, чем его стоимость. Так как $Ст. = k + m$, то $k = Ст. - m$. Формула $Ст. = k + m$ лишь при том условии сводится к $Ст. = k$, товарная стоимость = издержкам производства товара, если $m = 0$, — случай, который никогда не встречается на основе капиталистического производства, хотя при особых рыночных конъюнктурах продажная цена товаров может падать до или даже ниже издержек производства.

Поэтому если товар продается по его стоимости, то реализуется прибыль, равная избытку его стоимости над издержками его производства, следовательно равная всей прибавочной стоимости, заключающейся в товарной стоимости. Но капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его ниже его стоимости. До тех пор, пока продажная цена товара выше издержек его производства, хотя бы она и была ниже его стоимости, все время будет реализоваться часть заключающейся в нем прибавочной стоимости, следовательно во всяком случае будет получаться прибыль. В нашем примере товарная стоимость = 600 ф. ст., издержки производства = 500 ф. ст. Если товар продается за 510, 520, 530, 560, 590 ф. ст., то он продается ниже его стоимости соответственно на 90, 80, 70, 40, 10 ф. ст., и, однако, от его продажи выручается прибыль соответственно в 10, 20, 30, 60, 90 ф. ст. Между стоимостью товара и издержками его производства, очевидно, возможен неопределенный ряд продажных цен. Чем больше тот элемент товарной стоимости, который состоит из прибавочной стоимости, тем больше на практике область этих промежуточных цен.

Этим объясняются не только повседневные явления конкуренции, как, напр., известные случаи продажи по пониженным ценам

(underselling), ненормально низкий уровень товарных цен в определенных отраслях промышленности[5] и т. д. Основной закон капиталистической конкуренции, непонятый до сих пор политической экономией, закон, регулирующий общую норму прибыли и определяемые ею так называемые цены производства, основывается, как мы увидим позже, на этой разнице между стоимостью товара и его издержками производства и на вытекающей из нее возможности с прибылью продавать товар ниже его стоимости.

Низшая граница продажной цены товара дана издержками его производства. Если он продается ниже издержек его производства, то израсходованные составные части производительного капитала не могут быть вполне возмещены из продажной цены. Если этот процесс продолжается, то авансированная капитальная стоимость исчезает. Уже с этой точки зрения капиталист склонен считать издержки производства действительной *внутренней* стоимостью товара, потому что это — цена, необходимая для простого сохранения его капитала. Но к этому присоединяется еще то обстоятельство, что издержки производства товара суть та покупная цена, которою сам капиталист оплатил производство товара, следовательно покупная цена, определяемая самим процессом производства товара. Поэтому реализуемый при продаже товара избыток стоимости, или прибавочная стоимость, представляется капиталисту избытком продажной цены товара над его стоимостью, а не избытком его стоимости над издержками его производства, так что выходит, как будто прибавочная стоимость, заключающаяся в товаре, не реализуется посредством его продажи, а возникает из самой продажи. Мы уже ближе выяснили эту иллюзию в книге I, гл. IV, 2 («Противоречия всеобщей формулы капитала»), теперь же на один момент возвратимся к той форме, в которой ее вновь выдвинули Торренс и др., изображая ее шагом вперед, сделанным политической экономией по сравнению с Рикардо.

«Естественная цена, которая состоит из издержек производства или, другими словами, из затраты капитала на производство или фабрикацию товара, не может заключать в себе прибыли... Если фермер затрачивает на возделывание своих полей 100 квартеров зерна и получает за то 120 квартеров, то 20 квартеров, представляя избыток продукта над затратами, образуют его прибыль; но было бы абсурдно называть этот избыток, или прибыль, частью его затрат... Фабрикант затрачивает известное количество сырья, орудий и средств существования для труда и получает за это известное количество готового товара. Этот готовый товар должен иметь более высокую меновую стоимость, чем то сырье, те орудия и средства существования, посредством авансирования которых

---

[5] Ср. кн. I, гл. XVIII, стр. 511—512. [См. *К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 551.]

он приобретен». Поэтому, заключает Торренс, избыток продажной цены над издержками производства, или прибыль, ведет свое происхождение от того, что потребители «при помощи непосредственного или окольного (circuitous) обмена дают несколько большее количество всех составных частей капитала, чем стоит их производство»[6].

В самом деле, избыток над данной величиной не может образовать части этой величины, а потому и прибыль, избыток товарной стоимости над затратами капиталиста, не может образовать части этих затрат. Следовательно, если в образование стоимости товара не входит никакого иного элемента, кроме стоимости, авансированной капиталистом, то не понятно, каким образом из производства может выйти бо̀льшая стоимость, чем та, которая вошла в него, — получилось бы, что нечто возникает из ничего. Однако Торренс отделывается от этого созидания из ничего лишь таким способом, что переносит его из сферы производства товаров в сферу обращения товаров. Прибыль не может получиться из производства, говорит Торренс, потому, что иначе она уже содержалась бы в издержках производства, следовательно не было бы никакого избытка над этими издержками. Прибыль не может получиться из обмена товаров, отвечает ему Рамсей, если она уже не имелась в наличии до обмена товаров. Сумма стоимости обмениваемых продуктов, очевидно, не изменяется вследствие обмена продуктов, сумму стоимости которых она собой представляет. Она остается после обмена такой же, какой была до обмена. Здесь следует заметить, что Мальтус[7] прямо ссылается на авторитет Торренса, хотя сам он иначе объясняет продажу товаров выше их стоимости или, вернее, не объясняет этого, так как все аргументы этого рода по существу неизбежно сводятся к знаменитому в свое время отрицательному весу флогистона.

В обществе, где господствует капиталистическое производство, даже некапиталистическим производителем владеют капиталистические представления. В своем последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще замечательный по глубокому пониманию реальных отношений, метко изображает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких денежных затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом двух зайцев за раз. Он сберегает расходы на заработную плату и все больше и больше опутывает петлями ростовщической сети крестьянина, которого все быстрее разоряет, отвлекая его от работ на собственном поле.

---

[6] *R. Torrens:* «An Essay on the Production of Wealth». London 1826, стр. 51—53 и 349.

[7] *Malthus:* «Definitions in Political Economy». London 1853, стр. 70, 71.

Нелепое представление, будто издержки производства товара составляют его действительную стоимость, а прибавочная стоимость происходит из продажи товара выше его стоимости, что, следовательно, товары продаются по их стоимостям, если их продажная цена равна издержкам их производства, т. е. равна цене средств производства, потребленных на них, плюс заработная плата, — это нелепое представление Прудон с обычным для него шарлатанством, корчащим из себя научность, возгласил как новооткрытую тайну социализма. Это сведение стоимости товаров к издержкам их производства образует в действительности основу его народного банка. Раньше было показано, что различные составные части стоимости продукта можно представить в пропорциональных частях самого продукта. Если, напр. (книга I, гл. VII, 2, стр. 182 [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 226—227]), стоимость 20 ф. пряжи составляет 30 шилл. — именно, 24 шилл. средства производства, 3 шилл. рабочая сила и 3 шилл. прибавочная стоимость, — то эту прибавочную стоимость можно представить в виде $^1/_{10}$ продукта = 2 ф. пряжи. Если эти 20 ф. пряжи будут теперь проданы по их издержкам производства за 27 шилл., то покупатель получит 2 ф. пряжи даром, или товар будет продан на $^1/_{10}$ ниже своей стоимости; однако рабочий так же, как и раньше, доставил свой прибавочный труд только покупателю пряжи, а не капиталистическому производителю пряжи. Было бы совершенно ошибочно предполагать, что если бы все товары продавались по издержкам их производства, то результат фактически получился бы такой же, как если бы все товары продавались выше издержек их производства, но по их стоимостям: если даже предположить, что стоимость рабочей силы, продолжительность рабочего дня и степень эксплуатации труда повсюду одинаковы, то все же массы прибавочной стоимости, заключающиеся в стоимостях различных видов товара, в зависимости от различного органического строения капитала, авансированного на их производство, отнюдь не будут равны[8].

---

[8] «Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу» (книга I, гл. IX, стр. 270 [см. *К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 312]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НОРМА ПРИБЫЛИ.

Всеобщая формула капитала такова: *Д — Т — Д'*, т. е. известную сумму стоимости пускают в обращение для того чтобы извлечь из него бо̀льшую сумму стоимости. Процесс, порождающий эту бо̀льшую сумму стоимости, есть капиталистическое производство; процесс, реализующий ее, есть обращение капитала. Капиталист производит товар не ради самого товара, не ради его потребительной стоимости или своего личного потребления. Продукт, который в действительности интересует капиталиста, — это не сам осязаемый продукт, а избыток стоимости продукта над стоимостью потребленного на него капитала. Капиталист авансирует весь капитал, не обращая внимания на различные роли, которые составные части капитала играют в производстве прибавочной стоимости. Он одинаково авансирует все эти составные части с той целью, чтобы не только воспроизвести авансированный капитал, но и произвести известный избыток стоимости по сравнению с ним. Стоимость переменного капитала, авансируемого им, он может превратить в бо̀льшую стоимость лишь посредством обмена его на живой труд, посредством эксплуатации живого труда. Но он может эксплуатировать труд только в том случае, если он одновременно авансирует и условия для осуществления этого труда, — средства труда и предмет труда, машины и сырье, — т. е. если он ту сумму стоимости, которая имеется у него, превратит в форму условий производства; как и вообще он только потому является капиталистом, только потому вообще может взяться за процесс эксплуатации труда, что он как собственник условий труда противостоит рабочему как владельцу только рабочей силы. Уже раньше, в первой книге, было показано, что как раз то обстоятельство, что этими средствами производства владеют не-рабочие, превращает рабочих в наемных рабочих, не-рабочих — в капиталистов.

Для капиталиста безразлично, смотреть ли на дело таким образом, как будто он авансирует постоянный капитал для того, чтобы извлечь барыш из переменного, или же таким образом, как будто он авансирует переменный капитал для того, чтобы увеличить стоимость постоянного; таким ли образом, как будто он

затрачивает деньги на заработную плату для того, чтобы придать машинам и сырью более высокую стоимость, или же таким образом, как будто он авансирует деньги на машины и сырье для того, чтобы получить возможность эксплуатировать труд. Хотя прибавочную стоимость создает только переменная часть капитала, однако создает ее лишь при том условии, если авансированы и другие части — необходимые для труда условия производства. Так как капиталист может эксплуатировать труд лишь путем авансирования постоянного капитала, так как он может увеличить стоимость постоянного капитала лишь путем авансирования переменного, то в его представлении эти капиталы совпадают, и это тем более, что действительный уровень его дохода определяется отношением не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, не нормой прибавочной стоимости, а нормой прибыли, которая, как мы увидим, может оставаться одной и той же и тем не менее выражать различные нормы прибавочной стоимости.

К издержкам производства продукта относятся все составные части его стоимости, которые оплачены капиталистом или эквивалент которых он бросил в производство. Для того чтобы капитал просто сохранился или был воспроизведен в своих первоначальных размерах, эти издержки должны быть возмещены.

Стоимость, заключающаяся в товаре, равна тому рабочему времени, которого сто̀ит его производство, а сумма этого труда состоит из оплаченного и неоплаченного труда. Напротив, для капиталиста издержки производства товара состоят только из той части овеществленного в нем труда, которую он оплатил. Заключающийся в товаре прибавочный труд ничего не сто̀ит капиталисту, хотя рабочему он совершенно так же сто̀ит труда, как и оплаченный, хотя он совершенно так же, как оплаченный, создает стоимость и входит в товар как элемент, образующий стоимость. Прибыль капиталиста получается оттого, что он может продать нечто, чего он не оплатил. Прибавочная стоимость, resp. [соответств.] прибыль, состоит как раз из избытка товарной стоимости над издержками производства, т. е. из избытка всей суммы труда, заключающейся в товаре, над заключающейся в нем оплаченной суммой труда. Таким образом прибавочная стоимость, каково бы ни было ее происхождение, есть избыток над всем авансированным капиталом. Следовательно, этот избыток сто̀ит в таком отношении ко всему капиталу, которое выражается дробью $\frac{m}{K}$, где K означает весь капитал. Таким образом мы получаем *норму прибыли* $\frac{m}{K} = \frac{m}{c+v}$ в отличие от нормы прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$.

Отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу называется нормой прибавочной стоимости; отношение прибавоч-

ной стоимости ко всему капиталу называется нормой прибыли. Это — два различных измерения одной и той же величины, которые вследствие различия масштаба выражают в то же время различные пропорции или отношения одной и той же величины.

Превращение прибавочной стоимости в прибыль следует выводить из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, — не наоборот. И в самом деле, исходным пунктом исторически была норма прибыли. Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости представляют собою относительно нечто невидимое, некую сущность, подлежащую раскрытию путем исследования, между тем как норма прибыли, а потому и форма прибавочной стоимости, прибыль, обнаруживается на поверхности явлений.

Что касается отдельного капиталиста, то ясно: единственное, что его интересует, это — отношение прибавочной стоимости, или того избытка стоимости, с которым он продает свои товары, ко всему капиталу, авансированному на производство товара; между тем как определенное отношение этого избытка к особым составным частям капитала и его внутренняя связь с этими частями не только не интересуют капиталиста, но его интерес заключается как раз в том, чтобы окутать туманом это определенное отношение и эту внутреннюю связь.

Хотя избыток стоимости товара над издержками его производства возникает в непосредственном процессе производства, но реализуется он только в процессе обращения; и дело тем легче приобретает видимость, будто он возник из процесса обращения, что в действительности, среди конкуренции, на действительном рынке, от отношений рынка зависит, будет или не будет и в какой степени будет реализован этот избыток. Нет надобности распространяться о том, что если товар продается выше или ниже своей стоимости, то имеет место лишь иное распределение прибавочной стоимости и что это иное распределение, изменение отношения, в котором различные лица делят между собою прибавочную стоимость, ничего не изменяет ни в величине, ни в природе прибавочной стоимости. В действительном процессе обращения не только совершаются превращения, которые мы рассмотрели в книге II, но они совпадают с действительной конкуренцией, с куплей или продажей товаров выше или ниже их стоимости, так что для отдельного капиталиста реализуемая им самим прибавочная стоимость в такой же мере зависит от взаимного обмана, как и от непосредственной эксплуатации труда.

В процессе обращения наряду с рабочим временем вступает в действие время обращения, соответственно ограничивающее массу прибавочной стоимости, которую можно реализовать за известный промежуток времени. На непосредственный процесс производства оказывают определяющее влияние и другие моменты,

возникающие из обращения. И тот и другой — и непосредственный процесс производства и процесс обращения — постоянно переходят один в другой, проникают друг друга и таким образом постоянно представляют в ложном виде свои характерные разграничительные признаки. Производство прибавочной стоимости, как и стоимости вообще, приобретает в процессе обращения, как показано раньше, новые определения; капитал проходит круг своих превращений; наконец, из своей, так сказать, внутренней органической жизни он вступает в отношения внешней жизни, в отношения, где противостоят друг другу не капитал и труд, а, с одной стороны, капитал и капитал, с другой стороны, индивидуумы, опять-таки просто как покупатели и продавцы; время обращения и рабочее время перекрещиваются на своем пути, и таким образом кажется, будто и то и другое одинаково определяет прибавочную стоимость; та первоначальная форма, в которой противостоят друг другу капитал и наемный труд, замаскировывается вмешательством отношений, которые кажутся независимыми от нее; сама прибавочная стоимость представляется не продуктом присвоения рабочего времени, а избытком продажной цены товара над издержками его производства, благодаря чему эти последние легко могут показаться его действительной стоимостью (valeur intrinsèque), так что прибыль кажется избытком продажной цены товаров над их имманентной стоимостью.

Правда, в непосредственном процессе производства природа прибавочной стоимости постоянно доходит до сознания капиталиста, как это уже при рассмотрении прибавочной стоимости показала нам его алчность к чужому рабочему времени и т. д. Но: 1) сам непосредственный процесс производства есть лишь преходящий момент, который постоянно переходит в процесс обращения, как последний переходит в него, так что с большей или меньшей ясностью пробивающаяся в процессе производства догадка об источнике создаваемого в нем дохода, т. е. о природе прибавочной стоимости, является не более, как моментом, равносильным с представлением, будто реализуемый избыток происходит от такого движения, которое является независимым от процесса производства, возникает из самого обращения и принадлежит капиталу независимо от его отношения к труду. Недаром даже современные экономисты, как Рамсей, Мальтус, Сениор, Торренс и т. д., прямо ссылаются на эти явления обращения, как на доказательства того, будто капитал просто в своем вещном существовании, независимо от его общественного отношения к труду, которое только и делает его капиталом, является, наряду с трудом и независимо от труда, самостоятельным источником прибавочной стоимости. — 2) Под рубрикой издержек, к которой заработная плата относится совершенно так же, как цена сырья, снашивание машин и т. д., выжимание неоплаченного труда вы-

ступает лишь как сбережение на оплате одной из статей, входящих в издержки, лишь как понижение оплаты определенного количества труда: совершенно так же, как происходит сбережение, когда удается дешевле купить сырье или уменьшить снашивание машин. Таким образом выжимание прибавочного труда утрачивает свой специфический характер; его специфическое отношение к прибавочной стоимости затемняется; этому сильно способствует и облегчает это, как показано в книге I, отдел VI, то обстоятельство, что стоимость рабочей силы представлена в форме заработной платы.

Благодаря тому, что все части капитала одинаково кажутся источниками избыточной стоимости (прибыли), капиталистическое отношение мистифицируется.

Однако тот способ, которым прибавочная стоимость посредством перехода через норму прибыли превращается в форму прибыли, представляет собою только дальнейшее развитие того перепутывания субъекта и объекта, которое совершается уже в процессе производства. Уже там мы видели, как все субъективные производительные силы труда представляются производительными силами капитала. С одной стороны, стоимость, прошлый труд, господствующий над живым трудом, персонифицируется в капиталисте; с другой стороны, рабочий, напротив, выступает только как рабочая сила — как предмет, как товар. Из этого искаженного отношения необходимо возникает уже в самом простом производственном отношении соответствующее превратное представление, вызванное этим отношением сознание, которое, опираясь на превращение и модификации собственно процесса обращения, развивается дальше.

Как можно убедиться на примере школы Рикардо, попытка представить законы нормы прибыли непосредственно законами нормы прибавочной стоимости или наоборот является совершенно ошибочной. Конечно, в голове капиталиста между ними нет различия. В выражении $\frac{m}{K}$ прибавочная стоимость соизмеряется со стоимостью всего капитала, который авансирован на ее производство и частью потреблен в этом производстве целиком, частью же только применен к производству. Отношение $\frac{m}{K}$ фактически выражает степень возрастания стоимости всего авансированного капитала; т. е., будучи взято в соответствии со своей внутренней, отвечающей его содержанию, зависимостью и природой прибавочной стоимости, оно показывает, каково отношение той величины, на которую изменяется переменный капитал, к величине всего авансированного капитала.

Величина стоимости всего капитала сама по себе не стоит ни в каком внутреннем отношении к величине прибавочной

стоимости, по крайней мере не стоит непосредственно. По своим вещественным элементам весь капитал минус переменный капитал, — т. е. постоянный капитал, — состоит из вещественных условий осуществления труда — из средств труда и материала труда. Для того чтобы определенное количество труда реализовалось в товарах, а потому и образовало стоимость, требуется определенное количество материала труда и средств труда. В зависимости от особого характера присоединяемого труда существует определенное техническое отношение между массой труда и массой тех средств производства, к которым должен быть присоединен этот живой труд. Таким образом постольку существует определенное отношение и между массой прибавочной стоимости, или прибавочного труда, и массою средств производства. Если, напр., труд, необходимый для производства заработной платы, составляет 6 часов ежедневно, то рабочий, чтобы доставить 6 часов прибавочного труда, чтобы создать прибавочную стоимость в 100%, должен работать 12 часов. Он потребляет в эти 12 часов вдвое больше средств производства, чем в эти 6 часов. Но от этого прибавочная стоимость, присоединяемая им в 6 часов, еще не становится ни в какое непосредственное отношение к стоимости средств производства, потребленных в эти 6 или хотя бы в эти 12 часов. Эта стоимость не имеет здесь никакого значения; важно только, чтобы имелась технически необходимая масса. Дешевы ли, дороги ли сырье или средства труда, это совершенно безразлично, если только они обладают требуемой потребительной стоимостью и имеются в предписываемой техникой пропорции к тому живому труду, который подлежит поглощению. Если мне известно, что в один час перепрядается x фунтов хлопка, стòящих a шиллингов, то мне, конечно, известно также, что в 12 часов перепрядается $12\,x$ фунтов хлопка $= 12\,a$ шиллингов, и тогда я могу вычислить отношение прибавочной стоимости к стоимости этих 12-ти совершенно так же, как к стоимости этих 6-ти. Но при этом отношение живого труда *к стоимости* средств производства привходит лишь постольку, поскольку a шиллингов служат именем для x фунтов хлопка; так как определенное количество хлопка имеет определенную цену, то и обратно — определенная цена может служить показателем определенного количества хлопка, пока цена последнего не изменится. Если я знаю, что для того чтобы присвоить 6 часов прибавочного труда, я должен заставить работать 12 часов, следовательно должен иметь в готовности хлопка на 12 часов, и если я знаю цену этого количества хлопка, которое требуется на 12 часов, то косвенным путем устанавливается отношение между ценой хлопка (как показателем необходимого количества) и прибавочной стоимостью. Наоборот, от цены сырья я никогда не могу умозаключить к той массе сырья, для прядения которой потребуется только один, а не 6 часов. Следовательно, нет ника-

кого внутреннего, необходимого отношения между стоимостью постоянного капитала, а потому и между стоимостью всего капитала ($=c+v$), и прибавочной стоимостью.

Если норма прибавочной стоимости известна и величина ее дана, то норма прибыли выражает не что иное, как то, что она есть в действительности: иное измерение прибавочной стоимости, измерение ее стоимостью всего капитала, а не стоимостью той части капитала, из которой и при помощи обмена которой на труд она непосредственно возникает. Но в действительности (т. е. в мире явлений) дело обстоит наоборот. Прибавочная стоимость дана, но дана как избыток продажной цены товара над издержками его производства; причем остается тайной, откуда происходит этот избыток, — из эксплуатации ли труда в процессе производства, из надувательства ли покупателей в процессе обращения, или из того и другого. Дано, далее, отношение этого избытка к стоимости всего капитала, или норма прибыли. Исчисление этого избытка продажной цены над издержками производства в его отношении к стоимости всего авансированного капитала очень важно и естественно, так как благодаря этому действительно отыскивается то числовое отношение, в котором самовозрастает стоимость всего капитала, или отыскивается степень возрастания его стоимости. Следовательно, если исходить из этой нормы прибыли, то нет никакой возможности вывести отсюда специфическое отношение между избытком и той частью капитала, которая затрачена на заработную плату. В одной из позднейших глав мы увидим, какие забавные промахи делает Мальтус, когда он пытается, идя этим путем, проникнуть в тайну прибавочной стоимости и ее специфического отношения к переменной части капитала. На что указывает норма прибыли как таковая, так это, напротив, на то, что избыток стоит в одинаковом отношении к равновеликим частям капитала, который с этой точки зрения вообще не обнаруживает никаких внутренних различий, кроме различия между основным и оборотным капиталом. Да и это различие обнаруживается лишь потому, что избыток исчисляется двояким способом. Именно, во-первых, как простая величина: избыток над издержками производства. В этой первой форме избытка весь оборотный капитал входит в издержки производства, между тем как из основного капитала в них входит только снашивание. Далее, во-вторых: отношение этого избытка стоимости ко всей стоимости авансированного капитала. Здесь в исчисление входит стоимость всего основного капитала совершенно так же, как стоимость оборотного. Итак, оборотный капитал оба раза входит одинаковым способом, между тем как основной капитал в одном случае входит иным способом, а в другом — таким же способом, как оборотный капитал. Таким образом различие между оборотным и основным капиталом навязывается здесь как единственное различие.

Следовательно, избыток, если он, выражаясь языком Гегеля, обратно отражает себя от нормы прибыли в себе самом, или, говоря иначе, если избыток ближе характеризуется нормой прибыли, он выступает как избыток, который ежегодно или в определенный период обращения производится капиталом сверх его собственной стоимости.

Поэтому, хотя норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости, между тем как прибавочная стоимость и прибыль представляют в действительности одно и то же и равны также в числовом выражении, тем не менее прибыль есть превращенная форма прибавочной стоимости, форма, в которой ее происхождение и тайна ее наличного бытия [Dasein] затемнены и изглажены. В самом деле, прибыль есть форма проявления прибавочной стоимости, причем последнюю лишь посредством анализа удается вылупить из первой. В прибавочной стоимости отношение между капиталом и трудом обнажено; в отношении капитала и прибыли, — т. е. капитала и прибавочной стоимости, проявляющейся, с одной стороны, как реализованный в процессе обращения избыток над издержками производства товара, а с другой, как избыток, получающий более близкое определение при посредстве его отношения ко всему капиталу, — *капитал* выступает *как отношение к себе самому,* как отношение, в котором он как первоначальная сумма стоимости отличается от новой стоимости, созданной им же самим. Что он производит эту новую стоимость во время своего движения через процесс производства и процесс обращения — это имеется в сознании. Но каким образом это совершается, это теперь затемнено и, как кажется, происходит от принадлежащих самому капиталу сокровенных свойств.

Чем дальше прослеживаем мы процесс возрастания стоимости капитала, тем более мистифицируется капиталистическое отношение и тем менее раскрывается тайна его внутреннего организма.

В этом отделе норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости; напротив, прибыль и прибавочная стоимость рассматриваются как одна и та же числовая величина, только в различной форме. В следующем отделе мы увидим, как отчуждение идет дальше и как прибыль выражается величиной, которая и численно отлична от прибавочной стоимости.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОТНОШЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К НОРМЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.

Как сказано в конце предыдущей главы, мы предполагаем здесь, как и вообще во всем этом первом отделе, что сумма прибыли, приходящаяся на данный капитал, равна всей сумме прибавочной стоимости, произведенной посредством этого капитала в течение данного периода обращения. Следовательно, мы пока отвлекаемся от того, что эта прибавочная стоимость, с одной стороны, распадается на различные производные формы: процент на капитал, земельная рента, налоги и т. д., и что, с другой стороны, она в большинстве случаев не совпадает с прибылью в том виде, как прибыль эта присваивается в силу общей средней нормы прибыли, о чем речь будет во втором отделе.

Поскольку прибыль предполагается количественно равною прибавочной стоимости, ее величина и величина нормы прибыли определяются отношениями простых числовых величин, которые даны или могут быть определены для каждого отдельного случая. Таким образом исследование движется сначала в чисто математической области.

Мы сохраняем обозначения, применявшиеся в первой и второй книгах. Весь капитал K разделяется на постоянный капитал c и переменный капитал v и производит прибавочную стоимость m. Отношение этой прибавочной стоимости к авансированному переменному капиталу, следовательно $\frac{m}{v}$, мы называем нормой прибавочной стоимости и обозначаем ее посредством m'. Следовательно, $\frac{m}{v} = m'$ и потому $m = m'v$. Если эту прибавочную стоимость относить не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, то она называется прибылью (p), а отношение прибавочной стоимости m ко всему капиталу K, следовательно $\frac{m}{K}$, называется нормой прибыли p'. Мы получаем таким образом:

$$p' = \frac{m}{K} = \frac{m}{c+v};$$

если мы вместо m подставим его выше найденную величину $m'v$, то мы получим:

$$p' = m' \frac{v}{K} = m' \frac{v}{c+v},$$

каковое уравнение можно выразить также в пропорции:

$$p' : m' = v : K,$$

норма прибыли относится к норме прибавочной стоимости, как переменный капитал ко всему капиталу.

Из этой пропорции следует, что p', норма прибыли, всегда меньше m', нормы прибавочной стоимости, потому что v, переменный капитал, всегда меньше K, суммы $v + c$, переменного и постоянного капитала; это — за исключением единственного, практически невозможного случая, когда $v = K$, когда, следовательно, капиталист совсем не авансирует ни постоянного капитала, ни средств производства, а лишь заработную плату.

В нашем исследовании надо обратить внимание, между прочим, еще на ряд других факторов, которые определяющим образом воздействуют на величину c, v и m и потому заслуживают краткого упоминания.

Во-первых, *стоимость денег*. Ее мы можем принимать повсюду постоянной.

Во-вторых, *оборот*. Этот фактор мы оставим пока в стороне, потому что его влияние на норму прибыли исследуется в одной из последующих глав. {Здесь же мы, забегая вперед, упомянем только один пункт, именно, что формула $p' = m' \frac{v}{K}$ строго верна только для *одного* оборота переменного капитала, но что мы можем сделать ее правильной и для годового оборота, если вместо m', простой нормы прибавочной стоимости, поставим $m'n$, годовую норму прибавочной стоимости, причем n обозначает число оборотов переменного капитала в течение одного года (см. кн. II, гл. XVI, 1). — *Ф. Э.*}

В-третьих, следует принять во внимание *производительность труда*, влияние которой на норму прибавочной стоимости подробно исследовано в книге I, отдел IV. Но она может оказывать также и прямое влияние на норму прибыли, по крайней мере отдельного капитала, если, как показано в книге I, глава X, стр. 280—281 [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 323—324], этот отдельный капитал работает с большей производительностью, чем общественно средняя, доставляет продукты по стоимости более низкой, чем общественная средняя стоимость таких же товаров, и потому реализует добавочную прибыль. Но этот случай мы оставляем здесь в стороне, так как и в этом отделе мы все еще исходим из предположения, что товары производятся при общественно нормальных условиях и продаются по своим стоимостям.

Следовательно, в каждом отдельном случае мы исходим из предположения, что производительность труда остается постоянной. В самом деле, капитал, вложенный в известную отрасль промышленности, своим стоимостным строением, т. е. определенным отношением переменного к постоянному капиталу, всякий раз выражает определенную степень производительности труда. Следовательно, если это отношение изменяется не по такой причине, как простое изменение стоимости вещественных составных частей постоянного капитала или изменение заработной платы, то изменение должна претерпеть и производительность труда, и потому мы довольно часто будем иметь возможность наблюдать, что изменения, совершающиеся с факторами c, v и m, предполагают в то же время и изменения в производительности труда.

То же самое относится и к трем остальным факторам: *продолжительности рабочего дня, интенсивности труда и заработной плате*. Их влияние на массу и норму прибавочной стоимости подробно исследовано в первой книге. Итак, понятно, что, хотя ради упрощения мы всегда исходим из предположения, что эти три фактора остаются постоянными, тем не менее изменения, совершающиеся с v и m, могут предполагать изменения величины этих трех определяющих их моментов. Здесь следует лишь кратко напомнить, что заработная плата действует на величину прибавочной стоимости и высоту нормы прибавочной стоимости обратно тому, как действует продолжительность рабочего дня и интенсивность труда; что повышение заработной платы уменьшает прибавочную стоимость, между тем как удлинение рабочего дня и повышение интенсивности труда увеличивают ее.

Если мы предположим, что капитал, напр., в 100 с 20 рабочими при десятичасовом труде и общей заработной плате 20 в неделю производит прибавочную стоимость в 20, то мы получим:

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \quad p' = 20\%.$$

Пусть рабочий день без повышения заработной платы будет удлинен до 15 часов; благодаря этому вся вновь произведенная 20 рабочими стоимость повысится с 40 до 60 ($10:15 = 40:60$); так как v, уплаченная заработная плата, остается прежняя, то прибавочная стоимость с 20 повышается до 40, и мы получаем:

$$80_c + 20_v + 40_m; \quad m' = 200\%, \quad p' = 40\%.$$

Если, с другой стороны, при десятичасовом труде заработная плата с 20 упадет до 12, то мы будем иметь так же, как и вначале, всю вновь созданную стоимость в 40, но теперь она будет делиться по-иному: v понижается до 12 и потому дает для m остаток в 28. Следовательно, мы получаем:

$$80_c + 12_v + 28_m; \quad m' = 233^1/_3\%; \quad p' = \frac{28}{92} = 30^{10}/_{23}\%.$$

Итак, мы видим, что как удлинение рабочего дня (или соответственное повышение интенсивности труда), так и понижение заработной платы повышает массу, а потому и норму прибавочной стоимости; наоборот, повышение заработной платы при прочих равных условиях понизило бы норму прибавочной стоимости. То есть если v возрастает вследствие повышения заработной платы, то это служит выражением не увеличения, а только более дорогой оплаты известного количества труда; m' и p' не повышаются, а понижаются.

Уже здесь видно, что изменения в рабочем дне, интенсивности труда и заработной плате не могут наступить без одновременного изменения v и m и отношения между ними, а потому и p', отношения m к $c+v$, ко всему капиталу; и точно так же ясно, что изменения отношения m к v тоже предполагают изменения по меньшей мере в одном из только что упомянутых трех условий труда.

В этом обнаруживается как раз особое органическое отношение переменного капитала к движению всего капитала и возрастанию его стоимости, равно как и его отличие от постоянного капитала. Постоянный капитал, поскольку дело касается образования стоимости, важен лишь благодаря той стоимости, которой он обладает; причем для образования стоимости совершенно безразлично, представляет ли постоянный капитал в 1500 ф. ст. 1500 тонн железа, скажем, по 1 ф. ст., или 500 тонн железа по 3 ф. ст. Количество действительного вещества, в котором представлена стоимость постоянного капитала, совершенно безразлично для образования стоимости и для нормы прибыли, которая изменяется в обратном направлении с этой стоимостью, в каком бы отношении ни стояло увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала к той массе вещественных потребительных стоимостей, в которой он представлен.

Совершенно иначе обстоит дело с переменным капиталом. Здесь важна в первую очередь не та стоимость, которой он обладает, не тот труд, который овеществлен в нем, а эта стоимость как простой показатель всего труда, который приводится переменным капиталом в движение и который не выражен в переменном капитале; разница между всем этим трудом и трудом, выраженным в самом переменном капитале, а потому трудом оплаченным, или та часть этого труда, которая создает прибавочную стоимость, оказывается как раз тем больше, чем меньше труд, содержащийся в самом переменном капитале. Пусть рабочий день в 10 часов равен десяти шиллингам = десяти маркам. Если необходимый труд, возмещающий заработную плату, а следовательно переменный капитал, = 5 часам = 5 шилл., то прибавочный труд = = 5 часам и прибавочная стоимость = 5 шилл.; если необходимый труд = 4 часам = 4 шилл., то прибавочный труд = 6 часам и прибавочная стоимость = 6 шилл.

Итак, если величина стоимости переменного капитала перестает служить показателем массы труда, приводимой им в движение, и, напротив, изменяется даже мера этого показателя, то вместе с тем норма прибавочной стоимости претерпевает изменение в противоположном направлении и в обратном отношении.

Теперь мы переходим к тому, чтобы применить к различным возможным случаям приведенное выше уравнение, выражающее норму прибыли $p' = m' \frac{v}{K}$. Мы будем изменять значение одного за другим отдельных факторов $m' \frac{v}{K}$ и устанавливать влияние этих изменений на норму прибыли. Таким образом мы получим различные ряды случаев, в которых мы можем видеть или последовательные изменения условий действия одного и того же капитала или же различные одновременно существующие один возле другого капиталы, привлекаемые к сравнению, напр. капиталы в различных отраслях промышленности или в различных странах. Поэтому, если понимание некоторых из наших примеров, как примеров последовательных во времени состояний одного и того же капитала, покажется натянутым или практически невозможным, то это возражение отпадет, если мы посмотрим на них как на сравнение независимых капиталов.

Итак, мы выделяем в произведении $m' \frac{v}{K}$ оба его множителя, m' и $\frac{v}{K}$; сначала мы возьмем m' как постоянную величину и исследуем влияние возможных изменений $\frac{v}{K}$; потом мы предположим, что дробь $\frac{v}{K}$ есть постоянная величина, и заставим m' проделать возможные изменения; наконец, мы предположим, что все факторы изменяются, и этим исчерпаем все случаи, из которых могут быть выведены законы, касающиеся нормы прибыли.

I. m' не изменяется, $\frac{v}{K}$ изменяется.

Для этого случая, охватывающего несколько частных случаев, можно составить общую формулу. Если мы имеем два капитала: K и K_1, с соответственными переменными составными частями v и v_1, с общей для обоих нормой прибавочной стоимости m' и нормами прибыли p' и p'_1, то

$$p' = m' \frac{v}{K}\ ;\quad p'_1 = m' \frac{v_1}{K_1}\,.$$

Если мы теперь определим отношение K и K_1, а также v и v_1, предположим, напр., что значение дроби $\frac{K_1}{K} = E$, а дроби $\frac{v_1}{v} = e$,

то $K_1 = EK$ и $v_1 = ev$. Теперь, подставив в прежнее уравнение полученные таким образом величины для p'_1, K_1 и v_1, мы получим:

$$p'_1 = m' \frac{ev}{EK}.$$

Но из прежних двух уравнений мы можем вывести и еще одну формулу, превратив их в следующую пропорцию:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m' \frac{v_1}{K_1} = \frac{v}{K} : \frac{v_1}{K_1}.$$

Так как величина дроби не изменится, если числитель и знаменатель помножить на одно и то же число, то мы можем $\frac{v}{K}$ и $\frac{v_1}{K_1}$ свести к процентным числам, т. е. предположить, что и K и $K_1 = 100$. Тогда у нас будет $\frac{v}{K} = \frac{v}{100}$ и $\frac{v_1}{K_1} = \frac{v_1}{100}$, и мы можем в приведенной пропорции отбросить знаменатели; мы получаем:

$$p' : p'_1 = v : v_1; \text{ или:}$$

при двух произвольно взятых капиталах, функционирующих с равной нормой прибавочной стоимости, нормы прибыли относятся друг к другу, как переменные части капитала, взятые в процентном отношении к соответствующим целым капиталам.

Эти две формулы охватывают все случаи изменений $\frac{v}{K}$.

Прежде чем исследовать эти случаи в отдельности, еще одно замечание. Так как K представляет сумму c и v, постоянного и переменного капитала, и так как норма прибавочной стоимости, подобно норме прибыли, обыкновенно выражается в процентах, то вообще удобно предполагать сумму $c + v$ тоже равною сотне, т. е. выражать c и v в процентах. Для определения, правда, не массы, а нормы прибыли, безразлично, скажем ли мы: капитал в 15 000, из них 12 000 постоянный и 3 000 переменный капитал, производит прибавочную стоимость в 3 000; или же сведем этот капитал к процентам:

$$15\,000\,K = 12\,000_c + 3\,000_v\ (+ 3\,000_m)$$
$$100\,K = 80_c + 20_v\ (+ 20_m).$$

В обоих случаях норма прибавочной стоимости $m' = 100\%$, норма прибыли $= 20\%$.

То же самое, когда мы сравниваем друг с другом два капитала, напр. с предыдущим другой капитал:

$$12\,000\,K = 10\,800_c + 1\,200_v\ (+ 1\,200_m)$$
$$100\,K = 90_c + 10_v\ (+ 10_m),$$

где в обоих случаях $m' = 100\%$, $p' = 10\%$ и где сравнение с предыдущим капиталом оказывается много нагляднее в процентной форме.

Напротив, если дело касается изменений, совершающихся с одним и тем же капиталом, то лишь изредка можно воспользоваться процентной формой, потому что она почти всегда стирает эти изменения. Если от процентной формы:

$$80_c + 20_v + 20_m$$

капитал переходит к процентной форме:

$$90_c + 10_v + 10_m,$$

то не видно, возникло ли изменившееся процентное строение $90_c + 10_v$ вследствие абсолютного уменьшения v, или вследствие абсолютного увеличения c, или же вследствие того и другого. Для этого мы должны располагать абсолютными числовыми величинами. Но при изучении последующих отдельных случаев изменений все сводится к тому, каким образом произошли эти изменения: превратились ли $80_c + 20_v$ в $90_c + 10_v$ таким способом, что, напр., $12\,000_c + 3\,000_v$ вследствие увеличения постоянного капитала при неизменившемся переменном капитале превратились в $27\,000_c + 3\,000_v$ (в процентах $90_c + 10_v$), или же они приняли эту форму вследствие уменьшения переменного капитала при неизменившемся постоянном капитале, т. е. вследствие перехода в $12\,000_c + 1\,333^1/_{3v}$ (в процентах тоже $90_c + 10_v$), или, наконец, вследствие изменения обоих слагаемых, напр., $13\,500_c + 1\,500_v$ (в процентах опять $90_c + 10_v$). Мы должны последовательно рассмотреть как раз все эти случаи, и потому нам приходится отказаться от удобств процентной формы или прибегать к ней лишь во вторую очередь.

1) *m' и K не изменяются, v изменяется.*

Если v изменяет свою величину, K может остаться неизменным лишь вследствие того, что другая составная часть K, именно постоянный капитал c, изменяет свою величину на такую же сумму, как v, но в противоположном направлении. Если K первоначально $= 80_c + 20_v = 100$, а потом v уменьшается до 10, то K может остаться $= 100$ лишь при том условии, если c повышается до 90; $90_c + 10_v = 100$. Вообще говоря, если v превращается в $v \pm d$, в v, увеличенное или уменьшенное на d, то, чтобы были удовлетворены условия рассматриваемого случая, c должно превратиться в $c \mp d$, должно измениться на такую же сумму, но в противоположном направлении.

Точно так же при неизменности нормы прибавочной стоимости m', но при изменении переменного капитала v масса

прибавочной стоимости m должна измениться, так как $m = m'v$, а в $m'v$ один множитель, именно v, изменил свою величину.

Предположения нашего случая, кроме первоначального уравнения:

$$p' = m' \frac{v}{K},$$

посредством изменения v дают второе уравнение:

$$p'_1 = m' \frac{v_1}{K},$$

в котором v перешло в v_1, а p'_1, получившаяся вследствие этого изменившаяся норма прибыли, должна быть найдена.

Она определяется посредством соответствующей пропорции:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m' \frac{v_1}{K} = v : v_1.$$

Или: при неизменности нормы прибавочной стоимости и неизменности всего капитала, первоначальная норма прибыли относится к норме прибыли, возникшей вследствие изменения переменного капитала, как первоначальный переменный капитал относится к измененному.

Если капитал был первоначально, как выше:

I. $15\,000\,K = 12\,000_c + 3\,000_v\ (+\,3\,000_m)$, а теперь он:

II. $15\,000\,K = 13\,000_c + 2\,000_v\ (+\,2\,000_m)$, то в обоих случаях $K = 15\,000$ и $m' = 100\%$, а норма прибыли I, 20%, относится к норме прибыли II, $13^1/_3\%$, как переменный капитал I, 3 000, к переменному капиталу II, 2 000, следовательно $20\% : 13^1/_3\% = 3\,000 : 2\,000$.

Переменный капитал может или повыситься или понизиться. Возьмем сначала пример, когда он повышается. Пусть капитал будет первоначально составлен и функционирует следующим образом:

I. $100_c + 20_v + 10_m$; $K = 120$, $m' = 50\%$, $p' = 8^1/_3\%$.

Пусть теперь переменный капитал повысится до 30; тогда, согласно предположению, чтобы весь капитал остался попрежнему $= 120$, постоянный капитал должен понизиться со 100 до 90. Произведенная прибавочная стоимость, при той же норме прибавочной стоимости в 50%, должна повыситься до 15. Следовательно, мы получаем:

II. $90_c + 30_v + 15_m$; $K = 120$, $m' = 50\%$, $p' = 12^1/_2\%$.

Будем сначала исходить из предположения, что заработная плата не изменилась. Тогда другие факторы нормы прибавочной

стоимости — рабочий день и интенсивность труда — тоже должны остаться неизменными. Следовательно, увеличение *v* (с 20 до 30) может иметь только тот смысл, что рабочих применяется больше наполовину. В таком случае и вся вновь произведенная ими стоимость тоже повышается наполовину, с 30 до 45, и распределяется, как и раньше, в размере $^2/_3$ на заработную плату и $^1/_3$ на прибавочную стоимость. Но одновременно с увеличением числа рабочих понизился постоянный капитал, стоимость средств производства, со 100 до 90. Следовательно, мы имеем перед собой случай уменьшающейся производительности труда, связанный с одновременным уменьшением постоянного капитала; возможен ли экономически этот случай?

В земледелии и добывающей промышленности, где было бы легко понять уменьшение производительности труда, а потому и увеличение числа занятых рабочих, этот процесс — в рамках капиталистического производства и на его базисе — связан не с уменьшением, а с увеличением постоянного капитала. Если бы даже упомянутое уменьшение *c* было обусловлено простым понижением цены, отдельный капитал лишь при совершенно исключительных обстоятельствах мог бы совершить переход от I ко II. Но по отношению к двум независимым капиталам, которые вложены в различных странах или в различные отрасли земледелия или добывающей промышленности, не было бы ничего удивительного в том, если бы в одном случае применялось больше рабочих (откуда и больший переменный капитал), которые работают с менее ценными или более скудными средствами производства, чем в другом случае.

Если же мы отбросим предположение, что заработная плата остается неизменной, и объясним повышение переменного капитала с 20 до 30 тем обстоятельством, что заработная плата увеличилась наполовину, то перед нами будет совершенно иной случай. То же самое число рабочих — скажем, 20 рабочих — и впредь работает с тем же самым или незначительно уменьшившимся количеством средств производства. Если рабочий день остается неизменным, напр. 10 часов, то вся вновь произведенная стоимость тоже остается неизменной: теперь, как и раньше, она $= 30$. Но эти 30 будут целиком употреблены на то, чтобы возместить авансированный переменный капитал в 30; прибавочная стоимость исчезла бы. Но у нас было предположено, что норма прибавочной стоимости не изменяется, т. е., как и в I, остается $= 50\%$. Это возможно лишь при том условии, если рабочий день будет увеличен наполовину, до 15 часов. Тогда 20 рабочих в 15 часов произвели бы общую стоимость в 45, и все условия были бы соблюдены:

$$\text{II. } 90_c + 30_v + 15_m; \quad K = 120, \; m' = 50\%, \; p' = 12^1/_2\%.$$

В этом случае эти 20 рабочих не потребуют средств труда, орудий, машин и т. д. более, чем в случае I; придется увеличить наполовину только количество сырого материала или вспомогательных материалов. Следовательно, при понижении цен на эти материалы переход от I ко II, согласно нашим предположениям, был бы экономически весьма вероятен даже для отдельного капитала. И капиталист за свою потерю, от которой он мог бы пострадать вследствие понижения стоимости его постоянного капитала, был бы по меньшей мере отчасти вознагражден повышением прибыли.

Предположим теперь, что переменный капитал не увеличивается, а уменьшается. В таком случае нам стоит только перевернуть наш прежний пример, взять II как первоначальный капитал и от II перейти к I.

II. $90_c + 30_v + 15_m$ превращается тогда в:

I. $100_c + 20_v + 10_m$, и ясно, что вследствие такой перестановки ничего не изменяется в условиях, регулирующих соответственные нормы прибыли и их взаимное отношение.

Если v с 30 понизится до 20 потому, что при возрастании постоянного капитала будет занято рабочих меньше на $^1/_3$, то перед нами будет здесь нормальный случай современной промышленности: повышающаяся производительность труда, подчинение бо́льших масс средств производства при посредстве меньшего числа рабочих. Что такое движение необходимо связано с одновременно наступающим понижением нормы прибыли, это обнаружится в третьем отделе этой книги.

Но если v с 30 понижается до 20 потому, что занято прежнее число рабочих, но по более низкой заработной плате, то при неизменности рабочего дня вся вновь произведенная стоимость осталась бы, как и раньше, $= 30_v + 15_m = 45$; так как v понизилось до 20, то прибавочная стоимость повысилась бы до 25, норма прибавочной стоимости — с 50% до 125%, что противоречило бы нашему предположению. Чтобы сохранились условия нашего случая, прибавочная стоимость, при норме в 50%, должна, напротив, понизиться до 10, следовательно вся вновь произведенная стоимость — с 45 до 30, а это возможно лишь при сокращении рабочего дня на $^1/_3$. Тогда мы получаем, как раньше:

$$100_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \; p' = 8^1/_3\%.$$

Конечно, нет надобности упоминать о том, что такого сокращения рабочего времени при понижении заработной платы на практике не было бы. Впрочем, это пока безразлично. Норма прибыли является функцией нескольких переменных, и, если мы желаем узнать, как влияют эти переменные на норму прибыли, мы должны по порядку исследовать обособленное влияние каждой из них, —

безразлично, мыслимо ли экономически такое изолированное влияние по отношению к одному и тому же капиталу или же нет.

2) *m' не изменяется, v изменяется, К изменяется вследствие изменения v.*

Этот случай отличается от предыдущего только по степени. Вместо того чтобы *c* уменьшалось или увеличивалось настолько, насколько увеличивается или уменьшается *v*, *c* остается здесь неизменным. Но при современных условиях крупной промышленности и сельского хозяйства переменный капитал представляет собою относительно лишь небольшую часть всего капитала, и потому уменьшение или возрастание последнего, поскольку оно определяется изменением первого, тоже относительно невелико. Если бы мы опять исходили из капитала:

I. $100_c + 20_v + 10_m$; $K = 120$, $m' = 50\%$, $p' = 8^1/_3\%$,

то он превратился бы, напр., в:

II. $100_c + 30_v + 15_m$; $K = 130$, $m' = 50\%$, $p' = 11^7/_{13}\%$.

Противоположный случай уменьшения переменного капитала опять-таки иллюстрировался бы обратным переходом от II к I.

Экономические условия в существенном были бы такие же, как в предыдущем случае, поэтому они не требуют повторного изложения. Переход от I ко II предполагает уменьшение производительности труда наполовину; чтобы управиться с 100_c, во II требуется наполовину больше труда, чем в I. Этот случай может встретиться в земледелии[9].

Но в то время, как в прошлом случае весь капитал оставался неизменным, потому что постоянный капитал превращался в переменный или наоборот, здесь, при увеличении переменной части, происходит связывание дополнительного капитала; при уменьшении переменной части, — высвобождение капитала, прилагавшегося до того времени.

3) *m' и v не изменяются, c, а потому и К изменяются.*

В этом случае уравнение:

$$p' = m' \frac{v}{K} \text{ изменяется в: } p'_1 = m' \frac{v}{K_1}$$

и посредством зачеркивания множителей, находящихся на обеих сторонах, приводит к пропорции:

$$p'_1 : p' = K : K_1;$$

---

[9] Здесь в рукописи стоит: «Исследовать позже, в какой связи стоит этот случай с земельной рентой».

при равенстве норм прибавочной стоимости и равенстве переменных частей капитала нормы прибыли стоят в обратном отношении к величине капиталов, взятых в целом.

Если перед нами, напр., три капитала или три различных состояния одного и того же капитала:

I. $80_c + 20_v + 20_m$; $K = 100$, $m' = 100\%$, $p' = 20\%$;
II. $100_c + 20_v + 20_m$; $K = 120$, $m' = 100\%$, $p' = 16^2/_3\%$;
III. $60_c + 20_v + 20_m$; $K = 80$, $m' = 100\%$, $p' = 25\%$, то получаются такие отношения:

$$20\% : 16^2/_3\% = 120 : 100 \quad \text{и} \quad 20\% : 25\% = 80 : 100.$$

Ранее данная общая формула изменений $\frac{v}{K}$ при неизменяющемся m' была такова:

$$p'_1 = m' \frac{ev}{EK}; \text{ теперь же она превращается в: } p'_1 = m' \frac{v}{EK},$$

так как v не претерпевает изменений, и потому множитель $e = \frac{v_1}{v}$ становится здесь $= 1$.

Так как $m'v = m$, массе прибавочной стоимости, и так как m' и v остаются неизменными, то и m не затрагивается изменением K; масса прибавочной стоимости остается такой же, как была перед этим изменением.

Если бы c упало до нуля, то p' было бы $= m'$, норма прибыли была бы равна норме прибавочной стоимости.

Изменение c может возникнуть или вследствие простого изменения стоимости вещественных элементов постоянного капитала или вследствие изменения технического строения всего капитала, т. е. вследствие изменения производительности труда в соответственной отрасли производства. В последнем случае повышение производительности общественного труда, совершающееся с развитием крупной промышленности и сельского хозяйства, приводило бы к тому, что переход происходил бы (в только что приведенном примере) в последовательности от III к I и от I ко II. То количество труда, которое оплачивается 20-ю и производит стоимость в 40, справлялось бы сначала с массою средств труда стоимостью в 60; при повышении производительности и неизменяющейся стоимости масса уже применяемых средств труда возросла бы сначала до 80, потом до 100. Обратная последовательность обусловила бы уменьшение производительности; то же самое количество труда было бы в состоянии привести в движение меньше средств производства, производство сократилось бы, как это может случиться в земледелии, горном деле и т. д.

Сбережение на постоянном капитале, с одной стороны, повышает норму прибыли, а с другой — высвобождает капитал, следо-

вательно важно для капиталистов. Позже мы ближе исследуем этот пункт, а также влияние изменения цены элементов постоянного капитала, особенно сырья.

И здесь снова оказывается, что изменение постоянного капитала одинаково действует на норму прибыли, вызвано ли это изменение увеличением или уменьшением вещественных составных частей *c* или же простым изменением их стоимости.

4) *m' не изменяется, v, c и K все меняются.*

В этом случае остается в силе прежняя общая формула измененной нормы прибыли:

$$p_1' = m' \frac{ev}{EK}.$$

Из нее следует, что при неизменной норме прибавочной стоимости:

a) Норма прибыли падает, если E больше, чем e, т. е. если постоянный капитал увеличивается таким образом, что весь капитал возрастает относительно быстрее, чем переменный капитал. Если капитал от $80_c + 20_v + 20_m$ переходит к строению $170_c + 30_v + 30_m$, то m' остается $= 100\%$, но $\frac{v}{K}$ падает с $\frac{20}{100}$ до $\frac{30}{200}$, несмотря на то, что увеличились как v, так и K, и норма прибыли соответственно падает с 20% до 15%.

b) Норма прибыли остается неизменной только в том случае, если $e = E$, т. е. если дробь $\frac{v}{K}$ при кажущемся изменении сохраняет прежнюю величину, т. е. если числитель и знаменатель будут помножены или разделены на одно и то же число. $80_c + 20_v + 20_m$ и $160_c + 40_v + 40_m$, очевидно, имеют одну и ту же норму прибыли в 20%, потому что m' остается $= 100\%$, а $\frac{v}{K} = \frac{20}{100} = \frac{40}{200}$ в обоих примерах имеет одно и то же значение.

c) Норма прибыли повышается, если e больше, чем E, т. е. если переменный капитал возрастает относительно быстрее, чем весь капитал. Если $80_c + 20_v + 20_m$ превращается в $120_c + 40_v + 40_m$, то норма прибыли повышается с 20% до 25%, потому что m' не изменилось, а $\frac{v}{K} = \frac{20}{100}$ увеличилось до $\frac{40}{160}$, с $1/5$ до $1/4$.

При изменении v и K в одном направлении мы могли бы представить это изменение величин таким образом, как будто обе до известной границы изменяются в одном и том же отношении, так что до этой границы $\frac{v}{K}$ остается неизменным. За этой границей стала бы изменяться лишь одна из двух величин, и мы таким образом сведем этот более сложный случай к одному из предыдущих, более простых.

Если, напр., $80_c + 20_v + 20_m$ переходит в $100_c + 30_v + 30_m$, то в процессе этого изменения отношение *v* к *c*, а потому и к *K*, будет оставаться неизменным вплоть до тех пор, пока не будет достигнуто $100_c + 25_v + 25_m$. Следовательно, до этих пор и норма прибыли остается не затронутой изменением. Таким образом в качестве исходного пункта мы можем принять теперь $100_c + 25_v + 25_m$; мы находим, что *v* увеличилось на 5, до 30_v, а благодаря этому *K* увеличивается со 125 до 130, и, следовательно, получаем второй случай — случай простого изменения *v* и вызванного этим изменения *K*. Норма прибыли, которая первоначально была 20%, вследствие этого присоединения 5_v при прежней норме прибавочной стоимости повышается до $23^1/_{13}$%.

Такое же сведение к более простому случаю могло бы иметь место, если бы даже *v* и *K* изменяли свою величину в противоположном направлении. Если бы мы опять исходили, напр., из $80_c + 20_v + 20_m$ и постарались бы перейти к форме $110_c + 10_v + 10_m$, то при изменении до $40_c + 10_v + 10_m$ норма прибыли осталась бы прежняя, именно 20%. Вследствие присоединения к этой промежуточной форме 70_c норма прибыли упадет до $8^1/_3$%. Следовательно, мы свели этот случай опять-таки к случаю изменения одной единственной переменной, именно *c*.

Таким образом одновременное изменение *v*, *c* и *K* не дает никаких новых точек зрения и в последнем счете всегда приводит к случаю, когда изменяется только один фактор.

Даже единственный еще остающийся случай фактически уже исчерпан, именно тот случай, когда *v* и *K* численно сохраняют прежнюю величину, но их вещественные элементы претерпевают изменения стоимости, когда, следовательно, *v* означает изменившееся количество приводимого в движение труда, *c* — изменившееся количество приводимых в движение средств производства.

20_v в выражении $80_c + 20_v + 20_m$ первоначально представляли заработную плату 20 рабочих по 10 рабочих часов в день. Пусть заработная плата каждого повысится с 1 до $1^1/_4$. Тогда 20_v оплачивают не 20, а только 16 рабочих. Но если эти 20 в 200 рабочих часов производили стоимость в 40, то эти 16 при 10 часах в день, следовательно в общей сложности в 160 рабочих часов, произведут стоимость только в 32. По вычете 20_v на заработную плату от 32 останется тогда всего 12 на прибавочную стоимость; норма прибавочной стоимости понизилась бы со 100% до 60%. Но так как, согласно предположению, норма прибавочной стоимости должна остаться неизменной, то рабочий день должен быть удлинен на $^1/_4$, с 10 до $12^1/_2$ часов; если 20 рабочих при 10 часах в день, = 200 рабочим часам, производят стоимость в 40, то 16 рабочих при $12^1/_2$ часах в день, = 200, произведут такую же стоимость, и капитал $80_c + 20_v$ произвел бы, как и раньше, прибавочную стоимость в 20.

Наоборот: если заработная плата понижается таким образом, что 20_v составляют заработную плату 30 рабочих, то m' может остаться неизменным лишь при том условии, если рабочий день будет сокращен с 10 до $6^2/_3$ часов. $10 \times 20 = 6^2/_3 \times 30 = 200$ рабочим часам.

Насколько при таких противоположных предположениях выражение стоимости c в деньгах может остаться неизменным, хотя оно представляет количество средств производства, изменившееся соответственно изменившимся отношениям, это в существенном уже рассмотрено выше. В своем чистом виде этот случай возможен лишь как совершенно исключительный.

Что касается такого изменения стоимости элементов c, которое увеличивает или уменьшает их массу, но оставляет неизменной сумму стоимости c, то, пока оно не влечет за собою изменения величины v, оно не затрагивает ни нормы прибыли, ни нормы прибавочной стоимости.

Таким образом мы исчерпали все возможные случаи изменения v, c и K в нашем уравнении. Мы видели, что при неизменяющейся норме прибавочной стоимости норма прибыли может понижаться, оставаться неизменной или возрастать, так как самого незначительного изменения в отношении v к c, resp. [соответств.] к K, достаточно для того чтобы изменить и норму прибыли.

Далее, оказалось, что при изменении v всегда достигается граница, когда неизменяемость m' становится экономически невозможной. Так как всякое одностороннее изменение c тоже должно дойти до границы, когда v не может более оставаться неизменным, то оказывается, что для всех возможных изменений $\frac{v}{K}$ существуют границы, за которыми m' тоже должно сделаться изменяющимся. Это взаимодействие различных переменных нашего уравнения еще яснее выступит при исследовании изменений m', к чему мы теперь и переходим.

II. m' изменяется.

Общая формула норм прибыли при различных нормах прибавочной стоимости — безразлично, остается ли $\frac{v}{K}$ неизменным или, в свою очередь, изменяется, — получится у нас, если уравнение:

$$p' = m' \frac{v}{K},$$

мы превратим в другое:

$$p'_1 = m'_1 \frac{v_1}{K_1},$$

где p'_1, m'_1, v_1 и K_1 означают изменившиеся величины p', m', v и K. Мы тогда получаем:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m'_1 \frac{v_1}{K_1},$$

а отсюда:

$$p'_1 = \frac{m'_1}{m'} \times \frac{v_1}{v} \times \frac{K}{K_1} \times p'.$$

1) *m' изменяется, $\frac{v}{K}$ не изменяется.*

В этом случае мы получаем уравнения:

$$p' = m' \frac{v}{K}; \quad p'_1 = m'_1 \frac{v}{K},$$

в которых $\frac{v}{K}$ имеет равную величину. Поэтому получается такое отношение:

$$p' : p'_1 = m' : m'_1.$$

Нормы прибыли двух капиталов одинакового строения относятся друг к другу как соответственные нормы прибавочной стоимости. Так как в дроби $\frac{v}{K}$ важны не абсолютные величины v и K, а лишь отношение между ними, то это относится ко всем капиталам одинакового строения, какова бы ни была их абсолютная величина.

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad K = 100, \ m' = 100\%, \ p' = 20\%$$
$$160_c + 40_v + 20_m; \quad K = 200, \ m' = 50\%, \ p' = 10\%$$
$$100\% : 50\% = 20\% : 10\%.$$

Если абсолютные величины v и K в обоих случаях одинаковы, то нормы прибыли относятся друг к другу, кроме того, как массы прибавочной стоимости:

$$p' : p'_1 = m'v : m'_1v = m : m_1.$$

Например:

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \ p' = 20\%$$
$$80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \ p' = 10\%$$
$$20\% : 10\% = 100 \times 20 : 50 \times 20 = 20_m : 10_m.$$

Теперь ясно, что при капиталах одинакового строения — одинакового абсолютно или в процентных числах — нормы прибавочной стоимости могут быть различны лишь при том условии, если раз-

личны или заработная плата, или продолжительность рабочего дня, или интенсивность труда. В трех случаях:

$$\begin{aligned} &\text{I. } 80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%,\ p' = 10\% \\ &\text{II. } 80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%,\ p' = 20\% \\ &\text{III. } 80_c + 20_v + 40_m; \quad m' = 200\%,\ p' = 40\% \end{aligned}$$

вся вновь произведенная стоимость составляет в I — 30 ($20_v + 10_m$), во II — 40, в III — 60. Это могло произойти трояким способом.

Во-первых, если заработная плата различна, следовательно если 20_v в каждом отдельном случае служат выражением неодинакового числа рабочих. Предположим, что в I заняты 15 рабочих 10 часов при заработной плате в $1^1/_3$ ф. ст. и что они производят стоимость в 30 ф. ст., из которых 20 ф. ст. возмещают заработную плату, а 10 ф. ст. остаются на прибавочную стоимость. Если заработная плата понижается до 1 ф. ст., то может быть занято в течение 10 часов 20 рабочих; тогда они производят стоимость в 40 ф. ст., в том числе 20 ф. ст. на заработную плату и 20 ф. ст. на прибавочную стоимость. Если заработная плата понижается еще больше, до $^2/_3$ ф. ст., то может быть занято 30 рабочих по 10 часов; они производят стоимость в 60 ф. ст., из которых по вычете 20 ф. ст. на заработную плату останется еще 40 ф. ст. на прибавочную стоимость.

Этот случай: неизменное в процентном отношении строение капитала, неизменяющийся рабочий день, неизменяющаяся интенсивность труда, изменение нормы прибавочной стоимости, вызванное изменением заработной платы, представляет единственный случай, когда оправдывается положение Рикардо: «Прибыль будет высока или низка *в точном соответствии с тем,* низка или высока будет заработная плата» («Principles of Political Economy etc.», гл. I, отд. III, стр. 18. Works of D. Ricardo, изд. Mac Culloch 1852. [Ср. Рикардо: «Начала политической экономии и податного обложения». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 16.]).

Или, *во-вторых,* если интенсивность труда различна. Тогда, напр., 20 рабочих при одинаковых средствах труда при 10 рабочих часах в день производят за день в I — 30, во II — 40, в III — 60 штук определенного товара, каждая штука которого, кроме стоимости потребленных на нее средств производства, представляет новую стоимость в 1 ф. ст. Так как в каждом случае 20 штук = 20 ф. ст. возмещают заработную плату, то на прибавочную стоимость остаются в I — 10 штук = 10 ф. ст., во II — 20 штук = 20 ф. ст., в III — 40 штук = 40 ф. ст.

Или, *в-третьих,* рабочий день — различной продолжительности. Если 20 рабочих при одинаковой интенсивности труда работают в I девять, во II двенадцать, в III восемнадцать часов в день, то весь их продукт 30 : 40 : 60 стоит в отношении 9 : 12 : 18,

и так как заработная плата каждый раз = 20, то на прибавочную стоимость опять остается 10, соответственно 20 и 40.

Итак, повышение или понижение заработной платы действует в обратном направлении, повышение или понижение интенсивности труда и удлинение или сокращение рабочего дня действует в одном и том же направлении на уровень нормы прибавочной стоимости, а потому, при неизменности $\frac{v}{K}$, и на норму прибыли.

2) *m' и v изменяются, K не изменяется.*

К этому случаю относится пропорция:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m'_1 \frac{v_1}{K} = m'v : m'_1 v_1 = m : m_1.$$

Нормы прибыли относятся друг к другу, как соответственные массы прибавочной стоимости.

Изменение нормы прибавочной стоимости при неизменности переменного капитала знаменовало изменение величины и распределения вновь произведенной стоимости. Одновременное изменение v и m' тоже всегда предполагает иное распределение вновь произведенной стоимости, но не всегда — изменение ее величины. Возможны три случая:

a) v и m' изменяются в противоположном направлении, но на одинаковую величину, напр.:

$$80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \ p' = 10\%$$
$$90_c + 10_v + 20_m; \quad m' = 200\%, \ p' = 20\%.$$

Вновь произведенная стоимость одинакова в обоих случаях, следовательно одинаково и количество доставленного труда; $20_v + 10_m = 10_v + 20_m = 30$. Различие заключается только в том, что в первом случае 20 уплачивается на заработную плату и 10 остается на прибавочную стоимость, между тем как во втором случае заработная плата составляет всего 10, а потому прибавочная стоимость 20. Это — единственный случай, когда при одновременном изменении v и m' число рабочих, интенсивность труда и продолжительность рабочего дня остаются неизменными.

b) Изменение m' и v совершается опять в противоположном направлении, однако не на одну и ту же величину. В таком случае перевес оказывается или на стороне изменения v или на стороне изменения m'.

$$\text{I.} \quad 80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \quad p' = 20\%$$
$$\text{II.} \quad 72_c + 28_v + 20_m; \quad m' = 71^3/_7\%, \quad p' = 20\%$$
$$\text{III.} \quad 84_c + 16_v + 20_m; \quad m' = 125\%, \quad p' = 20\%.$$

В I за вновь произведенную стоимость в 40 уплачивается 20_v, во II за вновь произведенную стоимость в 48 уплачивается 28_v, в III за вновь произведенную стоимость в 36 уплачивается 16_v. Как вновь произведенная стоимость, так и заработная плата изменились; но изменение вновь произведенной стоимости означает изменение доставленного количества труда, следовательно или числа рабочих, или продолжительности труда, или интенсивности труда, или одновременно нескольких из этих трех факторов.

c) Изменение m' и v совершается в одинаковом направлении; в таком случае одно усиливает действие другого.

$$90_c + 10_v + 10_m; \quad m' = 100\%, \ p' = 10\%$$
$$80_c + 20_v + 30_m; \quad m' = 150\%, \ p' = 30\%$$
$$92_c + \ 8_v + \ 6_m; \quad m' = \ 75\%, \ p' = \ 6\%.$$

И здесь во всех трех случаях вновь произведенная стоимость различна, именно: 20, 50 и 14; и это различие в величине соответствующего каждому случаю количества труда опять сводится к различию числа рабочих, продолжительности труда, интенсивности труда или нескольких, resp. [соответств.] всех, этих факторов.

3) *m', v и K изменяются.*

Этот случай не даст новых точек зрения и разрешается общей формулой, данной под II, когда m' изменяется.

Итак, действие изменений величины нормы прибавочной стоимости на норму прибыли допускает следующие случаи:

1) если $\frac{v}{K}$ остается неизменным, то p' увеличивается или уменьшается в том же отношении, как m'.

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \ p' = 20\%$$
$$80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = \ 50\%, \ p' = 10\%$$
$$100\% : 50\% = 20\% : 10\%.$$

2) Если $\frac{v}{K}$ движется в одинаковом направлении с m', т. е. увеличивается или уменьшается, когда увеличивается или уменьшается m', то p' повышается или понижается относительно сильнее, чем m'.

$$80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \quad p' = 10\%$$
$$70_c + 30_v + 20_m; \quad m' = 66^2/_3\%, \ p' = 20\%$$
$$50\% : 66^2/_3\% < 10\% : 20\%.$$

3) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m', но относительно слабее, чем m', то p' повышается или понижается относительно слабее, чем m'.

$$80_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \; p' = 10\%$$
$$90_c + 10_v + 15_m; \quad m' = 150\%, \; p' = 15\%$$
$$50\% : 150\% > 10\% : 15\%.$$

4) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m', и относительно сильнее, чем m', то p' повышается, хотя m' понижается, или p' понижается, хотя m' повышается.

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \; p' = 20\%$$
$$90_c + 10_v + 15_m; \quad m' = 150\%, \; p' = 15\%,$$

m' повысилось со 100% до 150%, p' понизилось с 20% до 15%.

5) Наконец, если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m', но изменяет свою величину точно в том же отношении, как и m', p' остается неизменным, хотя m' повышается или понижается.

Только этот последний случай и требует еще некоторого рассмотрения. Как выше, при изменениях $\frac{v}{K}$, мы видели, что одна и та же норма прибавочной стоимости может получать выражение в разнообразнейших нормах прибыли, так здесь мы видим, что в основе одной и той же нормы прибыли могут лежать очень различные нормы прибавочной стоимости. Но в то время, как, при неизменности m', всякого изменения в отношении между v и K достаточно для того чтобы вызвать отличие в норме прибыли, здесь, при изменении величины m', требуется строго соответственное обратное изменение величины $\frac{v}{K}$ для того чтобы норма прибыли осталась прежняя. Для одного и того же капитала или для двух капиталов в одной и той же стране это возможно лишь в весьма исключительных случаях. Возьмем, напр., капитал

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad K = 100, \; m' = 100\%, \; p' = 20\%$$

и предположим, что заработная плата понижается настолько, что теперь на 16_v можно иметь такое же число рабочих, которому раньше уплачивалось 20_v. В таком случае, при неизменных прочих условиях, высвободится 4_v, и мы получим:

$$80_c + 16_v + 24_m; \quad K = 96, \; m' = 150\%, \; p' = 25\%.$$

Теперь для того чтобы p' было = 20%, как прежде, весь капитал должен был бы возрасти до 120, следовательно постоянный капитал до 104:

$$104_c + 16_v + 24_m; \quad K = 120, \ m' = 150\%, \ p' = 20\%.$$

Но это было бы возможно лишь в том случае, если бы одновременно с понижением заработной платы произошло изменение в производительности труда, которое потребовало бы такого изменения в строении капитала; или же если бы денежная стоимость постоянного капитала повысилась с 80 до 104; коротко говоря, — если бы произошло такое случайное совпадение условий, которое совершается лишь в исключительных случаях. В действительности такое изменение m', которое не обусловливает одновременного изменения v, а потому и изменения $\frac{v}{K}$, мыслимо только при вполне определенных обстоятельствах, именно в таких отраслях промышленности, в которых прилагается только основной капитал и труд, а предмет труда дается природой.

Но при сравнении норм прибыли в двух странах дело обстоит иначе. Одна и та же норма прибыли здесь служит в действительности выражением по большей части различных норм прибавочной стоимости.

Итак, из всех пяти случаев вытекает, что повышающаяся норма прибыли может соответствовать понижающейся или повышающейся норме прибавочной стоимости, понижающаяся норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости, неизменяющаяся норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости. Что повышающаяся, понижающаяся или неизменная норма прибыли тоже может соответствовать неизменяющейся норме прибавочной стоимости, это мы видели в пункте I.

Итак, норма прибыли определяется двумя главными факторами: нормой прибавочной стоимости и стоимостным строением капитала. Влияние этих двух факторов можно кратко резюмировать следующим образом, причем строение мы можем выражать в процентах, так как здесь безразлично, от какой из двух частей капитала исходит изменение:

Нормы прибыли двух капиталов или одного и того же капитала в двух последовательных различных состояниях

равны:

1) При одинаковом в процентном отношении строении капиталов и одинаковой норме прибавочной стоимости.

2) При неодинаковом в процентном отношении строении капиталов и неодинаковой норме прибавочной стоимости, если равны

произведения норм прибавочной стоимости на выраженные в процентах переменные части капиталов (произведения m' на v), т. е. если равны *массы* прибавочной стоимости, взятые в процентном отношении ко всему капиталу ($m = m'v$), другими словами, если в обоих случаях множители m' и v стоят в обратном отношении друг к другу.

Они не равны:

1) При равном в процентном отношении строении капиталов, если нормы прибавочной стоимости неравны; при этом нормы прибыли относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости.

2) При равной норме прибавочной стоимости и неравном в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как переменные части капиталов.

3) При неодинаковой норме прибавочной стоимости и неодинаковом в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как произведения $m'v$, т. е. как массы прибавочной стоимости, взятые в процентном отношении ко всему капиталу [10].

---

[10] В рукописи имеются еще очень подробные вычисления разности между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли ($m' - p'$); она обладает разнообразными любопытными особенностями, и ее движение обнаруживает случаи, когда обе нормы удаляются друг от друга или сближаются друг с другом. Эти движения можно изобразить и в виде кривых. Я отказываюсь от воспроизведения этого материала, так как он менее важен для ближайшей цели этой книги. Здесь достаточно будет просто обратить на это внимание тех читателей, которые захотят проследить это далее. — *Ф. Э.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЛИЯНИЕ ОБОРОТА НА НОРМУ ПРИБЫЛИ.

{Влияние оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, было рассмотрено во второй книге. Вкратце его можно резюмировать таким образом: так как для оборота требуется время известной продолжительности, на производство не может быть употреблен одновременно весь капитал; следовательно, часть капитала постоянно должна лежать праздно, — в форме ли денежного капитала, запасного ли сырья, готового, но еще не проданного товарного капитала, или долговых требований, для которых еще не наступил срок; капитал, действующий в активном производстве, т. е. при создании и присвоении прибавочной стоимости, постоянно уменьшается на эту часть, и в том же самом отношении постоянно сокращается производимая и присваиваемая прибавочная стоимость. Чем короче период оборота, тем меньше по сравнению со всем капиталом эта праздно лежащая часть капитала; и, следовательно, при прочих равных условиях, тем больше становится присваиваемая прибавочная стоимость.

Во второй книге подробно показано, как сокращение периода оборота или одного из его двух отделов — времени производства и времени обращения — повышает массу производимой прибавочной стоимости. Но так как норма прибыли служит лишь выражением отношения произведенной массы прибавочной стоимости ко всему капиталу, занятому в ее производстве, то ясно, что всякое такое сокращение повышает норму прибыли. То, что раньше, во втором отделе второй книги, сказано относительно прибавочной стоимости, в такой же мере относится и к прибыли и норме прибыли и не нуждается здесь в повторении. Мы намерены отметить лишь несколько главных моментов.

Главное средство сокращения времени производства — повышение производительности труда, что обычно называют прогрессом промышленности. Если благодаря этому не будет вызвано одновременно значительное усиление общих затрат капитала вследствие установки дорогих машин и т. д. и следовательно — понижение нормы прибыли, исчисляемой на весь капитал, то последняя должна повыситься. И это несомненно совершается

при многих из новейших успехов металлургии и химической промышленности. Вновь открытые методы изготовления железа и стали Бессемера, Сименса, Джилькриста-Томаса и др. при сравнительно незначительных издержках сокращают до минимума процессы, чрезвычайно продолжительные в прежнее время. Изготовление ализарина или красильного вещества крапа из каменноугольного дегтя, и притом посредством фабричных установок, которые уже раньше были в ходу для изготовления красок из каменноугольного дегтя, дает в немного недель такой же результат, который раньше требовал годы; один год требовался для произрастания крапа, а потом еще несколько лет корни оставляли для дозревания, прежде чем употреблять их на крашение.

Главное средство для сокращения времени обращения — усовершенствование путей сообщения. И в этом отношении последние пятьдесят лет совершили революцию, которую можно сравнить только с промышленной революцией последней половины прошлого века. На суше устланные битым камнем дороги оттеснены на задний план железной дорогой, на море медленное и нерегулярное парусное сообщение — быстрым и правильным пароходным сообщением, и весь земной шар опутан телеграфной проволокой. Суэцкий канал собственно только и открыл Восточную Азию и Австралию для пароходных сообщений. Время обращения для товаров, отправляемых в Восточную Азию, еще в 1847 г. составляло по меньшей мере двенадцать месяцев (см. кн. II, стр. 235 [К. Маркс: «Капитал», т. II, изд. 1949 г., стр. 248—249]), теперь оно сведено почти к стольким же неделям. Два великих очага кризисов 1825—1857 гг., Америка и Индия, вследствие этого переворота в средствах сношений приблизились к европейским промышленным странам на 70—90% и таким образом утратили бо̀льшую часть своей подрывной способности. Время оборота в такой же мере сократилось для всей мировой торговли, и дееспособность занятого в ней капитала повысилась более чем вдвое или втрое. Что это не осталось без влияния на норму прибыли, понятно само собою.

Чтобы представить в чистом виде влияние оборота всего капитала на норму прибыли, мы должны предположить, что все остальные условия для сравниваемых двух капиталов одинаковы. Следовательно, кроме нормы прибавочной стоимости и рабочего дня, пусть будет одинаково и строение капиталов, выраженное в процентах. Возьмем теперь капитал A строения $80_c + 20_v = 100\ K$, совершающий при норме прибавочной стоимости в 100% два оборота в год. В таком случае годовой продукт будет:

$160_c + 40_v + 40_m$. Но для определения нормы прибыли мы исчисляем эти 40_m не к обернувшейся капитальной стоимости в 200, а к авансированной капитальной стоимости в 100 и таким образом получаем $p' = 40\%$.

Сравним с ним капитал $B = 160_c + 40_v = 200$ K с такой же нормой прибавочной стоимости в 100%, но оборачивающейся лишь один раз в год. Тогда годовой продукт будет такой же, как выше: $160_c + 40_v + 40_m$. Но эти 40_m на этот раз следует исчислять на авансированный капитал в 200, что даст для нормы прибыли только 20%, т. е. только половину нормы для A.

Из этого следует: при капиталах одинакового процентного строения, при одинаковой норме прибавочной стоимости и одинаковом рабочем дне, нормы прибыли двух капиталов стоят в обратном отношении ко времени их оборотов. Если в двух сравниваемых случаях неодинаковы или строение, или норма прибавочной стоимости, или рабочий день, или заработная плата, то этим, конечно, будут вызваны и дальнейшие различия в норме прибыли; но они независимы от оборота и потому здесь не интересуют нас; к тому же они рассмотрены уже в главе III.

Прямое влияние сокращения времени оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, заключается в достигаемом таким способом повышении деятельности переменной части капитала, о чем см. кн. II, гл. XVI: «Оборот переменного капитала». Там оказалось, что переменный капитал в 500, совершающий десять оборотов в год, за это время присваивает столько же прибавочной стоимости, как переменный капитал в 5 000, который при той же норме прибавочной стоимости и той же заработной плате совершает только один оборот в год.

Возьмем капитал I, состоящий из 10 000 основного капитала, годовое снашивание которого составляет 10% = 1 000, 500 постоянного оборотного и 500 переменного капитала. При норме прибавочной стоимости в 100% переменный капитал оборачивается десять раз в год. Для упрощения предположим во всех следующих примерах, что оборотный постоянный капитал совершает оборот за время такой же продолжительности, как переменный, что̀ в большинстве случаев и на практике оказывается приблизительно верным. Тогда продукт одного такого периода оборота будет:

$$100_c \text{ (снашивание)} + 500_c + 500_v + 500_m = 1\,600,$$

а продукт целого года с десятью такими оборотами:

$$1\,000_c \text{ (снашивание)} + 5\,000_c + 5\,000_v + 5\,000_m = 16\,000,$$

$$K = 11\,000,\ m = 5\,000,\ p' = \frac{5\,000}{11\,000} = 45^5/_{11}\%.$$

Возьмем теперь капитал II: основной капитал 9 000, его годовое снашивание 1 000, оборотный постоянный капитал 1 000, переменный капитал 1 000, норма прибавочной стоимости 100%,

число оборотов переменного капитала в год 5. Следовательно, продукт за каждый период оборота переменного капитала будет таков:

$$200_c \text{ (снашивание)} + 1\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 3\,200,$$

а весь годовой продукт при пяти оборотах:

$$1\,000_c \text{ (снашивание)} + 5\,000_c + 5\,000_v + 5\,000_m = 16\,000,$$

$$K = 11\,000, \ m = 5\,000, \ p' = \frac{5\,000}{11\,000} = 45^5/_{11}\%.$$

Возьмем, далее, капитал III, в котором нет совсем основного капитала, оборотный же постоянный составляет 6 000 и переменный капитал 5 000. Пусть при норме прибавочной стоимости в 100% он оборачивается один раз в год. В таком случае весь продукт за год будет:

$$6\,000_c + 5\,000_v + 5\,000_m = 16\,000,$$

$$K = 11\,000, \ m = 5\,000, \ p' = \frac{5\,000}{11\,000} = 45^5/_{11}\%.$$

Следовательно, во всех трех случаях мы получаем одинаковую годовую массу прибавочной стоимости = 5 000, и так как весь капитал во всех трех случаях тоже одинаков, именно = 11 000, то получаем и одинаковую норму прибыли в $45^5/_{11}\%$.

Напротив, если бы при капитале I у нас было не 10, а только 5 годовых оборотов переменной части, то дело обстояло бы иначе. Тогда продукт одного оборота был бы:

$$200_c \text{ (снашивание)} + 500_c + 500_v + 500_m = 1\,700.$$

Или годовой продукт:

$$1\,000_c \text{ (снашивание)} + 2\,500_c + 2\,500_v + 2\,500_m = 8\,500.$$

$$K = 11\,000, \ m = 2\,500, \ p' = \frac{2\,500}{11\,000} = 22^8/_{11}\%.$$

Норма прибыли понизилась наполовину, так как время оборота удвоилось.

Итак, масса прибавочной стоимости, присваиваемая в течение года, равна массе прибавочной стоимости, присваиваемой в один период оборота *переменного* капитала, умноженной на число таких оборотов в год. Если мы присваиваемую за год прибавочную стоимость, или прибыль, назовем M, присваиваемую за один период оборота прибавочную стоимость — m, число оборотов переменного капитала в год — n, то $M = mn$, и годовая норма прибавочной стоимости $M' = m'n$, как показано уже в книге II, гл. XVI, 1.

Само собою разумеется, что формула нормы прибыли $p' = m'\frac{v}{K} = m'\frac{v}{c+v}$ верна лишь при том условии, если v числителя равно v знаменателя. В знаменателе v представляет всю ту часть всего капитала, которая в среднем была употреблена как переменный капитал на заработную плату; v числителя в первую очередь определяется только тем, что оно произвело и присвоило известное количество прибавочной стоимости $= m$, отношение которой к этому v, отношение $\frac{m}{v}$, есть норма прибавочной стоимости m'. Только таким путем уравнение $p' = \frac{m}{c+v}$ превратилось в другое: $p' = m'\frac{v}{c+v}$. Теперь v числителя ближе определяется тем, что оно должно быть равно v знаменателя, т. е. всей переменной части капитала K. Другими словами, уравнение $p' = \frac{m}{K}$ лишь при том условии можно без ошибки превратить в уравнение $p' = m'\frac{v}{c+v}$, если m означает прибавочную стоимость, произведенную за один период оборота переменного капитала. Если m составляет только некоторую часть этой прибавочной стоимости, то хотя $m = m'v$ верно, но это v здесь меньше, чем v в $K = c + v$, потому что оно меньше, чем весь переменный капитал, затраченный на заработную плату. Но если m составляет более чем прибавочную стоимость от одного оборота v, то часть этого v или даже все v функционирует дважды: сначала в первом, потом во втором — resp. [соответств.] во втором и дальнейших — оборотах; следовательно, это v, которое производит прибавочную стоимость и представляет сумму всей выданной заработной платы, более, чем v в $c + v$, и потому вычисление становится неверным.

Для того чтобы формула годовой нормы прибыли сделалась вполне верной, мы должны вместо простой нормы прибавочной стоимости поставить годовую норму прибавочной стоимости, т. е. вместо m' поставить M' или $m'n$. Другими словами, m', норму прибавочной стоимости, или, что сводится к тому же, v, переменную часть капитала, заключающуюся в K, мы должны помножить на n, на число оборотов этого переменного капитала в год, и таким образом у нас получится: $p' = m'n\frac{v}{K}$ — формула для вычисления годовой нормы прибыли.

Но какова именно величина переменного капитала в известном предприятии, этого в большинстве случаев не знает и сам капиталист. В восьмой главе второй книги мы видели и в дальнейшем еще увидим, что единственное различие в капитале, которое навязывается капиталисту как существенное, есть различие основного и оборотного капитала. Из кассы, в которой хранится часть оборотного капитала, имеющаяся в его руках в денежной форме, — если

она не лежит в банке, — он берет деньги на заработную плату, из той же самой кассы берет деньги на сырье и вспомогательные материалы, и те и другие деньги записывает в один и тот же счет кассы. А если бы даже ему пришлось вести особый счет выдаваемой заработной платы, то хотя этот счет в конце года и показал бы выплаченную на нее сумму, т. е. vn, но не показал бы величины самого переменного капитала v. Чтобы выяснить последний, капиталисту пришлось бы сделать особый подсчет, пример которого мы сейчас приведем.

Для этого возьмем хлопчатобумажную прядильную фабрику с 10 000 мюльных веретен, описанную в книге I, стр. 180—181 [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 225—226], и предположим, что данные, относящиеся к одной неделе апреля 1871 г., сохраняют свое значение на целый год. Основной капитал, заключающийся в машинах, составляет 10 000 ф. ст. Оборотный капитал не был указан; предположим, что он составлял 2 500 ф. ст., — довольно высокая цифра, однако оправдываемая тем предположением, которое мы все время должны делать, именно, что нет места кредитным операциям, следовательно постоянному или временному пользованию чужим капиталом. Недельный продукт по своей стоимости был составлен из 20 ф. ст. на снашивание машин, 358 ф. ст. авансированного оборотного постоянного капитала (плата за наем помещения 6 ф. ст., хлопок 342 ф. ст., уголь, газ, масло 10 ф. ст.), 52 ф. ст. затраченного на заработную плату переменного капитала и 80 ф. ст. прибавочной стоимости, следовательно:

$$20_c \text{ (снашивание)} + 358_c + 52_v + 80_m = 510.$$

Итак, еженедельное авансирование оборотного капитала составляло $358_c + 52_v = 410$, и его строение в процентах $= 87{,}3_c + 12{,}7_v$. При исчислении на весь оборотный капитал в 2 500 ф. ст. это дает 2 182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала. Так как вся затрата на заработную плату составила в год 52 раза по 52 ф. ст., следовательно 2 704 ф. ст., то оказывается, что переменный капитал в 318 ф. ст. обернулся в течение года почти точно $8^1/_2$ раз. Норма прибавочной стоимости была $^{80}/_{52} = 153^{11}/_{13}\%$. По этим данным мы вычислим норму прибыли, подставив в формулу $p' = m'n \frac{v}{K}$ величины: $m' = 153^{11}/_{13}$, $n = 8^1/_2$, $v = 318$, $K = 12\,500$; итак:

$$p' = 153^{11}/_{13} \times 8^1/_2 \times \frac{318}{12\,500} = 33{,}27\%.$$

Для проверки мы воспользуемся простой формулой $p' = \frac{m}{K}$. Вся прибавочная стоимость, или прибыль, составляет в год 80 ф. ст. $\times$ 52 = 4 160 ф. ст., а это, будучи разделено на весь капитал в 12 500 ф. ст., дает почти столько же, как выше, 33,28%,

чрезвычайно высокую норму прибыли, которая объясняется лишь крайне благоприятными в данный момент условиями (очень низкие цены хлопка наряду с очень высокими ценами пряжи) и которая в действительности несомненно имела место не на протяжении всего года.

В формуле $p' = m'n \frac{v}{K}$, как сказано, $m'n$ представляет то, что во второй книге названо годовой нормой прибавочной стоимости. В приведенном сейчас случае она составляет $153^{11}/_{13}\% \times \times 8^{1}/_{2}$, или, по точному подсчету, $1\,307^{9}/_{13}\%$. Следовательно, если некий простак [Biedermann]* всплеснул руками перед чудовищностью годовой нормы прибавочной стоимости в 1 000%, приведенной в одном примере во второй книге, то он, быть может, успокоится на факте годовой нормы прибавочной стоимости свыше 1 300%, приведенном здесь для него из действительной практики Манчестера. Во времена величайшего процветания, каких мы, правда, уже давно не переживали, такая норма не представляет ничего редкого.

Кстати сказать, мы имеем здесь перед собою пример действительного строения капитала в современной крупной промышленности. Весь капитал распадается на 12 182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала, итого 12 500 ф. ст. Или, в процентах, $97^{1}/_{2c} + 2^{1}/_{2v} = 100\ K$. Только сороковая доля всего капитала, но повторно более восьми раз в год, служит для выдачи заработной платы.

Так как, конечно, лишь немногим капиталистам приходит в голову производить такие вычисления применительно к своим собственным предприятиям, то статистика почти совершенно молчит об отношении постоянной части всего общественного капитала к переменной части. Только американские цензы дают то, что возможно при современных отношениях: сумму заработной платы, выданной в каждой отрасли предпринимательства, и полученных прибылей. Как ни подозрительны эти данные, — потому что они основываются лишь на непроверяемых сообщениях самих промышленников, — тем не менее они в высшей степени ценны и представляют все, что имеется у нас по этому предмету. В Европе мы слишком щепетильны для того чтобы требовать таких разоблачений от наших крупных промышленников. — *Ф. Э.*}.

---

* Игра слов: Biedermann — простак и в то же время — фамилия редактора «Deutsche Allgemeine Zeitung». *Ред.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЭКОНОМИЯ В ПРИМЕНЕНИИ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА.

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Увеличение абсолютной прибавочной стоимости, или удлинение прибавочного труда, а следовательно и рабочего дня, при неизменной величине переменного капитала, т. е. при том же числе рабочих, получающих номинально ту же заработную плату, — причем безразлично, оплачивается или не оплачивается сверхурочное время, — относительно понижает стоимость постоянного капитала по сравнению со стоимостью всего капитала и переменного капитала и повышает таким образом норму прибыли, опять-таки независимо от роста массы прибавочной стоимости и от возможного повышения нормы прибавочной стоимости. Размер основной части постоянного капитала — фабричные здания, машины и т. п. — остается неизменным, работают ли с его помощью 16 или 12 часов. Удлинение рабочего дня не требует новых затрат на эту наиболее дорого стоящую часть постоянного капитала. Кроме того, стоимость основного капитала воспроизводится благодаря этому в течение меньшего количества периодов оборота, следовательно сокращается время, на которое она должна быть авансирована, чтобы получилась определенная прибыль. Удлинение рабочего дня повышает поэтому прибыль даже в том случае, если сверхурочное время оплачивается, и, в известных границах, даже в том случае, если оно оплачивается выше, чем нормальные рабочие часы. Постоянно растущая при современной промышленной системе необходимость увеличивать основной капитал была поэтому главным стимулом, побуждавшим алчных до прибыли капиталистов удлинять рабочий день [11].

Иные условия имеют место при постоянном рабочем дне. В этом случае для увеличения массы эксплуатируемого труда (мы здесь отвлекаемся от вычетов из заработной платы или от понижения заработной платы ниже ее нормального уровня)

---

[11] «Так как на всех фабриках очень значительная часть основного капитала вложена в строения и машины, то прибыль будет тем больше, чем больше число часов, в течение которых эти машины будут находиться в работе» («Reports of Insp. of Fact., 31st October 1858», стр. 8).

необходимо увеличить число рабочих, а вместе с тем в известном отношении и массу основного капитала, строений, машин и т. д. Или же, если увеличивается интенсивность труда или соответственным образом повышается производительность труда и вообще производится больше относительной прибавочной стоимости, то в отраслях производства, применяющих сырье, растет масса оборотной части постоянного капитала, так как в данный промежуток времени перерабатывается больше сырья и т. п., и, во-вторых, возрастает количество машин, приводимых в движение тем же числом рабочих, а следовательно и соответственная часть постоянного капитала. Возрастание прибавочной стоимости сопровождается таким образом возрастанием постоянного капитала, возрастающая эксплуатация труда сопровождается вздорожанием тех условий производства, при помощи которых эксплуатируется труд, т. е. сопровождается возрастанием затрат капитала. Таким образом норма прибыли вследствие этого, с одной стороны, уменьшается, а с другой стороны, повышается.

Целый ряд текущих расходов остается почти или совершенно одинаковым как при более длинном, так и при более коротком рабочем дне. Расходы надзора меньше при 500 рабочих и 18-часовом дне, чем при 750 рабочих и 12-часовом дне. «Издержки ведения дела на фабрике при десятичасовом труде почти так же высоки, как и при двенадцатичасовом» («Reports of Insp. of Fact., October 1848», стр. 37). Государственные и коммунальные налоги, страхование от огня, жалованье различным постоянным служащим, обесценение машин и различные другие расходы фабрики остаются неизменными при длинном и коротком рабочем дне. По мере сокращения производства они возрастают за счет прибыли («Reports of Insp. of Fact., October 1862», стр. 19).

Продолжительность времени, в течение которого воспроизводится стоимость машин и других составных частей основного капитала, практически определяется не тем временем, в течение которого они просто существуют, а общей продолжительностью того процесса труда, в течение которого они функционируют и используются. Если рабочие должны трудиться 18 часов вместо 12, то это составляет три лишних дня в неделю, неделя превращается в полторы недели, два года — в три. Если сверхурочное время не оплачивается, то рабочие сверх нормального прибавочного времени отдают еще даром неделю на каждые две недели, год — на каждые два года труда. Таким образом воспроизводство стоимости машин ускоряется на 50% и занимает лишь $^2/_3$ того времени, которое было бы необходимо при иных условиях.

В этом исследовании, точно так же как в исследовании колебаний цены сырого материала (глава VI), мы, чтобы избежать бесполезного усложнения вопроса, исходим из предположения, что масса и норма прибавочной стоимости даны.

Как уже было указано при анализе кооперации, разделения труда и роли машин, экономия в условиях производства, характеризующая производство в крупном масштабе, в существенном возникает благодаря тому, что условия эти функционируют как условия общественного, общественно-комбинированного труда, следовательно — как общественные условия труда. Они потребляются в процессе производства сообща, совокупным рабочим, вместо того чтобы потребляться в раздробленной форме массою не связанных между собою рабочих или, в лучшем случае, рабочими, лишь в ничтожной степени непосредственно связанными отношениями кооперации. На крупной фабрике с одним или двумя центральными двигателями издержки на эти двигатели возрастают не в той пропорции, в какой растет количество лошадиных сил двигателей, а следовательно и возможная сфера их действия; издержки на передаточные механизмы растут не в той пропорции, как масса рабочих машин, которым они сообщают движение; сам остов рабочей машины удорожается не в той пропорции, в какой увеличивается число орудий, которыми она действует как своими органами, и т. д. Далее, благодаря концентрации средств производства сберегаются издержки на всякого рода постройки, не только на мастерские в собственном смысле слова, но также на помещения для складов и т. п. То же самое имеет место по отношению к расходам на отопление, освещение и т. п. Другие условия производства остаются те же самые, независимо от того, много или мало людей используют их.

Но вся эта экономия, вытекающая из концентрации средств производства и их массового применения, предполагает, как свое существенное условие, сосредоточение и совместные действия значительного числа рабочих, т. е. общественное комбинирование труда. Следовательно, она вытекает из общественного характера труда точно так же, как прибавочная стоимость вытекает из прибавочного труда каждого отдельного рабочего, рассматриваемого изолированно. Даже те постоянные усовершенствования, которые здесь возможны и необходимы, возникают всецело и исключительно из общественного опыта и наблюдений, которые делает возможными и доставляет производство, осуществляемое совокупным, комбинированным в крупном масштабе рабочим.

То же самое приходится сказать и о другой крупной области экономии в условиях производства. Мы имеем в виду обратное превращение экскрементов производства, так называемых отбросов, в новые элементы производства той же самой или другой отрасли промышленности, — процессы, при помощи которых эти так называемые экскременты снова вводятся в кругооборот производства, а следовательно и потребления — производительного или индивидуального. И эта область сбережений, которой мы

впоследствии коснемся несколько ближе, есть результат общественного труда в крупном масштабе. Только при таком масштабе отбросы получаются в столь значительных массах, что они сами становятся снова предметом торговли, а следовательно новыми элементами производства. Только как отбросы коллективного производства, а следовательно производства в крупном масштабе, получают они это значение для производственного процесса, остаются носителями меновой стоимости. Эти отбросы, независимо от той роли, которую они выполняют в качестве новых элементов производства, удешевляют, в той мере, в какой они могут быть вновь проданы, издержки на сырье, так как к этим издержкам всегда причисляется нормальный отброс материала, т. е. то его количество, которое в среднем должно быть потеряно при обработке. Уменьшение издержек на эту часть постоянного капитала повышает pro tanto [соответственно] норму прибыли при данной величине переменного капитала и данной норме прибавочной стоимости.

Раз прибавочная стоимость дана, норма прибыли может быть увеличена только путем уменьшения стоимости постоянного капитала, необходимого для производства товара. Поскольку постоянный капитал входит в производство товаров, постольку приобретает значение не его меновая стоимость, а исключительно его потребительная стоимость. Сколько труда способен впитать в себя лен на прядильной фабрике, зависит не от его стоимости, а от его количества, раз дан уровень производительности труда, т. е. уровень технического развития. Равным образом та помощь, которую машина оказывает, напр., трем рабочим, зависит не от ее стоимости, но от ее потребительной стоимости как машины. На одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой — хорошая машина может быть дешева.

Возросшая прибыль, которую капиталист получает благодаря тому, напр., что хлопок или прядильные машины стали дешевле, является результатом возросшей производительности труда, правда, не в прядильном производстве, а в производстве машин и хлопка. Чтобы овеществить данное количество труда и, следовательно, присвоить данное количество прибавочного труда, требуется теперь меньше затрат на условия труда. Уменьшаются издержки, необходимые для того чтобы присвоить определенное количество прибавочного труда.

Мы уже говорили о сбережениях, которые получаются в процессе производства благодаря совместному применению средств производства совокупным рабочим, — общественно-комбинированным рабочим. Дальнейшие сбережения в затратах постоянного капитала, вытекающие из сокращения времени обращения (причем существенным материальным моментом является развитие средств сообщения), мы рассмотрим ниже. Но уже здесь должно

быть упомянуто об экономии, получающейся благодаря непрерывному усовершенствованию машин, а именно: 1) благодаря улучшению их материала, напр. замене дерева железом; 2) благодаря удешевлению машин вследствие улучшения фабрикации машин вообще; причем, хотя стоимость основной части постоянного капитала с развитием труда в широком масштабе непрерывно возрастает, она возрастает далеко не в той же степени[12]; 3) благодаря специальным усовершенствованиям, которые позволяют уже имеющимся машинам работать дешевле и успешнее, как, напр., усовершенствование паровых котлов и т. п., о чем некоторые подробности будут даны ниже; 4) благодаря уменьшению количества отбросов при усовершенствованных машинах.

Все, что уменьшает снашивание машин и вообще основного капитала в течение данного периода производства, не только удешевляет отдельный товар в силу того, что каждый отдельный товар воспроизводит в своей цене причитающуюся на его долю часть снашивания, но в то же время сокращает соответственные затраты капитала на этот период. Ремонтные работы и т. п., поскольку они необходимы, причисляются к первоначальным издержкам на машины. Их уменьшение вследствие большей прочности машин уменьшает pro tanto [соответственно] цену последних.

Всякая экономия подобного рода характеризуется опять-таки тем, что в большинстве случаев она возможна лишь при наличии комбинированного рабочего и зачастую может быть осуществлена лишь при работах, организованных в еще более широком масштабе; следовательно, она требует еще более значительного комбинирования рабочих непосредственно в процессе производства.

Но, с другой стороны, развитие производительной силы труда в *одной* отрасли производства, — напр. в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., — которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно естественных наук и их применения, является здесь условием уменьшения стоимости, а следовательно и издержек на средства производства в *других* отраслях промышленности, напр. в текстильной промышленности или земледелии. Это само собою понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средство производства в другую отрасль промышленности. Его бо̀льшая или меньшая дешевизна зависит от производительности труда в той отрасли производства, из которой он выходит как продукт; в то же время она является не только условием удешевления тех товаров, в производство которых входит данный товар

[12] См. Юр о прогрессе в постройке фабрик.

как средство производства, но и условием уменьшения стоимости постоянного капитала, элементом которого становится здесь данный товар, а следовательно условием повышения нормы прибыли.

Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной прогрессивным развитием промышленности, состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в *одной* отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в *другой* отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплуатируемого непосредственно самим этим капиталистом. Указанное развитие производительной силы в последнем счете всегда сводится к общественному характеру труда, приведенного в деятельность, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естествознания. Капиталист использует здесь выгоды всей системы общественного разделения труда. Развитие производительной силы труда в подразделении, лежащем вне данной отрасли промышленности, в подразделении, доставляющем этой последней средства производства, — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно повышает норму прибыли.

Повышение нормы прибыли совершается еще иным путем: не вследствие экономии на труде, производящем постоянный капитал, а вследствие экономии в применении само́го постоянного капитала. Благодаря концентрации рабочих и их кооперации в широком масштабе сберегается, между прочим, постоянный капитал. Одни и те же постройки, приспособления для отопления и освещения и т. п. обходятся относительно дешевле при производстве в крупном, чем при производстве в мелком масштабе. То же самое следует сказать о двигательных и рабочих машинах. Стоимость их, хотя и возрастает абсолютно, относительно падает по сравнению с растущим расширением производства и величиной переменного капитала или массой рабочей силы, приводимой в движение. Та экономия, которой данный капитал достигает в своей собственной отрасли производства, состоит прежде всего и непосредственно в экономии на труде, т. е. в сокращении оплачиваемого труда своих собственных рабочих; между тем упомянутая выше экономия сводится, напротив, к тому, чтобы осуществлять это возможно большее присвоение чужого неоплаченного труда возможно более экономным способом, т. е. с возможно меньшими при данном масштабе производства издержками. Поскольку эта экономия основывается не на упомянутой уже эксплуатации производительности общественного труда, применяемого в производстве постоянного капитала, а имеет своей основой экономию в применении самого постоянного капитала, она создается или

непосредственно кооперацией и общественной формой труда в самой данной отрасли производства или производством машин и т. д. в таком масштабе, при котором стоимость их возрастает не в такой степени, как их потребительная стоимость.

Здесь необходимо обратить внимание на два обстоятельства. Если стоимость $c = 0$, то p' было бы $= m'$, следовательно норма прибыли достигла бы своего максимума. Но, во-вторых: для непосредственной эксплуатации самого труда важна отнюдь не стоимость применяемых средств эксплуатации, будь то основной капитал или сырье и вспомогательные материалы. Поскольку они служат в качестве поглотителей труда, в качестве средств, в которых и при помощи которых овеществляется труд, а следовательно и прибавочный труд, меновая стоимость машин, строений, сырья и т. п. совершенно не имеет значения. Единственно, о чем здесь может идти речь, это, с одной стороны, об их массе, которая технически необходима для соединения с определенным количеством живого труда, с другой стороны, об их целесообразности, т. е. о хорошем качестве не только машин, но также сырья и вспомогательных материалов. От качества сырья зависит отчасти норма прибыли. Хороший материал дает меньшее количество отбросов; следовательно, требуется меньшая масса сырья для впитывания того же самого количества труда. Далее, становится меньше то сопротивление, которое встречает рабочая машина. Отчасти это влияет даже на прибавочную стоимость и норму прибавочной стоимости. При плохом сырье рабочий для переработки того же самого количества затрачивает больше времени; при неизменной заработной плате это приводит к сокращению прибавочного труда. Это оказывает, далее, значительное влияние на воспроизводство и накопление капитала, которое, как было показано в книге I, стр. 568 [К. Маркс: «Капитал», т. 1, изд. 1949 г., стр. 609—610], еще более зависит от производительности, чем от массы применяемого труда.

Отсюда понятно фанатическое стремление капиталистов экономить на средствах производства. Задача состоит в том, чтобы ничто не расточалось и не пропадало даром, чтобы средства производства расходовались лишь настолько, насколько этого требует само производство. Достигается это частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся за свой собственный счет, как она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной плате. Этот же фанатизм проявляется, с другой стороны, и в фальсификации элементов производства, что представляет собою главное средство понизить стоимость постоянного капитала по сравнению с переменным и таким образом повысить норму прибыли; как существенный эле-

мент надувательства сюда присоединяется еще продажа этих элементов производства выше их стоимости, поскольку эта стоимость снова появляется в продукте. Этот момент играет решающую роль, особенно в германской промышленности, основной принцип которой таков: самый лучший способ угодить людям — это сначала послать им хорошие образцы, а затем плохие товары. Впрочем, эти явления, относящиеся к области конкуренции, нас здесь не касаются.

Следует заметить, что такое повышение нормы прибыли, вызываемое уменьшением стоимости, а следовательно и дороговизны постоянного капитала, совершенно не зависит от того, производит ли отрасль промышленности, в которой оно имеет место, предметы роскоши или жизненные средства, входящие в потребление рабочих, или же средства производства вообще. Последнее обстоятельство может иметь значение лишь постольку, поскольку дело идет о норме прибавочной стоимости, которая существенно зависит от стоимости рабочей силы, т. е. от стоимости обычных жизненных средств рабочих. Но в рассматриваемом случае прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости предполагаются данными. При этих условиях отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу — оно и определяет норму прибыли — зависит исключительно от стоимости постоянного капитала, а отнюдь не от потребительной стоимости элементов, из которых он состоит.

Относительное удешевление средств производства, конечно, не исключает возрастания абсолютной суммы их стоимости, потому что абсолютное количество применяемых средств производства чрезвычайно увеличивается вместе с развитием производительной силы труда и сопровождающим его ростом размеров производства. Экономия в применении постоянного капитала, с какой бы стороны мы ее ни рассматривали, отчасти является результатом исключительно того факта, что средства производства функционируют и потребляются как общие средства производства комбинированного рабочего, так что сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера непосредственно производительного труда; отчасти же — результатом развития производительности труда в сферах, которые доставляют капиталу его средства производства; таким образом, если мы будем противопоставлять весь труд всему капиталу, — а не одних только рабочих, занятых капиталистом *X*, этому капиталисту *X*, — то эта экономия опять-таки окажется продуктом развития производительных сил общественного труда, и вся разница сведется к тому, что капиталист *X* извлекает выгоду из производительности труда, совершающегося не только в его собственной мастерской, но также и в чужих мастерских. Тем не менее в глазах капиталиста экономия на постоянном капитале представляется условием, совершенно чуждым и посторонним рабочему, условием, к которому рабочий не имеет

никакого касательства; между тем для капиталиста всегда совершенно ясно, что рабочему отнюдь не безразлично, много или мало труда покупает капиталист за одни и те же деньги (так как именно в этом виде представляется в его сознании сделка между капиталистом и рабочим). Эта экономия в применении средств производства, этот метод достигать определенного результата при наименьших затратах, в еще большей степени, чем другие силы, заложенные в труде, представляется силой, присущей капиталу, методом, свойственным капиталистическому способу производства и характеризующим его.

Такой способ представления тем менее может казаться странным, что ему соответствует внешняя видимость фактов и что капиталистическое отношение на самом деле скрывает внутреннюю связь за тем полнейшим безразличием, обособленностью и отчужденностью, в которые оно ставит рабочего по отношению к условиям осуществления его собственного труда.

Во-первых: Средства производства, из которых состоит постоянный капитал, представляют только деньги капиталиста (подобно тому, как, по Ленге, тело римского должника представляло деньги его заимодавца) и находятся в известном отношении только к нему, тогда как рабочий, поскольку он приходит с ними в соприкосновение в действительном процессе производства, имеет с ними дело только как с потребительными стоимостями производства, как со средствами труда и материалом труда. Поэтому уменьшение или увеличение этой стоимости так же мало затрагивает отношение рабочего к капиталисту, как, напр., то обстоятельство, работает ли он над медью или железом. Впрочем, капиталист предпочитает, как мы покажем впоследствии, рассматривать дело иначе в тех случаях, когда имеет место возрастание стоимости средств производства и благодаря этому уменьшается норма прибыли.

Во-вторых: Поскольку средства производства в процессе капиталистического производства являются в то же время средствами эксплуатации труда, сравнительная дешевизна или дороговизна этих средств эксплуатации столь же безразлична для рабочего, как безразлично для лошади, дорогими или дешевыми удилами и уздой ею управляют.

Наконец, как мы видели раньше, рабочий в действительности относится к общественному характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как к некоторой чуждой ему силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственность, расточение которой нисколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы его не принуждали экономить ее. Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим, напр. в Рочдэле.

Таким образом едва ли требует упоминания, что, поскольку производительность труда в одной отрасли производства прояв-

ляется как удешевление и улучшение средств производства в другой и тем повышает норму прибыли, эта общая взаимозависимость общественного труда выступает как нечто совершенно чуждое рабочим, касающееся фактически только капиталиста, поскольку только он покупает и присваивает эти средства производства. Тот факт, что он покупает продукт рабочих чужой отрасли производства на продукт рабочих своей собственной отрасли производства и, следовательно, располагает продуктом чужих рабочих лишь постольку, поскольку он безвозмездно присвоил себе продукт своих собственных, — этот факт представляет собою связь, которая благополучно маскируется процессом обращения и т. д.

Сюда присоединяется еще следующее обстоятельство. Так как производство в крупном масштабе развивается впервые в капиталистической форме, то и погоня за прибылью, с одной стороны, а с другой стороны, конкуренция, вынуждающая производить товары как можно дешевле, придают этой экономии в применении постоянного капитала такой вид, как будто она является специфической особенностью капиталистического способа производства и, следовательно, функцией капиталиста.

Капиталистический способ производства, поощряя, с одной стороны, развитие производительных сил общественного труда, вызывает, с другой стороны, экономию в применении постоянного капитала.

Однако дело не ограничивается этим отношением отчужденности и безразличия, которое устанавливается между рабочим, носителем живого труда, и экономным, т. е. рациональным и бережливым, применением условий его труда. В силу своей противоречивой, антагонистической природы капиталистический способ производства идет дальше и приводит к тому, что расточение жизни и здоровья рабочего, понижение условий его существования само причисляется к экономии в применении постоянного капитала и, следовательно, к средствам повышения нормы прибыли.

Так как рабочий бо̀льшую часть своей жизни отдает процессу производства, то условия процесса производства в значительной части являются также условиями его активного жизненного процесса, его условиями жизни, а экономия на этих условиях жизни есть один из методов повышения нормы прибыли, совершенно так же, — что мы видели раньше, — как чрезмерная работа, превращение рабочего в рабочий скот, является методом ускорения самовозрастания стоимости капитала, производства прибавочной стоимости. Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных, нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках; она требует, далее, нагромождения опасных машин в одном и том же помещении и отсутствия приспособлений, предохраняющих от опасности; отсутствия мер предосторожности в процессах производства, которые по своей

природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. д. Мы уже не говорим об отсутствии каких-либо приспособлений, которые бы сделали для рабочего процесс производства более человечным, приятным или хотя бы только сносным. С капиталистической точки зрения это было бы совершенно бесцельной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом; точно так же как, с другой стороны, оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и свойственному ему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, причем для общества теряется то, что выигрывают отдельные капиталисты.

Так же как капиталу присуща тенденция при непосредственном применении живого труда сводить его к труду необходимому и путем эксплуатации общественных производительных сил труда постоянно сокращать необходимый для изготовления продукта труд, а следовательно всячески экономить непосредственно применяемый живой труд, так ему присуща и тенденция — применять этот сведенный к необходимой мере труд при возможно более экономных условиях, т. е. сводить стоимость применяемого постоянного капитала к возможному минимуму. Если стоимость товаров определяется заключающимся в них необходимым рабочим временем, а не рабочим временем, вообще заключающимся в них, то определение это реализуется только капиталом, который в то же время непрерывно сокращает рабочее время, общественно необходимое для производства того или иного товара. Цена товара сводится таким образом к минимуму благодаря тому, что сводится к минимуму каждая часть труда, необходимого для его производства.

Рассматривая экономию в применении постоянного капитала, необходимо иметь в виду следующее различие. Если растет масса, а вместе с тем и сумма стоимости применяемого капитала, то это, прежде всего, означает концентрацию большего количества капитала в одних руках. Но как раз это увеличение применяемой одним владельцем массы капитала, — которой в большинстве случаев соответствует также абсолютно большее, но относительно меньшее количество применяемого труда, — и допускает экономию на постоянном капитале. Для отдельного капиталиста растут размеры необходимых затрат капитала, в особенности основного капитала; но по отношению к массе перерабатываемого материала и эксплуатируемого труда стоимость этих затрат уменьшается.

Мы иллюстрируем это вкратце отдельными примерами. Начнем с конца, — с экономии на условиях производства, поскольку последние представляют собой в то же время условия существования и жизни рабочего.

II. СБЕРЕЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ТРУДА ЗА СЧЕТ РАБОЧЕГО. КАМЕННОУГОЛЬНЫЕ КОПИ. ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ САМЫМИ НЕОБХОДИМЫМИ ЗАТРАТАМИ.

«При конкуренции, господствующей между владельцами каменноугольных шахт... не делается иных затрат, кроме тех, которые необходимы для того чтобы преодолеть самые очевидные физические трудности; а при конкуренции между рабочими-шахтерами, которые имеются обыкновенно в избытке, рабочие эти охотно подвергают себя значительным опасностям и самым вредным влияниям за плату, лишь немного превышающую заработок соседних поденщиков, так как работа в шахтах позволяет, кроме того, с выгодой использовать и своих детей. Этой двойной конкуренции совершенно достаточно для того... чтобы работы в большинстве копей велись при самой несовершенной осушке и вентиляции, часто в плохо устроенных шахтах, с плохими креплениями, неподготовленными машинистами, с плохо проложенными и плохо отстроенными штольнями и откатными путями; разрушение жизни и здоровья, увечья рабочих — таковы результаты, статистика которых представила бы ужасающую картину» («First Report on Children's Employment in Mines and Collieries etc.», 21 апреля 1829 г., стр. 102). Около 1860 г. в английских каменноугольных копях еженедельно погибало в среднем 15 человек. По данным отчета о Coal Mines Accidents [несчастных случаях в угольной промышленности] (6 февраля 1862 г.) за 10 лет, 1852—1861 гг., было убито в общей сложности 8 466 человек. Число это, однако, много меньше действительного, как указывает и сам отчет, так как в первые годы, когда институт фабричных инспекторов был только что учрежден, а подлежащие их надзору округа были слишком обширны, о многих несчастных и смертных случаях вовсе не заявлялось. Естественная тенденция капиталистической эксплуатации лучше всего обнаруживается именно в том, что, несмотря на недостаточное число и незначительную власть фабричных инспекторов, количество несчастных случаев сильно уменьшилось с учреждением инспекции, хотя и в настоящее время истребление рабочих совершается еще в очень крупных размерах. Эти человеческие жертвы являются в большинстве случаев результатом гнусной скаредности владельцев копей, которые, напр., зачастую делают только одну шахту, благодаря чему не только невозможна никакая действительная вентиляция, но невозможен также выход наружу в случае, если этот единственный путь засыпан.

Капиталистическое производство, если мы будем рассматривать его обособленно, отвлекаясь от процесса обращения и опустошений, вызываемых конкуренцией, относится крайне бережно к труду, уже осуществленному, овеществленному в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степени, чем всякий другой

способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. В самом деле, только ценой колоссального расточения сил индивидуального развития обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества. Так как вся экономия, о которой здесь идет речь, вытекает из общественного характера труда, то фактически именно этот непосредственно общественный характер труда и вызывает это расточение жизни и здоровья рабочего. Характерным в этом отношении является вопрос, поставленный уже фабричным инспектором Р. Бэкером: «Весь вопрос, заслуживающий серьезных размышлений, состоит в том, каким образом лучше избежать *обусловленного совместным трудом принесения в жертву детских жизней?*» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 157).

Фабрики. Сюда относится полное отсутствие всех предохранительных мер, обеспечивающих безопасность, удобство и здоровье рабочих также и на фабриках в собственном смысле этого слова. Большая часть боевых сводок, исчисляющих раненых и убитых в промышленной армии (см. ежегодные фабричные отчеты), порождается именно этим. Точно так же — недостатком места, воздуха и т. д.

Еще в октябре 1855 г. Леонард Хорнер жаловался на сопротивление, оказываемое значительным числом фабрикантов требованиям закона относительно предохранительных приспособлений к горизонтальным валам, несмотря на то, что опасность постоянно доказывается все новыми несчастными случаями, часто со смертельным исходом, и что приспособления эти стоят недорого и никак не могут мешать производству («Reports of Insp. of Fact., October 1855», стр. 6). В своем сопротивлении этому и другим постановлениям закона фабриканты нашли дружескую поддержку со стороны бесплатно отправляющих свою обязанность мировых судей, которые, в большинстве случаев, сами являясь фабрикантами или друзьями фабрикантов, должны были решать судебные дела подобного рода. Какого сорта приговоры выносились этими господами, видно из слов высшего судьи Кэмбелла, сказанных им по поводу одного из таких приговоров, поступивших на его рассмотрение по апелляционной жалобе: «Это не истолкование парламентского акта, а простая его отмена» (там же, стр. 11). В том же самом отчете Хорнер рассказывает, что на многих фабриках машины приводятся в движение без предварительного предупреждения об этом рабочих. Так как и на остановленной машине всегда найдется какая-нибудь работа, причем руки и пальцы неизбежно приходят в соприкосновение с машиной, то в данном случае, благодаря простой неподаче сигнала, постоянно происходят несчастные случаи (там же, стр. 44). Манчестерские фабриканты образовали в то время с целью противодействия фабричному законо-

дательству предпринимательский союз, так называемую «National Association for the Amendment of the Factory Laws», который в марте 1855 г. путем сбора в 2 шилл. с лошадиной силы собрал сумму свыше 50 000 ф. ст., предназначенную для оплаты судебных издержек своих членов в случае возбуждения дел фабричными инспекторами и для ведения процессов за счет союза. Задачей было поставлено доказать, что, раз дело идет о прибыли, «killing no murder» [«убить еще не значит быть убийцей»]. Шотландский фабричный инспектор, сэр Джон Кинкейд, рассказывает, что одна глазговская фирма снабдила все свои машины на фабрике предохранительными приспособлениями из старого железа, что обошлось ей в 9 ф. ст. 1 шилл. Если бы она присоединилась к вышеупомянутому союзу, ей пришлось бы за свои 110 лошадиных сил уплатить 11 ф. ст. взносов, т. е. более, чем стоили для нее все предохранительные приспособления. Однако National Association была основана в 1854 г. с явно выраженной целью противиться закону, предписывающему подобного рода предохранительные приспособления. За все время 1844—1854 гг. фабриканты не обращали на закон ни малейшего внимания. Фабричные инспекторы по предписанию Пальмерстона заявили фабрикантам, что отныне закон будет применяться со всей строгостью. Тотчас же фабриканты основали свою ассоциацию, среди видных членов которой многие сами были мировыми судьями и в качестве таковых должны были сами применять закон. В апреле 1855 г. новый министр внутренних дел, сэр Джордж Грэй, обратился к фабрикантам с компромиссным предложением, согласно которому правительство обещало удовольствоваться почти исключительно номинальным исполнением закона о предохранительных приспособлениях; однако ассоциация с негодованием отвергла и это предложение. Известный инженер Томас Ферберн поставил на карту свою репутацию, выступая в различных процессах экспертом-защитником экономии и нарушенной свободы капитала. Глава фабричной инспекции Леонард Хорнер подвергался со стороны фабрикантов всякого рода преследованиям и неприятностям.

Фабриканты не успокоились до тех пор, пока не добились решения Court of Queens Bench [«Суда королевской скамьи»], по толкованию которого закон 1844 г. не обязывает устраивать предохранительные приспособления для горизонтальных валов, поднятых над уровнем пола более чем на 7 футов. В 1856 г. им удалось, наконец, при посредстве ханжи Вильсона Пэттена, — одного из тех благочестивых людей, показная религия которых всегда готова выполнять черную работу в угоду рыцарям денежного мешка, — провести в парламенте закон, которым они пока что могли удовольствоваться. Закон этот фактически лишил рабочих всякой специальной защиты, предоставив им при несчастных случаях, причиненных машинами, искать вознаграждения в обычных судах (прямая насмешка при английской высоте судебных

издержек); с другой стороны, он при помощи весьма крючкотворных постановлений о производстве экспертизы сделал для фабрикантов почти невозможным проиграть процесс. В результате число несчастных случаев быстро возросло. За полугодие май — октябрь 1858 г. инспектор Бэкер отметил повышение числа несчастных случаев на 21% по сравнению с одним только предшествующим полугодием. 36,7% всех несчастных случаев, по его мнению, можно было бы предотвратить. С другой стороны, по сравнению с 1845 и 1846 гг., число несчастных случаев в 1858 и 1859 гг. значительно уменьшилось, а именно на 29%, несмотря на то, что число рабочих, подчиненных надзору фабричной инспекции, возросло на 20%. В чем же причина этого? Поскольку этот вопрос, возбуждающий такую борьбу, разрешен до настоящего времени (до 1865 г.), он разрешен главным образом путем введения новых машин, которые с самого начала делаются с готовыми предохранительными приспособлениями и с которыми фабрикант мирится, так как они не требуют от него добавочных издержек. Кроме того, отдельным рабочим удалось получить по суду крупное вознаграждение за потерянные руки путем успешного доведения дела до высшей инстанции («Reports of Insp. of Fact., 30 April 1861», стр. 31; также April 1862, стр. 17).

Этим мы ограничимся в вопросе об экономии на средствах, предохраняющих жизнь рабочих (среди которых много детей) от опасностей и органы рабочих от увечий, непосредственно обусловленных работой при машинах.

Работа в закрытых помещениях вообще. — Известно, в какой сильной степени экономия на пространстве, а следовательно на строениях, способствует скученности рабочих в тесных помещениях. Сюда присоединяется экономия на приспособлениях для вентиляции. В связи с продолжительным рабочим временем обе эти причины вызывают сильное увеличение болезней дыхательных органов и, следовательно, повышают смертность. Нижеследующие иллюстрации взяты из отчета о Public Health [состоянии общественного здоровья], 6th Report 1863; отчет составлен д-ром Джоном Саймоном, хорошо известным читателю по книге I этой работы.

Комбинирование рабочих и их кооперация — таково условие, допускающее применение машин в широком масштабе, концентрацию средств производства и экономию в их применении; равным образом эта совместная работа масс в закрытых помещениях и в таких условиях, когда решающим является не здоровье рабочих, а более успешное изготовление продукта, — это сосредоточение массы рабочих в одной и той же мастерской является, с одной стороны, источником растущей прибыли капиталистов, с другой же стороны, раз его последствия не компенсируются сокращением рабочего времени и специальными мерами предосторожности, оно является причиной расточения жизни и здоровья рабочих.

Д-р Саймон устанавливает следующее общее правило, доказывая его массовыми статистическими данными: «В прямом отношении к тому, насколько население данной местности вынуждено прибегать к совместному труду в закрытых помещениях, растет при прочих равных условиях норма смертности данного округа вследствие легочных заболеваний» (стр. 24). Причина — дурная вентиляция. «И, по всей вероятности, во всей Англии нет ни одного исключения из того общего правила, что в каждом округе, где имеется значительная промышленность, сосредоточенная в закрытых помещениях, повышенная смертность рабочих этой промышленности представляет достаточную величину, чтобы окрасить всю статистику смертности данного округа решительным преобладанием легочных болезней» (стр. 24).

Статистика смертности в отраслях промышленности, в которых работы производятся в закрытых помещениях и которые в 1860 и 1861 гг. подверглись обследованию со стороны санитарного надзора, дает следующие результаты. На то же самое число мужчин 15—55-летнего возраста, на которое в земледельческих округах Англии падает 100 смертных случаев от чахотки и других легочных заболеваний, приходится: в Ковентри — 163 смер ных случая от чахотки, в Блэкбэрне и Скиптоне — 167, в Конглетоне и Брэдфорде — 168, в Лейстере — 171, в Лике — 182, в Мэклсфильде — 184, в Болтоне — 190, в Ноттингеме — 192, в Рочдэле — 193, в Дерби — 198, в Сэльфорде и Эштоне андер Лайн — 203, в Лидсе — 218, в Престоне — 220 и в Манчестере — 263 (стр. 24). Нижеследующая таблица дает еще более разительный пример. Она приводит смертные случаи от легочных болезней отдельно для обоих полов в возрасте от 15 до 25 лет, вычисленные на каждые 100 000 жителей. Выбраны такие округа, в которых только женщины заняты промышленным трудом, сосредоточенным в закрытых помещениях, мужчины же заняты в самых разнообразных отраслях труда.

Округа	Главная промышленность	Число смертных случаев от легочных заболеваний в возрасте 15—25 л. на 100 000 жителей	
		Мужчин	Женщин
Беркгемстид	Плетение из соломы, работают женщины	219	578
Лейтон Баззард	Плетение из соломы, работают женщины	309	554
Ньюпорт Пэгнел	Плетение кружев женщинами	301	617
Тоучестер	Плетение кружев женщинами	239	577
Иовил	Перчаточное производство, работают преимущественно женщины	280	409
Лик	Шелковая промышленность, преобладают женщины	437	856
Конглетон	Шелковая промышленность, преобладают женщины	566	790
Мэклсфильд	Шелковая промышленность, преобладают женщины	593	890
Здоровая сельская местность	Земледелие	331	333

В округах с шелковой промышленностью, где участие мужчин в фабричной работе значительнее, сильнее также и смертность среди них. Норма смертности от чахотки и т. п. вскрывает здесь, как гласит отчет, «те возмутительные (atrocious) санитарные условия, в которых ведется значительная часть нашей шелковой промышленности». И это как раз та самая шелковая промышленность, фабриканты которой, указывая на исключительно благоприятные санитарные условия своего производства, требовали и отчасти добились исключительно продолжительного рабочего времени для детей ниже 13-летнего возраста (см. кн. I, гл. VIII, 6, стр. 256 [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 298]).

«Несомненно, ни одна из исследованных до сих пор отраслей промышленности не дает более печальной картины, чем швейное производство, обрисованное с этой стороны д-ром Смитом... «Мастерские», говорит он, «весьма различны в санитарном отношении; но почти все они переполнены, плохо проветриваются и в высшей степени нездоровы... Такие комнаты, кроме того, неизбежно душны; а когда зажигают газ, как это делается днем во время тумана или зимними вечерами, температура достигает 80 и даже 90 градусов (по Фаренгейту = 27—33° Цельсия), вследствие чего рабочие обливаются пòтом, оконные стекла отпотевают, вода постоянно струится и каплет с потолка, и рабочие вынуждены держать открытыми несколько окон, хотя они при этом неизбежно простуживаются». — Состояние 16 наиболее значительных мастерских в лондонском Вестэнде описывается следующим образом: «наибольшая кубатура на одного рабочего в этих плохо проветриваемых комнатах 270 куб. футов, наименьшая 105 футов, в среднем всего 156 футов на человека. В мастерской, окруженной со всех сторон галереей и получающей свет только сверху, работают от 92 до 100 человек; горит значительное количество газовых рожков; отхожие места находятся рядом с мастерской; на каждого человека приходится не более 150 футов кубатуры. В другой мастерской, которая, подобно собачьей конуре, помещается в глубине двора, освещаемого только сверху, и проветривается исключительно при помощи небольшого окна, проделанного в крыше, работают 5 или 6 человек, причем на каждого из них приходится всего 112 куб. футов». И «в этих ужасных (atrocious) мастерских, описанных д-ром Смитом, портные работают обыкновенно 12—13 часов в день, а порой работа продолжается целых 15—16 часов» (стр. 25, 26, 28)

Число занятых лиц	Отрасли промышленности и местности	Норма смертности на 100 000 в возрасте от:		
		25—35	35—45	45—55
958 265	Земледелие, Англия и Уэльс	743	805	1 145
22 301 мужчин и 12 377 женщин	Портные, Лондон	958	1 262	2 093
13 803	Наборщики и печатники, Лондон	894	1 747	2 367

(стр. 30). Необходимо отметить — и это действительно отмечено Джоном Саймоном, составителем отчета, заведующим медицинским отделом, — что для возраста 25—35 лет показаны преуменьшенные цифры смертности для портных, наборщиков и печатников Лондона, так как в обеих этих отраслях промышленности лондонские мастера получают из деревни значительное число молодых людей (вероятно, до 30-летнего возраста), работающих в качестве учеников и «improvers», т. е. совершенствующихся в ремесле. Они увеличивают собою число занятых в промышленности лиц, на которое рассчитываются нормы смертности промышленного населения Лондона; но число смертей в Лондоне среди них меньше, чем среди других рабочих, так как их пребывание в городе лишь временное; если они заболевают в течение этого времени, они возвращаются домой в деревню, где и регистрируется их смерть, когда болезнь имеет смертельный исход. Это в еще большей степени касается более ранних возрастных групп, и потому лондонские цифры смертности для лиц этих групп лишены всякого значения в качестве показателя вредности промышленности для здоровья (стр. 30).

Приблизительно так же, как с портными, обстоит дело с наборщиками, у которых к недостатку вентиляции, отравленному воздуху и т. д. присоединяется еще ночная работа. Их обычное рабочее время продолжается 12—13 часов, иногда 15—16. «Страшная жара и духота, как только зажгут газ... Нередко случается, что испарения из словолитни или смрад от машин и сточной канавы поднимаются вверх с нижнего этажа и усугубляют недостатки верхнего помещения. Разгоряченный воздух нижних помещений поднимает температуру в верхних уже только нагреванием пола, и если комнаты низки, а газа потребляется много, — это настоящее бедствие. Еще хуже обстоит дело там, где паровые котлы помещаются внизу и наполняют весь дом несносным жаром... В общем можно сказать, что вентиляция сплошь неудовлетворительна и совершенно недостаточна для того чтобы после захода солнца умерять жару и удалять продукты сгорания газа, и что во многих мастерских, особенно там, где раньше были жилые помещения, санитарные условия в высшей степени плачевны». В некоторых мастерских, в особенности там, где печатаются еженедельники, работа производится почти без перерыва в течение двух дней и одной ночи, причем здесь также работают подростки 12—16 лет; в других наборных мастерских, выполняющих срочные работы, рабочие не имеют отдыха даже по воскресеньям, и их рабочая неделя составляет 7 дней вместо 6-ти (стр. 26, 28).

О белошвейках и модистках (milliners and dressmakers) мы говорили уже в кн. I, гл. VIII, 3, стр. 215—217 [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 259—261], когда речь шла о чрезмерном

труде. Их рабочие помещения в приводимом нами отчете описаны д-ром Ордом. Даже в тех случаях, когда они днем несколько лучше, то в часы, когда зажжен газ, в них чрезвычайно жарко, атмосфера испорченная и нездоровая. В 34 более благоустроенных мастерских д-р Орд нашел, что в среднем кубатура на одну работницу была: «В 4 случаях более 500 футов; в 4 других — от 400 до 500 футов; ... в 5 — от 200—250; в 4 — от 150—200 и, наконец, в 9 случаях — только 100—150 куб. футов. Даже самый благоприятный из этих случаев дает содержание воздуха, едва достаточное при продолжительной работе в помещении с несовершенной вентиляцией. Даже при хорошей вентиляции вечером в мастерских становится очень жарко и душно вследствие того, что требуется значительное число горящих газовых рожков». А вот замечания д-ра Орда об одной из посещенных им мастерских низшего ранга, где работы ведутся за счет посредника (middleman): «Комната объемом 1 280 куб. футов; в ней находятся 14 человек; на каждого приходится 91,5 куб. фута. Работницы выглядели здесь переутомленными и измученными. Заработок определяется в 7—15 шилл. в неделю, кроме того чай... Работают от 8 утра до 8 вечера. Маленькая комната, в которой скучены эти 14 человек, плохо проветривается. Имеются два открывающихся окна и камин, который, впрочем, закопочен; нет никаких специальных приспособлений для вентиляции» (стр. 27).

В том же самом отчете о чрезмерной работе модисток говорится следующее: «Чрезмерный труд молодых женщин господствует в фешенебельных модных мастерских только в течение приблизительно 4 месяцев, но в такой чудовищной степени, что это порою вызывало даже изумление и неудовольствие публики; в течение этих месяцев в мастерской работают, как правило, 14 полных часов, а при накоплении спешных заказов даже 17—18 часов ежедневно. В остальное время года работы продолжаются, вероятно, 10—14 часов; работающие на дому заняты обыкновенно 12 или 13 часов. В производстве дамского верхнего платья, воротничков, сорочек и т. п. работы в общей мастерской, в том числе и шитье на швейной машине, продолжаются не так долго, обыкновенно не более 10—12 часов»; но, прибавляет д-р Орд, «в некоторых заведениях регулярное рабочее время удлиняется в известные периоды сверхурочными работами, оплачиваемыми особо, в других по окончании обычного рабочего дня работу захватывают с собой на дом, чтобы там закончить ее. Прибавим, что и в той и в другой форме сверхурочные работы зачастую являются принудительными» (стр. 28). Джон Саймон делает к этой странице следующее примечание: «Г-н Рэдклифф, секретарь эпидемиологического общества, который имел особенно много случаев обследовать здоровье работниц в заведениях первого типа, нашел, что из каждых

20 девушек, чувствовавших себя, по их словам, «совершенно здоровыми», в действительности здорова только одна; остальные обнаруживали различную степень упадка сил, нервного истощения и многочисленных обусловленных этим функциональных расстройств. Причинами этого он считает: в первую очередь продолжительность рабочего дня, которую он определяет даже для тихого времени года минимум в 12 часов ежедневно; во-вторых, переполнение и плохую вентиляцию мастерских, испорченный газовыми рожками воздух, недостаточное или плохое питание, недостаточную заботу о комфорте помещения».

Глава английского санитарного ведомства приходит в конце концов к заключению, «что для рабочих практически невозможно настоять на выполнении того, что теоретически является их элементарнейшим правом на здоровье, а именно, настоять на выполнении требования, чтобы работодатель, на какую бы работу он их ни назначал, за свой счет устранил, поскольку это от него зависит, все условия, делающие отправление этой совместной работы без нужды вредным для здоровья; между тем рабочие фактически не в состоянии собственными силами добиться этой санитарной справедливости и, вопреки намерению законодателя, столь же мало могут рассчитывать на какую-либо действительную поддержку со стороны чиновников, которым вверено проведение в жизнь Nuisances Removal Acts [Акта о предупреждении несчастных случаев] (стр. 29). — «Без сомнения, определение точных границ, в которых работодатели должны быть подвергнуты регулированию, представляет некоторые небольшие технические затруднения. Но... в принципе требования, направленные к охране здоровья, имеют универсальный характер. И в интересах миллионов рабочих и работниц, жизнь которых теперь без всякой нужды отравляется и сокращается бесчисленными физическими страданиями, вызываемыми исключительно характером их работы, я осмеливаюсь высказать надежду, что санитарные условия труда также будут везде поставлены под надлежащую защиту законов; необходимо по меньшей мере гарантировать устройство удовлетворительной вентиляции во всех закрытых рабочих помещениях и в каждой отрасли труда, вредной для здоровья по самой своей природе, ограничить, насколько возможно, влияния, особенно вредные для здоровья» (стр. 31).

III. ЭКОНОМИЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ, НА ПЕРЕДАЧЕ СИЛЫ И НА ПОСТРОЙКАХ.

В своем октябрьском отчете за 1852 г. Л. Хорнер цитирует письмо известного инженера Джемса Нэсмиса из Пэтрикрофта, изобретателя парового молота; в письме этом, между прочим, говорится:

«Публика очень мало знакома с тем, какое колоссальное приращение двигательной силы получается вследствие таких изменений системы и усовершенствований» (паровых машин), «как те, о которых я говорю. Сила машин нашего округа» (Ланкашира) «почти в течение 40 лет находилась под гнетом боязливой и полной предрассудков рутины, от которой мы теперь, к счастью, освободились. В течение последних 15 лет, в особенности же за последние 4 года» (следовательно с 1848 г.), «имели место очень важные изменения в способе использования конденсационных паровых машин... В результате... те же самые машины производят гораздо больше полезной работы при значительно уменьшенном потреблении угля... В течение очень многих лет после введения паровой силы на фабриках этого округа полагали, что скорость конденсационных машин может равняться приблизительно 220 футам движения поршня в минуту, т. е. машина с 5-футовым подъемом поршня была уже заранее ограничена 22 оборотами коленчатого вала в минуту. Считалось нецелесообразным пускать машину быстрее; и так как все механизмы были приспособлены к этой 220-футовой скорости движения поршня, эта малая и бессмысленно ограниченная скорость господствовала во всей промышленности в течение многих лет. Наконец, вследствие ли счастливого неведения установленной нормы или же по сознательной инициативе какого-либо смелого новатора, была испробована бо̀льшая скорость, и, так как результат оказался в высшей степени благоприятным, пример нашел себе подражателей; машине, как тогда выражались, отпустили вожжи, переделав главные колеса передаточного механизма таким образом, что паровая машина могла приобрести скорость в 300 футов и более в минуту, в то время как механизмы сохраняли свою прежнюю скорость... Это увеличение скорости паровой машины вошло теперь почти во всеобщее употребление, так как опыт показал, что при этом не только та же самая машина дает больше полезной силы, но и самое движение вследствие увеличенной инерции махового колеса становится много регулярнее. При неизменном давлении пара и неизменном разрежении в конденсаторе получается больше силы вследствие простого ускорения движения поршня. Если бы удалось, напр., паровую машину, дающую при 200 футах скорости в минуту 40 лошадиных сил, путем соответственных изменений преобразовать так, чтобы она давала 400 футов в минуту при том же давлении пара и разрежении, то мы получили бы как раз двойное количество силы; а так как давление пара и разрежение в обоих случаях одинаковы, то напряжение отдельных частей машины, а следовательно и опасность несчастных случаев при увеличении скорости, не увеличивается сколько-нибудь значительно. Вся разница сводится к тому, что теперь количество потребляемого пара увеличивается приблизительно в том же отношении, в

каком возрастает скорость движения поршня, и, кроме того, несколько быстрее снашиваются подшипники, т. е. части машины, подвергающиеся трению, но это едва ли заслуживает упоминания... Но, чтобы от той же самой машины получить больше силы при помощи ускоренного движения поршня, необходимо сжечь больше угля под тем же самым паровым котлом или применять котел с увеличенной способностью парообразования, одним словом, получить больше пара. Это и было достигнуто, и котлы, способные развивать больше пара, были приспособлены к старым «ускоренным» машинам; благодаря этому последние во многих случаях доставляли работы на 100% больше. Около 1842 г. начало привлекать к себе внимание чрезвычайно дешевое получение силы паровыми машинами в рудниках Корнуола; конкуренция в бумагопрядильной промышленности вынуждала фабрикантов искать главный источник своей прибыли в сбережениях; значительная разница в потреблении угля, при расчете на один час и одну лошадиную силу, между корнуольскими и другими машинами, а также чрезвычайная экономия, достигаемая применением вульфовских машин с двойными цилиндрами, заставили и в нашей местности выдвинуть на первый план вопрос о сбережении горючего материала. Корнуольские машины и машины с двойными цилиндрами доставляли 1 лошадиную силу в течение часа при сжигании от $3^1/_2$ до 4 фунтов угля, в то время как машины бумагопрядильных округов потребляли обыкновенно 8—12 фунтов угля на одну лошадиную силу в течение часа. Столь значительная разница побудила фабрикантов и машиностроителей нашего округа добиваться со своей стороны этой чрезвычайной экономии, употребляя средства, аналогичные тем, которые вошли уже в обычай в Корнуоле и во Франции, где высокие цены на уголь заставляли фабрикантов возможно более сокращать затраты на эту дорогую статью их предприятия. Это привело к очень важным результатам. Во-первых, многие котлы, половина поверхности которых в доброе старое время высоких прибылей была открыта действию холодного внешнего воздуха, теперь покрыли толстым слоем войлока или кирпича и штукатуркой или другими материалами, благодаря чему затруднилось излучение тепла, полученного с такими издержками. Подобным же образом стали защищать паровые трубы и окружать войлоком и деревом цилиндры. Во-вторых, стали применять высокое давление. Раньше на предохранительный клапан навешивалась такая нагрузка, что он открывался уже при давлении пара в 4, 6 или 8 фунтов на квадратный дюйм; теперь было найдено, что повышение давления до 14 или 20 фунтов... приводит к весьма значительному сбережению угля; другими словами, работа на фабрике стала осуществляться при значительно меньшем потреблении угля... Люди, обладающие

достаточными средствами и достаточной предприимчивостью, стали применять систему повышенного давления и расширения во всей ее полноте и ввели в употребление соответственно построенные паровые котлы, развивавшие давление в 30, 40, 60 и 70 фунтов на квадратный дюйм, — давление, которое заставило бы инженеров старой школы упасть в обморок от страха. Но так как экономический результат этого повышенного давления пара... очень быстро обнаружился в совершенно недвусмысленной форме фунтов, шиллингов и пенсов, паровые котлы высокого давления при конденсационных машинах получили почти всеобщее распространение. Те, кто провел реформу радикально, стали применять вульфовские машины; это имело место по отношению к большинству недавно построенных машин; вошли в употребление в особенности вульфовские машины с 2 цилиндрами, в одном из которых пар из котла развивает силу вследствие перевеса давления над атмосферным и затем, вместо того чтобы выходить наружу после каждого движения поршня, как это делалось прежде, поступает в цилиндр низкого давления, приблизительно в четыре раза более обширный по объему, и, совершив там новое расширение, проводится в конденсатор. Экономия, достигаемая в результате применения таких машин, выражается в том, что здесь работа одной лошадиной силы в течение часа создается при помощи $3^1/_2$—4 фунтов угля, тогда как на машинах старой системы для этого необходимо было от 12 до 14 фунтов. При помощи искусных приспособлений удалось вульфовскую систему двойного цилиндра или комбинированной машины высокого и низкого давления применить к существующим машинам более старого типа и таким образом повысить выполняемую ими работу, понижая в то же время потребление угля. Тот же самый результат в течение последних 8—10 лет был достигнут путем соединения машины высокого давления с конденсационной машиной таким образом, чтобы отработанный пар первой переходил во вторую и приводил ее в движение. Эта система во многих случаях оказалась полезной».

«Трудно было бы точно установить, в какой степени увеличилась работа, выполняемая теми из прежних машин, к которым были применены некоторые из указанных выше новых усовершенствований или все эти усовершенствования, вместе взятые. Я, однако, уверен, что на тот же самый вес паровой машины мы в среднем получаем в настоящее время по крайней мере на 50% больше работы и что во многих случаях та же самая паровая машина, которая в период ограничения скорости 220 футами в минуту давала 50 лошадиных сил, дает их теперь свыше 100. В высшей степени важные в смысле экономии результаты применения высокого давления при конденсационной

машине, а также значительно повышенные требования, предъявляемые в видах расширения предприятия к старым машинам, привели за последние три года к введению трубчатых котлов, благодаря чему опять-таки сильно уменьшились издержки получения пара» («Reports of Insp. of Fact., October 1852», стр. 23—27).

Все сказанное выше о двигателях применимо также к передаточным механизмам и рабочим машинам.

«Быстрый темп, которым характеризуется развитие усовершенствований в машинах за немногие последние годы, дал фабрикантам возможность расширить производство, не прибегая к увеличению двигательной силы. Более экономное пользование трудом стало необходимым вследствие сокращения рабочего дня, и на большинстве хорошо управляемых фабрик постоянно изыскиваются способы расширить производство при одновременном уменьшении затрат. Благодаря любезности одного очень интеллигентного фабриканта моего округа в моем распоряжении имеются данные относительно числа и возраста рабочих, занятых на его фабрике, относительно применяемых там машин и заработной платы, выплаченной за период с 1840 г. до настоящего времени. В октябре 1840 г. его фирма занимала 600 рабочих, из которых 200 было в возрасте до 13 лет; в октябре 1852 г. — только 350 рабочих, из которых лишь 60 в возрасте до 13 лет. В оба года в деле находилось одно и то же число машин, за самыми ничтожными исключениями, и была выплачена та же сумма заработной платы» (отчет Редгрейва в «Reports of Insp. of Fact., October 1852», стр. 58, 59).

Эти усовершенствования машин обнаруживают все свои результаты лишь тогда, когда они установлены в новых, целесообразно устроенных фабричных зданиях.

«Что касается усовершенствования машин, то я должен отметить, что сделаны крупные успехи прежде всего в постройке фабрик, приспособленных к установке этих новых машин... В нижнем этаже я произвожу трощение всей пряжи, и исключительно там сосредоточены 29 000 тростильных веретен. В одном этом помещении и в пристройке я достигаю экономии в труде по крайней мере на 10%, и не столько вследствие усовершенствований в системе самого трощения, сколько благодаря соединению машин под одним управлением; то же самое количество веретен я могу привести в движение при помощи одного передаточного вала, вследствие чего я, по сравнению с другими фирмами, выгадываю на одном передаточном механизме от 60 до 80%. Кроме того, при этом получается крупное сбережение на смазочном масле, жире и т. п. ... Одним словом, при усовершенствованном устройстве фабрики и улучшенных машинах я, по самому скромному расчету, сберег 10% на труде и, кроме того;

сделал крупные сбережения на силе, угле, масле, сале, передаточных валах, ремнях и т. п.» (показания одного бумагопрядильного фабриканта, «Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 109, 110).

IV. УТИЛИЗАЦИЯ ЭКСКРЕМЕНТОВ ПРОИЗВОДСТВА.

Вместе с капиталистическим способом производства расширяется использование экскрементов производства и потребления. Под первыми мы понимаем отбросы промышленности и сельского хозяйства, под последними — частью экскременты, являющиеся результатом естественного обмена веществ у человека, частью ту форму, какую принимают предметы потребления после того, как процесс потребления их закончен. Экскрементами производства являются, таким образом, в химической промышленности побочные продукты, которые теряются при малых размерах производства: железные стружки, остающиеся при фабрикации машин и снова вступающие в железоделательное производство в качестве сырья, и т. п. Экскременты потребления — это естественные вещества, выделяемые человеческим организмом, остатки платья в форме тряпья и т. д. Экскременты потребления наиболее важны для сельского хозяйства. В отношении их использования капиталистическое хозяйство отличается колоссальной расточительностью; в Лондоне, напр., оно не находит для испражнений $4^1/_2$ миллионов людей никакого лучшего употребления, как с огромными издержками заражать ими Темзу.

Вздорожание сырья служит, конечно, стимулом к использованию отбросов.

В общем условия этого вторичного использования таковы: накопление значительных масс экскрементов, которое возможно только при работе в крупном масштабе; усовершенствование машин, благодаря чему вещества, не находившие прежде употребления в данной форме, получают вид, пригодный для применения в новом производстве; успехи наук, в особенности химии, открывающей полезные свойства таких отбросов. Правда, и при мелкой грядковой земледельческой культуре, как, напр., в Ломбардии, южном Китае и Японии, тоже достигается крупная экономия этого рода. Однако в общем при этой системе производительность земледелия покупается сильным расточением человеческой рабочей силы, отвлекаемой от других сфер производства.

Так называемые отбросы играют значительную роль почти в каждой отрасли промышленности. Так, напр., в декабрьском фабричном отчете за 1863 г. указывается на следующее обстоятельство, как на одну из главных причин, вследствие которых фермеры

Англии и многих частей Ирландии лишь неохотно и редко занимаются культурой льна: «Значительные отходы... которые получаются при обработке льна в небольших льнотрепальнях, приводимых в действие водой (scutch mills)... Угары при употреблении хлопка сравнительно невелики, при употреблении же льна очень значительны. Тщательная постановка работ при мочении и механическом чесании может значительно ограничить этот ущерб... В Ирландии чесание льна производится зачастую в высшей степени неудовлетворительно, так что 28—30% продукта пропадают даром»; все это могло бы быть устранено при употреблении более совершенных машин. Очески отходят при этом в таком значительном количестве, что фабричный инспектор говорит: «Из некоторых чесальных заведений Ирландии мне сообщают, что рабочие часто забирают с собой домой образовавшиеся отходы и употребляют их в качестве топлива для своих печей, а ведь это весьма ценный материал» (там же, стр. 139, 140). О хлопковых угарах мы будем говорить ниже, там, где речь пойдет о колебаниях цен на сырье.

Шерстяная промышленность была благоразумнее, чем промышленность по обработке льна. «Прежде считалось позорным собирать отходы шерсти и шерстяной лоскут для новой переработки, но предрассудок этот совершенно исчез в связи с shoddy trade (производством искусственной шерсти), которое сделалось важной отраслью шерстяной промышленности йоркширского округа; без сомнения, и предприятия, перерабатывающие хлопковые угары, скоро займут то же самое место в качестве отрасли производства, отвечающей общепризнанной потребности. 30 лет назад шерстяной лоскут, т. е. куски ткани из чистой шерсти, оценивался в среднем 4 ф. ст. 4 шилл. за тонну; за последние несколько лет он вздорожал до 44 ф. ст. за тонну. При этом спрос настолько возрос, что утилизируется даже смешанная ткань из шерсти и хлопка, так как найдено средство разрушать хлопок, не повреждая шерсти; и в настоящее время тысячи рабочих заняты фабрикацией shoddy [искусственной шерсти], от чего потребитель получает крупную выгоду, так как в настоящее время он может купить сукно хорошего среднего качества за очень умеренную цену» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 107). Восстановляемая таким образом искусственная шерсть уже к концу 1862 г. составляла одну треть всего потребления шерсти в английской промышленности («Reports of Insp. of Fact., October 1862», стр. 81). «Крупная выгода» «потребителя» состоит в том, что его шерстяные платья теперь изнашиваются в три раза скорее, чем прежде, и в шесть раз скорее начинают разлезаться по ниткам.

Английская шелковая промышленность двигалась по той же наклонной плоскости. С 1839 по 1862 г. потребление натурального

шелка-сырца несколько уменьшилось, в то время как потребление шелковых отходов удвоилось. Усовершенствованные машины доставили возможность фабриковать из этого, при других условиях довольно малоценного, материала шелковую ткань, применимую для различных целей.

Наиболее яркий пример применения отбросов дает химическая промышленность. Она потребляет не только свои собственные отбросы, находя для них новое применение, но также отбросы самых разнообразных других отраслей промышленности и превращает, напр., пропадавший в прежнее время почти совершенно без пользы каменноугольный деготь в анилиновые краски, в ализарин, а за последнее время также в медикаменты.

От этой экономии на отходах производства путем вторичной утилизации последних следует отличать экономию при получении самих отходов, т. е. сведение экскрементов производства к их минимуму и непосредственное максимальное использование сырья и вспомогательных материалов, входящих в производство.

Сбережения на отходах частью обусловлены хорошим качеством применяемых машин. Масло, мыло и т. п. сберегаются тем более, чем точнее работают отдельные части машин и чем лучше они отполированы. Это касается вспомогательных материалов. Отчасти же — и это самое важное — от качества применяемых машин и орудий зависит, больше или меньше сырья в процессе производства превращается в отбросы. Наконец, это зависит также от качества самого сырья. Последнее, в свою очередь, зависит частью от развития добывающей промышленности и земледелия, которые производят сырье (от успехов культуры в собственном смысле этого слова), частью от степени развития процессов, которым сырье подвергается до своего вступления в обрабатывающую промышленность.

«Пармантье доказал, что за сравнительно не очень большой период, напр. со времени Людовика XIV, искусство молоть зерно значительно усовершенствовалось во Франции, так что современные мельницы по сравнению с прежними дают почти наполовину больше хлеба из того же самого количества зерна. В самом деле, годовое потребление парижанина, исчислявшееся прежде в 4 сетье зерна, затем в 3, наконец в 2, в настоящее время составляет только $1^1/_3$ сетье, или приблизительно 342 фунта на душу... В Перше, где я долго жил, грубо построенные мельницы с жерновами из гранита и трапа в большинстве случаев переделаны согласно требованиям механики, сделавшей такие крупные успехи за последние 30 лет. Их снабдили хорошими жерновами Ла Фертэ, стали перемалывать зерно два раза, ситу придали кругообразное движение, и в результате из того же самого количества зерна получается на $^1/_6$ больше муки. Та-

ким образом я легко объясняю себе громадную разницу между ежедневным потреблением зерна у римлян и у нас; причина заключается исключительно в недостаточном совершенстве способов перемалывания зерна и приготовления хлеба. В этом также я вижу объяснение того замечательного факта, который приводит Плиний, XVIII, гл. 20, 2... Мука продавалась в Риме, смотря по качеству, по 40, 48 или 96 ассов за модий. Эти цены, чрезвычайно высокие по сравнению с ценами на зерно того времени, объясняются детски-несовершенным состоянием техники мельниц и вытекающими отсюда значительными издержками на помол» (Dureau de la Malle: «Economie Politique des Romains», Paris 1840, I, стр. 280—281).

V. ЭКОНОМИЯ, ДОСТИГАЕМАЯ БЛАГОДАРЯ ИЗОБРЕТЕНИЯМ.

Этого рода сбережения в применении основного капитала являются, как уже сказано, результатом того, что условия труда применяются в крупном масштабе, коротко говоря, что они служат условиями непосредственно общественного, обобществленного труда или непосредственной кооперации в процессе производства. С одной стороны, только при этом условии механические и химические изобретения могут быть применены без повышения цены товара, а последнее обстоятельство есть всегда conditio sine qua non [непременное условие]. С другой стороны, только при производстве, организованном в крупном масштабе, становятся возможными сбережения, вытекающие из совместного производительного потребления. Наконец, только опыт комбинированного работника открывает и показывает, где и как надо экономить, как проще всего воспользоваться уже сделанными открытиями, какие практические затруднения приходится преодолевать, применяя теорию к производственному процессу, и т. д.

Заметим мимоходом, что следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов.

Вышесказанное получает новое подтверждение в следующих неоднократно наблюдавшихся обстоятельствах:

1) В большой разнице между издержками первоначальной постройки новой машины и издержками ее воспроизводства, о чем смотри у Юра и Бэббеджа.

2) В том, что издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего новые изобретения, всегда значительно больше,

чем издержки последующих предприятий, возникших на его развалинах, ex suis ossibus [на его костях]. Это до такой степени верно, что обыкновенно предприниматели-новаторы банкротятся, и лишь их последователи, в руки которых строения, машины и т. п. попадают по более дешевым ценам, процветают. Именно поэтому наибольшую выгоду из всякого прогресса всеобщего труда человеческого ума и из общественного применения этого прогресса комбинированным трудом в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН.

I. КОЛЕБАНИЯ ЦЕН СЫРЬЯ. ИХ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ.

Мы предполагаем здесь, как и раньше, что норма прибавочной стоимости не претерпевает никакого изменения. Эта предпосылка необходима для того чтобы исследовать данный случай в его чистом виде. Представляется, однако, возможным, что при неизменной норме прибавочной стоимости капитал занимает увеличивающееся или уменьшающееся количество рабочих вследствие тех сокращений или расширений, которые вызываются подлежащими здесь нашему рассмотрению колебаниями цен на сырье. В этом случае масса прибавочной стоимости могла бы изменяться при постоянной норме прибавочной стоимости. Однако мы должны здесь устранить и этот промежуточный случай. Если усовершенствование машин и изменение цены сырья одновременно влияют на количество занятых данным капиталом рабочих или на высоту заработной платы, то следует только сопоставить 1) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения постоянного капитала, и 2) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения заработной платы; итог получается сам собою.

Но здесь, как и в предыдущем случае, необходимо, вообще говоря, иметь в виду следующее. Раз наступают изменения, вследствие ли экономии на постоянном капитале или вследствие колебания цены сырья, они всегда затрагивают норму прибыли, даже в том случае, если они совершенно не изменяют заработной платы, а следовательно также нормы и массы прибавочной стоимости. В формуле $m' \frac{v}{K}$ они изменяют величину K, а вместе с тем и величину всей дроби. Таким образом здесь, — в отличие от того, что мы видели при рассмотрении прибавочной стоимости, — совершенно безразлично, в каких сферах производства совершаются эти изменения, производят ли затронутые ими отрасли промышленности жизненные средства рабочих и постоянный капитал, служащий для производства жизненных средств, или нет. Все развиваемые здесь соображения применимы также к тем случаям, когда изменения происходят в производстве предметов роскоши, причем под производством предметов роскоши мы разумеем всякое вообще

производство, не являющееся необходимым для воспроизводства рабочей силы.

К сырью причисляются здесь также вспомогательные материалы, каковы индиго, уголь, газ и т. п. Далее, поскольку к этой рубрике относятся машины, их собственный сырой материал состоит из железа, дерева, кожи и т. п. Их цена испытывает поэтому влияние колебания цен на сырой материал, входящий в их конструкцию. И, поскольку цена эта повышается вследствие колебания цен сырого материала, из которого они состоят, или вспомогательных веществ, которые потребляются при их эксплуатации, понижается pro tanto [соответственно] и норма прибыли. И наоборот.

В дальнейшем исследовании мы ограничимся колебаниями цен только того сырья, из которого непосредственно производится товар; мы оставим таким образом в стороне сырье, поскольку оно является сырым материалом при производстве машин, функционирующих в качестве средств труда, или вспомогательным материалом, потребляемым при их применении. Только одно здесь следует еще отметить: естественное богатство железом, углем, деревом и т. д., вообще главными элементами, необходимыми для построения и применения машин, кажется здесь естественным плодородием самого капитала и является одним из элементов, определяющих норму прибыли, независимо от высокого или низкого уровня заработной платы.

Так как норма прибыли $\frac{m}{K}$ или $= \frac{m}{c+v}$, то, очевидно, все, изменяющее величину c, а следовательно и K, изменяет в то же время и норму прибыли, даже в том случае, если m и v и их взаимное отношение остаются неизменными. Но сырье образует главную составную часть постоянного капитала. Даже в те отрасли промышленности, в которых нет сырья в собственном смысле слова, сырье входит в качестве вспомогательного материала или как составная часть машин и т. п., и таким образом колебания его цен влияют pro tanto [соответственно] на норму прибыли. Если цена сырья падает на сумму $= d$, то $\frac{m}{K}$ или $\frac{m}{c+v}$ превращается в $\frac{m}{K-d}$ или $\frac{m}{(c-d)+v}$. Следовательно, норма прибыли повышается. Наоборот, если цена сырья повышается, то $\frac{m}{K}$ или $\frac{m}{c+v}$ превращается в $\frac{m}{K+d}$ или $\frac{m}{(c+d)+v}$, т. е. норма прибыли падает. При прочих равных условиях, норма прибыли повышается или понижается, как мы видим, в направлении, обратном по сравнению с движением цены сырья. Отсюда видно, между прочим, насколько важны для промышленных стран низкие цены сырья, даже если колебания цен на сырье не сопровождаются изменениями

в сфере сбыта продукта, т. е. если даже совсем оставить в стороне соотношение между спросом и предложением. Отсюда следует далее, что внешняя торговля влияет на норму прибыли, даже независимо от всякого воздействия ее на заработную плату путем удешевления необходимых жизненных средств. А именно, она влияет на цены сырья и вспомогательных материалов, применяемых в промышленности или земледелии. Существующее до сих пор совершенно недостаточное понимание природы нормы прибыли и ее специфического отличия от нормы прибавочной стоимости повинно в том, что, с одной стороны, те экономисты, которые подчеркивают установленное практическим опытом значительное влияние цен сырья на норму прибыли, совершенно неверно объясняют это теоретически (Торренс), между тем как, с другой стороны, те экономисты, которые строго придерживаются общих принципов, как Рикардо, не замечают влияния на норму прибыли, напр., всемирной торговли.

Легко понять поэтому, какую крупную важность для промышленности представляет уничтожение или понижение пошлин на сырье; по возможности свободный ввоз сырья был поэтому основным положением рационально построенной покровительственной системы. Наряду с устранением пошлин на хлеб это было центральным пунктом для английских фритредеров, которые особенно заботились об уничтожении пошлин и на хлопок.

Примером важности понижения цен не сырья в собственном смысле слова, а материала вспомогательного, являющегося в то же время и главным элементом пищи, может послужить потребление муки в хлопчатобумажной промышленности. Уже в 1837 г., по вычислению Р. Х. Грега[13], имевшиеся в то время в хлопчатобумажной промышленности Великобритании 100 000 механических и 250 000 ручных ткацких станков потребляли ежегодно 41 миллион фунтов муки для шлихтования основы. К этому надо присоединить еще одну треть указанного количества на беление и другие процессы. Общую стоимость потребляемой таким образом муки он определяет в 342 000 ф. ст. ежегодно за последние 10 лет. Сравнение с ценами муки на континенте показало, что вследствие хлебных пошлин фабриканты вынуждены были переплачивать на одной только муке 170 000 ф. ст. ежегодно. Для 1837 г. Грег оценивает эту переплату по меньшей мере в 200 000 ф. ст. и указывает на одну фирму, которой это вздутие цены на муку обходилось ежегодно в 1000 ф. ст. Вследствие этого «крупные фабриканты, умелые и расчетливые дельцы, утверждают, что 10-ти часов ежедневного труда было бы вполне достаточно, если бы отменили хлебные пошлины» («Reports of Insp. of Fact., October 1848»,

[13] «The Factory Question and the Ten Hours Bill». By R. H. Greg. London 1837, стр. 115.

стр. 98). Хлебные пошлины, а также пошлины на хлопок и другое сырье были отменены; но едва это было достигнуто, как оппозиция фабрикантов десятичасовому биллю сделалась более энергичной, чем когда бы то ни было. И когда вслед за тем десятичасовой день на фабриках все-таки стал законом, его первым последствием была попытка всеобщего понижения заработной платы.

Стоимость сырья и вспомогательных материалов сразу и целиком входит в стоимость продукта, на изготовление которого они потребляются, в то время как стоимость элементов основного капитала переходит на продукт лишь по мере снашивания, следовательно лишь постепенно. Отсюда следует, что цена продукта в гораздо большей степени затрагивается ценой сырого материала, чем ценой основного капитала, хотя норма прибыли определяется общей суммой стоимости применяемого капитала, независимо от того, какая часть его потребляется в данное время. Очевидно, однако, что расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены, — впрочем, об этой стороне дела мы упоминаем лишь мимоходом, так как здесь мы все еще предполагаем, что товары продаются по их стоимости, и, следовательно, совершенно отвлекаемся от колебания цен, вызванного конкуренцией. Поэтому в действительности оказывается, что при повышении цены сырья цена фабриката повышается не в том же отношении и не в том же отношении падает при понижении цены сырья. Таким образом в одном случае норма прибыли падает ниже, в другом поднимается выше, чем это имело бы место при продаже товаров по их действительной стоимости.

Далее: масса и стоимость применяемых машин возрастает с развитием производительной силы труда, но не в том отношении, в каком растет сама производительная сила, т. е. в каком увеличивается количество продукта, доставляемого этими машинами. Таким образом в тех отраслях промышленности, куда вообще входит сырье, или, другими словами, где предмет труда сам является уже продуктом предшествующего труда, — в этих отраслях промышленности рост производительной силы труда выражается как раз в том отношении, в каком увеличивается количество сырья, поглощающего данное количество труда, следовательно в растущей массе сырья, превращаемой в продукт, перерабатываемой в товар в течение, напр., одного рабочего часа. Итак, по мере развития производительной силы труда стоимость сырья образует все возрастающую составную часть стоимости товарного продукта, и не только потому, что она целиком входит в эту последнюю, но также потому, что в каждой доле всего продукта обе части, — как часть, образуемая снашиванием машин, так и часть, создаваемая вновь присоединенным трудом,—уменьшаются. Вследствие этого понижательного движения относительно возрастает

другая часть стоимости, образуемая сырьем, если только этот рост не уничтожается соответственным уменьшением стоимости сырья, которое является результатом растущей производительности труда, применяемого для изготовления самого этого сырья.

Так как, далее, сырье и вспомогательные материалы совершенно так же, как и заработная плата, образуют составные части оборотного капитала, то они постоянно должны полностью возмещаться из каждой отдельной продажи продукта, в то время как от машин возмещается только снашивание, и к тому же сначала в форме резервного фонда, — при этом на деле отнюдь не столь существенно, выделяется определенная часть в резервный фонд при каждой отдельной продаже продукта или нет, предполагается только, что из всей годовой выручки производится соответственное годовое отчисление. Таким образом здесь снова обнаруживается, что повышение цены сырья может урезать или затормозить весь процесс воспроизводства в том случае, если цена, вырученная от продажи товара, недостаточна для возмещения всех элементов товара или если цена эта делает невозможным продолжение процесса производства в размерах, отвечающих его техническому базису, так что в результате или работает только часть машин или же все машины не могут работать обычное полное время.

Наконец, издержки, связанные с образованием отбросов, изменяются в прямом отношении к колебаниям цены сырья: растут, если она растет, падают, если она падает. Но и здесь имеется известная граница. Уже в 1850 г. были написаны следующие строки: «Один из источников значительных потерь, вызываемых повышением цены сырья, обыкновенно ускользает от внимания всякого, кто не является прядильщиком-практиком, а именно потери на угарах. Мне сообщают, что при повышении цен хлопка издержки прядильщика, в особенности при изготовлении пряжи низших сортов, растут сильнее, чем уплачиваемая надбавка к цене. Угары при прядении грубой пряжи достигают 15% с лишком; следовательно, если эта норма при цене хлопка в $3^1/_2$ пенса причиняет потерю в $^1/_2$ пенни на 1 фунт, то при возрастании цены хлопка до 7 пенсов на фунт потеря составит уже 1 пенни на фунт» («Reports of Insp. of Fact., April 1850», стр. 17). — Но в тот период, когда вследствие американской гражданской войны цена хлопка достигла высоты, неслыханной почти за целое столетие, мы находим в отчете уже нечто совсем иное: «Цена, которую дают в настоящее время за хлопковые угары, и вторичная переработка этих угаров на фабрике в качестве сырья до известной степени компенсируют ту разницу в потере на угарах, которая получается при употреблении индийского хлопка вместо американского. Разница эта составляет приблизительно $12^1/_2$%. Потеря при обработке индийского

хлопка достигает 25%, так что в действительности хлопок обходится прядильщику на $^1/_4$ дороже, чем он за него платит. Потеря на угарах не играла крупной роли, когда американский хлопок стоил 5 или 6 пенсов за фунт, потому что тогда она не превышала $^3/_4$ пенни на фунт; но сейчас, когда фунт хлопка стоит 2 шилл., а следовательно потеря на угарах составляет 6 пенсов на фунт, она имеет крупное значение»[14] («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 106).

II. ПОВЫШЕНИЕ И ПОНИЖЕНИЕ СТОИМОСТИ КАПИТАЛА, ЕГО ВЫСВОБОЖДЕНИЕ И СВЯЗЫВАНИЕ.

Явления, которые мы рассматриваем в этой главе, нуждаются для своего полного развития в существовании кредита и конкуренции на всемирном рынке, который вообще является базисом и жизненной атмосферой капиталистического способа производства. Однако эти конкретные формы капиталистического производства могут быть исследованы исчерпывающим образом лишь после того, как будет выяснена общая природа капитала; к тому же такое исследование не входит в план нашей работы и относится к теме, которая могла бы составить ее продолжение. Тем не менее явления, указанные в заголовке этого отдела, могут быть рассмотрены здесь в общей форме. Они находятся в связи, с одной стороны, между собою, с другой стороны, с нормой и массой прибыли. Они подлежат здесь краткому рассмотрению уже по одной той причине, что ими вызывается иллюзия, будто не только норма, но и масса прибыли, — в действительности тожественная с массой прибавочной стоимости, — может уменьшаться и увеличиваться независимо от движения массы и нормы прибавочной стоимости.

Можно ли рассматривать высвобождение и связывание капитала, с одной стороны, повышение и понижение его стоимости, с другой, как различные явления?

Прежде всего возникает вопрос: что понимаем мы под высвобождением и связыванием капитала? Повышение и понижение стоимости понятны сами собой. Они означают лишь, что вследствие каких-либо общих экономических причин — потому что об особой

[14] В заключительной фразе отчета допущена ошибка. Вместо 6 пенсов должно стоять 3 пенса потери на угарах. Эта потеря достигает 25% при обработке индийского хлопка, но она равняется только $12^1/_2$—15% при обработке американского хлопка, о котором здесь идет речь, причем выше, по отношению к цене 5—6 пенсов, этот же самый процент вычислен правильно. Впрочем, и при употреблении того американского хлопка, который привозился в Европу в течение последних лет гражданской войны, доля угаров зачастую была значительно выше, чем в прежнее время. — *Ф. Э.*

судьбе каждого отдельного капитала здесь речи нет — увеличивается или уменьшается стоимость уже существующего капитала, следовательно повышается или падает стоимость капитала, авансированного на производство, независимо от ее увеличения тем прибавочным трудом, который применяется капиталом.

Говоря о связывании капитала, мы разумеем, что определенные данные части всей стоимости продукта должны быть снова превращены в элементы постоянного или переменного капитала для того чтобы производство могло продолжаться в прежних размерах. Говоря о высвобождении капитала, мы разумеем, что часть всей стоимости продукта, которая до сих пор должна была превращаться в постоянный или переменный капитал, становится свободной и излишней, если производство должно продолжаться в прежних размерах. Это высвобождение и связывание капитала отличается от высвобождения и связывания дохода. Если, напр., годовая прибавочная стоимость для капитала $K = x$, то вследствие удешевления товаров, входящих в потребление капиталиста, $x - a$ может оказаться достаточным для того чтобы удовлетворить те же самые потребности, что и раньше. Благодаря этому часть дохода $= a$ высвобождается и может служить или для расширения потребления, или же для обратного превращения в капитал (для накопления). Наоборот, если требуется $x + a$ для того чтобы продолжать прежний образ жизни, то или этот последний должен претерпеть ограничение, или часть дохода, равная a и прежде накоплявшаяся, должна быть израсходована теперь в качестве дохода.

Повышение и понижение стоимости может коснуться или постоянного, или переменного капитала, или того и другого одновременно, причем по отношению к постоянному капиталу оно может опять-таки коснуться или основной, или оборотной его части, или обеих вместе.

В составе постоянного капитала следует рассмотреть: сырье и вспомогательные материалы, к которым относятся и полуфабрикаты, — все это мы объединяем под общим именем сырья, — машины и прочий основной капитал.

Выше мы уже рассмотрели изменения цены, resp. [соответств.] стоимости, сырья, их влияние на норму прибыли и установили тот общий закон, что при прочих равных условиях норма прибыли находится в обратном отношении к высоте стоимости сырья. Это безусловно справедливо для капитала, который заново вкладывается в предприятие, т. е. для того случая, когда вложение капитала, превращение денег в производительный капитал, совершается впервые.

Но и помимо этого капитала, составляющего новые вложения, значительная часть капитала, уже функционирующего, находится в сфере обращения, в то время как другая часть его остается

в сфере производства. Часть имеется на рынке в качестве товара и должна быть превращена в деньги; другая часть существует в виде денег в какой бы то ни было форме и должна быть снова превращена в условия производства; наконец, третья часть находится в сфере производства, частью в первоначальной форме средств производства, сырья, вспомогательных материалов, купленных на рынке полуфабрикатов, машин и прочего основного капитала, частью в виде продукта, еще находящегося в процессе изготовления. Каким образом влияет здесь повышение и понижение стоимости, сильно зависит от количественного соотношения между этими составными частями. Для упрощения вопроса мы оставим пока в стороне весь основной капитал и будем рассматривать лишь ту часть постоянного капитала, которая состоит из сырья и вспомогательных материалов, полуфабрикатов и товаров, или еще только изготовляемых, или уже находящихся на рынке в готовом виде.

Если повышается цена сырья, напр. хлопка, то повышается также цена и хлопчатобумажных товаров — полуфабрикатов, как пряжа, и готовых товаров, как ткань и т. п., — которые сфабрикованы из более дешевого хлопка; равным образом повышается как стоимость еще не обработанного, находящегося на складе хлопка, так и стоимость того хлопка, который еще только подвергается обработке. Последний, благодаря обратному влиянию изменившихся условий, становится выражением большего рабочего времени, присоединяет к продукту, в который он входит составной частью, бо̀льшую стоимость, чем та, которой он сам обладал первоначально и которую капиталист заплатил за него.

Таким образом, если при повышении цены сырья на рынке находятся значительные массы готового товара, — на какой бы то ни было ступени обработки, — то повышается стоимость этого товара и вместе с тем происходит повышение стоимости уже существующего капитала. То же самое следует сказать о находящихся в руках производителей запасах сырья и т. п. Это повышение стоимости может вознаградить или более чем вознаградить отдельных капиталистов или даже капиталистов целой отрасли промышленности за падение нормы прибыли, обусловленное повышением цены сырья. Не входя здесь в детали влияния конкуренции, можно, однако, ради полноты отметить, что: 1) если находящиеся на складах запасы сырья значительны, они противодействуют повышению цен, возникающему в самом очаге производства сырья; 2) если находящиеся на рынке полуфабрикаты или готовые товары слишком тяжело давят на рынок, они препятствуют цене готовых товаров или полуфабрикатов расти соответственно цене их сырья.

Обратное имеет место при падении цен сырья, благодаря которому при прочих равных условиях норма прибыли повышается. Товары, находящиеся на рынке, предметы, обработка которых

еще не закончена, запасы сырья обесцениваются, противодействуя этим одновременно совершающемуся повышению нормы прибыли.

Чем меньше запасы, находящиеся в сфере производства и на рынке, напр. к концу операционного года, ко времени, когда сырье вновь доставляется в большом количестве, — следовательно для сельскохозяйственных продуктов после жатвы, — тем в более чистом виде проявляется влияние изменения цен на сырье.

Во всем нашем исследовании мы исходим из предположения, что повышение или понижение цен является выражением действительных колебаний стоимости. Но так как здесь дело идет о том влиянии, которое колебания цен оказывают на норму прибыли, то источник самих этих колебаний в действительности не имеет значения; развитые здесь выводы остаются справедливыми и в том случае, если цены повышаются и падают не вследствие колебаний стоимости, а вследствие воздействия системы кредита, конкуренции и т. п.

Так как норма прибыли равняется отношению избытка стоимости продукта к стоимости всего авансированного капитала, то повышение нормы прибыли, вызываемое обесценением авансированного капитала, связано с потерею капитальной стоимости точно так же, как понижение нормы прибыли, вызываемое повышением стоимости авансированного капитала, может соединяться с выигрышем.

Что касается другой части постоянного капитала, машин и вообще основного капитала, то повышения стоимости, имеющие здесь место, а именно касающиеся построек, земли и т. п., могут быть исследованы только в связи с учением о земельной ренте и потому не относятся сюда. Для обесценения же этой части капитала наиболее общее значение имеют следующие причины:

Постоянные усовершенствования, вследствие которых уже имеющиеся машины, фабричные здания и т. д. теряют в отношении своей потребительной стоимости, а следовательно и своей стоимости. Этот процесс действует с особой силой в первый период введения новых машин, когда эти последние не достигли еще достаточной степени зрелости и когда поэтому они сплошь да рядом оказываются устарелыми раньше, чем успеют воспроизвести свою стоимость. Это является одной из причин обычного в такие эпохи чрезмерного удлинения рабочего времени, сплошной работы при помощи дневных и ночных смен, имеющей целью в течение возможно более короткого периода воспроизвести стоимость машин, не отчисляя слишком больших сумм на их снашивание. Если бы короткий период деятельности машин (сокращенный срок их жизни ввиду вероятных усовершенствований) не компенсировался таким образом, то на продукт вследствие морального снашивания машин

переходила бы столь значительная часть их стоимости, что они не могли бы конкурировать даже с ручным трудом [15].

Если машины, тип построек, вообще основной капитал достигли известной зрелости, так что в течение более или менее продолжительного периода остаются неизменными, по крайней мере в своей основной конструкции, то подобного же рода обесценение происходит вследствие усовершенствования методов воспроизводства этого основного капитала. Стоимость машин и т. п. падает теперь не потому, что они быстро вытесняются и до известной степени обесцениваются новыми более производительными машинами, а потому, что они теперь могут быть воспроизведены дешевле. Такова одна из причин, почему крупное предприятие зачастую процветает лишь во вторых руках, после того как обанкротится его первый владелец, а второй, купив его за дешевую цену, таким образом уже с самого начала приступит к производству с меньшими затратами капитала.

В земледелии особенно бросается в глаза, что те же самые причины, которые повышают или понижают цену продукта, повышают или понижают также стоимость капитала, так как последний в значительной своей части сам состоит из этого продукта: зерна, скота и т. п. (Рикардо).

Следовало бы упомянуть еще о переменном капитале.

Раз стоимость рабочей силы возрастает вследствие повышения стоимости жизненных средств, необходимых для ее воспроизводства, или, наоборот, понижается вследствие понижения стоимости этих жизненных средств, — а повышение и понижение стоимости переменного капитала не выражает ничего иного, кроме этих двух случаев, — то при неизменной продолжительности рабочего дня такому повышению стоимости соответствует падение прибавочной стоимости, такому обесценению — увеличение прибавочной стоимости. Но с этим в то же время могут быть связаны и другие обстоятельства — высвобождение и связывание капитала, — которые еще не были исследованы и которые мы должны теперь вкратце рассмотреть.

Если заработная плата падает вследствие понижения стоимости рабочей силы (с чем может быть связано даже повышение реальной цены труда), то высвобождается часть капитала, которая до сих пор затрачивалась на заработную плату. Происходит высвобождение переменного капитала. На вновь вкладываемый

---

[15] Примеры этого см., между прочим, у Бэббеджа. Обычное средство — понижение заработной платы — применяется и в данном случае, и таким образом это постоянное обесценение приводит к совершенно иным последствиям, чем это представляется гармоничной голове г-на Кэри.

капитал это оказывает лишь то влияние, что он работает с повышенной нормой прибавочной стоимости. Меньшее по сравнению с прежним количество денег приводит в движение то же самое количество труда, и таким образом неоплаченная часть труда увеличивается за счет оплаченной. Но для капитала, бывшего до сих пор в деле, не только повышается норма прибавочной стоимости, но, кроме того, высвобождается часть капитала, который до того времени расходовался на заработную плату. До сих пор она была связана и составляла неизменную часть, которая отделялась от выручки за продукт и, чтобы предприятие продолжалось в прежнем масштабе, должна была затрачиваться на заработную плату, функционировать как переменный капитал. Теперь эта часть капитала становится свободной и, следовательно, она может быть употреблена как новая затрата капитала — или для расширения того же самого предприятия, или для функционирования в другой сфере производства.

Допустим, напр., что первоначально требовалось 500 ф. ст. для того чтобы еженедельно использовать труд 500 рабочих, а теперь для этой цели требуется только 400 ф. ст. Если масса произведенной стоимости в обоих случаях = 1 000 ф. ст., то масса еженедельной прибавочной стоимости в первом случае будет = 500 ф. ст., норма прибавочной стоимости $\frac{500}{500} = 100\%$; после же понижения заработной платы масса прибавочной стоимости 1000 ф. ст. — 400 ф. ст. = 600 ф. ст. и ее норма $\frac{600}{400} = 150\%$. И это повышение нормы прибавочной стоимости есть единственный результат для того, кто с переменным капиталом в 400 ф. ст. и соответственным постоянным капиталом начинает новое предприятие в той же самой сфере производства. Напротив, в предприятии, уже функционирующем, в этом случае вследствие обесценения переменного капитала не только повышается масса прибавочной стоимости с 500 до 600 ф. ст., а норма прибавочной стоимости — со 100 до 150%, но, кроме того, высвобождаются 100 ф. ст. переменного капитала, которые могут быть снова употреблены на эксплуатацию труда. Следовательно, не только прежнее количество труда эксплуатируется с большей выгодой, но благодаря высвобождению этих 100 ф. ст. прежний переменный капитал в 500 ф. ст. дает возможность эксплуатировать при более высокой норме эксплуатации больше рабочих, чем раньше.

Теперь возьмем обратный случай. Предположим, что первоначальное распределение продукта совершалось при 500 рабочих в таком отношении: $400_v + 600_m = 1000$, так что норма прибавочной стоимости = 150%. Таким образом рабочий получает еженедельно $^4/_5$ ф. ст. = 16 шилл. Если теперь вследствие повышения стоимости переменного капитала 500 рабочих обойдутся в неделю в 500 ф. ст., то еженедельная заработная плата каждого

отдельного рабочего будет = 1 ф. ст., и 400 ф. ст. могут привести в движение всего 400 рабочих. И если будет употреблено в дело то же самое число рабочих, как и раньше, то мы получим $500_v + 500_m = 1000$; норма прибавочной стоимости понизится со 150% до 100%, т. е. на $^1/_3$. Для вновь вкладываемого капитала это понижение нормы прибавочной стоимости было бы единственным результатом. При прочих равных условиях должна была бы в связи с этим понизиться и норма прибыли, хотя и не в том же самом отношении. Если, напр., $c = 2\,000$, то в первом случае мы имеем $2\,000_c + 400_v + 600_m = 3\,000$; $m' = 150\%$, $p' = \frac{600}{2\,400} = 25\%$. Во втором случае $2\,000_c + 500_v + 500_m = 3\,000$; $m' = 100\%$, $p' = \frac{500}{2\,500} = 20\%$. Напротив, для уже вложенного капитала результат оказался бы двояким. При помощи 400 ф. ст. переменного капитала можно теперь употребить в дело только 400 рабочих и притом с нормой прибавочной стоимости в 100%. Таким образом вся прибавочная стоимость от них составляет 400 ф. ст. Так как, далее, постоянный капитал стоимостью в 2 000 ф. ст. требует для своего функционирования 500 рабочих, то 400 рабочих могут привести в движение лишь постоянный капитал стоимостью в 1600 ф. ст. Следовательно, чтобы производство продолжалось в прежнем масштабе и чтобы $^1/_5$ машин не бездействовала, переменный капитал необходимо увеличить на 100 ф. ст., чтобы, как и прежде, занять 500 рабочих; а это может быть достигнуто лишь одним способом: капитал, бывший до сих пор свободным, связывается, причем та часть накопления, которая должна была бы служить для расширения производства, теперь служит только для восполнения, или же та часть, которая предназначена к тому, чтобы расходоваться как доход, присоединяется к прежнему капиталу. В результате затрата переменного капитала, увеличенная на 100 ф. ст., производит на 100 ф. ст. меньше прибавочной стоимости. Чтобы привести в движение то же самое количество рабочих, требуется больше капитала, и в то же время уменьшается прибавочная стоимость, доставляемая каждым отдельным рабочим.

Выгоды, вытекающие из высвобождения, и потери, вытекающие из связывания переменного капитала, существуют только для капитала, уже вложенного в дело и, следовательно, воспроизводящегося при данных отношениях. Для капитала, вкладываемого вновь, выгоды в одном случае, потери в другом сводятся к повышению, resp. [соответств.] понижению, нормы прибавочной стоимости и к соответственному, хотя отнюдь не пропорциональному, изменению нормы прибыли.

Только что исследованное высвобождение и связывание переменного капитала есть результат понижения или повышения стои-

мости элементов переменного капитала, т. е. издержек воспроизводства рабочей силы. Переменный капитал может, однако, высвобождаться также в том случае, если вследствие развития производительной силы труда при неизменной норме заработной платы требуется меньше рабочих для того чтобы привести в движение ту же самую массу постоянного капитала. Равным образом и, наоборот, связывание добавочного переменного капитала может иметь место, если вследствие понижения производительной силы труда требуется больше рабочих на ту же самую массу постоянного капитала. Если, напротив, часть капитала, применявшегося до сих пор в качестве переменного, теперь применяется в форме постоянного капитала, если, следовательно, происходит лишь иное распределение между составными частями того же самого капитала, то хотя это и оказывает влияние на норму прибавочной стоимости и прибыли, но не относится к рассматриваемой здесь рубрике связывания и высвобождения капитала.

Постоянный капитал, как мы уже видели, также может связываться или высвобождаться вследствие повышения стоимости или обесценения элементов, из которых он состоит. Если отвлечься от этого, связывание постоянного капитала (предполагается, что часть переменного не превращается в постоянный) возможно лишь в том случае, если производительная сила труда увеличивается, т. е. если та же самая масса труда производит больше продукта и, следовательно, приводит в движение больше постоянного капитала. То же самое при известных условиях может иметь место, если производительная сила уменьшается, как, напр., в земледелии, причем то же самое количество труда для производства того же самого продукта требует больше средств производства, напр. больше семян, удобрения, дренирования и т. п. Без обесценения постоянный капитал может высвобождаться в том случае, если усовершенствования, применение сил природы и т. д. делают постоянный капитал меньшей стоимости способным выполнять ту же техническую роль, какую раньше выполнял капитал более высокой стоимости.

В книге II мы уже видели, что после того как товары превращены в деньги, проданы, определенная часть этих денег должна снова превратиться в вещественные элементы постоянного капитала и как раз в том отношении, какого требует определенный технический характер каждой данной отрасли производства. С этой точки зрения во всех отраслях производства важнейшим элементом, — если оставить в стороне заработную плату, следовательно переменный капитал, — является сырье, включая в него и вспомогательные материалы, которые приобретают особенную важность там, где нет сырья в строгом смысле слова, например в горном деле и вообще в добывающей промышленности. Та часть цены, которая должна возмещать снашивание машин, принимается

в расчет лишь более или менее идеально до тех пор, пока машины вообще способны функционировать; при этом сравнительно безразлично, будет ли эта часть оплачена и возмещена деньгами сегодня или завтра или в любой иной момент периода оборота капитала. Иначе обстоит дело с сырьем. Если цена сырья возрастает, становится невозможным после вычета заработной платы вполне возместить ее из стоимости товаров. Поэтому сильные колебания цен вызывают перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства. Продукты земледелия в собственном смысле слова, сырье органического происхождения, в особенности подвержены таким колебаниям стоимости вследствие изменчивых урожаев и т. п., — влияние кредитной системы мы здесь еще совершенно оставляем в стороне. Одно и то же количество труда может здесь, в зависимости от не поддающихся контролю природных условий, благоприятной или неблагоприятной погоды и т. д., выражаться в очень различных количествах потребительных стоимостей, и потому определенное количество этих потребительных стоимостей может иметь весьма различную цену. Если стоимость x воплощается в 100 фунтах товара a, то цена одного фунта товара $a = \frac{x}{100}$; если та же стоимость представлена в 1000 фунтах a, то цена одного фунта $a = \frac{x}{1\,000}$ и т. д. Таков, следовательно, один из элементов рассматриваемых нами колебаний цены сырья. Второй элемент, о котором мы упоминаем здесь только ради полноты, — так как конкуренция и система кредита лежат пока вне круга нашего рассмотрения, — заключается в следующем: количество растительного и животного сырья, рост и производство которого подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, по самой природе вещей не может быть внезапно увеличено в такой степени, как, напр., количество машин и прочего основного капитала, угля, руды и т. п., увеличение которого при неизменности природных условий в промышленно развитой стране может совершаться очень быстро. Вполне возможно таким образом, а при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящей из капитала основного, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органического сырья; вследствие этого спрос на такое сырье увеличивается быстрее его предложения, и потому цена его повышается. Это повышение цены приводит на деле к тому, что: 1) сырье начинает подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки перевозки; 2) производство его расширяется, причем, однако, действительное увеличение массы продукта по природе вещей может произойти не сразу, а,

быть может, лишь через год, и 3) пускаются в ход всякого рода суррогаты, до сих пор не применявшиеся, и более экономно начинают обращаться с отбросами. Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и предложения, то это означает в большинстве случаев, что достигнут уже поворотный пункт, после которого вследствие продолжающегося удорожания сырья и всех товаров, в которые сырье входит как элемент, спрос понижается, а потому наступает реакция и в движении цен сырья. Кроме конвульсий, которые вызывает эта реакция вследствие обесценения капитала в его различных формах, наступает еще ряд других обстоятельств, о которых мы сейчас упомянем.

Прежде всего уже из сказанного до сих пор ясно следующее: чем более развито капиталистическое производство, чем более поэтому имеется средств для быстрого и безостановочного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительного и животного сырья, тем отчетливее проявляется вышеописанное увеличение их цены и соответствующая этому последнему реакция, тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого сильного колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства.

И если наступает крушение этих высоких цен вследствие того, что рост их вызвал, с одной стороны, уменьшение спроса, а с другой, — расширение производства в данном месте и предложение со стороны отдаленных, до сих пор мало или вовсе неиспользованных производственных областей, в результате чего опять-таки получился избыток предложения сырья над спросом, — избыток особенно сильный именно при старых высоких ценах, — то последствия этого должны быть рассмотрены с различных точек зрения. Внезапное крушение цен сырого продукта тормозит его воспроизводство, и благодаря этому восстанавливается монополия тех стран его вывоза, которые производят при наиболее благоприятных условиях, — восстанавливается, быть может, с известными ограничениями, но все-таки восстанавливается. Правда, воспроизводство сырья вследствие раз данного толчка продолжается в расширенном масштабе, особенно в странах, которые в большей или меньшей степени обладают монополией этого производства. Но базис, на котором вследствие увеличения количества машин и т. п. совершается теперь производство и который теперь после нескольких колебаний должен стать новым нормальным базисом, новым исходным пунктом развития, чрезвычайно расширился благодаря процессам, имевшим место в течение последнего цикла оборота. Но при этом в некоторой части второстепенных источников сырья расширившееся было воспроизводство снова сильно тормозится.

Так, напр., по таблицам экспорта можно показать, как за последние 30 лет (до 1865 г.) возрастало индийское производство хлопка, когда наступала убыль в американском производстве, и затем вдруг снова начиналось более или менее длительное сокращение производства. Во время вздорожания сырья промышленные капиталисты соединяются, образуют ассоциации с целью регулировать производство. Так было, напр., в Манчестере после повышения цен хлопка в 1848 г., то же было с производством льна в Ирландии. Но как только непосредственный повод минует и снова воцарится общий принцип конкуренции «покупать на самом дешевом рынке» (вместо того чтобы стремиться, подобно вышеупомянутым ассоциациям, к повышению производительной способности соответствующих стран, доставляющих сырой продукт, независимо от цены, за которую непосредственно в данное время эти страны могут доставить продукт), — итак, раз принцип конкуренции снова полновластно господствует, регулировать предложение предоставляют снова «ценам». Всякая мысль о совместном, решительном и дальновидном контроле над производством сырья, — контроле, который вообще совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается платоническим благопожеланием или ограничивается имеющими характер исключения совместными действиями капиталистов в моменты большой непосредственной опасности и беспомощности, — уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга [16]. Суеверие капиталистов в этой области настолько грубо, что даже фабричные инспекторы в своих отчетах снова и снова останавливаются перед ним с величайшим изумлением. Смена благоприятных и неблагоприятных годов, конечно, также вызывает удешевление сырья. Помимо того непосредственного влияния,

---

[16] После того как были написаны эти строки (1865 г.), конкуренция на всемирном рынке значительно усилилась благодаря быстрому развитию промышленности во всех культурных странах, в особенности в Америке и Германии. Тот факт, что быстро и мощно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которого должно совершаться их движение, — факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это особенно проявляется в двух симптомах. Во-первых, в новой всеобщей мании охранительных пошлин, которая от старой покровительственной системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится охранить как раз те продукты, которые способны к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных сфер производства, имеющих целью регулировать производство, а следовательно цены и прибыль. Само собой разумеется, что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что хотя производство и нуждается в регулировании, но несомненно не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем до сих пор. — *Ф. Э.*

которое оказывает это обстоятельство на расширение спроса, сюда присоединяется еще в качестве стимула упомянутое выше влияние на норму прибыли. И вышеуказанный процесс, при котором производство сырья постепенно обгоняется производством машин и т. д., повторяется тогда в более широком масштабе. Действительное улучшение сырья, при котором оно доставлялось бы не только в надлежащем количестве, но и надлежащего качества, напр. получение хлопка американского достоинства из Индии, потребовало бы продолжительного, регулярно возрастающего и постоянного спроса со стороны Европы (мы совершенно оставляем в стороне те экономические условия, в которые поставлен индийский производитель у себя на родине). Но сфера производства сырья изменяется лишь скачками: то внезапно расширяясь, то сильно сокращаясь. Все это, как и дух капиталистического производства вообще, очень удобно изучать на хлопковом голоде 1861—1865 гг.,— периоде, в течение которого наблюдалась еще та особенность, что временами совершенно не было известного вида сырья, одного из существенных элементов воспроизводства. Собственно говоря, цена может повышаться и при достаточном предложении, если это достаточное предложение осуществляется при сравнительно тяжелых условиях. Или же может иметь место действительный недостаток сырья. Во время хлопкового кризиса первоначально наблюдалось последнее.

Поэтому, чем ближе подходим мы в истории производства к современному моменту, тем регулярнее оказывается, и в особенности в решающих отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительного вздорожания и вытекающего отсюда последующего обесценения сырья органического происхождения. Иллюстрации к вышесказанному даны в приводимых ниже примерах из отчетов фабричных инспекторов.

Мораль истории, которую можно также извлечь, рассматривая земледелие с иной точки зрения, состоит в том, что капиталистическая система противоречит рациональному земледелию, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует его техническому развитию) и требует либо руки мелкого, живущего своим трудом [selbst arbeitenden] крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей.

Теперь мы даем место только что упомянутым иллюстрациям из отчетов английских фабричных инспекторов.

«Положение дел более удовлетворительно; но цикл, складывающийся из благоприятных и неблагоприятных периодов, сокращается с увеличением количества машин, и так как при этом растет спрос на сырье, то вместе с тем становятся чаще колебания

в ходе дел... В настоящее время не только восстановлено доверие после паники 1857 г., но и сама паника, повидимому, почти совершенно забыта. Будет ли это улучшение длительным или нет, зависит в очень значительной степени от цены сырья. И, на мой взгляд, имеются признаки того, что в некоторых случаях уже достигнут тот максимум, вслед за которым производство будет становиться все менее выгодным, пока, наконец, оно не перестанет вовсе давать прибыли. Возьмем, напр., прибыльные годы в шерстяном производстве, 1849 и 1850; мы увидим, что цена английской чесаной шерсти достигала 13 пенсов, австралийской 14—17 пенсов за фунт и что в среднем за 10 лет, с 1841 по 1850 г., цена английской шерсти никогда не превышала 14 пенсов, цена австралийской — 17 пенсов за фунт. Но в начале неблагополучного 1857 г. австралийская шерсть продавалась по 23 пенса; в декабре, в самый худший период паники, цена ее упала до 18 пенсов, но в течение 1858 г. опять поднялась и достигла своей теперешней высоты, 21 пенса. Равным образом в начале 1857 г. цена английской шерсти была 20 пенсов, в апреле и сентябре повысилась до 21 пенса, в январе 1858 г. упала до 14 пенсов и затем поднялась до 17 пенсов, так что теперь она стоит на 3 пенса за фунт выше по сравнению со средней за вышеприведенное десятилетие... Это показывает, по моему мнению, что или банкротства 1857 г., вызванные аналогичными ценами, забыты или шерсти производится как раз столько, сколько могут выпрясть имеющиеся в наличии веретена, или же что цены на ткани испытают прочное повышение... Но в моей прошлой практике я имел возможность убедиться, что, с одной стороны, в невероятно короткое время может быть увеличено не только количество веретен и ткацких станков, но и быстрота их работы; что, с другой стороны, почти в такой же степени увеличился наш вывоз шерсти во Францию, в то время как средний возраст разводимых овец как внутри страны, так и за границей становится все ниже, так как население быстро возрастает и овцеводы стремятся как можно скорее превратить свой скот в деньги. Поэтому я часто испытывал тяжелое чувство при виде людей, которые, не зная этого, связывали свою судьбу и свой капитал с предприятиями, успех которых зависит от предложения продукта, способного к увеличению только в рамках известных органических законов... Состояние спроса и предложения всех сырых материалов... объясняет, повидимому, многие колебания в хлопчатобумажном деле, а также положение английского шерстяного рынка осенью 1857 г. и обусловленный последним промышленный кризис»[17] (Р. Бэкер в «Reports of Insp. of Fact., October 1858», стр. 56—61).

[17] Само собой разумеется, что мы далеки от мысли *объяснять* вместе с г. Бэкером шерстяной кризис 1857 года несоответствием между ценами сырого материала и фабриката. Это несоответствие само было лишь симптомом, кризис же был всеобщий. — *Ф. Э.*

Время расцвета камвольной промышленности Вест-Райдинга в Йоркшире относится к 1849—1850 гг. В 1838 г. там было занято 29 246 лиц, в 1843 г. 37 000, в 1845 г. 48 097, в 1850 г. 74 891. В том же самом округе в 1838 г. было 2 768 механических ткацких станков, в 1841 г. 11 458, в 1843 г. 16 870, в 1845 г. 19 121 и в 1850 г. 29 539 («Reports of Insp. of Fact., [October] 1850», стр. 60). Этот расцвет камвольной промышленности уже в октябре 1850 г. начал становиться подозрительным. В апрельском отчете за 1851 г. суб-инспектор Бэкер пишет о Лидсе и Брэдфорде: «Состояние дел с некоторого времени очень неудовлетворительно. Прядильщики чесаной шерсти быстро теряют барыши 1850 г., и большинство ткачей находится не в лучшем положении. Мне кажется, что в настоящее время в шерстяной промышленности бездействует больше машин, чем когда бы то ни было раньше, и прядильщики льна точно так же распускают рабочих и останавливают машины. Циклы в текстильной промышленности являются в настоящее время действительно весьма неопределенными, и, я думаю, мы скоро придем к взгляду, ...что не соблюдается никакого соответствия между производительной способностью веретен, количеством сырого материала и ростом населения» (стр. 52).

То же самое наблюдается и в хлопчатобумажной промышленности. В только что цитированном октябрьском отчете за 1858 г. мы читаем: «С тех пор, как на фабриках установлен определенный рабочий день, размеры потребления сырья, размеры производства и величина заработной платы во всех отраслях текстильной промышленности устанавливаются на основании простого тройного правила... Я привожу выдержку из недавнего доклада... г. Бэйнса, теперешнего мэра Блэкбэрна, о хлопчатобумажной промышленности, где он с чрезвычайной тщательностью сводит данные промышленной статистики своего округа:

«Каждая действительная лошадиная сила приводит в движение 450 сельфакторных веретен с соответствующим приготовительным оборудованием, или 200 ватерных веретен, или 15 станков для 40-дюймового сукна вместе с машинами для наматывания шпуль, снования и шлихтования. Каждая лошадиная сила при прядении занимает $2^1/_2$ рабочих, а при ткачестве 10; их средняя заработная плата составляет более $10^1/_2$ шилл. на одного человека в неделю... Средние вырабатываемые номера — № 30—32 для основы и № 34—36 для утка; если принять, что еженедельно производимая пряжа составляет 13 унций на веретено, то это даст 824 700 фунтов пряжи в неделю, для чего должно быть потреблено 970 000 фунтов, или 2 300 кип хлопка на сумму в 28 300 ф. ст. ... В нашем округе (район вокруг Блэкбэрна радиусом в 5 английских миль) еженедельное потребление хлопка 1 530 000 фунтов, или 3 650 кип на сумму в 44 625 ф. ст. Это составляет $^1/_{18}$ всей

бумагопрядильной промышленности Соединенного королевства и $^1/_{16}$ всего механического ткачества».

Таким образом, по вычислениям г. Бэйнса, общее число бумагопрядильных веретен в Королевстве должно достигать 28 800 000, и, чтобы держать их в полном ходу, требуется ежегодно 1 432 080 000 фунтов хлопка. Но ввоз хлопка, за вычетом вывоза в 1856 и 1857 гг., составлял лишь 1 022 576 832 фунта, следовательно неизбежно должен был оказаться дефицит в 409 503 168 фунтов. Г-н Бэйнс, который любезно согласился дать мне свои разъяснения по этому вопросу, полагает, что вычисление годового потребления хлопка, основанное на потреблении блэкбэрнского округа, должно было оказаться преувеличенным не только вследствие различия выпрядаемых номеров, но также вследствие большего совершенства машин. Он оценивает все годовое потребление хлопка в Соединенном королевстве в 1000 миллионов фунтов. Но если даже он прав, если действительно имеется избыток предложения в $22^1/_2$ миллиона фунтов, то уже теперь спрос и предложение, повидимому, почти уравновешиваются; между тем следует еще принять во внимание добавочные веретена и станки, которые, по г. Бэйнсу, вводятся в его округе и, судя по последнему, вероятно, также и в других округах» (стр. 59, 60).

III. ОБЩАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ХЛОПКОВЫЙ КРИЗИС 1861—1865 гг.

Предварительный период 1845—1860 гг.

1845 г. Расцвет хлопчатобумажной промышленности. Очень низкие цены хлопка. Л. Хорнер пишет об этом времени: «За последние 8 лет я не наблюдал ни одного периода столь интенсивного оживления в делах, как прошлым летом и осенью, в особенности в бумагопрядении. В течение целого полугода я каждую неделю получал сообщения о новых вложениях капитала в фабрики: то сообщали о вновь строящихся фабриках, то немногие пустующие фабрики находили новых арендаторов, то, наконец, фабрики, находящиеся в действии, расширялись и снабжались более сильными паровыми машинами и увеличенным количеством рабочих машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1845», стр. 13).

1846 г. Начинаются жалобы: «Уже в течение довольно продолжительного времени я слышу от очень многих хлопчатобумажных фабрикантов жалобы на угнетенное состояние в их деле... за последние 6 недель различные фабрики начали работать неполное время, обыкновенно 8 часов в день вместо 12; это, повидимому, распространяется... цены хлопка сильно повысились... не только не произошло повышения цен на фабрикаты, но... цены их стоят ниже, чем до вздорожания хлопка. Крупное увеличение числа хлопчатобумажных фабрик за последние 4 года должно было иметь

своим последствием, с одной стороны, сильно возросший спрос на сырье, с другой стороны, сильно возросшее предложение фабрикатов на рынке; обе причины должны были сообща способствовать понижению прибыли, пока оставались неизменными предложение сырья и спрос на фабрикаты; но действие их оказалось тем значительнее, что, с одной стороны, предложение хлопка было за последнее время недостаточным, с другой стороны, спрос на фабрикаты со стороны различных внутренних и иностранных рынков уменьшился» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», стр. 10).

Растущий спрос на сырье и переполнение рынка фабрикатом естественно идут рука об руку. Между прочим, тогдашнее расширение промышленности и последующий застой не ограничивались хлопчатобумажными округами. В брэдфордском камвольном округе в 1836 г. было лишь 318 фабрик, а в 1846 г. 490. Эти числа далеко не выражают действительного роста производства, так как существующие фабрики в то время были значительно расширены. Это в особенности относится к льнопрядильным фабрикам. «В течение последних 10 лет все они в большей или меньшей степени способствовали переполнению рынка, которому главным образом должен быть приписан теперешний застой в делах... Угнетенное положение дел является совершенно естественным последствием столь быстрого увеличения числа фабрик и машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», стр. 30).

1847 г. В октябре денежный кризис. Дисконт 8%. Уже ранее произошел крах железнодорожных спекуляций и махинаций с ост-индскими векселями. Но:

«Г-н Бэкер приводит очень интересные детали относительно возросшего за последние годы спроса на хлопок, шерсть и лен вследствие расширения соответственных отраслей промышленности. Увеличенный спрос на эти виды сырья, особенно ввиду того, что он наступил в период, когда их предложение упало далеко ниже средней, Бэкер считает почти достаточным для объяснения современного угнетенного состояния этих отраслей промышленности, даже если не принимать во внимание расстройства денежного рынка. Этот взгляд вполне подтверждается моими собственными наблюдениями и тем, что я узнал от компетентных людей. Эти различные отрасли промышленности испытывали уже очень сильное стеснение в тот период, когда учет легко можно было производить из 5% и менее. Между тем предложение шелка-сырца было обильно, цены умеренны, и соответственно этому дела шли оживленно до... последних 2 или 3 недель, когда денежный кризис несомненно затронул не только самих фабрикантов шелка, но — и в еще большей степени — их главных клиентов, фабрикантов модных товаров. Стоит бросить взгляд на опубликованные официальные отчеты, чтобы убедиться, что хлопчатобумажная промышленность за последние три года возросла почти на 27%.

Вследствие этого хлопок повысился в цене в круглых цифрах с 4 пенсов до 6 пенсов за фунт, в то время как цена пряжи благодаря увеличившемуся предложению стоит лишь немного выше своего прежнего уровня. Шерстяная промышленность начала расширяться в 1836 г.; с этого времени в Йоркшире она возросла на 40%, а в Шотландии еще более. Еще значительнее рост камвольной промышленности[18]. Здесь за тот же период расширение исчисляется более чем в 74%. Потребление сырой шерсти было поэтому колоссально. Льняная промышленность обнаруживает с 1839 г. прирост приблизительно на 25% в Англии, на 22% в Шотландии и почти на 90% в Ирландии[19]; в результате цена сырья при одновременных плохих урожаях льна поднялась на 10 ф. ст. за тонну, тогда как цена пряжи упала на 6 пенсов за моток» («Reports of Insp. of Fact., October 1847», стр. 30 и 31).

1849 г. За последние месяцы 1848 г. дела снова оживились. «Цена льна, стоявшая настолько низко, что достаточная прибыль для фабрикантов льняных изделий казалась обеспеченной чуть ли не при всяких грядущих условиях, побуждала фабрикантов непрерывно развивать свое производство. Фабриканты шерстяных изделий в начале года работали очень сильно... но я опасаюсь, что посылка шерстяных товаров на консигнацию зачастую заступает место действительного спроса и что периоды кажущегося процветания, т. е. периоды, когда предприятия идут полным ходом, не всегда совпадают с периодами реального спроса. В течение нескольких месяцев камвольное дело находилось в особенно хорошем состоянии... В начале упомянутого периода цена на шерсть стояла особенно низко; прядильщики запаслись ею по выгодным ценам, конечно, в значительном количестве. Когда во время весенних аукционов цена шерсти поднялась, прядильщики извлекли выгоду из этого и удержали ее, так как спрос на фабрикаты был значителен и прочен» («Reports of Insp. of Fact., [April] 1849», стр. 42):

«Если мы присмотримся к колебаниям в положении дел, имевшим место в фабричных округах за последние 3 или 4 года, то мы должны, как мне кажется, допустить, что где-то существует причина, нарушающая правильный ход промышленности... не является ли в этом отношении новым элементом гигантская производительная сила разросшегося машинного производства?» («Reports of Insp. of Fact., April 1849», стр. 42, 43).

---

[18] В Англии строго различают Woollen Manufacture [шерстяную промышленность] — прядение и ткачество из короткой шерсти, дающей аппаратную пряжу (главный центр — Лидс), и Worsted Manufacture [камвольную промышленность] — прядение и ткачество из длинной шерсти, дающей гребенную пряжу (главный центр — Брэдфорд в Йоркшире). — *Ф. Э.*

[19] Это быстрое расширение машинного производства льняной пряжи в Ирландии нанесло тогда смертельный удар вывозу германского (силезского, лаузицкого, вестфальского) полотна, вытканного из пряжи, изготовляемой ручным способом. — *Ф. Э.*

В ноябре 1848 г., а также в мае и летом 1849 г. вплоть до октября положение дел все улучшалось. «В особенности это относится к группирующейся вокруг Брэдфорда и Галифакса фабрикации материй из камвольной пряжи; это производство никогда раньше даже приблизительно не достигало своих теперешних размеров... Спекуляция на сырье и невозможность предвидеть его вероятное предложение уже давно вызвали в хлопчатобумажной промышленности большее возбуждение и более частые колебания, чем в какой бы то ни было другой отрасли предприятий. В настоящее время здесь наблюдается накопление запасов более грубых сортов хлопчатобумажных товаров, что вызывает беспокойство у мелких прядильщиков и уже причиняет им вред, так что некоторые из них работают неполное время» («Reports of Insp. of Fact., October 1849», стр. 64—65).

1850 г. Апрель. Все еще продолжается бойкий ход дел. Исключение: «Сильно угнетенное состояние в части хлопчатобумажной промышленности вследствие недостаточного предложения сырья как раз для грубых номеров пряжи и тяжелых тканей... Возникает опасение, что аналогичная реакция будет вызвана и в камвольной промышленности, где за последнее время увеличено количество машин. По вычислениям господина Бэкера, в одном только 1849 г. в этой отрасли продукция ткацких станков возросла на 40%, продукция веретен на 25—30%, причем расширение предприятий все еще продолжается прежним темпом» («Reports of Insp. of Fact., April 1850», стр. 54).

1850 г. Октябрь. «Цена хлопка продолжает... вызывать заметное угнетение в этой отрасли промышленности, особенно для таких товаров, у которых сырье составляет значительную часть издержек производства. Крупное повышение цен на шелк-сырец во многих случаях приводило к угнетенному положению и в этой отрасли» («Reports of Insp. of Fact., October 1850», стр. 14). — Согласно цитированному здесь отчету Комитета королевского общества культуры льна в Ирландии, высокая цена льна при низких ценах на другие сельскохозяйственные продукты обеспечивает значительное расширение производства льна в будущем году (там же, стр. 31, 33).

1853 г. Апрель. Интенсивный расцвет. «За последние 17 лет ни разу в течение всего того времени, когда мне приходилось официально знакомиться с положением дел в фабричном округе Ланкашира, я не наблюдал такого всеобщего процветания; оживление во всех отраслях чрезвычайное», — говорит Леонард Хорнер («Reports of Insp. of Fact., April 1853», стр. 19).

1853 г. Октябрь. Угнетенное состояние хлопчатобумажной промышленности. «Перепроизводство» («Reports of Insp. of Fact., October 1853», стр. 15).

1854 г. Апрель. «Хотя шерстяная промышленность шла не бойко, все же она доставляла всем фабрикам работу в полном

размере; равным образом и хлопчатобумажная промышленность. Камвольная промышленность в течение всего истекшего полугодия сплошь работала с перебоями... В льнообрабатывающей промышленности происходили нарушения благодаря тому, что предложение льна и пеньки из России уменьшилось вследствие Крымской войны» («Reports of Insp. of Fact., [April] 1854», стр. 37).

1859 г. «В шотландской льнообрабатывающей промышленности дела все еще находятся в угнетенном состоянии,...так как сырье редко и дорого; плохое качество сбора в прибалтийских провинциях, откуда идет к нам главный ввоз, будет оказывать вредное влияние на ход дел в этом округе; между тем джут, который мало-помалу вытесняет лен в производстве многих грубых товаров, стóит не слишком дорого и имеется в достаточном количестве... приблизительно половина машин в Дэнди прядет в настоящее время джут» («Reports of Insp. of Fact., April 1859», стр. 19). — «Вследствие высокой цены сырья льнопрядение все еще не дает достаточной выгоды, и в то время как все другие фабрики работают полное время, мы имеем целый ряд примеров приостановки машин, перерабатывающих лен... Прядение джута... находится в более удовлетворительном положении, так как за последнее время цена на этот материал стала более умеренной» («Reports of Insp. of Fact., October 1859», стр. 20).

1861—1864 гг. Американская гражданская война. Хлопковый голод. Величайший пример перерыва в процессе производства вследствие недостатка и дороговизны сырья.

1860 г. Апрель. «Что касается хода дел, то я радуюсь возможности сообщить вам, что, несмотря на высокую цену сырья, все отрасли текстильной промышленности, за исключением обработки шелка, работали за последнее полугодие очень хорошо... В некоторых хлопчатобумажных округах рабочих отыскивали при помощи объявлений, и рабочие направлялись туда из Норфолька и других земледельческих графств... Повидимому, во всех отраслях промышленности господствует сильный недостаток сырья. Только... этот недостаток сдерживает нас в известных границах. В хлопчатобумажном деле число вновь основанных фабрик, расширение уже существующих и спрос на рабочих, быть может, никогда не достигали такой высоты, как в настоящее время. Везде и всюду ищут сырья» («Reports of Insp. of Fact., April 1860», стр. 57).

1860 г. Октябрь. «Дела в хлопчатобумажных, шерстяных и льнопрядильных округах находились в хорошем положении; в Ирландии, как говорят, положение дел за последний год было даже очень хорошее и было бы еще лучше, если бы не высокая цена сырья. Повидимому, льнопрядильщики с бóльшим нетерпением, чем когда бы то ни было, ожидают от железных дорог откры-

тия добавочных индийских источников снабжения и соответственного развития индийского земледелия, чтобы, наконец... добиться предложения льна, которое соответствовало бы их потребностям» («Reports of Insp. of Fact., October 1860», стр. 37).

1861 г. Апрель. «Положение дел в настоящий момент угнетенное... некоторые хлопчатобумажные фабрики работают неполное время, и многие шелковые фабрики заняты лишь отчасти. Сырье дорого. Почти во всех отраслях текстильной промышленности цена его выше той цены, при которой оно могло бы быть переработано для массы потребителей» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», стр. 33).

Теперь обнаружилось, что в 1860 г. в хлопчатобумажной промышленности имело место перепроизводство; последствия его были ощутительны еще в течение ближайших лет. «Потребовалось от двух до трех лет, чтобы всемирный рынок поглотил перепроизводство 1860 г.» («Reports of Insp. of Fact., December 1863», стр. 127). «Угнетенное состояние рынков хлопчатобумажных фабрикатов в Восточной Азии оказало в начале 1860 г. соответствующее обратное влияние на состояние дел в Блэкберне, где в среднем 30 000 механических ткацких станков почти исключительно заняты производством ткани для этого рынка. Вследствие этого спрос на труд был здесь ограниченным уже за много месяцев до того, как сказалось влияние хлопковой блокады... к счастью, это спасло многих фабрикантов от разорения. Запасы возросли в стоимости, пока их держали на складах, и таким образом было избегнуто то ужасающее обесценение, которое в противном случае было бы неизбежно при таком кризисе» («Reports of Insp. of Fact., October 1862», стр. 28, 29, 30).

1861 г. Октябрь. «Положение дел с некоторого времени было очень угнетенным... Очень вероятно, что в течение зимних месяцев многие фабрики сильно сократят рабочее время. Это, впрочем, можно было предвидеть... совершенно независимо от причин, прервавших наш обычный ввоз хлопка из Америки и наш вывоз в нее, сокращение рабочего времени в течение наступающей зимы стало бы необходимым вследствие сильного увеличения производства за последние три года и вследствие затруднений на индийском и китайском рынках» («Reports of Insp. of Fact., October 1861», стр. 19).

Хлопковые угары. Ост-индский хлопок (Surat). Влияние на заработную плату рабочих. Усовершенствование машин. Замена хлопка крахмальной мукой и минералами. Влияние этого шлихтования крахмальной мукой на рабочих. Прядильщики тонких номеров. Обман фабрикантов.

«Один фабрикант пишет мне следующее: «Что касается количества хлопка, потребляемого на одно веретено, то вы несомненно недостаточно считаетесь с тем фактом, что при дороговизне хлопка

каждый прядильный фабрикант обычной пряжи (скажем, до № 40, преимущественно же №№ 12—32) производит настолько тонкие номера, насколько может, т. е. он станет выпрядать № 16 вместо прежнего № 12 или № 22 вместо № 16 и т. д., и ткацкий фабрикант, который перерабатывает эту тонкую пряжу, доведет свой миткаль до обычного веса, присоединив к нему соответственно большее количество шлихта. Этот прием применяется теперь поистине в позорных размерах. Я из хорошего источника слышал, что имеется обыкновенный ширтинг [рубашечная ткань] для экспорта, весом штука в 8 фунтов, из которых $2^3/_4$ фунта падают на шлихт. В тканях других сортов шлихт часто составляет до 50%; так что фабрикант никоим образом не лжет, когда хвастается, что он богатеет, продавая фунт своей материи дешевле, чем он заплатил за пряжу, употребленную на ее производство» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», стр. 27).

«Мне сообщали также, что ткачи приписывают свою возросшую заболеваемость шлихту, который употребляется для основы, выпряденной из ост-индского хлопка, и который не состоит, как раньше, из чистой муки. Но этот суррогат муки, как говорят, представляет ту крупную выгоду, что значительно увеличивает вес ткани, так что 15 фунтов пряжи дают 20 фунтов ткани» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 63. Этим суррогатом был перемолотый тальк, так называемый «China clay», или гипс, так называемый «French chalk»). — «Заработок ткачей (здесь имеются в виду ткачи-рабочие) сильно уменьшается благодаря применению суррогатов муки для шлихтования основы. Этот шлихт делает пряжу более тяжелой, но в то же время твердой и ломкой. Каждая нить основы проходит в ткацком станке через так называемый ремиз, крепкие нити которого удерживают основу в правильном положении; сильно шлихтованная основа вызывает постоянные разрывы нитей в ремизе; каждый разрыв отнимает у ткача пять минут времени для исправления; в настоящее время ткачу приходится исправлять такие повреждения по крайней мере в 10 раз чаще, чем раньше, и, само собой разумеется, станок в течение рабочего дня дает соответственно меньше ткани» (там же, стр. 42, 43).

«В Эштоне, Стэлибридже, Мосли, Ольдгеме и т. д. рабочее время сокращено на целую треть и с каждой новой неделей сокращается все больше... Одновременно с этим сокращением рабочего дня во многих отраслях совершается понижение заработной платы» («Reports of Insp. of Fact., April 1863», стр. 13). — В начале 1861 г. произошла стачка механических ткачей в некоторых районах Ланкашира. Некоторые фабриканты заявили о предстоящем понижении заработной платы на $5—7^1/_2$%, рабочие настаивали на том, чтобы ставки заработной платы были сохранены, а рабочий день сокращен. Предприниматели не согласились, и началась стачка.

Через месяц рабочие должны были уступить. И они получили теперь и то и другое: «Кроме того, что была понижена заработная плата, на что согласились в конце концов рабочие, многие фабрики работают теперь неполное время» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», стр. 23).

1862 г. Апрель. «Бедствия, испытываемые рабочими, со времени моего последнего отчета значительно усилились; но еще никогда в истории промышленности столь неожиданные и столь тяжелые страдания не переносились с такой молчаливой покорностью и с таким терпеливым самообладанием» («Reports of Insp. of Fact., April 1862», стр. 10). — «Относительное число полностью безработных в настоящий момент, повидимому, незначительно превышает число безработных 1848 г., когда господствовала обычная паника, оказавшаяся, однако, достаточной для того чтобы побудить обеспокоенных фабрикантов собрать статистические данные по хлопчатобумажной промышленности, аналогичные тем, какие в настоящее время публикуются еженедельно... В мае 1848 г. не работали 15% всех хлопчатобумажных рабочих Манчестера, 12% работали неполное время, в то время как свыше 70% работали полное время. 28 мая 1862 г. 15% рабочих были без работы, 35% работали неполное время, 49% — полное время... В соседних местностях, напр. в Стокпорте, процент работающих неполное время и вовсе неработающих выше, процент работающих полное время ниже», так как здесь выпрядаются более грубые номера, чем в Манчестере (стр. 16).

1862 г. Октябрь. «По последним сведениям официальной статистики, в Соединенном королевстве в 1861 г. было всего 2 887 хлопчатобумажных фабрик: из них 2 109 в моем округе» (Ланкашир и Чешир). «Я, конечно, знал, что очень значительная часть этих 2 109 фабрик моего округа — мелкие предприятия с небольшим количеством рабочих. Я был, однако, удивлен, когда выяснил, насколько велико число этих последних. У 392, или 19%, движущая сила — паровая или водяная — меньше 10 лошадиных сил; у 345, или 16%, — от 10 до 20 лошадиных сил; у 1 372 — 20 лошадиных сил и выше... Очень значительная часть этих мелких фабрикантов — более чем одна треть всего их числа — не так давно сами были рабочими; это люди, не располагающие капиталами... Центр тяжести падает, следовательно, на остальные $^2/_3$» («Reports of Insp. of Fact., October 1862», стр. 18, 19).

По данным того же отчета, в хлопчатобумажной промышленности Ланкашира и Чешира в то время работали полное время 40 146 рабочих, или 11,3%; неполное время 134 767, или 38%; не имели работы 179 721, или 50,7%. Если откинуть отсюда цифры, касающиеся Манчестера и Болтона, где главным образом выпрядались тонкие номера, — отрасль, сравнительно мало пострадавшая от недостатка хлопка, — то положение дел представится в еще

более неблагоприятном виде, а именно: занятых полное время 8,5%, неполное время 38%, безработных 53,5% (стр. 19, 20).

«Для рабочего представляет существенную разницу, перерабатывает ли он хороший или плохой хлопок. В первые месяцы года, когда все фабриканты старались поддержать правильное функционирование своих фабрик, применяя всякий хлопок, какой только можно было купить по дешевым ценам, много плохого хлопка попало на фабрики, где раньше употреблялся обыкновенно хороший; разница в заработной плате рабочих оказалась настолько велика, что произошло много стачек, так как рабочие при старой поштучной плате не могли теперь добиться сносного ежедневного заработка... В некоторых случаях разница вследствие применения дурного хлопка достигала половины всего заработка даже при полном рабочем времени» (стр. 27).

1863 г. Апрель. «В течение этого года может работать полное время лишь немного больше половины всех рабочих хлопчатобумажной промышленности» («Reports of Insp. of Fact., April 1863», стр. 14).

«Весьма серьезная отрицательная сторона при употреблении ост-индского хлопка, который вынуждены применять теперь фабрики, состоит в том, что скорость машин при этом приходится сильно замедлять. В течение последних лет были пущены в ход все средства, чтобы увеличить эту скорость и таким образом заставить те же самые машины давать больше работы. Уменьшенная скорость затрагивает интересы рабочего в такой же степени, как интересы фабриканта, потому что большинство рабочих получает поштучную плату: прядильщик столько-то за фунт выпряденной пряжи, ткач столько-то за кусок изготовленной им ткани; но даже у рабочих, оплачиваемых понедельно, заработная плата должна понизиться вследствие уменьшения производства. По моим сведениям... и доставленным мне данным относительно заработка рабочих хлопчатобумажной промышленности в течение этого года... обнаруживается понижение заработной платы в среднем на 20%, в некоторых случаях на 50% по сравнению с 1861 г.» (стр. 13). — «Сумма заработка зависит от... того, какого качества перерабатываемый материал... Положение рабочих, в смысле получаемой ими заработной платы, в настоящий момент (октябрь 1863 г.) много лучше, чем в то же время в прошлом году. Машины усовершенствованы, достигнуто лучшее знакомство с сырьем, и рабочие легче справляются с теми трудностями, с которыми им приходилось бороться вначале. Прошлой весной я был в Престоне в одной швейной школе (благотворительное учреждение для безработных); две юные девушки, посланные незадолго перед тем в ткацкую мастерскую, где, по уверениям фабриканта, они могли бы заработать 4 шилл. в неделю, просили об обратном приеме в школу и жаловались, что они не в состоянии заработать и 1 шилл. в неделю.

У меня были сведения относительно Self-acting minders [мюльщиков при сельфакторах]... Мужчины, управляющие парой сельфакторов, заработали за 14 дней полного рабочего времени 8 шилл. 11 пенсов, из которых у них была вычтена плата за наем помещения, причем фабрикант» (о, великодушие!) «возвратил им в виде подарка половину этой платы. Рабочие унесли с собой по 6 шилл. 11 пенсов. Во многих местах за последние месяцы 1862 г. Self-acting minders [мюльщики при сельфакторах] зарабатывали 5—9 шилл. в неделю, ткачи 2—6 шилл. в неделю... В настоящее время положение дел много более нормальное, хотя заработок в большинстве округов все еще очень понижен... Наряду с коротким волокном индийского хлопка и его загрязненностью различные другие причины способствовали понижению заработка. Так, напр., теперь вошло в обыкновение обильно подмешивать к индийскому хлопку хлопковые угары, и это, конечно, еще более увеличивает трудности прядения. При коротком волокне нити легче обрываются при выходе мюлей и наматывании пряжи, причем невозможно с такой регулярностью поддерживать мюль в ходу... Равным образом благодаря тому, что нитям приходится уделять очень много внимания, одна ткачиха зачастую способна управлять только одним станком, и лишь очень немногие могут управлять более чем двумя станками... Во многих случаях плата рабочих понизилась на 5, $7^1/_2$ и 10%... в большинстве случаев рабочему предоставляется самому решить, как справиться с сырьем и достигнуть обычного размера заработка... Другое затруднение, с которым порою приходится бороться рабочему, состоит в том, что его заставляют делать хорошую ткань из плохого материала и наказывают вычетами из заработной платы, если работа не даст желаемых результатов» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 41—43).

Заработная плата была жалкая даже там, где работали полное время. Рабочие хлопчатобумажной промышленности охотно брались за всякие общественные работы, куда только их принимали: дренаж, проведение дорог, разбивание камней, мощение улиц, чтобы получать от местных властей вспомоществование (которое было на деле вспомоществованием для фабрикантов, см. кн. I, 536 и сл. [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 577 и сл.]). Вся буржуазия зорко следила за рабочими. Если рабочему предлагался мизернейший заработок и тот отказывался от него, то комитет вспомоществования немедленно вычеркивал рабочего из списка лиц, получающих пособие. Это было золотое время для господ фабрикантов, так как рабочим приходилось или умирать с голоду, или работать за всякую плату на самых выгодных для капиталистов условиях, причем комитеты вспомоществования действовали как верные сторожевые псы последних. В то же время фабриканты в тайном союзе с правительством стесняли, насколько возможно, эмиграцию, частью для того чтобы держать в полной готовности

капитал, воплощенный в теле и крови рабочих, частью для того чтобы обеспечить себе выжимаемую из рабочих квартирную плату...

«Комитеты вспомоществования поступали в этом случае с величайшей строгостью. Раз предлагалась работа, рабочие, которым она предлагалась, тотчас вычеркивались из списков и принуждались таким образом принимать ее. Если рабочие уклонялись от предлагаемой работы... то причина состояла в том, что заработок их был бы только номинальным, а труд чрезвычайно тяжелым» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 97).

Рабочие готовы были взять всякую работу, которая предназначалась для них, согласно Public Works Act [Акту об общественных работах]. «Основания, согласно которым были организованы промышленные работы, были далеко не одинаковы в различных городах. Но даже в тех местах, где труд под открытым небом не был исключительно пробной работой (labour test), труд этот оплачивался или в размерах обычного регулярного пособия, или лишь немного выше и таким образом фактически носил характер трудового испытания» (стр. 69). «Public Works Act [Акт об общественных работах] 1863 г. должен был помочь этому горю и дать рабочему возможность добывать свой дневной заработок в качестве независимого поденщика. Цель этого акта была троякая: 1) уполномочить местные власти заимствовать деньги у комиссаров, заведующих государственными займами (с соизволения президента государственного центрального ведомства попечения о бедных); 2) способствовать благоустройству городов в хлопчатобумажных округах; 3) доставить безработным занятия и достаточное вознаграждение (remunerative wages)». До конца октября 1863 г. было заключено займов, согласно этому закону, на сумму до 883 700 ф. ст. (стр. 70). Предпринятые работы состояли главным образом в устройстве канализации, проведении дорог, мощении улиц, возведении запруд для водяных двигателей и т. п.

Г-н Гендерсон, президент блэкбэрнского комитета, пишет по этому поводу фабричному инспектору Редгрейву: «Из всего, что мне пришлось наблюдать в течение переживаемого нами периода страданий и нищеты, ничто в такой степени не поражало и не радовало меня, как та бодрая готовность, с которой безработные этого округа берутся за работы, предлагаемые им городским советом Блэкбэрна на основании Public Works Act [Акта об общественных работах]. Трудно представить себе контраст более резкий, чем тот, который существует между бумагопрядильщиком, работавшим прежде в качестве квалифицированного рабочего на фабрике, и тем же бумагопрядильщиком, работающим теперь в качестве поденщика в спускном канале на глубине 14 или 18 футов». (Рабочие получали при этом, смотря по величине семейства, от 4 до 12 шилл. в неделю; этой-то гигантской суммы должно было часто

хватать для содержания семьи в 8 душ. Господа обыватели получали здесь двойную выгоду: во-первых, на улучшение своих прокопченных и запущенных городов они получали деньги из исключительно низких процентов; во-вторых, они уплачивали рабочим несравненно меньше обычной заработной платы.) «Рабочий, привыкший к почти тропической температуре, к труду, при котором искусство и точность манипуляции были для него бесконечно важнее мускульной силы, привыкший к двойной, иногда тройной плате по сравнению с тем, что он может получить в настоящее время, — такой рабочий, соглашаясь на предлагаемые условия, обнаруживает самоотверженность и благоразумие, делающие ему величайшую честь. В Блэкбэрне безработные были испробованы чуть ли не на всех возможных работах, ведущихся под открытым небом: они копали вязкую, тяжелую глинистую землю на значительной глубине, производили осушительные работы, разбивали камни, проводили дороги, копали уличные каналы на глубине 14, 16 и порой 20 футов. Зачастую им приходилось при этом стоять на 10—12 дюймов в грязи и воде и подвергаться действию климата, с которым по сырости и холоду едва ли может сравниться климат какого-либо другого округа Англии, если вообще такой климат где-нибудь встречается» (стр. 91, 92). — «Рабочие держали себя почти безукоризненно... их готовность брать на себя работу под открытым небом и перебиваться ею» (стр. 69).

1864 г. Апрель. «Время от времени в различных округах слышатся жалобы на недостаток рабочих, в особенности в некоторых отраслях, напр. в ткацком деле... но эти жалобы являются результатом как той ничтожной платы, которую в состоянии заработать теперь рабочие вследствие употребления плохих сортов пряжи, так и некоторого действительного недостатка рабочих в этой специальной отрасли. В прошлом месяце происходили многочисленные столкновения между известными фабрикантами и их рабочими из-за заработной платы. Я сожалею, что стачки стали происходить слишком часто... Влияние Public Works Act [Акта об общественных работах] фабриканты рассматривают как конкуренцию; и местный комитет в Бэйкапе приостановил свою деятельность, так как хотя еще не все фабрики в ходу, тем не менее обнаружился недостаток в рабочих» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», стр. 9, 10). И, в самом деле, пора было господам фабрикантам взяться за ум. Благодаря Public Works Act [Акту об общественных работах] спрос настолько возрос, что в каменоломнях Бэйкапа некоторые фабричные рабочие зарабатывали 4—5 шилл. в день. И потому мало-помалу были приостановлены общественные работы — это новое издание Ateliers nationaux [национальных мастерских] 1848 г., устроенных, однако, на этот раз в интересах буржуазии.

Эксперименты in corpore vili [на теле, не имеющем ценности].

«Хотя я привел здесь сильно пониженную заработную плату» (рабочих, занятых полное время), «составляющую действительный заработок рабочих на различных фабриках, но отсюда еще отнюдь не следует, что рабочие из недели в неделю зарабатывают одну и ту же сумму. Здесь имеют место сильные колебания вследствие того, что фабриканты на одних и тех же фабриках производят постоянные эксперименты с различными сортами хлопка и с различными комбинациями хлопка и угаров; эти «смески», как их называют, часто меняются, и заработок рабочего повышается или падает в зависимости от качества хлопковой смески. В некоторых случаях заработок составляет лишь 15% прежней величины и за какие-нибудь одну-две недели падает на 50 или 60%». Инспектор Редгрейв, которого мы здесь цитируем, приводит взятые из практики данные о заработной плате, из которых здесь будет достаточно привести следующие примеры:

A, ткач, семья из 6 лиц, занят 4 дня в неделю, 6 шилл. $8^1/_2$ пенса; *B*, присучальщик, $4^1/_2$ дня в неделю, 6 шилл.; *C*, ткач, семья из 4 лиц, 5 дней в неделю, 5 шилл. 1 пенс; *D*, тростильщик, семья из 6 лиц, 4 дня в неделю, 7 шилл. 10 пенсов; *E*, ткач, семья из 7 лиц, 3 дня в неделю, 5 шилл., и т. д. Редгрейв продолжает: «Эти данные заслуживают внимания, так как они показывают, что для некоторых семей работа была бы несчастьем, потому что она понизила бы заработок до таких размеров, при которых было бы возможно удовлетворить лишь ничтожную часть абсолютно необходимых потребностей, если бы не выдавалось добавочного вспомоществования в тех случаях, когда заработок семьи не достигает той суммы, которую она получала бы в качестве вспомоществования, если бы вовсе не имела работы» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», стр. 50—53).

«Начиная с 5 июня 1863 г., не было ни одной недели, в течение которой среднее рабочее время всех рабочих продолжалось бы более двух дней 7 часов с несколькими минутами» (там же, стр. 121).

С начала кризиса до 25 марта 1863 г. было выдано почти три миллиона фунтов стерлингов ведомствами призрения бедных, центральным комитетом вспомоществования и лондонским муниципальным комитетом (там же, стр. 13).

«В одном округе, где выпрядаются наиболее тонкие номера пряжи... прядильщики подверглись косвенному понижению заработной платы на 15% вследствие перехода от Sea island к египетскому хлопку... В одном обширном округе, где хлопковые угары массами применяются для смешивания с индийским хлопком, прядильщики получили понижение заработной платы на 5% и, кроме того, потеряли еще 20—30% вследствие переработки сурата и угаров. Ткачи, управлявшие прежде четырьмя станками, спу-

стились теперь до двух. В 1860 г. на каждом станке они вырабатывали 5 шилл. 7 пенсов, в 1863 г. только 3 шилл. 4 пенса... Денежные штрафы, которые раньше, при употреблении американского хлопка, варьировали от 3 до 6 пенсов (для прядильщика), достигают теперь 1 шилл. — 3 шилл. 6 пенсов». В одном округе, где египетский хлопок применялся в смеси с ост-индским, «средняя заработная плата прядильщика на мюле была в 1860 г. 18—25 шилл., а теперь от 10 до 18 шилл. Причина этого состоит не исключительно в ухудшении хлопка, но также в уменьшении быстроты движения мюля с целью сообщить пряже более сильное кручение, за что в обычное время уплачивается, согласно условию, добавочное вознаграждение» (стр. 43, 44, 45—50). «Хотя переработка ост-индского хлопка, быть может, и принесла в том или ином случае выгоду фабрикантам, но мы видим зато (см. расценочный лист, стр. 53), что̀ должны были вытерпеть вследствие этого рабочие по сравнению с 1861 г. Если упрочится применение сурата, то рабочие потребуют такого же заработка, как в 1861 г.; но в этом случае будет серьезно затронута прибыль фабрикантов, раз это влияние не будет компенсировано изменением цены хлопка или фабрикатов» (стр. 105).

Плата за наем квартиры. «Квартирная плата, уплачиваемая рабочими в тех случаях, когда рабочие живут в коттэджах, принадлежащих фабриканту, часто вычитается последним из заработной платы, хотя бы работы и производились неполное время. Тем не менее стоимость этого рода строений упала, и домики сдаются теперь на 25—50% дешевле, чем раньше; коттэдж, который стоил 3 шилл. 6 пенсов в неделю, можно нанять теперь за 2 шилл. 4 пенса, а порой и еще дешевле» (стр. 57).

Эмиграция. Фабриканты были, конечно, против эмиграции рабочих, так как, с одной стороны, «в ожидании лучших времен для хлопчатобумажной промышленности они стремились удержать у себя под рукой средства вести свои фабрики наиболее выгодным способом». Кроме того, «многие фабриканты — собственники домов, в которых живут занятые ими рабочие, и по крайней мере некоторые из них безусловно рассчитывают получить впоследствии хоть часть той наемной платы за квартиры, которую задолжали им рабочие» (стр. 96).

Г-н Бернోль Осборн в одной из речей к своим избирателям в парламент 22 октября 1864 г. сказал, что рабочие Ланкашира держали себя, как античные философы (стоики). Не как бараны ли?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ДОБАВЛЕНИЯ.

Допустим, как это мы вообще делаем в настоящем отделе, что масса прибыли, присваиваемая в каждой отдельной сфере производства, равна сумме прибавочной стоимости, производимой всем капиталом, вложенным в эту сферу. Даже и в этом случае буржуа не будет представлять себе прибыль как нечто тожественное прибавочной стоимости, т. е. неоплаченному прибавочному труду, и не будет по следующим причинам:

1) В процессе обращения он забывает процесс производства. Реализация стоимости товаров, — включающая и реализацию заключающейся в них прибавочной стоимости, — ему представляется созиданием прибавочной стоимости. {Здесь в рукописи оставлен пропуск, указывающий на то, что Маркс намеревался более подробно развить этот пункт. — *Ф. Э.*}

2) Если предположить, что степень эксплуатации труда остается неизменной, то, как мы уже видели, независимо от всех модификаций, вызываемых кредитной системой, независимо от взаимного обмана и взаимного надувательства капиталистов и усилий каждого выиграть за счет другого, независимо, далее, от всякого удачного выбора рынка, норма прибыли может быть весьма различной в зависимости от большей или меньшей дешевизны сырья, от большего или меньшего уменья его закупить; в зависимости от того, насколько производительны, целесообразны и дешевы применяемые машины; в зависимости от того, более или менее совершенна общая организация различных ступеней производственного процесса, насколько устранено расточение сырья, насколько просто и целесообразно организовано управление и надзор и т. п. Коротко говоря, если дана прибавочная стоимость для определенного переменного капитала, то одна и та же прибавочная стоимость может выражаться в более высокой и более низкой норме прибыли, следовательно может доставлять бо̀льшую или меньшую массу прибыли в зависимости от индивидуальных деловых способностей самого капиталиста или его надсмотрщиков и приказчиков. Пусть одна и та же прибавочная стоимость в 1 000 ф. ст., продукт 1 000 ф. ст. заработной платы, в предприятии *A* при-

ходится на 9 000 ф. ст., а в другом предприятии B на 11000 ф. ст. постоянного капитала. В случае A мы имеем $p' = \frac{1\,000}{10\,000} = 10\%$. В случае B мы имеем $p' = \frac{1\,000}{12\,000} = 8^1/_3\%$. Весь капитал производит в A сравнительно больше прибыли, чем в B, так как здесь норма прибыли выше, чем там, хотя в обоих случаях авансированный переменный капитал = 1000 и извлеченная из него прибавочная стоимость также = 1000, следовательно в обоих случаях имеет место одинаковая эксплуатация одинакового числа рабочих. Это различное выражение одной и той же массы прибавочной стоимости, или различие норм прибыли, а следовательно и величины самой прибыли при одинаковой эксплуатации труда, может происходить и из других источников; но оно может также вытекать всецело и исключительно из различия в той умелости, с какой ведутся оба предприятия. И это обстоятельство вызывает в капиталисте иллюзию, убеждает его в том, что его прибыль обязана своим существованием не эксплуатации труда, но по крайней мере отчасти и другим, независимым от этого обстоятельствам, в особенности его индивидуальной деятельности.

Из всего изложенного в этом первом отделе видна ошибочность того взгляда (Родбертус), согласно которому (в отличие от земельной ренты, где, напр., площадь земли остается неизменной, в то время как рента растет) изменение величины капитала не оказывает влияния на отношения между прибылью и капиталом, а следовательно и на норму прибыли, так как в том случае, когда растет масса прибыли, растет и масса капитала, на которую она исчисляется, и наоборот.

Это справедливо только в двух случаях. Во-первых, тогда, когда при равенстве всех прочих обстоятельств, а следовательно прежде всего нормы прибавочной стоимости, наступает изменение стоимости товара, являющегося денежным товаром. (То же самое имеет место при исключительно номинальном изменении стоимости, повышении или падении знаков стоимости при прочих равных условиях.) Пусть весь капитал равен 100 ф. ст., прибыль = 20 ф. ст., следовательно норма прибыли = 20%. Если стоимость золота понижается или повышается вдвое, то в первом случае тот же самый капитал, который раньше стоил 100 ф. ст., теперь стоит 200 ф. ст., и прибыль будет иметь стоимость 40 ф. ст., т. е. будет выражаться в этой сумме денег вместо прежних 20 ф. ст. Во втором случае стоимость капитала падает до 50 ф. ст., и прибыль выражается в продукте стоимостью в 10 ф. ст. Но в обоих случаях 200 : 40 = = 50 : 10 = 100 : 20 = 20%. В действительности, однако, во всех

этих случаях величина капитальной стоимости вовсе не изменяется, изменяется только денежное выражение одной и той же стоимости и одной и той же прибавочной стоимости. Это не оказывает никакого влияния и на отношение $\frac{m}{K}$, или норму прибыли.

Другой случай — тот, когда имеет место действительное изменение величины стоимости, но изменение это не сопровождается изменением отношения $v : c$, т. е. когда при постоянной норме прибавочной стоимости отношение капитала, затраченного на рабочую силу (причем переменный капитал рассматривается как показатель приведенной в движение рабочей силы), к капиталу, затраченному на средства производства, остается прежнее. При этих условиях, если мы имеем K, или nK, или $\frac{K}{n}$, напр. 1000, или 2 000, или 500, прибыль при норме прибыли в 20% будет в первом случае = 200, во втором = 400, в третьем = 100, но $\frac{200}{1\,000} = \frac{400}{2\,000} = \frac{100}{500} = 20\%$. Другими словами, норма прибыли остается здесь неизменной, так как строение капитала остается прежним и не затрагивается изменением его величины. Поэтому увеличение или уменьшение массы прибыли является здесь лишь показателем увеличения или уменьшения величины применяемого капитала.

Итак, в первом случае имеет место лишь кажущееся изменение величины применяемого капитала, во втором случае происходит действительное изменение величины, но при неизменном органическом строении капитала, при неизменном отношении его переменной части к постоянной. Но, за исключением обоих этих случаев, изменение величины применяемого капитала является или *следствием* предшествующего изменения стоимости одной из его составных частей — и потому (поскольку изменение переменного капитала не сопровождается изменением самой прибавочной стоимости) следствием изменения относительной величины его составных частей, — или же это изменение величины капитала (как при работах в расширенном масштабе, при введении новых машин и т. п.) есть *причина* изменения относительной величины его обеих органических составных частей. Поэтому во всех этих случаях при прочих равных условиях изменение величины применяемого капитала должно сопровождаться одновременным изменением нормы прибыли.

Увеличение нормы прибыли всегда происходит вследствие того, что прибавочная стоимость увеличивается относительно или абсолютно по сравнению с издержками ее производства, т. е. с размерами всего авансированного капитала; другими словами,

вследствие того, что разница между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости уменьшается.

Колебания нормы прибыли, независимые от изменений органических составных частей капитала или от его абсолютной величины, возможны в том случае, если стоимость авансированного капитала, в какой бы форме — основной или оборотной — он ни являлся, повышается или понижается вследствие независимого от существующего уже капитала увеличения или уменьшения рабочего времени, необходимого для его воспроизводства. Стоимость всякого товара, — а следовательно и товаров, из которых состоит капитал, — определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нем самом, а рабочим временем, *общественно* необходимым для его воспроизводства. Это воспроизводство может происходить при улучшающихся или ухудшающихся условиях, при условиях, отличных по сравнению с условиями первоначального производства. Пусть при изменившихся условиях требуется, вообще говоря, вдвое больше или, наоборот, вдвое меньше рабочего времени, чтобы воспроизвести тот же по своему вещному содержанию капитал; тогда, при неизменной стоимости денег, капитал, стоивший раньше 100 ф. ст., теперь будет стоить 200 ф. ст. или соответственно 50 ф. ст. Если бы это повышение стоимости или, наоборот, обесценение затрагивало все части капитала в равной степени, то и прибыль соответственно с этим выразилась бы в двойной или вдвое меньшей сумме денег. Если же оно сопровождается изменением органического строения капитала, повышением или понижением отношения переменной части капитала к постоянной, то при прочих равных условиях норма прибыли будет расти при относительном возрастании, будет падать при относительном уменьшении переменного капитала. Если же повышается или понижается только денежная стоимость (вследствие изменения стоимости денег) авансированного капитала, то в том же отношении повышается или понижается денежное выражение прибавочной стоимости. Норма прибыли остается неизменной.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБЫЛИ В СРЕДНЮЮ ПРИБЫЛЬ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

РАЗЛИЧНОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛОВ В РАЗНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОИЗВОДСТВА И ВЫТЕКАЮЩИЕ ОТСЮДА РАЗЛИЧИЯ В НОРМАХ ПРИБЫЛИ.

В предыдущем отделе было, между прочим, показано, каким образом норма прибыли может изменяться — повышаться или понижаться — при неизменной норме прибавочной стоимости. В этой главе предполагается, что степень эксплуатации труда, а следовательно норма прибавочной стоимости и длина рабочего дня, имеет одинаковую величину, стоит на одинаковом уровне во всех сферах производства, на которые распадается общественный труд данной страны. Что касается значительных различий в эксплуатации труда в разных сферах производства, то уже А. Смит обстоятельно показал, что они уравниваются всякого рода действительными или основанными на предрассудке компенсирующими обстоятельствами, и, следовательно, различия эти, как только кажущиеся и преходящие, не должны приниматься в расчет при исследовании общих соотношений. Другие различия, напр. в высоте заработной платы, покоятся главным образом на указанном уже в начале книги I, стр. 11 [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 50—51], различии между простым и сложным трудом, причем, хотя они и делают жребий рабочих в различных сферах производства далеко не одинаковым, однако нисколько не затрагивают степени эксплуатации труда в этих различных сферах. Если, напр., труд золотых дел мастера оплачивается дороже, чем труд поденщика, то прибавочный труд золотых дел мастера производит по сравнению с прибавочным трудом поденщика пропорционально больше прибавочной стоимости. И если уравнение заработных плат и рабочих дней, а следовательно и нормы прибавочной стоимости в различных сферах производства и даже между различными вложениями капитала в одной и той же сфере производства, задержи-

вается многочисленными местными препятствиями, то с прогрессом капиталистического производства и по мере подчинения этому способу производства всех экономических отношений это уравнение осуществляется все более и более полно. Как ни важно изучение подобного рода трений для каждой специальной работы о заработной плате, в общем исследовании капиталистического производства ими можно пренебречь как случайными и несущественными. В таком общем исследовании вообще всегда предполагается, что действительные отношения соответствуют своему понятию или, что̀ то же самое, что действительные отношения изображаются лишь постольку, поскольку они выражают свой собственный общий тип.

Различия норм прибавочной стоимости в различных странах, т. е. национальные различия в степени эксплуатации труда, для настоящего исследования не имеют значения. Ведь в этом отделе мы как раз хотим показать, каким путем образуется известная общая норма прибыли в пределах каждой отдельной страны. В самом деле, очевидно, что при сравнении различных национальных норм прибыли придется только сопоставить то, что̀ было исследовано нами раньше, с тем, что̀ предстоит исследовать теперь. Сначала пришлось бы рассмотреть различие национальных норм прибавочной стоимости, а затем, на основе этих данных норм прибавочной стоимости, сравнить различные национальные нормы прибыли. Поскольку различие их не вытекает из различия национальных норм прибавочной стоимости, оно, очевидно, вытекает из условий, при которых, как и в нашем исследовании в настоящей главе, прибавочная стоимость предполагается везде одинаковой, постоянной.

В предыдущей главе было показано, что при неизменной норме прибавочной стоимости норма прибыли, доставляемая определенным капиталом, может повышаться или понижаться в зависимости от обстоятельств, которые повышают или понижают стоимость той или другой части постоянного капитала и, следовательно, вообще изменяют соотношение между постоянною и переменною составными частями капитала. Далее было отмечено, что обстоятельства, удлиняющие или сокращающие время оборота капитала, могут оказывать аналогичное влияние на норму прибыли. Так как масса прибыли тожественна с массой прибавочной стоимости, с самой прибавочной стоимостью, то нами было также обнаружено, что *масса* прибыли — в отличие от *нормы* прибыли — не затрагивается вышеупомянутыми колебаниями стоимости. Они модифицируют только норму, в которой выражается данная прибавочная стоимость, а следовательно и прибыль данной величины, т. е. модифицируют лишь относительную величину прибыли, ее величину по сравнению с величиной авансированного капитала. Правда, поскольку вследствие этих колебаний стоимости

происходит связывание или высвобождение капитала, таким косвенным путем может быть затронута не только норма прибыли, но и сама прибыль. Однако это, как мы видели, касается лишь капитала, уже функционирующего, а не новых вложений капитала; и, кроме того, увеличение или уменьшение самой прибыли всегда зависит от того, насколько больше или меньше труда, вследствие указанных колебаний стоимости, может быть приведено в движение тем же самым капиталом; другими словами, от того, насколько бо̀льшую или меньшую массу прибавочной стоимости — при неизменной норме прибавочной стоимости — может произвести один и тот же капитал. Таким образом это кажущееся исключение в действительности отнюдь не противоречит общему закону, не является исключением из него, а, напротив, представляет собою лишь особый случай применения общего закона.

В предыдущем отделе мы видели, что при неизменной степени эксплуатации труда изменение стоимости составных частей постоянного капитала, а также изменение периода оборота капитала, изменяет норму прибыли. Отсюда само собою вытекает, что нормы прибыли в различных, одновременно существующих одна возле другой, сферах производства будут различны, если капиталы, применяемые в различных отраслях производства, имеют при прочих равных условиях различные периоды оборота или различные по стоимости отношения между своими органическими составными частями. То, что раньше мы рассматривали как изменения, которые совершаются с одним и тем же капиталом последовательно во времени, теперь мы рассматриваем как одновременно существующие различия между вложениями капитала, сделанными одно рядом с другим в различные сферы производства.

Нам предстоит при этом исследовать: 1) различие в *органическом строении* капиталов, 2) различие в периоде их оборота.

Само собой понятно, что, если мы в этом исследовании говорим о строении или времени оборота капитала в определенной отрасли производства, мы всегда имеем в виду средние, нормальные отношения капитала, вложенного в данную отрасль производства; вообще речь здесь идет о средних отношениях для всего капитала данной сферы производства, а не о случайных различиях между отдельными капиталами, вложенными в эту сферу.

Так как, далее, предполагается, что норма прибавочной стоимости и рабочий день остаются неизменными, а это предположение включает в себя также неизменность заработной платы, то при этих условиях определенное количество переменного капитала выражает определенное количество приведенной в движение рабочей силы, а следовательно определенное количество овеществленного труда. Если, напр., 100 ф. ст. выражают недельную заработную плату 100 рабочих, т. е. на деле 100 рабочих сил, то 100 ф. ст. $\times$ *n*

выражают заработную плату $100 \times n$ рабочих, а $\frac{100 \text{ ф. ст.}}{n}$ заработную плату $\frac{100}{n}$ рабочих. Таким образом переменный капитал служит здесь (как и всегда при данной величине заработной платы) показателем массы труда, приводимого в движение всем капиталом определенной величины; следовательно, различия в величине применяемого переменного капитала служат показателями различия в массе применяемой рабочей силы. Если 100 ф. ст. представляют 100 рабочих в течение недели и, следовательно, при 60 часах недельного труда 6 000 рабочих часов, то 200 ф. ст. соответствуют 12 000, а 50 ф. ст. лишь 3 000 рабочих часов.

Под строением капитала мы понимаем, как уже указано в книге I, отношение между его активною и пассивною составною частью, между переменным и постоянным капиталом. При этом нашему рассмотрению подлежат два отношения, имеющие неодинаковую важность, хотя при известных обстоятельствах и производящие одинаковое действие.

Первое отношение основывается на техническом базисе и на известной ступени развития производительных сил может рассматриваться как данное. Требуется определенная масса рабочей силы, представленная определенным числом рабочих, чтобы произвести определенную массу продукта, напр. в течение одного дня, и, следовательно, — что уже при этом само собою разумеется, — привести в движение, потребить производительно определенную массу средств производства, машин, сырья и т. д. Определенное число рабочих приходится на определенное количество средств производства, следовательно определенное количество живого труда приходится на определенное количество труда, уже овеществленного в средствах производства. Отношение это очень различно в различных сферах производства, часто даже в различных разветвлениях одной и той же отрасли промышленности, хотя, с другой стороны, в очень отдаленных друг от друга отраслях промышленности оно случайно может быть совершенно или почти одинаковым.

Это отношение образует техническое строение капитала и является действительной основой его органического строения.

Возможен, однако, и такой случай: указанное отношение одинаково в различных отраслях промышленности, поскольку переменный капитал является простым показателем рабочей силы, а постоянный капитал — простым показателем массы средств производства, приводимых в движение этой рабочей силой; так, напр., известные работы по меди и железу могут требовать одинакового отношения между рабочей силой и массой средств производства. Но так как медь дороже железа, то отношение между стоимостью переменного и постоянного капитала в обоих случаях будет различно, а вместе с тем будет различно и стоимостное строение обоих

капиталов, взятых каждый в целом. Разница между техническим строением и стоимостным строением обнаруживается в каждой отрасли промышленности в том, что при неизменном техническом строении отношение стоимости обеих частей капитала может изменяться, и, наоборот, при изменении технического строения отношение стоимости их может оставаться неизменным; последнее имеет место, конечно, лишь в том случае, если изменение отношения между вложенной в дело массой средств производства и рабочей силой компенсируется противоположным изменением их стоимостей.

Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает это последнее, мы называем *органическим* строением капитала[20].

Итак, по отношению к переменному капиталу мы предполагаем, что он является показателем определенного количества рабочей силы, определенного числа рабочих или определенной массы приводимого в движение живого труда. В предыдущем отделе мы видели, что при некоторых условиях изменение величины стоимости переменного капитала может выражать только увеличение или уменьшение цены той же самой массы труда; но здесь, где норма прибавочной стоимости и рабочий день рассматриваются как величины постоянные, а заработная плата за определенное рабочее время — как величина данная, этот случай отпадает. Напротив, разница в величине постоянного капитала, правда, тоже может быть показателем изменения массы средств производства, приводимых в движение определенным количеством рабочей силы; но она может также вытекать из различия в стоимости средств производства, приводимых в движение в одной из сфер производства, по сравнению с другими сферами производства. Таким образом обе точки зрения подлежат здесь нашему рассмотрению.

Необходимо, наконец, отметить следующее существенное обстоятельство:

Пусть 100 ф. ст. представляют недельную заработную плату 100 рабочих. Пусть недельное рабочее время = 60 часам. Пусть, далее, норма прибавочной стоимости = 100%. В этом случае рабочие 30 часов из 60 работают на себя и 30 даром на капиталиста. В 100 ф. ст. заработной платы в действительности воплощено только 30 рабочих часов 100 рабочих, или всего 3 000 рабочих часов, в то время как остальные 3 000 часов, проводимых ими на работе, воплощены в 100 ф. ст. прибавочной стоимости, resp. [соответств.] прибыли, которую забирает себе капиталист. Таким образом,

---

[20] Вышеизложенное вкратце было уже развито в третьем издании первой книги, стр. 628 [в четвертом издании стр. 576; *К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 618], в начале гл. XXIII. Так как в первых двух изданиях этого места нет, повторение его здесь имело тем больше оснований. — *Ф. Э.*

хотя заработная плата в 100 ф. ст. и не выражает той стоимости, в которой овеществляется недельный труд 100 рабочих, но все же она показывает (так как длина рабочего дня и норма прибавочной стоимости даны), что данный капитал приводит в движение 100 рабочих в продолжение в общей сложности 6 000 рабочих часов. Капитал в 100 ф. ст. показывает это, так как, во-первых, он показывает число приведенных в движение рабочих, потому что 1 ф. ст. = 1 рабочему в неделю, следовательно 100 ф. ст. = 100 рабочим; так как, во-вторых, каждый приводимый в движение рабочий при данной норме прибавочной стоимости в 100% совершает вдвое более труда, чем заключается в его заработной плате; следовательно, 1 ф. ст., его плата, выражение полунедельного труда, приводит в движение труд в течение целой недели, и равным образом 100 ф. ст., хотя они заключают в себе лишь труд 50 недель, приводят в движение труд в течение 100 рабочих недель. Поэтому необходимо проводить весьма существенное различие между переменным, затраченным на заработную плату, капиталом, поскольку его стоимость — сумма заработных плат — представляет определенное количество овеществленного труда, и тем же переменным капиталом, поскольку его стоимость есть простой показатель массы живого труда, приводимой им в движение. Эта последняя всегда больше, чем количество труда, заключающееся в переменном капитале, и выражается поэтому в стоимости большей, чем стоимость переменного капитала, в стоимости, которая, с одной стороны, определяется числом рабочих, приводимых в движение переменным капиталом, а с другой стороны, тем количеством прибавочного труда, которое они совершают.

Из этого способа рассмотрения переменного капитала вытекает следующее:

Пусть при вложении капитала в сфере производства *A* на каждые 700 единиц всего капитала расходуется только 100 единиц на переменный и 600 на постоянный капитал, тогда как в сфере производства *B* — 600 на переменный и 100 на постоянный капитал. Тогда весь капитал *A* в 700 будет приводить в движение рабочую силу, равную всего 100, что, сохраняя прежние наши предположения, даст лишь 100 рабочих недель, или 6 000 часов живого труда; между тем равновеликий совокупный капитал *B* приводит в движение труд в 600 недель и, следовательно, 36 000 часов живого труда. Поэтому капитал в сфере *A* мог бы присвоить только 50 рабочих недель, или 3 000 часов прибавочного труда, тогда как равновеликий капитал в сфере *B* — 300 рабочих недель, или 18 000 часов. Переменный капитал есть показатель не только труда, заключающегося в нем самом, но, при данной норме прибавочной стоимости, вместе с тем и показатель приводимого им в движение труда избыточного, продолжающегося свыше этой меры, или прибавочного труда. При одинаковой степени эксплуатации

труда прибыль в первом случае была бы $= \frac{100}{700} = \frac{1}{7} = 14\frac{2}{7}\%$, а во втором $= \frac{600}{700} = 85\frac{5}{7}\%$, т. е. в шесть раз бо̀льшая норма прибыли. Но на деле в этом случае сама прибыль была бы в шесть раз больше, 600 для *В* против 100 для *А*, так как в шесть раз больше живого труда приводится в движение таким же самым капиталом, следовательно, при равной степени эксплуатации труда, производится в шесть раз больше прибавочной стоимости, а значит и в шесть раз больше прибыли.

Если бы в сфере *А* применялось не 700, а 7 000 ф. ст., а в сфере *В* только 700 ф. ст. капитала, то при неизменном органическом строении из 7 000 ф. ст. капитала *А* было бы применено в качестве переменного капитала 1 000 ф. ст., т. е. 1 000 рабочих в течение недели = 60 000 часов живого труда, в том числе 30 000 часов прибавочного труда. Но и теперь, как раньше, *А* по сравнению с *В* посредством каждых 700 ф. ст. приводило бы в движение в шесть раз меньше живого труда и, следовательно, в шесть раз меньше прибавочного труда, а потому и прибыли здесь получилось бы в шесть раз меньше. Если мы будем рассматривать норму прибыли, то получим для $A \frac{1\,000}{7\,000} = \frac{100}{700} = 14\frac{2}{7}\%$ по сравнению с $\frac{600}{700}$, или $85\frac{5}{7}\%$ для капитала *В*. Несмотря на равную величину капиталов, нормы прибыли здесь различны, так как при равной норме прибавочной стоимости различны массы произведенной прибавочной стоимости, а значит и прибыли, вследствие того, что приведены в движение неодинаковые массы живого труда.

Фактически тот же самый результат получается в том случае, если технические отношения в одной сфере производства те же самые, что и в другой, но стоимость применяемых элементов постоянного капитала больше или меньше. Допустим, что обе сферы применяют по 100 ф. ст. переменного капитала, следовательно в обоих случаях требуется 100 рабочих в неделю, чтобы привести в движение одно и то же количество машин и сырья, но последние в *В* дороже, чем в *А*. Тогда на 100 ф. ст. переменного капитала приходится постоянного в сфере *А*, напр., 200 ф. ст. и в сфере *В* — 400 ф. ст. При норме прибавочной стоимости в 100% произведенная прибавочная стоимость в обоих случаях равна 100 ф. ст., следовательно и прибыль в обоих случаях равна 100 ф. ст. Но в сфере *А* мы имеем $\frac{100}{200_c + 100_v} = \frac{1}{3} = 33\frac{1}{3}\%$, тогда как в сфере $B \frac{100}{400_c + 100_v} = \frac{1}{5} = 20\%$. В самом деле, если мы в обоих случаях возьмем определенные кратные части всего капитала, то в сфере *В* из каждых 100 ф. ст. на долю переменного капитала приходится только 20 ф. ст., или $\frac{1}{5}$, тогда как в *А* из каждых 100 ф. ст. переменный капитал составляет $33\frac{1}{3}$ ф. ст., или $\frac{1}{3}$. *В* производит на

каждые 100 ф. ст. меньше прибыли, так как приводит в движение меньше живого труда, чем *A*. Таким образом различие в нормах прибыли сводится здесь опять-таки к различию масс прибавочной стоимости, а потому и масс прибыли, производимых на каждые 100 единиц вложенного капитала.

Отличие этого второго примера от предыдущего заключается лишь в следующем: во втором случае уравнение между *A* и *B* потребовало бы только изменения стоимости постоянного капитала в *A* или в *B* при неизменном техническом базисе; напротив, в первом случае в двух сферах производства само техническое строение капитала различно и для уравнения должно было бы претерпеть преобразование.

Таким образом различное органическое строение капиталов не зависит от их абсолютной величины. Вопрос состоит всегда лишь в том, сколько из каждых 100 единиц капитала приходится на переменный и сколько на постоянный капитал.

Итак, капиталы различной в процентном отношении величины — или, что в данном случае сводится к тому же, капиталы одинаковой величины — производят при равном рабочем дне и равной степени эксплуатации труда весьма различные количества прибыли, так как они производят различные количества прибавочной стоимости; это вызывается именно тем, что вследствие различного органического строения капиталов в различных сферах производства различны их переменные части, следовательно различны количества приводимого ими в движение живого труда, а потому различны и количества присваиваемого ими прибавочного труда — этой субстанции прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли. Равные по величине части всего капитала в различных сферах производства заключают в себе неравные по величине источники прибавочной стоимости, а ведь единственный источник прибавочной стоимости есть живой труд. При равной степени эксплуатации труда масса труда, приводимого в движение капиталом = 100, а следовательно и масса присваиваемого им прибавочного труда, зависит от величины его переменной составной части. Если бы капитал, процентное отношение составных частей которого $90_c + 10_v$, при равной степени эксплуатации труда производил столько же прибавочной стоимости, или прибыли, как и капитал, состоящий из $10_c + 90_v$, то было бы ясно, как день, что прибавочная стоимость, а следовательно и стоимость вообще, должна была бы иметь источник, совершенно отличный от труда, и вместе с тем отпала бы всякая рациональная основа у политической экономии. Допустим, как мы это делали раньше, что 1 ф. ст. есть недельная заработная плата одного рабочего за 60 рабочих часов и что норма прибавочной стоимости = 100%. Тогда очевидно, что вся вновь произведенная стоимость, которую один рабочий может доставить в течение недели, = 2 ф. ст.; таким образом при этом условии 10 рабочих

не могли бы доставить более 20 ф. ст.; но из этих 20 ф. ст. 10 ф. ст. возмещают заработную плату; следовательно 10 рабочих не могут создать прибавочной стоимости большей, чем 10 ф. ст.; между тем 90 рабочих, весь продукт которых = 180 ф. ст., а заработная плата = = 90 ф. ст., создали бы прибавочную стоимость в 90 ф. ст. Норма прибыли была бы таким образом в одном случае 10%, в другом 90%. Если бы дело обстояло иначе, стоимость и прибавочная стоимость должны были бы быть не овеществленным трудом, а чем-то иным. Таким образом, так как в различных сферах производства капиталы, выраженные в процентном соотношении своих составных частей, — или равновеликие капиталы, — неодинаково разделяются на постоянный и переменный элементы, приводят в движение неодинаковое количество живого труда и, следовательно, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, а потому и прибыли, то норма прибыли, которая как раз и состоит в процентном отношении прибавочной стоимости ко всему капиталу, у них различна.

Но если в различных сферах производства капиталы, выраженные в процентах, или капиталы равновеликие, производят неравные прибыли вследствие различий своего органического строения, то отсюда следует, что прибыли неравных капиталов в различных сферах производства не могут быть пропорциональны соответственным величинам этих капиталов, что, следовательно, прибыли в различных сферах производства не пропорциональны соответственным величинам вложенных в них капиталов. Потому что возрастание прибыли pro rata [соответственно] величине вложенного капитала предполагало бы, что в процентном выражении прибыль оказывается везде одинаковой, следовательно, что равновеликие капиталы в различных сферах производства имеют одинаковую норму прибыли независимо от их различного органического строения. Только в пределах одной и той же сферы производства, — там, следовательно, где органическое строение капитала дано, — или в различных сферах производства с одинаковым органическим строением капитала массы прибыли прямо пропорциональны массам вложенного капитала. Что прибыли неравных капиталов пропорциональны их величинам, означает вообще лишь одно, а именно, что равновеликие капиталы доставляют равновеликие прибыли, или что нормы прибыли для всех капиталов равны, какова бы ни была их величина и их органическое строение.

Все предыдущие рассуждения исходят из предположения, что товары продаются по их стоимостям. Стоимость товара равна стоимости заключающегося в нем постоянного капитала плюс стоимость воспроизведенного в нем переменного капитала, плюс приращение этого переменного капитала, произведенная прибавочная стоимость. При неизменной норме прибавочной стоимости масса

ее зависит, очевидно, от массы переменного капитала. Пусть стоимость продукта, произведенного капиталом 100, в одном случае $= 90_c + 10_v + 10_m = 110$, в другом случае $= 10_c + 90_v + 90_m = 190$. Если товары продаются по их стоимости, то первый продукт продается за 110, из которых 10 представляют прибавочную стоимость, или неоплаченный труд, второй продукт продается за 190, из которых 90 — прибавочная стоимость, или неоплаченный труд.

Этот случай особенно важен, когда сравниваются между собой нормы прибыли в различных странах. Пусть в какой-либо европейской стране норма прибавочной стоимости $= 100\%$, т. е. рабочий половину дня работает на себя и половину дня на предпринимателя; пусть в какой-либо азиатской стране норма прибавочной стоимости $= 25\%$, т. е. рабочий $^4/_5$ дня работает на себя и $^1/_5$ на предпринимателя. Но допустим, что в европейской стране строение национального капитала $84_c + 16_v$, тогда как в азиатской стране, где применяется мало машин и т. п. и в течение данного периода данным количеством рабочей силы производительно потребляется сравнительно мало сырья, строение пусть будет $16_c + 84_v$. Тогда мы получаем следующий расчет:

В европейской стране стоимость продукта $= 84_c + 16_v + 16_m = 116$; норма прибыли $= \frac{16}{100} = 16\%$.

В азиатской стране стоимость продукта $= 16_c + 84_v + 21_m = 121$; норма прибыли $= \frac{21}{100} = 21\%$.

Таким образом норма прибыли в азиатской стране более чем на 25% больше, чем в европейской, хотя норма прибавочной стоимости в ней в четыре раза меньше. Кэри, Бастиа и tutti quanti [все прочие в том же роде] сделали бы, конечно, как раз противоположный вывод.

Это между прочим. Различные национальные нормы прибыли в большинстве случаев вытекают из различных национальных норм прибавочной стоимости; но мы сравниваем в этой главе неодинаковые нормы прибыли, лишь поскольку они вытекают из одной и той же нормы прибавочной стоимости.

Кроме различного органического строения капиталов, следовательно кроме различия в массах труда, а, значит, при прочих равных условиях и прибавочного труда, приводимого в движение равновеликими капиталами в различных сферах производства, существует еще один источник неравенства норм прибыли. Этот другой источник — различная продолжительность оборота капитала в разных сферах производства. В IV главе мы видели, что, при одинаковом строении капиталов и при прочих равных условиях, нормы прибыли обратно пропорциональны периодам оборота; мы видели также, что один и тот же переменный капитал, если он оборачивается в периоды различной продолжительности,

создает неравные массы годовой прибавочной стоимости. Итак, различие времени оборота — вот другая причина, вследствие которой в разных сферах производства равные капиталы в равные промежутки времени производят неравную прибыль и вследствие которой нормы прибыли в этих различных сферах различны.

Что касается той пропорции, в которой капитал распадается на основной и оборотный, то это соотношение само по себе вовсе не затрагивает нормы прибыли. Оно может влиять на норму прибыли лишь в двух случаях: или тогда, когда это различие в соотношении между основным и оборотным капиталом совпадает с различием в соотношении между переменною и постоянною частью, следовательно, когда этому последнему различию, а не различию в соотношении оборотной и основной частей, обязана своим происхождением разница в норме прибыли; или же тогда, когда различие в соотношении между основной и оборотной составными частями обусловливает различие во времени оборота, в течение которого реализуется определенная прибыль. Если капиталы распадаются в различной пропорции на основной и оборотный, то это обстоятельство, правда, всегда будет оказывать влияние на время их оборота и вызывать различия в последнем; однако отсюда еще не следует, что будет различно время оборота, в течение которого одни и те же капиталы реализуют данную прибыль. Пусть, напр., *A* постоянно должен превращать бо́льшую часть продукта в сырье и т. п., тогда как *B* более продолжительное время применяет одни и те же машины и т. п. при меньшем количестве сырья; во всяком случае у обоих, поскольку они производят, постоянно занята часть капитала; у одного она вложена в сырье, т. е. в оборотный капитал, у другого — в машины и т. д., т. е. в основной капитал. *A* постоянно превращает часть своего капитала из товарной в денежную форму и из этой последней обратно в форму сырья; между тем *B* часть своего капитала более или менее продолжительное время употребляет как орудие труда без такого превращения. Если оба они применяют одинаковое количество труда, то хотя они продадут в течение года массы продуктов неодинаковой стоимости, но обе массы продуктов будут заключать в себе одинаковые количества прибавочной стоимости, и их нормы прибыли, исчисляемые на весь авансированный капитал, одинаковы, хотя в обоих случаях различна та пропорция, в какой каждый из этих капиталов распадается на основную и оборотную части, так же как различно и время их оборота. Оба капитала реализуют в равное время равные прибыли, хотя оборачиваются они в различные промежутки времени[21]. Разница во времени оборота сама по себе имеет значение

[21] {Как вытекает из главы IV, вышеизложенное справедливо лишь в том случае, если капиталы *A* и *B* имеют различное стоимостное строение и если их переменные составные части, выраженные в процентах, прямо пропорциональны времени их оборота, т. е. обратно пропорциональны количеству

лишь постольку, поскольку она влияет на массу прибавочного труда, которая в течение данного времени может быть присвоена и реализована одним и тем же капиталом. Но если таким образом неодинаковое деление капитала на оборотный и основной не приводит с необходимостью к различию во времени оборота, которое, в свою очередь, обусловливает неравенство норм прибыли, то, очевидно, раз это последнее имеет место, оно обусловливается не самим по себе различным делением капитала на оборотный и основной, а, напротив, тем, что это деление капитала является в данном случае лишь показателем влияющего на норму прибыли различия во времени оборота.

Итак, различное деление постоянного капитала на оборотный и основной в разных отраслях промышленности само по себе не имеет значения для нормы прибыли, так как решающее влияние оказывает отношение переменного капитала к постоянному, причем стоимость постоянного капитала, а следовательно и его относительная величина по сравнению с переменным, не стоит ни в какой зависимости от основного или оборотного характера его составных частей. Совершенно справедливо, однако, — и это зачастую приводит к ложным выводам, — что там, где значительно развит основной капитал, это является выражением только того факта, что производство ведется в крупном масштабе и, следовательно, постоянный капитал сильно преобладает над переменным, другими словами, применяемая к делу живая рабочая сила незначительна по сравнению с массой средств производства, приводимых ею в движение.

Мы показали таким образом следующее: в разных отраслях промышленности господствуют различные нормы прибыли, соответствующие различию в органическом строении капиталов и, в известных пределах, — различиям времени оборота; поэтому даже при равной норме прибавочной стоимости только по отношению к капиталам одинакового органического строения, — при предположении, что периоды оборота равны, — сохраняет силу закон (в общей тенденции), что прибыли относятся между собой, как величины капиталов и, следовательно, равные капиталы в равные промежутки времени дают равные прибыли. Развитые нами

оборотов за данное время. Пусть процентное строение капитала $A = 20_c$ основного $+ 70_c$ оборотного, следовательно $90_c + 10_v = 100$. При норме прибавочной стоимости в 100% эти 10_v в течение одного оборота производят 10_m. Норма прибыли для одного оборота = 10%. Пусть, с другой стороны, капитал $B = 60_c$ основного $+ 20_c$ оборотного, следовательно $80_c + 20_v = 100$. Эти 20_v при той же норме прибавочной стоимости произведут в течение одного оборота 20_m; норма прибыли для одного оборота равна 20%, т. е. вдвое больше по сравнению с A. Но если A оборачивается два раза в год, а B лишь один раз, то за год мы получаем для A также $10 \times 2 = 20_m$; таким образом годовая норма прибыли оказывается в обоих случаях одинаковой, а именно 20%. — *Ф. Э.*}

соображения покоятся на базисе, который до сих пор был базисом всего нашего исследования, — что товары продаются по их стоимости. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что в действительности, если оставить в стороне несущественные случайные и взаимно уничтожающиеся различия, в разных отраслях промышленности не существует различия между средними нормами прибыли, да и не может существовать его без разрушения всей системы капиталистического производства. Таким образом кажется, будто теорию стоимости нельзя согласовать с действительным процессом, нельзя согласовать с фактическими явлениями производства, и что поэтому приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние.

Из первого отдела этой книги вытекает, что издержки производства одинаковы для продуктов различных сфер производства, если на производство этих продуктов авансированы одинаковые по величине части капитала, как бы ни было различно органическое строение этих капиталов. В издержках производства для капиталиста исчезает различие между переменным и постоянным капиталом. Для него товар, на производство которого он должен затратить 100 ф. ст., стоит одинаково дорого, должен ли он затратить $90_c + 10_v$ или $10_c + 90_v$. Товар во всяком случае обходится ему в 100 ф. ст., не больше и не меньше. Издержки производства в различных сферах производства при равновеликих затратах капитала одни и те же, как бы ни были различны между собой произведенные стоимости и прибавочные стоимости. Это равенство издержек производства образует базис для конкуренции капиталовложений, путем которой устанавливается средняя прибыль.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ (СРЕДНЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ) И ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТЕЙ ТОВАРОВ В ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Органическое строение капитала зависит в каждый данный момент от двух обстоятельств: во-первых, от технического отношения между применяемой рабочей силой и массой применяемых средств производства; во-вторых, от цены этих средств производства. Его следует рассматривать, как мы видели, в его процентном отношении. Органическое строение капитала, состоящего на $^4/_5$ из постоянного и на $^1/_5$ из переменного капитала, мы выражаем формулой $80_c + 20_v$. Далее, при сравнении предполагается неизменная норма прибавочной стоимости, а именно, какая-либо произвольная норма, напр. 100%. Капитал, состоящий из $80_c + 20_v$, создает таким образом прибавочную стоимость в 20_m, что даст норму прибыли 20% на весь капитал. Величина действительной стоимости его продукта зависит от того, насколько велика основная часть постоянного капитала, и от того, много или мало из этой последней входит в стоимость продукта вследствие снашивания. Но так как это обстоятельство не имеет значения для нормы прибыли, а потому и для настоящего исследования, то ради простоты мы принимаем, что постоянный капитал везде одинаково входит целиком в годовой продукт рассматриваемых капиталов. Мы принимаем далее, что капиталы различных сфер производства реализуют ежегодно одинаковое по отношению к величине переменной их части количество прибавочной стоимости; следовательно, мы пока оставляем в стороне ту разницу, которую в этом соотношении может вызвать различие во времени оборота. Этот пункт мы рассмотрим позже.

Возьмем пять различных сфер производства с различным органическим строением вложенных в них капиталов. Пусть мы имеем:

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Норма прибыли
I. $80_c + 20_v$	100%	20	120	20%
II. $70_c + 30_v$	100%	30	130	30%
III. $60_c + 40_v$	100%	40	140	40%
IV. $85_c + 15_v$	100%	15	115	15%
V. $95_c + 5_v$	100%	5	105	5%

Мы получаем здесь для различных сфер производства при одинаковой эксплуатации труда очень различные нормы прибыли, соответственно различному органическому строению капиталов.

Общая сумма капиталов, вложенных в пять сфер, $= 500$; общая сумма произведенной ими прибавочной стоимости $= 110$; общая стоимость произведенных ими товаров $= 610$. Рассмотрим 500 как единый капитал, по отношению к которому подразделения I—V являются только отдельными частями (как, напр., это происходит в хлопчатобумажной фабрике, в различных отделах которой — кардном, приготовительном, прядильном, ткацком — существует различное отношение между постоянным и переменным капиталом, и среднее отношение для всей фабрики получается только путем вычисления). В этом случае среднее строение капитала 500 было бы $= 390_c + 110_v$, или в процентах $78_c + 22_v$. Строение каждого из капиталов 100, рассматриваемого лишь как $^1/_5$ всего капитала, было бы этим средним строением $78_c + 22_v$; равным образом на каждые 100 приходилось бы 22 в качестве средней прибавочной стоимости; поэтому средняя норма прибыли была бы $=$ $= 22\%$, и, наконец, цена каждой $^1/_5$ всего продукта, произведенного капиталом 500, равнялась бы 122. Продукт каждой пятой части всего авансированного капитала должен был бы таким образом продаваться за 122.

Однако, если мы не хотим притти к совершенно ложным выводам, мы не должны все издержки производства приравнивать к 100.

При $80_c + 20_v$ и норме прибавочной стоимости $= 100\%$ вся стоимость товара, произведенного капиталом I $=100$, была бы $=$ $= 80_c + 20_v + 20_m = 120$, если бы весь постоянный капитал входил в годовой продукт. При определенных условиях это, конечно, может случиться в известных сферах производства. Однако едва ли это возможно там, где отношение $c : v = 4 : 1$. Таким образом, исследуя стоимости товаров, производимых каждыми 100 единицами различных капиталов, надо принять во внимание, что стоимости эти могут быть различны в зависимости от различного деления c на основную и оборотную составные части и что основные составные части различных капиталов могут, в свою очередь, снашиваться медленнее или быстрее, следовательно в равные промежутки времени присоединять к продукту неравные количества стоимости. На норму прибыли это, однако, не оказывает влияния. Отдают ли 80_c годовому продукту стоимость, равную 80 или 50, или 5, будет ли поэтому годовой продукт $= 80_c + 20_v + 20_m = 120$, или $= 50_c +$ $+ 20_v + 20_m = 90$, или $5_c + 20_v + 20_m = 45$, безразлично; во всех этих случаях избыток стоимости продукта над его издержками производства $= 20$, и во всех этих случаях при установлении нормы прибыли эти 20 рассчитываются на капитал, равный 100; норма прибыли для капитала I таким образом во всяком случае $= 20\%$. Чтобы предста-

вить это еще отчетливее, мы в следующей таблице, относящейся к тем же пяти капиталам, что и раньше, принимаем, что в стоимость их продукта входят различные доли постоянного капитала.

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Норма прибыли	Потребленная часть c	Стоимость товаров	Издержки производства	
I. 80_c+20_v	100%	20	20%	50	90	70	
II. 70_c+30_v	100%	30	30%	51	111	81	
III. 60_c+40_v	100%	40	40%	51	131	91	
IV. 85_c+15_v	100%	15	15%	40	70	55	
V. 95_c+5_v	100%	5	5%	10	20	15	
390_c+110_v	—	110	110%	—	—	—	Сумма
78_c+22_v	—	22	22%	—	—	—	В среднем

Если мы капиталы I—V будем опять рассматривать как единый совокупный капитал, то мы увидим, что и в этом случае строение суммы пяти капиталов $= 500 = 390_c + 110_v$, следовательно среднее строение остается тем же самым $= 78_c + 22_v$, равным образом и средняя прибавочная стоимость $= 22\%$. Распределив эту прибавочную стоимость равномерно между капиталами I—V, мы получили бы следующие товарные цены:

Капиталы	Прибавочная стоимость	Стоимость товаров	Издержки производства товаров	Цена товаров	Норма прибыли	Отклонение цены от стоимости
I. 80_c+20_v	20	90	70	92	22%	+ 2
II. 70_c+30_v	30	111	81	103	22%	− 8
III. 60_c+40_v	40	131	91	113	22%	− 18
IV. 85_c+15_v	15	70	55	77	22%	+ 7
V. 95_c+5_v	5	20	15	37	22%	+ 17

В общей сумме товары продаются на $2 + 7 + 17 = 26$ выше и на $8 + 18 = 26$ ниже стоимости, так что отклонения цен взаимно уничтожаются благодаря равномерному распределению прибавочной стоимости, т. е. благодаря присоединению к соответственным издержкам производства товаров I—V средней прибыли в 22 на каждую сотню авансированного капитала; в том же самом отношении,

в каком одна часть товаров продается выше, другая часть продается ниже ее стоимости. И только продажа их по таким ценам делает возможным, что норма прибыли во всех подразделениях I—V одинакова и равна 22%, несмотря на различное органическое строение капиталов I—V. Цены, возникающие таким образом, что из различных норм прибыли в различных сферах производства берется средняя и эта средняя присоединяется к издержкам производства в различных сферах производства, — такие цены суть *цены производства*. Предпосылкой их является существование одной общей нормы прибыли, а эта последняя предполагает, в свою очередь, что нормы прибыли в каждой отдельной сфере производства сами по себе уже сведены к такому же количеству средних норм. Эти особые нормы прибыли в каждой сфере производства $= \frac{m}{K}$ и должны быть выведены, как это и сделано в первом отделе настоящей книги, из стоимости товара. Без такого выведения общая норма прибыли (а следовательно и цена производства товара) была бы представлением, лишенным смысла и содержания. Цена производства товара равняется таким образом издержкам его производства плюс присоединенная к ним прибыль, исчисленная в процентах соответственно общей норме прибыли, другими словами: цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль.

Вследствие различного органического строения капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому вследствие того обстоятельства, что капиталы равной величины приводят в движение очень различные количества труда, равновеликими капиталами, в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины, присваиваются очень различные количества прибавочного труда или производятся очень различные массы прибавочной стоимости. Соответственно этому нормы прибыли, господствующие в различных отраслях производства, первоначально очень различны. Эти различные нормы прибыли уравниваются путем конкуренции в единую общую норму прибыли, представляющую собою среднее из этих различных норм прибыли. Прибыль, падающая согласно этой общей норме на капитал данной величины, каково бы ни было его органическое строение, называется средней прибылью. Цена товара, равная его издержкам производства плюс причитающаяся на его долю в соответствии с условиями его оборота часть годовой средней прибыли на весь капитал, применяемый в производстве товара (а не только действительно потребленный на его производство), есть его цена производства. Возьмем для примера капитал в 500, в том числе 100 основного капитала, 10% которого снашивается в течение одного периода оборота, совершаемого оборотным капиталом в 400. Средняя прибыль в продолжение этого периода оборота пусть

будет 10%. Тогда издержки производства продукта, изготовленного за время этого оборота, будут: 10_c на снашивание, плюс 400 $(c+v)$ оборотного капитала = 410, и его цена производства: 410 издержек производства плюс (10% прибыли на 500) 50 = 460.

Таким образом, хотя капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают назад капитальные стоимости, затраченные на производство этих товаров, однако они реализуют не ту прибавочную стоимость, а следовательно и не ту прибыль, которая произведена в их собственной отрасли при производстве этих товаров, — они получают лишь столько прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, сколько, при равномерном распределении, ее приходится на каждую соответственную часть совокупного общественного капитала из всей прибавочной стоимости, или всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени всем этим общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых. Каждый авансированный капитал, каково бы ни было его строение, приносит в течение года или иного промежутка времени столько прибыли на 100, сколько ее за этот же промежуток времени приходится на каждую сотню всего капитала. Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу, как простые акционеры одного акционерного общества, в котором прибыль, приходящаяся на долю отдельных членов, распределяется равномерно на каждую сотню капитала; поэтому для различных капиталистов прибыли изменяются лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие, в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии, в зависимости от числа принадлежащих каждому акций. Итак, та часть товарной цены, которая возмещает части капитальной стоимости, потребленные в производстве товара, на которую, следовательно, эти потребленные капитальные стоимости снова должны быть закуплены, — эта часть, составляющая издержки производства, всецело определяется затратами, произведенными в пределах соответственной сферы производства. Напротив, другая составная часть товарной цены, присоединяемая к этим издержкам производства, прибыль, определяется не массою прибыли, произведенной этим определенным капиталом в этой определенной сфере производства в течение данного времени, а той массой прибыли, которая за данный промежуток времени в среднем приходится на каждый вложенный в дело капитал, как определенную часть всего общественного капитала, вложенного во все производство в целом [22].

Таким образом, если капиталист продает свой товар по цене производства, то он выручает количество денег, соответствующее

[22] *Cherbuliez* [«Riche ou pauvre». Paris — Genève 1840, стр. 116 и сл.].

стоимости капитала, потребленного им в производстве, и извлекает прибыль, пропорциональную его авансированному капиталу, просто как определенной части всего общественного капитала. Издержки производства в каждой данной сфере производства носят специфический характер. Прибыль, присоединяемая к этим издержкам производства, не зависит от условий соответствующей особой сферы производства и есть простая средняя на каждую сотню авансированного капитала.

Допустим, что в предыдущем примере пять различных капиталов I—V принадлежат одному лицу. Количество переменного и постоянного капитала, потребленное в производстве товаров на каждую сотню всего вложенного в дело капитала, здесь дано для каждого подразделения I—V, и эта часть стоимости товаров I—V, само собой разумеется, должна образовать часть их цены, так как по меньшей мере эта цена необходима для возмещения авансированной и потребленной части капитала. Таким образом эти издержки производства различны для каждого рода товаров I—V и как таковые должны быть различно фиксированы владельцем. Что же касается различных масс прибавочной стоимости, или прибыли, произведенных в подразделениях I—V, то капиталист имел бы все основания рассматривать их как прибыль на весь свой авансированный капитал, так что на каждую сотню капитала пришлась бы соответствующая часть всей этой прибыли. Таким образом издержки производства товаров, изготовленных в отдельных подразделениях I—V, были бы различны; но у всех этих товаров оказалась бы равной та часть продажной цены, которая составляется из присоединяемой к издержкам производства прибыли на каждую сотню капитала. Общая цена товаров I—V равнялась бы таким образом общей их стоимости, т. е. сумме издержек производства I—V плюс сумма прибавочной стоимости, или прибыли, произведенной в I—V; следовательно, на деле общая их цена была бы денежным выражением совокупного количества труда как прошлого, так и вновь присоединенного, заключающегося в товарах I—V. И таким образом в самом обществе, — если рассматривать все отрасли производства как одно целое, — сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их стоимостей.

Кажется, будто этому положению противоречит тот факт, что в капиталистическом производстве элементы производительного капитала покупаются обыкновенно на рынке, следовательно цены их заключают уже реализованную прибыль, т. е. цену производства данной отрасли промышленности вместе с заключающейся в ней прибылью, так что прибыль одной отрасли промышленности входит в издержки производства другой. Но если мы подсчитаем, с одной стороны, сумму издержек производства товаров в целой стране, с другой стороны, — сумму производимой в ней прибыли, или прибавочной стоимости, то, очевидно, мы получим правильный

итог. Возьмем, напр., товар *A;* пусть в издержки его производства входят прибыли от *B, C, D,* а в издержки производства *B, C, D,* в свою очередь, входит прибыль от *A*. Производя вышеуказанный подсчет, мы не будем прибыль от *A* причислять к его собственным издержкам производства, и точно так же прибыли от *B, C, D* и т. д. не войдут в их собственные издержки производства. Никто не причисляет своей собственной прибыли к издержкам своего производства. И, следовательно, если имеется всего, напр., n отраслей производства и если в каждой из них прибыль равна p, то издержки производства всех их вместе взятых $= k - np$. Рассматривая весь расчет в целом, мы находим таким образом, что прибыли одной сферы производства, поскольку они входят в издержки производства другой сферы, уже учитываются здесь как составная часть общей цены окончательного продукта и не могут снова появиться в графе прибылей. Если же они появляются в этой графе, то только потому, что данный товар сам есть окончательный продукт и, следовательно, его цена производства не входит в издержки производства какого-либо другого товара.

Если в издержки производства товара входит сумма $= p$, составляющая прибыль производителей средств производства, и если на эти издержки производства набавляется прибыль, равная p_1, то общая прибыль будет $P = p + p_1$. Общая сумма издержек производства товара, если не считать всех элементов цены, приходящихся на прибыль, равняется его собственным издержкам в данной сфере производства минус P. Если мы эти издержки производства назовем k, то, очевидно, $k + P = k + p + p_1$. При исследовании прибавочной стоимости в книге I, гл. VII, 2, стр. 182 и сл. [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 226 и сл.], мы видели, что продукт каждого капитала можно рассматривать таким образом, как будто одна часть его только возмещает капитал, тогда как другая выражает лишь прибавочную стоимость. Применяя этот расчет ко всему продукту общества, необходимо сделать соответственные поправки, так как по отношению ко всему обществу в целом прибыль, заключающаяся, напр., в цене льна, не может фигурировать дважды: один раз — как часть цены полотна и другой раз — как прибыль производителя льна.

Между прибылью и прибавочной стоимостью не существует различия, поскольку, напр., прибавочная стоимость капиталиста *A* входит в постоянный капитал *B*. Ведь для стоимости товара совершенно безразлично, состоит ли заключающийся в ней труд из оплаченного или неоплаченного труда. Это показывает только, что *B* уплачивает прибавочную стоимость *A*. В общем итоге прибавочную стоимость *A* не следует считать два раза.

Но разница заключается в следующем. Мало того, что цена продукта, произведенного, напр., капиталом *B*, отклоняется от его стоимости, так как прибавочная стоимость, реализованная в *B*,

может быть больше или меньше, чем прибыль, присоединенная к цене продуктов *B*; но то же самое обстоятельство сохраняет свою силу и по отношению к товарам, которые образуют постоянную часть капитала *B*, а косвенно — в качестве жизненных средств рабочих — и переменную его часть. Что касается постоянной части, то она сама равна издержкам производства плюс прибавочная стоимость, т. е. в данном случае равна издержкам производства плюс прибыль, а эта прибыль, в свою очередь, может быть больше или меньше, чем та прибавочная стоимость, место которой она заступает. Что касается переменного капитала, то, хотя ежедневная заработная плата в среднем всегда равна новой стоимости, созданной в течение того количества часов, которое рабочий должен затратить для того чтобы произвести необходимые жизненные средства, однако самое это количество часов фальсифицируется, в свою очередь, благодаря тому, что цены производства необходимых жизненных средств отклоняются от их стоимостей. Все это разрешается, однако, благодаря тому, что в один товар прибавочной стоимости входит на столько больше, на сколько ее недостает в другом, а следовательно отклонения от стоимости, заключающиеся в ценах производства товаров, взаимно уничтожаются. Вообще при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний.

Так как общая норма прибыли образуется из средней различных норм прибыли на каждую сотню авансированного капитала за определенный период времени, скажем, за один год, то в ней погашается и то различие, которое создается различием времени оборота различных капиталов. Но эти различия являются определяющим моментом для различных норм прибыли тех разных сфер производства, средняя которых образует общую норму прибыли.

В предыдущей иллюстрации образования общей нормы прибыли каждый капитал каждой сферы производства был принят = = 100, и это было сделано для того чтобы выяснить процентную разницу в нормах прибыли, а следовательно и разницу в стоимости товаров, производимых капиталами одинаковой величины. Но, разумеется, в действительности массы прибавочной стоимости, создаваемые в каждой отдельной сфере производства, зависят, раз дано строение капитала в каждой из этих данных сфер производства, от величины вложенных в дело капиталов. Между тем особая *норма* прибыли каждой отдельной сферы производства не изменяется от того, применяется ли в данном случае капитал, равный 100, $m \times 100$ или $xm \times 100$. Норма прибыли одинаково составляет 10% как в том случае, когда вся прибыль составляет 10 : 100, так и в том случае, когда она составляет 1000 : 10 000.

Но так как нормы прибыли в разных сферах производства различны вследствие того, что в этих последних, в зависимости от процентного отношения переменного капитала ко всему капиталу, производятся очень различные массы прибавочной стоимости и, следовательно, очень различные массы прибыли, то, очевидно, средняя прибыль на сотню общественного капитала, т. е. средняя норма прибыли, или общая норма прибыли, будет весьма значительно изменяться в зависимости от соответственной величины капиталов, вложенных в разные сферы производства. Возьмем четыре капитала A, B, C, D. Пусть норма прибавочной стоимости для всех них будет $= 100\%$. Пусть, наконец, на каждую сотню всего капитала приходится переменного капитала в $A = 25$, в $B = 40$, в $C = 15$, в $D = 10$. Тогда прибавочная стоимость, или прибыль, на каждую сотню всего капитала составила бы для $A = 25$, для $B = 40$, для $C = 15$, для $D = 10$, всего $= 90$; следовательно, если все четыре капитала равновелики, средняя норма прибыли $= \frac{90}{4} = 22^1/_2\%$.

Но если общие величины капиталов будут: $A = 200$, $B = 300$, $C = 1000$, $D = 4\,000$, то произведенные прибыли составят соответственно 50, 120, 150 и 400. Всего на 5 500 капитала приходится 720 прибыли, т. е. средняя норма прибыли в $13^1/_{11}\%$.

Массы всей произведенной стоимости различны в зависимости от различия общих величин соответственных капиталов, авансированных в A, B, C и D. При образовании общей нормы прибыли дело идет таким образом не только о различии *норм* прибыли в разных сферах производства, из которых надлежало бы просто вывести среднюю арифметическую, но также и о том удельном весе, с которым эти различные нормы прибыли вступают в образование средней. Но это зависит от относительной величины капитала, вложенного в каждую отдельную сферу, т. е. от того, какую часть всего общественного капитала составляет капитал, вложенный в каждую отдельную сферу производства. Должна, конечно, получиться очень крупная разница в зависимости от того, бо́льшая или меньшая часть всего капитала дает бо́льшую или меньшую норму прибыли. А это зависит опять-таки от того, сколько капитала вложено в те отрасли производства, в которых отношение переменного капитала ко всему капиталу сравнительно высоко или низко. Здесь дело обстоит совершенно так же, как со средней ставкой процента, получаемого ростовщиком, ссужающим различные части своего капитала из различных процентов, напр. из 4, 5, 6, 7% и т. п. Средняя норма всецело зависит от того, какую часть своего капитала ростовщик ссудил по каждой из этих различных процентных норм.

Таким образом общая норма прибыли определяется двумя факторами:

1) органическим строением капиталов в разных сферах производства, следовательно различными нормами прибыли в отдельных сферах;

2) распределением всего общественного капитала между этими различными сферами, следовательно относительной величиной капитала, вложенного в каждую отдельную сферу и имеющего поэтому особую норму прибыли, т. е. той относительной частью массы всего общественного капитала, которая поглощается каждой отдельной сферой производства.

В книгах I и II мы имели дело только со *стоимостями* товаров. В настоящее время, с одной стороны, обособились *издержки производства* как часть этой стоимости, с другой стороны, развилась *цена производства* как превращенная форма стоимости товара.

Пусть среднее строение общественного капитала $80_c + 20_v$ и норма годовой прибавочной стоимости $m' = 100\%$, тогда средняя годовая прибыль для капитала в 100 будет = 20 и общая годовая норма прибыли = 20%. Каковы бы ни были k, издержки производства товаров, произведенных в течение года капиталом 100, их цена производства была бы во всяком случае $= k + 20$. В сферах производства, где строение капитала $= (80 - x)_c + (20 + x)_v$, действительно произведенная прибавочная стоимость, или годовая прибыль, произведенная в данной сфере производства, была бы $= 20 + x$, т. е. больше, чем 20, и произведенная товарная стоимость была бы $= k + 20 + x$, больше, чем $k + 20$, или больше, чем цена производства. В сферах, где строение капитала $= (80 + x)_c + (20 - x)_v$, произведенная в течение года прибавочная стоимость, или прибыль, была бы $= 20 - x$, т. е. меньше, чем 20, и потому стоимость товара $k + 20 - x$ была бы меньше, чем цена производства, которая $=$ $= k + 20$. Если оставить в стороне возможные различия во времени оборота, цена производства товаров была бы равна их стоимости только в тех сферах, где строение капитала случайно $= 80_c + 20_v$.

Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой отдельной сфере производства различно по степени, выше или ниже, в зависимости от того, насколько велико количество средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда, или — при данном рабочем дне — определенным числом рабочих; другими словами, оно выше или ниже, в зависимости от того, насколько мало количество труда, требуемое определенным количеством средств производства. Поэтому капиталы, которые содержат больший процент постоянного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталами *высшего* строения. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем капиталами *низшего* строения. Наконец, капиталами среднего

строения мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала. Если средний общественный капитал состоит в процентах из $80_c + 20_v$, то капитал $90_c + 10_v$ стоит *выше*, капитал $70_c + 30_v$ *ниже* общественной средней. Вообще при строении среднего общественного капитала, равном $m_c + n_v$, где m и n суть величины постоянные и $m + n = 100$, $(m + x)_c + (n - x)_v$ представляет высшее, $(m - x)_c + (n + x)_v$ — низшее строение отдельного капитала или группы капиталов. Каким образом функционируют эти капиталы по установлении средней нормы прибыли, при предположении, что все они оборачиваются один раз в год, — показывает следующая таблица, где I обозначает среднее строение, а средняя норма прибыли поэтому = 20%.

I.	$80_c + 20_v + 20_m$.	Норма прибыли = 20%.	
		Цена продукта = 120.	Стоимость = 120.
II.	$90_c + 10_v + 10_m$.	Норма прибыли = 20%.	
		Цена продукта = 120.	Стоимость = 110.
III.	$70_c + 30_v + 30_m$.	Норма прибыли = 20%.	
		Цена продукта = 120.	Стоимость = 130.

Таким образом для товаров, произведенных капиталом II, стоимость меньше, чем цена производства; для товаров, произведенных капиталом III, цена производства меньше, чем стоимость, и только для капитала I в отрасли производства, где строение капитала случайно совпадает со средним общественным строением, стоимость и цена производства равны. Впрочем, при приложении этих обозначений к определенным случаям необходимо, конечно, принимать в расчет, насколько сильно отклоняется отношение между c и v от среднего уровня не разницей в техническом строении, а простым изменением стоимости элементов постоянного капитала.

Рассуждения, развитые выше, несомненно модифицируют определение издержек производства товаров. Первоначально мы принимали, что издержки производства товара равны *стоимости* товаров, потребленных при его производстве. Но цена производства данного товара для покупателя последнего является его издержками производства и может таким образом войти в образование цены другого товара в качестве издержек производства. Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которых включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства. Не следует забывать об этом модифицированном значении издержек производства, не следует поэтому забывать, что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потребленных при их изготовлении средств производства. Для нашего настоящего исследования нет

необходимости ближе входить в рассмотрение этого пункта. При этом во всяком случае остается справедливым положение, что издержки производства товаров всегда меньше их стоимости. В самом деле, как бы ни отклонялись издержки производства товара от стоимости потребленных им средств производства, для капиталиста эти прошлые погрешности не имеют никакого значения. Издержки производства товара есть данная, независимая от его, капиталиста, производства предпосылка, в то время как результат его производства есть товар, который содержит прибавочную стоимость, т. е. некоторый избыток стоимости по сравнению с издержками его производства. Впрочем, положение, что издержки производства меньше, чем стоимость товара, практически превратилось теперь в положение, что издержки производства меньше, чем цена производства. По отношению ко всему общественному капиталу, для которого цена производства равна стоимости, это положение тожественно с предыдущим, что издержки производства меньше, чем стоимость. Хотя для отдельных сфер производства оно имеет различный смысл, тем не менее в основе его всегда остается тот факт, что при рассмотрении всего общественного капитала издержки производства произведенных им товаров оказываются ниже, чем стоимость, или в данном случае для всей массы произведенных товаров, чем тожественная с этой стоимостью цена производства. Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нем оплаченного труда, стоимость — всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда, цена производства — сумме оплаченного труда плюс определенное количество неоплаченного труда, независимое от условий самой данной сферы производства.

Формула, согласно которой цена производства товара $= k + p$, т. е. равна издержкам производства плюс прибыль, теперь ближе определилась в том смысле, что $p = kp'$ (где p' общая норма прибыли) и, следовательно, цена производства $= k + kp'$. Если $k = 300$ и $p' = 15\%$, то цена производства $k + kp' = 300 + 300 \cdot \frac{15}{100} = 345$.

Цена производства товаров в каждой отдельной отрасли производства может изменяться по величине:

1) при неизменной стоимости товаров (т. е. при условии, что до и после изменения цены производства в производство товара входит одно и то же количество мертвого и живого труда) — вследствие такого изменения общей нормы прибыли, которое не зависит от данной сферы производства;

2) при неизменной общей норме прибыли — вследствие изменения стоимости как в самой данной сфере производства в результате технических перемен, так и вследствие изменения стоимости товаров, которые входят в постоянный капитал данной сферы производства в качестве образующих элементов;

3) наконец, — вследствие совместного влияния обоих этих обстоятельств.

Несмотря на крупные изменения, которым, — как будет показано дальше, — постоянно подвергаются фактические нормы прибыли в отдельных сферах производства, действительное изменение общей нормы прибыли, поскольку оно не вызывается какими-либо исключительными чрезвычайными экономическими событиями, есть очень поздний результат целого ряда колебаний, охватывающих очень продолжительные периоды, т. е. колебаний, требующих много времени для того чтобы консолидироваться и выравняться, порождая тем самым изменение общей нормы прибыли. Поэтому при рассмотрении сравнительно коротких периодов (колебания рыночных цен мы совершенно оставляем в стороне) изменения цен производства всегда следует объяснять prima facie [в первую очередь] действительным изменением стоимости товаров, т. е. изменением общей суммы рабочего времени, необходимого для их производства. Простое изменение денежного выражения одних и тех же стоимостей здесь, разумеется, вовсе не принимается во внимание [23].

С другой стороны, очевидно, что если рассматривать весь общественный капитал в целом, то сумма стоимости произведенных им товаров (или, в денежном выражении, их цена) будет = = стоимости постоянного капитала + стоимость переменного капитала + прибавочная стоимость. Если степень эксплуатации труда принять за величину постоянную, то при неизменной массе прибавочной стоимости норма прибыли может изменяться здесь лишь при том условии, если изменяется стоимость постоянного капитала, если изменяется стоимость переменного капитала или если обе они вместе изменяются так, что изменяется K, а следовательно и $\frac{m}{K}$, общая норма прибыли. Следовательно, во всяком случае изменение общей нормы прибыли предполагает изменение в стоимости товаров, которые входят в качестве образующих элементов в постоянный капитал, в переменный капитал или одновременно в тот и другой.

Далее, общая норма прибыли может изменяться при неизменной стоимости товаров, раз изменяется степень эксплуатации труда.

Наконец, при неизменной степени эксплуатации труда общая норма прибыли может изменяться, если сумма прилагаемого труда относительно изменяется по сравнению с постоянным капиталом вследствие технических перемен в процессе труда. Но такие технические перемены всегда должны обнаруживаться в изменении стоимости товаров, а потому должны всегда сопровождаться изменением стоимости товаров, на производство которых теперь требуется больше или меньше труда, чем требовалось раньше.

---

[23] *Corbet* [«An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals». London 1841], стр. 174.

В первом отделе мы видели, что прибавочная стоимость и прибыль тожественны, поскольку они рассматриваются со стороны их массы. Напротив, норма прибыли уже с самого начала оказывается отличной от нормы прибавочной стоимости, причем отличие это первоначально представляется лишь иной формой расчета; но так как норма прибыли может повышаться или понижаться при неизменной норме прибавочной стоимости и наоборот, и так как капиталиста практически интересует исключительно норма прибыли, то это обстоятельство опять-таки с самого начала совершенно затемняет и мистифицирует происхождение прибавочной стоимости. Тем не менее количественное различие было только между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли, а не между самой прибавочной стоимостью и прибылью. Так как в норме прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал и относится к этому последнему как к своей мере, то благодаря этому кажется, что сама прибавочная стоимость возникла из всего капитала, и притом равномерно из всех его частей, и таким образом органическое различие между постоянным и переменным капиталами погашается в понятии прибыли; действительно, здесь, в этом своем превращенном виде, в качестве прибыли, прибавочная стоимость сама отрицает свое происхождение, утрачивает свой характер, становится неузнаваемой. Однако до сих пор различие между прибылью и прибавочной стоимостью сводилось лишь к качественному изменению, к изменению формы, в то время как действительное количественное различие на этой первой ступени превращения существует лишь между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости, но еще не между прибылью и прибавочной стоимостью.

Иначе обстоит дело, когда установлена общая норма прибыли и при ее посредстве средняя прибыль, соответствующая величине применяемого капитала, величине, данной для различных отраслей производства.

Теперь только случайно прибавочная стоимость, а следовательно и прибыль, действительно произведенная в какой-либо особой отрасли производства, может совпасть с прибылью, заключающейся в продажной цене товара. Как общее правило, прибыль и прибавочная стоимость, а не только их нормы, являются действительно различными величинами. Теперь, при данной степени эксплуатации труда, масса прибавочной стоимости, произведенная в какой-либо отдельной сфере производства, оказывается важнее для совокупной средней прибыли общественного капитала, т. е. для класса капиталистов вообще, чем непосредственно для капиталистов в пределах каждой отдельной отрасли производства. Для последних[24] она важна лишь постольку, поскольку количе-

[24] Само собой разумеется, мы совершенно отвлекаемся здесь от возможности получить временную добавочную прибыль путем понижения заработной платы, монопольных цен и т. п.

ство прибавочной стоимости, произведенной в их отрасли производства, участвует как один из определяющих моментов в регулировании средней прибыли. Но это есть процесс, который протекает за спиной капиталиста, процесс, которого капиталист не видит, не понимает и которым он фактически не интересуется. Действительная разница в величине между прибылью и прибавочной стоимостью, — а не только между нормами прибыли и прибавочной стоимости, — в отдельных сферах производства совершенно скрывает теперь истинную природу и происхождение прибыли, и не только для капиталиста, который в данном случае имеет особый интерес обманываться, но и для рабочих. С превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости. Наконец, уже при простом превращении прибавочной стоимости в прибыль та часть стоимости товара, которая образует прибыль, противопоставляется другой части стоимости как издержкам производства, следовательно уже здесь понятие стоимости ускользает от капиталиста, потому что последний имеет перед собой не всё количество труда, которого стóит производство товара, а лишь ту часть этого труда, которую он оплатил в форме живых или мертвых средств производства, и таким образом капиталисту прибыль представляется чем-то стоящим вне имманентной стоимости товара; при образовании цен производства это представление окончательно утверждается, упрочивается и закостеневает, так как теперь, если рассматривать отдельную сферу производства, прибыль, надбавляемая к издержкам производства, действительно определяется не границами процесса образования стоимости, совершающегося в данной отрасли, а условиями, лежащими совершенно вне ее.

То обстоятельство, что эта внутренняя зависимость раскрыта здесь впервые; что политическая экономия, как будет показано в дальнейшем изложении и в книге IV, до сих пор или произвольно игнорировала различие между прибавочной стоимостью и прибылью, нормою прибавочной стоимости и нормою прибыли с тем, чтобы обеспечить себе возможность сохранить в качестве основного принципа определение стоимости, или же отказывалась от этого определения стоимости и вместе с ним от всякой почвы для научного отношения к вопросу, чтобы ухватиться за различия, лежащие на поверхности явлений и бросающиеся в глаза, — эта путаница, царящая среди теоретиков, лучше всего показывает, как капиталист, всецело захваченный конкурентной борьбой и отнюдь не проникающий за ее внешние проявления, как неспособен такой капиталист-практик распознать за обманчивой внешностью внутреннюю сущность и внутренний строй этого процесса.

Все законы повышения и понижения нормы прибыли, развитые в первом отделе, в действительности имеют следующее двоякое значение:

1) С одной стороны, это — законы общей нормы прибыли. При обилии различных причин, которые, согласно вышеизложенному, заставляют норму прибыли повышаться или понижаться, можно было бы думать, что общая норма прибыли ежедневно должна изменяться. Но движение в одной сфере производства уничтожается движением в других сферах производства; отдельные влияния перекрещиваются и взаимно парализуются. Впоследствии мы исследуем, в какую сторону в последнем счете стремятся эти колебания; но происходят они медленно; внезапность, многосторонность и различная продолжительность колебаний в отдельных сферах производства приводят к тому, что колебания отчасти компенсируются благодаря своему чередованию во времени, так что за повышением цен следует их понижение и наоборот; следовательно, колебания остаются местными, т. е. ограниченными определенной сферой производства; наконец, по этим же причинам различные местные колебания взаимно нейтрализуются. В пределах каждой отдельной сферы производства происходят изменения, отклонения от общей нормы прибыли, которые, с одной стороны, уравниваются в течение определенного периода времени и поэтому не влияют на общую норму прибыли и, с другой стороны, не могут влиять на нее, так как уничтожаются другими, одновременно происходящими местными колебаниями. Так как общая норма прибыли определяется не только средней нормой прибыли в каждой сфере, но также распределением всего капитала между отдельными сферами, и так как это распределение постоянно изменяется, то здесь мы снова имеем постоянно действующую причину изменения общей нормы прибыли, но такую причину изменения, которая благодаря непрерывности* и всесторонности этого движения опять-таки в значительной степени парализует самое себя.

2) В пределах каждой сферы норма прибыли этой сферы имеет возможность колебаться в течение более или менее продолжительного периода, пока колебание это после ряда повышений и понижений не консолидируется настолько, чтобы иметь достаточно времени для воздействия на общую норму прибыли и, следовательно, для того чтобы приобрести более чем местное значение. Поэтому в пределах таких пространственных и временных границ законы нормы прибыли, развитые в первом отделе этой книги, опять-таки сохраняют свою силу.

Теоретический взгляд, — относительно первого превращения прибавочной стоимости в прибыль, — что каждая часть капитала в равной мере производит прибыль[25], выражает практический

[25] *Malthus* [«Principles of Political Economy», изд. 2-е, London 1836, стр. 268].

* В оригинале «прерывистости» [Unterbrochenheit]. Исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

факт. Промышленный капитал дает одинаковую прибыль, каково бы ни было его строение: приводит ли он в движение четверть мертвого труда и три четверти живого или три четверти мертвого и лишь одну четверть живого, впитывает ли в одном случае втрое больше прибавочного труда, или производит втрое больше прибавочной стоимости, чем в другом, — в обоих случаях прибыль будет одинакова, раз степень эксплуатации труда остается неизменной и раз мы отвлекаемся от индивидуальных различий, которые, впрочем, исчезают сами собой, так как в том и другом случае мы имеем перед собою лишь среднее строение для всей сферы производства. Отдельно взятый капиталист (или все капиталисты каждой особой сферы производства), взгляд которого ограничен, справедливо полагает, что его прибыль проистекает не только из труда, применяемого им или в его отрасли производства. Это совершенно верно, поскольку дело идет о средней прибыли отдельного капиталиста. Насколько же эта прибыль обусловливается общей эксплуатацией труда совокупным капиталом, т. е. всеми его сотоварищами-капиталистами, это является для него совершеннейшей мистерией, тем более что сами теоретики буржуазии, экономисты, до сих пор не разоблачили этой тайны. Сбережение на труде — не только на труде, необходимом для производства определенного продукта, но и на числе занятых рабочих — и расширенное применение мертвого труда (постоянного капитала) представляется операцией, экономически совершенно рациональной и отнюдь не затрагивающей общей нормы прибыли и средней прибыли. Каким же образом живой труд может быть исключительным источником прибыли, если уменьшение количества труда, необходимого для производства, повидимому, не только не понижает прибыли, но при известных условиях представляется, напротив, ближайшим источником увеличения прибыли, по крайней мере для отдельного капиталиста?

Если в данной сфере производства повышается или понижается та часть издержек производства, которая представляет стоимость постоянного капитала, то эта часть выходит из сферы обращения и вступает в процесс производства товара уже с самого начала увеличенной или уменьшенной. Если, с другой стороны, данное число рабочих начинает производить в течение того же самого времени меньше или больше продукта, следовательно если при неизменном числе рабочих изменяется количество труда, необходимое для производства определенного количества товаров, то часть издержек производства, представляющая стоимость переменного капитала, может остаться неизменной, т. е. войти в тех же самых размерах в издержки производства всего продукта. Но на каждую единицу товаров, сумма которых составляет весь продукт, падает теперь больше или меньше труда (оплаченного, а значит и неоплаченного), следовательно также больше или меньше затрат

на этот труд, т. е. бо́льшая или меньшая доля заработной платы. Вся выплаченная капиталистом заработная плата осталась той же самой, но она изменилась при расчете на штуку товара. Таким образом здесь имеет место изменение в этой части издержек производства товаров. Повысятся или понизятся издержки производства отдельного товара вследствие таких изменений стоимости его самого или его элементов (или же изменятся также издержки производства суммы товаров, производимых капиталом данной величины), — во всяком случае средняя прибыль, если она была 10%, так и останется 10%; хотя по отношению к отдельному товару 10% представляют весьма различную величину в зависимости от того, насколько изменилась величина издержек производства этого отдельного товара вследствие предположенного нами изменения стоимости[26].

Что касается переменного капитала, — а это как раз самое важное, так как он есть источник прибавочной стоимости и так как все, скрывающее его действительную роль в обогащении капиталиста, мистифицирует всю систему, — то капиталисту дело представляется в грубо упрощенном виде, а именно следующим образом: пусть переменный капитал в 100 ф. ст. представляет недельную заработную плату 100 рабочих. Если эти 100 рабочих при данном рабочем дне производят в неделю продукт в 200 штук товара $= 200\ T$, то, отвлекаясь от той части издержек производства, которую присоединяет постоянный капитал, $1\ T = \frac{100\text{ ф. ст.}}{200} = 10$ шилл., так как 100 ф. ст. $= 200\ T$. Допустим теперь, что произошло изменение в производительной силе труда; пусть она удвоилась, так что прежнее число рабочих производит дважды по $200\ T$ в течение того самого времени, в течение которого раньше производилось только $200\ T$. В этом случае (поскольку издержки производства складываются только из заработной платы) $1\ T = \frac{100\text{ ф. ст.}}{400} = 5$ шилл., так как 100 ф. ст. $= 400\ T$. Если бы, наоборот, производительная сила уменьшилась вдвое, то тот же самый труд произвел бы лишь $\frac{200\ T}{2}$; и так как 100 ф. ст. $= \frac{200\ T}{2}$, то $1\ T$ теперь $= \frac{200\text{ ф. ст.}}{200} = 1$ ф. ст. Изменение в рабочем времени, необходимом для производства товаров, а следовательно изменение стоимости товаров, представляется теперь по отношению к издержкам производства, а потому и к ценам производства, как иное распределение той же самой заработной платы на большее или меньшее число товаров, смотря по тому, больше или меньше товаров производится в течение того же самого рабочего времени за ту же

[26] *Corbet* [«An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals». London 1841, стр. 20].

самую заработную плату. Капиталист, а следовательно и экономист, видит лишь одно, — что с изменением производительности труда изменяется та часть оплаченного труда, которая падает на штуку товара, изменяется вместе с тем и стоимость каждой отдельной штуки; но он не видит, что то же самое имеет место и по отношению к неоплаченному труду, заключающемуся в каждой штуке товара, и он тем менее способен усмотреть это, что средняя прибыль действительно лишь случайно определяется неоплаченным трудом, поглощенным в ее собственной сфере. Только в такой грубой и бессодержательной форме проявляется теперь тот факт, что стоимость товаров определяется заключающимся в них трудом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

УРАВНЕНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ ПОСРЕДСТВОМ КОНКУРЕНЦИИ. РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ И РЫНОЧНЫЕ СТОИМОСТИ. ДОБАВОЧНАЯ ПРИБЫЛЬ.

Часть сфер производства имеет среднее строение капитала, т. е. строение их капитала вполне или приблизительно таково же, как строение среднего общественного капитала.

Цена производства товаров, производимых в этих сферах, вполне или приблизительно совпадает с их стоимостью, выраженной в деньгах. И если бы не было никакого иного способа достигнуть математического предела, то можно было бы воспользоваться этим. Конкуренция так распределяет общественный капитал между различными сферами производства, что цены производства в каждой сфере образуются по образцу цен производства в этих сферах среднего строения, т. е. $=k+kp'$ (издержки производства плюс произведение средней нормы прибыли на издержки производства). Но эта средняя норма прибыли есть не что иное, как вычисленная в процентах прибыль в указанной сфере производства среднего строения, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью. Таким образом норма прибыли во всех сферах производства одна и та же, а именно, выравненная по тем средним сферам производства, в которых господствует среднее строение капитала. Поэтому сумма прибыли всех различных сфер производства должна быть равна сумме прибавочной стоимости, и сумма цен производства всего общественного продукта должна быть равна сумме его стоимости. Но, очевидно, выравнивание сфер производства с различным строением капитала всегда должно стремиться уравнять эти сферы с теми, где строение капитала среднее, совпадает ли это последнее вполне или только приблизительно с математической средней всего общественного капитала. В отраслях производства, в большей или меньшей степени приближающихся к средней, опять-таки наблюдается тенденция к уравнению, которая стремится к идеальному, т. е. в действительности не существующему, среднему уровню, другими словами, наблюдается тенденция приспособляться к этому идеальному уровню как к норме. Итак, в этом отношении неизбежно господствует тенденция сделать цены производства просто превращенной формой стоимости или превратить прибыли в простые части прибавочной стоимости,

которые, однако, распределяются не пропорционально прибавочной стоимости, произведенной в каждой отдельной сфере производства, а пропорционально массе капитала, применяемого в каждой сфере производства, так что на равновеликие массы капитала, каково бы ни было их органическое строение, приходятся равные по величине доли (дробные части) всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом.

Таким образом для капиталов среднего или приблизительно среднего строения цена производства совпадает вполне или приблизительно со стоимостью, а прибыль — с произведенною ими прибавочной стоимостью. Все другие капиталы, каково бы ни было их строение, стремятся под давлением конкуренции уравняться с капиталами среднего строения. Но так как капиталы среднего строения равны или приблизительно равны среднему общественному капиталу, то все капиталы, какова бы ни была произведенная ими самими прибавочная стоимость, стремятся вместо этой прибавочной стоимости реализовать в ценах своих товаров среднюю прибыль, т. е. стремятся реализовать цены производства.

С другой стороны, можно сказать, что везде, где образуется средняя прибыль, а следовательно и общая норма прибыли, — каким бы путем ни достигался этот результат, — эта средняя прибыль не может быть ничем иным, как только прибылью на средний общественный капитал, сумма которой равна сумме прибавочной стоимости, и что цены, получаемые путем надбавки этой средней прибыли к издержкам производства, не могут быть ничем иным, как только стоимостью, превращенной в цены производства. Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталы, вложенные в определенные сферы производства, по каким-либо причинам не подлежали процессу уравнения. Средняя прибыль исчислялась бы тогда на ту часть общественного капитала, которая входит в процесс уравнения. Очевидно, средняя прибыль не может быть ничем иным, как всей массой прибавочной стоимости, взятой в целом, распределенной в каждой сфере производства на массы вложенных в нее капиталов пропорционально их величинам. Это есть сумма реализованного неоплаченного труда, и вся эта масса неоплаченного труда, так же как и оплаченный мертвый и живой труд, получает выражение во всей массе товаров и денег, присваиваемых капиталистами.

Действительно трудным вопросом является здесь следующий: каким образом происходит это уравнение прибылей в общую норму прибыли, раз оно, очевидно, есть результат и не может быть исходным пунктом.

Прежде всего очевидно, что оценка товарной стоимости, например в деньгах, может быть лишь результатом ее обмена и что, предположив такую оценку, мы должны рассматривать ее как результат

действительного обмена товарной стоимости на товарную стоимость. Каким же образом может осуществиться этот обмен товаров по их действительным стоимостям?

Допустим сначала, что все товары в различных сферах производства продаются по их действительным стоимостям. Что произошло бы тогда? Согласно вышеизложенному, в этом случае в разных сферах производства господствовали бы очень различные нормы прибыли. Продаются ли товары по их стоимости (т. е. обмениваются ли они друг на друга пропорционально заключающейся в них стоимости по ценам, соответствующим их стоимости), или же они продаются по таким ценам, что продажа их доставляет одинаковые по величине прибыли на одинаковые массы соответственных капиталов, авансированных на их производство, — это вещи prima facie [прежде всего] совершенно различные.

То обстоятельство, что капиталы, приводящие в движение неодинаковое количество живого труда, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, предполагает, по крайней мере до известных пределов, что степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, везде одинакова, или что различия, существующие в этой области, уравниваются при помощи действительных или воображаемых (условных) оснований для компенсации. Это предполагает конкуренцию между рабочими и уравнение при помощи постоянных переходов их из одной отрасли производства в другую. Такая общая норма прибавочной стоимости, — в виде тенденции, как и все экономические законы, — была допущена нами в качестве теоретического упрощения; однако в действительности она является фактической предпосылкой капиталистического способа производства, хотя и тормозится в большей или меньшей степени практическими препятствиями, которые создают более или менее значительные местные различия, — таковы, напр., законы об оседлости (settlement laws) для английских земледельческих рабочих. Но в теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем более развит капиталистический способ производства, чем менее он искажается и осложняется пережитками прежних экономических укладов.

Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости. И совокупная цена товаров, произведенных данным капиталом за данный промежуток времени, должна удовлетворить этому требованию. Но совокупная цена этих товаров

есть просто сумма цен отдельных товаров, образующих продукт капитала.

Punctum saliens [решающий пункт] выступит всего ярче, если мы подойдем к вопросу следующим образом: — Пусть сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом. Эти товары не были бы тогда продуктами капитала. Стоимость средств труда и материалов труда, применяемых в различных отраслях труда, была бы различна в зависимости от технической природы различных работ. Равным образом, независимо от различной стоимости применяемых средств производства, потребовалась бы различная масса этих последних для данной массы труда, так как один известный товар может быть изготовлен в один час, другой — только в течение целого дня и т. д. Допустим далее, что эти рабочие в среднем работают одинаковое количество времени, причем принимаются в расчет те уравнивающие влияния, которые вытекают из различной интенсивности труда и т. д. Тогда оба рабочих в товарах, составляющих продукт их дневного труда, возместили бы прежде всего свои затраты, издержки на потребленные ими средства производства. Последние были бы различны в зависимости от технической природы их отраслей труда. Во-вторых, оба рабочих создали бы равные количества новой стоимости, а именно — стоимость, равную рабочему дню, присоединенному ими к средствам производства. Эта новая стоимость заключала бы в себе их заработную плату плюс прибавочная стоимость, прибавочный труд, продолжающийся за пределы необходимых потребностей, причем, однако, результаты прибавочного труда принадлежали бы самим рабочим. Выражаясь капиталистическим языком, оба рабочих получают равную заработную плату плюс равная прибыль и тем самым — стоимость, выраженную в продукте, напр., десятичасового рабочего дня. Но, во-первых, стоимости их товаров были бы различны. Пусть, напр., в товаре I на потребленные средства производства приходится бо́льшая часть стоимости, чем в товаре II, и, кроме того, для того чтобы сразу принять во внимание все возможные различия, допустим, что товар I впитывает больше живого труда, следовательно требует для своего изготовления более продолжительного рабочего времени, чем товар II. Таким образом стоимость этих товаров I и II очень различна. Равным образом различны и суммы товарных стоимостей, составляющих продукт труда, выполненного в течение данного времени рабочим I и рабочим II. Нормы прибыли для I и II будут также очень различны, если мы в данном случае назовем нормою прибыли отношение прибавочной стоимости ко всей стоимости затраченных средств производства. Жизненные средства, ежедневно потребляемые I и II рабочим в течение производства и представляющие заработную плату, образуют здесь ту часть авансированных средств производства, которую

мы в других случаях называем переменным капиталом. Но прибавочные стоимости для I и II были бы за одинаковое рабочее время одинаковы; или, еще точнее, так как и I и II получают каждый стоимость продукта одного рабочего дня, то оба они за вычетом стоимости авансированных «постоянных» элементов получают равную стоимость, одну часть которой можно рассматривать как возмещение жизненных средств, потребленных при производстве, а другую — как остающуюся сверх того прибавочную стоимость. Если I сделал больше затрат, то последние требуют для своего возмещения, чтобы размеры той части стоимости его товара, которая возмещает эту «постоянную» часть, были больше, и потому он должен также бо̀льшую часть всей стоимости своего продукта превратить обратно в вещественные элементы этой постоянной части, тогда как II, если и выручает за это меньше, то должен зато превращать меньшую часть стоимости в вещественные элементы постоянной части. Таким образом при этом предположении различие норм прибыли было бы безразличным обстоятельством, совершенно так же, как в настоящее время для наемного рабочего безразлично, в какой норме прибыли выражается выжатое из него количество прибавочной стоимости, и совершенно так же, как в международной торговле различие норм прибыли у различных наций оказывается совершенно безразличным обстоятельством для их товарообмена.

Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям соответствует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенная высота капиталистического развития.

Каким бы образом ни устанавливались и ни регулировались первоначально цены различных товаров по отношению друг к другу, во всяком случае движение их управляется законом стоимости. Где падает рабочее время, необходимое для производства товара, падают и цены; где оно повышается, повышаются при прочих равных условиях и цены.

Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, является вполне правильным рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически, как prius [предшествующее] цен производства. Это относится к таким укладам, когда работнику принадлежат средства производства, а таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землей, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее взглядом[27], что развитие продуктов в товары имеет своим

---

[27] Тогда, в 1865 г., это было только «взглядом» Маркса. Теперь, после обширных исследований первобытной общины, начиная с Маурера и кончая Морганом, это — едва ли кем-либо оспариваемый факт. — *Ф. Э.*

исходным пунктом обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим укладам, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины.

Для того чтобы цены, по которым взаимно обмениваются товары, отвечали приблизительно их стоимостям, требуется лишь, чтобы: 1) обмен различных товаров перестал быть чисто случайным или единичным явлением; 2) чтобы, поскольку мы рассматриваем непосредственный обмен товаров, товары эти производились с той и другой стороны в относительных количествах, приблизительно соответствующих взаимной потребности в них, что̀ устанавливается взаимным опытом, получаемым при сбыте, и таким образом возникает как результат длительно существующего обмена, и 3), поскольку дело идет о продаже, чтобы никакая естественная или искусственная монополия не давала возможности сторонам, совершающим сделку, продавать выше стоимости и не вынуждала уступать ниже ее. Под случайной монополией мы разумеем монополию, создающуюся для покупателя или продавца благодаря случайному состоянию спроса и предложения.

Предположение, что товары различных сфер производства продаются по их стоимостям, означает, конечно, лишь то, что их стоимость является центром тяготения, вокруг которого вращаются их цены и по которому уравниваются их постоянные колебания вверх и вниз. Необходимо, кроме того, всегда отличать *рыночную стоимость*, — о которой мы поговорим позднее, — от индивидуальной стоимости отдельных товаров, произведенных различными производителями. Индивидуальная стоимость некоторых из этих товаров будет стоять ниже их рыночной стоимости (т. е. для их производства требуется меньше рабочего времени, чем выражает рыночная стоимость), индивидуальная стоимость других товаров — выше их рыночной стоимости. Рыночная стоимость должна рассматриваться, с одной стороны, как средняя стоимость товаров, произведенных в данной сфере производства, с другой стороны, как индивидуальная стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной сферы и которые составляют значительную массу продуктов последней. Только при исключительных комбинациях рыночная стоимость регулируется товарами, произведенными при наихудших или наиболее благоприятных условиях, причем эта рыночная стоимость, в свою очередь, является центром колебаний для рыночных цен, которые, однако, всегда одинаковы для товаров одного и того же вида.

Если обычный спрос удовлетворяется предложением товаров по средней стоимости, т. е. по промежуточной стоимости той массы, которая лежит между обеими крайностями, то товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости.

Отнюдь не уясняет вопроса утверждение, что продажа товаров, произведенных при наихудших условиях, доказывает, что они необходимы для покрытия спроса. Если бы в разбираемом случае цена стояла выше средней рыночной стоимости, то спрос был бы меньше*. При определенных ценах известный вид товаров может занимать на рынке лишь определенное место; при изменении цен место это может оставаться неизменным лишь в том случае, если повышение цены совпадает с уменьшением количества товаров или понижение цены — с увеличением количества товаров. Если же спрос настолько силен, что он не сокращается даже тогда, когда цена регулируется стоимостью товаров, произведенных при наихудших условиях, то эти последние определяют рыночную стоимость. Это возможно лишь в том случае, если спрос превышает обычный уровень или предложение падает ниже обычной величины. Наконец, если масса произведенных товаров превышает количество их, находящее себе сбыт по средним рыночным стоимостям, то рыночную стоимость определяют товары, произведенные при наилучших условиях. Товары этой последней категории могут, напр., продаваться вполне или приблизительно по их индивидуальным стоимостям, причем может случиться, что товары, произведенные при наихудших условиях, не реализуют даже своих издержек производства, в то время как товары средних условий производства могут реализовать лишь часть заключающейся в них прибавочной стоимости. То, что сказано здесь о рыночной стоимости, приложимо и к цене производства, раз последняя заступает место рыночной стоимости. Цена производства регулируется в каждой отдельной сфере и регулируется точно так же в зависимости от определенных обстоятельств. Но сама она опять-таки является центром, вокруг которого колеблются ежедневные рыночные цены и по которому эти цены выравниваются в течение определенных периодов (см. Рикардо об определении цен производства предприятиями, работающими при наихудших условиях).

Как бы ни регулировались цены, получаются следующие выводы:

---

* В оригинале «больше» [grösser]. Исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

1) Закон стоимости управляет движением цен так, что уменьшение или увеличение количества труда, необходимого для производства, заставляет цены производства повышаться или понижаться. Именно в этом смысле Рикардо (который чувствует, конечно, что его цены производства отклоняются от стоимости товаров) говорит, что «исследование, на которое он хочет обратить внимание читателя, касается результатов изменения относительной стоимости товаров, а не их абсолютной стоимости» [D. Ricardo: «On the Principles of Political Economy». Works ed. by Mac Culloch, London 1852, стр. 15. Ср. Д. Рикардо: «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 12].

2) Средняя прибыль, определяющая цены производства, неизбежно должна быть приблизительно равна тому количеству прибавочной стоимости, которое приходится на данный капитал, как соответственную часть всего общественного капитала. Допустим, что общая норма прибыли и, следовательно, средняя прибыль выражается в денежной стоимости более высокой, чем действительная средняя прибавочная стоимость, выраженная в ее денежной стоимости. Поскольку дело касается капиталистов, безразлично, начисляют ли они взаимно 10 или 15% прибыли. Первый процентный уровень столь же мало, как и второй, соответствует действительной стоимости товаров, так как денежное выражение преувеличивается взаимно. Что касается рабочих (предполагается, что они получают свою нормальную заработную плату, следовательно повышение средней прибыли не означает действительного вычета из заработной платы, т. е. не выражает чего-либо совершенно отличного от нормальной прибавочной стоимости капиталиста), то повышению товарных цен, которое явится результатом вздутой средней прибыли, должно соответствовать повышение денежного выражения переменного капитала. В самом деле, такое общее номинальное повышение нормы прибыли и средней прибыли выше уровня, определяемого отношением действительной прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, невозможно без того чтобы не вызвать повышения заработной платы, а также повышения цен товаров, образующих постоянный капитал. Понижение должно оказать обратное действие. Так как совокупная стоимость товаров регулирует совокупную прибавочную стоимость, а эта последняя регулирует, — как общий закон, управляющий колебаниями, — высоту средней прибыли, а следовательно общую норму прибыли, то, очевидно, закон стоимости регулирует цены производства.

Что осуществляет конкуренция, и притом первоначально в одной сфере производства, так это — установление одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены из различных индивидуальных стоимостей товаров. Но только конкуренция капиталов в различных отраслях производства создает цену производства, уравниваю-

щую норму прибыли между различными отраслями. Для достижения этого последнего результата необходимо более высокое развитие капиталистического способа производства, чем для первого.

Для того чтобы товары одной и той же сферы производства, одного и того же вида и приблизительно одного и того же качества продавались по их стоимостям, необходимы два условия:

Во-первых, различные индивидуальные стоимости должны уравняться, образовав *одну* общественную стоимость, выше разобранную нами рыночную стоимость, а для этого требуется наличие конкуренции между производителями одного и того же вида товаров, так же как и наличие рынка, на котором они совместно предлагают свои товары. Для того чтобы рыночная цена товаров, тожественных между собою, но производимых каждый при условиях с различной индивидуальной окраской, соответствовала рыночной стоимости, не отклонялась от нее ни вверх, ни вниз, — давление, оказываемое различными продавцами друг на друга, должно быть достаточно велико, чтобы выбросить на рынок массу товаров, соответствующую общественной потребности, т. е. такое количество их, за которое общество способно уплатить рыночную стоимость. Если масса продуктов превышает эту потребность, товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости; наоборот, они должны быть проданы выше их рыночной стоимости, если масса продуктов недостаточно велика или, что то же самое, если давление конкуренции среди продавцов недостаточно сильно для того чтобы принудить их вынести соответственную массу товаров на рынок. Если бы изменилась рыночная стоимость, то изменились бы и те условия, на которых может быть продана вся масса товаров. При падении рыночной стоимости общественная потребность (под которой здесь всегда разумеется платежеспособная потребность) в среднем расширяется и в известных границах может поглотить более значительные массы товаров. При повышении рыночной стоимости общественная потребность в товарах сокращается и поглощает меньшие массы их. Поэтому, если спрос и предложение определяют рыночные цены или, точнее, отклонения рыночных цен от рыночной стоимости, то, с другой стороны, рыночная стоимость регулирует отношения спроса и предложения или тот центр, вокруг которого изменения спроса и предложения заставляют колебаться рыночные цены.

Рассматривая вопрос ближе, мы находим, что условия, действительные для стоимости отдельного товара, воспроизводятся здесь как условия, определяющие стоимость всей суммы товаров данного вида. А ведь капиталистическое производство с самого начала есть производство массовое, да и при других, менее развитых способах производства, товары, — по крайней мере главные товары, — производимые в сравнительно незначительных количествах как общий продукт хотя бы и многих мелких производи-

телей, на рынке сосредоточиваются крупными массами в руках сравнительно немногих купцов, накопляются и продаются ими как общий продукт целой отрасли производства или ее более или менее крупного подразделения.

Отметим здесь совсем мимоходом, что «общественная потребность», т. е. то, что регулирует принцип спроса, существенно обусловливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а следовательно в частности, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.); таким образом также и здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится это отношение.

Хотя каждый из них обоих, и товар и деньги, представляет собою единство меновой стоимости и потребительной стоимости, тем не менее, как мы уже видели (книга I, гл. I, 3), в акте продажи и купли оба эти определения располагаются полярно на двух крайних точках, так что товар (продавец) представляет потребительную стоимость, а деньги (покупатель) — меновую стоимость. Что товар должен иметь потребительную стоимость, должен, следовательно, удовлетворять общественной потребности, в этом, как мы установили, заключается первая предпосылка продажи. Другая состояла в том, что количество труда, заключающееся в товаре, должно представлять общественно необходимый труд, следовательно индивидуальная стоимость (или, что при данном предположении то же самое, — продажная цена) товара должна совпадать с его общественной стоимостью[28].

Применим это к находящейся на рынке массе товаров, составляющей продукт целой отрасли производства.

Дело будет представлено всего проще, если мы всю массу товаров, следовательно сначала лишь *одной* отрасли производства, будем рассматривать как *один* товар, а сумму цен многих тожественных товаров как *одну* суммарную цену. В этом случае все, что было сказано об отдельном товаре, буквально применимо к находящейся на рынке массе товаров определенной отрасли производства. Требование, чтобы индивидуальная стоимость товара соответствовала его общественной стоимости, осуществляется теперь или определяется дальше в том смысле, что все количество товара содержит в себе труд, общественно необходимый для его производства, и что стоимость этой массы товаров = ее рыночной стоимости.

---

[28] *K. Marx:* «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin 1859. [Ср. *К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I.]

Допустим теперь, что значительная масса этих товаров произведена при приблизительно одинаковых, нормальных общественных условиях, так что эта стоимость является в то же время индивидуальной стоимостью образующих эту массу отдельных товаров. И если одна сравнительно небольшая часть товаров произведена при худших, другая при лучших условиях, так что индивидуальная стоимость первой части больше, а второй меньше, чем средняя стоимость большинства товаров, если притом обе эти крайности уравновешиваются и средняя стоимость товаров, принадлежащих к ним, равна стоимости товаров, принадлежащих к средней массе, то рыночная стоимость определяется стоимостью товаров, произведенных при средних условиях[29]. Стоимость всей товарной массы равна действительной сумме стоимостей всех отдельных товаров, вместе взятых, как тех, которые произведены при средних условиях, так и тех, которые произведены при условиях лучших или худших, чем средние. В этом случае рыночная стоимость, или общественная стоимость, массы товаров — содержащееся в этих последних необходимое рабочее время — определяется стоимостью преобладающей средней массы товаров.

Допустим, наоборот, что все количество товаров, выброшенных на рынок, осталось то же самое, но стоимость товаров, произведенных при худших условиях, не уравновешивается стоимостью товаров, произведенных при лучших условиях, причем часть общего количества, произведенная при худших условиях, составляет относительно крупную величину как по сравнению со средней массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью. Тогда рыночная стоимость, или общественная стоимость, регулируется товарной массой, произведенной при худших условиях.

Допустим, наконец, что товары, произведенные при условиях лучших, чем средние, по своему количеству значительно превышают товары, произведенные при худших условиях, и притом составляют значительную величину даже по сравнению с товарами, произведенными при средних условиях; тогда часть товаров, произведенная при наилучших условиях, будет регулировать рыночную стоимость. Мы оставляем здесь в стороне переполнение рынка, при котором рыночные цены всегда регулируются частью товаров, произведенной при наилучших условиях; мы имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она отличается от рыночной стоимости, а с различными определениями самой рыночной стоимости[30].

---

[29] *K. Marx:* «Zur Kritik etc.» [*К. Маркс:* «К критике и т. д.». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I.].

[30] Таким образом спор по поводу земельной ренты между Шторхом и Рикардо (спор лишь по сути дела: фактически они не принимали друг друга во внимание) о том, регулируется ли рыночная стоимость (у них скорее рыночная цена, resp. [соответств.] цена производства) товарами, произведенными при наихудших (Рикардо) или, наоборот, при наилучших (Шторх)

В самом деле, в случае I рыночная стоимость всей массы товаров, регулируемая средними стоимостями, в самом строгом смысле слова (в действительности это, разумеется, осуществляется лишь приблизительно и с бесчисленными модификациями) равна сумме их индивидуальных стоимостей; при этом, однако, для товаров, произведенных на обоих крайних полюсах, эта стоимость является навязанною им средней стоимостью. Лица, производящие свои товары при крайних худших условиях, должны продавать их ниже индивидуальной стоимости; производящие при крайних лучших условиях продают товары выше индивидуальной стоимости.

В случае II индивидуальные массы стоимости, произведенные при обоих крайних условиях, не уравновешиваются, и решающее значение приобретают товары, произведенные при худших условиях. Строго говоря, средняя цена, или рыночная стоимость, каждого отдельного товара или каждой соответственной части всей массы товаров определяется здесь совокупной стоимостью всей массы товаров, получаемой в результате сложения отдельных стоимостей товаров, произведенных при самых разнообразных условиях, и той частью этой совокупной стоимости, которая приходится на каждый отдельный товар. Полученная таким образом рыночная стоимость стояла бы выше индивидуальной стоимости не только тех товаров, которые произведены при наиболее благоприятных условиях, но также и тех товаров, которые принадлежат к среднему слою; тем не менее она все же была бы ниже индивидуальной стоимости товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях. Насколько близко подходит она к этой последней и может ли, наконец, совершенно совпасть с ней, зависит всецело от размеров той части, которая в данной сфере производства приходится на долю товаров, произведенных при наихудших условиях. Если при этом спрос преобладает хотя бы незначительно, то рыночную стоимость регулирует индивидуальная стоимость товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях.

Допустим, наконец, как в случае III, что количество товаров, произведенных при наилучших условиях, преобладает не только

условиях, — спор этот разрешается в том смысле, что оба они правы и оба неправы и что оба они совершенно упустили из виду средний случай. Сравни у Корбета о тех случаях, когда цена регулируется товарами, произведенными при наилучших условиях. «Не следует думать, будто он (Рикардо) утверждает, что две определенные партии двух различных товаров, как, напр., одна шляпа и пара башмаков, обмениваются одна на другую, если каждая из этих двух определенных партий произведена одинаковым количеством труда. Под «товаром» мы должны понимать здесь определенный «вид товаров» (the «description of commodity»), а не данную индивидуальную шляпу, данную пару башмаков и т. п. В этом смысле весь труд, который производит все шляпы в Англии, должен рассматриваться как разделенный между всеми этими шляпами. Мне кажется, что первоначально это не было указано и упускается из виду в обычных изложениях этой доктрины» («Observations on Certain Verbal Disputes in Political Economy etc.». London 1821, стр. 53, 54).

по сравнению с другой крайностью, но и по сравнению со средними условиями; тогда рыночная стоимость падает ниже средней стоимости. Средняя стоимость, вычисленная путем сложения стоимостей товаров, произведенных как при обоих крайних, так и при средних условиях, стоит здесь ниже стоимости средней группы и приближается к последней или удаляется от нее в зависимости от относительных размеров, занимаемых наиболее благоприятной крайностью. Если спрос слаб по сравнению с предложением, то часть товаров, поставленная в благоприятные условия, как бы велика она ни была, насильственно отвоевывает себе преобладающее положение, сокращая свою цену до уровня своей индивидуальной стоимости. С этой индивидуальной стоимостью товаров, произведенных при наилучших условиях, рыночная стоимость никогда не может совпасть, за исключением того случая, когда предложение сильно преобладает над спросом.

Это изображенное здесь *абстрактно* установление рыночной стоимости совершается на действительном рынке через посредство конкуренции между покупателями, если спрос как раз настолько велик, чтобы поглотить данную массу товаров по ее установленной таким образом стоимости. Мы подходим здесь к другому пункту.

Во-вторых. То обстоятельство, что товар имеет потребительную стоимость, означает лишь, что он удовлетворяет какой-либо общественной потребности. Пока мы имели дело только с отдельными товарами, мы могли довольствоваться допущением, что существует потребность в этом определенном товаре, — количество которого уже заключено в его цене, — и дальше не вдавались в рассмотрение размеров потребности, подлежащей удовлетворению. Но эта количественная сторона дела становится существенным моментом, раз, с одной стороны, мы имеем продукт целой отрасли производства, а с другой стороны, общественную потребность в нем. Теперь необходимо рассмотреть размеры, т. е. количество этой общественной потребности.

В данных выше определениях рыночной стоимости предполагалось, что масса произведенных товаров дана, т. е. остается неизменной, что изменяется лишь отношение между составными частями этой массы, произведенными при различных условиях, что поэтому рыночная стоимость одной и той же массы товаров регулируется различным способом. Допустим, что масса эта представляет собою обычное количество предложения, причем мы оставляем в стороне ту возможность, что часть произведенных товаров временно уходит с рынка. Если спрос на эту массу сохраняет также свои обычные размеры, то товар продается по его рыночной стоимости, каким бы из трех исследованных выше способов ни регулировалась эта рыночная стоимость. Товарная масса не только удовлетворяет известную потребность, но удовлетворяет ее в общественных размерах. Если количество товаров на рынке больше или

меньше, чем спрос на них, то имеют место отклонения рыночной цены от рыночной стоимости. И первое отклонение состоит в том, что при недостаточном количестве рыночную стоимость всегда регулируют товары, произведенные при худших условиях; при избыточном количестве — всегда товары, произведенные при наилучших условиях; что таким образом рыночную стоимость определяет одна из двух крайностей, несмотря на то, что на основании самого по себе отношения между массами, произведенными при различных условиях, должен был бы получиться иной результат. Если разница между спросом и количеством продуктов, составляющим предложение, значительнее, то и рыночная цена будет значительнее отклоняться вверх или вниз от рыночной стоимости. Но разница между количеством произведенных товаров и тем количеством их, при котором они продаются по своей рыночной стоимости, может иметь двоякую причину. Или изменяется само это количество, становится слишком малым или слишком большим, так что воспроизводство совершается в ином масштабе, чем тот, который регулировал данную рыночную стоимость; в этом случае изменяется предложение, хотя спрос остается неизменным, и, следовательно, имеет место относительное перепроизводство или недопроизводство. Или же воспроизводство, т. е. предложение, остается неизменным, а спрос падает или поднимается, что может совершиться по различным причинам; хотя при этом абсолютная величина предложения осталась тою же самою, его относительная величина, его величина по сравнению с потребностью, изменилась. Это оказало бы такое же влияние, как и в первом случае, только в противоположном направлении. Наконец, если изменения совершаются с той и с другой стороны, но в различных направлениях, или же хотя в одном направлении, но в различной степени, — одним словом, если совершаются изменения двусторонние, но в то же время изменяющие прежнее соотношение между сторонами, то конечный результат неизбежно должен свестись к одному из двух рассмотренных выше случаев.

Действительная трудность при общем определении понятий спроса и предложения заключается в том, что определения эти как будто сводятся к тавтологии. Рассмотрим сначала предложение, т. е. продукт, который находится на рынке или может быть доставлен на него. Чтобы не входить в совершенно излишние здесь детали, мы возьмем годовую массу воспроизводства в каждой отдельной отрасли промышленности и совершенно оставим в стороне то обстоятельство, что различные товары в большей или меньшей мере могут быть извлечены с рынка и собраны в складах с целью потребления, скажем, в ближайшем году. Это годовое воспроизводство выражается прежде всего в определенном количестве — мере или числе, — смотря по тому, распадается ли данная масса товаров на отдельные экземпляры или же измеряется

как непрерывная величина; перед нами не только потребительные стоимости, удовлетворяющие человеческие потребности, но и потребительные стоимости, находящиеся на рынке в определенном количестве. Во-вторых, эта масса товаров имеет определенную рыночную стоимость, которую можно выразить в виде кратного рыночной стоимости отдельного товара или товарной меры, служащей единицей. Поэтому между количеством находящихся на рынке товаров и их рыночной стоимостью не существует необходимой зависимости; напр., в то время как некоторые товары имеют специфически высокую, другие — специфически низкую стоимость, и таким образом данная сумма стоимости может выразиться в очень большом количестве одних и очень малом количестве других товаров. Между количеством товаров, находящихся на рынке, и рыночной стоимостью этих товаров существует лишь следующая зависимость: при данном уровне производительности труда в каждой данной сфере производства для изготовления определенного количества товаров требуется определенное количество общественного рабочего времени, хотя в различных сферах производства отношение это, конечно, различно и не стоит ни в какой внутренней связи с полезностью данного товара или особой природой его потребительной стоимости. Если количество *a* данного вида товаров стóит *b* рабочего времени, то при прочих равных условиях количество *na* стóит *nb* рабочего времени. Далее: поскольку общество хочет удовлетворять свои потребности и производить с этой целью известный вид товаров, оно должно оплатить их. В самом деле, так как при товарном производстве предполагается разделение труда, то общество окупает эти товары тем, что употребляет на их производство часть находящегося в его распоряжении рабочего времени, следовательно оно покупает их при помощи определенного количества рабочего времени, которым оно — это данное общество — может располагать. Та часть общества, которой благодаря разделению труда приходится употребить свой труд на производство данного определенного товара, должна получить эквивалент в общественном труде, воплощенном в товарах, удовлетворяющих ее потребности. Но не существует никакой необходимой связи, а наблюдается лишь случайная связь между всем количеством общественного труда, затраченного на данный общественный продукт, т. е. между той долей совокупной рабочей силы, которую общество употребляет на производство этого продукта, следовательно между величиной, которую производство этого продукта имеет по отношению ко всему производству, с одной стороны, и, с другой стороны, между теми размерами, в которых общество стремится покрыть потребность, удовлетворяемую данным определенным продуктом. Хотя каждый отдельный товар или каждое данное количество определенного вида товаров заключает в себе лишь общественный труд, необходимый для его произ-

водства, и с этой стороны рыночная стоимость всей массы товаров данного вида выражает только необходимый труд, тем не менее, раз определенный товар произведен в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растраченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в нем действительно заключается. (Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета.) Поэтому эти товары должны быть уступлены ниже их рыночной стоимости, а часть их и вовсе не может найти покупателей. — Как раз обратное будет иметь место, если количество общественного труда, затраченного на производство определенного вида товаров, слишком мало по сравнению с размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи данного продукта. — Если же количество общественного труда, затраченного на производство определенного товара, соответствует размерам подлежащей удовлетворению общественной потребности, так что произведенная масса продукта соответствует обычному масштабу воспроизводства при неизменном спросе, то товар продается по его рыночной стоимости. Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия; исходя из этого закона, следует объяснять отклонения, а не наоборот, — не из отклонений выводить самый закон.

Рассмотрим теперь другую сторону дела — спрос.

Товары покупаются или как средства производства или как жизненные средства для того чтобы войти в производительное или личное потребление, причем дело не изменяется от того, что некоторые виды товаров могут служить обеим этим целям. Следовательно, спрос на них предъявляется со стороны производителей (в данном случае капиталистов, так как предполагается, что средства производства превращены в капитал) и со стороны потребителей. Кажется, что оба они прежде всего предполагают на стороне спроса наличие определенных размеров общественной потребности, которой на стороне предложения соответствуют определенные размеры общественного производства в различных отраслях производства. Чтобы хлопчатобумажная промышленность могла вновь осуществить свое годовое воспроизводство в данном масштабе, необходимо обычное количество хлопка, а если принять во внимание ежегодное расширение воспроизводства вследствие накопления капитала, то, при прочих равных условиях, необходимо еще некоторое добавочное количество хлопка. То же

самое и по отношению к жизненным средствам. Рабочий класс, чтобы сохранить свой обычный средний уровень жизни, должен вновь получить по меньшей мере прежнее количество необходимых жизненных средств, хотя, быть может, и распределенных несколько иначе между различными видами товаров; если же принять в расчет ежегодный рост населения, то необходимо еще некоторое добавочное количество жизненных средств; то же самое с бо́льшими или меньшими поправками можно сказать и относительно других классов.

Итак, кажется, будто на стороне спроса имеется определенная общественная потребность данной величины, которая требует для своего покрытия наличия определенного количества товара на рынке. Но количественная определенность этой потребности чрезвычайно эластична и изменчива. Она только кажется фиксированной. Если бы жизненные средства были дешевле или денежная заработная плата была бы выше, то рабочие покупали бы их больше, и обнаружилась бы более значительная «общественная потребность» в данных видах товаров, причем мы совершенно оставляем в стороне пауперов и т. д., «спрос» которых стоит ниже самых узких границ их физической потребности. Если бы, с другой стороны, цена, напр. хлопка, понизилась, то возрос бы спрос капиталистов на хлопок, больше дополнительного капитала было бы вложено в хлопчатобумажную промышленность и т. д. При этом не следует вообще упускать из виду, что, при наших предположениях, спрос для производительного потребления есть спрос со стороны капиталиста, истинная цель которого — производство прибавочной стоимости, и что только ради прибавочной стоимости он производит известный вид товаров. С другой стороны, это отнюдь не препятствует тому, что капиталист, поскольку он выступает на рынке как покупатель, напр. хлопка, является представителем потребности в хлопке; точно так же для продавца хлопка ведь безразлично, превращает ли покупатель этот хлопок в ткань для рубашек, в пироксилин или же намерен затыкать им уши себе и всему миру. Но, конечно, это оказывает крупное влияние на то, какого рода покупателем он является. Его потребность в хлопке существенно видоизменяется благодаря тому обстоятельству, что в действительности она прикрывает лишь его потребность в получении прибыли. Пределы, в которых представленная на *рынке* потребность в товарах — спрос — количественно отклоняется от *действительной общественной* потребности, конечно, очень различны для различных товаров; я разумею разницу между количеством товаров, на которое фактически предъявлен спрос, и тем количеством их, на которое был бы предъявлен спрос при иных денежных ценах товаров или при иных денежных условиях, resp. [соответств.] условиях жизни покупателей.

Нет ничего легче, как уяснить себе неравномерность спроса и предложения и вытекающие отсюда отклонения рыночных цен

от рыночных стоимостей. Действительная трудность состоит в определении того, что̀ следует понимать под выражением: предложение и спрос покрываются.

Предложение и спрос покрываются, если они находятся в таком отношении, что масса товаров определенной отрасли производства может быть продана по ее рыночной стоимости, не выше и не ниже. Вот первое, что нам говорят по этому поводу.

И, во-вторых, если товары продаются по их рыночной стоимости, то предложение и спрос покрываются.

Если предложение и спрос покрываются, то они перестают действовать, и именно потому товары продаются по их рыночной стоимости. Если две силы, равные по величине, действуют в противоположных направлениях, то они взаимно уничтожаются, вовсе не действуют во-вне, и явления, происходящие при этом условии, должны быть объяснены как-нибудь иначе, а не действием этих двух сил. Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было, не воздействуют более на рыночную стоимость и оставляют нас в полном неведении относительно того, почему рыночная стоимость выражается именно в этой сумме денег, а не в какой-либо иной. Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения (если даже оставить в стороне более глубокий анализ обеих этих общественных движущих сил, который сюда не относится), так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. покрываются. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно, следовательно с научной точки зрения этот случай должен быть = 0, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того чтобы рассматривать явления в их закономерном, отвечающем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от той их внешней видимости, которая порождается колебаниями спроса и предложения; с другой стороны, — для того чтобы найти действительную тенденцию их движения, известным образом фиксировать ее. Так как отклонения от равенства имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравновешиваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию. Итак, если ни в одном конкретном случае спрос и предложение не покрываются, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом, — ведь отклонение в одном направлении вызывает как свой результат отклонение в противоположном направлении, — что, если рассматривать итог движения за более или менее продолжительный период,

спрос и предложение всегда взаимно покрываются; однако результат этот получается лишь как средняя уже истекшего движения и лишь как постоянное движение их противоречия. Этим путем рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, уравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью, причем отклонения от этой последней взаимно уничтожаются как плюс и минус. И эта средняя имеет отнюдь не одно только теоретическое значение, она представляет практическую важность для капитала, затраты которого рассчитаны на колебания и уравнения в течение более или менее определенного периода времени.

Следовательно, отношение между спросом и предложением объясняет, с одной стороны, лишь отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения, т. е. уничтожить влияние отношения между спросом и предложением. (Те представляющие исключение товары, которые имеют цены, но не имеют стоимости, не входят здесь в наше рассмотрение.) Устранение того влияния, которое оказывают спрос и предложение благодаря своим отклонениям от равенства, может осуществляться в очень различных формах. Если, напр., падает спрос, а следовательно и рыночная цена, то это может привести к тому, что капитал будет извлекаться из данной отрасли, и таким образом предложение уменьшится. Но это может иметь также и тот результат, что сама рыночная стоимость благодаря изобретениям, сокращающим необходимое рабочее время, понизится и уравняется таким образом с рыночной ценой. Наоборот, если спрос растет, а следовательно рыночная цена превышает рыночную стоимость, то это может привести к избыточному приливу капитала в данную отрасль производства и к такому расширению производства, при котором рыночная цена упадет даже ниже рыночной стоимости; или, с другой стороны, это может повести к такому повышению цен, которое сократит самый спрос. В отдельных отраслях производства это может также вызвать тот результат, что сама рыночная стоимость на более или менее значительный период возрастет, так как в течение этого времени часть требуемого на рынке продукта придется производить при худших условиях.

Если спрос и предложение определяют рыночную цену, то, с другой стороны, рыночная цена, а при дальнейшем анализе рыночная стоимость, определяет спрос и предложение. По отношению к спросу это очевидно, так как он изменяется в направлении, противоположном ценам: повышается, когда падают эти последние, и наоборот. Но то же самое применимо и к предложению. В самом деле, цены средств производства, входящих в товар, предлагаемый на рынке, определяют спрос на эти средства производства, а следовательно — и предложение тех товаров, предложение которых включает в себя спрос на эти средства производства.

Цены хлопка имеют определяющее значение для предложения хлопчатобумажных материй.

Эта путаница — определение цен спросом и предложением и наряду с этим определение спроса и предложения ценами — осложняется еще тем, что спрос определяет предложение и, наоборот, предложение определяет спрос, производство определяет рынок и рынок — производство [31].

Даже ординарный экономист (см. сноску) понимает, что и без порождаемого внешними обстоятельствами изменения предложения или потребности отношение между ними может измениться под влиянием изменения рыночной стоимости товаров. Даже он вынужден согласиться, что, какова бы ни была рыночная стоимость, спрос и предложение должны уравновеситься, чтобы она реализовалась. Это значит, что не отношение спроса к предложению объясняет рыночную стоимость, а, наоборот, эта последняя объясняет колебания спроса и предложения. Автор «Observations» вслед за местом, цитированным в сноске, продолжает: «Однако

---

[31] Велико тупоумие следующих остроумных соображений: «Если количество заработной платы, капитала и земли, необходимое для производства данного продукта, изменяется по сравнению с прежней величиной, то изменяется и то, что Адам Смит называет его естественной ценой, и та цена, которая первоначально была его естественной ценой, становится по отношению к этому изменению рыночной ценой, хотя ни предложение, ни количество требуемого товара, быть может, не изменилось» (и то и другое изменяется как раз потому, что изменяется вследствие изменения стоимости рыночная стоимость или — о чем собственно и говорится у А. Смита — цена производства), «тем не менее предложение это не соответствует теперь вполне точно требованиям лиц, способных и желающих оплатить ту сумму, в которую обошлось производство, а оказывается или больше или меньше этой суммы; так что пропорция между предложением и тем фактическим спросом, который устанавливается теперь, принимая во внимание новые издержки производства, отличается от своей прежней величины. В результате, если не встретится препятствий, изменятся размеры предложения, что в конце концов приведет товар к его новой естественной цене. Так как товары доходят до своей естественной цены благодаря изменению в их предложении, то, быть может, позволительно было бы сказать, что естественная цена в такой же степени обязана своим существованием одной пропорции между спросом и предложением, в какой рыночная цена обязана другой пропорции; и, следовательно, естественная цена, совершенно так же, как и рыночная цена, зависит от взаимного отношения между спросом и предложением». («Великий принцип спроса и предложения вызывается к действию, чтобы определить то, что А. Смит называет естественной ценой, а также рыночной ценой». — Мальтус) («Observations on Certain Verbal Disputes etc.». London 1821, стр. 60, 61.) Мудрый автор не понимает, что в разбираемом случае как раз изменение в «cost of production» [«издержках производства»], а следовательно и в стоимости, изменяет спрос, а следовательно и отношение между спросом и предложением, и что это изменение спроса может вызвать изменение предложения; а это доказывало бы как раз противоположное тому, что пытается доказать наш мыслитель, — это доказывало бы, что издержки производства отнюдь не регулируются отношением между спросом и предложением, а, наоборот, сами регулируют это отношение.

отношение это» (между спросом и предложением), «если только мы будем разуметь под «спросом» и «естественной ценой» то, что мы только что разумели, ссылаясь на А. Смита, всегда должно быть отношением равенства; потому что только в том случае, когда предложение равно действительному спросу, т. е. тому спросу, который не желает оплачивать ни больше, ни меньше естественной цены, — только в этом случае естественная цена может быть действительно уплачена; следовательно, в различное время один и тот же товар может иметь две весьма различные естественные цены, и все же отношение между спросом и предложением в обоих случаях может остаться неизменным, а именно — остаться отношением равенства» [стр. 61]. Итак, здесь допускается, что при двух различных «natural prices» [«естественных ценах»] одного и того же товара в различное время спрос и предложение могут и даже должны быть каждый раз равны, чтобы товар действительно был продан по его natural price. Но так как при этом в обоих случаях ничуть не изменяется отношение спроса к предложению, но изменяется величина самой natural price, то последняя, очевидно, устанавливается независимо от спроса и предложения и потому менее всего может определяться ими.

Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т. е. в соответствии с содержащимся в нем общественно необходимым трудом, для этого все количество общественного труда, употребленного на производство всей массы данного вида товаров, должно соответствовать величине общественной потребности в них, т. е. платежеспособной общественной потребности. Конкуренция, колебания рыночных цен, соответствующие колебаниям отношения между спросом и предложением, всегда стремятся свести к этой мере общее количество труда, затраченного на каждый вид товаров.

В отношении между спросом и предложением товаров отражается, во-первых, отношение между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, между товаром и деньгами, покупателем и продавцом; во-вторых, — отношение между производителем и потребителем, хотя оба последние могут быть представлены третьими лицами, торговцами. Чтобы вполне развить это отношение, достаточно противопоставить покупателя и продавца друг другу в отдельности. Три лица необходимы для полной метаморфозы товара, а следовательно для процесса купли-продажи, взятого в целом. *A* превращает свой товар в деньги *B*, которому он продает товар, и снова превращает свои деньги в товар, который он покупает у *C*; весь процесс протекает между этими тремя лицами. Далее: при исследовании денег мы допускали, что товары продаются по их стоимости, так как не было никакого основания рассматривать цены, отклоняющиеся от стоимости, раз дело шло исключительно о тех изменениях формы, которые претерпевает

товар, становясь деньгами и превращаясь обратно из денег в товар. Если товар вообще продается и на вырученные деньги покупается новый товар, то мы имеем перед собою всю метаморфозу, и для нее как таковой совершенно безразлично, стойт ли цена товара выше или ниже его стоимости. Стоимость товара сохраняет свое значение основы, так как только из этого основания могут быть развиты в понятии деньги, а цена по своему общему понятию есть прежде всего лишь стоимость в денежной форме. Конечно, при рассмотрении денег как средства обращения предполагается, что совершается не только одна метаморфоза товара. Напротив, рассматривается общественное сплетение этих метаморфоз. Только таким образом подходим мы к обращению денег и к развитию их функции в качестве средства обращения. Но, насколько эта связь важна для перехода денег к функции средства обращения и для вытекающего отсюда изменения их вида, настолько же безразлична она для сделки между отдельными покупателями и продавцами.

Между тем, рассматривая спрос и предложение, мы находим, что предложение равно сумме продавцов, или производителей, данного определенного вида товаров, а спрос равен сумме покупателей, или потребителей (индивидуальных или производительных), того же самого вида товаров. И притом суммы эти действуют друг на друга как целое, как агрегатные силы. Отдельная личность действует здесь лишь как часть общественной силы, как атом всей массы, — именно в такой форме конкуренция обнаруживает *общественный* характер производства и потребления.

Та из конкурирующих сторон, которая в данный момент слабее, является вместе с тем и той стороной, где каждое отдельное лицо действует независимо от массы своих конкурентов, а зачастую прямо против них и как раз таким путем делает ощутительной зависимость отдельного конкурента от других; между тем более сильная сторона всегда противостоит своим противникам как более или менее сплоченное целое. Если спрос на данный вид товаров больше, чем предложение, то — в известных границах — один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы совместно стараются продать товар по высокой рыночной цене. Если, наоборот, предложение больше спроса, то один начинает уступать дешевле, а за ним вынуждены следовать другие, в то время как покупатели совместно стремятся возможно сильнее понизить рыночную цену по сравнению с рыночной стоимостью. Сотоварищи интересуют каждого лишь постольку, поскольку, идя вместе с ними, он выигрывает больше, чем идя против них. Единство действий прекращается, как только данная сторона как таковая оказывается слабее другой, и тогда каждое отдельное лицо старается возможно лучше устроиться собственными силами. Далее, если

один из конкурентов производит дешевле других, может сбывать больше товара и отвоевать для себя больше места на рынке, продавая товар ниже господствующей в данный момент рыночной цены, или рыночной стоимости, то он так и поступает и начинает действовать таким образом, что мало-помалу принуждает других ввести более дешевый метод производства и сводит общественно необходимый труд к новому, менее значительному количеству. Если преимущество на известной стороне, то выигрывает всякий, кто к ней принадлежит; дело происходит таким образом, как если бы все принадлежащие к ней осуществляли общую монополию. Если известная сторона оказывается слабее другой, то каждый может попытаться своими единичными усилиями стать сильнее противника (напр. тот, кто работает с меньшими издержками производства) или по крайней мере отделаться возможно меньшими потерями, и в этом случае ему уже нет никакого дела до своих соседей, хотя действия его касаются не только его самого, но и всех его сотоварищей[32].

Спрос и предложение предполагают превращение стоимости в рыночную стоимость, и, поскольку они действуют на капиталистическом базисе, поскольку товары являются продуктом капитала, спрос и предложение предполагают капиталистический процесс производства, а следовательно совершенно иначе сплетающиеся отношения, чем простая купля и продажа товаров. Здесь дело идет не о формальном превращении стоимости товаров в цену, т. е. не об изменении одной только формы; дело идет об определенных количественных отклонениях рыночных цен от рыночных стоимостей и, далее, от цен производства. При простой купле и продаже достаточно, чтобы производители товаров как таковые противостояли друг другу. Спрос и предложение при дальнейшем анализе предполагают существование различных классов и подразделений классов, которые распределяют между собою совокупный доход общества и потребляют его как доход, которые, следовательно, предъявляют спрос, образуемый этим доходом; между тем, с другой стороны, для понимания спроса и предложения, которые предъявляются производителями как таковыми друг к другу, необходимо уяснение всего строя капиталистического процесса производства в целом.

---

[32] «Если каждый член группы никак не может получить больше данной доли или соответственной части общих выгод или владений группы, то он охотно будет соединяться с другими, чтобы повысить эти выгоды» (это он и делает, когда отношение между спросом и предложением позволяет ему это), «это — монополия. Но если каждый думает, что он может каким-либо способом повысить абсолютную величину своей доли, хотя бы и путем уменьшения общей суммы, он часто так будет поступать; это — конкуренция» («An Inquiry into those Principles Respecting the Nature of Demand etc.». London 1821, стр. 105).

При капиталистическом производстве дело идет не только о том, чтобы за массу стоимости, брошенную в обращение в форме товара, выручить равную массу стоимости в другой форме, — денежной или товарной, — дело идет о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь такую же прибавочную стоимость, или прибыль, какую получает всякий другой капитал такой же величины, или pro rata [соответственно] его величине, независимо от того, в какой бы отрасли производства он ни применялся; следовательно, дело идет о том, чтобы продать товары по меньшей мере по ценам, доставляющим среднюю прибыль, т. е. по ценам производства. В этой форме капитал сам начинает сознавать себя как *общественную силу*, в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всем общественном капитале.

Во-первых, капиталистическое производство само по себе относится совершенно безразлично к определенной потребительной стоимости и вообще к специфическим особенностям того товара, который оно создает. В каждой сфере производства дело идет для него лишь о том, чтобы произвести прибавочную стоимость, присвоить себе в продукте труда определенное количество неоплаченного труда. И равным образом наемный труд, подчиненный капиталу, по самой своей природе относится безразлично к специфическому характеру своих работ, он должен видоизменяться сообразно потребностям капитала и допускать переброску его из одной сферы производства в другую.

Во-вторых, на деле одна сфера производства так же хороша или плоха, как и другая; каждая приносит одинаковую прибыль, и каждая не оправдывала бы своего назначения, если бы производимые ею товары не удовлетворяли какой-либо общественной потребности.

Но если товары продаются по их стоимостям, то, как было уже показано выше, в разных сферах производства возникают очень различные нормы прибыли в зависимости от различия органического строения вложенных в них масс капитала. Но капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции, — словом, посредством своего распределения между различными сферами производства, смотря по тому, где норма прибыли падает и где повышается, капитал осуществляет такое отношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль, и благодаря этому стоимости превращаются в цены производства. Это уравнение капиталу удается осуществить тем полнее, чем выше капиталистическое развитие в данном национальном обществе, т. е. чем больше условия данной страны приспособлены к капиталистическому способу

производства. С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия; оно подчиняет своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность общественных предпосылок, в которых совершается процесс производства.

Постоянное уравнение постоянно возникающих неравенств происходит тем быстрее, 1) чем подвижнее капитал, т. е. чем легче он может быть перенесен из одной сферы и из одного места в другие; 2) чем скорее рабочая сила может быть переброшена из одной сферы в другую, из одного местного центра производства в другой. Пункт 1-й предполагает полную свободу торговли внутри общества и устранение всех монополий, кроме естественных, т. е. устранение монополий, которые возникают из самого капиталистического способа производства. Далее, предполагается развитие кредитной системы, которая концентрирует распыленную массу свободного общественного капитала, противопоставляя ее отдельному капиталисту; наконец, — подчинение различных сфер производства капиталистам. Последнее уже включено в принятые нами предпосылки, раз мы допустили, что дело идет о превращении стоимостей в цены производства во всех капиталистически эксплуатируемых сферах производства; однако само это уравнение наталкивается на более крупные препятствия, если между капиталистическими предприятиями вклиниваются и с ними переплетаются многочисленные и носящие массовый характер сферы производства, которые ведутся некапиталистически (напр. земледелие мелких крестьян). Необходима, наконец, значительная плотность населения. — Пункт 2-й предполагает устранение всех законов, препятствующих рабочим перемещаться из одной сферы производства в другую или из одного местного центра производства в другой. Безразличное отношение рабочего к содержанию его труда. Возможно большее сведение труда во всех сферах производства к простому труду. Освобождение рабочих от всех профессиональных предрассудков. Наконец — и это в особенности — подчинение рабочего капиталистическому способу производства. Дальнейший анализ этого вопроса относится к специальному исследованию конкуренции.

Из сказанного следует, что каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и в степени этой эксплуатации и участвует не только в силу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически; потому что, — если предположить данными все прочие условия, в том числе стоимость всего авансированного постоянного капитала, — средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда совокупным капиталом.

Средняя прибыль совпадает со средней прибавочной стоимостью, производимой капиталом на каждую сотню, и по отношению к прибавочной стоимости только что сказанное понятно само собой. Что касается средней прибыли, то тут в качестве одного из моментов, определяющих норму прибыли, присоединяется еще только стоимость авансированного капитала. В самом деле, для капиталиста или для капитала определенной сферы производства специальный интерес в эксплуатации непосредственно занятых им рабочих ограничивается тем, чтобы при помощи исключительного чрезмерного труда, или при помощи понижения заработной платы ниже среднего уровня, или же при помощи исключительной производительности применяемого труда получить необычный куш, — такую прибыль, которая превышает среднюю. Если же оставить это обстоятельство в стороне, то капиталист, даже вовсе не затрачивающий в своей отрасли производства переменного капитала, следовательно вовсе не применяющий труда (что в действительности, конечно, невозможно), был бы столь же сильно заинтересован в эксплуатации рабочего класса капиталом и совершенно так же извлекал бы свою прибыль из неоплаченного прибавочного труда, как и капиталист, который (опять-таки в действительности невозможное допущение) применял бы только один переменный капитал, затрачивая таким образом весь свой капитал на заработную плату. Но степень эксплуатации труда при данном рабочем дне зависит от средней интенсивности труда, при данной интенсивности — от длины рабочего дня. От степени эксплуатации труда зависит высота нормы прибавочной стоимости, следовательно при данной общей массе переменного капитала — величина прибавочной стоимости, а потому и величина прибыли. Тот специальный интерес, который капитал известной отрасли — в отличие от всего капитала — имеет в эксплуатации специально им занятых рабочих, отдельный капиталист — в отличие от капитала всей его отрасли — имеет в эксплуатации лично им занятых рабочих.

С другой стороны, каждая отдельная сфера капитала и каждый отдельный капиталист одинаково заинтересованы в производительности общественного труда, применяемого совокупным капиталом, потому что от этого зависят два обстоятельства. Во-первых, масса потребительных стоимостей, в которой выражается средняя прибыль; а это вдвойне важно, так как прибыль служит и фондом накопления нового капитала и фондом доходов, предназначенным для потребления. Во-вторых, высота стоимости всего авансированного капитала (постоянного и переменного), которая при данной величине прибавочной стоимости, или прибыли всего класса капиталистов, определяет норму прибыли, или прибыль на определенное количество капитала. Особая производительность труда в отдельной сфере или в отдельном индивидуальном предприятии

этой сферы интересует лишь непосредственно причастных к делу капиталистов, поскольку она дает возможность отдельной сфере получать добавочную прибыль по сравнению со всем капиталом или отдельному капиталисту — по сравнению со всей его сферой.

Итак, мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым.

Цена производства включает в себя среднюю прибыль. Мы называем ее ценой производства — фактически это то же самое, что А. Смит называет «natural price» [«естественной ценой»], Рикардо — «price of production», «cost of production» [«ценой производства», «стоимостью производства»], физиократы — «prix nécessaire» [«необходимой ценой»], причем ни один из них не исследовал отличия цены производства от стоимости, — так как цена производства является постоянным условием предложения и воспроизводства товаров в каждой отдельной сфере производства[33]. Понятно также, почему те самые экономисты, которые восстают против определения стоимости товаров рабочим временем, количеством заключающегося в них труда, всегда говорят о ценах производства как о центрах, вокруг которых колеблются рыночные цены. Они могут позволить себе это, так как цена производства — форма, ставшая уже вполне внешней, и prima facie [на первый взгляд] лишенная содержания форма товарной стоимости, та форма, в которой товар выступает в процессе конкуренции, следовательно в сознании вульгарного капиталиста, а потому также и в сознании вульгарных экономистов.

Из предшествующего изложения видно, каким образом рыночная стоимость (а все сказанное о ней применимо с необходимыми ограничениями и к цене производства) включает в себя добавочную прибыль тех, кто в каждой особой сфере производства производит при наиболее благоприятных условиях. За исключением случаев кризисов и перепроизводства вообще, это применимо ко всем рыночным ценам, как бы сильно они ни отклонялись от рыночных стоимостей и рыночных цен производства. А именно, рыночная цена предполагает, что за все товары данного вида уплачивается одинаковая цена, несмотря на то, что товары эти могут быть произведены при очень различных индивидуальных условиях и могут, следовательно, иметь очень различные издержки производ-

---

[33] *Malthus* [«Principles of Political Economy». London 1836, стр. 77 и сл.].

ства. (О добавочной прибыли как следствии монополий в обычном смысле этого слова — искусственных или естественных — мы здесь не говорим.)

Однако добавочная прибыль может возникнуть, кроме того, еще в том случае, если известные сферы производства находятся в условиях, позволяющих уклониться от превращения их товарных стоимостей в цены производства, а потому и от сведѐния их прибылей к средней прибыли. В отделе о земельной ренте мы рассмотрим дальнейшее видоизменение этих двух форм добавочной прибыли.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВЛИЯНИЕ ОБЩИХ КОЛЕБАНИЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Пусть среднее строение общественного капитала будет $80_c + 20_v$, а прибыль 20%. В таком случае норма прибавочной стоимости 100%. Общее повышение заработной платы, при прочих равных условиях, означает понижение нормы прибавочной стоимости. Для среднего капитала прибыль и прибавочная стоимость совпадают. Пусть заработная плата возросла на 25%. Та самая масса труда, привести в движение которую стоило 20, стоит теперь 25. Следовательно, мы имеем вместо $80_c + 20_v + 20_p$ за один оборот стоимость $80_c + 25_v + 15_p$. Труд, приведенный в движение переменным капиталом, производит теперь, как и раньше, сумму стоимости, равную 40. Раз v возросло с 20 до 25, то избыток m, resp. [соответств.] p, теперь = только 15. Прибыль 15 на 105 составляет $14^2/_7$%, и это есть новая норма средней прибыли. Так как цена производства товаров, производимых средним капиталом, совпадает с их стоимостью, то цена производства этих товаров не изменилась бы; следовательно, повышение заработной платы вызвало бы понижение прибыли, но не привело бы к изменению стоимости и цены товаров.

Раньше, когда средняя прибыль была = 20%, цена производства товаров, произведенных в течение одного периода оборота, равнялась их издержкам производства плюс прибыль в 20% на эти издержки производства, следовательно $= k + kp' = k + \frac{20k}{100}$, где k переменная величина, различная в зависимости от стоимости средств производства, входящих в товары, и от размеров того снашивания, которое основной капитал, применяемый в производстве, передает продукту. Теперь цена производства составляет $k + \frac{14^2/_7 k}{100}$.

Возьмем теперь капитал, строение которого ниже, чем первоначальное строение среднего общественного капитала $80_c + 20_v$ (превратившееся теперь в $76^4/_{21_c} + 23^{17}/_{21_v}$), напр. $50_c + 50_v$. Здесь до повышения заработной платы цена производства годового

продукта равнялась $50_c + 50_v + 20_p = 120$, — мы принимаем для упрощения, что весь основной капитал вошел в годовой продукт путем снашивания и что период оборота таков же, как в случае I. Повышение заработной платы на 25% дает для того же самого количества приведенного в движение труда повышение переменного капитала с 50 до $62^1/_2$. Если бы годовой продукт был продан по прежней цене производства 120, то это дало бы $50_c + 62^1/_{2_v} + 7^1/_{2_p}$, следовательно, — норму прибыли $6^2/_3$%. Но новая средняя норма прибыли $14^2/_7$%, и, так как мы предположили все прочие условия равными, этот капитал в $50_c + 62^1/_{2_v}$ должен дать указанную прибыль. Но капитал в $112^1/_2$ при норме прибыли $14^2/_7$ дает $16^1/_{11}$ прибыли. Таким образом цена производства произведенных им товаров равна теперь $50_c + 62^1/_{2_v} + 16^1/_{14_p} = 128^8/_{14}$. Итак, вследствие повышения заработной платы на 25% цена производства того же самого количества того же самого товара возросла здесь со 120 до $128^8/_{14}$, или более чем на 7%.

Возьмем, наоборот, сферу производства высшего строения, чем средний капитал, напр. $92_c + 8_v$. Следовательно, первоначальная средняя прибыль и здесь = 20, и если мы опять допустим, что весь основной капитал входит в годовой продукт и что период оборота остается такой же, как в случаях I и II, то цена производства товара и здесь = 120.

Вследствие повышения заработной платы на 25% переменный капитал, затрачиваемый на то же самое количество труда, возрастает с 8 до 10, издержки производства товаров увеличиваются, следовательно, со 100 до 102; с другой стороны, средняя норма прибыли с 20% упала до $14^2/_7$%. Но $100 : 14^2/_7 = 102 : 14^4/_7$. Следовательно, прибыль, причитающаяся теперь на 102, составляет $14^4/_7$. И потому весь продукт продается за $k + kp' = 102 + 14^4/_7 = 116^4/_7$. Следовательно, цена производства упала со 120 до $116^4/_7$, или на $3^3/_7$.

Итак, при повышении заработной платы на 25%:

1) для капитала среднего общественного строения цена производства товара осталась неизменной;

2) для капитала более низкого строения цена производства товара возросла, хотя и не в том отношении, в каком упала прибыль;

3) для капитала более высокого строения цена производства товара упала, хотя и не в том отношении, как прибыль.

Так как цена производства товаров, производимых капиталом среднего строения, осталась неизменной, равной стоимости продукта, то и сумма цен производства продуктов всех капиталов осталась неизменной, равной сумме стоимостей, произведенных совокупным капиталом; повышение, с одной стороны, понижение, с другой стороны, для всего капитала уравниваются на уровне общественного среднего капитала.

Если цена производства товаров в примере II повышается, а в примере III падает, то уже одно это противоположное действие, вытекающее из падения нормы прибавочной стоимости или из общего повышения заработной платы, показывает, что дело здесь не может итти о возмещении в цене товара потери, вызываемой повышением заработной платы, ибо в III случае падение цены производства не может, конечно, вознаградить капиталиста за падение прибыли, да и повышение цены в случае II не предотвращает падения прибыли. Напротив, в обоих случаях, — и там, где цена повышается, и там, где она падает, — прибыль одинакова с прибылью среднего капитала, где цена остается неизменной. Прибыль одна и та же во II и III случае, а именно, это — средняя прибыль, понизившаяся на $5^5/_7$, или на 25% с лишком. Отсюда следует, что, если бы в случае II цена не возрастала, а в III не падала, товары продавались бы в случае II с прибылью меньшей, а в III большей, чем новая понизившаяся средняя прибыль. Само собою понятно, что в зависимости от того, 50, 25 или 10 процентов капитала затрачиваются на труд, повышение заработной платы должно в весьма различной степени затрагивать того, кто затратил на заработную плату $^1/_{10}$, того, кто затратил на нее $^1/_4$ или $^1/_2$ своего капитала. Повышение цен производства, с одной стороны, их падение — с другой, смотря по тому, выше или ниже строение данного капитала по сравнению с общественным средним строением, происходит лишь благодаря процессу уравнения прибыли по новой понизившейся средней прибыли.

Каким же образом подействует общее понижение заработной платы и соответствующее ему общее повышение нормы прибыли, а следовательно и средней прибыли, на цены производства товаров, которые являются продуктом капиталов, отклоняющихся от общественного среднего строения в противоположных направлениях? Стоит только перевернуть вышеприведенные рассуждения, чтобы получить результат (которого не исследует Рикардо).

I. Средний капитал $= 80_c + 20_v = 100$; норма прибавочной стоимости $= 100\%$; цена производства = товарной стоимости $= 80_c + 20_v + 20_p = 120$; норма прибыли $= 20\%$. Пусть заработная плата понизится на одну четверть, так что тот же самый постоянный капитал будет приводиться в движение 15_v вместо прежних 20_v. Следовательно, мы получаем товарную стоимость $= 80_c + 15_v + 25_p = 120$. Количество труда, произведенное v, остается неизменным, и лишь созданная им новая стоимость иначе распределяется между капиталистом и рабочим. Прибавочная стоимость возросла с 20 до 25, и норма прибавочной стоимости с $\frac{20}{20}$ до $\frac{25}{15}$, следовательно со 100% до $166^2/_3\%$. Прибыль на 95 теперь $= 25$; следовательно, норма прибыли на $100 = 26^6/_{19}$. Новое процентное строение капитала теперь $84^4/_{19c} + 15^{15}/_{19v} = 100$.

II. Низшее строение. Первоначально $50_c + 50_v$, как выше. Вследствие понижения заработной платы на $^1/_4$, v сокращается до $37^1/_2$, а тем самым весь авансированный капитал — до $50_c + 37^1/_{2v} = 87^1/_2$. Если мы применим сюда новую норму прибыли $26^6/_{19}\%$, то $100 : 26^6/_{19} = 87^1/_2 : 23^1/_{38}$. Та же самая масса товаров, которая раньше стоила 120, стоит теперь $87^1/_2 + 23^1/_{38} = 110^{10}/_{19}$; цена упала почти на 10.

III. Высшее строение. Первоначально $92_c + 8_v = 100$. Понижение заработной платы на $^1/_4$ понижает 8_v до 6_v, весь капитал — до 98. Следовательно, $100 : 26^6/_{19} = 98 : 25^{15}/_{19}$. Цена производства товаров, составлявшая прежде $100 + 20 = 120$, теперь, после падения заработной платы, равна $98 + 25^{15}/_{19} = 123^{15}/_{19}$; следовательно, она возросла почти на 4.

Итак, мы видим, что для решения вопроса стоит лишь повторить предыдущие рассуждения в обратном направлении и с соответственными поправками; общее понижение заработной платы имеет своим результатом общее повышение прибавочной стоимости, нормы прибавочной стоимости, а следовательно, при прочих равных условиях, нормы прибыли, хотя и в иной пропорции; далее, в результате оказывается понижение цен производства для товарных продуктов капиталов низшего, повышение цен производства для товарных продуктов капиталов высшего строения. Результат — как раз противоположный тому, который мы имели при общем повышении заработной платы[34]. В обоих случаях — и при повышении и при понижении заработной платы — продолжительность рабочего дня предполагалась неизменяющейся точно так же, как и цена всех необходимых жизненных средств. Таким образом понижение заработной платы здесь возможно лишь при том условии, если плата эта или раньше стояла выше нормальной цены труда, или теперь опускается ниже ее. Как модифицируется вопрос в том случае, если понижение или повышение заработной платы вызывается изменением стоимости, а следовательно и цен производства товаров, входящих в обычное потребление рабочего, будет отчасти исследовано ниже, в отделе о земельной ренте. Здесь же мы заметим раз навсегда следующее.

Если повышение или понижение заработной платы вызывается изменением стоимости необходимых жизненных средств, то вышеприведенные соображения могут потребовать поправок лишь

---

[34] В высшей степени странно, что Рикардо (который, конечно, строит свои рассуждения не так, как это сделано здесь, потому что процесс уравнения стоимости в цены производства не был им понят) даже не касается этого случая и рассматривает лишь первый случай — повышение заработной платы и его влияние на цены производства товаров. И все servum pecus imitatorum [рабское стадо подражателей] не додумалось даже до того, чтобы сделать это само собою разумеющееся, в сущности тавтологическое, применение.

постольку, поскольку товары, изменение цен которых повышает или понижает размеры переменного капитала, входят в то же время и в постоянный капитал в качестве образующих его элементов и, следовательно, воздействуют не на одну только заработную плату. Поскольку же они воздействуют только на заработную плату, вышеприведенные соображения заключают в себе все, что следует сказать относительно этого случая.

Во всей этой главе образование общей нормы прибыли, средней прибыли, а следовательно и превращение стоимостей в цены производства, предполагалось как данный факт. Вопрос состоял лишь в том, каким образом общее повышение или понижение заработной платы должно повлиять на цены производства товаров, предположенные как данные величины. По сравнению с другими исследованными в этом отделе пунктами это очень второстепенный вопрос. Но это единственный из затронутых здесь вопросов, который рассматривает Рикардо, и притом, как увидим ниже, рассматривает односторонне и неудовлетворительно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ДОБАВЛЕНИЯ.

I. ПРИЧИНЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕНЕ ПРОИЗВОДСТВА.

Цена производства какого-либо товара может изменяться только в результате двух причин:

Во-первых. Изменяется общая норма прибыли. Это возможно лишь при том условии, если изменяется сама средняя норма прибавочной стоимости или — при неизменной средней норме прибавочной стоимости — если изменяется отношение суммы присваиваемых прибавочных стоимостей к сумме всего авансированного общественного капитала.

Поскольку изменение нормы прибавочной стоимости основывается не на понижении заработной платы ниже или повышении ее выше нормального уровня, — а подобного рода движения следует рассматривать лишь как случайные колебания, — изменение это может произойти только или вследствие того, что стоимость рабочей силы повысилась или понизилась; то и другое одинаково невозможно без изменения в производительности труда, производящего жизненные средства, следовательно без изменения стоимости товаров, входящих в потребление рабочих.

Или же изменяется отношение суммы присваиваемой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу общества. Так как изменение исходит здесь не от нормы прибавочной стоимости, то оно должно исходить от всего капитала, а именно от постоянной его части. Масса последней, рассматриваемая с технической стороны, увеличивается и уменьшается пропорционально количеству рабочей силы, купленной переменным капиталом, а масса стоимости этой части растет и понижается вместе с ростом и уменьшением самой ее массы, следовательно опять-таки пропорционально массе стоимости переменного капитала. Если же прежнее количество труда приводит в движение больше постоянного капитала, то значит труд стал производительнее, и наоборот. Следовательно, во всяком случае совершилось изменение в производительности труда и должно произойти изменение стоимости известных товаров.

Итак, в обоих случаях сохраняет силу следующий закон: если изменяется цена производства известного товара вследствие

изменения общей нормы прибыли, то, хотя собственная стоимость этого товара может остаться неизменной, тем не менее необходимо должно произойти изменение стоимости других товаров.

Во-вторых. Общая норма прибыли остается неизменной. Тогда цена производства товара может измениться лишь при том условии, если изменилась его собственная стоимость, если теперь требуется больше или меньше труда, чем раньше, для воспроизводства его самого, причем безразлично, изменяется ли производительность того труда, который производит данный товар в окончательной форме, или того труда, который производит товары, входящие в производство данного товара. Цена производства хлопчатобумажной пряжи может упасть или потому, что дешевле производится хлопок-сырец, или потому, что труд прядения стал производительнее вследствие улучшения машин.

Цена производства, как было показано ранее, $=k+p$, равняется издержкам производства плюс прибыль. Но это выражение $=k+kp'$, где k, издержки производства, — неопределенная величина, изменяющаяся в различных сферах производства и всегда равная стоимости постоянного и переменного капитала, потребленного в производстве товара, а p' есть вычисленная в процентах средняя норма прибыли. Если $k=200$, а $p'=20\%$, то цена производства $k+kp'=200+200.\frac{20}{100}=200+40=240$. Очевидно, что эта цена производства может оставаться неизменной, хотя стоимость товаров изменяется.

Всякое изменение цены производства товаров в последнем счете сводится к изменению стоимости; но не всякое изменение стоимости товаров должно обязательно выразиться в изменении цены производства, так как эта последняя определяется не только стоимостью данного товара, но также совокупной стоимостью всех товаров. Изменение, касающееся товара *A*, может быть уравновешено противоположным изменением товара *B*, так что общее отношение остается неизменным.

II. ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ СРЕДНЕГО СТРОЕНИЯ.

Мы видели, что отклонения цен производства от стоимостей происходят вследствие того:

1) что к издержкам производства товара присоединяется не та прибавочная стоимость, которая в нем содержится, а средняя прибыль;

2) что цена производства товара, отклоняющаяся таким образом от его стоимости, входит как элемент в издержки производства другого товара, так что уже в издержках производства товара может заключаться отклонение от стоимости потребленных на него средств производства, независимо от того отклонения, кото-

рое для самого этого товара получается благодаря разнице между средней прибылью и прибавочной стоимостью.

Возможно таким образом, что и у товаров, произведенных капиталами среднего строения, издержки производства отклонятся от суммы стоимости элементов, из которых слагается эта составная часть их цены производства. Пусть среднее строение $80_c + 20_v$. Возможно, что в действительных капиталах, составленных таким образом, 80_c больше или меньше стоимости *c*, постоянного капитала, так как это *c* состоит из товаров, цена производства которых отклоняется от их стоимости. Равным образом 20_v могут отклоняться от их стоимости, если в потребление заработной платы входят товары, цена производства которых отлична от стоимости; следовательно, рабочий, чтобы окупить эти товары (возместить их), должен затратить больше или меньше рабочего времени, т. е. должен выполнить больше или меньше необходимого труда, чем это требовалось бы, если бы цены производства необходимых жизненных средств совпадали с их стоимостями.

Однако эта возможность нисколько не колеблет справедливости положений, установленных для товаров среднего строения. Количество прибыли, приходящейся на эти товары, равно количеству заключающейся в них самих прибавочной стоимости. Например, в вышеприведенном капитале строения $80_c + 20_v$ для определения прибавочной стоимости важно не то, выражают эти числа действительные стоимости или нет, а то, в каком отношении они находятся между собою, именно, что: $v = 1/_5$ всего капитала и $c = 4/_5$. Раз это так, прибавочная стоимость, которую произвело *v*, равна, как было выше предположено, средней прибыли. С другой стороны, так как прибавочная стоимость равна средней прибыли, то цена производства = издержкам производства + прибыль $= k + p = k + m$, практически равна стоимости товара. То есть повышение или понижение заработной платы оставляет в этом случае $k + p$ столь же неизменным, сколь неизменной оставило бы оно стоимость товара, и вызывает только соответственное обратное движение, понижение или повышение, на стороне нормы прибыли. А именно, если бы вследствие повышения или понижения заработной платы изменилась в данном случае цена товаров, то норма прибыли в этих сферах среднего строения оказалась бы выше или ниже ее уровня в других сферах. Лишь поскольку цена остается неизменной, сферы среднего строения сохраняют свой уровень прибыли, одинаковый с другими сферами. Таким образом практически дело происходит совершенно так, как если бы продукты этой сферы продавались по их действительной стоимости. В самом деле, если товары продаются по их действительным стоимостям, то очевидно, что при прочих равных условиях повышение или понижение заработной платы вызовет соответственное понижение или повышение прибыли, но отнюдь

не изменение стоимости товаров, и что при всех обстоятельствах повышение или понижение заработной платы может затронуть только величину прибавочной стоимости, а никак не стоимость товаров.

III. ОСНОВАНИЯ КАПИТАЛИСТА ДЛЯ КОМПЕНСАЦИИ.

Как уже было сказано, конкуренция уравнивает нормы прибыли различных сфер производства в среднюю норму прибыли и именно этим превращает стоимости продуктов этих различных сфер в цены производства. И это совершается путем постоянного перенесения капитала из одной сферы в другую, где в данный момент прибыль стоит выше среднего уровня; при этом, однако, должны быть приняты во внимание колебания прибыли, связанные для известной отрасли промышленности на протяжении известного периода с чередованием тощих и тучных годов. Эта непрерывная эмиграция и иммиграция капитала, происходящая между различными сферами производства, вызывает восходящие и нисходящие движения нормы прибыли, которые более или менее взаимно уравновешиваются и в силу этого имеют тенденцию повсюду сводить норму прибыли к одному общему уровню.

Это движение капиталов обусловливается в первую очередь состоянием рыночных цен, которые здесь поднимают прибыль выше общего среднего уровня, там понижают ее ниже этого уровня. Мы оставляем пока в стороне купеческий капитал, до которого здесь нам еще нет дела и который, как показывают внезапно разражающиеся пароксизмы спекуляции в области известных излюбленных ею предметов, с чрезвычайною быстротой способен извлекать массы капитала из одной отрасли предпринимательства и столь же быстро бросать их в другую. Но в каждой сфере производства в собственном смысле этого слова — промышленности, земледелии, горном деле и т. д. — перенесение капитала из одной сферы в другую представляет значительные трудности, в особенности благодаря наличию основного капитала. К тому же опыт показывает, что если какая-либо отрасль промышленности, напр. хлопчатобумажная промышленность, в течение известного времени приносит необычно высокую прибыль, то в течение другого периода она приносит лишь ничтожную прибыль или даже убыток, так что за известный цикл лет средняя прибыль оказывается здесь приблизительно одинаковой с другими отраслями. И с этим опытом капитал скоро приучается считаться.

Но чего конкуренция *не* обнаруживает, это того, что стоимость господствует над движением производства, она не обнаруживает стоимостей, которые скрываются за ценами производства и в конечном счете определяют их. Конкуренция обнаруживает, напротив: 1) средние прибыли, независимые от органического строе-

ния капитала в различных сферах производства, следовательно независимые и от массы живого труда, присваиваемого данным капиталом в данной сфере эксплуатации; 2) повышение и понижение цен производства вследствие изменения высоты заработной платы — явление, на первый взгляд совершенно противоречащее стоимостному отношению товаров; 3) колебания рыночных цен, которые сводят среднюю рыночную цену товаров за данный период не к рыночной *стоимости*, а к уклоняющейся от нее, весьма отличной от нее рыночной цене производства. *Кажется*, что все эти явления противоречат в равной степени и определению стоимости рабочим временем, и природе прибавочной стоимости, состоящей из неоплаченного прибавочного труда. *Таким образом в конкуренции все проявляется в искаженном виде*. Тот сложившийся уже вид экономических отношений, который выступает на поверхности, в их реальном существовании, а следовательно и в тех представлениях, при помощи которых пытаются уяснить себе эти отношения их носители и агенты, весьма сильно отличается от их внутреннего, существенного, но скрытого основного содержания [Kerngestalt] и на деле искажает его и противоречит как ему самому, так и соответствующему ему понятию.

Далее. Когда капиталистическое производство достигает известной степени развития, уравнение различных норм прибыли отдельных сфер производства в единую общую норму прибыли отнюдь не совершается исключительно путем отталкивания и притяжения капитала рыночными ценами. После того, как на известный период установились средние цены и соответствующие им рыночные цены, до *сознания* отдельных капиталистов доходит, что при таком уравнении уравниваются *определенные различия*, которые немедленно учитываются капиталистами в их взаимных расчетах. В представлении капиталистов эти различия живут и учитываются ими как основания для компенсации.

Основным представлением является при этом сама средняя прибыль — представление, что капиталы равной величины в равные промежутки времени должны давать равную прибыль. В основе этого лежит, в свою очередь, представление, что капитал каждой сферы производства должен pro rata [пропорционально] своей величине участвовать в присвоении всей прибавочной стоимости, выжатой из рабочих всем общественным капиталом; или что каждый отдельный капитал должен рассматриваться просто как часть всего капитала, каждый отдельный капиталист должен рассматриваться по существу как акционер общего предприятия, который участвует в общей прибыли pro rata [пропорционально] величине своей доли во всем капитале.

На этом представлении основываются затем расчеты капиталистов. Так, напр., если капитал оборачивается сравнительно медленно или потому, что товары дольше остаются в процессе

производства, или потому, что они должны быть проданы на более отдаленных рынках, то прибыль, ускользающая от него благодаря этому, все-таки начисляется, следовательно возмещается путем надбавки к цене. Точно так же капиталовложения, подвергающиеся исключительно большим опасностям, напр. вложения в морской транспорт, тоже получают возмещение путем надбавки в цене. Когда капиталистическое производство, а вместе с ним и дело страхования достаточно развиваются, опасность становится фактически одинаковой для всех сфер производства (см. Корбет); предприятия, наиболее подверженные опасности, платят, однако, более высокие страховые премии и вознаграждают себя за это в цене своих товаров. На практике все сводится к тому, что каждое обстоятельство, которое делает данное вложение капитала более прибыльным, а другое менее прибыльным, — а в известных границах все вложения считаются одинаково необходимыми, — принимается в расчет, как раз навсегда установленное основание для компенсации; причем уже нет надобности в новых и новых действиях конкуренции, чтобы оправдать этот мотив или правильность этого расчета. Капиталист забывает только, — или, скорее, не видит, так как конкуренция ему этого не показывает, — что все эти основания для компенсации, выдвигаемые капиталистами друг против друга при взаимном расчете товарных цен в различных отраслях производства, покоятся исключительно на том, что все капиталисты имеют pro rata [пропорционально] их капиталу одинаковое притязание на общую добычу, на совокупную прибавочную стоимость. Наоборот, так как фактически полученная ими прибыль отлична от выжатой ими прибавочной стоимости, то им *кажется,* что их основания для компенсации не уравнивают их участия в совокупной прибавочной стоимости, а *создают самое прибыль,* так как эта последняя возникает якобы просто из так или иначе мотивированной надбавки к издержкам производства товаров.

В остальном и к средней прибыли приложимо все то, что в гл. VII, стр. 116 [настоящий том, стр. 144—145], было сказано о представлении капиталиста относительно источника прибавочной стоимости. Здесь постановка вопроса меняется лишь постольку, поскольку при данной рыночной цене товаров и данной эксплуатации труда сбережения в области издержек производства зависят от индивидуального искусства, внимательности и т. д.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ЗАКОН ТЕНДЕНЦИИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К ПОНИЖЕНИЮ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ЗАКОН КАК ТАКОВОЙ.

При данной заработной плате и при данной продолжительности рабочего дня переменный капитал, напр. в 100, представляет определенное число рабочих, приводимых в движение; он служит показателем этого числа. Пусть, напр., 100 ф. ст. составляют заработную плату 100 рабочих, скажем, за 1 неделю. Если эти 100 рабочих совершают столько же необходимого труда, сколько прибавочного труда, если, следовательно, они ежедневно работают столько же времени на самих себя, т. е. для воспроизводства своей заработной платы, сколько на капиталистов, т. е. для производства прибавочной стоимости, то вся произведенная ими стоимость = = 200 ф. ст., а произведенная ими прибавочная стоимость составляет 100 ф. ст. Норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ была бы = 100%. Однако эта норма прибавочной стоимости, как мы видели, выражалась бы в очень различных нормах прибыли соответственно различной величине постоянного капитала c и вместе с тем всего капитала K, так как норма прибыли $= \frac{m}{K}$. При норме прибавочной стоимости 100%:

Если $c = 50$, $v = 100$, то $p' = \frac{100}{150} = 66^2/_3\%$;

» $c = 100$, $v = 100$, то $p' = \frac{100}{200} = 50\%$;

» $c = 200$, $v = 100$, то $p' = \frac{100}{300} = 33^1/_3\%$;

» $c = 300$, $v = 100$, то $p' = \frac{100}{400} = 25\%$;

» $c = 400$, $v = 100$, то $p' = \frac{100}{500} = 20\%$.

Таким образом при неизменяющейся степени эксплуатации труда одна и та же норма прибавочной стоимости выражалась бы в понижающейся норме прибыли, потому что вместе с материальными размерами постоянного капитала возрастает, хотя и не в той же пропорции, и величина стоимости постоянного, а следовательно и всего, капитала.

Если мы далее предположим, что это постепенное изменение строения капитала происходит не только в отдельных сферах производства, но более или менее во всех или, по крайней мере, в решающих сферах производства, так что оно равносильно изменению среднего органического строения всего капитала, принадлежащего определенному обществу, то такое постепенное возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным необходимо должно иметь своим результатом *постепенное понижение общей нормы прибыли* при неизменяющейся норме прибавочной стоимости, или при неизменяющейся степени эксплуатации труда капиталом. Но законом капиталистического способа производства оказалось, что с его развитием совершается относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным капиталом и, следовательно, по сравнению со всем приводимым в движение капиталом. Это означает только то, что одинаковое число рабочих, одинаковое количество рабочей силы, которым можно располагать при помощи переменного капитала данной стоимостной величины, вследствие своеобразных методов производства, развивающихся в капиталистическом производстве, за одинаковое время приводит в движение, перерабатывает и производительно потребляет постоянно возрастающую массу средств труда, машин и всякого рода основного капитала, сырья и вспомогательных материалов, а потому — и постоянный капитал, постоянно возрастающий по своей стоимостной величине. Такое прогрессирующее относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным и, следовательно со всем, капиталом тожественно с прогрессирующим повышением среднего органического строения общественного капитала. Это является также только иным выражением прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, которое сказывается именно в том, что посредством возрастающего применения машин и вообще основного капитала при том же числе рабочих в такое же время, т. е. с меньшим трудом, превращается в продукты большее количество сырья и вспомогательных материалов. Этому возрастанию стоимостной величины постоянного капитала, — хотя оно лишь отдаленным образом представляет возрастание действительной массы потребительных стоимостей, из которых вещественно состоит постоянный капитал, — соответствует возрастающее удешевление продукта. Каждый индивидуальный продукт, рассматриваемый сам по себе, содержит меньшую сумму труда, чем на низшей ступени производства, где

отношение капитала, затраченного на труд, к капиталу, затраченному на средства производства, представляет несравненно бо̀льшую величину. Следовательно, гипотетический ряд, приведенный нами в начале главы, выражает действительную тенденцию капиталистического производства. Последнее вместе с прогрессирующим относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным создает все более высокое органическое строение всего капитала, непосредственным результатом чего является то, что при не изменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда норма прибавочной стоимости выражается в постоянно понижающейся общей норме прибыли. (Дальше будет показано, почему понижение выступает не в этой абсолютной форме, а скорее в форме тенденции к прогрессивному понижению.) Следовательно, прогрессирующая тенденция общей нормы прибыли к понижению есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, *выражение, свойственное капиталистическому способу производства.* Это не значит, что норма прибыли не может временно понижаться и по другим причинам, но таким образом, исходя из сущности капиталистического способа производства, доказано в качестве само собой разумеющейся необходимости, что с его развитием общая средняя норма прибавочной стоимости необходимо должна получать выражение в понижающейся общей норме прибыли. Так как масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по отношению к массе приводимого им в движение овеществленного труда, к массе производительно потребляемых средств производства, то отношение той части этого живого труда, которая не оплачена и овеществлена в прибавочной стоимости, к стоимостной величине всего применяемого капитала должно постоянно уменьшаться. Но это отношение массы прибавочной стоимости к стоимости всего примененного капитала образует норму прибыли, которая поэтому должна постоянно падать.

Как ни прост кажется этот закон после всего нами изложенного, но всей прошлой политической экономии не удавалось открыть его, как мы это увидим в одном из последующих отделов. Она видела явление и мучилась в противоречивых попытках дать ему объяснение. Но при той огромной важности, какую имеет этот закон для капиталистического производства, можно сказать, что он составляет тайну, над разрешением которой бьется вся политическая экономия со времени Адама Смита, и что различие между разными школами после А. Смита состоит в различных попытках ее разрешения. С другой стороны, если принять в соображение, что хотя вся предыдущая политическая экономия и ходила вокруг да около различия постоянного и переменного капитала, но так и не сумела определенно его формулировать; что она никогда не представляла прибавочную стоимость отдельно

от прибыли, а прибыль вообще никогда не представляла в чистом виде, в отличие от ее различных обособившихся друг от друга составных частей, — как промышленная прибыль, торговая прибыль, процент, земельная рента; — что она никогда основательным образом не анализировала различия в органическом строении капитала, а следовательно и образования общей нормы прибыли, — то перестает быть загадочным то обстоятельство, что ей никогда не удавалось разрешить этой загадки.

Мы намеренно даем изложение этого закона раньше, чем показали распадение прибыли на различные обособившиеся одна от другой категории. Возможность выведения этого закона независимо от распадения прибыли на различные части, приходящиеся на долю лиц различных категорий, прямо доказывает независимость закона в его всеобщности от такого распадения и от взаимных отношений между различными категориями прибыли, возникающими в результате этого распадения. Прибыль, о которой мы говорим здесь, есть только другое название самой прибавочной стоимости, которая представлена лишь в отношении ко всему капиталу, а не только к одному переменному капиталу, из которого она возникает. Следовательно, понижение нормы прибыли выражает убывающее отношение самой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, и потому оно независимо от какого бы то ни было распределения этой прибавочной стоимости между различными категориями.

Мы видели, что на одной ступени капиталистического развития, когда строение капитала $c:v = 50:100$, норма прибавочной стоимости в 100% выражается в норме прибыли $= 66^2/_3\%$, а на более высокой ступени, когда $c:v = 400:100$, та же самая норма прибавочной стоимости выражается в норме прибыли лишь 20%. То, что относится к различным последовательным ступеням развития в одной и той же стране, относится и к различным ступеням развития, существующим одновременно одна рядом с другой в различных странах. В неразвитой стране, где первое строение капитала является средним, общая норма прибыли была бы $= 66^2/_3\%$, тогда как в стране со вторым строением капитала, стоящей на много более высокой ступени развития, она была бы $= 20\%$.

Различие обеих национальных норм прибыли могло бы исчезнуть и даже принять обратный вид вследствие того, что в менее развитой стране труд был бы менее производителен, поэтому большее количество труда выражалось бы в меньшем количестве одного и того же товара, бо́льшая меновая стоимость выражалась бы в меньшей потребительной стоимости, следовательно рабочий употреблял бы бо́льшую часть своего времени на воспроизводство средств своего собственного существования или их стоимости и меньшую часть на создание прибавочной стоимости, доставлял

бы меньше прибавочного труда, так что норма прибавочной стоимости была бы ниже. Если бы, напр., в менее развитой стране рабочий $^2/_3$ рабочего дня работал на самого себя, а $^1/_3$ на капиталиста, то, если принять предположения вышеприведенного примера, эта же самая рабочая сила оплачивалась бы $133^1/_3$ и доставила бы излишек только в $66^2/_3$. Переменному капиталу в $133^1/_3$ соответствовал бы постоянный капитал в 50. Следовательно, норма прибавочной стоимости составляла бы в этом случае $66^2/_3 : 133^1/_3 = 50\%$, а норма прибыли $66^2/_3 : 183^1/_3$, или приблизительно $36^1/_2\%$.

Так как мы до сих пор еще не исследовали различных составных частей, на которые распадается прибыль, следовательно они для нас еще не существуют, то мы только во избежание недоразумений наперед заметим следующее. При сравнении стран, стоящих на различных ступенях развития, именно стран с развитым капиталистическим производством и таких, где труд еще формально не подчинен капиталу, хотя в действительности рабочий эксплуатируется капиталистом (напр. в Индии, где райот ведет хозяйство как самостоятельный крестьянин, следовательно его производство как таковое еще не подчинено капиталу, хотя ростовщик в форме процента может вытянуть из него не только весь его прибавочный труд, но даже, выражаясь капиталистически, часть его заработной платы), — при таком сравнении было бы очень ошибочно измерять высоту национальной нормы прибыли национальным уровнем процента. В таком проценте включена вся прибыль и даже больше чем прибыль, тогда как в странах развитого капиталистического производства процент составляет лишь известную часть произведенной прибавочной стоимости, или прибыли. С другой стороны, ставка процента в этом случае определяется главным образом такими отношениями (ссуды ростовщиков знати, собственникам земельной ренты), которые не имеют решительно ничего общего с прибылью, а, напротив, показывают лишь, в какой мере ростовщик присваивает земельную ренту.

В странах, в которых капиталистическое производство находится на различных ступенях развития и в которых поэтому органическое строение капитала различно, норма прибавочной стоимости (один из факторов, определяющих норму прибыли) в той стране, где нормальный рабочий день короче, может стоять выше, чем в той, где он длиннее. *Во-первых,* если английский 10-часовой рабочий день вследствие своей более высокой интенсивности равен австрийскому 14-часовому рабочему дню, то при одинаковом распределении рабочего дня 5 часов прибавочного труда англичанина могут представлять на всемирном рынке стоимость бо́льшую, чем 7 часов австрийца. А, *во-вторых,* в Англии прибавочный труд может составлять бо́льшую часть рабочего дня, чем в Австрии.

Закон понижения нормы прибыли, — причем в понижающейся норме прибыли получает выражение та же самая или даже возрастающая норма прибавочной стоимости, — иначе говоря, означает следующее: если взять какое-нибудь определенное количество среднего общественного капитала, напр. капитал в 100, то часть его, заключающаяся в средствах труда, все возрастает, а часть, заключающаяся в живом труде, все уменьшается. Следовательно, так как совокупная масса живого труда, присоединяемого к средствам производства, уменьшается по сравнению со стоимостью этих средств производства, то по сравнению со стоимостью всего авансированного капитала уменьшается и неоплаченный труд и та часть стоимости, в которой он выражается. Или: из всего затрачиваемого капитала в живой труд превращается все меньшая часть, и поэтому весь этот капитал всасывает по сравнению со своей величиной все меньше прибавочного труда, хотя одновременно с этим может возрастать отношение неоплаченной части применяемого труда к его оплаченной части. Относительное уменьшение переменного капитала и увеличение постоянного при абсолютном возрастании обеих этих частей есть, как мы сказали, только другое выражение возрастающей производительности труда.

Положим, что капитал в 100 состоит из $80_c + 20_v$, последние = = 20 рабочим. Норма прибавочной стоимости пусть будет 100%, т. е. рабочие полдня работают на себя и полдня на капиталиста. В другой, менее развитой стране капитал пусть будет $= 20_c + 80_v$, причем эти последние = 80 рабочим. Но для этих рабочих требуется $^2/_3$ рабочего дня для работы на себя, и только $^1/_3$ они работают на капиталиста. При прочих равных условиях рабочие в первом случае производят стоимость в 40, во втором в 120. Первый капитал производит $80_c + 20_v + 20_m = 120$; норма прибыли = 20%. Второй капитал $20_c + 80_v + 40_m = 140$; норма прибыли = 40%. Следовательно, во втором случае она вдвое больше, чем в первом, хотя в первом случае норма прибавочной стоимости = 100%, вдвое больше, чем во втором, где она только 50%. Но зато равный по величине капитал в первом случае присваивает прибавочную стоимость только 20, а во втором 80 рабочих.

Закон прогрессирующего падения нормы прибыли, или относительного уменьшения присваиваемого прибавочного труда по сравнению с массой овеществленного труда, приводимой в движение живым трудом, отнюдь не исключает возрастания абсолютной массы труда, приводимого в движение и эксплуатируемого общественным капиталом, а потому и возрастания абсолютной массы присваиваемого им прибавочного труда; точно так же он не исключает того, что капиталы, находящиеся под командой отдельных капиталистов, командуют возрастающей массой труда, а следовательно и прибавочного труда, — последнее даже

в том случае, если число находящихся под их командой рабочих не возрастает.

Если взять рабочее население данной численности, напр. два миллиона, и принять, далее, продолжительность и интенсивность среднего рабочего дня, а также заработную плату, — а вместе с тем и отношение между необходимым и прибавочным трудом, — за величины данные, то совокупный труд этих двух миллионов, а также и их прибавочный труд, выражающийся в прибавочной стоимости, постоянно производит стоимость одинаковой величины. Но с возрастанием массы постоянного — основного и оборотного — капитала, приводимого в движение этим трудом, падает отношение этой величины стоимости к стоимости этого капитала, которая возрастает вместе с его массой, хотя и не в одинаковой пропорции. Это отношение, а потому и норма прибыли, падает, хотя капитал командует такой же массой живого труда, как и раньше, и всасывает такую же массу прибавочного труда. Отношение изменяется не потому, что уменьшается масса живого труда, а потому, что увеличивается масса уже овеществленного труда, приводимого им в движение. Уменьшение это относительно, а не абсолютно и на деле не имеет ничего общего с абсолютной величиной приводимого в движение труда и прибавочного труда. Падение нормы прибыли возникает не из абсолютного, а только из относительного уменьшения переменной составной части совокупного капитала, из ее уменьшения по сравнению с постоянной составной частью.

То, что имеет значение для данной массы труда и массы прибавочного труда, имеет значение и для возрастающего числа рабочих, а потому, при прежних предположениях, и для возрастающей массы труда, вообще находящегося под командой, и в частности для его неоплаченной части, для прибавочного труда. Если рабочее население увеличивается с двух до трех миллионов, если переменный капитал, уплачиваемый ему в виде заработной платы, составлял раньше два миллиона, теперь же составляет три миллиона, а постоянный капитал, напротив, увеличивается с 4 до 15 миллионов, то при прежних предположениях (неизменяющийся рабочий день и неизменяющаяся норма прибавочной стоимости) масса прибавочного труда, прибавочной стоимости возрастает наполовину, на 50%, с 2 миллионов до 3. Тем не менее, несмотря на такое возрастание абсолютной массы прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, на 50%, отношение переменного капитала к постоянному упало бы с 2 : 4 до 3 : 15, и отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу представлялось бы в следующем виде (в миллионах):

$$\text{I.}\quad 4_c + 2_v + 2_m;\quad K = 6;\quad p' = 33^1/_3\%.$$
$$\text{II.}\quad 15_c + 3_v + 3_m;\quad K = 18;\quad p' = 16^2/_3\%.$$

В то время как масса прибавочной стоимости увеличилась наполовину, норма прибыли упала наполовину сравнительно с прежней. Но прибыль есть только прибавочная стоимость, взятая по отношению к общественному капиталу, и потому масса прибыли, ее абсолютная величина, взятая в общественном масштабе, равна абсолютной величине прибавочной стоимости. Следовательно, абсолютная величина прибыли, ее общая масса возросла бы на 50%, несмотря на чрезвычайное уменьшение этой массы прибыли по отношению ко всему авансированному капиталу, или несмотря на чрезвычайное уменьшение общей нормы прибыли. Таким образом число рабочих, занятых капиталом, т. е. абсолютная масса труда, приводимого им в движение, следовательно абсолютная масса высасываемого им прибавочного труда, а потому и масса производимой им прибавочной стоимости, а значит и абсолютная масса производимой им прибыли, *может* возрастать, и возрастать прогрессивно, несмотря на прогрессивное падение нормы прибыли. Это не только *может* быть. На основе капиталистического производства это *должно* так быть, если оставить в стороне преходящие колебания.

Процесс капиталистического производства по существу есть в то же время и процесс накопления. Мы показали, как с развитием капиталистического производства масса стоимости, которая должна быть просто воспроизведена, сохранена, увеличивается и возрастает вместе с повышением производительности труда, если даже применяемая рабочая сила остается неизменной. Но с развитием общественной производительной силы труда еще быстрее возрастает масса производимых потребительных стоимостей, часть которых составляют средства производства. А добавочный труд, путем присвоения которого это добавочное богатство может быть снова превращено в капитал, зависит не от стоимости, а от массы этих средств производства (включая и жизненные средства), так как в процессе труда рабочий имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью средств производства. Однако само накопление и сопровождающая его концентрация капитала сами являются материальным средством увеличения производительной силы. Но это возрастание средств производства предполагает возрастание рабочего населения, создание населения рабочих, соответствующего добавочному капиталу и даже в общем и целом постоянно превышающего его потребности, следовательно предполагает перенаселение. Временный избыток добавочного капитала сравнительно с рабочим населением, находящимся под его командой, может оказывать двоякое влияние. С одной стороны, он может постепенно увеличивать рабочее население путем повышения заработной платы, т. е. путем смягчения губительных влияний, сокращающих прирост рабочих, и облегчением браков. Но, с другой стороны, посредством приме-

нения методов, создающих относительную прибавочную стоимость (введение и усовершенствование машин), он может еще быстрее создавать искусственное относительное перенаселение, которое, в свою очередь, является теплицей действительно быстрого увеличения населения, так как в капиталистическом производстве нищета порождает население. Поэтому из природы капиталистического процесса накопления, который составляет лишь момент в капиталистическом процессе производства, само собой следует, что возросшая масса средств производства, предназначенных к превращению в капитал, всегда находит под рукой соответственно увеличившееся и даже избыточное рабочее население, пригодное для эксплуатации. Следовательно, с развитием процесса производства и накопления необходимо *должна* возрастать масса прибавочного труда, который можно присваивать и который действительно присваивается, а потому должна возрастать и абсолютная масса прибыли, присваиваемой общественным капиталом. Но те же законы производства и накопления вместе с массой постоянного капитала увеличивают в возрастающей прогрессии и его стоимость, увеличивают быстрее, чем стоимость переменной части капитала, обмениваемой на живой труд. Таким образом в силу одних и тех же законов абсолютная масса прибыли на общественный капитал возрастает, а норма прибыли понижается.

Мы здесь совершенно не принимаем во внимание того, что с прогрессом капиталистического производства и соответствующего ему развития производительной силы общественного труда и при умножении отраслей производства, а следовательно и продуктов, прежняя величина стоимости представляет прогрессивно возрастающую массу потребительных стоимостей и наслаждений.

Ход развития капиталистического производства и накопления обусловливает процесс труда во все возрастающем масштабе и вместе с тем во все растущих размерах и соответственно этому обусловливает увеличение авансирований капитала на каждое отдельное предприятие. Поэтому возрастающая концентрация капиталов (сопровождаемая в то же время, хотя и в меньшей степени, увеличением числа капиталистов) является и одним из материальных условий капиталистического производства и накопления и одним из создаваемых им самим результатов. Рука об руку и во взаимодействии с этим совершается прогрессирующая экспроприация более или менее непосредственных производителей. Таким образом в отношении отдельных капиталистов понятно, что они командуют все бо̀льшими рабочими армиями (как бы ни уменьшался их переменный капитал сравнительно с постоянным), что масса присваиваемой ими прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, возрастает одновременно с понижением нормы прибыли и несмотря на такое понижение. Именно те самые причины, которые концентрируют массы рабочих армий

под командой отдельных капиталистов, увеличивают также массу применяемого основного капитала, равно как сырья и вспомогательных материалов, — увеличивают относительно быстрее, чем массу применяемого живого труда.

Далее, нам достаточно здесь просто упомянуть, что при данном рабочем населении, если норма прибавочной стоимости возрастает, — благодаря ли удлинению или интенсификации рабочего дня или же благодаря понижению заработной платы в стоимостном выражении, являющемуся следствием развития производительной силы труда, — масса прибавочной стоимости, а потому и абсолютная масса прибыли, должна возрасти, несмотря на относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным.

То же самое развитие производительной силы общественного труда, те же самые законы, которые находят себе выражение в относительном уменьшении переменного капитала по сравнению со всем капиталом и в ускоряющемся вместе с тем накоплении, — между тем как, с другой стороны, накопление, действуя в обратном направлении, становится исходным пунктом дальнейшего развития производительной силы и дальнейшего относительного уменьшения переменного капитала, — это же самое развитие, если оставить в стороне временные колебания, выражается во все нарастающем увеличении всей применяемой рабочей силы, во все усиливающемся возрастании абсолютной массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли.

В какой же форме должен выражаться этот двойственный закон возникающего из одних и тех же причин уменьшения *нормы* прибыли и одновременного увеличения абсолютной *массы* прибыли, закон, основанный на том, что при данных условиях присваиваемая масса прибавочного труда, а следовательно и прибавочной стоимости, возрастает и что, если рассматривать весь капитал в целом или рассматривать каждый отдельный капитал только как часть всего капитала, прибыль и прибавочная стоимость суть тожественные величины?

Возьмем известную часть капитала, напр. 100, и вычислим по отношению к ней норму прибыли. Положим, что эти 100 представляют среднее строение всего капитала, скажем, $80_c + 20_v$. Во втором отделе этой книги мы видели, что средняя норма прибыли в различных отраслях производства определяется не особым строением капитала в каждой отрасли, а его средним общественным строением. Вместе с относительным уменьшением переменной части сравнительно с постоянной и, следовательно сравнительно со всем капиталом в 100, при неизменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда уменьшается норма прибыли, уменьшается относительная величина прибавочной стоимости, т. е. ее отношение к стоимости всего авансированного капитала в 100.

Но уменьшается не только эта относительная величина. Величина прибавочной стоимости, или прибыли, которую всасывает весь капитал в 100, падает абсолютно. При норме прибавочной стоимости в 100% капитал в $60_c + 40_v$ производит массу прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли = 40; капитал в $70_c + 30_v$ производит массу прибыли в 30; при капитале в $80_c + 20_v$ прибыль понижается до 20. Это понижение касается массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, и вытекает из того, что так как весь капитал в 100 приводит в движение меньше живого труда вообще, а при неизменяющейся степени эксплуатации меньше и прибавочного труда, то он производит меньше прибавочной стоимости. Если какую-нибудь часть общественного капитала, следовательно капитала среднего общественного строения, принять за единицу меры для измерения прибавочной стоимости, — а это делается при каждом вычислении прибыли, — то вообще относительное понижение прибавочной стоимости и ее абсолютное понижение оказываются тожественными. В вышеприведенных примерах норма прибыли падает с 40% до 30% и до 20%, так как на деле масса прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, производимой одним и тем же капиталом, по своей абсолютной величине понижается с 40 до 30 и до 20. Так как величина стоимости капитала, с которым соизмеряется прибавочная стоимость, дана, именно = = 100, то уменьшение отношения прибавочной стоимости к этой неизменяющейся величине может быть лишь особым выражением уменьшения абсолютной величины прибавочной стоимости и прибыли. На самом деле это — тавтология. Но то обстоятельство, что такое уменьшение наступает, — это, как было показано, вытекает из природы развития капиталистического процесса производства.

Но, с другой стороны, те самые причины, которые вызывают абсолютное уменьшение прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли на данный капитал, а потому и нормы прибыли, исчисляемой в процентах, эти же причины приводят к возрастанию абсолютной массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, присваиваемой общественным капиталом (т. е. совокупностью капиталистов). Как же это должно выразиться? Как это только и может выразиться? Или — какие условия предполагаются этим кажущимся противоречием?

Если всякая доля общественного капитала, равная 100, а следовательно всякая сотня капитала среднего общественного строения, есть величина данная, а потому для нее уменьшение нормы прибыли совпадает с уменьшением абсолютной величины прибыли, ибо как раз в этом случае капитал, которым она измеряется, есть величина постоянная, то, напротив, величина всего общественного капитала, как и капитала, находящегося в руках

отдельных капиталистов, есть изменяющаяся величина, которая для того чтобы предположенные условия были удовлетворены, должна изменяться в обратном отношении к уменьшению своей переменной части.

В прежнем примере при процентном строении капитала $60_c + 40_v$ прибавочная стоимость, или прибыль на него, была 40, а потому норма прибыли 40%. Положим, что при таком строении весь капитал равнялся миллиону. В таком случае вся прибавочная стоимость, а следовательно вся прибыль, составляла бы 400 000. Если затем строение капитала будет $= 80_c + 20_v$, то при неизменяющейся степени эксплуатации труда прибавочная стоимость, или прибыль, на каждую сотню = 20. Но так как прибавочная стоимость, или прибыль, как мы показали, по своей абсолютной массе возрастает, вопреки этой уменьшающейся норме прибыли или уменьшающемуся производству прибавочной стоимости каждой сотней капитала, — возрастает, скажем, с 400 000 до 440 000, — то это возможно лишь благодаря тому, что весь капитал, образовавшийся одновременно с этим новым строением, возрос до 2 200 000. Масса всего приводимого в движение капитала увеличилась на 120%, тогда как норма прибыли упала на 50%. Если бы капитал только удвоился, то для того чтобы норма прибыли была 20%, он должен был бы произвести только такую же массу прибавочной стоимости и прибыли, как прежний капитал в 1 000 000 при норме прибыли в 40%. Если бы он возрос менее чем вдвое, то он произвел бы прибавочной стоимости и прибыли меньше, чем прежде производил капитал в 1 000 000, который для того чтобы повысить свою прибавочную стоимость с 400 000 до 440 000, должен был бы при своем старом строении увеличиться с 1 000 000 только до 1 100 000.

Здесь проявляется уже ранее развитый закон, согласно которому с относительным уменьшением переменного капитала, следовательно с развитием общественной производительной силы труда, требуется постоянно возрастающая масса всего капитала для того, чтобы приводить в движение такое же количество рабочей силы и поглощать такую же массу прибавочного труда. Поэтому в той же мере, в какой развивается капиталистическое производство, развивается также возможность появления относительно излишнего рабочего населения, не потому, что производительная сила общественного труда *уменьшается*, а потому, что она *увеличивается*, т. е. не вследствие абсолютного несоответствия между трудом и средствами существования или средствами для производства этих средств существования, а вследствие несоответствия, вытекающего из капиталистической эксплуатации труда, несоответствия между прогрессивным возрастанием капитала и его относительно уменьшающейся потребностью в возрастании населения.

Понижаясь на 50%, норма прибыли понижается наполовину. Поэтому, чтобы масса прибыли осталась прежняя, капитал должен удвоиться. Для того чтобы при уменьшающейся норме прибыли масса прибыли оставалась неизменной, множитель, показывающий возрастание всего капитала, должен быть равен делителю, показывающему понижение нормы прибыли. Если норма прибыли понижается с 40 до 20, то для того чтобы результат оставался прежним, весь капитал должен, наоборот, возрасти в отношении 20 : 40. Если бы норма прибыли понизилась с 40 до 8, то капитал должен был бы возрасти в отношении 8 : 40, т. е. в пять раз. Капитал в 1 000 000 при 40% производит 400 000, и капитал в 5 000 000 при 8% производит также 400 000. Такое возрастание необходимо для того чтобы результат оставался прежним. Наоборот, чтобы результат получился больший, капитал должен возрастать в большей пропорции, чем понижается норма прибыли. Другими словами: для того чтобы переменная составная часть всего капитала не только абсолютно оставалась прежней, но и абсолютно возрастала, хотя ее процентное отношение ко всему капиталу понижается, весь капитал должен возрастать в большей пропорции, чем понижается процентное отношение переменного капитала. Он должен возрастать настолько, чтобы при его новом строении для покупки рабочей силы требовалась не только прежняя переменная часть капитала, но еще некоторый добавок. Если переменная часть капитала, = 100, уменьшится с 40 до 20, то весь капитал должен возрасти более чем до 200 для того чтобы можно было употребить переменный капитал больший, чем 40.

Даже в том случае, если бы эксплуатируемая масса рабочего населения оставалась неизменной и увеличилась бы только продолжительность и интенсивность рабочего дня, масса употребляемого капитала должна была бы возрасти, так как она должна возрасти даже для того, чтобы с изменением строения капитала можно было бы применять прежнюю массу труда при прежних отношениях эксплуатации.

Итак, одно и то же развитие общественной производительной силы труда выражается с прогрессом капиталистического способа производства, с одной стороны, в тенденции к прогрессирующему понижению нормы прибыли, а с другой стороны, — в постоянном возрастании абсолютной массы присваиваемой прибавочной стоимости, или прибыли: так что в общем относительному уменьшению переменного капитала и прибыли соответствует абсолютное увеличение их обоих. Как мы показали, это двустороннее влияние может найти себе выражение лишь в том, что весь капитал возрастает в более быстрой прогрессии, чем та, в какой понижается норма прибыли. Для того чтобы при более высоком строении капитала или при относительно более сильном увеличении постоянного капитала можно было употребить абсолютно возросший переменный

капитал, весь капитал должен возрасти не только в соответствии с более высоким строением, но еще быстрее. Из этого следует, что по мере развития капиталистического способа производства требуется все большее количество капитала для того чтобы применять ту же самую рабочую силу, и еще более для того чтобы применять возросшую рабочую силу. Итак, на капиталистическом базисе повышающаяся производительная сила труда необходимо создает постоянное кажущееся перенаселение рабочих. Если переменный капитал составляет только $^1/_6$ всего капитала вместо прежней $^1/_2$, то для того чтобы дать занятие прежней рабочей силе, весь капитал должен утроиться; а для того чтобы дать занятие двойной рабочей силе, он должен ушестериться.

Предшествующая политическая экономия, не сумевшая объяснить закона понижения нормы прибыли, указывала на увеличивающуюся массу прибыли, на возрастание абсолютной величины прибыли отдельных капиталистов и всего общественного капитала как на своего рода утешение, но и оно построено на одних общих местах и возможностях.

Что масса прибыли определяется двумя факторами: во-первых, нормой прибыли и, во-вторых, массой капитала, который применяется для получения такой нормы прибыли, — это просто тавтология. Что масса прибыли может поэтому возрастать, хотя норма прибыли одновременно с этим понижается, — это только выражение указанной тавтологии и не помогает подвинуться вперед ни на шаг, потому что возможен и такой случай, когда капитал возрастает, а масса прибыли не увеличивается, и что он может возрастать даже в то время, когда она падает: 100 при 25% дает 25, 400 при 5% дает только 20[35]. Но если те самые причины, которые

[35] «Мы могли бы также ожидать, что, как бы ни уменьшилась норма прибыли на капитал вследствие накопления капитала в земледелии и повышения заработной платы, общая сумма прибыли увеличилась бы. Так, предполагая, что с накоплением каждых новых 100 000 ф. ст. норма прибыли будет падать с 20 до 19, 18, 17 процентов, постоянно уменьшаясь, следовало бы ожидать, что величина прибыли, полученной всеми последующими владельцами капитала, будет всегда прогрессировать; что она будет больше, когда капитал равняется 200 000 ф. ст., чем когда он достигает всего 100 000, еще больше, когда он составляет 300 000 и т. д., увеличиваясь, хотя и в понижающейся пропорции, с каждым увеличением капитала. Однако эта прогрессия верна только для известного периода: так, 19% с 200 000 составляют больше, чем 20% со 100 000, 18% с 300 000 — больше, чем 19% с 200 000, но, когда капитал накопится до известной большой суммы и прибыль опять упадет, дальнейшее накопление будет уменьшать сумму прибыли. Положим, что накопление достигло 1 000 000, а прибыль равна 7%, тогда вся сумма прибыли будет 70 000; если теперь к миллиону прибавится еще 100 000, а прибыль понизится до 6%, то собственники капитала получат 66 000, или на 4 000 меньше, хотя вся величина капитала поднялась с 1 000 000 до 1 100 000». *Ricardo* [«On the Principles of Political Economy», гл. VI] (Works, ed. by Mac Culloch, 1852, стр. 68—69). [См. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., гл. VI, стр. 69.] В действительности здесь

вызывают понижение нормы прибыли, содействуют накоплению, т. е. образованию дополнительного капитала, и если каждый дополнительный капитал приводит в движение дополнительный труд и производит дополнительную прибавочную стоимость, если, с другой стороны, простое понижение нормы прибыли уже само по себе предполагает тот факт, что постоянный капитал, а следовательно весь прежний капитал, возрос, то весь этот процесс перестает быть таинственным. Впоследствии мы увидим, к каким умышленным искажениям в вычислениях прибегали для того, чтобы разделаться с возможностью увеличения массы прибыли при одновременном уменьшении нормы прибыли.

Мы показали, как те самые причины, которые вызывают тенденцию общей нормы прибыли к понижению, обусловливают ускоренное накопление капитала, а вследствие этого и возрастание абсолютной величины или общей массы присваиваемого им прибавочного труда (прибавочной стоимости, прибыли). В конкуренции, а следовательно и в сознании ее агентов, все выражается в искаженном виде; точно так же искаженно выражается в конкуренции и в сознании ее агентов и этот закон, — я имею в виду эту внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями, которые по своей внешней видимости противоречат одно другому. Ясно, что при тех пропорциях, которые приведены выше, капиталист, располагающий крупным капиталом, получает бо̀льшую массу прибыли, чем мелкий капиталист, получающий, повидимому, высокую прибыль. Далее, самое поверхностное наблюдение конкуренции показывает, что, если при известных обстоятельствах, как, напр., во время кризиса, более крупный капиталист желает захватить место на рынке, оттеснить более мелких капиталистов, он пользуется этим практически, т. е. намеренно понижает свою норму прибыли, чтобы вытеснить сравнительно мелких капиталистов. В частности купеческий капитал, о котором подробнее мы будем говорить впоследствии, также обнаруживает явления, благодаря которым понижение прибыли представляется следствием расширения дела, а вместе с тем и капитала. Подлинно научное выражение вместо ошибочного понимания мы дадим позже. Подобные поверхностные воззрения возникают из сравнения норм прибыли, получаемых в отдельных отраслях предпринимательства в зависимости от того, подчинены ли они режиму свободной конкуренции или монополии. Совершенно плоское представление, какое образуется в головах агентов конкуренции, мы находим у нашего Рошера, именно, что такое понижение нормы прибыли «благоразумнее и гуманнее». Уменьшение нормы прибыли представлено здесь как *следствие* увеличения капитала и связанного

предположено, что капитал возрастает с 1 000 000 до 1 100 000, т. е. на 10%, между тем как норма прибыли понижается с 7 до 6, т. е. на $14^{2}/_{7}$%. Hinc illae lacrimae [Вот в чем его горе].

с ним расчета капиталистов, что при меньшей норме прибыли будет больше масса прибыли, которую они кладут себе в карман. Все это (за исключением того, что имеется у А. Смита, о чем позже) основано на полном непонимании, что̀ такое вообще есть общая норма прибыли, и на грубом представлении, что цены в действительности определяются путем надбавки более или менее произвольной доли прибыли к действительной стоимости товаров. Как ни грубы такие представления, но они необходимо возникают благодаря тому превратному виду, какой принимают в сфере конкуренции имманентные законы капиталистического производства.

Закон, согласно которому понижение нормы прибыли, вызываемое развитием производительной силы, сопровождается увеличением массы прибыли, этот закон выражается и в том, что падение цен товаров, производимых капиталом, сопровождается относительным увеличением массы прибыли, заключающейся в них и реализуемой посредством их продажи.

Так как развитие производительной силы и соответствующее ему более высокое строение капитала приводит в действие все увеличивающееся количество средств производства при помощи все уменьшающегося количества труда, то каждая дробная доля совокупного продукта, каждая единица товара или каждое определенное отдельное количество товара, служащее единицей меры для всей массы произведенных товаров, поглощает менее живого труда и, кроме того, содержит менее овеществленного труда как в возмещение сношенной части примененного основного капитала, так и потребленного сырья и вспомогательных материалов. Следовательно, каждая единица товара содержит меньшую сумму труда, как овеществленного в средствах производства, так и вновь присоединенного во время производства. Поэтому цена единицы товара понижается. Несмотря на то, масса прибыли, заключающаяся в каждой единице товара, может увеличиться, если норма абсолютной или относительной прибавочной стоимости возрастает. Товар содержит менее вновь присоединенного труда, но неоплаченная часть последнего возрастает сравнительно с оплаченною частью. Однако это происходит лишь в известных пределах. Вместе с чрезвычайно быстро совершающимся при развитии производства абсолютным уменьшением суммы живого труда, вновь присоединяемого к каждой единице товара, будет абсолютно уменьшаться и масса заключающегося в ней неоплаченного труда, как бы она ни возрастала относительно, именно по сравнению с оплаченной частью. Несмотря на возрастание нормы прибавочной стоимости, масса прибыли, приходящаяся на каждую единицу товара, будет значительно уменьшаться с развитием

производительной силы труда; а такое уменьшение совершенно так же, как понижение нормы прибыли, будет только замедляться удешевлением элементов постоянного капитала и другими обстоятельствами, которые указаны в первом отделе этой книги и которые при неизменной и даже при понижающейся норме прибавочной стоимости повышают норму прибыли.

То обстоятельство, что цена отдельных товаров, из суммы которых состоит совокупный продукт капитала, падает, означает только то, что данное количество труда реализуется в большей массе товаров, следовательно, что каждая штука товара содержит менее труда, чем прежде. Это происходит даже в том случае, если повышается цена некоторой части постоянного капитала, сырья и пр. За исключением отдельных случаев (напр., если производительная сила труда равномерно удешевляет все элементы как постоянного, так и переменного капитала) норма прибыли будет падать, несмотря на повышенную норму прибавочной стоимости, 1) потому что даже увеличившаяся неоплаченная часть уменьшившейся общей суммы вновь присоединенного труда меньше, чем была меньшая неоплаченная часть сравнительно большей общей суммы, и 2) потому что более высокое строение капитала находит себе выражение в отдельном товаре таким образом, что часть его стоимости, представляющая вообще вновь присоединенный труд, уменьшается сравнительно с той частью стоимости, которая представлена в виде сырья и вспомогательных материалов и снашивания основного капитала. Такое изменение соотношения различных составных частей цены отдельного товара — уменьшение той части цены, в которой представлен вновь присоединенный живой труд, и увеличение той части цены, в которой представлен ранее овеществленный труд, — есть форма, в которой находит себе выражение в цене отдельного товара уменьшение переменного капитала сравнительно с постоянным. Поскольку такое уменьшение абсолютно для капитала данной величины, напр. 100, оно абсолютно также для каждого отдельного товара как соответственной доли воспроизведенного капитала. Однако норма прибыли, если только ее вычислять по отношению к элементам цены отдельного товара, представилась бы иной, чем она есть в действительности. И причина тому следующая:

{Норма прибыли исчисляется на весь примененный капитал, но за определенное время, фактически за один год. Отношение произведенной и реализованной за год прибавочной стоимости, или прибыли, ко всему капиталу, взятое в процентах, дает норму прибыли. Следовательно, она не непременно равна той норме прибыли, при которой в основу вычисления берется не год, а период оборота капитала, о котором идет речь; только в том случае, если этот капитал оборачивается именно один раз в год, обе нормы прибыли совпадают.

С другой стороны, прибыль, полученная в течение года, есть только сумма прибылей на товары, произведенные и проданные в течение этого года. И вот, если мы будем вычислять прибыль на издержки производства товаров, то мы получим норму прибыли $= \frac{p}{k}$, где p есть реализованная в продолжение года прибыль, а k есть сумма издержек производства товаров, произведенных и проданных в течение того же времени. Очевидно, что эта норма прибыли $\frac{p}{k}$ только в том случае может совпадать с действительной нормой прибыли $\frac{p}{K}$, массой прибыли, деленной на весь капитал, если $k = K$, т. е. если капитал оборачивается ровно один раз в год.

Возьмем три различных состояния какого-нибудь промышленного капитала.

I. Капитал в 8 000 ф. ст ежегодно производит и продает 5 000 штук товара по 30 шилл. за штуку, следовательно, его годовой оборот = 7 500 ф. ст. На каждую штуку товара он приносит прибыли 10 шилл. = 2 500 ф. ст. в год. Следовательно, в каждой штуке заключается 20 шилл. авансированного капитала и 10 шилл. прибыли, таким образом норма прибыли на каждую штуку составляет $\frac{10}{20} = 50\%$. На обернувшуюся сумму в 7 500 ф. ст. приходится 5 000 ф. ст. авансированного капитала и 2 500 ф. ст. прибыли; норма прибыли на каждый оборот, $\frac{p}{k}$, тоже $= 50\%$. Напротив, норма прибыли, вычисленная на весь капитал, $\frac{p}{K} = \frac{2\,500}{8\,000} = 31^1/_4\%$.

II. Положим, что капитал увеличился до 10 000 ф. ст. Допустим, что, вследствие увеличения производительной силы труда, он может ежегодно производить 10 000 штук товара при издержках производства в 20 шилл. на штуку. Он продает их с прибылью в 4 шилл., следовательно по 24 шилл. за штуку. В таком случае цена годового продукта = 12 000 ф. ст., из которых 10 000 ф. ст. составляют авансированный капитал, а 2 000 ф. ст. прибыль. $\frac{p}{k}$ на штуку $= \frac{4}{20}$, для годового оборота $= \frac{2\,000}{10\,000}$, следовательно в обоих случаях $= 20\%$, а так как весь капитал равен сумме издержек производства, именно 10 000 ф. ст., то и $\frac{p}{k}$, действительная норма прибыли, на этот раз $= 20\%$.

III. Положим, что капитал при постоянно возрастающей производительной силе труда увеличился до 15 000 ф. ст. и производит теперь ежегодно 30 000 штук товара при издержках производства в 13 шилл. за штуку, причем каждая штука продается с прибылью в 2 шилл., следовательно по 15 шилл. Таким образом годовой оборот = 15 шилл. × 30 000 = 22 500 ф. ст., из которых

19 500 приходятся на авансированный капитал, а 3000 ф. ст. составляют прибыль. Следовательно $\frac{p}{k} = \frac{2}{13} = \frac{3\,000}{19\,500} = 15^5/_{13}\%$. Напротив, $\frac{p}{K} = \frac{3\,000}{15\,000} = 20\%$.

Итак, мы видим, что только в случае II, когда обернувшаяся капитальная стоимость равна всему капиталу, норма прибыли на штуку товара или на сумму оборота та же самая, как и вычисленная на весь капитал. В случае I, когда сумма оборота меньше всего капитала, норма прибыли, вычисленная на издержки производства товара, выше; в случае III, когда весь капитал меньше суммы оборота, она ниже, чем действительная норма прибыли, вычисленная на весь капитал. Это имеет всеобщее значение.

В торговой практике оборот вычисляется обыкновенно неточно. Предполагается, что капитал обернулся один раз, если сумма реализованных товарных цен достигает суммы всего примененного капитала. Но *капитал* только тогда может закончить полный оборот, когда сумма *издержек производства* реализованных товаров равняется сумме всего капитала. — *Ф. Э.*}

Здесь опять обнаруживается, как важно при капиталистическом производстве рассматривать отдельный товар, или товарный продукт, произведенный в течение определенного времени, не обособленно, не сам по себе, не как простой товар, а как продукт авансированного капитала и в отношении ко всему капиталу, который производит эти товары.

Хотя *норму* прибыли следует вычислять посредством отнесения массы произведенной и реализованной прибавочной стоимости не только к потребленной части капитала, вновь появляющейся в товарах, но к этой части плюс часть капитала непотребленная, но примененная и продолжающая служить в производстве, однакоже *масса* прибыли может быть равна только той массе прибыли или прибавочной стоимости, которая содержится в самих товарах и должна быть реализована посредством их продажи.

Если производительность промышленности увеличивается, то цена отдельного товара падает. В нем содержится меньше труда, как оплаченного, так и неоплаченного. Положим, что тот же самый труд производит, напр., втрое большее количество продукта; в таком случае на каждый отдельный продукт приходится труда на $^2/_3$ менее. А так как прибыль может составлять только часть этой массы труда, заключающейся в каждом отдельном товаре, то масса прибыли, приходящаяся на единицу товара, должна уменьшиться, и это в известных пределах даже в том случае, если норма прибавочной стоимости повышается. Во всяком случае масса прибыли на весь продукт не упадет ниже первоначальной массы прибыли, если только капитал применяет такое же число рабочих, как прежде, при одинаковой степени эксплуатации труда.

(Это может наблюдаться и в том случае, если применяется меньше рабочих при повышенной степени эксплуатации.) Потому что в таком же отношении, в каком уменьшается масса прибыли, приходящаяся на единицу продукта, увеличивается число этих продуктов. Масса прибыли остается прежняя, она только иначе распределяется на сумму товаров; но это нисколько не изменяет распределения между рабочими и капиталистами того количества стоимости, которое создано вновь присоединенным трудом. Масса прибыли может возрастать только в том случае, если, при условии применения прежней массы труда, возрастает неоплаченный прибавочный труд или если, при неизменяющейся степени эксплуатации труда, увеличивается число рабочих, или если происходит то и другое. Во всех этих случаях, — которые, однако, согласно принятым предпосылкам, предполагают возрастание постоянного капитала сравнительно с переменным и возрастание величины всего вложенного капитала, — единица товара содержит меньшую массу прибыли, и норма прибыли понижается, даже если ее вычислять на единицу товара; данное количество вновь присоединенного труда выражается в большем количестве товаров; цена отдельного товара падает. Если рассматривать дело абстрактно, то при понижении цены отдельного товара, вследствие увеличения производительной силы труда, следовательно при одновременном увеличении числа этих более дешевых товаров, норма прибыли может остаться прежняя, если, напр., увеличение производительной силы влияет равномерно и одновременно на все составные части товаров, так что вся цена товара понижается в том же отношении, в каком возросла производительность труда, а, с другой стороны, взаимное отношение различных составных частей цены товара осталось прежнее. Норма прибыли могла бы даже повыситься, если бы с повышением нормы прибавочной стоимости было связано значительное уменьшение стоимости элементов постоянного и в особенности основного капитала. Но в действительности, как мы уже видели, норма прибыли с течением времени понизится. Однако из понижения цены отдельного товара отнюдь нельзя делать выводов о норме прибыли. Все сводится к тому, как велика общая сумма капитала, участвующего в производстве товара. Например, пусть цена одного аршина ткани понизится с 3 шилл. до $1^2/_3$ шилл.; если известно, что до такого понижения цены в ней заключалось на $1^2/_3$ шилл. постоянного капитала, пряжи и пр., $^2/_3$ шилл. заработной платы и $^2/_3$ шилл. прибыли, а после понижения цены — на 1 шилл. постоянного капитала, $^1/_3$ шилл. заработной платы и $^1/_3$ шилл. прибыли, то еще не известно, осталась ли норма прибыли прежняя или нет. Это зависит от того, возрос ли и на сколько именно весь авансированный капитал и на сколько аршин более производит он в течение данного времени.

То вытекающее из природы капиталистического способа производства явление, что при возрастающей производительности труда цена отдельного товара, или данного количества товара, понижается, число товаров увеличивается, масса прибыли на отдельный товар и норма прибыли на сумму товаров понижаются, а масса прибыли на всю сумму товаров увеличивается, — это явление выражает на поверхности только понижение массы прибыли, приходящейся на отдельный товар, понижение его цены, увеличение массы прибыли на увеличившееся общее число товаров, произведенных всем капиталом общества или же отдельным капиталистом. Тогда это воспринимается так, будто капиталист по доброй воле берет меньшую прибыль на отдельном товаре, но вознаграждает себя тем, что производит большее количество товаров. Такое понимание основывается на представлении о прибыли, как прибыли от продажи (profit upon alienation), а это представление, в свою очередь, взято из воззрений купеческого капитала.

Ранее, в четвертом и седьмом отделах первой книги, мы видели, что масса товаров, возрастающая вместе с производительной силой труда, и удешевление отдельного товара (поскольку эти товары не влияют определяющим образом на цену рабочей силы) сами по себе, несмотря на понижение цены, не изменяют отношения оплаченного и неоплаченного труда в отдельном товаре.

Так как в конкуренции все представляется в ложном, в превратном виде, то отдельный капиталист может воображать: 1) что, понижая цену, он понижает свою прибыль с отдельного товара, но вместе с тем выручает бо̀льшую прибыль вследствие увеличения массы товаров, которые он продает; 2) что он устанавливает цену отдельного товара и посредством умножения определяет цену всего продукта, тогда как первоначальный процесс — деление (см. кн. I, гл. X, стр. 281 [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 323—324]), умножение же оказывается правильным лишь как второй этап, предполагающий предварительно такое деление. Вульгарный экономист в действительности только и делает, что переводит своеобразные представления капиталистов, захваченных конкуренцией, на якобы более теоретический, обобщающий язык, и убивается над тем, чтобы обосновать правильность этих представлений.

В действительности понижение цен товаров и увеличение массы прибыли на увеличивающуюся массу удешевленных товаров есть только другое выражение закона понижения нормы прибыли при одновременном увеличении ее массы.

Исследование того, насколько понижение нормы прибыли может совпадать с повышением цен, столь же мало относится сюда, как и пункт, обсуждавшийся раньше (кн. I, стр. 280—281)

[К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 323—324] в связи с вопросом об относительной прибавочной стоимости. Капиталист, применяющий усовершенствованные, но еще не вошедшие во всеобщее употребление приемы производства, продает по цене ниже рыночной, но более высокой, чем его индивидуальная цена производства; таким образом норма прибыли повышается для него до тех пор, пока ее не уравняет конкуренция; пока продолжается этот период уравнения, возникает потребность увеличить затраченный капитал; смотря по степени возрастания капитала, капиталист будет в состоянии предоставить работу при новых условиях части прежде занятых рабочих, быть может всем им или даже большему, чем прежде, числу рабочих, следовательно будет в состоянии производить ту же самую или бо́льшую массу прибыли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ ПРИЧИНЫ.

Если принять в соображение чрезвычайное, сравнительно со всеми предыдущими периодами, развитие производительных сил общественного труда даже только за последние 30 лет, в особенности если принять в соображение огромную массу основного капитала, который, кроме собственно машин, входит в совокупность всего общественного процесса производства, то вместо затруднения, которое до сих пор занимало экономистов, именно затруднения, как объяснить понижение нормы прибыли, возникает другое, противоположное затруднение, именно, как объяснить, почему такое падение не было более значительным или более быстрым. Это заставляет предполагать противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют влияние общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению. Наиболее общие из этих причин следующие:

I. ПОВЫШЕНИЕ СТЕПЕНИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА.

Степень эксплуатации труда, присвоение прибавочного труда и прибавочной стоимости, повышается в частности посредством удлинения рабочего дня и интенсификации труда. Оба эти пункта подробно исследованы в книге I, когда речь шла о производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Существует много таких моментов интенсификации труда, которые предполагают увеличение постоянного капитала по сравнению с переменным, следовательно понижение нормы прибыли, — напр., если рабочему приходится наблюдать за бо̀льшим числом машин. При этом, — как и при большей части способов, служащих для производства относительной прибавочной стоимости, — те же самые причины, которые вызывают возрастание нормы прибавочной стоимости, могут обусловливать уменьшение массы прибавочной стоимости, приходящейся на данную величину всего вложенного капитала. Но существуют другие моменты интенсификации труда, как, напр., ускорение быстроты машин; последние

при этом потребляют в одинаковый промежуток времени больше сырого материала, но что касается основного капитала, то, хотя машины и снашиваются быстрее, от этого нисколько не изменяется отношение их стоимости к цене труда, который приводит их в движение. Но в особенности увеличивает массу присваиваемого прибавочного труда удлинение рабочего дня, это изобретение современной промышленности; не изменяя существенным образом отношения применяемой рабочей силы к приводимому ею в движение постоянному капиталу, оно фактически приводит скорее к относительному уменьшению постоянного капитала. Впрочем, мы уже показали, что методы производства относительной прибавочной стоимости в общем и целом сводятся к следующему, — в этом собственно и заключается тайна тенденции нормы прибыли к понижению: с одной стороны, возможно бо̀льшую часть данной массы труда превращать в прибавочную стоимость, с другой стороны, — вообще применять как можно меньше труда по сравнению с авансированным капиталом, так что те самые причины, которые позволяют повышать степень эксплуатации труда, не допускают, чтобы капитал той же самой общей величины эксплуатировал столько же труда, как и прежде. Таковы противодействующие тенденции, которые, повышая норму прибавочной стоимости, в то же время вызывают уменьшение массы прибавочной стоимости, производимой данным капиталом, а следовательно и понижение нормы прибыли. Здесь следует упомянуть также о массовом применении женского и детского труда, потому что при этом вся семья должна доставлять капиталу бо̀льшую массу прибавочного труда, чем прежде, даже если возрастает общая сумма заработной платы, получаемой этой семьей, хотя подобный случай отнюдь не представляет общего явления. Такое же влияние имеет все то, что способствует, при неизменяющейся величине применяемого капитала, производству относительной прибавочной стоимости просто посредством улучшения методов, как в земледелии. Хотя здесь применяемый постоянный капитал не возрастает по сравнению с переменным, поскольку мы рассматриваем последний как показатель занятой рабочей силы, но масса продуктов возрастает по отношению к примененной рабочей силе. То же самое имеет место, если производительная сила труда (безразлично, входит ли ее продукт в потребление рабочих или в элементы постоянного капитала) освобождается от препятствий, затрудняющих сношения, от произвольных ограничений или от ограничений, которые сделались стеснительными с течением времени, и вообще от всякого рода пут, причем этим на первое время не затрагивается отношение переменного капитала к постоянному.

Когда капиталисты пользуются изобретениями и т. д., которые еще не вошли во всеобщее употребление, то у них имеют место временные повышения прибавочной стоимости над общим ее уров-

нем; может возникнуть вопрос, входят ли эти временные, но постоянно повторяющиеся повышения прибавочной стоимости над общим уровнем, обнаруживающиеся то в одной, то в другой отрасли производства, в число тех причин, которые тормозят падение нормы прибыли, но в последнем счете постоянно ускоряют его. На этот вопрос следует ответить утвердительно.

Масса прибавочной стоимости, произведенная капиталом данной величины, есть произведение двух множителей, именно нормы прибавочной стоимости, умноженной на число рабочих, занятых при данной норме. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости она зависит от числа рабочих, а при данном числе рабочих — от нормы прибавочной стоимости, т. е. вообще от сложного отношения абсолютной величины переменного капитала и нормы прибавочной стоимости. Но мы показали, что те самые причины, которые повышают норму относительной прибавочной стоимости, в среднем уменьшают массу применяемой рабочей силы. Но ясно, что увеличение или уменьшение происходит при этом в зависимости от определенного отношения между этими двумя противоположными движениями и что тенденция к уменьшению нормы прибыли ослабляется в частности повышением нормы абсолютной прибавочной стоимости, вытекающей из удлинения рабочего дня.

При исследовании нормы прибыли мы вообще нашли, что понижению нормы, совершающемуся вследствие возрастания массы всего прилагаемого капитала, соответствует увеличение массы прибыли. Если рассматривать весь переменный капитал общества, то произведенная им прибавочная стоимость равна произведенной прибыли. Вместе с абсолютной массой прибавочной стоимости возросла и норма прибавочной стоимости; первая возросла потому, что увеличилась прилагаемая обществом масса рабочей силы, вторая — потому, что повысилась степень эксплуатации этого труда. Но по отношению к капиталу данной величины, напр. 100, норма прибавочной стоимости может возрасти, тогда как масса ее в среднем понизится, потому что норма определяется тем отношением, в котором увеличивает свою стоимость переменная часть капитала; масса же, напротив, определяется той относительной долей, которую переменный капитал составляет от всего капитала.

Повышение нормы прибавочной стоимости, — так как оно происходит, между прочим, и при таких условиях, когда, как указано выше, постоянный капитал вовсе не увеличивается или увеличивается не в той пропорции, как переменный, — есть фактор, который принимает участие в определении массы прибавочной стоимости, а следовательно и нормы прибыли. Этот фактор не уничтожает общего закона. Но он делает то, что этот закон действует скорее как тенденция, т. е. как закон, абсолютное

осуществление которого задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами. Но так как те самые причины, которые повышают норму прибавочной стоимости (даже удлинение рабочего времени есть результат крупной промышленности), имеют тенденцию уменьшать количество рабочей силы, применяемой данным капиталом, то одни и те же причины имеют тенденцию и уменьшать норму прибыли и замедлять процесс этого уменьшения. Если на одного рабочего возложена работа, которую могут рационально выполнить только двое рабочих, и если это происходит при таких условиях, когда этот рабочий может заместить трех, то один рабочий будет доставлять теперь столько же прибавочного труда, сколько раньше доставляли двое, и постольку норма прибавочной стоимости повысится. Но он не доставит столько, сколько раньше доставляли трое, и таким образом масса прибавочной стоимости понизится. Но это понижение компенсируется или ограничивается повышением нормы прибавочной стоимости. Если все население будет работать при повышенной норме прибавочной стоимости, то масса прибавочной стоимости увеличится, хотя население останется тем же самым. Еще больше она увеличится при возрастании населения; и хотя это связано с относительным уменьшением числа занятых рабочих по сравнению с величиной всего капитала, однако это уменьшение умеряется или задерживается вследствие повышения нормы прибавочной стоимости.

Прежде чем перейти к следующему пункту, мы должны еще раз подчеркнуть, что при данной величине капитала *норма* прибавочной стоимости может возрастать, хотя *масса* ее уменьшается, и обратно. Масса прибавочной стоимости равна ее норме, помноженной на число рабочих; но эта норма никогда не исчисляется на весь капитал, а только на переменный капитал, в действительности только на один рабочий день. Напротив, при данной величине капитальной стоимости *норма прибыли* никогда не может повыситься или понизиться, если не увеличилась или не уменьшилась *масса прибавочной стоимости*.

II. ПОНИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НИЖЕ СТОИМОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ.

Мы здесь только эмпирически указываем на это обстоятельство, так как в действительности, как и многое другое, что здесь можно было бы привести, оно не относится к общему анализу капитала, но относится к исследованию конкуренции, которое не входит в задачу настоящей работы. Однако оно является одной из значительнейших причин, которые задерживают тенденцию нормы прибыли к понижению.

III. УДЕШЕВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА.

Сюда относится все то, что было сказано в первом отделе этой книги о причинах, повышающих норму прибыли при неизменяющейся норме прибавочной стоимости или независимо от нормы прибавочной стоимости, следовательно и тот случай, когда, — если рассматривать весь капитал, — стоимость постоянного капитала возрастает не в такой пропорции, как его материальный объем. Например, количество хлопка, которое перерабатывает отдельный прядильщик на современной европейской фабрике, в чрезвычайной степени возросло по сравнению с тем количеством, которое европейский прядильщик перерабатывал раньше при помощи самопрялки. Но стоимость перерабатываемого хлопка увеличилась не в такой пропорции, как его количество. То же самое можно сказать о машинах и другом основном капитале. Короче говоря, то самое развитие, которое увеличивает массу постоянного капитала по отношению к переменному, уменьшает стоимость его элементов вследствие повышения производительной силы труда и, следовательно, препятствует тому, чтобы стоимость постоянного капитала, хотя и постоянно возрастающая, возросла в таком же отношении, как его материальный объем, т. е. материальный объем средств производства, приводимых в движение тем же самым количеством рабочей силы. В отдельных случаях масса элементов постоянного капитала может даже увеличиться, в то время как его стоимость остается прежней или даже уменьшается.

В связи с только что сказанным стоит происходящее с развитием промышленности обесценение имеющегося в наличии капитала (т. е. его вещественных элементов). Оно также представляет собою одну из постоянно действующих причин, которые задерживают понижение нормы прибыли, хотя при некоторых обстоятельствах может уменьшать массу прибыли, — если уменьшает массу капитала, приносящего прибыль. Здесь снова оказывается, что те самые причины, которые порождают тенденцию нормы прибыли к понижению, в то же время умеряют осуществление этой тенденции.

IV. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ.

Создание относительного перенаселения неотделимо от развития производительной силы труда и ускоряется этим развитием, выражающимся в уменьшении нормы прибыли. Относительное перенаселение тем более заметно обнаруживается в известной стране, чем более развит в ней капиталистический способ производства. В свою очередь, оно является причиной того, что, с одной стороны, во многих отраслях производства продолжает существовать

более или менее неполное подчинение труда капиталу — и притом продолжает существовать дольше, чем это на первый взгляд соответствует общему уровню развития; это — следствие дешевизны и чрезмерного количества имеющихся на рынке или уволенных наемных рабочих, а также более упорного сопротивления, которое в известных отраслях производства, в зависимости от их природы, встречает превращение ручного труда в машинный. С другой стороны, открываются новые отрасли производства, в особенности предметов роскоши, — отрасли, базисом для которых служит именно такое избыточное население, зачастую высвобождающееся вследствие преобладания постоянного капитала в других отраслях производства, и которые, в свою очередь, покоятся на преобладании в них элементов живого труда и лишь мало-помалу проходят такой же путь развития, как другие отрасли производства. В обоих случаях переменный капитал составляет значительную долю всего капитала, а заработная плата стоит ниже средней, так что в этих отраслях производства и норма прибавочной стоимости и масса прибавочной стоимости необычайно высоки. А так как общая норма прибыли образуется путем уравнения норм прибыли отдельных отраслей производства, то та же причина, которая порождает тенденцию нормы прибыли к понижению, вызывает здесь противодействие этой тенденции, более или менее парализующее ее влияние.

V. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ.

Поскольку внешняя торговля удешевляет отчасти элементы постоянного капитала, отчасти необходимые жизненные средства, в которые превращается переменный капитал, она способствует повышению нормы прибыли, так как повышает норму прибавочной стоимости и понижает стоимость постоянного капитала. Она вообще влияет в этом направлении, открывая возможность расширять размеры производства. Таким образом она ускоряет, с одной стороны, накопление, а с другой стороны, сокращение переменного капитала по сравнению с постоянным, а потому ускоряет и понижение нормы прибыли. Точно так же расширение внешней торговли хотя и служило в детстве капиталистического способа производства базисом для него, однако, с его развитием, вследствие присущей этому способу производства внутренней необходимости, вследствие его потребности в постоянно расширяющемся рынке, расширение внешней торговли стало его собственным результатом. Здесь снова обнаруживается такое же двойственное влияние (Рикардо совершенно просмотрел эту сторону внешней торговли).

Другой вопрос, — который вследствие своего специального характера лежит собственно вне пределов нашего исследования, — заключается в следующем: повышается ли общая норма прибыли вследствие более высокой нормы прибыли, которую дает

капитал, помещенный во внешней, особенно в колониальной торговле?

Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь идет конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что более передовая страна продает свои товары выше их стоимости, хотя дешевле конкурирующих стран. Поскольку труд более передовой страны оценивается при этом как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. Одно и то же отношение может сложиться и для той страны, в которую отправляются товары, и для той, из которой товары получаются, а именно может оказаться, что такая страна отдает овеществленного труда in natura [в натуре] более, чем получает, и что все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить. Совершенно так же, как фабрикант, применяющий новое изобретение прежде, чем оно вошло во всеобщее употребление, продает дешевле своих конкурентов и все-таки выше индивидуальной стоимости своих товаров, т. е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого им труда превращает в прибавочный труд. Он реализует таким образом добавочную прибыль. С другой стороны, что касается капиталов, вложенных в колониях и т. д., то они могут давать более высокие нормы прибыли, так как там вследствие низкого развития норма прибыли вообще стоит выше, а при условии применения рабов, кули и т. п. стоит выше и эксплуатация труда. Совершенно непонятно, почему же эти сравнительно высокие нормы прибыли, приносимые таким образом капиталами, вложенными в известные отрасли, и отсылаемые на родину, не должны были бы участвовать здесь в уравнении общей нормы прибыли, если при этом на пути такого уравнения не стоят монополии, и почему они не должны таким образом pro tanto [соответственно] повышать ее[36]. Этого невозможно понять в особенности в том случае, если отрасли, в которые вложен капитал, подчинены законам свободной конкуренции. Рикардо же, напротив, дело представляется следующим образом: на деньги, полученные за границей от продажи по более высокой цене, покупаются там товары и отправляются в качестве возмещения назад на родину; следовательно, эти товары продаются внутри страны,

[36] В этом случае прав А. Смит, а не Рикардо, который говорит: «Они утверждают, что равенство прибылей произойдет в силу общего повышения прибылей, я же держусь того мнения, что прибыль, получаемая в благоприятствуемой отрасли торговли, быстро опустится до общего уровня» ([*D. Ricardo:* «On the Principles of Political Economy»]. Works ed. by Mac Culloch. [London 1852], стр. 73). [См. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 73.]

и это обстоятельство может поэтому представлять, по крайней мере временно, особую невыгоду для этих наиболее привилегированных сфер производства. Такая иллюзия тотчас отпадает, как только мы отвлечемся от денежной формы. Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает более труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот излишек, как вообще при обмене между трудом и капиталом, присваивается известным классом. Следовательно, поскольку норма прибыли выше, потому что она вообще выше в колониальной стране, это при благоприятных естественных условиях может итти рука об руку с низкими товарными ценами. Уравнение происходит, но это не уравнение по старому уровню, как полагает Рикардо.

Но та же самая внешняя торговля развивает внутри страны капиталистический способ производства и, следовательно, ведет к уменьшению переменного капитала по отношению к постоянному; с другой стороны, она создает перепроизводство по отношению к загранице и потому в дальнейшем оказывает опять-таки противодействующее влияние.

И таким образом в общем оказывается, что теми самыми причинами, которые ведут к понижению общей нормы прибыли, вызываются противодействия, которые тормозят это понижение, замедляют его и отчасти парализуют. Они не уничтожают закона, но ослабляют его действие. Без этого было бы непонятным не понижение общей нормы прибыли, а, наоборот, относительная медленность такого понижения. Таким образом закон действует только как тенденция, влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени.

Прежде чем пойти дальше, мы, во избежание недоразумений, еще раз повторим два уже неоднократно развитых положения.

Во-первых: Тот самый процесс, который с ходом развития капиталистического способа производства порождает удешевление товаров, вызывает также изменение в органическом строении общественного капитала, применяемого для производства товаров, а вследствие этого вызывает и понижение нормы прибыли. Таким образом уменьшение относительных издержек на отдельный товар, а также той части этих издержек, которая складывается из снашивания машин, не следует отожествлять с возрастанием стоимости постоянного капитала по отношению к переменному, хотя, наоборот, всякое уменьшение относительных издержек на постоянный капитал, при неизменяющейся или возрастающей массе его вещественных элементов, оказывает влияние на повышение нормы прибыли, т. е. на уменьшение pro tanto [соответственно] стоимости постоянного капитала сравнительно с переменным капиталом, который затрачивается все в меньшей пропорции.

Во-вторых: То обстоятельство, что в отдельных товарах, из совокупности которых складывается продукт капитала, содержащийся в них вновь присоединенный живой труд оказывается во все убывающей пропорции к заключенному в них сырью и потребленным при их изготовлении средствам труда; стало быть, — что в отдельных товарах овеществляется все убывающее количество вновь присоединяемого живого труда, так как по мере развития общественной производительной силы на их производство требуется меньше труда, — это обстоятельство не касается того отношения, в котором живой труд, заключающийся в товаре, распадается на оплаченный и неоплаченный. Наоборот. Хотя общее количество заключающегося в товаре вновь присоединенного живого труда уменьшается, неоплаченная часть возрастает по сравнению с оплаченной частью вледствие или абсолютного или относительного сокращения оплаченной части, потому что тот же самый метод производства, который уменьшает общую сумму вновь присоединенного живого труда в каждой единице товара, сопровождается повышением абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Тенденция нормы прибыли к понижению связана с тенденцией к повышению нормы прибавочной стоимости, следовательно с тенденцией к повышению степени эксплуатации труда. Поэтому в высшей степени нелепо объяснять понижение нормы прибыли повышением нормы заработной платы, хотя в виде исключения и это может встречаться. Только уразумев отношения, действующие при образовании нормы прибыли, статистика приобретает способность предпринять действительный анализ нормы заработной платы в различные эпохи и в различных странах. Норма прибыли понижается не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным. То и другое, повышение нормы прибавочной стоимости и понижение нормы прибыли, суть лишь особые формы, в которых получает капиталистическое выражение возрастающая производительность труда.

VI. УВЕЛИЧЕНИЕ АКЦИОНЕРНОГО КАПИТАЛА.

К вышеприведенным пяти пунктам можно добавить еще следующий, на котором, однако, мы пока что не можем останавливаться подробнее. С прогрессом капиталистического производства, который идет рука об руку с ускоряющимся накоплением, часть капитала учитывается и применяется только как капитал, приносящий проценты. Не в том смысле, что каждый капиталист, ссужающий капитал, довольствуется процентами, тогда как промышленный капиталист получает предпринимательскую прибыль. Это не имеет никакого отношения к высоте общей нормы прибыли, потому что для нее прибыль = проценту + прибыль всякого рода + земельная

рента, причем распределение между этими особыми категориями не имеет значения для общей нормы прибыли. Но в том смысле, что эти капиталы, хотя и помещенные в крупные производительные предприятия, приносят за вычетом всех издержек только высокие или низкие проценты, так называемые дивиденды, напр. в железнодорожном деле. Следовательно, они не участвуют в уравнении общей нормы прибыли, потому что приносимая ими норма прибыли меньше средней. Если бы они участвовали в этом, то последняя упала бы много ниже. Рассматривая вопрос теоретически, их можно принять в расчет, и в таком случае получится меньшая норма прибыли, чем та, которая, повидимому, существует и которая действительно имеет определяющее значение для капиталистов, — получится меньшая норма прибыли, так как именно в этих предприятиях постоянный капитал наиболее значителен по отношению к переменному.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЗАКОНА.

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

В первом отделе этой книги мы видели, что норма прибавочной стоимости, будучи выражена в виде нормы прибыли, всегда кажется ниже, чем она есть на самом деле. Теперь мы увидели, что даже повышающаяся норма прибавочной стоимости имеет тенденцию выражаться в понижающейся норме прибыли. Норма прибыли лишь в том случае была бы равна норме прибавочной стоимости, если бы $c = 0$, т. е. если бы весь капитал расходовался на заработную плату. Понижающаяся норма прибыли только в том случае выражает понижающуюся норму прибавочной стоимости, если отношение между стоимостью постоянного капитала и массой рабочей силы, приводящей его в движение, остается неизменным или если эта последняя увеличивается по отношению к стоимости постоянного капитала.

Рикардо, исследуя, как он думал, норму прибыли, в действительности исследовал только норму прибавочной стоимости, и эту последнюю лишь при том предположении, что рабочий день по интенсивности и продолжительности есть величина постоянная.

Понижение нормы прибыли и ускоренное накопление лишь постольку являются только различными выражениями одного и того же процесса, поскольку то и другое является выражением развития производительной силы. В свою очередь, накопление ускоряет понижение нормы прибыли, поскольку оно порождает концентрацию работ в крупном масштабе и вместе с тем более высокое строение капитала. С другой стороны, понижение нормы прибыли опять-таки ускоряет концентрацию капитала и централизацию его путем лишения мелких капиталистов собственности, путем экспроприации последних остатков непосредственных производителей, у которых остается еще хоть что-нибудь, что можно экспроприировать. Далее, вследствие этого ускоряется накопление, рассматриваемое со стороны массы, хотя с понижением нормы прибыли понижается и норма накопления.

С другой стороны, поскольку норма возрастания стоимости всего капитала, норма прибыли, служит стимулом капиталистического производства (подобно тому, как возрастание стоимости

капитала служит его единственной целью), понижение нормы прибыли замедляет образование новых самостоятельных капиталов и таким образом является угрозой развитию капиталистического процесса производства; оно способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам, появлению избыточного капитала наряду с избыточным населением. Поэтому экономисты, считающие, подобно Рикардо, капиталистический способ производства абсолютным, чувствуют здесь, что этот способ производства сам создает себе границы, и потому приписывают эти границы не производству, а природе (в учении о ренте). Но что существенно в том страхе, который внушает им понижение нормы прибыли, так это — смутное сознание того, что капиталистический способ производства встречает в развитии производительных сил такой предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства как таковым; и этот своеобразный предел свидетельствует об ограниченности и лишь историческом, преходящем характере капиталистического способа производства; свидетельствует о том, что капиталистический способ производства не является абсолютным способом для производства богатства и что, напротив, на известной ступени он вступает в конфликт со своим дальнейшим развитием.

Как бы то ни было, Рикардо и его школа исследуют только промышленную прибыль, в которой заключается и процент. Но и норма земельной ренты также имеет тенденцию понижаться, хотя ее абсолютная масса возрастает и хотя она может возрастать и относительно, по сравнению с промышленной прибылью (см. Эд. Уэста, который *ранее* Рикардо развил закон земельной ренты). Если мы будем рассматривать весь общественный капитал K и обозначим через p_1 промышленную прибыль, остающуюся по вычете процента и земельной ренты, обозначим процент через z и земельную ренту через r, то $\frac{m}{K} = \frac{p}{K} = \frac{p_1 + z + r}{K} = \frac{p_1}{K} + \frac{z}{K} + \frac{r}{K}$. Мы видели, что, хотя в ходе развития капиталистического производства общая сумма прибавочной стоимости m постоянно возрастает, однако $\frac{m}{K}$ столь же постоянно уменьшается, потому что K возрастает еще быстрее, чем m. Следовательно, нет никакого противоречия в том, что p_1, z и r каждое само по себе может постоянно возрастать, тогда как $\frac{m}{K} = \frac{p}{K}$, а также $\frac{p_1}{K}$, $\frac{z}{K}$ и $\frac{r}{K}$, каждое само по себе может становиться все меньше, или что p_1 по сравнению с z, или r по сравнению с p_1, или же по сравнению и с p_1 и с z относительно возрастает. При увеличении совокупной прибавочной стоимости или прибыли $m = p$, но при одновременном понижении нормы прибыли $\frac{m}{K} = \frac{p}{K}$ отношение величины частей p_1, z и r, на которые распадается $m = p$, может изменяться как угодно

в пределах, определяемых общей суммой m, причем на величину m или $\frac{m}{K}$ это не оказывает никакого влияния.

Изменение p_1, z и r по отношению друг к другу является лишь иным распределением m по различным рубрикам. Поэтому $\frac{p_1}{K}$, $\frac{z}{K}$ или $\frac{r}{K}$, норма индивидуальной промышленной прибыли, норма процента и отношение ренты ко всему капиталу могут возрастать одно по сравнению с другим, хотя общая норма прибыли, $\frac{m}{K}$, понижается; остается только одно непременное условие, чтобы сумма всех трех величин была $= \frac{m}{K}$. Если норма прибыли понижается с 50% до 25%, если, напр., строение капитала при норме прибавочной стоимости в 100% из $50_c + 50_v$ изменяется в $75_c + 25_v$, то в первом случае капитал в 1 000 даст прибыль в 500, а во втором случае капитал в 4 000 даст прибыль в 1 000. m или p удвоилось, но p' упало наполовину. И если раньше из 50% на прибыль приходилось 20, на процент 10 и на ренту 20, то $\frac{p_1}{K} = 20\%$, $\frac{z}{K} = 10\%$, $\frac{r}{K} = 20\%$. Если при превращении в 25% отношения остаются прежние, то $\frac{p_1}{K} = 10\%$, $\frac{z}{K} = 5\%$ и $\frac{r}{K} = 10\%$. Напротив, если $\frac{p_1}{K}$ понизится до 8% и $\frac{z}{K}$ до 4%, то $\frac{r}{K}$ повысится до 13%. Относительная величина r повысилась бы по сравнению с p_1 и z, но все-таки p' осталось бы прежнее. При обоих предположениях сумма p_1, z и r увеличилась бы, так как она была бы произведена посредством капитала, в четыре раза большего. Впрочем, предположение Рикардо, что первоначально промышленная прибыль (плюс процент) заключает в себе всю прибавочную стоимость, исторически и логически неверно. Напротив, только с прогрессом капиталистического производства 1) вся прибыль с самого начала попадает в руки промышленных и торговых капиталистов для дальнейшего распределения, и 2) рента сводится к излишку над прибылью. Потом на этом капиталистическом базисе снова вырастает рента, которая представляет собою часть прибыли (т. е. прибавочной стоимости, рассматриваемой как продукт всего капитала), но не ту специфическую часть продукта, которую забирает капиталист.

Если предположить наличие необходимых средств производства, т. е. достаточное накопление капитала, то создание прибавочной стоимости, при данной ее норме, следовательно при данной степени эксплуатации труда, находит себе предел только в рабочем населении, а при данном рабочем населении оно находит себе предел только в степени эксплуатации труда. И капиталистический процесс производства по существу заключается в производстве

прибавочной стоимости, представляемой прибавочным продуктом или соответственной частью произведенных товаров, в которой овеществлен неоплаченный труд. Никогда не следует забывать, что производство этой прибавочной стоимости, — а обратное превращение некоторой части ее в капитал, или накопление, образует интегральную часть этого производства прибавочной стоимости, — является непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистического производства. Поэтому никогда нельзя изображать капиталистическое производство тем, чем оно не является на самом деле, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление предметов потребления для капиталистов. При этом был бы совершенно забыт его специфический характер, который выражается всем его внутренним существом.

Добывание этой прибавочной стоимости образует непосредственный процесс производства, для которого, как мы сказали, не существует иных пределов, кроме указанных выше. Как только то количество прибавочного труда, которое можно выжать, овеществилось в товарах, прибавочная стоимость произведена. Но этим производством прибавочной стоимости закончен только первый акт капиталистического процесса производства, непосредственный процесс производства. Капитал всосал столько-то неоплаченного труда. С развитием процесса, который выражается в понижении нормы прибыли, масса производимой таким образом прибавочной стоимости достигает чудовищных размеров. Теперь наступает второй акт процесса. Вся товарная масса, весь продукт, — как та его часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и часть, представляющая прибавочную стоимость, — должна быть продана. Если этого не происходит, или если это происходит только отчасти, или если товар продается лишь по ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочего и эксплуатировали, но эта эксплуатация не реализуется как таковая для капиталиста, что может быть связано с полным отсутствием реализации выжатой прибавочной стоимости или лишь с частичной ее реализацией, даже с частичной или полной потерей капитала. Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее не тожественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, а потребительной силой на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению,

стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширенном масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самих методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перевороты, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозою гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что рыночные связи и определяющие их условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользают от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления. На этой основе, полной противоречий, отнюдь не является противоречием, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения, потому что хотя при соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости возросла бы, но именно потому возросло бы и противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми условиями, при которых она реализуется.

Если дана определенная норма прибыли, то масса прибыли всегда зависит от величины авансированного капитала. Накопление же определяется в таком случае той частью этой массы, которая превращается в капитал. Но так как эта часть равна прибыли минус потребленный капиталистами доход, то она будет зависеть не только от стоимости этой массы, но также от дешевизны товаров, которые капиталист может на нее купить; товаров, которые отчасти входят в его потребление, — в его доход, — отчасти в его постоянный капитал (заработная плата предполагается здесь данной).

Масса капитала, которую рабочий приводит в движение, стоимость которой он сохраняет своим трудом и заставляет вновь проявиться в продукте, совершенно отлична от стоимости, которую он присоединяет. Если масса капитала = 1000 и присоединенный труд = 100, то воспроизведенный капитал = 1100. Если масса = = 100 и присоединенный труд = 20, то воспроизведенный капитал = 120. Норма прибыли в первом случае = 10%, во втором = = 20%. И, однако, из 100 можно накопить больше, чем из 20. И таким образом поток капитала нарастает дальше (обесценение вследствие повышения производительной силы мы оставляем в стороне) или накопляется пропорционально той массе, которую он уже составляет, но не пропорционально высоте нормы прибыли. Высокая норма прибыли, поскольку она основывается на высокой

норме прибавочной стоимости, возможна, если рабочий день очень продолжителен, хотя бы труд был непроизводителен; она возможна, несмотря на непроизводительность труда потому, что потребности рабочих очень ничтожны и вследствие этого средняя заработная плата очень низка. Низкой заработной плате будет соответствовать отсутствие энергии у рабочих. Несмотря на высокую норму прибыли, капитал накопляется при этом медленно. Население не увеличивается, а рабочее время, которого стоит продукт, велико, хотя получаемая рабочим заработная плата мала.

Норма прибыли понижается не потому, что рабочего менее эксплуатируют, а потому, что вообще применяется относительно меньше труда по сравнению с применяемым капиталом.

Если, как мы показали, понижение нормы прибыли происходит одновременно с повышением массы прибыли, то бо̀льшая часть годового продукта труда будет присваиваться капиталистом под категорией капитала (как возмещение потребленного капитала) и относительно меньшая часть — под категорией прибыли. Отсюда вытекает фантазия попа Чалмерса, будто чем меньшую массу годового продукта капиталисты расходуют как капитал, тем бо̀льшую прибыль выручают они, причем государственная церковь приходит к ним на помощь, чтобы позаботиться о потреблении, а не о капитализации значительной части прибавочного продукта. Поп смешивает причину и следствие. Впрочем, ведь масса прибыли даже при меньшей норме возрастает вместе с величиной затраченного капитала. Однако это в то же время обусловливает концентрацию капитала, так как теперь условия производства требуют применения больших капиталов. Это обусловливает также централизацию капитала, т. е. поглощение мелких капиталистов крупными и утрату первыми своих капиталов. Это опять-таки является отделением, хотя лишь вторичного порядка, условий труда от производителей, к числу которых все еще относятся эти мелкие капиталисты, так как у них собственный труд еще играет известную роль; труд капиталиста вообще находится в обратном отношении к величине его капитала, т. е. к той степени, в какой он является капиталистом. Это все то же отделение условий труда, с одной стороны, от производителей, с другой, которое образует понятие капитала, начинается вместе с первоначальным накоплением (кн. I, гл. XXIV), проявляется затем как постоянный процесс в накоплении и концентрации капитала и, наконец, здесь выражается в виде централизации уже имеющихся капиталов в немногих руках и потери капиталов многими (такую форму принимает теперь экспроприация). Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к катастрофе, если бы наряду с центростремительной силой постоянно не влияли снова и снова децентрализующим образом противодействующие тенденции.

II. КОНФЛИКТ МЕЖДУ РАСШИРЕНИЕМ ПРОИЗВОДСТВА И САМОВОЗРАСТАНИЕМ СТОИМОСТИ.

Развитие общественной производительной силы труда сказывается двояким образом. Во-первых, в величине уже произведенных производительных сил, в стоимостном объеме и массе условий производства, при которых совершается новое производство, и в абсолютной величине уже накопленного производительного капитала; во-вторых, в относительной незначительности сравнительно со всем капиталом той его части, которая расходуется на заработную плату, т. е. в относительной незначительности живого труда, который требуется для воспроизводства и увеличения стоимости данного капитала, для массового производства. А это предполагает в то же время концентрацию капитала.

По отношению к применяемой рабочей силе развитие производительной силы сказывается опять-таки двояким образом: Во-первых, в увеличении прибавочного труда, т. е. в сокращении необходимого рабочего времени, требующегося для воспроизводства рабочей силы. Во-вторых, в уменьшении количества рабочей силы (числа рабочих), которая вообще употребляется для того чтобы привести в движение данный капитал.

Оба эти движения не только идут рука об руку, но взаимно обусловливают друг друга и представляют собою явления, в которых находит себе выражение один и тот же закон. Между тем они влияют на норму прибыли в противоположном направлении. Общая масса прибыли равна общей массе прибавочной стоимости, норма прибыли $= \frac{m}{K} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{весь авансированный капитал}}$. Но прибавочная стоимость, ее общая сумма, определяется, во-первых, ее нормой, а во-вторых, массой труда, одновременно применяемого при такой норме, или, — что то же, — величиной переменного капитала. С одной стороны, возрастает один фактор, норма прибавочной стоимости, с другой стороны, уменьшается (относительно или абсолютно) другой фактор, число рабочих. Поскольку развитие производительной силы сокращает оплачиваемую часть прилагаемого труда, оно повышает прибавочную стоимость, повышая ее норму; поскольку же оно уменьшает общую массу труда, применяемого данным капиталом, оно уменьшает другой фактор, число рабочих, на которое надо помножить норму прибавочной стоимости, чтобы получить ее массу. Двое рабочих, работающих по 12 часов в день, не могут доставить такую же массу прибавочной стоимости, как 24 рабочих, работающих только по 2 часа каждый, даже если бы они могли питаться одним воздухом и если бы им поэтому вовсе не приходилось работать на самих себя. Следовательно, в этом отношении имеются известные непреодолимые границы для компенсации сокращения числа рабочих путем повышения степени

эксплуатации труда; поэтому она может, конечно, задержать понижение нормы прибыли, но не устранить его.

Итак, с развитием капиталистического способа производства норма прибыли понижается, тогда как масса ее возрастает с увеличением массы применяемого капитала. При данной норме абсолютная масса, на которую возрастает капитал, зависит от его величины в данный момент. Но, с другой стороны, если дана эта величина, то отношение, в котором он возрастает, норма его возрастания, зависит от нормы прибыли. Возрастание производительной силы (которое, кроме того, как мы упоминали, постоянно идет рука об руку с обесценением наличного капитала) непосредственно может повысить величину стоимости капитала лишь при том условии, если оно, повышая норму прибыли, увеличивает ту часть стоимости годового продукта, которая вновь превращается в капитал. Поскольку дело идет о производительной силе труда (потому что эта производительная сила непосредственно не имеет никакого отношения к *стоимости* наличного капитала), это может произойти только в том случае, если вследствие этого или увеличивается относительная прибавочная стоимость, или уменьшается стоимость постоянного капитала, следовательно удешевляются товары, входящие или в воспроизводство рабочей силы, или в элементы постоянного капитала. Но и то и другое сопровождается обесценением наличного капитала, то и другое идет рука об руку с относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным. То и другое обусловливает понижение нормы прибыли и замедляет это понижение. Далее, поскольку повышение нормы прибыли вызывает повышение спроса на труд, оно влияет на увеличение рабочего населения и вместе с тем на увеличение пригодного для эксплуатации материала, который только и делает капитал капиталом.

Но косвенно развитие производительной силы труда содействует увеличению наличной капитальной стоимости, увеличивая массу и разнообразие потребительных стоимостей, в которых представлена одна и та же меновая стоимость и которые образуют материальный субстрат, вещные элементы капитала, реальные предметы, из которых непосредственно состоит постоянный капитал и, по крайней мере косвенно, — переменный. Прежним капиталом и прежним трудом производится больше вещей, которые, независимо от их меновой стоимости, могут быть превращены в капитал, — вещей, которые могут служить для впитывания дополнительного труда, следовательно и дополнительного прибавочного труда, и которые таким образом могут составить дополнительный капитал. Масса труда, которым может распоряжаться капитал, зависит не от стоимости этого капитала, а от массы сырья и вспомогательных материалов, машин и элементов основного капитала, жизненных средств — всего того, из чего составляется капитал, какова

бы ни была его стоимость. В то время как возрастает таким образом масса применяемого труда, а потому и прибавочного труда, возрастает и стоимость воспроизводимого капитала и вновь присоединяемая к ней добавочная стоимость.

Но оба эти момента, входящие в процесс накопления, нельзя рассматривать только в том состоянии спокойного сосуществования их друг возле друга, в каком их изучает Рикардо; они заключают в себе противоречие, обнаруживающееся в противоречивых тенденциях и явлениях. Противодействующие друг другу факторы действуют одновременно один против другого.

Одновременно с побуждениями к действительному увеличению рабочего населения, вытекающими из увеличения части всего общественного продукта, функционирующей как капитал, действуют факторы, создающие перенаселение, которое является лишь относительным.

Одновременно с понижением нормы прибыли возрастает масса капиталов, и рука об руку с этим совершается обесценение наличного капитала, которое задерживает понижение нормы прибыли и побуждает к ускоренному накоплению капитальной стоимости.

Одновременно с развитием производительной силы развивается более высокое строение капитала, относительное уменьшение переменной части по сравнению с постоянной.

Эти различные влияния проявляются то преимущественно одно рядом с другим в пространстве, то преимущественно одно вслед за другим во времени; конфликт противодействующих друг другу факторов периодически находит исход в кризисах. Кризисы всегда представляют собою только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстановляют нарушенное равновесие.

Противоречие, если выразить его в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (т. е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Специфическая особенность капиталистического способа производства состоит в том, чтобы использовать имеющуюся капитальную стоимость как средство для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, ведут к уменьшению нормы прибыли, обесценению имеющегося капитала

и развитию производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил.

Периодическое обесценение наличного капитала, — это имманентное средство капиталистического способа производства, которое служит тому, чтобы задерживать понижение нормы прибыли и ускорять накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала, — нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и потому сопровождается внезапными задержками и кризисами процесса производства.

Идущее рука об руку с развитием производительных сил относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным дает стимул росту рабочего населения и в то же время постоянно создает искусственное перенаселение. Накопление капитала, рассматриваемое со стороны стоимости, замедляется вследствие понижения нормы прибыли, и в то же время еще более ускоряется накопление потребительных стоимостей, между тем как это последнее, в свою очередь, ведет к ускорению хода накопления, рассматриваемого со стороны стоимости.

Капиталистическое производство постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, и притом в более колоссальном масштабе.

Настоящий предел капиталистического производства — это *сам капитал,* это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала,* а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянного расширения жизненного процесса *общества* производителей. Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден применять для достижения своей цели и которые стремятся к безграничному расширению производства, к безусловному развитию общественных производительных сил, которые ставят себе производство как самодовлеющую цель. Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе всемирного рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такою его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства.

III. ИЗБЫТОК КАПИТАЛА ПРИ ИЗБЫТКЕ НАСЕЛЕНИЯ.

С понижением нормы прибыли возрастает тот минимум капитала, который требуется отдельному капиталисту для производительного применения труда, — требуется как для эксплуатации труда вообще, так и для того чтобы употребляемое рабочее время было временем, необходимым для производства товаров, чтобы оно не превышало среднего рабочего времени, общественно необходимого для производства товаров. И одновременно возрастает концентрация, потому что за известными пределами крупный капитал с невысокой нормой прибыли накопляется быстрее, чем небольшой капитал с высокой нормой прибыли. Эта возрастающая концентрация, достигнув известного уровня, в свою очередь приводит к новому понижению нормы прибыли. Масса мелких раздробленных капиталов толкается вследствие этого на путь авантюр: спекуляции, дутых кредитных и акционерных предприятий, кризисов. Под так называемым изобилием капитала всегда подразумевается по существу изобилие такого капитала, для которого понижение нормы прибыли не уравновешивается ее массой, — а таковы всегда вновь образующиеся свежие отпрыски капитала, — или изобилие таких капиталов, которые, будучи сами по себе недостаточны для самостоятельных действий, предоставляются в форме кредита в распоряжение руководителей крупных предприятий. Это изобилие капитала возникает вследствие тех же обстоятельств, которые вызывают относительное перенаселение, и потому изобилие это представляет собою явление, дополняющее это последнее, хотя оба они находятся на противоположных полюсах: на одной стороне — незанятый капитал, на другой стороне — незанятое рабочее население.

Перепроизводство капитала, а не отдельных товаров, — хотя перепроизводство капитала всегда включает перепроизводство товаров, — означает поэтому не что иное, как перенакопление капитала. Чтобы понять, что такое это перенакопление (более подробное исследование его будет дано ниже), стóит только предположить его абсолютным. Когда перепроизводство капитала было бы абсолютным? И притом перепроизводство, которое распространялось бы не на ту или другую или на несколько значительных сфер производства, но было бы абсолютным во всем своем объеме, т. е. охватывало бы все отрасли производства?

Перепроизводство капитала было бы абсолютным в том случае, если бы дополнительный капитал для целей капиталистического производства был $= 0$. Но целью капиталистического производства является увеличение стоимости капитала, т. е. присвоение прибавочного труда, производство прибавочной стоимости, прибыли. Следовательно, если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить

абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное рабочее время (последнее и без того было бы невыполнимо при таких обстоятельствах, когда спрос на труд столь значителен, следовательно, когда существует тенденция к повышению заработной платы), т. е. если бы возросший капитал производил лишь такую же или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения, то оказалось бы абсолютное перепроизводство капитала, т. е. возросший капитал $K+\Delta K$ произвел бы прибыли не больше или даже меньше, чем капитал K до своего увеличения на ΔK. В обоих случаях произошло бы сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли, но на этот раз — вследствие такой перемены в строении капитала, причиной которой было бы не развитие производительной силы, а повышение денежной стоимости переменного капитала (вследствие повышения заработной платы) и соответствующее ему уменьшение отношения прибавочного труда к необходимому труду.

В действительности дело приняло бы такой вид, что одна часть капитала лежала бы без употребления целиком или отчасти (потому что она должна была бы сначала вытеснить с его позиции уже действующий капитал, — только тогда она вообще и могла бы увеличивать свою стоимость), а другая часть под давлением незанятого или только наполовину занятого капитала применялась бы при более низкой норме прибыли. При этом было бы безразлично, если бы часть дополнительного капитала вступила на место старого, а этот последний таким образом занял бы место в дополнительном капитале. Мы все же имели бы, с одной стороны, прежнюю капитальную сумму, с другой — дополнительную. Понижение нормы прибыли сопровождалось бы в этом случае абсолютным уменьшением массы прибыли, так как при наших предположениях масса применяемой рабочей силы не могла бы увеличиться, и норма прибавочной стоимости не могла бы повыситься, следовательно не могла бы увеличиться и масса прибавочной стоимости. А уменьшенную массу прибыли пришлось бы вычислять в отношении ко всему возросшему капиталу. Но если даже предположить, что занятый капитал продолжает применяться при прежней норме прибыли, следовательно масса прибыли остается прежняя, то все же она исчислялась бы на возросшую общую сумму капитала, а это опять предполагает понижение нормы прибыли. Если весь капитал в 1 000 приносил прибыль в 100, а после своего увеличения до 1 500 он попрежнему приносит только 100, то во втором случае 1 000 приносит уже только $66^2/_3$. Возрастание стоимости прежнего капитала сократилось бы абсолютно. При новых условиях капитал $=1\,000$ приносил бы не больше, чем прежде приносил капитал $= 666^2/_3$.

Но ясно, что это фактическое обесценение прежнего капитала совершилось бы не без борьбы, что дополнительный капитал ΔK

не без борьбы получил бы возможность функционировать как капитал. Норма прибыли упала бы не благодаря конкуренции, вытекающей из перепроизводства капитала, а, наоборот, конкурентная борьба началась бы теперь вследствие того, что понижение нормы прибыли и перепроизводство капитала вытекают из одних и тех же причин. Уже функционирующие капиталисты, в руках которых оказалась бы часть ΔK, в большей или меньшей степени оставили бы ее лежать без употребления, чтобы не обесценить своего первоначального капитала и не сократить места, занимаемого им в области производства, или же они употребили бы ее так, чтобы перенести, хотя бы с временным убытком для себя, бездеятельность дополнительного капитала с себя на новых пришельцев, вообще на своих конкурентов.

Часть ΔK, которая оказалась бы в новых руках, стремилась бы занять себе место за счет старого капитала, и это отчасти удалось бы ей, поскольку она оставила бы в бездействии часть старого капитала, принудила бы его очистить ей старое место и занять место дополнительного капитала, употребляемого в дело только отчасти или вовсе не употребляемого.

Поскольку капитал должен функционировать как капитал и возрастать по своей стоимости, известная часть старого капитала при всех обстоятельствах должна находиться в праздном состоянии, и его свойство капитала должно оставаться праздным. Какой именно части пришлось бы остаться праздной, это решила бы конкурентная борьба. При нормальном ходе дела конкуренция, как это оказалось при уравнении общей нормы прибыли, действует как осуществленный на практике братский союз класса капиталистов, так что они сообща делят между собой общую добычу пропорционально доле, вложенной каждым. Но, поскольку дело идет уже о распределении не прибыли, а убытка, всякий стремится насколько возможно уменьшить свою долю убытка и навязать ее на шею другому. Для всего класса капиталистов убыток неизбежен. Но какая доля придется на каждого отдельного капиталиста, насколько вообще должен разделять его каждый отдельный капиталист, это становится тогда вопросом силы и хитрости, и конкуренция превращается в таком случае в борьбу враждующих собратий. При этом дает знать о себе противоположность интересов каждого отдельного капиталиста и всего класса капиталистов совершенно так же, как раньше практически прокладывала себе путь через конкуренцию тожественность этих интересов.

Каким же образом может быть устранен этот конфликт и могут быть снова восстановлены отношения, соответствующие «здоровому» движению капиталистического производства? Способ устранения содержится уже в самом выявлении того конфликта, об устранении которого идет речь. Он заключается в том, что капитал, равный по стоимости всему дополнительному капиталу ΔK

или, по крайней мере, его части, оставляется без употребления и отчасти даже уничтожается. Хотя, как это явствует уже из самого изложения конфликта, такой убыток отнюдь не распределяется равномерно между отдельными индивидуальными капиталами, а его распределение решается конкурентной борьбой, причем убыток распределяется очень неравномерно и в очень разнообразных формах, соответственно особым преимуществам или особым уже завоеванным позициям, так что один капитал остается праздным, другой уничтожается, третий терпит только относительные убытки или подвергается лишь временному обесценению и т. д.

Но при всяких обстоятельствах равновесие было бы восстановлено благодаря бездействию и даже уничтожению капитала в большем или меньшем объеме. Это распространялось бы отчасти на материальную субстанцию капитала, т. е. некоторая часть средств производства, основной и оборотный капитал, не функционировала бы, не действовала бы как капитал; приостановилась бы часть предприятий, уже начавших производство. Хотя в этом отношении время ничего не щадит и ухудшает все средства производства (за исключением земли), но здесь, вследствие приостановки функционирования, в действительности произошло бы гораздо более значительное разрушение средств производства. Однако главный результат в этом отношении заключался бы в том, что эти средства производства перестали бы действовать как средства производства, — в прекращении на более или менее долгое время их функционирования как средств производства.

Но главное разрушительное влияние, притом самого острого характера, коснулось бы капитала, а поскольку он обладает свойством стоимости, — капитальных *стоимостей:* часть капитальной стоимости, находящаяся просто в форме свидетельств на получение в будущем доли прибавочной стоимости, прибыли, в действительности представляющая только различные формы долговых обязательств на производство, обесценивается тотчас же за уменьшением доходов, на которые рассчитана эта часть. Часть наличного золота и серебра лежит без употребления, не функционирует как капитал. Часть находящихся на рынке товаров может совершать свой процесс обращения и воспроизводства только при чрезвычайном понижении своих цен, следовательно путем обесценения того капитала, который эта часть представляет. Точно так же более или менее обесцениваются элементы основного капитала. К этому присоединяется то, что определенные предположительные отношения цен обусловливают процесс воспроизводства, а потому последнее вследствие общего понижения цен приостанавливается и приходит в расстройство. Это расстройство и приостановка процесса воспроизводства парализует функцию денег как средства платежа, развивающуюся с развитием капитала и основывающуюся на упомянутых предположительных отношениях цен, разрывает в

сотне мест цепь платежных обязательств на определенные сроки, еще более обостряется возникающим отсюда потрясением кредитной системы, развившейся вместе с капиталом, и таким образом приводит к сильным и острым кризисам, к внезапным насильственным обесценениям, к действительной приостановке и срыву процесса воспроизводства и вместе с тем к действительному сокращению воспроизводства.

Но одновременно действовали бы другие факторы. Приостановка производства лишила бы работы часть рабочего класса и вследствие этого другую, занятую часть его поставила бы в такие условия, при которых ей пришлось бы мириться с понижением заработной платы даже ниже среднего уровня, — обстоятельство, которое производит на капитал совершенно такое же действие, как если бы при средней заработной плате повысилась относительная или абсолютная прибавочная стоимость. Период процветания благоприятствовал бы бракам среди рабочих и уменьшил бы смертность их детей — обстоятельства, которые, какое бы действительное увеличение населения ни было связано с ними, вовсе не предполагают увеличения действительно работающего населения, но на отношение рабочих к капиталу влияют совершенно так же, как если бы увеличилось число действительно функционирующих рабочих. С другой стороны, падение цен и конкурентная борьба побуждали бы каждого капиталиста повышать индивидуальную стоимость всего своего продукта в целом выше общей стоимости этого продукта посредством применения новых машин, новых усовершенствованных методов труда, новых комбинаций, т. е. повышать производительную силу данного количества труда, понижать отношение переменного капитала к постоянному и таким образом освобождать рабочих, — короче говоря, создавать искусственное перенаселение. Далее, обесценение элементов постоянного капитала само сделалось бы элементом, влекущим за собой повышение нормы прибыли. Масса применяемого постоянного капитала возросла бы по сравнению с переменным, но стоимость этой массы могла бы уменьшиться. Наступившая приостановка производства подготовила бы позднейшее расширение его в капиталистических границах.

И таким образом круг был бы пройден снова. Часть капитала, обесценившаяся вследствие приостановки функционирования, снова приобрела бы свою прежнюю стоимость. Впрочем, при расширенных условиях производства, при расширенном рынке и при повышенной производительной силе был бы опять совершен такой же порочный кругооборот.

Но даже при допущенном нами крайнем предположении абсолютное перепроизводство капитала не есть абсолютное перепроизводство вообще, абсолютное перепроизводство средств производства. Оно является перепроизводством средств производства лишь

постольку, поскольку эти последние *функционируют как капитал* и, следовательно, предполагают соответствующее увеличению своей массы увеличение стоимости, самовозрастание этой стоимости, должны порождать дополнительную стоимость.

Но, несмотря на то, это все же было бы перепроизводство, потому что капитал оказался бы неспособным эксплуатировать труд в той степени, которая обусловливается «здоровым», «нормальным» развитием капиталистического процесса производства, в той степени, при которой с возрастанием массы применяемого капитала увеличивается по крайней мере масса прибыли, и которая, следовательно, исключает такую возможность, чтобы норма прибыли падала в той самой мере, как возрастает капитал, и в особенности, чтобы норма прибыли понижалась быстрее, чем возрастает капитал.

Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, кроме перепроизводства средств производства, — средств труда и жизненных средств, — которые могут функционировать как капитал, т. е. могут применяться для эксплуатации труда при данной степени эксплуатации; падение же этой степени эксплуатации ниже определенного пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала. Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли, — эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплуатации труда, при которой они только и могли бы найти применение, или, по крайней мере, вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплуатации.

Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли. Но такой капитал — абсолютно избыточный капитал для занятого рабочего населения и для данной страны вообще. Он существует как таковой наряду с относительно избыточным населением, и это служит примером, как избыточный капитал и избыточное население существуют наряду друг с другом и взаимно обусловливают друг друга.

С другой стороны, связанное с накоплением понижение нормы прибыли необходимо вызывает конкурентную борьбу. Компенсация

понижения нормы прибыли увеличением массы прибыли имеет значение только для всего капитала общества и для крупных капиталистов, владельцев уже существующих предприятий. Новый, самостоятельно функционирующий дополнительный капитал не находит условий, которые дают возможность такой компенсации; он еще должен завоевать такие условия, и потому понижение нормы прибыли вызывает конкурентную борьбу между капиталами, а не наоборот. Эта конкурентная борьба сопровождается, конечно, преходящим повышением заработной платы и вытекающим из этого дальнейшим временным понижением нормы прибыли. То же проявляется в перепроизводстве товаров, в переполнении рынков. Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли, и так как эта цель достигается лишь такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы. Впрочем, ведь капитал состоит из товаров, и потому перепроизводство капитала включает в себя перепроизводство товаров. Отсюда — то любопытное явление, что те самые экономисты, которые отрицают перепроизводство товаров, признают перепроизводство капитала. Когда говорят, что происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорции между различными отраслями производства, то это не означает ничего иного, кроме того, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства выступает из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь взаимная связь производства как целого навязывается лицам, действующим в производстве, как слепой закон, а не как закон, который, будучи постигнут их коллективным разумом и потому подвластен ему, подчиняет процесс производства их общему контролю. Далее, тем самым требуют, чтобы в странах, в которых не развит капиталистический способ производства, потребление и производство стояли на такой ступени, какая свойственна странам капиталистического способа производства. Если говорят, что перепроизводство только относительно, то это совершенно правильно; но весь капиталистический способ производства есть только относительный способ производства, границы которого не абсолютны, но абсолютны для него, на его базисе. Иначе как же мог бы отсутствовать спрос на такие товары, в которых нуждается масса народа, и как было бы возможно то явление, что приходится искать этот спрос за границей, на отдаленных рынках для того, чтобы иметь возможность платить рабочим у себя дома среднее количество необходимых жизненных средств? Потому что только в этих специфических, капиталистических взаимоотношениях избыточный

продукт получает такую форму, что его владелец может предоставить его для потребления лишь в том случае, если он превратится для него опять в капитал. Наконец, если говорят, что капиталистам стоит только обменяться между собой своими товарами и потребить их, то при этом забывается общий характер капиталистического производства, забывается, что дело идет о возрастании стоимости капитала, а не об его потреблении. Одним словом, все возражения против очевидных явлений перепроизводства (которые существуют, невзирая на все возражения) сводятся к тому, что границы *капиталистического* производства не являются границами *производства вообще,* а поэтому не являются границами и для этого специфического, капиталистического способа производства. Но противоречие этого капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных *сил,* которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими *условиями* производства, в которых движется и только и может двигаться капитал.

Дело не в том, что жизненных средств производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того чтобы масса населения могла жить прилично и по-человечески.

Дело не в том, что средств производства производится больше, чем нужно для того чтобы занять работоспособную часть населения. Наоборот. Во-первых, производится слишком значительная часть населения, которая фактически неработоспособна, вынуждена обстоятельствами эксплуатировать труд других или заниматься работами, которые могут считаться таковыми только при жалком способе производства. Во-вторых, средств производства производится недостаточно для того, чтобы все трудоспособное население могло работать при наиболее производительных условиях, следовательно, чтобы его абсолютное рабочее время сокращалось благодаря массе и эффективности постоянного капитала, применяемого в продолжение рабочего времени.

Но периодически средств труда и жизненных средств производится слишком много для того, чтобы они могли функционировать как средства эксплуатации рабочих, дающей известную норму прибыли. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в ней прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е. чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов.

Дело не в том, что богатства производится слишком много. Но периодически производится слишком много богатства в его капиталистических, противоречивых формах.

Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1) В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собою закон, который на известном пункте самым резким образом приходит в столкновение с собственным развитием производительной силы труда и потому всегда должен преодолеваться посредством кризисов.

2) В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к овеществленному труду вообще, или, выражаясь капиталистически, определяется прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, в высшей степени недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли.

Если норма прибыли понижается, то, с одной стороны, силы капитала направляются на то, чтобы отдельный капиталист посредством усовершенствованных методов и пр. понизил индивидуальную стоимость единицы своих товаров ниже их средней общественной стоимости и получил таким образом при данной рыночной цене некоторую добавочную прибыль; с другой стороны, возникает спекуляция, встречающая благоприятствующие условия в страстных поисках новых методов производства, новых применений капитала, новых авантюр с целью обеспечить хоть какую-нибудь добавочную прибыль, которая была бы независима от общего среднего уровня ее и возвышалась бы над ним.

Норма прибыли, т. е. относительный прирост капитала, имеет важное значение прежде всего для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы капиталообразование стало уделом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли — это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли. Если уже одна возможность этого тревожит Рикардо, так это свидетельствует как раз об его глубоком понимании условий капиталистического производства. Наиболее значительно в Рикардо именно то, в чем его упрекали: что он при исследовании капиталистического производства, не заботясь о судьбе «людей», обращает внимание только

на развитие производительных сил, ценою каких бы человеческих жертв и жертв капитальными *стоимостями* оно ни покупалось. Развитие производительных сил общественного труда — это историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокой формы производства. Рикардо беспокоит то, что норме прибыли, которая является стимулом капиталистического производства, а вместе с тем условием и двигателем накопления, угрожает опасность вследствие развития самого производства. А количественное отношение здесь — все. В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что̀ он только смутно чувствует. В этом обнаруживается чисто экономическим образом, т. е. с буржуазной точки зрения, в пределах капиталистического понимания, с точки зрения самого капиталистического производства, ограниченность последнего, его относительность, то, что оно — не абсолютный, а лишь исторический способ производства, соответствующий известной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

IV. ДОБАВЛЕНИЯ.

Так как развитие производительной силы труда совершается очень неравномерно в различных отраслях промышленности, и притом не только неравномерно по степени, но часто в противоположном направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (= прибавочной стоимости) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительной силы в наиболее передовых отраслях промышленности. То обстоятельство, что развитие производительной силы в различных отраслях промышленности совершается не только в очень различных пропорциях, но часто в противоположном направлении, вытекает не только из анархии конкуренции и из своеобразия буржуазного способа производства. Производительность труда связана и с естественными условиями, которые нередко становятся менее производительными по мере того, как производительность, поскольку последняя зависит от общественных условий, повышается. Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах: прогресс в одних, регресс в других. Можно напомнить, напр., хотя бы о влиянии самих по себе времен года, от которого зависит количество большей части сырых материалов, об истреблении лесов, истощении каменноугольных копей, железных рудников и т. д.

Если оборотная часть постоянного капитала, сырье и т. д., постоянно возрастает по своей массе пропорционально развитию производительной силы труда, то иначе обстоит дело с основным капиталом, зданиями, машинами, приспособлениями для освеще-

ния, отопления и пр. Хотя машины с увеличением их размеров становятся абсолютно дороже, но относительно они дешевеют. Если пять рабочих производят товаров в десять раз больше, чем прежде, то вследствие этого затраты на основной капитал не удесятеряются; хотя стоимость этой части постоянного капитала возрастает с развитием производительной силы, но она возрастает далеко не в такой пропорции. Мы уже неоднократно указывали на различие между отношением постоянного капитала к переменному в том виде, как это отношение выражается в понижении нормы прибыли, и тем же самым отношением, как оно, с развитием производительности труда, выражается в единице товара и ее цене.

{Стоимость товара определяется всем рабочим временем, прошлым и живым, которое входит в этот товар. Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но увеличивается таким образом, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается; следовательно, таким образом, что количество живого труда уменьшается больше, чем увеличивается количество прошлого труда. Прошлый труд, воплощенный в стоимости товара, — постоянная часть капитала, — состоит отчасти из снашивания основного капитала, отчасти из вошедшего в товар целиком оборотного постоянного капитала, сырья и вспомогательного материала. Часть стоимости, происходящая от сырья и вспомогательного материала, с повышением производительности труда должна сокращаться, потому что производительность труда по отношению к этим материалам обнаруживается именно в том, что их стоимость понижается. Напротив, наиболее характерным для повышения производительной силы труда является то, что основная часть постоянного капитала испытывает очень сильное увеличение, а вместе с тем увеличивается и та часть его стоимости, которая переносится на товары вследствие снашивания. Для того чтобы новый метод производства оправдал себя действительным повышением производительности, он должен переносить на отдельный товар меньшую дополнительную часть стоимости, соответствующую снашиванию основного капитала, чем та часть стоимости, которая вычитается, сберегается вследствие уменьшения живого труда; одним словом, этот метод должен уменьшить стоимость товара. Само собой разумеется, что он должен повлиять таким образом, даже если, как это бывает в отдельных случаях, в образование стоимости товара входит, кроме дополнительно снашиваемой части основного капитала, дополнительная часть стоимости, соответствующая увеличившимся по количеству или более дорогим видам сырья и вспомогательных материалов. Все надбавки к стоимости должны более чем уравновеситься уменьшением стоимости, вытекающим из уменьшения живого труда.

Поэтому такое уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда, при каких бы общественных условиях ни совершалось производство. В обществе, в котором производители регулируют свое производство согласно заранее начертанному плану, и даже при простом товарном производстве производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом. Но как обстоит дело при капиталистическом производстве?

Положим, что определенная отрасль капиталистического производства производит нормальную штуку соответственного товара при следующих условиях: снашивание основного капитала составляет на штуку $^1/_2$ шилл. или марки; сырья и вспомогательного материала входит в каждую штуку на $17^1/_2$ шилл.; на заработную плату приходится 2 шилл., и при норме прибавочной стоимости в 100% прибавочная стоимость составляет 2 шилл. Вся стоимость = = 22 шиллингам или маркам. Для простоты мы предположим, что строение капитала в этой отрасли производства есть среднее строение общественного капитала, следовательно, что цена производства товара совпадает с его стоимостью, а прибыль капиталиста совпадает с произведенной прибавочной стоимостью. В таком случае издержки производства товара $= {}^1/_2 + 17^1/_2 + 2 = 20$ шилл., средняя норма прибыли $\frac{2}{20} = 10\%$, а цена производства каждой штуки товара, равная его стоимости, = 22 шилл. или маркам.

Предположим, что изобретается машина, которая сокращает наполовину живой труд, требующийся для производства каждой штуки товара, но зато увеличивает втрое часть стоимости, образующуюся от снашивания основного капитала. Тогда дело представляется в следующем виде: снашивание $= 1^1/_2$ шилл., сырье и вспомогательный материал, как и раньше, $17^1/_2$ шилл., заработная плата 1 шилл., прибавочная стоимость 1 шилл., итого 21 шилл. или 21 марка. Стоимость товара упала теперь на 1 шилл.; новая машина явственно повысила производительную силу труда. Но для капиталиста дело представляется в таком виде: его издержки производства составляют теперь: $1^1/_2$ шилл. снашивание, $17^1/_2$ шилл. сырье и вспомогательный материал, 1 шилл. заработная плата, — итого 20 шилл., как и раньше. Так как норма прибыли непосредственно не изменяется применением новой машины, то он должен получить 10% сверх издержек производства, что составляет 2 шилл.; следовательно, цена производства осталась без изменения = = 22 шилл., но она превышает стоимость на 1 шилл. Для общества, производящего при капиталистических условиях, товар не подешевел, новая машина не представляет *никакого* усовершенствования. Следовательно, капиталист нисколько не заинтересован в том, чтобы вводить новую машину. А так как, введя ее в произ-

водство, он только лишил бы всякой стоимости прежнюю, еще не сношенную машину и превратил бы ее просто в старое железо, следовательно потерпел бы прямой убыток, то он всячески воздерживается от такой, кажущейся ему утопической, глупости.

Таким образом для капитала закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Для капитала эта производительная сила повышается не тогда, когда этим вообще сберегается живой труд, но лишь в том случае, если на *оплачиваемой* части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда, как это вкратце было уже упомянуто в книге I, гл. XIII, 2, стр. 356—357 [К. Маркс: «Капитал», т. I, изд. 1949 г., стр. 398—399]. В этом случае капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание — безудержное, подгоняемое вперед в геометрической прогрессии развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в настоящем случае, препятствует развитию производительности. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все более и более переживает себя}[37].

Увеличение минимума капитала, который с возрастанием производительной силы становится необходимым для успешного ведения самостоятельного промышленного предприятия, проявляется в конкуренции следующим образом: как только новое более дорогое производственное оборудование входит во всеобщее употребление, более мелким капиталам на будущее время закрывается доступ в соответствующее производство. Только при начале механических изобретений в различных областях производства мелкие капиталы могут функционировать в них самостоятельно. С другой стороны, очень крупные предприятия с чрезвычайно высоким отношением постоянного капитала [к переменному], как железные дороги, приносят не среднюю норму прибыли, а только часть ее, процент. Иначе общая норма прибыли пала бы еще ниже. Напротив, крупное соединение капиталов в форме акций находит себе здесь непосредственное поле применения.

Возрастание капитала, следовательно накопление капитала, включает в себя уменьшение нормы прибыли лишь постольку, поскольку вследствие такого возрастания наступают рассмотренные нами выше изменения в отношении органических составных частей капитала. Однако, несмотря на постоянные повседневные перевороты в способе производства, оказывается, что то та, то

[37] Вышеприведенные строки поставлены в скобках, потому что хотя они и представляют переделку замечания из оригинала рукописи, но в изложении некоторых пунктов выходят за пределы материала, находящегося в оригинале. — *Ф. Э.*

другая, бо̀льшая или меньшая часть всего капитала в течение известного промежутка времени продолжает накопляться на основе данного среднего отношения этих составных частей, так что ростом этой части не обусловливается никакой органической перемены, следовательно никаких причин понижения нормы прибыли. Это постоянное увеличение капитала, а потому и расширение производства на основе старых методов производства, спокойно протекающее в то время, как наряду с ними вводятся уже новые методы, в свою очередь является причиной того, что норма прибыли понижается не в такой степени, в какой возрастает весь капитал общества.

Увеличение абсолютного числа рабочих, несмотря на относительное уменьшение переменного капитала, расходуемого на заработную плату, происходит не во всех отраслях производства и не во всех равномерно. В земледелии уменьшение элемента живого труда может быть абсолютным.

Впрочем, абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, только отвечает потребности капиталистического способа производства. Для него рабочие силы становятся уже лишними, как только исчезает необходимость заставлять их работать в течение 12—15 часов ежедневно. Если бы развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т. е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, на известном пункте оно приходит в коллизию с этим развитием. Частично такая коллизия проявляется в периодических кризисах, которые происходят оттого, что то одна, то другая часть рабочего населения делается излишней в своей старой профессии. Предел капиталистического производства — избыточное время рабочих. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство. Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не поскольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом капиталистическое производство вращается в противоречиях.

Мы видели, что рост накопления капитала включает в себя возрастающую концентрацию его. Таким образом возрастает власть капитала, обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства от действительных производителей. Капитал все более проявляет себя как общественная сила, функцио-

пером которой является капиталист и которая не находится уже решительно ни в каком соответствии с тем, что может создать труд отдельного индивидуума, — как отчужденная, получившая самостоятельное существование общественная сила, которая противостоит обществу как вещь и как власть капиталиста, осуществляемая посредством этой вещи. Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства все более развивается в кричащее противоречие и несет в себе разрешение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает переделку условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. Эта переделка вытекает из развития производительных сил при капиталистическом производстве и того способа, каким совершается это развитие.

Ни один капиталист не применит нового метода производства добровольно, насколько бы ни был этот метод производительнее и как ни увеличивал бы он норму прибавочной стоимости, если этот новый метод уменьшает норму прибыли. Но каждый такой новый метод производства удешевляет товары. Поэтому сначала капиталист продает их по цене выше их цены производства, может быть даже по цене выше их стоимости. Он кладет себе в карман разницу между издержками их производства и рыночной ценой остальных товаров, произведенных при более высоких издержках производства. Он может это делать, потому что среднее рабочее время, общественно необходимое для производства этих товаров, больше, чем рабочее время, требующееся для этого при новом методе производства. Его приемы производства стоят выше средних общественных. Но конкуренция делает их всеобщими и подчиняет общему закону. Тогда наступает понижение нормы прибыли, — быть может, сначала в этой сфере производства, и затем она уравнивается с другими, — которое таким образом происходит совершенно независимо от воли капиталистов.

К этому пункту следует сделать замечание, что действие этого закона распространяется также на те сферы производства, продукт которых ни прямо, ни косвенно не входит в потребление рабочего или в условия производства его жизненных средств; т. е. оно распространяется и на те сферы производства, в которых никакое удешевление товаров не может увеличить относительную прибавочную стоимость, удешевить рабочую силу. (Конечно, во всех этих отраслях удешевление постоянного капитала может повысить норму прибыли при неизменяющейся эксплуатации рабочего.) Как только новый метод производства начинает распространяться, — и этим дается фактическое доказательство того, что

эти товары могут производиться дешевле, — капиталисты, работающие при старых условиях производства, должны продавать свой продукт ниже своей полной цены производства, потому что стоимость этого товара понизилась, рабочее время, которое требуется им для производства этого товара, стоит выше общественного. Одним словом, — и это представляется следствием конкуренции, — они тоже должны ввести новый метод производства, при котором отношение переменного капитала к постоянному уменьшается.

Все обстоятельства, ведущие к тому, что применение машин удешевляет цену производимых ими товаров, неизменно сводятся к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара, а во-вторых, — к уменьшению снашиваемой части машин, стоимость которой входит в единицу товара. Чем медленнее снашивание машин, тем на большее количество товаров распределяется снашивание, тем больше живого труда заменяют они до срока их воспроизводства. Количество и стоимость основного постоянного капитала сравнительно с переменным в обоих случаях увеличивается.

«При прочих равных условиях способность нации делать сбережения из своей прибыли изменяется с нормою прибыли, — выше, когда норма прибыли высока, ниже, когда она низка; но, раз норма прибыли понижается, все прочие условия не остаются равными... Низкая норма прибыли обыкновенно сопровождается быстрым темпом накопления по сравнению с численностью населения, как в Англии,... высокая норма прибыли — более медленным, по сравнению с численностью населения, темпом накопления». Примеры: Польша, Россия, Индия и т. д. (Richard Jones: «An Introductory Lecture on Political Economy». London 1833, стр. 50 и сл.). Джонс справедливо указывает, что, несмотря на понижение нормы прибыли, стремление к накоплению и возможность последнего увеличиваются. Во-первых, вследствие возрастания относительного перенаселения. Во-вторых, потому, что с возрастанием производительности труда увеличивается масса потребительных стоимостей, представляемых одной и той же меновой стоимостью, т. е. увеличивается масса вещественных элементов капитала. В-третьих, потому, что возникают все новые разнообразные отрасли производства. В-четвертых, вследствие развития кредитной системы, акционерных обществ и пр. и связанной с этим легкости превращать деньги в капитал, не делаясь лично промышленным капиталистом. В-пятых, вследствие роста потребностей и стремления к обогащению. В-шестых, вследствие увеличения массы вложений основного капитала и т. д.

Три главных факта капиталистического производства следующие:

1) Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосред-

ственных рабочих, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя таковыми они и становятся сначала как частная собственность капиталистов. Последние — поверенные буржуазного общества, но они кладут в свой карман все плоды этого товарищества на вере.

2) Организация самого труда как общественного труда: путем кооперации, разделения труда и сочетания труда с естествознанием.

Как с той, так и с другой стороны капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и частный труд, хотя уничтожает в противоречивых формах.

3) Создание всемирного рынка.

Огромная по отношению к населению производительная сила, развивающаяся в рамках капиталистического способа производства, и возрастание, хотя и не в той же пропорции, капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), растущих значительно быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся, по сравнению с ростом богатства, основе, для которой действует эта огромная производительная сила, и условиям возрастания стоимости этого все нарастающего капитала. Отсюда кризисы.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА И ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА В ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ И ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ (КУПЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ.

Купеческий, или торговый, капитал распадается на две формы или подвида: товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал, которые мы теперь характеризуем подробнее, поскольку это необходимо для анализа капитала в его основной структуре. А это тем более необходимо, что современная экономия, даже в лице своих лучших представителей, прямо сваливает в одну кучу торговый капитал с промышленным капиталом и фактически совершенно не видит его характерных особенностей.

Движение товарного капитала было анализировано в книге II. Если рассматривать весь капитал общества, то одна часть его, хотя постоянно составляющаяся из новых элементов и изменяющаяся даже по величине, постоянно находится на рынке в виде товара, который должен превратиться в деньги; другая часть находится на рынке в виде денег, которые должны превратиться в товар. Он постоянно находится в процессе этого превращения, этой метаморфозы форм. Поскольку такая функция капитала, находящегося в процессе обращения, вообще обособляется как особая функция особого капитала, фиксируется как функция, вследствие разделения труда принадлежащая особой разновидности капиталистов, постольку товарный капитал становится товарно-торговым, или коммерческим, капиталом.

Мы уже выяснили (книга II, гл. VI; «Издержки обращения», 2 и 3), насколько можно смотреть на транспортную промышленность, на хранение и на распределение товаров в пригодной для

потребления форме как на процессы производства, продолжающиеся в пределах процесса обращения. Эти привходящие эпизоды обращения товарного капитала отчасти смешиваются со специфическими функциями купеческого, или товарно-торгового, капитала; они отчасти и на практике соединяются с его своеобразными специфическими функциями, хотя с развитием общественного разделения труда функция купеческого капитала вырабатывается и в чистом виде, т. е. обособленно от указанных реальных функций, самостоятельно по отношению к ним. Для нашей цели важно определить специфическое отличие этого особого вида [Gestalt] капитала, и, следовательно, мы можем отвлечься от упомянутых функций. Поскольку капитал, функционирующий только в процессе обращения, специально товарно-торговый капитал, отчасти соединяет эти функции со своими, он выступает не в своей чистой форме. Отбросив, устранив эти функции, мы получим чистую форму товарно-торгового капитала.

Мы видели, что существование капитала как товарного капитала и метаморфоза, которую он как товарный капитал проделывает в сфере обращения на рынке, — метаморфоза, которая сводится к купле и продаже, к превращению товарного капитала в денежный капитал и денежного капитала в товарный капитал, — образуют фазу процесса воспроизводства промышленного капитала, следовательно фазу его процесса производства, взятого в целом; но мы видели в то же время, что он, в этой своей функции капитала обращения, отличается от самого себя как производительного капитала. Это две особых, отличных формы существования одного и того же капитала. Часть всего общественного капитала постоянно находится в этой форме существования в качестве капитала обращения на рынке, постоянно охватывается процессом этой метаморфозы, хотя для каждого отдельного капитала его пребывание в качестве товарного капитала и его метаморфоза как такового составляют лишь постоянно исчезающий и постоянно вновь наступающий переходный момент, переходную стадию непрерывного процесса производства, и хотя поэтому элементы находящегося на рынке товарного капитала постоянно изменяются, так как они постоянно извлекаются с товарного рынка и точно так же постоянно возвращаются на него как новый продукт процесса производства.

Товарно-торговый капитал есть не что иное, как превращенная форма части этого капитала обращения, постоянно находящегося на рынке, постоянно находящегося в процессе метаморфозы, постоянно захватываемого сферой обращения. Мы говорим: части — потому, что некоторая часть купли и продажи товаров постоянно протекает непосредственно между самими промышленными капиталистами. Эту часть в нашем исследовании мы совершенно оставляем в стороне, так как она нисколько не способствует определению понятия, уразумению специфической природы купеческого

капитала, а, с другой стороны, в книге II мы уже исследовали ее исчерпывающим для наших целей образом.

Торговец товарами, как капиталист вообще, выступает на рынке прежде всего как представитель известной денежной суммы, которую авансирует как капиталист, т. е. которую он желает превратить из x (первоначальной стоимости суммы) в $x + \Delta x$ (эта сумма плюс прибыль на нее). Но для него не только как для капиталиста вообще, но именно как для торговца товарами, само собой очевидно, что его капитал первоначально должен появиться на рынке в форме денежного капитала, потому что он не производит никаких товаров, а только торгует ими, является посредником при их передвижении; а для того чтобы ими торговать, он должен их сначала купить, следовательно должен быть владельцем денежного капитала.

Положим, что торговец товарами владеет 3 000 ф. ст., которые он увеличивает в их стоимости как торговый капитал. На эти 3 000 ф. ст. он покупает у фабриканта, производящего холст, напр. 30 000 арш. холста по 2 шилл. за аршин. Он продает эти 30 000 арш. Если средняя годовая норма прибыли = 10% и если он, за вычетом всех накладных издержек, получает 10% годовой прибыли, то в конце года 3 000 ф. ст. превратятся у него в 3 300 ф. ст. Каким образом он получает эту прибыль, — это вопрос, который мы исследуем позже. Здесь мы прежде всего рассмотрим только форму движения его капитала. На 3 000 ф. ст. он постоянно покупает холст и постоянно продает этот холст; он постоянно повторяет эту операцию купли для продажи, *Д — Т — Д'*, простую форму капитала, в которой он обречен пребывать в процессе обращения, не прерываемом промежутками процесса производства, лежащего вне его собственного движения и функции.

Каково же отношение этого товарно-торгового капитала к товарному капиталу как простой форме существования промышленного капитала? Что касается фабриканта, производящего холст, то с помощью денег купца он реализовал стоимость своего холста, совершил первую фазу метаморфозы своего товарного капитала, его превращение в деньги, и может теперь, при прочих равных условиях, снова превращать деньги в пряжу, уголь, заработную плату и пр., с другой стороны, в жизненные средства и т. д. для потребления своего дохода; следовательно, если оставить в стороне расходование дохода, он может продолжать процесс воспроизводства.

Но хотя для него, для производителя холста, уже произошла метаморфоза холста в деньги, совершилась его продажа, она еще не совершилась для самого холста. Как и раньше, холст находится теперь на рынке в виде товарного капитала, которому предстоит совершить свою первую метаморфозу — быть проданным. С этим холстом не случилось ничего, кроме перемены личности его вла-

дельца. По своему предназначению, по своему положению в процессе, он, как и прежде, остается товарным капиталом, продаваемым товаром; только теперь он в руках купца, между тем как раньше был в руках производителя. Функция его продажи, обслуживания первой фазы его метаморфозы, от производителя взята купцом и превратилась в специальное занятие последнего, тогда как раньше эту функцию должен был исполнять производитель после того, как он покончит с функцией производства.

Положим, что купцу не удалось продать 30 000 арш. в течение того промежутка времени, который требуется производителю холста для того чтобы снова выбросить на рынок 30 000 арш. стоимостью в 3 000 ф. ст. Купец не может вновь купить их, потому что у него еще имеется на складе непроданных 30 000 арш., еще не превратившихся для него в денежный капитал. В таком случае наступает остановка, перерыв воспроизводства. Конечно, производитель холста мог бы иметь в своем распоряжении дополнительный денежный капитал, который он мог бы превратить в производительный капитал независимо от продажи 30 000 арш. и таким образом продолжить процесс производства. Но такое предположение нисколько не изменяет дела. Поскольку дело идет о капитале, авансированном на производство данных 30 000 арш., процесс его воспроизводства был и остается прерванным. Следовательно, здесь на деле с очевидностью обнаруживается, что операции купца не что иное, как такие операции, которые вообще должны быть выполнены для того чтобы товарный капитал производителя превратить в деньги; что это такие операции, которыми обслуживаются функции товарного капитала в процессе обращения и воспроизводства. Если бы вместо независимого купца этой продажей, а также закупкой занимался как исключительным делом простой агент производителя, эта связь ни на одно мгновение не оставалась бы скрытой.

Следовательно, товарно-торговый капитал безусловно представляет собою не что иное, как товарный капитал производителя, капитал, который должен совершить процесс своего превращения в деньги, выполнить на рынке свою функцию товарного капитала, с той только разницей, что функция эта является теперь не побочной операцией производителя, а исключительной операцией особого рода капиталистов, торговцев товарами, приобретает самостоятельность как сфера особых вложений капитала.

Впрочем, это обнаруживается и в специфической форме обращения товарно-торгового капитала. Купец покупает товары и затем продает их: *Д — Т — Д'*. При простом товарном обращении или даже при обращении товаров, каким оно является как процесс обращения промышленного капитала, *Т' — Д — Т*, обращение обслуживается таким образом, что каждая единица денег дважды переходит из рук в руки. Производитель холста продает свой

товар, холст, превращает его в деньги; деньги покупателя переходят в его руки. На эти самые деньги он покупает пряжу, уголь, труд и пр., снова расходует те же самые деньги, чтобы стоимость холста превратить обратно в товары, образующие элементы производства холста. Товар, который он покупает, не тот же самый товар, товар не того рода, который он продает. Он продал продукты, а купил средства производства. Иначе складываются отношения в движении купеческого капитала. Торговец холстом покупает на 3 000 ф. ст. 30 000 арш. холста; он продает эти 30 000 арш. холста, чтобы извлечь обратно из обращения денежный капитал (3 000 ф. ст. и прибыль). Следовательно, здесь два раза перемещаются не одни и те же деньги, но один и тот же товар; он переходит из рук продавца в руки покупателя и из рук покупателя, ставшего теперь продавцом, в руки другого покупателя. Он продается дважды и может быть продан, если в промежутке выступает ряд купцов, еще много раз; и как раз только вследствие повторения этой продажи, вследствие двукратного перемещения одного и того же товара, первый покупатель извлекает обратно деньги, авансированные на покупку товара, и, следовательно, этим перемещением обслуживается возвращение к нему денег. В одном случае *Т′ — Д — Т* опосредствует двукратное перемещение одних и тех же денег, так что товар отчуждается в одном виде и приобретается в другом. В другом случае *Д — Т — Д′* опосредствует двукратное перемещение одного и того же товара, так что авансированные деньги снова извлекаются из обращения. При этом-то и оказывается, что товар, когда он перешел из рук производителя в руки купца, еще не окончательно продан, что последний лишь продолжает операцию продажи, или выполнение функции товарного капитала. Но вместе с тем оказывается, что то, что для производительного капитала является *Т — Д*, простой функцией его капитала в его преходящем виде товарного капитала, то для купца является *Д — Т — Д′*, особым процессом увеличения стоимости авансированного им денежного капитала. Одна фаза метаморфозы товара представляется здесь для купца как *Д — Т — Д′*, следовательно как эволюция капитала особого рода.

Купец окончательно продает товар, в данном случае холст, потребителю, безразлично, будет ли то производительный потребитель (напр. белильщик) или индивидуальный, который использует холст для своего личного потребления. Вследствие этого к купцу возвращается обратно авансированный им капитал (вместе с прибылью), и он может снова начать операцию. Если бы при купле холста деньги функционировали только как средства платежа, так что купцу пришлось бы платить лишь спустя шесть недель по получении, и если бы он продал его ранее этого времени, то он мог бы расплатиться с производителем холста, не авансируя лично никакого денежного капитала. Если бы он его не продал,

то ему пришлось бы авансировать 3 000 ф. ст. при наступлении срока платежа, вместо того чтобы немедленно авансировать их при сдаче ему холста; а если бы вследствие понижения рыночной цены он продал его ниже покупной цены, то ему пришлось бы возместить недостающую часть из своего собственного капитала.

Что же придает товарно-торговому капиталу характер самостоятельно функционирующего капитала, между тем как в руках производителя, который сам продает свой товар, он, очевидно, является лишь особой формой его капитала, соответствующей особой фазе процесса его воспроизводства, той фазе, когда он пребывает в сфере обращения?

Во-первых, то обстоятельство, что товарный капитал в руках агента, отличного от производителя этого товарного капитала, совершает свое окончательное превращение в деньги, следовательно совершает свою первую метаморфозу, выполняет на рынке функцию, присущую ему как товарному капиталу, — и что эта функция товарного капитала обслуживается операциями купца, его куплями и продажами, так что эти операции отливаются в форму особой сферы коммерческой деятельности, отдельной от остальных функций промышленного капитала и потому сделавшейся самостоятельной. Это — особая форма общественного разделения труда, вследствие чего некоторая часть функции, которая должна быть выполнена в особой фазе воспроизводства капитала, в данном случае в фазе обращения, является исключительной функцией особого агента обращения, отличного от производителя. Однако такое особое занятие еще отнюдь не является по одной этой причине функцией особого капитала, который отличен от промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, и самостоятелен по отношению к промышленному капиталу; это занятие и в действительности не является таким в тех случаях, когда торговля товарами ведется посредством простых коммивояжеров или других непосредственных агентов промышленного капиталиста. Следовательно, к этому должен быть присоединен второй момент.

Во-вторых, это происходит вследствие того, что самостоятельный агент обращения, купец, авансирует в этом своем положении денежный капитал (собственный или взятый взаймы). То, что для промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, представляется просто как *Т — Д,* как превращение товарного капитала в денежный капитал или простая продажа, это самое для купца представляется как *Д — Т — Д',* как купля и продажа одного и того же товара, следовательно как возвращение к нему посредством продажи удалившегося от него при купле денежного капитала.

То, что для купца, поскольку он авансирует капитал на покупку товара у производителя, представляется как *Д — Т — Д,*

это есть всегда *Т — Д*, превращение товарного капитала в денежный капитал, всегда первая метаморфоза товарного капитала, хотя тот же самый акт может представляться для производителя или для промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, как *Д — Т*, как обратное превращение денег в товар (в средства производства) или как вторая фаза метаморфозы. Для производителя холста *Т — Д*, превращение товарного капитала в денежный капитал, было первой метаморфозой. Этот акт представляется для купца как *Д — Т*, как превращение его денежного капитала в товарный капитал. Если же он продает холст белильщику, то для последнего это представляет *Д — Т*, превращение денежного капитала в производительный капитал, или вторую метаморфозу его товарного капитала; но для купца это представляет *Т — Д*, продажу купленного им холста. Однако в действительности товарный капитал, произведенный фабрикантом холста, только теперь продан окончательно, или *Д — Т — Д* купца представляет только посредствующий процесс при совершении *Т — Д* между двумя производителями. Или предположим, что фабрикант, производящий холст, на часть стоимости проданного холста покупает пряжу у торговца пряжей. Таким образом для него это *Д — Т*. Но для купца, продающего пряжу, это будет *Т — Д*, перепродажа пряжи; а по отношению к самой пряже как к товарному капиталу это только ее окончательная продажа, благодаря которой она переходит из сферы обращения в сферу потребления, *Т — Д*, окончательное завершение ее первой метаморфозы. Итак, покупает ли купец у промышленного капиталиста или продает ему, его *Д — Т — Д*, кругооборот купеческого капитала, всегда выражает лишь то, что для самого товарного капитала, как переходной формы воспроизводящегося промышленного капитала, есть просто *Т — Д*, просто выполнение его первой метаморфозы. Акт *Д — Т* купеческого капитала является в то же время актом *Т — Д* лишь для промышленного капиталиста, но не для произведенного им товарного капитала: это лишь переход товарного капитала из рук промышленника в руки агента обращения; и только *Т — Д* купеческого капитала является окончательным *Т — Д* для функционирующего товарного капитала. *Д — Т — Д* представляет собою только два акта *Т — Д* одного и того же товарного капитала, две последовательных продажи его, которые лишь опосредствуют его последнюю и окончательную продажу.

Следовательно, товарный капитал, делаясь товарно-торговым капиталом, принимает вид самостоятельного рода капитала вследствие того, что купец авансирует денежный капитал, который увеличивается в стоимости как капитал, функционирует как капитал, лишь постольку, поскольку он употребляется исключительно для опосредствования метаморфозы товарного капитала, опосредствования его функции товарного капитала, т. е. его превращения

в деньги, и он осуществляет это посредством постоянной купли и продажи товаров. Исключительно это является его операцией; только эта деятельность, обслуживающая процесс обращения промышленного капитала, и является функцией того денежного капитала, которым оперирует купец. Посредством этой функции он превращает свои деньги в денежный капитал, так что его *Д* принимает вид *Д — Т — Д'*, и путем такого же процесса он превращает товарный капитал в товарно-торговый капитал.

Товарно-торговый капитал, поскольку и пока он существует в форме товарного капитала, — с точки зрения процесса воспроизводства всего общественного капитала, — очевидно, есть не что иное, как еще находящаяся на рынке, проходящая процесс своих метаморфоз часть промышленного капитала, которая теперь существует и функционирует как товарный капитал. Следовательно, теперь в качестве денежного капитала по отношению к процессу воспроизводства капитала в целом мы должны рассматривать только тот *денежный* капитал, который авансируется купцом, предназначен исключительно для купли и продажи и потому никогда не принимает иной формы, кроме формы товарного капитала и денежного капитала, никогда не принимает формы производительного капитала и безвыходно остается в сфере обращения капитала.

Когда производитель, фабрикант холста, продаст свои 30 000 арш. купцу за 3 000 ф. ст., он покупает на вырученные таким образом деньги необходимые средства производства, и его капитал снова вступает в процесс производства; его процесс производства продолжается, идет непрерывно. Превращение его товара в деньги для него совершилось. Но, как мы видели, для самого холста такое превращение еще не совершилось. Он еще не превратился окончательно в деньги, еще не вошел в потребление, производительное или личное, как потребительная стоимость. Торговец холстом представляет теперь на рынке тот самый товарный капитал, который первоначально был представлен на нем производителем холста. Для последнего процесс метаморфозы сократился, но только для того чтобы найти продолжение в руках купца.

Если бы производитель холста должен был ждать, пока его холст действительно не перестанет быть товаром, пока он не перейдет к последнему покупателю, производительному или индивидуальному потребителю, его процесс воспроизводства был бы прерван. Или же для того чтобы не прерывать его, производителю пришлось бы ограничить свои операции, превращать в пряжу, уголь, труд и пр., коротко говоря, в элементы производительного капитала, меньшую часть своего холста, а бо́льшую часть его пришлось бы сохранять у себя в качестве денежного резерва для того чтобы, пока одна часть его капитала как товар находится на рынке, другая часть могла продолжать процесс производства,

так что, если одна часть поступает на рынок как товар, другая возвращается обратно в денежной форме. Такое деление его капитала не устраняется вмешательством купца. Но без последнего часть капитала обращения, остающаяся в форме денежного резерва, неизбежно составляла бы относительно бо́льшую долю по сравнению с той частью, которая занята в форме производительного капитала, и соответственно этому сократился бы масштаб воспроизводства. Вместо того производитель может теперь постоянно употреблять бо́льшую часть своего капитала на собственно процесс производства и меньшую часть — в виде денежного резерва.

Но зато теперь другая часть общественного капитала в форме купеческого капитала постоянно находится в сфере обращения. Она всегда употребляется только для купли и продажи товаров. Таким образом, повидимому, происходит только перемена лиц, в руках которых находится этот капитал.

Если бы купец вместо того чтобы покупать холст на 3 000 ф. ст., имея в виду снова продать его, сам производительно употребил эти 3 000 ф. ст., то производительный капитал общества увеличился бы. Конечно, в таком случае производитель холста и купец, превратившийся теперь в промышленного капиталиста, должны были бы удерживать более значительную часть своего капитала в виде денежного резерва. С другой стороны, если купец остается купцом, то производитель сберегает время, требующееся для продажи; он может использовать его для наблюдения за процессом производства, тогда как купец должен все свое время употреблять для продажи.

Если купеческий капитал не превышает своей необходимой пропорции, то следует признать:

1) что вследствие разделения труда капитал, занятый исключительно куплей и продажей (а кроме денег, употребляемых на покупку товаров, сюда относятся деньги, расходуемые на оплату труда, необходимого для ведения торгового дела, на постоянный капитал купца, здания для складов, транспорт и т. д.), меньше, чем он был бы в том случае, если бы промышленный капитал должен был сам вести всю торговую часть своего предприятия;

2) что так как купец занимается исключительно этим делом, то не только для производителя его товар раньше превращается в деньги, но и самый товарный капитал совершает свою метаморфозу быстрее, чем он мог бы совершать ее в руках производителя;

3) что если рассматривать весь купеческий капитал в отношении к промышленному капиталу, то один оборот купеческого капитала может представлять собой не только обороты многих капиталов в одной сфере производства, но обороты нескольких капиталов в различных сферах производства. Первое происходит в том случае, если, напр., торговец холстом, купивший на свои 3 000 ф. ст. продукт одного производителя холста и снова про-

давший его, прежде чем этот производитель выбросит на рынок снова такое же количество товара, купит и снова продаст продукт другого или нескольких других производителей холста, опосредствуя таким образом обороты различных капиталов в одной и той же сфере производства. Второе происходит в том случае, если, напр., купец, продав холст, покупает шелк, следовательно опосредствует оборот капитала в другой сфере производства.

Вообще необходимо заметить следующее: Оборот промышленного капитала ограничивается не только временем обращения, но и временем производства. Оборот купеческого капитала, поскольку он торгует лишь товарами определенного рода, ограничивается не оборотом одного промышленного капитала, а оборотом всех промышленных капиталов одной и той же отрасли производства. Купец, купив и продав холст у одного, может затем купить его у другого и продать прежде, чем первый снова выбросит товар на рынок. Итак, один и тот же купеческий капитал может последовательно обслужить различные обороты капиталов, вложенных в какую-нибудь отрасль производства, так что его оборот не тожествен с оборотами какого-нибудь отдельного промышленного капитала и потому замещает не только тот денежный резерв, который должен был бы иметь in petto [в наличности] соответственный отдельный промышленный капиталист. Оборот купеческого капитала в известной сфере производства, конечно, ограничен общей суммой производства в этой сфере. Но он не ограничен пределами производства или временем оборота отдельного капитала этой сферы, поскольку это время оборота определяется временем производства. Положим, что *А* доставляет товар, для производства которого требуется три месяца. После того как купец купит и продаст его, скажем, в течение одного месяца, он может купить такой же продукт у другого производителя и продать его. Или, напр., продав хлеб одного фермера, он может на те же деньги купить и продать хлеб другого и т. д. Оборот его капитала ограничен количеством хлеба, которое он последовательно может купить и продать в течение данного времени, напр. в течение года, между тем как оборот капитала фермера, независимо от времени обращения, ограничен временем производства, которое продолжается год.

Но оборот одного и того же купеческого капитала может с таким же успехом обслуживать обороты капиталов различных отраслей производства.

Поскольку один и тот же купеческий капитал в различных оборотах служит для последовательного превращения в деньги различных товарных капиталов, следовательно поочередно покупает и продает их, он как денежный капитал выполняет по отношению к товарному капиталу ту самую функцию, какую вообще деньги числом своих оборотов за определенный период выполняют по отношению к товарам.

Оборот купеческого капитала не тожествен с оборотом, или с однократным воспроизводством, промышленного капитала равной величины; напротив, он равен сумме оборотов нескольких таких капиталов в одной и той же или в различных сферах производства. Чем быстрее оборачивается купеческий капитал, тем меньше часть всего денежного капитала, фигурирующая в качестве купеческого капитала, и чем медленнее он оборачивается, тем эта часть больше. Чем менее развито производство, тем больше сумма купеческого капитала по сравнению с суммой товаров, вообще бросаемых в обращение; но тем меньше она абсолютно или сравнительно с суммой купеческого капитала при более развитом производстве. И наоборот. Поэтому при таком неразвитом состоянии производства бо̀льшая часть собственно денежного капитала находится в руках купцов, имущество которых таким образом противостоит другим как денежное имущество.

Быстрота обращения денежного капитала, авансируемого купцом, зависит: 1) от быстроты, с которой возобновляется процесс производства и различные процессы производства переплетаются один с другим; 2) от быстроты потребления.

Для того чтобы купеческий капитал совершил только выше рассмотренный оборот, ему нет необходимости сначала покупать товары на всю величину его стоимости, а затем продавать их. Купец одновременно совершает обе эти операции. Его капитал разделяется в таком случае на две части. Одна состоит из товарного капитала, а другая — из денежного капитала. Он покупает в одном месте, превращая этим свои деньги в товар. Он продает в другом месте, превращая этим другую часть товарного капитала в деньги. С одной стороны, к нему возвращается его капитал как денежный капитал, тогда как, с другой стороны, к нему притекает товарный капитал. Чем больше часть, находящаяся в одной форме, тем меньше часть, существующая в другой форме. Эти части меняются своими местами и взаимно уравниваются. Если с употреблением денег как средства обращения соединяется употребление их как средства платежа и вырастающая отсюда система кредита, то денежная часть купеческого капитала еще более уменьшается по сравнению с размерами сделок, совершаемых этим купеческим капиталом. Если я покупаю вина на 3 000 ф. ст. с уплатой через 3 месяца и продам это вино за наличные деньги до истечения 3 месяцев, то для этой сделки мне не придется авансировать ни копейки. В этом случае до очевидности ясно также, что денежный капитал, фигурирующий здесь как купеческий капитал, есть отнюдь не что иное, как сам промышленный капитал в своей форме денежного капитала, в процессе своего возвращения к самому себе в форме денег. (То обстоятельство, что производитель, продавший товар за 3 000 ф. ст. с уплатой через 3 месяца, может учесть у банкира полученный при этом вексель, т. е. долго-

вое обязательство, нисколько не изменяет дела и не имеет никакого отношения к капиталу торговца товаром.) Если в этот промежуток времени рыночные цены товара понизятся, положим, на $^1/_{10}$, то купец не только не получит никакой прибыли, но вообще выручит только 2 700 ф. ст. вместо 3 000 ф. ст. Для расплаты ему пришлось бы добавить 300 ф. ст. Эти 300 ф. ст. функционировали бы только в качестве резерва для уравнивания разницы в цене. Но то же самое относится и к производителю. Если бы он продавал сам, то при понижении цен он тоже потерял бы 300 ф. ст. и без запасного капитала не мог бы снова начать производство в прежнем масштабе.

Торговец холстом покупает у фабриканта холста на 3 000 ф. ст.; фабрикант из этих 3 000 ф. ст. уплачивает, напр., 2 000 при покупке пряжи; он покупает эту пряжу у торговца пряжей; деньги, которыми фабрикант платит торговцу пряжей, не деньги торговца холстом, потому что последний получил за них товар на такую же сумму. Это — денежная форма его собственного капитала. В руках же торговца пряжей эти 2 000 ф. ст. являются возвратившимся к нему денежным капиталом; но в какой мере они являются таковым, если они отличны от тех 2 000 ф. ст., которые служат денежной формой, оставленной холстом и принятой пряжею? Если торговец пряжей купил в кредит и продал за наличные до истечения срока платежа, то в этих 2 000 ф. ст. не содержится ни копейки купеческого капитала, отличного от той денежной формы, которую принимает сам промышленный капитал в процессе своего кругооборота. Товарно-торговый капитал, поскольку он не является простой формой промышленного капитала, находящегося в виде товарного капитала или денежного капитала в руках купца, есть не что иное, как часть денежного капитала, которая принадлежит самому купцу и действует в области купли и продажи товаров. Эта часть в уменьшенном масштабе представляет часть капитала, авансированного для производства, которая постоянно должна была бы находиться в руках промышленников как денежный резерв, как покупательное средство и должна была бы постоянно обращаться как их денежный капитал. Эта часть в уменьшенном виде находится теперь в руках капиталистов-купцов, постоянно функционируя как таковая в процессе обращения. Это — часть совокупного капитала, которая, если оставить в стороне долю, расходуемую как доход, должна постоянно обращаться на рынке как покупательное средство для того чтобы поддерживать непрерывность процесса воспроизводства. По отношению к совокупному капиталу она тем меньше, чем быстрее совершается процесс воспроизводства и чем более развита функция денег как средства платежа, т. е. чем более развита кредитная система[38].

---

[38] Чтобы получить возможность классифицировать купеческий капитал как производительный капитал, Рамсей смешивает его с транспортной промышленностью и называет торговлю «the transport of commodities from one

Купеческий капитал есть не что иное, как капитал, функционирующий в сфере обращения. Процесс обращения есть фаза всего процесса воспроизводства. Но в процессе обращения не производится никакой стоимости, а потому никакой прибавочной стоимости. В нем происходят лишь изменения формы одной и той же массы стоимости. В самом деле, здесь не совершается ничего иного, кроме метаморфозы товаров, которая как таковая не имеет никакого касательства к созданию стоимости или к изменению стоимости. Если при продаже произведенного товара реализуется прибавочная стоимость, то это потому, что она уже имеется в нем; поэтому при втором акте, при обратном обмене денежного капитала на товар (на элементы производства), покупателем также не реализуется никакой прибавочной стоимости, но посредством обмена денег на средства производства и рабочую силу только подготовляется производство прибавочной стоимости. Напротив. Поскольку такие метаморфозы требуют времени обращения, — времени, в течение которого капитал вообще не производит, а следовательно не производит и прибавочной стоимости, — время это ограничивает создание стоимости, и прибавочная стоимость, выраженная в виде нормы прибыли, будет стоять как раз в обратном отношении к продолжительности времени обращения. Следовательно,

place to another» [«перевозкой товаров с места на место»] («An Essay on the Distribution of Wealth» [Edinburgh 1836], стр. 19). Такое же смешение встречается уже у *Верри* («Meditazioni sulla Economia Politica» [в сборнике *Custodi:* «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica». Parte moderna, т. XV, стр. 32], § 4) и *Сэя* («Traité d'Économie Politique» [т. I, Paris 1817, стр. 14—15]). В своих «Elements of Political Economy» (Andover and New York 1835) С. Ф. Ньюмэн говорит: «При существующем экономическом устройстве общества тот акт, который совершает купец, стоящий между производителем и потребителем, авансируя первому капитал, получая в обмен за него продукты и передавая эти самые продукты последнему, причем он получает обратно капитал, — этот акт есть сделка, облегчающая экономический процесс общества и присоединяющая стоимость к продукту, с которым совершен этот акт» (стр. 174). Таким образом благодаря посредничеству купца производитель и потребитель сберегают деньги и время. Выполнение такой услуги требует авансирования капитала и труда и должно быть оплачено, «потому что это присоединяет стоимость к продуктам, ибо одни и те же продукты, находясь в руках потребителей, имеют бо́льшую стоимость, чем в руках производителей». И таким образом торговля кажется ему совершенно так же, как г. Сэю, «strictly an act of production» [«в буквальном смысле слова актом производства»] (стр. 175). Этот взгляд Ньюмэна совершенно ошибочен. *Потребительная стоимость* товара в руках потребителя больше, чем в руках производителя, потому что она вообще только здесь реализуется. Ведь потребительная стоимость товара реализуется, начинает выполнять свою функцию лишь после того, как товар перешел в сферу потребления. В руках производителя она существует лишь в потенциальной форме. Но один и тот же товар не оплачивают дважды: сначала его меновую стоимость, а затем еще, кроме того, его потребительную стоимость. Оплачивая его меновую стоимость, я тем самым присваиваю себе его потребительную стоимость. И от того, что товар переходит из рук производителя или посредника в руки потребителя, не происходит ни малейшего приращения меновой стоимости.

купеческий капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, т. е. не создает непосредственно. Поскольку он содействует сокращению времени обращения, он косвенным образом может содействовать увеличению прибавочной стоимости, производимой промышленным капиталистом. Поскольку он содействует расширению рынка и опосредствует разделение труда между капиталами, следовательно дает капиталу возможность работать в более крупном масштабе, его функция повышает производительность промышленного капитала и способствует его накоплению. Поскольку он сокращает время обращения, он повышает отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, следовательно норму прибыли. Поскольку он уменьшает ту часть капитала, которая должна постоянно оставаться в сфере обращения как денежный капитал, он увеличивает часть капитала, употребляемую прямо на производство.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ТОРГОВАЯ ПРИБЫЛЬ.

В книге II мы видели, что чистые функции капитала в сфере обращения — операции, которые должен предпринять промышленный капиталист, во-первых, для того чтобы реализовать стоимость своих товаров, а во-вторых, для того чтобы опять превратить эту стоимость в элементы производства товара, операции, посредством которых опосредствуются метаморфозы товарного капитала *Т' — Д — Т*, следовательно акты продажи и купли, не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Наоборот, оказалось, что требующееся для них время объективно, по отношению к товарам, и субъективно, по отношению к капиталистам, ставит границы для создания стоимости и прибавочной стоимости. В том, что относится к метаморфозе товарного капитала самого по себе, конечно, не произойдет никакого изменения вследствие того, что часть его принимает вид товарно-торгового капитала или что операции, которые опосредствуют метаморфозу товарного капитала, являются особым занятием особого подразделения капиталистов или исключительной функцией части денежного капитала. Если продажа и купля товаров, — а к этому и сводится метаморфоза товарного капитала *Т' — Д — Т*, — производимые самими промышленными капиталистами, представляют собою операции, не создающие никакой стоимости или прибавочной стоимости, то они не могут создавать ее и в том случае, если вместо этих лиц они будут исполняться другими лицами. Далее, если часть всего общественного капитала, которая постоянно должна иметься в распоряжении как денежный капитал, чтобы процесс воспроизводства не прерывался процессом обращения, но продолжался безостановочно, — если этот денежный капитал не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости, то он не может приобрести этого свойства вследствие того, что он для отправления тех же самых функций постоянно пускается в обращение не промышленными капиталистами, а капиталистами другого подразделения. Насколько купеческий капитал может быть косвенно производительным, об этом уже было упомянуто, и впоследствии это будет исследовано подробнее.

Итак, товарно-торговый капитал, — если отбросить все гетерогенные функции, которые могут быть с ним связаны, как хранение товаров, отправка их, перевозка, разделение, разборка, и ограничиться его истинной функцией купли ради продажи, — не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, а только опосредствует их реализацию и тем самым одновременно — и действительный обмен товаров, их переход из одних рук в другие, общественный обмен веществ. Тем не менее, так как фаза обращения промышленного капитала точно так же составляет фазу процесса воспроизводства, как и производство, то капитал, самостоятельно функционирующий в процессе обращения, должен точно так же приносить среднюю годовую прибыль, как и капитал, функционирующий в различных отраслях производства. Если бы купеческий капитал приносил в процентном отношении более высокую среднюю прибыль, чем промышленный капитал, то часть промышленного капитала превратилась бы в купеческий капитал. Если бы он приносил более низкую среднюю прибыль, то произошел бы обратный процесс. Часть купеческого капитала превратилась бы в промышленный капитал. Ни один вид капитала не может изменять своего назначения, своей функции с большей легкостью, чем купеческий капитал.

Так как сам купеческий капитал не производит прибавочной стоимости, то ясно, что прибавочная стоимость, приходящаяся на его долю в форме средней прибыли, составляет часть прибавочной стоимости, произведенной всем производительным капиталом. Но теперь вопрос заключается в следующем: каким образом купеческий капитал притягивает к себе достающуюся на его долю часть произведенной производительным капиталом прибавочной стоимости, или прибыли?

Это — только внешняя видимость, будто торговая прибыль есть простая надбавка, номинальное повышение цены товаров выше их стоимости.

Ясно, что купец может извлекать свою прибыль только из цены продаваемых им товаров, и еще более ясно, что эта прибыль, выручаемая им при продаже своих товаров, должна равняться разнице между его покупной ценой и его продажной ценой, равняться излишку, на который последняя превышает первую.

Возможны случаи, когда после покупки товара и до его продажи на него требуются дополнительные издержки (издержки обращения), и совершенно так же возможны случаи, когда этого не бывает. Если такие издержки приходится делать, то ясно, что превышение продажной цены над покупной ценой представляет не одну только прибыль. Чтобы упростить исследование, мы прежде всего предположим, что никаких таких издержек в товар не входит.

Для промышленного капиталиста разница между продажной и покупной ценой его товаров равна разнице между их ценой производства и издержками производства или, если рассматривать весь общественный капитал, равна разнице между стоимостью товаров и издержками их производства для капиталистов, что, в свою очередь, сводится к разнице между всем количеством овеществленного в них труда и количеством овеществленного в них оплаченного труда. Товары, купленные промышленным капиталистом, прежде чем они снова будут выброшены на рынок как товары, готовые для продажи, проделывают процесс производства, во время которого только и производится составная часть их цены, реализуемая впоследствии как прибыль. Иное дело для торговца товарами. Товары находятся в его руках только до тех пор, пока они находятся в процессе своего обращения. Он только продолжает их продажу, начатую производительным капиталистом, продолжает реализацию их цены и потому не подвергает их никакому промежуточному процессу, в котором они снова могли бы всасывать прибавочную стоимость. В то время как промышленный капиталист в обращении лишь реализует ранее произведенную прибавочную стоимость, или прибыль, купец, напротив, должен в обращении и посредством обращения не только реализовать свою прибыль, но именно создать ее. Кажется, будто это возможно только при том условии, что товары, проданные ему промышленным капиталистом по ценам их производства, или,— если рассматривать весь товарный капитал, — по их стоимостям, он продает дороже цен их производства, делает номинальную надбавку к их ценам, следовательно, — если рассматривать весь товарный капитал, — продает их выше их стоимости и кладет себе в карман этот излишек их номинальной стоимости над их реальной стоимостью, — словом, продает их дороже, чем они стоят.

Понять эту форму надбавки очень легко. Например, один аршин холста стоит 2 шилл. Для того чтобы получить на его перепродаже 10% прибыли, я должен накинуть на цену $^{1}/_{10}$, следовательно продавать аршин по 2 шилл. $2^{2}/_{5}$ пенса. Разница между его действительной ценой производства и его продажной ценой в таком случае $= 2^{2}/_{5}$ пенса, а это на 2 шилл. составляет прибыль в 10%. На деле я продаю в таком случае покупателю аршин холста по такой цене, которая в действительности есть цена $1^{1}/_{10}$ арш. Или, что сводится к тому же самому: это совершенно все равно, как если бы я продавал покупателю за 2 шилл. только $^{10}/_{11}$ арш., а $^{1}/_{11}$ удерживал у себя. Действительно, на $2^{2}/_{5}$ пенса я могу опять купить $^{1}/_{11}$ арш., принимая цену аршина в 2 шилл. $2^{2}/_{5}$ пенса. Следовательно, это было бы только окольным путем для того чтобы посредством номинального повышения цены товаров получить долю в прибавочной стоимости и в прибавочном продукте.

Такова реализация торговой прибыли путем надбавки к цене товаров, как она на первый взгляд представляется в самом явлении. И в самом деле, все представление о происхождении прибыли от номинального повышения цены товаров или от продажи их выше их стоимости возникло из наблюдений над торговым капиталом.

Однако если рассматривать дело ближе, то скоро обнаруживается, что это — простая видимость и что если предполагать капиталистический способ производства господствующим, то торговая прибыль реализуется не таким способом. (Здесь дело всегда идет только о средних, а не об отдельных случаях.) Почему мы полагаем, что торговец товарами может реализовать прибыль на свои товары, скажем, в 10%, лишь продавая их на 10% выше их цены производства? Потому что мы предположили, что производитель этих товаров, промышленный капиталист (который, являясь олицетворением промышленного капитала, по отношению к внешнему миру всегда фигурирует как «производитель»), продал их купцу по их цене производства. Если покупные цены товаров, уплаченные торговцем товарами, равны их ценам производства, в последнем счете равны их стоимостям, так что, следовательно, цена производства, а в последнем счете стоимость товаров, представляет для купца издержки производства, то в действительности превышение его продажной цены над его покупной ценой, — а только эта разница между ценами и образует источник его прибыли, — должно быть превышением их торговой цены над их ценой производства, и в последнем счете купец должен продавать все товары выше их стоимости. Но почему же было предположено, что промышленный капиталист продает купцу товары по их цене производства? Или, лучше сказать, что̀ заключается в таком предположении? То, что торговый капитал (здесь мы имеем с ним дело еще только как с товарно-торговым капиталом) не участвует в образовании общей нормы прибыли. При исследовании общей нормы прибыли мы необходимо исходили из такого предположения, во-первых, потому, что торговый капитал как таковой тогда для нас еще не существовал; а во-вторых, потому, что среднюю прибыль, а следовательно и общую норму прибыли, необходимо было сначала развить как уравнивание прибылей, или прибавочных стоимостей, которые действительно производятся промышленными капиталами различных сфер производства. Напротив, в купеческом капитале мы имеем дело с таким капиталом, который имеет долю в прибыли, не участвуя в ее производстве. Следовательно, нам необходимо теперь дополнить прежнее изложение.

Предположим, что весь промышленный капитал, авансированный в продолжение года, $= 720_c + 180_v = 900$ (напр., миллионов фунтов стерлингов), а $m' = 100\%$. Следовательно, продукт $= 720_c + 180_v + 180_m$. Если мы затем обозначим этот продукт,

или произведенный товарный капитал, через T, то его стоимость, или цена производства (так как для всей совокупности товаров они совпадают), $= 1\,080$, а норма прибыли для всего капитала в $900 = 20\%$. Согласно вышеизложенному, эти 20% представляют собою среднюю норму прибыли, так как прибавочная стоимость здесь вычисляется не на тот или иной капитал особого строения, а на весь промышленный капитал с его средним строением. Итак, $T = 1080$ и норма прибыли $= 20\%$. Но теперь мы предположим, что к этим 900 ф. ст. промышленного капитала присоединяется еще 100 ф. ст. купеческого капитала, который pro rata [пропорционально] своей величине имеет такую же долю в прибыли, как и тот. Согласно предположению, купеческий капитал составляет всего $^1/_{10}$ всего капитала в 1000. Следовательно, из всего количества прибавочной стоимости в 180 на его долю приходится $^1/_{10}$, и таким образом он получает прибыль из нормы в 18%. Значит, прибыль, подлежащая распределению между остальными $^9/_{10}$ всего капитала, фактически равняется уже только 162, или на капитал в 900 она тоже $= 18\%$. Таким образом цена, по которой владельцы промышленного капитала в 900 продают T торговцам товарами, $= 720_c + 180_v + 162_m = 1062$. Следовательно, если купец надбавит на свой капитал в 100 среднюю прибыль в 18%, то он продает товары за $1062 + 18 = 1080$, т. е. по их цене производства, или, — если рассматривать весь товарный капитал, — по их стоимости, хотя он добывает свою прибыль только в обращении и через обращение и только таким путем, что цена, по которой он продает, превышает цену, по которой он покупает. Но все же он продает товары не выше их стоимости, или не выше их цены производства, как раз потому, что он купил их у промышленного капиталиста ниже их стоимости, или ниже их цены производства.

Итак, купеческий капитал определяющим образом участвует в процессе образования общей нормы прибыли pro rata [пропорционально] той доле, какую он составляет от всего капитала. Следовательно, если мы в данном случае говорим: средняя норма прибыли $= 18\%$, то она была бы $= 20\%$, если бы $^1/_{10}$ всего капитала не составлял купеческий капитал и если бы вследствие этого общая норма прибыли не понизилась на $^1/_{10}$. Вместе с тем появляется более точное, ограничительное определение цены производства. Под ценой производства, как и ранее, следует разуметь цену товара = его издержкам (стоимости содержащегося в нем постоянного + + переменного капитала) + средняя прибыль на них. Но эта средняя прибыль определяется теперь иначе. Она определяется всей прибылью, которую производит весь производительный капитал; но она исчисляется не на весь этот производительный капитал, не так, что если он, как принято выше, $= 900$, а прибыль $=$ $= 180$, то средняя норма прибыли будет $\frac{180}{900} = 20\%$, — нет, она

исчисляется на весь производительный капитал + торговый капитал, так что если имеется 900 производительного и 100 торгового капитала, то средняя норма прибыли $= \frac{180}{1\,000} = 18\%$. Следовательно, цена производства $= k$ (издержкам) $+ 18$, вместо $k + 20$. В средней норме прибыли уже учтена часть всей прибыли, приходящаяся на долю торгового капитала. Поэтому действительная стоимость, или цена производства, всего товарного капитала $= k + p + h$ (где h означает торговую прибыль). Следовательно, цена производства, или та цена, по которой продает промышленный капиталист как таковой, меньше, чем действительная цена производства товара; или, если рассматривать все товары в совокупности, цены, по которым продает их класс промышленных капиталистов, меньше их стоимостей. Таким образом в вышеприведенном примере: 900 (издержки) $+ 18\%$ на 900, или $900 + 162 = 1062$. Купец же, продавая товар, стóящий ему 100, за 118, конечно, накидывает 18%; но так как товар, купленный им за 100, стóит 118, то таким образом он продает его не выше его стоимости. Мы будем употреблять выражение цена производства в вышеизложенном более тесном смысле. В таком случае ясно, что прибыль промышленного капиталиста равна избытку цены производства товара над его издержками производства и что в отличие от этой промышленной прибыли торговая прибыль равна избытку продажной цены над ценой производства товара, которая для купца является его покупной ценой; но ясно, что действительная цена товара = его цене производства + купеческая (торговая) прибыль. Подобно тому, как промышленный капитал только реализует прибыль, которая как прибавочная стоимость уже заключается в стоимости товара, так и торговый капитал только реализует ее, потому что вся прибавочная стоимость, или прибыль, еще не реализована в цене товара, реализованной промышленным капиталом [39]. Таким образом цена, по которой купец продает, выше той, по которой он покупает, не потому, что первая выше всей стоимости, но потому, что вторая ниже ее.

Итак, купеческий капитал участвует в уравнении прибавочной стоимости в среднюю прибыль, хотя не участвует в производстве этой прибавочной стоимости. Поэтому общая норма прибыли уже содержит в себе вычет из прибавочной стоимости, приходящейся на долю купеческого капитала, т. е. вычет из прибыли промышленного капитала.

Из вышеизложенного следует:

1) Чем больше купеческий капитал по сравнению с промышленным капиталом, тем меньше норма промышленной прибыли, и обратно.

---

[39] Джон Бэллерс.

2) Если в первом отделе оказалось, что норма прибыли всегда выражает меньшую норму, чем норма действительной прибавочной стоимости, т. е. всегда показывает степень эксплуатации труда слишком низкой, — напр. в вышеприведенном случае $720_c + 180_v + 180_m$ норма прибавочной стоимости в 100% выражается как норма прибыли только в 20%, — то эти отношения расходятся еще больше, поскольку сама средняя норма прибыли, если учесть долю, приходящуюся на купеческий капитал, в свою очередь представляется меньше, — в нашем случае она представляет 18% вместо 20%. Следовательно, средняя норма прибыли непосредственно эксплуатирующего капиталиста выражает норму прибыли преуменьшенной по сравнению с той, какой она является в действительности.

При прочих равных условиях относительная величина купеческого капитала стоит в обратном отношении к быстроте его оборота, следовательно в обратном отношении к энергии процесса воспроизводства вообще (причем, однако, капитал мелочных торговцев — этот ублюдочный тип — составляет исключение). В ходе научного анализа исходным пунктом образования общей нормы прибыли являются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация вследствие вмешательства купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая процесс воспроизводства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала как соответственной части всего капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства.

При дополнительном уравнении прибылей вследствие вмешательства купеческого капитала оказалось, что в стоимость товара не входит никакого добавочного элемента, который приходился бы на авансированный купцом денежный капитал, что надбавка к цене, благодаря которой купец получает свою прибыль, равна только той части стоимости товара, которую производительный капитал не присчитал к цене производства товара, равна той части, которою он поступился. С этим денежным капиталом дело обстоит именно так, как с основным капиталом промышленного капиталиста, поскольку он не потреблен, поскольку, следовательно, его стоимость не составляет никакого элемента стоимости товара. Именно в той цене, по которой он покупает товарный капитал, он возмещает цену его производства $=Д$ деньгами. Его продаж-

ная цена, как было развито выше, $= Д + \Delta Д$, причем $\Delta Д$ выражает прибавку к цене товара, определяемую общей нормой прибыли. Следовательно, если он продает товар, то к нему возвращается кроме $\Delta Д$ первоначальный денежный капитал, авансированный им на покупку товаров. При этом снова обнаруживается, что его денежный капитал вообще не что иное, как превращенный в денежный капитал товарный капитал промышленного капиталиста, капитал, который так же мало может влиять на величину стоимости этого товарного капитала, как если бы последний продавался не купцу, а непосредственно окончательному потребителю. Фактически он только предвосхищает оплату товара этим последним. Однако это справедливо только в том случае, если, как это мы до сих пор предполагали, купец не делает никаких издержек или если в процессе метаморфозы товаров, купли и продажи, ему не приходится авансировать никакого иного капитала, ни основного, ни оборотного, кроме того денежного капитала, который он должен авансировать для того чтобы купить товар у производителя. Однако, как это мы видели при исследовании издержек обращения (книга II, гл. VI), это не так. И эти издержки обращения являются отчасти такими, которые купец может переложить на других агентов обращения, отчасти такими, которые непосредственно связаны с его специфическим предприятием.

Какого бы рода ни были эти издержки обращения, свойственны ли они чисто купеческому предприятию как таковому, следовательно принадлежат к специфическим издержкам обращения купца, или они представляют расходы, обусловленные дополнительными процессами производства, присоединяющимися во время процесса обращения, каковы: отправка, перевозка, хранение и пр., — на стороне купца они постоянно предполагают, кроме денежного капитала, авансированного на покупку товаров, дополнительный капитал, который авансируется на покупку и оплату этих средств обращения. Поскольку этот элемент издержек состоит из оборотного капитала, он как дополнительный элемент входит целиком в продажную цену товаров; поскольку он состоит из основного капитала, он входит в нее как дополнительный элемент по мере своего снашивания; но он входит в нее как элемент, образующий номинальную стоимость, даже если он, как чисто купеческие издержки обращения, не образует никакого действительного дополнения к стоимости товара. Но весь этот дополнительный капитал, будет ли он оборотным или основным, участвует в образовании общей нормы прибыли.

Чисто купеческие издержки обращения (следовательно за исключением издержек на отправку, перевозку, хранение и пр.) сводятся к таким издержкам, которые необходимы для того чтобы реализовать стоимость товара, чтобы превратить ее из товара в деньги или из денег в товар, чтобы осуществить обмен между

ними. При этом мы совершенно оставляем в стороне процессы производства, которые могут продолжаться в течение акта обращения и от которых купеческое предприятие может существовать совершенно обособленным. Подобно тому, как, напр., действительная транспортная промышленность и экспедиция товаров фактически могут представлять и представляют собою отрасли промышленности, совершенно отличные от торговли, точно так же и товары, которым предстоит быть купленными и проданными, могут лежать в доках и других общественных помещениях, причем вытекающие из этого издержки, поскольку купцу приходится их авансировать, начисляются на него третьими лицами. Все это имеет место в собственно оптовой торговле, где купеческий капитал проявляется в наиболее чистом виде и наименее переплетается с другими функциями. Хозяин извозного предприятия, управляющий железной дорогой, судовладелец — не «купцы». Издержки, которые мы здесь рассматриваем, это издержки купли и продажи. Уже ранее мы отметили, что они сводятся к расчетам, ведению книг, рыночным расходам, расходам на корреспонденцию и пр. Требующийся для этого постоянный капитал заключается в конторах, бумагах, почтовых знаках и пр. Другие издержки сводятся к переменному капиталу, который авансируется на наем торговых рабочих. (Экспедиционные расходы, транспортные издержки, предварительные таможенные затраты и т. п. отчасти можно рассматривать таким образом, как будто купец авансировал их на покупку товаров, и потому для него они входят в покупную цену.)

Все такие издержки делаются не при производстве потребительной стоимости товара, а при реализации его стоимости; они суть чистые издержки обращения. Они входят не в непосредственный процесс производства, а в процесс обращения, а потому в общий процесс воспроизводства.

Нас здесь интересует единственно та часть этих издержек, которая расходуется на переменный капитал. (Кроме того, необходимо было бы исследовать: во-первых, каким образом сохраняет свое значение для процесса обращения закон, согласно которому в стоимость товара входит только необходимый труд? Во-вторых, как проявляется накопление при купеческом капитале? В-третьих, как функционирует купеческий капитал в действительном общественном процессе воспроизводства, взятом в целом?)

Эти издержки обусловливаются экономической формой продукта как товара.

Если рабочее время, которое промышленные капиталисты теряют сами, продавая свои товары непосредственно один другому, — следовательно, говоря объективно, время обращения товаров, — не прибавляет никакой стоимости к этим товарам, то ясно, что это рабочее время не получает иного характера вследствие того, что вместо промышленного капиталиста оно приходится

на долю купца. Превращение товара (продукта) в деньги и денег в товар (в средства производства) составляет необходимую функцию промышленного капитала и, следовательно, необходимую операцию капиталиста, который в действительности представляет собою только персонифицированный капитал, одаренный собственным сознанием и волей. Но эти функции не увеличивают стоимости и не создают прибавочной стоимости. Совершая такие операции или продолжая выполнять функции капитала в сфере обращения после того, как их перестал выполнять производительный капиталист, купец лишь заменяет промышленного капиталиста. Рабочее время, требующееся для этих операций, употребляется на необходимые операции в процессе воспроизводства капитала, но не присоединяет никакой стоимости. Если бы купец не выполнял этих операций (следовательно и не затрачивал бы требующегося для них рабочего времени), то он не употреблял бы своего капитала в качестве агента обращения промышленного капитала; он не продолжал бы функции, прерванной промышленным капиталистом, и потому не принимал бы в качестве капиталиста участия pro rata [пропорционально] авансированному им капиталу в той массе прибыли, которая производится классом промышленных капиталистов. Поэтому для того чтобы иметь долю в общей массе прибавочной стоимости, чтобы авансированная им сумма возрастала в своей стоимости как капитал, торговому капиталисту нет необходимости применять наемных рабочих. Если его предприятие и его капитал незначительны, он сам может быть единственным работником в своем собственном предприятии. Он оплачивается частью прибыли, возникающей из разницы между покупной ценой товаров и их действительной ценой производства.

Но, с другой стороны, при незначительных размерах капитала, авансируемого купцом, реализуемая им прибыль может быть нисколько не больше заработной платы лучше оплачиваемого искусного наемного рабочего, она может быть даже меньше ее. В самом деле, наряду с ним функционируют непосредственные торговые агенты производительного капиталиста, закупщики, продавцы, коммивояжеры, получающие столько же или больше дохода, в форме ли заработной платы или в форме известной доли прибыли, получаемой при каждой продаже (провизии, тантьемы). В первом случае купец получает торговую прибыль как самостоятельный капиталист; во втором случае приказчику, наемному рабочему промышленного капиталиста, выплачивается часть прибыли в форме ли заработной платы или в форме соответствующего участия в прибыли того промышленного капиталиста, непосредственным агентом которого он является, и в этом случае его принципал кладет себе в карман как промышленную, так и торговую прибыль. Но, хотя самому агенту обращения его доход может представляться простой заработной платой, платой за выполненный

им труд, и хотя там, где он не представляется в таком виде, величина его прибыли может равняться лишь заработной плате лучше оплачиваемого рабочего, однако во всех этих случаях источником его дохода служит лишь торговая прибыль. Это происходит от того, что его труд не есть труд, создающий стоимость.

Увеличение продолжительности операции обращения представляет для промышленного капиталиста 1) потерю времени лично для него, поскольку это мешает ему исполнять свою функцию управляющего самим процессом производства; 2) более продолжительное пребывание его продукта, в денежной или в товарной форме, в процессе обращения, следовательно в таком процессе, где не происходит возрастания стоимости этого продукта и где непосредственный процесс производства прерывается. Чтобы последний не прерывался, приходится сокращать производство или,— чтобы процесс производства продолжался постоянно в прежнем масштабе, — авансировать дополнительный денежный капитал. Во всяком случае это сводится к тому, что или при прежнем капитале получается меньшая прибыль или приходится авансировать дополнительный денежный капитал, чтобы получить прежнюю прибыль. Все это нисколько не изменяется, если на место промышленного капиталиста становится купец. Вместо того чтобы первому тратить больше времени на процесс обращения, его затрачивает купец; вместо того чтобы промышленник авансировал на обращение дополнительный капитал, его авансирует купец; или,— что то же самое, — вместо того чтобы бо́льшая часть промышленного капитала постоянно находилась в процессе обращения, в нем всецело замыкается капитал купца; и вместо того чтобы промышленный капиталист производил меньшую прибыль, ему приходится часть своей прибыли полностью уступать купцу. Поскольку купеческий капитал не превышает необходимых пределов, различие заключается только в том, что вследствие такого разделения функции капитала употребляется меньше времени исключительно на процесс обращения, авансируется на это меньше дополнительного капитала, и потеря на общем количестве прибыли, выражающаяся в форме торговой прибыли, меньше, чем была бы она в противном случае. Если в приведенном выше примере капитал $720_c +$ $+ 180_v + 180_m$, при существовании наряду с ним купеческого капитала в 100, дает промышленному капиталисту прибыль в 162, или 18%, следовательно прибыль убавляется на 18, то без такого обособления купеческого капитала необходимый дополнительный капитал достигал бы, может быть, 200, и в таком случае вся сумма, авансированная промышленным капиталом, составляла бы 1100 вместо 900, следовательно при прибавочной стоимости в 180 норма прибыли была бы только $16^4/_{11}\%$.

Если промышленный капиталист, являющийся своим собственным купцом, кроме дополнительного капитала, на который он

покупает новый товар, прежде чем превратился в деньги его продукт, находящийся в обращении, авансировал еще капитал для реализации стоимости своего товарного капитала, следовательно на процесс обращения (содержание конторы и плата торговым рабочим), то хотя оба эти капитала образуют дополнительный капитал, но они не создают прибавочной стоимости. Они должны быть возмещены из стоимости товаров потому, что некоторая часть стоимости этих товаров должна быть снова превращена в эти издержки обращения; но никакой дополнительной прибавочной стоимости от этого не образуется. По отношению ко всему капиталу общества это фактически сводится к тому, что часть его требуется для второстепенных операций, не входящих в процесс возрастания стоимости, и что эта часть общественного капитала постоянно должна воспроизводиться для этих целей. Вследствие этого уменьшается норма прибыли для отдельных капиталистов и для всего класса промышленных капиталистов — результат, получающийся при всяком новом присоединении дополнительного капитала, поскольку это требуется для того чтобы привести в движение прежнюю массу переменного капитала.

Поскольку торговый капиталист снимает с промышленного капиталиста и берет на себя такие связанные с самим обращением дополнительные издержки, тоже происходит это уменьшение нормы прибыли, только в меньшей степени и другим способом. Дело представляется теперь таким образом, что купец авансирует капитала больше, чем требовалось бы, если бы этих издержек не существовало, и что прибыль на этот дополнительный капитал повышает сумму торговой прибыли; следовательно, купеческий капитал в большем размере входит вместе с промышленным капиталом в уравнение средней нормы прибыли, т. е. средняя прибыль понижается. Если в нашем прежнем примере кроме 100 купеческого капитала авансируется еще 50 дополнительного капитала на те издержки, о которых идет речь, то общая сумма прибавочной стоимости в 180 распределяется в таком случае на производительный капитал в 900 плюс купеческий капитал в 150, итого = = 1050. Следовательно, средняя норма прибыли понижается до $17^1/_7$%. Промышленный капиталист продает товары купцу за $900+154^2/_7=1054^2/_7$, а купец продает их за 1130 (1080 + 50 на те издержки, которые он опять должен возместить). Впрочем, следует признать, что с разделением капитала на купеческий и промышленный связана централизация торговых издержек и вследствие этого их сокращение.

Теперь спрашивается: как обстоит дело с торговыми наемными рабочими, занятыми у торгового капиталиста, в нашем случае у торговца товарами?

С одной стороны, такой торговый рабочий совершенно такой же наемный рабочий, как и всякий другой. Во-первых, поскольку

его труд покупается на переменный капитал купца, а не на те деньги, которые расходуются как доход, следовательно покупается не для личных услуг, а в целях самовозрастания стоимости авансированного на это капитала. Во-вторых, поскольку стоимость его рабочей силы и, следовательно, его заработная плата определяется, как и у всех других наемных рабочих, издержками производства и воспроизводства его специфической рабочей силы, а не продуктом его труда.

Но между ним и рабочими, непосредственно занятыми промышленным капиталом, должно существовать такое же различие, какое существует между промышленным капиталом и торговым капиталом, а потому между промышленным капиталистом и купцом. Так как купец как простой агент обращения не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости (потому что добавочная стоимость, которую он присоединяет к товарам посредством своих издержек, сводится лишь к добавлению ранее существовавшей стоимости, хотя здесь навязывается вопрос, каким образом он удерживает, сберегает эту стоимость своего постоянного капитала?), то и торговые рабочие, занятые у него исполнением таких же функций, не могут непосредственно создавать для него прибавочную стоимость. При этом, как и для производительных рабочих, мы предполагаем, что их заработная плата определяется стоимостью рабочей силы, следовательно купец не обогащается вычетами из заработной платы, так что он в счет своих издержек вносит не такое авансирование на труд, которое оплачивало бы последний только отчасти, — другими словами, он обогащается не таким способом, что надувает своих приказчиков и пр.

По отношению к торговым наемным рабочим затруднение состоит вовсе не в том, чтобы объяснить, каким образом они производят прибыль непосредственно для своих хозяев, хотя непосредственно они не производят прибавочной стоимости (лишь превращенной формой которой является прибыль). В самом деле, этот вопрос уже разрешен при общем анализе торговой прибыли. Совершенно так же, как промышленный капитал получает прибыль вследствие того, что он продает заключающийся и реализованный в товарах труд, за который он не заплатил никакого эквивалента, так и торговый капитал получает ее вследствие того, что он оплачивает промышленному капиталу не весь неоплаченный труд, заключающийся в товаре (в товаре, поскольку капитал, затраченный на его производство, функционирует как соответственная часть всего промышленного капитала), а при продаже товаров, напротив, заставляет заплатить себе за эту еще заключающуюся в товарах и не оплаченную им часть. Отношение купеческого капитала к прибавочной стоимости иное, чем отношение промышленного капитала. Последний производит прибавочную стоимость путем непосредственного присвоения неоплаченного чужого труда.

Первый присваивает себе часть этой прибавочной стоимости, заставляя промышленный капитал передать ему эту часть.

Лишь посредством своей функции — реализации стоимостей — торговый капитал функционирует в процессе воспроизводства как капитал, а потому как функционирующий капитал извлекает долю прибавочной стоимости, произведенной всем капиталом. Для каждого отдельного купца масса его прибыли зависит от массы капитала, которую он может употреблять на этот процесс, а он может употреблять на куплю и продажу тем больше, чем больше неоплаченный труд его приказчиков. Даже функцию, в силу которой его деньги являются капиталом, торговый капиталист по большей части заставляет выполнять своих рабочих. Хотя неоплаченный труд этих приказчиков не создает прибавочной стоимости, но он создает для него возможность присвоения прибавочной стоимости, что по своему результату представляет для этого капитала совершенно то же самое; следовательно, этот труд является для него источником прибыли. Иначе торговое предприятие никак нельзя было бы вести в крупных размерах, никогда нельзя было бы вести капиталистически.

Подобно тому, как неоплаченный труд рабочего непосредственно создает для производительного капитала прибавочную стоимость, неоплаченный труд торговых наемных рабочих создает для торгового капитала участие в этой прибавочной стоимости.

Затруднение заключается в следующем: так как рабочее время и труд самого купца не являются трудом, создающим стоимость, хотя он и создает для купца возможность участвовать в уже произведенной прибавочной стоимости, то как обстоит дело с тем переменным капиталом, который купец расходует на покупку торговой рабочей силы? Следует ли причислять этот переменный капитал как входящий в число издержек к авансированному торговому капиталу? Если нет, то это как будто противоречит закону уравнения нормы прибыли; какой капиталист стал бы авансировать 150, если бы он мог считать авансированным капиталом только 100? Если же следует, то это как будто противоречит сущности торгового капитала, так как капитал этого рода функционирует как капитал не вследствие того, что он подобно промышленному капиталу приводит в движение чужой труд, но вследствие того, что он сам работает, т. е. исполняет функции купли и продажи и именно лишь за это и благодаря этому переносит на себя часть прибавочной стоимости, произведенной промышленным капиталом.

(Итак, нам предстоит исследовать следующие пункты: переменный капитал купца; закон необходимого труда в обращении; каким образом труд купца сохраняет стоимость его постоянного капитала; роль купеческого капитала в процессе воспроизводства,

взятом в целом; наконец, раздвоение на товарный капитал и денежный капитал, с одной стороны, и на товарно-торговый и денежно-торговый капитал, с другой.)

Если бы у каждого купца было лишь столько капитала, что он мог бы совершать обороты посредством исключительно своего собственного труда, то происходило бы бесконечное дробление купеческого капитала; это дробление должно было бы возрастать по мере того, как производительный капитал с развитием капиталистического способа производства производит все в более крупном масштабе и оперирует все с бо́льшими массами. Следовательно, получилось бы возрастающее несоответствие между тем и другим. По мере централизации капитала в сфере производства совершалась бы децентрализация капитала в сфере обращения. Чисто купеческие операции промышленного капиталиста и вместе с тем его чисто купеческие расходы вследствие этого бесконечно увеличивались бы, потому что ему приходилось бы иметь дело, напр., с 1000 купцов вместо 100. Тем самым утратилась бы бо́льшая часть выгоды от обособления купеческого капитала; кроме чисто купеческих, росли бы и другие издержки обращения, по сортировке, экспедиции и т. д. Это по отношению к промышленному капиталу. Рассмотрим теперь купеческий капитал. Во-первых, что касается чисто купеческих работ. В счетоводстве при больших числах не требуется больше времени, чем при малых. 10 покупок по 100 ф. ст. требуют в десять раз больше времени, чем *одна* покупка в 1000 ф. ст. Корреспонденция, бумага, почтовые расходы обойдутся в десять раз дороже, если иметь дело с 10 мелкими купцами, чем если иметь дело с *одним* крупным. Строго очерченное разделение труда в коммерческой мастерской, где один ведет книги, другой кассу, третий корреспондирует, тот производит закупки, этот продает, другой находится в разъездах и т. д., сберегает рабочее время в огромных количествах, так что число торговых рабочих, находящее применение в крупной торговле, не стоит ни в каком соответствии с относительной величиной предприятия. Это происходит оттого, что в торговле несравненно более, чем в промышленности, одна и та же функция требует одинакового рабочего времени независимо от того, выполняется ли она в большом или малом масштабе. Поэтому исторически концентрация в купеческом предприятии является раньше, чем в промышленной мастерской. Далее, расходы на постоянный капитал. 100 мелких контор сто́ят бесконечно дороже, чем одна большая; 100 мелких товарных складов — дороже, чем один большой, и т. д. Транспортные издержки, по крайней мере те, которые входят в число издержек, подлежащих авансированию, в купеческом предприятии возрастают вместе с дроблением.

Промышленный капиталист должен был бы затрачивать в торговой части своего предприятия больше труда и издержек обраще-

ния. Один и тот же купеческий капитал, если бы он был разделен между множеством мелких купцов, потребовал бы вследствие такой раздробленности гораздо больше рабочих для осуществления своих функций, и, кроме того, потребовался бы более крупный купеческий капитал для обращения того же самого товарного капитала.

Если мы обозначим через *B* весь купеческий капитал, употребляемый непосредственно на куплю и продажу товаров, а через *b* обозначим соответствующий переменный капитал, расходуемый на оплату вспомогательных торговых рабочих, то $B+b$ оказывается меньше, чем должен был бы быть весь купеческий капитал *B*, если бы каждый купец управлялся без помощников, т. е. если бы ни одна часть не расходовалась на *b*. Однако мы все же еще не разрешили затруднения.

Продажная цена товаров должна быть достаточной 1) для того чтобы оплатить среднюю прибыль на $B+b$. Это объясняется уже тем, что $B+b$ есть вообще сокращение первоначального *B*, представляет меньший купеческий капитал, чем тот, который был бы необходим без *b*. Но эта продажная цена должна быть достаточной 2) для того чтобы, кроме дополнительно появляющейся теперь прибыли на *b*, возместить и выплаченную заработную плату, возместить самый переменный капитал купца $= b$. Это последнее представляет затруднение. Образует ли *b* новую составную часть цены или оно есть только часть прибыли, полученной от $B+b$, часть, которая является заработной платой только по отношению к торговому рабочему, а по отношению к самому купцу представляет простое возмещение его переменного капитала? В последнем случае полученная купцом прибыль на затраченный им капитал $B+b$ была бы только равна прибыли, приходящейся соответственно общей норме прибыли на *B*, плюс *b*, причем последнее уплачивается купцом в форме заработной платы, но само не приносит никакой прибыли.

На деле задача сводится к тому, чтобы найти границы *b* (в математическом смысле). Прежде всего мы хотим точно установить, в чем заключается затруднение. Обозначим капитал, расходуемый непосредственно на куплю и продажу товаров, через *B*, постоянный капитал, потребляемый при этой функции, через *K* (реальные торговые издержки) и переменный капитал, расходуемый купцом, через *b*.

Возмещение *B* не представляет решительно никаких затруднений. Оно является только реализованной покупной ценой для купца или ценой производства для фабриканта. Купец платит эту цену, а при перепродаже он получает *B* обратно как часть своей продажной цены; кроме этого *B* он получает прибыль на *B*, как объяснено выше. Например, товар стоит 100 ф. ст. Прибыль на него пусть составляет 10%. Таким образом товар продается

за 110. Уже раньше товар стоил 100; купеческий капитал в 100 прибавляет к нему только 10.

Далее, если мы возьмем K, то оно оказывается, самое большее, такой же величины, — в действительности значительно меньше, — как часть постоянного капитала, которую должен был бы потребить для купли и продажи производитель; но она представляла бы тогда добавление к тому постоянному капиталу, который употребляется производителем непосредственно в производстве. Тем не менее эта часть постоянно должна возмещаться из цены товара, или, — что то же самое, — соответственная часть товара должна постоянно расходоваться в этой форме, должна, если рассматривать весь капитал общества в целом, постоянно воспроизводиться в этой форме. Эта часть авансируемого постоянного капитала так же ограничивающе влияла бы на норму прибыли, как и вся масса его, вложенная непосредственно в производство. Поскольку промышленный капиталист предоставляет торговую часть своего предприятия купцу, ему нет надобности авансировать эту часть капитала. Вместо него ее авансирует купец. Но это только номинально; купец ни производит, ни воспроизводит потребляемый им постоянный капитал (реальные торговые издержки). Следовательно, производство последнего является особым видом предпринимательской деятельности или, по крайней мере, частью деятельности известных промышленных капиталистов, которые таким образом играют такую же роль, как промышленные капиталисты, доставляющие постоянный капитал тем, кто производит жизненные средства. Следовательно, купец получает, во-первых, возмещение этого капитала и, во-вторых, прибыль на него. Таким образом вследствие того и другого происходит сокращение прибыли промышленного капиталиста. Но вследствие связанной с разделением труда концентрации и экономии она сокращается в меньшей мере, чем было бы в том случае, если бы ему самому приходилось авансировать этот капитал. Уменьшение нормы прибыли меньше, потому что меньше авансируемый таким образом капитал.

Итак, продажная цена состоит пока из $B + K +$ прибыль на $B + K$. После предыдущего эта часть ее не представляет никаких затруднений. Но вот появляется b, или переменный капитал, авансируемый купцом.

Вследствие этого продажная цена превращается в $B + K + b +$ прибыль на $B + K +$ прибыль на b.

B только возмещает покупную цену, но, кроме прибыли на B, не присоединяет к этой цене никакой части. K присоединяет не только прибыль на K, но и самое K; но $K +$ прибыль на K, — часть издержек обращения, авансированная в форме постоянного капитала, плюс соответствующая средняя прибыль, — была бы в руках промышленного капиталиста больше, чем в руках торго-

вого капиталиста. Сокращение средней прибыли обнаруживается в такой форме, что высчитывается полная средняя прибыль, — за вычетом $B+K$ из авансированного промышленного капитала, — а вычет из средней прибыли, составляющий прибыль на $B+K$, выплачивается купцу, так что этот вычет выступает в качестве прибыли особого капитала, купеческого капитала.

Но иначе обстоит дело с b + прибыль на b, или в данном случае, где норма прибыли по предположению $= 10\%$, с $b + {}^1/_{10}b$. Здесь-то и лежит действительное затруднение.

Согласно предположению, купец покупает на b только торговый труд, т. е. труд, необходимый для функций обращения капитала, для $Т — Д$ и $Д — Т$. Но торговый труд есть труд, вообще необходимый для того чтобы капитал функционировал как купеческий капитал, чтобы он содействовал превращению товара в деньги и денег в товар. Это труд, реализующий стоимости, но не создающий никаких стоимостей. И лишь поскольку какой-нибудь капитал исполняет эти функции, — следовательно, поскольку какой-нибудь капиталист выполняет со своим капиталом эти операции, этот труд, — постольку этот капитал функционирует как купеческий капитал и принимает участие в регулировании общей нормы прибыли, т. е. извлекает свой дивиденд из общей прибыли. Но в (b + прибыль на b) заключается, повидимому, во-первых, оплата труда (потому что совершенно безразлично, платит ли промышленный капиталист купцу за его собственный труд или за труд приказчиков, оплачиваемых купцом) и, во-вторых, прибыль на сумму, уплаченную за тот труд, который должен был бы выполнить сам купец. Купеческий капитал получает обратно, во-первых, оплату b и, во-вторых, прибыль на него, следовательно это происходит от того, что он, во-первых, заставляет заплатить себе за тот труд, благодаря которому он функционирует как *купеческий* капитал, а, во-вторых, он заставляет заплатить себе прибыль, потому что он функционирует как *капитал*, т. е. потому что он выполняет труд, который для него как функционирующего капитала оплачивается прибылью. Таков, следовательно, вопрос, который нам предстоит разрешить.

Предположим, что $B = 100$, $b = 10$, и норма прибыли $= 10\%$. Предположим, что $K = 0$, чтобы без надобности не вводить снова в расчет этот элемент покупной цены, который сюда не относится и с которым мы уже покончили. Таким образом продажная цена была бы $= B + p + b + p$ $(= B + Bp' + b + bp'$, где p' норма прибыли$) = 100 + 10 + 10 + 1 = 121$.

Но если бы купец не расходовал b на заработную плату, — так как b уплачивается лишь за торговый труд, следовательно за труд, необходимый для реализации стоимости товарного капитала, выбрасываемого на рынок промышленным капиталом, — то дело обстояло бы таким образом: на то, чтобы купить или продать

на $B=100$, купец отдавал бы свое время, и мы предположим, что это все время, которым он располагает. Если бы торговый труд, представляемый b или 10-ю, оплачивался не заработной платой, а прибылью, то он предполагал бы другой купеческий капитал $=100$, так как 10% его $=b=10$. Этот второй $B=100$ не входил бы дополнительно в цену товара, но 10%, конечно, входили бы в нее. Поэтому были бы произведены две операции по $100=200$, чтобы купить товаров на $200+20=220$.

Так как купеческий капитал есть абсолютно не что иное, как обособившаяся форма части промышленного капитала, функционирующего в процессе обращения, то все относящиеся к нему вопросы должны разрешаться так, чтобы проблема ставилась прежде всего в такой форме, при которой свойственные купеческому капиталу явления представляются еще не самостоятельными, но стоящими в непосредственной связи с промышленным капиталом как его разветвление. Как контора, в отличие от мастерской, торговый капитал постоянно функционирует в процессе обращения. Таким образом именно здесь, в конторе самого промышленного капиталиста, и до́лжно сначала исследовать интересующее нас b.

Прежде всего эта контора всегда чрезвычайно мала по сравнению с промышленной мастерской. Впрочем, ясно, что по мере расширения размеров производства увеличиваются торговые операции, которые приходится постоянно совершать для обращения промышленного капитала как для того чтобы продать продукт, имеющийся в форме товарного капитала, так и для того чтобы снова превратить в средства производства вырученные деньги и всему вести счет. Исчисление цен, ведение книг, ведение кассы, корреспонденция — все это относится сюда. Чем выше масштаб производства, тем больше, хотя далеко не в соответствующей пропорции, купеческие операции промышленного капитала, следовательно тем больше труд и прочие издержки обращения для реализации стоимости и прибавочной стоимости. Вследствие этого становится необходимым применение наемных торговых рабочих, которые составляют собственно контору. Хотя расходы на них производятся в форме заработной платы, они отличаются от переменного капитала, который затрачивается на покупку производительного труда. Это увеличивает расходы промышленного капиталиста, массу авансируемого капитала, не увеличивая непосредственно прибавочной стоимости. Потому что это является расходом на оплату труда, который употребляется только для реализации уже созданной стоимости. Как и всякий другой расход такого рода, этот расход тоже уменьшает норму прибыли, потому что возрастает авансированный капитал, но не возрастает прибавочная стоимость. Если прибавочная стоимость m остается неизменной, авансированный же капитал K возрастает до $K+\Delta K$,

то вместо нормы прибыли $\frac{m}{K}$ получается меньшая норма прибыли $\frac{m}{K + \Delta K}$. Следовательно, промышленный капиталист старается ограничить до минимума эти издержки обращения совершенно так же, как и свои затраты на постоянный капитал. Поэтому отношение промышленного капитала к его торговым наемным рабочим не таково, как отношение к его производительным наемным рабочим. При прочих равных условиях, чем больше он применяет последних, тем крупнее производство, тем больше прибавочная стоимость, или прибыль. И наоборот. Чем больше масштаб производства и чем больше подлежащая реализации стоимость, а потому и прибавочная стоимость, следовательно, чем больше произведенный товарный капитал, тем более возрастают абсолютно, хотя не относительно, конторские издержки и дают толчок для некоторого рода разделения труда. В какой мере прибыль является предпосылкой таких расходов, это обнаруживается, между прочим, в том, что часто при увеличении жалованья торговым служащим часть его уплачивается процентным отчислением с прибыли. Такова природа дела, что труд, заключающийся только в посреднических операциях, — которые связаны отчасти с вычислением стоимостей, отчасти с их реализацией, отчасти с обратным превращением реализованных денег в средства производства и размер которых зависит, следовательно, от величины произведенных и подлежащих реализации стоимостей, — что такой труд действует не как причина, подобно непосредственно производительному труду, а как следствие соответствующей величины и массы этих стоимостей. Подобным же образом обстоит дело и с другими издержками обращения. Для того чтобы много измерять, взвешивать, упаковывать, транспортировать, должно быть налицо много товаров; масса труда по упаковке, транспорту и т. п. зависит от массы товаров, объектов такой деятельности, а не наоборот.

Торговый рабочий непосредственно не производит прибавочной стоимости. Но цена его труда определяется стоимостью его рабочей силы, следовательно издержками ее производства, тогда как проявление этой рабочей силы в действии, ее напряжение, расходование и снашивание, как и у всякого другого наемного рабочего, отнюдь не ограничено ее стоимостью. Поэтому его плата не стоит ни в каком необходимом отношении к массе прибыли, которую он помогает реализовать капиталисту. То, чего он стòит капиталисту, и то, что̀ он ему приносит, — это различные величины. Он приносит ему прибыль не потому, что непосредственно создает прибавочную стоимость, а потому, что помогает уменьшать издержки реализации прибавочной стоимости, поскольку он выполняет отчасти неоплаченный труд. Собственно торговый рабочий принадлежит к лучше оплачиваемому классу наемных

рабочих, к тем, труд которых есть искусный труд, стоящий выше среднего труда. Между тем с прогрессом капиталистического способа производства заработная плата имеет тенденцию понижаться даже по отношению к труду среднего качества, отчасти вследствие разделения труда внутри конторы; отсюда должно получиться лишь одностороннее развитие трудоспособности, и издержки получения такой трудоспособности отчасти ничего не стоят капиталисту: искусство рабочего развивается самой функцией, и притом тем быстрее, чем одностороннее она становится с разделением труда. Во-вторых, вследствие того, что предварительное образование, знакомство с торговым делом, знание языков и т. д. с прогрессом науки и народного образования приобретаются все быстрее и легче, становятся все более общераспространенными, воспроизводятся тем дешевле, чем более капиталистический способ производства приспособляет методы обучения и т. д. к практическим целям. Распространение народного обучения позволяет вербовать этого рода рабочих из таких классов, которым раньше был закрыт доступ к этим профессиям, которые привыкли к сравнительно худшему образу жизни. К тому же оно увеличивает наплыв и вместе с тем конкуренцию. Поэтому, за некоторыми исключениями, с прогрессом капиталистического способа производства рабочая сила этих людей обесценивается; их заработная плата понижается, тогда как их способность к труду увеличивается. Капиталист увеличивает число таких рабочих в тех случаях, когда необходимо реализовать больше стоимости и прибыли. Увеличение такого труда постоянно является следствием, но отнюдь не причиной увеличения прибавочной стоимости [39a].

Итак, происходит раздвоение. С одной стороны, функции капитала как товарного капитала и денежного капитала (а потому в дальнейшем определении как торгового капитала) суть общие определенные формы промышленного капитала. С другой стороны, особые капиталы, следовательно особые категории капиталистов, занимаются исключительно этими функциями, и таким образом эти функции становятся особыми сферами возрастания стоимости капитала.

[39a] Насколько оправдался впоследствии этот прогноз судьбы торгового пролетариата, данный в 1865 г., об этом могут порассказать сотни немецких приказчиков, которые, будучи весьма сведущи во всех торговых операциях и владея 3—4 языками, тщетно предлагают свои услуги в Лондонском Сити по 25 шилл. в неделю, — значительно ниже платы искусного механика-слесаря. Пробел в рукописи, занимающий две страницы, показывает, что предполагалось развить этот пункт еще подробнее. Впрочем, можно указать на книгу II, гл. VI («Издержки обращения»), стр. 105—113 [*К. Маркс:* «Капитал», т. II, изд. 1949 г., стр. 126—133], где Маркс уже затронул многое, относящееся сюда. — *Ф. Э.*

В торговом капитале торговые функции и издержки обращения оказываются лишь обособленными. Та сторона промышленного капитала, которою он соприкасается с обращением, существует не только в том, что сам он постоянно пребывает в форме товарного капитала и денежного капитала, но и в том, что наряду с мастерской имеется контора. Но в торговом капитале эта сторона обособляется. Контора представляет собою его единственную мастерскую. Часть капитала, употребляемая в форме издержек обращения, оказывается у оптового купца значительно большей, чем у промышленника, потому что, кроме собственной конторы, которая находится при каждой промышленной мастерской, часть капитала, которую должен был бы употреблять таким образом весь класс промышленных капиталистов, концентрируется в руках отдельных купцов, которые, обслуживая продолжение функций обращения, берут на себя вытекающие из этого дальнейшие издержки обращения.

Издержки обращения представляются промышленному капиталу и действительно являются непроизводительными расходами. Купцу они представляются источником его прибыли, которая, — если предположить общую норму прибыли, — находится в соответствии с их величиной. Поэтому расход, который приходится производить на эти издержки обращения, представляется торговому капиталу производительной затратой. Следовательно, и торговый труд, который он покупает, для него — непосредственно производительный труд.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ОБОРОТ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА. ЦЕНЫ.

Оборот промышленного капитала есть единство времени его производства и времени его обращения; поэтому он обнимает весь процесс производства. Напротив, оборот купеческого капитала, так как он есть фактически только обособившееся движение товарного капитала, представляет лишь первую фазу метаморфозы товара, *Т — Д*, как движение особого капитала, возвращающееся к своему исходному пункту; *Д — Т*, *Т — Д* в купеческом смысле, как оборот купеческого капитала. Купец покупает, превращает свои деньги в товар, потом продает, снова превращает тот же самый товар в деньги; и таким образом это повторяется постоянно. В рамках обращения метаморфоза промышленного капитала всегда представляется как $Т_1$ — *Д* — $Т_2$; деньги, вырученные от продажи $Т_1$, произведенного товара, употребляются на покупку $Т_2$, новых средств производства; это — действительный обмен $Т_1$ и $Т_2$, и таким образом одни и те же деньги дважды переходят из рук в руки. Их движением опосредствуется обмен двух разнородных товаров, $Т_1$ и $Т_2$. Но у купца в *Д — Т — Д′* дважды переходит из рук в руки, напротив, один и тот же товар; товар лишь опосредствует возвращение к купцу денег.

Если, напр., купеческий капитал составляет 100 ф. ст. и купец покупает товар на эти 100 ф. ст., потом продает этот товар за 110 ф. ст., то этот его капитал в 100 совершил один оборот, а число оборотов в течение года зависит от того, насколько часто в продолжение года повторяется это движение *Д — Т — Д′*.

При этом мы совершенно оставляем в стороне те издержки, которые могут заключаться в разнице между покупной и продажной ценой, так как эти издержки совершенно ничего не изменяют в той форме, которую нам прежде всего предстоит здесь рассмотреть.

Следовательно, в этом случае число оборотов данного купеческого капитала представляет полную аналогию с повторением оборотов денег как простого средства обращения. Подобно тому, как один и тот же талер, совершая десять оборотов, десять раз покупает свою стоимость в виде товаров, точно так же один и тот

же денежный капитал купца, напр. в 100, оборачиваясь десять раз, десять раз покупает свою стоимость в виде товаров или реализует в общей сложности товарный капитал десятикратной стоимости = 1000. Но есть и различие: при обращении денег как средства обращения одни и те же деньги проходят через различные руки, следовательно несколько раз совершают одну и ту же функцию, и потому быстротой обращения здесь возмещается масса обращающихся денег. Но у купца один и тот же денежный капитал, — безразлично, из каких бы единиц денег он ни состоял, — одна и та же денежная стоимость несколько раз покупает и продает товарный капитал на сумму своей стоимости и потому несколько раз возвращается в прежние руки, к своему исходному пункту, как *Д* + Δ*Д*, как стоимость плюс прибавочная стоимость. Это характеризует его оборот как оборот капитала. Он постоянно извлекает из обращения больше денег, чем вносит в него. Впрочем, само собой разумеется, что с ускорением оборота купеческого капитала (причем при развитом кредите преобладающей функцией денег становится их функция как средства платежа) одна и та же масса денег обращается быстрее. Но повторение оборота товарно-торгового капитала никогда не выражает чего-либо иного, кроме повторения актов купли и продажи, тогда как повторение оборота промышленного капитала выражает периодичность и возобновление всего процесса воспроизводства (включая в него и процесс потребления). Напротив, для купеческого капитала это является только внешним условием. Промышленный капитал должен постоянно выбрасывать товары на рынок и снова извлекать их оттуда, чтобы для купеческого капитала сохранялась возможность быстрого оборота. Если процесс воспроизводства вообще происходит медленно, то медленно совершается и оборот купеческого капитала. Хотя купеческий капитал опосредствует оборот производительного капитала, но лишь постольку, поскольку сокращает время его обращения. Он не имеет прямого влияния на время производства, которое тоже является границей времени оборота промышленного капитала. Это — первая граница для оборота купеческого капитала. Во-вторых же, — если оставить в стороне ту границу, которую ставит ему потребление, порождаемое воспроизводством, — этот оборот в конце концов ограничен быстротой и размерами всего личного потребления, так как от этого зависит вся та часть товарного капитала, которая входит в фонд потребления.

Но (если совершенно оставить в стороне обороты в пределах купеческого мира, где один купец перепродает другому один и тот же товар, причем во времена спекуляции обращение этого рода может иметь вид цветущего состояния дел) купеческий капитал, во-первых, сокращает фазу *Т* — *Д* для производительного капитала. Во-вторых, при современной кредитной системе он располагает большой частью всего денежного капитала общества, так

что он может повторять свои закупки прежде, чем ранее купленное окончательно продано; причем безразлично, продает ли наш купец прямо окончательному потребителю или между ними обоими стоят 12 других купцов. При чрезвычайной эластичности процесса воспроизводства, который постоянно может быть выведен за каждый данный предел, он не находит никакой границы или только очень эластичную границу в самом производстве. Следовательно, кроме отделения актов *Т — Д* и *Д — Т*, вытекающего из самой природы товара, здесь создается фиктивный спрос. Движение купеческого капитала, несмотря на его обособление, всегда есть не что иное, как движение промышленного капитала в сфере обращения. Но, в силу своего обособления, он совершает свое движение в известных границах независимо от пределов, полагаемых процессом воспроизводства, и потому заставляет даже процесс воспроизводства выходить из своих пределов. Внутренняя зависимость, внешняя самостоятельность приводят его к такому пункту, когда внутренняя связь вновь восстанавливается насильственно, посредством кризиса.

Отсюда то явление, наблюдаемое в кризисах, что они сначала обнаруживаются и разражаются не в розничной торговле, которая имеет дело с непосредственным потреблением, а в сферах оптовой торговли и банков, которые предоставляют в ее распоряжение денежный капитал общества.

Действительно, фабрикант может продавать экспортеру, а этот, в свою очередь, своему заграничному клиенту, импортер может сбывать свое сырье фабриканту, последний же свои продукты — оптовому торговцу и т. д. Однако в каком-нибудь одном незаметном пункте товар залеживается непроданным; или же иной раз мало-помалу переполняются запасы всех производителей и торговцев-посредников. Как раз в это время потребление обычно находится в состоянии наивысшего процветания, отчасти вследствие того, что один промышленный капиталист приводит в движение целый ряд других, отчасти вследствие того, что занятые ими рабочие, работая полное время, могут расходовать больше обыкновенного. С ростом дохода капиталистов увеличиваются и их расходы. Кроме того (даже если оставить в стороне ускорение накопления), происходит, как мы видели (книга II, отд. III), постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом, которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое тем не менее ограничено в конечном счете личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не происходит ради него самого, а происходит лишь оттого, что этого постоянного капитала больше потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление. Однако это производство в течение некоторого времени может спо-

койно итти своим путем, возбуждаемое ожидаемым спросом, и потому в этих отраслях у купцов и промышленников дела идут очень бойко. Кризис наступает, когда купцы, продающие на отдаленных рынках (или такие, у которых накопились запасы и внутри страны), начинают выручать затраты так медленно и в таких скудных количествах, что банки настоятельно требуют платежей, или сроки уплаты по векселям под закупленные товары наступают раньше, чем совершится перепродажа. Тогда начинаются принудительные продажи, продажи с целью уплаты. И вместе с тем разражается крах, который сразу кладет конец кажущемуся процветанию.

Но внешний характер и иррациональность оборота купеческого капитала еще больше вследствие того, что оборот одного и того же купеческого капитала может обслуживать одновременно или последовательно обороты очень различных производительных капиталов.

Однако оборот купеческого капитала может обслуживать не только обороты различных промышленных капиталов, но и противоположные фазы метаморфозы товарного капитала. Напр., купец покупает холст у фабриканта и продает его белильщику, следовательно в этом случае оборот одного и того же купеческого капитала, — в действительности один и тот же акт *Т* — *Д*, реализация холста, — представляет две противоположные фазы для двух различных промышленных капиталов. Поскольку купец вообще продает для производительного потребления, его *Т* — *Д* постоянно представляет *Д* — *Т* какого-нибудь промышленного капитала, а его *Д* — *Т* постоянно представляет *Т* — *Д* какого-нибудь другого промышленного капитала.

Если мы, как это сделано в настоящей главе, отбросим *К*, издержки обращения, т. е. ту часть капитала, которую авансирует купец, кроме суммы, расходуемой на покупку товаров, то, конечно, отпадает и ΔK, дополнительная прибыль, получаемая им на этот дополнительный капитал. Следовательно, этот прием исследования строго логичен и математически правилен, раз дело идет о том, чтобы узнать, каким образом прибыль и оборот купеческого капитала влияют на цены.

Если бы цена производства 1 ф. сахару составляла 1 ф. ст., то купец мог бы на 100 ф. ст. купить 100 ф. сахару. Если в течение года он покупает и продает такое количество и если средняя годовая норма прибыли 15%, то он накинет на 100 ф. ст. 15 ф. ст., на 1 ф. ст., цену производства 1 ф. сахару, 3 шилл. Следовательно, он продавал бы 1 ф. сахару за 1 ф. ст. 3 шилл. Напротив, если бы цена производства 1 ф. сахару упала до 1 шилл., то на 100 ф. ст. купец купил бы 2 000 ф. сахару и продавал бы по 1 шилл. $1^4/_5$ пенни за фунт. И в том и в другом случае годовая прибыль на капитал в 100 ф. ст., вложенный в сахарное дело, = 15 ф. ст. Только

в первом случае он должен продать 100, а во втором 2000 ф. Высока или низка цена производства, это не имеет никакого значения для нормы прибыли, но это имеет очень большое, решающее значение для того, как велика та соответственная часть продажной цены каждого фунта сахару, которая составляет торговую прибыль, т. е. как велика та накидка на цену, которую делает купец на определенное количество товара (продукта). Если цена производства товара незначительна, то незначительна и та сумма, которую авансирует купец на его покупную цену, т. е. на определенную массу товара, а следовательно, при данной норме прибыли, незначительна и общая сумма прибыли, которую он получает на это данное количество дешевого товара; или, — что сводится к тому же, — он может в таком случае купить на данный капитал, напр. в 100, бо̀льшую массу этого дешевого товара, и общая прибыль в 15, которую он получает на 100, распределяется на каждую отдельную штуку этой товарной массы незначительными долями. И обратно. Это вполне и совершенно зависит от большей или меньшей производительности того промышленного капитала, товарами которого он торгует. Если исключить случаи, когда купец является монополистом и в то же время монополизирует производство, как, напр., в свое время голландско-ост-индская компания, то нет ничего нелепее, чем ходячее представление, будто от желания самого купца зависит, продаст ли он много товаров с небольшой прибылью на единицу товара или мало товаров со значительной прибылью на единицу товара. Две границы существуют для его продажной цены: с одной стороны, цена производства товара, над которой он не властен; с другой стороны, средняя норма прибыли, которая совершенно так же находится вне его власти. Единственное, что от него зависит, — это возможность торговать дорогими или дешевыми товарами, но и здесь известную роль играют величина капитала, находящегося в его распоряжении, и другие обстоятельства. Как поступает купец, это всецело зависит от степени развития капиталистического способа производства, а не от его выбора. Такая чисто купеческая компания, как старая голландско-ост-индская, обладавшая монополией производства, могла притти к мысли при совершенно изменившихся условиях продолжать придерживаться метода, соответствующего самое большее зачаткам капиталистического производства [40].

---

[40] «Прибыль по общему правилу всегда одна и та же, какова бы ни была цена; она удерживается на месте, как плавающее тело при колебаниях волны. Поэтому, когда цены повышаются, торговец повышает цены, когда цены понижаются, торговец понижает цены» (*Corbet:* «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals». London 1845, стр. 15). — Здесь, как и вообще в тексте, речь идет лишь об обычной торговле, а не о спекуляции, изучение которой, как и вообще все относящееся к разделению торгового

Этот распространенный предрассудок, — который, впрочем, как и все ошибочные представления о прибыли и т. п., вытекает из наблюдений над одной только торговлей и из предвзятых мнений купцов, — поддерживается, между прочим, следующими обстоятельствами:

Во-первых: явления конкуренции, которые, однако, касаются только распределения торговой прибыли между отдельными купцами, владеющими той или иной долей всего купеческого капитала; если, напр., один продает дешевле с целью побить своих соперников.

Во-вторых: экономист такого калибра, как профессор Рошер, все еще может воображать себе в Лейпциге, что изменение в продажных ценах произведено по соображениям «благоразумия и гуманности», а не было результатом переворота в самом способе производства.

В-третьих: если цены производства понижаются вследствие повышения производительной силы труда, а потому понижаются и продажные цены, то спрос часто растет еще быстрее, чем предложение, а вместе с ним и рыночные цены, так что продажные цены дают более чем среднюю прибыль.

В-четвертых: какой-нибудь купец может понизить продажную цену (а это всегда есть не что иное, как понижение обычной прибыли, которую он накидывает на цену), чтобы в его предприятии больший капитал оборачивался быстрее. Все это вещи, которые касаются только конкуренции между самими купцами.

Уже в книге I мы показали, что, высоки ли цены товаров или низки, это не определяет ни массы прибавочной стоимости, производимой данным капиталом, ни нормы прибавочной стоимости; хотя соответственно относительному количеству товара, производимому данным количеством труда, цена единицы товара, а вместе с тем и та часть этой цены, которая соответствует прибавочной стоимости, будет больше или меньше. Цены всякого количества товара, поскольку они соответствуют стоимостям, определяются общим количеством овеществленного в этих товарах труда. Если небольшое количество труда овеществляется в большом количестве товара, то цена единицы товара низка, и заключающаяся в нем прибавочная стоимость незначительна. Каким образом труд, воплощенный в товаре, распадается на оплаченный и неоплаченный труд, следовательно, какая часть цены товара представляет прибавочную стоимость, это не находится ни в какой связи с общим количеством этого труда, а следовательно и с ценой товара. Норма же прибавочной стоимости зависит не от абсолютной величины той

капитала, выходит из круга нашего исследования. «Торговая прибыль есть стоимость, присоединяемая к капиталу, независимо от цены; вторая» (спекуляция) «основана на изменении стоимости капитала или самой цены» (там же, стр. 12).

прибавочной стоимости, которая заключается в цене отдельного товара, а от ее относительной величины, от ее отношения к заработной плате, заключающейся в том же товаре. Поэтому норма может быть высокой, хотя абсолютная величина прибавочной стоимости для каждой единицы товара невелика. Эта абсолютная величина прибавочной стоимости в каждой единице товара зависит в первую очередь от производительности труда и только во вторую очередь—от его разделения на оплаченный и неоплаченный труд.

Для торговой продажной цены цена производства теперь уже является наперед извне данным условием.

Высокий уровень торговых цен товара в прежнее время обусловливался 1) высокими ценами производства, т. е. низкой производительностью труда; 2) отсутствием общей нормы прибыли, причем купеческий капитал присваивал себе гораздо более высокую долю прибавочной стоимости, чем какая пришлась бы ему при общей подвижности капиталов. Следовательно, прекращение такого положения — рассматривать ли дело с той или другой стороны — есть результат развития капиталистического способа производства.

В различных отраслях торговли обороты купеческого капитала длиннее или короче, следовательно их число в течение года больше или меньше. В одной и той же отрасли торговли в различные фазы экономического цикла оборот совершается быстрее или медленнее. Тем не менее совершается среднее число оборотов, которое устанавливается опытом.

Мы уже видели, что оборот купеческого капитала отличен от оборота промышленного капитала. Это вытекает из природы дела; отдельная фаза в обороте промышленного капитала выступает в качестве полного оборота собственно купеческого капитала или, по крайней мере, части его. Кроме того, оборот купеческого капитала стоит в ином отношении к определению прибыли и цены.

Оборот промышленного капитала выражает, с одной стороны, периодичность воспроизводства, и потому от него зависит масса товаров, выбрасываемых на рынок в течение определенного времени. С другой стороны, время обращения образует границу, хотя и растяжимую, которая, воздействуя на размеры процесса производства, тем самым влияет более или менее ограничивающим образом на образование стоимости и прибавочной стоимости. Поэтому оборот — не как положительный, но как ограничивающий элемент — оказывает определяющее влияние на массу ежегодно производимой прибавочной стоимости и, следовательно, на образование общей нормы прибыли. Напротив, для купеческого капитала средняя норма прибыли есть величина данная. Он не принимает непосредственного участия в создании прибыли, или прибавочной стоимости, и на образование общей нормы прибыли оказывает определяющее влияние лишь постольку, посколь-

ку получает, — соответственно той части, какую он составляет от всего капитала, — свою долю из общей массы прибыли, произведенной промышленным капиталом.

При наличии условий, изложенных в книге II, отдел II, чем больше число оборотов промышленного капитала, тем больше масса прибыли, которую он производит. Правда, теперь, с установлением общей нормы прибыли, вся прибыль распределяется между различными капиталами, но не пропорционально их непосредственному участию в ее производстве, а соответственно той части, которую каждый из них составляет от всего капитала, т. е. пропорционально их величине. Однако сущность дела от этого нисколько не изменяется. Чем больше число оборотов всего промышленного капитала, тем больше масса прибыли, масса ежегодно производимой прибавочной стоимости, а потому при прочих равных условиях и норма прибыли. Иное дело с купеческим капиталом. Для него норма прибыли есть величина данная, определяемая, с одной стороны, массой прибыли, произведенной промышленным капиталом, с другой стороны, — относительной величиной всего торгового капитала, его количественным отношением к сумме капитала, авансированного на процесс производства и процесс обращения. Конечно, число его оборотов влияет определяющим образом на его отношение ко всему капиталу, или на относительную величину купеческого капитала, необходимого для обращения, потому что ясно, что абсолютная величина необходимого купеческого капитала и быстрота его оборота стоят в обратном отношении друг к другу; но его относительная величина, или та доля, которую он составляет от всего капитала, определяется его абсолютной величиной, если предположить все прочие условия равными. Если весь капитал равен 10 000, то если купеческий капитал составляет $^1/_{10}$ его, он = 1 000; если весь капитал 1000, то $^1/_{10}$ его = 100. Таким образом, хотя его относительная величина остается той же самой, его абсолютная величина различна в соответствии с величиной всего капитала. Но здесь его относительную величину, составляющую, скажем, $^1/_{10}$ всего капитала, мы принимаем за данную, но эта его относительная величина сама, в свою очередь, определяется оборотом. При быстром обороте его абсолютная величина, напр., = 1 000 ф. ст. в первом случае, 100 во втором, а потому его относительная величина = $^1/_{10}$. При более медленном обороте его абсолютная величина, скажем, = 2 000 в первом случае и 200 во втором. Поэтому его относительная величина увеличилась с $^1/_{10}$ до $^1/_5$ всего капитала. Условия, сокращающие среднюю продолжительность оборота купеческого капитала, напр. развитие средств транспорта, pro tanto [соответственно] уменьшают абсолютную величину купеческого капитала, следовательно повышают общую норму прибыли. И наоборот. Развитой капиталистический способ производства сравнительно с прежними укладами

оказывает двоякое влияние на купеческий капитал: прежнее количество товаров оборачивается при помощи меньшей массы действительно функционирующего купеческого капитала; вследствие более быстрого оборота купеческого капитала и большей быстроты процесса воспроизводства — на этом и основывается более быстрый оборот — уменьшается отношение купеческого капитала к промышленному капиталу. С другой стороны, с развитием капиталистического способа производства все производство становится товарным производством, и потому весь продукт попадает в руки агентов обращения; к этому присоединяется то, что при прежнем способе производства, которое велось в мелких размерах, — если оставить в стороне массу продуктов, потреблявшихся непосредственно in natura [в натуральном виде] самими производителями, и массу повинностей, выполнявшихся in natura, — очень значительная часть производителей продавала свои товары непосредственно потребителям или работала по их личному заказу. Поэтому, хотя при прежних способах производства торговый капитал больше по отношению к товарному капиталу, который оборачивается с его помощью, однако он

1) абсолютно меньше, так как несравненно меньшая часть всего продукта производится в виде товара и должна поступать в обращение как товарный капитал и попадать в руки купцов; он меньше потому, что товарный капитал меньше. Но вместе с тем он относительно больше не только в силу большей медленности своего оборота и не только по сравнению с массой товаров, совершающих оборот при его помощи. Он больше и в силу того, что цена этой массы товаров, а следовательно и авансируемый на нее купеческий капитал, вследствие более низкой производительности труда, больше, чем при капиталистическом производстве; поэтому та же самая стоимость выражается в меньшей массе товаров.

2) На основе капиталистического способа производства не только производится бо̀льшая масса товаров (причем надо принять в расчет уменьшение стоимости этой массы товаров), но одна и та же масса продукта, напр. зерна, представляет собой бо̀льшую массу товара, т. е. все бо̀льшая часть его поступает в торговлю. Впрочем, вследствие этого возрастает не только масса купеческого капитала, но вообще весь капитал, вкладываемый в обращение, напр. в судоходство, в железные дороги, телеграф и пр.

3) Но, — и это та точка зрения, изложение которой относится к «конкуренции капиталов», — нефункционирующий купеческий капитал или купеческий капитал, функционирующий только наполовину, с прогрессом капиталистического способа производства возрастает, по мере того как облегчается его проникновение в мелкую торговлю, по мере развития спекуляции и избытка освобождающегося капитала.

Но, при предположении, что относительная величина купеческого капитала по сравнению со всем капиталом является данной, различие оборотов в различных отраслях торговли не оказывает влияния ни на величину всей прибыли, приходящейся на долю купеческого капитала, ни на общую норму прибыли. Прибыль купца определяется не массой товарного капитала, который находится у него в обороте, а величиной денежного капитала, который он авансирует на то, чтобы обслужить этот оборот. Если общая годовая норма прибыли 15% и купец авансирует 100 ф. ст., то, при обороте его капитала один раз в год, он продаст свой товар за 115. Если его капитал оборачивается пять раз в течение года, то он пять раз в течение года продаст за 103 товарный капитал, покупная цена которого 100, следовательно в течение целого года он продаст за 515 товарный капитал в 500. Но как в первом, так и во втором случае это дает на авансированный им капитал в 100 годовую прибыль в 15. Если бы это было не так, то купеческий капитал соответственно числу своих оборотов приносил бы несравненно более высокую прибыль, чем промышленный капитал, что противоречит закону общей нормы прибыли.

Итак, число оборотов купеческого капитала в различных отраслях торговли оказывает прямое влияние на торговые цены товаров. Высота торговой накидки на цену, величина части торговой прибыли данного капитала, которая приходится на цену производства единицы товара, стоит в обратном отношении к числу оборотов, или к быстроте оборота, купеческого капитала в различных отраслях торговли. Если купеческий капитал оборачивается пять раз в год, то он присоединяет к товарному капиталу одинаковой стоимости только $^1/_5$ накидки, присоединяемой к товарному капиталу равной стоимости другим купеческим капиталом, который может совершать в продолжение года только один оборот.

Влияние среднего времени оборота капиталов на продажную цену в различных отраслях торговли сводится к тому, что в соответствии с этой быстротой оборота одна и та же масса прибыли, которая при данной величине купеческого капитала определяется общей годовой нормой прибыли, т. е. определяется независимо от специального купеческого характера операций этого капитала, распределяется на массы товара одной и той же стоимости различным образом, так что, напр., при пятикратном обороте в год к цене товара присоединяется $\frac{15\%}{5} = 3\%$, напротив, при однократном обороте в год 15%.

Следовательно, одна и та же процентная норма торговой прибыли в различных отраслях торговли повышает соответственно продолжительности оборота продажную цену товаров на совершенно

различные проценты, исчисленные в отношении к стоимости этих товаров.

Наоборот, время оборота промышленного капитала не оказывает никакого влияния на величину стоимости производимой единицы товаров, хотя оно оказывает влияние на массу стоимостей и прибавочных стоимостей, производимых данным капиталом в данное время, потому что оно оказывает влияние на массу эксплуатируемого труда. Конечно, если иметь в виду цены производства, это маскируется и выглядит по-иному, но это лишь вследствие того, что цены производства различных товаров, согласно ранее изложенным законам, отклоняются от их стоимостей. Если рассматривать весь процесс производства, всю массу товаров, произведенную всем промышленным капиталом, то мы сейчас же найдем, что общий закон подтверждается.

Итак, в то время как ближайшее исследование влияния времени оборота на образование стоимости в отношении промышленного капитала опять приводит к тому общему закону и базису политической экономии, что стоимости товаров определяются содержащимся в них рабочим временем, влияние оборотов купеческого капитала на торговые цены обнаруживает явления, которые, если не произвести очень обстоятельного анализа промежуточных звеньев, как будто предполагают чисто произвольное определение цен, именно определение их просто тем, что капитал вдруг решил получить в течение года определенное количество прибыли. Именно вследствие такого влияния оборотов кажется, будто процесс обращения как таковой определяет цены товаров в известных пределах независимо от процесса производства. Все поверхностные и превратные воззрения на процесс воспроизводства в его целом взяты из рассмотрения купеческого капитала и из тех представлений, которые вызываются его специфическими движениями в головах агентов обращения.

Если, как это узнал читатель к своему огорчению, анализ действительной, внутренней связи капиталистического процесса производства есть вещь в высшей степени сложная и труд очень серьезный; если задача науки заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению, то само собой разумеется, что в головах агентов капиталистического производства и обращения должны получиться такие представления о законах производства, которые совершенно уклоняются от этих законов и суть лишь выражение в сознании движения, совершающегося на поверхности явлений. Представления купца, биржевого спекулянта, банкира неизбежно оказываются совершенно извращенными. Представления фабрикантов искажаются благодаря тем актам обращения, которым подвергается их капитал, и уравнению общей нормы

прибыли [41]. В представлении этих людей конкуренция тоже играет совершенно превратную роль. Если пределы стоимости и прибавочной стоимости даны, то легко понять, каким образом конкуренция капиталов превращает стоимости в цены производства, а затем и в торговые цены, прибавочную стоимость — в среднюю прибыль. Но, не зная этих пределов, абсолютно невозможно понять, почему конкуренция доводит общую норму прибыли до этого, а не до того предела, до 15%, а не до 1 500%. Она, самое большее, может лишь приводить общую норму прибыли к *одному* уровню. Напротив, в ней нет абсолютно никакого элемента, который определял бы самый этот уровень.

Итак, с точки зрения купеческого капитала кажется, что самый оборот определяет цены. С другой стороны, в то время как быстрота оборота промышленного капитала, поскольку она открывает возможность для данного капитала эксплуатировать больше или меньше труда, влияет определяющим и ограничивающим образом на массу прибыли, а потому и на общую норму ее, для торгового капитала норма прибыли дается извне, и внутренняя связь ее с образованием прибавочной стоимости совершенно изглажена. Если один и тот же промышленный капитал при прочих не изменяющихся условиях и в особенности при одинаковом органическом строении оборачивается в продолжение года четыре раза вместо двух, то он производит вдвое больше прибавочной стоимости, а потому и прибыли; и это явственно обнаруживается, если и пока этот капитал обладает монополией более совершенного метода производства, который дает ему возможность ускорять оборот. Напротив, различная продолжительность оборота в различных отраслях торговли проявляется в том, что прибыль, получаемая на один оборот определенного товарного капитала, находится в обратном отношении к числу оборотов денежного капитала, при помощи которого этот товарный капитал совершает свой оборот. Small profits and quick returns [небольшая прибыль и быстрый оборот] являются для shopkeeper [лавочника] именно тем принципом, которому он следует из принципа.

Впрочем, само собою понятно, что этот закон оборотов купеческого капитала в каждой отрасли торговли, — даже если оставить в стороне чередование более быстрых и более медленных оборотов, компенсирующих друг друга, — имеет значение только для средних оборотов всего купеческого капитала, вложенного

[41] Вот одно очень наивное, но вместе с тем совершенно правильное замечание: «Поэтому причиной того обстоятельства, что один и тот же товар можно получить у различных продавцов по существенно различным ценам, несомненно очень часто является неправильная калькуляция» (*Feller und Odermann:* «Das Ganze der Kaufmännischen Arithmetik», 7-е изд., 1859 [стр. 451]). Это показывает, как определение цен становится чисто теоретическим, т. е. абстрактным.

в эту отрасль. Число оборотов капитала *A*, действующего в той же самой отрасли, как и *B*, может быть больше или меньше среднего числа оборотов. В этом случае число оборотов других капиталов будет соответственно меньше или больше. Оборот всей массы купеческого капитала, вложенной в эту отрасль, от этого нисколько не изменяется. Но это имеет решающе-важное значение для отдельного купца или мелкого торговца. В этом случае он получает добавочную прибыль совершенно так же, как получают добавочную прибыль промышленные капиталисты, когда они производят при условиях более благоприятных, чем средние. Если того потребует конкуренция, он может продавать дешевле своих товарищей, не понижая своей прибыли ниже среднего уровня. Если условия, дающие ему возможность делать более быстрый оборот, такого рода, что ему приходится их покупать, напр. положение мест продажи, то он может уплачивать за них особую ренту, т. е. часть его добавочной прибыли превращается в земельную ренту.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ.

Те чисто технические движения, которые совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала и, как мы теперь можем прибавить, товарно-торгового капитала (так как последний берет на себя часть движения промышленного капитала в обращении и совершает его как свое собственное, присущее ему движение), — эти движения, сделавшись самостоятельной функцией особого капитала, который совершает их, и только их, как операции, свойственные исключительно ему, превращают этот капитал в денежно-торговый капитал. Часть промышленного капитала и, говоря точнее, также товарно-торгового капитала, постоянно находится в денежной форме не только как денежный капитал вообще, но как денежный капитал, занятый именно этими техническими функциями. От всего капитала отделяется и обособляется в форме денежного капитала определенная часть, капиталистическая функция которой заключается исключительно в том, чтобы исполнять эти операции для всего класса промышленных и торговых капиталистов. Как в случае с товарно-торговым капиталом, так и здесь от промышленного капитала, находящегося в процессе обращения в виде денежного капитала, отделяется известная часть и исполняет для всего остального капитала эти операции процесса воспроизводства. Следовательно, движения этого денежного капитала опять-таки суть лишь движения обособившейся части промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства.

Только при том условии и постольку, если и поскольку капитал вкладывается впервые, — что имеет место и при накоплении, — капитал в денежной форме является исходным пунктом и конечным пунктом движения. Но для каждого капитала, уже захваченного процессом своего движения, исходный пункт, как и конечный пункт, является только переходным пунктом. Поскольку промышленный капитал с момента своего выхода из сферы производства до того момента, когда он снова вступает в нее, должен проделать метаморфозу *Т' — Д — Т*, постольку *Д*, как это обнаружилось уже при простом товарном обращении,

в действительности является конечным результатом одной фазы метаморфозы только затем, чтобы послужить исходным пунктом противоположной фазы, дополняющей первую. И, хотя для торгового капитала *Т — Д* промышленного капитала всегда имеет вид *Д — Т — Д*, однако и для него, раз он начал функционировать, действительным процессом постоянно является *Т — Д — Т*. Но торговый капитал одновременно совершает акты *Т — Д* и *Д — Т*. То есть не только *один* капитал находится в стадии *Т — Д*, в то время как другой капитал находится в стадии *Д — Т*, но один и тот же капитал одновременно постоянно покупает и постоянно продает вследствие непрерывности процесса производства; он одновременно и постоянно находится в обеих стадиях. Между тем как одна часть его превращается в деньги, чтобы впоследствии превратиться обратно в товар, другая часть одновременно превращается в товар, чтобы потом опять превратиться в деньги.

Функционируют ли при этом деньги как средство обращения или как средство платежа, это зависит от формы товарообмена. В обоих случаях капиталисту постоянно приходится платить деньги многим лицам и постоянно получать деньги в уплату от многих лиц. Эта чисто техническая операция уплаты и получения денег сама по себе представляет труд, который, поскольку деньги функционируют как средство платежа, делает необходимым подведение баланса платежей, акты погашения взаимных обязательств. Этот труд представляет собою издержки обращения, труд, не создающий никакой стоимости. Он сокращается благодаря тому, что выполняется особым подразделением агентов или капиталистов для всего остального класса капиталистов.

Определенная часть капитала постоянно должна быть налицо в виде сокровища, потенциального денежного капитала: резерв покупательных средств, резерв средств платежа, незанятый капитал, в денежной форме ожидающий своего применения; а некоторая часть капитала в этой форме постоянно притекает обратно. Кроме получения денег, их выдачи и счетоводства, это делает необходимым хранение сокровища, что опять составляет особую операцию. Следовательно, в действительности происходит постоянное выделение из сокровища средств обращения и средств платежа и образование его вновь из денег, получаемых от продажи и от платежей, которым наступил срок; это постоянное движение части капитала, существующей в виде денег, движение, обособленное от функции самого капитала, эта чисто техническая операция вызывает особый труд и издержки — издержки обращения.

Разделение труда приводит к тому, что эти технические операции, обусловливаемые функциями капитала, исполняются, насколько возможно, для всего класса капиталистов особым подразделением агентов или капиталистов как их исключитель-

ные функции или сосредоточиваются в их руках. Это, как и в случае с купеческим капиталом, — разделение труда в двояком смысле. Появляется особая отрасль предпринимательской деятельности, и так как она в качестве такой особой отрасли обслуживает денежный механизм всего класса, она концентрируется, ведется в крупном масштабе; и здесь, в свою очередь, происходит разделение труда в пределах этого особого дела как вследствие распадения его на различные, не зависимые одна от другой отрасли, так и вследствие образования мастерской в каждой из таких отраслей (большие конторы, многочисленные бухгалтеры и кассиры, далеко идущее разделение труда). Уплата денег, прием их, сведение балансов, ведение текущих счетов, хранение денег и пр., будучи отделены от актов, требующих этих технических операций, делают капитал, авансированный на эти функции, денежно-торговым капиталом.

Различные операции, вследствие обособления которых в особые отрасли предпринимательской деятельности возникает торговля деньгами, вытекают из различных определений самих денег и из их функций, которые приходится таким образом исполнять и капиталу в форме денежного капитала.

Уже раньше я указывал, что деньги вообще первоначально развиваются при обмене продуктов между различными общинами [42].

Поэтому торговля деньгами, торговля денежным товаром развивается прежде всего из международных сношений. При существовании особых монет в различных странах купцы, производящие закупки в чужих странах, должны обменивать монеты своей страны на местные монеты и обратно или же обменивать различные монеты на слитки чистого серебра или золота как всемирные деньги. Отсюда возникает меняльное дело, которое следует рассматривать как одно из естественно возникших оснований современной торговли деньгами [43]. Из него развились разменные банки,

[42] «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», 1859 г., стр. 27 [*К. Маркс:* «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 36—37].

[43] «Уже вследствие большого разнообразия монет в отношении как их веса и пробы, так и чеканки их многими князьями и городами, имеющими право на это, повсюду явилась необходимость пользоваться местной монетой в тех случаях, когда в торговых делах требовалось свести счета в какой-нибудь одной монете. Купцы, отправляясь в путешествие на какой-нибудь из иностранных рынков, для расплаты наличными запасались слитками чистого серебра, а также, конечно, и золота. Точно так же при отправлении в обратный путь они обменивали полученные ими местные монеты на слитки серебра или золота. Поэтому меняльное дело, торговля деньгами, обмен слитков благородных металлов на местные монеты и обратно, стало очень распространенным и выгодным делом» (*Hüllmann:* «Städtewesen des Mittelalters». Bonn 1826—1829, т. I, стр. 437—438). «De Wisselbank [разменный банк] получил свое название не... от векселя [Wissel], не от вексельного письма, а от wisse-

где серебро (или золото) функционирует, в отличие от ходячей монеты, как всемирные деньги, в настоящее время — как банковые деньги или торговые деньги. Поскольку вексельное дело сводилось к выдаче путешественнику менялой какой-нибудь страны платежного требования на менялу другой страны, оно развилось уже в Риме и в Греции из собственно меняльного дела.

Торговля золотом и серебром как товарами (как сырым материалом для изготовления предметов роскоши) образует естественно возникший базис для торговли слитками (Bullion trade) или торговли, которая обслуживает функции денег как всемирных денег. Как показано раньше (книга I, гл. III, 3, с), эти функции двоякого рода: перемещение денег между различными национальными сферами обращения для выравнивания международных платежей и при переселении капитала в поисках помещения его из процентов; наряду с этим — движение их из мест добывания благородных металлов по всемирному рынку и распределение добычи между различными национальными сферами обращения. В Англии еще на протяжении большей части XVII столетия функции банкиров выполнялись золотых дел мастерами. Каким образом уравнение международных платежей развивается дальше в вексельную торговлю и пр., это мы пока совершенно оставляем в стороне, как и все то, что относится к операциям с ценными бумагами, короче говоря, все особые формы кредитного дела, которое нас здесь пока не касается.

В качестве всемирных денег национальные деньги сбрасывают свой местный характер; деньги одной страны выражаются в деньгах другой, и таким образом все сводятся к содержанию в них золота или серебра, тогда как последние как два товара, обращающиеся в качестве всемирных денег, сводятся вместе с тем к взаимному постоянно изменяющемуся соотношению их стоимостей. Обслуживание соответственных операций торговец деньгами

---

len [разменивать] различные сорта денег. Задолго до учреждения Амстердамского разменного банка в 1609 г. в нидерландских торговых городах были менялы, меняльные лавки, даже разменные банки.... Занятие этих менял состояло в том, что они разменивали различные иностранные монеты, привозимые в страну иностранными купцами, на ходячую монету. Мало-помалу круг их деятельности расширялся... они сделались кассирами и банкирами своего времени. Но в соединении профессий кассира и менялы власти Амстердама усмотрели опасность, и, чтобы предупредить эту опасность, было решено основать крупное учреждение, которое заменяло бы как менял, так и кассиров и действовало бы открыто, согласно уставу. Таким учреждением и был знаменитый Амстердамский разменный банк 1609 г. Совершенно так же возникли разменные банки в Венеции, Генуе, Стокгольме, Гамбурге вследствие постоянной потребности в размене денежных знаков. Из всех этих банков существует еще и теперь один только гамбургский, так как этот торговый город, где не чеканится собственной монеты, еще и теперь нуждается в подобном учреждении» и т. д. (*S. Vissering:* «Handboek van Praktische Staathuishoudkunde». Amsterdam 1860, т. I, стр. 247).

делает своим особым занятием. Таким образом меняльное дело и торговля слитками являются самыми первоначальными формами торговли деньгами и вытекают из двояких функций денег: как местных монет и как всемирных денег.

Из капиталистического процесса производства, как из торговли вообще, даже при докапиталистическом способе производства, вытекает:

Во-первых, собирание денег как сокровища, т. е. в настоящее время как части капитала, которая постоянно должна иметься налицо в денежной форме в качестве резервного фонда средств платежа и покупательных средств. Это первая форма сокровища, в которой оно снова появляется при капиталистическом способе производства и вообще образуется при развитии торгового капитала, по крайней мере для этого последнего. То и другое относится как к внутреннему, так и к международному обращению. Это сокровище всегда находится в текучем состоянии, оно постоянно вливается в обращение и постоянно притекает из него обратно. Вторую форму сокровища представляет собою праздный, временно незанятый капитал в денежной форме; сюда же относится и вновь накопленный денежный капитал, еще не вложенный в дело. Функциями, которых требует это образование сокровища как таковое, являются прежде всего его хранение, ведение книг и т. д.

Но, *во-вторых,* с этим связано расходование денег при покупках, прием их при продажах, уплата денег и получение при платежах, уравнение платежей и т. д. Торговец деньгами исполняет все это для купцов и промышленных капиталистов сперва как простой *кассир* [44].

---

[44] «Институт кассиров, быть может, нигде не сохранил в таком чистом виде своего первоначального, самостоятельного характера, как в нидерландских торговых городах» (о происхождении института кассиров в Амстердаме см. *E. Lusac:* «Holland's Rykdom» [Leyden 1782], часть III). «Их функции отчасти совпадают с функциями старого Амстердамского разменного банка. Кассир получает от купцов, пользующихся его услугами, известную сумму денег и открывает им на эту сумму «кредит» в своих книгах; затем они посылают ему свои долговые требования, по которым он получает для них деньги и кредитует их на соответствующую сумму; напротив, он производит платежи по их распоряжениям (kassiers briefjes), уменьшая на соответствующую сумму их текущий счет. С этих поступлений и уплат он отчисляет себе незначительный процент за комиссию, который образует соответствующее вознаграждение за его труд только вследствие значительности оборотов, совершаемых при его посредстве между двумя сторонами. Если требуется покрыть платежи двух купцов, причем обоих обслуживает один и тот же кассир, то такие платежи покрываются чрезвычайно просто благодаря параллельным счетам в книгах, так как кассиры изо дня в день балансируют их взаимные требования. Итак, занятие кассиров заключается собственно в этом обслуживании платежей; следовательно, оно исключает промышленные предприятия, спекуляции и открытие бланкового кредита; потому что здесь должно оставаться правилом, что кассир за того, кому он открыл счет в своих книгах, не производит

Торговля деньгами получает полное развитие, когда к ее остальным функциям присоединяется заключение займов, выдача ссуд и торговля в кредит, — а это всегда происходит уже в самом ее начале, — об этом в следующем отделе в связи с капиталом, приносящим проценты.

Самая торговля слитками, перевозка золота или серебра из одной страны в другую, есть только результат товарной торговли, который определяется вексельным курсом, выражающим состояние международных платежей и ставки процента на различных рынках. Торговец слитками как таковой обслуживает только этот результат.

При исследовании денег, при рассмотрении того, каким образом их движения и определенные формы развиваются из простого товарного обращения, мы видели (книга I, гл. III), что движение массы денег, обращающихся как покупательное средство и как средство платежа, определяется товарной метаморфозой, ее размерами и быстротой, метаморфозой, которая, как мы теперь знаем, сама является лишь моментом всего процесса воспроизводства. Что касается получения денежного материала — золота и серебра — с мест его добывания, то оно сводится к непосредственному товарному обмену, к обмену золота и серебра как товаров на другие товары, т. е. оно само совершенно так же является моментом товарного обмена, как получение железа или других металлов. Что касается движения благородных металлов на всемирном рынке (мы здесь не будем рассматривать этого движения, поскольку оно выражает заимообразное перенесение капитала, совершающееся и в форме товарного капитала), то оно совершенно так же определяется международным товарным обменом, как движение денег в качестве покупательного средства и средства платежа внутри страны определяется внутренним товарообменом. Эмиграция и иммиграция благородных металлов из одной национальной сферы обращения в другую, поскольку они вызываются только обесценением местной монеты или двойной валютой, не стоят ни в какой связи с денежным обращением как таковым и являются только исправлением произвольных нарушений, произведенных

никаких платежей, превышающих размеры его имущества» (*Vissering,* цит. произв., стр. 134). — О кассовых союзах в Венеции: «Благодаря потребности и географическому положению Венеции, где переноска наличных денег затруднительнее, чем в других местах, оптовые торговцы этого города... стали учреждать кассовые союзы при условии надлежащей безопасности, контроля и управления; члены такого союза вносили в него известные суммы, на которые они давали распоряжения своим кредиторам, причем в заведенной для того книге уплаченная сумма списывалась со счета должника и прибавлялась к сумме, которую имел там же кредитор. Это первые зачатки так называемых жиро-банков. Стары эти союзы. Но, относя их происхождение к XII веку, их смешивают с основанным в 1171 г. учреждением для государственных займов» (*Hüllmann,* цит. произв., стр. 453—454).

государственной властью. Наконец, что касается образования сокровищ, поскольку оно представляет резервный фонд покупательных средств или средств платежа для внутренней или для внешней торговли и равным образом поскольку оно является просто формой капитала, временно лежащего без употребления, оно в том и другом случае есть только необходимый осадок, оставляемый процессом обращения.

Если все денежное обращение по своим размерам, по своим формам и по своему движению есть простой результат товарного обращения, которое с капиталистической точки зрения само представляет лишь процесс обращения капитала (а этот процесс заключает в себе обмен капитала на доход и дохода на доход, поскольку расходование дохода реализуется в розничной торговле), то само собой разумеется, что торговля деньгами обслуживает не только простой результат и способ проявления товарного обращения, не только денежное обращение. Само это денежное обращение, как один из моментов товарного обращения, есть уже нечто данное по отношению к торговле деньгами. Последняя обслуживает технические операции денежного обращения, которые она концентрирует, сокращает и упрощает. Торговля деньгами не образует сокровищ, а доставляет технические средства для того чтобы это образование сокровищ, поскольку оно происходит добровольно (следовательно, если оно не является выражением того, что капитал не находит занятия или что процесс воспроизводства нарушен), свести к экономическому минимуму; потому что, если управление резервным фондом покупательных средств и средств платежа ведется для всего класса капиталистов, то этот резервный фонд может быть не столь велик, как в том случае, если им управляет каждый капиталист особо. Торговля деньгами не покупает благородных металлов; она лишь обслуживает их распределение, когда их купила торговля товарами. Торговля деньгами облегчает уравнение балансов, поскольку деньги функционируют как средство платежа, и при помощи искусственного механизма этого уравнения балансов уменьшает массу денег, требующуюся для расчетов; но она не определяет ни связи, ни размера взаимных платежей. Например, векселя и чеки, которые обмениваются друг на друга в банках и в Clearing houses [расчетных палатах], отражают совершенно не зависимые от последних операции, суть результаты операций уже совершенных, и дело сводится лишь к тому, чтобы технически наилучшим способом уравнять эти результаты. Поскольку деньги обращаются как покупательное средство, размеры и число покупок и продаж совершенно не зависят от торговли деньгами. Она может лишь сократить технические операции, которыми сопровождаются эти сделки, и таким образом уменьшить массу наличных денег, необходимых для данного оборота.

Итак, торговля деньгами в той чистой форме, в которой мы здесь рассматриваем ее, т. е. обособленно от кредитного дела, касается только технической стороны одного момента товарного обращения, именно денежного обращения и вытекающих из него различных функций денег.

Это существенным образом отличает торговлю деньгами от торговли товарами, которая обслуживает метаморфозу товара и товарный обмен или даже приводит к тому, что этот процесс товарного капитала представляется как процесс капитала, обособленного от промышленного капитала. Поэтому, если у товарно-торгового капитала оказывается собственная форма обращения, *Д — Т — Д*, где товар перемещается дважды и вследствие этого деньги возвращаются обратно, — в противоположность форме обращения *Т — Д — Т*, где деньги два раза переходят из рук в руки и этим обслуживают товарный обмен, — то для денежно-торгового капитала нельзя указать никакой такой особой формы.

Поскольку для такого технического обслуживания денежного обращения особое подразделение капиталистов авансирует денежный капитал, представляющий в уменьшенном виде тот дополнительный капитал, который иначе пришлось бы авансировать для той же цели самим купцам и промышленным капиталистам, постольку и здесь находит себе место общая форма капитала *Д — Д'*. Благодаря авансированию *Д* для авансировавшего получается *Д* + Δ*Д*. Но обслуживание *Д — Д'* относится в этом случае не к существу самой метаморфозы, а лишь к ее техническим моментам.

Очевидно, что та масса денежного капитала, которою оперируют торговцы деньгами, — это находящийся в обращении денежный капитал купцов и промышленников и что операции, совершаемые ими, суть лишь операции тех, кого они обслуживают.

Ясно и то, что их прибыль есть лишь вычет из прибавочной стоимости, так как они имеют дело только с уже реализованными стоимостями (даже если они реализованы лишь в форме долговых требований).

Как и в торговле товарами, здесь происходит раздвоение функции, потому что часть технических операций, связанных с денежным обращением, должна исполняться самими товароторговцами и товаропроизводителями.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ИЗ ИСТОРИИ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА.

Особая форма денежного накопления товарно-торгового и денежно-торгового капитала будет рассмотрена лишь в следующем отделе.

Из вышеизложенного само собой следует, что ничего не может быть более нелепого, как рассматривать купеческий капитал — в форме ли товарно-торгового или же в форме денежно-торгового капитала — как особый вид промышленного капитала, по аналогии с тем, что, например, горное дело, земледелие, скотоводство, мануфактура, транспортная промышленность и пр. представляют образовавшиеся вследствие общественного разделения труда разветвления, а потому и особые сферы приложения, промышленного капитала. Уже то простое наблюдение, что всякий промышленный капитал, находясь в фазе обращения своего процесса воспроизводства как товарный капитал и денежный капитал, выполняет совершенно те же функции, которые являются исключительными функциями купеческого капитала в его обеих формах, — уже одно это наблюдение должно было бы сделать невозможным такое грубое понимание. Наоборот, в товарно-торговом и денежно-торговом капитале различия между промышленным капиталом как производительным, с одной стороны, и тем же самым капиталом в сфере обращения — с другой, приобретают самостоятельное существование вследствие того, что определенные формы и функции, которые временно принимает на себя в этом случае капитал, приобретают вид самостоятельных форм и функций отделившейся части капитала и связаны исключительно с нею. Превращенная форма промышленного капитала и вещественные различия производительного капитала, вытекающие из природы различных отраслей промышленности, — это вещи совершенно различные.

Кроме той грубости, с которой экономист вообще исследует различия форм, фактически интересующие его только с вещественной стороны, в основе такого смешения у вульгарного экономиста лежат еще двоякого рода обстоятельства. Во-первых, его неспособность объяснить торговую прибыль со всеми ее особенностями; во-вторых, его апологетическое стремление вывести

формы товарного капитала и денежного капитала, а затем товарно-торгового и денежно-торгового капитала, как виды, необходимо возникающие из самого процесса производства как такового; между тем как эти факторы возникли из специфической формы капиталистического способа производства, который предполагает в качестве своего базиса прежде всего товарное обращение, а следовательно и денежное обращение.

Если бы между товарно-торговым и денежно-торговым капиталом и производством зерна не было никакого иного различия, кроме такого, которое отличает последнее от скотоводства и мануфактуры, то было бы ясно, что производство и капиталистическое производство вообще тожественны и что в частности распределение общественных продуктов между членами общества как для производительного, так и для личного потребления точно так же должно вечно совершаться при помощи купцов и банкиров, как потребление мяса при помощи скотоводства и потребление одежды при помощи ее фабрикации[45].

Вследствие того, что великие экономисты, как Смит, Рикардо и др., рассматривали основную форму капитала, капитал как капитал промышленный, а капитал обращения (денежный и товарный) фактически рассматривали лишь постольку, поскольку он сам представляет фазу в процессе воспроизводства всякого капитала, они стали в тупик перед торговым капиталом как особым родом его. Положения об образовании стоимости, о прибыли и пр., выведенные из рассмотрения промышленного капитала, непосредственно неприменимы к купеческому капиталу. Поэтому они фактически оставляют купеческий капитал совершенно в стороне и упоминают о нем только как о виде промышленного капитала. Там, где они особо говорят о нем, как Рикардо в связи с внешней

[45] Мудрый Рошер додумался [см. *W. Roscher:* «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Stuttgart und Augsburg 1857, стр. 102], что если некоторые характеризуют торговлю как «посредничество» между производителями и потребителями, то с таким же успехом «можно» характеризовать самое производство как «посредничество» потребления (между кем?), из чего, конечно, следует, что торговый капитал есть часть производительного капитала подобно земледельческому и промышленному капиталам. Следовательно, если можно сказать, что человек может обслуживать свое потребление только производством (а он должен это делать, даже если не получил образования в Лейпциге) или что для присвоения природы необходим труд (что можно назвать «посредничеством»), то из этого, конечно, следует, что общественное «посредничество», вытекающее из специфической общественной формы производства, — *потому что* оно посредничество, — имеет столь же абсолютный характер необходимости, такой же ранг. Слово «посредничество» решает все. Впрочем, ведь купцы не посредники между производителями и потребителями (потребителей в отличие от производителей, потребителей, которые не производят, мы пока оставляем в стороне), а посредники при обмене продуктов этих производителей между собой, они лишь промежуточные лица при этом обмене, который в тысяче случаев совершается и без них.

торговлей, они стараются показать, что он не создает никакой стоимости (а следовательно и прибавочной стоимости). Но все, что имеет значение для внешней торговли, относится и к внутренней.

До сих пор мы рассматривали купеческий капитал с точки зрения и в пределах капиталистического способа производства. Но не только торговля, а и торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности представляет собою исторически древнейшую свободную форму существования капитала.

Так как мы уже видели, что торговля деньгами и авансированный на нее капитал не требуют для своего развития ничего иного, кроме оптовой торговли, затем товарно-торгового капитала, то лишь последним мы здесь и займемся.

Так как торговый капитал не выходит из сферы обращения и его функция состоит исключительно в том, чтобы обслуживать обмен товаров, то, — если оставить в стороне неразвитые формы, вытекающие из непосредственной меновой торговли, — для его существования не требуется никаких других условий, кроме тех, которые необходимы для простого товарного и денежного обращения. Или, лучше сказать, последнее является условием *его* существования. Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары, — будет ли это первобытное общинное хозяйство или производство, основанное на рабском труде, или мелко-крестьянское и мелко-буржуазное, или капиталистическое производство,— это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы. Крайние члены, между которыми служит посредником купеческий капитал, даны для него, как они даны для денег и для движения денег. Единственно необходимое заключается в том, чтобы эти крайние члены имелись в наличии как товары, — безразлично, является ли производство во всем своем объеме товарным производством или же производители, сами ведущие хозяйство, выносят на рынок только излишек, остающийся за покрытием их непосредственных потребностей, удовлетворяемых их производством. Купеческий капитал обслуживает только движение этих крайних членов, товаров, которые предполагаются его существованием.

В каком размере продукция поступает в торговлю, проходит через руки купцов, — это зависит от способа производства; этот размер достигает своего максимума при полном развитии капиталистического производства, когда продукт производится уже только как товар, а не как предмет непосредственного потребления.

С другой стороны, на основе всякого способа производства торговля способствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен для того чтобы увеличить потребление или сокровища производителей (под которыми здесь следует понимать собственников продуктов); следовательно, она все более придает производству характер производства ради меновой стоимости.

Метаморфоза товаров, их движение состоит: 1) вещественно — в обмене различных товаров друг на друга, 2) в отношении формы — в превращении товара в деньги, продаже, и в превращении денег в товар, купле. И к этим функциям, к обмену товаров посредством купли и продажи, сводится функция купеческого капитала. Следовательно, он обслуживает только товарный обмен, который, однако, нельзя понимать с самого начала просто как товарный обмен между непосредственными производителями. При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй) присваивает, а следовательно и продает продукты, рабовладелец, феодал, взимающее дань государство. Купец покупает и продает для многих. В его руках сосредоточиваются купли и продажи, вследствие чего купля и продажа утрачивают связь с непосредственными потребностями покупателя (как купца).

Но какова бы ни была общественная организация в тех сферах производства, товарообмен между которыми обслуживается купцом, его имущество всегда существует как денежное имущество, и его деньги постоянно функционируют как капитал. Форма этого капитала постоянно одна и та же: *Д — Т — Д′;* деньги, самостоятельная форма меновой стоимости, есть исходный пункт, и увеличение меновой стоимости — самостоятельная цель. Самый товарный обмен и обслуживающие его операции — обособленные от производства и совершаемые непроизводителями — суть лишь средство увеличения, увеличения не просто богатства, но богатства в его всеобщей общественной форме, богатства как меновой стоимости. Побудительный мотив и определяющая цель состоит в том, чтобы превратить *Д* в *Д + ΔД;* акты *Д — Т* и *Т — Д′*, обслуживающие акт *Д — Д′*, являются лишь переходными моментами этого превращения *Д* в *Д + ΔД*. Это *Д — Т — Д′* как характерное движение купеческого капитала отличает его от *Т — Д — Т*, от торговли товарами между самими производителями, конечной целью которой является обмен потребительных стоимостей.

Поэтому, чем менее развито производство, тем более денежное имущество концентрируется в руках купцов, или тем более оно является специфической формой купеческого имущества.

При капиталистическом способе производства, — т. е. когда капитал овладевает самим производством и придает ему совер-

шенно измененную и специфическую форму, — купеческий капитал является лишь капиталом с *особой* функцией. При всех прежних способах производства, — и тем в большей мере, чем более производство есть непосредственно производство жизненных средств для самого производителя, — купеческий капитал представляется функцией капитала par excellence.

Итак, не представляет ни малейших затруднений понимание того, почему купеческий капитал появляется в качестве исторической формы капитала задолго до того, как капитал подчинил себе само производство. Его существование и развитие до известной высоты само является историческим условием для развития капиталистического способа производства, 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям, а следовательно уже предполагает купца, который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своем акте купли концентрирует акты купли многих лиц. С другой стороны, все развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары. Однако, как мы скоро увидим из дальнейшего изложения, его развитие, взятое само по себе, недостаточно для того чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой.

При капиталистическом производстве купеческий капитал от своего прежнего самостоятельного существования спускается до такой роли, когда он является лишь особым моментом применения капитала вообще, а уравнение прибыли сводит его норму прибыли к общему среднему уровню. Он функционирует уже только как агент производительного капитала. Особые общественные отношения, складывающиеся с развитием купеческого капитала, теперь уже не являются определяющими; напротив, там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения. Это наблюдается даже в пределах одной и той же страны, где, напр., чисто торговые города много больше напоминают о прошлых отношениях, чем фабричные города[46].

---

[46] Господин В. Киссельбах («Der Gang des Welthandels im Mittelalter». [Stuttgart] 1860) действительно все еще живет представлениями того мира, в котором купеческий капитал есть форма капитала вообще. О капитале в современном смысле он не имеет никакого представления, как и г. Моммзен, который в своей римской истории говорит о «капитале» и о господстве капитала. В новейшей английской истории собственно торговое сословие и торговые города также являются политически реакционными и выступают в союзе с земельной и финансовой аристократией против промышленного капитала. Сравните, напр., политическую роль Ливерпуля с ролью Манчестера или

Самостоятельное и преобладающее развитие капитала как купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и не зависимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества.

Самостоятельное купеческое имущество как господствующая форма капитала означает обособленность процесса обращения от его крайних членов, а эти крайние члены — сами обменивающиеся производители. Эти крайние члены остаются самостоятельными по отношению к процессу обращения, как и этот процесс по отношению к ним. Продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю. Следовательно, здесь капитал впервые выступает как капитал в процессе обращения. В процессе обращения деньги развиваются в капитал. В обращении продукт впервые развивается как меновая стоимость, как товар и деньги. Капитал может образоваться в процессе обращения и должен образоваться в нем, прежде чем научается подчинять себе его крайние члены, различные сферы производства, обращение между которыми он обслуживает. Денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самой разнообразной организации, сферы, которые по своей внутренней структуре все еще направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Это обособление процесса обращения, при котором сферы производства связываются между собой при посредстве третьего члена, выражает двоякого рода обстоятельства. Во-первых, оно служит выражением того, что обращение еще не овладело производством, а относится к нему как к данной извне предпосылке. Во-вторых, — того, что процесс производства еще не включил в себя обращения в качестве просто своего момента. Напротив, в капиталистическом производстве совершилось и то и другое. Процесс производства основывается всецело на обращении, а обращение представляет собою лишь момент, переходную фазу производства, лишь реализацию продукта, произведенного как товар, и возмещение элементов его производства, производимых как товары. Форма капитала, происходящая непосредственно из обращения, — торговый капитал, — является здесь лишь одной из форм капитала в процессе его воспроизводства.

Тот закон, что самостоятельное развитие купеческого капитала находится в обратном отношении к степени развития капита-

Бирмингама. Полное господство промышленного капитала признано английским купеческим капиталом и финансовой аристократией (moneyed interest) лишь со времени отмены хлебных пошлин и т. д.

листического производства, с особенной ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли (carrying trade), как у венецианцев, генуэзцев и голландцев, там, следовательно, где главный барыш извлекается не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества при обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и из эксплуатации обеих стран производства[47]. В этом случае перед нами купеческий капитал в чистом виде, обособленный от крайних членов, от тех сфер производства, между которыми он служит посредником. Таков главный источник его образования. Но такая монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом ее существования. При посреднической торговле это сказывается не только в упадке торговли как особой отрасли, но и в падении преобладания чисто торговых народов и вообще их торгового богатства, которое покоилось на базисе этой посреднической торговли. Это лишь особая форма, в которой в ходе развития капиталистического производства находит себе выражение подчинение торгового капитала промышленному. Впрочем, яркий пример того, как хозяйничает купеческий капитал там, где он прямо овладевает производством, представляет не только колониальное хозяйство вообще (так называемая колониальная система), но в особенности хозяйство старой голландско-ост-индской компании.

Так как движение купеческого капитала есть *Д — Т — Д'*, то прибыль купца, во-первых, получается посредством актов, совершающихся лишь в пределах процесса обращения, следовательно получается при совершении двух актов: купли и продажи, и, во-вторых, она реализуется при совершении последнего акта, продажи. Следовательно, это прибыль от отчуждения, profit upon alienation. Чистая независимая торговая прибыль prima facie [прежде всего] является невозможной, если продукты продаются по их стоимости. Дешево купить, чтобы дорого продать, — вот закон торговли. Следовательно, не обмен эквивалентов. Понятие

---

[47] «Жители торговых городов вывозили из более богатых стран утонченные мануфактурные товары и драгоценные предметы роскоши и таким образом давали пищу тщеславию крупных землевладельцев, которые жадно покупали эти товары и оплачивали их огромными количествами сырого продукта своих земель. Таким образом в это время торговля значительной части Европы состояла в обмене сырого продукта одной страны на мануфактурные продукты страны, более передовой в промышленном отношении... Когда соответственный вкус приобрел более широкое распространение и вызвал значительный спрос, купцы, чтобы сэкономить издержки по перевозке, начинали устраивать подобные мануфактуры в своей собственной стране» (*A. Smith* [«Wealth of Nations»], книга III, гл. III). [Ср. *А. Смит:* «Богатство народов». Соцэкгиз, 1935 г., стр. 343.]

стоимости предполагается при этом постольку, поскольку различные товары все суть стоимость, а потому — деньги; качественно все они одинаково суть выражения общественного труда. Но они не равные величины стоимости. Количественное отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга, является сначала совершенно случайным. Они принимают товарную форму, потому что они вообще могут обмениваться, т. е. потому что они суть выражения одного и того же третьего. Продолжающийся обмен и более регулярное воспроизводство для обмена все более устраняют этот элемент случайности. Но сначала не для производителей и потребителей, а для посредника между ними обоими, для купца, который сравнивает денежные цены и разницу кладет в карман. Самим своим движением он устанавливает эквивалентность.

Торговый капитал вначале служит только посредником в движении между двумя крайними пунктами, которые не подчинены ему, и между предпосылками, которые не им созданы.

Подобно тому как из самой по себе формы товарного обращения, *Т — Д — Т*, появляются деньги не только как мера стоимости и средство обращения, но и как абсолютная форма товара, а вместе с тем и богатства, деньги как сокровище, и их сохранение и приращение в форме денег становится самоцелью, так из самой по себе формы обращения купеческого капитала, *Д — Т — Д'*, развиваются деньги, сокровище, как нечто такое, что сохраняется и увеличивается просто посредством отчуждения.

Торговые народы древности существовали, как боги Эпикура в междумировых пространствах вселенной, или, вернее, как евреи в порах польского общества. Торговля первых самостоятельных, пышно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников.

На подготовительных ступенях капиталистического общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе наоборот. Конечно, торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости, потому что наслаждение и потребление она ставит в бо́льшую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта. Этим она разлагает старые отношения. Она увеличивает денежное обращение. Она захватывает уже не только избыток продуктов, но мало-помалу начинает поедать и самое производство и ставит в зависимость от себя целые отрасли производства. Однако это разлагающее влияние в значительной степени зависит от природы производящего общества.

Пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но по большей части

и действительно из них происходит. Помимо того, что торговый капитал живет за счет разницы между ценами производства различных стран (и в этом отношении он оказывает влияние на уравнение и установление товарных стоимостей), указанные способы производства приводят к тому, что купеческий капитал присваивает себе подавляющую долю прибавочного продукта, — отчасти в качестве посредника между обществами, производство которых в основном еще направлено на потребительную стоимость и для экономической организации которых продажа части продуктов, вообще поступающей в обращение, следовательно вообще продажа продуктов по их стоимости, имеет второстепенное значение; отчасти потому, что при указанных прежних способах производства главные владельцы прибавочного продукта, с которыми имеет дело купец, — рабовладелец, феодальный сеньор, государство (напр. восточный деспот), — являются представителями потребляющего богатства, которому расставляет сети купец, как это правильно почуял по отношению к феодальному времени уже А. Смит в приведенной цитате. Итак, торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа [48], и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильническим грабежом, морским разбоем, похищением рабов,

[48] «Теперь купцы очень жалуются на дворян или на разбойников, на то, что им приходится торговать с большой опасностью, и, кроме того, их захватывают, бьют, облагают поборами и грабят. Но если бы купцы претерпевали это ради справедливости, то, конечно, они были бы святыми людьми... Но так как столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой творятся купцами по всему миру и даже по отношению друг к другу, то что же удивительного, что бог делает так, что столь большое имущество, неправедно приобретенное, снова утрачивается или подвергается разграблению, а их самих при этом избивают или захватывают в плен?.. И князьям подобает надлежащею властью наказывать за столь неправедную торговлю и принимать меры, чтобы купцы не обдирали так бессовестно их подданных. Но так как они этого не делают, то бог посылает рыцарей и разбойников и через них наказывает купцов за беззаконие, и они должны быть его дьяволами: подобно тому как он мучит дьяволами или губит врагами землю Египетскую и весь мир. Так он бьет одного плута другим, не давая этим понять, что рыцари меньшие разбойники, чем купцы, ибо купцы ежедневно грабят весь мир, тогда как рыцарь в течение года ограбит раз или два, одного или двух». — «Исполняется пророчество Исаии: князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и действуют заодно с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем другие, как бы для того чтобы осталась верной поговорка: крупные воры вешают мелких воров; и, как говорил римский сенатор Катон: простые воры сидят в тюрьмах и в оковах, а общественные воры ходят в золоте и в шелку. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает так, как он говорил Иезекиилю: князей и купцов, одного вора с другим, он сплавит вместе, как свинец и медь, так что не останется более ни князей, ни купцов, как не остается их, когда выгорает город» (*Martin Luther:* «Von Kaufshandlung und Wucher». [Wittenberg] 1524).

порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.

Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги во всемирные деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на место старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами.

Такова природа дела, что, как только городская промышленность как таковая отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товарами, и следовательно для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с городским развитием и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлею понятны таким образом сами собой. Но насколько рука об руку с этим идет промышленное развитие, это целиком зависит здесь от других обстоятельств. В древнем Риме уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промыслов. С другой стороны, в прямую противоположность городскому развитию и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам.

Не подлежит никакому сомнению, — и именно этот факт привел к совершенно ошибочным взглядам, — что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках в связи с географическими открытиями и быстро подвинувшие вперед разви-

тие купеческого капитала, составляют один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение всемирного рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. Между тем современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века. Стоит сравнить, напр., Голландию с Португалией[49]. А если в XVI и отчасти еще в XVII столетии внезапное расширение торговли и создание нового всемирного рынка оказали подавляющее влияние на падение старого и на подъем капиталистического способа производства, то это, напротив, произошло на основе уже созданного капиталистического способа производства. Всемирный рынок сам образует основу этого способа производства. С другой стороны, имманентная для последнего необходимость производить в постоянно увеличивающемся масштабе ведет к постоянному расширению всемирного рынка, так что в этом случае не торговля революционизирует промышленность, а промышленность постоянно революционизирует торговлю. И торговое господство теперь связано уже с бо̀льшим или меньшим преобладанием условий существования крупной промышленности. Стоит сравнить, напр., Англию и Голландию. История падения Голландии как господствующей торговой нации есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу. Препятствия, которые ставят разлагающему влиянию торговли внутренняя устойчивость и строй докапиталистических национальных способов производства, разительно обнаруживаются в сношениях англичан с Индией и Китаем. Единство мелкого земледелия с домашней промышленностью образует здесь широкий базис способа производства, причем в Индии к этому присоединяется еще форма деревенских общин, покоящихся на общинном землевладении, которое, впрочем, было первоначальной формой и в Китае. В Индии англичане немедленно применили свою непосредственную политическую

---

[49] Какое преобладающее значение для развития Голландии, кроме других обстоятельств, имел базис, заложенный в ее рыболовстве, мануфактуре и земледелии, это показали уже писатели XVIII столетия. См., напр., Мэсси. — В противоположность прежним взглядам, когда размеры и значение азиатской, античной и средневековой торговли ставились слишком низко, теперь вошло в моду чрезвычайно переоценивать их. Всего лучше можно освободиться от такого представления, если рассмотреть английский ввоз и вывоз к началу XVIII столетия и сравнить с современным. И, однако, они были несравненно более значительны, чем у какого бы то ни было торгового народа прежнего времени (см. *A. Anderson:* «An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce», т. II, London 1764, стр. 261 и сл.).

и экономическую силу властителей и присвоителей земельной ренты для того чтобы разрушить эти маленькие экономические общины[50]. Их торговля оказывает здесь революционизирующее влияние на способ производства лишь постольку, поскольку они дешевизной своих товаров уничтожают прядение и ткачество, исконную интегральную часть этого единства промышленно-земледельческого производства, и таким образом разрушают общину. Но даже здесь это дело разложения удается им лишь очень медленно. Еще менее оно дается им в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит на помощь. Большая экономия и сбережение времени, происходящие от непосредственного соединения земледелия и мануфактуры, оказывают здесь самое упорное сопротивление продуктам крупной промышленности, в цену которых входят faux frais [непроизводительные издержки] повсюду пронизывающего их процесса обращения. В противоположность английской русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства[51].

Переход от феодального способа производства совершается двояким образом. Производитель становится купцом и капиталистом в противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство. Как ни велико историческое значение последнего пути как переходной ступени, — примером которого может служить хотя бы английский clothier [суконщик] XVII столетия, который подчиняет своему контролю ткачей, все же остававшихся самостоятельными, продает им шерсть и скупает у них сукно, — однако он сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие. Таким образом, напр., еще до половины настоящего столетия фабрикант во французской шелковой промышленности, в английской чулочной и кружевной промышленности по большей части лишь номинально был фабрикантом, в действительности же — просто купцом, кото-

---

[50] Если история какого-либо народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике позорных) экономических экспериментов, так это — хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру английского крупного землевладения; в юго-восточной Индии — карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину с общинным землевладением в карикатуру ее самой.

[51] Это также начинает изменяться с тех пор, как Россия делает судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на пограничный азиатский рынок. — *Ф. Э.*

рый предоставлял ткачам работать их старым раздробленным способом и господствовал над ними только как купец, на которого они фактически и работали[52]. Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем у рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства. Такие же отношения, лишь несколько модифицированные, существуют в части лондонского ремесленного производства мебели. В частности в Тауэр Хэмлетс оно ведется на очень широкую ногу. Все производство разделено на множество независимых одна от другой отраслей. Одно предприятие изготовляет только стулья, другое — только столы, третье — только шкафы и т. д. Но самые эти предприятия ведутся более или менее ремесленным способом мелким мастером с немногими подмастерьями. Однако производство оказывается слишком массовым для того чтобы можно было работать непосредственно на частных лиц. Покупатели здесь — владельцы мебельных магазинов. Каждую субботу мастер отправляется к ним и продает свой продукт, причем они торгуются о цене совершенно так же, как в ломбарде торгуются о величине ссуды под ту или другую вещь. Эти мастера необходимо должны продавать свои продукты еженедельно уже для того, чтобы для следующей недели иметь возможность снова купить сырой материал и уплатить заработную плату. При таких обстоятельствах они по существу служат лишь посредниками между купцом и своими собственными рабочими. Собственно капиталистом является здесь купец, который кладет себе в карман бо́льшую часть прибавочной стоимости[53]. Сходное явление наблюдается при переходе в мануфактуру тех отраслей, которые раньше велись ремесленным способом или как побочные отрасли сельской промышленности. В зависимости от технического развития этого мелкого самостоятельного производства, — там, где оно само уже применяет машины, допускаемые ремесленным производством, — совершается и переход к крупной промышленности; машина приводится в движение уже не рукой, а паром, как это, напр., происходит в последнее время в английском чулочно-вязальном производстве.

---

[52] То же самое относится к рейнскому ленточному и позументному производству и к шелкоткачеству. Близ Крефельда была даже построена особая железная дорога для сношения этих сельских ручных ткачей с городскими «фабрикантами», но с того времени механическое ткачество привело ее вместе с ручными ткачами к бездействию. — *Ф. Э.*

[53] С 1865 г. эта система развилась в еще большем масштабе. Подробности о ней см. «First Report of the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System». London 1888. — *Ф. Э.*

Итак, переход совершается трояким образом: *во-первых,* купец прямо становится промышленником; это имеет место в отраслях ремесла, основанных на торговле, в отраслях, производящих предметы роскоши, отраслях, которые вместе с сырым материалом и рабочими ввозятся купцами из-за границы, как в пятнадцатом веке в Италию из Константинополя. *Во-вторых,* купец делает своими посредниками (middlemen) мелких мастеров или прямо покупает у самостоятельного производителя; номинально он оставляет его самостоятельным и оставляет без изменения его способ производства. *В-третьих,* промышленник становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли.

В средние века, как правильно говорит Поппе, купец только «Verleger» [скупщик, раздатчик] товаров, произведенных цеховыми ремесленниками или крестьянами. Купец становится промышленником, или, точнее, заставляет работать на себя ремесленную, в особенности же сельскую мелкую промышленность. С другой стороны, производитель становится купцом. Например, суконщел-мастер вместо того чтобы получать шерсть от купца понемногу, небольшими долями, и обрабатывать ее для него с помощью своих подмастерьев, сам покупает шерсть или пряжу и продает свое сукно купцу. Элементы производства входят в процесс производства как им самим купленные товары. И вместо того чтобы производить на отдельного купца или на определенных заказчиков, суконщел производит теперь для всего торгового мира. Сам производитель — купец. Торговый капитал совершает уже только процесс обращения. Первоначально торговля была предпосылкой для превращения цехового и деревенско-домашнего ремесла и феодального земледелия в капиталистические производства. Она развивает продукт в товар отчасти тем, что создает для него рынок, отчасти тем, что доставляет новые товарные эквиваленты, а для производства — новые сырые и вспомогательные материалы, и тем кладет начало новым отраслям производства, которые с самого начала основываются на торговле: на производстве для рынка и для всемирного рынка и на условиях производства, ведущих свое происхождение от всемирного рынка. Как только мануфактура до некоторой степени окрепнет, она, — а еще более крупная промышленность, — сама создает себе рынок, завоевывает его своими товарами. Теперь торговля становится слугой промышленного производства, для которого постоянное расширение рынка является условием существования. Постоянно расширяющееся массовое производство переполняет наличный рынок и потому постоянно работает над расширением этого рынка, над тем, чтобы пробить брешь в его рамках. Что ограничивает это массовое производство, так это не торговля (поскольку последняя служит выражением лишь существующего спроса), а вели-

чина функционирующего капитала и степень развития производительной силы труда. Промышленный капиталист постоянно имеет перед собой всемирный рынок, он сравнивает и должен постоянно сравнивать свои собственные издержки производства с рыночными ценами не только своей страны, но всего мира. В прежние периоды такое сравнение выпадает на долю почти исключительно купцов и обеспечивает таким образом торговому капиталу господство над промышленным капиталом.

Первая теоретическая разработка современного способа производства — меркантильная система — по необходимости исходила из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому она улавливала только внешнюю видимость явлений. Отчасти потому, что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он оказывал в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства. Действительная наука современной экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства. Правда, капитал, приносящий проценты, — тоже древняя форма капитала. Но почему меркантилизм не делает его своим отправным пунктом, а, напротив, относится к нему полемически, это мы увидим впоследствии.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

РАСПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ.

Когда мы в первый раз рассматривали общую, или среднюю, норму прибыли (отдел II этой книги), эта последняя не выступала еще перед нами в своем законченном виде, так как уравнение прибылей представлялось еще просто уравнением для промышленных капиталов, вложенных в различные сферы производства. Это было дополнено в предыдущем отделе, где исследовалось участие торгового капитала в этом уравнении и торговая прибыль. Общая норма прибыли и средняя прибыль предстали теперь в более узких границах, чем прежде. В ходе дальнейшего исследования следует помнить, что, говоря в последующем изложении об общей норме прибыли, или о средней прибыли, мы делаем это в последнем значении, т. е. говорим лишь о средней норме в ее законченном виде. А так как норма эта теперь одинакова для промышленного и для торгового капитала, то, поскольку дело касается только этой средней прибыли, нет также необходимости впредь делать различие между промышленной и торговой прибылью. Независимо от того, вложен ли капитал в сферу производства как промышленный капитал или в сферу обращения как торговый капитал, он приносит pro rata [пропорционально] своей величине одну и ту же годовую среднюю прибыль.

Деньги, взятые здесь как самостоятельное выражение известной суммы стоимости, — независимо от того, существует ли она в действительности в форме денег или товара, — могут на основе капиталистического производства быть превращены в капитал и вследствие такого превращения делаются из данной стоимости стоимостью самовозрастающей, увеличивающейся. Они производят прибыль, т. е. дают капиталисту возможность извлекать из

рабочих и присваивать определенное количество неоплаченного труда, прибавочный продукт и прибавочную стоимость. Тем самым помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег, они приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал. Их потребительная стоимость состоит здесь как раз в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал. В этом своем свойстве потенциального капитала, средств для производства прибыли, деньги становятся товаром, но товаром sui generis [особого рода]. Или, что сводится к тому же, капитал как капитал становится товаром [54].

Предположим, что годовая средняя норма прибыли равняется 20%. В таком случае машина стоимостью в 100 ф. ст., применяемая в качестве капитала при средних условиях и среднем уровне знания дела и целесообразности, дала бы прибыль в 20 ф. ст. Из этого следует, что человек, располагающий 100 ф. ст., держит в своих руках власть превратить 100 ф. ст. в 120, или произвести прибыль в 20 ф. ст. Он держит в своих руках потенциальный капитал в 100 ф. ст. Если этот человек уступает эти 100 ф. ст. на год другому, который действительно применит их как капитал, он дает ему власть произвести 20 ф. ст. прибыли, произвести прибавочную стоимость, которая ничего ему не стоит, за которую он не уплачивает никакого эквивалента. Если это последнее лицо уплачивает собственнику этих 100 ф. ст. в конце года, предположим, 5 ф. ст., т. е. часть произведенной прибыли, то оно оплачивает таким образом потребительную стоимость этих 100 ф. ст., потребительную стоимость их функции как капитала, функции производить 20 ф. ст. прибыли. Часть прибыли, уплачиваемая владельцу этих денег, называется процентом, что, следовательно, является не чем иным, как особым названием, особой рубрикой той части прибыли, которую функционирующий капитал должен выплатить владельцу капитала вместо того чтобы положить ее в собственный карман.

Ясно, что обладание этими 100 ф. ст. дает их владельцу силу привлечь к себе процент, некоторую часть прибыли, произведенной его капиталом. Если бы он не отдал этих 100 ф. ст. какому-нибудь другому лицу, то это последнее не могло бы произвести прибыль, вообще не могло бы функционировать в качестве капиталиста по отношению к этим 100 ф. ст. [55].

[54] Здесь можно было бы процитировать несколько мест, в которых экономисты так именно и понимают дело. — «Вы» (Английский банк) «являетесь очень крупными торговцами *товаром капитал?*» — такой вопрос при опросе свидетелей для Report on Bank Acts (H. of C. 1857 [стр. 104, № 1194]) был задан одному из директоров этого банка.

[55] «То обстоятельство, что человек, берущий деньги взаймы с целью извлечь из них прибыль, должен отдать часть прибыли кредитору, является само собою разумеющимся принципом естественной справедливости» (*Gilbart*: «The History and Principles of Banking». London 1834, стр. 163).

Говорить в данном случае вместе с Джильбэртом (см. примечание) об естественной справедливости — бессмыслица. Справедливость сделок, совершающихся между агентами производства, основана на том, что эти сделки как естественное следствие вытекают из отношений производства. Юридические формы, в которых эти экономические сделки проявляются как волевые действия участников, как выражения их общей воли и как обязательства, к выполнению которых каждую из сторон принуждает государство, — эти юридические формы, будучи только формами, не могут сами определить этого содержания сделок. Они только выражают его. Содержание это является справедливым, поскольку оно соответствует способу производства, адэкватно ему. Оно несправедливо, поскольку противоречит ему. Рабство на основе капиталистического способа производства несправедливо; точно так же несправедлив и обман на качестве товара.

Эти 100 ф. ст. производят прибыль в 20 ф. ст. потому, что они функционируют как капитал — капитал промышленный или торговый. Однако sine qua non [непременным условием] такого функционирования их в качестве капитала является расходование их как капитала, следовательно расходование денег на покупку средств производства (при капитале промышленном) и на покупку товара (при капитале торговом). Но, чтобы деньги могли быть израсходованы, они должны быть налицо. Если бы *A*, собственник этих 100 ф. ст., израсходовал их на свое личное потребление или удержал их при себе как сокровище, то *B*, функционирующий капиталист, не мог бы израсходовать их как капитал. Он затрачивает не свой капитал, а капитал, принадлежащий *A*, но он не может затратить капитала, принадлежащего *A* помимо воли лица *A*. Таким образом в действительности эти 100 ф. ст. как капитал первоначально расходуются лицом *A*, хотя вся функция его в качестве капиталиста ограничивается этим расходованием 100 ф. ст. как капитала. Поскольку дело касается этих 100 ф. ст., то *B* лишь потому функционирует как капиталист, что *A* передает ему эти 100 ф. ст. и таким образом расходует их как капитал.

Рассмотрим сначала своеобразное обращение капитала, приносящего проценты. Затем, во вторую очередь, следует рассмотреть тот своеобразный способ, при котором он продается как товар, именно ссужается, а не уступается раз навсегда.

Исходным пунктом являются деньги, которые *A* ссужает *B*. Ссуда может быть сделана под залог или без залога; однако первая форма является более древней, за исключением ссуды под товары или под долговые обязательства, как-то: векселя, акции и т. д. Эти особые формы нас здесь не интересуют. Мы имеем здесь дело с капиталом, приносящим проценты, в его обычной форме.

В руках *B* деньги действительно превращаются в капитал, проделывают движение *Д — Т — Д'* и затем снова возвращаются

к *А* как *Д'*, как *Д* + Δ*Д*, где Δ*Д* представляет процент. Для упрощения мы пока оставляем в стороне тот случай, когда капитал остается в руках *В* на более продолжительное время и проценты выплачиваются в определенные сроки.

Итак, движение таково:

Д — *Д* — *Т* — *Д'* — *Д'*.

Дважды здесь появляются 1) расходование денег как капитала, 2) обратный приток их как реализованного капитала, как *Д'*, или *Д* + Δ*Д*.

При движении торгового капитала *Д* — *Т* — *Д'* один и тот же товар дважды, а в тех случаях, когда купец продает купцу, и многократно, переходит из одних рук в другие; но каждое такое перемещение одного и того же товара означает метаморфозу, куплю или продажу товара, сколько бы раз ни повторялся этот процесс, до тех пор пока товар не войдет окончательно в потребление.

С другой стороны, в *Т* — *Д* — *Т* совершается двукратное перемещение одних и тех же денег, но это двукратное перемещение указывает на полную метаморфозу товара, который сначала превращается в деньги, а затем из денег опять в другой товар.

Напротив, для капитала, приносящего проценты, первое перемещение *Д* отнюдь не является моментом ни метаморфозы товара, ни воспроизводства капитала. Таким моментом перемещение *Д* становится лишь при вторичной затрате, в руках функционирующего капиталиста, который ведет с этими деньгами торговлю, или превращает их в производительный капитал. Первое перемещение *Д* выражает здесь не что иное, как переуступку, или передачу, лицом *А* лицу *В* — переуступку, обыкновенно совершающуюся при соблюдении известных юридических форм и условий.

Этому двукратному расходованию денег как капитала, причем первое из них есть простая передача денег лицом *А* лицу *В*, соответствует и двукратное возвращение их. Как *Д'*, или *Д* + + Δ*Д*, они возвращаются из движения обратно к функционирующему капиталисту *В*. Тогда последний снова передает их *А*, но уже вместе с частью прибыли, передает как реализованный капитал, как *Д* + Δ*Д*, где Δ*Д* не равно всей прибыли, а представляет собою только часть прибыли, процент. К *В* они возвращаются обратно лишь в качестве того, что он израсходовал, — в качестве функционирующего капитала, являющегося, однако, собственностью *А*. Поэтому, чтобы процесс их возвращения закончился, *В* должен передать их *А*. Но, кроме суммы капитала, *В* должен передать *А* под названием процента часть прибыли, произведенной им при помощи этой суммы капитала, так как *А* давал деньги *В* только как капитал, т. е. как стоимость, которая не только сохраняется в движении, но и создает своему собственнику прибавочную стоимость. Они остаются в руках *В* лишь до тех пор, пока

являются функционирующим капиталом. И по своем возвращении, — по истечении срока, — они перестают функционировать как капитал. Но и в качестве нефункционирующего более капитала они должны быть снова переданы обратно *A*, который не перестал быть их юридическим собственником.

Форма ссуды, свойственная этому товару, капиталу как товару, вместо формы продажи, но встречающаяся и при других сделках, вытекает уже из того определения, что капитал выступает здесь как товар или что деньги в качестве капитала становятся товаром.

Здесь необходимо провести следующее различие:

Мы видели (книга II, гл. I) и кратко напоминаем здесь о том, что в процессе обращения капитал функционирует как товарный капитал и как денежный капитал. Но в обеих формах капитал становится товаром не как капитал.

Как только производительный капитал превратится в товарный капитал, он должен быть выброшен на рынок, продан как товар. Здесь он функционирует просто как товар. Капиталист выступает в данном случае лишь как продавец товара, подобно тому, как покупатель — лишь как покупатель товара. Как товар продукт должен в процессе обращения посредством продажи реализовать свою стоимость, принять свой превращенный вид, вид денег. Поэтому также совершенно безразлично, покупается ли этот товар потребителем в качестве жизненного средства или капиталистом в качестве средства производства, как составная часть капитала. В акте обращения товарный капитал функционирует лишь как товар, не как капитал. Это — товарный *капитал* в отличие от простого товара, 1) потому что он уже чреват прибавочной стоимостью, следовательно реализация его стоимости есть в то же время и реализация прибавочной стоимости; но это ничего не изменяет в том факте, что он существует просто как товар, как продукт определенной цены; 2) потому что эта функция его как товара есть момент процесса воспроизводства его как капитала, и потому его движение как товара, являясь лишь частичным движением в совершаемом им процессе, в то же время является его движением как капитала; но оно становится таковым не вследствие самого акта продажи, а только вследствие связи, существующей между этим актом и всем движением этой определенной суммы стоимости как капитала.

Точно так же в качестве денежного капитала он фактически действует лишь просто как деньги, т. е. как средство для покупки товаров (элементов производства). То обстоятельство, что эти деньги являются здесь в то же время денежным капиталом, формой капитала, не вытекает из акта купли, из той действительной функции, которую он выполняет как деньги, а из связи этого акта с совокупным движением капитала, потому что этот акт, который

совершает капитал как деньги, служит введением к капиталистическому процессу производства.

Но, поскольку товарный капитал и денежный капитал действительно функционируют, действительно играют свою роль в процессе, товарный капитал действует здесь только как товар, денежный капитал — только как деньги. Ни в один из отдельных моментов метаморфозы, рассматриваемых сами по себе, капиталист не продает покупателю товара как *капитала* — хотя для него товар представляет капитал — и не отчуждает продавцу денег как капитала. В обоих случаях он отчуждает товар просто как товар и деньги просто как деньги, как покупательное средство по отношению к товару.

Капитал выступает в процессе обращения как капитал только в общей связи всего процесса, в том моменте, в котором исходная точка является вместе с тем и той точкой, к которой движение возвращается, в *Д — Д′* или *Т — Т′* (тогда как в процессе производства он выступает как капитал вследствие подчинения рабочего капиталисту и вследствие производства прибавочной стоимости). Но в этом моменте возвращения к исходной точке посредствующий процесс исчез. Налицо здесь *Д′*, или *Д* + Δ*Д*, сумма денег, равная первоначально авансированной денежной сумме плюс некоторый излишек сравнительно с нею, реализованная прибавочная стоимость (при этом безразлично, существует ли теперь сумма стоимости, увеличенная на Δ*Д*, в форме денег, или товара, или элементов производства). И как раз в этом пункте возвращения, в котором капитал существует как реализованный капитал, как возросшая стоимость, — поскольку этот пункт фиксируется как точка покоя, воображаемая или действительная, — в этой форме капитал никогда не вступает в обращение, а, наоборот, выступает как извлеченный из обращения, как результат всего процесса. Если он расходуется вновь, он никогда не отчуждается третьему лицу *как капитал*, а продается ему как простой товар или уплачивается ему за товар как простые деньги. Он никогда не выступает в процессе своего обращения как капитал, а только как товар или деньги, и это в данном случае единственная форма его существования *для других*. Товар и деньги являются здесь капиталом не постольку, поскольку товар превращается в деньги, а деньги в товар, не в их действительных отношениях к покупателю или продавцу, а лишь в их идеальных отношениях к самому капиталисту (если рассматривать дело субъективно) или как моменты процесса воспроизводства (если рассматривать дело объективно). В действительном движении капитал существует как капитал не в процессе обращения, а лишь в процессе производства, в процессе эксплуатации рабочей силы.

Но иначе обстоит дело с капиталом, приносящим проценты, и как раз в этом-то и заключается его специфический характер.

Владелец денег, желающий использовать свои деньги как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром как *капитал,* — как капитал не только для себя самого, но и для других. Это капитал не только для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они с самого же начала передаются как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость, прибыль. Они передаются как стоимость, которая в движении сохраняется и после своего функционирования возвращается к первоначально израсходовавшему ее лицу, в данном случае к владельцу денег, которая, следовательно, лишь на время удаляется от него и из владения своего собственника лишь временно переходит во владение функционирующего капиталиста, т. е. не поступает в уплату и не продается, а лишь отдается в ссуду, лишь отчуждается под условием, что по истечении известного срока она, во-первых, возвратится к своему исходному пункту и, во-вторых, возвратится как реализованный капитал, реализовав свою потребительную стоимость, свою способность производить прибавочную стоимость.

Товар, который ссужается как капитал, смотря по его свойствам, ссужается или как основной или как оборотный капитал. Деньги могут даваться в ссуду в обеих формах, — как основной капитал, напр. в том случае, когда они выплачиваются обратно в форме пожизненной ренты, так что вместе с процентами всегда возвращается обратно и часть капитала. Некоторые товары по характеру своей потребительной стоимости могут быть даны в ссуду лишь как основной капитал, напр. дома, суда, машины и т. д. Но всякий ссужаемый капитал, какова бы ни была его форма и как бы природа его потребительной стоимости ни модифицировала обратную уплату, всегда является лишь особой формой денежного капитала. Потому что то, что дается здесь в ссуду, всегда есть определенная денежная сумма, и на эту же сумму исчисляется и процент. Если то, что ссужается, не есть ни деньги, ни оборотный капитал, то и обратно оно уплачивается таким способом, как притекает обратно основной капитал. Кредитор получает периодически процент и часть потребленной стоимости самого основного капитала, эквивалент периодического снашивания. А по истечении срока непотребленная часть ссуженного основного капитала возвращается обратно in natura [в натуре]. Если ссуженный капитал — капитал оборотный, то он и возвращается к кредитору таким способом, как притекает обратно оборотный капитал.

Итак, способ возвращения определяется в каждом отдельном случае действительным кругооборотом воспроизводящегося капитала и его особых видов. Но возвращение ссуженного капитала принимает *форму* обратной уплаты потому, что авансирование, отчуждение этого капитала имеет форму ссуды.

В этой главе мы занимаемся лишь собственно денежным капиталом, от которого произошли все другие формы ссужаемого капитала.

Ссуженный капитал притекает обратно два раза; в процессе воспроизводства он возвращается к функционирующему капиталисту, а затем еще раз повторяется возвращение как передача капитала кредитору, денежному капиталисту, как обратная уплата капитала его действительному собственнику, юридической исходной точке капитала.

В действительном процессе обращения капитал всегда выступает только как товар или деньги, и его движение сводится к ряду актов купли и продажи. Короче, процесс обращения сводится к метаморфозе товара. Иное дело, если мы рассмотрим процесс воспроизводства в его целом. Если в качестве отправной точки мы возьмем деньги (дело не изменится, если в качестве отправной точки мы возьмем товар, потому что в таком случае мы исходим из его стоимости и, следовательно, рассматриваем самый товар sub specie денег), то мы увидим, что известная сумма денег израсходована и по истечении известного периода возвращается обратно с некоторым приращением. Возвращается обратно возмещение авансированной денежной суммы плюс прибавочная стоимость. Она сохранилась и увеличилась, совершая известное круговое движение. Но деньги, поскольку они ссужаются как капитал, ссужаются именно в качестве такой сохраняющейся и увеличивающейся денежной суммы, которая по истечении известного периода возвращается с некоторой прибавкой и во всякое время может снова начать тот же самый процесс. Они не расходуются ни как деньги, ни как товар, т. е. они не обмениваются на товар, если авансированы в виде денег, и не продаются за деньги, если авансированы в виде товара. Они расходуются как капитал. Отношение к самому себе, в виде которого представляется капитал, если рассматривать капиталистический процесс производства как целое и как единство, отношение, в котором капитал выступает как деньги, высиживающие деньги, здесь срастается с деньгами без посредствующего промежуточного движения, просто в качестве их характера, их определенности. И в этой определенности они отчуждаются, когда отдаются в ссуду в качестве денежного капитала.

У Прудона странное понимание роли денежного капитала («Gratuité du Crédit. Discussion entre m. F. Bastiat et m. Proudhon». Paris 1850). Ссуда потому кажется Прудону злом, что она не продажа. Ссуда под процент — это «возможность постоянно возобновлять продажу одного и того же предмета и постоянно снова получать его цену, никогда не уступая собственности на то, что продается» (стр. 9). Предмет, деньги, дом и т. д. не меняют собственника, как это происходит при купле и продаже. Но Прудон

упускает из виду, что при отдаче денег в форме капитала, приносящего проценты, за них не получают никакого эквивалента. При всяком акте купли и продажи, раз только вообще происходят процессы обмена, объект действительно отдается. Собственность на продаваемый предмет каждый раз уступается. Но стоимость при этом не отдается. При продаже отдается товар, а не его стоимость, которая возвращается в форме денег или, что является здесь лишь иной формой денег, — в форме долгового обязательства или платежного титула. При купле отдаются деньги, а не их стоимость, которая возмещается в форме товара. В продолжение всего процесса воспроизводства промышленный капиталист сохраняет в своих руках одну и ту же стоимость (оставляя в стороне прибавочную стоимость), только в различных формах.

Поскольку совершается обмен, т. е. обмен предметов, никакого изменения стоимости не происходит. Один и тот же капиталист все время удерживает в своих руках одну и ту же стоимость. Поскольку же прибавочная стоимость еще только производится капиталистом, обмену нет места; когда же происходит обмен, прибавочная стоимость уже находится в товарах. Если мы будем рассматривать не отдельные меновые акты, а весь кругооборот капитала *Д — Т — Д'*, то определенная сумма стоимости постоянно авансируется, и эта же сумма стоимости плюс прибавочная стоимость, или прибыль, извлекается из обращения. В простых меновых актах опосредствование этого процесса, конечно, остается вне поля зрения. Но как раз на этом процессе *Д* как капитала покоится процент, получаемый ссужающим денежным капиталистом, и из этого процесса он проистекает.

«В самом деле, — говорит Прудон, — шляпочник, продающий шляпы... получает взамен их стоимость, не более и не менее. Но капиталист, ссужающий деньги... не только получает обратно свой капитал неуменьшившимся, — он получает более, чем капитал, более, чем было им брошено в обмен, он получает сверх капитала еще и процент» (стр. 69). Шляпочник представляет здесь промышленного капиталиста в противоположность ссужающему капиталисту. Прудон, очевидно, не проник в тайну того, каким образом промышленный капиталист может продавать товар по его стоимости (уравнение по ценам производства при его понимании не имеет здесь никакого значения) и именно поэтому может получать прибыль сверх капитала, бросаемого им в обмен. Предположим, что цена производства 100 шляп = 115 ф. ст. и что эта цена производства случайно равна стоимости шляп, т. е. капитал, производящий шляпы, представляет собою капитал среднего общественного строения. Если прибыль = 15%, то шляпочник реализует прибыль в 15 ф. ст., продавая свои товары по их стоимости в 115 ф. ст. Ему они стоят всего 100 ф. ст. Если он производил при помощи своего собственного капитала, то излишек в

15 ф. ст. он целиком кладет в карман; если — при помощи капитала, взятого в ссуду, то из этих 15 ф. ст. ему приходится, быть может, 5 ф. ст. отдать в виде процента. Это нисколько не изменяет стоимости шляп, а вносит лишь изменение в распределение между разными лицами той прибавочной стоимости, которая уже находится в этой стоимости. Следовательно, — так как на стоимость шляп уплата процента не оказывает влияния, — бессмыслицей является такое утверждение Прудона: «Так как в торговле процент на капитал присоединяется к заработной плате рабочего, чтобы вместе с этой последней составить цену товара, то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. «Vivre en travaillant» [«жить работая»] является принципом, который, при господстве процента, заключает в себе противоречие» (стр. 105)[56].

Как плохо понял Прудон природу капитала, можно видеть из следующей фразы, в которой движение капитала вообще он изображает как движение, характерное для капитала, приносящего проценты: «Так как вследствие накопления процентов капитал-деньги, совершив ряд обменов, всегда возвращается к своему источнику, то из этого следует, что ссуда, делаемая одним и тем же лицом, приносит прибыль всегда тому же самому лицу» [стр. 154].

Что же остается для него загадочным в своеобразном движении капитала, приносящего проценты? Категории: купля, цена, уступка предметов и та неопосредствованная форма, в которой появляется здесь прибавочная стоимость; короче, то явление, что здесь капитал как капитал сделался товаром и что поэтому продажа превратилась в ссуду, цена — в долю прибыли.

Возвращение капитала к своему исходному пункту вообще характеризует движение капитала, совершающего весь кругооборот. Это отнюдь не является отличительной чертой только капитала, приносящего проценты. Характерна для него только внешняя форма возвращения, оторванная от посредствующего кругооборота. Капиталист, дающий ссуду, отдает свой капитал, передает его промышленному капиталисту, не получая эквивалента. Эта передача вообще не является актом действительного процесса кругооборота капитала, она лишь подготовляет кругооборот, который должен быть выполнен при посредстве промышленного

---

[56] Поэтому, если рассуждать по Прудону, то «дом», «деньги» и т. д. не ссужаются как «капитал», а отчуждаются как «товар... по цене издержек производства» (стр. 44). Лютер стоял несколько выше Прудона. Он уже знал, что получение прибыли не зависит от формы ссуды или купли: «Из торговли тоже делают ростовщичество. Но на один раз это слишком уже много. И когда теперь нам приходится говорить о такой вещи, как ростовщичество при ссуде, то, раз мы выступили (недавно) против него, мы намерены привлечь к ответу и *торговое ростовщичество*» (*M. Luther:* «An die Pfarherrn wider den Wucher zu predigen». Wittenberg 1540).

капиталиста. Это первое перемещение денег не выражает никакого акта метаморфозы: ни купли, ни продажи. Собственность не уступается, так как не происходит никакого обмена и не получается никакого эквивалента. Возвращение денег из рук промышленного капиталиста в руки ссудившего просто восполняет первый акт уступки капитала. Авансированный в денежной форме капитал процессом кругооборота снова возвращается к промышленному капиталисту в денежной форме. Но так как при расходовании капитал не принадлежал ему, то и при возвращении он не может ему принадлежать. То обстоятельство, что этот капитал прошел через процесс воспроизводства, не может превратить его в собственность промышленного капиталиста. Следовательно, он должен возвратить этот капитал тому, кто дал его в ссуду. Первое расходование капитала, перемещающее его из рук кредитора в руки заемщика, есть юридическая сделка, не имеющая ничего общего с действительным процессом воспроизводства капитала, лишь подготовляющая его. Обратная уплата, снова перемещающая притекший обратно капитал из рук заемщика в руки кредитора, есть вторая юридическая сделка, восполнение первой; первая подготовляет действительный процесс, вторая есть заключительный акт, совершающийся после окончания последнего. Следовательно, исходный пункт и точка возврата — отдача и возвращение ссуженного капитала — представляются произвольными движениями, совершающимися при посредстве юридических сделок, происходящими до и после действительного движения капитала и не имеющими никакого касательства к самому этому движению. Для действительного движения капитала было бы безразлично, если бы капитал с самого начала принадлежал промышленному капиталисту и потому возвращался бы к нему просто как его собственность.

В первом, вводном, акте кредитор передает свой капитал заемщику. Во втором, дополнительном и заключительном, акте заемщик возвращает капитал кредитору. Поскольку во внимание принимается лишь сделка между обоими и, — если оставить пока процент в стороне, — поскольку, следовательно, дело идет лишь о движении самого отданного в ссуду капитала между кредитором и заемщиком, оба эти акта (будут ли они отделены друг от друга более или же менее длинным промежутком времени, на который приходится действительное движение воспроизводства капитала) охватывают все это движение. А это движение — отдача под условием возвращения — представляет вообще движение ссуды выдаваемой и ссуды получаемой, этой специфической формы лишь условного отчуждения денег или товара.

Движение, характерное для капитала вообще, — возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точке, — для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто

внешний вид, оторванный от того действительного движения, формой которого он служит. *A* отдает свои деньги не как деньги, а как капитал. С капиталом здесь не происходит никакого изменения. Он лишь переходит в другие руки. Его действительное превращение в капитал совершается только в руках *B*. Но для *A* он уже сделался капиталом вследствие простой передачи *B*. Действительное возвращение капитала из процесса производства и обращения имеет место лишь для *B*. Но для *A* возвращение происходит в той же форме, как отчуждение. Из рук *B* капитал снова возвращается в руки *A*. Отдача, ссуда денег на известное время, и получение их обратно с процентом (прибавочной стоимостью) — вот вся форма движения, принадлежащая капиталу, приносящему проценты, как таковому. Действительное движение отданных в ссуду денег как капитала есть операция, лежащая по ту сторону сделок между кредиторами и заемщиками. В самих этих сделках посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен. Как товар особого рода капитал обладает и особым родом отчуждения. Поэтому и возврат получает здесь выражение не как следствие и результат определенного ряда экономических актов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом. Время возвращения зависит от хода процесса воспроизводства; в отношении капитала, приносящего проценты, *кажется,* будто его возвращение как капитала зависит от простого соглашения между кредитором и заемщиком. Так что по отношению к этой сделке возвращение капитала представляется уже не результатом, который определяется процессом производства, а так, как будто бы данный в ссуду капитал никогда не утрачивал формы денег. Конечно, фактически сделки эти определяются действительными возвращениями капитала. Но это не проявляется в самой сделке. На практике дело также отнюдь не всегда так происходит. Если действительный возврат не произошел во-время, то заемщику приходится искать иного вспомогательного источника для выполнения своих обязательств перед кредитором. Чистая *форма* капитала — деньги, которые затрачиваются в виде суммы *A* и через известный промежуток времени возвращаются обратно в виде суммы $A + \frac{1}{x} A$ без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени, — есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала.

В действительном движении капитала его обратное возвращение есть момент процесса обращения. Сначала деньги превращаются в средства производства; процесс производства превращает их в товар; путем продажи товара они снова превращаются в деньги и в этой форме возвращаются обратно в руки капиталиста, который впервые авансировал данный капитал в денежной форме. Но в отношении капитала, приносящего проценты, возвращение

его, как и выдача, есть лишь результат юридической сделки между собственником капитала и вторым лицом. Мы видим лишь выдачу и обратную уплату. Все, что происходит между ними, изгладилось.

Но так как деньги, авансированные как капитал, обладают свойством возвращаться к тому, кто их авансировал, затратил как капитал; так как *Д — Т — Д′* есть имманентная форма движения капитала, то именно поэтому владелец денег может ссужать их как капитал, как нечто такое, что обладает свойством возвращаться к своему исходному пункту, сохраняться и возрастать как стоимость в том движении, которое оно совершает. Он отдает деньги как капитал, так как после того, как они применены как капитал, они возвращаются к своей исходной точке, и, следовательно, по истечении известного срока заемщик может восстановить их именно потому, что они притекают обратно к нему самому.

Итак, отдача в ссуду денег как капитала — отдача их под условием возмещения по истечении известного времени — предполагает, что деньги действительно применяются как капитал, действительно притекают обратно к своей исходной точке. Таким образом действительный кругооборот денег как капитала является предварительным условием юридической сделки, согласно которой заемщик должен возвратить деньги кредитору. Если заемщик не затратит деньги как капитал, — это его дело. Заимодавец ссужает деньги как капитал, и как таковой они должны проделать функции капитала, заключающие в себе кругооборот денежного капитала вплоть до возвращения в денежной форме к его исходному пункту.

Акты обращения *Д — Т* и *Т — Д′*, в которых данная сумма стоимости функционирует как деньги или как товар, суть лишь посредствующие процессы, отдельные моменты всего ее движения. Как капитал она проделывает все движение *Д — Д′*. Она авансируется как деньги или как сумма стоимости в какой-либо форме и возвращается обратно как сумма стоимости. Ссужающий деньги не затрачивает их на покупку товара или, в том случае, если сумма стоимости существует в виде товаров, не продает последние за деньги, но авансирует их как капитал, как *Д — Д′*, как стоимость, которая в определенный срок снова возвращается к своему исходному пункту. Вместо того чтобы покупать или продавать, он дает в ссуду. Эта отдача в ссуду является таким образом соответственной формой для отчуждения стоимости *как капитала*, а не как денег или товара. Но отсюда отнюдь не следует, что отдача в ссуду не может быть формой и таких сделок, которые не имеют никакого отношения к капиталистическому процессу воспроизводства.

До сих пор мы рассматривали только движение ссужаемого *капитала* между его собственником и промышленным капиталистом. Теперь нам предстоит исследовать *процент*.

Кредитор расходует свои деньги как капитал; сумма стоимости, которую он отчуждает другому лицу, есть капитал и потому притекает к нему обратно. Но простое возвращение к нему ссуженной суммы стоимости было бы не возвращением ее *как капитала,* а просто возвращением ссуженной суммы стоимости. Чтобы возвратиться в качестве капитала, авансированная сумма стоимости должна не только сохраниться в движении, но и возрасти, увеличить величину своей стоимости, т. е. возвратиться с прибавочной стоимостью, как $Д + \Delta Д$, и это $\Delta Д$ является здесь процентом, или той частью средней прибыли, которая не остается в руках функционирующего капиталиста, а достается денежному капиталисту.

То обстоятельство, что деньги были отчуждены им как капитал, означает, что они должны быть возвращены ему как $Д + \Delta Д$. Нам предстоит еще особо рассмотреть ту форму, когда проценты притекают обратно в известные сроки в продолжение того периода времени, на который заключен заем, но без капитала, уплата которого происходит лишь в конце более продолжительного периода.

Что дает денежный капиталист заемщику, промышленному капиталисту? Что он отчуждает ему в действительности? А только акт отчуждения превращает ссуду денег в отчуждение денег как капитала, т. е. в отчуждение капитала как товара.

Только посредством акта этого отчуждения капитал лица, ссужающего деньги, передается другому лицу как товар, или же товар, которым он располагает, передается какому-либо другому лицу как капитал.

Что отчуждается при обычной продаже? Не стоимость проданного товара, так как она только меняет свою форму. Она существует идеально в товаре как цена, прежде чем реально перейти в форме денег в руки продавца. Одна и та же стоимость и одна и та же величина стоимости изменяют здесь только свою форму. В одном случае они существуют в товарной форме, в другом случае — в денежной форме. То, что действительно отчуждается от продавца, а потому переходит в сферу индивидуального или производительного потребления покупателя, — это потребительная стоимость товара, товар как потребительная стоимость.

Что же это за потребительная стоимость, которую денежный капиталист отчуждает на время ссуды и передает промышленному капиталисту, заемщику? Это — потребительная стоимость, которую деньги приобретают вследствие того, что они могут быть превращены в капитал, могут функционировать как капитал и что поэтому они сверх того, что сохраняют свою первоначальную величину стоимости, производят в своем движении определенную прибавочную стоимость, среднюю прибыль (то, что превышает эту норму или стоит ниже ее, представляется здесь случайностью).

Потребительная стоимость остальных товаров в конце концов потребляется, и вместе с тем исчезает субстанция товара, а с нею и его стоимость. Товар-капитал, напротив, обладает тою особенностью, что потреблением его потребительной стоимости его стоимость и потребительная стоимость не только сохраняются, но еще и увеличиваются.

Эту-то потребительную стоимость денег как капитала — способность производить среднюю прибыль — и отчуждает денежный капиталист промышленному капиталисту на то время, на которое он передает этому последнему право распоряжаться ссуженным капиталом.

В этом смысле имеется известная аналогия между деньгами, отданными таким образом в ссуду, и рабочей силой, взятой в ее отношении к промышленному капиталисту. Но только стоимость рабочей силы капиталист оплачивает, тогда как стоимость взятого в ссуду капитала он просто возвращает обратно. Потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста такова: в процессе своего потребления она производит больше стоимости (прибыль), чем она сама имеет и чем она стóит. Этот излишек стоимости есть потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста. Точно так же потребительной стоимостью ссужаемого денежного капитала является его способность присоединять и увеличивать стоимость.

Денежный капиталист действительно отчуждает потребительную стоимость, и вследствие этого тò, что он отдает, отдается им как товар. И в этом отношении аналогия с товаром как таковым полная. Во-первых, это стоимость, которая переходит из одних рук в другие. Когда мы имеем дело с простым товаром, товаром как таковым, в руках покупателя и продавца остается одна и та же стоимость, но в различной форме; как до торговой сделки, так и после нее в их руках находится та же стоимость, которую они отчуждали, но только у одного она в товарной форме, у другого — в денежной форме. Разница заключается в том, что при ссуде денежный капиталист является единственным лицом, которое при этой сделке отдает стоимость; но он сохраняет ее посредством происходящего впоследствии обратного ее возвращения. При ссуде только одна сторона получает стоимость, так как только одна сторона ее отдает. Во-вторых, одна сторона отчуждает действительную потребительную стоимость, другая же сторона получает и потребляет ее. Но в отличие от обыкновенного товара эта потребительная стоимость сама есть стоимость, именно излишек величины стоимости в сравнении с ее первоначальной величиной, излишек, получающийся вследствие употребления денег как капитала. Прибыль есть эта потребительная стоимость.

Потребительная стоимость ссужаемых денег заключается в том, что они могут функционировать как капитал и как

таковой могут произвести при средних условиях среднюю прибыль[57].

Чт̀о же платит промышленный капиталист и чт̀о таким образом является ценой ссужаемого капитала? «То, что люди платят как процент за пользование тем, чт̀о они берут в долг», по Мэсси, «есть часть той прибыли, которую может произвести взятое в ссуду»[58].

Покупатель обыкновенного товара покупает потребительную стоимость этого товара, а оплачивает его стоимость. Заемщик денег также покупает их потребительную стоимость как капитала; но что он оплачивает? Конечно, не их цену, или стоимость, как при покупке других товаров. Между кредитором и заемщиком не происходит, как между покупателем и продавцом, смены формы стоимости, при которой эта стоимость один раз существует в форме денег, в другой раз — в форме товара. Тожественность отдаваемой и обратно получаемой стоимости проявляется здесь совершенно иным образом. Сумма стоимости, деньги, отдается без эквивалента и возвращается по истечении известного времени. Кредитор все время остается собственником одной и той же стоимости даже после того, как она из его рук перешла в руки заемщика. При простом обмене товаров деньги всегда находятся на стороне покупателя; при ссуде же деньги находятся на стороне продавца. Он является тем лицом, которое отдает деньги на известное время, а покупатель капитала является тем лицом, которое получает их как товар. Но это возможно лишь постольку, поскольку деньги функционируют как капитал и поэтому авансируются. Заемщик берет в заем деньги как капитал, как самовозрастающую стоимость. Но сначала это капитал лишь в себе, — подобно всякому капиталу в исходной точке последнего, в момент его авансирования. Только посредством потребления его он возрастает в стоимости, реализуется как капитал. Но заемщик должен возвратить его как *реализованный* капитал, следовательно как стоимость плюс прибавочная стоимость (процент); а последняя может быть только частью реализованной им прибыли. Процент может составлять только часть реализованной прибыли, а не всю эту прибыль, так как для заемщика потребительная стоимость одолженного капитала заключается в том, что он производит ему

---

[57] «Справедливость получения процентов зависит не от того, производит ли известный человек прибыль или нет, но от способности его» (того, что взято в долг) «производить прибыль при условии правильного употребления». («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest, wherein the Sentiments of Sir W. Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered». London 1750, стр. 49. Автор анонимного сочинения — Дж. Мэсси.)

[58] «Богатые люди вместо того чтобы самим применять свои деньги... ссужают их другим, чтобы они производили прибыль, оставляя владельцам часть произведенной таким образом прибыли» (там же, стр. 23—24).

прибыль. Иначе вышло бы, что со стороны заимодавца не было никакого отчуждения потребительной стоимости. С другой стороны, вся прибыль не может достаться заемщику. Это означало бы, что он ничего не заплатил за отчуждение потребительной стоимости и что он возвращает кредитору авансированные деньги только как простые деньги, а не как капитал, не как реализованный капитал, потому что реализованным капиталом они являются только как $Д + \Delta Д$.

Оба, и кредитор и заемщик, расходуют одну и ту же денежную сумму как капитал. Но лишь в руках последнего она функционирует как капитал. То обстоятельство, что одна и та же сумма денег двукратно существует как капитал для двух лиц, не удваивает прибыли. Эта сумма может функционировать как капитал для обоих только благодаря тому, что прибыль делится. Та часть, которая достается кредитору, называется процентом.

Предполагается, что вся сделка происходит между двумя видами капиталистов, между денежным капиталистом и капиталистом промышленным или торговым.

Никогда не следует забывать, что здесь капитал как капитал есть товар, или что товар, о котором здесь идет речь, есть капитал. Все проявляющиеся здесь отношения были бы поэтому иррациональны, если бы мы имели дело с простым товаром или с капиталом, поскольку последний функционирует в процессе своего воспроизводства как товарный капитал. Отдача в ссуду и заем вместо продажи и купли — вот в чем заключается здесь вытекающее из специфической природы товара-капитала различие. Точно так же различие состоит в том, что здесь уплачивается процент вместо цены товара. Если процент назвать ценой денежного капитала, то это будет иррациональной формой цены, совершенно противоречащей понятию цены товара[59]. Цена сведена здесь к своей чисто абстрактной и бессодержательной форме, к такой форме, что это есть определенная сумма денег, которая уплачивается за нечто фигурирующее так или иначе в качестве потребительной стоимости; тогда как цена по своему понятию равна выраженной в деньгах стоимости этой потребительной стоимости.

Процент как цена капитала — выражение с самого начала совершенно иррациональное. Здесь товар имеет двоякую стои-

---

[59] «Выражение стоимость (value) в применении к currency [средствам обращения] имеет три значения... 2) currency actually in hand [средства обращения, действительно находящиеся в руках] в отличие от той же суммы currency, которая должна поступить в один из последующих дней. В последнем случае их стоимость измеряется ставкой процента, а ставка процента определяется отношением между всем капиталом, даваемым в ссуду, и спросом на него» (Полковник *R. Torrens:* «On the Operation of the Bank Charter Act of 1844 etc.», 2-е изд. [London] 1847 [стр. 5—6]).

мость: во-первых, стоимость и, во-вторых, цену, отличную от этой стоимости, между тем как цена есть денежное выражение стоимости. Денежный капитал прежде всего есть не что иное, как сумма денег или стоимость определенной массы товаров, фиксированная в виде суммы денег. Если в ссуду дается товар как капитал, то он является лишь замаскированной формой денежной суммы. Потому что то, что̀ дается в ссуду как капитал, это — не столько-то фунтов хлопка, а такое-то количество денег, существующее в форме хлопка как стоимость последнего. Цена капитала относится поэтому к нему как к денежной сумме, хотя и не как к «currency», как полагает господин Торренс (см. выше примечание 59). Каким же образом сумма стоимости может иметь цену кроме своей собственной цены, кроме цены, выраженной в ее собственной денежной форме? Ведь цена — это стоимость товара (это одинаково относится и к рыночной цене, отличие которой от стоимости не качественное, а лишь количественное, касающееся лишь величины стоимости) в отличие от его потребительной стоимости. Цена, которая качественно отличается от стоимости, — это абсурдное противоречие[60].

Капитал проявляет себя как капитал в возрастании своей стоимости; степень этого возрастания выражает ту количественную степень, в какой он реализуется как капитал. Произведенная им прибавочная стоимость, или прибыль, — ее норма или высота, — измерима лишь посредством сравнения со стоимостью авансированного капитала. Поэтому большее или меньшее возрастание стоимости капитала, приносящего проценты, тоже измеримо лишь сравнением количества процентов, той части общей прибыли, которая достается на его долю, со стоимостью авансированного капитала. Поэтому если цена выражает стоимость товара, то процент выражает возрастание стоимости денежного капитала и потому представляется ценою, которая уплачивается за него кредитору. Отсюда с самого начала ясна вся нелепость стремления непосредственно приложить сюда, как это делает Прудон, простые отношения обмена, как он совершается при посредстве денег в актах купли и продажи. Основное предположение как раз заключается в том, что деньги функционируют как капитал и потому могут быть переданы третьему лицу как капитал в себе, как потенциальный капитал.

---

[60] «Двусмысленность терминов: стоимость денег и средств обращения, которые употребляются без разбора с целью обозначения как меновой стоимости товаров, так и потребительной стоимости капитала, — эта двусмысленность терминов является постоянным источником путаницы» (*Tooke:* «Inquiry into the Currency Principle» [London 1844], стр. 77). — Но Тук не замечает главной путаницы (лежащей в самом существе дела), заключающейся в том, что стоимость как таковая (процент) становится потребительной стоимостью капитала.

Но в качестве товара сам капитал выступает здесь постольку, поскольку он предлагается на рынке и поскольку потребительная стоимость денег действительно отчуждается как капитал. Но его потребительная стоимость заключается в способности производить прибыль. Стоимость денег или товаров как капитала определяется не их стоимостью как денег или товаров, а количеством прибавочной стоимости, которое они производят для своего владельца. Продукт капитала есть прибыль. Затрачены ли деньги как деньги или они авансированы как капитал, это на основе капиталистического производства — лишь различное применение денег. Деньги, resp. [соответств.] товар, в себе, потенциально, суть капитал совершенно так же, как и рабочая сила потенциально есть капитал. Потому что 1) если деньги могут быть превращены в элементы производства и являются, как то и есть на самом деле, лишь абстрактным выражением элементов производства, их наличным бытием как стоимости, 2) если вещественные элементы богатства обладают уже свойством потенциально быть капиталом, то это потому, что на основе капиталистического производства имеется налицо дополняющая их противоположность, то, что̀ делает их капиталом, — наемный труд.

Антагонистический общественный характер вещественного богатства — антагонизм этого последнего труду как наемному труду — обособленно от процесса производства, уже выражен в собственности на капитал как таковой. Уже этот момент, обособленно от самого капиталистического процесса производства, постоянным результатом которого он является и которым он предполагается в качестве постоянного результата, — этот момент получает выражение в том, что деньги, а также и товар, в себе, скрыто, потенциально суть капитал, что они могут быть проданы как капитал и что в этой форме они представляют командование над чужим трудом, притязание на присвоение чужого труда, а потому суть самовозрастающая стоимость. Здесь же ясно обнаруживается, что основанием и средством для присвоения чужого труда служит не какой-либо труд капиталиста, который был бы эквивалентом, а именно это отношение.

Далее, капитал выступает в качестве товара, поскольку разделение прибыли на процент и собственно прибыль регулируется спросом и предложением, следовательно конкуренцией, совершенно так же, как рыночные цены товаров. Но разница так же бросается здесь в глаза, как и сходство. Если спрос и предложение покрываются, то рыночная цена товара соответствует его цене производства; т. е. в этом случае оказывается, что его цена регулируется внутренними законами капиталистического производства, независимо от конкуренции, так как колебания спроса и предложения не объясняют ничего, кроме отклонений рыночных цен от цен производства, — отклонений, которые взаимно уравниваются,

так что за известные более или менее продолжительные периоды средние рыночные цены равны ценам производства. Когда спрос и предложение взаимно покрываются, эти силы перестают действовать, взаимно уничтожают друг друга, и общий закон определения цены выступает тогда как закон и для отдельного случая; рыночная цена тогда соответствует уже в своем непосредственном наличном бытии, а не только как среднее из движения рыночных цен, цене производства, которая регулируется имманентными законами самого способа производства. То же с заработной платой. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то действие их уничтожается, и заработная плата равна стоимости рабочей силы. Но иначе обстоит дело с процентом на денежный капитал. Конкуренция определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией, потому что, как мы это еще увидим дальше, не существует никакой «естественной» нормы процента. Под естественной нормой процента разумеют, напротив, именно норму, устанавливаемую свободной конкуренцией. «Естественных» границ нормы процента не существует. Там, где конкуренция определяет не только отклонения и колебания, где, следовательно, при равновесии взаимно противодействующих сил вообще прекращается всякое определение, там определяемое само по себе есть нечто лишенное закономерности и произвольное. Подробнее об этом в следующей главе.

Когда дело касается капитала, приносящего проценты, то все представляется чем-то внешним: авансирование капитала — простой передачей его кредитором заемщику; возвращение реализованного капитала — просто обратной передачей, обратной уплатой капитала с процентами заемщиком кредитору. То же следует сказать и относительно имманентного для капиталистического способа производства определения, именно, что норма прибыли определяется не только отношением той прибыли, которая произведена в продолжение одного оборота, к авансированной капитальной стоимости, но также и продолжительностью самого этого времени оборота, т. е. определяется как прибыль, которую приносит промышленный капитал в определенные промежутки времени. Для капитала, приносящего проценты, это также представляется чем-то совершенно внешним: кредитору просто уплачивается определенный процент за определенный срок.

Романтический Адам Мюллер говорит со своим обычным для него пониманием внутренней связи вещей («Elemente der Staatskunst». Berlin 1809, стр. 138): «При определении цены вещей не спрашивают о времени; при определении процента принимается в расчет главным образом время». Он не видит, каким образом время производства и время обращения входит в определение цены

товаров и каким образом именно этим определяется норма прибыли для данного периода оборота капитала, а норма процента определяется как раз определением прибыли для данного времени. Все его глубокомыслие здесь, как и всегда, заключается лишь в том, что он замечает облака пыли, носящиеся по поверхности, и претенциозно рассуждает об этой пыли как о чем-то таинственном и значительном.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ. СТАВКА ПРОЦЕНТА. «ЕСТЕСТВЕННАЯ» НОРМА ПРОЦЕНТА.

Предмет этой главы, равно как вообще все явления кредита, о которых мы будем говорить впоследствии, не могут быть исследованы здесь в подробностях. Конкуренция между кредиторами и заемщиками и получающиеся, как ее результат, сравнительно кратковременные колебания денежного рынка выходят за пределы нашего рассмотрения. Изображение циклического движения, совершаемого нормой процента на протяжении промышленного цикла, предполагает предварительное изображение самого этого цикла, которое здесь тоже не может быть дано. То же самое относится и к большему или меньшему приблизительному уравнению ставки процента на всемирном рынке. Наша задача заключается здесь лишь в том, чтобы выяснить самостоятельную форму капитала, приносящего проценты, и обособление процента от прибыли.

Так как процент есть просто та часть прибыли, которую, согласно принятому нами до сих пор предположению, промышленный капиталист должен уплачивать денежному капиталисту, то максимальным пределом процента служит сама прибыль, причем часть, достающаяся функционирующему капиталисту, была бы $=0$. За исключением отдельных случаев, когда процент фактически может быть больше, чем прибыль, — но тогда он не может уплачиваться из прибыли, — можно было бы, пожалуй, считать максимальным пределом процента всю прибыль минус та ее часть, которая сводится к плате за надзор (wages of superintendence) и которую нам предстоит рассмотреть впоследствии. Минимальный предел процента совершенно не поддается определению. Он может упасть до какого угодно уровня. Но тогда на сцену снова и снова выступают противодействующие обстоятельства и поднимают его выше этого относительного минимума.

«Отношение между суммой, заплаченной за употребление капитала, и самим этим капиталом выражает норму процента, измеренную в деньгах». — «Норма процента зависит 1) от нормы прибыли, 2) от того, в каком отношении распределяется вся прибыль между кредитором и заемщиком» («Economist», 22 января 1853 г.). «Так как выплачиваемое в виде процента за пользование

тем, что̀ берется в ссуду, есть часть прибыли, которую способно произвести взятое в ссуду, то этот процент должен постоянно регулироваться такой прибылью» (Massie, цит. произв., стр. 49).

Предположим сначала, что существует постоянное соотношение между всей прибылью и той ее частью, которая как процент должна быть уплачена денежному капиталисту. В таком случае ясно, что процент будет повышаться или понижаться вместе со всей прибылью, а последняя определяется общей нормой прибыли и ее колебаниями. Если бы, напр., средняя норма прибыли была = = 20%, а процент = $^1/_4$ прибыли, то ставка процента была бы = = 5%; если бы средняя норма прибыли была = 16%, то процент был бы = 4%. При норме прибыли в 20% процент мог бы подняться до 8%, и промышленный капиталист все же выручал бы ту же прибыль, как при норме прибыли = 16% и ставке процента = 4%, а именно 12%. Если бы процент повысился только до 6 или 7%, то промышленный капиталист все же удерживал бы бо̀льшую часть прибыли. Если бы процент равнялся постоянной части средней прибыли, то из этого следовало бы, что, чем выше общая норма прибыли, тем больше абсолютная разница между всей прибылью и процентом, тем больше, следовательно, та часть всей прибыли, которая достается функционирующему капиталисту, и наоборот. Предположим, что процент = $^1/_5$ средней прибыли. $^1/_5$ от 10 даст 2, разница между всей прибылью и процентом = 8; $^1/_5$ от 20 = 4, разница = 20 — 4 = 16; $^1/_5$ от 25 = 5, разница = = 25 — 5 = 20; $^1/_5$ от 30 = 6, разница = 30 — 6 = 24; $^1/_5$ от 35 = 7, разница = 35 — 7 = 28. Различные нормы процента: 4, 5, 6, 7% все время служили бы здесь выражением только $^1/_5$, или 20%, всей прибыли. Итак, если нормы прибыли различны, то различные нормы процента могут служить выражением одной и той же дробной части всей прибыли, или выражать одну и ту же процентную долю всей прибыли. При таком постоянном отношении процента промышленная прибыль (разность между всей прибылью и процентом) была бы тем больше, чем выше общая норма прибыли, и обратно.

При прочих равных условиях, если предположить более или менее постоянное отношение между процентом и всей прибылью, функционирующий капиталист окажется в состоянии и согласится платить высокий или низкий процент в прямой зависимости от уровня нормы прибыли[61]. Мы уже видели, что высота нормы прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического производства; отсюда следует, что высокая или низкая ставка процента в стране находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития, если только различие

---

[61] «Естественная норма процента управляется прибылью отдельного предприятия» (*Massie,* цит. произв., стр. 51).

ставки процента действительно выражает различие норм прибыли. Позже мы увидим, что нет никакой необходимости в том, чтобы всегда было так. В этом смысле можно сказать, что процент регулируется прибылью, точнее — общей нормой прибыли. И этот способ его регулирования распространяется даже на его средний уровень.

Во всяком случае среднюю норму прибыли следует рассматривать как конечный максимальный предел процента.

То обстоятельство, что процент следует ставить в соотношение со средней нормой прибыли, мы сейчас рассмотрим подробнее. Когда приходится делить целое данной величины, напр. прибыль, между двумя лицами, то, конечно, дело зависит прежде всего от величины того целого, которое подлежит разделу, а она, величина прибыли, определяется средней нормой прибыли. Предположим, что дана общая норма прибыли, следовательно величина прибыли на капитал данной величины, скажем, на 100; тогда изменения процента будут, очевидно, находиться в обратном отношении к изменениям той части прибыли, которая остается в руках функционирующего капиталиста, но работающего со взятым в ссуду капиталом. А обстоятельства, определяющие величину подлежащей распределению прибыли, — новой стоимости, созданной неоплаченным трудом, — весьма отличны от тех, которыми определяется ее распределение между двумя этими родами капиталистов, и часто действуют в совершенно противоположном направлении [62].

Если мы рассмотрим те циклы оборотов, в которых движется современная промышленность, — состояние покоя, возрастающее оживление, процветание, перепроизводство, крах, стагнация, состояние покоя и т. д., циклы, дальнейший анализ которых выходит за пределы нашего исследования, — то мы увидим, что низкий уровень процента в большинстве случаев соответствует периодам процветания или сверхприбыли, повышение процента — переходу от процветания к сменяющему его повороту, а максимум процента, достигающий самых крайних ростовщических размеров, соответствует кризису [63]. С лета 1843 г. наступило решительное процветание; ставка процента, еще весною 1842 г. достигавшая

---

[62] В рукописи здесь находится следующая пометка: «Из хода этой главы выясняется, что будет все же лучше, прежде чем исследовать законы распределения прибыли, сначала изложить, каким образом количественное разделение становится качественным. Чтобы перейти к этому от предыдущей главы, не требуется ничего иного, как представить процент сначала в виде некоторой части прибыли, ближе не определяя этой части».

[63] «В первый период, непосредственно после периода угнетения, денег достаточно, спекуляции нет; во второй период денег достаточно, и спекуляция процветает; в третий период спекуляция начинает ослабевать, и денег ищут; в четвертый период деньги редки, и наступает угнетение» (*Gilbart:* «A Practical on Banking», 5-е изд., London 1849, т. I, стр. 149).

$4^1/_2\%$, весною и летом 1843 г. упала до 2%[64], а в сентябре даже до $1^1/_2\%$ (Gilbart, I, стр. 166); впоследствии, во время кризиса 1847 г., она поднималась до 8% и выше.

Конечно, с другой стороны, низкий процент может совпасть с застоем, а умеренно повышающийся процент — с возрастающим оживлением.

Наибольшей высоты ставка процента достигает во время кризисов, когда, чего бы это ни стоило, приходится брать взаймы для производства платежей. В то же время, — так как повышению процента соответствует понижение цены ценных бумаг, — это дает людям со свободным денежным капиталом превосходный случай овладеть за бесценок такими процентными бумагами, которые при нормальном ходе дел должны снова достигнуть по меньшей мере своей средней цены, как только ставка процента снова понизится[65].

Но существует тенденция к понижению ставки процента, совершенно независимо от колебаний нормы прибыли. И главные причины тому двоякого рода:

I. «Если даже предположить, что капитал никогда не берется в ссуду иначе, как для производительного применения, то все же возможно, что ставка процента будет изменяться без какого бы то ни было изменения нормы валовой прибыли. Потому что по мере того, как известный народ прогрессирует в развитии богатства, возникает и все более растет класс людей, которые благодаря труду своих предков владеют фондами, достаточными для того чтобы жить только на получаемые с них проценты. Есть много и таких лиц, которые, принимая активное участие в предприятии в своей молодости и зрелом возрасте, уходят из него, чтобы в старости спокойно жить на проценты с накопленных сумм. Обе эти категории обнаруживают тенденцию увеличиваться с возрастанием богатства страны, так как те, кто начинает уже с капиталом среднего размера, легче достигают независимого положения, чем те, кто начинает с маленьким капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение во вновь культивируемых и бедных странах. Каких поразитель-

[64] Тук объясняет это «накоплением дополнительного капитала, необходимо сопровождающим недостаток выгодного применения его в прежние годы, освобождением денежных запасов и возрождением надежд на процветание торговли» («History of Prices from 1839 till 1847». London 1848, стр. 54).

[65] «Один банкир отказался дать своему старому клиенту ссуду под залог ценных бумаг стоимостью в 200 000 ф. ст. Когда этот клиент намеревался уже уйти и заявить о прекращении платежей, банкир сказал ему, что он может этого не делать при том условии, если продаст банкиру свои бумаги за 150 000 ф. ст.» («The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844 etc.». London 1864, стр. 80).

ных размеров достигает класс рантье в Англии! В том же отношении, в каком растет класс рантье, растет и класс ссужающих капиталы, ибо оба суть одно и то же» (Ramsay: «Essay on the Distribution of Wealth» [Edinburgh 1836], стр. 201).

II. Давление на ставку процента должны также оказывать развитие системы кредита, постоянно возрастающая вместе с нею возможность для промышленников и купцов распоряжаться при посредстве банкиров всеми денежными сбережениями всех классов общества и прогрессирующая концентрация этих сбережений в таких размерах, при которых они могут действовать как денежный капитал. Подробнее об этом позже.

Относительно определения нормы процента Рамсей говорит, что она «зависит частью от нормы валовой прибыли, частью от отношения, в котором эта последняя делится на процент и доход предпринимателя (profits of enterprise). Отношение это зависит от конкуренции между ссужающими и заемщиками капитала; предполагаемая норма валовой прибыли оказывает влияние на эту конкуренцию, но не регулирует ее исключительно[66]. Конкуренция не регулируется исключительно этим потому, что, с одной стороны, многие занимают без намерения производительно применить занятое, и, с другой стороны, потому, что величина всего ссужаемого капитала изменяется с изменением богатства страны, независимо от какого бы то ни было изменения валовой прибыли» (Ramsay, там же, стр. 206, 207).

Чтобы найти среднюю норму процента, необходимо 1) высчитать среднюю ставку процента из ее изменений во время крупных промышленных циклов и 2) высчитать ставку процента в таких областях вложения, где капитал ссужается на сравнительно продолжительное время.

Средняя норма процента, господствующая в известной стране, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных норм, не может быть определена никаким законом. В этой области не существует какой-либо естественной нормы процента в том смысле, в каком экономисты говорят об естественной норме прибыли и естественной норме заработной платы. Уже Мэсси вполне правильно замечает по этому поводу (стр. 49): «Единственно, что способно внушить сомнение в данном случае, — это вопрос, какая часть этих прибылей должна по праву принадлежать заемщику и какая кредитору; и нет другого способа определить это, как обратиться к мнению заемщиков и ссужающих вообще, так как справедливым

---

[66] Так как ставка процента в общем определяется средней нормой прибыли, то очень часто с низкой ставкой процента могут быть связаны чрезвычайные спекулятивные махинации. Например, железнодорожные спекуляции летом 1844 г. Ставка процента Английского банка была повышена до 3% лишь 16 октября 1844 г.

и несправедливым в этом отношении является лишь то, что признается таковым с общего согласия». Равенство спроса и предложения — причем средняя норма прибыли предполагается данной — здесь ровно ничего не значит. В тех случаях, когда вообще прибегают к этой формуле, она служит (и в таком случае это правильно и практически) формулой для нахождения основного правила, независимого от конкуренции и, напротив, определяющего ее (формулой для нахождения регулирующих пределов или предельных величин); она служит формулой для тех, кто захвачен практикой конкуренции в ее внешних проявлениях и возникающими отсюда представлениями; формулой, которая помогает им притти хотя бы опять-таки к поверхностному представлению о проявляющейся в конкуренции внутренней связи экономических отношений. Это — способ для того чтобы от изменений, сопровождающих конкуренцию, притти к пределам этих изменений. Но он неприложим к средней ставке процента. Нет решительно никакого основания, почему средние условия конкуренции, равновесие между ссужающими и заемщиками, должны были бы давать для ссужающего ставку процента в 3, 4, 5% и т. д. на его капитал или же определенную часть, 20% или 50%, валовой прибыли. В тех случаях, когда здесь решающую роль играет конкуренция как таковая, определение само по себе является случайным, чисто эмпирическим, и только педантство или фантазерство может стремиться к тому, чтобы представить эту случайность как нечто необходимое[67]. В парламентских отчетах 1857 и 1858 гг. относительно законодательства о банках и торгового кризиса нет ничего забавнее бесконечной болтовни директоров Английского банка, лондонских банкиров, провинциальных банкиров и профессиональных теоретиков о «real rate produced» [«реально созданной норме»], причем они не идут дальше общих мест, вроде

[67] Так, напр., *G. Opdyke:* «A Treatise on Political Economy». New York 1851, делает в высшей степени неудачную попытку объяснить всеобщность ставки процента в 5% действием вечных законов. Несравненно наивнее рассуждает Карл Арндт в «Die naturgemässe Volkswirthschaft gegenüber dem Monopoliengeist und dem Kommunismus etc.». Hanau 1845. Здесь можно прочесть следующее: «В естественном ходе производства товаров существует лишь *одно* явление, которое до известной степени как бы призвано регулировать ставку процента во вполне культивированных странах; это — отношение, в котором увеличиваются древесные массы европейских лесов вследствие ежегодного прироста. Этот прирост происходит совершенно независимо от их меновой стоимости» (комично, что деревья дают свой прирост независимо от своей меновой стоимости!) «в отношении 3—4 к 100. Согласно этому» (так как прирост деревьев совершенно независим от их меновой стоимости, тем более эта меновая стоимость может зависеть от их прироста) «нельзя было бы ожидать падения ниже того уровня, которого она» (ставка процента) «достигает в настоящее время в самых богатых странах» (стр. 124). — Это заслуживает названия: «ставка процента, вырастающая в лесу [«Waldursprüngliche Zinsfuss»]», а изобретатель его оказывает в том же произведении еще бо́льшую услугу «нашей науке» как «философ собачьего налога».

того, что: «Цена, уплачиваемая за капитал, который дается в ссуду, должна изменяться с изменением предложения этого капитала», или, что: «высокая норма процента и низкая норма прибыли не могут существовать рядом в течение продолжительного времени» и т. п. плоских мест[68]. Привычка, узаконенная традиция, совершенно так же, как и сама конкуренция, влияет на определение средней ставки процента, поскольку она существует не только как среднее число, но и как фактическая величина. Уже во многих юридических тяжбах, при решении которых приходится иметь дело с исчислением процентов, приходится принимать среднюю ставку процента в качестве узаконенной. Но если поставить вопрос, почему границы средней ставки процента не могут быть выведены из общих законов, то ответом может служить просто сама природа процента. Это — не что иное, как часть средней прибыли. Один и тот же капитал выступает в двояком определении: как ссужаемый капитал — в руках заимодавца, как промышленный или торговый капитал — в руках функционирующего капиталиста. Но функционирует он лишь один раз и сам производит прибыль лишь один раз. В самом процессе производства характер капитала, как капитала ссужаемого, не играет никакой роли. Как оба лица разделят между собою ту прибыль, на которую они имеют притязания, это само по себе такой же чисто эмпирический, относящийся к царству случайного факт, как процентное распределение общей прибыли какой-нибудь компании между различными пайщиками. При разделении на прибавочную стоимость и заработную плату, на котором существенно основывается определение нормы прибыли, определяющее влияние оказывают два совершенно различных элемента: рабочая сила и капитал; это — функции двух независимых переменных, которые взаимно ограничивают друг друга; и из их *качественного различия* происходит *количественное разделение* произведенной стоимости. Мы увидим позже, что то же самое происходит при делении прибавочной стоимости на ренту и прибыль. По отношению к проценту не происходит ничего подобного. Здесь *качественное различие*, наоборот, происходит, как мы сейчас увидим, из *чисто количественного разделения* одной и той же части прибавочной стоимости.

Из всего вышеизложенного следует, что нет никакой «естественной» нормы процента. Но если, с одной стороны, границы средней ставки процента, в противоположность общей норме прибыли,

---

[68] Английский банк повышает и понижает норму своего дисконта, смотря по тому, приливает или отливает золото, хотя, конечно, им всегда принимается в соображение норма, господствующая на открытом рынке. «Причем игра на дисконт, предвосхищающая перемены банковой нормы, сделалась теперь одним из главных занятий крупных капиталистов денежного центра», — т. е. лондонского денежного рынка («The Theory of the Exchanges etc.», стр. 113).

или границы средней нормы процента, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных норм процента, не могут быть установлены каким-либо общим законом, — так как здесь дело идет лишь о разделении валовой прибыли под различными титулами между двумя владельцами капитала, — то, наоборот, ставка процента, как средняя, так и ее рыночная норма, в каждом конкретном случае выступает в качестве равномерной, определенной и осязательной величины совершенно иначе, чем это имеет место при общей норме прибыли [69].

Ставка процента относится к норме прибыли так же, как рыночная цена товара к его стоимости. Поскольку ставка процента определяется нормой прибыли, она всегда определяется общей нормой прибыли, а не особыми нормами прибыли, которые могут господствовать в отдельных отраслях промышленности, и тем более не добавочной прибылью, которую отдельный капиталист может получить в какой-нибудь особой сфере предпринимательства [70]. Поэтому общая норма прибыли в действительности проявляется как эмпирический, данный факт в средней норме процента, хотя последняя не представляет собою чистого или достаточно надежного выражения первой.

Правда, норма процента сама постоянно различна в зависимости от рода обеспечения, представляемого различными категориями заемщиков, и от продолжительности займа; но для каждой такой категории она однообразна во всякий данный момент. Сле-

[69] «Цена товаров колеблется постоянно; все они предназначены для различного рода потребления; деньги же служат для всякой цели. Товары, даже одного и того же рода, различаются по качеству; наличные деньги обладают всегда одинаковой стоимостью или должны обладать таковою. Отсюда следует, что цена денег, обозначаемая словом «процент», обладает бо́льшим постоянством и равномерностью, чем цена всякого другого предмета» (*J. Steuart:* «Principles of Political Economy», франц. перев. 1789 г., IV, стр. 27).

[70] «Тем не менее этот закон разделения прибылей не может быть применен к каждому заимодавцу и заемщику в отдельности, но он применим к заимодавцам и заемщикам вообще... исключительно крупные и исключительно низкие прибыли являются наградой или наказанием за искусность или недостаток понимания, до которых заимодавцу нет никакого дела, так как если он не страдает в одном случае, то не должен получать выгоды и в другом. Сказанное об отдельных личностях, занятых одним и тем же делом, приложимо и к различным родам дела. Если купцы и промышленники, занятые в какой-либо отрасли промышленности, получают при помощи взятого в ссуду капитала больше, чем обычную прибыль, которую производят другие купцы и промышленники в той же самой стране, то экстраординарная прибыль принадлежит им, хотя бы для получения ее требовалось лишь обычное искусство и понимание, а не принадлежит заимодавцам, ссудившим деньги... заимодавцы не ссудили бы своих денег какому-нибудь промышленному или торговому предприятию на более льготных условиях, чем обычные, поэтому они не должны получать больше этого, какова бы ни была прибыль, полученная при помощи их денег» (*Massie,* цит. произв., стр. 50, 51).

довательно, это различие не нарушает характера постоянства и единообразия ставки процента[71].

Средняя ставка процента является в каждой стране для более или менее продолжительных периодов постоянной величиной, так как общая норма прибыли, несмотря на постоянное изменение отдельных норм прибыли, изменяется лишь в сравнительно продолжительные периоды времени, причем изменение в одной сфере уравновешивается противоположным изменением в другой. И относительное постоянство общей нормы прибыли проявляется как раз в этом более или менее постоянном характере средней ставки процента (average rate or common rate of interest).

Что касается постоянно колеблющейся рыночной нормы процента, то для каждого момента она, подобно рыночной цене товаров, является определенной величиной, потому что на денежном рынке весь ссужаемый капитал постоянно противостоит функционирующему капиталу как единая масса, и, следовательно, отношение между предложением ссужаемого капитала, с одной стороны, и спросом на него, с другой, всякий раз определяет рыночный уровень процента. Это происходит в тем большей мере, чем более развитие и связанная с ним концентрация кредитного дела придают ссужаемому капиталу всеобще общественный характер и сразу, одновременно выбрасывают его на денежный рынок. Напротив, общая норма прибыли всегда существует лишь как тенденция, как движение к уравнению отдельных норм прибыли. Конкуренция капиталистов, — которая как раз и является этим движением к уравнению, — заключается здесь в том, что она постепенно отвлекает капитал от тех сфер, в которых прибыль долгое время стоит ниже среднего уровня, и так же постепенно привлекает его к тем сферам, в которых она превышает средний уровень; или также в том, что дополнительный капитал мало-помалу в различных пропорциях распределяется между этими сферами. По отношению к этим различным сферам это постоянные колебания в притоке и отвлечении капитала, а отнюдь не одновременное действие всей массы капитала, как при определении ставки процента.

---

[71]

Банковая норма	5%
Рыночная норма дисконта на 60 дней	$3^5/_8$%
» » » » 3 мес.	$3^1/_2$%
» » » » 6 мес.	$3^5/_{16}$%
Ссуды вексельным маклерам на день	1—2%
» » » на неделю	3%
Последняя за 2 недели норма маклера ценных бумаг	$4^3/_4$—5%
Вклады до востребования (банки)	$3^1/_2$%
» » » (дисконтные учреждения)	3—$3^1/_4$%

Как велика может быть эта разница в течение одного и того же дня, показывают вышеприведенные нормы процента на лондонском денежном рынке 9 декабря 1889 г., взятые из статьи о Сити в «Daily News» от 10 декабря. Минимум равняется 1%, максимум 5%. {*Ф. Э.*}.

Мы видели, что капитал, приносящий проценты, хотя и является абсолютно отличной от товара категорией, становится товаром sui generis [особого рода], и потому процент становится его ценою, которая, подобно рыночной цене обычных товаров, каждый раз фиксируется спросом и предложением. Поэтому рыночная норма процента, хотя она постоянно колеблется, является в каждый данный момент настолько же определенной и единообразной, как рыночная цена товара в каждом конкретном случае. Денежные капиталисты предлагают этот товар, а функционирующие капиталисты покупают его, образуют спрос на него. При уравнении прибыли в общую норму прибыли такому явлению нет места. Если цены товаров в какой-нибудь сфере стоят выше или ниже цены производства (причем оставляются в стороне колебания, свойственные каждому роду коммерческой деятельности и стоящие в связи с различными фазами промышленного цикла), то уравнение совершается посредством расширения или сужения производства, т. е. посредством увеличения или уменьшения товарных масс, выбрасываемых на рынок промышленным капиталом, которые происходят благодаря приливу и отливу капитала в отдельных сферах производства. Достигаемое таким образом уравнение средних рыночных цен товаров в цены производства вносит корректив в отклонения отдельных норм прибыли от общей или средней нормы прибыли. Этот процесс никогда не носит и никогда не может носить такого характера, чтобы промышленный или торговый капитал *как таковой* являлся, подобно капиталу, приносящему проценты, товаром по отношению к покупателю. Поскольку этот процесс проявляется, он проявляется лишь в колебаниях и уравнении рыночных цен товаров по ценам производства, а не как непосредственное установление средней прибыли. На деле, общая норма прибыли определяется 1) прибавочной стоимостью, которую производит весь капитал, 2) отношением этой прибавочной стоимости к стоимости всего капитала и 3) конкуренцией, но лишь постольку, поскольку она есть движение, посредством которого капиталы, вложенные в отдельные сферы производства, стремятся извлечь из этой прибавочной стоимости одинаковые, по сравнению с их относительной величиной, дивиденды. Таким образом общая норма прибыли действительно определяется совершенно иными и более сложными причинами, чем рыночная норма процента, прямо и непосредственно определяемая отношением между спросом и предложением, и потому не является очевидным и непосредственно данным фактом, как ставка процента. Особые нормы прибыли в различных сферах производства сами более или менее неопределенны; но, поскольку они проявляются, проявляется не единообразие их, а различие. Общая же норма прибыли сама выступает лишь в качестве минимального предела прибыли, а не как эмпирическая, непосредственно воспринимаемая форма действительной нормы прибыли.

Отмечая это различие между нормой процента и нормой прибыли, мы еще оставляем в стороне следующие два обстоятельства, способствующие упрочению ставки процента: 1) что исторически уже до этого существовал капитал, приносящий проценты, и была налицо передаваемая по традиции общая ставка процента; 2) что всемирный рынок, независимо от условий производства данной страны, оказывает гораздо большее непосредственное влияние на установление ставки процента, чем то влияние, которое он оказывает на норму прибыли.

Средняя прибыль выступает не как непосредственно данный факт, а как конечный результат уравнения противоположных колебаний, который можно установить лишь при помощи исследования. Иначе обстоит дело со ставкой процента. При своей общепризнанности, по крайней мере в пределах известной местности, ставка процента является ежедневно фиксируемым фактом, таким фактом, который даже служит промышленному и торговому капиталу в их операциях предпосылкой и специальной статьей при калькуляции. Она становится общей способностью всякой денежной суммы, равной 100 ф. ст., принести 2, 3, 4, 5%. Метеорологические бюллетени не отмечают более точно высоту барометра и термометра, чем биржевые бюллетени — уровень ставки процента не для того или иного капитала, а для каждого находящегося на денежном рынке капитала, т. е. вообще для ссужаемого капитала.

На денежном рынке противостоят друг другу лишь заимодавец и заемщик. Товар имеет одну и ту же форму — деньги. Здесь исчезли все особенные виды капитала, которыми он обладает в зависимости от своего приложения к особым сферам производства или обращения. Он существует здесь в лишенном различий, себе самому равном виде самостоятельной стоимости, в виде денег. Здесь уже нет более места конкуренции между различными сферами; все они свалены в одну кучу как заемщики денег, и капитал противостоит им всем тоже в такой форме, в которой он еще индифферентен к определенному роду и способу своего применения. Промышленный капитал только в движении и конкуренции между различными сферами проявляет себя как капитал, *по существу дела общий для всего класса,* здесь же он действительно во всем своем объеме выступает как общий для всего класса капитал в спросе и предложении капитала. С другой стороны, денежный капитал на денежном рынке действительно имеет такой вид, при котором он, как общий элемент, индифферентный к особому способу его применения, распределяется между различными сферами, среди класса капиталистов, смотря по потребностям производства каждой отдельной сферы. К тому же с развитием крупной промышленности денежный капитал, поскольку он появляется на рынке, все в большей мере представлен не отдельным капиталистом, собственником той или иной части находящегося на рынке

капитала, а выступает как концентрированная, организованная масса, которая совершенно иначе, чем реальное производство, стоит под контролем банкиров, являющихся представителями общественного капитала. Таким образом, поскольку дело касается формы спроса, ссужаемому капиталу противостоит класс в его целом; что же касается предложения, то он сам выступает en masse [во всей своей массе] как ссудный капитал.

Вот некоторые из тех причин, вследствие которых общая норма прибыли кажется расплывающимся миражем по сравнению с определенной ставкой процента, величина которой, правда, колеблется, но так как она колеблется равномерно для всех заемщиков, то всегда противостоит им как фиксированная данная величина. Подобно тому, как изменение стоимости денег не препятствует им иметь по отношению ко всем товарам одинаковую стоимость; подобно тому, как ежедневные колебания рыночных цен товаров не препятствуют тому, чтобы их ежедневно отмечали в бюллетенях, совершенно так же и со ставкой процента, которая с такой же регулярностью отмечается как «цена денег». Это потому, что здесь в качестве товара предлагается сам капитал в денежной форме; поэтому фиксация его цены есть фиксация его рыночной цены, как и в случае со всеми другими товарами; поэтому ставка процента всегда является общей ставкой процента, количественно определенной, как такое-то количество денег за такое-то количество денег. Напротив, норма прибыли даже в пределах одной и той же сферы, при одинаковых рыночных ценах товаров, может быть различна в зависимости от различия условий, в которых одни и те же товары производятся отдельными капиталами, потому что норма прибыли отдельного капитала определяется не рыночной ценой товара, а разницей между рыночной ценой и издержками производства. И эти различные нормы прибыли могут уравниваться сначала в пределах одной и той же сферы производства, а затем между различными сферами лишь посредством постоянных колебаний.

(Заметка для позднейшей разработки.) Особая форма кредита: Известно, что если деньги функционируют как средство платежа, а не как покупательное средство, то товар отчуждается, но его стоимость реализуется лишь впоследствии. Если платеж совершается уже после того, как товар снова продан, то эта продажа является не следствием купли, а, напротив, купля реализуется продажей. Или продажа становится средством купли. — Во-вторых: долговые обязательства, векселя и т. д. становятся для кредиторов средствами платежа. — В-третьих, компенсация долговых обязательств заменяет деньги.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД.

Процент, как мы это видели в двух предыдущих главах, появляется первоначально, есть первоначально и остается в действительности не чем иным, как той частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, поскольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплатить собственнику и заимодавцу этого капитала. Если капиталист применяет только собственный капитал, то такого деления прибыли не происходит; эта последняя всецело принадлежит ему. В самом деле, раз собственники капитала сами же применяют его в процессе воспроизводства, они не принимают участия в конкуренции, определяющей норму процента, и уже в этом сказывается, насколько категория процента, невозможная без определения ставки процента, чужда движению самого по себе промышленного капитала.

«Норма процента может быть определена как та пропорциональная сумма, которою довольствуется кредитор и которую согласен уплатить заемщик за пользование известной суммой денежного капитала в течение года или иного более продолжительного или более короткого периода... в тех случаях, когда собственник капитала действительно прилагает его к воспроизводству, он не принадлежит к числу тех капиталистов, отношением которых к числу заемщиков определяется норма процента» (Th. Tooke: «A History of Prices», London 1838, т. II, стр. 355). В самом деле, только разделение капиталистов на денежных капиталистов и промышленных капиталистов превращает часть прибыли в процент, вообще создает категорию процента, и только конкуренция между этими двумя видами капиталистов создает ставку процента.

Пока капитал функционирует в процессе воспроизводства, — даже при том предположении, что он принадлежит самому промышленному капиталисту, которому поэтому не приходится возвращать его кредитору, — до тех пор в распоряжении капиталиста как частного лица находится не самый этот капитал, а лишь прибыль, которую он может расходовать как доход. Пока его капитал функционирует как капитал, он принадлежит процессу

воспроизводства, закреплен в нем. Хотя промышленный капиталист и является его собственником, но эта собственность не дает ему возможности, до тех пор, пока он пользуется капиталом как капиталом для эксплуатации труда, одновременно располагать им и еще каким-нибудь способом. Совершенно так же обстоит дело и с денежным капиталистом. Пока его капитал находится в ссуде и потому функционирует как денежный капитал, он приносит ему проценты, часть прибыли, но основной суммой капиталист не может располагать. Это обнаруживается всякий раз, когда капиталист отдает свой капитал в ссуду, напр. на год или на несколько лет, и через известные сроки получает проценты, не получая обратно капитала. Но даже возвращение капитала нисколько не меняет дела. Получая его обратно, капиталист всегда должен снова отдавать его в ссуду, если желает сохранить для себя его действие как капитала, в данном случае денежного капитала. Пока капитал находится в его руках, он не приносит процентов и не действует как капитал; а пока он приносит проценты и действует как капитал, он находится не в его руках. Отсюда возможность ссужать капитал на вечные времена. Поэтому совершенно неправильны следующие замечания Тука против Бэзенкета. Он цитирует Бэзенкета («Metallic, Paper and Credit Currency». London 1842, стр. 73): «Если бы ставка процента была понижена до 1 %, то взятый в ссуду капитал был бы поставлен почти на одну линию (on a par) с собственным капиталом». Тук дает здесь следующий комментарий: «Что капитал, взятый в ссуду из такого или даже меньшего процента, может хотя бы приблизительно стоять на одинаковой линии с собственным капиталом, — это настолько странное утверждение, что вряд ли оно заслуживало бы серьезного внимания, если бы не исходило от столь умного и хорошо осведомленного по отдельным пунктам темы писателя. Неужели он упустил из виду или считал не имеющим большого значения то обстоятельство, что он предполагает такое условие, как обратная уплата?» (Th. Tooke: «An Inquiry into the Currency Principle», 2-е изд., London 1844, стр. 80). Если бы процент был = 0, то промышленный капиталист, взявший капитал в ссуду, оказался бы в одинаковом положении с капиталистом, работающим при помощи собственного капитала. Оба получали бы одинаковую среднюю прибыль, а капитал функционирует как капитал, взят ли он в ссуду или это собственный капитал, лишь постольку, поскольку он производит прибыль. То условие, что капитал должен быть возвращен, ничего не изменило бы в этом. Чем больше ставка процента приближается к нулю, т. е., напр., понижается до 1 %, тем больше капитал, взятый в ссуду, становится в одинаковое положение с собственным капиталом. До тех пор пока денежный капитал должен существовать как денежный капитал, он все время должен снова и снова отдаваться в ссуду, и притом из существующего процента, скажем

из 1%, и все время одному и тому же классу промышленных и торговых капиталистов. Пока последние функционируют как капиталисты, различие между тем, кто функционирует при помощи занятого капитала, и тем, кто функционирует с собственным капиталом, заключается лишь в том, что один должен уплачивать проценты, а другой — нет; один кладет себе в карман всю прибыль *p*, а другой *p* — *z*, прибыль минус процент; чем больше *z* приближается к нулю, тем больше *p* — *z* приближается к *p*, и, следовательно, тем более оба капиталиста становятся в одинаковое положение. Один должен выплачивать капитал и снова занимать; а другой, раз его капитал должен функционировать, тоже постоянно должен вновь авансировать капитал для процесса производства и не может располагать им иначе, как только для этого процесса. Впрочем, остается еще одно само собою понятное различие, заключающееся в том, что один из этих капиталистов — собственник своего капитала, а другой — нет.

Теперь напрашивается вопрос: каким образом это чисто количественное разделение прибыли на чистую прибыль и процент переходит в качественное? Другими словами, каким образом капиталист, применяющий лишь свой собственный, а не взятый в ссуду капитал, тоже относит часть своей валовой прибыли в особую категорию процента и особо исчисляет его как таковой? И, далее, каким образом в связи с этим всякий капитал, — взятый ли в ссуду или нет, — как капитал, приносящий проценты, отличается от себя самого как приносящего чистую прибыль?

Известно, что не всякое случайное количественное разделение прибыли такого рода превращается в качественное. Например, несколько промышленных капиталистов ассоциировались для ведения предприятия и затем распределяют между собою прибыль согласно юридически закрепленному договору. Другие ведут свое предприятие каждый сам за себя, без компаньонов. Эти последние не исчисляют своей прибыли по двум категориям, одну часть как личную прибыль, другую как товарищескую прибыль, предназначенную для несуществующих компаньонов. Следовательно, в этом случае количественное деление не превращается в качественное. Деление происходит, когда собственник случайно состоит из нескольких юридических лиц; оно не имеет места, когда этого нет.

Чтобы дать ответ на вопрос, нам придется несколько долее остановиться на действительном исходном пункте образования процента; т. е. необходимо исходить из предположения, что денежный капиталист и производительный капиталист действительно противостоят друг другу не только как юридически отличные друг от друга лица, но и как лица, играющие совершенно различные роли в процессе воспроизводства, или как лица, в руках которых один и тот же капитал действительно совершает

двоякое и совершенно различное движение. Один лишь отдает капитал в ссуду, другой производительно его применяет.

Для производительного капиталиста, работающего при помощи взятого в ссуду капитала, валовая прибыль распадается на две части: процент, который он должен заплатить заимодавцу, и излишек сверх процента, составляющий его собственную долю в прибыли. Если общая норма прибыли дана, то эта последняя часть определяется ставкой процента; если дана ставка процента, то эта часть определяется общей нормой прибыли. И далее: как бы валовая прибыль, действительная величина стоимости всей прибыли, ни отклонялась в каждом конкретном случае от средней прибыли, та ее часть, которая принадлежит функционирующему капиталисту, определяется процентом, так как этот последний фиксируется общей ставкой процента (если оставить в стороне случаи особых юридических договоров) и предполагается как величина данная, прежде чем начнется процесс производства, т. е. прежде чем будет получен его результат, валовая прибыль. Мы видели, что действительный специфический продукт капитала — прибавочная стоимость, будучи определен ближе, есть прибыль. Но для капиталиста, работающего при помощи взятого в ссуду капитала, этот продукт не прибыль, а прибыль минус процент, т. е. часть прибыли, остающаяся у него по уплате процента. Таким образом эта часть прибыли необходимо представляется ему продуктом капитала, поскольку этот капитал функционирует; по отношению к нему так оно и есть в действительности, потому что он — представитель капитала лишь как функционирующего капитала. Он — персонификация капитала, поскольку капитал функционирует, а функционирует он постольку, поскольку вложен в промышленность или в торговлю таким образом, что приносит прибыль, и поскольку применяющий его капиталист предпринимает с ним те операции, которых требует данная отрасль предпринимательства. В противоположность проценту, который он должен выплачивать из валовой прибыли кредитору, приходящаяся на его долю остальная часть прибыли необходимо принимает, таким образом, форму промышленной, resp. [соответств.] торговой, прибыли, или, употребляя выражение, охватывающее и ту и другую, принимает форму предпринимательского дохода. Если валовая прибыль равна средней прибыли, то величина этого предпринимательского дохода будет определяться исключительно ставкой процента. Если валовая прибыль отклоняется от средней прибыли, то разность между нею и среднею прибылью (за вычетом из той и другой процента) определяется всеми конъюнктурами, обусловливающими временное отклонение, — или отклонение нормы прибыли в отдельной сфере производства от общей нормы прибыли, или же отклонение той прибыли, которую получает отдельный капиталист в определенной сфере, от средней прибыли

этой особой сферы. Но мы видели, что норма прибыли в самом процессе производства зависит не только от прибавочной стоимости, но и от многих других обстоятельств: от покупной цены средств производства, от методов производства, более производительных, чем средние, от экономии постоянного капитала и т. д. И если оставить в стороне цену производства, то от особых конъюнктур, а в каждой конкретной предпринимательской сделке от большей или меньшей ловкости и предприимчивости капиталиста, зависит, покупает ли и продает ли он и в какой мере выше или ниже цены производства и таким образом присваивает ли в процессе обращения бо́льшую или меньшую часть совокупной прибавочной стоимости. Но во всяком случае количественное деление валовой прибыли превращается здесь в качественное, тем более что само количественное деление зависит от того, *что́* подлежит делению, *как* хозяйничает активный капиталист при помощи капитала и какую валовую прибыль ему приносит он как функционирующий капитал, т. е. вследствие функций капиталиста как активного капиталиста. Функционирующий капиталист предполагается здесь не собственником капитала. Собственность на капитал представлена по отношению к нему кредитором, денежным капиталистом. Таким образом процент, который функционирующий капиталист уплачивает ему, является частью валовой прибыли, приходящейся на долю собственности на капитал, на долю этой собственности как таковой. В противоположность этому часть прибыли, приходящаяся на долю активного капиталиста, представляется теперь в виде предпринимательского дохода, вытекающего исключительно из операций или функций, которые он совершает в процессе воспроизводства при помощи капитала, следовательно специально тех функций, которые выполняет он как предприниматель в промышленности или торговле. Следовательно, по отношению к нему процент представляется просто плодом собственности на капитал, плодом капитала самого по себе, абстрагированного от процесса воспроизводства капитала, плодом капитала, поскольку он «не работает», не функционирует; между тем предпринимательский доход представляется ему исключительно плодом тех функций, которые он совершает с капиталом, плодом движения капитала, результатом того, что капитал находится в состоянии процесса, состоянии процесса, которое представляется ему теперь как собственная деятельность в противоположность бездеятельности, неучастию денежного капиталиста в процессе производства. Это качественное разграничение двух частей валовой прибыли, заключающееся в том, что процент есть плод капитала самого по себе, плод собственности на капитал, независимо от процесса производства, а предпринимательский доход — плод капитала, совершающего процесс, действующего в процессе производства, а потому плод той активной роли, которую лицо,

применяющее капитал, играет в процессе воспроизводства, — это качественное разграничение отнюдь не является лишь субъективным представлением денежного капиталиста в одном случае, промышленного капиталиста в другом. Оно основывается на объективном факте, потому что процент притекает к денежному капиталисту, заимодавцу, являющемуся просто собственником капитала, т. е. просто представителем собственности на капитал до процесса производства и вне процесса производства; предпринимательский же доход притекает только к функционирующему капиталисту, несобственнику капитала.

Как для промышленного капиталиста, поскольку он работает со взятым в ссуду капиталом, так и для денежного капиталиста, поскольку он не сам применяет свой капитал, чисто количественное деление валовой прибыли между двумя различными лицами, имеющими различные юридические титулы на один и тот же капитал, а потому и на произведенную им прибыль, превращается в качественное деление. Одна часть прибыли представляется теперь плодом, который сам по себе причитается капиталу в *одном* определении последнего, в виде процента; другая часть представляется специфическим плодом капитала в другом, противоположном определении, и потому представляется предпринимательским доходом; одна представляется исключительно продуктом собственности на капитал, другая — продуктом исключительно функционирования с этим капиталом, продуктом капитала, совершающего процесс, или продуктом тех функций, которые выполняет активный капиталист. И эта кристаллизация и взаимное обособление обеих частей валовой прибыли, как если бы они происходили из двух существенно различных источников, должны теперь установиться для всего класса капиталистов и для всего капитала. При этом безразлично, получен ли капитал, применяемый активным капиталистом, в ссуду или нет, применяется ли капитал, принадлежащий денежному капиталисту, им самим или нет. Прибыль от всякого капитала, а следовательно и средняя прибыль, основывающаяся на уравнении капиталов между собою, распадается или может быть разложена на две качественно различные, взаимно самостоятельные и не зависимые друг от друга части, процент и предпринимательский доход, из которых каждая определяется особыми законами. Капиталист, работающий с собственным капиталом, точно так же, как тот, который работает с капиталом, взятым в ссуду, делит свою валовую прибыль на процент, который полагается ему как собственнику, как заимодавцу, ссудившему свой собственный капитал самому себе, и на предпринимательский доход, причитающийся ему как активному, функционирующему капиталисту. Таким образом для этого деления, как качественного, не имеет значения, должен ли капиталист действительно поделиться с другим капиталистом или нет. Лицо, применяющее

капитал, хотя бы оно работало с собственным капиталом, распадается на два лица: простого собственника капитала и лицо, применяющее капитал; сам его капитал по отношению к приносимым им категориям прибыли распадается на капитал-*собственность*, капитал *вне* процесса производства, сам по себе приносящий процент, с одной стороны, и, с другой стороны, на капитал в процессе производства, который, как совершающий процесс капитал, приносит предпринимательский доход.

Итак, процент закрепляется таким образом, что выступает теперь не как безразличное для производства деление валовой прибыли, имеющее место лишь при случае, именно тогда, когда промышленник работает при помощи чужого капитала. Даже когда он работает с собственным капиталом, его прибыль распадается на процент и предпринимательский доход. Вместе с тем чисто количественное деление становится качественным; оно имеет место независимо от того случайного обстоятельства, является ли промышленник собственником своего капитала или нет. Это не только части прибыли, распределяемые между разными лицами, но две различные категории прибыли, которые стоят в различном отношении к капиталу, следовательно стоят в отношении к различным определенным формам капитала.

Теперь очень ясными становятся причины, благодаря которым это деление валовой прибыли на процент и предпринимательский доход, раз оно сделалось качественным, сохраняет этот характер качественного деления для всего капитала и для всего класса капиталистов.

Во-первых: это вытекает уже из того простого эмпирического обстоятельства, что большинство промышленных капиталистов, хотя и в различных числовых отношениях, работает при помощи как собственного, так и взятого в ссуду капитала и что отношение между собственным и взятым в ссуду капиталом в различные периоды изменяется.

Во-вторых: превращение одной части валовой прибыли в форму процента превращает другую ее часть в предпринимательский доход. В самом деле, этот последний есть лишь та противоположная форма, которую принимает излишек валовой прибыли над процентом, когда процент существует как особая категория. Все исследование вопроса, каким образом валовая прибыль дифференцируется на процент и предпринимательский доход, сводится просто к исследованию того, каким образом часть валовой прибыли вообще кристаллизуется и приобретает самостоятельное существование в виде процента. Но капитал, приносящий проценты, исторически существует как готовая, старинная форма, а потому и процент как готовая подформа прибавочной стоимости, произведенной капиталом, существует уже задолго до того, как появляется капиталистический способ производства и соответствующие

ему представления о капитале и прибыли. Поэтому и до сих пор денежный капитал, капитал, приносящий проценты, все еще остается в народном представлении капиталом вообще, капиталом par excellence. Отсюда же, с другой стороны, и то господствовавшее до времени Мэсси представление, будто процентом оплачиваются деньги как таковые. То обстоятельство, что данный в ссуду капитал приносит процент независимо от того, применяется ли он в действительности как капитал или нет, — приносит и в том случае, если он взят в ссуду в целях потребления, — укрепляет представление о самостоятельности этой формы капитала. Лучшее подтверждение той самостоятельности, с какой в первые периоды капиталистического способа производства процент выступает по отношению к прибыли, а приносящий проценты капитал — по отношению к промышленному капиталу, заключается в том, что лишь в половине XVIII века был открыт (Мэсси, а затем Юмом) тот факт, что процент есть просто часть валовой прибыли, и что вообще приходилось делать такое открытие.

В-третьих: работает ли промышленный капиталист с собственным или со взятым в ссуду капиталом, это ничего не изменяет в том обстоятельстве, что ему противостоит класс денежных капиталистов как особый вид капиталистов, денежный капитал как самостоятельный вид капитала и процент как соответствующая этому особому капиталу самостоятельная форма прибавочной стоимости.

Качественно процент есть прибавочная стоимость, которую доставляет просто собственность на капитал, которую капитал приносит сам по себе, хотя его собственник остается вне процесса воспроизводства, следовательно которую капитал дает обособленно от своего процесса.

Количественно часть прибыли, образующая процент, представляется так, как будто она связана не с промышленным и торговым капиталом как таковым, а с денежным капиталом, и норма этой части прибавочной стоимости, норма процента, или ставка процента, закрепляет такое отношение. Потому что, во-первых, ставка процента — несмотря на свою зависимость от общей нормы прибыли — определяется самостоятельно, и, во-вторых, подобно рыночной цене товаров, она, в противоположность неуловимой норме прибыли, выступает как устойчивое, при всех переменах единообразное, очевидное и всегда данное отношение. Если бы весь капитал находился в руках промышленных капиталистов, то не существовало бы ни процента, ни ставки процента. Самостоятельной формой, которую принимает количественное деление валовой прибыли, порождается качественное деление. Если сравнить промышленного капиталиста с денежным капиталистом, то первого отличает от второго лишь предпринимательский доход как излишек валовой прибыли над средним процентом, который

выступает благодаря ставке процента в качестве эмпирически данной величины. Если же, с другой стороны, сравнить его с промышленным капиталистом, который хозяйствует при помощи собственного, а не взятого в ссуду капитала, то этот последний капиталист отличается от него лишь как денежный капиталист, так как он кладет процент в свой карман вместо того чтобы его выплачивать. В обоих случаях часть валовой прибыли, отличающаяся от процента, представляется ему предпринимательским доходом, а самый процент — прибавочной стоимостью, которую капитал дает сам по себе и которую он поэтому стал бы давать и без производительного применения.

По отношению к отдельному капиталисту это практически верно. От его усмотрения зависит, отдать ли свой капитал в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, или самостоятельно увеличивать его стоимость, применяя в качестве производительного капитала, причем безразлично, существует ли данный капитал уже в своей исходной точке как денежный капитал или же его еще приходится превращать в денежный капитал. Но в общем масштабе, т. е. в применении ко всему общественному капиталу, — как то делают некоторые вульгарные экономисты, причем выдают это даже за основание прибыли, — это, конечно, нелепо. Превращение всего капитала в денежный капитал без людей, покупающих и использующих для увеличения стоимости средства производства, в форме которых существует весь капитал, за исключением относительно небольшой его части, существующей в виде денег, конечно представляет собою бессмыслицу. Еще большей несообразностью является предполагать, что на основе капиталистического способа производства капитал приносил бы процент, не функционируя как производительный капитал, т. е. не создавая прибавочной стоимости, лишь часть которой представляет процент; что капиталистический способ производства мог бы совершать свой путь без капиталистического производства. Если бы непомерно крупная часть капиталистов захотела превратить свой капитал в денежный капитал, то следствием этого было бы чудовищное обесценение денежного капитала и чудовищное падение ставки процента; многие немедленно оказались бы не в состоянии жить на свои проценты и таким образом были бы вынуждены снова превратиться в промышленных капиталистов. Но, как уже сказано, для отдельного капиталиста это — факт. Поэтому, даже хозяйствуя с собственным капиталом, он необходимо рассматривает ту часть своей средней прибыли, которая равна среднему проценту, как продукт своего капитала как такового, получающийся независимо от процесса производства; и в противоположность этой части, обособившейся в виде процента, он рассматривает излишек валовой прибыли над процентом просто как предпринимательский доход.

В-четвертых: {Пробел в рукописи}.

Итак, оказалось, что та часть прибыли, которую функционирующий капиталист должен уплачивать простому собственнику взятого в ссуду капитала, превращается в самостоятельную форму той части прибыли, которую приносит под названием процента всякий капитал как таковой, взят ли он в ссуду или нет. Величина этой части зависит от высоты средней ставки процента. На происхождение ее теперь указывает лишь то, что функционирующий капиталист, поскольку он является собственником своего капитала, не конкурирует — по крайней мере активно — в определении ставки процента. Чисто количественное деление прибыли между двумя лицами, имеющими различные юридические титулы на нее, превратилось в качественное деление, которое кажется вытекающим из самой природы капитала и прибыли. Потому что, как мы видели, когда часть прибыли вообще принимает форму процента, разность между средней прибылью и процентом, или излишек прибыли над процентом, превращается в противоположную проценту форму, в форму предпринимательского дохода. Эти две формы, процент и предпринимательский доход, существуют лишь в своей противоположности. Следовательно, обе они находятся в известном соотношении не с прибавочной стоимостью, по отношению к которой они суть лишь части, фиксированные по различным категориям, рубрикам и названиям, а в соотношении одна с другой. Так как одна часть прибыли превращается в процент, то другая выступает в виде предпринимательского дохода.

Под прибылью мы постоянно разумеем здесь среднюю прибыль, так как здесь для нас совершенно безразличны отклонения как индивидуальной прибыли, так и прибыли в различных сферах производства, т. е. те или иные изменения в распределении средней прибыли, или прибавочной стоимости, связанные с конкурентной борьбой и другими обстоятельствами. Это относится вообще ко всему настоящему исследованию.

Итак, процент, как определяет его Рамсей, есть чистая прибыль, которую приносит собственность на капитал как таковая, тому ли, кто является только кредитором, остающимся вне процесса воспроизводства, или собственнику, который сам производительно применяет свой капитал. Но и последнему капитал приносит эту чистую прибыль не как функционирующему капиталисту, а как денежному капиталисту, ссудившему свой собственный капитал как капитал, приносящий проценты, себе самому как функционирующему капиталисту. Подобно тому, как превращение денег и вообще стоимости в капитал есть постоянный результат капиталистического процесса производства, так их существование в качестве капитала есть постоянное предварительное условие капиталистического процесса производства. Благодаря своей способности превращаться в средства производства они постоянно

командуют неоплаченным трудом и потому превращают процесс производства и обращения товаров в производство прибавочной стоимости для своего владельца. Следовательно, процент есть лишь выражение того, что стоимость вообще, — овеществленный труд в его всеобще общественной форме, — что стоимость, принимающая в действительном процессе производства вид средств производства, противостоит живой рабочей силе как самостоятельная власть и является средством присваивать неоплаченный труд; и что такой властью она является благодаря тому, что противостоит рабочему как чужая собственность. Но, с другой стороны, в форме процента эта противоположность наемному труду изглаживается, потому что приносящий проценты капитал как таковой находит свою противоположность не в наемном труде, а в функционирующем капитале; капиталист-кредитор как таковой прямо противостоит действительно функционирующему в процессе воспроизводства капиталисту, а не наемному рабочему, у которого именно на основе капиталистического производства экспроприированы средства производства. Приносящий проценты капитал — это капитал *как собственность* в противоположность капиталу *как функции*. Но, пока капитал не функционирует, он не эксплуатирует рабочих и не вступает в антагонизм с трудом.

С другой стороны, предпринимательский доход составляет противоположность не наемному труду, а лишь проценту.

Во-первых: если предположить среднюю прибыль как величину, наперед данную, то норма предпринимательского дохода определяется не заработной платой, а ставкой процента. Она будет выше или ниже в обратном отношении к ставке процента[72].

Во-вторых: свое притязание на предпринимательский доход, а следовательно и самый этот доход, функционирующий капиталист выводит не из своей собственности на капитал, а из функции капитала в противоположность той его определенной форме, когда он существует как бездеятельная собственность. Это проявляется как непосредственно существующая противоположность в тех случаях, когда он оперирует взятым в ссуду капиталом, так что процент и предпринимательский доход достаются двум разным лицам. Предпринимательский доход возникает из функции капитала в процессе воспроизводства, т. е. вследствие операций, деятельности, которыми функционирующий капиталист обслуживает эти функции промышленного и торгового капитала. Но быть представителем функционирующего капитала — это не синекура, подобная представительству капитала, приносящего проценты. На основе капиталистического производства капиталист управляет

---

[72] «Прибыль предприятия зависит от чистой прибыли капитала, а не последняя от первой» (*Ramsay:* «Essay on the Distribution of Wealth», стр. 214. Чистая прибыль у Рамсея всегда = проценту).

как процессом производства, так и процессом обращения. Эксплуатация производительного труда стóит усилий, кто бы ею ни занимался: сам ли капиталист или другие от его имени. Предпринимательский доход в противоположность проценту представляется ему, таким образом, чем-то независимым от собственности на капитал, скорее результатом его функций как несобственника, как *рабочего*.

Поэтому в его голове необходимо возникает представление, что его предпринимательский доход не только не находится в какой-либо противоположности наемному труду, не только не является просто неоплаченным чужим трудом, а, напротив, сам есть не что иное, как *заработная плата,* плата за надзор, wages of superintendence of labour, более высокая плата, чем для обыкновенного наемного рабочего, 1) потому что это более сложный труд, 2) потому что он сам выплачивает себе заработную плату. Что функция его как капиталиста состоит в том, чтобы производить прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд, да еще на самых экономных условиях, — это обстоятельство совершенно заслоняется для сознания той противоположностью, что процент достается капиталисту, хотя бы он и не выполнял никакой функции как капиталист, а был лишь собственником капитала, и что, напротив, предпринимательский доход достается функционирующему капиталисту, хотя бы он не был собственником капитала, с которым функционирует. За противоположными формами обеих частей, на которые распадается прибыль, т. е. прибавочная стоимость, забывается, что обе они являются просто частями прибавочной стоимости и что деление ее ничего не может изменить ни в ее природе, ни в ее происхождении и условиях ее существования.

В процессе воспроизводства функционирующий капиталист выступает по отношению к наемным рабочим представителем капитала как чужой собственности, и денежный капиталист, будучи представлен функционирующим капиталистом, принимает участие в эксплуатации труда. То обстоятельство, что только как представитель средств производства по отношению к рабочим активный капиталист может выполнять свою функцию, может заставить рабочих работать на себя или заставить средства производства функционировать в качестве капитала, — это обстоятельство забывается благодаря противоположности между функцией капитала в процессе воспроизводства и простой собственностью на капитал вне процесса воспроизводства.

В самом деле, та форма, которую обе части прибыли, т. е. прибавочной стоимости, принимают как процент и предпринимательский доход, не выражает отношения к труду, потому что это отношение существует лишь между ним и прибылью, или, точнее, прибавочной стоимостью как суммой, как целым, как единством обеих этих частей. Отношение, в котором делится при-

быль, и различные юридические титулы, на основе которых производится это деление, предполагают прибыль уже готовою, предполагают, что она уже существует. Поэтому, если капиталист — собственник капитала, с которым он функционирует, то он кладет себе в карман всю прибыль, или прибавочную стоимость; для рабочего совершенно безразлично, берет ли капиталист всю прибыль себе или должен выплачивать часть ее третьему лицу как юридическому собственнику. Таким образом основы деления прибыли между двумя видами капиталистов превращаются под рукою в основы существования подлежащей делению прибыли, прибавочной стоимости, которую, независимо от какого бы то ни было позднейшего деления, капитал как таковой извлекает из процесса воспроизводства. Из того, что процент противостоит предпринимательскому доходу, а предпринимательский доход — проценту, что они оба противостоят друг другу, а не труду, следует, что предпринимательский доход плюс процент, т. е. прибыль, т. е. в конце концов прибавочная стоимость, основываются — на чем? На том, что обе ее части имеют противоположные формы! Но прибыль производится, прежде чем будет произведено это деление, прежде чем о нем может быть речь.

Капитал, приносящий проценты, продолжает оставаться капиталом лишь постольку, поскольку данные в ссуду деньги действительно превращаются в капитал и поскольку производится излишек, часть которого есть процент. Но это не исключает того, что с ним независимо от процесса производства срастается свойство приносить проценты. Ведь рабочая сила также обнаруживает свою способность производить стоимость лишь тогда, когда она действует и реализуется в процессе труда; но это не исключает того, что она сама по себе, потенциально, как способность, есть деятельность, которой создается стоимость, и как таковая она не возникает лишь из процесса, а, напротив, служит предварительным условием процесса. Она покупается как способность создавать стоимость. Но ее можно купить и не для того чтобы заставить производительно работать, напр., для чисто личных целей, для услужения и т. д. Так и с капиталом. Это уже дело заемщика, использовать ли капитал как капитал, т. е. фактически привести в действие связанное с ним свойство производить прибавочную стоимость. Оплачивает он в обоих случаях прибавочную стоимость, которая сама по себе, в возможности, заключается в товаре капитал.

Остановимся теперь подробнее на предпринимательском доходе.

Тем самым, что фиксируется момент специфической общественной определенности капитала при капиталистическом способе

производства — собственность на капитал, обладающая свойством командовать трудом других, — и процент выступает поэтому как часть прибавочной стоимости, которую в данной связи производит капитал, тем самым другая часть прибавочной стоимости — предпринимательский доход — необходимо представляется в таком виде, как будто она возникает не из капитала как капитала, а из процесса производства, независимо от его специфической общественной определенности, которая в выражении процента на капитал ведь уже приобрела свой особый способ существования. Но процесс производства, обособленный от капитала, есть процесс труда вообще. Промышленный капиталист в отличие от собственника капитала выступает поэтому не как функционирующий капитал, а как лицо, функционирующее даже помимо капитала, как простой носитель процесса труда вообще, как рабочий и притом наемный рабочий.

Процент сам по себе выражает именно существование условий труда как капитала в их общественной противоположности труду и в их претворении в личную власть по отношению к труду и над трудом. Самое по себе собственность на капитал он выражает как средство присваивать продукты чужого труда. Но эта характерная особенность капитала представлена в проценте как нечто такое, что принадлежит капиталу помимо процесса производства и что отнюдь не является результатом специфически капиталистической определенности самого этого процесса производства. В проценте эта характерная особенность капитала представлена не в прямой противоположности труду, а, наоборот, вне отношения к труду, только как отношение одного капиталиста к другому. То есть представлена как определение, чисто внешнее и безразличное для отношения капитала к самому труду. Таким образом в проценте, в этом особом виде прибыли, в котором антагонистический характер капитала приобретает самостоятельное выражение, он выражен так, что этот антагонизм здесь совершенно изглаживается и происходит полное абстрагирование от него. Процент есть отношение между двумя капиталистами, а не между капиталистом и рабочим.

С другой стороны, эта форма процента придает другой части прибыли качественную форму предпринимательского дохода, далее — форму платы за надзор. Особые функции, которые приходится исполнять капиталисту как таковому и которые выпадают на его долю как раз в отличие от рабочих и в противоположность рабочим, представляются как чисто трудовые функции. Он создает прибавочную стоимость не потому, что работает *как капиталист,* а потому, что, несмотря на свое качество капиталиста, он тем не менее *тоже* работает. Поэтому эта часть прибавочной стоимости уже не есть прибавочная стоимость, а ее противоположность — эквивалент выполненного труда. Так как отчужденность капи-

тала, его противоположность труду переносится по ту сторону действительного процесса эксплуатации, а именно переносится на капитал, приносящий проценты, то самый этот процесс эксплуатации представляется простым процессом труда, в котором функционирующий капиталист выполняет лишь иную работу, чем рабочий. Таким образом труд по эксплуатации и эксплуатируемый труд оба тожественны как труд. Труд по эксплуатации точно так же есть труд, как и тот труд, который подвергается эксплуатации. Процент становится общественной формой капитала, но выраженной в нейтральной и индифферентной форме; предпринимательский доход становится экономической функцией капитала, но отвлеченной от определенного капиталистического характера этой функции.

При этом в сознании капиталиста происходит совершенно то же, что с упомянутыми во II отделе этой книги основаниями для компенсации при уравнении прибыли в среднюю прибыль. Эти основания для компенсации, которые определяющим образом влияют на распределение прибавочной стоимости, превращаются благодаря капиталистическому способу представления в причины возникновения и (субъективные) основания для оправдания прибыли.

Представление о предпринимательском доходе как о вознаграждении за труд надзора, возникающее из противоположности, существующей между предпринимательским доходом и процентом, находит дальнейшую точку опоры в том, что часть прибыли в самом деле может быть обособлена и действительно обособляется как заработная плата, или, точнее, наоборот: что часть заработной платы на основе капиталистического способа производства представляется интегральной составной частью прибыли. Эта часть, как правильно открыл уже А. Смит, выступает в чистом виде, самостоятельно и совершенно обособленно, с одной стороны, от прибыли (как суммы процента и предпринимательского дохода), с другой стороны — от той части прибыли, которая остается за вычетом процента как так называемый предпринимательский доход, — выступает в форме содержания управляющего в таких видах предприятий, размер и т. д. которых допускают настолько достаточное разделение труда, что можно установить особую заработную плату для управляющего.

Труд верховного надзора и руководства необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не является разъединенным трудом самостоятельных производителей[73]. Но природа его — двоякого рода.

[73] «Всякая надобность в надзоре здесь» (у крестьянина-землевладельца) «совершенно устранена» (*J. E. Cairnes:* «The Slave Power». London 1862, стр. 48).

С одной стороны, во всех работах, в которых сотрудничают многие индивидуумы, общая связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижером оркестра. Это — производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства.

С другой стороны, если совершенно оставить в стороне купеческий отдел, этот труд главного надзора необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства [74]. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд верховного надзора и всестороннего вмешательства правительства охватывает обе стороны: и исполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и массой народа.

У античных писателей, непосредственно наблюдавших систему рабства, обе стороны труда по надзору были неразрывно соединены в теории, как это имело место и на практике, — совершенно так же, как у современных экономистов, которые считают капиталистический способ производства абсолютным способом производства. С другой стороны, как я сейчас покажу на одном примере, апологеты современной системы рабства совершенно так же умеют использовать труд по надзору в качестве основания для оправдания рабства, как другие экономисты — для оправдания системы наемного труда.

Villicus во времена Катона: «Во главе рабовладельческого имения (familia rustica) стоял управитель (villicus от villa), который принимал и выдавал, покупал и продавал, получал от владельца инструкции и в его отсутствие распоряжался и наказывал... Управитель, конечно, пользовался большей свободой, чем остальные рабы; в книгах Магона дается совет разрешать ему вступать в брак, производить на свет детей и иметь свои собственные наличные деньги, а Катон советует женить его на управительнице; он один мог надеяться в случае благонравного поведения

---

[74] «Если свойства работы требуют распределения рабочих» (именно рабов) «на большом пространстве, то число надсмотрщиков, а потому и расход на вознаграждение труда, вызываемого этим надзором, должны соответственно возрасти» (*J. E. Cairnes:* «The Slave Power». London 1862, стр. 44).

получить волю от своего господина. Что касается остальных рабов, то все они составляли одну дворню... Всякий раб, а также и сам управитель, получал свое содержание от хозяина в определенные сроки и в строго установленном размере, причем ему предоставлялось уже самому сводить концы с концами... Количество припасов соразмерялось с работой; поэтому, напр., управитель, выполнявший более легкий труд, чем простые рабы, получал и менее припасов» (Mommsen: «Römische Geschichte», 2-е изд., 1856, т. I, стр. 809—810). [Ср. Моммзен: «История Рима». Соцэкгиз, 1936 г., т. I, стр. 786—787.]

Аристотель:

«Ὁ γὰρ δεσπότης οὐκ ἐν τῷ κτᾶσθαι τοὺς δούλους, ἀλλ'ἐν τῷ χρῆσθαι δούλους». («Потому что господин» — капиталист — «проявляется как таковой не в приобретении рабов» — собственности на капитал, которая дает власть покупать труд, — «а в использовании рабов», — употреблении рабочих, в настоящее время наемных рабочих, в процессе производства.) «Ἔστι δὲ αὕτη ἡ ἐπιστήμη οὐδὲν μέγα ἔχουσα οὐδὲ σεμνόν» («Но в этой науке нет ничего великого или возвышенного») «ἃ γὰρ τὸν δοῦλον ἐπίστασθαι δεῖ ποιεῖν, ἐκεῖνον δεῖ ταῦτα ἐπίστασθαι ἐπιτάττειν». («Он должен уметь приказывать то, что раб должен уметь исполнить».) «Διὸ ὅσοις ἐξουσία μὴ αὐτοὺς κακοπαθεῖν, ἐπίτροπος λαμβάνει ταυτὴν τὴν τιμήν, αὐτοὶ δὲ πολιτεύονται ἢ φιλοσοφοῦσιν». («Когда у господ нет необходимости обременять себя этим, *честь эту* берет на себя надсмотрщик; сами же они занимаются государственными делами и философствуют».) (Aristoteles: «De republica», изд. Bekker, 1837, кн. I, гл. 7.) [Ср. «Политика Аристотеля», перев. С. А. Жебелева, СПБ, 1911 г., стр. 18.]

Аристотель без обиняков говорит, что господство как в политической, так и в экономической области возлагает на властителей функции господствования, т. е. в экономической области, следовательно, что они должны уметь потреблять рабочую силу, и прибавляет к этому, что труду по надзору не следует придавать большого значения, ввиду чего господин, если только он достаточно состоятелен, передает «честь» этих хлопот надсмотрщику.

Труд руководства и верховного надзора, поскольку это не есть особая функция, обусловливаемая природой всякого комбинированного общественного труда, поскольку он, напротив, вытекает из противоположности между собственником средств производства и собственником только рабочей силы, — причем безразлично, покупается ли последняя вместе с самим рабочим, как при системе рабства, или сам рабочий продает свою рабочую силу, и процесс производства является поэтому одновременно и процессом потребления его труда капиталом, — эта функция, возникающая из порабощения непосредственного производителя, часто выставляется как достаточное основание для оправдания самого этого отношения, и эксплуатация, присвоение чужого

неоплаченного труда, столь же часто изображается в виде заработной платы, причитающейся собственнику капитала. Но всего лучше делает это защитник рабства в Соединенных Штатах, некий адвокат О'Коннор, в своей речи, произнесенной 19 декабря 1859 г. на митинге в Нью-Йорке под знаменем «Справедливость к Югу». «Now, gentlemen [Итак, джентльмены], — сказал он при громких аплодисментах, — сама природа предназначила негра к положению раба. Он крепок и силен в работе; но природа, давшая ему эту силу, отказала ему как в уменье управлять, так и в желании трудиться. *(Одобрения.)* И в том и в другом ему отказано! И та же природа, не наделившая его волей к труду, дала ему господина для того чтобы он вынудил эту волю и сделал из него в тех климатических условиях, для которых он создан, полезного слугу как для самого себя, так и для господина, управляющего им. Я утверждаю, что нет ничего несправедливого в том, чтобы оставить негра в положении, в которое его поставила природа; нет ничего несправедливого в том, чтобы дать ему господина, который управляет им; и у негра не отнимают каких бы то ни было его прав, принуждая его за это работать и доставлять справедливое вознаграждение своему господину за труд и таланты, которые тот применяет для того чтобы управлять им и сделать его полезным как для себя самого, так и для общества» [«New York Tribune», 20 декабря 1859 г., стр. 5—8].

И вот наемный рабочий, подобно рабу, тоже должен иметь господина, который заставлял бы его работать и управлял бы им. А раз предположены эти отношения господства и подчинения, будет вполне в порядке вещей, что наемный рабочий вынуждается производить свою собственную заработную плату и сверх того плату за надзор, компенсацию за труд господства и надзора за ним, вынуждается «доставлять справедливое вознаграждение своему господину за труд и таланты, которые тот применяет для того чтобы управлять им и сделать его полезным как для себя самого, так и для общества».

Труд верховного надзора и руководства, поскольку он возникает из антагонистического характера, из господства капитала над трудом и потому является общим для всех способов производства, основанных, как и капиталистическое, на классовой противоположности, этот труд и в капиталистической системе непосредственно и неразрывно связан с производительными функциями, которые налагаются всяким комбинированным общественным трудом на отдельных индивидуумов в качестве особого труда. Заработная плата какого-нибудь epitropos'а или régisseur'а, как он назывался в феодальной Франции, совершенно отделяется от прибыли и принимает форму заработной платы за квалифицированный труд, как только предприятие достигает достаточно крупных размеров для того чтобы оплачивать такого управляющего (manager), —

хотя это далеко еще не приводит наших промышленных капиталистов к тому, чтобы они «занимались государственными делами и философствовали».

Что не промышленные капиталисты, а промышленные управляющие (managers) являются «душой нашей промышленной системы», это заметил еще г. Юр[75]. Что касается торговой части предприятия, то все необходимое об этом сказано уже в предыдущем отделе.

Само капиталистическое производство привело к тому, что труд верховного надзора, совершенно отделенный от собственности на капитал, всегда имеется в наличии на улице. Поэтому сделалось бесполезным, чтобы этот труд верховного надзора исполнялся капиталистом. Нет никакой необходимости в том, чтобы капельмейстер был собственником инструментов оркестра; в его функцию как дирижера не входит также обязанность иметь дело с «оплатой» прочих музыкантов. Кооперативные фабрики показывают, что капиталист как деятельный участник производства сделался столь же излишен, как сам он, представляя высшую ступень развития, считает излишним крупного землевладельца. Поскольку труд капиталиста не вытекает из процесса производства только как капиталистического и, следовательно, поскольку этот труд сам собою не исчезает вместе с капиталом; поскольку он не ограничивается такой функцией, как эксплуатация чужого труда; поскольку, следовательно, он вытекает из формы труда как общественного, из комбинации и кооперации многих для достижения общего результата, труд этот совершенно так же независим от капитала, как независима от него сама эта форма, раз только она сорвала с себя капиталистическую скорлупу. Утверждать, что этот труд необходим в виде капиталистического труда, в виде функции капиталиста, значит лишь одно: что vulgus не может представить себе форм, развившихся в недрах капиталистического способа производства, отделенными и освобожденными от их антагонистического капиталистического характера. По отношению к денежному капиталисту промышленный капиталист — рабочий, но рабочий в качестве капиталиста, т. е. эксплуататора чужого труда. Плата, которую он требует и получает за этот труд, как раз равна присвоенному количеству чужого труда и непосредственно зависит, раз капиталист берет на себя необходимые хлопоты по эксплуатации, от степени эксплуатации этого труда, а не от степени напряжения, которого ему стоит эта эксплуатация и которое он может за умеренное вознаграждение свалить

---

[75] *A. Ure:* «Philosophy of Manufactures». Франц. перев. 1836, т. I, стр. 67, где этот Пиндар фабрикантов в то же время показывает им, что большинство из них не имеет ни малейшего представления о механизме, который они применяют.

на управляющего. В английских фабричных округах после каждого кризиса можно встретить достаточное количество экс-фабрикантов, которые за небольшое вознаграждение заведуют фабриками, ранее принадлежавшими им самим, заведуют как управляющие, состоящие на службе у новых владельцев, зачастую своих кредиторов[76].

Плата за управление, которой вознаграждаются управляющие как торговыми, так и промышленными предприятиями, выступает совершенно обособленно от предпринимательского дохода в кооперативных фабриках рабочих и в капиталистических акционерных предприятиях. Отделение платы за управление от предпринимательского дохода, которое в других случаях является случайным, приобретает здесь постоянный характер. В кооперативной фабрике труд надзора утрачивает свой антагонистический характер, так как управляющий оплачивается рабочими, а не является по отношению к ним представителем капитала. Акционерные предприятия, развивающиеся вместе с кредитом, вообще обнаруживают тенденцию все более отделять этот труд управления как особую функцию от владения капиталом, собственным ли, или взятым в ссуду, совершенно так же, как с развитием буржуазного общества функции суда и управления отделяются от землевладения, атрибутами которого они были в феодальное время. Но, когда, с одной стороны, простому собственнику капитала, денежному капиталисту, противостоит функционирующий капиталист, а с развитием кредита этот денежный капитал сам принимает общественный характер, концентрируется в банках и ссужается ими, а не его непосредственными собственниками; когда, с другой стороны, лицо, являющееся только управляющим, не владеющее капиталом ни под каким титулом, ни заимообразно, ни как-либо иначе, исполняет все реальные функции, выпадающие на долю функционирующего капиталиста как такового, — тогда остается лишь служащий, а капиталист как лицо излишнее исчезает из процесса производства.

Из опубликованных отчетов[77] кооперативных фабрик в Англии видно, что, — за вычетом вознаграждения управляющему, которое составляет часть затраченного переменного капитала совершенно так же, как плата остальных рабочих, — прибыль превышала среднюю прибыль, хотя эти фабрики иногда уплачивали более высокий процент, чем частные фабрики. Причиной более высокой прибыли во всех этих случаях является бо́льшая эко-

---

[76] В одном известном мне случае обанкротившийся фабрикант сделался после кризиса 1868 г. платным наемным рабочим своих прежних рабочих. После банкротства фабрику взяло в свои руки товарищество рабочих, а прежний владелец сделался ее управляющим. — *Ф. Э.*

[77] Приведенные здесь данные отчетов доходят, самое большее, до 1864 г., так как текст был написан в 1865 г. — *Ф. Э.*

номия в применении постоянного капитала. Но нас при этом больше всего интересует то обстоятельство, что средняя прибыль (= проценту + предпринимательский доход) фактически и осязательно представляется здесь величиной, совершенно независимой от платы за управление. Так как прибыль здесь была больше средней прибыли, то и предпринимательский доход был больше, чем обыкновенно.

То же явление наблюдается и в некоторых капиталистических акционерных предприятиях, напр. в акционерных банках (Joint Stock Banks). «London and Westminster Bank» в 1863 г. выплатил 30% годового дивиденда; «Union Bank of London» и другие — 15%. Кроме вознаграждения управляющим из валовой прибыли здесь вычитается процент, уплачиваемый по вкладам. Высокая прибыль объясняется здесь тем, что вложенный в предприятия капитал составляет незначительную величину по сравнению с вкладами. Например, у «London and Westminster Bank» в 1863 г. — вложенный капитал 1 000 000 ф. ст., вклады 14 540 275 ф. ст. У «Union Bank of London» в 1863 г. — вложенный капитал 600 000 ф. ст., вклады 12 384 173 ф. ст.

Смешение предпринимательского дохода с платой за надзор или управление первоначально возникло из той особой формы, которую излишек прибыли над процентом принимает в противоположность проценту. Оно получило свое дальнейшее развитие благодаря апологетическому стремлению представить прибыль не как прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд, а как заработную плату самого капиталиста за выполняемый им труд. Этому со стороны социалистов было противопоставлено требование, чтобы прибыль была фактически сведена к тому, за что она выдается в теории, а именно к простой плате за надзор. И это требование, выступив против теоретического прикрашивания, было тем неприятнее, чем более эта плата за надзор с возникновением многочисленного класса промышленных и торговых управляющих[78] находила, с одной стороны, подобно всякой другой заработной плате, свой определенный уровень и свою определенную рыночную цену и чем ниже, с другой стороны, она опускалась, как всякая плата за квалифицированный труд, по мере общего развития, понижавшего издержки производства

[78] «Хозяева — такие же работники, как их поденщики. В этом отношении их интересы совершенно те же, что и интересы их рабочих. Но они являются также капиталистами или агентами капиталистов, и в этом отношении интересы их резко противоположны интересам рабочих» (стр. 27). «Широкое распространение образования среди рабочих-механиков этой страны, увеличивая число специалистов, с каждым днем уменьшает стоимость труда и искусства почти всех хозяев и предпринимателей» (стр. 30. *Hodgskin:* «Labour defended against the Claims of Capital etc.». London 1825).

особо обученной рабочей силы[79]. С развитием кооперации среди рабочих и акционерных предприятий среди буржуазии был уничтожен и последний предлог для смешения предпринимательского дохода с платой за управление, и прибыль практически выступила как то̀, чем она бесспорно была теоретически: как чистая прибавочная стоимость, как стоимость, за которую не уплачивается эквивалента, как реализованный неоплаченный труд; так что функционирующий капиталист действительно эксплуатирует труд, и плод его эксплуатации, если он работает со взятым в ссуду капиталом, делится на процент и предпринимательский доход — излишек прибыли над процентом.

На базисе капиталистического производства в акционерных предприятиях возникают новые мошенничества с платой за управление, рядом с действительным управляющим и над ним появляется множество членов правлений и наблюдательных советов, для которых управление и контроль фактически служат лишь предлогом к ограблению акционеров и к собственной наживе. На этот счет имеется много любопытных подробностей в «The City or the Physiology of London Business; with Sketches on 'Change and the Coffee Houses». London 1845. «Что̀ выигрывают банкиры и купцы благодаря тому, что участвуют в управлении восьми или девяти различных компаний, можно видеть из следующего примера: частный баланс г-на Тимоси Абрахэма Кэртиса, представленный после его банкротства в коммерческий суд, показывал под рубрикой «директорство» — 800—900 ф. ст. ежегодного дохода. Так как г. Кэртис был директором Английского банка и Ост-индской компании, то всякое акционерное общество считало за честь привлечь его в качестве директора» (стр. 81, 82). Вознаграждение директоров таких обществ за каждое заседание, которые происходят еженедельно, равняется по меньшей мере одной гинее (21 марке). Прения в коммерческом суде раскрывают, что эта плата за надзор обыкновенно находится в обратном отношении к труду по надзору, который в действительности несут эти номинальные директоры.

---

[79] «Общее ослабление условных преград, увеличивающаяся возможность получить образование имеет тенденцию понизить плату квалифицированного труда вместо того чтобы поднять плату неквалифицированного» (*J. St. Mill:* «Principles of Political Economy», 2-е изд., London 1849, т. I, стр. 479. [Ср. *Дж. Ст. Милль:* «Основания политической экономии», перев. Острогорской, Киев — Харьков, 1896 г., стр. 350.]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЫДЕЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ В ФОРМЕ КАПИТАЛА, ПРИНОСЯЩЕГО ПРОЦЕНТЫ.

В капитале, приносящем проценты, капиталистическое отношение достигает своей наиболее внешней и фетишистической формы. Мы имеем здесь перед собой *Д—Д'*, деньги, которые производят большее количество денег, имеем самовозрастающую стоимость без процесса, опосредствующего два крайние пункта. В купеческом капитале, *Д—Т—Д'*, имеется налицо по крайней мере всеобщая форма движения капитала, хотя оно не выходит из сферы обращения; поэтому прибыль представляется просто прибылью от отчуждения, но все же она представляется продуктом общественного *отношения,* а не продуктом просто *вещи.* Форма купеческого капитала все же представляет процесс, единство противоположных фаз, движение, распадающееся на два противоположных акта, на куплю и продажу товаров. В *Д—Д'*, в форме капитала, приносящего проценты, это движение изглаживается. Если, напр., 1 000 ф. ст. даются капиталистом в ссуду и ставка процента равна 5%, то стоимость 1 000 ф. ст. как капитала за 1 год $= K + Kz'$, где K — капитал, а z' — ставка процента; следовательно здесь $5\% = \frac{5}{100} = \frac{1}{20}$, $1000 + 1000 \cdot \frac{1}{20} = 1050$ ф. ст. Стоимость 1 000 ф. ст. как капитала $=1050$ ф. ст., т. е. капитал не является простой величиной. Это — *отношение* величин, отношение основной суммы как данной стоимости к себе самой как к самовозрастающей стоимости, как к такой основной сумме, которая произвела прибавочную стоимость. А мы уже видели, что капитал как таковой представляется всем активным капиталистам — функционируют ли они с собственным или взятым в ссуду капиталом — именно такой непосредственно самовозрастающей стоимостью.

Д—Д': здесь мы имеем первоначальный исходный пункт капитала, деньги формулы *Д — Т — Д'*, сведенные к двум крайним пунктам *Д—Д'*, где $Д' = Д + \Delta Д$, деньги, создающие большее количество денег. Это — первоначальная и всеобщая формула капитала, сокращенная до бессмысленного резюме, это — готовый капитал, единство процесса производства и процесса обращения,

а потому — капитал, приносящий в определенные периоды времени определенную прибавочную стоимость. В форме капитала, приносящего проценты, это проявляется непосредственно, без посредства процесса производства и процесса обращения. Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения. *Вещь* (деньги, товар, стоимость) уже просто как вещь теперь является капиталом, а капитал представляется просто вещью; результат всего процесса воспроизводства представляется свойством, принадлежащим вещи самой по себе; от владельца денег, т. е. товара в той его форме, в которой его можно во всякое время обменять, зависит, израсходовать ли их как деньги или отдать в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, и в этой форме он уже не несет на себе никакого следа своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения. Как в случае с рабочей силой, потребительной стоимостью денег становится здесь способность создавать стоимость, бо̀льшую стоимость, чем та, которая заключается в них самих. Деньги как таковые потенциально уже представляют собою самовозрастающую стоимость, и как таковая они отдаются в ссуду, что является формой продажи этого своеобразного товара. Создавать стоимость, приносить процент становится таким же свойством денег, как свойство грушевого дерева приносить груши. Как такую приносящую проценты вещь заимодавец и продает свои деньги. Но этого мало. Как мы видели, даже действительно функционирующий капитал представляется таким образом, как будто он приносит процент не как функционирующий капитал, а как капитал сам по себе, как денежный капитал.

Переворачивается и следующее отношение: процент, являющийся не чем иным, как лишь частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист выжимает из рабочего, представляется теперь, наоборот, как собственный продукт капитала, как нечто первоначальное, а прибыль, превратившаяся теперь в форму предпринимательского дохода, — просто как аксессуар, придаток, привходящий в процесс воспроизводства. Здесь фетишистическая форма капитала и представление о капитале-фетише готовы. В *Д — Д'* мы имеем перед собою иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений: образ, приносящий проценты, простой образ капитала, в котором он является предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства; мы имеем перед

собою способность денег, resp. [соответств.] товара, увеличивать свою собственную стоимость независимо от воспроизводства, — крайнюю форму мистификации капитала.

Для вульгарной экономии, стремящейся представить капитал самостоятельным источником стоимости, создания стоимости, форма эта является, конечно, настоящей находкой, такой формой, в которой уже невозможно узнать источник прибыли и в которой результат капиталистического процесса производства, отделенный от самого процесса, приобретает самостоятельное существование.

Только в форме денежного капитала капитал становится товаром, свойство которого самовозрастать в стоимости имеет определенную цену, отмечаемую в каждом конкретном случае ставкой процента.

В качестве капитала, приносящего проценты, и особенно в своей непосредственной форме приносящего проценты денежного капитала (другие формы капитала, приносящего проценты, которые здесь нас не интересуют, выводятся из этой формы и предполагают ее), капитал приобретает свою чистую фетишистическую форму: *Д*—*Д'* как субъект, как вещь, которая может быть продана. *Во-первых,* это происходит вследствие постоянного пребывания его в форме денег, в такой форме, в которой изглаживаются все его специфические черты и не видны его реальные элементы. Ведь деньги — это как раз та форма, в которой стирается различие между товарами как потребительными стоимостями, а потому и различие между промышленными капиталами, состоящими из этих товаров и условий их производства; деньги — это форма, в которой стоимость, — а здесь капитал, — существует как самостоятельная меновая стоимость. В процессе воспроизводства капитала денежная форма есть преходящая форма, простой переходный момент. Напротив, на денежном рынке капитал всегда существует в этой форме. — *Во-вторых,* произведенная капиталом прибавочная стоимость, здесь опять-таки в форме денег, кажется принадлежащей ему как таковому. Подобно тому, как рост присущ деревьям, так и рождение денег (τόκος) кажется свойственным капиталу в его форме денежного капитала.

В капитале, приносящем проценты, движение капитала сведено к самой краткой формуле; посредствующий процесс опущен, и таким образом капитал = 1 000 фиксируется как вещь, которая в себе = 1 100 и в известный период времени превращается в 1 100 подобно тому, как увеличивает свою потребительную стоимость вино, которое продержали известное время в погребе. Капитал теперь вещь, но как вещь он — капитал. В деньги вселилась теперь какая-то сила [«Das Geld hat jetzt Lieb im Leibe»]. Раз они отданы в ссуду или вложены в процесс воспроизводства (поскольку они приносят функционирующему капиталисту как своему владельцу процент, помимо предпринимательского дохода), на них и днем

и ночью нарастает процент, что бы с ними ни делалось: спят ли они или бодрствуют, сидят дома или странствуют. Таким образом денежный капитал, приносящий проценты (а всякий капитал по своему стоимостному выражению есть денежный капитал или считается теперь выражением денежного капитала), осуществляет сладкие мечты стяжателей сокровищ.

Вот это-то сращение процента с денежным капиталом как бы в одну вещь (именно так и представляется здесь производство прибавочной стоимости капиталом) и занимает так сильно Лютера в его наивной шумихе, направленной против ростовщичества. Рассказав, что процент можно было бы взимать в том случае, если бы просрочка долга ввела в убыток заимодавца, который, в свою очередь, должен производить платежи, или лишила бы его прибыли, которую он мог бы получить, купив, напр., сад, Лютер продолжает: «Тем, что я ссудил тебе их» (100 гульденов), «ты причиняешь мне двойной ущерб — тут я не могу уплатить, а там не могу купить, и потому в обоих случаях я терплю ущерб, что называют duplex interesse, damni emergentis et lucri cessantis [двойной ущерб, от возникающего убытка и от прекращающейся возможности пользоваться]... Услышав, что какой-то Ганс, ссудив сотню гульденов, потерпел ущерб и требует справедливого возмещения этого ущерба, они пользуются этим случаем и на каждые сто гульденов накидывают сумму, покрывающую этот двойной ущерб, а именно ущерб, понесенный от непроизведенной расплаты и от упущенной покупки сада, как будто бы и впрямь эти сто гульденов *естественно срослись с этим двойным ущербом,* так что, располагая сотней гульденов, они пускают ее в оборот и высчитывают при этом и тот и другой ущерб, которого они, однако, не понесли... Поэтому ты — ростовщик, возмещающий деньгами своего ближнего тобою самим вымышленный убыток, которого, однако, никто тебе не причинил и которого ты не можешь ни доказать, ни вычислить. Такой убыток юристы называют non verum, sed phantasticum interesse, — убыток, который измышляется каждым по своему усмотрению... Итак, не следует говорить, что могли бы произойти убытки от того, что я не мог бы ни уплатить, ни купить. Это значило бы ex contingente necessarium, представлять несуществующее долженствующим быть, неизвестное превращать в достоверное. Не должно ли такое ростовщичество поглотить в несколько лет весь мир?.. Случайная беда, помимо его воли, постигает заемщика, он должен бы поправиться, а в торговле пошло по-другому и даже наоборот; и вот изобретают и измышляют убытки с нуждающегося ближнего, хотят таким образом нажиться и разбогатеть, чтобы в лености и праздности вести за счет труда других расточительную и распутную жизнь, без заботы, риска и какого-либо убытка; сидеть за печкой, предоставив своей сотне гульденов приобретать за меня в стране, и все же, так как это деньги, отданные в ссуду, быть

уверенным, что без всякого риска и заботы они придут ко мне в кошелек, — мой милый, да кто не пожелал бы этого?» (M. Luther: «An die Pfarherrn wider den Wucher zu predigen etc.». Wittenberg 1540).

Представление о капитале как самовоспроизводящейся и возрастающей в воспроизводстве стоимости, как о стоимости, вечно сохраняющейся и возрастающей в силу прирожденного ей свойства, — т. е. в силу сокровенного свойства, о котором говорили схоластики, — это представление привело д-ра Прайса к причудливым измышлениям, которые оставляют далеко позади себя все фантазии алхимиков; к измышлениям, которым Питт, однако, серьезно поверил и которые он в своих законах о sinking fund [фонде погашения долгов] превратил в столпы, на которых держится его финансовое хозяйство.

«Деньги, приносящие проценты на проценты, растут сначала медленно; но так как темп роста постоянно ускоряется, то через некоторое время он становится таким быстрым, что превосходит всякое воображение. Один пенни, отданный в ссуду при рождении нашего спасителя из 5%, вместе с процентами на проценты вырос бы теперь в сумму, превышающую ту, которая содержалась бы в 150 миллионах земных шаров, сделанных из чистого золота. Но этот же пенни, отданный в ссуду из простых процентов, в то же самое время увеличился бы лишь до 7 шилл. $4^1/_2$ пенса. До сего времени наше правительство предпочитало улучшать свои финансы этим последним способом вместо того чтобы пользоваться первым»[80].

---

[80] *Richard Price:* «An Appeal to the Public on the subject of the National Debt», 2-е изд., London 1774 [стр. 18 и сл.]. Он наивно острит: «Следует брать деньги взаймы из простых процентов, чтобы увеличивать их, отдавая в ссуду из сложных процентов». (См. *R. Hamilton:* «An Inquiry into the Rise and Progress of the National Debt of Great Britain», 2-е изд., Edinburgh 1814, стр. 133.) Если так, то займы вообще и для частных лиц были бы вернейшим средством обогащения. Но если я беру, напр., 100 ф. ст. из 5% годовых, то в конце года я должен заплатить 5 ф. ст., и если предположить, что этот заем заключен на 100 миллионов лет, то в этот промежуток времени я могу давать ежегодно в заем все те же 100 ф. ст. и точно так же каждый год должен уплачивать по 5 ф. ст. Таким путем я никогда не буду в состоянии, взяв 100 ф. ст., дать в ссуду 105 ф. ст. Но из какого источника должен я уплачивать 5%? Из новых займов или, если я — государство, из налогов. Если же деньги берет взаймы промышленный капиталист, то при прибыли, скажем, в 15% ему придется 5% уплачивать как процент, 5% — потреблять (хотя его аппетит возрастает с его доходом) и 5% — капитализировать. Итак, приходится предположить прибыль в 15% для того чтобы можно было постоянно платить 5% как процент. Если процесс продолжится, то норма прибыли упадет вследствие уже изложенных причин, скажем, с 15% до 10%. Но Прайс совершенно забывает, что ставка процента, равная 5%, предполагает норму прибыли в 15% и оставляет ее такою же и при накоплении капитала. Ему вообще нет дела до действительного процесса накопления, его дело лишь давать взаймы деньги с тем чтобы они притекали обратно с процентами на проценты. Как это происходит, ему безразлично, потому что это ведь прирожденное свойство капитала, приносящего проценты.

Еще выше парит он в своих «Observations on reversionary payments etc.». London 1772: «1 шилл., отданный в ссуду при рождении спасителя» (т. е. вероятно в храме Иерусалимском) «из 6% с процентами на проценты, вырос бы в сумму бо̀льшую, чем сколько могла бы вместить вся солнечная система, превращенная в шар, диаметр которого равнялся бы диаметру орбиты Сатурна». — «Поэтому государство никогда не должно оказаться в затруднительном положении, так как с помощью самых маленьких сбережений оно может выплатить самые большие долги в такое короткое время, как того потребуют его интересы» (стр. XIII, XIV). Какое милое теоретическое введение к английскому государственному долгу!

Прайса попросту ослепила чудовищность числа, возникающего из геометрической прогрессии. Так как он рассматривал капитал, не принимая во внимание условия воспроизводства и труда, рассматривал его как самодеятельный автомат, как простое самоувеличивающееся число (совершенно так же, как Мальтус рассматривал в своей геометрической прогрессии людей), то он вообразил, что нашел закон возрастания капитала в формуле $s = c(1+z)^n$, где s = сумме капитала + проценты на проценты, c = авансированному капиталу, z = ставке процента (выраженной в соответственных частях 100), а n — ряд лет, на протяжении которых протекает процесс.

Питт совершенно серьезно принимает мистификацию д-ра Прайса. В 1786 г. палата общин постановила собрать путем обложения населения 1 миллион ф. ст. для нужд государственного долга. По Прайсу, в которого веровал Питт, конечно, не могло быть ничего лучшего, как обложить налогом народ, чтобы «накопить» полученную таким способом сумму и таким чудесным образом избавиться от государственного долга при посредстве таинства сложных процентов. За этой резолюцией палаты общин вскоре последовал внесенный Питтом закон, который постановил накоплять по 250 000 ф. ст. до тех пор, «пока образовавшийся таким образом фонд не будет давать вместе с освободившимися пожизненными рентами 4 000 000 ф. ст. в год» (Акт 26, Георга III, глава 31). Питт в своей речи 1792 г., в которой он предлагал увеличить сумму, поступающую в фонд погашения долгов, среди причин торгового превосходства Англии приводит машины, кредит и т. д., но как «наиболее широко действующую и постоянную причину — накопление. Принцип этот вполне развит и достаточно разъяснен в сочинении Смита, этого гения... Это накопление капиталов было бы осуществлено, если бы откладывали хоть часть годичной прибыли для того чтобы увеличить основную сумму, которая, при условии такого же употребления ее и в следующем году, давала бы постоянную прибыль». Таким образом с помощью д-ра Прайса Питт превращает теорию накопления Смита в теорию обогащения

народа посредством накопления долгов и приходит к приятному бесконечному нарастанию займов и займов для платежей по займам.

Уже у Джозая Чайльда, отца современных банкиров, мы находим, что 100 ф. ст. из 10% произвели бы через 70 лет с процентами на проценты 102 400 ф. ст. («Traité sur le commerce etc. par J. Child, traduit etc.». Amsterdam et Berlin 1754, стр. 115. Написано в 1669 г.).

Как воззрение д-ра Прайса бессознательно проскальзывает у современных экономистов, это показывает следующее место из «Economist»: «Капитал со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала является настолько всепоглощающим, что все богатство мира, от которого происходит доход, уже давно превратилось в процент на капитал... Всякая рента является теперь уплатой процентов на капитал, раньше вложенный в землю» («Economist», 19 июля 1859 г.). Капиталу в его качестве капитала, приносящего проценты, принадлежит все богатство, которое вообще может быть произведено, и все, что получал он до настоящего времени, это лишь рассроченные платежи его всепоглощающему аппетиту. По законам, с которыми он появляется, ему принадлежит весь прибавочный труд, который род человеческий когда бы то ни было мог бы произвести. Молох.

В заключение еще следующая галиматья «романтического» Мюллера: «Описанное д-ром Прайсом чудовищное нарастание процентов на проценты, или возрастание самоускоряющихся сил людей, для того чтобы оказывать это необычайное действие, предполагает неизменный или ненарушимый единообразный порядок, существующий многие столетия. Как только капитал раздробляется, разделяется на многие отдельные продолжающие расти побеги, общий процесс накопления сил начинается снова. Природа распределила нарастание силы на периоды приблизительно в 20—25 лет, приходящиеся в среднем на долю каждого отдельного рабочего (!). По прошествии этого времени рабочий оставляет свою жизненную стезю и должен передать капитал, полученный благодаря процентам на проценты с труда, новому рабочему, в большинстве случаев распределить его между несколькими рабочими или детьми. Эти последние, прежде чем извлекать собственные проценты на проценты с доставшегося им капитала, должны научиться вдыхать в него жизнь и применять его. Далее, огромная масса капитала, который приобретает гражданское общество даже в наиболее неспокойных общественных организмах, постепенно накопляется в течение долгих лет и не употребляется непосредственно для расширения труда, а, напротив, лишь только составится значительная сумма, она под названием займа передается другому индивидууму, рабочему, банку, государству, после чего заемщик, приводя капитал в действительное движение, получает

с него проценты на проценты и легко может взять на себя обязательство уплачивать заимодавцу простые проценты. Наконец, неимоверно быстрому возрастанию сил людей и их продукта, возможному при том условии, если проявляет свое действие только закон производства или бережливости, противодействует закон потребления, желаний, расточительности» (A. Müller: «Elemente der Staatskunst», 1809 г., часть III, стр. 147—149).

Невозможно нагородить больше нелепейшего вздора в немногих строках. Не говоря уже о забавном смешении рабочего с капиталистом, стоимости рабочей силы с процентом на капитал и т. д., взимание процента на процонт должно получить объяснение из того, что капитал ссужается с той целью, чтобы приносить проценты на проценты. Метод нашего Мюллера характерен для романтики всяких профессий. Ее содержание составляется из ходячих предвзятых мнений, почерпнутых из поверхностнейшей внешней видимости вещей. А затем это ложное и банальное содержание должно быть «возвышено» и опоэтизировано мистифицирующей манерой изложения.

Процесс накопления капитала может быть изображен как накопление процентов на проценты лишь в той мере, в какой можно назвать процентом ту часть прибыли (прибавочной стоимости), которая превращается обратно в капитал, т. е. служит для высасывания нового прибавочного труда. Но:

1) Если отвлечься от всех случайных нарушений, бо̀льшая часть имеющегося налицо капитала постоянно более или менее обесценивается в течение процесса воспроизводства вследствие того, что стоимость товаров определяется не тем рабочим временем, которого первоначально сто̀ит их производство, а тем рабочим временем, которого сто̀ит их воспроизводство, а оно постоянно уменьшается вследствие развития общественной производительной силы труда. Поэтому на более высокой ступени развития общественной производительности весь наличный капитал представляется не результатом продолжительного процесса накопления капитала, а результатом сравнительно очень короткого периода воспроизводства[81].

2) Как было показано в III отделе этой книги, норма прибыли понижается по мере возрастания накопления капитала и соответствующего ему увеличения производительной силы общественного труда, которое получает выражение как раз в растущем относительном уменьшении переменной части капитала сравнительно с постоянной. Если постоянный капитал, приводимый в движение одним рабочим, удесятеряется, то, чтобы принести такую же норму прибыли, прибавочное рабочее время должно было бы удесяте-

---

[81] См. Милля и Кэри, а также основанный на непонимании комментарий к этому Рошера.

риться и скоро для него нехватило бы всего рабочего времени и всех 24 часов в сутки, даже если бы капитал присваивал их целиком. Представление же, что норма прибыли не понижается, лежит в основе прогрессии Прайса и вообще в основе «всепоглощающего капитала со сложными процентами»[82].

Тожество прибавочной стоимости и прибавочного труда ставит качественную границу накоплению капитала: *весь рабочий день*, данное развитие производительных сил и населения, ограничивающее число рабочих дней, поддающихся эксплуатации одновременно. Если же, напротив, прибавочная стоимость берется в иррациональной форме процента, то предел становится исключительно количественным, и накопление капитала превосходит всякое воображение.

Но в капитале, приносящем проценты, представление капитала-фетиша закончено; то представление, которое накопленному продукту труда, к тому же еще фиксированному в форме денег, приписывает силу производить прибавочную стоимость в геометрической прогрессии, производить ее при посредстве прирожденного тайного свойства, чисто автоматически, так что этот накопленный продукт труда, по мнению «Economist», уже давно дисконтировал все богатства мира за все времена, — дисконтировал все богатства, как по праву принадлежащие и достающиеся ему. Продукт прошлого труда, даже сам прошлый труд здесь уже сам по себе чреват частью настоящего или будущего живого прибавочного труда. Но мы знаем, напротив, что на самом деле сохранение, а постольку и воспроизводство, стоимости продуктов прошлого труда есть *только* результат их контакта с живым трудом; и, во-вторых, что господство продуктов прошлого труда над живым прибавочным трудом продолжается как раз лишь до того времени, пока сохраняется капиталистическое отношение, — определенное социальное отношение, при котором прошлый труд самостоятельно противостоит живому труду и подчиняет его себе.

---

[82] «Ясно, что никакой труд, никакая производительная сила, никакой талант и искусство не могут удовлетворить всепоглощающим требованиям сложного процента. Но всякое сбережение составляется из дохода капиталиста, и потому в действительности эти требования предъявляются постоянно, и производительная сила труда никогда не удовлетворяет их. Поэтому некоторое равновесие постоянно нарушается» («Labour Defended against the Claims of Capital» [London 1825], стр. 23. — Книга Годскина).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

КРЕДИТ И ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ.

Подробный анализ кредита и тех орудий, которые он создает для себя (кредитных денег и т. п.), не входит в наш план. Здесь следует отметить только некоторые немногие пункты, необходимые для характеристики капиталистического способа производства вообще. При этом мы будем иметь дело только с коммерческим и банкирским кредитом. Связь между развитием этого кредита и общественного кредита остается вне нашего рассмотрения.

Я показал уже (книга I, гл. III, 3, b), каким образом из простого товарного обращения развивается функция денег как средства платежа и вместе с тем отношение кредитора и должника между производителями товара и торговцами товаром. С развитием торговли и капиталистического способа производства, которое производит в расчете лишь на обращение, это естественное основание кредита расширяется, получает всеобщее значение, развивается. В общем и целом деньги функционируют здесь лишь в качестве средств платежа, т. е. товар продается не за деньги, а под письменное обещание платежа в определенный срок. Все такого рода платежные обязательства мы можем для краткости подвести под общую категорию векселей. Такие векселя до истечения их срока и до наступления дня платежа, в свою очередь, сами обращаются как платежное средство; они-то и образуют собственно торговые деньги. Поскольку они в конце концов погашают друг друга при сведении счетов по требованиям и долгам, они функционируют абсолютно как деньги, так как в таком случае не происходит заключительного их превращения в деньги. Подобно тому, как эти взаимные авансирования производителей и купцов друг другу образуют подлинное основание кредита, так и орудие их обращения, вексель, образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим основанием не денежное обращение, будь то металлические или государственные бумажные деньги, а вексельное обращение.

W. Leatham (банкир в Йоркшире): «Letters on the Currency», 2-е изд., London 1840: «Я полагаю, что общая сумма векселей за весь 1839 г. составила 528 493 842 ф. ст.» (сумма иностранных векселей определяется им приблизи-

тельно в $^1/_5$ всего количества), «а сумма векселей, обращавшихся одновременно в том же году, 132 123 460 ф. ст.» (стр. 56). — «Векселя представляют собою составную часть обращения, превышающую по размерам все другие части, вместе взятые» (стр. 3).—«Эта колоссальная надстройка из векселей покоится(!) на фундаменте, образованном суммой банкнот и золота; и если в ходе событий этот фундамент слишком суживается, прочности надстройки и даже ее существованию грозит опасность» (стр. 8). — «Если оценить все обращение» (он подразумевает банкноты) «и сумму обязательств всех банков, по которым может немедленно потребоваться платеж наличными, то, по моим расчетам, получится сумма в 153 миллиона, превращения которой в золото можно требовать по закону, а между тем золота на покрытие этих требований имеется 14 миллионов» (стр. 11). — «Векселей нельзя поставить под контроль, разве что мы создадим препятствия возникновению избыточных денег и низкому проценту или учету, которым порождается часть векселей и дается толчок к большому и опасному их распространению. Невозможно установить, сколько векселей возникло из действительных сделок, напр. из действительных покупок и продаж, и какая их часть искусственно создана (fictitious) и состоит из одних только бронзовых векселей, т. е. когда вексель выдается, чтобы заменить текущий вексель до просрочки по нему платежа и таким образом создать фиктивный капитал посредством создания чистых средств обращения. Я знаю, что во времена обильных и дешевых денег эта практика достигает огромных размеров» (стр. 43, 44). — *J. W. Bosanquet:* «Metallic, Paper and Credit Currency». London 1842: «Сумма платежей, совершаемых в clearing house [расчетной палате]» (где лондонские банкиры взаимно обмениваются подлежащими оплате чеками и векселями, коим наступил срок), «составляет в каждый торговый день в среднем свыше 3 миллионов ф. ст., а необходимый для этого ежедневный денежный запас немногим больше 200 000 ф. ст.» (стр. 86). {В 1889 г. общий оборот clearing house [расчетной палаты] составил 7 $618^3/_4$ миллионов ф. ст., или, при 300 круглым счетом торговых днях, в среднем $25^1/_2$ миллионов ежедневно. — *Ф. Э.*} «Векселя являются бесспорно средством обращения (currency), независимо от денег, поскольку они передают собственность из рук в руки посредством передаточной надписи» (стр. 92—93). — «В среднем можно принять, что каждый находящийся в обращении вексель имеет на себе две передаточных надписи и что, следовательно, каждый вексель до срока истечения погашает в среднем два платежа. При этом условии благодаря одним только передаточным надписям в течение 1839 г. при помощи векселей было перемещено из рук в руки собственности на сумму, вдвое превышающую 528 миллионов, т. е. на 1 056 миллионов ф. ст., более 3 миллионов ежедневно. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что векселя и вклады, вместе взятые, посредством передачи собственности из рук в руки и без помощи денег выполняют денежные функции на сумму не менее 18 миллионов ф. ст. ежедневно» (стр. 93).

О кредите вообще Тук говорит следующее: «В простейшем своем выражении кредит представляет собою хорошо или худо обоснованное доверие, в силу которого одно лицо доверяет другому известную сумму капитала в деньгах или в товарах, оцененных в известной денежной стоимости, каковая сумма всегда подлежит возврату по истечении определенного срока. Если капитал ссужается в виде денег, т. е. в виде банкнот, или кредита наличными, или путем перевода на корреспондента, то за пользование капиталом дополнительно начисляется столько-то процентов на подлежащую возврату сумму. При предоставлении же кредита товарами, денежная стоимость которых устанавливается участниками сделки и передача которых обозначает продажу, установленная сумма, которая должна быть уплачена, включает в себя вознаграждение за пользование капиталом и за риск, перенимаемый до истечения срока. Письменные платежные обязательства с определенным сроком платежа обыкновенно выдаются для таких кредитов. И эти допускающие передачу обязательства, или промессы, образуют средство, при помощи которого

заимодавцы, если им предоставляется случай употребить свой капитал в форме денег или товаров, в большинстве случаев оказываются в состоянии еще до истечения срока этих векселей дешевле занять или купить, так как их собственный кредит укрепляется кредитом другой подписи на векселе» («Inquiry into the Currency Principle», стр. 87).

Ch. Coquelin: «Du Crédit et des Banques dans l'Industrie», «Revue des deux Mondes» 1842, т. XXXI [стр. 797]: «Во всякой стране большинство кредитных сделок исполняется в самой сфере промышленных отношений... Производитель сырья авансирует его перерабатывающему последнее фабриканту и получает с него платежные обязательства с определенным сроком платежа. Исполнив свою часть работы, фабрикант, в свою очередь, на подобных же условиях авансирует свой продукт другому фабриканту, который должен подвергнуть его дальнейшей переработке, и таким образом кредит распространяется все дальше от одного лица к другому, вплоть до потребителя. Оптовый торговец авансирует товар розничному, а сам он получает товар в кредит от фабриканта или посредника. Каждый занимает одной рукой и ссужает другой иногда деньги, но много чаще продукты. Таким путем осуществляется в промышленных делах беспрерывный обмен ссуд, комбинирующихся и перекрещивающихся во всех направлениях. Именно в умножении и росте этих взаимных ссуд состоит развитие кредита, и здесь истинное местопребывание его могущества».

Другая сторона кредита примыкает к развитию торговли деньгами, которое в капиталистическом производстве, конечно, идет параллельно с развитием товарной торговли. В предыдущем отделе (гл. XIX) мы уже видели, как в руках торговцев деньгами концентрируется хранение принадлежащих коммерсантам резервных фондов, технические операции по приему и платежу денег, по международным платежам, а вместе с тем и торговля слитками. В связи с этой торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела — управление приносящим проценты капиталом или денежным капиталом как особая функция торговцев деньгами. Заем и ссуда денег становятся их особым делом. Торговцы деньгами выступают как посредники между действительным кредитором и заемщиком денежного капитала. Говоря вообще, банкирское дело с этой стороны состоит в том, чтобы концентрировать большими массами в своих руках ссужаемый денежный капитал, так что вместо отдельного ссужающего лица промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители всех лиц, ссужающих деньги. Они становятся общими управителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем ссужающим они концентрируют заемщиков, так как они берут взаймы для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала, кредиторов, с другой — централизацию заемщиков. Его прибыль, вообще говоря, состоит в том, что он берет взаймы из более низких процентов, чем отдает взаймы.

Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к ним многообразными путями. Прежде всего, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках концентри-

руется денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды превращаются таким образом в ссудный денежный капитал. Благодаря этому резервный фонд торгового мира сводится к необходимому минимуму, так как он концентрируется как общественный, и часть денежного капитала, которая иначе бездействовала бы в качестве резервного фонда, отдается в ссуду, функционирует как капитал, приносящий проценты. Во-вторых, ссудный капитал банков образуется из вкладов денежных капиталистов, предоставляющих банкам отдачу их взаймы. С развитием системы банков, а именно, как только они начинают платить проценты по вкладам, в них вкладываются, далее, денежные сбережения и временно незанятые деньги всех классов. Мелкие суммы, сами по себе неспособные действовать как денежный капитал, объединяются в большие массы и таким образом вырастают в денежную силу. Это собирание мелких сумм, как особый результат банковой системы, следует отличать от ее посреднической роли между собственно денежными капиталистами и заемщиками. Наконец, в банках депонируются и доходы, которые предполагается потреблять лишь постепенно.

Кредитование (здесь мы имеем дело только с собственно торговым кредитом) производится посредством учета векселей — превращения их в деньги до истечения их срока — и посредством ссуд в различных формах: прямой ссуды по личному кредиту, ломбардных ссуд под залог процентных бумаг, государственных фондов, всякого рода акций, в особенности же путем ссуд под накладные, доковые варранты и другие засвидетельствованные документы о праве собственности на товары, под вклады и т. п.

Кредит же, оказываемый банкиром, может быть оказан в различных формах, напр. векселями на другие банки, чеками на них, открытием кредита того же рода, наконец, — у банков, имеющих права на выпуск банкнот, — собственными банкнотами банка. Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель во всякое время может получить деньги и которым банкир замещает частные векселя. Последняя форма кредита кажется профану особенно поразительной и важной, во-первых, потому что этого рода кредитные деньги переходят из простого торгового обращения в общее обращение и здесь функционируют как деньги; а также и потому, что в большинстве стран главные банки, выпускающие банкноты, представляя собою удивительное смешение национального банка и частного банка, в действительности имеют за собой национальный кредит, а их банкноты являются в большей или меньшей степени законным платежным средством; потому что здесь становится явным, что именно кредит есть то, чем торгует банкир, так как банкнота представляет только кредитный знак, находящийся в обращении. Но банкир

торгует кредитом и во всех других формах, даже когда дает наличными в ссуду депонированные у него деньги. В действительности банкнота составляет лишь монету для оптовой торговли — самое же важное значение для банков всегда имеют вклады. Лучшее тому доказательство дают шотландские банки.

Для наших целей нет надобности подробнее рассматривать особые виды кредитных учреждений, как и особые формы банков:

«Банкирское дело... может быть разделено на двоякого рода операции: ...1) *Собирать* капитал с тех, кто не находит для него непосредственного применения, и распределять его или передавать тем, кто может его применить. 2) Принимать вклады из *доходов* своих клиентов и выплачивать им суммы, необходимые для расходов на предметы потребления. Первое есть обращение *капитала,* последнее — обращение *средств обращения* (currency)». — «Первый род операций есть сосредоточение капитала, с одной стороны, и распределение его, с другой; второй — регулирование обращения для местных надобностей округи». *Tooke:* «Inquiry into the Currency Principle», стр. 36, 37. К этому месту мы вернемся в гл. XXVIII.

«Reports of Committees», т. VIII. «Commercial Distress», т. II, ч. I, 1847—1848. Протоколы показаний. — (В дальнейшем цитируются как «Commercial Distress» 1847—1848.) В сороковых годах при учете векселей в Лондоне в бесчисленных случаях принимали вместо банкнот векселя одного банка на другой сроком в 21 день. (Показание Дж. Пииза, провинциального банкира, №№ 4636 и 4645.) Согласно тому же отчету, банкиры имели обыкновение, когда деньги становились редки, регулярно производить платежи своим клиентам такими векселями. Если получатель хотел банкнот, он должен был вновь учесть этот вексель. Таким образом банки как бы получили привилегию делать деньги. Господа Джонс, Лойд и К° платили таким способом «с незапамятных времен», раз деньги становились редки и процент превышал 5%. Клиент охотно принимал такие банковские векселя, потому что векселя фирмы Джонс, Лойд и К° можно было легче учесть, чем свои собственные; при этом векселя эти часто проходили через 20—30 рук (там же, №№ 901—904, 905, 992).

Все эти формы служат к тому, чтобы сделать передаваемым право на получение платежа. «Едва ли найдется хоть одна форма кредита, в которой по временам ему не приходилось бы выполнять функции денег; является ли этой формой банкнота, вексель или чек, процесс остается по существу тот же, и результат остается по существу один и тот же». — *Fullarton:* «On the Regulation of Currencies», 2-е изд., London 1845, стр. 38. — «Банкноты — это разменные деньги кредита» (стр. 51).

Последующее взято из книги: *J. W. Gilbart:* «The History and Principles of Banking». London 1834: «Капитал банка состоит из двух частей — основного капитала (invested capital) и банкового капитала (banking capital), взятого в ссуду» (стр. 117). «Банковый, или занятый, капитал получается тремя способами: 1) принятием вкладов, 2) выпуском собственных банкнот, 3) выдачей векселей. Если кто-нибудь согласен мне ссудить бесплатно 100 ф. ст. и я отдам взаймы эти 100 ф. ст. другому из 4%, то сделка эта принесет мне в конце года 4 ф. ст. прибыли. Равным образом, если кто-нибудь согласен принять мое обещание уплаты (I promise to pay — я обещаюсь уплатить — обычная формула английских банкнот), вернуть его в конце года и уплатить мне за это 4%, как будто я ему ссудил 100 ф. ст., то на этой сделке я получу прибыли 4 ф. ст.; и опять-таки, если кто-нибудь в маленьком провинциальном городке принесет мне 100 ф. ст. под условием, чтобы я уплатил эту сумму в Лондоне третьему лицу 21 день спустя, всякий процент, который мне удастся выручить с этих денег в промежуточное время, составит мою прибыль. Такова соответствующая делу суть операций банка и того пути, которым создается

банковый капитал посредством вкладов, банкнот и векселей» (стр. 117). «Прибыль банкира по общему правилу пропорциональна сумме полученного им взаймы или банкового капитала. Чтобы определить действительную прибыль банка, необходимо вычесть из валовой прибыли процент на основной капитал. Остаток и составит банковую прибыль» (стр. 118). «*Ссуды, выдаваемые банкиром своим клиентам, производятся деньгами других людей*» (стр. 146). «Именно банкиры, не выпускающие банкнот, создают банковый капитал путем учета векселей. Они увеличивают свои вклады посредством своих дисконтных операций. Лондонские банкиры учитывают векселя только тех фирм, которые имеют у них текущий счет» (стр. 119). «Фирма, учитывающая векселя у своего банка и платящая проценты на всю сумму этих векселей, должна по меньшей мере часть этой суммы оставить в руках банка, не получая за нее процентов. Таким путем банкир получает на ссуженные им деньги процент выше текущего и создает себе банковый капитал за счет того остатка, который остается в его руках» (стр. 120). — Об экономии резервных фондов, вкладов, чеков: «Депозитные банки посредством перевода долгов достигают экономии в употреблении средств обращения и с небольшими суммами действительных денег выполняют сделки на большие суммы. Освободившиеся таким образом деньги банкир употребляет на ссуду своим клиентам посредством учета и т. д. Поэтому перевод долгов повышает эффективность депозитной системы» (стр. 123). «Безразлично, имеют ли оба клиента, ведущие между собой дела, счет у одного и того же или у различных банкиров. Потому что банкиры размениваются своими чеками в clearing house [расчетной палате]. Посредством перевода долгов депозитная система могла бы достигнуть такого распространения, что совсем вытеснила бы употребление металлических денег. Если бы каждый имел у банка текущий счет и производил все свои платежи посредством чеков, эти чеки сделались бы единственным средством обращения. В этом случае следовало бы предполагать, что деньги находятся в руках банкиров, иначе чеки не имели бы никакой цены» (стр. 124). Централизация местного обращения в руках банков производится: 1) посредством филиальных банков. Провинциальные банки имеют отделения в мелких городах своего округа; лондонские банки — в различных городских кварталах Лондона. 2) Посредством агентур. «Всякий провинциальный банк имеет своего агента в Лондоне, чтобы там платить по своим банкнотам или векселям и получать деньги, вносимые жителями Лондона на счета лиц, живущих в провинции» (стр. 127). Каждый банкир собирает банкноты другого банка и не выдает их. В каждом более крупном городе банкиры собираются раз или два раза в неделю и обмениваются своими банкнотами. Сальдо оплачивается переводом на Лондон (стр. 134). «Назначение банков — облегчать коммерческие операции. Все, что облегчает коммерцию, облегчает и спекуляцию. Коммерция и спекуляция во многих случаях так тесно связаны друг с другом, что трудно сказать, где кончается коммерция и где начинается спекуляция... Всюду, где существуют банки, легче и дешевле получить капитал. Дешевизна капитала стимулирует спекуляцию, подобно тому как дешевизна мяса и пива стимулирует прожорливость и пьянство» (стр. 137, 138). «Так как банки, выпускающие собственные банкноты, постоянно расплачиваются этими банкнотами, то может показаться, будто их учетные операции совершаются исключительно посредством капитала, полученного таким путем; но это не так. Банкир может, конечно, оплатить все учтенные им векселя своими собственными банкнотами, и тем не менее $^9/_{10}$ находящихся в его портфеле векселей могут представлять действительный капитал. Потому что, хотя он сам выдал за эти векселя только свои бумажные деньги, однако нет необходимости в том, чтобы они оставались в обращении до истечения срока векселей. До истечения срока векселей может оставаться еще три месяца, а билеты могут возвратиться через три дня» (стр. 172). «Покрытие счетов клиентами есть нормальная деловая операция. В действительности ради этой цели обеспечивается наличный кредит... Наличные кредиты

обеспечиваются не только личной гарантией, но и депонированием ценных бумаг» (стр. 174, 175). «Капитал, ссуженный под залог товаров, имеет то же действие, что и капитал, ссуженный при учете векселей. Если кто-нибудь берет взаймы 100 ф. ст. под обеспечение своего товара, то это то же самое, как если бы он продал товар за вексель в 100 ф. ст. и затем учел его у банкира. Но ссуда дает ему возможность придержать товар до лучших цен и тем избегнуть жертв, которые он иначе должен был бы понести, чтобы получить деньги на неотложные дела» (стр. 180, 181).

«The Currency Theory Reviewed etc.». [Edinburgh 1845], стр. 62, 63: «Бесспорная истина, что 1 000 ф. ст., которые сегодня я депонировал у *A*, завтра будут снова выданы и составят вклад у *B*. Послезавтра они могут быть снова выданы *B*, депонированы у *C* и так далее до бесконечности. Следовательно, одна и та же 1 000 ф. ст. денег посредством ряда передач может умножиться до абсолютно неопределенной суммы вкладов. Поэтому возможно, что *девять десятых всех вкладов в Англии вовсе не существуют вне бухгалтерских рубрик в книгах банкиров,* каждый из которых зато настаивает на том, что его-то часть существует... Так, в Шотландии, где находящиеся в обращении деньги» (к слову сказать, почти исключительно бумажные деньги!) «никогда не превышают 3 миллионов ф. ст., вклады составляют 27 миллионов. Пока не наступит всеобщее неожиданное истребование вкладов (a run on the banks), одна и та же 1 000 ф. ст., странствуя туда и сюда, может с такой же легкостью покрыть столь же неопределенную сумму. Так как те же 1 000 ф. ст., которыми я плачу сегодня мой долг коммерсанту, завтра покроют его долг другому купцу, а послезавтра долг банку и так далее до бесконечности, то одни и те же 1 000 ф. ст. могут переходить из рук в руки, от банка к банку, покрывая самую крупную сумму вкладов».

{Как мы видели, Джильбэрт уже в 1834 г. понимал, что «все, что облегчает коммерцию, облегчает и спекуляцию. Коммерция и спекуляция во многих случаях так тесно связаны друг с другом, что трудно сказать, где кончается коммерция и где начинается спекуляция». Чем легче можно получить ссуду под непроданные товары, тем больше берется таких ссуд, тем сильнее искушение усилить производство товаров или выбросить на отдаленные рынки уже произведенные товары, — только бы получить под них денежную ссуду. Яркий пример того, как весь торговый мир страны может быть охвачен подобной горячкой и чем она кончается, дает нам история английской торговли 1845—1847 гг. Здесь можно видеть, что̀ может сотворить кредит. В пояснение дальнейших примеров — несколько предварительных кратких замечаний.

В конце 1842 г. угнетение, тяготевшее над английской промышленностью почти непрерывно с 1837 г., стало ослабевать. В два следующие года спрос из-за границы на товары английской промышленности еще больше повысился; 1845—1846 гг. были периодом высшего процветания. Война из-за ввоза опиума в 1843 г. открыла английской торговле Китай. Новый рынок дал новый толчок и без того бурному подъему, в особенности хлопчатобумажной промышленности. «Как можем мы производить слишком много? Нам предстоит одеть 300 миллионов человек», говорил тогда автору этих строк один манчестерский фабрикант. Но всех этих вновь построенных фабричных зданий, паровых и прядильных

машин и ткацких станков было недостаточно для того чтобы поглотить потоком притекавшую прибавочную стоимость Ланкашира. С той же страстностью, с какой расширяли производство, кинулись на постройку железных дорог; жажда спекуляции, охватившая фабрикантов и купцов, нашла себе удовлетворение прежде всего здесь, именно — уже с лета 1844 г. Подписывались на акции насколько хватало сил, т. е. насколько хватало денег на покрытие первых взносов; для дальнейших взносов средства найдутся! Но, когда наступил срок дальнейших платежей, — согласно вопросу 1059 «Commercial Distress» 1848—1857, сумма капиталов, вложенных в 1846—1847 гг. в железные дороги, достигла 75 миллионов ф. ст., — пришлось прибегнуть к помощи кредита, и собственным предприятиям фирм по большей части тоже приходилось поплатиться за это.

А собственные предприятия были в большинстве случаев уже перенапряжены. Заманчивая высокая прибыль соблазнила на более широкое распространение операций, чем это позволяли имевшиеся в распоряжении свободные средства. Но к услугам был кредит, легко доступный и, кроме того, дешевый. Банковый дисконт стоял низко: в 1844 г. $1^3/_4$—$2^3/_4$%, в 1845 г. до октября ниже 3%, затем на некоторое время повысился до 5% (февраль 1846), чтобы снова упасть до $3^1/_4$% в декабре 1846 г. В кладовых Английского банка накопился золотой запас неслыханного размера. Все отечественные биржевые ценности стояли так высоко, как никогда прежде. Итак, зачем же упускать удобный случай, почему бы быстро не взяться за дело? Почему бы не послать на иностранные рынки, жаждущие английских фабрикатов, все товары, какие только можно произвести? И почему бы самому фабриканту не заполучить двойную прибыль — от продажи пряжи и тканей на Дальнем Востоке и от обратной продажи в Англии полученных за них товаров?

Так возникла система массовых отправок товаров на консигнацию под аванс в Индию и Китай, очень скоро развившаяся в систему отправок на консигнацию исключительно ради авансов, как это подробно изображено в нижеследующих заметках, и неизбежно окончившаяся массовым переполнением рынков и крахом.

Крах этот разразился вследствие неурожая 1846 г. Англия и особенно Ирландия нуждались в огромном привозе пищевых продуктов, в особенности хлеба и картофеля. Но странам, доставлявшим эти продукты, лишь в самой ничтожной доле можно было платить за них продуктами английской промышленности; необходимо было расплачиваться благородным металлом: по меньшей мере 9 миллионов золота ушло за границу. Из этой суммы целых $7^1/_2$ миллионов золота было взято из наличных запасов Английского банка, благодаря чему свобода действий банка на денежном рынке была чувствительно парализована; прочие банки,

резервы которых помещались в Английском банке и фактически были тожественны с резервами этого последнего, точно так же должны были ограничить свои денежные операции; быстро и легко направлявшийся в банк поток платежей приостановился сначала в отдельных местах, потом повсеместно. Банковый дисконт, стоявший еще в январе 1847 г. на высоте 3—$3^1/_2$%, поднялся в апреле, когда разразился первый приступ паники, до 7%; затем летом снова наступило слабое преходящее облегчение ($6^1/_2$%, 6%), но лишь только выяснился новый неурожай, разразилась новая, еще более сильная паника. Официальный минимальный дисконт Английского банка поднялся в октябре до 7, в ноябре — до 10%, другими словами, огромное большинство векселей можно было учесть только под колоссальные ростовщические проценты или вовсе нельзя было учесть; всеобщая приостановка платежей привела к банкротству ряда первоклассных фирм и многого множества средних и мелких; самому Английскому банку угрожала опасность неизбежного краха вследствие ограничений, возложенных на него хитроумным Банковым актом 1844 г., — тогда правительство, по всеобщему настоянию, приостановило 25 октября действие Банкового акта и тем устранило абсурдные оковы, наложенные на банк законом. Теперь банк мог уже беспрепятственно вводить в обращение свой запас банкнот; так как кредит этих банкнот фактически обеспечивался кредитом нации, следовательно не был потрясен, то вместе с тем немедленно наступило решительное облегчение стеснения с деньгами; разумеется, еще обанкротилось множество крупных и мелких безнадежно зарвавшихся фирм, но высшее напряжение кризиса было уже пережито, банковый учет упал в сентябре снова до 5%, и уже в течение 1848 г. было подготовлено то новое оживление в делах, которое сорвало в 1849 г. дальнейший подъем революционных движений на континенте, в пятидесятых же годах привело сперва к неслыханному дотоле промышленному процветанию, а вслед за ним — к краху 1857 г.— *Ф. Э.*}

I. О колоссальном обесценении государственных бумаг и акций в течение кризиса 1847 г. дает указания документ, изданный палатой лордов в 1848 г. Согласно этим сведениям, падение ценности бумаг по сравнению с февралем того же года составляло 23 октября 1847 г.:

На английские государственные бумаги	93 824 217	ф. ст.
» акции доков и каналов	1 358 288	» »
» железнодорожные акции	19 579 820	» »
Итого	114 762 325	ф. ст.

II. «Manchester Guardian» 24 ноября 1847 г. сообщает следующее о мошенничествах в ост-индской торговле, где не векселя выписывались потому, что был куплен товар, а покупали товар затем, чтобы иметь возможность выписать вексель, который можно было бы учесть, превратить в деньги:

A в Лондоне при посредстве *B* покупает товар у манчестерского фабриканта *C* для погрузки на корабль в адрес *D* в Ост-Индию. *B* рассчитывается

с *C* шестимесячным векселем, выписанным лицом *C* на *B*. *B*, в свою очередь, покрывается шестимесячным векселем на *A*. Как только товар погружен на корабль, *A*, в свою очередь, выписывает под накладную шестимесячный переводный вексель на *D*. «Таким образом оба, и покупатель и отправитель, располагают фондами на много месяцев раньше, чем действительно оплатят товары; и весьма часто векселя эти по истечении срока возобновлялись под тем предлогом, что при такой длительной сделке необходимо дать время на ее реализацию. Но, к сожалению, потери на такого рода сделках ведут не к ограничению этих сделок, а, напротив, как раз к их распространению. Чем беднее становились участники, тем сильнее делалась для них потребность покупать, чтобы таким образом возместить в новых ссудах утерянный при прежних спекуляциях капитал. Закупки уже не регулировались спросом и предложением, они становились главнейшей финансовой операцией какой-нибудь определенной фирмы. Но это лишь одна сторона дела. Что творилось здесь с экспортом мануфактурных товаров, то происходило и там с закупкой и отправкой продуктов. Торговые дома в Индии, пользовавшиеся достаточным кредитом, чтобы учесть свои векселя, закупали сахар, индиго, шелк или хлопок — не потому, что покупные цены обещали прибыль против последних лондонских цен, а потому, что прежним траттам на лондонскую фирму скоро истекал срок и их нужно было покрыть. Так чего же проще: купить груз сахара, заплатить за него десятимесячным векселем на лондонскую фирму и отправить накладную почтой в Лондон? Меньше чем через два месяца накладная на эти едва только погруженные товары, а с ней и сами товары закладывались на Ломбард Стрит, и лондонская фирма получала на руки деньги за восемь месяцев до истечения срока выданных за товар векселей. И все это шло гладко, без всяких перебоев или затруднений, пока дисконтирующие фирмы находили в изобилии деньги для того, чтобы ссужать их под накладные и доковые варранты и учитывать на неограниченные суммы векселя индийских торговых домов у «солидных» фирм на Минсинг Лэн».

{Эта мошенническая процедура практиковалась во-всю до тех пор, пока товары из Индии и в Индию должны были на парусных судах огибать мыс Доброй Надежды. С тех пор, как товары направляются через Суэцкий канал и притом на пароходах, этот способ фабриковать фиктивный капитал потерял под собой такую основу, как продолжительность перевозки товаров. А с тех пор, как телеграф в тот же самый день оповещает английского купца о состоянии индийского рынка и индийского торговца о состоянии английского рынка, этот метод стал совершенно невозможным. — *Ф. Э.*}

III. В цитированном уже отчете «Commercial Distress» 1847—1848 приводится следующее: «В последнюю неделю апреля 1847 г. Английский банк известил Royal Bank of Liverpool, что с этого числа он наполовину сокращает учетную операцию с последним. Сообщение это произвело очень скверное действие, потому что платежи в Ливерпуле за последнее время гораздо больше производились векселями, чем наличными, и потому что купцы, обычно приносившие банку много наличных денег, чтобы оплатить ими свои акцепты, в последнее время могли принести только векселя, ими самими полученные за их хлопок и другие продукты. Явление это сильно распространилось, а с ним увеличились и затруднения в делах. Акцепты, которые должен был оплатить банк за купцов, по большей части выдавались за границей и до сего времени обыкновенно покрывались платежами, полученными за продукты. Векселя, доставлявшиеся теперь купцами вместо прежних наличных денег, были различных сроков и различного рода; значительную их часть составляли банковые векселя на три месяца dato; большое количество векселей составляли векселя под хлопок. Векселя эти акцептировались лондонскими банкирами, если они были банковыми векселями, в противном же случае — всякого рода купцами, бразильскими, американскими, канадскими, вест-индскими и т. д. фирмами. Купцы не выдавали векселей друг на друга, а клиенты внутри страны, покупавшие продукты в Ливерпуле, оплачивали

их векселями на лондонские банки, или векселями на другие фирмы в Лондоне, или векселями на какое-нибудь лицо. Объявление Английского банка привело к тому, что был сокращён срок для векселей под проданные иностранные товары, обыкновенно превышавший три месяца» (стр. 26, 27).

Период процветания 1844—1847 гг. в Англии, как указано выше, был связан с первой крупной железнодорожной горячкой. О ее влиянии на торговые дела вообще названный отчет сообщает следующее: «В апреле 1847 г. почти все торговые фирмы стали более или менее обессиливать свои предприятия (to starve their business), помещая часть своего торгового капитала в железные дороги (стр. 42). — Под железнодорожные акции заключались и займы из высоких процентов, напр. из 8%, у частных лиц, банкиров и страховых обществ (стр. 66). Ссужая такие огромные суммы железным дорогам, эти торговые фирмы, в свою очередь, были вынуждены брать у банков посредством учета векселей слишком много капитала, чтобы на эти деньги продолжать ведение своего собственного дела» (стр. 67). — (Вопрос:) «Можете ли вы утверждать, что платежи по железнодорожным акциям сильно способствовали угнетению, господствовавшему» (на денежном рынке) «в апреле и октябре» (1847 г.)? (Ответ:) — «Я полагаю, что едва ли они оказывали какое-либо влияние на угнетение в апреле. Я думаю, что платежи до апреля и, пожалуй, вплоть до лета скорее подкрепляли, чем ослабляли банкиров. Потому что действительное применение денег отнюдь не производилось так быстро, как поступали платежи; вследствие этого большинство банков имело в своих руках в начале года довольно значительную сумму железнодорожных фондов». (Это подтверждается многочисленными показаниями банкиров в комиссии. «С. D.» 1848—1857.) «Сумма эта летом мало-помалу растаяла и к 31 декабря была значительно меньше. Одной из причин угнетения в октябре было постепенное уменьшение железнодорожных фондов в распоряжении банков; между 22 апреля и 31 декабря железнодорожные сальдо в наших руках сократились на треть. Такое влияние имели платежи по железнодорожным акциям по всей Великобритании, мало-помалу они высосали вклады банков» (стр. 43, 44). — То же говорит и Сэмюель Гарней (глава знаменитой фирмы Overend Gurney and C°): «В 1846 г. был значительно больший спрос на капиталы для железных дорог, но он не повысил ставки процента. Произошло слияние мелких сумм в крупные массы, и эти крупные массы были затрачены на нашем рынке; так что в общем результат был таков, что на денежный рынок в Сити выбрасывалось больше денег, обратно же они не так скоро извлекались» [стр. 159].

А. Ходжсон, директор ливерпульского Joint Stock Bank, показывает, насколько векселя могут служить банкирам в качестве резервов: «У нас было правило по меньшей мере $^9/_{10}$ всех наших вкладов и все деньги, полученные нами от других лиц, хранить в нашем портфеле в векселях, срок которым истекал изо дня в день... настолько, что во время кризиса сумма ежедневно истекавших векселей почти равнялась сумме требований об уплате, ежедневно предъявлявшихся к нам» (стр. 53).

Спекулятивные векселя. — (№ 5092.) «Кем главным образом акцептировались векселя» (за проданный хлопок)? — (Р. Гарднер, неоднократно упоминавшийся в настоящей работе хлопчатобумажный фабрикант): «Товарными маклерами; торговец покупает хлопок, передает его маклеру, выписывает вексель на этого маклера и учитывает вексель». — (№ 5094.) «И эти векселя направляются в ливерпульские банки и учитываются там?» — «Да, а также и в других местах... Не будь этих операций, на которые пошли главным образом ливерпульские банки, хлопок в прошлом году был бы, по моему мнению, дешевле на $1^1/_2$ или 2 пенса за фунт». — (№ 600.) «Вы сказали, что в обращении находилось огромное количество векселей, выставленных спекулянтами на хлопковых маклеров в Ливерпуле; относится ли то же самое к вашим ссудам под векселя за другие колониальные продукты, кроме хлопка?» — (А. Ходжсон, ливерпульский банкир): «Это касается всех видов

колониальных продуктов, особенно же хлопка». — (№ 601.) «Стремитесь ли вы как банкир держаться в стороне от векселей этого рода?» — «Нисколько, мы считаем их совершенно законными векселями, если иметь их в умеренном количестве... По векселям этого рода часто дается отсрочка».

Жульнические махинации на ост-индско-китайском рынке в 1847 г. — Показание Чарльза Тэрнера (главы одной из первоклассных ост-индских фирм в Ливерпуле): «Все мы знаем случаи, имевшие место с операциями на острове Маврикия и в тому подобных делах. Маклеры привыкли брать ссуду под товары не только по их прибытии на покрытие векселей, выданных за эти товары, что вполне в порядке вещей, и ссуды под накладные, но они брали ссуды под продукт, прежде чем он погружен, а в некоторых случаях — прежде чем он произведен. Например, в одном конкретном случае я купил в Калькутте векселей на 6 000 — 7 000 ф. ст.; выручка от этих векселей пошла на Маврикий на содействие культуре сахара; векселя прибыли в Англию, и более половины их было там опротестовано; когда же, наконец, прибыл груз сахара, которым должны были быть оплачены векселя, то оказалось, что сахар этот уже был заложен третьим лицам, прежде чем он был погружен, в действительности даже почти раньше, чем он был произведен» (стр. 78). «За товары для ост-индского рынка приходится теперь платить фабриканту наличными; но это ничего не значит, так как, если покупатель пользуется в Лондоне каким-нибудь кредитом, он выставляет вексель на Лондон и учитывает его в Лондоне, где дисконт стоит теперь низко; полученными таким образом деньгами он расплачивается с фабрикантом... проходит по меньшей мере двенадцать месяцев, пока отправитель товаров в Индию не получит оттуда своей выручки;... человек с 10 000 или 15 000 ф. ст., начинающий операции с Индией, добьется на значительную сумму кредита у лондонской фирмы; этой фирме он будет платить 1% и выдавать на нее векселя под условием, что выручка от проданных в Индию товаров будет прислана лондонской фирме; при этом обе стороны молчаливо вступают в соглашение, что лондонская фирма не должна выдавать действительной ссуды наличными деньгами, т. е. что векселя будут пролонгированы, пока не прибудут вырученные деньги. Векселя дисконтировались в Ливерпуле, Манчестере, Лондоне; некоторые из них находятся во владении шотландских банков» (стр. 79). — (№ 730.) «Вот фирма, недавно обанкротившаяся в Лондоне; при исследовании книг оказалось следующее: существовала одна фирма в Манчестере и другая в Калькутте; они открыли кредит у лондонской фирмы на 200 000 ф. ст.; т. е. клиенты этой манчестерской фирмы, посылавшие фирме в Калькутте из Глазго и Манчестера товары на консигнацию, трассировали на лондонскую фирму в сумме до 200 000 ф. ст.; в то же время устанавливалось соглашение, что калькуттская фирма выдаст векселей на лондонскую фирму тоже на 200 000 ф. ст.; векселя эти были проданы в Калькутте, на вырученные деньги были куплены другие векселя, и эти последние были отправлены в Лондон, чтобы дать возможность лондонской фирме уплатить по первым векселям, выданным в Глазго или Манчестере. Таким образом благодаря одной этой операции было выпущено в свет векселей на 600 000 ф. ст.». — (№ 971.) «В настоящее время, если фирма в Калькутте покупает корабельный груз» (для Англии) «и расплачивается за него своей собственной траттой на своего лондонского корреспондента и накладные отправляются сюда, то эти накладные тотчас пускаются им в дело для получения ссуды на Ломбард Стрит; следовательно, торговый дом может в течение восьми месяцев пользоваться деньгами, прежде чем его корреспонденту придется уплатить по векселям».

IV. В 1848 г. заседала секретная комиссия палаты лордов для исследования причин кризиса 1847 г. Свидетельские показания, данные перед этой комиссией, были, однако, опубликованы только в 1857 г. («Minutes of Evidence, taken before the Secret Committee of the H. of L. appointed to inquire into the Causes of Distress и т. д.» 1857; нами цитируется: «C. D.» 1848/57). В этой

комиссии управляющий Union Bank of Liverpool, г. Листер, сказал, между прочим, следующее:

(2444.) «Весной 1847 г. кредит получил неслыханное расширение, потому что коммерсанты переводили свой капитал из собственных предприятий в железные дороги и тем не менее хотели продолжать свое дело в прежних размерах. Каждый, вероятно, думал вначале, что ему удастся продать с прибылью железнодорожные акции и таким образом вернуть деньги в дело. Увидев, может быть, что это невозможно, они стали для своих предприятий брать кредит там, где раньше расплачивались наличными. Отсюда и возникло расширение кредита».

(2500.) «Векселя эти, на которых банки, их принявшие, потерпели убытки, были ли эти векселя главным образом за хлеб или хлопок?»... «Векселя эти были за продукты всякого рода, хлеб, хлопок и сахар и всякого рода продукты. В то время не было ни одного продукта, — за исключением, быть может, масла, — который не упал бы в цене». — (2506.) «Маклер, акцептирующий вексель, не акцептирует его без достаточного покрытия, в том числе и на случай падения цен на товар, служащий покрытием».

(2512.) «За продукты выдаются двоякого рода векселя. К первому роду принадлежит первоначальный вексель, выданный извне на импортера... Сроки векселей, выдаваемых таким образом за продукты, нередко истекают до прибытия продуктов. Поэтому купец, если прибудет товар и у него нет достаточно капитала, должен заложить товар у маклера, пока не удастся продать его. Тогда немедленно выдается другого рода вексель ливерпульским купцом на маклера, под обеспечение того товара... тогда уже дело банкира осведомиться у маклера, есть ли у него товар и сколько дал он под него ссуд. Он должен убедиться, что маклер имеет покрытие, чтоб поправить дело в случае убытков».

(2516.) «Мы получаем также векселя из-за границы. Кто-нибудь покупает за границей вексель на Англию и посылает его в английскую фирму; мы не можем видеть по векселю, выдан ли он разумно или неразумно, представляет ли он товар или ветер».

(2533.) «Вы сказали, что иностранные продукты почти всех родов были проданы с большими убытками. Думаете ли вы, что это было следствием неоправдываемой спекуляции с этими продуктами?» — «Убытки произошли от слишком большого привоза, между тем как не было соответствующего потребления, которое поглотило бы его. По всей видимости, потребление очень сильно понизилось». — (2534.) «В октябре... продуктов почти нельзя было продать».

О том, как в момент высшего развития катастрофы раздается всеобщий крик sauve qui peut [спасайся, кто может], об этом говорит в том же отчете первоклассный знаток — достопочтенный бывалый квакер Сэмюель Гарней, глава фирмы Overend Gurney and C°: (1262.) «Когда царит паника, деловой человек не спрашивает себя, по какой цене может он поместить свои банкноты, потеряет ли он 1 или 2% на продаже своих сертификатов или трехпроцентной ренты. Раз он находится под влиянием страха, его не интересует ни прибыль, ни убыток; он старается обезопасить себя самого, все остальные пусть делают, что хотят».

V. О взаимном переполнении обоих рынков г. Александер, купец, участвующий в ост-индской торговле, показал следующее перед комиссией Нижней палаты о Банковом акте 1857 г. (цитируется «B. C.» 1857): (4330.) «В настоящий момент, если я заплачу в Манчестере 6 шилл., я получу в Индии 5 шилл.; если же я заплачу в Индии 6 шилл., я получу в Лондоне 5 шилл.». Таким образом индийский рынок через Англию и английский через Индию переполняются в одинаковой мере. И именно такой случай имел место летом 1857 г. через неполных десять лет после горького опыта 1847 г.!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

НАКОПЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА; ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАВКУ ПРОЦЕНТА.

«В Англии происходит постоянное накопление все нового богатства, имеющее тенденцию принять в конечном счете денежную форму. Но вслед за желанием приобретать деньги наиболее настойчивым является желание снова освободиться от них путем какого-нибудь приложения, дающего проценты или прибыль, потому что деньги как деньги ничего не приносят. Поэтому, если одновременно с этим постоянным притоком избыточного капитала не происходит постепенного и достаточного расширения поля деятельности для него, мы должны быть подвержены периодическим накоплениям денег, ищущих приложения, причем эти накопления, смотря по обстоятельствам, могут быть более или менее значительны. В течение длинного ряда лет государственные займы были главным средством для высасывания избыточного богатства Англии. С того времени, как государственный долг достиг в 1816 г. своего максимума и больше уже не высасывает избыточного богатства, ежегодно оказывалась сумма по меньшей мере в 27 миллионов, ищущая для себя другого помещения. К тому же происходит возврат капиталов в различных видах... Предприятия, нуждающиеся для своего осуществления в крупных капиталах и от времени до времени отводящие избыток незанятого капитала... по крайней мере нашей стране абсолютно необходимы для того, чтобы отвлечь периодические накопления избыточного общественного богатства, которые в обычных отраслях приложения капиталов не могут найти себе места» («The Currency Theory Reviewed». London 1845, стр. 32—34). О 1845 г. там же говорится: «В течение очень короткого периода цены поднялись по сравнению с самым низшим пунктом депрессии... трехпроцентный государственный заем стоит почти al pari... золото в кладовых Английского банка превышает суммы, когда-либо накоплявшиеся там. На всякого рода акции стоят цены, почти никогда не слыханные, а процент так упал, что он почти номинален... Все это доказывает, что теперь в Англии снова налицо тягостное накопление незанятого богатства, что в недалеком будущем нам снова предстоит период спекулятивной горячки» (там же, стр. 36).

«Хотя ввоз золота не служит верным показателем прибылей во внешней торговле, однако, при отсутствии других показателей, он prima facie [прежде всего] отражает такую прибыль» (J. G. Hubbard: «The Currency and the Country». London 1843, стр. 40—41). «Предположим, что в период устойчивого благоприятного положения дел, прибыльных цен и достаточного денежного обращения вследствие плохого урожая необходим вывоз 5 миллионов золота и ввоз хлеба на ту же сумму. Обращение {это означает, как сейчас будет видно, не средства обращения, а незанятый денежный капитал. — *Ф. Э.*} сократится на ту же сумму. Сколько бы средств обращения ни имели частные лица, вклады купцов в их банках, сальдо банков у их денежных маклеров и резервы в кассах банков — все они сократятся, и непосредственным следствием этого уменьшения количества незанятого капитала явится повышение процента, скажем с 4 до 5%. Так как положение дел здоровое, доверие не будет потрясено, но кредит станет цениться выше» (там же, стр. 42). «Если все товарные цены понизятся, избыточные деньги обратно притекут в банки в форме увеличенных вкладов, избыток незанятого капитала понизит ставку процента до минимума, и это положение вещей будет продолжаться до тех пор, пока более высокие цены или торговое оживление не введут в дело бездействующие деньги или пока эти деньги не будут затрачены на покупку иностранных ценных бумаг или иностранных товаров» (стр. 68).

Дальнейшие выдержки снова взяты из парламентского отчета о Commercial Distress [торговом кризисе] 1847—1848 гг. — Вследствие неурожая и голода 1846—1847 гг. потребовался большой ввоз продовольственных продуктов. «Отсюда крупный перевес ввоза над вывозом... Отсюда значительный отлив денег из банков и усиленный наплыв к учетным маклерам лиц, вынужденных дисконтировать векселя; маклеры начинают строже принимать векселя. Открытый до сих пор кредит подвергся весьма серьезному ограничению, и среди слабых фирм начались крахи. Те, кто строил свои дела исключительно на кредите, окончательно разорились. Это усилило уже ранее ощущавшееся беспокойство; банкиры и другие увидели, что они не могут с такой уверенностью, как раньше, рассчитывать на превращение своих векселей и других ценных бумаг в банкноты, чтобы выполнить свои обязательства; они еще сильнее сократили кредит, часто вовсе прекращали его; во многих случаях они припрятывали свои банкноты для будущего покрытия своих собственных обязательств; они предпочитали вовсе не выпускать их. Беспокойство и смятение росли с каждым днем, и, не появись письмо лорда Джона Расселя, всеобщее банкротство было бы налицо» (стр. 74, 75). Письмо Расселя приостанавливало действие Банкового акта. — Вышеупомянутый Чарльз Тэрнер показал: «У некоторых фирм были большие сред-

ства, но они не были свободны. Весь их капитал крепко застрял в земельной собственности на острове Маврикия или на фабриках индиго и сахарных заводах. Некогда приняв обязательства на 500 000—600 000 ф. ст., они не имели свободных средств для расплаты по векселям, и в конце концов оказалось, что они могли платить по своим векселям лишь посредством своего кредита и лишь постольку, поскольку его хватало» (стр. 81). — Упоминавшийся С. Гарней показал: [1664.] «В настоящее время (в 1848 г.) наблюдается сокращение оборотов и большое изобилие денег». — (№ 1763.) «Я не думаю, чтобы недостаток капитала был причиной, которая так высоко погнала вверх ставку процента; то был страх (the alarm), трудность получить банкноты».

В 1847 г. Англия уплатила за границу по меньшей мере 9 миллионов ф. ст. золота за ввезенные пищевые продукты. Из них $7^1/_2$ миллионов взяты из Английского банка и $1^1/_2$ из других источников (стр. 245). — Моррис, управляющий Английским банком, заявил: [3800.] «23 октября 1847 г. государственные фонды и акции каналов и железных дорог были уже обесценены на 114 752 225 ф. ст.» (стр. 312). Тот же Моррис в ответ на вопрос лорда Дж. Бентинка показал: [3846.] «Не известно ли вам, что весь капитал, помещенный в ценные бумаги и продукты всякого рода, обесценился таким же образом, что сырье — хлопок-сырец, шелк-сырец, сырая шерсть, посылалось на континент по таким же чрезвычайно низким ценам и что... сахар, кофе и чай пошли с большими жертвами с аукционов?» — «Нация неизбежно должна была принести значительные жертвы, чтобы справиться с отливом золота, вызванным колоссальным ввозом пищевых продуктов». — [3848.] «Не думаете ли вы, что было бы лучше потревожить 8 миллионов фунтов стерлингов, лежащих в хранилищах банка, чем пытаться возвратить золото с такими жертвами?» — «*Нет, я не думаю этого*». — А вот комментарии к этому героизму. Дизраэли допрашивает господина В. Коттона, директора и бывшего управляющего Английским банком: «Как велик был дивиденд, полученный акционерами банка в 1844 г.?» — «7% годовых». — «А дивиденд 1847 г.?» — «9%». — «Уплачивает ли банк в текущем году подоходный налог за своих акционеров?» — «Конечно». — «Сделал ли это банк и в 1844 г.?» — «Нет»[83]. — «В таком случае, следовательно, этот Банковый акт (1844 г.) был весьма в интересах акционеров. Значит, результат таков, что со времени введения в действие нового закона дивиденд акционеров повысился с 7%

[83] То есть прежде сначала устанавливался дивиденд, и затем уже при выплате дивиденда удерживался с каждого акционера подоходный налог; после же 1844 г. сначала уплачивался налог со всей прибыли банка, а затем уже распределялся дивиденд «free of income Tax» [свободный от подоходного налога]. Следовательно, процент номинально один и тот же, во втором случае выше на сумму налога. — *Ф. Э.*

до 9%, и, кроме того, подоходный налог уплачивается теперь банком, тогда как прежде он должен был уплачиваться акционерами?» — «*Совершенно верно*». — (№№ 4356—4361.)

Мистер Пииз, провинциальный банкир, сообщает следующее относительно накопления запасов в банках во время кризиса 1847 г.: (4605.) «Так как банк был вынужден все более повышать свой процент, то опасения стали всеобщими; провинциальные банки увеличили свои денежные запасы, равно как и суммы банковых билетов; и многие из нас, которые, быть может, в обычное время держали у себя лишь несколько сот фунтов в золоте или в банкнотах, стали немедленно накоплять тысячи фунтов в денежных шкафах и конторках, так как господствовала полная неизвестность относительно дисконта и способности векселей обращаться на рынке, и таким образом последовало всеобщее накопление денежных запасов». Член комиссии замечает: (4691.) «Следовательно, какова бы ни была причина в течение последних 12 лет, результат во всяком случае был больше к выгоде ростовщика и торговца деньгами, чем к выгоде производительного класса вообще».

Как сильно эксплуатируют торговцы деньгами время кризиса, показывает Тук: «В металлическом производстве Уорвикшира и Стаффордшира многие заказы на товар в 1847 г. были аннулированы, потому что процент, который должен был платить фабрикант за учет своих векселей, больше чем поглотил бы всю его прибыль». (№ 5451.)

Возьмем теперь другой, уже ранее цитированный парламентский отчет: «Report of Select Committee on Bank Acts, communicated from the Commons to the Lords, 1857» (в дальнейшем цитируется как «B. C.» 1857). Вот что показывал на допросе г. Нормэн, директор Английского банка и главное светило среди сторонников currency principle:

(3635.) «Вы сказали, что держитесь того взгляда, что ставка процента зависит не от количества банкнот, а от спроса и предложения капитала. Не угодно ли вам будет пояснить, что разумеете вы под капиталом помимо банкнот и металлических денег?» — «Я полагаю, что обыкновенное определение капитала таково: это товары или услуги, употребляемые в производстве». — (3636.) «Все ли товары вы охватываете словом капитал, когда говорите о ставке процента?» — «Все товары, употребляемые в производстве». — (3637.) «Все это вы разумеете под словом капитал, когда говорите о ставке процента?» — «Да. Допустим, что хлопчатобумажному фабриканту требуется хлопок для своей фабрики; по всей вероятности, он раздобудет его таким образом, что возьмет ссуду у своего банкира и отправится с полученными таким образом банкнотами в Ливерпуль и купит хлопок. Что ему действительно требуется, так это хлопок; банкноты или золото ему требуются только как средство получить хлопок. Или, напр., ему требу-

ются средства для расплаты с рабочими; тогда он снова занимает банкноты и уплачивает ими заработную плату своим рабочим; рабочим, в свою очередь, требуется пища и квартира, и деньги являются средством платежа за них». — (3638.) «Но ведь процент платится за деньги?» — «Конечно, прежде всего; но возьмите другой случай. Допустим, что фабрикант покупает хлопок в кредит, не беря ссуды в банке; тогда разница между ценой за наличный расчет и ценой в кредит в момент окончания срока и будет мерой процента. Процент существовал бы, даже если бы вообще не было на свете денег».

Этот самодовольный вздор вполне достоин этого столпа currency principle. Прежде всего гениальное открытие, что банкноты или золото являются средством что-нибудь купить, что их берут взаймы не ради них самих. И отсюда должно следовать, что процентная ставка регулируется чем? Спросом и предложением товаров, хотя мы до сих пор знали только, что они регулируют рыночные цены товаров. Но с одинаковыми рыночными ценами товаров совместимы совершенно различные нормы процента. — И дальше такая мудрость. На правильное замечание: «Но ведь процент платится за деньги», которое, конечно, заключает в себе вопрос: какое касательство к товарам имеет процент, получаемый банкиром, который вовсе не торгует этими товарами? И разве фабриканты, затрачивающие эти деньги на самых различных рынках, т. е. на рынках, где господствует совершенно различное соотношение спроса и предложения употребляемых в производстве товаров, не получают денег по одинаковой процентной ставке? — На этот вопрос наш величавый гений отвечает: если фабрикант покупает хлопок в кредит, «то разница между ценой за наличный расчет и ценой в кредит в момент истечения срока и будет мерой процента». Наоборот. Существующая норма процента, регулирование которой должен разъяснить гений Нормэна, есть масштаб разницы между ценой за наличный расчет и ценой в кредит до истечения срока. Прежде всего надо продать хлопок по его цене за наличный расчет, а эта цена определяется рыночной ценой, которая, в свою очередь, регулируется состоянием спроса и предложения. Допустим, что цена = 1000 ф. ст. На этом кончается сделка между фабрикантом и хлопковым маклером, поскольку идет речь о куплепродаже. Но сюда присоединяется вторая сделка. Сделка между заимодавцем и заемщиком. Стоимость в 1000 ф. ст. дается фабриканту в ссуду хлопком, а он должен возвратить ее деньгами, скажем, через три месяца. Тогда проценты с суммы в 1000 ф. ст. за три месяца, устанавливаемые рыночной нормой процента, и составят надбавку к цене за наличный расчет. Цена хлопка определяется спросом и предложением. Но цена ссуженной стоимости хлопка, 1000 ф. ст. на три месяца, определяется нормой процента. И тот факт, что сам хлопок превращается таким образом

в денежный капитал, служит в глазах г. Нормэна доказательством того, что процент существовал бы, даже если бы вообще не было на свете денег. Не будь вообще денег, во всяком случае не было бы общей нормы процента.

Прежде всего вульгарное представление о капитале как о «товарах, употребляемых в производстве». Поскольку эти товары фигурируют как капитал, их стоимость как *капитала,* в отличие от их стоимости как *товаров,* выражается в прибыли, которая получается от их производительного или торгового применения. И норма прибыли безусловно имеет всегда известное отношение к рыночной цене купленных товаров и к их спросу и предложению, но определяется она совсем другими обстоятельствами. И что норма процента в общем имеет предел в норме прибыли, в этом нет никакого сомнения. Но пусть г. Нормэн прямо скажет нам, как определяется этот предел. Определяется же он спросом и предложением денежного капитала *в отличие* от всех других форм капитала. Но можно было бы дальше спросить: как определяется спрос и предложение денежного капитала? Не подлежит сомнению, что существует скрытая связь между предложением вещного капитала и предложением денежного капитала, равно как и то, что спрос промышленных капиталистов на денежный капитал определяется условиями действительного производства. Вместо того чтобы разъяснить нам это, г. Нормэн раскрывает нам ту премудрость, что спрос на денежный капитал не тожествен со спросом на деньги как таковые; — и только эту премудрость, потому что в глубине души у него, у Оверстона и других пророков currency principle таится нечистая совесть, так как они путем искусственного законодательного вмешательства стремились сделать капитал из средства обращения как такового и повысить ставку процента.

Обратимся теперь к лорду Оверстону, alias [иначе именуемому] Сэмюелю Джонсу Лойду, и посмотрим, как ему приходится объяснять, почему он взимает 10% за свои «деньги», раз так редок в стране «капитал».

(3653.) «Колебания нормы процента происходят от одной из двух причин: от изменения стоимости капитала» (превосходно! Ведь стоимость капитала и есть, вообще говоря, ставка процента! Следовательно, изменение нормы процента происходит здесь от изменения нормы процента! «Стоимость капитала», как мы раньше показали, теоретически никогда не понимается иначе. Или, быть может, г. Оверстон понимает под стоимостью капитала норму прибыли, — тогда глубокомысленный мыслитель возвращается к тому, что норма процента регулируется нормой прибыли!) «или от изменения суммы имеющихся в стране денег. Все крупные колебания процента, крупные или по продолжительности или по амплитуде колебаний, могут быть явственно сведены к из-

менениям в стоимости капитала. Наиболее убедительной практической иллюстрацией этого факта может служить повышение ставки процента в 1847 г. и затем в последние два года (1855—1856); меньшие колебания ставки процента, вытекающие из изменения суммы имеющихся денег, невелики как по их амплитуде, так и по их продолжительности. Они происходят часто, и чем они чаще, тем действительнее приводят они к своей цели», т. е. к обогащению банкиров à la [типа] Оверстон. Милейший Сэмюэль Гарней по этому поводу очень наивно выражается перед комитетом палаты лордов, «С. D.» 1848: (1324.) «Придерживаетесь ли вы того мнения, что крупные колебания ставки процента, имевшие место в прошлом году, были выгодны банкирам и торговцам деньгами, или нет?» — «Я думаю, они были выгодны торговцам деньгами. Все колебания в хозяйственной жизни выгодны тем, кто знает в этом толк (to the knowing men)». — (1325.) «Не теряет ли в конце концов банкир при высокой ставке процента вследствие обеднения своих лучших клиентов?» — «Нет, я того мнения, что в сколько-нибудь заметной степени такой результат не имеет места». — Voilà ce que parler veut dire. [Вот что значит болтать.]

Мы еще возвратимся к вопросу о влиянии на ставку процента суммы имеющихся в стране денег. Но уже теперь необходимо заметить, что и здесь Оверстон совершает quid pro quo. Спрос на денежный капитал в 1847 г. (до октября не было никаких забот из-за недостатка в деньгах, из-за «количества имеющихся денег», как выше назвал его Оверстон) стал усиливаться по различным причинам: вздорожание хлеба, повышение цен на хлопок, невозможность продать сахар вследствие перепроизводства, железнодорожная спекуляция и крах, переполнение внешних рынков хлопчатобумажными товарами, вышеописанный форсированный ввоз в Индию и вывоз из Индии с одной только целью раздобыть бронзовых векселей. Все эти обстоятельства, перепроизводство в промышленности, равно как и недопроизводство в земледелии, следовательно совершенно различные причины обусловили повышение спроса на денежный капитал, т. е. на кредит и деньги. Повысившийся спрос на денежный капитал имел свои причины в ходе самого процесса производства. Но какова бы ни была причина, именно спрос на *денежный* капитал повел к повышению ставки процента, стоимости денежного капитала. Если Оверстон хочет сказать, что стоимость денежного капитала повысилась, *потому что* она повысилась, то это тавтология. Если же он разумеет здесь под «стоимостью капитала» повышение нормы прибыли как причину повышения ставки процента, то ошибочность этого положения сейчас будет обнаружена. Спрос на денежный капитал, а потому «стоимость капитала» может повыситься, хотя прибыль понижается; как только относительное предложение

денежного капитала понизится, повысится его «стоимость». Оверстону хотелось доказать, что кризис 1847 г. и сопровождавшая его высокая норма процента ничуть не зависели от «количества имеющихся денег», т. е. от постановлений инспирированного им Банкового акта 1844 г.; хотя в действительности они зависели от него, поскольку страх перед возможностью исчерпания [Erschöpfung] банкового резерва, — этого творения [Schöpfung] Оверстона, — присоединил к кризису 1847—1848 гг. денежную панику. Но сейчас вопрос не в этом. Был налицо недостаток денежного капитала, обусловленный чрезмерными по сравнению с имевшимися средствами размерами операций и поведший к взрыву вследствие нарушения процесса воспроизводства, порожденного неурожаем, неумеренным железнодорожным строительством, перепроизводством, особенно хлопчатобумажных товаров, индийскими и китайскими махинациями, спекуляциями, чрезмерным ввозом сахара и т. д. Лицам, купившим хлеб тогда, когда он стоил 120 шилл. за квартер, недоставало теперь, когда его цена упала до 60 шилл., именно 60 шилл., переплаченных ими, и на такую же сумму недоставало залогового кредита под хлеб. Отнюдь не недостаток в банкнотах мешал им обратить свой хлеб в деньги по старой цене в 120 шилл., как не он мешал и тем, кто ввез слишком много сахара, который затем почти не удавалось продать. Таково же было положение тех господ, которые прочно поместили свой оборотный капитал (floating capital) в железные дороги и для возмещения его в своем «официальном» деле обратились к кредиту. Все это для Оверстона выражается в «моральном сознании повысившейся стоимости его денег (a moral sense of the enhanced value of his money)». Но этой повысившейся стоимости денежного капитала как раз соответствовала на другой стороне понизившаяся денежная стоимость реального капитала (товарного капитала и производительного капитала). Стоимость капитала в одной форме повысилась, потому что стоимость капитала в другой форме понизилась. Оверстон же пытается отожествить обе эти стоимости различного рода капиталов в единой стоимости капитала вообще и притом таким образом, что противополагает обе их недостатку в средствах обращения, в наличных деньгах. Но одна и та же сумма денежного капитала может быть отдана взаймы посредством самого различного количества средств обращения.

Возьмем его пример 1847 г. Официальная ставка банкового процента составляла: в январе 3—3$^1/_2$%, в феврале 4—4$^1/_2$%, в марте по большей части 4%, в апреле (паника) 4—7$^1/_2$%, в мае 5—5$^1/_2$%, в июне в общем 5%, в июле 5%, в августе 5—5$^1/_2$%, в сентябре 5% с небольшими колебаниями до 5$^1/_4$, 5$^1/_2$, 6%, в октябре 5, 5$^1/_2$, 7%, в ноябре 7—10%, в декабре 7—5%. — В этом случае процент повышался, потому что прибыль падала, а денежные стоимости товаров упали непомерно низко. Следовательно,

если Оверстон говорит здесь, что ставка процента в 1847 г. повысилась, так как стоимость капитала повысилась, то под стоимостью капитала он может разуметь здесь только стоимость денежного капитала, а стоимость денежного капитала есть именно ставка процента и только ставка процента. Но позднее выглядывает лисий хвост — стоимость капитала отожествляется с нормой прибыли.

Что касается высокой ставки процента в 1856 г., то Оверстон действительно не знал, что она была отчасти симптомом появления категории рыцарей кредита, уплачивавших проценты не из прибыли, а из чужого капитала; он утверждал всего лишь за несколько месяцев до кризиса 1857 г., что «положение дела безусловно здоровое».

Далее он говорит: (3722.) «Представление, будто прибыль предприятия уничтожается с повышением ставки процента, в высшей степени ошибочно. Во-первых, повышение ставки процента редко бывает продолжительным; во-вторых, если оно и бывает длительным и значительным, то по существу оно представляет собою повышение стоимости капитала; а почему повышается стоимость капитала? Потому, что поднялась норма прибыли». — Итак, здесь мы, наконец, узнали, какой смысл имеет «стоимость капитала». Впрочем, норма прибыли может оставаться продолжительное время на высоком уровне, а предпринимательский доход упасть, и ставка процента повыситься, так что процент поглотит бо̀льшую часть прибыли.

(3724.) «Повышение ставки процента было следствием колоссального развития торговых дел в нашей стране и крупного повышения нормы прибыли; и если раздаются жалобы, что повышенная ставка процента разрушает те самые две вещи, которые были ее собственной причиной, то это логический абсурд, о котором не знаешь, что сказать». — Но это как раз столь же логично, как если бы он сказал: повышенная норма прибыли была следствием повышения товарных цен спекуляцией, и если раздаются жалобы, что повышение цен уничтожает свою собственную причину, т. е. спекуляцию, то это логический абсурд и т. д. Что вещь может в конце концов уничтожить свою собственную причину, — это логический абсурд только для ростовщика, влюбленного в высокую ставку процента. Могущество римлян было причиной их завоеваний, а эти завоевания уничтожили их могущество. Богатство — причина роскоши, а роскошь действует разрушительно на богатство. Этакий хитрец! Идиотизм современного буржуазного мира как нельзя лучше характеризуется той почтительностью, какую внушала всей Англии «логика» миллионера, этого dunghill aristocrat [аристократа навозной кучи]. Впрочем, если высокая норма прибыли и расширение предприятий могут быть причинами высокой ставки процента, то отсюда отнюдь не следует,

что высокая процентная ставка является причиной высокой прибыли. Вопрос именно в том и состоит, не удержался ли этот высокий процент (как это действительно показал кризис) или не поднялся ли он до высшей своей точки после того, как от высокой нормы прибыли осталось лишь одно воспоминание.

(3718.) «Что касается крупного повышения нормы учетного процента, то обстоятельство это возникает исключительно из увеличившейся стоимости капитала, а причину увеличившейся стоимости капитала, думается мне, с полной ясностью может открыть всякий. Я уже упоминал о том факте, что за 13 лет действия Банкового акта торговля Англии выросла с 45 до 120 миллионов фунтов стерлингов. Восстановите в своей памяти все события, заключающиеся в этих кратких цифровых данных; вспомните колоссальный спрос на капитал, принесший с собой такое неслыханное развитие торговли; вспомните, наконец, что естественный источник предложения для этого громадного спроса, а именно ежегодные сбережения страны, был в течение трех или четырех последних лет исчерпан на затраты для военных надобностей, не приносящие прибыли. Признаюсь, я был поражен, что процент не поднялся еще выше, или, другими словами, я поражен, что стеснение капиталов вследствие таких колоссальных операций не стало еще сильней, чем вы его уже наблюдали».

Какая удивительная игра словами у нашего ростовщического логика! Он снова тут со своей повысившейся стоимостью капитала! Повидимому, он воображает себе, что на одной стороне происходило это колоссальное расширение процесса воспроизводства, следовательно накопление действительного капитала, а на другой находился «капитал», на который появился «колоссальный спрос», вызванный стремлением осуществить это колоссальное увеличение торговли! Но разве это колоссальное увеличение производства не представляло собой самого увеличения капитала и разве, создавая спрос, оно вместе с тем не создавало и предложения и даже увеличенного предложения денежного капитала? Если ставка процента поднялась очень высоко, то ведь только потому, что спрос на денежный капитал рос еще быстрее, чем предложение, другими словами, потому, что с расширением промышленного производства расширилось ведение его на основе кредитной системы. Другими словами, действительное расширение промышленности вызвало усиленный спрос на «ссуды», и этот последний спрос есть, очевидно, то, что наш банкир разумеет под «колоссальным спросом на капитал». Конечно, не расширение простого *спроса* на капитал подняло вывозную торговлю с 45 до 120 миллионов. И что разумеет дальше Оверстон, когда говорит, что поглощенные Крымской войной ежегодные сбережения страны образуют естественный источник предложения для этого большого спроса? Во-первых, при помощи чего же накопляла Англия в пе-

риод 1792—1815 гг., когда война была совсем не та, что маленькая Крымская война? Во-вторых, если естественный источник иссяк, из какого же источника притекает капитал? Как известно, Англия не брала взаймы у других наций. Но если рядом с естественным источником существует еще искусственный, то ведь было бы самым приятным методом для страны пользоваться естественным источником для войны, а искусственным источником — в торговом деле. Если же был налицо только старый денежный капитал, то ведь не мог он удвоить своей эффективности благодаря высокой ставке процента? Г-н Оверстон, очевидно, полагает, что ежегодные сбережения страны (однако в этом случае, повидимому, потребленные) превращаются только в денежный капитал. Но если бы не происходило действительного накопления, т. е. повышения производства и увеличения количества средств производства, какой прок был бы от накопления долговых требований на это производство, облеченных в денежную форму?

Повышение «стоимости капитала», вытекающее из высокой нормы прибыли, Оверстон путает с повышением, вытекающим из усиленного спроса на денежный капитал. Этот спрос может возрастать по причинам, совершенно не зависимым от нормы прибыли. Сам же Оверстон приводит в пример, что в 1847 г. этот спрос усилился вследствие обесценения реального капитала. Смотря по тому, как ему удобнее, он относит стоимость капитала то к реальному капиталу, то к денежному капиталу.

Недобросовестность нашего банкового лорда, так же как и его ограниченная банкирская точка зрения, которую он дидактически подчеркивает, обнаруживается дальше в следующем: (3728. Вопрос:) «Вы сказали, что, по вашему мнению, норма учета не имеет для купца существенного значения; не будете ли так добры сказать, что вы считаете обычной нормой прибыли?». Дать ответ на этот вопрос г. Оверстон признает «невозможным». (3729.) «Допустим, что средняя норма прибыли 7—10%; в таком случае изменение нормы учета с 2% до 7% или 8% должно сильно повлиять на норму прибыли, не правда ли?» (Сам автор вопроса смешивает норму предпринимательского дохода с нормой прибыли и упускает из виду, что норма прибыли является общим источником процента и предпринимательского дохода. Норма процента может оставить без изменения норму прибыли, но не предпринимательский доход. Оверстон отвечает): «Во-первых, коммерсанты не станут платить такую норму учета, которая поглощает значительную часть их прибыли; в этом случае они скорее приостановят свое дело». (Конечно, если они могут это сделать, не разоряя себя. Пока их прибыль высока, они будут платить дисконт, потому что этого хотят, а раз она низка, они будут платить, потому что вынуждены платить.) «Что значит учет? Почему кто-нибудь учитывает вексель?... Потому что он хочет получить больше капитала».

(Стоп! Потому что он хочет предвосхитить обратный приток в денежной форме своего прочно помещенного капитала и избегнуть застоя в своих делах. Потому что он должен покрыть срочные платежи. Увеличения капитала он требует только, когда дело идет хорошо или, если он спекулирует на чужих капиталах, даже когда оно плохо идет. Учет отнюдь не является только средством для расширения дела.) «А почему он хочет получить в свое распоряжение больший капитал? Потому что он хочет дать приложение этому капиталу; а почему он хочет дать приложение капиталу? Потому что это выгодно, но для него было бы невыгодно, если бы учет поглощал его прибыль».

Этот самодовольный логик полагает, что векселя учитываются только для расширения дела и что дело расширяется потому, что оно прибыльно. Первое предположение ложно. Обыкновенный предприниматель дисконтирует, чтобы антиципировать денежную форму своего капитала и тем сохранить непрерывность процесса воспроизводства; не за тем, чтобы расширить дело или раздобыть добавочный капитал, а чтобы уравновесить кредит, который он дает, кредитом, который он получает. И, если он станет расширять свое дело в кредит, учет векселей принесет ему мало пользы, так как учет есть только превращение уже находящегося в его руках денежного капитала из одной формы в другую; он предпочтет заключить твердый заем на более длинный срок. Впрочем, рыцарь кредита учитывает свои бронзовые векселя, чтобы расширить свое дело, чтобы покрыть одно несолидное дело другим, но за тем, чтобы получить прибыль, а чтобы получить в свое распоряжение чужой капитал.

Отожествив таким образом учет с займом добавочного капитала (а не с превращением в наличные деньги векселей, представляющих капитал), г. Оверстон немедленно ретируется, как только его припрут. — (3730. Вопрос:) «Разве купцы, раз втянувшись в дело, не оказываются вынужденными продолжать некоторое время свои операции, несмотря на временное повышение процента?» — (Оверстон:) «Несомненно, что если при какой-нибудь отдельной сделке кто-нибудь может получить в свое распоряжение капитал по более низкой ставке процента вместо высокой, то такой случай, взятый с этой ограниченной точки зрения, для него приятен». — Зато как безгранична точка зрения г. Оверстона, когда под «капиталом» он неожиданно понимает только свой банкирский капитал и потому считает человека, учитывающего у него вексель, человеком без капитала, так как капитал последнего существует в товарной форме или так как денежной формой капитала в этом случае является вексель, который превращается г. Оверстоном в другую денежную форму.

(3732.) «Можете ли вы в связи с Банковым актом 1844 г. указать, каково было приблизительно отношение ставки процента

к золотому резерву банка; верно ли, что, когда в банке было золота на 9 или на 10 миллионов, ставка процента составляла 6 или 7%, а когда золота было на 16 миллионов, ставка процента стояла на уровне приблизительно 3—4%?» (Автор вопроса хочет заставить его объяснить ставку процента, поскольку она определяется количеством золота в банке, ставкой процента, поскольку она определяется стоимостью капитала.) — «Я не скажу, что это так... но будь это так, мы должны были бы, по моему мнению, принять еще более строгие меры, чем те, которые были приняты в 1844 г.; так как, если было бы правдой, что чем больше запас золота, тем ниже ставка процента, тогда, согласно этому взгляду на вопрос, мы должны были бы взяться за дело, увеличить золотой запас до неограниченной суммы, и тогда мы свели бы процент к нулю». Кэйли, предложивший вопрос, нисколько не смущенный этой неудачной остротой, продолжает: (3733.) «Пусть это так, допустим, что банку были бы возвращены 5 миллионов золотом, в таком случае в течение ближайших шести месяцев золотой запас составил бы около 16 миллионов, и допустим, что благодаря этому ставка процента упала бы до 3 или 4%, — тогда как же можно было бы утверждать, что понижение ставки процента произошло от сильного сокращения дела?» — «Я сказал, что бывшее недавно сильное повышение ставки процента, а не ее падение, тесно связано с сильным расширением дел». Но Кэйли говорил вот что: если повышение ставки процента вместе с сокращением золотого запаса есть показатель расширения дел, в таком случае понижение ставки процента вместе с расширением золотого запаса должно быть показателем сокращения дел. На это Оверстон не может дать никакого ответа. (3736. Вопрос:) «Помнится мне, вы» (в тексте постоянно Your Lordship [ваша светлость]) «сказали, что деньги — орудие для получения капитала». (Какая нелепость считать их орудием для получения капитала; они — форма капитала.) «При сокращении золотого запаса» (Английского банка) «не существует ли, наоборот, большая трудность в том, что *капиталисты* не могут достать денег?» — (Оверстон:) «Нет; то не капиталисты, а некапиталисты ищут как бы достать денег; а почему они ищут денег?... Потому что посредством денег они получают в свое распоряжение капитал капиталистов, чтобы вести дело людей, которые не являются капиталистами». — Здесь он как раз объясняет, что фабриканты и купцы — некапиталисты и что капитал капиталиста — это только денежный капитал. — (3737.) «Разве люди, выписывающие векселя, не капиталисты»? — «Люди, выписывающие векселя, могут быть капиталистами, а могут и не быть». Здесь он крепко засел.

Ему ставится вопрос, не представляют ли векселя купцов товары, которые они продали или погрузили. Оверстон отрицает, чтобы эти векселя так точно представляли стоимость товаров, как банкноты — золото. (3740, 3741.) Это уж бесстыдство!

(3742.) «Не является ли целью купца получить деньги?» — «Нет, получение денег не составляет цели при выдаче векселя; получение денег, это — цель при учете векселей». Выдача векселей, это — превращение товара в одну из форм кредитных денег, а учет векселей — лишь превращение этих кредитных денег в другие деньги, а именно в банкноты. Во всяком случае г. Оверстон соглашается здесь, что цель учета векселей — получение денег. Раньше он не позволял учитывать затем, чтобы превратить капитал из одной формы в другую, а только затем, чтобы получить дополнительный капитал.

(3743.) «Каково главное желание торгового мира под гнетом паники, имевшей место по вашим словам в 1825, 1837 и 1839 гг., стремятся ли деловые люди получить в свое распоряжение капитал или законные платежные деньги?» — «Они стремятся получить в свое распоряжение капитал для дальнейшего ведения своего дела». — Их цель — получить средства платежа для истекающих векселей, выставленных на них самих, ввиду наступившего недостатка в кредите, чтобы не быть вынужденными продать свой товар ниже цены. Если у них самих вообще нет капитала, то вместе со средствами платежа они, разумеется, получают одновременно и капитал, потому что они получают стоимость без эквивалента. Спрос на деньги как таковые всегда сводится только к желанию превратить стоимость из формы товара или долговых требований в форму денег. Потому-то, даже если оставить в стороне кризисы, существует крупное различие между займом капитала и учетом, который только осуществляет превращение денежных требований из одной формы в другую или в действительные деньги.

{Я — редактор — позволю себе здесь вставить замечание.

У Нормэна, как и у Лойда-Оверстона, банкир всегда является в виде лица, «ссужающего капитал», а клиент его — в виде лица, требующего от него «капитал». Так, по словам Оверстона, то или другое лицо учитывает через банкира вексель «потому, что оно хочет получить *капитал*» (3729), и такому человеку очень приятно, если он «может получить в свое *распоряжение капитал* из низких процентов» (3730). «Деньги — орудие для получения *капитала*» (3736), и в случае паники главное желание торгового мира «получить в свое распоряжение *капитал*» (3743). При всей путанице у Лойда-Оверстона на тот счет, что̀ такое капитал, все же из его слов достаточно ясно видно, что то, что̀ банкир дает деловому клиенту, он называет капиталом, капиталом, раньше не имевшимся у клиента и данным ему в ссуду, дополнительным к тому, чем раньше располагал клиент.

Банкир настолько привык фигурировать как распределитель — в форме ссуды — свободного в денежной форме общественного капитала, что всякая функция, при которой он отдает деньги, кажется ему выдачей аванса, ссуды. Все деньги, которые он выпла-

чивает, представляются ему ссудой, авансом. Если банкир расходует деньги прямо на выдачу ссуды, то это верно в буквальном смысле. Если он затрачивает их на учет векселей, то для него самого они в действительности представляют собою аванс, ссуду, выданную до истечения срока векселя. Таким путем в голове банкира укрепляется представление, что он не может произвести ни одного платежа, который не был бы авансом, и притом авансом не в том только смысле, что всякое помещение денег с целью извлечения процента или прибыли рассматривается с экономической точки зрения как аванс, который соответствующий владелец денег в качестве частного лица выдает себе самому в качестве предпринимателя. Нет, — авансом, ссудой в том определенном смысле, что банкир заимообразно передает клиенту сумму, на каковую увеличивается находящийся в распоряжении последнего капитал.

Именно это представление, перенесенное из банкирской конторы в политическую экономию, создало спутывающий спорный вопрос: является ли то, что банкир наличными деньгами предоставляет в распоряжение своего клиента, капиталом или же только деньгами, средством обращения, currency? Чтобы разрешить этот — по существу простой — спорный вопрос, мы должны стать на точку зрения клиентов банка. Все зависит от того, чего те требуют и что̀ получают.

Если банк соглашается дать своему клиенту заем просто под личный его кредит, без предоставления с его стороны обеспечения, то дело ясно. Клиент безусловно получает определенный по величине стоимости аванс, ссуду, как дополнение к его капиталу, которым он до сих пор располагал. Он получает аванс, ссуду в денежной форме, т. е. получает не только деньги, но и денежный *капитал.*

Если же он получает ссуду, выданную под залог ценных бумаг и т. п., то это — аванс в том смысле, что ему даются деньги под условием их обратной уплаты. Но это не авансирование капитала. Потому что ценные бумаги тоже представляют капитал, и притом на бо̀льшую сумму, чем ссуда. Следовательно, получатель берет меньшую капитальную стоимость, чем отдает в залог; такая операция отнюдь не представляет собою для него приобретения добавочного капитала. Он совершает сделку не потому, что ему нужен капитал, — он уже имеет его в своих ценных бумагах, — а потому, что ему нужны деньги. Здесь, следовательно, перед нами ссуда *денег,* а не капитала.

Если аванс выдается под учет векселей, тогда исчезает и *форма* аванса. Налицо простая купля-продажа. Посредством передаточной надписи вексель переходит в собственность банка, а деньги — в собственность клиента; о возврате их с его стороны нет и речи. Если клиент покупает наличные деньги векселем или

другим орудием кредита, то это такой же аванс, такая же ссуда, не больше и не меньше, как если бы он купил наличные деньги каким-нибудь другим товаром: хлопком, железом, хлебом. И всего меньше может быть тут речь об авансировании *капитала*. Всякая купля-продажа между торговцем и торговцем есть передача капитала. Ссуда же имеет место только там, где передача капитала не является взаимной, а происходит односторонне и на срок. Поэтому ссуда капитала посредством учета векселей может иметь место только там, где вексель — бронзовый вексель, который отнюдь не представляет проданного товара и которого не берет ни один банкир, раз он знает, что̀ это за вексель. Следовательно, в нормальной учетной сделке клиент банка не получает никакого аванса, никакой ссуды ни капиталом, ни деньгами; он получает деньги за проданный товар.

Таким образом случаи, когда клиент требует у банка и получает от него капитал, очень ясно отличаются от тех, когда он получает в ссуду деньги или покупает деньги у банка. И так как именно г. Лойд-Оверстон имел обыкновение без покрытия выдавать в ссуду свои фонды только в самых редких случаях (он был банкиром моей фирмы в Манчестере), то так же ясно и то, что его красивые описания тех масс капитала, которые великодушные банкиры авансируют нуждающимся в капитале фабрикантам, — сплошная небылица.

Впрочем, в гл. XXXII Маркс говорит по существу то же самое: «Спрос на средства платежа есть просто спрос на *превращение в деньги*, поскольку купцы и производители могут предоставить хорошее обеспечение; он есть спрос на *денежный капитал*, поскольку этого обеспечения нет, поскольку, следовательно, ссуда средств платежа дает им не только *денежную форму*, но и недостающий им для уплаты *эквивалент*, в какой бы то ни было форме».— Затем в гл. XXXIII: «При развитом кредите, когда деньги сосредоточиваются в руках банков, банки, *по крайней мере номинально*, авансируют деньги. Авансирование это не касается денег, находящихся в обращении. Перед нами авансирование *орудия обращения*, а не авансирование капиталов, обращающихся при посредстве этого орудия». — Г-н Чэпмэн, который это должен знать, также подтверждает вышеприведенное понимание учетной операции: «B. C.» 1857: «У банкира есть вексель, банкир *купил вексель*». Показания. Вопрос 5139.

Впрочем, мы еще вернемся к этой теме в гл. XXVIII. — *Ф. Э.*}

(3744.) «Не будете ли так любезны описать, что вы в действительности разумеете под выражением капитал?» — (Ответ Оверстона:) «Капитал состоит из различных товаров, посредством которых дело поддерживается в ходу (capital consists of various commodities, by the means of which trade is carried on); бывает основной капитал, и бывает оборотный капитал. Ваши корабли,

ваши доки, ваши верфи — основной капитал; ваши пищевые продукты, ваши платья и т. д. — оборотный капитал».

(3745.) «Имеет ли отлив золота за границу вредные последствия для Англии?» — «Нет, если связывать с этим словом разумный смысл». (Появляется старая теория денег Рикардо)... «При естественном порядке вещей деньги всего света распределяются в известных пропорциях между различными странами; пропорции эти такого рода, что при подобном распределении» (денег) «сношения между какой-нибудь страной, с одной стороны, и всеми другими странами мира, с другой, являются простым обменом; но бывают пертурбации, от времени до времени влияющие на это распределение; раз они возникают, часть денег данной страны отливает в другие». — (3746.) «Вы употребляете теперь выражение: деньги. Если раньше я вас правильно понял, вы называли это потерей капитала». — «Что называл я потерей капитала?» — (3747.) «Отлив золота». — «Нет, я этого не говорил. Если вы употребляете золото как капитал, то, без сомнения, это будет потерей капитала; это будет отдачей известной части благородного металла, из которого состоят всемирные деньги». — (3748.) «Разве раньше вы не говорили, что изменение нормы учета есть простой показатель изменения стоимости капитала?» — «Да». (3749.) «И что норма учета изменяется в общем с изменением золотого резерва Английского банка?» — «Да; но я уже сказал, что колебания ставки процента, вытекающие из изменения количества денег» (следовательно, он разумеет здесь количество действительного золота), «в стране очень ничтожны...»

(3750.) «Итак, вы хотите сказать, что произошло уменьшение капитала, раз произошло более продолжительное, но все же только временное повышение учета сверх обычной нормы?» — «Уменьшение в известном смысле слова. Изменилось соотношение между капиталом и спросом на капитал; но возможно, что вследствие увеличения спроса, а не вследствие уменьшения количества капитала». (Но ведь только сейчас капитал приравнивался к деньгам или золоту, и еще несколько раньше повышение ставки процента объяснялось высокой нормой прибыли, происшедшей от расширения, а не от сокращения коммерческой деятельности или капитала.)

(3751.) «Какой это капитал вы имеете здесь специально в виду?» — «Это целиком зависит от того, какой капитал требуется каждому отдельному человеку. Это тот капитал, которым располагает нация для ведения своих дел, и если эти дела увеличатся вдвое, должно наступить большое увеличение спроса на капитал, необходимый для дальнейшего их ведения». (Этот хитроумный банкир сначала увеличивает вдвое дело и вслед затем — спрос на капитал, необходимый для этого удвоения. Всегда он видит перед собой лишь своего клиента, требующего у господина Лойда

большего капитала для расширения своего дела вдвое.) — «Капитал таков же, как и всякий другой товар» (но ведь капитал, по мнению г. Лойда, есть не что иное, как совокупность товаров); «он изменяется в своей цене» (следовательно, товары дважды меняются в цене — один раз как товары, другой — как капитал) «в зависимости от спроса и предложения».

(3752.) «Колебания нормы учета в общем находятся в связи с колебаниями золотого запаса в хранилищах банка. Этот ли капитал имеете вы в виду?» — «Нет». — (3753.) «Можете ли вы указать пример, когда в Английском банке были бы накоплены большие запасы капитала и в то же время норма учета стояла бы высоко?» — «В Английском банке накопляют не капиталы, а деньги». — (3754.) «Вы показали, что ставка процента зависит от количества капитала; не будете ли вы любезны сказать, какой капитал имеете вы в виду, и не можете ли вы привести пример, когда бы в банке лежали большие запасы золота и в то же время ставка процента стояла бы высоко?» — «Весьма вероятно» (ага!), «что накопление золота в банке могло совпасть с низкой ставкой процента, потому что в период слабого спроса на капитал» (именно денежный капитал; время, о котором здесь идет речь, 1844 и 1845 гг., было временем процветания) «естественно можно накоплять то средство или орудие, при помощи которого осуществляется командование капиталом». — (3755.) «Следовательно, вы думаете, что между нормой учета и количеством золота в кладовых банка не существует никакой связи?» — «Такая связь, может быть, и существует, но это не принципиальная связь» (но его Банковый акт 1844 г. возвел именно в принцип Английского банка регулирование ставки процента по количеству находящегося в его распоряжении золота); «явления эти могут совпадать по времени (there may be a coincidence of time)». — (3758.) «Следовательно, вы хотите сказать, что затруднение купцов здесь в стране, в периоды недостатка в деньгах, вследствие высокой нормы учета, состоит в том, чтобы получить капитал, а не в том, чтобы получить деньги?» — «Вы смешиваете две разные вещи, которых я в этой форме не соединяю; трудность состоит в том, чтобы получить капитал, и точно так же трудно получить деньги... Трудность получить деньги и трудность получить капитал — одна и та же трудность, рассматриваемая в два различных момента ее развития». — Здесь рыба снова крепко попалась. Первая трудность — учесть вексель или получить ссуду под залог товара. Трудность состоит в том, чтобы превратить капитал или торговый знак стоимости капитала в деньги. И эта трудность выражается, между прочим, в высокой ставке процента. Но раз деньги уже получены, в чем же тогда состоит вторая трудность? Если речь идет только о платеже, разве кто-нибудь найдет трудность в том, чтобы освободиться от своих денег? А если речь идет о купле, разве у кого

бы то ни было встречалось когда-нибудь в эпоху кризиса затруднение купить товар? И если даже допустить, что это касается особого случая вздорожания хлеба, хлопка и т. д., то ведь трудность эта могла бы выражаться не в стоимости денежного капитала, т. е. не в ставке процента, а только в цене товара; и эта трудность ведь уже преодолена тем, что у нашего человека теперь имеются деньги для купли этого товара.

(3760.) «Но разве повышенная норма дисконта не увеличивает трудности получить деньги?» — «Она увеличивает трудность получить деньги, но не об обладании деньгами идет речь, деньги — только форма» (и эта форма приносит прибыль в карманы банкира), «в которой выражается усилившаяся трудность получить капитал в сложных отношениях культурного порядка».

(3763.) (Ответ Оверстона:) «Банкир — это посредник, который, с одной стороны, принимает вклады, с другой — применяет эти вклады, доверяя их *в форме капитала* в руки лиц, которые и т. д.».

Здесь мы узнаём, наконец, что̀ разумеет он под капиталом. Он превращает деньги в капитал, «доверяя их», — или, говоря менее деликатно, — отдавая их под проценты.

Сказав раньше, что изменение учетной нормы по существу не стоит в связи с изменением суммы золотого запаса банка или с количеством имеющихся денег, а, самое большее, совпадает по времени, г. Оверстон повторяет:

(3804.) «Если в стране станет меньше денег вследствие отлива, то стоимость их повысится, и Английский банк должен будет приспособиться к этому изменению в стоимости денег» (следовательно, к изменению стоимости денег *как капитала,* другими словами, к изменению ставки процента, потому что стоимость денег *как денег,* по сравнению с товарами, остается прежняя). «Технически это выражают так, что банк повышает ставку процента».

(3819.) «Я никогда не смешиваю их друг с другом». — То есть деньги и капитал. Он не смешивает их по той простой причине, что он их никогда не различает.

(3834.) «Очень крупная сумма, которую пришлось уплатить» (за хлеб в 1847 г.) «за необходимые средства существования страны и которая *в действительности была капиталом*».

(3841.) «Колебания нормы дисконта имеют несомненно очень тесную связь с состоянием золотого резерва» (Английского банка), «потому что состояние резервов есть показатель увеличения или уменьшения массы имеющихся в стране денег; и в той же пропорции, в какой увеличивается или уменьшается количество денег в стране, падает или повышается стоимость денег, а с этим сообразуется и банковая норма дисконта». — Таким образом Оверстон признает здесь то, что он категорически отрицал в своем показании № 3755. — (3842.) «Между тем и другим существует тесная

связь». — А именно между количеством золота в Issue department [эмиссионном отделе банка] и резервом банкнот в Banking department [отделе банковых операций]. Здесь он объясняет изменения ставки процента изменением количества денег. При этом он говорит неправду. Резервы могут сократиться, потому что увеличилось количество обращающихся в стране денег. Такой случай бывает тогда, когда публика берет больше банкноты, а металлический запас не сокращается. Но тогда повысится ставка процента, потому что в этом случае банковый капитал Английского банка по закону 1844 г. ограничен. Но об этом ему не следует говорить, так как вследствие этого закона оба отдела банка не имеют между собой ничего общего.

(3859.) «Высокая норма прибыли всегда повлечет за собой усиленный спрос на капитал; усиленный спрос на капитал повысит его стоимость». — Такова, наконец, связь между высокой нормой прибыли и спросом на капитал, как ее представляет себе Оверстон. Между тем в 1844—1845 гг., напр. в хлопчатобумажной промышленности, господствовала высокая норма прибыли, потому что при сильном спросе на хлопчатобумажные товары хлопок-сырец был дешев и остался дешев. Стоимость капитала (а по данному Оверстоном ранее определению капитал это то, что нужно каждому для своего дела), следовательно в данном случае стоимость хлопка-сырца, не повысилась для фабриканта. Пусть высокая норма прибыли побудила какого-нибудь хлопчатобумажного фабриканта занять деньги на расширение своего дела. В таком случае повысился бы его спрос на *денежный* капитал и ни на что больше.

(3889.) «Золото может быть и не быть деньгами, как бумага может быть и не быть банкнотой».

(3896.) «Правильно ли я вас понимаю в том смысле, что вы отказываетесь от того положения, которым вы аргументировали в 1840 г.: что колебания в количестве находящихся в обращении банкнот Английского банка должны следовать за колебаниями в сумме золотого запаса?» — «Я постольку отказываюсь от него... поскольку при нынешнем состоянии наших знаний мы должны присоединить к находящимся в обращении банкнотам еще и те банкноты, которые лежат в банковом резерве Английского банка». Это превосходно. Произвольное постановление, что банк может печатать столько бумажных банкнот, сколько у него золота в хранилищах и в придачу еще 14 миллионов, обусловливает, конечно, то, что выпуск банкнот банком колеблется вместе с колебаниями золотого запаса. Но так как «нынешнее состояние наших знаний» ясно показало, что количество банкнот, которое в соответствии с этим имеет право фабриковать банк (и которое Issue department [эмиссионный отдел] передает в Banking department [отдел банковых операций]), — что это обращение между обоими отделами Английского банка, колеблющееся с изменением золотого запаса,

не определяет колебаний обращения банкнот вне стен Английского банка, то последнее, действительное обращение, становится теперь для администрации банка безразличным, и решающим становится только обращение между обоими отделами банка, отличие которого от действительного отражается на резерве. Для внешнего мира это обращение важно лишь постольку, поскольку резерв показывает, насколько приблизился банк к установленному законом максимуму выпуска банкнот и как много могут еще получить клиенты банка из Banking department [отдела банковых операций].

О mala fides [недобросовестности] Оверстона говорит следующий блестящий пример:

(4243.) «Колеблется ли, по вашему мнению, из месяца в месяц количество капитала в такой степени, чтобы стоимость его могла вследствие этого так измениться, как это мы видели за последние годы на колебаниях учетной нормы?» — «Соотношение между спросом и предложением капитала несомненно может изменяться даже в короткие промежутки времени... Если Франция заявит завтра, что она собирается заключить большой заем, то, без сомнения, это тотчас же вызовет в Англии сильное изменение *в стоимости денег,* т. е. *в стоимости капитала*».

(4245.) «Если Франция даст знать, что ей сразу требуется для какой-нибудь цели на 30 миллионов товаров, то возникнет, употребляя более научное и простое выражение, сильный спрос на *капитал*».

(4246.) «*Капитал,* который хотела бы купить Франция при помощи своего займа, — это *одно* дело; *деньги,* на которые Франция купит его, — это *другое* дело; так что же изменяет свою стоимость — *деньги* или нет?» — «Мы снова возвращаемся к старому вопросу, и я полагаю, что этот вопрос более пригоден для кабинета ученого, чем для этого зала заседаний комитета». С этими словами он удаляется, но не в кабинет ученого[84].

---

[84] Дальнейшие замечания о путанице понятий Оверстона в вопросах капитала — в конце главы XXXII.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

РОЛЬ КРЕДИТА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.

Общие замечания, до сих пор высказанные нами по поводу кредита, сводились к следующему:

I. Необходимость образования кредита для того чтобы опосредствовать уравнение нормы прибыли или движение этого уравнения, на чем покоится все капиталистическое производство.

II. Сокращение издержек обращения.

1) Одной из главных издержек обращения являются сами деньги, поскольку они сами имеют стоимость. Деньги экономизируются посредством кредита трояким образом:

A. Для большой части сделок деньги вовсе отпадают.

B. Обращение средств обращения ускоряется[85]. Отчасти это совпадает с тем, что придется сказать в пункте 2). С одной стороны, это ускорение — техническое, т. е. при неизменной величине и количестве действительных товарных оборотов, опосредствующих потребление, меньшее количество денег или денежных знаков исполняет ту же самую службу. Это находится в связи с техникой банкового дела. С другой стороны, кредит ускоряет быстроту товарной метаморфозы и вместе с тем быстроту денежного обращения.

C. Замещение золотых денег бумажными.

---

[85] «Среднее обращение банкнот Французского банка составляло в 1812 г.: 106 538 000 франков; в 1818 г.: 101 205 000 франков, тогда как денежное обращение, общая сумма всех поступлений и платежей, составляло в 1812 г.: 2 837 712 000 франков; в 1818 г.: 9 665 030 000 франков. Следовательно, интенсивность обращения во Франции в 1818 г. относилась к интенсивности 1812 г. как 3 : 1. Великий регулятор быстроты обращения — кредит... Этим объясняется, почему сильное давление на денежный рынок обыкновенно совпадает с заполненным обращением» («The Currency Theory reviewed etc.», стр. 65). — «Между сентябрем 1833 г. и сентябрем 1843 г. в Великобритании возникло около 300 банков, выпускающих собственные банкноты; следствием этого было сокращение банкнот в обращении на $2^1/_2$ миллиона; в конце сентября 1833 г. оно составляло 36 035 244 ф. ст. и в конце сентября 1843 г.: 33 518 554 ф. ст.» (там же, стр. 53). — «Удивительная интенсивность шотландского обращения позволяет ему при помощи 100 ф. ст. исполнить такое же количество денежных сделок, какое в Англии требует 420 ф. ст.» (там же, стр. 55. Последнее касается лишь технической стороны операции).

2) Ускорение посредством кредита отдельных фаз обращения, или метаморфозы товаров, затем метаморфозы капитала, а вместе с тем ускорение процесса воспроизводства вообще. (С другой стороны, кредит позволяет на больший срок отделять друг от друга акты купли и продажи и потому служит основой спекуляции.) Сокращение резервных фондов, что можно рассматривать с двоякой точки зрения: с одной стороны, как уменьшение циркулирующих средств обращения, с другой — как сокращение той части капитала, которая должна всегда существовать в денежной форме[86].

III. Образование акционерных обществ. Отсюда:

1) Колоссальное расширение размеров производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

2) Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочих сил, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в границах самого капиталистического способа производства.

3) Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, т. е. всю прибыль (потому что содержание управляющего является или должно быть только заработной платой за известного рода искусный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда), тем не менее вся эта прибыль получается только в форме процента, т. е. вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал. Таким образом прибыль выступает (уже не одна только часть ее, процент, получающая свое оправдание в прибыли заемщика) как простое присвоение чужого прибавочного труда, возникающее из превращения средств производства в капитал, т. е. из их отчуждения от действительных производителей, из их противоположности как чужой собственности

[86] «До учреждения банков сумма капитала, необходимая для функционирования орудия обращения, была во всякое время больше, чем этого требовало действительное товарное обращение». «Economist», [15 марта] 1845 г., стр. 238.

всем действительно участвующим в производстве индивидуумам, от управляющего до последнего поденщика. В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции.

Прежде чем пойти дальше, отметим еще следующий экономически важный факт: так как прибыль принимает здесь чистую форму процента, то подобные предприятия оказываются возможными даже тогда, когда они приносят только процент; это — одна из причин, задерживающих падение общей нормы прибыли, так как эти предприятия, где постоянный капитал находится в такой колоссальной пропорции к переменному, не должны необходимо участвовать в уравнении общей нормы прибыли.

{С тех пор, как Маркс написал эти строки, развились, как известно, новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества. Ежедневно увеличивающейся быстроте, с какой может быть ныне увеличено во всех отраслях крупной промышленности производство, противостоит постоянно увеличивающаяся медленность расширения рынка для этих умножившихся продуктов. Что промышленность создает в месяцы, то рынок едва может потребить в несколько лет. Сюда же присоединяется политика охранительных пошлин, при помощи которой каждая промышленная страна отгораживает себя от всех других и в особенности от Англии и еще искусственно повышает отечественное производство. Следствием этого являются общее хроническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль; словом, издревле прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании [am Ende ihres Lateins] и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве. Это банкротство выражается именно в том, что в каждой стране крупные промышленники определенной отрасли соединяются в картель для регулирования производства. Комитет твердо устанавливает количество товаров, которое должно произвести каждое предприятие, и в конечном счете распределяет поступающие заказы. В отдельных случаях возникали от времени

до времени даже международные картели, так, напр., между английской и германской железной промышленностью. Но и этой формы обобществления производства оказалось мало. Противоположность интересов отдельных предприятий слишком часто взрывала их и снова восстанавливала конкуренцию. Тогда пришли к тому, что в отдельных отраслях, где это допускала ступень развития производства, стали концентрировать общее производство этой отрасли предприятий в одно крупное акционерное общество под единым руководством. В Америке это осуществлялось уже неоднократно, в Европе величайшим примером этого рода до сих пор остается «United Alkali Trust», сосредоточивший все английское производство калия в руках одной единственной фирмы. Прежние владельцы отдельных заводов — свыше тридцати — получили за все оборудование по оценочной стоимости в акциях в общем до 5 миллионов фунтов стерлингов, представляющих основной капитал треста. Техническое управление остается в руках прежних руководителей, коммерческое же руководство концентрируется в руках генеральной дирекции. Оборотный капитал (floating capital) в сумме около одного миллиона фунтов стерлингов был предложен публике для покрытия. Весь капитал треста составляет таким образом 6 миллионов фунтов стерлингов. Таким путем в этой отрасли, образующей основу всей химической промышленности, в Англии конкуренция заменена монополией и самым удовлетворительным образом подготовляется будущая экспроприация всем обществом, нацией. — *Ф. Э.*}

Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое prima facie [прежде всего] представляется просто переходным пунктом к новой форме производства. Как такое противоречие выступает оно и в своем проявлении. В известных сферах оно ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства. Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, грюндеров и чисто номинальных директоров; целую систему мошенничества и обмана в отношении учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности.

IV. Если оставить в стороне акционерное дело, — которое является упразднением капиталистической частной промышленности на основе самой капиталистической системы и которое по мере того, как расширяется и захватывает новые отрасли производства, уничтожает частную промышленность, — кредит предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное в пределах известных границ распоряжение чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого чужим

трудом [87]. Распоряжение общественным, а не собственным, капиталом дает ему распоряжение общественным трудом. Сам капитал, которым владеет лицо в действительности или в мнении публики, становится лишь основой для кредитной надстройки. В особенности это относится к оптовой торговле, через которую проходит крупнейшая часть общественного продукта. Здесь исчезает всякое мерило, всякие более или менее обоснованные в пределах капиталистического способа производства оправдания. Спекулирующий оптовый торговец рискует не *своей,* а общественной собственностью. Такой же пошлой становится фраза о происхождении капитала из сбережений, так как спекулирующий, наоборот, требует, чтобы *другие* делали за него сбережения. {Как недавно вся Франция сберегла полтора миллиарда франков для панамских мошенников. С какой точностью изображено здесь все панамское мошенничество за целых двадцать лет до того времени, как оно произошло! — *Ф. Э.*} Другой фразе о воздержании бьет прямо в лицо свойственная капиталу роскошь, которая сама теперь становится средством кредита. Представления, имевшие еще некоторый смысл на менее развитой ступени капиталистического производства, становятся здесь совершенно бессмысленными. Удача и неудача равно ведут здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе. Экспроприация распространяется здесь с непосредственного производителя на самих капиталистов, мелких и средних. Эта экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление этой экспроприации является его задачей, и притом в конечном счете экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта экспроприация

[87] Посмотрите, напр., в «Times» списки банкротств за такой год кризиса, как 1857, и сравните собственное имущество обанкротившихся с размером их долгов. — «Воистину покупательная сила людей, пользующихся капиталом и кредитом, далеко превосходит все, что могут себе представить те, кто не имеет практического знакомства со спекулятивными рынками» (*Tooke:* «Inquiry into the Currency Principle», стр. 73). «Человек, пользующийся репутацией лица, имеющего достаточный капитал для своего постоянного дела, и располагающий в своей отрасли хорошим кредитом, если он питает сангвиническую уверенность в повышении конъюнктуры производимого им товара и если в начале и в течение его спекуляции ему благоприятствуют обстоятельства, может произвести закупки колоссальных размеров по сравнению со своим капиталом» (там же, стр. 136). — «Фабриканты, купцы и т. д. — все производят операции, далеко превосходящие их капиталы... В настоящее время капитал скорее основа, на которой строится хороший кредит, чем предел оборотов какого-нибудь коммерческого предприятия» («Economist», [20 ноября] 1847 г., стр. 333).

в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит все больше придает этим немногим характер чистых рыцарей наживы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то ее движение и передача становятся просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками. В акционерном деле уже существует противоположность старой форме, в которой общественные средства производства выступают в виде индивидуальной собственности; но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими границами; поэтому вместо того чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде.

Кооперативные фабрики самих рабочих являются, в пределах старой формы, первой брешью в старой форме, хотя они всюду, в их действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но антагонизм между капиталом и трудом уничтожается в пределах этих фабрик, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются своим собственным капиталистом, т. е. потребляют средства производства для использования своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства. Без фабричной системы, возникающей из капиталистического способа производства, как и без кредитной системы, возникающей из того же самого способа производства, не могла бы развиться кооперативная фабрика. Кредитная система, образующая главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные общества, составляет точно так же и средство к постепенному расширению кооперативных предприятий в более или менее национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоречие устранено отрицательно, а в других — положительно.

До сих пор мы рассматривали развитие кредита и скрыто заключающееся в нем уничтожение капиталистической собственности главным образом в отношении промышленного капитала. В следующих главах мы рассмотрим кредит в отношении капитала, приносящего проценты, как такового, его влияние на последний, форму, которую он здесь принимает; при этом нам придется еще сделать несколько замечаний специфически экономического характера.

Пока только следующее:

Если кредит оказывается главным рычагом перепроизводства и чрезмерной спекуляции в торговле, то лишь потому, что процесс воспроизводства, эластический по своей природе, форсируется здесь до крайних пределов, и притом форсируется потому, что значительная часть общественного капитала применяется несобственниками его, пускающимися в силу этого в дело совсем по-иному, чем собственник, который, поскольку он функционирует сам, боязливо учитывает границы, полагаемые его частным капиталом. Это только свидетельствует о том, что основанное на противоречивом характере капиталистического производства возрастание стоимости капитала допускает действительное, свободное развитие лишь до известного предела и, следовательно, в действительности создает для производства имманентные оковы и пределы, постоянно прорываемые кредитом [88]. Поэтому кредит ускоряет материальное развитие производительных сил и создание всемирного рынка, доведение которых, как материальных основ новой формы производства, до известной степени развития и составляет историческую задачу капиталистического способа производства. Вместе с тем кредит ускоряет насильственные взрывы этого противоречия, кризисы, и тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства.

Присущий кредитной системе двойственный характер: с одной стороны, развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение эксплуатацией чужого труда, до чистейшей и колоссальнейшей системы азарта и мошенничества и все более сокращать число немногих, эксплуатирующих общественное богатство; а с другой, составлять переходную форму к новому способу производства, — эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Ло до Исаака Перейры свойственный им приятный смешанный характер мошенника и пророка.

---

[88] *Th. Chalmers* [«On Political Economy etc.». London 1832].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ И КАПИТАЛ; ВОЗЗРЕНИЕ ТУКА И ФУЛЛАРТОНА.

Различие между средствами обращения и капиталом, как его изображают Тук [89], Вильсон и другие, беспорядочно смешивающие при этом различия между средствами обращения как деньгами, денежным капиталом вообще и капиталом, приносящим проценты (moneyed capital в английском смысле), сводится к следующим двум пунктам.

Средства обращения обращаются, с одной стороны, как *монета* (деньги), поскольку они обслуживают *расходование доходов*, следовательно обмен между индивидуальными потребителями и розничными торговцами, к каковой категории следует причислить всех купцов, продающих потребителям, — индивидуальным

[89] Приведем здесь в оригинале соответствующее место из Тука, цитируемое в выдержке по-немецки на стр. 390 [настоящий том, стр. 418]: «The business of bankers, setting aside the issue of promissory notes payable on demand, may be divided into two branches, corresponding with the distinction pointed out by Dr. (Adam) Smith of the transactions between dealers and dealers, and between dealers and consumers. One branch of the bankers' business is to collect *capital* from those, who have not immediate employment for it, and to distribute or transfer it to those who have. The other branch is to receive deposits of the *incomes* of their customers, and to pay out the amount, as it is wanted for expenditure by the latter in the objects of their consumption... the former being a circulation of *capital*, the latter of *currency*» [«Банкирское дело, если оставить в стороне выпуск банкнот с платежом предъявителю, может быть разделено на двоякого рода операции, отвечающие установленному д-ром (Адамом) Смитом делению сделок между торговцами и торговцами и между торговцами и потребителями. Один род банкирских операций состоит в том, чтобы собирать *капитал* с тех, кто не находит для него непосредственного применения, и распределять его или передавать тем, кто может его применить. Другой род операций состоит в том, чтобы принимать вклады из *доходов* своих клиентов и выплачивать им суммы, необходимые для расходов на предметы потребления... Первая есть обращение *капитала*, последняя — обращение *средств обращения*»]. — *Tooke:* «Inquiry into the Currency Principle». London 1844, стр. 36—37. Первый род операций есть «the concentration of capital on the one hand and the distribution of it on the other» [«сосредоточение капитала, с одной стороны, и распределение его, с другой»], второй «administering the circulation for local purposes of the district» [«регулирование обращения для местных надобностей округи»]. (Там же, стр. 37.) — Гораздо ближе подходит к истинному пониманию вопроса Киннир в следующем месте: «Деньги употребляются для двух существенно различных операций. Как средство обмена между торговцем и торговцем они являются орудием, посредством которого осуществляется передача капитала, т. е. обмен определенной суммы капитала в деньгах на равную сумму капитала в товарах. Но деньги, затрачиваемые на уплату заработной платы и на куплю и продажу между торговцем и потребителем, — это не капитал, а доход; это часть дохода

потребителям, в отличие от производительных потребителей или производителей. Здесь деньги обращаются в функции монеты, хотя они постоянно *возмещают капитал*. Известная часть денег в стране всегда предназначается для этой функции, хотя эта часть слагается из постоянно меняющихся отдельных единиц денег. Напротив, поскольку деньги обслуживают *передачу капитала*, в качестве ли покупательного средства (средства обращения) или в качестве средства платежа, они представляют собою *капитал*. Следовательно, не функция денег как покупательного средства и не функция денег как средства платежа отличает их от монеты, потому что деньги могут функционировать как покупательное средство даже между торговцем и торговцем, поскольку последние покупают друг у друга на наличные, и могут функционировать как средство платежа также между торговцем и потребителем, поскольку дается кредит и доходы сначала потребляются, а потом оплачиваются. Следовательно, различие состоит в том, что во втором случае эти деньги не только возмещают капитал для одной стороны, продавца, но и расходуются, авансируются как капитал другой стороной, покупателем. Следовательно, в действительности это — отличие *денежной формы дохода от денежной формы капитала*, а не отличие средств обращения от капитала, потому что в качестве посредника между торговцами, равно как и в качестве посредника между потребителем и торговцем, *обращается* определенная по своему количеству часть денег, и потому в *обеих* функциях одинаково имеют место *средства обращения*. Но в воззрения Тука привносится различного рода путаница:

1) вследствие смешения функциональных определений;

2) вследствие привнесения вопроса о количестве обращающихся денег, вместе взятых в обеих функциях;

3) вследствие привнесения вопроса об относительной пропорции количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства.

К пункту 1) о смешении функциональных определений, т. е. о непонимании того, что деньги в одной форме являются средствами обращения (currency), а в другой форме — капиталом. Поскольку деньги служат в той или другой функции, для реализации дохода или для передачи капитала, они функционируют в купле и продаже или в платеже как покупательное средство или средство платежа и в более широком смысле слова как средство обращения. Дальнейшее определение денег, которое они имеют в счете расходующего

всего общества, предназначающаяся для ежедневного расходования. Эти деньги обращаются в беспрерывном ежедневном употреблении, и только эти деньги могут быть названы в строгом смысле слова средствами обращения (currency). Ссуды капитала зависят исключительно от воли банка и других владельцев капитала, — заемщики всегда найдутся; но сумма средств обращения зависит от потребностей общества, в пределах которых деньги обращаются с целью ежедневного расходования» (*J. G. Kinnear*: «The Crisis and the Currency». London 1847 [стр. 3—4]).

или получающего их лица, — определение, выражающееся в том, что они представляют для него капитал или доход, — ровно ничего здесь не меняет; это и обнаруживается двояко. Хотя виды денег, обращающихся в обеих сферах, различны, но одна и та же единица денег, напр. пятифунтовый банковый билет, переходит из одной сферы в другую и попеременно исполняет обе функции; это неизбежно уже потому, что розничный торговец может придать своему капиталу денежную форму только в форме монеты, которую он получает от своих покупателей. Можно принять, что собственно разменная монета имеет центр тяжести своего обращения в области розничной торговли; она постоянно нужна розничному торговцу для размена, и он постоянно получает ее обратно в платежах от своих клиентов. Но он получает также деньги, т. е. монету в металле, служащем мерилом стоимости; следовательно, в Англии — стерлинги и даже банкноты, а именно банкноты на мелкие суммы, напр. в 5 или 10 фунтов. Эти золотые монеты и банкноты вместе с излишней разменной монетой каждый день или каждую неделю он депонирует в своем банке и оплачивает ими свои закупки, выписывая чеки на свой банковый вклад. Но те же самые золотые монеты и банкноты столь же постоянно, прямо или косвенно, извлекаются из банков всей публикой как потребителем в качестве денежной формы дохода (напр., фабриканты берут мелкие деньги для выплаты заработной платы) и постоянно обратно притекают к розничным торговцам, для которых они таким образом вновь реализуют часть их капитала, но вместе с тем и часть их дохода. Это последнее важное обстоятельство Тук совершенно упускает из виду. Лишь когда деньги затрачиваются как денежный капитал в начале процесса воспроизводства (книга II, отдел I), капитальная стоимость существует как таковая в чистом ее виде. Потому что в произведенном товаре заключается не только капитал, но уже и прибавочная стоимость, товар есть не только капитал в себе, но уже осуществившийся капитал, капитал с присоединенным к нему источником дохода. Следовательно, то, что̀ розничный торговец отдает за деньги, обратно притекающие к нему, — его товар, — представляет собою для него капитал плюс прибыль, капитал плюс доход.

Далее, обращающиеся деньги, обратно притекая к розничному торговцу, снова восстанавливают денежную форму его капитала.

Следовательно, совершенно неправильно превращать различие между обращением как обращением дохода и обращением как обращением капитала в различие между средством обращения и капиталом. Такой оборот речи происходит у Тука потому, что он просто становится на точку зрения банкира, выпускающего собственные банкноты. Сумма его банкнот, постоянно находящаяся на руках у публики (хотя постоянно слагающаяся из других банкнот) и функционирующая как средство обращения, ничего ему не сто̀ит помимо бумаги и печати. Банкноты — это выставленные

на него самого обращающиеся долговые обязательства (векселя), которые, однако, приносят ему деньги и таким образом служат средством увеличения стоимости его капитала. Но они отличны от его капитала, будет ли то собственный капитал или капитал, взятый в ссуду. Отсюда для него вытекает специальное различие между обращением и капиталом, которое, однако, не имеет ничего общего со значением этих понятий самих по себе и всего менее с тем их значением, какое они получили у Тука.

Различное назначение денег — функционируют ли они как денежная форма дохода или как денежная форма капитала — прежде всего ничего не изменяет в характере денег как средства обращения; они сохраняют этот характер, выполняют ли они ту или другую функцию. Впрочем, если деньги выступают как денежная форма дохода, они функционируют больше в качестве собственно средства обращения (монеты, покупательного средства), вследствие раздробления этих покупок и продаж и потому что большинство тратящих доход — рабочие — сравнительно мало могут купить в кредит, тогда как в оборотах торгового мира, где средство обращения представляет денежную форму капитала, деньги, частью вследствие концентрации, частью вследствие преобладания кредитной системы, функционируют главным образом как средство платежа. Но различие между деньгами как средством платежа и деньгами как покупательным средством (средством обращения) есть различие, принадлежащее самим деньгам, а не различие между деньгами и капиталом. Из-за того, что в розничной торговле обращается больше медной и серебряной монеты, а в оптовой — больше золотой, различие между серебряной и медной монетой, с одной стороны, и золотой, с другой, не становится различием между средством обращения и капиталом.

К пункту 2) о привнесении вопроса о количестве денег, обращающихся в обеих функциях вместе. Поскольку деньги обращаются как покупательное средство или средство платежа, — безразлично, в какой из двух сфер и независимо от их функции реализовать доход или капитал, — законы, ранее развитые при исследовании простого товарного обращения (книга I, гл. III, 2, b), сохраняют свою силу для количества обращающихся денег. Массу обращающихся денег, currency, в обоих случаях определяет степень быстроты обращения, т. е. число повторений одной и той же единицей денег в данный промежуток времени одной и той же функции покупательного средства и средства платежа, количество одновременных покупок и продаж, resp. [соответств.] платежей, сумма цен обращающихся товаров, наконец платежные балансы, подлежащие одновременному погашению. Представляют ли функционирующие таким образом деньги для плательщика или получателя капитал или доход — это безразлично, ровно ничего не изменяет в положении дела. Масса денег просто определяется их функциями как покупательного средства и средства платежа.

К пункту 3), к вопросу об относительной пропорции количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства. Обе сферы обращения находятся во внутренней связи, потому что, с одной стороны, количество подлежащих израсходованию доходов выражает размеры потребления, а с другой — величина обращающихся в производстве и торговле масс капитала выражает размеры и быстроту процесса воспроизводства. Несмотря на то, одни и те же обстоятельства влияют различно, и даже в противоположном направлении, на количество денежных масс, обращающихся в обеих функциях или сферах, или, как говорят англичане на своем банковском языке, на количество обращения. И это снова дает Туку повод к вульгарному разграничению средств обращения и капитала. То обстоятельство, что господа из лагеря currency-theory смешивают две разные вещи, отнюдь не дает основания изображать их как различные понятия.

В периоды процветания, большого расширения, ускорения и энергии процесса воспроизводства, рабочие заняты полностью. В большинстве случаев наступает и повышение заработной платы, несколько выравнивающее ее падение ниже среднего уровня в другие периоды коммерческого цикла. Вместе с тем значительно растут доходы капиталистов. Потребление всюду повышается. Товарные цены тоже регулярно повышаются, по крайней мере в различных решающих отраслях предпринимательской деятельности. Вследствие этого возрастает количество обращающихся денег, по крайней мере в известных границах, ибо большая быстрота обращения, в свою очередь, ставит предел возрастанию количества средств обращения. Так как часть общественного дохода, состоящая из заработной платы, первоначально авансируется промышленным капиталистом в форме переменного капитала и всегда в форме денег, то в периоды процветания она требует больше денег для своего обращения. Но мы не должны дважды считать их: первый раз как деньги, необходимые для обращения переменного капитала, и второй раз как деньги, необходимые для обращения дохода рабочих. Уплачиваемые рабочим в виде заработной платы деньги расходуются в розничной торговле и приблизительно еженедельно возвращаются в банки в качестве вкладов розничных торговцев, предварительно обслужив в мелких кругооборотах ряд разного рода промежуточных сделок. В периоды процветания возврат денег к промышленным капиталистам протекает гладко, и таким образом их потребность в денежных ссудах растет не от того, что им необходимо выплатить больше заработной платы, что требуется больше денег для обращения их переменного капитала.

Общий результат тот, что в периоды процветания масса средств обращения, служащих для расходования доходов, решительно возрастает.

Что касается обращения, необходимого для передачи капитала, следовательно обращения только между самими капиталистами, то время бойких дел является вместе с тем и периодом самого эластического и легкого кредита. Быстрота обращения между капиталистом и капиталистом непосредственно регулируется кредитом, и масса средств обращения, требующихся для покрытия платежей и даже для покупок за наличный расчет, сравнительно сокращается. Абсолютно она может увеличиться, но относительно, по сравнению с расширением процесса воспроизводства, она при всех обстоятельствах сокращается. С одной стороны, крупные массовые платежи ликвидируются без всякого посредничества денег; с другой — вследствие сильного оживления процесса ускоряется движение одного и того же количества денег в качестве как покупательного средства, так и средства платежа. Та же самая масса денег обслуживает обратный приток большего количества отдельных капиталов.

В общем в такие периоды денежное обращение является полным (full), хотя часть II его (передача капитала) сокращается, по крайней мере относительно, тогда как часть I (расходование доходов) абсолютно расширяется.

Обратный приток денег выражает обратное превращение товарного капитала в деньги, *Д — Т — Д'*, как это мы видели при исследовании процесса воспроизводства (книга II, отдел I). Обратный приток в денежной форме становится благодаря кредиту независимым от времени действительного возврата как для промышленного капиталиста, так и для купца. Каждый из них продает в кредит; следовательно, их товар отчуждается прежде, чем он превратится для них в деньги, т. е. прежде, чем он обратно вернется к ним самим в форме денег. С другой стороны, каждый из них покупает в кредит, и таким образом стоимость их товара совершает для них обратное превращение в производительный капитал или в товарный капитал прежде, чем эта стоимость действительно превратится в деньги, прежде, чем наступит срок платы за товары и будет заплачено за них. В такие периоды процветания обратное возвращение капитала протекает легко и гладко. Розничный торговец с полной надежностью платит оптовому торговцу, этот последний — фабриканту, фабрикант — импортеру сырья и т. д. Видимость быстрого и верного обратного притока капитала всегда сохраняется еще долго после того, как в действительности этого уже нет, — сохраняется благодаря наладившемуся кредиту, потому что возврат посредством кредита замещает действительный возврат. Банки начинают предчувствовать беду, как только их клиенты станут уплачивать больше векселями, чем деньгами. См. вышеприведенное показание ливерпульского директора банка, стр. 398 [настоящий том, стр. 425—426].

Здесь следует еще вставить то, о чем я упоминал раньше: «В периоды, когда преобладает кредит, скорость обращения денег

увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров, между тем как при сокращении кредита цены товаров падают медленнее, нежели скорость обращения» («Zur Kritik der Politischen Oekonomie». 1859, стр. 83, 84. [Ср. К. Маркс: «К критике политической экономии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 90.]).

В периоды кризисов отношение становится обратным. Обращение № I сокращается, цены падают, падает также и заработная плата; число занятых рабочих сокращается, масса оборотов уменьшается. Напротив, в обращении № II с сокращением кредита увеличивается потребность в денежных ссудах — обстоятельство, на котором мы сейчас остановимся подробнее.

Не подлежит никакому сомнению, что с сокращением кредита, совпадающим с застоем в процессе воспроизводства, сокращается масса средств обращения, требующихся для № I, расходования доходов, тогда как для № II, для передачи капиталов, она увеличивается. Но необходимо исследовать, насколько это положение тождественно с положением, выставленным Фуллартоном и др.: «Спрос на заемный капитал и спрос на добавочные средства обращения — совершенно различные вещи и не часто встречаются вместе»[90].

---

[90] A demand for capital on loan and a demand for additional circulation are quite distinct things, and not often found associated (*Fullarton:* «On the Regulation of Currencies». London 1845, стр. 82. Заголовок к гл. 5). — «В самом деле, крупная ошибка воображать, будто спрос на денежную ссуду» (т. е. на заем капитала) «тождествен со спросом на добавочные средства обращения или что тот и другой часто выступают вместе. Каждый из них возникает из своих собственных обстоятельств и весьма отличен от другого спроса. Когда все представляется в состоянии расцвета, когда заработная плата высока, цены повышаются, и фабрики делают дела, дополнительное предложение *средств обращения* обыкновенно требуется для выполнения дополнительных функций, не отделимых от необходимости производить более крупные и многочисленные платежи, тогда как главным образом на более поздней стадии коммерческого цикла, когда начинают выступать затруднения, когда рынки переполнены и обратные выручки задерживаются, процент повышается, и к банкам предъявляется усиленный спрос на ссуду *капитала*. Несомненно, что банк, кроме выпуска банкнот, не имеет иного средства, при помощи которого он обыкновенно ссужает капитал; и что, следовательно, отказать в банкнотах — значит отказать в ссуде. Но, раз ссуда разрешена, все сообразуется с потребностями рынка; заем остается, а средство обращения, если в нем нет нужды, возвращается обратно к ссудившему. Согласно этому, даже поверхностный взгляд на парламентские отчеты может убедить всякого, что количество ценных бумаг, находящихся в распоряжении Английского банка, обыкновенно колеблется в направлении, противоположном обращению его банкнот, а не в одном направлении с ним, и, следовательно, что пример этого крупного учреждения подтверждает испытанное правило провинциальных банков, что никакой банк не может повысить выпуск своих банкнот за пределы потребностей, для удовлетворения которых обычно служит обращение банкнот; если же банк хочет выдавать ссуды свыше этой суммы, он должен производить их за счет своего капитала, т. е. или пустить в оборот служившие обеспечением ценные бумаги или употребить для этой цели денежные поступления, которые иначе он поместил бы в ценные бумаги. Таблица, составленная по парламентским отчетам за промежуток 1833—1840 гг., на которую я ссылался на преды-

Прежде всего ясно, что в первом из двух вышеуказанных случаев, в периоды процветания, когда масса находящихся в обращении средств обращения должна расти, спрос на них увеличивается. Но ведь так же ясно, что если фабрикант берет из своего вклада в банке больше золота или банкнот, потому что ему предстоит больший расход капитала в денежной форме, то от этого его спрос на капитал не растет, а растет лишь спрос на ту особую форму, в которой он расходует свой капитал. Спрос касается лишь технической формы, в которой он бросает свой капитал в обращение. Точно так же, как, напр., при различном развитии кредита один и тот же переменный капитал, одно и то же количество заработной платы требует в одной стране большего количества средств обращения, чем в другой: в Англии, напр., больше, чем в Шотландии, в Германии больше, чем в Англии. Равным образом в сельском хозяйстве один и тот же капитал, действующий в процессе воспроизводства, требует для исполнения своей функции в различные времена года различного количества денег.

Но противоположность в той постановке, в какой ее дает Фуллартон, неверна. Отнюдь не сильный спрос на займы, как он говорит, отличает периоды застоя от процветания, а та легкость, с какой этот спрос удовлетворяется во времена процветания, и та трудность, с какой он удовлетворяется при наступившем застое. Ведь именно огромное развитие кредитной системы в периоды процветания,

---

дущей странице, постоянно дает примеры этой истины; но два из них так замечательны, что я не могу обойти их. 3 января 1837 г., когда ресурсы банка были напряжены до крайней степени для поддержания кредита и противодействия затруднениям денежного рынка, мы находим, что его ссуды и учет дошли до огромной суммы в 17 022 000 ф. ст., до суммы, едва ли достигавшейся после войны и почти равной всей сумме выпусков, которая между тем оставалась без движения на таком низком уровне, как 17 076 000 ф. ст.! С другой стороны, на 4 июня 1833 г. мы имеем средств обращения на 18 892 000 ф. ст. при счете частных обеспечений более низком, если только не самом низком за последнее полустолетие, не превышавшем 972 000 ф. ст.!» (*Fullarton,* там же, стр. 97, 98). — Из следующих показаний г. Вегелайна, управляющего Английским банком, видно, что отнюдь не требуется, чтобы «demand for pecuniary accomodation» [спрос на денежные ссуды] был тожествен с «demand for gold» [спросом на золото] (что Вильсон, Тук и др. называют капиталом). «Учет векселей до этой суммы» (до одного миллиона ежедневно в течение трех последовательных дней) «не сократил бы запаса» (банкнот), «если бы публика не требовала большей суммы активного обращения. Банкноты, выданные при учете векселей, возвращались бы обратно при посредстве банков и путем вкладов. Если целью таких сделок не является вывоз золота или если внутри страны не господствует такого рода паника, что публика крепко держит свои банкноты вместо того чтобы производить ими платежи банку, то такие грандиозные обороты не повлияли бы на запас». — «Банк может ежедневно учитывать на полтора миллиона, и это происходит постоянно, нисколько не затрагивая его запасов. Банкноты возвращаются обратно в виде вкладов, и единственное происходящее при этом изменение состоит в простом переносе с одного счета на другой» («Report on Bank Acts». 1857. Показания № 241 и 500). Следовательно, банкноты служат здесь только средством перенесения кредитов.

стало быть, также колоссальное повышение спроса на ссудный капитал и готовность, с какой предложение ставит себя в такие периоды в его распоряжение, создаст кредитные тиски в период застоя. Следовательно, не различие в величине спроса на ссуды характеризует оба периода.

Как уже было сказано раньше, оба периода различаются прежде всего тем, что в период процветания преобладает спрос на средства обращения между потребителями и торговцами, в период угнетения — спрос на средства обращения между капиталистами. В период застоя в делах первый спрос сокращается, второй — усиливается.

Фуллартону и другим кажется решающе важным, что в такие времена, когда размеры securities — залогов по ссудам и векселей — в распоряжении Английского банка увеличиваются, обращение его банкнот сокращается, и наоборот. Но размер securities отражает объем денежных операций, учтенных векселей и ссуд под ходовые ценные бумаги. Так, Фуллартон в приведенном выше месте (примечание 90, стр. 435 [настоящий том, стр. 461—462]) говорит: «Количество ценных бумаг (securities), находящихся в распоряжении Английского банка, обыкновенно колеблется в направлении, противоположном обращению его банкнот, и это подтверждает испытанное правило частных банков, что никакой банк не может повысить выпуск своих банкнот за пределы известной суммы, определяемой потребностями его клиентов; если же банк хочет выдавать ссуды свыше этой суммы, он должен производить их за счет своего капитала, т. е. или пустить в оборот ценные бумаги или употребить для этой цели денежные поступления, которые иначе он поместил бы в ценные бумаги».

Здесь, однако, выясняется, что̀ понимает Фуллартон под капиталом. Что называется здесь капиталом? Что банк не может более выдавать ссуд своими собственными банкнотами, обещаниями платежа, которые, конечно, ему ничего не стоят. Но в таком случае при помощи чего он выдает ссуды? Он выдает их из выручки от продажи имеющихся в запасе securities, т. е. государственных бумаг, акций и других процентных бумаг. Но за что продает он эти бумаги? За деньги, за золото или банкноты, поскольку последние являются законным средством платежа, как билеты Английского банка. Следовательно, то, что̀ он выдает в ссуду, есть во всяком случае деньги. Но теперь эти деньги образуют часть его капитала. Если он дает в ссуду золото, то это само собой очевидно. Если — банкноты, то теперь эти банкноты представляют капитал, потому что банк отдал в обмен за них действительную стоимость, процентные бумаги. У частных банков банкноты, приливающие к ним вследствие продажи ценных бумаг, в большей своей части могут быть только билетами Английского банка или их собственными, так как другие едва ли принимаются в уплату за ценные

бумаги. Если же эту операцию производит сам Английский банк, то его собственные билеты, которые он получает обратно, сто̀ят ему капитала, т. е. процентных бумаг. Кроме того, он таким способом извлекает из обращения свои собственные билеты. Если он вновь выпускает эти билеты или вместо них новые на такую же сумму, то они, следовательно, представляют теперь капитал. И притом они одинаково представляют капитал как в том случае, когда они выдаются в ссуду капиталистам, так и в том случае, если впоследствии, при сокращении спроса на такие денежные ссуды, они снова употребляются на приобретение ценных бумаг. Во всех этих случаях слово «капитал» употребляется здесь только в банковском смысле, причем оно означает, что банкир вынужден выдавать ссуды на сумму бо̀льшую, чем просто его кредит.

Как известно, Английский банк выдает все свои ссуды своими билетами. Если же, несмотря на то, обращение билетов банка, как правило, сокращается, по мере того как увеличивается в его руках количество учтенных векселей и залогов под ссуды, следовательно, по мере того как увеличивается количество выданных им ссуд, то что̀ делается с билетами, выпущенными в обращение, каким образом они приливают обратно в банк?

Прежде всего, если спрос на денежные ссуды вызывается неблагоприятным национальным платежным балансом и, следовательно, обусловливает отлив золота, то дело очень просто. Векселя учитываются в банкнотах. Банкноты в самом же банке, в эмиссионном отделе, обмениваются на золото, и золото вывозится за границу. Это все равно, как если бы банк при самом учете векселей прямо платил золотом, без посредства банкнот. Такое усиление спроса, достигающее в известных случаях от 7 до 10 миллионов фунтов стерлингов, конечно, не прибавляет к внутреннему обращению страны ни одного пятифунтового билета. Если же говорят, что банк дает при этом в ссуду капитал, а не средства обращения, то это имеет двоякий смысл. Во-первых, что он дает в ссуду не кредит, а действительную стоимость, часть своего собственного или депонированного у него капитала. Во-вторых, что он дает в ссуду деньги не для внутреннего, а для международного обращения, дает всемирные деньги; а для такой цели деньги всегда должны находиться в своей форме сокровища, в своей металлической телесности, в форме, в которой они не только представляют собою форму стоимости, но сами равны той стоимости, денежной формой которой они являются. Хотя это золото как для банка, так и для экспортера золота представляет капитал, — банкирский капитал или купеческий капитал, — однако спрос на него возникает не как спрос на капитал, а как спрос на абсолютную форму денежного капитала. Он возникает именно в тот момент, когда иностранные рынки переполнены не находящим реализации английским товарным капиталом. Следовательно, при этом требуется капитал не как *капитал*,

а капитал как *деньги*, в форме, в которой деньги суть всеобщий товар всемирного рынка; а это — первоначальная форма денег, благородный металл. Следовательно, отлив золота не «a mere question of capital» [«просто вопрос капитала»], как говорят Фуллартон, Тук и др., но «a question of money» [«вопрос денег»], хотя и в их специфической функции. То обстоятельство, что это не вопрос *внутреннего* обращения, как утверждают люди из лагеря currency-theory, конечно, не служит доказательством того, что это просто question of capital [вопрос капитала], как полагают Фуллартон и др. Это a question of money [вопрос денег] в той форме, в которой деньги служат международным средством платежа. «Передается ли этот капитал» (покупная цена миллионов квартеров иностранной пшеницы после неурожая в стране) «товарами или деньгами, — это обстоятельство нисколько не влияет на характер сделки» (Fullarton, цит. произв., стр. 131). Но это очень важно по отношению к вопросу, происходит отлив золота или нет. Капитал передается в форме благородного металла, потому что в форме товаров он или совсем не может быть передан или только с очень большими потерями. Страх современной банковой системы перед отливом золота превосходит все, что когда-либо грезилось представителям монетарной системы, для которых благородный металл — единственное истинное богатство. Возьмем, напр., следующее показание управляющего Английским банком Морриса перед парламентской комиссией о кризисе 1847—1848 гг. (3846. Вопрос:) «Если я говорю об обесценении запасов (stocks) и основного капитала, то не известно ли вам, что весь капитал, помещенный в запасы и продукты всякого рода, обесценился таким же образом, что сырье, хлопок-сырец, шелк-сырец, сырая шерсть посылались на континент по таким же чрезвычайно низким ценам и что сахар, кофе и чай пошли с большими жертвами с аукционов?» — «Страна неизбежно должна была принести *значительные жертвы*, чтобы справиться *с отливом золота*, вызванным колоссальным ввозом пищевых продуктов». — (3848.) «Не думаете ли вы, что было бы лучше потревожить 8 миллионов фунтов стерлингов, лежащих в хранилищах банка, чем пытаться возвратить золото с такими жертвами?» — «Нет, *я не думаю этого*». — Здесь значение единственного действительного богатства придается золоту.

Цитированное Фуллартоном открытие Тука, — что «за одним или двумя исключениями, которые притом допускают удовлетворительное объяснение, всякое сопровождаемое отливом денежного металла заметное падение курса, совершавшееся за последнее полустолетие, совпадало с относительно низким уровнем средств обращения и vice versa [наоборот]» (Fullarton, стр. 121), — доказывает, что такие отливы золота в большинстве случаев наступают после периода оживления и спекуляции, как «признак уже начавшегося упадка... проявление переполнения рынков, прекращения иностранного спроса на наши продукты, замедления оборотов и,

как необходимое следствие всего этого, коммерческого недоверия, закрытия мануфактур, голодания рабочих и общего застоя промышленности и предпринимательства» (стр. 129). В то же время это, конечно, лучшее возражение против утверждения представителей теории currency, будто «переполненное обращение вызывает отлив золота, а слабое обращение привлекает его». Напротив, хотя в Английском банке во времена процветания по большей части имеется большой запас золота, но образуется этот запас всегда в вялое время, в период застоя, следующего за бурей.

Следовательно, вся мудрость в отношении отлива золота сводится к тому, что спрос на *международные* средства обращения и платежа отличен от спроса на *внутренние* средства обращения и платежа (из чего само собой следует также, что «наличие отлива не предполагает необходимо уменьшения внутреннего спроса на средства обращения», как говорит Фуллартон, стр. 112) и что отправка благородных металлов из страны, выбрасывание их в международное обращение, не тожественно с выбрасыванием банкнот или монеты во внутреннее обращение. Впрочем, уже раньше я показал, что движение сокровища, сконцентрированного в качестве резервного фонда для международных платежей, само по себе не имеет ничего общего с движением денег как средства обращения. Конечно, при этом дело усложняется тем, что различные функции сокровища, которые я вывел из природы денег: его функция как резервного фонда средств платежа для срочных платежей внутри страны; как резервного фонда средств обращения; наконец, как резервного фонда всемирных денег — все эти функции возложены на один единственный резервный фонд, из чего следует также, что при известных обстоятельствах отлив золота из банка внутрь страны может соединяться с отливом его за границу. Еще одно дальнейшее осложнение возникает вследствие новой функции, совершенно произвольно возлагаемой на это сокровище, — служить фондом для обеспечения размена банкнот в странах с развитой кредитной системой и кредитными деньгами. Затем ко всему этому в конце концов присоединяется 1) концентрация национального резервного фонда в единственном главном банке, 2) его сведение к возможному минимуму. Отсюда и жалоба Фуллартона (стр. 143): «Видя то полное спокойствие и легкость, с какими изменения курса обыкновенно проходят в континентальных странах по сравнению с лихорадочным беспокойством и шумом, каждый раз возникающими в Англии, когда представляется, будто наличность банка близка к полному истощению, нельзя не изумляться тем крупным выгодам, которые имеет в этом отношении металлическое денежное обращение».

Но если мы оставим в стороне отлив золота, то как же может банк, выпускающий банкноты, следовательно напр. Английский банк, увеличивать сумму выдаваемых им денежных ссуд, не увеличивая выпуска своих банкнот?

За стенами банка все банкноты, обращаются ли они или спокойно лежат в частных хранилищах, для самого банка находятся в обращении, т. е. не в его владении. Следовательно, если банк расширяет свои учетные и ломбардные операции, ссуды под securities [обеспечение], то выпущенные для этого банкноты должны притекать к нему обратно, потому что иначе они увеличивают сумму обращения, чего именно и не должно быть. Этот обратный приток может происходить двояким образом.

Во-первых: банк платит лицу *A* банкнотами за ценные бумаги; *A* платит ими лицу *B* по векселю при наступлении срока платежа, а *B* снова депонирует их в банке. Таким образом обращение этих банкнот закончено, но заем остается. («Заем остается, а средство обращения, если в нем нет нужды, возвращается обратно к ссудившему». Fullarton, стр. 97.) Банкноты, ссуженные банком лицу *A*, теперь возвратились к нему обратно, напротив, банк является кредитором *A* или того лица, которым выдан учтенный *A* вексель, и должником *B* на сумму стоимости, выраженную в этих банкнотах, а *B* располагает таким образом соответствующей частью капитала банка.

Во-вторых: *A* платит лицу *B*, а сам *B* или *C*, которому в свою очередь *B* платит банкнотами, платит ими же банку, непосредственно или посредственно, по векселям, которым наступил срок. В этом случае банку платят его собственными банкнотами. И тогда сделка этим заканчивается (до обратного платежа банку лицом *A*).

В какой же мере можно рассматривать ссуду банка лицу *A* как ссуду капитала и в какой — просто как ссуду средств платежа? [91]

{Это зависит от природы самой ссуды. При этом мы должны исследовать три случая.

Первый случай. — *A* получает от банка известную сумму в ссуду под свой личный кредит, не предоставляя для этого никакого обеспечения. В этом случае он получил в ссуду не только средство платежа, но безусловно также и новый капитал, который он может применить в своем деле в качестве добавочного капитала и увеличивать в стоимости до обратной уплаты банку.

Второй случай. — *A* заложил в банке ценные бумаги, свидетельства государственного займа или акции, и получил под них ссуду наличными деньгами, скажем, до двух третей их курсовой стоимости. В этом случае он получил средства платежа, в которых он нуждается, но не дополнительный капитал, потому что он отдал банку бо̀льшую капитальную стоимость, чем та, какую получил от него. Но, с одной стороны, он не мог воспользоваться этой большей капитальной стоимостью для своих потребностей текущего момента — потребностей в средствах платежа, — потому что эта

[91] Следующее за этим место оригинала непонятно в данной связи и до заключения скобок заново переработано редактором. В иной связи этот вопрос уже был затронут в гл. XXVI. — *Ф. Э.*

капитальная стоимость была затрачена в определенной форме с целью получения процента; с другой стороны, у *А* были свои основания не превращать этой стоимости прямо в средства платежа путем продажи. Его ценные бумаги, между прочим, имели назначение функционировать в качестве запасного капитала, и он заставил их функционировать именно как запасный капитал. Следовательно, между *А* и банком произошла временная взаимная передача капиталов, причем *А* не получил никакого дополнительного капитала (наоборот!), но, конечно, получил необходимые для него средства платежа. Напротив, для банка сделка была временным солидным помещением денежного капитала в форме займа, превращением денежного капитала из одной формы в другую, а такое превращение именно и составляет существенную функцию банкового дела.

Третий случай. — *А* учел в банке вексель и получил при этом за вычетом учета определенную сумму наличными. В этом случае он продал банку денежный капитал в несвободной форме за сумму стоимости в свободной форме; вексель, которому еще не истек срок, он продал за наличные деньги. Вексель составляет теперь собственность банка. Дело нисколько не изменяется от того, что в случае неуплаты по векселю последний индоссент *А* отвечает перед банком на сумму векселя; эту ответственность он разделяет с другими индоссентами и с лицом, выставившим вексель, к которым он в свое время может обратить взыскание. Следовательно, здесь нет никакой ссуды, а вполне обыкновенная купля и продажа. Поэтому *А* ничего не должен уплачивать банку: при наступлении срока платежа банк покрывает свой расход, получая по векселю. В этом случае тоже произошла взаимная передача капитала между *А* и банком, притом совершенно такая, как при купле и продаже всякого другого товара, и именно поэтому *А* не получил никакого дополнительного капитала. Ему требовались, и он получил средства платежа, и получил благодаря тому, что банк превратил для него одну форму его денежного капитала, вексель, в другую, в деньги.

Следовательно, о действительной ссуде капитала, о действительном авансировании его может итти речь только в первом случае. Во втором и в третьем случае можно говорить о ссуде капитала, об авансировании капитала разве только в том смысле, как говорят об «авансировании капитала» при всяком помещении капитала. В этом смысле банк ссужает, авансирует, лицу *А* денежный капитал; но для *А* он представляет *денежный капитал* самое большее в том смысле, что он вообще является частью его капитала. И он получает и употребляет его не как собственно капитал, а именно как средство платежа. Иначе каждую обыкновенную продажу товара, посредством которой получаются средства платежа, пришлось бы также считать получением в ссуду капитала. — *Ф. Э.*}

Для частного банка, выпускающего банкноты, различие заключается в том, что в случае, если его билеты не остаются в местном обращении и не возвращаются к нему в форме вкладов или при уплатах по векселям, которым наступил срок, эти билеты попадают в руки лиц, которым банк в обмен за них должен платить золото или билеты Английского банка. Таким образом в этом случае ссуда его билетов в действительности представляет ссуду билетов Английского банка, или, — что для банка то же самое, — ссуду золота, следовательно части его банкового капитала. То же самое имеет место в том случае, когда сам Английский банк или какой-нибудь другой банк, подчиненный закону о максимуме выпуска билетов, должен продавать ценные бумаги, чтобы извлечь из обращения свои собственные билеты и затем снова выдавать их в ссуду; в этом случае его собственные билеты представляют часть его мобилизованного банкового капитала.

Если бы даже обращение было чисто металлическое, то одновременно 1) отлив золота мог бы опустошить кладовые банка {здесь, очевидно, имеется в виду такой отлив золота, при котором по крайней мере часть его уходит за границу. — *Ф. Э.*} и 2) так как золото требовалось бы банку главным образом только для уплаты разницы по платежам (для завершения прежних сделок), то его ссуды под ценные бумаги могли бы сильно возрасти, но возвращались бы к нему в форме вкладов или платежей по векселям, которым истек срок; так что, с одной стороны, при увеличении количества ценных бумаг в портфеле банка общая сумма его золотого запаса уменьшилась бы, а, с другой стороны, ту же самую сумму, которую раньше банк держал как ее собственник, он держал бы теперь как должник своих вкладчиков, и, наконец, уменьшилась бы общая масса средств обращения.

До сих пор мы предполагали, что ссуды выдаются в банкнотах, следовательно влекут за собой по крайней мере временное, хотя тотчас же снова исчезающее увеличение выпуска банковых билетов. Но это не представляет необходимости. Вместо выдачи бумажных билетов банк может открыть лицу *A* кредит по своим счетам, причем *A*, должник банка, становится его мнимым вкладчиком. Он платит своим кредиторам чеками на банк, а получатель этих чеков, в свою очередь, платит ими своему банкиру, который обменивает их в clearing house [расчетной палате] на чеки, выданные на него. В этом случае дело обходится без всякого участия банкнот, и вся сделка ограничивается тем, что требования, которые банк должен выполнить, сальдируются чеками на него самого, а его действительная рекомпенсация состоит в кредитном требовании к *A*. В этом случае банк выдал ему в ссуду часть своего банкового капитала, потому что он выдал свои собственные долговые требования.

Поскольку этот спрос на денежные ссуды представляет собою спрос на капитал, он есть спрос лишь на денежный капитал, на капитал с точки зрения банкира, именно на золото — при отливе золота за границу — или на билеты национального банка, которые частный банк может получить только куплей за эквивалент; следовательно, для него они представляют капитал. Или, наконец, дело идет о процентных бумагах, государственных фондах, акциях и т. д., которые должны быть проданы, чтобы банк мог привлечь к себе золото или банкноты. Но если это — государственные бумаги, они суть капитал только для того, кто их купил, для кого они представляют, следовательно, ту цену, за которую он их купил, представляют его капитал, помещенный в эти бумаги; сами по себе они не капитал, а простые долговые требования. Если это — ипотеки, то они являются просто свидетельствами на получение будущей земельной ренты, а если — акции, то они являются просто титулами собственности, дающими право на получение будущей прибавочной стоимости. Все эти вещи не суть действительный капитал, не образуют никакой составной части капитала и сами по себе не суть стоимости. При помощи подобных сделок можно также превратить деньги, принадлежащие банку, во вклады, так что банк вместо собственника сделается по отношению к этим деньгам должником, будет владеть ими на основании другого титула. Как ни важно это для самого банка, это нисколько не изменяет количества запасного капитала и даже денежного капитала, имеющегося в стране. Следовательно, капитал фигурирует здесь только как денежный капитал, а если он существует не в действительной денежной форме, то — как простой титул на капитал. Это очень важно, так как недостаток *банкового* капитала и усиленный спрос на него смешивается с уменьшением *действительного* капитала, который в форме средств производства и продуктов имеется в подобных случаях, напротив, в избытке и угнетает рынки.

Итак, очень просто объясняется, каким образом возрастает количество ценных бумаг, которые удерживаются банками в качестве обеспечения, следовательно очень просто объяснить и то, каким образом банки могут удовлетворять возрастающий спрос на денежные ссуды при прежней или уменьшающейся общей массе средств обращения. А именно в такие периоды стесненности в деньгах эта общая масса удерживается в известных пределах двояким образом: 1) путем отлива золота; 2) путем спроса на деньги просто как на средства платежа, причем выданные банкноты тотчас притекают обратно или же сделка совершается при помощи кредита по книгам банка без всякой выдачи банкнот, следовательно простая кредитная сделка обслуживает платежи, расчет по которым является единственной целью операции. Такова особенность денег, что, когда они функционируют лишь для сальдирования платежей (а во времена кризисов ссуда берется для того чтобы платить,

а не для того чтобы покупать; — для того чтобы завершить прежние сделки, а не для того чтобы начинать новые), их обращение мимолетно, даже если это сальдирование происходит не путем чистой кредитной операции, происходит без всякого участия денег; следовательно, при сильном спросе на денежные ссуды может совершаться огромное количество этих сделок, не увеличивая обращения. Но один тот факт, что обращение Английского банка остается неизменным или даже уменьшается одновременно с сильным увеличением выдаваемых им денежных ссуд, отнюдь не доказывает prima facie [прежде всего], — как это принимают Фуллартон, Тук и др. (вследствие их ошибочного мнения, что денежная ссуда тожественна с займом дополнительного капитала, capital on loan), — что обращение денег (банкнот) в их функции средства платежа не увеличивается и не расширяется. Так как обращение банкнот как покупательного средства сокращается в период застоя в делах, когда требуются столь значительные ссуды, то их обращение как средства платежа может увеличиваться, а вся сумма обращения, сумма банкнот, функционирующих в качестве покупательных средств и средств платежа, все же может оставаться неизменной или даже уменьшаться. Обращение в качестве средств платежа банкнот, которые тотчас притекают обратно в выпускающий их банк, в глазах упомянутых экономистов вовсе не есть обращение.

Если бы обращение денег как средства платежа увеличилось в более высокой степени, чем оно уменьшилось бы как обращение покупательных средств, то все обращение возросло бы, хотя бы количество денег, функционирующих в качестве покупательного средства, значительно уменьшилось. И это действительно наступает в известные моменты кризиса, именно при полном крушении кредита, когда становится невозможным не только продавать товары и ценные бумаги, но и учитывать векселя, и когда не остается ничего иного, как платеж наличными, или, как говорят купцы, касса. Так как Фуллартон и другие не понимают, что обращение банкнот как средств платежа является характерным для таких периодов нужды в деньгах, то они и рассматривают это явление как случайное. «Что касается примеров сильной конкуренции из-за получения банкнот, которая характеризует времена паники и которая иногда, как в конце 1825 г., может повести к внезапному, хотя бы только и временному, увеличению эмиссии, даже при продолжающемся отливе золота, то, думается мне, на это не следует смотреть как на одно из явлений, естественно или необходимо сопровождающих низкий курс; спрос в таких случаях есть спрос не на средства обращения (следовало бы сказать: не на средства обращения как покупательные средства), а на сокровище, спрос части встревоженных банкиров и капиталистов, возникающий обыкновенно в последнем акте кризиса (следовательно, спрос на резерв средств платежа), после продолжительного отлива и является

предвестником окончания последнего» (Fullarton [цитиров. произв.], стр. 130).

Уже при исследовании денег как средства платежа (книга I, гл. III, 3, b) мы показали, как при резком перерыве цепи платежей деньги по отношению к товарам превращаются из чисто идеальной формы в вещную и вместе с тем абсолютную форму стоимости. Там же мы привели некоторые примеры этого, в примечаниях 100 и 101. Этот перерыв сам является отчасти следствием, отчасти причиной потрясения кредита и сопровождающих его обстоятельств: переполнения рынков, обесценения товаров, перерыва в производстве и т. д.

Однако ясно, что Фуллартон превращает различие между деньгами как покупательным средством и деньгами как средством платежа в ошибочное различие между средством обращения (currency) и капиталом. Но в основании этого опять-таки лежит узкое, свойственное банкиру, представление об обращении.

Можно было бы еще спросить: в чем же чувствуется недостаток в такие трудные времена, в капитале или в деньгах в их определенной форме средства платежа? Как известно, в этом и заключается спор.

Прежде всего, поскольку стесненное состояние проявляется в отливе золота, ясно, что требуются именно международные средства платежа. Но деньги в своей определенной форме международного средства платежа есть золото в его металлической реальности, как сама преисполненная стоимости субстанция, как материя стоимости. Вместе с тем они суть капитал, но капитал не как товарный капитал, а как денежный капитал, капитал не в форме товара, а в форме денег (и притом денег в том возвышенном смысле, в каком они существуют как всеобщий товар всемирного рынка). Здесь нет противоположности между спросом на деньги как средства платежа и спросом на капитал. Противоположность существует между капиталом в его форме денег и капиталом в его форме товара; и та форма, в которой в данном случае он требуется и в которой только и может функционировать, есть его денежная форма.

Оставляя в стороне этот спрос на золото (или серебро), нельзя сказать, что в такие периоды кризиса чувствуется каким бы то ни было образом недостаток в капитале. Это может иметь место при чрезвычайных обстоятельствах, как, напр., вздорожание хлеба, недостаток хлопка и т. д.; но такие обстоятельства отнюдь не необходимые или обычные спутники подобных периодов; и существования такого недостатка капитала нельзя поэтому с самого начала выводить из того, что наблюдается сильный спрос на денежные ссуды. Напротив, рынки переполнены, наводнены товарным капиталом. Следовательно, стеснение вызывается во всяком случае не недостатком *товарного* капитала. Мы возвратимся к этому вопросу впоследствии.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА

Для настоящего издания второй части XIX тома в основу взят текст русского перевода И. И. Степанова-Скворцова. Этот перевод был заново сверен с подготовленным Энгельсом изданием III тома «Капитала» (1894 г.). При сверке были устранены вкравшиеся в прежний перевод ошибки и неточности. Особое внимание было обращено на уточнение экономической терминологии.

Ряд мест из II части III тома «Капитала», цитированных В. И. Лениным, включен в текст в ленинском переводе. Отдельные места немецкого издания 1894 г. сверены с имеющейся в ИМЭЛ рукописью Маркса, а также с первоисточниками. При этом в издании 1894 г. были обнаружены некоторые опечатки. В подобных случаях в текст вносились исправления и делались соответствующие оговорки в редакционных примечаниях.

1947 г.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

РАСПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ БАНКОВОГО КАПИТАЛА.

Теперь мы должны рассмотреть ближе, из чего состоит банковый капитал.

Мы только что видели, что Фулляртон и другие превращают различие между деньгами как средством обращения и деньгами как средством платежа (а также мировыми деньгами, поскольку принимается в расчет отлив золота) в различие между обращением (currency) и капиталом.

Своеобразная роль, которую здесь играет капитал, приводит к тому, что с такой же старательностью, с какой просвещенная экономия пыталась внушить, что деньги не капитал, — с такою же старательностью эта экономия банкиров внушает, что деньги — действительно капитал par excellence [по преимуществу].

В дальнейшем исследовании мы покажем, что денежный капитал здесь смешивается с moneyed capital в смысле капитала, приносящего проценты, тогда как в первом смысле денежный капитал означает всегда лишь переходную форму капитала, рассматриваемую в отличие от других форм капитала: от товарного капитала и производительного капитала.

Банковый капитал состоит: 1) из наличных денег, золота или банкнот; 2) из ценных бумаг. Эти последние мы можем снова разделить на две части: торговые бумаги, текущие векселя, для которых время от времени истекает срок и в учете которых состоит собственно деятельность банкира; и общественные ценные бумаги как государственные бумаги, свидетельства казначейства, всякого рода акции, — короче, бумаги, приносящие проценты, но существенно отличающиеся от векселей. Сюда могут быть причислены

также ипотеки. Капитал, составляющийся из этих вещественных составных частей, разделяется опять-таки на капитал, вложенный самим банкиром, и вклады, составляющие его banking capital [банковый капитал], или капитал, полученный им в ссуду. В банках, выпускающих банкноты, последние также относятся сюда. Вклады и банкноты мы пока оставим в стороне. Ясно во всяком случае, что действительные составные части банкирского капитала — деньги, векселя, процентные бумаги — нисколько не изменяются от того, представляют ли эти различные элементы собственный капитал банкира или же вклады, т. е. капитал других людей. Разделение капитала на части остается неизменным, независимо от того, ведет ли банкир дело только при помощи своего собственного капитала или же только при помощи капитала, составившегося из вкладов.

Форма капитала, приносящего проценты, приводит к тому, что каждый определенный и регулярный денежный доход представляется процентом на капитал независимо от того, возникает ли этот доход из капитала или нет. Сначала денежный доход превращается в процент, а затем, раз есть процент, найдется уж и капитал, из которого процент возникает. Равным образом, когда есть капитал, приносящий проценты, всякая сумма стоимости представляется капиталом, раз она не расходуется как доход, — именно, представляется капитальной суммой (principal), в противоположность проценту, который она может приносить или приносит в действительности.

Суть дела проста: пусть средняя процентная ставка 5% в год. Следовательно, сумма в 500 ф. ст., превращенная в капитал, приносящий проценты, давала бы ежегодно 25 ф. ст. Каждый фиксированный ежегодный доход в 25 ф. ст. рассматривается поэтому как процент на капитал в 500 ф. ст. Однако это — чисто иллюзорное представление, за исключением того случая, когда источник дохода в 25 ф. ст. — есть ли он простой титул собственности, или долговое требование, или же действительный элемент производства, как, напр., земельный участок, — может быть непосредственно передан или же приобретает форму, в которой он способен к передаче. Возьмем для примера государственный долг и заработную плату.

Государство должно ежегодно выплачивать своим кредиторам определенный процент за занятый капитал. Здесь кредитор не может требовать от должника погашения долга, он может только продать свое долговое требование, свой титул собственности. Самый капитал потреблен, затрачен государством. Он более не существует. Что касается кредитора государства, то он: 1) обладает долговым обязательством государства, скажем, на 100 ф. ст.; 2) получает в силу этого обязательства право на известную часть годовых доходов государства, т. е. на известную часть годовых налогов в размере, скажем, 5 ф. ст. или 5%; 3) может продать это

долговое обязательство на 100 ф. ст. всякому другому лицу. Если процентная ставка 5% и если платежеспособность государства не возбуждает сомнений, то владелец *A* может, вообще говоря, продать долговое обязательство *B* за 100 ф. ст., потому что для *B* совершенно безразлично, ссужает ли он 100 ф. ст. за 5% годовых или же путем уплаты 100 ф. ст. обеспечивает себе ежегодную дань со стороны государства в размере 5 ф. ст. Но во всех этих случаях капитал, отпрыском (процентом) которого считаются платежи государства, остается иллюзорным, фиктивным капиталом. И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того чтобы ее затратить, вложить как капитал, а между тем только применение ее в качестве капитала могло бы превратить ее в самосохраняющуюся стоимость. Для первоначального кредитора *A* причитающаяся ему доля ежегодных налогов представляет процент на его капитал, — так же, как для ростовщика процентом на капитал представляется причитающаяся ему часть имущества мота, хотя в обоих случаях денежная сумма, данная взаймы, была израсходована не как капитал. Возможность продать долговое обязательство государства представляет для *A* возможность вернуть основную сумму. Что касается *B*, то с его частной точки зрения капитал его вложен как капитал, приносящий проценты. По существу же дела *B* только стал на место *A* и купил принадлежащее последнему долговое требование к государству. Как бы ни умножались сделки этого рода, капитал государственного долга остается чисто фиктивным, и с того момента, как долговые свидетельства перестали бы находить себе покупателей, исчезла бы даже видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением.

Теперь мы рассмотрим рабочую силу в противоположность капиталу государственного долга, где в качестве капитала выступает отрицательная величина, — как и вообще капитал, приносящий проценты, есть мать всех нелепо извращенных форм, так что, напр., долги в представлении банкира могут казаться товарами. Заработная плата рассматривается здесь как процент, а следовательно, рабочая сила — как капитал, приносящий эти проценты. Если, напр., годовая заработная плата = 50 ф. ст., а размер процента — 5%, то годовая рабочая сила считается равной капиталу в 1000 ф. ст. Нелепость капиталистического способа представления достигает здесь своего апогея; вместо того чтобы возрастание стоимости капитала объяснять эксплуатацией рабочей силы, производительность рабочей силы объясняется, наоборот, тем, что сама рабочая сила — такая же мистическая вещь, капитал, приносящий проценты. Во второй половине XVII века (напр. у Петти) это было излюбленным представлением, но и в наши дни

оно со всей серьезностью используется отчасти вульгарными экономистами, отчасти же и главным образом немецкими статистиками[1]. К сожалению, имеются два обстоятельства, неприятно опровергающие это бессмысленное представление: во-первых, рабочий должен работать, чтобы получать эти проценты, и, во-вторых, он не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем ее передачи другому. В действительности годовая стоимость его рабочей силы равна его средней годовой заработной плате, и своим трудом он должен возместить для покупателя его рабочей силы именно эту стоимость плюс прибавочную стоимость, результат ее возрастания. При системе рабства рабочий представляет сам капитальную стоимость, имеет покупную цену. И если его отдают в наем, то наниматель должен, во-первых, уплатить процент на его покупную цену и кроме того возместить ежегодное снашивание капитала.

Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, причем его исчисляют по средней процентной ставке как доход, который приносил бы капитал, отданный в ссуду из этого процента; если, напр., годовой доход = 100 ф. ст. и размер процента = 5%, то 100 ф. ст. составляют годовой процент на 2 000 ф. ст., и эти 2 000 ф. ст. считаются теперь капитальной стоимостью юридического титула собственности на ежегодный доход в 100 ф. ст. Для того, кто купил этот титул собственности, 100 ф. ст. действительно представляют процент на капитал, вложенный из 5%. Таким образом утрачиваются последние следы зависимости от действительного процесса возрастания капитала, и представление о капитале как о стоимости, самовозрастающей автоматически, окончательно упрочивается.

Даже там, где долговое свидетельство — ценная бумага — не является представителем чисто иллюзорного капитала, как в случае с государственными долгами, капитальная стоимость этой бумаги чисто иллюзорная. Мы видели выше, каким образом кредит создает ассоциированный капитал. Бумаги служат титулами собственности, представляющими этот капитал. Акции железнодорожных, горных, пароходных и других обществ являются представителями действительного капитала, именно капитала, вложенного и функционирующего в этих предприятиях, или денежной суммой,

---

[1] «Рабочий имеет капитальную стоимость, величина которой определится, если мы будем рассматривать денежную стоимость его ежегодного заработка как процентный доход... Если... капитализировать из 4% средний дневной заработок, то получится средняя стоимость одного сельскохозяйственного рабочего мужского пола: для немецкой Австрии 1 500 талеров, для Пруссии — 1 500, для Англии — 3 750, для Франции — 2 000, для внутренней России — 750 талеров» (*Von Reden:* «Vergleichende Kulturstatistik», Berlin 1848, стр. 434).

авансированной участниками с целью затратить ее в этих предприятиях как капитал. При этом отнюдь не исключена возможность, что акции представляют одно лишь мошенничество. Однако данный капитал не существует вдвойне, — один раз как капитальная стоимость титула собственности, акций и другой раз как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутые предприятия. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности, pro rata [пропорционально], на реализуемую им прибавочную стоимость. *A* может продать титул *B*. *B* может продать его *C*. Такие сделки ничего не изменяют в существе дела. *A* или *B* превращает в таком случае свой титул в капитал, а *C* свой капитал — в простой титул собственности на прибавочную стоимость, ожидаемую от акционерного капитала.

Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности — не только государственных фондов, но и акций — подтверждает иллюзию, будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются. А именно, они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости действительного капитала (хотя и связанное с изменением возрастания этой стоимости). С одной стороны, рыночная стоимость акций колеблется вместе с высотой и надежностью доходов, на которые они дают право. Если номинальная стоимость акции, т. е. действительно затраченная сумма, которую она первоначально представляла, есть 100 ф. ст. и если предприятие вместо 5% стало приносить 10%, то рыночная стоимость акции при прочих равных условиях и при процентной ставке в 5% поднимается до 200 ф. ст., потому что, капитализированная из 5%, она представляет теперь фиктивный капитал в 200 ф. ст. Тот, кто покупает ее за 200 ф. ст., получает 5% дохода с этой затраты капитала. Обратное имеет место, если доход предприятия уменьшается. Рыночная стоимость этих бумаг отчасти спекулятивна, так как она определяется не только действительным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным. Но при том условии, если возрастание стоимости действительного капитала является постоянным, или же, где, как в случае государственного долга, никакого капитала не существует, если ежегодный доход фиксирован законом и вообще достаточно обеспечен, цена этих ценных бумаг будет подниматься и падать в направлении обратном движению процента. Если процентная ставка повышается с 5 до 10%, то ценная бумага, обеспечивающая доход в 5 ф. ст., будет представлять капитал только в 50 ф. ст. Если же процентная ставка понижается до $2^1/_2$%, — та же самая ценная бумага представляет капитал в 200 ф. ст. Ее стоимость есть

всегда лишь капитализированный доход, т. е. доход, исчисленный на иллюзорный капитал в соответствии с существующей процентной ставкой. Таким образом в периоды стеснения на денежном рынке эти ценные бумаги должны вдвойне падать в цене: во-первых, потому, что повышается процентная ставка, и, во-вторых, потому, что их массами выбрасывают на рынок с целью реализовать в деньгах. Это падение цен имеет место и в том случае, если доход, обеспечиваемый этими бумагами их владельцу, остается постоянным, как при государственных фондах, и в том случае, если возрастание действительного капитала, представляемого бумагами, будет затронуто нарушениями процесса воспроизводства, — как это может случиться с промышленными предприятиями. В последнем случае к вышеупомянутому обесценению присоединяется только еще новое. После того как буря миновала, бумаги снова достигают своего прежнего уровня, поскольку они не представляют предприятий, потерпевших крах или дутых. Их обесценение во время кризиса действует как мощное средство централизации денежного имущества [2].

Поскольку обесценение или повышение стоимости этих бумаг независимо от движения стоимости действительного капитала, который они представляют, богатство нации после такого обесценения или повышения стоимости остается таким же, каким оно было до него. «К 23 октября 1847 г. публичные фонды и акции каналов и железных дорог упали уже в стоимости на 114 725 225 ф. ст.» (Моррис, управляющий Английским банком, показание в отчете о Commercial Distress [торговом кризисе] 1847—1848). Поскольку их обесценение не выражало действительного застоя производства и движения по железным дорогам и каналам, или прекращения уже начатых предприятий, или напрасной траты капитала на предприятия, действительно ничего не стоящие, нация не стала беднее ни на грош от того, что полопались эти мыльные пузыри номинального денежного капитала.

В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство, денежная или капитальная стоимость которых либо вовсе не представляет никакого капитала, как при государствен-

[2] {Непосредственно после Февральской революции, когда в Париже товары и ценные бумаги были в высшей степени обесценены и совершенно не находили покупателей, один швейцарский купец в Ливерпуле, г. Р. Цвильхенбарт (рассказавший этот случай моему отцу), обратил в деньги все, что можно было, отправился с этой наличностью в Париж и обратился к Ротшильду с предложением совместно предпринять аферу. Ротшильд пристально посмотрел на него и, бросившись к нему, схватил его за оба плеча: «Avez-vous de l'argent sur vous?» — «Oui, M. le baron!» — «Alors vous êtes mon homme!» [«А у вас есть деньги?» — «Да, г. барон!» — «Ну, тогда вы тот, кого мне нужно!»]. — И оба они сделали блестящую аферу. — *Ф. Э.*}

ных долгах, либо регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который они представляют.

Во всех странах капиталистического производства существует огромная масса так называемого приносящего проценты капитала, или moneyed capital в этой форме. И под накоплением денежного капитала большею частью подразумевается только накопление этих притязаний на производство, накопление рыночной цены, иллюзорной капитальной стоимости этих притязаний.

И вот часть банкирского капитала вложена в эти так называемые процентные бумаги. Это — собственно часть резервного капитала, который не функционирует в собственно банковом деле. Наиболее значительная часть состоит из векселей, т. е. платежных обязательств промышленных капиталистов или купцов. Для лица, ссужающего деньги, векселя эти являются процентными бумагами, т. е., покупая эти бумаги, он вычитает проценты за время, остающееся до срока платежа. Это и есть то, что называют учетом. Таким образом величина вычета из суммы, представляемой векселем, зависит от высоты процентной ставки в данное время.

Наконец, последняя часть капитала банкира состоит из его денежного резерва в золоте или банкнотах. Вклады, если только договором не обусловлен более или менее длительный срок, во всякий момент должны быть выданы по требованию вкладчика. Они находятся в состоянии постоянных приливов и отливов. Но, извлеченные одним, они возмещаются другим, так что в периоды нормального хода дел их средняя величина мало колеблется.

В странах с развитым капиталистическим производством резервные фонды банков всегда выражают в среднем количество денег, существующих в качестве сокровища, причем часть этого последнего опять-таки состоит из бумаг, из простых свидетельств на получение золота, которые, однако, не имеют никакой собственной стоимости. Поэтому бо̀льшая часть банкирского капитала совершенно фиктивна и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг (представляющих прошлый капитал) и акций (свидетельств на получение будущего дохода). При этом не следует забывать, что денежная стоимость того капитала, который представлен этими бумагами, находящимися в несгораемых шкафах банкиров, является совершенно фиктивной даже в том случае, если они суть свидетельства на обеспеченный доход (как государственные бумаги) или служат титулом собственности на действительный капитал (как акции), и что денежная стоимость эта регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который упомянутые бумаги, по крайней мере отчасти, представляют; если же они представляют не капитал, а простое требование на доходы, то требование на один и тот же доход выражается в постоянно изменяющемся фиктивном денежном капитале. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что этот

фиктивный капитал банкира представляет большею частью не собственный его капитал, а капитал публики, которая с процентами или без них вкладывает его в банк.

Вклады производятся всегда деньгами, золотом или банкнотами, или свидетельствами на их получение. За исключением резервного фонда, который в зависимости от потребностей действительного обращения то сокращается, то расширяется, вклады эти на деле всегда находятся в руках, с одной стороны, промышленных капиталистов и купцов, которые за счет вкладов учитывают свои векселя и получают ссуду; с другой стороны, в руках торговцев ценными бумагами (биржевых маклеров) или в руках частных лиц, продавших свои ценные бумаги, или в руках правительства (в случаях со свидетельствами казначейства и новыми займами). Самые вклады играют двоякую роль. С одной стороны, они, как было уже упомянуто, даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как сумма, причитающаяся вкладчикам. С другой стороны, они функционируют только как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные требования вкладчиков выравниваются посредством чеков на вклады и взаимно списываются со счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний осуществляет взаимное выравнивание счетов, или же это выполняется различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу.

С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы всякий капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие разных способов, благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое требование появляется под различными формами в различных руках [3]. Бо́льшая часть этого «денежного капитала» совершенно

---

[3] {Это удвоение и утроение капитала за последние годы развилось значительно шире благодаря, напр., финансовым трестам, занимающим уже в лондонских биржевых отчетах особую рубрику. Образуется общество для приобретения известного рода процентных бумаг, скажем, иностранных государственных бумаг, английских городских или американских государственных облигаций, железнодорожных акций и т. д. Капитал, скажем в 2 млн. ф. ст., собирается путем подписки на акции; дирекция приобретает соответственные ценности или же более или менее энергично спекулирует на них и распределяет годовые проценты за вычетом издержек между акционерами в качестве дивиденда. Далее, у некоторых акционерных обществ вошло в обыкновение разделять обыкновенные акции на два класса: preferred и deferred [привилегированные и второочередные]. Акции preferred приносят фиксированный процент, скажем 5%, конечно, при том условии, что это допускает общая прибыль предприятия; если сверх того остается некоторый избыток, он распределяется между акциями deferred. Таким путем «солидные» вложения капитала в preferred более или менее изолируются от спекуляции в собственном смысле слова, оперирующей с deferred. Но так как отдельные крупные

фиктивна. Все вклады, за исключением резервного фонда, представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не существуют в наличности. Поскольку они служат для жирооборота, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в ссуду. Банкиры расплачиваются друг с другом свидетельствами на несуществующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования.

А. Смит говорит следующее относительно той роли, которую играет капитал при денежных ссудах: «Даже в денежно-ссудном деле деньги играют роль как бы свидетельства, при помощи которого капиталы, не находящие себе применения у своего владельца, переносятся из рук в руки. Эти капиталы могут почти неограниченно превышать по своей величине денежную сумму, служащую орудием их передачи; те же самые монеты последовательно служат при многих различных займах, точно так же, как и при многих различных покупках. Например, *A* ссужает *W* 1000 ф. ст., на которые *W* тотчас же покупает у *B* товаров на 1000 ф. ст. Так как *B* не находит применения для денег, он ссужает те же монеты *X*, а *X* при их помощи опять-таки немедленно покупает у *C* товаров на 1000 ф. ст. Таким же образом и на том же основании *C* ссужает свои деньги *Y*, который снова покупает на них товары у *D*. Таким образом одни и те же деньги, золотые или бумажные, могут в течение немногих дней послужить посредниками для трех различных займов и трех различных покупок, причем каждая из этих сделок по своей стоимости равна всей сумме этих денег. Владельцы денег *A*, *B* и *C* передали трем заемщикам *W*, *X* и *Y* только власть совершить эти покупки. В этой власти состоит как ценность, так и польза этих займов. Капитал, данный в ссуду тремя капиталистами, равен стоимости товаров, которые могут быть на него куплены, и втрое больше, чем стоимость денег, при помощи которых совершаются эти покупки. Тем не менее все эти ссуды могут быть вполне обеспечены, так как товары, купленные должниками на занятые деньги, употребляются таким способом, что в свое время они возвращают свою стоимость с прибылью в золотых или бумажных деньгах. И подобно тому как одни и те же монеты могут служить средством для различных займов, превышающих в общей сложности их стоимость в три или даже в тридцать раз, равным образом они могут последовательно послужить средством для обратного возвращения этих займов» ([A. Smith: «Wealth of Nations»] кн. II, гл. IV).

предприятия не желают подчиняться этой новой моде, то начали образовываться общества, которые, вложив один или несколько миллионов ф. ст. в акции этих предприятий, выпускают затем на номинальную стоимость этих акций новые акции, но уже наполовину preferred, наполовину deferred. В таких случаях первоначально выпущенные акции удваиваются, так как они служат основанием для нового выпуска акций. — *Ф. Э.*}

Так как одна и та же единица денег может совершить несколько различных покупок, смотря по быстроте ее обращения, то она может также совершить несколько различных займов, потому что купля передает ее из одних рук в другие, а заем есть не что иное, как передача из рук в руки, совершающаяся без посредства купли. Для каждого из продавцов деньги представляют превращенную форму его товара; в настоящее время, когда всякая стоимость принимает вид капитальной стоимости, деньги в различных займах представляют поочередно различные капиталы, что является лишь иным выражением того установленного выше положения, что деньги могут последовательно реализовать различные товарные стоимости. Наряду с этим деньги служат как средство обращения для того чтобы перемещать вещные капиталы из одних рук в другие. При займе деньги переходят из рук в руки не как средство обращения. Пока они остаются в руках заимодавца, они в его руках не средство обращения, а форма существования стоимости его капитала. И в этой форме он передает их при займе третьему лицу. Если бы *A* ссудил деньги *B*, а *B* ссудил их *C* без посредства купли, то данная сумма денег представляла бы не три капитала, а один, только *одну* капитальную стоимость. Сколько капиталов деньги действительно представляют, зависит от того, насколько часто они функционируют как форма стоимости различных товарных капиталов.

То, что А. Смит говорит о ссудах вообще, приложимо и к вкладам, которые представляют лишь особое название ссуд, предоставляемых публикой банкиру. Одна и та же сумма может служить в качестве орудия для любого числа вкладов.

«Бесспорно справедливо, что 1000 ф. ст., помещенные кем-либо как вклад сегодня у *A*, завтра будут выданы обратно и образуют вклад у *B*. День спустя, выплаченные *B*, они могут образовать вклад у *C* и т. д. до бесконечности. Поэтому одна и та же денежная сумма в 1000 ф. ст. может путем ряда передач умножиться, образуя абсолютно неопределимую сумму вкладов. Возможно поэтому, что $^{9}/_{10}$ всех вкладов Соединенного королевства существуют только в виде удостоверяющих их записей в книгах банкиров, которые с своей стороны проводят по ним взаимные расчеты... Так, напр., в Шотландии, где количество денег, находящихся в обращении, никогда не превышало 3 млн. ф. ст., сумма вкладов достигает 27 млн. И если не возникает паники, когда все требуют обратно свои вклады из банков, то те же самые 1000 ф. ст., проделывая свой обратный путь, с прежней легкостью могут снова произвести платежи на такую же неопределенно большую сумму. Так как те же самые 1000 ф. ст., которыми некто сегодня уплатил долг мелкому торговцу, завтра могут послужить для погашения долга этого последнего купцу, а еще через день покрывают долг купца банку и т. д. до бесконечности, то одни и те же 1000 ф. ст.,

переходя из рук в руки, из банка в банк, могут оплатить всякую сумму вкладов, какую только можно себе представить» («The Currency Question Reviewed», стр. 162, 163).

И так как в этой кредитной системе все удваивается, утраивается и превращается в простой призрак, то это справедливо и по отношению к «резервному фонду», в котором надеются, наконец, нащупать нечто солидное.

Послушаем опять г. Морриса, управляющего Английским банком: «Резервные фонды частных банков находятся в руках Английского банка в форме вкладов. Отлив золота может, повидимому, сначала затронуть лишь Английский банк; в действительности, однако, отлив золота в такой же степени затронул бы и резервы других банков, так как он означал бы отлив части резервов, которые они имеют в нашем банке. Совершенно такое же влияние оказал бы он на резервы всех провинциальных банков» («Commercial Distress» 1847—1848). Итак, в конце концов резервные фонды растворяются в резервном фонде Английского банка [4]. Но и этот

[4] {Насколько широкое развитие получила с тех пор эта практика, доказывают следующие заимствованные из «Daily News» от 15 декабря 1892 г. официальные данные относительно резервов в пятнадцати крупнейших лондонских банках в ноябре 1892 г.

Название банка	Пассив	Наличные резервы	В процентах
City	9 317 629 ф. ст.	746 551 ф. ст.	8,01
Capital and Counties	11 392 744 » »	1 307 483 » »	11,47
Imperial	3 987 400 » »	447 157 » »	11,22
Lloyds	23 800 937 » »	2 966 806 » »	12,46
Lon. and Westminster . . .	24 671 559 » »	3 818 885 » »	15.50
Lon. and S. Western	5 570 268 » »	812 353 » »	14,58
London Joint Stock	12 127 993 » »	1 288 977 » »	10,62
London and Midland	8 814 499 » »	1 127 280 » »	12,79
London and County	37 111 035 » »	3 600 374 » »	9,70
National	11 163 829 » »	1 426 225 » »	12,77
National Provincial	41 907 384 » »	4 614 780 » »	11,01
Parrs and the Alliance . . .	12 794 489 » »	1 532 707 » »	11,98
Prescott and C°	4 041 058 » »	538 517 » »	13,67
Union of London	15 502 618 » »	2 300 084 » »	14,84
Williams, Deacon, and Manchester, and C°	10 452 381 » »	1 317 628 » »	12,60
Итого . . .	232 655 823 ф. ст.	27 845 807 ф. ст.	11,97

Из этих почти 28 млн. резерва по меньшей мере 25 млн. помещены вкладом в Английский банк, и самое большее 3 млн. имеются наличными деньгами

резервный фонд существует опять-таки в двоякой форме. Резервный фонд banking department* равняется избытку количества банкнот, которое банк имеет право выпустить над тем их количеством, которое находится в обращении. Установленный законом максимум банкнот, подлежащих выпуску = 14 млн. (для которых не требуется металлического запаса; это равняется приблизительно величине государственного долга банку) плюс сумма банковского запаса благородного металла. Таким образом, если этот запас = 14 млн. ф. ст., то банк имеет право выпустить на 28 млн. ф. ст. банковых билетов, и если из этой суммы 20 млн. находятся в обращении, то резервный фонд banking department = = 8 млн. Эти 8 млн. банкнотами составляют в таком случае законный банкирский капитал, которым банк может распоряжаться, и в то же время резервный фонд для его вкладов. Если теперь наступит отлив золота, уменьшающий металлический запас на 6 млн., — причем банк на эту же сумму должен уничтожить банкнот, — то резерв banking department упадет с 8 млн. до 2 млн. С одной стороны, банк повысил бы значительно свою процентную ставку, с другой стороны, значительно уменьшился бы резервный фонд, обеспечивающий вклады банков и других вкладчиков. В 1857 г. четыре крупнейших акционерных банка в Лондоне угрожали, что, если Английский банк не добьется правительственного распоряжения о временной отмене банкового акта 1844 г.[5], они потребуют назад свои вклады, что привело бы к банкротству banking department. Таким образом, banking department может, как в 1847 г., обанкротиться, в то время как в issue department** лежат многие миллионы (напр. в 1847 г. — до 8 млн.) как обеспечение разменности обращающихся банкнот. Но и это последнее, в свою очередь, иллюзорно.

«Бо́льшая часть вкладов, которые непосредственно не нужны самим банкирам, попадает в руки billbrokers (буквально вексельных маклеров, по существу дела — полубанкиров), которые в качестве обеспечения данной им ссуды предлагают банкиру торговые векселя, уже дисконтированные ими для разных лиц в Лондоне или провинции. Billbroker ответственен перед банкиром за уплату этого money at call (деньги, которые должны быть возвращены по первому требованию); и этого рода операции совершаются в таких

в кассах самих 15 банков. Между тем наличный запасной фонд банкового отделения Английского банка в том же ноябре 1892 г. ни разу не достигал полных 16 млн.! — *Ф. Э.*}

[5] Приостановка банкового акта 1844 г. позволяет банку выпускать любое количество банкнот, не заботясь о покрытии их находящимся в руках банка золотым запасом, следовательно, позволяет создавать любые количества бумажного фиктивного денежного капитала и при помощи последнего давать ссуды банкам и вексельным маклерам, а через них и торговле.

* Банкового отдела. *Ред.*

** Эмиссионном отделе. *Ред.*

огромных размерах, что г. Нив, теперешний управляющий банком {Английским}, говорит в своем свидетельском показании: «Нам известно, что один broker [маклер] имел 5 млн., и мы имеем основание предположить, что у другого было 8—10 млн.; один имел 4, другой $3^1/_2$, третий более 8 млн. Я говорю о вкладах, перешедших в руки brokers» («Report of Committee on Bank Acts», 1857—1858, стр. 5, отдел № 8).

«Лондонские billbrokers... вели свои колоссальные операции без всякого наличного резерва; они рассчитывали на получения по имеющимся у них векселям, сроки которых мало-помалу истекают, или, в случае нужды, на возможность получить ссуду из Английского банка под обеспечение дисконтированных ими векселей». — Две фирмы лондонских billbrokers приостановили платежи в 1847 г.; обе впоследствии возобновили дело. В 1857 г. они снова приостановили платежи. Пассив одной фирмы в 1847 г. был в круглых цифрах 2 683 000 ф. ст. при капитале в 180 000 ф. ст.; ее пассив в 1857 г. был 5 300 000 ф. ст., в то время как капитал равнялся, по всей вероятности, не более чем одной четверти того, что она имела в 1847 г. Пассивы другой фирмы колебались в обоих случаях между 3 и 4 млн. при капитале, не превышавшем 45 000 ф. ст.» (там же, стр. XXI, абзац № 52).

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. I.

Единственные трудные вопросы в исследовании кредита, к которым мы теперь подходим, суть следующие:

Во-первых, накопление собственно денежного капитала. В какой мере оно является и в какой не является признаком действительного накопления капитала, т. е. воспроизводства в расширенном масштабе? Есть ли так называемая plethora — избыток капитала — выражение, применяемое только к капиталу, приносящему проценты, т. е. к денежному капиталу, — лишь особый способ выражения промышленного перепроизводства, или же она образует особое явление наряду с этим последним? Совпадает ли этот избыток, это избыточное предложение денежного капитала с наличностью денежных масс (слитков, золотых денег и банкнот), находящихся в состоянии застоя, и можно ли поэтому рассматривать этот избыток действительных денег как выражение и форму проявления указанного избытка ссудного капитала?

И, *во-вторых,* в какой степени денежное стеснение, т. е. недостаток ссудного капитала, выражает недостаток действительного капитала (товарного капитала и производительного капитала)? В какой степени, с другой стороны, оно совпадает с недостатком денег, как таковых, с недостатком средств обращения?

Поскольку мы рассматривали до сих пор специфическую форму накопления денежного капитала и денежного имущества вообще, мы видели, что эта форма накопления сводится к накоплению притязаний собственности на труд. Накопление капитала государственного долга означает, как оказалось, лишь увеличение класса кредиторов государства, которые получают право присваивать себе известные суммы из общей массы налогов[6]. В том факте, что

---

[6] Государственные фонды суть не что иное, как воображаемый капитал, представляющий часть ежегодного дохода, предназначенную для уплаты долга. Соответствующий капитал был растрачен; он определил собой сумму займа, но не его представляют государственные бумаги, ибо капитал этот уже совершенно не существует. Между тем новые богатства должны быть созданы промышленным трудом; каждый год часть этих богатств заранее предназначается для тех, кто ссудил уничтоженные богатства; часть эта при помощи

даже накопление долгов может принять вид накопления капитала, со всей полнотой обнаруживается то извращение реальных отношений, которое имеет место в системе кредита. Эти долговые свидетельства, выданные за первоначально взятый взаймы и давно уже израсходованный капитал, эти бумажные дубликаты уничтоженного капитала функционируют для своих владельцев как капитал, поскольку они являются пригодными для продажи товарами и, следовательно, могут быть обратно превращены в капитал.

Правда, мы также видели, что титулы собственности на общественные предприятия, железные дороги, рудники и т. п. являются фактически титулами на действительный капитал. Однако они не дают возможности распоряжаться этим капиталом. Его нельзя извлечь. Эти титулы дают только юридически санкционированное притязание на получение части прибавочной стоимости, которая должна быть присвоена этим капиталом. Но и эти титулы становятся бумажными дубликатами действительного капитала; дело происходит таким образом, как если бы накладная приобрела стоимость рядом с самим грузом и одновременно с ним. Они становятся номинальными представителями несуществующего капитала. Ибо действительный капитал существует рядом с ними и, конечно, не переходит в другие руки оттого, что эти дубликаты переходят из рук в руки. Они делаются формой капитала, приносящего проценты, не только потому, что обеспечивают известный доход, но и потому также, что при продаже за них можно получить обратно деньги как за капитальные стоимости. Поскольку накопление этих бумаг выражает накопление железных дорог, рудников, пароходов и т. п., оно выражает расширение действительного процесса воспроизводства, — совершенно так же, как увеличение окладного листа, напр., на движимое имущество свидетельствует о возрастании этой движимости. Но в качестве дубликатов, которые сами могут быть продаваемы как товары, а потому обращаются как капитальные стоимости, они иллюзорны, и величина их стоимости может повышаться и падать совершенно независимо от движения стоимости действительного капитала, титулами на который они являются. Величина их стоимости, т. е. их курс на бирже, необходимо имеет тенденцию повышаться с падением уровня процента, поскольку последнее, независимо от специфического движения денежного капитала, является простым следствием тенденции нормы прибыли к понижению. Таким образом уже в силу одной

налога отнимается у производителей богатства, чтобы быть отданной кредиторам государства, причем, сообразно обычному для данной страны отношению между капиталом и процентом, предполагается воображаемый капитал, равновеликий тому, который мог бы порождать ежегодную ренту, причитающуюся кредиторам (*Sismondi:* «Nouveaux principes», II, стр. 230 [см. *Сисмонди:* «Новые начала политической экономии», т. II, Соцэкгиз, 1937 г., стр. 111—112]).

этой причины с развитием капиталистического производства это воображаемое богатство возрастает вследствие роста стоимости каждой из его пропорциональных частей, имеющих определенную первоначальную номинальную стоимость[7].

Выигрыш и потеря благодаря колебаниям цен этих титулов собственности, как и их централизация в руках железнодорожных королей и т. п., по самой природе дела все более и более становятся результатом игры, которая оказывается вместо труда первоначальным способом приобретения капиталистической собственности, а также становится на место прямого насилия. Этот вид фиктивного денежного имущества составляет весьма значительную часть не только денежного имущества частных лиц, но также и банкирского капитала, как мы уже упоминали выше.

Можно было бы, — мы упоминаем об этом лишь затем, чтобы поскорее покончить с этим вопросом, — под накоплением денежного капитала разуметь также накопление богатства в руках банкиров (заимодавцев по профессии) как посредников между частными денежными капиталистами, с одной стороны, и государством, общинами и воспроизводящими заемщиками — с другой; причем все колоссальное расширение кредитной системы, вся вообще совокупность кредита, эксплуатируется этими банкирами как их частный капитал. Эти молодцы имеют капиталы и доходы всегда в денежной форме или в форме прямых требований на деньги. Накопление состояний в этом классе может совершаться в направлении, весьма отличном от действительного накопления, но во всяком случае доказывает, что класс этот прибирает к рукам добрую долю последнего.

Сведем рассматриваемый вопрос к более узким пределам. Государственные фонды, равно как и акции и всякого рода иные ценные бумаги, суть сферы вложения для ссужаемого капитала, для капитала, предназначенного приносить проценты. Они суть формы отдачи его в ссуду. Но сами они не суть тот ссудный капитал, который в них вкладывается. С другой стороны, поскольку кредит играет прямую роль в процессе воспроизводства, необходимо иметь в виду следующее: когда промышленник или купец хочет дисконтировать вексель или заключить заем, ему нужны не акции или государственные бумаги. Ему нужны деньги. Поэтому он закладывает или продает эти ценные бумаги, если он иным спо-

---

[7] Часть накопленного денежного капитала, служащего для ссуд, в действительности является простым выражением промышленного капитала. Так, напр., когда Англия в 1857 г. вложила в американские железные дороги и другие предприятия 80 млн. ф. ст., то это совершилось почти исключительно за счет вывоза английских товаров, которые американцам вовсе не пришлось оплачивать. Английские экспортеры выписывали взамен этих товаров векселя на Америку, которые раскупались английскими подписчиками на акции и посылались обратно в Америку в качестве уплаты за стоимость акций.

собом не может добыть себе денег. Вот о накоплении *этого-то* ссужаемого капитала у нас и идет речь, и притом специально о накоплении ссужаемого денежного капитала. Мы не говорим здесь о ссуде домов, машин и иного основного капитала. Мы не говорим также о тех ссудах, которые промышленники и торговцы делают друг другу товарами и в пределах круга процесса воспроизводства, хотя и этот пункт нам предварительно придется еще рассмотреть ближе; мы говорим исключительно о денежных займах, которые совершаются промышленниками и купцами через банкиров как посредников.

Итак, анализируем сначала коммерческий кредит, т. е. кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он образует основу кредитной системы. Его представителем является вексель, долговое свидетельство с определенным сроком платежа, document of deferred payment*. Каждый дает кредит одной рукой и получает кредит другой. Отвлечемся пока от банкирского кредита, который образует совершенно иной, существенно отличный момент. Поскольку эти векселя в свою очередь обращаются среди самих купцов как средство платежа, при помощи передаточных надписей от одного к другому, без посредства учета, это — лишь перенесение долгового требования с *A* на *B*, что совершенно не изменяет соотношений в целом. Одно лицо только ставится на место другого. Но даже и в этом случае ликвидация может иметь место без вмешательства денег. Например, прядильщик *A* должен уплатить по векселю хлопковому маклеру *B*, а этот последний — импортеру *C*. Если *C* в то же время экспортирует пряжу, что случается довольно часто, то он может в обмен на вексель купить у *A* пряжи, а прядильщик *A* погашает свой долг маклеру *B* собственным векселем последнего, полученным *A* в счет платежа от *C*, причем деньгами приходится уплатить самое большее только сальдо. Результатом всей этой сделки является лишь обмен хлопка на пряжу. Экспортер представляет только прядильщика, хлопковый маклер — плантатора, разводящего хлопок.

Относительно кругооборота этого чисто коммерческого кредита необходимо отметить два момента:

Во-первых: погашение этих взаимных долговых требований зависит от обратного притока капитала, т. е. от акта *Т — Д*, который только отсрочен. Если прядильщик получил вексель от фабриканта ситца, то последний может уплатить, если он до срока уплаты успеет продать свой ситец, находящийся на рынке. Если спекулянт

* Документ об отсроченном платеже. *Ред.*

хлебом выдал вексель на своего агента, то агент может уплатить деньги, если тем временем ему удастся продать хлеб по ожидаемой цене. Таким образом эти уплаты зависят от бесперебойности воспроизводства, т. е. процесса производства и потребления. Но так как кредит носит взаимный характер, то платежеспособность одного зависит от платежеспособности другого; ибо векселедатель, выдавая свой вексель, может рассчитывать или на возврат капитала в его собственном предприятии или на возврат капитала в предприятии третьего лица, которое в течение данного срока должно уплатить ему по векселю. Если оставить в стороне расчеты на возврат капитала, платеж может состояться только за счет резервного капитала, которым располагает векселедатель для выполнения своих обязательств в случае замедленного возврата капитала.

Во-вторых: эта кредитная система не устраняет необходимости уплаты наличными. Прежде всего значительная часть затрат должна всегда производиться наличными: заработная плата, налоги и т. д. Далее, пусть, напр., *B*, получивший от *C* вместо платежа вексель, сам должен до истечения срока этого векселя уплатить *D* по векселю, для которого уже наступил срок платежа, а для этого ему нужны наличные деньги. Такой совершенный кругооборот воспроизводства, какой выше предположен между плантатором, возделывающим хлопок, и прядильщиком, и наоборот, может составить только исключение; кругооборот должен постоянно прерываться во многих местах. При рассмотрении процесса воспроизводства (кн. II, отдел III) мы видели, что производители постоянного капитала частично обменивают постоянный капитал между собою. Вот почему векселя могут более или менее взаимно покрываться. То же самое имеет место в восходящей линии производства, где, напр., торговец хлопком выписывает вексель на прядильщика, прядильщик — на фабриканта ситца, этот последний — на экспортера, экспортер — на импортера (быть может, опять-таки на импортера хлопка). Однако здесь нет кругооборота сделок, а следовательно, — и замыкающегося круга требований. Например, требование прядильщика к ткачу не компенсируется требованием поставщика угля к машиностроителю; прядильщик в своем предприятии никогда не может создать встречного требования к машиностроителю, так как его продукт, пряжа, никогда не может войти в качестве элемента в процесс воспроизводства машин. Поэтому такие требования должны погашаться деньгами.

Границы этого коммерческого кредита, если их рассматривать самих по себе, таковы: 1) богатство промышленников и купцов, т. е. резервный капитал, находящийся в их распоряжении на случай замедленного обратного притока капитала; 2) самый этот обратный приток. Последний может замедлиться на некоторое время, или товарные цены могут в течение этого периода времени

упасть, или вдруг может оказаться, что товар вследствие застоя на рынке не находит сбыта. Чем долгосрочнее вексель, тем больше, во-первых, должен быть резервный капитал и тем значительнее возможность уменьшения и запоздания обратного притока вследствие падения цен или переполнения рынка. И далее, возврат тем менее обеспечен, чем более первоначальная сделка обусловливалась спекуляцией на повышение или падение товарных цен. Ясно, однако, что с развитием производительной силы труда, а следовательно, и производства в крупном масштабе: 1) рынки расширяются и удаляются от места производства, 2) кредит поэтому должен стать более долгосрочным, а следовательно, 3) все сильнее должен господствовать в сделках спекулятивный элемент. Производство в крупном масштабе и для отдаленных рынков бросает весь продукт в руки торговли; невозможно, однако, чтобы капитал нации удвоился, так что торговцы сами по себе были бы в состоянии закупить на свой собственный капитал весь национальный продукт и затем снова продать его. Следовательно, кредит здесь неизбежен — кредит, объем которого возрастает вместе с ростом стоимости производства и сроки которого удлиняются по мере увеличивающейся отдаленности рынков сбыта. Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций.

Если рассматривать этот кредит отдельно от банкирского кредита, то очевидно, что он растет вместе с размерами самого промышленного капитала. Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тожественны; капиталы, данные в ссуду, суть товарные капиталы, предназначенные или для окончательного индивидуального потребления или для возмещения постоянных элементов производительного капитала. Следовательно, то, что здесь представляется ссуженным капиталом, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но переходящий посредством купли и продажи из одних рук в другие, причем эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок. Так, напр., хлопок в обмен на вексель переходит в руки прядильщика, пряжа в обмен на вексель — в руки фабриканта ситца, ситец в обмен на вексель переходит в руки купца, из рук которого в обмен на вексель попадает к экспортеру, последний, в обмен на вексель, передает его купцу в Индии, который продает его, покупая взамен индиго и т. д. В течение этого перехода из одних рук в другие хлопок совершает свое превращение в ситец, ситец в конце концов транспортируется в Индию, обменивается на индиго, которое привозится в Европу и там снова вступает в процесс воспроизводства. Различные фазы процесса воспроизводства опосредствуются здесь кредитом, так что прядильщик не оплачивает наличными хлопка, фабрикант ситца — пряжи,

купец — ситца и т. д. В первых актах процесса товар-хлопок проходит различные фазы производства и переход этот осуществляется посредством кредита. Но как только хлопок получил в производстве свою заключительную форму как товар, этот самый товарный капитал проходит еще лишь через руки различных купцов, которые транспортируют его на отдаленный рынок и последний из которых продает его в конце концов потребителю, покупая вместо того другой товар, входящий или в процесс потребления или в процесс воспроизводства. Следовательно, здесь надо различать два периода: в течение первого посредством кредита осуществляются действительные последовательные фазы в производстве данного предмета; в течение второго — лишь переход из рук одного купца в руки другого, куда включается и транспорт, т. е. осуществляется акт *Т — Д*. Но и здесь товар все же находится по крайней мере в акте обращения, следовательно, в известной фазе процесса воспроизводства.

Итак, то, что здесь ссужается, отнюдь не является незанятым капиталом, — это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который существует в такой форме, в которой он для своего владельца является просто товарным капиталом, т. е. капиталом, который должен совершить обратное превращение, а именно, он в первую очередь должен по крайней мере превратиться в деньги. Итак, здесь посредством кредита осуществляется метаморфоза товара: не только *Т — Д*, но также *Д — Т* и действительный процесс производства. Если оставить в стороне банкирский кредит, то обилие кредита в пределах воспроизводственного кругооборота отнюдь не означает обилия свободных капиталов, предлагаемых в ссуду и ищущих прибыльного помещения,— оно означает занятость большого количества капитала в процессе воспроизводства. Итак, посредством кредита осуществляется здесь: 1) поскольку дело идет о промышленных капиталистах, — переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства; 2) поскольку дело идет о купцах, — транспорт и переход товаров из одних рук в другие до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другой товар.

Максимум кредита означает здесь наиболее полное вовлечение промышленного капитала в производство, т. е. крайнее напряжение его воспроизводительной силы, независимо от границ потребления. Эти границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, оно тожественно с напряжением производительного потребления.

Пока процесс воспроизводства протекает бесперебойно, а потому обратный приток капитала остается обеспеченным, этот кре-

дит держится прочно и расширяется, причем расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства. Как только наступает застой вследствие замедленного обратного притока, переполненных рынков, понизившихся цен, появляется избыток промышленного капитала, но в такой форме, в какой последний не в состоянии выполнять свои функции. Масса товарного капитала, но он не находит сбыта. Масса основного капитала, но вследствие застоя воспроизводства он по большей части находится без дела. Кредит сокращается: 1) потому что этот капитал не занят, т. е. остановился в одной из фаз своего воспроизводства, потому что он не может совершить своей метаморфозы, 2) потому что подорвано доверие к бесперебойному течению процесса воспроизводства, 3) потому что уменьшается спрос на этот коммерческий кредит. Прядильщику, который сокращает свое производство и имеет на складе массу непроданной пряжи, незачем покупать хлопок в кредит. Купцу незачем покупать в кредит товары, так как их у него и без того более чем достаточно.

Итак, если нарушается это расширение или хотя бы только нормальное напряжение процесса воспроизводства, вместе с тем появляется и недостаток в кредите; становится труднее получить товары в кредит. Требование платежа наличными и осторожность в продаже в кредит в особенности характерны для той фазы промышленного цикла, которая следует непосредственно за крахом. Во время же самого кризиса, когда у каждого есть что̀ продать, но никто не может продать и в то же время должен продать, чтобы заплатить, масса капитала — не свободного и ищущего помещения, а стесненного в процессе своего воспроизводства — наиболее значительна как раз тогда, когда всего сильнее также недостаток в кредите (и потому всего выше учетная ставка при банкирском кредите). Капитал, уже вложенный в дело, в это время действительно остается целыми массами незанятым, так как приостановился процесс воспроизводства. Фабрики не работают, сырые материалы накопляются, готовые продукты переполняют товарный рынок. В высшей степени неправильно поэтому приписывать такое положение дел недостатку производительного капитала. Как раз в этот период имеется избыток производительного капитала частью по сравнению с нормальным, но в данный момент сокращенным масштабом воспроизводства, частью по сравнению с пониженным потреблением.

Представим себе, что все общество состоит только из промышленных капиталистов и наемных рабочих. Далее, оставим в стороне изменения цен, которые препятствуют значительным частям всего капитала возмещаться согласно своим средним соотношениям и неизбежно должны вызывать временные явления всеобщего застоя при той всеобщей зависимости между различными частями процесса воспроизводства, какая развивается в особенности благодаря

кредиту. Оставим в стороне также фиктивные предприятия и спекулятивные обороты, поощряемые кредитом. Тогда кризис можно было бы объяснить только несоразмерностью производства в различных отраслях и несоразмерностью между потреблением самих капиталистов и их накоплением. Но при данном положении вещей возмещение капиталов, вложенных в производство, зависит главным образом от потребительной способности непроизводительных классов, тогда как потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что рабочие лишь до тех пор находят себе занятие, пока они могут быть использованы с прибылью для класса капиталистов. Последней причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества.

О действительном недостатке производительного капитала, по крайней мере у капиталистически развитых наций, речь может итти лишь при всеобщих неурожаях либо главных пищевых средств, либо важнейших промышленных сырых материалов.

Но к этому коммерческому кредиту присоединяется собственно денежный кредит. Взаимное кредитование промышленников и купцов переплетается с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных кредиторов. При дисконтировании векселя ссуда является лишь номинальной. Фабрикант продает свой продукт под вексель и дисконтирует последний у billbroker'a *. В действительности последний ссужает лишь кредит своего банкира, который, в свою очередь, ссужает ему денежный капитал своих вкладчиков, каковыми являются сами промышленники и купцы, а также и рабочие (при посредстве сберегательных касс), равно как получатели земельной ренты и прочие непроизводительные классы. Таким образом для каждого индивидуального фабриканта или купца устраняется как необходимость иметь солидный резервный капитал, так и зависимость от действительного обратного притока капитала. Но с другой стороны, частью благодаря дутым векселям, частью же благодаря торговым предприятиям, имеющим целью простую фабрикацию векселей, весь процесс настолько усложняется, что видимость очень солидного предприятия с бесперебойным обратным притоком капиталов может спокойно сохраняться долгое время после того, как в действительности обратный приток достигается лишь за счет частью обманутых денежных кредиторов, частью обманутых производителей. Потому-то непосредственно перед крахом предприятие всегда имеет почти преувеличенно здоровый вид. Лучшее доказательство этому дают, напр., «Reports

* Вексельного маклера. *Ред.*

on Bank Acts» 1857 и 1858 гг., где все директора банков, купцы, одним словом, все приглашенные в качестве экспертов, с лордом Оверстоном во главе, поздравляли друг друга с цветущим и здоровым развитием дел, — как раз за месяц до того, как в августе 1857 г. разразился кризис. И Тук в своей «History of Prices» поразительным образом поддается снова и снова этой иллюзии при историческом описании каждого отдельного кризиса. Предприятия всегда в высшей степени здоровы, и дела идут самым блестящим образом, пока вдруг не разражается крах.

Теперь мы возвратимся к накоплению денежного капитала.

Не всякое увеличение ссужаемого денежного капитала указывает на действительное накопление капитала или расширение процесса воспроизводства. Яснее всего это обнаруживается в той фазе промышленного цикла, которая непосредственно следует за пережитым кризисом, когда ссудный капитал массами лежит без дела. В те моменты, когда процесс производства сокращается (в английских промышленных округах после кризиса 1847 г. производство сократилось на одну треть), когда цены товаров достигают своей низшей точки, когда дух предприимчивости парализован, в такие моменты господствует низкий уровень процента, который в данном случае указывает лишь на увеличение количества ссужаемого капитала как раз вследствие сокращения и парализованности промышленного капитала. При падении товарных цен, уменьшении оборотов, сокращении капитала, вложенного в заработную плату, требуется, конечно, меньше средств обращения; с другой стороны, после того как ликвидированы заграничные долги частью при помощи отлива золота, частью при помощи банкротства, нет уже надобности в добавочных деньгах для функции мировых денег; наконец, объем операций по учету векселей сокращается вместе с сокращением числа и валюты самих этих векселей, — все это очевидно само собою. Спрос на ссужаемый денежный капитал — и как на средства обращения и как на средства платежа — таким образом уменьшается (о новых затратах капитала еще нет речи), и потому количество ссужаемого капитала становится сравнительно обильным. Но в то же время, как будет показано впоследствии, и предложение ссужаемого денежного капитала при таких обстоятельствах положительно увеличивается.

Так, после кризиса 1847 г. господствовало «сокращение оборотов и большой избыток денег» («Comm. Distress» 1847—1848. Показание № 1664), уровень процента был очень низок вследствие «почти совершенного уничтожения торговли и почти полного отсутствия возможности поместить деньги» (там же, стр. 45. Показание Ходжсона, директора Royal Bank of Liverpool [Королевского банка в Ливерпуле]). Какие нелепости сочиняют эти

господа (а Ходжсон еще один из лучших), чтобы объяснить себе это, видно из следующей фразы: «Стеснение (1847 г.) возникло вследствие действительного уменьшения денежного капитала в стране, которое было вызвано отчасти необходимостью оплачивать золотом ввоз из всех стран света, отчасти превращением оборотного капитала (floating capital) в основной». Каким образом превращение оборотного капитала в основной может уменьшить денежный капитал страны, совершенно нельзя понять; ибо, напр., при постройке железных дорог, куда в то время главным образом вкладывался капитал, ни золото, ни бумажки не употребляются как материал для устройства виадуков или изготовления рельсов, а деньги, вырученные за железнодорожные акции, поскольку они депонировались просто в порядке внесения платежей, функционировали, как и всякие другие депонированные в банке деньги, и, как было показано выше, даже увеличивали на некоторое время количество ссужаемого денежного капитала; поскольку же деньги действительно затрачивались на постройку, они циркулировали в стране как покупательные и платежные средства. Денежный капитал мог бы быть затронут превращением оборотного капитала в основной лишь постольку, поскольку основной капитал не является предметом, пригодным для экспорта, так что вследствие невозможности вывоза отпадает и свободный капитал, который образуется от получений за вывезенные предметы, а следовательно, отпадают и получения наличными деньгами или слитками. Но в рассматриваемый период и предметы английского экспорта массами лежали в складах на заграничных рынках, не находя покупателей. У купцов и фабрикантов Манчестера и других мест, прочно вложивших часть нормального капитала своих предприятий в железнодорожные акции и потому попавших в дальнейшем ведении своего дела в зависимость от заемного капитала, действительно floating capital оказался закрепленным, последствия чего и пришлось им нести. Но результат получился бы тот же самый, если бы капитал, принадлежащий их предприятиям, но извлеченный из них, они вложили не в железные дороги, а, напр., в горное дело, продукты которого — железо, уголь, медь и т. д. — сами представляют floating capital. — Действительное уменьшение свободного денежного капитала вследствие неурожая, ввоза зерна и вывоза золота, само собою разумеется, было фактом, не имевшим никакого отношения к железнодорожным спекуляциям. — «Почти все торговые дома начали более или менее истощать свои предприятия, чтобы вложить деньги в железные дороги». — «Столь обширные ссуды, данные железным дорогам торговыми домами, побудили эти последние слишком сильно опираться на банки путем учета векселей для дальнейшего ведения своих торговых дел» (тот же Ходжсон, там же, стр. 67). «В Манчестере в результате железнодорожных спекуляций многие потерпели громадные убытки».

(Р. Гарднер, неоднократно цитированный в кн. I, гл. XIII, 3, с и других местах; показание № 4884, там же).

Главной причиной кризиса 1847 г. было колоссальное переполнение рынка и безграничная спекуляция в торговле ост-индскими товарами. Но и другие обстоятельства привели к краху очень богатые фирмы этой отрасли: «Они имели обильные средства, но не могли сделать их ликвидными. Весь их капитал был закреплен в земельной собственности на о. Маврикия или в индиговых и сахарных заводах. Когда они затем взяли на себя обязательства в размере 5—600 000 ф. ст., у них не оказалось никаких свободных средств для оплаты своих векселей, и в конце концов выяснилось, что для оплаты своих векселей они всецело должны рассчитывать на кредит» (Ч. Тэрнер, крупный ост-индский купец в Ливерпуле, № 730, там же). Далее мы имеем показания Гарднера (№ 4872, там же): «Тотчас же по заключении китайского договора для страны открылись столь широкие перспективы колоссального расширения нашей торговли с Китаем, что вдобавок ко всем нашим уже существующим фабрикам многие крупные фабрики были построены специально с целью изготовлять наиболее ходкие на китайском рынке хлопчатобумажные ткани. — 4874. Чем же кончилось это дело? — Величайшим разорением, не поддающимся описанию; я не думаю, чтобы за весь вывоз 1844—1845 гг. в Китай было выручено обратно более $^2/_3$ всей суммы; так как чай является главным предметом обратного экспорта и так как нас сильно обнадеживали, то мы, фабриканты, с уверенностью рассчитывали на крупное понижение пошлины на чай». И вот перед нами наивно выраженное характерное credo [символ веры] английских фабрикантов: «Наша торговля на иностранном рынке не ограничивается способностью последнего покупать товары, но она ограничена здесь, в нашей стране, нашей способностью потреблять продукты, которые мы получаем в возврат за наши промышленные изделия». (Сравнительно бедные страны, с которыми ведет торговлю Англия, могли бы, естественно, оплатить и потребить любое количество английских фабрикатов, а вот богатая Англия, к сожалению, не способна переварить продукты, полученные в обмен за ее экспорт.) «4876. Я сначала вывез некоторые свои товары, которые были проданы с убытком около 15%; при этом я был вполне убежден, что агенты мои закупят чай по такой цене, при которой перепродажа здесь даст прибыль, достаточно большую для покрытия этого убытка; но вместо прибыли я терпел порой убыток в 25 и даже 50%. — 4877. Экспортируют ли фабриканты за свой счет? — Преимущественно; купцы, как видно, быстро убедились, что из этого дела ничего не выходит, и более поощряли фабрикантов к самостоятельной отправке продуктов, чем сами принимали в ней участие». — Напротив, в 1857 г. убытки и банкротства выпали преимущественно на долю купцов, так как

на этот раз фабриканты предоставили им переполнять чужие рынки «за собственный счет».

Денежный капитал может увеличиться благодаря тому, что с расширением банкового дела (см. ниже пример Ипсвича, где в течение немногих лет непосредственно перед 1857 г. вклады фермеров учетверились) то, что раньше было сокровищем частного лица или монетным запасом, превращается на определенный срок в ссужаемый капитал. Такое возрастание денежного капитала столь же мало выражает собою рост производительного капитала, как, напр., увеличение вкладов в лондонских акционерных банках после того, как эти банки начали платить проценты по вкладам. Пока масштаб производства остается неизменным, это возрастание вызывает лишь обилие ссужаемого денежного капитала по сравнению с производительным. Отсюда низкий уровень процента.

Если затем процесс воспроизводства снова достигает состояния расцвета, предшествующего чрезмерному напряжению, то коммерческий кредит достигает чрезвычайно сильного расширения, которое в таком случае действительно имеет вновь «здоровый» базис для облегченного обратного притока капиталов и расширения производства. При таком состоянии дел уровень процента все еще низок, хотя и превышает свой минимум. Это *единственный* период, когда в самом деле можно сказать, что низкий уровень процента и, следовательно, относительное обилие ссужаемого капитала совпадает с действительным расширением промышленного капитала. Легкость и правильность обратного притока капитала, в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивает, несмотря на усилившийся спрос, предложение ссудного капитала и препятствует повышению уровня процентной ставки. С другой стороны, только теперь начинают играть заметную роль те рыцари наживы, которые ведут дела без запасного, а то и вообще без всякого капитала и потому оперируют всецело при помощи денежного кредита. К этому присоединяется еще крупный рост основного капитала во всех его формах и открытие массы новых обширных предприятий. Процент повышается теперь до своей средней высоты. Своего максимума он достигает опять тогда, когда разражается новый кризис, кредит внезапно иссякает, платежи прекращаются, процесс воспроизводства парализуется и, за упомянутыми выше исключениями, наряду с почти абсолютным недостатком ссудного капитала наступает избыток бездеятельного промышленного капитала.

Следовательно, движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях процентной ставки, в целом протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала. Фаза, в которой низкий, но превышающий свой минимум уровень процента совпадает с «улучшением» и с растущим по окончании кризиса доверием, и в особенности фаза, когда он достигает своей сред-

ней величины — средины, одинаково удаленной от минимума и максимума, — только эти два момента выражают совпадение между обилием ссудного капитала и большим расширением промышленного капитала. Но в начале промышленного цикла низкий уровень процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокий процент совпадает с избытком промышленного капитала. Низкий уровень процента, сопровождающий «улучшение», свидетельствует о том, что коммерческий кредит лишь в небольшой степени нуждается в банковом кредите, так как он все еще стоит на своих собственных ногах.

С этим промышленным циклом дело обстоит так, что, раз дан первый толчок, один и тот же кругооборот должен периодически воспроизводиться[8]. В состоянии депрессии [Abspannung] производство падает ниже той ступени, которой оно достигло в предшествующем цикле и для которой теперь заложен технический базис. При расцвете — среднем периоде — производство развивается далее на этом базисе. В период перепроизводства и мошенничеств оно в высшей степени напрягает производительные силы за пределы капиталистических границ производственного процесса.

Очевидно само собою, что в период кризиса недостает средств платежа. Метаморфозы векселей заступили место метаморфозы

---

[8] {Как уже упомянуто в другом месте, со времени последнего большого всеобщего кризиса здесь наступил некоторый поворот. Острая форма периодического процесса с ее до сих пор десятилетним циклом уступила, повидимому, место более хронической, затяжной, затрагивающей различные промышленные страны в различное время смене сравнительно короткого, вялого улучшения дел и сравнительно долгого, неразрешающегося угнетения. Возможно, однако, что мы имеем перед собой лишь увеличение продолжительности цикла. В период младенчества мировой торговли, 1815—1847 гг., промежуток между последовательными кризисами можно указать приблизительно в пять лет; за время с 1847 по 1867 г. цикл является определенно десятилетним. Не находимся ли мы в периоде подготовки нового мирового краха неслыханной силы? На это, повидимому, указывает многое. Со времени последнего всеобщего кризиса 1867 г. наступили крупные изменения. Колоссальный рост средств сообщения — океанские пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, Суэцкий канал — впервые создали действительно мировой рынок. Наряду с Англией, которая раньше монополизировала промышленность, выступил целый ряд конкурирующих промышленных стран; для вложения избыточного европейского капитала во всех странах света раскрылись бесконечно более обширные и разнообразные области, так что капитал распределяется гораздо шире и местная чрезмерная спекуляция преодолевается легче. Благодаря всему этому большинство старых очагов кризиса или поводов к кризису устранено или сильно ослаблено. Наряду с этим конкуренция на внутреннем рынке отступает назад перед картелями и трестами, в то время как на внешнем рынке она ограничивается таможенными пошлинами, которыми оградили себя все большие промышленные страны, кроме Англии. Но сами эти таможенные пошлины суть не что иное, как вооружение для заключительной всеобщей промышленной войны, которая должна решить вопрос о господстве на мировом рынке. Таким образом, каждый из элементов, противодействующих повторению кризисов старого типа, носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса. — *Ф. Э.*}

самих товаров, и как раз в такое время тем более, чем больше торговых фирм оперировало только в кредит. Невежественное и нелепое банковое законодательство — вроде законов 1844—1845 гг. — может усилить этот денежный кризис. Но никакое банковое законодательство не может устранить кризиса.

При такой системе производства, когда все взаимоотношения процесса воспроизводства покоятся на кредите, если кредит внезапно прекращается и силу имеет только платеж наличными, должен очевидно наступить кризис, необычайная погоня за средствами платежа. Поэтому на первый взгляд весь кризис представляется только кредитным кризисом и денежным кризисом. И в самом деле, вопрос заключается только в том, как превратить векселя в деньги. Но эти векселя представляют в большинстве случаев действительные купли и продажи, расширение которых далеко за пределы общественной потребности лежит в конце концов в основе всего кризиса. Однако наряду с этим громадная масса этих векселей представляет просто дутые операции, которые теперь обнаруживают свой истинный характер и лопаются; далее, спекуляции, предпринятые с чужим капиталом и потерпевшие крушение; наконец, товарные капиталы, которые обесценены или даже вовсе не могут быть проданы; или обратный приток капиталов, который никогда уже не может осуществиться. Всю эту искусственную систему насильственного расширения процесса воспроизводства нельзя, конечно, оздоровить тем, что какой-либо банк, напр. Английский банк, при помощи своих бумаг снабдит всех спекулянтов недостающим им капиталом и купит все обесцененные товары по их прежней номинальной стоимости. Впрочем здесь все представляется в искаженном виде, так как в этом бумажном мире нигде не выступают реальная цена и ее реальные моменты, а фигурируют лишь слитки, металлические деньги, банкноты, векселя, ценные бумаги. Это извращение особенно сказывается в центрах, где скучены денежные предприятия страны, каков, напр., Лондон; весь процесс становится непонятным; уже в меньшей степени это наблюдается в центрах промышленности.

Впрочем по поводу чрезмерного изобилия промышленного капитала, обнаруживающегося во время кризисов, следует заметить: товарный капитал есть в себе [an sich] одновременно и денежный капитал, т. е. определенная сумма стоимости, выраженная в цене товара. Как потребительная стоимость, он есть определенное количество определенных предметов потребления, и последние в момент кризиса оказываются в избытке. Но как денежный капитал в себе [an sich], как потенциальный денежный капитал он подвержен постоянным расширениям и сокращениям. Накануне кризиса и в продолжение его товарный капитал в своем качестве потенциального денежного капитала сокращается. Для своих владельцев и их кредиторов (а также в качестве обеспечения векс-

лей и займов) он представляет меньше денежного капитала, чем в тот период, когда он был куплен и когда совершались основанные на нем учетные и залоговые операции. Если именно таков смысл утверждения, что денежный капитал страны в период угнетения уменьшается, то это тожественно с констатированием того, что цены товаров упали. Впрочем такое крушение цен только уравновешивает их прежний вздутый подъем.

Доходы непроизводительных классов и всех тех, кто живет на счет фиксированных доходов, остаются по большей части неизменными в период вздутия цен, идущего рука об руку с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией. Поэтому их потребительная способность относительно понижается, а вместе с тем понижается и способность возмещать ту часть общей суммы воспроизводства, которая нормально должна была бы войти в их потребление. Даже в том случае, если номинально спрос их остается неизменным, в действительности он понижается.

Относительно ввоза и вывоза необходимо заметить, что одна за другой все страны втягиваются в кризис, и тогда обнаруживается, что все они, за немногими исключениями, слишком много вывезли и ввезли и, следовательно, *платежный баланс неблагоприятен для всех* и что таким образом причина заключается в действительности не в платежном балансе. Например, Англия страдает от отлива золота. Она слишком много ввезла. Но в то же время все другие страны переполнены английскими товарами. Следовательно, они также слишком много ввезли или в них ввезли слишком много. (Конечно, есть разница между страной, которая вывозит в кредит, и странами, которые мало или вовсе не вывозят в кредит. Но последние зато ввозят в кредит; это не имеет места лишь в том случае, если товары посылаются туда на комиссию.) В первую голову кризис может разразиться в Англии, в стране, которая больше всего оказывает кредита и меньше всего использует его, ибо платежный баланс, баланс платежей, которым наступает срок и которые немедленно должны быть ликвидированы, для нее *неблагоприятен*, хотя общий торговый баланс *благоприятен*. Это последнее обстоятельство объясняется отчасти оказываемым ею кредитом, отчасти массою ссуженных ею за границей капиталов, вследствие чего имеет место большой обратный приток в товарах независимо от обратного притока, обусловленного собственно торговыми операциями. (Иногда кризис начинался также в Америке, стране, которая более всех других пользуется английским торговым и капитальным кредитом.) Крах в Англии, начинающийся и сопровождающийся отливом золота, уравнивает платежный баланс Англии частью путем банкротства ее импортеров (о чем ниже), частью тем, что за границу по дешевым ценам выбрасывается часть ее товарного капитала, частью путем продажи иностранных ценных бумаг, купли английских бумаг и т. д. Но вот

настает очередь какой-либо другой страны. Платежный баланс для нее в данный момент был благоприятен; но разница в сроках, существующая в обычное время между платежным и торговым балансом, теперь отпадает или во всяком случае сокращается благодаря кризису: все платежи должны быть произведены сразу. Та же история повторяется теперь здесь. В Англию теперь приливает золото, из другой страны — отливает. То, что в одной стране проявляется как избыточный ввоз, в другой оказывается избыточным вывозом, и наоборот. Но избыточный ввоз и избыточный вывоз имел место во всех странах (мы говорим здесь не о неурожаях и т. п., а о всеобщем кризисе), т. е. имело место перепроизводство, которому способствовал кредит и сопровождающее последний всеобщее вздутие цен.

В 1857 г. кризис разразился в Соединенных Штатах. Произошел отлив золота из Англии в Америку. Но как только вздутие [Aufblähung] в Америке лопнуло, последовал кризис в Англии и отлив золота из Америки в Англию. То же самое произошло между Англией и континентом. Платежный баланс в период всеобщего кризиса неблагоприятен для каждой нации, по крайней мере для каждой коммерчески развитой нации, но этот неблагоприятный платежный баланс всегда, как при стрельбе взводами, обнаруживается у одной нации вслед за другой, когда до нее доходит очередь платежа, и кризис, лишь только он разразился в какой-либо стране, напр. в Англии, втискивает эти сроки в очень короткий период времени. Тогда-то и выясняется, что все эти нации одновременно и слишком много вывезли (следовательно, перепроизвели) и слишком много ввезли (следовательно, переторговали), что во всех них цены были чрезмерно вздуты, а кредит перенапряжен. И везде происходит одинаковый крах. Явление отлива золота обнаруживается затем во всех странах по порядку и именно своею всеобщностью доказывает: 1) что отлив золота представляет лишь феномен кризиса, а не причину его, 2) что тот порядок, в котором он наступает у различных наций, лишь отмечает время, когда для каждой из них приходит очередь закончить свои счеты с небом, когда у них наступает срок кризиса и скрытые элементы его приходят к взрыву.

Для английских экономических писателей характерно, — а заслуживающая упоминания экономическая литература с 1830 г. сводится главным образом к литературе о currency [денежном обращении], кредите, кризисах, — что они рассматривают вывоз благородных металлов в период кризиса, вопреки изменению вексельного курса, исключительно с точки зрения Англии как чисто национальное явление и совершенно закрывают глаза на тот факт, что когда их банк в период кризиса повышает процентную ставку, то и все другие европейские банки делают то же самое, и что если сегодня в Англии раздаются вопли по поводу отлива золота, то

завтра они раздадутся в Америке, послезавтра — в Германии и Франции.

В 1847 г. «нужно было погасить текущие обязательства Англии» {главным образом за хлеб}. «К несчастью, они по большей части погашались путем банкротства». {Богатая Англия развязала себе руки при помощи банкротства по отношению к континенту и Америке.} «А поскольку с ними не было покончено путем банкротства, их погашали вывозом благородных металлов» («Report of Committee on Bank Acts», 1857). Итак, поскольку кризис в Англии обостряется банковым законодательством, законодательство это является средством для того чтобы в период голода надувать нации, вывозящие хлеб, сначала на хлебе, а потом на деньгах за хлеб. Таким образом запрещение вывоза хлеба в такое время является для стран, которые сами более или менее страдают от дороговизны, очень рациональным средством борьбы с этим планом Английского банка «погашать обязательства», вызванные ввозом хлеба, «посредством банкротства». Гораздо лучше, если производители хлеба и спекулянты потеряют часть своей прибыли к выгоде страны, чем если они потеряют свой капитал к выгоде Англии.

Из сказанного видно, что товарный капитал во время кризиса и вообще во время промышленного застоя в значительной степени теряет свое свойство представлять потенциальный денежный капитал. То же самое приходится сказать и о фиктивном капитале, процентных бумагах, поскольку они сами обращаются на бирже как денежные капиталы. При повышении процента цена их падает. Она падает, далее, вследствие общего недостатка кредита, который заставляет их собственников массами выбрасывать их на рынок, чтобы добыть себе денег. Наконец, цена акций падает, частью вследствие уменьшения доходов, удостоверениями на получение которых они являются, частью вследствие того, что предприятия, которые они представляют, довольно часто имеют дутый характер. Во время кризиса этот фиктивный денежный капитал чрезвычайно уменьшается, а вместе с тем для его владельцев уменьшается возможность получать под него деньги на рынке. Уменьшение денежных наименований этих ценных бумаг в курсовом бюллетене совершенно не затрагивает, однако, того действительного капитала, который они представляют, но весьма сильно затрагивает платежеспособность их владельцев.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. II.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ.)

Мы все еще не покончили с вопросом, в какой степени накопление капитала в форме ссужаемого денежного капитала совпадает с действительным накоплением, с расширением процесса воспроизводства.

Превращение денег в ссужаемый денежный капитал — история гораздо более простая, чем превращение денег в производительный капитал. Но нам приходится здесь различать две вещи:

1) простое превращение денег в ссудный капитал;

2) превращение капитала или дохода в деньги, которые превращаются, в свою очередь, в ссужаемый капитал.

Только при условии, указанном в последнем пункте, может иметь место положительное накопление ссудного капитала, совпадающее с действительным накоплением промышленного капитала.

1) ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ.

Мы уже видели, что возможно скопление, чрезмерное изобилие ссудного капитала, лишь постольку связанное с производительным накоплением, поскольку оно находится к этому последнему в обратном отношении. Это имеет место в двух фазах промышленного цикла, а именно, во-первых, в тот период, когда промышленный капитал в обеих формах — производительного и товарного капитала — сокращается, следовательно, в начале цикла после кризиса; и, во-вторых, в период, когда началось улучшение, но коммерческий кредит еще мало прибегает к банковому кредиту. В первом случае денежный капитал, раньше применявшийся в производстве и торговле, выступает как свободный ссудный капитал; во втором случае он выступает как капитал, находящий применение в возрастающих размерах, но по очень низкой процентной ставке, так как теперь промышленный и торговый капиталист диктует условия денежному капиталисту. Избыток ссудного капитала в первом случае выражает застой промышленного капитала, во втором случае — сравнительную независимость ком-

мерческого кредита от банкового кредита, покоящуюся на беспрепятственном обратном притоке капитала, кратких сроках кредита и преобладающем ведении дела собственным капиталом. Спекулянты, рассчитывающие на чужой кредитный капитал, еще не выступили в поход; люди, ведущие дело на собственный капитал, еще далеки от операций, ведущихся почти целиком в кредит. В первой фазе избыток ссудного капитала выражает прямую противоположность действительного накопления. Во второй фазе он совпадает с новым расширением процесса воспроизводства, сопровождает его, однако не является его причиной. Избыток ссудного капитала уже уменьшается, хотя бы только относительно, по сравнению со спросом. В обоих случаях расширению действительного процесса накопления благоприятствует то обстоятельство, что низкий процент, который в первом случае совпадает с низкими ценами, во втором — с медленно растущими ценами, увеличивает ту часть прибыли, которая превращается в предпринимательский доход. В еще большей степени это имеет место при повышении процента до его среднего уровня в период максимального расцвета, так как тут хотя процент и возрастает, но не в такой степени, как прибыль.

С другой стороны, мы видели, что накопление ссудного капитала может быть достигнуто без всякого действительного накопления, при помощи чисто технических средств, каковы расширение и концентрация банкового дела, экономное использование резерва обращения или также резервного фонда принадлежащих частным лицам платежных средств, которые вследствие этого постоянно превращаются на короткие сроки в ссудный капитал. Хотя этот ссудный капитал, который потому и называется также текучим капиталом (floating capital), сохраняет всегда лишь на короткие периоды форму ссудного капитала (и точно так же лишь на короткие периоды может послужить для дисконтных операций), но он зато постоянно приливает и отливает. Если один извлекает его, то другой его доставляет. Таким образом масса ссудного денежного капитала (мы говорим здесь вообще не о займах на годы, но лишь о краткосрочных займах под векселя и залоги) на самом деле растет совершенно независимо от действительного накопления.

B. C. 1857. Вопрос 501. «Что разумеете вы под floating capital?» {Г-н Вегелин, управляющий Английским банком:} «Это капитал, употребляемый для денежных ссуд на короткие сроки... (502) банкноты Английского банка... провинциальных банков и сумма денег, находящихся в стране. — {Вопрос:} Если вы разумеете под floating capital активное обращение {именно банкноты Английского банка}, то, судя по тем показаниям, которые имеются по этому поводу у комиссии, в этом активном обращении не происходит, повидимому, очень значительных колебаний? {Однако

большая разница — кто именно авансировал это активное обращение, денежный кредитор или сам воспроизводящий капиталист. — Ответ Вегелина:} Я включаю в floating capital резервы банкиров, в которых наблюдаются значительные колебания». Это значит, следовательно, что имеют место значительные колебания той части вкладов, которую банкиры не употребили для ссуд, но которая фигурирует как их резерв, а большею частью как резерв Английского банка, куда они вложены. Наконец, тот же самый господин говорит, будто floating capital есть bullion, т. е. слитки и металлические деньги (503). Поразительно вообще, насколько иной смысл и иную форму приобретают все категории политической экономии в этой кредитной тарабарщине денежного рынка. Floating capital является здесь иным выражением для circulating capital [оборотного капитала], что, конечно, совершенно не то, и money [деньги] есть capital, и bullion [слитки] есть capital, и банкноты суть circulation [обращение], и капитал есть a commodity [товар], и долги суть commodities [товары], и fixed capital [основной капитал] есть деньги, вложенные в трудно продаваемые бумаги!

«Лондонские акционерные банки... увеличили свои вклады с 8 850 774 ф. ст. в 1847 г. до 43 100 724 ф. ст. в 1857 г. ...Данные и показания, имеющиеся в комиссии, позволяют сделать заключение, что значительная часть этой громадной суммы взята из источников, которые раньше не могли быть использованы для этой цели, и что обычай открывать счет у банкира и помещать у него вклады распространился на многочисленные классы, которые раньше не применяли своего капитала (!) таким образом. Г-н Родуэлл, президент ассоциации провинциальных частных банков» {в отличие от акционерных банков} «делегированный ею, чтобы давать показания перед комиссией, сообщает, что в районе Ипсвича среди фермеров и мелких торговцев этого округа практика эта в последнее время увеличилась раза в четыре; что почти все фермеры, даже те из них, которые уплачивают всего 50 ф. ст. годовой арендной платы, имеют теперь вклады в банках. Масса этих вкладов находит, конечно, себе путь к употреблению в дело и тяготеет в особенности к Лондону, центру коммерческой деятельности, где она прежде всего находит применение в учете векселей и других ссудах клиентам лондонских банкиров. Однако значительная часть этих вкладов, в которой банкиры непосредственно не нуждаются, попадает в руки billbrokers, выдающих банкирам взамен этого торговые векселя, уже учтенные ими для разных лиц в Лондоне и провинции» (B. C. 1858, стр. V).

Когда банкир дает ссуду billbroker'у под векселя, которые этот billbroker уже раз учел, то фактически он их еще раз переучитывает, однако в действительности многие из этих векселей уже были переучтены самими billbroker'ами, и на те же самые

деньги, которыми банкир переучитывает векселя billbroker'а, последний переучитывает новые векселя. Вот к чему это приводит: «Расширение фиктивного кредита было создано учетом дружеских векселей и бланковым кредитом, что значительно облегчалось образом действий провинциальных акционерных банков, которые учитывали такие векселя и переучитывали их затем у billbroker'ов на лондонском рынке, причем полагались исключительно на кредитоспособность банка и совершенно оставляли без внимания все прочие качества векселей» (там же).

Относительно этого переучета и поощрения кредитных спекуляций при помощи такого чисто технического увеличения ссужаемого денежного капитала интересно следующее место из «Economist»: «В течение ряда лет в некоторых округах страны накопление капитала {именно ссужаемого денежного капитала} шло быстрее, чем он мог найти применение, в то время как в других округах возможности его применения росли быстрее, чем сам капитал. В то время как в земледельческих округах банкиры лишены были возможности поместить прибыльно и надежно свои вклады на местах, у банкиров промышленных округов и торговых городов спрос на их капитал был больше, чем они могли предложить. Результатом этих различных условий в различных округах явилось за последние годы возникновение и стремительно быстрое расширение нового класса фирм, занятых распределением капитала, — фирм, которые, хотя и называются обыкновенно billbrokers, в действительности являются банкирами крупнейшего масштаба. Фирмы эти занимаются тем, что, взяв на определенный срок и за определенные проценты избыточный капитал у банкиров таких округов, где капитал этот не находит себе применения, а также средства акционерных обществ и крупных торговых домов, лежащие временно без дела, ссужают полученные таким образом деньги за более высокий процент банкам тех округов, где спрос на капитал значительнее, обыкновенно путем переучета векселей их клиентов... Таким образом Lombardstreet * стала большим центром, в котором совершается перенесение праздного капитала из одной части страны, где он не может найти прибыльного применения, в другую, где существует на него спрос; причем это относится как к различным частям страны, так и к отдельным лицам, находящимся в аналогичном положении. Первоначально эти предприятия ограничивались почти исключительно ссудами и займами под обычные банковые обеспечения. Но по мере того, как капитал страны быстро возрастал и все более и более экономизировался благодаря учреждению банков, фонды, находящиеся в распоряжении этих учетных фирм, стали настолько

* Улица в Лондоне, на которой были сосредоточены банкирские конторы. *Ред.*

велики, что указанные фирмы перешли к ссудам, сначала под dock warrants (квитанции на товары, хранящиеся в доках), а потом и под накладные, представляющие продукты, которые еще вовсе не получены, но под которые тем не менее зачастую, хотя и не как общее правило, уже выписывались векселя на товарных маклеров. Такая практика скоро изменила весь характер английской коммерции. Облегчения, предоставляемые таким образом со стороны Lombardstreet, чрезвычайно усилили положение товарных маклеров на Mincing Lane *; товарные маклеры, в свою очередь, предоставили все преимущества купцам-импортерам; эти последние воспользовались ими настолько широко, что в то время как 25 лет тому назад заем под накладную или хотя бы под dock warrants совершенно подорвал бы кредит данного купца, теперь такая практика приняла настолько всеобщий характер, что она является уже правилом, а не редким исключением, как это было 25 лет тому назад. Мало того, система эта распространилась настолько широко, что в Lombardstreet крупные суммы берутся под векселя, выписанные под находящийся еще *на корню* урожай отдаленных колоний. Результат таких облегчений кредита был тот, что купцы-импортеры расширили свои заграничные операции и закрепили свой текущий (floating) капитал, при помощи которого они до сих пор вели дело, в самых ненадежных из всех предприятий, в колониальных плантациях, которые они могут лишь в ничтожной степени или даже вовсе не могут контролировать. Мы видим таким образом непосредственное сцепление кредитов. Капитал страны, собранный в наших земледельческих округах, вносится в качестве вкладов мелкими суммами в провинциальные банки и централизуется для употребления в дело на Lombardstreet. Но использовался он, во-первых, для расширения дела в наших горных и промышленных округах путем переучета векселей тамошним банкам; во-вторых, для обеспечения больших льгот импортерам заграничных продуктов при помощи ссуд под dock warrants и накладные, вследствие чего «законный» капитал торговых фирм в заграничных и колониальных предприятиях освобождается и может таким образом употребляться для самого плохого применения в заокеанских плантациях» («Economist», 1847, стр. 1334). Таково это «прекрасное» сцепление кредитов. Сельский вкладчик воображает, что он дает вклад лишь своему банкиру, воображает, далее, что если банкир дает ссуду, то лишь известным ему частным лицам. Но он не имеет ни малейшего представления о том, что его банкир отдает его вклады в распоряжение лондонского billbroker'а, операции которого совершенно ускользают от контроля их обоих.

---

* Улица в Лондоне, где была сосредоточена оптовая торговля колониальными товарами. *Ред.*

Мы уже видели, как крупные общественные предприятия, напр. железнодорожное строительство, могут на время увеличивать ссудный капитал, оставляя на известные сроки в распоряжении банкиров вносимые акционерами суммы до их действительного применения.

———

Впрочем масса ссудного капитала совершенно отлична от количества обращения. Под количеством обращения мы понимаем здесь сумму всех находящихся и обращающихся в стране банкнот и металлических денег, включая слитки благородных металлов. Часть этого количества составляет непрерывно изменяющийся по величине резерв банков.

«12 ноября 1857 г. {дата временной приостановки действия банкового акта 1844 г.} запас Английского банка вместе со всеми его отделениями составлял в общей сложности всего 580 751 ф. ст.; сумма вкладов равнялась в то же время $22^1/_2$ млн. ф. ст., из которых около $6^1/_2$ млн. принадлежало лондонским банкирам» (B. A. 1858, стр. LVII).

Колебания уровня процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия уровня процента в различных странах; первые обусловлены изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, напр., прочность кредита и т. п.), т. е. капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег и банкнот; в отличие от промышленного капитала, который как таковой, в товарной форме, ссужается при помощи коммерческого кредита между самими агентами воспроизводства.

И все-таки масса этого ссужаемого капитала отлична и независима от массы обращающихся денег.

Если, напр., 20 ф. ст. будут даны в ссуду пять раз в день, то в ссуду дан денежный капитал в 100 ф. ст., и это означало бы в то же время, что эти 20 ф. ст. по меньшей мере 4 раза функционировали как покупательные или платежные средства; ибо, если бы не посредствующая роль купли и платежа, так что 20 ф. ст. не представляли бы по меньшей мере четыре раза превращенную форму капитала (товара, включая сюда и рабочую силу), то они составили бы не капитал в 100 ф. ст., а лишь пять требований на 20 ф. ст. каждое.

Для стран с развитым кредитом мы можем допустить, что весь денежный капитал, который может быть употреблен для ссудных операций, существует в форме вкладов в банках и у лиц, ссужающих деньги. По крайней мере это справедливо для дела в общем и целом. К тому же в периоды хорошего положения дел, пока

еще не разразилась спекуляция в собственном смысле слова, при легкости кредита и возрастающем доверии бо̀льшая часть функций обращения выполняется простой передачей кредита, без посредства металлических или бумажных денег.

Простая возможность большой суммы вкладов, при сравнительно небольшом количестве средств обращения, зависит исключительно от:

1) числа покупок и платежей, выполняемых одной и той же единицей денег;

2) числа его обратных возвращений в банк в качестве вклада, причем его повторная функция платежного и покупательного средства осуществляется при посредстве возобновленного превращения в банковый вклад. Например, розничный торговец еженедельно вкладывает у своего банкира 100 ф. ст. деньгами; банкир выплачивает ими часть вклада фабриканта; последний платит ими своим рабочим; рабочие платят ими розничному торговцу, который снова вносит их в банк. Вложенные розничным торговцем 100 ф. ст. послужили таким образом, во-первых, для уплаты вклада фабриканту, во-вторых, для оплаты рабочих, в-третьих, для платежа самому розничному торговцу, в-четвертых, для того чтобы вложить в банк новую часть денежного капитала того же самого розничного торговца; таким образом, если он сам не будет пользоваться вложенными им в банк деньгами, то по истечении 20 недель его вклад при помощи одних и тех же 100 ф. ст. достигнет 2 000 ф. ст.

В какой степени этот денежный капитал остается незанятым, показывает лишь прилив и отлив резервного фонда банков. Отсюда г. Вегелин, в 1857 г. управляющий Английским банком, выводит заключение, что золото в Английском банке является «единственным» резервным капиталом: «1258. По моему мнению, учетная ставка фактически определяется количеством незанятого капитала, имеющегося в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически является золотым резервом. Поэтому, когда золото отливает, уменьшается количество незанятого капитала в стране, и вследствие этого повышается стоимость остальной его части. — 1364. Золотой запас Английского банка есть в действительности центральный запас, или запас наличных денег, на основе которого ведутся все дела страны... На этом-то запасе, или резервуаре, всегда сказывается влияние заграничного вексельного курса» («Report on Bank Acts». 1857).

Масштаб для накопления действительного, т. е. производительного и товарного, капитала дает статистика вывоза и ввоза. И тут всегда обнаруживается, что для периодов развития англий-

ской промышленности движущихся десятилетними циклами (1815—1870) максимум последнего периода расцвета *перед* кризисом каждый раз оказывается минимумом ближайшего следующего периода расцвета, а затем поднимается до нового, гораздо более высокого максимума.

Действительная или объявленная стоимость продуктов, вывезенных из Великобритании и Ирландии в 1824 г., который был годом расцвета, составляла 40 396 300 ф. ст. С наступлением кризиса 1825 г. размер вывоза падает ниже этой суммы и колеблется между 35—39 млн. в год. При возобновлении расцвета в 1834 г. он превосходит предыдущий высший уровень, поднимаясь до 41 649 191 ф. ст., и в 1836 г. достигает нового максимума в 53 368 571 ф. ст. В 1837 г. он снова падает до 42 млн., так что новый минимум стоит уже выше старого максимума и колеблется затем между 50 и 53 млн. Возврат расцвета поднимает затем в 1844 г. размеры вывоза до $58^1/_2$ млн., что опять-таки далеко превышает максимум 1836 г. В 1845 г. вывоз достигает 60 111 082 ф. ст., затем падает до 57 с лишком миллионов в 1846 г., почти 59 млн. в 1847 г., 53 млн. в 1848 г., повышается в 1849 г. до $63^1/_2$ млн., в 1853 г. почти 99 млн., в 1854 г. — 97 млн., в 1855 г. — $94^1/_2$ млн., в 1856 г. — почти 116 млн. и в 1857 г. достигает максимума в 122 млн. В 1858 г. вывоз падает до 116 млн., но уже в 1859 г. повышается до 130 млн., в 1860 г. почти 136 млн., в 1861 г. — всего 125 млн. (здесь новый минимум опять выше предшествующего максимума), в 1863 г. — $146^1/_2$ млн.

То же самое могло бы быть, конечно, доказано и по отношению к ввозу, который является показателем расширения рынка; здесь мы имеем дело лишь с масштабом производства. {Само собой разумеется, это справедливо по отношению к Англии лишь в эпоху фактической промышленной монополии; но это справедливо также по отношению ко всей вообще совокупности стран с современной крупной промышленностью, пока мировой рынок еще расширяется. — *Ф. Э.*}

2) ПРЕВРАЩЕНИЕ КАПИТАЛА ИЛИ ДОХОДА В ДЕНЬГИ, ПРЕВРАЩАЮЩИЕСЯ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ.

Мы рассматриваем здесь накопление денежного капитала, поскольку оно не является выражением приостановки в потоке коммерческого кредита или же экономного использования как действительно функционирующих средств обращения, так и резервного капитала агентов, занятых в воспроизводстве.

Кроме обоих этих случаев, накопление денежного капитала может возникнуть благодаря необычному притоку золота, как это имело место в 1852 и 1853 гг. вследствие открытия новых золотых приисков в Австралии и Калифорнии. Это золото помещалось

вкладами в Английский банк. Вкладчики брали вместо него банкноты, которые непосредственно вслед затем не вкладывались ими в банки. Таким образом чрезвычайно увеличилось количество средств обращения. (Показания Вегелина, B. C. 1857, № 1329.) Банк старался использовать эти вклады, понизив учетную ставку до 2%. Накопленная в банке масса золота в течение шести месяцев 1853 г. возросла до 22—23 млн.

Накопление у всех капиталистов, ссужающих деньги, происходит, само собою понятно, непосредственно в денежной форме, в то время как действительное накопление промышленного капитала совершается обыкновенно, как мы уже видели, путем увеличения элементов самого воспроизводительного капитала. Таким образом развитие кредита и колоссальная концентрация денежно-ссудного дела в руках крупных банков должны уже сами по себе ускорять накопление ссужаемого капитала как отличную от действительного накопления форму. Это быстрое развитие ссудного капитала потому есть результат действительного накопления, что оно является следствием развития процесса воспроизводства, а прибыль, образующая источник накопления для таких денежных капиталистов, есть лишь вычет из прибавочной стоимости, выколачиваемой капиталистами, занимающимися воспроизводством (и в то же время присвоение части процентов на *чужие* сбережения). Ссудный капитал накопляется одновременно за счет промышленников и купцов. Мы видели, что в неблагоприятных фазах промышленного цикла уровень процента может подняться настолько высоко, что он временно совершенно поглощает прибыль некоторых отраслей, поставленных в особенно невыгодные условия. Вместе с тем падают цены государственных фондов и других ценных бумаг. Это тот момент, когда денежные капиталисты массами скупают обесцененные бумаги, которые в дальнейших фазах снова быстро поднимаются в цене до своего нормального уровня и выше. Тогда бумаги эти снова сбываются, и таким образом присваивается часть денежного капитала публики. Та часть бумаг, которая остается на руках скупивших их капиталистов, приносит им более высокие проценты, так как эти бумаги куплены по пониженной цене. Но всю прибыль, получаемую денежными капиталистами и превращаемую обратно в капитал, они превращают прежде всего в ссудный денежный капитал. Следовательно, накопление последнего как отличное от действительного накопления, хотя и порожденное им, выступает уже, раз мы рассматриваем только денежных капиталистов, банкиров и т. д., как накопление этого особого класса капиталистов. И оно должно расти при всяком расширении кредитного дела, сопровождающем действительное расширение процесса воспроизводства.

Если уровень процента низок, то это обесценение денежного капитала падает главным образом на вкладчиков, а не на банки.

До развития акционерных банков в Англии $^3/_4$ всех вкладов лежали, не принося процентов. Если в настоящее время за них и уплачивается процент, то последний по меньшей мере на 1 % ниже уровня процентной ставки данного дня.

Что касается накопления денег остальными классами капиталистов, то мы оставим в стороне ту часть, которая вкладывается в процентные бумаги и накопляется в этой форме. Мы рассматриваем только ту часть, которая выбрасывается на рынок как ссужаемый денежный капитал.

Здесь мы имеем прежде всего часть прибыли, которая не расходуется как доход, а предназначена для накопления, но для которой не находится на первых порах употребления в предприятии самих промышленных капиталистов. Прибыль эта существует непосредственно в товарном капитале, часть стоимости которого она составляет, и вместе с ним реализуется в деньгах. Если она (купца мы пока оставляем в стороне, о нем мы будем говорить особо) не превращается обратно в элементы производства товарного капитала, то в течение некоторого времени она должна оставаться в форме денег. Масса эта растет вместе с массой самого капитала, даже при уменьшающейся норме прибыли. Часть, которая должна быть израсходована как доход, мало-помалу потребляется, но в промежутке образует в качестве вклада ссудный капитал у банкира. Таким образом даже рост части прибыли, расходуемой как доход, выражается в постепенном, постоянно повторяющемся накоплении ссудного капитала. То же самое надо сказать и о другой части, предназначенной для накопления. Итак, с развитием кредита и его организации даже рост дохода, т. е. потребления промышленных и торговых капиталистов, получает выражение как накопление ссудного капитала. И это верно по отношению ко всем доходам, поскольку они потребляются мало-помалу, следовательно, по отношению к земельной ренте, заработной плате в ее высших формах, доходу непроизводительных классов и т. д. Все они в известное время принимают форму денежного дохода и, следовательно, могут быть превращены во вклады, а тем самым и в ссудный капитал. По отношению ко всякому доходу, предназначен ли он для потребления или для накопления, раз он существует в какой бы то ни было денежной форме, верно то положение, что доход есть превращенная в деньги часть стоимости товарного капитала, а следовательно — выражение и результат действительного накопления, а не самый производительный капитал. Если прядильщик обменял свою пряжу на хлопок, а часть, составляющую доход, — на деньги, то действительное бытие его промышленного капитала — это пряжа, перешедшая теперь в руки ткача или, быть может, индивидуального потребителя, и притом пряжа — предназначена ли она для воспроизводства или для потребления — есть бытие как капитальной стоимости, так и

прибавочной стоимости, которая в ней заключается. Величина прибавочной стоимости, превратившейся в деньги, зависит от величины прибавочной стоимости, заключающейся в пряже. Но раз прибавочная стоимость превратилась в деньги, последние являются лишь стоимостным бытием этой прибавочной стоимости [das Werthdasein dieses Mehrwerths]. И как таковое они становятся моментом ссудного капитала. Для этого требуется только, чтобы они были превращены во вклад, если только они уже не выданы в ссуду самим их собственником. Напротив, чтобы превратиться обратно в производительный капитал, они должны достигнуть сначала известной минимальной границы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. III.

(ОКОНЧАНИЕ.)

Масса денег, подлежащих такому обратному превращению в капитал, есть результат массового процесса воспроизводства, но рассматриваемая сама по себе, как ссудный капитал, она не является самою массою воспроизводительного капитала.

Самый важный из выводов предшествующего исследования состоит в том, что расширение части дохода, предназначенной для потребления (причем мы оставляем в стороне рабочего, так как его доход = переменному капиталу), прежде всего проявляется как накопление денежного капитала. Следовательно, в накопление денежного капитала входит один момент, существенно отличающийся от действительного накопления промышленного капитала, потому что часть годового продукта, предназначенная для потребления, отнюдь не становится капиталом. Часть ее *возмещает* капитал, а именно, постоянный капитал производителей средств потребления, но поскольку она действительно превращается в капитал, она существует в натуральной форме дохода производителей этого постоянного капитала. Те же самые деньги, которые представляют доход, которые служат простыми посредниками потребления, регулярно превращаются на некоторое время в ссудный денежный капитал. Поскольку деньги эти представляют заработную плату, они являются в то же время денежной формой переменного капитала; а поскольку они возмещают постоянный капитал производителей средств потребления, они являются денежной формой, которую временно принимает постоянный капитал, и служат для закупки элементов этого подлежащего возмещению постоянного капитала в натуре. Ни в той, ни в другой форме они сами по себе не выражают накопления, хотя масса их и растет с расширением процесса воспроизводства. Однако временно они выполняют функции ссужаемых денег, т. е. денежного капитала. Следовательно, с этой стороны накопление денежного капитала всегда должно отражать в себе более значительное накопление капитала, чем то, которое совершается в действительности, так как расширение индивидуального потребления, благодаря тому, что оно осуществляется при посредстве денег, выступает как

накопление денежного капитала, доставляя денежную форму для действительного накопления, для денег, открывающих новые сферы приложения капитала.

Итак, накопление ссужаемого денежного капитала отчасти выражает лишь тот факт, что всякие деньги, в которые превращается промышленный капитал в процессе своего кругооборота, принимают форму не денег, которые *авансируют* агенты воспроизводства, а денег, которые они *занимают;* таким образом, то авансирование денег, которое должно происходить в процессе воспроизводства, представляется авансированием занятых денег. В действительности на основе коммерческого кредита один ссужает другому те деньги, которые ему нужны для процесса воспроизводства. Но это принимает такую форму, что банкир, которому часть агентов воспроизводства ссужает деньги, в свою очередь ссужает их другой части агентов воспроизводства, причем банкир этот оказывается в роли источника благодати и в то же время в качестве посредника совершенно забирает в свои руки распоряжение этим капиталом.

Нам остается лишь указать некоторые особые формы накопления денежного капитала. Капитал освобождается, напр., вследствие понижения цены элементов производства, сырых материалов и т. д. Если промышленник не может непосредственно расширить свой процесс воспроизводства, то часть его денежного капитала, как избыточная, выталкивается из кругооборота и превращается в ссужаемый денежный капитал. Но кроме того, капитал освобождается в денежной форме, особенно у купца, когда наступают перерывы в ходе дела. Если купец совершил ряд операций и вследствие таких перерывов может начать новый ряд операций лишь позднее, то реализованные деньги представляют для него лишь сокровище, избыточный капитал. Однако в то же время они непосредственно представляют накопление ссужаемого денежного капитала. В первом случае накопление денежного капитала выражает повторение процесса воспроизводства при более благоприятных условиях, действительное освобождение части раньше связанного капитала, следовательно, возможность расширения процесса воспроизводства при тех же самых денежных средствах. Во втором случае — простой перерыв потока сделок. Но в обоих случаях деньги превращаются в ссужаемый денежный капитал, представляют накопление этого последнего, оказывают влияние в одинаковой степени на денежный рынок и уровень процента, хотя в первом случае в этом находят себе выражение более благоприятные условия, во втором — препятствия для действительного процесса накопления. Наконец, на накопление денежного капитала влияет количество людей, которые, успешно завершив свои дела, удаляются от сферы воспроизводства. Чем больше прибыли создается в течение промышленного цикла, тем больше

число таких людей. Тут накопление ссужаемого денежного капитала служит выражением, с одной стороны, действительного накопления (по своим относительным размерам), с другой стороны, только размеров превращения промышленных капиталистов в простых денежных капиталистов.

Что касается остальной части прибыли, не предназначенной для потребления в качестве дохода, то она превращается в денежный капитал лишь в том случае, если она не может быть непосредственно употреблена на расширение дела в той сфере производства, в которой она создана. Последнее может происходить от двух причин. Или потому, что данная сфера производства уже насыщена капиталом. Или потому, что накопленная сумма для того чтобы функционировать как капитал, должна сначала достигнуть известных размеров, определяемых количественными отношениями новых вложений капитала в данном определенном предприятии. Поэтому накопленная сумма превращается сначала в ссужаемый денежный капитал и служит для расширения производства в других сферах. При прочих равных условиях масса прибыли, предназначенная для обратного превращения в капитал, зависит от массы всей созданной прибыли и, следовательно, от расширения самого процесса воспроизводства. Если же это новое накопление наталкивается в своем применении на трудности, на недостаток сфер приложения, если, следовательно, имеет место переполнение отраслей производства и избыточное предложение ссудного капитала, то такой избыток ссужаемого денежного капитала указывает лишь на ограниченность *капиталистического* производства. Наступающий затем кредитный ажиотаж обнаруживает, что не существует никаких положительных препятствий для применения этого избыточного капитала. Но существуют препятствия, возникающие вследствие законов возрастания капитала, вследствие тех границ, в которых капитал может возрастать как капитал. Избыток денежного капитала как такового не выражает необходимо перепроизводства или хотя бы только недостатка сфер для приложения капитала.

Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд. Этот процесс весьма отличен от действительного превращения в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может, как было показано, выражать моменты весьма отличные от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления это расширение накопления денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления. Уже по одному тому, что накопление ссудного

капитала расширяется под влиянием таких независимых от действительного накопления, но все же сопровождающих его моментов, в известных фазах цикла должен всегда иметь место избыток денежного капитала, и этот избыток должен развиваться по мере развития кредита. Вместе с этим избытком должна также усиливаться необходимость расширить процесс производства за его капиталистические границы: избыточная торговля, избыточное производство, избыточный кредит. В то же время это неизбежно совершается в формах, вызывающих обратное движение.

Что касается накопления денежного капитала из земельной ренты, заработной платы и т. п., то здесь излишне останавливаться на этом вопросе. Следует подчеркнуть лишь тот момент, что благодаря разделению труда в ходе развития капиталистического производства дело действительного сбережения и воздержания (собирателей сокровищ), поскольку оно доставляет элементы накопления, выпадает на долю тех, которые получают минимальное количество этих элементов и зачастую еще теряют свои сбережения, как, напр., рабочие при крахе банков. С одной стороны, промышленный капиталист не сам «сберегает» свой капитал, а распоряжается чужими сбережениями в количестве, пропорциональном величине своего капитала; с другой стороны, денежный капиталист делает чужие сбережения своим капиталом, а кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занимающиеся воспроизводством, и который дает им публика, превращает в источник своего частного обогащения. Вместе с тем рушится последняя иллюзия капиталистической системы, будто капитал порождается собственным трудом и сбережением. Не только прибыль состоит в присвоении чужого труда, но и капитал, при помощи которого этот чужой труд приводится в движение и эксплуатируется, состоит из чужой собственности, которую денежный капиталист предоставляет в распоряжение промышленного капиталиста и за которую он эксплуатирует последнего в свою очередь.

Нам остается сделать еще несколько замечаний относительно кредитного капитала.

Насколько часто одна и та же денежная единица может фигурировать в качестве ссудного капитала, всецело зависит, как было показано выше, от того,

1) насколько часто она реализует товарные стоимости в процессе продажи и платежа, перенося таким образом капитал, и от того, далее, насколько часто она реализует доход. Насколько часто она переходит в другие руки в качестве реализованной стоимости, все равно капитала или дохода, зависит, очевидно, от размеров и числа действительных оборотов;

2) это зависит от экономии платежей и от развития и организации кредитного дела;

3) наконец, от взаимного сцепления и быстроты действия кредитов, благодаря которым деньги, осевши в одном месте в виде вклада, тотчас же снова выходят в другом — в виде займа.

Если даже предположить, что формой существования ссудного капитала является исключительно форма действительных денег, золота или серебра — товаров, вещество которых служит мерилом стоимостей, — то и в этом случае значительная часть этого денежного капитала неизбежно будет фиктивной, т. е. простым титулом стоимости, совершенно так же, как знаки стоимости. Поскольку деньги функционируют в кругообороте капитала, они хотя в известный момент и образуют денежный капитал, однако, не превращаются в ссужаемый денежный капитал, но или обмениваются на элементы производительного капитала, или же ими расплачиваются как средством обращения при реализации дохода и, следовательно, они не могут опять превратиться в ссудный капитал для своего владельца. Поскольку же они превращаются в ссудный капитал и одна и та же сумма денег повторно представляет ссудный капитал, ясно, что они лишь в одном пункте существуют как металлические деньги; во всех других пунктах они существуют лишь в форме притязаний на капитал. Накопление этих притязаний, согласно предположению, проистекает из действительного накопления, т. е. из превращения стоимости товарного капитала и т. д. в деньги; и тем не менее накопление этих притязаний или титулов стоимости, как таковое, отлично и от действительного накопления, которым оно порождается, и от будущего накопления (нового процесса производства), которое осуществляется благодаря выдаче денег в ссуду.

Prima facie * ссудный капитал всегда существует в форме денег [9], а позже в форме права на деньги, ибо деньги, в виде

---

* Это часто употребляемое Марксом латинское выражение означает в зависимости от контекста: первоначально, в первую очередь, с первого взгляда может показаться и т. п. *Ред.*

[9] B. A. 1857. Показание банкира Туэллса: «4516. Как банкир, ведете ли вы операции с капиталом или с деньгами? — Мы торгуем деньгами. — 4517. Как вносятся вклады в ваш банк? — Деньгами. — 4518. Как выплачиваются они? — Деньгами. — Следовательно, можно ли сказать, что они представляют нечто отличное от денег? — Нет».

Оверстон (см. гл. XXVI) постоянно путает «capital» и «money» [«капитал» и «деньги»]. Value of money [стоимость денег] означает у него также процент, но лишь постольку, поскольку последний определяется массою денег; value of capital [стоимость капитала] должна обозначать процент, поскольку он определяется спросом на производительный капитал и приносимой им прибылью. Он говорит: «4140. Слово «капитал» следует употреблять с осторожностью. — 4148. Вывоз золота из Англии означает уменьшение количества денег в стране, что должно, конечно, вообще говоря, вызывать увеличенный спрос на денежном рынке {следовательно, по его мнению, не на рынке капитала}. — 4112. По мере того как деньги уходят из страны, количество их в стране уменьшается. Это уменьшение количества денег,

которых он первоначально существует, находятся теперь в руках заемщика в действительной денежной форме. Для кредитора ссудный капитал превратился в право на получение денег, в титул собственности. Одна и та же масса действительных денег может поэтому представлять весьма различные массы денежного капитала. Просто деньги, представляют ли они реализованный капитал или реализованный доход, становятся ссудным капиталом благодаря одному акту ссуды, благодаря превращению их во вклад, если рассматривать общую форму при развитой кредитной системе. Вклад есть денежный капитал для вкладчика. Однако в руках банкира он может быть лишь потенциальным денежным капиталом, лежащим без употребления в его кассе вместо того чтобы лежать в кассе собственника этого капитала[10].

остающихся в стране, вызывает повышение стоимости этих денег» {первоначально по его теории это означало повышение стоимости денег как денег сравнительно со стоимостью товаров, вызванное сокращением обращения, причем это повышение стоимости денег равняется, следовательно, понижению стоимости товаров. Но так как в дальнейшем даже для него стало несомненным, что масса обращающихся денег *не* определяет цен, то теперь уменьшение количества денег как орудия обращения является для него причиной повышения их стоимости как капитала, приносящего проценты, и, следовательно, повышения самого размера процента.} «И это возрастание стоимости еще остающихся денег задерживает дальнейший отлив их и продолжается до тех пор, пока оно не привлечет обратно столько денег, сколько их необходимо, чтобы опять восстановить равновесие». Продолжение о противоречиях, в которые впадает Оверстон, — ниже.

[10] Здесь-то и выступает путаница, состоящая в том, что «деньгами» является и то и другое: и вклад как требование на платеж со стороны банкира, и депонированные деньги в руках банкира. Банкир Туэллс, давая показания перед банковой комиссией 1857 г., приводит следующий пример: «Я начинаю свое дело с 10 000 ф. ст. На 5 000 ф. ст. я покупаю товаров и помещаю их в свой склад. Остальные 5 000 ф. ст. я помещаю у банкира вкладом, чтобы пользоваться ими по мере надобности. Но я все-таки рассматриваю всю сумму как мой капитал, хотя из нее 5 000 ф. ст. находятся в форме вклада или денег (4528)». Отсюда возникают следующие занятные дебаты: «4531. Следовательно, вы передали ваши 5 000 ф. ст. в банкнотах кому-то другому? — Да. — 4532. Тогда этот другой имеет вклад в 5 000 ф. ст.? — Да, конечно. — 4533. Но и вы имеете вклад в 5 000 ф. ст.? — Совершенно верно. — 4534. Он имеет 5 000 ф. ст. деньгами, и вы имеете 5 000 ф. ст. деньгами? — Конечно. — 4535. Но это в конце концов только деньги? — Нет». — Путаница происходит здесь отчасти по следующей причине: *A*, который сделал вклад в 5 000 ф. ст., может выписывать на них требования, распоряжаться ими совершенно так же, как если бы эти деньги находились еще у него. В этом смысле они функционируют для него как потенциальные деньги. Но каждый раз, как он пользуется ими, он pro tanto [соответственно] уничтожает сумму своего вклада. Если он берет из банка действительные деньги, причем его деньги уже отданы в новую ссуду, то ему платят не его собственными деньгами, но деньгами, вложенными в банк кем-либо другим. Если он уплачивает *B* долг чеком на своего банкира, причем *B* вкладывает этот чек у своего банкира и банкир вкладчика *A* также имеет чек на банкира вкладчика *B*, так что оба банкира только обмениваются чеками, то деньги, вложенные *A*, дважды выполнили денежную функцию: во-первых, в руках того, кто получил деньги, вложенные *A*, и, во-вторых, в руках самого *A*. Другая функция состояла в погашении долговых требо-

С ростом вещественного богатства растет класс денежных капиталистов; с одной стороны, растет число и богатство капиталистов, уходящих от дел, рантье; а во-вторых, это способствует развитию кредитной системы, в связи с чем растет число банкиров, заимодавцев, финансистов и т. п. С развитием свободного денежного капитала увеличивается, как было показано выше, масса процентных бумаг, государственных бумаг, акций и т. д. Но вместе с тем увеличивается и спрос на свободный денежный капитал, причем биржевики, спекулирующие этими бумагами, начинают играть главную роль на денежном рынке. Если бы все покупки и продажи этих бумаг были лишь выражением действительных вложений капитала, то мы имели бы право сказать, что они не могут влиять на спрос ссудного капитала, так как если *A* продает свои бумаги, то он извлекает при этом ровно столько же денег, сколько *B* вкладывает в бумаги. Между тем даже там, где бумага хотя и существует, но уже не существует того капитала (по крайней мере как денежного капитала), который она первоначально представляла, она всегда вызывает pro tanto [соответственно] новый спрос на такой денежный капитал. Но во всяком случае это денежный капитал, которым раньше располагал *B*, а теперь располагает *A*.

B. A. 1857. № 4886: «Будет ли это, по вашему мнению, правильным указанием причин, определяющих высоту учета, если я скажу, что она регулируется количеством находящегося на рынке капитала, который может быть употреблен для учета торговых векселей, в отличие от других видов ценных бумаг? — {Чэпмэн:} Нет; я держусь того взгляда, что на процент влияют все легко превращаемые в деньги процентные бумаги (all convertible securities of a current character); было бы неправильно ограничивать вопрос только учетом векселей, потому что, если существует большой спрос на деньги под {залог} консолей или даже под свидетельства казначейства, как это в сильной степени имело место в последнее время, и притом под проценты, значительно превышающие торговую процентную ставку, то было бы абсурдно сказать, что наш торговый мир не затрагивается этим; он весьма существенно затрагивается этим. — 4890. Если на рынке имеются хорошие и ходкие ценные бумаги, признаваемые банкирами как таковые, и если собственники хотят получить под них деньги, то это, без всякого сомнения, окажет влияние на торговые векселя; я не могу, напр., ожидать, что мне дадут под торговый вексель деньги

ваний (долговое требование *A* на своего банкира и долговое требование последнего на банкира *B*) без посредства денег. Здесь вклад дважды функционирует как деньги, именно: один раз как действительные деньги и другой раз — как право на получение денег. Простое право на получение денег может замещать деньги лишь путем выравнивания долговых требований.

из 5%, если эти деньги можно в данное время ссудить под консоли и т. п. за 6%; такое же влияние это оказывает и на нас; никто не может требовать от меня, чтобы я учел его вексель из $5^1/_2$%, раз я могу ссудить мои деньги из 6%. — 4892. Относительно людей, которые на 2 000 ф. ст., 5 000 ф. ст. или 10 000 ф. ст. покупают ценные бумаги в качестве прочного помещения капитала, мы не скажем, что они оказывают существенное влияние на денежный рынок. Если вы меня спрашиваете о процентной ставке на ссуды {под залог} консолей, то я имею в виду людей, которые совершают операции на сотни тысяч, так называемых jobbers [маклеров], которые подписываются на публичные займы на большие суммы или покупают их на рынке, а затем вынуждены держать эти бумаги, пока можно будет сбыть их с прибылью; эти люди должны для этой цели занимать деньги.»

С развитием кредитного дела создаются крупные концентрированные денежные рынки вроде Лондона, которые в то же время являются главными пунктами торговли этими бумагами. Банкиры предоставляют в распоряжение шайки таких торговцев громадные массы денежного капитала публики, и благодаря этому растет это отродье игроков. «На фондовой бирже деньги обыкновенно дешевле, чем где бы то ни было», говорил в 1848 г. тогдашний управляющий Английским банком, давая показания перед тайным комитетом лордов (C. D. 1848, напечатано в 1857, № 219).

При рассмотрении капитала, приносящего проценты, было уже показано, что средний процент для более или менее длинного ряда лет, при прочих равных условиях, определяется средней нормой прибыли, — не предпринимательского дохода, который сам есть не что иное, как прибыль минус процент.

Было также указано, что и для колебаний торгового процента — процента, исчисляемого в пределах торгового мира для учета и ссуд капиталистами, ссужающими деньги, — в ходе промышленного цикла наступает фаза, когда уровень процента превосходит свой минимум и достигает средней высоты (которую он впоследствии превышает), причем движение это является результатом повышения прибыли, — и это было уже упомянуто и обстоятельнее будет исследовано впоследствии.

Однако здесь необходимо сделать два замечания.

Во-первых: если уровень процента в течение продолжительного времени держится высоко (мы говорим об уровне процента в определенной стране, напр. в Англии, где дана за более или менее продолжительный период средняя процентная ставка, находящая себе выражение и в том проценте, который уплачивается по займам на более или менее продолжительное время и который можно назвать частным процентом), то это prima facie доказывает, что за этот период норма прибыли стоит высоко, хотя это еще вовсе не доказывает, что высока и норма предпринимательского

ского дохода. Это последнее различие более или менее отпадает для капиталистов, которые работают преимущественно с собственным капиталом; они реализуют высокую норму прибыли, так как сами выплачивают себе процент. Возможность устойчивого высокого уровня процента, — мы не говорим здесь о фазе угнетения в собственном смысле, — дается высокой нормой прибыли. Возможно, однако, что эта высокая норма прибыли за вычетом высокой нормы процента оставляет лишь низкую норму предпринимательского дохода. Последний может сокращаться, в то время как высокая норма прибыли продолжает существовать. Это возможно благодаря тому, что предприятия, раз они пущены в ход, необходимо продолжать во что бы то ни стало. В рассматриваемой фазе многое делается исключительно за счет кредитного (чужого) капитала; и высокая норма прибыли местами может быть чисто спекулятивной, предвосхищающей виды на будущее. Высокая норма процента может выплачиваться при высокой норме прибыли, но уменьшающемся предпринимательском доходе. Она может выплачиваться, — и это отчасти имеет место в периоды спекуляции, — не из прибыли, а из самого занятого чужого капитала, что может долго продолжаться.

Во-вторых: положение, что спрос на денежный капитал, а стало быть, и норма процента, растет вследствие того, что норма прибыли стоит высоко, не тожественно с тем, что спрос на промышленный капитал растет, а потому норма процента высока.

В периоды кризиса спрос на ссудный капитал, а вместе с тем и норма процента, достигает своего максимума; норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал, почти совершенно исчезает. В такое время каждый занимает лишь для того чтобы платить, чтобы ликвидировать уже принятые на себя обязательства. Напротив, в периоды нового оживления после кризиса ссудный капитал требуется для того чтобы покупать и чтобы превращать денежный капитал в производительный или торговый капитал. И он требуется тогда или промышленным капиталистом или купцом. Промышленный капиталист вкладывает его в средства производства и в рабочую силу.

Растущий спрос на рабочую силу сам по себе отнюдь еще не является основой для повышения уровня процента, поскольку последний определяется нормой прибыли. Более высокая заработная плата никогда не бывает причиной более высокой прибыли, хотя в известные фазы промышленного цикла может быть одним из его последствий.

Спрос на рабочую силу может повышаться вследствие того, что эксплуатация труда совершается при особо благоприятных условиях, но повышающийся спрос на рабочую силу и, следовательно, на переменный капитал сам по себе не увеличивает прибыли, а уменьшает ее pro tanto [соответственно]. И тем не менее

благодаря этому может возрастать спрос на переменный капитал, а потому и спрос на денежный капитал, что способно повышать уровень процента. Рыночная цена рабочей силы поднимается тогда выше своей средней величины, работу находит более чем среднее число рабочих, и одновременно растет уровень процента, так как при таких обстоятельствах повышается спрос на денежный капитал. Повышающийся спрос на рабочую силу удорожает этот товар, как всякий другой, повышает ее цену, но не повышает прибыли, которая основывается главным образом на относительной дешевизне как раз этого товара. Но в то же время — при предположенных обстоятельствах — он повышает норму процента, потому что повышает спрос на денежный капитал. Если бы денежный капиталист, вместо того чтобы давать свои деньги в ссуду, превратился в промышленника, то сам по себе тот факт, что ему приходится теперь платить дороже за труд, не повысил бы его прибыли, а понизил бы pro tanto [соответственно]. Общая конъюнктура может сложиться так, что прибыль его все-таки возрастает, но отнюдь не потому, что он дороже оплачивает труд. Однако последнего обстоятельства, поскольку оно повышает спрос на денежный капитал, достаточно для того чтобы повысить норму процента. Если бы по каким-либо причинам повысилась заработная плата при конъюнктуре, в прочих отношениях неблагоприятной, то рост заработной платы понизил бы норму прибыли, но повысил бы уровень процента в той мере, в какой он увеличил бы спрос на денежный капитал.

То, что Оверстон называет «спросом на капитал», если оставить в стороне труд, состоит лишь в спросе на товары. Спрос на товары повышает их цену как в том случае, если спрос этот поднимается выше средней, так и в том случае, если предложение падает ниже средней. Если, напр., промышленный капиталист или купец должен уплатить теперь 150 ф. ст. за ту же массу товаров, за какую он раньше платил 100 ф. ст., то ему придется занять 150 ф. ст. вместо обычных 100 ф. ст. и, следовательно, при 5% придется платить $7^1/_2$ ф. ст. процентов вместо прежних 5 ф. ст. Масса уплачиваемых им процентов увеличится, так как увеличится масса занятого капитала.

Попытка г. Оверстона всецело сводится к тому, чтобы интересы ссудного и промышленного капитала представить тожественными, между тем как его банковый акт рассчитан именно на то, чтобы использовать разницу этих интересов к выгоде денежного капитала.

В том случае, если предложение товаров падает ниже среднего уровня, спрос на товары может и не поглощать больше денежного капитала, чем прежде. Приходится уплачивать ту же самую, быть может, даже меньшую сумму за общую стоимость товаров, но за ту же сумму получают теперь меньшее количество потреби-

тельных стоимостей. В этом случае спрос на ссужаемый денежный капитал остается неизменным, и, следовательно, уровень процента не повышается, хотя спрос на товар по сравнению с его предложением, а потому и цена товара повышается. Уровень процента может быть затронут лишь в том случае, если возрастает общий спрос на ссудный капитал, а при вышеуказанных предположениях это не имеет места.

Возможен, однако, и такой случай, что предложение известного товара падает ниже среднего уровня, как это бывает, напр., при неурожае хлеба, хлопка и т. п., но спрос на ссудный капитал растет, потому что имеет место спекуляция на еще большее повышение цен, а простейшее средство повысить цены состоит в том, чтобы временно устранить с рынка часть предложения. Для того же чтобы оплатить купленный товар, не продавая его, добываются деньги при помощи коммерческих «вексельных операций». В таком случае возрастает спрос на ссудный капитал, и уровень процента может повыситься в результате такой попытки искусственно помешать доступу товара на рынок. Более высокий уровень процента выражает тогда искусственное уменьшение предложения товарного капитала.

С другой стороны, спрос на известный продукт может возрасти вследствие того, что возросло его предложение и цена товара упала ниже своего среднего уровня.

В этом случае спрос на ссудный капитал может остаться неизменным или даже упасть, так как на ту же самую сумму денег может быть приобретено большее количество товаров. Может, однако, появиться и спекулятивное образование запасов, частью чтобы использовать благоприятный момент для целей производства, частью в ожидании позднейшего повышения цен. В этом случае спрос на ссудный капитал может возрасти, и повышенный уровень процента будет свидетельствовать о затратах капитала на образование избыточных запасов из элементов производительного капитала. Мы рассматриваем здесь лишь спрос на ссудный капитал, поскольку на него влияют спрос и предложение товарного капитала. Уже ранее было показано, каким образом меняющееся в фазах промышленного цикла состояние процесса воспроизводства влияет на предложение ссудного капитала. Тривиальное положение, что рыночная норма процента определяется предложением и спросом (ссудного) капитала, Оверстон хитро спутывает со своим собственным предположением, согласно которому ссудный капитал тожествен с капиталом вообще, и старается таким образом превратить ростовщика в единственного капиталиста, а его капитал — в единственный вид капитала.

В период угнетения спрос на ссудный капитал есть спрос на средства платежа и ничего более; отнюдь не спрос на деньги как покупательные средства. Уровень процента может подняться при

этом очень высоко независимо от того, имеется ли реальный капитал — производительный и товарный — в избытке или же его мало. Поскольку купцы и производители могут доставить надежное обеспечение, спрос на средства платежа есть просто спрос на то, что может быть превращено в *деньги;* поскольку же этого нет, следовательно, поскольку авансирование средств платежа доставляет капиталистам не только *денежную форму,* но и нехватающий им для платежей *эквивалент* в какой бы то ни было форме, постольку спрос на средства платежа есть спрос на *денежный капитал.* Это тот пункт, в котором по вопросу о кризисах одинаково правы и неправы оба противоположные мнения ходячей теории. Все утверждающие, что существует лишь недостаток в средствах платежа, или имеют в виду только лиц, владеющих bona fide обеспечением *, или же настолько глупы, что приписывают банкам силу и обязанность превращать путем выпуска бумажек всех обанкротившихся спекулянтов в солидных, платежеспособных капиталистов. Те, кто говорит, что существует просто недостаток в капитале, или занимаются простой игрой слов, так как в действительности в такое время, вследствие избыточного ввоза и перепроизводства, имеется всегда обилие капитала, *не могущего превратиться в деньги,* или же они говорят лишь о тех рыцарях кредита, которые действительно попадают в условия, когда они больше не получают чужого капитала, чтобы хозяйствовать при его помощи, и потому требуют, чтобы банк не только помог им возвратить утраченный капитал, но и дал возможность продолжать спекуляции.

Основу капиталистического производства составляет то, что деньги как самостоятельная форма стоимости противостоят товару; другими словами, меновая стоимость должна получить самостоятельную форму в деньгах, а это возможно лишь благодаря тому, что определенный товар становится материалом, в стоимости которого измеряются все другие товары, что он именно поэтому становится всеобщим товаром, товаром par excellence [по преимуществу] в противоположность всем другим товарам. Это должно обнаруживаться в двояком направлении, особенно у капиталистически развитых наций, которые в широких размерах замещают деньги, с одной стороны, кредитными операциями, с другой стороны, — кредитными деньгами. В периоды угнетения, когда кредит суживается или совершенно прекращается, деньги внезапно абсолютно противопоставляются всем товарам как единственное средство платежа и истинное бытие стоимости. Отсюда всеобщее обесценение товаров, трудность, даже невозможность превратить их в деньги, т. е. в их собственную совершенно фантастическую форму. Но, с другой стороны, сами кредитные деньги суть деньги

* Обеспечением, в солидности которого нет основания сомневаться. *Ред.*

лишь постольку, поскольку они в сумме своей номинальной стоимости абсолютно замещают действительные деньги. Вместе с отливом золота становится проблематичной возможность превратить их в деньги, т. е. их тожество с действительным золотом. Отсюда принудительные меры, повышение процентной ставки и т. д. с целью обеспечить условия обмена на золото. Это может быть доведено до крайности при помощи ошибочного законодательства, покоящегося на ложных теориях денег и навязанного нации интересами торговцев деньгами, Оверстонов и компании. Но основа дана с основой самого способа производства. Обесценение кредитных денег (не говоря уже об утрате ими денежных свойств, утрате, впрочем, лишь мнимой) расшатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное бытие этой стоимости в деньгах. Как денежная стоимость она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради одного-двух миллионов денег должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы товаров. Это неизбежно при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При более ранних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, ни кредит, ни кредитные деньги не развиваются. Пока *общественный* характер труда выступает как *денежная форма существования* товаров, т. е. как *вещь*, существующая вне действительного производства, неизбежны денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. С другой стороны, ясно, что, пока не поколеблен кредит банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, а путем изъятия их увеличивает панику. Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри страны было организовано, то металл требовался бы только для того чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает приостановка размена банкнот со стороны так называемых национальных банков, к которой прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению.

По отношению к двум лицам было бы смешно сказать, что в своих сношениях оба они имеют платежный баланс против себя. Если каждый из них является и должником и кредитором по отношению к другому и если требования их не уравниваются взаимно, то ясно, что в конце концов лишь один оказывается должником другого на сумму разницы. Но дело обстоит иначе, раз речь идет о нациях. И что оно обстоит иначе, признают все экономисты, принимая положение, согласно которому платежный баланс данной нации может быть благоприятен и неблагоприятен для нее,

несмотря на то, что ее торговый баланс в конце концов должен уравновеситься. Платежный баланс тем отличается от торгового баланса, что он есть торговый баланс, платеж по которому приходится на определенное время. Кризисы же сводят разницу между торговым и платежным балансом к короткому промежутку времени; и известные явления, развивающиеся у нации, которая охвачена кризисом и для которой, значит, теперь наступает время платежей, — эти явления уже сами по себе вызывают сокращение периода, в течение которого должно быть произведено уравнение платежей. Во-первых, отсылка благородных металлов, затем распродажа по пониженной цене товаров, взятых на комиссию, экспорт товаров с целью сбыть их или добыть под них денежную ссуду внутри страны, повышение уровня процента, востребование кредитов, падение ценных бумаг, распродажа иностранных ценных бумаг, привлечение иностранного капитала для вложения в эти обесцененные бумаги, наконец, банкротство, погашающее массу требований. При этом зачастую металл отправляется в страну, в которой разразился кризис, так как векселя на нее ненадежны и наиболее верным представляется платеж звонкой монетой. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что по отношению к Азии все капиталистические нации оказываются обыкновенно одновременно ее прямыми или косвенными должниками. Как только эти различные обстоятельства окажут свое полное влияние на другую заинтересованную нацию, тотчас же и у последней начинается экспорт золота и серебра, короче, наступает период платежей, и те же самые явления повторяются снова.

При коммерческом кредите процент, как разница между ценой в кредит и ценой на наличные деньги, лишь постольку входит в цену товаров, поскольку сроки векселей продолжительнее обыкновенных сроков. В противном случае это не имеет места. Объясняется это тем, что каждый одной рукой получает такой кредит, другой оказывает его. {Это не согласуется с моими наблюдениями. — *Ф. Э.*} Поскольку же в этой форме здесь применяется учет, он регулируется не таким коммерческим кредитом, а денежным рынком.

Если бы спрос и предложение денежного капитала, определяющие уровень процента, были тождественны со спросом и предложением действительного капитала, как это утверждает Оверстон, то процент должен был бы одновременно стоять и низко и высоко в зависимости от того, какой товар имеется в виду, или по отношению к одному и тому же товару в различных стадиях (сырой материал, полуфабрикат, готовый продукт). В 1844 г. процентная ставка Английского банка колебалась между 4% (от января до сентября) и $2^1/_2$—3% от ноября до конца года. В 1845 г. она была $2^1/_2$, $2^3/_4$, 3% от января до октября, между 3 и 5% в последние

месяцы. Средняя цена хлопка fair Orleans * была в 1844 г. $6^{1}/_{4}$ пенса, а в 1845 г. — $4^{7}/_{8}$ пенса. 3 марта 1844 г. запас хлопка в Ливерпуле составлял 627 042 кипы, а 3 марта 1845 г. — 773 800 кип. Если судить по низкой цене хлопка, то в 1845 г. уровень процента должен был бы стоять низко, что фактически и наблюдалось в течение большей части этого периода. Но если судить по цене пряжи, то процент должен был бы стоять высоко, так как цены были относительно, а прибыли абсолютно высоки. Из хлопка по 4 пенса за фунт в 1845 г. можно было с 4 пенсами издержек прядения выпрясть пряжу (№ 40 хороший secunda mule twist **), которая прядильщику обошлась бы таким образом в 8 пенсов и которую он в сентябре и октябре 1845 г. мог бы продать по $10^{1}/_{2}$ или $11^{1}/_{2}$ пенсов за фунт. (См. ниже показания Вили.)

Весь вопрос разрешается следующим образом:

Спрос и предложение ссудного капитала были бы тожественны со спросом и предложением капитала вообще (хотя последняя фраза нелепа: для промышленника или купца товар есть форма его капитала, тем не менее он никогда не нуждается в капитале как таковом, но всегда лишь в специальном товаре как таковом, покупает и оплачивает его как товар — хлеб или хлопок — независимо от той роли, которую товар сыграет в кругообороте его капитала) лишь в том случае, если бы вовсе не существовало денежных заимодавцев, но зато ссужающие капиталисты владели бы машинами, сырыми материалами и т. п. и отдавали бы эту свою собственность в ссуду или в наем, — подобно тому как теперь сдаются дома, — промышленным капиталистам, которые сами являются собственниками части этих предметов. При таких обстоятельствах предложение ссудного капитала было бы тожественно с предложением элементов производства промышленным капиталистам или товаров купцам. Но совершенно ясно, что в этом случае распределение прибыли между кредитором и заемщиком всецело определялось бы в первую очередь отношением между капиталом, данным в ссуду, и капиталом, составляющим собственность того, кто его применяет к делу.

По словам г. Вегелина (В. А. 1857), процентная ставка определяется «массою незанятого капитала» (252); есть «лишь показатель массы незанятого капитала, ищущего приложения» (271); позже этот незанятый капитал называется у него floating capital (485), причем под последним он понимает «банкноты Английского банка и другие средства обращения в стране, напр., банкноты провинциальных банков и имеющуюся в стране монету... я разумею под floating capital также запасы банков» (502, 503), а позже он сюда же относит золото в слитках (503). Тот же Вегелин

* Сорт хлопка. *Ред.*
** Сорт пряжи. *Ред.*

утверждает, что Английский банк оказывает сильное влияние на уровень процента в те периоды, «когда мы {Английский банк} фактически имеем в своих руках бо́льшую часть незанятого капитала» (1198), между тем как, согласно выше цитированным показаниям г. Оверстона, Английский банк «не место для капитала». Далее Вегелин говорит: «По моему мнению, учетная ставка регулируется количеством незанятого капитала в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически есть металлический резерв. Таким образом, если запас благородного металла уменьшается, то это уменьшает количество незанятого капитала в стране и, следовательно, повышает стоимость остающейся его части» (1258). Дж. Стюарт Милль говорит (2102): «Для поддержания дееспособности своего banking department банк вынужден делать все возможное, чтобы пополнить резерв этого department; поэтому, как только он замечает, что наступает отлив, он должен обеспечить себе резерв и либо сократить учетные операции, либо продавать ценные бумаги». — Резерв, поскольку дело идет только о banking department, есть резерв исключительно для вкладов. По мнению Оверстонов, banking department должен действовать просто как банкир, не считаясь с «автоматическим» выпуском банкнот. Но в периоды действительного угнетения Английский банк независимо от запаса в banking department, состоящего исключительно из банкнот, очень зорко следит за состоянием металлического запаса и должен следить, если он не хочет потерпеть крах. Ибо в той же самой степени, в какой исчезает металлический запас, исчезает и запас банкнот, и г. Оверстону, который столь мудро устроил это своим банковым актом 1844 г., это должно бы быть известно лучше, чем кому-либо другому.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ ПРИ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ.

«Кредит есть великий регулятор быстроты обращения. Отсюда понятно, почему период острого угнетения на денежном рынке обыкновенно совпадает с наполненным обращением» («The Currency Question Reviewed», стр. 65). Это следует понимать двояко. С одной стороны, все методы экономного использования средств обращения построены на кредите. Но с другой стороны: возьмем для примера банкноту в 500 ф. ст. *A* отдает ее сегодня *B* в уплату по векселю; *B* вносит ее в тот же день своему банкиру в качестве вклада; банкир в тот же самый день дисконтирует при помощи ее вексель для *C; C* уплачивает ее своему банку, банк отдает ее bill-broker'у в виде ссуды и т. д. Быстрота, с которой обращается здесь банкнота, служа для покупок и платежей, обусловливается той быстротой, с которой она все снова и снова возвращается к кому-либо в форме вклада и затем опять переходит в другие руки в форме ссуды. Простое экономизирование средств обращения достигает наивысшего развития в Clearing House [Расчетной палате] в простом обмене векселей, которым истек срок, и в преобладающей функции денег как средства платежа для выравнивания одних излишков. Но самое существование этих векселей покоится опять-таки на кредите, который оказывают друг другу промышленники и купцы. Если уменьшается этот кредит, то уменьшается число векселей, в особенности долгосрочных, а следовательно, и действенность этого метода выравнивания платежей. Только двумя способами может осуществляться такого рода экономия, состоящая в устранении денег из обращения и всецело основанная на функции денег как средства платежа, покоящейся, в свою очередь, на кредите (мы здесь оставляем в стороне большее или меньшее развитие техники концентрации таких платежей): встречные долговые требования, представленные векселями и чеками, либо взаимно погашаются одним и тем же банкиром, который только переписывает требование со счета одного на счет другого, либо различные банкиры погашают их в своих расчетах между

собою[11]. Концентрация 8—10 млн. векселей в руках одного billbroker'a, напр. фирмы Оверенд, Гарней и К°, была одним из главных средств локально расширить масштаб такого погашения платежей. Посредством этого экономизирования повышается эффективность средств обращения, поскольку требуется меньшее их количество, исключительно для уплаты разниц по балансу. С другой стороны, быстрота движения денег, функционирующих как средство обращения (чем также достигается экономия), зависит всецело от потока покупок и продаж, а также от сцепления платежей, поскольку эти последние совершаются один за другим при помощи денег. Но кредит обусловливает и тем самым повышает быстроту обращения. Так, напр., отдельная монета может обслужить лишь пять оборотов и, функционируя как простое средство обращения без посредства кредита, дольше остается в каждых отдельных руках, если *A*, ее первоначальный владелец, делает покупку у *B*, *B* у *C*, *C* у *D*, *D* у *E*, *E* у *F*, и, следовательно, ее переход из одних рук в другие вызывается лишь действительными покупками и продажами. Если же *B* помещает деньги, уплаченные ему *A*, у своего банкира в виде вклада, а банкир выдает их *C*, дисконтируя его вексель, *C* делает покупку у *D*, *D* снова вносит деньги в виде вклада своему банкиру, последний ссужает их *E*, который совершает покупку у *F*, то самая быстрота движения денег в качестве простого средства обращения (покупательного средства) обусловлена здесь несколькими кредитными операциями: депозитной операцией *B* у его банкира, учетной операцией последнего для *C*, депозитом *D* у его банкира и учетной операцией последнего для *E*, — следовательно, четырьмя кредитными операциями. Без этих кредитных операций данная монета не была бы в состоянии совершить в течение данного времени одну за другой пять отдельных покупок. Благодаря тому, что данная единица денег переходила из рук в руки — в качестве вклада и при учете векселей — без посредства действительных покупок и продаж, ускорился ее переход из рук в руки в ряде действительных торговых актов купли-продажи.

[11] Среднее число дней, в течение которых находилась в обращении банкнота:

Годы	Банкнота в 5 ф. ст.	10 ф. ст.	20—100 ф. ст.	200—500 ф. ст.	1000 ф. ст.
1792	?	236	209	31	22
1818	148	137	121	18	13
1846	79	71	34	12	8
1856	70	58	27	9	7

(Подсчеты кассира Английского банка Маршалла в «Report on Bank Acts», 1857, Приложение II, стр. 300—301.)

Мы только что видели, что одна и та же банкнота может образовать вклады у различных банкиров. Равным образом она может образовать различные вклады у одного и того же банкира. Банкир учитывает вексель *B* банкнотой, вложенной *A*, *B* уплачивает *C*, *C* вносит в виде вклада ту же самую банкноту тому же самому банкиру, который ее выдал.

При рассмотрении простого денежного обращения (кн. I, гл. III, 2) было уже показано, что масса действительно обращающихся денег, предполагая быстроту обращения и степень экономии в платежах величинами данными, определяется ценами товаров и количеством сделок. Тот же самый закон действителен и для обращения банкнот.

В следующей таблице указана для каждого года средняя годовая сумма обращающихся билетов Английского банка, поскольку они находились в руках публики, причем показаны суммы 5- и 10-фунтовых банкнот, 20- 100-фунтовых и банкнот высшего, 200- 1 000-фунтового достоинства; равным образом приведено процентное отношение каждой рубрики к общему количеству обращающихся билетов. Суммы даны в тысячах фунтов стерлингов, для чего последние три цифры зачеркнуты *.

Годы	Банкноты в 5—10 ф. ст.	Процентное отношение	Банкноты в 20—100 ф. ст.	Процентное отношение	Банкноты в 200—1 000 ф. ст.	Процентное отношение	Всего ф. ст.
1844	9 263 ф. ст.	45,7	5 735 ф. ст.	28,3	5 253 ф. ст.	26,0	20 241 ф. ст.
1845	9 698 » »	46,9	6 082 » »	29,3	4 942 » »	23,8	20 722 » »
1846	9 918 » »	48,9	5 778 » »	28,5	4 590 » »	22,6	20 286 » »
1847	9 591 » »	50,1	5 498 » »	28,7	4 066 » »	21,2	19 155 » »
1848	8 732 » »	48,3	5 046 » »	27,9	4 307 » »	23,8	18 085 » »
1849	8 692 » »	47,2	5 234 » »	28,5	4 477 » »	24,3	18 403 » »
1850	9 164 » »	47,2	5 587 » »	28,8	4 646 » »	24,0	19 398 » »
1851	9 362 » »	48,1	5 554 » »	28,5	4 557 » »	23,4	19 473 » »
1852	9 839 » »	45,0	6 161 » »	28,2	5 856 » »	26,8	21 856 » »
1853	10 699 » »	47,3	6 393 » »	28,2	5 541 » »	24,5	22 653 » »
1854	10 565 » »	51,0	5 910 » »	28,5	4 234 » »	20,5	20 709 » »
1855	10 628 » »	53,6	5 706 » »	28,9	3 459 » »	17,5	19 793 » »
1856	10 680 » »	54,4	5 645 » »	28,7	3 323 » »	16,9	19 648 » »
1857	10 659 » »	54,7	5 567 » »	28,6	3 241 » »	16,7	19 467 » »

* Данная таблица воспроизведена по фотокопии указанного Марксом источника. В ней не все абсолютные числа верны. *Ред.*

(B. A. 1858, стр. XXVI). Итак, за период с 1844 по 1857 г. общая сумма обращающихся банкнот положительно уменьшилась, несмотря на то, что торговый оборот, как показывают цифры ввоза и вывоза, более чем удвоился. Сумма мелких банкнот в 5 ф. ст. и в 10 ф. ст. увеличилась, как видно из таблицы, с 9 263 000 ф. ст. в 1844 г. до 10 659 000 ф. ст. в 1857 г. И это одновременно с тем сильным увеличением золотого обращения, которое как раз имело тогда место. Напротив, сумма банкнот более высоких достоинств (в 200—1000 ф. ст.) упала с 5 856 000 в 1852 г. до 3 241 000 ф. ст. в 1857 г. Следовательно, уменьшение более чем на $2^1/_2$ млн. ф. ст. Это объясняется следующим образом: «8 июня 1854 г. частные лондонские банкиры допустили к участию в работе Clearing House акционерные банки, и вскоре после этого окончательная операция сведения счетов [clearing] была введена в Английском банке. Ежедневный расчет совершается путем переписывания по счетам, которые различные банки имеют в Английском банке. Благодаря введению этой системы стали излишними банкноты высшего достоинства, которыми раньше банки пользовались для погашения взаимных счетов» (B. A. 1858, стр. V).

К какому минимуму сводится применение денег в оптовой торговле, видно из таблицы, которая напечатана в кн. I, гл. III, прим. 103 * и которая была доставлена банковой комиссии фирмой Моррисон, Диллон и К°, одной из тех крупнейших лондонских фирм, где розничный торговец может закупить весь нужный ему запас товаров всякого рода.

Согласно показанию В. Ньюмарча перед банковой комиссией 1857 г. № 1741, экономии средств обращения способствовали еще и другие обстоятельства: почтовая такса в 1 пенни, железные дороги, телеграфы, одним словом, улучшение средств сообщения; благодаря всему этому Англия может в настоящее время почти при том же самом обращении банкнот делать в пять и шесть раз бо́льшие обороты, чем раньше. Те же самые причины сильно способствовали вытеснению из сферы обращения банкнот более чем 10-фунтового достоинства. Здесь же Ньюмарч видит естественное объяснение того, что в Шотландии и Ирландии, где циркулируют даже билеты в 1 ф. ст., обращение банкнот возросло почти на 31% (1747). Сумма всех обращающихся в Соединенном королевстве банкнот, включая и банкноты в 1 ф. ст., составляет, по его словам, 39 млн. ф. ст. (1749). Сумма обращающегося золота = = 70 млн. ф. ст. (1750). В Шотландии в 1834 г. было в обращении банкнот на 3 120 000 ф. ст.; в 1844 г. — на 3 020 000 ф. ст.; в 1854 г. — на 4 050 000 ф. ст. (1752).

Уже отсюда вытекает, что от произвола эмиссионных банков отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот до

* *К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., гл. III, прим. 103, стр. 147. *Ред.*

тех пор, пока эти банкноты могут быть во всякое время обменены на деньги. {О неразменных бумажных деньгах здесь вообще нет речи; неразменные банкноты лишь в том случае могут стать всеобщим средством обращения, если они фактически обеспечиваются государственным кредитом, как, напр., в настоящее время в России. Они подпадают таким образом под действие указанных выше (кн. I, гл. III, 2, с: монета, знак стоимости) законов, управляющих движением неразменных государственных бумажных денег. — *Ф. Э.*}

Количество обращающихся банкнот подчиняется в своем движении потребностям оборота, и каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению. Так как в Англии только билеты Английского банка имеют всеобщее хождение как законное средство платежа, то мы можем здесь совершенно пренебречь незначительным и исключительно местным обращением билетов провинциальных банков.

В своих показаниях перед банковой комиссией 1858 г. г-н Нив, управляющий Английским банком, говорит: «№ 947. (Вопрос:) Какие бы меры вы ни принимали, количество банкнот в руках публики остается, по вашим словам, тем же самым, т. е. приблизительно 20 млн. ф. ст.? — В обычное время для потребностей публики нужно, повидимому, приблизительно 20 млн. В известные, периодически повторяющиеся времена года, сумма эта повышается на 1 или $1^1/_2$ млн. Если публике требуется больше, то она может, как я сказал, всякий раз получить их из Английского банка. — 948. Вы сказали, что во время паники публика не позволяла вам уменьшать сумму банкнот; не потрудитесь ли вы объяснить это? — В периоды паники публика, как мне кажется, имеет полную возможность получать банкноты; и, конечно, пока банк имеет обязательства, публика может по этим обязательствам извлекать из банка банкноты. — 949. Таким образом, повидимому, неизменно существует потребность приблизительно в 20 млн. ф. ст. банкнотами Английского банка? — 20 млн. ф. ст. банкнотами на руках у публики; сумма эта меняется. Бывает $18^1/_2$, 19, 20 млн. и т. д., но в среднем вы можете сказать: 19—20 млн.»

Показание Томаса Тука перед комиссией лордов относительно Commercial Distress [торгового кризиса] (C. D. 1848/57); № 3094: «Банк не имеет возможности произвольно увеличивать количество банкнот, находящихся в руках публики; он имеет возможность уменьшить количество банкнот в руках публики, но лишь при помощи некоторой весьма насильственной операции».

Дж. К. Райт, в течение 30 лет банкир в Ноттингаме, обстоятельно выяснив, что провинциальные банки совершенно не в состоянии сохранять в обращении большее количество банкнот, чем то, в котором нуждается и которого хочет публика, говорит о билетах Английского банка (C. D. 1848/57) № 2844: «Мне

неизвестны какие-либо пределы (выпуска банкнот) для Английского банка, но всякий избыток обращения превратится во вклады и, таким образом, примет иную форму».

То же самое относится и к Шотландии, где обращается почти исключительно бумага, так как здесь, как и в Ирландии, допущены билеты однофунтового достоинства и так как «the scotch hate gold» [«шотландцы ненавидят золото»]. Кэннеди, директор одного шотландского банка, заявляет, что банки не в состоянии сократить обращение своих банкнот, и «придерживается того взгляда, что, пока сделки внутри страны требуют для своего осуществления банкнот или золота, банкиры должны доставлять столько средств обращения, сколько нужно для этих сделок, — по требованию ли своих вкладчиков, или как-либо иначе... Шотландские банки могут ограничить свои операции, но они не в состоянии контролировать выпуск банкнот» (там же, № 3446—48). В том же духе высказывается Андерсон, директор Union Bank of Scotland (там же, № 3578). «Препятствует ли система взаимного обмена банкнотами {между шотландскими банками} чрезмерному выпуску банкнот со стороны какого-либо отдельного банка? — Конечно; но мы имеем в своих руках средство более действительное, чем обмен банкнотами» {который в действительности не имеет к указанной цели никакого отношения, хотя и обеспечивает обращение билетов каждого отдельного банка по всей Шотландии}, «и это всеобщий обычай в Шотландии — иметь счет в банке; каждый, имеющий какие бы то ни было деньги, имеет также и счет в каком-либо банке и ежедневно вносит туда все деньги, в которых он не нуждается сам в данный момент, так что к концу каждого делового дня в банках оказываются все деньги за исключением тех, которые каждый имеет в кармане».

Так же обстоит дело и в Ирландии, см. показания перед той же самой комиссией управляющего Ирландским банком Макдонелла и директора провинциального банка Ирландии Мёррея.

Обращение банкнот, не завися от воли Английского банка, является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых банка, который обеспечивает размен этих банкнот. «18 сентября 1846 г. билетов Английского банка находилось в обращении на сумму 20 900 000 ф. ст., а его металлический запас составлял 16 273 000 ф. ст.; 5 апреля 1847 г. сумма обращающихся билетов была 20 815 000 ф. ст., металлический запас — 10 246 000 ф. ст. Следовательно, несмотря на вывоз 6 млн. ф. ст. благородного металла, обращение банкнот нисколько не сократилось» (J. G. Kinnear: «The Crisis and the Currency», London 1847, стр. 5). Однако само собой разумеется, что это верно лишь при условиях, господствующих в настоящее время в Англии, да и там лишь постольку, поскольку законодательство не уста-

новит иного отношения между выпуском банкнот и металлическим запасом.

Следовательно, влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота — оказывают лишь потребности самого хода дел. Здесь прежде всего следует принять во внимание периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет «в определенный месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц стоит низко, в третий определенный месяц оно стоит на средней точке» (Ньюмарч, B. A. 1857, № 1650).

Так, каждый год в августе несколько миллионов, по большей части золотом, уходит из Английского банка во внутреннее обращение для оплаты издержек по урожаю; так как здесь речь главным образом идет о выдаче заработных плат, то в Англии банкноты в данном случае мало применимы. До окончания года эти деньги снова притекают в банк. В Шотландии вместо соверенов имеются почти исключительно банкноты однофунтового достоинства; поэтому здесь в соответствующих случаях расширяется на 3—4 млн. обращение банкнот, именно два раза в год, в мае и ноябре; спустя 14 дней начинается уже обратный приток, и в течение месяца он почти заканчивается (Андерсон, там же, № 3595—3600).

Обращение билетов Английского банка испытывает, кроме того, четыре раза в год преходящее колебание в связи с тем, что каждую четверть года уплачиваются «дивиденды», т. е. проценты по государственному долгу, для чего банкноты сначала извлекаются из обращения, а потом снова выбрасываются в публику; но очень быстро они опять притекают обратно. Вегелин (B. A. 1857, № 38) определяет размеры вызываемого этим колебания обращения банкнот в $2^1/_2$ млн. Напротив, г. Чэпмэн, представитель пресловутой фирмы Оверенд, Гарней и К°, оценивает вызываемое этим нарушение на денежном рынке значительно выше. «Если вы извлекаете из обращения в виде налогов 6 или 7 млн., чтобы выплатить ими дивиденды, то должен быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответственную сумму» (B. A. 1857, № 5196).

Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах обращающихся средств, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла. Вот что говорит об этом другой associé [участник] той же фирмы, достопочтенный квакер Сэмюель Гарней (C. D. 1848/57, № 2645). «В конце октября (1847 г.) в руках публики было банкнот на 20 800 000 ф. ст. В то время можно было лишь с большими трудностями получить банкноты на денежном рынке. Причиной этого являлось всеобщее опасение, что вследствие ограничений банкового акта 1844 г. нельзя будет получать банкноты в достаточном количестве. В настоящее время {март 1848 г.} в руках публики находится банкнот... 17 700 000 ф. ст.,

но так как теперь нет никакой коммерческой паники, это гораздо больше, чем нужно. В Лондоне нет ни одного банкира или торговца деньгами, который не имел бы банкнот больше, чем он может использовать. — 2650. Сумма банкнот... вне Английского банка является совершенно недостаточным показателем активного состояния обращения, если наряду с ним не принять во внимание... состояние торгового мира и кредита. — 2651. Если в настоящее время чувствуется, что при данных размерах обращения в руках публики имеется избыток банкнот, то это в значительной степени объясняется современным состоянием большого застоя. При высоких ценах и оживлении дел эти же 17 700 000 ф. ст. вызывали бы у нас ощущение недостаточности денег в обращении».

{Пока положение дел таково, что обратный приток сделанных авансирований совершается правильно и, следовательно, кредит остается непоколебленным, расширение и сокращение обращения регулируются просто потребностями промышленников и купцов. Так как золото, по крайней мере в Англии, не играет роли в оптовой торговле и так как обращение золота, если оставить в стороне сезонные колебания, может рассматриваться как величина весьма постоянная в течение более или менее продолжительного времени, то обращение билетов Английского банка является достаточно точным показателем масштаба этих перемен. В период затишья после кризиса размеры обращения всего меньше; с новым оживлением спроса возрастает также потребность в средствах обращения, увеличивающаяся вместе с ростом расцвета; высшей точки масса средств обращения достигает в период чрезмерного напряжения и чрезмерной спекуляции, — тогда разражается кризис и разом исчезают с рынка еще накануне столь обильные банкноты, а вместе с ними дисконтеры векселей, лица, ссужающие под залог ценных бумаг, покупатели товаров. Английский банк призывается на помощь, но и его силы скоро исчерпываются, банковый акт 1844 г. принуждает его ограничить обращение его банкнот как раз в такой момент, когда все вопят, требуя банкнот, когда товаровладельцы не могут продать и все же должны платить, а потому готовы на всякие жертвы, только бы раздобыть банкнот. «Во время паники, — говорит упомянутый выше банкир Райт (там же, № 2930), — стране нужно средств обращения вдвое больше, чем в обычное время, так как банкиры и другие лица создают себе запасы средств обращения».

Как только разражается кризис, дело идет лишь о средствах платежа. Но так как в поступлении этих средств платежа каждый зависит от других и никто не знает, будут ли в состоянии другие уплатить в назначенный срок, то наступает всеобщая погоня за средствами платежа, находящимися на рынке, т. е. за банкнотами. Каждый припрятывает столько банкнот, сколько ему удается получить, и, таким образом, банкноты исчезают из обращения

именно тогда, когда потребность в них всего острее. Для октября 1847 г. Сэмюэль Гарней (C. D. 1848/57, № 1116) оценивает количество таких банкнот, находившихся под замком в момент паники, в 4—5 млн. ф. ст. — *Ф. Э.*}

В этом отношении особенно интересны показания компаньона Гарнея, упомянутого выше Чэпмэна, перед банковой комиссией 1857 г. Я передаю главное содержание их в данной связи, хотя некоторые затронутые там пункты лишь позднее будут подлежать нашему исследованию.

Показание г. Чэпмэна гласит:

«4963. Я без малейшего колебания заявляю также, что не считаю правильным, чтобы денежный рынок находился во власти любого индивидуального капиталиста (каких немало в Лондоне), имеющего возможность вызвать колоссальный недостаток в деньгах и стесненное положение как раз в то время, когда размеры обращения очень низки... Это возможно... имеется не один капиталист, который для своих целей может извлечь из сферы обращения 1 или 2 млн. ф. ст. банкнотами, если это ему выгодно». 4965*. Крупный спекулянт может продать на 1 или 2 млн. консолей и таким образом извлечь деньги с рынка. Нечто подобное имело место недавно, результатом чего явилось «в высшей степени острое угнетение».

4967. В таком случае банкноты, конечно, непроизводительны. «Но это не важно, раз достигается великая цель: его великая цель — вызвать падение цены фондов, создать безденежье, и он имеет полную возможность достигнуть этого». Вот пример: однажды на фондовой бирже обнаружился сильный спрос на деньги; никто не знал причины; некто обратился к Чэпмэну с просьбой ссудить 50 000 ф. ст. из 7%. Чэпмэн был поражен: его процентная ставка была гораздо ниже; он согласился. Немедленно вслед за этим тот же человек явился снова, взял новые 50 000 ф. ст. из $7^1/_2$%, затем 100 000 ф. ст. из 8% и изъявил желание занять еще более крупную сумму из $8^1/_2$%. Тогда даже Чэпмэном овладели опасения. Впоследствии обнаружилось, что значительная сумма денег была внезапно извлечена с рынка. Однако, рассказывает Чэпмэн, «я все же ссудил значительную сумму из 8%; идти дальше я опасался; я не знал, что из этого может выйти».

Хотя от 19 до 20 млн. ф. ст. банкнот более или менее постоянно находится будто бы в руках публики, тем не менее не следует забывать, что постоянно и значительно изменяется отношение между той частью этих банкнот, которая действительно обращается, и той их частью, которая как резерв лежит неподвижно в банках. Если этот резерв велик и, следовательно, уровень действительного обращения низок, то, с точки зрения денежного рынка, это

* В изд. 1894 г. — № 4995. *Ред.*

означает, что сфера обращения наполнена (the circulation is full, money is plentiful [обращение наполнено, денег много]); если резерв мал, следовательно, действительное обращение наполнено, денежный рынок называет его низким (the circulation is low, money is scarce [обращение низко, денег мало]); в действительности незначительны размеры той части, которая представляет незанятый ссудный капитал. Действительное, независимое от фаз промышленного цикла расширение или сокращение обращения, — причем, однако, сумма, которая требуется публикой, остается неизменной, — имеет место лишь вследствие чисто технических причин, напр. в сроки уплаты налогов или процентов по государственному долгу. Когда уплачиваются налоги, банкноты и золото притекают в Английский банк сверх обычной меры и фактически сокращают обращение независимо от потребностей последнего. Обратное происходит, когда выплачиваются дивиденды по государственному долгу. В первом случае делаются займы в банке с целью добыть средства обращения. Во втором случае процентная ставка в частных банках падает вследствие временного увеличения их резервов. Это не имеет никакого касательства к абсолютной сумме средств обращения; дело касается только банковой фирмы, которая фактически пускает эти средства в обращение; для нее этот процесс представляет отчуждение ссудного капитала, и она, следовательно, кладет в карман прибыль от этой операции.

В одном случае происходит просто временное перемещение обращающихся средств, и Английский банк уравновешивает его таким образом, что незадолго до срока платежа налогов за четверть года или выдачи дивидендов за такой же срок выдает краткосрочные ссуды по пониженному проценту; эти выпущенные таким образом сверх обычного банкноты сначала восполняют тот недостаток, который получается вследствие уплаты налогов, между тем как погашение указанных ссуд немедленно возвращает банку излишек банкнот, попавший в руки публики благодаря выплате дивидендов.

В другом случае низкий или высокий уровень обращения означает всегда лишь иное распределение той же самой массы средств обращения между активным обращением и вкладами, т. е. орудием займов.

С другой стороны, если, напр., благодаря притоку золота в Английский банк увеличивается число соответственно выпущенных банкнот, то эти последние облегчают учет вне банка и притекают назад в виде платежей по займам, так что абсолютная масса обращающихся банкнот увеличивается лишь на короткий срок.

Если обращение полно вследствие расширения дел (что возможно и при сравнительно низких ценах), то уровень процента может стоять сравнительно высоко благодаря спросу на ссудный капитал, обусловленному растущей прибылью и умножившимися

новыми капиталовложениями. Если уровень обращения низок вследствие сокращения дел или вследствие большей легкости получения кредита, то уровень процента может стоять низко даже и при высоких ценах. (См. Хёббард.)

Абсолютная величина обращения оказывает определяющее влияние на уровень процента только в периоды угнетения. При этом спрос на расширенное обращение (оставляя в стороне уменьшение скорости, с которою обращаются деньги и с которою одни и те же денежные единицы [Geldstücke] снова и снова превращаются в ссудный капитал) выражает собою или только спрос на средства образования сокровищ вследствие отсутствия кредита, как это было в 1847 г., когда приостановка банкового акта не вызвала расширения обращения, но оказалась достаточной для того чтобы снова извлечь на свет божий припрятанные банкноты и бросить их в обращение. Или же, при известных обстоятельствах, может действительно потребоваться большее количество средств обращения, как в 1857 г., когда после приостановки банкового акта обращение на некоторое время действительно возросло.

В других же случаях абсолютная величина обращения не влияет на уровень процента, так как она, предполагая экономию и быстроту обращения постоянными, во-первых, определяется ценою товаров, количеством сделок (причем обыкновенно один из этих моментов парализует действие другого) и, наконец, состоянием кредита, а отнюдь не определяет последнее, так как, во-вторых, цены товаров и уровень процента не находятся ни в какой необходимой зависимости.

При действии Bank Restriction Act'а (1797—1820) имел место избыток currency [средств обращения], уровень процента стоял всегда много выше, чем в то время, когда был восстановлен размен банкнот. Позже, с сокращением выпуска банкнот и повышением вексельных курсов, он быстро упал. В 1822, 1823, 1832 гг. общий уровень обращения был низок, уровень процента был также низок. В 1824, 1825, 1836 гг. обращение стояло высоко, уровень процента повысился. Летом 1830 г. обращение стояло высоко, а уровень процента был низок. После открытия новых месторождений золота денежное обращение расширилось во всей Европе, уровень процента повысился. Уровень процента не зависит, таким образом, от количества обращающихся денег.

Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала обнаруживается лучше всего в действительном процессе воспроизводства. Мы видели (кн. II, отдел III), каким образом обмениваются различные составные части производства. Например, переменный капитал вещественно состоит из жизненных средств рабочих, из части их собственного продукта. Но он выплачивается им по частям в форме денег. Капиталист должен авансировать эти деньги, и от организации кредитного дела очень зависит,

в состоянии ли он в ближайшую неделю выплатить новый переменный капитал теми же самыми деньгами, которыми он платил в предыдущую неделю. То же самое относится и к актам обмена между различными составными частями всего общественного капитала, напр., между средствами потребления и средствами производства средств потребления. Деньги для их обращения, как мы видели, должны быть авансированы одною или обеими обменивающимися сторонами. Деньги остаются затем в сфере обращения, но по завершении обмена всегда снова возвращаются к тому, кто их авансировал, так как они были авансированы сверх его действительно занятого промышленного капитала (см. кн. II, гл. XX). При развитом кредите, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние и являются, по крайней мере номинально, той стороной, которая авансирует деньги. Такое авансирование касается лишь денег, находящихся в обращении. Это — авансирование средств обращения, а не авансирование капиталов, приводимых благодаря этому в обращение.

Чэпмэн: «5062. Может наступить период, когда банкноты в большом количестве находятся в руках публики и тем не менее их невозможно достать». Деньги имеются и во время паники; но тогда каждый остерегается превращать их в ссужаемый капитал, в ссужаемые деньги; каждый удерживает их на случай действительной необходимости платить.

«5099. Посылают ли банки сельских округов свои свободные остатки вам и другим лондонским фирмам? — Да. — 5100. С другой стороны, дисконтируют ли у вас векселя для своих коммерческих целей фабричные округа Ланкашира и Йоркшира? — Да.— 5101. Так что благодаря этому избыточные деньги одной части страны могут быть использованы для потребностей другой части страны? — Совершенно верно».

Чэпмэн утверждает, что обычай банков употреблять избыточный денежный капитал на короткие сроки для покупки консолей и свидетельств казначейства стал практиковаться менее часто за последнее время, когда вошло в обычай ссужать эти деньги at call (со дня на день, до востребования в любое время). Сам он считает покупку такого рода бумаг для своего предприятия в высшей степени нецелесообразной. Поэтому он помещает деньги в надежные векселя, для части которых ежедневно наступает срок, так что он всегда знает, на какое количество свободных денег он может в каждый данный день рассчитывать. {5001—5005.} —

Даже увеличение вывоза проявляется — более или менее во всякой стране, особенно же в стране, оказывающей кредит, — как растущий спрос на внутреннем денежном рынке, причем, однако, спрос этот начинает ощущаться как таковой лишь во времена застоя. В периоды, когда вывоз растет, британскими фабрикантами под английские фабрикаты, посланные за границу

для продажи на комиссионных началах, выписываются обыкновенно долгосрочные векселя на экспортных торговцев (5126). «5127. Не так ли обстоит дело, что существует договоренность, чтобы время от времени возобновлять такого рода векселя? — {Чэпмэн.} Это они держат от нас в тайне; мы бы не приняли такого векселя... Конечно, это может случаться, но я о чем-либо подобном ничего не могу сказать». {Невинный Чэпмэн.} —«5129. Если имеет место большое увеличение вывоза, как, напр., теперь, когда за один только прошлый год вывоз увеличился на 20 млн. ф. ст., не приводит ли это само собою к увеличенному спросу на капитал для учета векселей, представляющих этот вывоз? — Несомненно. — 5130. Так как Англия, как правило, оказывает кредит за границей по всему своему экспорту, то не может ли это вызывать поглощения соответственного добавочного капитала на все время, пока длится этот кредит? — Англия оказывает огромный кредит, но взамен этого она получает кредит по нужным ей сырым материалам. Америка выписывает на нас всегда векселя на 60 дней, другие страны — на 90 дней. С другой стороны, мы оказываем кредит; когда мы отсылаем товары в Германию, кредит этот длится 2 или 3 месяца».

Вильсон спрашивает Чэпмэна (5131), не выписываются ли векселя на Англию под эти импортируемые сырые материалы и колониальные товары уже одновременно с их погрузкой и не получаются ли они одновременно с накладными? Чэпмэн полагает, что это так, но не знает ничего об этих «купеческих» делах и рекомендует спросить более осведомленных людей. — При экспорте в Америку, говорит Чэпмэн, «товары символизируются в транзите»; эта тарабарщина должна означать, что английский экспортер-купец выписывает под товары четырехмесячный вексель на одну из крупных американских банковых фирм в Лондоне, а банк получает покрытие из Америки.

«5136. Не ведутся ли, как правило, дела с отдаленными странами при помощи купцов, которые дожидаются возвращения своего капитала, пока не будут проданы товары? — Быть может, и существуют фирмы настолько богатые, что они могут вкладывать в товары свой собственный капитал, не прибегая к ссудам под товары; однако в большинстве случаев эти товары превращаются в ссуды при посредстве акцепта известных фирм. — 5137. Такие фирмы находятся в Лондоне, Ливерпуле и других местах. — 5138. Итак, безразлично, должен ли фабрикант затратить свои собственные деньги, или же он находит в Лондоне или Ливерпуле купца, который ссужает ему деньги; во всяком случае мы имеем дело с авансом, данным в Англии? — Совершенно верно. Фабрикант лишь в немногих случаях имеет к этому какое-либо отношение» {между тем, в 1847 г. так было почти во всех случаях}. «Торговец фабрикатами, напр. в Манчестере, закупает товары

и отправляет их за море при помощи солидной лондонской фирмы; как только лондонская фирма убедилась, что погружено все, согласно условию, торговец выписывает на лондонскую фирму шестимесячный вексель под эти направляемые в Индию, Китай или другую страну товары; тогда в это дело включается банковый мир и дисконтирует ему этот вексель, так что к тому времени, когда торговцу необходимо платить за купленные им товары, он уже имеет деньги, полученные путем учета этого векселя. — 5139. Но если он и имеет эти деньги, то банкиру все же пришлось их авансировать? — *Банкир имеет вексель; банкир купил вексель;* он применяет свой банковый капитал в этой форме, в форме учета торговых векселей». {Следовательно, и Чэпмэн рассматривает учет векселей не как ссуду, а как покупку товара. — *Ф. Э.*} — «5140. Однако это все же образует часть спроса на лондонском денежном рынке? — Без сомнения; в этом существенное занятие денежного рынка и Английского банка. Английский банк с такою же охотою принимает такие векселя, как и мы, так как он знает, что это хорошее помещение денег. — 5141. По мере того как растет экспортное дело, растет и спрос на денежном рынке? — По мере того как возрастает процветание страны, и мы {Чэпмэны} принимаем в нем участие. — 5142. Итак, если эти различные области приложения капитала внезапно расширяются, то естественным последствием является рост уровня процента? — Без всякого сомнения».

5143. Для Чэпмэна «не совсем понятно, каким образом при нашем большом вывозе мы находили такое широкое применение для золота».

5144. Достопочтенный Вильсон спрашивает: «Не может ли случиться, что мы даем бо́льшие кредиты по нашему вывозу, чем получаем по нашему ввозу? — Я лично сомневаюсь, чтобы это было так. Если кто-либо дает для акцепта вексель за манчестерский товар, направленный в Индию, то нельзя акцептовать на срок меньше чем 10 месяцев. Нам приходится — и это уже во всяком случае — платить Америке за ее хлопок несколько раньше, чем мы получаем платежи из Индии; но выяснить, какое влияние это оказывает, не так-то легко. — 5145. Если мы, как это было в прошлом году, имеем прирост вывоза мануфактурных товаров на 20 млн. ф. ст., то раньше мы должны были иметь очень значительный прирост ввоза сырых материалов {и уже в этом обнаруживается тожество избыточного вывоза и избыточного ввоза, избыточного производства и избыточной торговли}, чтобы произвести это увеличенное количество товаров? — Несомненно; мы должны были предварительно выплатить очень значительный баланс, т. е. неизбежно было, что в течение этого времени баланс был против нас; но в целом вексельный курс в сделках с Америкой оказывается в нашу пользу, и мы в течение довольно продол-

жительного времени получали из Америки значительное количество благородного металла».

5148. Вильсон спрашивает архиростовщика Чэпмэна, не рассматривает ли он свой высокий процент как признак большого процветания и высокого уровня прибыли. Чэпмэн, явно пораженный наивностью этого сикофанта, отвечает, разумеется, утвердительно, но в то же время он достаточно чистосердечен, чтобы сделать следующую оговорку: «Для некоторых нет иного выхода; они имеют обязательства, которые они должны выполнить все равно, прибыльно ли это или нет; но если бы он {высокий уровень процента} оказался устойчивым, то это свидетельствовало бы о промышленном расцвете». Оба забывают, что это может свидетельствовать и о том, что, как это было в 1857 г., кредит страны расшатывается странствующими рыцарями, которые могут платить высокие проценты, так как платят их из чужого кармана (однако при этом они способствуют определению процентной ставки для всех) и пока что живут на широкую ногу за счет ожидаемых прибылей. Впрочем, как раз это может доставить для фабрикантов и т. д. действительно очень прибыльное дело. Обратный приток капиталов благодаря системе ссуд становится совершенно обманчивым. Этим объясняются следующие явления, которые, поскольку дело касается Английского банка, не нуждаются ни в каком объяснении, так как Английский банк при высоком уровне процента дисконтирует по более низкой ставке, чем другие.

«5156. Я могу утверждать, — говорит Чэпмэн, — что в настоящий момент, когда у нас в течение столь продолжительного времени был высокий уровень процента, сумма нашего учета достигает своего максимума». {Это Чэпмэн говорил 21 июля 1857 г., за несколько месяцев до краха.} — «5157. В 1852 г.» {когда процент был низок} «она далеко не была так велика». Так как в то время положение дел действительно было еще много нормальнее.

«5159. Если бы на рынке был крупный избыток денег... и банковская ставка была бы низка, у нас уменьшилось бы число векселей... в 1852 г. мы находились в совершенно иной фазе: вывоз и ввоз страны были тогда совершенно несравнимы с теперешними. — 5161. При этой высокой норме учета мы учли на такую же сумму, как и в 1854 г.» {Когда процент был 5—5$^1/_2$.}

В показаниях Чэпмэна в высшей степени забавно, что люди подобного сорта действительно считают деньги публики своей собственностью и уверены, что они имеют право во всякое время обменивать дисконтированные ими векселя на деньги. Наивность вопросов и ответов поразительна. Законодательству вменяется в обязанность обеспечить постоянный обмен на деньги векселей, акцептованных крупными фирмами; позаботиться о том, чтобы Английский банк при всяких обстоятельствах переучитывал их

billbroker'ам. А между тем в 1857 г. три таких billbroker'а обанкротились приблизительно на 8 млн., причем их собственный капитал представлял по сравнению с этим долгом совершенно ничтожную величину. — «5177. Хотите ли вы этим сказать, что, по вашему мнению, они {акцепты Барингов или Лойдов} должны подлежать обязательному учету, вроде того, как в настоящее время билеты Английского банка подлежат обязательному размену на золото? — Я того мнения, что было бы весьма плачевно, если бы их нельзя было учитывать; было бы в высшей степени странно, если бы кто-нибудь вынужден был прекратить платежи только потому, что он имеет акцепты фирм Смит, Пэйн и К° или Джонс, Лойд и К° и не в состоянии их учесть. — 5178. Но разве акцепт Баринга не есть обязательство уплатить известную сумму денег, когда истечет срок векселю? — Это совершенно верно; но господа Баринги, когда они принимают на себя такое обязательство, как и каждый купец, принимающий на себя обязательство этого рода, вовсе и не думают о том, что им придется оплатить его соверенами; они рассчитывают, что оплата произойдет в Clearing House [Расчетной палате]. — 5180. Полагаете ли вы, что следует придумать особого рода механизм, при помощи которого публика имела бы право получать деньги до истечения срока векселю вследствие того, что кто-нибудь другой должен был бы учесть его? — Нет, не акцептант; но если вы хотите этим сказать, что мы не должны иметь возможности осуществлять учет торговых векселей, то мы должны изменить весь порядок вещей. — 5182. Итак, вы полагаете, что для него {торгового векселя} должно быть обеспечено превращение в деньги совершенно так же, как для банкноты Английского банка должен быть обеспечен размен на золото? — Именно так, при известных условиях. — 5184. Вы, значит, думаете, что положением о currency [денежном обращении] должно быть предусмотрено, чтобы торговые векселя несомненной солидности обменивались на деньги так же легко, как и банкноты? — Да, я так думаю. — 5185. Вы не идете, однако, настолько далеко, чтобы утверждать, что Английский банк или кого бы то ни было следует обязать законом обменивать их? — Я во всяком случае иду достаточно далеко для того чтобы утверждать, что, раз мы будем составлять закон, регулирующий currency, мы должны принять меры, которые предотвратили бы возможность наступления такого положения, когда безусловно солидные и правильные отечественные торговые векселя не могут быть обращены в деньги». — Это значит: размен торгового векселя по примеру размена банкноты.

«5189. Торговцы деньгами фактически представляют только публику», — как впоследствии заявил г. Чэпмэн перед ассизами в деле Дэвисона. См. «Great City Frauds».

«5196. Каждую четверть года {когда выплачиваются дивиденды} абсолютно необходимо прибегать к содействию Английского банка. Если вы извлекаете из обращения 6 или 7 млн. государственных доходов ввиду предстоящей уплаты дивидендов, то должен же быть кто-нибудь, кто в промежуточное время доставил бы соответственную сумму». — {Следовательно, в этом случае дело идет о предложении денег, а не капитала или ссудного капитала.}

«5169. Каждый, знакомый с нашим торговым миром, должен знать, что при том положении дел, когда обязательства казначейства не находят покупателей, когда облигации Ост-индской компании становятся совершенно бесполезными, когда самые лучшие векселя не могут быть дисконтированы, каждый знает, что в такой период сильная тревога должна господствовать среди тех, кого дела обязывают немедленно, по простому требованию, платить обычными средствами обращения, — а в таком положении находятся все банкиры. Результат получается тот, что каждый удваивает свои резервы. Представьте же теперь себе, как это отзовется на всей стране, если каждый провинциальный банкир, — а их имеется около 500, — должен будет поручить своему лондонскому корреспонденту перевести ему 5 000 ф. ст. банкнотами. Даже если взять за среднее эту малую сумму, — что уже само по себе абсурдно, — то и тогда мы получим $2^1/_2$ млн. ф. ст., которые должны быть извлечены из обращения. Каким образом возместить их?»

С другой стороны, частные капиталисты и т. п., располагающие деньгами, не отдают их ни за какой процент, потому что, по примеру Чэпмэна, они рассуждают: «5194. Нам лучше не получать никаких процентов, нежели сомневаться, получим ли мы деньги, если они нам потребуются».

«5173. Наша система такова: мы имеем на 300 млн. ф. ст. обязательств, уплата которых в монете, обращающейся в стране, может быть потребована в один какой-либо определенный момент. Между тем сумма всей этой монеты, даже если мы ее используем всю, составляет 23 млн. ф. ст. или что-либо в этом роде; разве такое положение дел не угрожает нам ежеминутно потрясениями?» Отсюда во время кризисов внезапное превращение кредитной системы в монетарную систему.

Оставляя в стороне панику внутри страны в период кризиса, о количестве денег речь может итти лишь постольку, поскольку имеется в виду металл, мировые деньги. Но как раз их исключает Чэпмэн, он говорит лишь о 23 млн. *банкнотами*.

Тот же Чэпмэн: «5218. Первоначальная причина расстройства на денежном рынке {в апреле и позднее в октябре 1847 г.} заключалась без сомнения в том, что масса денег потребовалась для регулирования вексельного курса вследствие чрезвычайных размеров ввоза в этом году».

Во-первых, этот запас денег мирового рынка был сведен тогда к своему минимуму. Во-вторых, он служил в то же время обеспечением размена кредитных денег, банкнот. Он выполнял, таким образом, сразу две совершенно различные функции, которые, однако, обе вытекают из природы денег, так как действительные деньги всегда являются деньгами мирового рынка, а кредитные деньги всегда опираются на деньги мирового рынка.

В 1847 г. без приостановки действия банкового акта 1844 г. «Clearing Houses [расчетные палаты] были бы не в состоянии справиться со своим делом (5221)».

Чэпмэн имел все же некоторое предчувствие предстоящего кризиса. «5236. Бывают известные положения на денежном рынке (и теперешнее положение не особенно далеко от этого), когда деньги очень трудно достать и приходится прибегать к банку».

«5239. Что касается сумм, взятых нами из банка в пятницу, субботу и понедельник, 19, 20 и 22 октября 1847 г., то в ближайшую среду мы были бы лишь в высшей степени благодарны, если бы могли получить обратно векселя; деньги тотчас же стали приливать к нам обратно, как только миновала паника». — Во вторник, 23 октября, действие банкового акта было приостановлено и тем самым кризис был сломлен.

Чэпмэн полагает (5274), что сумма текущих векселей на Лондон во всякий момент составляет 100—120 млн. ф. ст. Сюда не включены местные векселя на провинциальные пункты.

«5287. Хотя в октябре 1856 г. сумма банкнот, находящихся в руках публики, возросла до 21 155 000 ф. ст., тем не менее было чрезвычайно трудно получить деньги; несмотря на то, что в руках публики их было так много, мы не могли добыть их». Именно вследствие тревоги, вызванной стесненным положением, в котором некоторое время (март 1856 г.) находился Eastern Bank.

5190—92. Как только паника миновала, «все банкиры, получающие свою прибыль из процента, начинают пускать в дело свои деньги».

5302. Чэпмэн объясняет беспокойство, вызываемое уменьшением банкового резерва, не страхом за вклады, а тем, что все те, кто внезапно может оказаться в необходимости уплатить крупные денежные суммы, прекрасно знают, что при стесненном положении на денежном рынке они, быть может, окажутся вынужденными обратиться к банку как к последнему прибежищу, и «если у банка очень небольшой резерв, он отнюдь не будет рад этому нашему обращению, совсем напротив».

Интересно, между прочим, как банковый резерв исчезает в качестве фактической величины. Банкиры держат частью у себя, частью в Английском банке минимальные суммы, необходимые для их текущих дел. Billbroker'ы держат «свободные банковые деньги страны», не имея резерва. И Английский банк имеет в обеспечение

обязательств по вкладам лишь резерв банкиров и других вместе с public deposits [общественными вкладами] и т. д.; этому резерву он дает снизиться до самой низшей точки, напр., до 2 млн. ф. ст. Таким образом, за исключением этих 2 млн. ф. ст. в бумаге, в периоды стеснения (а последнее уменьшает резерв, так как банкноты, поступающие взамен отливающего металла, необходимо аннулировать) вся эта махинация не имеет никакого иного резерва, кроме металлического запаса, и каждое уменьшение последнего вследствие отлива золота усиливает кризис.

«5306. Если бы не оказалось денег для того чтобы уплатить разницу при расчетах в Clearing House [Расчетной палате], то, на мой взгляд, нам не оставалось бы ничего другого, как собраться вместе и произвести наши платежи первоклассными векселями, векселями на казначейство, на фирмы Смит, Пэйн и К° и т. д. — 5307. Следовательно, в том случае, если бы правительство не было в состоянии снабдить вас средствами обращения, вы сами создали бы их для себя? — Что же мы можем сделать? Приходит публика и берет у нас из рук средство обращения; оно не существует более. — 5308. Итак, вы сделали бы в Лондоне лишь то, что ежедневно делается в Манчестере? — Вот именно».

Очень недурен ответ Чэпмэна на вопрос, который предложил ему Кейли (Birmingham-man аттвудовской школы *), имея в виду оверстоновское представление о капитале: «5315. Перед комиссией высказано было мнение, что в период стесненного положения, подобный тому, который имел место в 1847 г., люди ищут не денег, а капитала; что вы думаете по этому поводу? — Я вас не понимаю; мы торгуем только деньгами; я не понимаю, что вы хотите сказать.— 5316. Если вы под этим {под коммерческим капиталом} понимаете сумму собственных денег предпринимателя, вложенных в предприятие, — если вы это называете капиталом, то я должен заметить, что это в большинстве случаев составляет лишь ничтожную долю тех денег, которыми распоряжается в своих делах предприниматель благодаря кредиту, который ему оказывает публика», т. е. через посредство господ Чэпмэнов.

«5339. Свидетельствует ли это о недостатке богатства, если мы приостанавливаем размен банкнот? — Отнюдь нет... у нас нет недостатка в богатстве, но мы движемся в рамках в высшей степени искусственной системы, и если мы имеем угрожающий (superincumbent) колоссальный спрос на наши средства обращения, то могут возникнуть обстоятельства, вследствие которых мы будем лишены возможности получить эти средства обращения. Неужели же вследствие этого должна быть парализована вся коммерческая деятельность страны? Неужели мы должны закрыть всякий доступ к работе? — 5338. Если бы возник вопрос, что̀ мы должны сохранить:

* Ср. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 68. *Ред.*

размен банкнот или промышленность страны, то я уже знал бы, чем следует пожертвовать».

Относительно накопления банкнот «с целью обострить стесненное положение и извлечь из последствий этого выгоду» {5358} он говорит, что такое явление легко может иметь место. Трех крупных банков было бы достаточно для этого. «5383. Не известно ли вам как человеку, близко знакомому с крупными оборотами нашей столицы, что капиталисты пользуются этими кризисами, чтобы извлечь огромные прибыли из разорения тех лиц, которые падают жертвою кризиса? — В этом не может быть сомнения». И г. Чэпмэну в данном случае мы вполне можем поверить, хотя он в конце концов и сломал себе шею — в коммерческом смысле этого слова — при попытке «извлечь огромные прибыли из разорения жертв кризиса». Ибо если его компаньон Гарней говорит: всякое изменение в ходе дел выгодно для сведущего человека, — то Чэпмэн говорит: «Одна часть общества ничего не знает о другой; вот, напр., фабрикант, экспортирующий на континент или импортирующий свой сырой материал, — он ничего не знает о том, кто оперирует с золотыми слитками» (5046). Так и случилось, что в один прекрасный день сами Гарней и Чэпмэн оказались «несведущими» и потерпели постыдное банкротство.

Мы уже видели выше, что выпуск банкнот не всегда означает ссуду капитала. Нижеследующее показание Тука перед С. D.* комиссией лордов в 1848 г. доказывает только, что ссуда капитала даже в том случае, если она осуществляется банком при помощи выпуска новых банкнот, не означает еще непременно увеличения количества обращающихся банкнот.

«3099. Полагаете ли вы, что, напр., Английский банк мог бы значительно расширить свои ссуды без того, чтобы это повлекло за собой увеличение выпуска банкнот? — Факты, доказывающие это, имеются в избытке. Один из наиболее ярких примеров имел место в 1835 г., когда банк использовал вест-индские вклады и заем у Ост-индской компании для того чтобы увеличить ссуды публики; сумма банкнот, находящихся в руках публики, в это же время фактически несколько уменьшилась... Нечто аналогичное наблюдалось и в 1846 г., в то время, когда вносились в банк железнодорожные вклады; ценные бумаги {учтенные и принятые в обеспечение} повысились приблизительно до 30 млн., что не оказало никакого заметного влияния на сумму банкнот в руках публики».

Но наряду с банкнотами оптовая торговля имеет другое и для нее гораздо более важное средство обращения: векселя. Г-н Чэпмэн показал нам, насколько существенно для правильного хода дел, чтобы надежные векселя принимались в уплату всегда и при всяких условиях: gilt nicht mehr der Tausves Jontof, was soll gelten,

* Назначенной для исследования вопроса о кризисе. *Ред.*

Zeter, Zeter!* Как же относятся друг к другу оба эти средства обращения?

Джильбэрт говорит относительно этого: «Сокращение обращения банкнот регулярно увеличивает размеры обращения векселей. Эти векселя бывают двоякого рода: торговые векселя и банкирские векселя... раз в деньгах чувствуется недостаток, лица, ссужающие деньги, говорят: «Пишите на нас вексель, и мы акцептуем его», и если какой-либо провинциальный банкир дисконтирует вексель одному из своих клиентов, он выплачивает ему не наличными деньгами, а выдает свою собственную тратту на 21 день на своего лондонского агента. Эти векселя служат в качестве средства обращения» (J. W. Gilbart: «An Inquiry into the Causes of the Pressure etc.», стр. 31).

В несколько видоизмененной форме это подтверждает и Ньюмарч, B. A. 1857, № 1426:

«Не существует никакой зависимости между колебаниями количества находящихся в обращении векселей и банкнот... единственный более или менее постоянный результат сводится к тому... что, как только на денежном рынке наступает хотя бы ничтожное стеснение, обнаруживаемое повышением учетного процента, размеры обращения векселей значительно увеличиваются, и обратно».

Однако векселя, выписанные в такие периоды, отнюдь не являются исключительно краткосрочными банковыми векселями, о которых упоминает Джильбэрт. Напротив: это по большей части «дружеские» векселя, не представляющие никакой действительной операции или представляющие операции, которые были предприняты только для того чтобы можно было выписать под них вексель; мы дали достаточное количество примеров векселей того и другого рода. Поэтому «Economist» (Вильсон), сравнивая обеспеченность таких векселей и банкнот, пишет: «Банкноты, оплачиваемые по предъявлении, никогда не могут оставаться в избытке вне банка, так как избыток неизбежно притекал бы обратно в банк для размена; между тем двухмесячные векселя могут быть выпущены в значительном избытке, так как нет средства контролировать их выпуск, пока не наступит срок платежа, а к этому моменту они могут быть уже снова замещены другими векселями. Для нас совершенно непонятно, почему нация должна признавать обеспеченность обращения векселей, подлежащих оплате в будущий срок, и в то же время подвергать сомнению обращение бумажных денег, размениваемых по предъявлении» («Economist», 1847, стр. 575).

Таким образом количество обращающихся векселей, точно так же как и количество банкнот, определяется исключительно потребностями обращения; в 50-х годах в обычное время в Соединенном

---

* Если Таусфес Ионтов силы не имеет,
Что ж тогда имеет силу? Караул! Караул!
Из стихотворения Гейне: «Disputation». *Ред.*

королевстве находилось в обращении, наряду с 39 млн. в банкнотах, около 300 млн. векселей, в том числе 100—120 млн. только на один Лондон. Размер обращения векселей не оказывает никакого влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию последнего лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно отказывается служить; никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет, по крайней мере до настоящего времени в Англии, способность к обращению, так как за Английским банком стоит нация со всем своим богатством.

Мы видели, что даже г. Чэпмэн, который в 1857 г. сам был магнатом на денежном рынке, горько жалуется на то, что в Лондоне имеются некоторые крупные денежные капиталисты, достаточно сильные для того, чтобы в известный момент привести в расстройство весь денежный рынок и таким постыднейшим способом пустить кровь более мелким торговцам деньгами. Так имеется несколько таких крупных акул, которые в состоянии значительно обострить стесненное положение, продав на 1—2 млн. консолей и взяв таким образом с рынка соответственное количество банкнот (и вместе с тем свободного ссудного капитала). Чтобы превратить путем подобного маневра стесненное положение в панику, было бы достаточно совместного действия трех крупных банков.

Крупнейшая сила капитала в Лондоне — это, конечно, Английский банк; но благодаря своему положению полугосударственного учреждения он не имеет возможности проявлять свое господство столь грубым образом. Однако и он — особенно со времени банковского акта 1844 г. — знает достаточно средств и путей для того чтобы соблюсти свою выгоду.

Английский банк имеет капитал в 14 553 000 ф. ст. и располагает, кроме того, приблизительно 3 млн. ф. ст. «остатков», т. е. нераспределенных прибылей, равно как и всеми деньгами, которые поступают к правительству в виде налогов и т. д. и должны вкладываться в Английский банк, пока не наступит нужда в них. Если причислить сюда еще сумму остальных вкладов (в обычное время около 30 млн. ф. ст.) и банкнот, выпускаемых без покрытия, то придется признать, что Ньюмарч дает еще сравнительно умеренную оценку, когда он утверждает следующее (B. A. 1857, № 1889): «я убедился, что общая сумма фондов, постоянно занятых на {Лондонском} денежном рынке, должна быть определена приблизительно в 120 млн. ф. ст.; и из этих 120 млн. Английский банк располагает очень значительною частью, около 15—20%».

Поскольку банк выпускает банкноты, не покрытые металлическим сокровищем, находящимся в его подвалах, он создает знаки

стоимости, которые образуют не только средства обращения, но и некоторый добавочный — хотя и фиктивный — капитал для него на сумму номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал доставляет банку добавочную прибыль. — Вильсон спрашивает Ньюмарча (В. А. 1857): «1563. Обращение собственных банкнот какого-либо банка, т. е. средняя сумма их, остающаяся в руках публики, образует добавление к действующему капиталу этого банка, не правда ли? — Совершенно верно. — 1564. Итак, вся та прибыль, которую извлекает банк из этого обращения, есть прибыль, происходящая от кредита, а не от капитала, которым банк действительно владеет? — Совершенно верно».

То же самое относится, конечно, и к тем частным банкам, которые выпускают банкноты. В своих ответах №№ 1866—1868 Ньюмарч рассматривает две трети всех этих выпускаемых частными банками банкнот (для одной трети эти банки обязаны иметь металлическое покрытие) как «создание равновеликого капитала», так как сберегается звонкая монета на такую же сумму. Прибыль банкира вследствие этого может и не быть больше, чем прибыль других капиталистов. Но факт тот, что банкир извлекает прибыль из этого национального сбережения звонкой монеты. То обстоятельство, что национальное сбережение оказывается прибылью частного лица, нисколько не шокирует буржуазного экономиста, так как прибыль есть вообще присвоение национального труда. Может ли быть что-либо более нелепое, чем, напр., Английский банк 1797—1817 гг., банкноты которого пользовались кредитом лишь благодаря государству и который вместе с тем заставлял государство, стало быть, публику, оплачивать в форме процентов по государственным займам данную ему государством же силу превращать эти банкноты из бумаги в деньги и затем ссужать их государству?

Банки имеют, впрочем, и другие средства создавать капитал. По словам того же самого Ньюмарча, провинциальные банки имеют, как уже упомянуто выше, обыкновение посылать свои избыточные фонды (т. е. банкноты Английского банка) лондонским billbroker'ам, которые взамен этого отсылают им дисконтированные векселя. Этими векселями банк обслуживает своих клиентов, так как он придерживается правила не выпускать из своих рук векселей, полученных от его местных клиентов, чтобы деловые операции этих клиентов не сделались известными в их округе. Эти полученные из Лондона векселя служат не только для того чтобы выдавать их клиентам, которым предстоит сделать прямые платежи в Лондоне, если они не предпочтут потребовать от банка собственного перевода на Лондон; векселя служат также для того чтобы производить платежи в провинции, так как передаточная надпись банкира обеспечивает им местный кредит. Таким образом они, напр. в Ланкашире, вытеснили из обращения все собственные банкноты местных

банков и в значительной степени банкноты Английского банка (там же, 1568—1574).

Мы видим таким образом, как банки создают кредит и капитал: 1) путем выпуска собственных банкнот; 2) путем выдачи платежных приказов на Лондон сроком до 21 дня, причем, однако, они сами, выдавая эти приказы, получают немедленно наличными; 3) производя платежи дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно — по крайней мере для соответствующего местного округа — создается передаточной надписью банка.

Сила Английского банка обнаруживается в том, что он регулирует рыночную норму процента. В периоды нормального хода дел может случиться, что Английский банк не в состоянии предотвратить умеренный отлив золота из своего металлического запаса путем повышения нормы дисконта [12], так как потребность в средствах платежа удовлетворяется частными и акционерными банками и bill-broker'ами, сила которых в отношении капитала [Kapitalmacht] возросла в последние 30 лет. Ему приходится применять тогда другие средства. Но для критических моментов все еще верно то, что банкир Глин (из фирмы Глин, Миллс, Керри и К⁰) показывал перед C. D. 1848/57: «1709. В периоды сильного стеснения в стране Английский банк диктует уровень процента. — 1710. В периоды чрезвычайного стеснения... когда дисконты частных банков или broker'ов сравнительно сокращаются, они ложатся на Английский банк, и он тогда имеет силу устанавливать рыночную норму процента».

Во всяком случае, он как публичный институт, пользующийся покровительством государства и государственными привилегиями, не может использовать эту свою силу с такой беспощадностью, как это позволяют себе частные предприятия. Поэтому Хёббард и говорит перед банковой комиссией (B. A. 1857): «2844. {Вопрос:} Не правда ли, когда учетный процент достигает максимальной высоты, Английский банк обслуживает всего дешевле, когда же учетный процент спускается до минимума, всего дешевле берут брокеры? — {Хёббард:} Это действительно всегда так, потому что Английский банк никогда не понижает норм учета до такой степени, как его

---

[12] На общем собрании акционеров Union Bank of London 17 января 1894 г. председатель г. Ритчи сообщил, что Английский банк повысил в 1893 г. учетный процент с $2^1/_2$ (в июле) до 3 и 4 (в августе) и затем, так как он, несмотря на это, потерял в течение 4 недель целые $4^1/_2$ млн. ф. ст. золотом, повысил до 5%, после чего золото стало притекать обратно, и банковая норма в сентябре была понижена до 4, в октябре до 3%. Но эта банковая норма не была признана на рынке. «Когда банковая норма была 5%, учетная норма была $3^1/_2$%, а норма для денег $2^1/_2$%; когда банковая норма упала до 4%, учетный процент был $2^3/_8$% и денежная норма $1^3/_4$%; когда банковая норма стала 3%, учетный процент был $1^1/_2$%, денежная норма немного ниже» («Daily News», 18 янв. 1894). — *Ф. Э.*

конкуренты, и когда норма стоит на высшем уровне, никогда не поднимает ее так высоко, как они».

Тем не менее для делового мира является весьма серьезным событием, когда Английский банк в период стесненного положения начинает, выражаясь ходячим термином, подвинчивать гайку, т. е. поднимает еще выше уровень процента, уже перешедший среднюю норму. «Как только Английский банк начинает подвинчивать гайку, прекращаются всякие закупки для вывоза за границу... Экспортеры дожидаются, пока понижающиеся цены достигнут низшей точки, и только тогда они покупают, не раньше. Но когда этот пункт достигнут, курс уже снова урегулирован, — золото перестает отливать за границу ранее, чем достигнута эта низшая точка падения цен. Закупки товаров для экспорта могут, быть может, вернуть назад часть посланного за границу золота, но они совершаются слишком поздно для того чтобы воспрепятствовать отливу» (J. W. Gilbart: «An Inquiry into the Causes of the Pressure on the Money Market», London 1840, стр. 35). «Другой результат регулирования средств обращения посредством заграничного вексельного курса состоит в том, что в периоды стесненного положения он влечет за собою огромное повышение процента» (там же, стр. 40). «Издержки, которых требует восстановление вексельного курса, падают на производительную промышленность страны, между тем в течение этого процесса прибыль Английского банка положительно возрастает благодаря тому, что он продолжает свое дело с меньшим количеством благородного металла» (там же, стр. 52).

Но, говорит наш приятель Сэмюель Гарней, «эти большие колебания уровня процента выгодны для банкиров и торговцев деньгами — всякие колебания в ходе дел выгодны для сведущих людей». И хотя господа Гарней снимают сливки беззастенчивой эксплуатацией деловых затруднений, тогда как Английский банк не может позволить себе такой свободы, тем не менее и на его долю выпадают очень недурные барыши, — не говоря уже о тех частных прибылях, которые сами плывут в руки господ директоров вследствие исключительно благоприятных возможностей, которые они имеют для получения сведений об общем состоянии дел. По данным комиссии лордов, в 1817 г., при возобновлении размена банкнот, эти прибыли Английского банка за весь период 1797—1817 гг. составляли:

Bonuses and increased dividends [Премии и возросшие дивиденды]	7 451 136
New Stock divided among proprietors [Новые акции, распределенные между акционерами]	7 276 500
Increased value of capital [Возросшая стоимость капитала]	14 553 000
Итого	29 280 636

на капитал в 11 642 100 ф. ст. за 19 лет (D. Hardcastle: «Banks and Bankers», 2nd ed., London 1843, стр. 120). Если мы по тому же принципу определим общую прибыль Ирландского банка, который также приостановил платежи наличными в 1797 г., то получится следующий результат:

Dividends as by returns due 1821 [Дивиденды по отчетам до 1821 г.]	4 736 085
Declared bonus [Объявленные премии]	1 225 000
Increased assets [Возросшие активы]	1 214 800
Increased value of capital [Возросшая стоимость капитала]	4 185 000
Итого	11 360 885

на капитал в 3 млн. ф. ст. (там же, стр. 363—364)*.

А еще говорят о централизации! Кредитная система, имеющая свой центральный пункт в так называемых национальных банках и группирующихся вокруг них крупных торговцах деньгами и ростовщиках, есть гигантская централизация, и она дает этому классу паразитов сказочную силу не только периодически громить промышленных капиталистов, но и самым опасным образом вмешиваться в действительное производство, — а эта банда ничего не знает о производстве, не имеет с ним ничего общего. Акты 1844 и 1845 гг. служат доказательствами растущей силы этих бандитов, к которым примыкают финансисты и stockjobbers [маклеры, торгующие процентными бумагами].

Но если кто-либо сомневается в том, что эти почтенные бандиты эксплуатируют национальное и интернациональное производство исключительно в интересах самого производства и самих эксплуатируемых, то он почерпнет истинное представление о деле из следующего экскурса в область высоких нравственных доблестей банкиров. «Банки суть учреждения религиозно-нравственные. Как часто юный купец отвращался от общества шумливых и разгульных друзей из страха перед бдительным и неодобрительным взглядом банкира! Как старается он сохранить доброе мнение о нем банкира, быть всегда респектабельным! Наморщенный лоб банкира оказывает на него более сильное влияние, чем все моральные проповеди его друзей; он трепещет при мысли, что к нему станут относиться подозрительно, если он окажется повинным в обмане или хотя бы малейшем уклонении от истины; он боится возбудить такое подозрение, так как в результате его кредит в банке может быть ограничен или даже совсем уничтожен! Совет банкира для него важнее, чем совет священника» (Г. М. Белл, управляющий банком в Шотландии, «The Philosophy of Joint Stock Banking», London 1840, стр. 46, 47).

* В издании 1894 г. — 163. *Ред.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

CURRENCY PRINCIPLE И АНГЛИЙСКОЕ БАНКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1844 г.

{В одной из прежних работ[13] была исследована теория стоимости денег Рикардо в отношении к ценам товаров; поэтому мы можем здесь ограничиться лишь самым необходимым. По Рикардо, стоимость денег — металлических — определяется овеществленным в них рабочим временем, однако, лишь до тех пор, пока количество денег находится в нормальном отношении к массе и цене обращающихся товаров. Если количество денег поднимается выше этого отношения, то падает их стоимость, товарные цены повышаются; если оно опускается ниже правильного отношения, то стоимость их повышается; товарные цены падают — при прочих равных условиях. В первом случае страна, где имеется такой избыток золота, будет вывозить золото, упавшее ниже своей стоимости, и ввозить товары; во втором случае золото будет притекать в страны, в которых оно расценивается выше его стоимости, в то время как недооцененные товары направляются оттуда на другие рынки, где их можно продать по нормальным ценам. Так как при таких предпосылках «само золото — в монете ли, в слитках ли — может стать знаком стоимости металла большей или меньшей, чем его собственная стоимость, то само собою понятно, эту судьбу разделяют с ним и находящиеся в обращении размениваемые банкноты. Хотя банкноты подлежат размену и, следовательно, их реальная стоимость соответствует их номинальной стоимости, тем не менее вся масса обращающихся денег, золота и банкнот (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes) может повыситься в цене или обесцениться, смотря по тому, поднимается ли по вышеуказанным причинам их общее количество выше или падает ниже уровня, определяемого меновой стоимостью обращающихся товаров и стоимостью золота как металла... Это обесценение не бумаги по сравнению с золотом, а золота и бумаги вместе, другими

---

[13] *К. Marx:* «Zur Kritik der politischen Oekonomie», Berlin 1859, стр. 150 и далее [*К. Маркс:* «К критике политической экономии», Огиз, 1939 г., стр. 117 и далее].

словами, обесценение всей массы средств обращения данной страны есть одно из главных изобретений Рикардо, которое лорд Оверстон и К° заставили служить им и положили в основу банкового законодательства сэра Роберта Пиля в 1844 и 1845 гг.» (там же, стр. 155).

Нам нет надобности повторять здесь приведенное там же доказательство ложности этой теории Рикардо. Нас интересует лишь тот способ, каким эти положения Рикардо были переработаны школой банковых теоретиков, продиктовавшей упомянутые банковые акты Пиля.

«Торговые кризисы XIX века, особенно большие кризисы 1825 и 1836 гг., не вызвали дальнейшего развития рикардовской теории денег, но дали повод для ее нового применения. Это были уже не такие единичные экономические явления, как при Юме обесценение благородных металлов в XVI и XVII веках или при Рикардо обесценение бумажных денег в XVIII и начале XIX века, — а великие бури мирового рынка, в которых разряжается столкновение всех элементов буржуазного процесса производства, и корень, равно как и средство предотвращения которых, хотят найти в самой поверхностной и самой абстрактной сфере этого процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой исходит эта школа экономических заклинателей погоды, фактически сводится только к догмату, что Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им оставалось только подвести под эти законы кредитное или банкнотное обращение.

«Наиболее общее и бросающееся в глаза явление торговых кризисов есть внезапное общее падение товарных цен, следующее за более или менее продолжительным общим их повышением. Общее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а общее повышение цен, наоборот, как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения явление только констатируется, но не объясняется... Различная фразеология столь же мало подвигает вперед решение вопроса, как, напр., перевод его с немецкого языка на английский. Теория денег Рикардо явилась поэтому как нельзя более кстати, так как она придает тавтологии видимость отношения причинности. Чем объясняется периодическое общее падение товарных цен? Периодическим повышением относительной стоимости денег. Наоборот, чем объясняется периодическое общее повышение товарных цен? Периодическим падением относительной стоимости денег. Столь же правильно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен проистекает из их периодического повышения и падения... Раз допущено превращение тавтологии в отношение причинности, все остальное выводится легко. Повышение товарных цен вызывается падением

стоимости денег, а падение стоимости денег, как нам сообщает Рикардо, — переполнением обращения, т. е. тем, что масса обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентной стоимостью и имманентной стоимостью товаров. Равным образом и наоборот: общее падение товарных цен вызывается повышением стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие того, что обращение недостаточно наполнено. Итак, цены повышаются и падают периодически, так как периодически обращается слишком много или слишком мало денег. Если бы даже было показано, что повышение цен совпало с пониженным обращением денег, а падение цен с повышенным обращением денег, то все же можно было бы утверждать, что вследствие некоторого, хотя и статистически недоказуемого, уменьшения или увеличения массы обращающихся товаров количество обращающихся денег увеличилось или уменьшилось, правда, не абсолютно, а лишь относительно. Мы видели, что по Рикардо общие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но тут они благодаря своему чередованию уравниваются таким образом, что, напр., недостаточно полное обращение вызывает падение товарных цен, вывоз товаров за границу, этот вывоз вызывает, в свою очередь, ввоз золота в страну, а такой прилив денег влечет за собою опять повышение товарных цен. Обратное — при переполненном обращении, когда товары ввозятся, а золото вывозится. А так как, несмотря на эти общие колебания цен, вытекающие из самой природы рикардовского металлического обращения, их бурная, насильственная форма, форма кризиса, относится к периоду развитой кредитной системы, то ясно, как день, что выпуски банкнот не вполне регулируются законами металлического обращения. Металлическое обращение имеет свое лекарство в импорте и экспорте благородных металлов, которые немедленно вступают в обращение как монета и своими приливами и отливами понижают или повышают товарные цены. Такое же влияние на товарные цены должны теперь искусственно оказывать банки, подражая законам металлического обращения. Если деньги приливают из-за границы, то это показывает, что обращение недостаточно полно, стоимость денег слишком высока и товарные цены слишком низки; следовательно, в обращение должны быть брошены банкноты соразмерно с количеством вновь ввезенного золота. Наоборот, они должны быть извлечены из обращения соразмерно отливу золота из страны. Другими словами, выпуск банкнот должен регулироваться импортом и экспортом благородных металлов или вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, что золото есть только монета и, следовательно, всякий импорт золота увеличивает количество обращающихся денег и таким образом повышает цены, всякий экспорт золота уменьшает количество

монеты и потому понижает цены, — эта теоретическая предпосылка превращается здесь в *практический эксперимент, состоящий в том, чтобы оставлять в каждый данный момент столько монеты в обращении, сколько имеется в наличности золота*. Лорд Оверстон (банкир фирмы Джонс Лойд), полковник Торренс, Нормэн, Клэй, Арбутнот и ряд других писателей, известных в Англии под именем школы «Currency Principle» [«Принцип денежного обращения»], не только проповедывали эту доктрину, но при помощи банковых актов сэра Р. Пиля (1844 и 1845 гг.) сделали ее основой английского и шотландского банкового законодательства. Ее позорнейшее фиаско, теоретическое и практическое, после экспериментов в грандиознейшем национальном масштабе, может быть разобрано нами лишь в учении о кредите» (там же, стр. 165—168).

Критика этой школы была дана Томасом Туком, Джемсом Вильсоном (в «Economist» 1844—1847 гг.) и Джоном Фулляртоном. Насколько недостаточно понимали и эти писатели природу золота, как смутно представляли они себе соотношение между деньгами и капиталом, мы видели уже неоднократно, особенно в главе XXVIII этой книги. Здесь мы приведем еще несколько данных из трудов комиссии нижней палаты 1857 г. относительно банковых актов Пиля (В. С. 1857). — *Ф. Э.*}

Дж. Г. Хёббард, бывший управляющий Английским банком, показывает: «2400. — Действие вывоза золота... абсолютно не имеет отношения к товарным ценам. Но вывоз золота оказывает весьма значительное влияние на цены фондов, так как в той мере, в какой изменяется процент, неизбежно затрагивается и стоимость товаров, воплощающих этот процент». Он приводит две таблицы, относящиеся к 1834—1843 и 1845—1853 * гг., показывающие, что движение цен пятнадцати наиболее важных предметов торговли происходило совершенно независимо от отлива и прилива золота и от уровня процента. Но зато они свидетельствуют о тесной зависимости между отливами и приливами золота, которое действительно является «представителем нашего ищущего помещения капитала», и уровнем процента. — «В 1847 г. очень большая сумма американских ценных бумаг была вывезена обратно в Америку, точно так же русские ценные бумаги отливали в Россию, а другие континентальные бумаги — в страны, из которых мы получаем наш хлеб».

Пятнадцать главных предметов торговли, положенные в основу приводимых ниже таблиц Хёббарда, — следующие: хлопок, хлопчатобумажная пряжа, бумажные ткани, шерсть, сукно, лен, полотно, индиго, чугун, жесть, медь, сало, сахар, кофе, шелк.

---

* В издании 1894 г. — [18]56. *Ред.*

I. С 1834 по 1843 г.

Время	Металлический запас банка	Рыночная норма дисконта	Из 15 главных предметов торговли		
			повысились в цене	упали	остались без перемены
1834, 1 марта . .	9 104 000 ф. ст.	$2^3/_4$%	—	—	—
1835, 1 » . .	6 274 000 » »	$3^3/_4$%	7	7	1
1836, 1 » . .	7 918 000 » »	$3^1/_4$%	11	3	1
1837, 1 » . .	4 079 000 » »	5%	5	9	1
1838, 1 » . .	10 471 000 » »	$2^3/_4$%	4	11	—
1839, 1 сентября	2 684 000 » »	6%	8	5	2
1840, 1 июня . .	4 571 000 » »	$4^3/_4$%	5	9	1
1840, 1 декабря .	3 642 000 » »	$5^3/_4$%	7	6	2
1841, 1 » . .	4 873 000 » »	5%	3	12	—
1842, 1 » . .	10 603 000 » »	$2^1/_2$%	2	13	—
1843, 1 июня . .	11 566 000 » »	$2^1/_4$%	1	14	—

II. С 1844 по 1853 г.

Время	Металлический запас банка	Рыночная норма дисконта	Из 15 главных предметов торговли		
			повысились в цене	упали	остались без перемены
1844, 1 марта . .	16 162 000 ф. ст.	$2^1/_4$%	—	—	—
1845, 1 декабря .	13 237 000 » »	$4^1/_2$%	11	4	—
1846, 1 сентября	16 366 000 » »	3%	7	8	—
1847, 1 »	9 140 000 » »	6%	6	6	3
1850, 1 марта . .	17 126 000 » »	$2^1/_2$%	5	9	1
1851, 1 июня . .	13 705 000 » »	3%	2	11	2
1852, 1 сентября	21 853 000 » »	$1^3/_4$%	9	5	1
1853, 1 декабря .	15 093 000 » »	5%	14	—	1

Хёббард делает к этому такое примечание: «Как за десятилетие 1834—1843, так и за 1844—1853 колебания золотой наличности банка каждый раз сопровождались возрастанием или уменьшением ссудной стоимости денег, выдаваемых под учет; а, с другой стороны, изменения товарных цен внутри страны обнаруживают полную независимость от размеров обращения, поскольку последние проявляются в колебаниях золотого запаса Английского банка» («Bank Acts Report», 1857, II, стр. 290 и 291).

Так как спрос и предложение товаров регулируют их рыночные цены, то здесь становится очевидным, насколько ошибочно оверстоновское отожествление спроса на ссужаемый денежный капитал (или скорее отклонений предложения от спроса), как он проявляется в норме учетного процента и спроса на действительный «капитал». Утверждение, что товарные цены регулируются колебаниями в размерах обращения, скрывается теперь за фразой, что колебания нормы учетного процента выражают собою колебания спроса на действительный вещественный капитал, в отличие от денежного капитала. Мы видели, что и Нормэн и Оверстон действительно утверждали это перед тою же самой комиссией; мы видели также, к каким жалким уверткам они вынуждены были при этом прибегать, в особенности Оверстон, пока он совсем не попался (гл. XXVI). В самом деле, это старая увертка, будто изменения в количестве наличного золота, увеличивая или уменьшая массу средств обращения в стране, тем самым неизбежно должны повысить или понизить товарные цены в пределах этой страны. Если золото вывозится, то согласно этой теории currency* цены товаров должны возрастать в той стране, куда направляется золото, и вместе с тем должна возрастать стоимость экспорта страны, вывозящей золото, на рынке страны, ввозящей золото; напротив, стоимость экспорта последней страны на рынке первой должна падать, в то время как стоимость экспортируемых товаров возрастает на их родине, куда приливает золото. На самом же деле уменьшение количества золота повышает лишь уровень процента, тогда как увеличение его понижает последний; и если бы эти колебания процента не оказывали влияния при установлении издержек производства или на определение спроса и предложения, то товарные цены ими совершенно не затрагивались бы.

В том же отчете Н. Александер, глава одной крупной фирмы, ведущей дела в Индии, следующим образом высказывается относительно сильного отлива серебра в Индию и Китай, имевшего место в половине 50-х годов, частью вследствие китайской гражданской войны, которая затруднила сбыт английских тканей в Китай, частью вследствие болезни шелковичных червей в Европе, значительно сократившей итальянское и французское шелководство.

«4337. Происходит ли отлив в Китай или в Индию? — Вы посылаете серебро в Индию и на значительную часть его покупаете опиум, который весь идет в Китай, чтобы образовать фонд для закупки шелка; и состояние рынков в Индии (несмотря на накопление там серебра) таково, что купцу выгоднее посылать туда серебро, чем ткани и другие английские фабрикаты. — 4338. Не имел ли место крупный отлив из Франции, вследствие чего мы получили серебро? — Конечно, он был очень велик. — 4344. Вместо того

---

* Денежного обращения. *Ред.*

чтобы вывозить шелк из Франции и Италии, мы посылаем его туда в значительных количествах — как бенгальский, так и китайский».

Итак, в Азию посылалось серебро — денежный металл этой части света — вместо товаров не потому, что цены этих товаров поднялись в стране, которая их производит (Англия), а потому, что они упали — упали благодаря чрезмерному ввозу — в стране, куда товары импортируются; и это несмотря на то, что серебро получено Англией из Франции и частью должно было оплачиваться золотом. По теории currency при таком импорте цены в Англии должны были бы упасть, а в Индии и Китае — повыситься.

Другой пример. Перед комиссией палаты лордов (C. D. 1848/1857) Вили, один из первых ливерпульских купцов, дает следующие показания: «1994. В конце 1845 г. не было более выгодного дела, которое давало бы столь же высокие прибыли {как бумагопрядение}. Запас хлопка был велик, и хороший, пригодный к делу хлопок можно было получить по 4 пенса за фунт, причем из такого хлопка можно было выпрясть хороший secunda mule twist № 40* с затратой также в 4 пенса, следовательно, с общим расходом на прядильщика приблизительно в 8 пенсов. В сентябре и октябре 1845 г. эта пряжа продавалась большими массами и заключались столь же крупные контракты на поставку по $10^1/_2$ и $11^1/_2$ пенсов за фунт, и в некоторых случаях прядильщики реализовали прибыль, равную покупной цене хлопка. — 1996. Дело оставалось прибыльным до начала 1846 г. — 2000. 3 марта 1844 г. запас хлопка {627 042 кипы} более чем вдвое превышал его теперешнюю величину {7 марта 1848 г., когда запас равнялся 301 070 кипам} и тем не менее цена была на $1^1/_4$ пенса выше на фунт». {$6^1/_4$ против 5 пенсов.} Вместе с тем пряжа — хороший secunda mule twist № 40 — упала с $11^1/_2$ — 12 пенсов до $9^1/_2$ пенса за фунт в октябре и до $7^3/_4$ пенса в конце декабря 1847 г.; пряжа продавалась по покупной цене хлопка, из которого она выпрядена (там же №№ 2021, 2022). Это обнаруживает в истинном свете своекорыстную мудрость Оверстона, согласно которой деньги должны быть «дороги» потому, что капитал «редок». 3 марта 1844 г. банковая процентная ставка была 3%; в октябре и ноябре 1847 г. она достигла 8 и 9% и 7 марта 1848 г. еще была равна 4%. Цены хлопка благодаря полной приостановке сбыта и панике, с соответствующим ей высоким размером процента, упали гораздо ниже той цены, которая соответствовала размерам предложения. Результатом этого было, с одной стороны, небывалое уменьшение ввоза в 1848 г. и, с другой стороны, уменьшение производства в Америке; отсюда новое повышение цен хлопка в 1849 г. По Оверстону, товары были слишком дороги потому, что в стране было слишком много денег.

* Сорт пряжи. *Ред.*

«2002. Недавнее ухудшение положения дел в хлопчатобумажной промышленности нельзя приписать недостатку сырого материала, так как цена понизилась, несмотря на то, что запасы хлопка-сырца значительно сократились». Как мило у Оверстона смешение цены — соответственно стоимости — товара и стоимости денег, т. е. уровня процента. В своем ответе на вопрос 2026 Вили высказывает свое общее мнение о теории currency, согласно которой Кардуэлл и сэр Чарльз Вуд в мае 1847 г. «настаивали на необходимости проводить банковый акт 1844 г. во всем его объеме». «Эти принципы, по-моему, таковы, что они должны придавать деньгам искусственно высокую стоимость, а всем товарам искусственную, разорительно низкую стоимость». — Он говорит далее о влиянии этого банкового акта на общее положение дел: «Так как лишь с большими жертвами можно было учесть четырехмесячные векселя, которыми являются обычные тратты фабричных городов на купцов и банкиров за купленные и предназначенные для Соединенных Штатов товары, то выполнение заказов было в значительной мере затруднено вплоть до правительственного распоряжения от 25 октября (приостановка банкового акта), когда снова возможно стало учитывать эти четырехмесячные векселя» (2097). Следовательно, и в провинции приостановка банкового акта ощущалась как избавление. — 2102. В прошлом октябре {1847 г.} почти все американские покупатели, закупающие здесь товары, немедленно же, насколько возможно, сократили свои заказы; и когда в Америку пришло известие о вздорожании денег, все новые заказы прекратились. — 2134. Хлеб и сахар представляли особый случай. На хлебный рынок оказывали влияние виды на урожай, на сахар оказывали влияние огромные запасы и ввоз. — 2163. Из наших платежных обязательств по отношению к Америке... многие были ликвидированы путем принудительной продажи отправленных на комиссию товаров и многие, боюсь, были аннулированы здешними банкротствами. — 2196. Если память не изменяет мне, на нашей фондовой бирже *в октябре 1847 г. процентная ставка доходила до 70%*».

{Кризис 1837 г. с его продолжительными болезненными последствиями, к которым в 1842 г. присоединился еще настоящий добавочный кризис [Nachkrise], и своекорыстное ослепление промышленников и купцов, которые ни за что не хотели признавать перепроизводства — ведь согласно вульгарной политической экономии оно — нелепость и невозможность! — вызвали, наконец, ту путаницу в головах, которая позволила школе currency применить свою догму на практике в национальном масштабе. Банковое законодательство 1844—1845 гг. прошло в парламенте.

Банковый акт 1844 г. делит Английский банк на эмиссионное и банковое отделения. Первое получает обеспечений — главным образом свидетельств государственного долга — на 14 млн. и весь металлический запас, который может состоять из серебра не более

чем на $^1/_4$, и выпускает на общую сумму того и другого банкноты. Поскольку эти последние не находятся в руках публики, они лежат в банковом отделении и образуют вместе с небольшим количеством необходимой для ежедневных потребностей монеты (около одного миллиона) всегда готовый резерв банкового отделения. Эмиссионное отделение выдает публике банкноты за золото и золото за банкноты; остальные дела с публикой ведет банковое отделение. Частные банки, имевшие в 1844 г. право выпускать собственные банкноты в Англии и Уэльсе, сохранили за собою это право, только выпуск их банкнот был ограничен контингентом; если такой банк прекращает выпуск собственных банкнот, Английский банк имеет право увеличить сумму своих непокрытых банкнот на $^2/_3$ освободившегося контингента; таким путем сумма эта к 1892 г. повысилась с 14 до $16^1/_2$ миллионов ф. ст., точнее до 16 450 000 ф. ст.

Итак, взамен каждых пяти фунтов золотом, уходящих из банкового запаса, в эмиссионное отделение поступает пятифунтовая банкнота и уничтожается там; взамен каждых пяти соверенов, поступивших в запас, выпускается в обращение новая пятифунтовая банкнота. Этим практически осуществляется оверстоновское идеальное бумажное обращение, совершенно точно подчиненное законам металлического обращения, и благодаря этому, по утверждению сторонников школы currency, кризисы становятся навсегда невозможными.

В действительности разделение банка на два независимых отделения лишало дирекцию возможности свободно располагать в решительные моменты всеми доступными ей средствами, так что могли наступить случаи, когда банковое отделение стояло перед банкротством, а эмиссионное отделение сохраняло нетронутыми миллионы золотом, не считая 14 миллионов обеспечения. И притом подобное положение дел могло наступать тем легче, что почти каждый кризис имеет период, когда происходит сильный отлив золота за границу, который приходится покрывать главным образом за счет металлического запаса банка. Но взамен каждых пяти фунтов, уходящих тогда за границу, из внутреннего обращения извлекается пятифунтовая банкнота, следовательно, количество средств обращения уменьшается как раз в тот момент, когда их требуется больше всего и потребность в них настоятельнее всего. Таким образом, банковый акт 1844 г. прямо провоцирует весь торговый мир к тому, чтобы когда разражается кризис, пока еще есть время, откладывать запасы банкнот и, следовательно, ускорять и обострять кризис; таким наступающим в решительный момент искусственным повышением спроса на денежные ссуды, т. е. на средства платежа, при одновременном ограничении их предложения, он вздувает во время кризиса уровень процента до неслыханной до того времени высоты; итак, вместо того чтобы устранить кризисы, он их усиливает до такой степени, что должен потерпеть крах либо весь

промышленный мир, либо банковый акт. Два раза, 25 октября 1847 г. и 12 ноября [1857 г.] кризис достиг этой высоты; тогда правительство освободило банк от ограничений в выпуске банкнот, приостановив действие акта 1844 г., и оба раза этого было достаточно для того чтобы сломить кризис. В 1847 г. достаточно было уверенности в возможности снова получать банкноты под первоклассное обеспечение, чтобы извлечь на свет и вернуть обращению накопленные запасы банкнот на 4—5 миллионов; в 1857 г. было выпущено без малого 1 миллион банкнотами свыше узаконенной нормы, но лишь на самое короткое время.

Необходимо, кроме того, упомянуть, что законодательство 1844 г. хранит еще следы воспоминания о первых двадцати годах столетия — времени приостановки размена банкнот и обесценения последних. Опасение, что может быть потеряно доверие к банкнотам, проявляется здесь еще очень заметно; совершенно напрасное опасение, так как уже в 1825 г. выпуск найденного старого запаса однофунтовых банкнот, изъятых из обращения, сломил кризис и тем самым доказал, что, даже в то время всеобщего и сильнейшего недоверия, доверие к банкнотам не было поколеблено. И это вполне понятно; ведь фактически за этими знаками стоимости стоит вся нация со всем своим кредитом. — *Ф. Э.*}

Выслушаем теперь несколько показаний о влиянии банкового акта. Дж. Ст. Милль полагает, что банковый акт 1844 г.* сдерживал спекуляцию. Сей мудрый муж по счастливой случайности выступал как раз 12 июня 1857 г. Четыре месяца спустя разразился кризис. Милль буквально поздравляет «банковых директоров и коммерческую публику вообще» с тем, что они «понимают теперь много лучше, чем раньше, природу торгового кризиса и тот очень большой вред, который они причиняют сами себе и публике, поддерживая чрезмерную спекуляцию» (B. C. 1857, № 2031).

Мудрый Милль полагает, что если выпускаются однофунтовые банкноты, «как ссуды фабрикантам и др., выплачивающим заработные платы... то банкноты эти могут попасть в руки других лиц, которые затратят их на цели потребления, и в этом случае банкноты сами по себе создают спрос на товары и могут временно иметь тенденцию содействовать повышению цен». Следовательно, г. Милль допускает, что фабриканты будут выдавать более высокую заработную плату, если они будут расплачиваться бумагой вместо золота? Или же он думает, что если фабрикант получит свою ссуду стофунтовыми банкнотами и разменяет затем последние на золото, то заработная плата образует меньший спрос, чем в том случае, если бы она выдавалась прямо однофунтовыми банкнотами? И разве он не знает, что, напр., в некоторых горных округах заработная плата выдавалась банкнотами местных банков, так что несколько

---

* В изд. 1894 г. напечатано — 1847 г. *Ред.*

рабочих получали вместе одну пятифунтовую банкноту? Увеличивает это их спрос? Или, быть может, мелкими банкнотами банкиры легче дадут капиталистам ссуду и на бо́льшую сумму, чем крупными?

{Этот необычайный страх Милля перед однофунтовыми банкнотами был бы совершенно необъясним, если бы вся его работа по политической экономии не обнаруживала эклектизма, не останавливающегося ни перед какими противоречиями. С одной стороны, он во многом согласен с Туком против Оверстона, с другой стороны, верит в то, что товарные цены определяются количеством имеющихся денег. Следовательно, он отнюдь не убежден, что вместо каждой выпущенной банкноты — при прочих равных условиях — в запас банка поступает один соверен; он опасается, что масса средств обращения может увеличиться и вследствие этого обесцениться, т. е. поднять товарные цены. Только это скрывается за приведенными выше опасениями и ничего больше. — *Ф. Э.*}

О разделении банка на два отделения и чрезмерной заботливости относительно обеспечения размена банкнот Тук высказывается следующим образом перед С. D. 1848/57:

Более крупные колебания уровня процента в 1847 г. по сравнению с 1837 и 1839 гг. вызваны только разделением банка на два отделения (3010). — Обеспеченность банкнот не была затронута ни в 1825, ни в 1837, ни в 1839 гг. (3015). — Спрос на золото в 1825 г. имел целью лишь заполнить пустое место, образовавшееся вследствие полного дискредитирования однофунтовых банкнот провинциальных банков; это пустое место могло быть заполнено только золотом, пока Английский банк не выпустил, в свою очередь, однофунтовые банкноты (3022). — В ноябре и декабре 1825 г. не наблюдалось ни малейшего спроса на золото для вывоза (3023).

«Что касается дискредитирования банка внутри страны и за границей, то приостановка выдачи дивидендов и вкладов имела бы гораздо более тяжелые последствия, чем приостановка размена банкнот (3028)».

«3035. Не сказали ли бы вы, что каждое обстоятельство, угрожающее в последнем счете разменности банкнот, могло бы в момент коммерческого угнетения создать новые и серьезные затруднения? — Отнюдь нет».

В течение 1847 г. «увеличенный выпуск банкнот, быть может, способствовал бы обратному наполнению золотого запаса банка, как это имело место в 1825 г.» (3058).

Перед В. А. 1857 Ньюмарч говорит: «1357. Первое дурное последствие... этого разъединения двух отделений (банка) и неизбежно вытекающего отсюда разделения золотого запаса состояло в том, что банковые операции Английского банка, т. е. вся та отрасль его операций, которая приводит его в непосредственную связь с торговлей страны, могли вестись лишь с половинной суммой прежнего

запаса. Вследствие этого разделения запаса получилось такое положение вещей, что при малейшем уменьшении резерва банкового отдела банк вынужден был повышать норму учетного процента. Такое уменьшение резерва вызвало поэтому ряд скачкообразных изменений в норме учетного процента. — 1358. Таких изменений с 1844 г.» {до июня 1857} «было около 60, тогда как до 1844 г. за такой же период времени они едва ли составили дюжину».

Особенно интересны показания перед С. D. комиссией лордов (1848/57) Пальмера, бывшего с 1811 г. директором и в течение некоторого времени управляющим Английского банка:

«828. В декабре 1825 г. в банке оставалось золота всего на 1 100 000 ф. ст. Он, несомненно, потерпел бы полное банкротство, если бы этот акт {1844 г.} существовал в то время. В декабре банк выпустил, как я думаю, на 5 или 6 миллионов банкнот в одну неделю, и это значительно смягчило тогдашнюю панику.

«825. Первый момент {с 1 июля 1825 г.}, когда современное банковое законодательство потерпело бы крах, если бы банк попытался довести до конца раз начатые операции, имел место 28 февраля 1837 г.; банк тогда имел от 3 900 000 до 4 млн. ф. ст., и он сохранил бы всего 650 000 ф. ст. в своем резерве. Другой такой период был в 1839 г. и продолжался с 9 июля до 5 декабря. — 826. Каковы были размеры резерва в этом случае? На 5 сентября резерв состоял из дефицита на сумму 200 000 ф. ст. (the reserve was minus altogether 200 000 ф. ст.). 5 ноября он возрос приблизительно до 1—$1^1/_2$ млн.— 830. Акт 1844 г. воспрепятствовал бы банку в 1837 г. оказать поддержку торговле с Америкой. — 831. Три главнейших американских фирмы обанкротились. Почти все фирмы, ведущие дела с Америкой, лишились кредита, и если бы в то время банк не пришел им на помощь, то я не думаю, что устояло бы более одной или двух фирм. — 836. Стесненное состояние в 1837 г. нельзя сравнивать со стеснением 1847 г. Действие первого ограничивалось почти исключительно американскими операциями». — 838. (В начале июня 1837 г. в дирекции банка дискутировался вопрос, какими мерами облегчить стеснение.) «Некоторые защищали то мнение... что наиболее правильным принципом было бы повысить процентную ставку, вследствие чего упали бы товарные цены, словом, удорожить деньги и удешевить товары, что и дало бы возможность выполнить заграничные платежи (by which the foreign payment would be accomplished). — 906. Введение искусственного ограничения полномочий банка актом 1844 г. вместо старой и естественной границы его полномочий, а именно действительных размеров его металлического запаса, создает искусственное затруднение в ходе дел и тем самым оказывает такое влияние на товарные цены, которого можно было бы избегнуть без этого акта. — 968. При действии акта 1844 г. нельзя при обычных условиях понизить металлический запас банка значительно ниже $9^1/_2$ млн. Это оказало бы давление на цены и кре-

дит, которое вызвало бы такое изменение заграничных вексельных курсов, что ввоз золота возрос бы и увеличил сумму золота в эмиссионном отделении. — 996. При теперешнем ограничении вы» {банк} «лишены той возможности управлять движением серебра, которая необходима в моменты, когда серебро требуется для воздействия на заграничный курс. — 999. Какова была цель предписания, ограничившего серебряный запас банка $^1/_5$ общей суммы его металлического запаса? — На этот вопрос я не могу ответить».

Цель была удорожить деньги; та же самая цель, которая, независимо от теории currency, преследовалась при разделении банка на два отделения и при установлении для шотландских и ирландских банков обязательства держать в резерве золото для покрытия банкнот, выпускаемых свыше известной нормы. Таким образом возникла децентрализация национального металлического запаса, которая ослабила его способность исправлять неблагоприятный вексельный курс. К повышению процента направлены все следующие постановления: Английский банк имеет право выпускать банкноты на сумму бо̀льшую, чем 14 млн. ф. ст., не иначе, как при покрытии их золотым запасом; банковый отдел должен управляться, как обычный банк, понижая процентную ставку в периоды избытка денег, вздувая ее в периоды угнетения; ограничение серебряного запаса, главного средства для регулирования вексельного курса с континентом и Азией; предписания относительно шотландских и ирландских банков, которым никогда не нужно денег для экспорта и которые теперь должны хранить их в запасе под предлогом обеспечения в действительности совершенно иллюзорного размена банкнот. Факт тот, что акт 1844 г. впервые вызвал в 1857 г. массовый натиск на шотландские банки с требованием золота. Новое банковое законодательство не делает также никакого различия между отливом золота за границу и внутрь страны, хотя, само собою разумеется, последствия того и другого совершенно различны. Отсюда постоянные сильные колебания рыночной нормы процента. Два раза, в ответ на вопросы 992 и 994, Пальмер говорит, что Английский банк может покупать на банкноты серебро лишь в том случае, если вексельный курс благоприятен для Англии и, следовательно, серебро излишне; потому что: «1003. Единственная цель, из-за которой можно держать значительную часть металлического запаса в серебре, состоит в стремлении облегчить заграничные платежи в периоды, когда вексельный курс неблагоприятен для Англии. — 1004. Серебро есть товар, который, являясь деньгами для всего остального мира, оказывается наиболее подходящим товаром... для этой цели» {заграничных платежей}. «Лишь Соединенные Штаты за последнее время брали только золото».

По его мнению, в периоды угнетения Английскому банку не было надобности повышать процентную ставку выше старой нормы в 5%, пока неблагоприятный вексельный курс не отвлекает золото

за границу. Если бы не было акта 1844 г., то банк мог бы без всякого затруднения учесть все первоклассные векселя (first class bills), которые были ему предложены {1018—1020}. Но при акте 1844 г. и при том положении, в котором находился банк в октябре 1847 г., «не было такого процента, которого банк потребовал бы от кредитоспособных фирм и который они не готовы были бы уплатить, чтобы не прекращать платежей». А эта высокая процентная ставка составляла как раз цель акта.

«1029. Я считаю необходимым строго различать влияние процентной ставки на заграничный спрос {на благородные металлы} и повышение процента с целью предотвратить натиск на банк в период недостатка в кредите внутри страны. — 1023. До акта 1844 г., когда курсы были благоприятны для Англии, а в стране царствовало беспокойство и даже положительная паника, не было поставлено никакой границы для выпуска банкнот, который один только мог облегчить это стесненное состояние».

Так высказывается человек, который целые 39 лет сидел в дирекции Английского банка. Послушаем теперь частного банкира Туэлса, который с 1801 г. участвовал в фирме Спунер, Атвуд и К°. Это единственный из всех свидетелей, опрошенных В. С. 1857 г., который дает возможность бросить взгляд на действительное состояние страны и который видит приближающийся кризис. В остальном он представляет разновидность бирмингамского сторонника little shilling [уменьшенного шиллинга], подобно своим компаньонам, братьям Атвудам, которые являются основателями этой школы (см. «Zur Kritik der pol. Oek.» [1859 г.], стр. 59*). Он говорит: «4488. Какое влияние, по вашему мнению, оказал акт 1844 г.? — Если я должен отвечать как банкир, то я скажу, что закон оказал самое превосходное действие, так как банкирам и {денежным} капиталистам всякого рода он доставил богатую жатву. Но он имел очень плохие результаты для честных трудолюбивых представителей делового мира, которые нуждаются в устойчивой норме учета, чтобы с уверенностью вести свои дела... закон сделал ссуду денег в высшей степени прибыльным занятием. — 4489. Он {банковый акт} позволяет лондонским акционерным банкам выплачивать акционерам 20—22%? — Один из них выплатил недавно 18%, а другой, насколько мне известно, 20%; они имеют все основания самым решительным образом защищать акт. — 4490. Мелкие деловые люди и респектабельные купцы, не обладающие крупным капиталом... их он сильно ущемляет... Единственное средство, при помощи которого я могу узнать это, состоит в том, что я вижу поразительную массу их акцептов, остающихся неоплаченными. Эти акцепты всегда малы, приблизительно в 20—100 ф. ст., многие из них не

* См. *К. Маркс:* «К критике политической экономии», Огиз, 1939 г., стр. 51. *Ред.*

оплачиваются и вследствие этого возвращаются назад во все части страны, что всегда служит признаком угнетенного положения среди... мелких торговцев». — 4494. Он заявляет, что в настоящее время коммерция не приносит достаточной прибыли. Следующие его замечания важны потому, что он видел кризис в скрытом состоянии, когда никто из остальных еще не предчувствовал его.

«4494. Цены на Mincing Lane* еще более или менее держатся, но уже ничего не продается, нельзя продать ни за какую цену; цены держатся номинальные».—4495. Он рассказывает один случай: некий француз посылает маклеру на Mincing Lane товары на сумму в 3 000 ф. ст. для продажи по определенной цене. Маклер не может получить назначенной цены, француз не может продать дешевле. Товар остается без движения, но французу нужны деньги. Маклер ссужает ему поэтому 1 000 ф. ст. таким способом, что француз под обеспечение товаров выписывает на маклера вексель на 1 000 ф. ст. сроком на 3 месяца. По истечении 3 месяцев наступает срок платежа, а товары все еще не могут быть проданы. Маклер должен тогда оплатить вексель, и хотя он имел покрытие в 3 000 ф. ст., он не был в состоянии реализовать его и вследствие этого попал в затруднительное положение. Таким образом один увлекает с собою на дно другого. —4496. «Что касается большого вывоза... если дела внутри страны находятся в угнетенном состоянии, то это неизбежно вызывает усиленный вывоз. — 4497. Полагаете ли вы, что потребление внутри страны уменьшилось? — *Очень значительно... чрезвычайно...* мелкие торговцы являются в этом отношении самым надежным авторитетом. — 4498. И все же ввоз очень велик; не указывает ли это на сильное потребление? — Конечно, *если только вы имеете возможность продать;* но многие товарные склады переполнены этими предметами; в том примере, который я только что приводил, товары на 3 000 ф. ст. были импортированы и остались непроданными.

«4514. Если деньги дороги, — не скажете ли вы, что тогда капитал дешев? — Да». — Следовательно, этот человек отнюдь не придерживается мнения Оверстона, что высокий размер процента — то же самое, что дорогой капитал.

Как ведутся теперь дела: 4616... «Другие сильно зарываются, делают с вывозом и ввозом гигантские дела, значительно более крупные, чем позволяет их капитал, — в этом не может быть ни малейшего сомнения. Это может удаться; благодаря какому-либо счастливому случаю они могут нажить большое состояние и со всеми расплатиться. Такова во многих случаях система, по которой в настоящее время ведется значительная часть дел. Такие люди охотно теряют 20, 30 и 40% на одной отправке товара; следующая операция может вернуть им все потерянное. Но если они

* См. примечание к стр. 512 настоящего тома. *Ред.*

терпят неудачу два раза подряд, тогда им конец; и как раз за последнее время мы очень часто наблюдали такие случаи; торговые фирмы банкротились, не оставляя ни одного шиллинга в активе.

«4791. Пониженный уровень процента {за последние 10 лет} во всяком случае неблагоприятен для банкиров, но без предъявления вам торговых книг мне было бы очень трудно объяснить, насколько теперешняя прибыль {его собственная} выше по сравнению с прежним временем. Когда процент низок вследствие чрезмерного выпуска банкнот, мы имеем значительную сумму вкладов; если размер процента высок, это приносит нам прямую прибыль. — 4794. Если деньги можно получить по умеренной процентной ставке, мы имеем большой спрос на них; мы больше ссужаем; таков результат {для нас, банкиров} в этом случае. Если процент повышается, мы получаем за ссуды больше, чем следует по справедливости; мы получаем больше, чем мы должны бы получать».

Мы уже видели, что все компетентные люди считают кредит билетов Английского банка непоколебимым. Несмотря на это, банковый акт для обеспечения их размена абсолютно закрепляет от 9 до 10 млн. золотом. Святость и неприкосновенность этого сокровища осуществляется совершенно иначе, чем у собирателей сокровищ прежнего времени. В. Браун (Ливерпуль) показывает перед С. D. 1847/58, «2311. Что касается той пользы, которую эти деньги» {металлический запас эмиссионного отделения} «приносят тогда, то с таким же успехом можно было бы бросить их в море; ведь даже ничтожнейшей части их нельзя было пускать в дело, не нарушая парламентского акта».

Предприниматель строительной промышленности Э. Кэппс, уже цитированный нами выше, тот самый, из показаний которого заимствовано описание современной лондонской строительной системы (кн. II, гл. XII), следующим образом резюмирует свое мнение о банковом акте 1844 г. {В. А. 1857} «5508. Следовательно, в общем вы того мнения, что современная система {банкового законодательства} является очень ловким приспособлением для того чтобы перекладывать периодически в кошелек ростовщиков прибыли промышленности? — Да, таково мое мнение. Я знаю, что в строительном деле влияние было таково».

Как уже было упомянуто, шотландские банки банковым актом 1845 г. были вынуждены принять систему, приближающуюся к английской. На них было возложено обязательство иметь золотое покрытие для выпусков банкнот свыше суммы, установленной для каждого банка. Какие последствия это имело, видно из приводимых ниже показаний перед В. С. 1857.

Кэннеди, управляющий одного шотландского банка: «3375. Имелось ли до введения акта 1845 г. в Шотландии что-либо заслуживающее названия золотого обращения? — Ничего подобного. —

3376. А с того времени увеличилось ли количество золота в обращении? — Нисколько; публика не любит золота (the people dislike gold)». — 3450. Приблизительно 900 000 ф. ст. золотом, которые шотландские банки должны держать в запасе с 1845 г., по его мнению, приносят лишь вред, так как «бесприбыльно поглощают соответственную часть капитала Шотландии».

Далее идет Андерсон, управляющий Union Bank of Scotland: «3558. Единственный случай сильного спроса на золото, предъявленного Английскому банку со стороны шотландских банков, имел место под влиянием иностранного вексельного курса? — Совершенно верно; и этот спрос не уменьшился оттого, что мы держим золото в Эдинбурге. — 3590. Пока мы имеем ту же самую сумму ценных бумаг в Английском банке {или в частных банках Англии}, у нас остается та же, что и раньше, возможность вызвать отлив золота из Английского банка».

В заключение процитируем еще одну статью (Вильсона) из «Economist»: «Шотландские банки держат свободную наличность у своих лондонских агентов; последние держат ее в Английском банке. Это дает шотландским банкам возможность в пределах этих сумм распоряжаться металлической наличностью Английского банка, и здесь она всегда готова к услугам, когда приходится производить заграничные платежи». Эта система была нарушена актом 1845 г. «В результате шотландского акта 1845 г. за последнее время имел место сильный отлив золотой монеты из Английского банка для удовлетворения в Шотландии спроса, который являлся лишь возможным и, быть может, никогда не наступил бы на самом деле... С этого времени значительная сумма неизменно закреплена в Шотландии, и другая значительная сумма постоянно путешествует туда и обратно между Лондоном и Шотландией. Если наступает время, когда шотландский банкир ожидает повышенного спроса на свои банкноты, то из Лондона посылается ящик с золотом; раз это время миновало, тот же самый ящик, обыкновенно даже не вскрытый, отсылается обратно в Лондон» («Economist», 23 октября 1847 г.).

{Что же говорит по поводу всего этого отец банкового акта, банкир Сэмюэль Джонс Лойд, alias [иначе называемый] лорд Оверстон?

Он уже в 1848 г. повторил перед С. D. комиссией лордов, что «стесненное положение с деньгами и высокая норма процента, вызванные недостатком капитала, не могут быть облегчены путем усиленного выпуска банкнот» (1514), хотя уже одного *разрешения* правительственным указом от 25 октября 1847 г. увеличить выпуск банкнот было достаточно, чтобы сломить острие кризиса [der Krise die Spitze abzubrechen].

Он остается при своем, что «высокая норма процента и подавленное состояние фабричной промышленности являются

неизбежным результатом уменьшения *материального* капитала, применяемого для промышленных и коммерческих целей» (1604). А между тем угнетенное положение фабричной промышленности в течение целого ряда месяцев состояло как раз в том, что материальный товарный капитал в избытке наполнял кладовые, не находя сбыта, и что именно поэтому материальный производительный капитал целиком или наполовину бездействовал, чтобы не производить еще больше товарного капитала, не находящего покупателей.

А перед банковой комиссией 1857 г. он говорил следующее: «Благодаря строгому и быстрому выполнению принципов акта 1844 г. все совершалось регулярно и легко, денежная система прочна и непоколебима, процветание страны неоспоримо, доверие общества к акту 1844 г. с каждым днем усиливается. Если комиссия желает дальнейших практических доказательств здравости принципов, на которых покоится этот акт, и тех благодетельных последствий, которые он обеспечивает, то верный и достаточный ответ таков: взгляните вокруг себя; посмотрите на теперешнее положение дел в нашей стране; посмотрите на довольство народа; посмотрите на богатство и процветание всех классов общества, — и после всего этого комиссия будет в состоянии решить, должна ли она воспрепятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие успехи» (B. C. 1857, № 4189).

На этот дифирамб, который Оверстон пропел перед комиссией 14 июля, ответила 12 ноября того же года антистрофа в виде письма к дирекции банка, которым правительство приостанавливало действие чудотворного закона 1844 г., дабы спасти то, что еще можно было спасти. — *Ф. Э.*}

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

БЛАГОРОДНЫЙ МЕТАЛЛ И ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС.

I. ДВИЖЕНИЕ ЗОЛОТОГО ЗАПАСА.

Относительно накопления банкнот в периоды стеснения следует заметить, что здесь повторяется образование сокровищ в благородном металле, которое наблюдалось в тревожные времена на самых ранних стадиях существования общества. Влияние акта 1844 г. представляет интерес потому, что акт этот стремится весь находящийся в стране благородный металл превратить в средства обращения; он хочет отожествить отлив золота с сокращением, прилив золота с расширением количества средств обращения. Применение акта экспериментально доказало обратное. За единственным исключением, о котором мы сейчас упомянем, масса находящихся в обращении банкнот Английского банка после 1844 г. никогда не достигала того максимума, который банк имел право выпускать. И кризис 1857 г. показал, с другой стороны, что при известных условиях этого максимума недостаточно. С 13 по 30 ноября 1857 г. в обращении было банкнот в среднем ежедневно на 488 830 ф. ст. больше этого максимума (B. A. 1858, стр. XI). Законный максимум был тогда 14 475 000 ф. ст. плюс сумма металлического запаса в подвалах банка.

Относительно прилива и отлива благородного металла необходимо заметить следующее:

Во-первых, надо различать, с одной стороны, передвижение металла взад и вперед в пределах области, не производящей золота и серебра, а с другой стороны, поток золота и серебра от источников их производства через различные другие страны и распределение этого добавочного металла между этими странами.

С начала текущего века — до тех пор, пока не оказали свое влияние русские, калифорнийские и австралийские золотые прииски, — привоза хватало лишь для возмещения снашивающейся монеты, для обычного употребления в качестве материала для предметов роскоши и для вывоза серебра в Азию.

Однако с того времени вместе с ростом азиатской торговли Америки и Европы чрезвычайно возрос, во-первых, вывоз серебра в Азию. Серебро, вывезенное из Европы, в значительной своей части замещалось добавочным золотом. Далее, часть вновь приливающего

золота поглощалась внутренним денежным обращением. Считают, что до 1857 г. приблизительно 30 млн. добавочного золота вступило во внутреннее обращение Англии [14]. Затем, после 1844 г. средний уровень металлических запасов во всех центральных банках Европы и Северной Америки повысился. В то же время рост внутреннего денежного обращения привел к тому, что по миновании паники, в следующий за нею период затишья, банковый запас стал возрастать быстрее, так как увеличилась масса золотой монеты, вытолкнутой внутренним обращением и иммобилизованной. Наконец, после того как были открыты новые месторождения золота, поднялось потребление благородного металла для предметов роскоши вследствие возросшего богатства.

Во-вторых, между странами, не производящими золота и серебра, благородный металл всегда циркулирует туда и обратно; одна и та же страна непрерывно ввозит золото и столь же непрерывно вывозит его. И лишь перевес движения в ту или другую сторону решает, в конечном счете, имеет ли место прилив или отлив, так как чисто колебательные и зачастую параллельные движения по большей части взаимно нейтрализуются. Но именно вследствие этого, когда обращают внимание на конечный результат, упускают из виду непрерывность и в общем параллельный ход обоих движений. Дело воспринимается всегда таким образом, как будто избыточный ввоз или избыточный вывоз благородного металла есть лишь результат и выражение соотношения между ввозом и вывозом товаров, тогда как он в то же время выражает соотношение между независимым от товарной торговли ввозом и вывозом самого благородного металла.

В-третьих, преобладание ввоза над вывозом, и наоборот, измеряется в общем увеличением или уменьшением металлического запаса центральных банков. Бóльшая или меньшая точность этого мерила зависит, конечно, прежде всего от того, насколько банковое дело вообще централизовано. Ибо от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так называемом национальном

---

[14] Как подействовало это на денежный рынок, видно из следующего показания Ньюмарча: «1509. К концу 1853 г. публика была охвачена серьезными опасениями; в сентябре Английский банк трижды, раз за разом, повышал учетный процент... в первых числах октября... обнаружились значительное беспокойство и паника среди публики. Эти опасения и это беспокойство были большей частью устранены к концу ноября и почти совершенно исчезли с прибытием 5 млн. благородного металла из Австралии. То же самое повторилось осенью 1854 г., когда — в октябре и ноябре — прибыли почти 6 млн. благородного металла. То же самое повторилось в осень 1855 г., — как известно период возбуждения и беспокойства, — благодаря прибытию в течение сентября, октября и ноября около 8 млн. благородного металла. В конце 1856 г. мы видим опять то же самое. Одним словом, я вполне мог бы сослаться на опыт почти каждого члена комиссии в подтверждение того, что мы привыкли при каждом финансовом затруднении видеть естественное и решительное спасение в прибытии корабля с золотом».

банке, представляет вообще национальный запас металла. Но если даже это и так, указанное мерило все же не точно, так как при известных условиях добавочный ввоз всасывается внутренним обращением и растущим применением золота или серебра для изготовления предметов роскоши и так как, кроме того, без добавочного ввоза золото может извлекаться внутренним обращением и, следовательно, металлический запас может уменьшаться без одновременного увеличения вывоза.

В-четвертых, вывоз металла принимает форму отлива (drain), если движение в сторону уменьшения продолжается долгое время, так что уменьшение становится общей тенденцией движения и металлический запас банка падает значительно ниже среднего уровня, пока не достигнет своего среднего минимума. Этот последний устанавливается более или менее произвольно, поскольку законодательство, определяющее размер покрытия для размена банкнот и т. п. в различных случаях оказывается различным. Относительно количественных границ, которых такой отлив может достигнуть в Англии, Ньюмарч говорит перед B. A. 1857, показание № 1494: «Если судить на основании опыта, то представляется в высшей степени неправдоподобным, чтобы отлив металла, вследствие какого-либо колебания в делах с заграницей мог превысить 3 или 4 млн. ф. ст.». В 1847 г. наиболее низкий уровень золотого запаса в Английском банке, имевший место 23 октября, показывает по сравнению с 26 декабря 1846 г. уменьшение на 5 198 156 ф. ст., а по сравнению с наивысшим уровнем в 1846 г. (29 августа) уменьшение на 6 453 748 ф. ст.

В-пятых, металлический резерв т. н. национального банка имеет троякое назначение; причем назначение резерва отнюдь не является единственным регулятором его величины, ибо он может возрастать вследствие простой задержки в делах внутри или вне страны. Это троякое назначение таково: 1) Резервный фонд для международных платежей, короче, резервный фонд мировых денег. 2) Резервный фонд для внутреннего металлического обращения, попеременно расширяющегося и сокращающегося. 3) Резервный фонд для платежей по вкладам и для размена банкнот, что связано с функцией банка и никакого отношения не имеет к функции денег как таковых. Металлический запас может поэтому затрагиваться теми условиями, которые касаются каждой из этих трех функций; следовательно, он может быть затронут: как международный фонд — платежным балансом, какими бы причинами ни определялся этот последний и каково бы ни было его отношение к торговому балансу; как резервный фонд внутреннего металлического обращения — расширением или сокращением этого последнего. Третья функция, функция фонда обеспечения, не обусловливает, правда, самостоятельного движения металлического запаса, но влияет двояко. Если выпускаются банкноты, замещающие во внутреннем обращении

металлические деньги (следовательно, также и серебряную монету в странах, где серебро является мерилом стоимости), то отпадает функция резервного фонда, отмеченная в пункте 2. И часть благородного металла, служившая для этой цели, будет надолго уходить за границу. В этом случае металлические деньги не извлекаются из банка для целей внутреннего обращения и вместе с тем отпадает необходимость периодически усиливать металлический запас, иммобилизуя часть превращенного в монету и обращающегося металла. Далее, если необходимо при всяких обстоятельствах удерживать в запасе известный минимум для уплаты по вкладам и размена банкнот, то это особенным образом сказывается на последствиях прилива и отлива золота; это влияет на ту часть запаса, которую банк обязан удерживать при всяких обстоятельствах, или на ту его часть, от которой он в другое время стремился бы освободиться как от бесполезной. При чисто металлическом обращении и концентрации банкового дела банк также должен был бы рассматривать свой металлический запас как гарантию для уплаты по своим вкладам, и при отливе золота могла бы наступить паника, подобная той, какая была в 1857 г. в Гамбурге.

В-шестых, за исключением разве только 1837 г., действительный кризис всегда разражался уже после поворота вексельного курса, т. е. в тот момент, когда ввоз благородного металла снова приобретал преобладание над вывозом.

В 1825 г. наступил настоящий крах после того, как прекратился отлив золота. В 1839 г. отлив золота имел место, не приведя к краху. В 1847 г. отлив золота прекратился в апреле, а крах наступил в октябре. В 1857 г. отлив золота за границу прекратился с начала ноября, и лишь позднее, в ноябре, наступил крах.

Особенно отчетливо выступает это в кризисе 1847 г., когда отлив золота прекратился уже в апреле, вызвав сравнительно легкий предварительный кризис [Vorkrise], а затем лишь в октябре разразился промышленный кризис [Geschäftskrise] в собственном смысле слова.

Приводимые ниже показания были даны перед Secret Committee of the House of Lords on Commercial Distress [Секретной комиссией палаты лордов по вопросу о торговом кризисе] 1848; показания свидетелей (evidence) были отпечатаны только в 1857 г. (мы их цитировали также под обозначением С. D. 1848/57).

Показания Тука. В апреле 1847 г. возникло угнетение, которое, строго говоря, было равносильно панике, но продолжалось сравнительно короткое время и не сопровождалось сколько-нибудь значительными коммерческими банкротствами. В октябре стеснение было гораздо интенсивнее, чем в какой-либо момент апреля, причем имело место почти неслыханное количество банкротств (2196). — В апреле вексельный курс — в особенности с Америкой — принудил нас экспортировать значительное коли-

чество золота для оплаты чрезвычайно большого импорта; только путем крайне сильного напряжения банк приостановил отлив золота и добился повышения курса (2197).—В октябре вексельный курс был благоприятен Англии (2198). — Поворот вексельного курса начался на третьей неделе апреля (3000). — Он колебался в июле и августе; с начала августа он все время был благоприятен для Англии (3001). — Отлив золота в августе возник благодаря спросу для внутреннего обращения.

Дж. Моррис, управляющий Английским банком: Хотя с августа 1847 г. вексельный курс сделался благоприятным для Англии и вследствие этого имел место ввоз золота, тем не менее металлический запас банка уменьшился. «2 200 000 ф. ст. золотом ушли из банка в страну вследствие внутреннего спроса» (137). — Это объясняется, с одной стороны, увеличением числа занятых рабочих на железнодорожных постройках, с другой стороны, «желанием банкиров в период кризиса иметь собственный запас золота» (147).

Пальмер, бывший управляющий и с 1811 г. директор Английского банка: «684. За весь период с половины апреля 1847 г. до дня приостановки банкового акта 1844 г. вексельные курсы были благоприятны для Англии».

Следовательно, отлив металла в апреле 1847 г., вызвавший самостоятельную денежную панику, был здесь, как и везде, лишь предтечей кризиса и успел уже смениться обратным движением раньше, чем разразился этот последний. В 1839 г. при сильной подавленности в делах имел место значительный отлив металла для уплаты за хлеб и т. п. — однако без кризиса и денежной паники.

В-седьмых, как только всеобщие кризисы заканчиваются, золото и серебро — оставляя в стороне прилив нового благородного металла из стран его производства — распределяются снова в тех соотношениях, в которых они существовали как особое сокровище различных стран в состоянии их равновесия. При прочих равных условиях относительная величина сокровища каждой страны определяется ее ролью на мировом рынке. Из страны, которая имела часть благородных металлов больше нормальной, они отливают в другие страны; эти движения прилива и отлива лишь восстанавливают первоначальное распределение между сокровищами различных наций. Однако такое перераспределение осуществляется посредством влияния различных обстоятельств, которые будут упомянуты при рассмотрении вексельных курсов. Как только нормальное распределение снова восстановлено, то, начиная с этого момента, наступает сначала рост, затем новый отлив. {Это последнее положение, само собою разумеется, относится только к Англии как центру мирового денежного рынка. — *Ф. Э.*}

В-восьмых, отливы металла являются по большей части симптомами перемены в положении внешней торговли, а эта перемена есть, в свою очередь, предвестник того, что общее положение дел снова созревает для кризиса[15].

В-девятых, платежный баланс может быть благоприятен Азии и неблагоприятен Европе и Америке[16].

Ввоз благородного металла имеет место преимущественно в два периода. С одной стороны, в первой фазе низкого уровня процента, которая следует за кризисом и выражает собою сокращение производства; и затем во второй фазе, когда уровень процента повышается, но еще не достигает своей средней высоты. Это та фаза, когда обратный приток капиталов совершается легко, коммерческий кредит обилен и потому спрос на ссудный капитал возрастает медленнее, чем расширяется производство. В обеих фазах, при сравнительном обилии ссудного капитала, избыточный приток капитала в форме золота и серебра, т. е. в такой форме, в которой он непосредственно может функционировать только как ссудный капитал, должен оказывать влияние на уровень процента, а тем самым и на тон всей деловой жизни.

С другой стороны, отлив, непрерывный сильный вывоз благородного металла наступает, когда обратный приток капитала уже затруднен, рынки переполнены и мнимое процветание поддерживается только кредитом; когда, следовательно, уже существует очень усиленный спрос на ссудный капитал и потому уровень процента достигает по меньшей мере своей средней высоты. При этих условиях, отражающихся именно в отливе благородного металла, значительно усиливается влияние непрерывного ухода капитала в такой форме, в какой он непосредственно существует как ссужаемый денежный капитал. Это должно оказывать прямое влияние на уровень процента. Но вместо того чтобы ограничивать кредит-

[15] По Ньюмарчу, отлив золота за границу может вызываться троякого рода обстоятельствами, а именно: 1) причинами чисто коммерческого характера, т. е. вследствие превышения ввоза над вывозом, как это было между 1836 и 1844 гг. и затем снова в 1847 г. главным образом вследствие большого ввоза хлеба; 2) необходимостью создать средства для вложения английского капитала за границей, как, напр., в 1857 г. для железных дорог в Индии; и 3) окончательным расходованием капитала за границей, как, напр., в 1853 и 1854 гг. для военных целей на Востоке.

[16] 1918. Ньюмарч. «Если вы возьмете Индию и Китай вместе, если вы примете во внимание обороты между Индией и Австралией и еще более важные обороты между Китаем и Соединенными Штатами, — а в этих случаях торговые дела являются трехсторонними и окончательные расчеты совершаются при нашем посредничестве... — тогда окажется правильным, что торговый баланс был не только против Англии, но также против Франции и Соединенных Штатов». — (B. A. 1857.)

ные операции, повышение уровня процента расширяет их и приводит к перенапряжению всех их вспомогательных средств. Вследствие этого такой период предшествует краху.

Ньюмарчу ставят вопрос (B. A. 1857): «1520. Итак, количество обращающихся векселей повышается вместе с уровнем процента? — Повидимому, да. 1522. В спокойные, обычные времена главная книга есть действительное орудие обмена; но когда наступают затруднения, когда, напр., при обстоятельствах, указанных мною, поднимается норма банкового учета... тогда операции сами собою сводятся к выписыванию векселей; векселя эти не только более пригодны для того чтобы служить законным доказательством заключенной сделки; они удобнее также для совершения дальнейших закупок и прежде всего применимы как орудие кредита для получения капитала». — К этому присоединяется еще то обстоятельство, что раз банк при сколько-нибудь угрожающих условиях поднимает норму своего учета — благодаря чему в то же время становится вероятным, что банк ограничит сроки учитываемых им векселей, — наступает всеобщее опасение, что это будет итти crescendo [будет все более усиливаться]. Каждый, и прежде всего рыцарь кредита, стремится поэтому учесть будущее [die Zukunft zu diskontieren] и получить в данный момент в свое распоряжение столько средств кредита, сколько возможно. Таким образом из указанных выше причин вытекает, что одно только количество как ввезенного, так и вывезенного благородного металла оказывает влияние не само по себе; но что, с одной стороны, оно оказывает свое влияние благодаря специфическому характеру благородного металла как капитала в денежной форме, а с другой стороны, оно влияет, как перышко, которое, будучи прибавлено к нагрузке весов, оказывается достаточным, чтобы окончательно склонить на одну сторону колеблющиеся весы; оно влияет благодаря тому, что наступает при условиях, когда всякое прибавление в ту или другую сторону имеет решающее значение. Без этих причин было бы совершенно непонятно, каким образом может оказать сколько-нибудь заметное влияние отлив золота, скажем, на сумму в 5—8 млн. ф. ст., а, как показывает опыт, эта граница до сих пор не переступалась; это ничтожное увеличение или уменьшение капитала, совершенно незначительное даже по сравнению с 70 млн. золота, циркулирующими в среднем в Англии, является, конечно, исчезающе малой величиной при размерах производства подобных английским[17]. Но

[17] См., напр., комичный ответ Вегелина, который говорит, что отлив 5 млн. золота означает уменьшение капитала на ту же сумму, и старается объяснить этим такие явления, которые *не* наступают при бесконечно более крупном повышении цен или обесценении, расширении или сокращении действительного промышленного капитала. Не менее комичной является, с другой стороны, попытка объяснить эти явления как непосредственные симптомы расширения или сокращения массы реального капитала (рассматриваемого со стороны его вещественных элементов).

именно развитие кредитной и банковой системы, которая, с одной стороны, стремится поставить весь денежный капитал на службу производства (или, что сводится к тому же, стремится превратить всякий денежный доход в капитал) и, с другой стороны, на известной фазе цикла сводит металлический запас к такому минимуму, что он уже не в состоянии выполнять выпадающие на его долю функции, — именно эта развитая кредитная и банковая система и создает чрезмерную чувствительность всего организма. На более низкой ступени развития производства увеличение или уменьшение сокровища по сравнению с его средней величиной — явление сравнительно безразличное. Равным образом даже очень значительный отлив золота оказывает сравнительно ничтожное влияние, раз он имеет место не в критический период промышленного цикла.

При данном выше объяснении мы отвлеклись от тех случаев, когда отлив металла наступает вследствие неурожая и т. д. Здесь крупное и внезапное нарушение равновесия производства, выражением которого является отлив золота, не нуждается в дальнейшем объяснении своих последствий. Последствия эти тем значительнее, чем ближе момент такого нарушения совпадает с периодом, когда производство работает под высоким давлением.

Мы отвлеклись, кроме того, от функции металлической наличности как гарантии размена банкнот и оси всей кредитной системы. Центральный банк есть ось кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь ось банка[18]. Превращение кредитной системы в монетарную систему неизбежно, как это уже было указано в кн. I, гл. III при исследовании средства платежа. И Тук и Лойд-Оверстон одинаково признают необходимость величайших жертв реальным богатством для того чтобы в критический момент удержать металлический базис. Спор вращается лишь около некоторого плюса или минуса, около более или менее рационального образа действия по отношению к этой неизбежности[19]. Некоторое, по сравнению со всем производством, незначительное количество металла признается краеугольным камнем всей системы. Не говоря

[18] Ньюмарч (B. A. 1857): «1364. Металлический запас Английского банка есть в действительности... центральный запас, или центральное металлическое сокровище, на основе которого ведутся все предприятия страны. Это, так сказать, ось, вокруг которой вращается вся деловая жизнь страны; все другие банки в стране рассматривают Английский банк как центральное сокровище, или резервуар, из которого им приходится черпать свои запасы звонкой монеты, и влияние заграничного вексельного курса отражается всегда как раз на этом сокровище и этом резервуаре».

[19] «Таким образом практически оба они, и Тук и Лойд, для устранения чрезмерного спроса на золото, прибегли бы к своевременному ограничению кредита при помощи повышения процентной ставки и уменьшения ссуд капитала. Только Лойд создает своими иллюзиями тяжелые и даже опасные {законодательные} ограничения и предписания» («Economist», 1847, стр. 1418).

уже об ужасающем проявлении во время кризисов этого его характера «оси», отсюда вытекает очень милый теоретический дуализм. Пока просвещенная экономия по-ученому [ex professo] толкует «о капитале», она с величайшим презрением взирает на золото и серебро как на форму капитала, фактически в высшей степени безразличную и бесполезную. Как только она начинает говорить о банковом деле, все это совершенно изменяется, и золото с серебром становятся капиталом par excellence [по преимуществу], для удержания которого следует жертвовать всеми другими видами капитала и труда. Чем же отличается золото и серебро от других форм [Gestalten] богатства? Не величиной стоимости, так как эта последняя определяется количеством овеществленного в них труда. Они отличаются лишь как самостоятельное воплощение, как выражение *общественного* характера богатства. {Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно проявляется как общественное богатство лишь благодаря тому, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собою качественно различными потребительными стоимостями. В капиталистическом производстве они могут это делать лишь при посредстве денег. Таким образом лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи воплощена общественная природа этого богатства. — *Ф. Э.*} Следовательно, это его общественное бытие проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их. Пока производство идет бесперебойно, это забывается. Кредит, также общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства является причиной того, что денежная форма продуктов кажется чем-то мимолетным и идеальным, простым представлением. Но как только кредит потрясен, — а эта фаза неизбежно наступает в цикле современной промышленности, — все реальное богатство должно вдруг быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро, — требование безумное, однако, неизбежно вырастающее из самой системы. Между тем все золото и серебро, долженствующие удовлетворить эти чудовищные притязания, составляют сумму лишь в несколько миллионов, хранящихся в подвалах банка[20]. Таким образом в действии отлива золота,

[20] «Вы совершенно согласны с тем, что для изменения спроса на золото не существует иного пути, кроме повышения процентной ставки? — Чэпмэн {участник большой билльброкерской фирмы Оверенд, Гарней и К°}: Да, таков мой взгляд. Если запас нашего золота падает до известного пункта, то мы лучше всего сделаем, если тотчас же ударим в набат и заявим: мы идем под гору, и если кто-нибудь хочет посылать золото за границу, пусть делает это на свой собственный риск». — B. A. 1857. Показание № 5057.

с особенной резкостью обнаруживается, что производство не подчинено в действительности общественному контролю как общественное производство, — обнаруживается в той форме, что общественная форма богатства существует независимо от него самого как *вещь* вне его. Для капиталистической системы это в действительности составляет нечто общее с более ранними системами производства, поскольку последние покоились на товарной торговле и частном обмене. Однако лишь при капиталистической системе это проявляется наиболее резко и притом в самой уродливой форме абсурдного противоречия и бессмыслицы, так как 1) в капиталистической системе всего полнее снято производство для непосредственной потребительной стоимости, производство для потребления самого производителя и, следовательно, богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся как сплетение производства и обращения; 2) так как с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится уничтожить эту металлическую границу — эту одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения, — но все снова и снова разбивает себе голову об эту границу.

Во время кризиса возникает требование, чтобы все векселя, ценные бумаги, товары могли быть сразу превращены в банковые деньги, а все банковые деньги, в свою очередь, в золото.

II. ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС.

{Барометром интернационального движения денежного металла является, как известно, вексельный курс. Если Англия должна уплатить Германии больше, чем Германия Англии, то в Лондоне повышается цена марки, выраженная в стерлингах, а в Гамбурге и Берлине понижается цена фунта стерлингов, выраженная в марках. Если этот перевес платежных обязательств Англии на Германию не уравнивается снова при помощи, напр., преобладания закупок Германии в Англии, то выраженная в стерлингах цена векселей, выписанных в марках на Германию, должна повышаться до тех пор, пока не окажется выгодным послать из Англии в Германию вместо векселей металл — золотые деньги или слитки. Таков типичный ход дела.

Если этот вывоз благородного металла примет более значительные размеры и будет долго продолжаться, то это отразится на банковом запасе Англии, и английский денежный рынок, в первую очередь Английский банк, должен будет принять меры защиты. Последние, как мы уже видели, состоят главным образом в повышении процентной ставки. При значительном отливе золота на денежном рынке наступают обыкновенно затруднения, т. е. спрос на ссудный капитал в денежной форме значительно превышает предложение, и высокий уровень процента вытекает отсюда сам собою;

таким образом норма дисконта, декретированная Английским банком, соответствует положению вещей и осуществляется на рынке. Бывают, однако, случаи, когда отлив металла вызывается иными, а не обычными комбинациями сделок (напр. займами иностранных государств, вложением капитала за границей и т. д.) и когда положение лондонского денежного рынка как такового отнюдь не оправдывает существенного повышения нормы процента; в таком случае Английскому банку приходится сначала путем усиленных займов на «открытом рынке» «сделать деньги редкими», как принято выражаться, и таким образом искусственно создать положение, при котором повышение процента оправдывается или становится необходимым; маневр, который с каждым годом становится для него все затруднительнее. — *Ф. Э.*}

Как влияет повышение уровня процента на вексельный курс, видно из следующих показаний перед комиссией нижней палаты о банковом законодательстве 1857 г. (Цитировано, как В. А. или В. С. 1857.)

Джон Стюарт Милль: «2176. Когда в делах наступают затруднения... происходит значительное падение курса ценных бумаг... иностранцы поручают покупать железнодорожные акции здесь, в Англии, или английские собственники иностранных железнодорожных акций продают их за границей... в соответственных размерах устраняется отправка золота. — 2182. Обширный и богатый класс банкиров и торговцев ценными бумагами, при помощи которых достигается выравнивание нормы процента и давления (pressure) коммерческого барометра между различными странами... всегда высматривают случай закупать ценные бумаги, обещающие повышение цены... Подходящим местом для их закупок окажется всегда страна, посылающая золото за границу. — 2184. Такие вложения капитала в 1847 г. производились в значительном масштабе, достаточном для того чтобы уменьшить отлив золота».

Дж. Г. Хёббард, бывший управляющий и с 1838 г. член дирекции Английского банка: «2545. Имеются значительные массы европейских ценных бумаг... которые обращаются на самых различных европейских денежных рынках и, раз на одном рынке стоимость этих бумаг упала на 1 или 2%, они тотчас же скупаются для отсылки на другие рынки, где стоимость их еще держится. — 2565. Не находятся ли заграничные страны в значительном долгу по отношению к английским купцам? — В очень значительном. — 2566. Следовательно, одно получение этих долгов могло бы в достаточной степени объяснить очень крупное накопление капитала в Англии? — В 1847 г. мы в конце концов восстановили наше положение тем, что ликвидировали столько-то миллионов прежней задолженности Америки и России нашей стране». {Англия в то время также была должна этим странам «столько-то миллионов» за хлеб и не преминула, в свою очередь, бóльшую часть их «ликвидировать»

при помощи банкротств английских должников. См. выше отчет 1857 г. о банковом акте, в главе XXX, стр. 31*.} — «2572. В 1847 г. курс между Англией и Петербургом стоял очень высоко. Когда было издано правительственное распоряжение, давшее банку право выпускать банкноты {без покрытия золотым запасом} сверх узаконенного предела в 14 млн., было поставлено условием, чтобы учетная ставка удерживалась на 8 процентах. В такой момент и при такой учетной ставке было выгодно затребовать золото из Петербурга в Лондон и по его прибытии ссужать его из 8% до истечения срока трехмесячных векселей, которые выписывались за проданное золото. — 2573. При всяких операциях с золотом необходимо принимать во внимание различные моменты. Дело зависит от вексельного курса и от процента, из которого можно поместить деньги до истечения срока векселя {выписанного за золото}».

ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС С АЗИЕЙ.

Следующие моменты важны, так как, с одной стороны, они показывают, каким образом Англия при неблагоприятном вексельном курсе с Азией должна вознаграждать себя за счет других стран, ввоз которых из Азии оплачивается при посредстве Англии. С другой стороны, так как г. Вильсон опять делает здесь глупую попытку отожествить влияние вывоза благородного металла на вексельный курс с влиянием, оказываемым на вексельный курс вывозом капитала вообще, — причем в обоих случаях дело идет о вывозе не в качестве платежного или покупательного средства, а с целью помещения капитала. Прежде всего само собою понятно, что, если в Индию с целью вложения в железнодорожное строительство посылается столько-то миллионов фунтов стерлингов в виде ли благородного металла или в виде железных рельсов, — и то и другое представляет лишь различные формы перенесения той же самой суммы капитала из одной страны в другую; а именно, мы имеем здесь такое перенесение капитала, которое не входит в счет обычных торговых сделок и за которое экспортирующая страна не может ожидать никакого иного возмещения, кроме имеющего поступать впоследствии годового дохода из выручки этих железных дорог. Если такой экспорт совершается в форме благородного металла, то именно потому, что это благородный металл, следовательно, непосредственно пригодный для ссуды денежный капитал и базис всей денежной системы, такой экспорт — не обязательно при всяких условиях, но лишь при условиях, указанных выше, — окажет прямое действие на денежный рынок, а значит, и на уровень процента в стране, экспортирующей благородный металл. Столь же непосредственное действие окажет он и на вексельный курс. Бла-

* См. стр. 506—507 настоящего тома. *Ред.*

городный металл пересылается лишь тогда именно и постольку, когда и поскольку недостаточно предлагаемых на лондонском денежном рынке векселей, напр. на Индию, для того чтобы осуществить такие экстраординарные переводы денег. Следовательно, имеет место спрос векселей на Индию, превышающий предложение, и, таким образом, в данный момент курс обращается против Англии не потому, что она в долгу перед Индией, а потому, что она должна послать в Индию экстраординарные суммы. Если такой вывоз благородного металла в Индию продолжается значительное время, то он приводит к увеличению индийского спроса на английские товары, так как косвенно повышает способность Индии потреблять европейские товары. Напротив, если капитал вывозится в форме рельсов и т. д., то это совершенно не может иметь влияния на вексельный курс, так как в этом случае Индии не приходится производить за это никаких возвратных платежей. По той же причине это не должно также оказывать никакого влияния на денежный рынок. Вильсон пытается доказать наличие такого влияния тем, что такие экстраординарные затраты должны вызывать добавочный спрос на денежные ссуды и таким образом воздействовать на уровень процента. Это может случиться; но утверждать, что это должно происходить при всяких обстоятельствах, было бы совершенно неправильно. Куда бы ни были посланы рельсы и где бы они ни были уложены, на английской или на индийской почве, они во всяком случае представляют лишь известное расширение английского производства в известной сфере. Утверждать, что увеличение производства, даже в очень широких пределах, не может совершиться без повышения уровня процента, было бы нелепо. Возможно, что будут возрастать денежные ссуды, т. е. сумма тех сделок, в которые входят кредитные операции; но эти операции могут возрастать при неизменяющемся данном уровне процента. Так действительно и было в Англии в 40-х годах во время железнодорожной мании. Уровень процента не повысился. И совершенно очевидно, что, поскольку речь идет о действительном капитале, т. е. в данном случае о товарах, влияние, оказываемое на денежный рынок, будет совершенно одно и то же, предназначены ли эти товары для заграницы или для внутреннего потребления. Разница получилась бы лишь в том случае, если бы капиталы, вкладываемые Англией за границей, сокращали ее коммерческий экспорт, — экспорт, который должен быть оплачен и который, следовательно, вызывает обратный приток капитала, — или если бы эти затраты капитала уже вообще были симптомом перенапряжения кредита и начала спекулятивных операций.

В дальнейшем вопросы задает Вильсон, отвечает Ньюмарч.

«1786. Вы сказали раньше относительно спроса на серебро для Восточной Азии, что по вашему мнению вексельный курс с Индией благоприятен для Англии, несмотря на то, что в Восточную Азию

непрерывно отсылаются значительные массы металлического запаса; имеете ли вы основания для этого? — Конечно... Я нахожу, что действительная стоимость вывоза Соединенного королевства в Индию в 1851 г. достигла 7 420 000 ф. ст. Сюда следует присоединить сумму векселей India House *, т. е. тех фондов, которые Ост-индская компания переводит из Индии для покрытия своих собственных издержек. Эти тратты составляли в рассматриваемом году 3 200 000 ф. ст., так что в общей стоимости вывоз Соединенного королевства в Индию равнялся 10 620 000 ф. ст. В 1855 г... действительная стоимость товарного экспорта возросла до 10 350 000 ф. ст.; тратты India House составляли 3 700 000 ф. ст.; следовательно, весь вывоз — 14 050 000 ф. ст. Для 1851 г. у нас, как мне кажется, нет возможности установить действительную стоимость ввоза товаров из Индии в Англию; но мы располагаем такими данными для 1854 и 1855 гг. В 1855 г. вся действительная стоимость ввоза товаров из Индии в Англию равнялась 12 670 000 ф. ст., и эта сумма, при сравнении с 14 050 000 ф. ст. вывоза, даст в пользу Англии сальдо от непосредственной торговли между обеими странами в 1 380 000 ф. ст.»

Вильсон замечает на это, что вексельные курсы затрагиваются также и непосредственной торговлей. Так, напр., вывоз из Индии в Австралию и Северную Америку покрывается траттами на Лондон и влияет поэтому на вексельный курс совершенно таким же образом, как если бы товары шли непосредственно из Индии в Англию. Далее, если взять Индию и Китай вместе, то баланс окажется неблагоприятным для Англии, так как Китаю приходится постоянно производить значительные платежи Индии за опиум, а Англии приходится производить платежи Китаю, так что этим обходным путем суммы из Англии идут в Индию (1787, 1788).

1791. Вильсон спрашивает, не будет ли влияние на вексельный курс одинаковым как в том случае, если капитал «вывозится в форме железных рельсов и локомотивов, так и в том случае, если он вывозится в форме металлических денег». Ньюмарч отвечает на это совершенно правильно: 12 млн. ф. ст., посланные за последние годы в Индию для постройки железных дорог, послужили для покупки годовой ренты, которую Индия должна уплачивать в определенные сроки Англии. «Что же касается непосредственного влияния на рынок благородного металла, то затрата этих 12 млн. ф. ст. может оказать его лишь постольку, поскольку металл приходилось вывозить для действительных затрат в виде денег».

1797. {Вегелин спрашивает:} «Если за это железо (рельсы) не получается взамен никаких обратных поступлений, то как можно говорить, что оно влияет на вексельный курс? — Я не думаю, чтобы та часть затрат, которая вывозится в форме товаров, затрагивала

* Правление Ост-индской компании. *Ред.*

состояние вексельного курса... вексельный курс между двумя странами затрагивается — можно сказать, исключительно — количеством обязательств, или векселей, предлагаемых в одной стране, по сравнению с количеством, предлагаемым против этого, в другой стране; такова рациональная теория вексельного курса. Что касается пересылки 12 млн., то эти 12 млн. сначала были подписаны здесь; если бы сделка была такого рода, что все эти 12 млн. были бы вложены звонкой монетой в Калькутте, Бомбее или Мадрасе... то такой внезапный спрос оказал бы потрясающее действие как на цену серебра, так и на вексельный курс — совершенно так же, как если бы Ост-индская компания заявила завтра, что она увеличивает свои тратты с 3 до 12 млн. Но половина этих 12 млн. затрачена... на покупку товаров в Англии... железных рельсов, лесных и других материалов... это — затрата английского капитала в самой Англии на известный сорт товаров, который отправляется в Индию, и этим дело исчерпывается — 1798. {Вегелин:}. Но производство этих необходимых для железных дорог товаров, железа и дерева, вызывает сильное потребление заграничных товаров, а это последнее могло бы затронуть вексельный курс? — Конечно».

Вильсон высказывает мнение, что железо представляет главным образом труд и что заработная плата, уплаченная за этот труд, представляет главным образом импортированные товары (1799), и затем спрашивает:

«1801. Но говоря вообще: если товары, произведенные при посредстве потребления этих импортированных товаров, вывозятся таким образом, что мы не получаем за них никакого возмещения в продуктах ли, или как-либо иначе, — не будет ли это иметь своим последствием неблагоприятный для нас курс? — Это общее положение как раз соответствует тому, что имело место в Англии во время усиленного железнодорожного строительства {1845}. В течение трех, четырех или пяти лет подряд вы вложили в железные дороги 30 млн. ф. ст., и почти вся эта сумма пошла на заработную плату. В продолжение трех лет вы содержали на постройке железных дорог, локомотивов, вагонов и вокзалов больше народа, чем во всех фабричных районах, вместе взятых. Эти люди... тратили свою заработную плату на чай, сахар, спиртные напитки и другие иностранные товары; товары эти приходилось ввозить, и, однако, несомненно, что в течение всего времени, когда производились эти огромные затраты, вексельный курс между Англией и другими странами не потерпел существенных изменений. Отлива благородных металлов не наблюдалось, напротив, скорее имел место прилив их».

1802. Вильсон настаивает на том, что при равновесии торгового баланса и курсе al pari [равном паритету] между Англией и Индией экстраординарный вывоз железа и локомотивов «должен затронуть вексельный курс с Индией». Ньюмарч не видит, почему

это должно быть так, раз экспортируемые рельсы представляют помещение капитала и Индии не приходится оплачивать их в той или другой форме; к этому он добавляет: «Я согласен с тем положением, что ни одна страна не может продолжительное время иметь неблагоприятный вексельный курс со всеми странами, с которыми она ведет торговлю; неблагоприятный вексельный курс с одной страной неизбежно создаст благоприятный курс с другой страной». Этому Вильсон противопоставляет следующую тривиальность: «1803. Но разве перенесение капитала не остается тем же самым независимо от того, совершается ли оно в одной форме или в другой? — Да, конечно, поскольку дело касается долговых обязательств. — 1804. Итак, посылаете ли вы благородный металл или товары, влияние железнодорожного строительства в Индии на здешний рынок капиталов будет одно и то же и повысит стоимость капитала совершенно так же, как если бы вся сумма была вывезена в виде благородного металла?»

Если цены железа не возросли, то это доказывает во всяком случае, что «стоимость» содержащегося в рельсах «капитала» не увеличилась. О чем здесь идет речь, это о стоимости денежного капитала, о процентной ставке. Вильсон хотел бы отожествить денежный капитал и капитал вообще. Факт заключается просто в том, что в Англии было подписано 12 млн. на индийские железные дороги. Это обстоятельство не имеет никакого прямого отношения к вексельному курсу, и для денежного рынка назначение этих 12 млн. опять-таки безразлично. Если денежный рынок находится в благоприятном положении, то это вообще может не оказать никакого влияния, подобно тому как не затронула его подписка на акции английских железных дорог в 1844 и 1845 гг. Если же денежный рынок уже до известной степени стеснен, то это, конечно, могло бы повлиять на уровень процента, но лишь в сторону повышения, а по теории Вильсона это должно было бы сделать курс более благоприятным для Англии, т. е. противодействовать тенденции к вывозу благородного металла, — если не в Индию, то в другие страны. Г-н Вильсон перескакивает от одного к другому. В вопросе 1802 он утверждает, что должен быть затронут вексельный курс; в № 1804, что затрагивается «стоимость капитала», — две совершенно различные вещи. Уровень процента может влиять на вексельный курс и вексельный курс на уровень процента, и тем не менее при изменяющемся курсе уровень процента, а при изменяющемся уровне процента курс может оставаться постоянным. В голове Вильсона не укладывается мысль, что при пересылке капитала за границу самая форма, в которой он пересылается, создает такое различие влияния, т. е. что такое важное значение имеет различие форм капитала и притом как раз денежная его форма, что̀ крайне противоречит воззрениям просвещенной экономии. Ньюмарч отвечает Вильсону односторонне, поскольку совершенно не

обращает внимания последнего на его внезапный и ничем не мотивированный прыжок от вексельного курса к размеру процента. Ньюмарч дает на указанный вопрос 1804 нерешительный колеблющийся ответ: «Раз требуется найти 12 млн., то, поскольку дело касается общего уровня процента, без сомнения несущественно, пересылаются ли эти 12 млн. в виде благородного металла или в виде материалов. Я все же думаю {не дурно это «все же» в виде перехода к прямо противоположному утверждению}, «что это не совсем несущественно» {это несущественно, но все же не несущественно}, «так как в одном случае 6 млн. ф. ст. немедленно притекли бы обратно; в другом случае они не притекли бы так быстро. Поэтому составит некоторую» {какая определенность!} «разницу, будут ли эти 6 млн. затрачены здесь в стране, или же они целиком будут экспортированы». Что должно обозначать утверждение, что 6 млн. тотчас же притекли бы обратно? Поскольку 6 млн. ф. ст. затрачены в Англии, они существуют в виде рельсов, локомотивов и т. п., которые должны быть отосланы в Индию, откуда они не вернутся назад, и стоимость их возвратится лишь путем амортизации, т. е. очень медленно, в то время как 6 млн. благородного металла, быть может, гораздо скорее вернутся in natura [в натуре]. Поскольку 6 млн. затрачены на заработную плату, они съедены; но деньги, в виде которых они авансировались, попрежнему обращаются в стране или составляют резерв. То же самое относится к прибыли производителей рельсов и той части 6 млн., которая возмещает их постоянный капитал. Итак, двусмысленная фраза о возврате капиталов употреблена Ньюмарчем лишь вместо того, чтобы сказать прямо: деньги остались в стране и, поскольку они функционируют как ссужаемый денежный капитал, разница для денежного рынка (отвлекаясь от того, что обращение могло бы, быть может, поглотить большее количество металлических денег) заключается лишь в том, что они расходуются за счет A, а не B. Вложение подобного рода, при котором капитал переносится в другие страны в виде товаров, а не в виде благородного металла, лишь постольку может оказать влияние на вексельный курс (и притом не на вексельный курс с той страной, куда вкладывается капитал), поскольку производство таких экспортируемых товаров требует добавочного импорта других иностранных товаров. В таком случае это производство не может уравновесить этот добавочный импорт. Но то же самое имеет место при всяком экспорте в кредит, безразлично, имеется ли в виду новое вложение капитала или обычные торговые цели. Кроме того, этот добавочный импорт может путем обратного влияния вызвать добавочный спрос на английские товары со стороны, напр., колоний или Соединенных Штатов.

Раньше Ньюмарч говорил, что вследствие тратт Ост-индской компании вывоз из Англии в Индию больше, чем ввоз. Сэр Чарльз

Вуд подвергает его в этом пункте перекрестному допросу. Этот избыток английского вывоза в Индию по сравнению с ввозом из Индии в действительности осуществляется благодаря такому ввозу из Индии, за который Англия не уплачивает никакого эквивалента: тратты Ост-индской компании (в настоящее время ост-индского правительства) сводятся к дани, взимаемой с Индии. Возьмем для примера 1855 г.: ввоз из Индии в Англию 12 670 000 ф. ст.; английский вывоз в Индию 10 350 000 ф. ст. Баланс в пользу Индии 2 250 000 ф. ст.* «Если бы этим дело исчерпывалось, то эти 2 250 000 ф. ст. пришлось бы в той или иной форме отправить в Индию. Но тут выступают на сцену требования со стороны India House**. India House объявляет, что он в состоянии выдать тратты на различные президентства Индии в размере 3 250 000 ф. ст. {Эта сумма взималась для погашения лондонских издержек Ост-индской компании и уплаты дивидендов акционерам.} А это не только погашает баланс в 2 250 000 ф. ст., возникший путем торговли, но и дает миллион избытка» (1917).

1922. {Вуд:} «Следовательно, влияние этих тратт India House сказывается не в возрастании вывоза в Индию, но в уменьшении его pro tanto [соответственно]?» {Это должно означать — в уменьшении необходимости покрывать ввоз из Индии такою же суммою вывоза туда.} Г-н Ньюмарч объясняет это тем, что англичане за эти 3 700 000 ф. ст. импортируют в Индию «хорошее управление» (1925). Вуд, в качестве министра по делам Индии очень хорошо знакомый с тем сортом «хорошего управления», который ввозился англичанами в Индию, делает следующее правильное и ироническое замечание (1926): «Тогда тот вывоз, который, по вашим словам, является результатом тратт India House, есть вывоз хорошего управления, а не товаров». Англия много экспортирует «в этом роде» для «хорошего управления» и для вложения капиталов в других странах, — получая таким образом ввоз, совершенно независимый от обычного хода дел, получая дань частью за экспортированное «хорошее управление», частью как доход с капиталов, вложенных в колониях и других странах, дань, за которую ей не приходится уплачивать никакого эквивалента. Ясно поэтому, что вексельный курс не затрагивается, если Англия просто съедает эту дань без встречного экспорта; ясно также, что курсы не затрагиваются и в том случае, если Англия опять помещает эту дань не у себя, а, производительно или непроизводительно, за границей: если, напр., она за счет этой дани посылает боевые припасы в Крым. К тому же, поскольку ввоз из-за границы входит в доход Англии (оплачиваться он, конечно, должен или в виде дани, не требующей эквивалента, или путем обмена на эту неоплаченную дань, или обычным

---

* — т. е. порядка двух миллионов с четвертью; точнее 2 320 000. *Ред.*
** См. примечание к стр. 592 настоящего тома. *Ред.*

в торговле путем), Англия может его или потребить или снова вложить в дело в качестве капитала. Как бы то ни было, вексельный курс во всяком случае не будет затронут, что упускает из виду мудрый Вильсон. Составляет ли известную часть дохода отечественный или иностранный продукт — причем последний случай предполагает лишь обмен отечественных продуктов на иностранные — потребление этого дохода, производительное или непроизводительное, нисколько не изменяет вексельного курса, хотя и оказывает влияние на общий масштаб производства. Это необходимо иметь в виду при оценке нижеследующего.

1934. Вуд спрашивает, каким образом отправка военных припасов в Крым могла бы затронуть вексельный курс с Турцией. Ньюмарч отвечает: «Я не вижу, почему бы должна непременно отразиться на вексельном курсе простая отправка военных припасов, но отправка благородного металла несомненно затронула бы курс». Следовательно, здесь он отличает капитал в денежной форме от других форм капитала. Но вот Вильсон задает следующий вопрос:

«1935. Если вы производите в широких размерах экспорт какого-либо товара, не получая взамен соответствующего импорта» {г-н Вильсон забывает, что по отношению к Англии имеет место весьма значительный импорт, взамен которого никогда не было соответствующего экспорта, за исключением экспорта в форме «хорошего управления» или вывезенного раньше капитала для инвестиции; во всяком случае это не такой импорт, который входит в регулярное движение торговли. Но предметы этого импорта снова обмениваются, напр. на американские продукты; и если американские продукты экспортируются без соответственного импорта, это ничуть не изменяет того обстоятельства, что стоимость этого импорта может быть потреблена без эквивалентного вывоза за границу; он получен без соответственного экспорта и, следовательно, может быть потреблен, не войдя в торговый баланс}, «то вы не уплачиваете заграничного долга, который вы сделали благодаря вашему ввозу». {Но если вы уже ранее оплатили этот импорт, напр., посредством кредита, оказанного за границей, то при этом не будет сделано никакого долга, и вопрос не имеет ничего общего с интернациональным балансом, — он сводится к производительной или непроизводительной затрате, причем совершенно безразлично, произведены ли потребленные продукты внутри страны или за границей} «и потому такой сделкой вы затронете вексельный курс, так как заграничный долг не уплачивается вследствие того, что ваш экспорт не имеет соответствующего импорта. — Это справедливо по отношению к различным странам вообще».

Лекция Вильсона сводится к тому, что всякий экспорт без соответствующего импорта есть в то же время импорт без соответствующего экспорта, потому что в производство экспортированных товаров входят иностранные, следовательно, импортированные

товары. Предполагается, что всякий такой экспорт основывается на неоплаченном импорте или создает его, — следовательно, предполагает или создает заграничный долг. Это ложно, даже если оставить в стороне следующие два обстоятельства: 1) Англия имеет даровой импорт, за который она не уплачивает никакого эквивалента; напр. часть ее индийского импорта. Она может обменять его предметы на предметы американского импорта, а предметы последнего экспортировать без соответственного импорта; что касается стоимости, то Англия при этом во всяком случае экспортирует лишь то, что ей ничего не стоило. И 2) Англия, быть может, уже оплатила импорт, напр. американский, который образует добавочный капитал; если она затем потребляет его непроизводительно, напр. в виде военных припасов, то это не образует долга по отношению к Америке и не затрагивает вексельного курса с Америкой. Ньюмарч сам противоречит себе в показаниях 1934 и 1935, на что и указывает ему Вуд в вопросе 1938: «Если ни одна часть товаров, употребляемых для изготовления тех предметов, которые мы вывозим без соответственного возврата {военные издержки}, не получается из страны, куда экспортируются эти предметы, то каким образом может это затронуть вексельный курс с этой страной? Если допустить, что торговля с Турцией находится в обычном состоянии равновесия, каким образом вексельный курс между Англией и Турцией может быть затронут вывозом военных припасов в Крым?» — Здесь Ньюмарч теряет душевное равновесие; он забывает, что в показании под № 1934 он уже правильно ответил на этот простой вопрос, и говорит: «Мне кажется, что мы уже исчерпали практический вопрос, и мы вступаем теперь в очень возвышенную область метафизической дискуссии».

{Вильсон дает еще и иную постановку своему утверждению, будто вексельный курс затрагивается всяким перенесением капитала из одной страны в другую, совершается ли оно в форме благородного металла или в форме товаров. Вильсон знает, конечно, что вексельный курс затрагивается через процентную ставку, а именно отношением между нормами процента тех двух стран, о взаимном вексельном курсе которых идет речь. Если ему удастся показать, что избыток капитала вообще, т. е. прежде всего избыток товаров всякого рода, включая сюда и благородные металлы, оказывает в числе других обстоятельств определяющее влияние на размер процента, то он уже делает шаг, приближающий его к цели; в самом деле, раз это так, перенесение значительной части этого капитала из одной страны в другую должно изменить уровень процента в обеих странах, а именно в противоположном направлении, и таким образом во вторую очередь должно воздействовать на вексельный курс между обеими странами. — *Ф.Э.*}

Он пишет в «Economist», редактором которого он в то время состоял (1847, стр. 475):

«Очевидно, что такой избыток капитала, на который указывают большие запасы всякого рода, включая сюда и благородный металл, неизбежно должен повести не только к низким ценам на товары вообще, но и к более низкому уровню процента за пользование капиталом.[1] Если мы имеем в наличности запас товаров, достаточный для страны в течение двух ближайших лет, то распоряжение этими товарами в течение известного периода можно получить по гораздо более низкой норме процента, чем в том случае, если бы запаса едва хватило на два месяца.[2] Всякие денежные займы, в какой бы форме они ни совершались, представляют лишь переход распоряжения товарами от одного лица к другому. Поэтому, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок, если товаров мало, он должен быть высок.[3] Если товары притекают более обильно, число продавцов по сравнению с числом покупателей будет увеличиваться, и в той мере, в которой количество товаров превышает нужды непосредственного потребления, все бо̀льшая и бо̀льшая часть их должна сохраняться для позднейшего потребления. При таких обстоятельствах владелец товаров согласится продать их с отсрочкой платежа или в кредит на условиях менее для него выгодных, чем в том случае, если бы он был уверен, что весь его запас найдет сбыт в течение немногих недель».[4]

По поводу положения[1] необходимо заметить, что сильный *прилив* благородного металла может совершиться одновременно с *сокращением* производства, как это и наблюдается всегда непосредственно после кризиса. В следующей фазе благородный металл может притекать из стран, которые по преимуществу производят благородный металл, ввоз других товаров в этот период обыкновенно уравновешивается вывозом. В этих двух фазах уровень процента низок и лишь медленно повышается; почему это так, мы уже видели. Этот низкий уровень процента во всех случаях находил себе достаточное объяснение без влияния каких бы то ни было «больших запасов всякого рода». И как могло бы иметь место такое влияние? Низкая цена, напр., хлопка дает возможность прядильщикам и т. д. получать высокую прибыль. Почему же низок уровень процента? Конечно, не потому, что высока прибыль, получаемая при помощи взятого взаймы капитала. Но единственно и исключительно потому, что при существующих обстоятельствах спрос на ссудный капитал не растет пропорционально росту этой прибыли; следовательно, движение ссудного капитала отлично от движения промышленного капитала. Между тем «Economist» стремится доказать как раз противоположное: что движение его тожественно с движением промышленного капитала.

Положение [2] предполагает переполнение товарного рынка, — нелепую предпосылку, что имеется запас, обеспечивающий потребление на два года вперед, мы смягчаем в такой степени, что она приобрела некоторый смысл. Это вызвало бы понижение цен. За кипу хлопка надо уплатить теперь меньше, чем раньше. Но отсюда никоим образом не следует, что деньги для покупки кипы хлопка можно достать дешевле. Последнее зависит от состояния денежного рынка. Если их можно достать дешевле, то только потому, что коммерческий кредит находится в таком положении, при котором он в меньшей степени принужден прибегать к банковому кредиту, чем в обычное время. Товары, переполняющие рынок, представляют жизненные средства или средства производства. Низкая цена тех и других повышает прибыль промышленного капиталиста. По какой же причине он понизит процент, если не вследствие противоположности — а отнюдь не тожества — между обилием промышленного капитала и спросом на денежные ссуды? Обстоятельства складываются таким образом, что купцу и промышленнику легче оказывать друг другу кредит; вследствие такого облегчения коммерческого кредита и промышленник и купец менее нуждаются в банковом кредите; поэтому уровень процента может быть низким. Этот низкий уровень процента не имеет ничего общего с притоком благородного металла, хотя и тот и другой могут происходить параллельно, и те же самые причины, которые вызывают понижение цен предметов ввоза, могут создать также избыток ввезенного благородного металла. Если бы рынок импорта был действительно переполнен, это указывало бы на уменьшение спроса на импортные товары, что при низких ценах могло бы быть объяснено лишь как результат сокращения отечественного промышленного производства; а это было бы, в свою очередь, необъяснимо при избыточном ввозе по низким ценам. Сплошные нелепости, цель которых — показать, что падение цен = падению уровня процента. То и другое может существовать рядом в одно и то же время. Но в таком случае это — выражение противоположности направлений, в которых совершается движение промышленного и движение ссужаемого денежного капитала, а не выражение их тожества.

Почему денежный процент, как это утверждает положение [3], должен быть низок, если товары имеются в избытке, опять-таки нельзя усмотреть и после этих дальнейших рассуждений. Раз товары дешевы, то для покупки определенного количества их мне нужно, скажем, 1 000 ф. ст. вместо прежних 2 000. Но, быть может, я и теперь затрачу 2 000 ф. ст., куплю на них двойное по сравнению с прежним количество товаров и расширю мое предприятие, авансировав тот же самый капитал, который мне, допустим, пришлось занять. Я покупаю теперь, как и прежде, на 2 000 ф. ст. Следовательно, мой спрос на денежном рынке остается неизменным, хотя мой спрос на

товарном рынке с понижением цен повышается. Но если последний падает, т. е. если производство — в противоречии со всеми законами «Economist» — не расширяется с падением товарных цен, то и спрос на ссужаемый денежный капитал должен был бы уменьшиться, хотя прибыль возрастала бы; однако эта возрастающая прибыль создала бы спрос на ссудный капитал. Впрочем, низкий уровень товарных цен может проистекать от трех причин. Во-первых, от недостаточного спроса. Тогда уровень процента низок потому, что производство ослаблено, а не потому, что товары дешевы, так как эта дешевизна лишь отражает указанное ослабление. Или причиною может послужить избыток предложения по сравнению со спросом. Это может иметь место вследствие переполнения рынков и т. д., ведущего к кризису, и во время самого кризиса может совпадать с высоким уровнем процента, или же это может произойти вследствие того, что упала стоимость товаров и, следовательно, тот же самый спрос может быть удовлетворен по более низким ценам. Почему в этом последнем случае должен падать уровень процента? Потому, что растет прибыль? Если потому, что теперь требуется меньше денежного капитала, чтобы получить тот же самый производительный или товарный капитал, то это доказывало бы лишь, что прибыль и процент стоят в обратном отношении друг к другу. Во всяком случае общее положение «Economist» ложно. Низкие денежные цены товаров и низкий уровень процента не обязательно совпадают. В противном случае в наиболее бедных странах, где денежные цены продуктов самые низкие, и уровень процента должен бы быть самым низким, а в наиболее богатых странах, где денежные цены продуктов земледелия самые высокие, и процент должен бы стоять на самом высоком уровне. В общем и «Economist» соглашается, что если падает стоимость денег, то это не оказывает никакого влияния на уровень процента. 100 ф. ст. будут попрежнему давать 105 ф. ст.; если 100 ф. ст. стоят теперь меньше, то меньше стоят и 5 ф. ст. процента. Отношение не изменяется вследствие повышения стоимости или обесценения первоначальной суммы. Определенное количество товаров, рассматриваемое как стоимость, равно известной денежной сумме. Если его стоимость повышается, то оно равно большей денежной сумме; обратное имеет место при понижении стоимости. Если стоимость = = 2 000, то 5% = 100; если она = 1000, то 5% = 50. Но это нисколько не изменяет нормы процента. Правильно лишь одно, что требуются более крупные денежные ссуды, когда необходимы 2 000 ф. ст. вместо 1000 ф. ст. для того чтобы могло быть продано то же самое количество товаров. Но это обнаруживает в данном случае лишь обратное отношение между прибылью и процентом. Ибо прибыль растет с удешевлением элементов постоянного и переменного капитала, а процент падает. Однако и обратное может иметь и зачастую действительно имеет место. Например, хлопок

может быть дешев вследствие того, что нет спроса на пряжу и ткани; он может быть относительно дорог вследствие того, что большая прибыль в хлопчатобумажной промышленности вызывает большой спрос на него. С другой стороны, прибыль промышленников может быть высока именно потому, что цена хлопка низка. Таблица Хёббарда показывает, что движение уровня процента и движение товарных цен протекают совершенно независимо одно от другого, в то время как движение процента точно приспособляется к движениям металлического запаса и вексельного курса.

«Следовательно, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок», говорит «Economist». Как раз противоположное наблюдается во время кризисов; товары имеются в избытке, не могут быть превращены в деньги, и потому уровень процента высок; в другой фазе цикла господствует усиленный спрос на товары, поэтому облегчен обратный приток капитала, но в то же время товарные цены повышаются, а вследствие легкости обратного притока уровень процента низок. «Если их {товаров} мало, он должен быть высок». Опять-таки как раз обратное происходит в периоды депрессии [Abspannung] вслед за кризисом. Товаров мало — абсолютно, а не по отношению к спросу, — а уровень процента низок.

К положению[4]). Достаточно ясно, что при переполненном рынке владелец товаров уступит их дешевле, — если он вообще в состоянии их продать, — чем в том случае, когда предвидится быстрое истощение наличных запасов товаров. Менее ясно, почему при этом должен понижаться уровень процента.

Если рынок переполнен импортированными товарами, то уровень процента может повышаться вследствие возросшего спроса на ссудный капитал со стороны собственников, не желающих выбрасывать во что бы то ни стало товары на рынок. Он может понижаться вследствие того, что легкость коммерческого кредита держит на сравнительно низком уровне спрос на банковый кредит.

«Economist» упоминает о быстром воздействии на курс 1847 г., произведенном повышением процентной ставки и давлением иного рода на денежный рынок. Не следует, однако, забывать, что, несмотря на изменение курса, золото продолжало отливать до конца апреля; поворот наступил здесь лишь в начале мая.

1 января 1847 г. металлический запас банка составлял 15 066 691 ф. ст.; процентная ставка $3^1/_2$; трехмесячный курс на Париж 25.75; на Гамбург 13.10; на Амстердам $12.3^1/_4$. 5 марта металлический запас упал до 11 595 535 ф. ст.; учетный процент поднялся до 4; вексельный курс на Париж упал до $25.67^1/_2$, на Гамбург — до $13.9^1/_4$, на Амстердам — до $12.2^1/_2$. Отлив золота продолжался; см. следующую таблицу:

1847 г.	Запас благородных металлов в Английском банке	Денежный рынок	Высший курс трехмесячных векселей		
			Париж	Гамбург	Амстердам
20 марта	11 231 630 ф. ст.	Банк. учет 4%	25.67½	13.9¾	12.2½
3 апр.	10 246 410 » »	» » 5%	25.80	13.10	12.3½
10 »	9 867 053 » »	Деньги очень редки	25.90	13.10⅓	12.4½
17 »	9 329 941 » »	Банк. учет 5½%	26.02½	13.10¾	12.5½
24 »	9 213 890 » »	Угнетение	26.05	13.13	12.6
1 мая	9 337 716 » »	Увеличивающееся угнетение	26.15	13.12¾	12.6½
8 »	9 588 759 » »	Величайшее угнетение	26.27½	13.15½	12.7¾

В 1847 г. весь экспорт благородного металла из Англии составлял 8 602 597 ф. ст.

Из этой суммы вывезено в	Соединенные Штаты	3 226 411 ф. ст.
» » » » »	Францию	2 479 892 » »
» » » » »	Ганзейские города	958 781 » »
» » » » »	Голландию	247 743 » »

Несмотря на изменение курса в конце марта, еще целый месяц продолжается отлив золота; вероятно, в Соединенные Штаты.

«Здесь мы видим» {говорит «Economist», 1847, стр. 984}, как быстро и решительно повышение процентной ставки и последовавшее за ним стеснение с деньгами исправило неблагоприятный курс и изменило движение золота, так что последнее стало снова приливать в Англию. Это действие было вызвано совершенно независимо от платежного баланса. Повышенный уровень процента понизил курсы ценных бумаг, английских и иностранных, и дал повод к большим закупкам их за счет заграницы. Это увеличило сумму выписанных Англией векселей, между тем как, с другой стороны, при высоком уровне процента трудность добывать деньги была настолько велика, что спрос на эти векселя уменьшился, в то время как их сумма возросла. По той же причине заказы на иностранные товары были аннулированы, английские капиталы, заключавшиеся в иностранных ценных бумагах, были реализованы и деньги были направлены для помещения в Англию. Так, напр., мы читаем в «Rio de Janeiro Prices Current» от 10 мая: «Вексельный курс {на Англию} испытал новое понижение, вызванное главным образом давлением, оказываемым на

рынок спросом на римессы для выручки от значительных продаж государственных фондов {бразильских} за английский счет». Английский капитал, который вкладывался за границей в различные ценные бумаги, когда уровень процента здесь был очень низок, вернулся, таким образом, назад, когда уровень процента повысился.

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС АНГЛИИ.

Одна Индия должна уплачивать около 5 млн. дани за «хорошее управление», проценты и дивиденды на британский капитал и т. п., причем здесь еще не приняты во внимание те суммы, которые ежегодно отправляются в Англию с целью помещения их там, частью чиновниками в виде сбережения из их жалованья, частью английскими купцами в виде доли их прибыли. По тем же причинам из каждой британской колонии непрерывно должны поступать значительные переводы денег. Большинство банков в Австралии, Вест-Индии, Канаде основаны на британский капитал, дивиденды должны уплачиваться в Англии. Кроме того, Англия обладает значительным количеством иностранных государственных бумаг — европейских, южно- и североамериканских, по которым она должна получать проценты. К этому присоединяется еще и ее участие в заграничных железных дорогах, каналах, рудниках и т. д. с соответственными дивидендами. Платежи по всем этим статьям производятся почти исключительно в продуктах, сверх суммы английского вывоза. Суммы, поступающие, с другой стороны, из Англии за границу к владельцам английских ценных бумаг, и суммы, потребляемые англичанами за границей, составляют по сравнению с этим ничтожную величину.

Вопрос этот, поскольку он касается торгового баланса и вексельного курса, есть «в каждый данный момент вопрос времени. Обыкновенно... Англия оказывает долгосрочный кредит за свой вывоз, в то время как ввоз она оплачивает наличными. В известный момент это различие в сроках платежей оказывает значительное влияние на курс. В периоды, когда наш вывоз значительно возрастает, как, напр., в 1850 г., должны непрерывно увеличиваться вложения английского капитала... таким образом получения за товары, экспортированные в 1849 г., могут поступать лишь в 1850 г. Но если в 1850 г. вывоз превысил вывоз 1849 г. на 6 млн., то практический результат был тот, что за пределы страны отослано на эту сумму больше денег, чем их возвращено назад в этом году; и таким путем оказывается влияние на вексельный курс и на уровень процента. Но как только наши дела угнетены [deprimirt] кризисом и наш вывоз сильно сокращается, получения за более крупный экспорт предшествующих лет начинают значительно превышать стоимость нашего импорта; курс

в соответствии с этим обращается в нашу пользу, капитал быстро накопляется внутри страны и уровень процента падает» («Economist», 11 января 1851 г.).

Заграничный вексельный курс может изменяться

1) под влиянием платежного баланса данного момента, какими бы причинами ни определялся этот баланс, — чисто торговыми, помещением капитала за границей или же государственными расходами на ведение войн и т. д., поскольку при этом производятся наличными деньгами платежи за границу.

2) Под влиянием обесценения в данной стране денег, металлических ли, бумажных ли. В этом случае изменение курса чисто номинальное. Если 1 фунт стерлингов представляет в данный момент половину тех денег, которые он представлял раньше, то, само собою разумеется, его примут по $12^1/_2$ франков вместо 25.

3) Если дело идет о вексельном курсе между двумя странами, из которых одна употребляет в качестве «денег» серебро, другая золото, то вексельный курс зависит от колебаний относительной стоимости обоих металлов, ибо такие колебания очевидно изменяют паритет между обоими металлами. Примером последнего могут служить курсы 1850 г.; они были неблагоприятны для Англии, хотя ее экспорт чрезвычайно возрос; тем не менее не наблюдалось отлива золота. Это было результатом внезапного повышения стоимости серебра по сравнению со стоимостью золота. (См. «Economist», 30 ноября 1857 г.)

Паритет вексельного курса за 1 ф. стерлингов: на Париж 25 фр. 20 сант.; на Гамбург 13 марок-банко $10^1/_2$ шилл.; на Амстердам 11 флоринов 97 центов. По мере того как вексельный курс на Париж поднимается выше 25.20, он становится все более благоприятным для английского должника Франции или для покупателя французских товаров. И тот и другой нуждаются теперь в меньшем количестве фунтов стерлингов для того чтобы достигнуть своей цели. — В отдаленных странах, где благородный металл получить не легко, когда векселя редки и их нехватает для производства платежей Англии, естественным следствием является поднятие цен тех продуктов, которые обыкновенно вывозятся в Англию, так как на эти продукты возникает повышенный спрос для отправки их в Англию вместо векселей; это часто имеет место в Индии.

Неблагоприятный вексельный курс и даже отлив золота может иметь место, когда в Англии господствует большой избыток денег, низкий уровень процента и высокие курсы ценных бумаг.

В течение 1848 г. Англия получила большое количество серебра из Индии, так как хорошие векселя были редки, а посредственные брались неохотно вследствие кризиса 1847 г. и сильного упадка кредита в операциях с Индией. Все это серебро тотчас же по

прибытии нашло себе дорогу на континент, где революция повсеместно вызвала усиленное образование сокровищ. В 1850 г. это же самое серебро совершало по большей части обратное путешествие в Индию, так как состояние вексельного курса теперь делало это выгодным.

Монетарная система по преимуществу — католическая, кредитная по преимуществу — протестантская система. «The Scotch hate gold» [«Шотландцы ненавидят золото»]. В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Лишь *вера* дает спасенье. Вера в денежную стоимость как имманентный дух товаров, вера в способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства как в простые олицетворения самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но кредитная система столь же мало освободилась от базиса монетарной системы, как мало протестантизм освободился от основ католицизма.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Капитал, приносящий проценты, или, — как мы можем назвать его по его старинной форме, — капитал ростовщический, вместе с своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в разнообразнейших экономических общественных формациях.

Чтобы ростовщический капитал мог существовать, необходимо лишь одно: по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары и наряду с товарной торговлей деньги должны развиться в своих различных функциях.

Развитие ростовщического капитала связано с развитием купеческого капитала и специально денежноторгового капитала. В древнем Риме, начиная с последних лет республики, когда мануфактура стояла гораздо ниже среднего уровня развития в античном мире, купеческий капитал, денежноторговый капитал и ростовщический капитал достигли — в пределах античных форм — высшего пункта развития.

Мы видели, каким образом деньги неизбежно приводят к образованию сокровищ. Однако профессиональный созидатель сокровищ приобретает важное значение лишь тогда, когда он превращается в ростовщика.

Купец берет деньги взаймы для того чтобы при их помощи получать прибыль, применять их как капитал, т. е. затрачивать. Следовательно, и в прежних формах денежный кредитор противостоит ему совершенно так же, как современному капиталисту. Специфический характер этого отношения чувствовали уже католические университеты. «Университеты Алкалы, Саламанки, Ингольштадта, Фрейбурга в Брейсгау, Майнца, Кёльна и Трира один за другим признали правомерность процентов по торговым займам. Эти санкции со стороны первых пяти университетов были занесены в архивы консулата города Лиона и напечатаны в приложении к «Traité de l'usure et des intérêts», Lyon, Bruyset-Ponthus» (M. Augier: «Le Crédit public etc.», Paris 1842, стр. 206).

Во всех тех формах, в которых рабское хозяйство (не патриархальное, а как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи) существует как средство обогащения, где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда при помощи купли рабов, земли и т. д., — именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, они приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты.

Однако характерные формы, в которых ростовщический капитал существует во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, двояки. Я говорю характерные формы. Эти же самые формы повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчиненные формы. Здесь они уже не являются формами, определяющими характер капитала, приносящего проценты. Эти две формы следующие: *во-первых,* ростовщичество при помощи денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; *во-вторых,* ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, но в особенности крестьянин, так как при докапиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают существование мелких самостоятельных отдельных производителей, огромное большинство последних должен составлять класс крестьян.

И то и другое, — как разорение богатых земельных собственников ростовщичеством, так и высасывание соков мелких производителей, — приводит к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Как далеко заходит это разложение старого способа производства, как это имело место в современной Европе, и становится ли на его место капиталистический способ производства, — зависит всецело от исторической ступени развития и от данных обстоятельств.

Ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких ремесленных мастеров. Там, где — как при развитом капиталистическом способе производства — условия труда и продукт труда противостоят рабочему как капитал, рабочий в качестве производителя не имеет нужды занимать деньги. Если же он занимает деньги, то для своих личных нужд, как, напр., в ссудной кассе. Но там, где рабочий является собственником — действительным или номинальным — условий своего труда и своего продукта, он как производитель находится в определенном отношении к капиталу денежного кредитора, противостоящему ему в качестве ростовщического капитала. Ньюмэн выражает этот факт в пошлой форме, утверждая, что банкир пользуется почетом, а ростовщика ненавидят и презирают, потому что первый ссужает деньги бога-

тым, второй — бедным (F. W. Newman: «Lectures on Pol. Economy», London 1851, стр. 44). Он не замечает, что между банкиром и ростовщиком лежит различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя, так что вопрос не исчерпывается противоположностью бедного и богатого. В действительности ростовщичество, высасывающее мелкого производителя, идет обыкновенно рука об руку с ростовщичеством, высасывающим богатого крупного землевладельца. Когда ростовщичество римских патрициев окончательно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелкокрестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое.

Под формой процента весь избыток сверх необходимых средств существования производителя (сверх суммы, составляющей впоследствии заработную плату) может быть здесь поглощен ростовщиком (что позже выступает как прибыль и земельная рента), и потому в высшей степени нелепо сравнивать высоту *этого* процента, отнимающего *всю* прибавочную стоимость, за исключением того, что приходится на долю государства, с высотой современной процентной ставки, когда процент — по крайней мере нормальный — образует лишь часть этой прибавочной стоимости. При этом забывается, что наемный рабочий производит и отдает капиталисту, на которого он работает, прибыль, процент и земельную ренту, словом, всю прибавочную стоимость. Кэри делает это бессмысленное сравнение, чтобы показать, насколько выгодно для рабочего развитие капитала и сопровождающее его падение нормы процента. Далее, если ростовщик, не довольствуясь выжиманием прибавочной стоимости из своей жертвы, мало-помалу приобретает титул собственности на самые условия его труда — на землю, дом и т. д. — и постоянно занят тем, чтобы его так экспроприировать, то не следует забывать, что полная экспроприация у рабочего условий его труда является не результатом, к которому стремится капиталистический способ производства, а готовой предпосылкой, из которой он исходит. Раб наемного труда, совершенно так же, как и настоящий раб, самым своим положением поставлен в условия, исключающие для него — по крайней мере в качестве производителя — возможность сделаться рабом заимодавца; он может сделаться им разве только в качестве потребителя. Ростовщический капитал в той форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя самого способа производства; в которой существенной предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство; в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему как промышленный

капитал, — такой ростовщический капитал приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того чтобы развивать их, и в то же время увековечивает это злополучное состояние, при котором общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве, за счет самого труда.

Итак, с одной стороны, ростовщичество подрывает и разрушает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность. С другой стороны, оно подрывает и разоряет мелкокрестьянское и мелкобуржуазное производство, коротко говоря, все формы, при которых производитель еще выступает как собственник своих средств производства. При развитом капиталистическом способе производства рабочий не является собственником условий производства — поля, которое он возделывает, сырого материала, который он обрабатывает, и т. д. Но этому отчуждению условий производства от производителя отвечает в данном случае действительный переворот в самом способе производства. Разъединенные рабочие объединяются в крупной мастерской для выполнения отдельных, тесно связанных между собой [ineinander greifender] функций; рабочий инструмент превращается в машину. Самый способ производства не допускает уже этого, связанного с мелкою собственностью раздробления орудий производства, точно так же, как и изолированности самих рабочих. В капиталистическом производстве ростовщичество уже не может отделять условия производства от производителя, так как они уже разъединены.

Ростовщичество централизует денежное имущество там, где средства производства раздроблены. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и приводит его в жалкое состояние. Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно сильная в античном мире, где собственность производителя на условия его производства являлась в то же время базисом политических отношений, самостоятельности граждан.

Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт поедается феодалом и его челядью и во власть ростовщика попадает рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на рабочего. Обремененный долгами рабовладелец или феодальный сеньер высасывает больше, потому что из него самого больше высасывают. Или же он, в конце концов, уступает свое место ростовщику, который сам становится землевладельцем или рабовладельцем, как всадники древнего Рима. На место старого эксплуататора, эксплуатация которого носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти,

выступает жестокий, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всех докапиталистических способах производства ростовщичество оказывает революционизирующее действие лишь тем, что оно разрушает и уничтожает формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из орудий, созидающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал.

В средние века ни в одной стране не устанавливалось общего размера процента. Церковь воспрещала вообще всякие сделки, приносящие процент. Законы и суды лишь в недостаточной мере обеспечивали долги. Тем выше была норма процента в отдельных случаях. Ничтожное денежное обращение, необходимость производить большинство платежей наличными деньгами принуждали к денежным займам, и притом тем больше, чем слабее было развито вексельное дело. Господствовало большое разнообразие как в размере процента, так и в самом понятии ростовщичества. Во времена Карла Великого считалось лихоимством, если кто-либо взимал 100%. В Линдау, у Боденского озера местные граждане взимали в 1348 г. $216^2/_3\%$. В Цюрихе Совет установил $43^1/_3\%$ как законный процент. В Италии приходилось временами уплачивать 40%, хотя в XII—XIV столетиях обычная норма не превышала 20%. Верона установила $12^1/_2\%$ как законный процент. Император Фридрих II установил 10%, но только для евреев. Христиан он не хотел касаться. 10% были обычной нормой уже в XIII веке в немецких землях по Рейну (Hüllmann: «Geschichte des Städtewesens», II, стр. 55—57).

Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства. Это отношение повторяется и в пределах буржуазной экономики в отсталых отраслях промышленности или таких, которые сопротивляются переходу к современному способу производства. Если бы мы захотели, напр., сравнить английский размер процента с индийским, то нам следовало бы взять для этого не процентную ставку Английского банка, а, напр., тот процент, который взимают с мелких производителей домашней промышленности те, кто ссужает им мелкие машины.

В противоположность потребляющему богатству ростовщичество исторически важно тем, что оно само есть процесс

возникновения капитала. Ростовщический капитал и купеческое имущество служат образованию денежной собственности, независимой от собственности земельной. Чем менее развит характер продукта как товара, чем меньше меновая стоимость подчинила себе производство во всю его ширину и глубину, тем в большей степени деньги представляются богатством в собственном смысле слова, богатством как таковым, всеобщим богатством, в противоположность его ограниченному способу выражения в потребительных стоимостях. На этом основывается образование сокровищ. Оставляя в стороне деньги как мировые деньги и как сокровища, деньги именно в форме средства платежа выступают как абсолютная форма товара. И именно функция их как средства платежа является той функцией, которая развивает процент, а вместе с тем и денежный капитал. Чего расточительное и развращающее богатство хочет, это денег как денег, денег как средства все купить. (А также платить долги.) Мелкому же производителю в первую очередь нужны деньги для платежа. (Превращение натуральных повинностей и оброков, идущих в пользу землевладельца [an Grundherrn] и государства, в денежную ренту и денежные налоги играет здесь крупную роль.) В обоих случаях требуются деньги как таковые. С другой стороны — образование сокровищ становится реальным, осуществляет свою мечту лишь в ростовщичестве. От собственника сокровища требуют не капитала, а денег как денег; однако благодаря проценту он превращает для себя это денежное сокровище в капитал — в средство, при помощи которого он овладевает вполне или отчасти прибавочным трудом, а также известной долей самих условий производства, хотя номинально последние и продолжают противостоять ему как чужая собственность. Ростовщичество живет как бы в пòрах производства, подобно тому как боги Эпикура жили в междумировом пространстве. Деньги получить тем труднее, чем менее товарная форма является всеобщей формой продукта. Ростовщик не знает поэтому никаких иных границ, кроме дееспособности [Leistungsfähigkeit] или способности к сопротивлению лиц, нуждающихся в деньгах. В мелкокрестьянском и мелкобуржуазном производстве деньги нужны в качестве покупательного средства преимущественно в тех случаях, когда вследствие случайности или каких-нибудь чрезвычайных потрясений условия производства утрачиваются рабочим (который при этих способах производства обыкновенно является еще их собственником) или, по меньшей мере, не могут быть возмещены обычным ходом воспроизводства. Жизненные средства и сырые материалы образуют главную часть этих условий производства. Вздорожание их может привести к невозможности возместить их из выручки за продукт, простой неурожай может помешать крестьянину возместить семена in natura [в натуре]. Те самые войны, которыми римские патриции разоряли плебеев,

принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и потому превращавшие их в нищих (обнищание, истощение или потеря условий воспроизводства являются при этом преобладающей формой), — наполняли амбары и кладовые патрициев добычею в виде меди — тогдашних денег. Вместо того чтобы прямо давать плебеям необходимые для них товары, хлеб, лошадей, рогатый скот, они ссужали им эту бесполезную для них самих медь и пользовались своим положением для того чтобы выжимать громадные ростовщические проценты, при помощи которых они превращали плебеев в своих должников — рабов. При Карле Великом франкские крестьяне также были разорены войнами, так что им не оставалось ничего другого, как из должников превратиться в крепостных. В Римской империи, как известно, нередко случалось, что голод заставлял свободных людей продавать своих детей и самих себя в рабство богатым. Таковы поворотные пункты в общем. Что касается отдельных случаев, то для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависит от тысячи случайностей; и каждая такая случайность или потеря равносильна обнищанию и представляет момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать свое воспроизводство в старых размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится.

Однако собственной, широкой и своеобразной ареной ростовщичества является функция денег как средства платежа. Всякие денежные повинности, приуроченные к определенному сроку, — аренда, подати, налоги и т. п., сопряжены с необходимостью денежных платежей. Поэтому ростовщичество со времен древнего Рима и до нашего времени в широком масштабе присоединяется к функции откупщиков, fermiers généraux, receveurs généraux [генеральных откупщиков, генеральных сборщиков]. Затем с развитием торговли и всеобщего характера товарного производства развивается разделение во времени покупок и платежей. Деньги необходимо доставить к определенному сроку. Современные денежные кризисы доказывают, что это может создать такие условия, при которых еще в наше время денежный капиталист и ростовщик сливаются вместе. Но то же самое ростовщичество становится главным средством дальнейшего развития потребности в деньгах как средстве платежа; все усиливая и усиливая задолженность производителя, ростовщичество лишает его обычных средств платежа, так как для него из-за тяжести одних только процентов становится невозможным регулярное воспроизводство. Здесь ростовщичество прорывается из денег как средства платежа и расширяет эту функцию, являющуюся его настоящей ареной.

Развитие кредитного дела совершается как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает не более и не менее, как подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства.

В общем и целом капитал, приносящий проценты, при современной кредитной системе приспособляется к условиям капиталистического производства. Ростовщичество как таковое не только продолжает существовать, но у народов с развитым капиталистическим производством освобождается от тех границ, которые всегда ставило ему прежнее законодательство. Капитал, приносящий проценты, сохраняет форму ростовщического капитала, поскольку дело идет о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства; когда займы берут из личной нужды, как, напр., в ссудной кассе; когда ведущие веселую жизнь богачи получают займы для расточительства; или когда производитель является производителем некапиталистическим, как, напр., мелкий крестьянин, ремесленник и т. д., следовательно, является еще в качестве непосредственного производителя владельцем своих собственных условий производства; наконец, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами.

Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору. Даже в том случае, когда в качестве промышленника или купца получает кредит человек без состояния, это имеет место лишь в надежде, что он будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи занятого им капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту. И это столь восхищающее экономистов-апологетов обстоятельство, что человек без состояния, но с энергией, солидной репутацией, способностями и знанием дела может таким образом превратиться в капиталиста, — ведь при капиталистическом способе производства торговая оценка каждого производится более или менее правильно, — обстоятельство это, как ни сильно способствует оно появлению все новых и новых авантюристов, весьма нежелательных для наличных отдельных представителей капитала, укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы

из общественных низов. Совершенно так же, как в средние века тот факт, что католическая церковь строила свою иерархию из лучших голов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состоятельность, был главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство.

Вместо того чтобы предавать анафеме приносящий проценты капитал вообще, инициаторы современной кредитной системы исходят, наоборот, из его решительного признания.

Мы не говорим здесь о реакции против ростовщичества, которая стремилась защитить от него бедняков, как это делали, напр., Monts-de-piété [ссудные кассы] (в 1350 г. в Сарлене во Франш-Конте, позднее, в 1400 и 1479 гг., в Перуджии и Савоне в Италии). Эти учреждения замечательны лишь потому, что в них обнаружилась та ирония истории, которая превращает благие намерения при их реализации в прямую противоположность. Английский рабочий класс уплачивает по умеренной оценке 100% ссудным кассам, этим потомкам Monts-de-piété[21]. Мы точно так же не говорим о кредитных фантазиях какого-нибудь доктора Хью Чемберлена или Джона Бриско, которые в последние десятилетия XVII века хотели избавить английскую аристократию от ростовщичества при посредстве земельного банка с бумажными деньгами, обеспеченными земельной собственностью[22].

Кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли эмансипироваться от господства старомодных ростовщиков и монополизаторов торговли деньгами. Если настоящие банки, основанные

---

[21] «Процент, взимаемый ссудными кассами, становится таким чрезмерным вследствие частых залогов и выкупов в течение одного и того же месяца или залогов одного предмета с целью выкупить другой, получив при этом небольшую разницу деньгами. В Лондоне имеется 240 разрешенных ссудных касс и в провинции приблизительно 1 450. Вложенный ими в дело капитал исчисляется примерно в 1 млн. Он оборачивается по крайней мере три раза в год, принося в среднем каждый раз $33^1/_2$%; таким образом низшие классы Англии ежегодно уплачивают 100% за временную ссуду в 1 млн., не считая потери вещей, не выкупленных в срок» (*J. D. Tuckett:* «A History of the Past and Present State of the Labouring Population», London 1846, I, стр. 114).

[22] Даже в заглавиях своих трудов они указывали как на главную свою цель «на общее благосостояние землевладельцев, большое повышение стоимости землевладения, освобождение знати, мелкого дворянства и т. п. от налогов, увеличение их годового дохода» и т. д. Потерпели бы, по их словам, только ростовщики, эти худшие враги нации, причинившие дворянству и yeomanry [независимому крестьянству] больше вреда, чем это могло бы сделать нашествие французской армии.

в этих городах-республиках, представляли в то же время учреждения публичного кредита, из которых государство получало ссуды под имеющие поступить налоги, то не следует забывать, что купцы, образовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и были столь же заинтересованы в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, как и в том, чтобы освободить от них самих себя[23]; этими мерами они рассчитывали еще сильнее и прочнее подчинить себе государство. Поэтому-то, когда проектировалось основание Английского банка, тори возражали: «Банки — учреждения республиканские. Процветающие банки существуют в Венеции, Генуе, Амстердаме и Гамбурге. Но кто слышал когда-либо о банке французском или испанском?»

Банк в Амстердаме, основанный в 1609 г., так же мало, как и банк в Гамбурге (1619 г.), знаменует новую эпоху в развитии современного кредитного дела. Это был чисто депозитный банк. Боны, выпускавшиеся банком, были в действительности лишь расписками в получении вложенного в банк благородного металла, в монете или в слитках, и обращались только с передаточной надписью их владельца. Однако в Голландии вместе с торговлей и мануфактурой развились коммерческий кредит и торговля деньгами, и капитал, приносящий проценты, самым ходом развития был подчинен промышленному и торговому капиталу. Это обнаруживалось уже в низком размере процента. Но Голландия в XVII веке считалась, подобно теперешней Англии, страной наиболее передовой в смысле экономического развития. Монополия старомодного ростовщичества, базировавшегося на бедности, исчезла там сама собою.

В течение всего XVIII века громко раздаются голоса, — и законодательство действует в том же направлении, — требующие, ссылаясь на пример Голландии, насильственного понижения уровня процента с той целью, чтобы капитал, приносящий проценты, подчинить торговому и промышленному капиталу, а не наоборот. Главным запевалой был сэр Джозай Чайльд, отец нормального

[23] «Так, напр., еще Карл II английский должен был уплачивать «золотых дел мастерам» (предшественникам банкиров) огромные ростовщические проценты и лаж, 20—30%. Столь выгодное дело побуждало «золотых дел мастеров» давать королю все новые и новые ссуды, предвосхищать все поступления от налогов, забирать в качестве обеспечения всякую разрешенную парламентом денежную ассигновку, как только она будет сделана, а также соперничать между собой в покупке и принятии в залог bills [векселей], orders [ассигновок] и tallies [налоговых документов], так что фактически все государственные доходы проходили через их руки» (*John Francis:* «History of the Bank of England», London 1848, I, стр. 31). «Учреждение банка уже раньше предлагалось несколько раз. Наконец, оно стало необходимым» (там же, стр. 38). «Банк был нужен уже для одного того, чтобы дать возможность эксплуатируемому ростовщиками правительству получать деньги по сносным процентам под обеспечение парламентских ассигновок» (там же, стр. 59, 60).

частного банкирского дела в Англии. Он разражается тирадами против монополии ростовщиков совершенно в том же духе, в каком крупная конфекционная фирма Мозес и сын рекламирует себя как борца с монополией «частных портных». Этот же Джозай Чайльд является в то же время отцом английских stockjobber'ов [торговцев ценными бумагами]. Так, напр., он, самодержец Ост-индской компании, защищает ее монополию во имя свободы торговли. Против Томаса Мэнли («Interest of Money mistaken») он пишет: «В качестве передового борца за интересы трусливой и дрожащей банды ростовщиков он сооружает свою главную батарею как раз в том пункте, который я признал самым слабым... он прямо отрицает, что низкий уровень процента есть причина богатства, и уверяет, что он есть лишь следствие последнего» («Traités sur le Commerce etc.» 1669. Trad. Amsterdam et Berlin 1754). «Если торговля есть средство, обогащающее страну, и если понижение процента увеличивает торговлю, то понижение процента или ограничение ростовщичества есть, без сомнения, главная плодотворная причина богатства нации. Нет вообще ничего нелепого в утверждении, что в одно и то же время одна и та же вещь может при известных условиях быть причиной, при других условиях — следствием» (там же, стр. 155). «Яйцо есть причина курицы и курица есть причина яйца. Снижение процента может вызывать увеличение богатства, а увеличение богатства может явиться причиной еще более сильного снижения процента» (там же, стр. 156). «Я защитник трудолюбия, а мой противник защищает леность и праздность» (стр. 179).

Эта яростная борьба с ростовщичеством, эти требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банкового дела, которое, с одной стороны, лишает ростовщический капитал его монополии, концентрируя и выбрасывая на денежный рынок все бездействующие денежные резервы, с другой стороны, ограничивает самую монополию благородных металлов путем создания кредитных денег.

В последнюю треть XVII и в начале XVIII века во всех английских сочинениях о банковом деле мы найдем такие же, как и у Чайльда, нападки на ростовщичество, требование эмансипировать от ростовщичества торговлю, промышленность и государство. Наряду с этим — колоссальные иллюзии насчет чудотворного влияния кредита, демонополизации благородных металлов, замещения их бумажными деньгами и т. п. Шотландец Вильям Патерсон, основатель Английского банка и Шотландского банка, имеет несомненное право на титул Ло Первый.

Против Английского банка «все золотых дел мастера и закладчики подняли яростный вой» (Macaulay: «History of England», IV,

стр. 499). — «В течение первых десяти лет банку приходилось бороться с большими затруднениями; сильная вражда извне; его банкноты принимались значительно ниже номинальной стоимости... золотых дел мастера (в руках которых торговля благородными металлами служила базисом примитивного банкового дела) сильно интриговали против банка, так как благодаря последнему их операции сократились, их учетный процент понизился, а их операции с правительством перешли в руки этого их противника» (J. Francis, цит. соч., стр. 73).

Еще ранее учреждения Английского банка, в 1683 г., возник план национального кредитного банка, цель которого между прочим заключалась в том, «чтобы деловые люди, если они имеют значительные массы товаров, могли при поддержке этого банка отдавать свои товары на хранение и получать кредит под свои лежащие без движения запасы, могли давать занятия своим служащим и расширять свои предприятия, пока не найдут выгодного рынка, вместо того чтобы продавать с убытком». После долгих хлопот этот Bank of Credit [кредитный банк] был наконец открыт в Devonshire House на Bishopsgate Street. Он давал промышленникам и купцам ссуды векселями под обеспечение заложенных товаров до $^3/_4$ стоимости этих последних. Чтобы обеспечить таким векселям обращение, в каждой отрасли предприятий известное число лиц объединялось в общество, у которого всякий владелец векселей мог получать взамен их товары столь же легко, как если бы он платил наличными. Дела банка шли не блестяще. Механизм был слишком сложен, риск в случае обесценения товаров слишком велик.

Всматриваясь в действительное содержание этих сочинений, теоретически сопровождавших и поощрявших формирование современного кредитного дела в Англии, мы не найдем там ничего, кроме требования подчинить капиталистическому способу производства, как одно из его условий, капитал, приносящий проценты, и всякие ссужаемые средства производства вообще. Если же обратить внимание лишь на внешнюю фразу, то сходство, вплоть до отдельных выражений, с банковыми и кредитными иллюзиями сен-симонистов зачастую поразительно.

Совершенно так же, как у физиократов cultivateur [земледелец] означает не действительного земледельца, а крупного арендатора, у Сен-Симона, а в некоторых случаях и у его учеников travailleur [рабочий] означает не рабочего, а промышленного и торгового капиталиста. «Travailleur нуждается в помощниках, в сотрудниках, в *рабочих [d'ouvriers];* он ищет помощников разумных, искусных, преданных; он их ставит на работу, и труд их производителен» («Religion saint-simonienne. Économie politique et Politique», Paris 1831, стр. 104). Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе «Nouveau Christianisme» Сен-

Симон прямо выступил от лица рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному или прославление промышленников и банкиров в противоположность маршалам и фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху юристам. Какая разница с относящимися к тому же времени сочинениями Оуэна![24] И у последователей Сен-Симона, как показывает только что цитированное место, промышленный капиталист остается travailleur par excellence [работником по преимуществу]. Критически прочтя их сочинения, мы не будем удивляться тому, что реализацией их кредитных и банковых грез явился основанный экс-сен-симонистом Эмилем Перейрой Crédit mobilier *, — форма, которая, впрочем, могла стать господствующей лишь в такой стране, как Франция, где ни кредитная система, ни крупная промышленность не развились еще до современного уровня. В Англии или Америке ничто подобное не было бы возможно. — В следующих местах «Doctrine de St.-Simon. Exposition. Première année 1828—1829». 3me éd., Paris 1831 находится уже зародыш Crédit mobilier. Очевидно, что банкир может оказывать более дешевый кредит, чем капиталист или частный ростовщик. Следовательно, эти банкиры «могут доставлять промышленникам орудия значительно дешевле, т. е. за *более низкие проценты,* чем это могли бы сделать земельные собственники и капиталисты, которым легче ошибиться в выборе заемщика» (стр. 202). Но сами авторы добавляют в примечании: «Выгода, которая должна получиться вследствие посредничества банкира между праздными и travailleurs, зачастую уравновешивается и даже уничтожается благодаря тому, что наше дезорганизованное общество доставляет эгоизму такую массу удобных случаев проявить себя в различных формах обмана и шарлатанства; банкиры внедряются зачастую

---

[24] При переработке рукописи Маркс, несомненно, сильно изменил бы это место. Оно навеяно ролью экс-сен-симонистов при Второй империи во Франции, где — как раз в то время, когда Маркс писал эти строки, — кредитные фантазии этой школы, долженствующие спасти мир, реализовались по исторической иронии в виде спекуляции неслыханного дотоле размаха. Впоследствии Маркс говорил лишь с удивлением о гении и энциклопедической голове Сен-Симона. Если последний в своих ранних произведениях игнорировал противоположность между буржуазией и едва нарождавшимся тогда во Франции пролетариатом, если он причислял часть буржуазии, занятую производством, к travailleurs, то это соответствует воззрению Фурье, стремившегося примирить капитал и труд, и объясняется экономическим и политическим положением тогдашней Франции. Если Оуэн в этом пункте видел дальше, то лишь потому, что он жил в другой обстановке, среди промышленной революции и уже сильно обострившихся классовых противоположностей. — *Ф. Э.*

* См. статью *К. Маркса:* «Crédit mobilier». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XI, ч. I, стр. 19—36. *Ред.*

между праздными и travailleurs, чтобы эксплуатировать тех и других ко вреду общества». «Travailleur» стоит здесь вместо «capitaliste industriel» [«промышленный капиталист»]. Совершенно неправильно впрочем рассматривать те средства, которыми располагают современные банки, исключительно как средства праздных людей. Во-первых, сюда относится часть капитала, которая в данный момент является свободной и находится в руках промышленников и купцов в денежной форме, как денежный резерв или капитал, еще только ждущий помещения, — это, следовательно, праздный капитал, но не капитал праздных. Во-вторых, сюда же относится та часть всяких вообще доходов и сбережений, которая окончательно или временно предназначена для накопления. И обе эти части существенны для определения характера банковой системы.

Однако отнюдь не следует забывать, во-первых, о том, что деньги — в форме благородных металлов — остаются основой, от которой кредитное дело по самой природе своей *никогда* не может освободиться. И, во-вторых, о том, что кредитная система предполагает монополию частных лиц на общественные средства производства (в форме капитала и земельной собственности), что сама кредитная система, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны — движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм.

Банковая система, по своей формальной организации и централизации, как отмечено еще в 1697 г. в сочинении «Some Thoughts of the Interests of England», представляет самое искусное и совершенное произведение, к которому вообще приводит капиталистический способ производства. Отсюда колоссальная власть такого учреждения, как Английский банк, над торговлей и промышленностью, хотя действительное движение последних лежит совершенно вне круга его действия, и он относится к этому движению пассивно. В банковой системе, конечно, дана форма общественного счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форма. Как мы уже видели, средняя прибыль каждого отдельного капиталиста или каждого отдельного капитала определяется не тем прибавочным трудом, который непосредственно присваивает этот капитал, а количеством всего прибавочного труда, присваиваемого всем капиталом, откуда каждый отдельный капитал получает свой дивиденд в количестве пропорциональном той части всего капитала, которую он представляет. Этот общественный характер капитала опосредствуется и осуществляется в полной мере лишь полным развитием кредитной и банковой системы. С другой стороны, последняя идет дальше. Она предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь свободный и даже только еще

потенциальный, не функционирующий еще активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, употребляющее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. Она снимает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, уничтожение самого капитала. Банковое дело изымает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию. Но благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время и могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов для кризисов и надувательства.

Далее, банковая система, замещая деньги различными формами кредитного обращения, показывает, что деньги в действительности суть не что иное, как особое выражение общественного характера труда и его продуктов, причем, однако, характер этот, как находящийся в противоречии с базисом частного производства, должен в конце концов всегда выражаться в виде вещи, в виде особого товара наряду с другими товарами.

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако, лишь как элемент в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла, — это поняли, впрочем, даже сен-симонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать как одна из его форм и капитал, приносящий проценты, образуя в действительности базис его кредитной системы. Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив деньги[25], был способен создать несусветную фантазию дарового кредита [crédit gratuit], эту мнимую реализацию мелкобуржуазных благопожеланий.

В «Religion saint-simonienne, Économie et Politique» мы читаем на стр. 45: «В обществе, где одни владеют орудиями промышленности, не имея ни способностей, ни желания их применять

[25] *Karl Marx:* «Misère de la Philosophie», Bruxelles et Paris 1847. [В изд. 1894 г. — «Philosophie de la Misère».] — *Karl Marx:* «Zur Kritik der Polit. Oekonomie», стр. 64.

к делу, а другие, трудолюбивые люди не владеют орудиями труда, кредит имеет своей целью перенести возможно более легким способом эти орудия из рук первых, их владельцев, в руки вторых, умеющих применить их к делу. Заметим, что, согласно этому определению, кредит есть следствие того способа, по которому конституирована *собственность*». Следовательно, кредит отпадает вместе с данной конституцией собственности. Далее, стр. 98 гласит: теперешние банки «считают своим назначением следовать тому движению, которое создается предприятиями, функционирующими независимо от них, но отнюдь не стремятся сами давать импульс этому движению; другими словами, банки играют роль капиталистов по отношению к тем travailleurs, которым они ссужают капиталы». Мысль, что банки должны взять на себя руководство предприятиями и должны отличаться «многочисленностью и полезностью управляемых ими учреждений и совершаемых по их инициативе работ» (стр. 101), заключает уже в себе в скрытом виде Crédit mobilier. Шарль Пеккер также требует, чтобы банки (то, что сен-симонисты называют Système général des banques [общая система банков]) «управляли производством». Вообще Пеккер по существу сен-симонист, хотя и много радикальнее. Он хочет, чтобы «кредитное учреждение... управляло всем движением национального производства». — «Попробуйте создать национальное кредитное учреждение, которое ссужало бы средствами неимущих людей, обладающих талантами и заслугами, не связывая, однако, принудительно этих заемщиков строгой солидарностью в производстве и потреблении, но, напротив, предоставляя им самим определять свой обмен и свое производство. Этим путем вы достигнете лишь того, что уже теперь достигнуто частными банками: анархии, диспропорции между производством и потреблением, внезапного разорения одних и внезапного обогащения других; таким образом ваше учреждение никогда не пойдет дальше того, чтобы создать для одних сумму благосостояния, равную сумме несчастия, выпадающего на долю других... вы только дадите наемным рабочим, поддерживаемым вашими ссудами, возможность совершенно таким же образом конкурировать между собою, как это делают теперь их капиталистические хозяева» (Ch. Pecqueur: «Théorie Nouvelle d'Économie Soc. et Pol.», Paris 1842, стр. 434).

Мы уже видели, что купеческий капитал и капитал, приносящий проценты, являются старейшими формами капитала. Из самой природы дела вытекает, однако, что в народном представлении капитал, приносящий проценты, выступает как форма капитала par excellence [по преимуществу]. В рамках купеческого капитала находит себе место посредническая деятельность, как бы она ни истолковывалась — как надувательство, как труд или как-либо иначе. Напротив, в капитале, приносящем проценты, в чистом

виде представлен самовоспроизводящий характер капитала, самовозрастающая стоимость, производство прибавочной стоимости как особое мистическое качество. От этого-то и происходит, что даже часть экономистов, особенно в странах, где, как во Франции, промышленный капитал не достиг еще полного развития, считают капитал, приносящий проценты, основной формой капитала, рассматривают, напр., земельную ренту лишь как его видоизменение, так как и здесь преобладает форма ссуды. Вследствие этого внутреннее строение капиталистического способа производства понимается совершенно неправильно, совершенно упускается из виду, что земля, как и капитал, ссужается только капиталистам. Вместо денег могут быть, конечно, даны в ссуду средства производства in natura [в натуре], напр., машины, промышленные здания и т. д. Но они представляют тогда определенную денежную сумму, а если кроме процента уплачивается известная сумма для возмещения снашивания, то это вытекает из потребительной стоимости, из специфической натуральной формы этих элементов капитала. Решающим здесь опять-таки является вопрос, ссужаются ли они непосредственному производителю, что предполагает отсутствие капиталистического способа производства, по крайней мере в той сфере, где это имеет место, — или же они ссужаются промышленному капиталисту, что̀ как раз предполагается на базисе капиталистического способа производства. Еще более неуместно и бессмысленно присоединение сюда ссуды домов и т. п. для индивидуального потребления. Что рабочий класс надувают и в этой форме, и притом в вопиющих размерах, факт общеизвестный, но то же самое совершает и мелкий торговец, снабжающий рабочего жизненными средствами. Это вторичная эксплуатация, сопровождающая первоначальную, которая осуществляется непосредственно в самом процессе производства. Разница между продажей и ссудой безусловно не имеет здесь значения и чисто формальна и, как было уже показано, лишь при полном непонимании действительной связи явлений представляется существенной.

Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится прямо его сохранять, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния. Чем менее элементы производства входят в процесс производства как товары и выходят из него как товары, тем более их происхождение из денег представляется обособленным актом. Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем пышнее расцветает ростовщичество.

Тот факт, что денежное имущество развивается в особый вид имущества, означает в отношении ростовщического капитала, что последний владеет всеми своими требованиями в форме денежных требований. Ростовщический капитал тем сильнее развивается в стране, чем больше производство в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью.

Поскольку ростовщичество выполняет двоякую роль: во-первых, создает вообще наряду с купеческим капиталом самостоятельное денежное имущество, во-вторых, присваивает себе условия труда, т. е. разоряет владельцев старых условий труда, — постольку оно является мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала.

ПРОЦЕНТ В СРЕДНИЕ ВЕКА.

«В средние века население было чисто земледельческим. При таких условиях, как при феодальном режиме, оборот может быть лишь незначительным, а следовательно, лишь незначительной может быть и прибыль. Поэтому в средние века законы о ростовщичестве находили себе оправдание. К тому же в земледельческой стране редко кому приходится брать деньги взаймы, разве если кто-либо впадал в бедность и нужду... Генрих VIII ограничивает процент 10%, Иаков I — 8%, Карл II — 6%, Анна — 5%... В те времена заимодавцы, если не юридически, то фактически были монополистами, и потому необходимо было ограничить их, как и других монополистов... В наше время норма прибыли регулирует норму процента; тогда норма процента регулировала норму прибыли. Если кредитор обременял купца высокой нормой процента, купец должен был наложить на свои товары более высокую норму прибыли. Таким образом из карманов покупателей извлекалось много денег для того чтобы перейти в карманы заимодавцев» (Gilbart: «History and Princ. of Banking», стр. 164, 165).

«Мне говорят, что теперь ежегодно на каждой лейпцигской ярмарке* взимают 10 гульденов, что составляет 30 на сто; некоторые прибавляют еще сюда Нейенбургскую ярмарку, так что получается 40 на сто; я не знаю, так ли это. Стыдитесь, куда же к чорту это, в конце концов, приведет?.. Кто имеет теперь в Лейпциге 100 флоринов, тот ежегодно получает 40, — это значит пожрать в один год крестьянина или горожанина. Если он имеет 1 000 флоринов, то получает ежегодно 400, — это значит пожрать в один год рыцаря или богатого дворянина. Если он имеет 10 000,

* Имеется в виду заем в 100 гульденов с условием уплаты процентов в три срока на лейпцигских ярмарках. В Лейпциге ежегодно бывали три ярмарки: новогодняя, пасхальная и в день св. Михаила. *Ред.*

то получает ежегодно 4 000, — это значит пожрать в один год богатого графа. Если он имеет 100 000, как это случается у богатых купцов, он взимает ежегодно 40 000, — это значит пожрать в один год крупного богатого князя. Если он имеет 1 000 000, то получает ежегодно 400 000, — это значит пожрать за один год крупного короля. И не грозит ему за это никакая опасность, ни жизни его, ни добру; ничего не делает, сидит себе за печкой и печет яблоки: и этот смиренный разбойник, сидя дома, может в десять лет сожрать целый мир». (Цитировано из «Bücher vom Kaufhandel und Wucher», 1524, Сочинения Лютера, Wittenberg 1589, 6 часть.)

«15 лет тому назад я писал против ростовщичества, ибо уже тогда оно забрало такую силу, что я не видел надежды на улучшение. С того времени оно столь вознеслось, что не хочет уже нигде считаться пороком, грехом и позором, но величается чистой добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу. Где же искать избавления, раз позор стал честью и порок добродетелью» («An die Pfarherrn wider den Wucher zu predigen», Wittenberg 1540).

«Евреи, ломбардцы, ростовщики и кровопийцы были нашими первыми банкирами, нашими первоначальными банковыми барышниками, их ремесло следует клеймить позором... К ним присоединились затем лондонские золотых дел мастера. В общем... наши первоначальные банкиры представляли... очень дурную компанию, они были жадными ростовщиками, бессердечными кровопийцами» (D. Hardcastle: «Banks and Bankers», 2nd ed., London 1843, стр. 19, 20).

«Показанный Венецией пример (образования банка) быстро нашел таким образом подражателей; все приморские города и вообще все города, составившие себе имя своей независимостью и своей торговлей, основали свои первые банки. Так как возвращения их кораблей приходилось зачастую дожидаться очень долго, то это по необходимости привело к обычаю кредитования, а открытие Америки и торговля с нею еще более усилили этот обычай». (Это главный пункт.) Отправка судов с товарами принуждала делать крупные займы, что имело место уже в древности в Афинах и вообще в Греции. В 1380 г. в ганзейском городе Брюгге уже была страховая палата (M. Augier, цит. соч., стр. 202, 203).

Насколько сильно в последней трети XVII столетия, когда еще не была развита современная кредитная система, даже в Англии преобладали ссуды земельным собственникам, следовательно, вообще представителям потребляющего богатства, видно между прочим из работы сэра Дэдли Норса, бывшего не только одним из

первых английских купцов, но и одним из самых значительных теоретиков-экономистов своего времени: «В нашем народе деньги, отдаваемые под проценты, гораздо менее чем в десятой своей части идут в руки деловых людей, которые могли бы при помощи их вести свои операции: они ссужаются главным образом для покупки предметов роскоши, выдаются на расходы людям, которые хотя и являются крупными землевладельцами, но тратят деньги быстрее, чем приносит им их землевладение; а так как они избегают продавать свои имения, они предпочитают обременять их ипотечными долгами» («Discourses upon Trade», London 1691, стр. 6, 7).

В XVIII веке в Польше: «Варшава производила крупные операции с векселями, что, однако, имело главным образом своей основой и задачей служение ростовщическим интересам варшавских банкиров. Чтобы достать себе деньги, которые они могли бы ссужать расточительной знати из 8 и более процентов, они искали и находили за границей вексельный кредит in Blanco, т. е. кредит, в основе которого не лежало никакой товарной торговли; тем не менее заграничные трассаты терпеливо акцептовали эти векселя до тех пор, пока еще поступали платежи, созданные этими вексельными махинациями. За это они сильно поплатились, когда обанкротился такой банкир, как Тэппер, и другие варшавские банкиры, пользовавшиеся большим доверием» (J. G. Büsch: «Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung etc.», 3. Aufl., Hamburg 1808, том II, стр. 233).

ВЫГОДЫ ДЛЯ ЦЕРКВИ ОТ ЗАПРЕЩЕНИЯ ПРОЦЕНТА.

«Взимать проценты церковь запретила; но не запрещала она продавать имущество, чтобы помочь себе в нужде; не запрещала даже отдавать заимодавцу это имущество на определенный срок до уплаты долга, чтобы последний мог иметь в нем свое обеспечение, а также, пользуясь им, мог, пока оно в его руках, получать вознаграждение за отданные в ссуду деньги... Сама церковь или принадлежащие к ней коммуны и pia corpora [благочестивые корпорации] извлекали отсюда большую выгоду, особенно во времена крестовых походов. Благодаря этому такая большая часть национального богатства попала во владение так называемой «мертвой руки», в особенности благодаря тому, что евреи не могли вести ростовщичество этим способом, так как владения таким прочным залогом нельзя было утаить... Без запрещения процента церкви и монастыри никогда не сосредоточили бы в своих руках таких богатств» (там же, стр. 55).

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОБАВОЧНОЙ ПРИБЫЛИ В ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Анализ земельной собственности в ее различных исторических формах лежит за пределами этой работы. Мы занимаемся ею лишь постольку, поскольку часть прибавочной стоимости, произведенной при помощи капитала, достается собственнику земли. Итак, мы исходим из того предположения, что земледелие,— точно так же, как мануфактура, — подчинено капиталистическому способу производства, т. е., что сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов в первую очередь только тем элементом, к которому прилагается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и т. д. точно так же, как фабрикант — пряжу или машины. Предположение, что капиталистический способ производства овладел сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства и буржуазного общества, что имеются, следовательно, налицо и вполне зрелые его условия, какова свободная конкуренция капиталов, возможность переносить их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней прибыли и т. д. Рассматриваемая нами форма земельной собственности есть специфически историческая форма ее, *превращенная* воздействием капитала и капиталистического способа производства форма либо феодальной земельной собственности, либо мелкокрестьянского земледелия, которое ведется крестьянином в целях пропитания и при котором *владение* землей является одним из условий производства для непосредственного производителя, а его *собственность* на землю является самым выгодным условием, условием процветания *его* способа производства. Если капиталистический способ

производства вообще предполагает экспроприацию рабочего от условий труда, то в земледелии он предполагает экспроприацию сельских рабочих от земли и подчинение их капиталисту, ведущему земледелие ради прибыли. Следовательно, при нашей постановке вопроса не имеет никакого значения, если, возражая нам, напомнят, что существовали и даже еще существуют другие формы земельной собственности и земледелия. Это может ударить только тех экономистов, которые рассматривают капиталистический способ производства в сельском хозяйстве и соответствующую ему форму земельной собственности не как исторические, а как вечные категории.

Для нас необходимо изучение современной формы земельной собственности потому, что задача вообще сводится к изучению определенных отношений производства и обращения, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству. Без этого анализ капитала был бы неполон. Итак, мы ограничиваемся исключительно приложением капитала к собственно земледелию, т. е. к производству главного растительного вещества, которым живет население. Мы могли бы сказать: пшеницы, потому что она — главное средство питания современных, капиталистически развитых народов. (Или, вместо земледелия, рудники, потому что законы — те же самые.)

Одна из больших заслуг А. Смита заключается в том, что он показал, каким образом земельная рента капитала, вложенного в производство других сельскохозяйственных продуктов, напр. льна, красильных трав, в самостоятельное скотоводство и т. д., определяется той земельной рентой, которую приносит капитал, вложенный в производство главных пищевых средств. В самом деле, после него в этом отношении не было сделано ни одного шага вперед. Все, что мы могли бы напомнить для ограничения или дополнения, относится не сюда, а к самостоятельному рассмотрению земельной собственности. Что же касается земельной собственности, не имеющей отношения к той земле, которая предназначена для производства пшеницы, то мы не будем поэтому говорить о ней ex professo [по всем правилам, исчерпывающе], но иногда будем привлекать ее лишь для иллюстрации.

Для полноты следует заметить, что здесь под землей разумеется и вода и т. п., поскольку она имеет собственника, является принадлежностью земли.

Земельная собственность предполагает монополию известных лиц в распоряжении определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли, с устранением всех других [26]. При таком предположении дело сводится к тому, чтобы

[26] Ничего не может быть комичнее учения Гегеля о частной земельной собственности. Человек как личность должен сделать действительной свою волю как душу внешней природы, и потому должен взять во владение эту

выяснить экономическую ценность, т. е. использование этой монополии на основе капиталистического производства. Юридическая власть этих лиц, их власть употреблять части земного шара и злоупотреблять ими, еще ничего не решает. Употребление всецело зависит от экономических условий, не зависимых от воли этих лиц. Самое юридическое представление не означает ничего больше, как только то, что земельный собственник может поступать с землей подобно тому, как всякий владелец товара — со своим товаром; и это представление — юридическое представление о свободной частной земельной собственности — появляется в древнем мире лишь в эпоху разложения органического общественного строя, а в современном мире лишь с развитием капиталистического производства. В Азию оно лишь в некоторые места импортировано европейцами. В отделе о первоначальном накоплении (кн. I, гл. XXIV) мы видели, что этот способ производства предполагает, с одной стороны, освобождение непосредственного производителя

природу как свою частную собственность. Если таково определение *«личности»*, — человека как личности, — то отсюда следовало бы, что каждый человек должен быть земельным собственником, чтобы осуществить себя как личность. Свободная частная собственность на землю — факт совсем недавнего происхождения — есть, по Гегелю, не определенное общественное отношение, но отношение человека как личности к «природе», абсолютное право человека на присвоение всех вещей (*Hegel:* «Philosophie des Rechts», Berlin 1840, стр. 79 [см. *Гегель:* «Философия права»; Соч., т. VII, стр. 71]). Ясно во всяком случае, что отдельная личность посредством одной только своей «воли» не может утвердить себя как собственника, вопреки чужой воле, которая также желает воплотиться в том же самом клочке земли. Тут необходимы вещи совершенно иного порядка, чем добрая воля. Далее, абсолютно невозможно усмотреть, где полагает «личность» границу осуществления своей воли, реализуется ли бытие этой воли в целой стране или, быть может, необходима целая куча стран, чтобы путем присвоения их «манифестировать верховность моей воли по отношению к вещам». Здесь Гегель попадает в совершенный тупик. «Акт овладения носит вполне единичный характер; я овладеваю лишь тем, чего я могу коснуться своим телом, но, с другой стороны, внешние предметы простираются далее того, что я в состоянии охватить. Когда я владею чем-либо, всегда имеется что-либо другое, соединенное с предметом моего владения. Я осуществляю акт овладения при помощи руки, но пределы досягания последней могут быть расширены» (стр. 90 [см. русс. пер. стр. 80]). Но с этим другим всегда находится в соединении еще что-нибудь другое, и таким образом исчезают пределы, в которых моя воля, как душа, должна излиться в землю. «Если я обладаю чем-нибудь, то рассудок тотчас делает дальнейший вывод, что не только непосредственно находящееся в моем владении, но и все связанное с ним — мое. Здесь должно сделать свои постановления положительное право, так как из понятия нельзя ничего больше вывести» (стр. 91 [см. русс. пер. стр. 80]). Это — в высшей степени наивное признание со стороны «понятия»; оно доказывает, что понятие, которое уже с самого начала заблуждается, считая абсолютным вполне определенное и принадлежащее буржуазному обществу юридическое представление о земельной собственности, вообще «ничего» не понимает в действительном характере этой земельной собственности. Вместе с тем здесь заключается признание, что с изменением потребностей общественного, т. е. экономического, развития «положительное право» может и должно изменять свои постановления.

от роли простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны — экспроприацию массы народа от земли. Именно постольку монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме. Но та форма, в которой находит земельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной [Markgemeinschaft] превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы. Один из великих результатов капиталистического способа производства состоит в том, что он, с одной стороны, превращает земледелие из эмпирического, механически передаваемого по наследству, занятия самой неразвитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно в условиях частной собственности[27]; что он, с одной стороны,

[27] Совершенно консервативные агрикультур-химики, как, напр., Джонстон, признают, что действительно рациональное земледелие на каждом шагу наталкивается на непреодолимые помехи, полагаемые частной собственностью. То же признают и писатели, являющиеся защитниками ex professo [по специальности] монополии частной собственности на земной шар, как, напр., г. Шарль Конт в двухтомной работе, имеющей своей специальной целью защиту частной собственности. «Никакой народ, — говорит он, — не может достигнуть той степени благосостояния и силы, которая соответствует его природе, если только каждая часть питающей его земли не получит назначения, наиболее согласного с общим интересом. Чтобы обеспечить широкое развитие его богатств, необходимо, чтобы по возможности единая и, самое главное, просвещенная воля взяла на себя распоряжение каждым отдельным участком его территории и добилась того, чтобы каждый участок служил для преуспеяния всех остальных. Но существование такой воли... оказалось бы несовместимым с разделением земли на частные земельные участки... и с предоставленной всякому владельцу возможностью почти абсолютно по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом». — Джонстон, Конт и др., встречаясь с противоречием собственности и рациональной агрономии, обращают внимание лишь на необходимость возделывать землю известной страны как одно целое. Но и зависимость культуры особых земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду, противоречат агрикультуре, которая должна обеспечить совокупность постоянных жизненных условий сменяющихся человеческих поколений. Яркий пример этого дает лесное хозяйство, которое лишь в тех случаях иногда ведется до известной степени в соответствии с общественным интересом, когда леса не составляют частной собственности, а подчинены государственному управлению.

совершенно отделяет землевладение от отношений господства и рабства, а, с другой стороны, совершенно отделяет землю, как условие производства, от землевладения и от землевладельца, для которого она не означает ничего больше, кроме определенного денежного налога, взимаемого им, благодаря его монополии, с промышленного капиталиста, фермера; капиталистический способ производства настолько разрывает связь земельного собственника с землей, что последний может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность лежит в Шотландии. Так собственность на землю получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей, коротко говоря, от всех тех традиционных придатков, на которые сами промышленные капиталисты, равно как и их теоретические защитники, как мы увидим позже, в пылу борьбы с земельной собственностью нападали как на бесполезное и нелепое излишество. С одной стороны, рационализация земледелия, впервые создающая возможность общественного ведения его, — с другой стороны, сведение к абсурду земельной собственности, таковы великие заслуги капиталистического способа производства. Как и все свои другие исторические заслуги, он покупает и эту ценой полного обнищания непосредственных производителей.

Прежде чем перейти к самому предмету, необходимо во избежание недоразумений сделать еще несколько предварительных замечаний.

Предпосылка капиталистического способа производства, стало быть, такова: действительные земледельцы суть наемные рабочие, занятые у капиталиста, арендатора, который ведет сельское хозяйство только как особую область эксплуатации для капитала, как приложение своего капитала к особой сфере производства. В определенные сроки, напр. ежегодно, этот капиталист-фермер уплачивает земельному собственнику, собственнику эксплуатируемой им земли, установленную договором сумму денег (совершенно так же, как заемщик денежного капитала — определенный процент) за разрешение применить свой капитал в этой особой области производства. Эта денежная сумма называется земельной рентой, безразлично, уплачивается ли она с пахотной земли, строительного участка, рудников, рыбных ловель, лесов и т. д. Она уплачивается за все время, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следовательно, земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, доставляет стоимость. Далее, мы имеем здесь перед собою все три класса, которые в совокупности и противополагаясь друг другу составляют остов современного общества: наемный рабочий, промышленный капиталист, земельный собственник.

Капитал может быть фиксирован в земле, присоединен к ней, частью на относительно короткий срок, как при улучшениях химического свойства, удобрениях и т. д., частью на более продолжительный, как в случае с осушительными каналами, оросительными сооружениями, нивелировкой, хозяйственными постройками и т. д. В другом месте я назвал капитал, присоединяемый таким образом к земле, la terre-capital [земля-капитал][28]. Он относится к категории основного капитала. Процент за вложенный в землю капитал и за улучшения, таким образом произведенные в ней как в орудии производства, может составлять часть той ренты, которая уплачивается фермером собственнику земли[29], но не это образует собственно земельную ренту, уплачиваемую за пользование землей как таковой, независимо от того, находится ли она в естественном состоянии или культивирована. При систематическом изучении земельной собственности, что не входит в наш план, эту часть дохода земельного собственника нужно было бы рассмотреть подробно. Здесь же достаточно нескольких слов об этом предмете. Более краткосрочные затраты капитала, сопряженные с обычными производственными процессами в земледелии, все без исключения делаются фермером. Эти затраты, как и простое возделывание вообще, если только оно ведется до некоторой степени рационально, т. е. не сводится к грубому истощению почвы, как было, напр., у прежних американских рабовладельцев — против чего, однако, господа земельные собственники по контракту обеспечивают себя, — эти затраты улучшают почву[30], увеличивают количество ее продукта и превращают землю из простой материи в землю-капитал. Возделанная земля больше стоит, чем невозделанная, обладающая такими же естественными свойствами. И основные капиталы, присоединяемые к земле на более долгий срок, используемые в течение сравнительно продолжительного времени, по большей части, а в некоторых сферах иногда исключительно, затрачиваются также фермером. Когда же истекает определенный договором срок аренды, — и это одна из причин, почему с развитием капиталистического

---

[28] «Misère de la Philosophie», стр. 165 [см. *К. Маркс:* «Нищета философии», Огиз, 1941 г., стр. 140]. Там я провожу различие между terre-matière [земля-материя] и terre-capital [земля-капитал]. «Одним только новым вложением капиталов в участки земли, уже превращенные в средства производства, увеличивают землю-капитал без всякого увеличения материи, т. е. пространства земли... Но земля-капитал не более вечна, чем всякий другой капитал... Земля-капитал есть основной капитал, но основной капитал так же изнашивается, как и оборотные капиталы».

[29] Я говорю «может», потому что при известных обстоятельствах этот процент регулируется законом земельной ренты и потому, как при конкуренции новых земель, обладающих большим естественным плодородием, может исчезнуть.

[30] См. Джемс Андерсон и Кэри.

производства земельный собственник стремится по возможности сократить срок аренды, — тогда произведенные в земле улучшения достаются владельцу земли в качестве его собственности, как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли. При заключении нового договора об аренде земельный собственник присоединяет к собственно земельной ренте процент на капитал, присоединенный к земле, — безразлично, сдает ли он теперь землю тому фермеру, который произвел улучшения, или какому-либо другому. Таким образом его рента разбухает; или если он намерен продать землю — мы сейчас увидим, как определяется ее цена, — теперь оказывается повышенной ее стоимость. Он продает не просто землю, но улучшенную землю, присоединенный к земле капитал, который ему ничего не стоил. Это одна из тайн — совершенно оставляя в стороне движение собственно земельной ренты — возрастающего с ходом экономического развития обогащения земельных собственников, постоянного разбухания их рент и возрастания денежной стоимости их земель. Так они кладут в свой карман то, что является результатом общественного развития, получающимся без содействия с их стороны, — fruges consumere nati [рожденные для потребления плодов]. Но в то же время это — одна из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком возвратятся до истечения срока его аренды; и мы видим, что на это обстоятельство именно как на такую помеху жалуются снова и снова: в прошлом веке Джемс Андерсон, собственно открывший современную теорию ренты и в то же время фермер-практик и видный для своей эпохи агроном, а в наши дни — противники современного строя земельной собственности в Англии.

А. А. Уолтон в «History of the Landed Tenures of Great Britain and Ireland», London 1865, так говорит об этом (стр. 96, 97): «Все усилия многочисленных сельскохозяйственных учреждений в нашей стране не могут привести к значительным или действительно заметным результатам в отношении настоящего прогресса в области улучшенной обработки земли, пока такие улучшения в гораздо большей степени увеличивают стоимость земельной собственности и размер ренты землевладельца, чем улучшают положение фермера или сельского рабочего. В общем фермеры нисколько не хуже землевладельца, его управляющего или даже президента сельскохозяйственного общества знают, что хороший дренаж, обильное удобрение и хорошее хозяйствование вместе с увеличенным применением труда для основательной расчистки и обработки земли дадут чудные результаты как в отношении улучшения почвы, так и в отношении увеличения производства. Но все это требует значительных затрат, и фермеры не менее хорошо знают, что, как бы ни улучшили они землю и ни повысили ее

стоимость, с течением времени землевладельцы пожнут от этого главную выгоду в повышенной ренте и возросшей цене земли... Фермеры достаточно понятливы, чтобы заметить, что те ораторы {землевладельцы и их управляющие на сельскохозяйственных торжествах} странным образом всегда забывают сказать им, что львиная доля всех улучшений, сделанных фермером, всегда должна, в конце концов, попадать в карман землевладельца. Как бы прежний арендатор ни улучшил арендованную землю, его преемник каждый раз откроет, что землевладелец повысит ренту соответственно повышению стоимости земли, созданному прежними улучшениями.

В собственно земледелии этот процесс проявляется еще не так ясно, как при пользовании землей в качестве строительного участка. В Англии подавляющая часть земли под постройки не продается как freehold [в собственность], а сдается земельными собственниками на 99 лет или, если возможно, и на более короткий срок. По истечении этого срока постройки вместе с самой землей достаются землевладельцу. «Они {арендаторы} обязуются, после того как они все время уплачивали вздутую земельную ренту, по истечении срока контракта передать крупному землевладельцу дом в хорошем, удобном для жилья состоянии. Едва истекает срок договора об аренде, как приходит агент или инспектор землевладельца, осматривает ваш дом, заботится о том, чтобы вы привели его в хорошее состояние, потом вступает во владение им и присоединяет его к владениям своего лэндлорда. Факт тот, что, если полное действие этой системы будет допущено еще на продолжительное время, все домовладение в королевстве, точно так же как сельское землевладение, окажется в руках крупных землевладельцев. Почти весь Вест-энд Лондона, к северу и югу от Temple Bar, принадлежит примерно полдюжине крупных землевладельцев, сдается в аренду, принося огромную земельную ренту, и там, где сроки договоров еще не вполне истекли, они быстро истекают один за другим. В большей или меньшей мере это относится и ко всем городам королевства. Но даже на этом не останавливается эта алчная система исключительности и монополии. Почти все доковые сооружения наших приморских городов вследствие такого же процесса узурпации находятся в руках крупных землевладельцев-левиафанов» (там же, стр. 93). При таких обстоятельствах очевидно, что если перепись 1861 г. для Англии и Уэльса при общей цифре населения в 20 066 224 определяет число домовладельцев в 36 032, то отношение числа собственников к числу домов и цифре населения получило бы совершенно иной вид, если бы крупные собственники были указаны особо от мелких.

Этот пример собственности на постройки важен 1) потому что он ясно показывает различие между собственно земельной рентой и процентом на присоединенный к земле основной капитал, —

процентом, который может составлять придаток к земельной ренте. Пока продолжается срок арендного договора, процент на постройки, как и на капитал, вкладываемый при земледелии арендатором в землю, достается промышленному капиталисту — строительному спекулянту или фермеру — и сам по себе не имеет ничего общего с земельной рентой, которая должна уплачиваться ежегодно, в определенные сроки, за пользование землей. 2) Потому что он показывает, как вместе с землей, в конце концов, достается землевладельцу и присоединенный к ней чужой капитал, и вследствие этого его рента увеличивается процентом.

Некоторые писатели, отчасти как защитники земельной собственности против нападок буржуазных экономистов, отчасти стремясь превратить капиталистическую систему производства из системы противоречий в систему «гармонии», как, напр., Кэри, старались представить, будто земельная рента, специфическое экономическое выражение земельной собственности, тожественна с процентом. Тем самым была бы изглажена противоположность между земельными собственниками и капиталистами. Обратный метод применялся при начале капиталистического производства. Тогда для ходячего представления земельная собственность была еще первичной и почтенной формой частной собственности, между тем как процент на капитал подвергался нападкам как ростовщичество. Поэтому Дэдли Норс, Локк и др. изображали процент на капитал как форму аналогичную земельной ренте, — совершенно так же, как Тюрго из существования земельной ренты выводил оправдание процента. — Указанные новейшие писатели, совершенно оставляя в стороне тот факт, что земельная рента может существовать и существует в чистом виде, без всякой примеси процента на присоединенный к земле капитал, забывают, что земельный собственник получает таким образом не только процент на чужой капитал, который ему ничего не стоил, но сверх того получает еще даром и чужой капитал в придачу. Оправдание земельной собственности, — как и всяких других форм собственности соответствующих определенному способу производства, — заключается в том, что самый способ производства, а следовательно, и вытекающие из него отношения производства и обмена, представляют историческую преходящую необходимость. Впрочем, как мы увидим впоследствии, земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем, что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства.

Земельная рента может смешиваться с процентом еще в одной форме, и благодаря этому ее специфический характер может остаться непонятым. Земельная рента находит выражение в определенной сумме денег, которую земельный собственник ежегодно извлекает из сдачи в аренду известного участка земли. Мы видели,

как всякий определенный денежный доход может капитализироваться, т. е. рассматриваться как процент на воображаемый капитал. Если, напр., средняя процентная ставка 5%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст. может рассматриваться как процент на капитал в 4 000 ф. ст. Капитализированная таким образом земельная рента и образует покупную цену, или стоимость земли, категорию, которая prima facie подобно цене труда иррациональна, так как земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости. Но, с другой стороны, за этой иррациональной формой скрывается действительное производственное отношение. Если капиталист покупает за 4 000 ф. ст. землю, приносящую годовую ренту в 200 ф. ст., то он получает средний годовой процент в 5% — совершенно так же, как если бы он вложил этот капитал в процентные бумаги или прямо отдал его в ссуду из 5%. Это — увеличение стоимости капитала в 4 000 ф. ст. из 5%. При таком предположении в 20 лет он возместил бы покупную цену своего имения доходами с последнего. Поэтому в Англии покупная цена земель исчисляется по известному числу years' purchase [покупаемых годовых доходов], что есть лишь иное выражение капитализации земельной ренты. В самом деле, это покупная цена — не земли, а той земельной ренты, которую она приносит, — исчисленная в соответствии с обычной процентной ставкой. Но эта капитализация ренты предполагает ренту, между тем как рента не может быть выведена и объяснена в обратном порядке, из ее собственной капитализации. Напротив, ее существование, независимо от продажи, является здесь предпосылкой, исходной точкой.

Из этого следует, что, предполагая земельную ренту как постоянную величину, цена земли может повышаться и понижаться в обратном направлении с повышением и понижением уровня процента. Если бы обычная процентная ставка понизилась с 5 до 4%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст. представляла бы годовой прирост стоимости капитала уже не в 4 000 ф. ст., а в 5 000 ф. ст., и таким образом цена того же самого участка земли повысилась бы с 4 000 до 5 000 ф. ст. или с 20 years' purchase до 25. В противоположном случае произошло бы обратное. Это — независимое от движения самой земельной ренты и регулируемое лишь уровнем процента движение цены земли. Но так как мы видели, что в ходе общественного развития норма прибыли, а вместе с ней и уровень процента, поскольку он регулируется нормой прибыли, имеет тенденцию понижаться; что, далее, даже оставляя в стороне норму прибыли, уровень процента имеет тенденцию понижаться вследствие роста ссужаемого денежного капитала, — то из этого следует, что цена земли имеет тенденцию повышаться и независимо от движения земельной ренты и цены земельных продуктов, часть которой составляет рента.

Смешение самой земельной ренты с той формой процента, которую она принимает для покупателя земли, — смешение, основанное на полном непонимании природы земельной ренты, — необходимо приводит к удивительнейшим ложным заключениям. Так как земельная собственность во всех старых странах считается особо почтенной формой собственности, а купля земельной собственности — особо верным помещением капитала, то процентная ставка, на основе которой покупается земельная рента, держится обыкновенно ниже, чем при других способах помещения капитала, рассчитанных на сравнительно долгое время, так что, напр., покупщик земли получает на покупную цену всего 4%, между тем как он получил бы на тот же капитал при другом способе помещения 5%; или, что сводится к тому же, он уплачивает за земельную ренту больше капитала, чем пришлось бы ему уплатить за такой же годовой денежный доход в других областях вложения капитала. Г-н Тьер в своей вообще совершенно дрянной работе о La Propriété (оттиске его речи против Прудона, произнесенной в 1849 г. во французском Национальном собрании) делает из этого тот вывод, что земельная рента низка, между тем как это только доказывает, что покупная цена ее высока.

То обстоятельство, что капитализированная земельная рента представляется как цена земли, или стоимость земли, и что земля таким образом продается и покупается подобно всякому другому товару, служит для некоторых апологетов основанием для оправдания земельной собственности, так как покупатель платил за нее, как и за всякий другой товар, эквивалент, и бо́льшая часть земельной собственности перешла таким способом из рук в руки. Но в таком случае подобное соображение служило бы оправданием и для рабства, потому что для рабовладельца, заплатившего за раба наличными, выручка от рабского труда представляет лишь процент на капитал, затраченный на его покупку. Вообще выводить из купли и продажи земельной ренты оправдание ее существования — это значит оправдывать ее существование ее существованием.

Как ни важно для научного анализа земельной ренты, — т. е. самостоятельной специфической экономической формы земельной собственности на основе капиталистического способа производства, — как ни важно изучить ее в чистом виде, свободной от всех фальсифицирующих и затушевывающих ее примесей, не менее важно, с другой стороны, для понимания практических следствий земельной собственности и даже для теоретического познания массы фактов, которые противоречат понятию и природе земельной ренты и, однако, выступают как формы существования земельной ренты, — не менее важно познакомиться с элементами, которые приводят к этим затемнениям теории.

Все, что фермер платит земельному собственнику в форме арендных денег за разрешение возделывать землю, выступает,

конечно, практически как земельная рента. Из каких бы составных частей ни складывалась эта дань, из каких бы источников она ни происходила, для нее с собственно земельной рентой обще то, что монополия на часть земного шара дает так называемому земельному собственнику силу взимать дань, налагать контрибуцию. Для нее с собственно земельной рентой обще то, что она определяет земельную цену, которая, как показано выше, есть не что иное, как капитализированный доход от сдачи земли в аренду.

Мы уже видели, что процент на присоединенный к земле капитал может образовать такую инородную составную часть земельной ренты, составную часть, которая с ходом экономического развития необходимо образует постоянно возрастающий придаток к общей сумме рент данной страны. Но даже оставляя этот процент в стороне, возможно, что в арендных деньгах частично, а в известных случаях исключительно, — при полном, следовательно, отсутствии собственно земельной ренты, когда земля поэтому в действительности ничего не стоит, — скрывается вычет из средней ли прибыли, из нормальной ли заработной платы, или из той и другой одновременно. Эта часть — прибыли или заработной платы — выступает здесь в образе земельной ренты, потому что она не достается, как это бывает в нормальных случаях, промышленному капиталисту или наемному рабочему, а уплачивается в форме арендных денег земельному собственнику. Ни та, ни другая часть не образует земельной ренты в экономическом смысле этого слова: но практически она образует доход земельного собственника, экономическое использование его монополии, совершенно так же, как действительная земельная рента, и точно так же, как последняя определяющим образом влияет на цену земли.

Мы не говорим здесь о таких отношениях, когда формально существует земельная рента, это соответствующее капиталистическому способу производства выражение земельной собственности, но когда нет самого капиталистического способа производства, когда сам фермер не является промышленным капиталистом и характер его хозяйствования не является капиталистическим. Таково, напр., положение в *Ирландии*. Фермер здесь в общем мелкий крестьянин. То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, т. е. его собственного прибавочного труда, на который он имеет право как владелец своих собственных орудий труда, но и часть нормальной заработной платы, которую он получал бы при других условиях за такое же количество труда. Кроме того земельный собственник, который здесь совершенно ничего не делает для улучшения почвы, экспроприирует у арендатора его маленький капитал, присоединенный им к земле по большей части собственным трудом, — точно так же, как сделал бы ростов-

щик при аналогичных условиях. Но ростовщик рискует при подобных операциях, по крайней мере, своим собственным капиталом. Такое постоянное ограбление составляет предмет раздора из-за ирландского земельного законодательства, которое главным образом сводится к тому, чтобы заставить земельного собственника, отказывающего арендатору, компенсировать последнего за произведенные им улучшения почвы или за присоединенный к земле капитал. Пальмерстон обыкновенно давал на это циничный ответ: «Палата общин — палата земельных собственников».

Мы не говорим также о тех исключительных отношениях, когда даже в странах капиталистического производства земельный собственник может выжимать высокую арендную плату, которая не стоит ни в каком соответствии с продуктом земли, примером чего может служить в английских промышленных округах сдача мелких клочков земли в аренду фабричным рабочим под маленькие садики или для любительского земледелия в часы досуга («Reports of Inspectors of Factories»).

Мы говорим о земледельческой ренте в странах развитого капиталистического производства. Например, среди английских фермеров имеется известное количество мелких капиталистов, которые в силу воспитания, образования, традиции, конкуренции и других обстоятельств предназначены и вынуждены к тому, чтобы в качестве фермеров применять свой капитал к земледелию. Они вынуждены довольствоваться прибылью меньшей, чем средняя, и отдавать часть ее в форме ренты собственнику земли. Только при этом условии им разрешается вкладывать свой капитал в почву, в земледелие. Так как земельные собственники повсюду оказывают значительное, в Англии даже преобладающее влияние на законодательство, то это влияние может быть использовано для того чтобы обирать целый класс фермеров. Правда, напр., хлебные законы 1815 г., налог на хлеб, наложенный на страну откровенно с той целью, чтобы обеспечить для праздных земельных собственников дальнейшее существование рент, непомерно возросших во время антиякобинской войны, — оказали, если не считать отдельных исключительно урожайных годов, то действие, что поддерживали цены сельскохозяйственных продуктов выше уровня, до которого они упали бы при свободном ввозе хлеба. Однако они не достигли такого результата, чтобы удержать высокий уровень цен, которые были декретированы землевладельцами-законодателями в качестве нормальных таким образом, что они составляли законный предел для ввоза иностранного хлеба. Между тем арендные договоры заключались под впечатлением этих нормальных цен. Когда иллюзии рассеялись, был составлен новый закон с новыми нормальными ценами, которые, однако, были столь же бессильным выражением алчной землевладельческой фантазии, как и старые. Таким способом фермеров обманывали

с 1815 до 30-х годов. Отсюда agricultural distress [угнетенное состояние земледелия] как постоянная тема на протяжении всего этого времени. Отсюда экспроприация и разорение целого поколения фермеров в течение этого периода и замещение их новым классом капиталистов[31].

Но несравненно более общим и важным фактом является понижение заработной платы собственно земледельческих рабочих ниже нормального среднего уровня, так что часть заработной платы отнимается у рабочего, образует составную часть арендной платы и таким образом под маской земельной ренты достается земельному собственнику вместо рабочего. Например, в Англии и Шотландии, за исключением немногих графств, находящихся в благоприятном положении, это общее явление. Труды учрежденных перед введением хлебных законов в Англии парламентских следственных комиссий по вопросу о высоте заработной платы — до сих пор самые ценные и почти совершенно неиспользованные материалы по истории заработной платы в XIX веке и в то же время позорный памятник, воздвигнутый английской аристократией и буржуазией самим себе, — с очевидностью, вне всякого сомнения, доказывают, что высокие рентные ставки и соответствующий им рост земельных цен во время антиякобинской войны являются отчасти результатом просто вычета из заработной платы и ее понижения даже за пределы физического минимума, т. е. результатом отдачи некоторой части нормальной заработной платы земельному собственнику. Различные обстоятельства, между прочим обесценение денег, способ применения законов о бедных в земледельческих округах и т. д., сделали возможной эту операцию в то самое время, когда доходы фермеров колоссально возрастали и земельные собственники сказочно обогащались. Даже одним из главных аргументов как фермеров, так и земельных собственников в пользу введения хлебных пошлин был тот довод, что физически невозможно еще больше понизить заработную плату земледельческих батраков. Это положение не претерпело существенных изменений, и в Англии, как во всех европейских странах, часть нормальной заработной платы попрежнему входит в состав земельной ренты. Когда граф Шэфтсбери, в то время лорд Эшли, один из филантропов-аристократов, был чрезвычайно растроган положением английских фабричных рабочих и при агитации за десятичасовой день выступил их парламентским защитником, то в отместку за это защитники промышленников опубликовали статистические данные о заработной плате

[31] См. Anti-Corn-Law Prize-Essays. Тем не менее хлебные законы все же поддерживали цены на искусственно повышенном уровне. Это благоприятствовало лучшим фермерам. Они выигрывали от застоя, в котором охранительные пошлины держали подавляющую массу фермеров, уповавших — основательно или нет, дело другое, — на исключительную среднюю цену.

земледельческих рабочих в принадлежащих ему деревнях (см. кн. I, гл. XXIII, 5, е: британский земледельческий пролетариат); эти данные ясно показали, что часть земельной ренты этого филантропа получается просто от грабежа, который за него учиняют его арендаторы над заработной платой земледельческих рабочих. Эта публикация интересна еще и потому, что приведенные в ней факты могут смело стать рядом со всем худшим, что раскрыли комиссии 1814 и 1815 гг. Едва лишь обстоятельства принуждают к временному повышению заработной платы земледельческих рабочих, тотчас раздаются вопли фермеров, что повышение заработной платы до нормального уровня, как это имеет место в других отраслях промышленности, вещь невозможная, что оно неизбежно разорит их, если не будет одновременно понижена земельная рента. Здесь, таким образом, заключается признание, что под именем земельной ренты арендаторы делают вычет из заработной платы и выплачивают его земельному собственнику. Например, за 1849—1859 гг. заработная плата земледельческих рабочих в Англии повысилась вследствие стечения ряда решающих обстоятельств: массовая эмиграция [Exodus] из Ирландии, прекратившая приток оттуда земледельческих рабочих; необычное поглощение земледельческого населения фабричной промышленностью; спрос на солдат для войны; необычная эмиграция в Австралию и Соединенные Штаты (в Калифорнию) и другие причины, на которых здесь не приходится останавливаться подробнее. В то же время в этот период, за исключением неурожайных 1854—1856 гг., средние цены хлеба понизились более чем на 16%. Арендаторы вопияли о понижении рент. В отдельных случаях они достигли этого. Вообще же они с этим требованием потерпели фиаско. Они искали выхода в понижении издержек производства, между прочим путем массового введения паровых локомобилей и новых машин, которые отчасти заменяли и вытесняли из хозяйства лошадей, отчасти же, освобождая земледельческих рабочих, вызывали искусственное перенаселение, а потому и новое понижение заработной платы. И это происходило, несмотря на общее относительное, по сравнению с ростом всего населения, уменьшение земледельческого населения за это десятилетие и несмотря на абсолютное уменьшение этого населения в некоторых чисто земледельческих округах[32]. Точно так же 12 октября 1865 г. Фауселт, тогда профессор политической экономии в Кембридже {умерший в 1884 г. генерал-почтмейстером}* говорил на Social

---

[32] *Джон Ч. Мортон:* «The Forces used in Agriculture». Доклад в лондонском Society of Arts [Обществе искусств] в 1860 г., основанный на подлинных документах, полученных примерно от 100 арендаторов в 12 шотландских и 35 английских графствах.

* Скобки даны на основании фотокопии имеющейся в ИМЭЛ рукописи Маркса. В издании 1894 г. скобок нет. *Ред.*

Science Congress: «Земледельческие рабочие начинают эмигрировать, и арендаторы начинают жаловаться, что они не в состоянии будут платить столь высокие ренты, как обыкновенно платили, потому что вследствие эмиграции труд становится дороже». Следовательно, здесь высокая земельная рента прямо отожествляется с низкой заработной платой. И поскольку высота цены земли обусловливается этим обстоятельством, повышающим ренту, постольку повышение стоимости земли тожественно с обесценением труда, высокий уровень цены земли — с низким уровнем цены труда.

То же самое и во Франции. «Арендная плата повышается, потому что на одной стороне повышается цена хлеба, вина, мяса, овощей и фруктов, а на другой стороне цена труда остается неизменной. Если бы старики сравнили счета их отцов, — что отодвигает нас назад почти на 100 лет, — они нашли бы, что тогда цена рабочего дня в сельской Франции была точно такая же, как в настоящее время. Цена же мяса с того времени утроилась... Кто жертва этого переворота? Богатый ли собственник сдаваемой в аренду земли или бедный, который ее обрабатывает?.. Повышение арендных плат есть доказательство общественного бедствия» («Du Mécanisme de la Société en France et en Angleterre». Par M. Rubichon. 2me édit., Paris 1837, стр. 101).

Примеры ренты как следствия вычета из средней прибыли, с одной стороны, из средней заработной платы, с другой:

Цитированный выше Мортон, земельный агент и сельскохозяйственный инженер, рассказывает, что, согласно сделанным во многих местах наблюдениям, ренты за крупные аренды ниже, чем за более мелкие, так как «конкуренция из-за последних обычно больше, чем из-за первых, и так как мелкие арендаторы, которые редко имеют возможность заняться чем-либо иным, кроме сельского хозяйства, вынужденные необходимостью найти подходящее дело, соглашаются платить такую ренту, о которой они сами знают, что она слишком высока» (John C. Morton: «The Resources of Estates», London 1858, стр. 116).

Однако, по его мнению, в Англии это различие постепенно сглаживается, чему, как он полагает, сильно содействует эмиграция класса как раз мелких арендаторов. Тот же Мортон приводит пример, когда в земельную ренту несомненно входит вычет из заработной платы самого фермера и, следовательно, еще несомненнее — из заработной платы рабочих, которых он нанял. Именно, при арендах менее 70—80 акров (30—34 гектара), где невозможно держать парноконный плуг. «Если арендатор не работает своими собственными руками так же прилежно, как любой рабочий, он не может существовать за счет своей аренды. Если он предоставит выполнение работы своим людям, а сам ограничится исключительно надзором за ними, он, по всей вероятности, очень скоро убедится, что не в состоянии уплачивать свою ренту»

(там же, стр. 118). Из этого Мортон делает тот вывод, что если арендаторы в данной местности не очень бедны, то размеры сдаваемых в аренду участков не должны быть менее 70 акров, так чтобы фермер мог держать 2—3 лошадей.

Необычная мудрость г. Леонс де Лавернь, Membre de l'Institut et de la Société Centrale d'Agriculture [члена Института и Центрального общества земледелия]. В своей «Économie Rurale de l'Angleterre» (цитируется по английскому переводу, Лондон 1855) он делает следующее сравнение годовых выгод от рогатого скота, который во Франции употребляется для работ, а в Англии не употребляется, так как его заменяют лошади (стр. 42):

Франция:	молоко .	4 млн. ф. ст.	Англия: молоко .	16 млн. ф. ст.
	мясо . .	16 » » »	мясо . .	20 » » »
	работа .	8 » » »	работа .	—
		28 млн. ф. ст.		36 млн. ф. ст.

Но при этом более высокий продукт получается потому, что, согласно его собственным данным, молоко в Англии стоит вдвое дороже, чем во Франции, между тем как для мяса он предполагает одинаковые цены в обеих странах (стр. 35); следовательно, молочный продукт в Англии сокращается до 8 млн. ф. ст., а весь продукт — до 28 млн. ф. ст., как во Франции. Действительно, это пожалуй слишком сильно, когда г. Лавернь вводит в свое вычисление одновременно и количества продукта и различия цен, так что если Англия производит известные предметы дороже, чем Франция, — что может означать лишь бо́льшую прибыль для арендаторов и земельных собственников, — то это представляется как преимущество английского земледелия.

Что г. Лавернь знаком не только с экономическими результатами английского сельского хозяйства, но разделяет и предрассудки английских фермеров и землевладельцев, это он показывает на стр. 48: «Крупная невыгода обыкновенно сопряжена с зерновыми растениями... они истощают почву, на которой произрастают». Г-н Лавернь не только полагает, что другие растения этого не делают, — он полагает также, что кормовые растения и корнеплоды обогащают землю: «Кормовые растения извлекают главные элементы своего роста из атмосферы и возвращают почве больше, чем извлекают из нее; таким образом они двояко — и прямо и вследствие их превращения в животное удобрение — содействуют возмещению вреда, причиненного зерновыми растениями и другими истощающими культурами; отсюда правило, чтобы они по меньшей мере чередовались с этими культурами; в этом состоит норфолькский севооборот» (стр. 50, 51).

Неудивительно, что г. Лавернь, веря этим сказкам английского деревенского благодушия, верит и его утверждениям, будто

после отмены хлебных законов заработная плата английских сельских рабочих утратила свой прежний ненормальный характер. См., что мы говорили об этом раньше, кн. I, гл. XXIII, 5, стр. 701—729 *. Однако послушаем еще речь г. Джона Брайта, произнесенную в Бирмингаме 14 декабря 1865 г. Сказав о 5 млн. семейств, вовсе не представленных в парламенте, он продолжает: «Из них в Соединенном королевстве 1 млн. или, вернее, больше 1 млн. занесенных в злополучные списки нищих. Затем еще 1 млн., которые все еще держатся выше границы пауперизма, но которым постоянно угрожает опасность тоже сделаться нищими. Их положение и их перспективы не лучше. Посмотрите же, наконец, на невежественные низшие слои этой части общества. Обратите внимание на их положение отверженных, их бедность, их страдания, их полнейшую безнадежность. Даже в Соединенных Штатах, даже в южных штатах при господстве рабства у всякого негра оставалась надежда, что и он когда-нибудь может получить свободу. Но для этих людей, для этой массы низших слоев в нашей стране не существует, — я должен здесь прямо сказать это, — ни надежды на какое-либо улучшение, ни даже стремления к этому. Читали ли вы недавно в газетах заметку о Джоне Кроссе, земледельческом рабочем в Дорсетшире? Он работал по 6 дней в неделю, имел превосходное свидетельство от своего хозяина, на которого он работал 24 года, получая в неделю по 8 шилл. На эту заработную плату Джон Кросс должен был содержать в своей хижине семью из 7 детей. Чтобы согреть свою больную жену и ее грудного ребенка, он взял, — выражаясь языком закона, могут сказать украл, — деревянный плетень стоимостью в 6 пенсов. Мировые судьи приговорили его за этот проступок к 14 или 20 дням тюрьмы. Я могу сказать вам, что во всей стране можно найти многие тысячи таких случаев, как с Джоном Кроссом, особенно на юге, и что положение этих людей таково, что до сих пор самый внимательный наблюдатель не мог раскрыть тайны, как у них душа держится в теле. А теперь бросьте взгляд на всю страну и посмотрите на эти 5 млн. семейств и на отчаянное положение, в каком находится этот слой населения. Не следует ли по совести сказать, что эта масса нации, лишенная избирательного права, мучится, вечно мучится над работой и почти совсем не знает отдыха? Сравните ее с господствующим классом — однако, если я стану говорить так, меня обвинят в коммунизме... но сравните эту огромную, изнуряющую себя работой, лишенную избирательного права нацию с той частью, в которой можно видеть господствующие классы. Посмотрите на их богатство, их блеск, их роскошь. Посмотрите на их усталость, — потому что и среди них наблюдается усталость, но это усталость пресыщения, — посмотрите, как они

* *К. Маркс:* «Капитал», т. I, изд. 1949 г., гл. XXIII, 5, стр. 678—702. *Ред.*

торопятся с места на место, как будто все сводится к тому, чтобы открыть новые удовольствия» («Morning Star», 14 декабря 1865 г.).

В последующем показано, как прибавочный труд, а потому и прибавочный продукт, вообще смешивается с земельной рентой, этой частью прибавочного продукта, специфически определенной — по крайней мере на базисе капиталистического способа производства — с количественной и качественной стороны. Естественным базисом прибавочного труда вообще, т. е. тем естественным условием, без которого он невозможен, является то, что при затрате рабочего времени, не поглощающего всего рабочего дня, природа доставляет необходимые средства существования в продуктах ли земли, растительных и животных, или в продуктах рыболовства и т. д. Эта естественная производительность земледельческого труда (куда в данной связи относится труд простого собирания, охоты, рыболовства, скотоводства) является базисом всякого прибавочного труда, так как первоначально всякий труд в первую очередь направлен на присвоение и производство пищи. (Но животные доставляют в то же время шкуры для защиты от холода в холодном климате; кроме того пещерные жилища и т. д.)

Такое же смешение прибавочного продукта и земельной ренты, только в иных выражениях, встречается у г. Доува. Первоначально земледельческий труд и промышленный труд не отделены один от другого; второй примыкает к первому. Прибавочный труд и прибавочный продукт земледельческого племени, домовой общины или семьи заключает в себе как земледельческий, так и промышленный труд. Тот и другой идут рука об руку. Охота, рыболовство, земледелие невозможны без соответствующих орудий. Ткачество, прядение и т. д. сначала ведутся как подсобные при земледелии работы.

Раньше мы показали, что как труд отдельного рабочего распадается на необходимый и прибавочный труд, так и совокупный труд рабочего класса можно разделить таким образом, что часть, которая производит жизненные средства для всего рабочего класса (включая сюда и необходимые для этого средства производства), выполняет необходимый труд для всего общества. Труд, выполняемый всей остальной частью рабочего класса, можно рассматривать как прибавочный труд. Но необходимый труд заключает в себе отнюдь не только земледельческий труд, но также и тот труд, который производит все остальные продукты, необходимо входящие в среднее потребление рабочего. Кроме того, с общественной точки зрения одни выполняют только необходимый труд лишь потому, что другие выполняют только прибавочный труд, и наоборот. Это — лишь разделение труда между ними. Так же обстоит дело и с разделением труда между земледельческими и промышленными рабочими вообще. Чисто промышленному характеру труда на одной стороне соответствует чисто земледельческий

на другой. Этот чисто земледельческий труд отнюдь не дан природой, он сам есть продукт общественного развития, притом продукт весьма новый, далеко не повсюду достигнутый, и соответствует вполне определенной ступени в развитии производства. Подобно тому, как часть земледельческого труда овеществляется в продуктах, которые или служат только роскоши или образуют сырой материал для промышленности, но вовсе не входят в пищу, не говоря уже о пище масс, — точно так же, с другой стороны, часть промышленного труда овеществляется в продуктах, которые служат необходимыми средствами потребления как земледельческих, так и неземледельческих рабочих. Было бы ошибочно рассматривать этот промышленный труд как прибавочный труд — с общественной точки зрения. Он в известной части такой же необходимый труд, как необходимая часть земледельческого труда. Да он и есть лишь обособившаяся форма известной части того промышленного труда, который раньше был естественно соединен с земледельческим трудом, необходимое взаимное дополнение отделившегося теперь от него чисто земледельческого труда. (Рассматривая дело с чисто материальной стороны, напр., 500 ткачей за механическими станками производят в гораздо большей мере добавочные ткани, т. е. производят больше, чем требуется для их собственной одежды.)

Наконец, рассматривая формы проявления земельной ренты, т. е. рассматривая арендную плату, которая уплачивается под титулом земельной ренты собственнику земли за использование почвы в целях ли производства или потребления, необходимо помнить, что цена вещей, которые сами по себе не имеют стоимости, т. е. не суть продукты труда, как, напр., земля, или, по крайней мере, не могут быть воспроизведены трудом, как, напр., древности, художественные произведения определенных мастеров и т. д., может определяться комбинацией очень случайных обстоятельств. Чтобы продать вещь, для этого не требуется ничего иного, как только чтобы она способна была сделаться объектом монополии и отчуждения.

При рассмотрении земельной ренты следует избегать трех главных ошибок, которые затемняют анализ:

1) Смешение различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства.

Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земного шара, будет ли собственником лицо,

являющееся представителем государства [Gemeinwesen], как в Азии, Египте и т. д., или земельная собственность будет лишь побочным моментом собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же это будет чисто частная собственность непроизводителей на природу, простым титулом собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, как у колонистов и мелкокрестьянских землевладельцев, представляется непосредственно включенным в присвоение и производство продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит.

Это *общее* для различных форм ренты — то, что она есть экономическая реализация земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенными частями земного шара,— это *общее* ведет к тому, что различия не замечаются.

2) Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. В своей неразвитой форме, в форме натуральной ренты, она еще непосредственно является прибавочным продуктом. Отсюда то заблуждение, будто рента, соответствующая капиталистическому способу производства и являющаяся излишком над прибылью, т. е. над той частью стоимости товара, которая сама состоит из прибавочной стоимости (прибавочного труда), — будто эта особая и специфическая составная часть прибавочной стоимости получит должное объяснение, раз будут объяснены общие условия существования прибавочной стоимости и прибыли вообще. Эти условия таковы: непосредственные производители должны работать больше того времени, которое требуется для воспроизводства их собственной рабочей силы, для воспроизводства их самих. Они вообще должны выполнять прибавочный труд. Это — субъективное условие. Объективное же заключается в том, чтобы они *могли* выполнять прибавочный труд; естественные условия должны быть таковы, чтобы *части* рабочего времени, которым они располагают, хватало для их воспроизводства и самосохранения как производителей, чтобы производство необходимых им жизненных средств не поглощало всей их рабочей силы. Плодородие природы представляет здесь одну границу, одну исходную точку, одну основу. Другую же представляет развитие общественной производительной силы труда. Рассматривая дело еще ближе, — так как производство пищевых средств является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще, — труд, примененный в этом производстве, следовательно, земледельческий труд в самом широком экономическом смысле этого слова должен быть настолько плодотворен, чтобы производством пищевых средств для непосредственных производителей поглощалось не все возможное рабочее

время, т. е. чтобы был возможен земледельческий прибавочный труд, а потому и земледельческий прибавочный продукт. Далее: необходимо, чтобы весь земледельческий труд — необходимый и прибавочный труд — некоторой части общества был достаточен для того чтобы производить необходимые средства питания для всего общества, т. е. и для неземледельческих рабочих; следовательно, чтобы было возможно это крупное разделение труда между земледельцами и промышленниками, а также между теми из земледельцев, которые производят пищу, и теми, которые производят сырые материалы. Хотя труд непосредственных производителей пищи распадается для них самих на необходимый и прибавочный труд, однако, по отношению к обществу он представляет лишь необходимый труд, требующийся для производства пищевых средств. Впрочем, то же самое имеет место при всяком разделении труда внутри всего общества, в отличие от разделения труда внутри отдельной мастерской. Это — труд, необходимый для производства особого рода предметов, для удовлетворения особой потребности общества в этих особых предметах. Если это разделение пропорционально, то продукты различных групп продаются по их стоимостям (при дальнейшем развитии по ценам производства их) или же по ценам, которые суть модификации этих стоимостей, соответственно цен производства, определяемых общими законами. Это в действительности закон стоимости, как он проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество. Ибо условием остается, чтобы товар представлял потребительную стоимость. Но если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адэкватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной, потребностью распределен труд между различными сферами производства. (Остановиться на этом пункте в связи с распределением капитала между различными сферами производства.) Общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это — все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что

потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости. Этот пункт имеет лишь то касательство к отношению между необходимым и прибавочным трудом, что при нарушении этой пропорции не может быть реализована стоимость товара, а потому и заключающаяся в ней прибавочная стоимость. Пусть, напр., бумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но вообще-то на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда, т. е. часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удастся продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции. Эта количественная граница тех частей общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще, хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости. Общество, при данных условиях производства, на такой-то продукт определенного рода может затратить лишь столько-то из своего совокупного рабочего времени. Но субъективные и объективные условия прибавочного труда и прибавочной стоимости вообще не имеют никакого касательства к конкретной, определенной форме как прибыли, так и ренты. Они имеют значение для прибавочной стоимости, как таковой, какие бы особые формы она ни принимала. Поэтому они не объясняют земельной ренты.

3) Как раз в экономической реализации земельной собственности, в развитии земельной ренты представляется особенно своеобразным то обстоятельство, что ее величина определяется отнюдь не содействием ее получателя, а развитием общественного труда, независимым от его содействия, совершающимся помимо него. Поэтому легко принять за своеобразную особенность ренты (и вообще земледельческого продукта) то, что на основе товарного производства — и, точнее, капиталистического производства, которое во всем своем объеме есть товарное производство, — обще всем отраслям производства и всем их продуктам.

В ходе общественного развития величина земельной ренты (а вместе с нею и стоимость земли) развивается как результат совокупного общественного труда. С одной стороны, с общественным развитием возрастают рынок и спрос на продукты земли, с другой стороны — спрос непосредственно на самую землю как соучаствующее условие производства для всевозможных, даже и неземледельческих отраслей хозяйства. Точнее и говоря только о собственно земледельческой ренте, рента, а вместе с нею и стоимость земли развиваются вместе с рынком для продукта земли и,

следовательно, с ростом неземледельческого населения, с его потребностью и спросом отчасти на пищевые средства, отчасти на сырые материалы. По самой своей природе капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала на счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно; следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения.

В действительности это явление не представляет специфической особенности земледелия и его продуктов. Напротив, на основе товарного производства и его абсолютной формы, капиталистического производства, то же относится и ко всем другим отраслям производства и продуктам.

Эти продукты лишь постольку являются товарами, т. е. полезностями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации — превращению в деньги, — поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противополагаются им, как товары и как стоимости; другими словами, постольку, поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги), посредством отчуждения. Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком. Здесь нет совершенно ничего специфически характерного для земледельческих продуктов.

Рента может развиться как денежная рента лишь на основе товарного производства, точнее, капиталистического производства, и она развивается в той самой мере, в какой земледельческое производство становится товарным производством, следовательно, в той самой мере, в какой неземледельческое производство развивается как самостоятельное по отношению к нему производство, потому что в той же мере земледельческий продукт становится товаром, меновой стоимостью и стоимостью. В той самой мере, как с капиталистическим производством развивается товарное производство, а потому производство стоимости, — развивается производство прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Но в той же мере, как развивается последнее, развивается и способность земельной собственности захватывать посредством своей

монополии на землю все возрастающую часть этой прибавочной стоимости, а тем самым повышать стоимость своей ренты и цену самой земли. В развитии этой прибавочной стоимости и прибавочного продукта капиталист все же является еще самодеятельным агентом. Земельному же собственнику приходится только захватывать все возрастающую таким образом без его содействия долю прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Вот в чем заключается характерная особенность его положения, а не в том, что стоимость продуктов земли, а потому и самой земли, все более возрастает в той мере, как расширяется рынок для них, растет спрос, а вместе с ним мир товаров, противостоящий продукту земли, т. е., говоря другими словами, в той мере, как растет масса неземледельческих товаропроизводителей и неземледельческого товарного производства. Но так как это совершается без его содействия, то представляется какой-то его специфической особенностью то явление, что масса стоимости, масса прибавочной стоимости и превращение части этой прибавочной стоимости в земельную ренту зависит от общественного процесса производства, от развития товарного производства вообще. Поэтому Доув, напр., хочет вывести ренту отсюда. Он утверждает, что рента зависит не от массы земледельческого продукта, а от его стоимости; последняя же зависит от массы и производительности неземледельческого населения. Но ведь и для всякого другого продукта справедливо, что он развивается как товар лишь в той мере, как возрастает отчасти масса, отчасти разнообразие ряда других товаров, образующих по отношению к нему эквиваленты. Это было показано уже в связи с общим изложением стоимости. С одной стороны, способность известного продукта к обмену зависит вообще от того, насколько разнообразны товары, существующие кроме него. С другой стороны, от этого же зависит в особенности то количество, в котором этот продукт может быть произведен как товар.

Никакой производитель — ни промышленный, ни земледельческий, — рассматриваемый изолированно, не производит стоимости или товара. Его продукт становится стоимостью и товаром лишь при определенной комбинации общественных отношений. Во-первых, поскольку он выступает как выражение общественного труда, следовательно, поскольку собственное рабочее время данного производителя является частью общественного рабочего времени вообще; во-вторых, этот общественный характер труда производителя проявляется в денежном характере его продукта и в его общей обмениваемости, определяемой ценой, как общественный характер, свойственный его продукту.

Итак, если объяснение ренты заменяют, с одной стороны, объяснением прибавочной стоимости или, при еще более ограниченном понимании, объяснением прибавочного продукта вообще,

то, с другой стороны, делают тот промах, что характер, свойственный всем продуктам как товарам и стоимостям, приписывают исключительно земледельческим продуктам. Объяснение делается еще более поверхностным, когда от общего определения стоимости переходят к *реализации* определенной товарной стоимости. Всякий товар может реализовать свою стоимость лишь в процессе обращения, а реализует ли он ее и в какой мере реализует, это каждый раз зависит от условий рынка.

Итак, своеобразная особенность земельной ренты заключается не в том, что земледельческие продукты развиваются в стоимости и как стоимости, т. е. не в том, что они как товары противостоят другим товарам и неземледельческие продукты противостоят им как товары, или что они развиваются как особые выражения общественного труда. Своеобразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых земледельческие продукты развиваются в стоимости (товары), и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без ее содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

При анализе земельной ренты мы сначала будем исходить из предположения, что продукты, с которых уплачивается такая рента, в которых часть прибавочной стоимости, а потому и часть всей цены превращается в ренту, — для целей нашего анализа достаточно иметь в виду земледельческие продукты или также продукты рудников, — следовательно, что продукты почвы или рудников, подобно всем другим товарам, продаются по ценам их производства. Т. е. их продажные цены равны элементам издержек их производства (стоимости потребленного постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал, потребленный и непотребленный. Итак, мы предполагаем, что средние продажные цены этих продуктов равны их ценам производства. И вот вопрос заключается в том, каким образом при этом предположении может развиться земельная рента, т. е. каким образом часть прибыли может превратиться в земельную ренту, а потому часть цены товара может достаться земельному собственнику.

Чтобы показать общий характер этой формы земельной ренты, предположим, что подавляющее большинство фабрик в известной стране приводится в движение паровыми машинами, а определенное меньшинство — естественными водопадами. Предположим, что в соответственных отраслях промышленности цена производства составляет 115 за такую массу товаров, на которую капитала потребляется 100. Эти 15% прибыли исчисляются не только на потребленный капитал в 100, но на весь капитал, примененный в производстве этой товарной стоимости. Эта цена производства, как показано раньше, определяется не индивидуальными издержками производства каждого отдельного промышленного производителя, а теми издержками производства, которых товар требует в среднем при средних условиях для всего капитала, вложенного в данную сферу производства. Это — действительно рыночная цена производства; средняя рыночная цена в отличие от ее колебаний. Природа стоимости товаров, определение стоимости не тем

рабочим временем, которое индивидуально необходимо для производства определенного количества товаров или отдельных товаров определенному единичному производителю, а общественно необходимым рабочим временем, тем рабочим временем, которое при данных средних общественных условиях производства необходимо для того, чтобы произвести все общественно необходимое количество различных товаров, находящихся на рынке, — эта природа стоимости, этот способ ее определения вообще находит себе выражение в форме [Gestalt] рыночной цены и, далее, в форме регулирующей рыночной цены, или рыночной цены производства.

Так как в данной связи совершенно безразлично, какие определенные числовые отношения мы возьмем, то мы предположим дальше, что издержки производства на фабриках, приводимых в движение силой воды, составляют всего 90 вместо 100. Так как цена производства массы этих товаров, регулирующая рынок, вместе с прибылью в 15% = 115, то фабриканты, которые приводят свои машины в движение силой воды, тоже будут продавать по 115, т. е. по средней цене, регулирующей рыночную цену. Поэтому их прибыль должна бы составлять 25 вместо 15; регулирующая цена производства позволила бы им получать добавочную прибыль в 10% — не потому, что они продают свои товары дороже цены производства, а потому, что они продают их по цене производства, потому, что их товары производятся, их капитал функционирует при исключительно благоприятных условиях, при условиях выше среднего уровня, преобладающего в этой сфере.

Тотчас же обнаруживаются двоякого рода обстоятельства:

Во-первых: добавочная прибыль производителей, применяющих естественный водопад в качестве движущей силы, сначала имеет такой же характер, как всякая добавочная прибыль (а мы уже исследовали эту категорию, когда говорили о ценах производства), которая не есть случайный результат операций в процессе обращения, случайных колебаний рыночных цен. Итак, эта добавочная прибыль равна разности между индивидуальной ценой производства у этих производителей, поставленных в благоприятные условия, и общей, общественной ценой производства, регулирующей рынок всей этой сферы производства. Эта разность равна избытку общей цены производства товара над его индивидуальной ценой производства. Двумя границами, регулирующими этот избыток, являются, с одной стороны, индивидуальные издержки производства, а потому индивидуальная цена производства, с другой стороны — общая цена производства. Стоимость товара, произведенного при помощи водопада, меньше потому, что для его производства требуется меньшее общее количество труда, именно меньше того труда, который входит в производство

в овеществленной форме, как часть постоянного капитала. Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем сила труда, применяемого в массе фабрик такого же рода. Его бо̀льшая производительная сила обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем на других фабриках, да кроме того меньшее количество и живого труда, так как водяное колесо не нуждается в топке. Эта бо̀льшая индивидуальная производительная сила применяемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства и, следовательно, цену производства товара. С точки зрения промышленника дело представляется таким образом, что для него издержки производства товара меньше. Ему приходится меньше затрачивать на овеществленный труд, а также меньше на заработную плату, потому что живой рабочей силы у него применяется меньше. Так как издержки производства его товара меньше, то и его индивидуальная цена производства меньше. Издержки производства для него 90 вместо 100. Следовательно, и его индивидуальная цена производства составляет вместо 115 всего $103^1/_2$ ($100:115=90:103^1/_2$). Разность между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства ограничена разностью между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства. Это — одна из величин, образующих пределы его добавочной прибыли. Другая величина — величина общей цены производства, в образовании которой участвует общая норма прибыли как один из регулирующих факторов. Если бы уголь подешевел, то разность между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства уменьшилась бы, а потому уменьшилась бы и его добавочная прибыль. Если бы ему пришлось продавать товар по его индивидуальной стоимости или по цене производства, определяемой его индивидуальной стоимостью, то разность отпала бы. Она является результатом, с одной стороны, того, что товар продается по своей общей рыночной цене, по цене, в которую конкуренция уравнивает индивидуальные цены, а с другой стороны, того, что бо̀льшая индивидуальная производительная сила труда, приводимого им в движение, идет на пользу не рабочим, а, как вообще производительная сила труда, тому, кто их применяет; что она выступает как производительная сила капитала.

Так как одной границей этой добавочной прибыли служит уровень общей цены производства, по отношению к которой уровень общей нормы прибыли является одним из факторов, то эта добавочная прибыль может возникнуть лишь из разности между общей и индивидуальной ценой производства, следовательно, из разности между индивидуальной и общей нормой прибыли.

Избыток над этой разностью предполагает продажу продукта не по цене производства, регулируемой рынком, а дороже.

Во-вторых: до сих пор добавочная прибыль фабриканта, применяющего в качестве двигательной силы естественный водопад вместо пара, ничем не отличается от всякой другой добавочной прибыли. Всякая нормальная добавочная прибыль, т. е. возникающая не от случайных операций по продаже или от колебаний рыночной цены, определяется разностью между индивидуальной ценой производства товаров этого особого капитала и той общей ценой производства, которая регулирует рыночные цены товаров, производимых капиталом этой отрасли производства вообще, или, выражаясь иначе, рыночные цены товаров совокупного капитала, вложенного в эту сферу производства.

Но отсюда начинается различие.

Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, тем излишком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, требует издержек. Водопад — такой естественный агент производства, на создание которого не требуется труда.

Но это не все. Фабрикант, работающий с паровой машиной, тоже применяет естественные силы, которые ему ничего не стоят, но которые делают труд производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство средств существования, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль, которые, следовательно, совершенно так же монополизируются капиталом, как и общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и т. д. Фабрикант оплачивает уголь, но не способность воды изменять свое физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и т. д. Эта монополизация сил природы, т. е. производимого ими повышения рабочей силы, обща всякому капиталу, применяющему паровые машины. Она может увеличить ту часть продукта труда, которая представляет прибавочную стоимость, по сравнению с той частью, которая превращается в заработную плату. Поскольку она оказывает такое действие, она повышает общую норму прибыли, но не создает добавочной прибыли, которая сводится именно к излишку индивидуальной прибыли над средней прибылью. Итак, если применение естественной силы, водопада, создает здесь добавочную прибыль, это не может быть результатом только того факта, что повышение производительной силы труда здесь вызвано применением естественной силы. Для этого необходимы еще дальнейшие модифицирующие обстоятельства.

Наоборот. Простое применение сил природы в промышленности может оказать влияние на высоту общей нормы прибыли, оказывая влияние на массу труда, требующегося для производства необходимых жизненных средств. Но оно само по себе не создает никакого отклонения от общей нормы прибыли, а как раз о нем и идет речь в данном случае. Далее: добавочная прибыль, которую в других случаях реализует индивидуальный капитал в какой-либо особой сфере производства, — потому что отклонения нормы прибыли в особых сферах производства непрерывно уравниваются в среднюю норму прибыли, — происходит, если оставить в стороне чисто случайные отклонения, от уменьшения издержек производства, расходов на производство. Последнее же, в свою очередь, обязано или тому обстоятельству, что капитал прилагается в бо́льших массах, чем средняя, и потому faux frais [непроизводительные издержки] производства уменьшаются, между тем как общие причины повышения производительной силы труда (кооперация, разделение труда и т. д.) получают возможность действовать в повышенной степени, с большей интенсивностью, так как они действуют на более обширном поле труда; или же уменьшение издержек производства обязано тому обстоятельству, что, оставляя в стороне размер функционирующего капитала, применяются лучшие методы труда, новые изобретения, усовершенствованные машины, химические секреты фабрикации и т. д., короче, новые, усовершенствованные, стоящие выше среднего уровня средства производства и методы производства. Уменьшение издержек производства и вытекающая из этого добавочная прибыль возникают здесь из того способа, каким применяется функционирующий капитал. Оно возникает или вследствие того, что капитал исключительно крупными массами концентрируется в одних руках, — обстоятельство, которое отпадает, раз в среднем применяются равновеликие массы капитала, — или вследствие того, что капитал определенной величины функционирует особо производительным способом, — обстоятельство, которое отпадает, раз исключительный способ производства приобретает всеобщее распространение или оставляется позади еще более развитым способом.

Причина добавочной прибыли лежит здесь, следовательно, в самом капитале (относя к нему и приводимый им в движение труд), — в различиях ли величины применяемого капитала, или же в более целесообразном способе его применения, — и, если рассматривать дело само по себе, нет никаких препятствий к тому, чтобы весь капитал в известной сфере производства применялся таким же способом. Конкуренция между капиталами стремится, напротив, ко все большему уравнению этих различий; определение стоимости общественно необходимым рабочим временем проявляет себя посредством удешевления товаров и понуждения производить товары при одинаково благоприятных условиях.

Но с добавочной прибылью фабриканта, пользующегося водопадом, дело обстоит иначе. Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из самого капитала и труда и не из простого факта применения естественной силы, отличной от капитала и труда, но присоединенной к капиталу. Она возникает из большей естественной производительной силы труда, в связи с утилизацией естественной силы, но не такой естественной силы, которой, как, напр., упругостью пара, может располагать всякий капитал в данной сфере производства, т. е. не такой естественной силы, применение которой разумеется само собою, раз капитал вообще применяется в этой сфере, а доступной монополизации естественной силы, которою, как водопадом, могут располагать лишь те, кто может располагать особыми участками земли вместе с их принадлежностями. Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т. д., а с определенными естественными условиями определенной части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, устраняют фабрикантов, у которых нет водопадов, от применения этой естественной силы, так как земля — и тем более земля, обладающая водяной силой, — ограничена. Это не исключает того, что, хотя количество естественных водопадов в известной стране ограничено, количество водяной силы, доступной для использования промышленностью, может быть увеличено. Водопад может быть искусственно отведен, чтобы вполне использовать его движущую силу; раз водопад имеется, водяное колесо может быть усовершенствовано, чтобы возможно больше использовать силу воды; там, где по характеру потока не годится обычное колесо, могут быть применены турбины и т. д. Владение этой естественной силой составляет монополию в руках ее владельца, такое условие высокой производительной силы вложенного капитала, которое не может быть создано производственным процессом самого капитала [33]; эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землей. Такая естественная сила не относится ни к числу общих условий соответственной сферы производства, ни к числу таких ее условий, которые могут быть созданы как общие условия.

Теперь, если мы представим себе, что земля вместе с водопадами находится в руках у лиц, которые считаются владельцами этих участков земли, земельных собствеников, то мы увидим, что они

[33] См. о добавочной прибыли «Inquiry» (против Мальтуса).

не позволяют прилагать капитал к водопаду, использовать последний посредством капитала. Они могут разрешить и не разрешить использование. Но капитал не может создать водопад из себя. Поэтому добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом, возникает не из капитала, а из применения капиталом этой доступной монополизации и монополизованной природной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, т. е. она достается собственнику водопада. Если фабрикант уплачивает последнему за его водопад 10 ф. ст. в год, то его прибыль составляет 15 ф. ст.; 15% на те 100 ф. ст., которые теперь составляют сумму его издержек производства; и он оказывается теперь в совершенно таком же положении, может быть, в лучшем, чем все остальные капиталисты его сферы производства, работающие при помощи пара. Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталист сам был собственником водопада. Он попрежнему получал бы добавочную прибыль в 10 ф. ст. не как капиталист, а как собственник водопада; и именно потому, что этот излишек происходит не от его капитала как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, доступной монополизации, ограниченной в своих размерах, именно потому этот излишек превращается в земельную ренту.

Во-первых: очевидно, что эта рента всегда является дифференциальной рентой, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, а, напротив, предполагает ее. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизованной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства.

Во-вторых: эта земельная рента возникает не вследствие абсолютного повышения производительной силы примененного капитала или присваиваемого им труда, — что вообще могло бы лишь уменьшить стоимость товаров, а вследствие большей относительной производительности определенных отдельных капиталов, вложенных в известную сферу производства, по сравнению с теми затратами капитала, которые устранены от этих исключительных, даваемых природой благоприятных условий повышения производительной силы. Если бы, напр., несмотря на то, что уголь имеет стоимость, а сила воды не имеет стоимости, пользование паром все же доставляло решительные преимущества, недостижимые при использовании силы воды, и если бы эти преимущества более чем компенсировали затраты, то сила воды не находила бы применения и не могла бы породить добавочной прибыли, а следовательно, и ренты.

В-третьих: сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, так как это природный базис

исключительно повышенной производительной силы труда. Так и вообще потребительная стоимость — носитель меновой стоимости, а не причина последней. Если бы ту же самую потребительную стоимость можно было получить без труда, она не имела бы никакой меновой стоимости, но попрежнему сохраняла бы свою естественную полезность как потребительная стоимость. Но, с другой стороны, без потребительной стоимости, т. е. без этого естественного носителя труда, вещь не имеет никакой меновой стоимости. Если бы различные стоимости не уравнивались в цены производства и различные индивидуальные цены производства не уравнивались в общую цену производства, регулирующую рынок, то простое повышение производительной силы труда вследствие использования водопада лишь понизило бы цену товаров, производимых при помощи водопада, но не повысило бы прибыли, заключающейся в этих товарах, — совершенно так же, как, с другой стороны, эта повышенная производительная сила труда вообще не превращалась бы в прибавочную стоимость, если бы капитал не присваивал себе производительную силу применяемого им труда, как естественную так и общественную.

В-четвертых: земельная собственность на водопад сама по себе не имеет никакого отношения к созданию части прибавочной стоимости (прибыли), а потому и вообще цены товара, который производится с помощью водопада. Эта добавочная прибыль существовала бы и в том случае, если бы не было никакой земельной собственности, если бы, напр., земля, принадлежностью которой является водопад, утилизировалась фабрикантом как земля, не имеющая хозяина. Следовательно, земельная собственность не создает той части стоимости, которая превращается в добавочную прибыль, а лишь дает земельному собственнику, собственнику водопада, возможность переложить эту добавочную прибыль из кармана фабриканта в свой собственный. Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада.

В-пятых: очевидно, что цена водопада, т. е. цена, которую получил бы земельный собственник, если бы он продал его третьему лицу или самому фабриканту, прежде всего не входит в цену производства товаров, хотя входит в индивидуальные издержки производства данного фабриканта, потому что рента возникает здесь из регулируемой независимо от водопада цены производства товаров того же рода, производимых при помощи паровых машин. Но, далее, эта цена водопада — вообще иррациональное выражение скрывающегося за ним реального экономического отношения. Водопад, как земля вообще, как все силы природы, не имеет никакой стоимости, потому что в нем не овеществлено никакого

труда, а потому не имеет и цены, которая нормально есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость. Там, где нет стоимости, ничто eo ipso [тем самым] не может быть представлено в деньгах. Эта цена есть не что иное, как капитализированная рента. Земельная собственность дает собственнику возможность захватывать разность между индивидуальной прибылью и средней прибылью; захватываемая таким образом прибыль, которая возобновляется ежегодно, может быть капитализирована и тогда выступает как цена самой силы природы. Если добавочная прибыль, которую доставляет фабриканту использование водопада, составляет 10 ф. ст. в год, а средний процент 5%, то эти 10 ф. ст. в год представляют проценты с капитала в 200 ф. ст.; и эта капитализация годовых 10 ф. ст., которые водопад позволяет собственнику последнего захватывать у фабриканта, выступает тогда как капитальная стоимость самого водопада. Но что стоимостью обладает не сам водопад, что цена его есть простое отражение захватываемой добавочной прибыли, капиталистически исчисленной, это сразу обнаруживается в том, что цена в 200 ф. ст. представляет лишь произведение добавочной прибыли в 10 ф. ст. на 20 лет, хотя этот же водопад при прочих равных условиях дает собственнику возможность ежегодно захватывать эти 10 ф. ст. в течение неопределенного времени, 30, 100, x лет, и хотя, с другой стороны, если новый метод производства, неприменимый при водяной силе, понизил бы издержки производства товаров, производимых при помощи паровой машины, с 100 до 90 ф. ст., то исчезла бы добавочная прибыль, а вместе с ней и рента, а вместе с последней и цена водопада.

Установив таким образом общее понятие дифференциальной ренты, мы переходим теперь к рассмотрению ее в собственно земледелии. Что̀ будет сказано о последнем, в общем относится и к рудникам.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

ПЕРВАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ (ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА I).

Рикардо вполне прав, высказывая следующие положения: «Рента {т. е. дифференциальная рента; он предполагает, что вообще не существует какой-либо иной ренты, кроме дифференциальной} всегда есть разность между продуктом, полученным в результате приложения равновеликих затрат капитала и труда» («Principles», стр. 59) *. «На одинаковых по величине земельных участках», следовало бы ему прибавить, поскольку дело идет о земельной ренте, а не о добавочной прибыли вообще.

Иными словами: добавочная прибыль, если она создается нормально, а не благодаря случайным обстоятельствам, встретившимся в процессе обращения, всегда производится как разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если одинаковые количества капитала и труда заняты на одинаковых по величине земельных участках с неодинаковыми результатами. Впрочем, нет безусловной необходимости в том, чтобы эта добавочная прибыль получалась от неодинаковых результатов затраты одинаковых количеств капитала. В различных предприятиях могут быть заняты и различной величины капиталы; в большинстве случаев так и бывает; но одинаковые пропорциональные части, напр. 100 ф. ст. каждого капитала, дают неодинаковые результаты, т. е. норма прибыли различна. Это — общая предпосылка существования добавочной прибыли в любой отрасли приложения капитала вообще. Вторая заключается в превращении этой добавочной прибыли в форму земельной ренты (вообще ренты как формы, отличной от прибыли); необходимо, однако, исследовать, когда, как и при каких обстоятельствах происходит это превращение.

Далее, Рикардо прав, высказывая следующее положение, поскольку оно ограничивается дифференциальной рентой:

---

* *D. Ricardo:* «On the Principles of Political Economy and Taxation», London 1821. См. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии и податного обложения», Соч., т. II, Соцэкгиз, 1935 г., стр. 36. *Ред.*

«Все, что уменьшает разницу в продукте, полученном с той же или с новой земли, имеет тенденцию уменьшить ренту; а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию ее увеличить» (стр. 74 [русс. пер., стр. 43]).

К числу этих причин относятся, однако, не только общие (плодородие и местоположение), но и 1) распределение налогов, смотря по тому, влияет ли оно равномерно или нет; последнее всегда имеет место, когда налоги не централизованы, как, напр., в Англии, и когда налог взимается не с ренты, а с земли; 2) различия, вытекающие из неодинакового развития земледелия в различных частях страны, ибо эта отрасль промышленности, благодаря своему традиционному характеру, труднее нивелируется, чем мануфактура, и 3) неравномерное распределение капитала между арендаторами. Так как завоевание земледелия капиталистическим способом производства, превращение крестьянина из самостоятельного хозяина в наемного рабочего являются в действительности последним завоеванием этого способа производства вообще, то эти различия здесь более значительны, чем в какой-либо другой отрасли промышленности.

После этих предварительных замечаний я хочу в кратких чертах выяснить особенности моего исследования сравнительно с исследованием Рикардо и др.

Мы рассмотрим сначала неодинаковые результаты одинаковых количеств капитала, примененных на различных земельных участках одинаковой величины, или при земельных участках неодинаковой величины, результаты, исчисленные по отношению к одинаковой земельной площади.

Две независимые от капитала общие причины этой неодинаковости результатов суть: 1) *Плодородие* (в связи с этим пунктом следует выяснить, что вообще и какие различные моменты подразумеваются под естественным плодородием земель). 2) *Положение* земельных участков. Последнее обстоятельство является решающим для колоний и вообще для последовательности, в которой могут поступать под обработку земельные участки один за другим. Далее ясно, что эти два различные основания дифференциальной ренты, плодородие и положение могут действовать в противоположном направлении. Земельный участок может быть хорошо расположен и очень мало плодороден, и наоборот. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняет нам, почему при распашке земли в данной стране переход может совершаться точно так же от лучшей земли к худшей, как и наоборот. Наконец, ясно, что прогресс

социального производства вообще действует, с одной стороны, нивелирующим образом на положение как на основание дифференциальной ренты, создавая местные рынки, создавая положение посредством проведения путей сообщения; а, с другой стороны, усиливает различия в местном положении земельных участков как посредством отделения земледелия от промышленности, так и посредством образования крупных центров производства наряду с обратной стороной этого явления: усилением относительного одиночества деревни [relative Vereinsamung des Landes].

Но сначала мы оставим этот пункт, положение земельного участка, в стороне и рассмотрим лишь естественное плодородие. Помимо климатических и тому подобных моментов, различие в естественном плодородии состоит в различии химического состава верхнего слоя почвы, т. е. в различном содержании необходимых для растений питательных веществ. Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы и в этом смысле одинакового естественного плодородия могут быть различны по своему действительному, эффективному плодородию в зависимости от того, находятся ли эти питательные вещества в форме, в которой они лучше или хуже усваиваются, более или менее непосредственно пригодны для питания растений. Таким образом, отчасти от развития земледельческой химии, отчасти — земледельческой механики зависит, в какой степени на земельных участках одинакового естественного плодородия последнее может быть действительно использовано. Поэтому, хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно подразумевает известное отношение — отношение к данному уровню развития земледельческой химии и механики, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития. Как при помощи химических средств (напр. применением известных жидких удобрений на плотной глинистой почве или же посредством обжигания тяжелой глинистой почвы), так и при помощи механических средств (напр. применением особых плугов для обработки тяжелых почв) могут быть устранены препятствия, делавшие столь же плодородные почвы фактически менее плодородными (сюда же относится и дренирование почвы). Это может изменить и самую последовательность в обработке различных родов земли, как это наблюдалось, напр., по отношению к легкой песчаной и тяжелой глинистой почвам в один из периодов развития английского земледелия. Это опять-таки показывает, каким образом исторически — в последовательном ходе возделывания — переход может одинаково совершаться как от более плодородных земель к менее плодородным, так и обратно. Одинаковые результаты могут быть достигнуты также посредством искусственно произведенных улучшений в составе почвы или просто благодаря изменениям в мето-

дах земледелия. Наконец, тот же результат может получиться вследствие изменения порядкового места различных родов почвы в зависимости от различных условий подпочвы, раз последняя также вовлекается в обработку и присоединяется к распаханному слою. Обусловливается это отчасти применением новых земледельческих методов (напр. возделыванием кормовых трав), отчасти механическими способами, посредством которых подпочва превращается в верхний слой почвы или смешивается с ним, или же подвергается обработке, не перемещаясь на поверхность.

Все эти влияния на дифференциальное плодородие различных земель означают, что с точки зрения экономического плодородия степень производительности труда, в данном случае способность земледелия непосредственно использовать природное плодородие почвы, — способность, которая различна на различных ступенях развития, — представляет такой же момент так называемого природного плодородия почвы, как ее химический состав и другие природные свойства.

Итак, мы предполагаем определенную ступень развития земледелия. Мы предполагаем далее, что порядок, в котором различного рода земли располагаются по своему достоинству, сообразуется с этой степенью развития, как это, несомненно, всегда имеет место по отношению к затратам капитала, производимым на различных землях в одно и то же время. В таком случае дифференциальная рента может быть представлена в восходящем или нисходящем порядке, потому что хотя порядок перехода дан для всей совокупности действительно возделываемых земель, однако никогда не прекращалось последовательное движение, в котором данный порядок складывался.

Представим землю четырех сортов: *A*, *B*, *C*, *D*. Предположим далее, что цена квартера пшеницы = 3 ф. ст. или 60 шилл. Так как рента есть просто дифференциальная рента, то эта цена в 60 шилл. за квартер равняется на самой плохой почве цене производства, т. е. равняется капиталу плюс средняя прибыль.

Пусть *A* будет этой худшей землей, которая на 50 шилл. затрат даст 1 квартер = 60 шилл., т. е. прибыль 10 шилл., или 20%.

Пусть *B* при той же затрате даст 2 квартера = 120 шилл. Это дало бы 70 шилл. прибыли, или 60 шилл. добавочной прибыли.

Пусть *C* при той же затрате даст 3 квартера = 180 шилл.; общая прибыль = 130 шилл. Добавочная прибыль = 120 шилл.

Пусть *D* дает 4 квартера = 240 шилл. = 180 шилл. добавочной прибыли.

В таком случае мы имели бы такую последовательность.

ТАБЛИЦА I

Сорт земли	Продукт		Авансированный капитал	Прибыль		Рента	
	квартеры	шиллинги		квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги
A.......	1	60	50	$^1/_6$	10	—	—
B.......	2	120	50	$1^1/_6$	70	1	60
C.......	3	180	50	$2^1/_6$	130	2	120
D.......	4	240	50	$3^1/_6$	190	3	180
Итого.	10 кварт.	600 шилл.	—	—	—	6 кварт.	360 шилл.

Соответствующие ренты были для $D=190$ шилл. — 10 шилл., или разности между D и A; для $C=130$ шилл. — 10 шилл., или разности между C и A; для $B=70$ шилл. — 10 шилл., или разности между B и A; а совокупная рента для B, C, $D=6$ квартерам $=360$ шилл., что равняется сумме разностей между D и A, C и A, B и A.

Эта последовательность, представляющая данный продукт при данных условиях, может, если рассматривать дело абстрактно (а мы уже указали причины, по которым это может иметь место и в действительности), создаваться и в нисходящем порядке (понижаясь от D к A, от плодородной земли ко все менее и менее плодородной), и в восходящем порядке (восходящем от A к D, от относительно неплодородной ко все более плодородной земле) и, наконец, попеременно, то в нисходящем, то в восходящем порядке, напр., от D к C, от C к A, от A к B.

Процесс, совершавшийся при нисходящей последовательности, был таков: цена квартера постепенно повышается, скажем, с 15 шилл. до 60. Как только четырех квартеров (под этим можно разуметь миллионы), произведенных землею D, оказалось уже недостаточно, цена пшеницы стала подниматься до тех пор, пока C не получило возможности восполнить недостаток предложения. Т. е. цена должна была подняться до 20 шилл. за квартер. Когда цена пшеницы поднялась до 30 шилл. за квартер, тогда в число обрабатываемых земель могла бы войти земля B, а поднимись она до 60 шилл., в число обрабатываемых земель могла бы войти и земля A, причем это не повело бы к тому, чтобы на затраченный для этого капитал пришлось довольствоваться нормой прибыли ниже 20%. Таким образом для D образовалась бы рента сначала в 5 шилл. с квартера, что составило бы 20 шилл. на 4 квартера,

которые эта земля производит; затем в 15 шилл. с квартера = = 60 шилл., а затем в 45 шилл. с квартера = 180 шилл. за 4 квартера.

Если норма прибыли с *D* первоначально также равнялась 20%, то и вся прибыль с 4 квартеров была лишь 10 шилл., что, однако, при цене зернового хлеба в 15 шилл. представляло большее количество зернового хлеба, чем при цене в 60 шилл. Но так как хлеб входит в воспроизводство рабочей силы и часть каждого квартера должна возмещать заработную плату, а другая — постоянный капитал, то при этом предположении прибавочная стоимость была выше, а следовательно, при прочих равных условиях, выше была и норма прибыли. (Вопрос о норме прибыли подлежит еще особому и более детальному исследованию.)

Если, напротив, последовательность была обратная, если процесс начинался с *A*, то, когда приходится ввести в обработку новые пашни, цена квартера сначала поднялась бы выше 60 шилл.; но так как необходимое предложение в 2 квартера было бы предъявлено со стороны *B*, то цена опять понизилась бы до 60 шилл.; хотя *B* и производит квартер за 30 шилл., все же продается он за 60 шилл., так как его предложения хватало бы как раз только для того чтобы покрыть спрос. Таким способом образовалась бы рента сначала в 60 шилл. для *B* и таким же путем для *C* и *D*, при том же прежнем предположении, что хотя действительная стоимость, по которой оба они доставляют квартер пшеницы, равняется 20 и 15 шилл., рыночная цена все же остается 60 шилл., так как предложение одного квартера, доставляемого *A*, попрежнему необходимо для удовлетворения общей потребности. В этом случае возрастание спроса сверх той величины потребности, которую сначала удовлетворял *A*, а за ним *A* и *B*, могло бы повести не к последовательной обработке *B*, *C* и *D*, а к расширению площади обработки вообще, причем могло бы случиться, что более плодородные земли входили бы в обработку лишь позднее.

В первом ряде с увеличением цены рента стала бы повышаться, а норма прибыли уменьшаться. Это уменьшение могло бы совсем или отчасти парализоваться противодействующими обстоятельствами; на этом пункте нам позже придется остановиться подробнее. Не следует забывать, что общая норма прибыли не определяется прибавочной стоимостью во *всех* отраслях производства равномерно. Не земледельческая прибыль определяет промышленную, а наоборот. Но об этом дальше.

Во втором ряде норма прибыли на затраченный капитал осталась бы прежняя; масса прибыли выразилась бы в меньшем количестве хлеба, но относительная цена последнего, по сравнению

с другими товарами, повысилась бы. Но увеличение прибыли, где оно происходит, попадает не в карманы промышленных арендаторов и представляется не как увеличение прибыли, а в форме ренты отделяется от прибыли. Цена же хлеба при данном предположении осталась бы неизменной.

Развитие и рост дифференциальной ренты одинаковы как при неизменяющихся, так и при повышающихся ценах и как при непрерывном прогрессе от худших земель к лучшим, так и при непрерывном регрессе от лучших к худшим землям.

До сих пор мы предполагали: 1) что цена при одной последовательности повышается, при другой — остается неизменной и 2) что постоянно совершается переход от лучших земель к худшим или обратно, от худших к лучшим.

Но предположим, что потребность в хлебе расширилась с первоначальных 10 до 17 квартеров; далее, что наихудшая земля *A* вытеснена другою землею *A*, которая при цене производства в 60 шилл. (50 шилл. издержек + 10 шилл., составляющих 20% прибыли) дает $1^1/_3$ квартера, так что цена производства 1 квартера = 45 шилл., или же предположим, что прежняя земля *A* улучшилась вследствие постоянной рациональной обработки, или что она при неизменности издержек стала производительнее обрабатываться, напр., вследствие введения в севооборот клевера и т. д., так что при том же авансированном капитале продукт ее увеличился до $1^1/_3$ квартера. Предположим далее, что земли *B, C, D* попрежнему производят одно и то же количество продукта, но обработке подверглись новые земли *A'*, стоящие по своему плодородию между *A* и *B*, и далее *B'* и *B''*, стоящие по своему плодородию между *B* и *C;* в этом случае получились бы следующие явления:

Во-первых: цена производства квартера пшеницы, или ее регулирующая рыночная цена, упала бы с 60 до 45 шилл., или на 25%.

Во-вторых: совершился бы одновременный переход от более плодородной земли к менее плодородной и от менее плодородной земли к более плодородной. Земля *A'* более плодородна, чем *A*, но менее плодородна, чем обрабатывавшиеся до сих пор *B, C, D;* а *B', B''* более плодородны, чем *A, A'* и *B*, но менее плодородны, чем *C* и *D*. Следовательно, переход от одной земли к другой совершался бы в перекрещивающихся направлениях; обработке стала бы подвергаться не абсолютно неплодородная земля по сравнению с *A* и т. д., а относительно неплодородная по сравнению с землями *C* и *D,* которые до сих пор были наиболее плодородными; с другой стороны, переход совершился бы не к абсолютно более плодородной земле, а к относительно более плодородной в сравнении с землями *A,* — или *A* и *B,* — которые до сих пор были наименее плодородными.

В-третьих: произошло бы понижение ренты с *B*, а также с *C* и *D*; но общая сумма ренты, выраженная в хлебе, поднялась бы с 6 до $7^2/_3$ квартера; масса обрабатываемой и приносящей ренту земли увеличилась бы, а также увеличилась бы и масса продукта с 10 до 17 квартеров. Прибыль, хотя и осталась бы без перемены для *A*, однако, выраженная в хлебе, она повысилась бы; возможно даже, что норма прибыли повысилась бы, так как повысилась бы относительная прибавочная стоимость. В этом случае вследствие удешевления жизненных средств уменьшилась бы заработная плата, следовательно, затрата на переменный капитал, а следовательно, и общие издержки. Вся сумма ренты, выраженная в деньгах, понизилась бы с 360 до 345 шилл.

Представим новую последовательность перехода.

ТАБЛИЦА II

Сорт земли	Продукт		Затрата капитала	Прибыль		Рента		Цена производства за квартер
	квартеры	шиллинги		квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги	
A	$1^1/_3$	60	50	$^2/_9$	10	—	—	45 шилл.
A′	$1^2/_3$	75	50	$^5/_9$	25	$^1/_3$	15	36 »
B	2	90	50	$^8/_9$	40	$^2/_3$	30	30 »
B′	$2^1/_3$	105	50	$1^2/_9$	55	1	45	$25^5/_7$* »
B″	$2^2/_3$	120	50	$1^5/_9$	70	$1^1/_3$	60	$22^1/_2$ »
C	3	135	50	$1^8/_9$	85	$1^2/_3$	75	20 »
D	4	180	50	$2^8/_9$	130	$2^2/_3$	120	15 »
Итого.	17	—	—	—	—	$7^2/_3$	345	—

Наконец, если бы попрежнему продолжали возделываться только земли *A*, *B*, *C*, *D*, но их производительность возросла бы настолько, что земля *A* вместо 1 квартера давала бы 2, *B* вместо 2 квартеров — 4, *C* вместо 3 квартеров — 7 и *D* вместо 4 квартеров — 10, следовательно, если бы одни и те же причины различным образом повлияли бы на различного рода земли, то все производство повысилось бы с 10 до 23 квартеров. Если предположить, что спрос вследствие прироста населения и понижения цены

* В изд. 1894 г. — $25^2/_7$. *Ред.*

поглотил бы эти 23 квартера, получился бы следующий результат:

ТАБЛИЦА III

Сорт земли	Продукт		Затрата капитала	Цена производства квартера	Прибыль		Рента	
	квартеры	шиллинги			квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги
A	2	60	50	30	$^{1}/_{3}$	10	0	0
B	4	120	50	15	$2^{1}/_{3}$	70	2	60
C	7	210	50	$8^{4}/_{7}$	$5^{1}/_{3}$	160	5	150
D	10	300	50	6	$8^{1}/_{3}$	250	8	240
Итого	23	—	—	—	—	—	15	450

Числовые отношения здесь, как и в остальных таблицах, произвольны, но предположения сделаны вполне рациональные.

Первое и основное предположение заключается в том, что улучшение в земледелии оказывает неравномерное действие на различные виды почвы и в этом случае больше влияет на лучшие земли *C* и *D*, чем на *A* и *B*. Опыт показал, что обычно дело так и происходит, хотя может произойти и обратное. Если бы улучшение больше влияло на худшие земли, чем на лучшие, то рента, получаемая с последних, понизилась бы, вместо того чтобы повыситься. — Но одновременно с абсолютным ростом плодородия всех родов почвы в таблице предполагается рост более высокого относительного плодородия лучших видов почвы *C* и *D*, а потому увеличение разницы в продукте при той же затрате капитала, а потому и увеличение дифференциальной ренты.

Второе предположение заключается в том, что вместе с возрастанием всего продукта соответственно возрастает и общая потребность в нем. *Во-первых*, не следует представлять себе это возрастание совершающимся внезапно; оно происходит постепенно до тех пор, пока не установится ряд III. *Во-вторых*, неверно, будто бы потребление необходимых средств существования не возрастает вместе с их удешевлением. Отмена хлебных законов в Англии (см. Ньюмэн) доказала обратное, и противоположное представление возникло лишь вследствие того, что большие и внезапные различия в урожаях, объясняющиеся только метеорологическими причинами, производят то несоразмерное понижение, то несоразмерное повышение цен хлеба. Если в этом случае удешевление настолько внезапно и скоропреходяще, что не успевает оказать полного влияния на расширение потребления, то обрат-

ное явление наблюдается в том случае, когда удешевление вытекает из уменьшения самой регулирующей цены производства, следовательно, имеет длительный характер. *В-третьих,* часть хлеба может быть потреблена в виде водки или пива, а возрастающее потребление обоих этих продуктов отнюдь не ограничено узкими пределами. *В-четвертых,* дело зависит отчасти от прироста населения, отчасти от того, может ли страна быть хлебоэкспортирующей страной, каковой Англия еще была до и позже половины XVIII века, благодаря чему потребность регулируется границами не одного только национального потребления. *Наконец,* увеличение и удешевление производства пшеницы может иметь своим последствием, что вместо ржи или овса главным средством питания массы народа сделается пшеница, так что уже вследствие одного этого рынок для нее возрастает подобно тому, как при уменьшении количества продукта и увеличении его цены может произойти обратное явление. — При этих предположениях, следовательно, и при принятых нами числовых отношениях ряд III дает тот результат, что цена понижается с 60 до 30 шилл. за квартер, т. е. на 50%; производство, по сравнению с рядом I, возрастает с 10 до 23 квартеров, т. е. на 130%; рента, получаемая с земли *B,* остается без изменения; рента с земли *C* увеличивается на 25%*, а с *D* — на $33^1/_3$%**; общая сумма ренты повышается с 18 до $22^1/_2$*** ф. ст., т. е. на 25%****.

Сравним три таблицы (причем ряд I следует брать двояко: в восходящем направлении от *A* к *D* и в нисходящем от *D* к *A*), которые можно рассматривать или как данные ступени, существующие при данном состоянии общества — напр., рядом одна с другой в трех различных странах, — или как ступени, следующие одна за другой в различные периоды развития одной и той же страны; из такого сравнения следует:

1) Что ряд в своем законченном виде — каков бы ни был ход процесса его образования — всегда представляется в нисходящем виде; ибо при рассмотрении ренты всегда исходят сначала от земли, приносящей максимум ренты, и лишь в конце переходят к той земле, которая не приносит ренты.

2) Цена производства на наихудшей земле, не приносящей ренты, всегда является регулирующей рыночной ценой, хотя последняя в таблице I, если она образовалась в восходящем порядке, только потому остается неизменной, что в обработку вовлекается все время лучшая земля. В этом случае цена хлеба, произведенного на лучшей земле, становится регулирующей постольку,

---

* В изд. 1894 г. — удваивается. *Ред.*
** Там же — более чем удваивается. *Ред.*
*** Там же — 22 ф. ст. *Ред.*
**** Там же — $22^1/_9$%. *Ред.*

поскольку от количества продукта, произведенного на ней, зависит, в какой мере земля *A* остается регулирующей. Если бы производство на землях *B, C, D* превысило потребность, то *A* перестала бы играть регулирующую роль. Это и витало перед Шторхом, когда он признал лучшие земли регулирующими. В этом смысле английские цены хлеба регулируются американскими.

3) Дифференциальная рента происходит из различия в естественном плодородии почвы (здесь еще не принимается в расчет положение земельного участка), данного для каждой данной ступени развития культуры, следовательно, из ограниченности размера лучших земель и из того обстоятельства, что одинаковые капиталы приходится затрачивать на обработку неодинаковых земель, которые, следовательно, при затрате одинакового капитала дают неодинаковое количество продукта.

4) Дифференциальная рента и градация дифференциальной ренты могут одинаково возникнуть как в нисходящем порядке посредством перехода от лучшей земли к худшей, так и, наоборот, от худшей к лучшей, а также в меняющихся, перекрещивающихся направлениях. (Ряд I может образоваться посредством перехода как от *D* к *A*, так и от *A* к *D*. Ряд II охватывает оба рода движения.)

5) Смотря по способу своего образования дифференциальная рента может возникнуть при постоянной, повышающейся и понижающейся цене земледельческого продукта. При понижающейся цене общее производство и общая сумма ренты могут повыситься, и на земельных участках, не приносивших до сих пор ренты, последняя может образоваться несмотря на то, что худшая земля *A* вытеснена лучшей или сама улучшилась и что рента с других лучших и даже наилучших видов почвы понижается (таблица II); этот процесс может быть также связан с понижением общей суммы ренты (выраженной в деньгах). Наконец, при понижении цен, обусловленном общим улучшением обработки, при котором количество и цена продукта с наихудшей земли уменьшаются, рента с части лучших земель может остаться без перемены или уменьшиться, тогда как рента с наилучших земель может возрасти. Как бы то ни было, если разность масс продукта дана, дифференциальная рента со всякой земли, по сравнению с наихудшей землей, зависит от цены, напр., квартера пшеницы. Но если дана цена, дифференциальная рента зависит от величины разности между массами продукта, и если при повышении абсолютного плодородия всей земли плодородие лучших сортов ее повышается сравнительно больше, чем плодородие худших, то вместе с этим возрастает и величина этой разности. Так (таблица I), при цене в 60 шилл. рента с *D* определяется разницей в продукте по сравнению с *A*, т. е. излишком в 3 квартера; поэтому рента $= 3 \times 60 = 180$ шилл. Но в таблице III, где цена $= 30$ шилл., она определяется излишком

продукта с земли D по сравнению с $A=8$ квартерам, что уже составит ренту в $8\times30=240$ шилл.

Таким образом падает та первая неверная предпосылка дифференциальной ренты, которая еще господствует у Веста [West], Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференциальная рента необходимо предполагает переход к худшей и худшей почве или же постоянно уменьшающуюся производительность земледелия. Дифференциальная рента, как мы видели, может иметь место при переходе к лучшей и лучшей земле; дифференциальная рента может иметь место, если низшую ступень занимает лучшая почва вместо прежней худшей; она может быть связана с растущим прогрессом земледелия. Ее условием является исключительно неравенство видов почвы. Поскольку дело касается развития производительности, — постольку дифференциальная рента предполагает, что повышение абсолютного плодородия всей сельскохозяйственной площади не уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает.

С начала и до середины XVIII века в Англии, несмотря на понижающуюся цену золота и серебра, происходило непрерывное падение цен хлеба одновременно (если рассматривать весь период) с ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I, комбинированной с таблицей II в восходящем направлении, причем, однако, худшая земля A или подвергается улучшению или исключается из числа земель, находящихся под культурой хлеба; это, конечно, не означает, что она не используется для других сельскохозяйственных или промышленных целей.

С начала XIX века (следует точнее обозначить время) до 1815 г. непрерывное повышение цен хлеба одновременно с постоянным ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I в нисходящем направлении. (Здесь следует привести цитату относительно обработки худших земель в то время.)

В эпоху Петти и Давенанта жалобы сельского населения и землевладельцев на улучшения и распашки; понижение ренты с лучших земель, повышение общей суммы ренты вследствие расширения площади земли, приносящей ренту.

(К этим трем пунктам привести потом дальнейшие цитаты, а также о разнице в плодородии различных частей возделываемой земли в стране.)

Относительно дифференциальной ренты следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства массы продуктов. Возьмем, напр., таблицу I. 10 квартеров всего продукта продаются за 600 шилл., так как рыночная

цена определяется ценой производства на *А*, которая составляет 60 шилл. с квартера. Действительная же цена производства такова:

A	1 квартер = 60 шилл.	1 квартер = 60 шилл.
B	2 квартера = 60 шилл.	1 квартер = 30 шилл.
C	3 квартера = 60 шилл.	1 квартер = 20 шилл.
D	4 квартера = 60 шилл.	1 квартер = 15 шилл.
	10 квартеров = 240 шилл.	Средняя цена 1 квартера = 24 шилл.

Действительная цена производства 10 квартеров = 240 шилл.; они продаются за 600, т. е. в $2^1/_2$ раза дороже. Действительная средняя цена 1 квартера = 24 шилл.; рыночная цена = 60 шилл., т. е. тоже в $2^1/_2$ раза дороже.

Мы имеем перед собою определение при посредстве рыночной стоимости в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляет себя при посредстве конкуренции; эта последняя порождает ложную социальную стоимость. Это вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия. Определение рыночной стоимости продуктов, следовательно, и земледельческих продуктов, есть общественный акт, хотя и общественно бессознательный и непреднамеренный, акт, необходимо основанный на меновой стоимости продукта, не на качестве земли и различии в ее плодородии. Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 квартеров будут представлять собою количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шилл. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в $2^1/_2$ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли. Это оказало бы совершенно такое же влияние, как удешевление продукта на такую же сумму вследствие иностранного ввоза. Поэтому насколько справедливо утверждать, что — при условии сохранения современного способа производства, но при том предположении, что дифференциальная рента перейдет к государству, — цены земельных продуктов при прочих равных условиях остались бы прежние, настолько же ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежняя. Тожество рыночной цены однородных товаров есть способ, посредством которого, на базисе капиталистического способа производства и вообще производства, покоящегося на обмене товаров между отдельными лицами, проявляется общественный характер стоимости. То, что общество, рассматривае-

мое как потребитель, переплачивает за продукты земли, то, что составляет минус реализации его рабочего времени в земледельческом продукте, — составляет теперь плюс для одной части общества, для земельных собственников.

Другое обстоятельство, важное для понимания того, что будет изложено в следующей главе под рубрикой II, таково:

Дело не только в ренте, с акра или гектара, вообще не только в различии между ценой производства и рыночной ценой, или между индивидуальной и общей ценой производства на акр, но также и в том, сколько акров каждого рода земли подвергается обработке. Здесь непосредственно важна лишь величина общей суммы ренты, т. е. совокупности ренты, получаемой со всей обрабатываемой площади; но это служит для нас в то же время переходом к исследованию того, как повышается *норма ренты*, хотя цены не увеличиваются, а при понижающихся ценах не увеличиваются различия в относительном плодородии различных сортов земли. Выше у нас было:

ТАБЛИЦА I

Сорт земли	Акры	Цена производства	Продукт	Рента в зерне	Рента в деньгах
A	1	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B	1	3 » »	2 »	1 кварт.	3 ф. ст.
C	1	3 » »	3 »	2 »	6 » »
D	1	3 » »	4 »	3 »	9 » »
Сумма . . .	4 акра	—	10 кварт.	6 кварт.	18 ф. ст.

Предположим теперь, что число обрабатываемых акров каждого разряда удвоилось; в таком случае перед нами будет:

ТАБЛИЦА Ia

Сорт земли	Акры	Цена производства	Продукт	Рента в зерне	Рента в деньгах
A	2	6 ф. ст.	2 кварт.	0	0
B	2	6 » »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C	2	6 » »	6 »	4 »	12 » »
D	2	6 » »	8 »	6 »	18 » »
Сумма . . .	8 акров	—	20 кварт.	12 кварт.	36 ф. ст.

Мы предположим еще два случая: первый тот, когда производство расширяется на обоих худших видах почвы таким образом:

ТАБЛИЦА Ib

Сорт земли	Акры	Цена производства		Продукт	Рента в зерне	Рента в деньгах
		на акр	всего			
A	4	3 ф. ст.	12 ф. ст.	4 кварт.	0	0
B	4	3 » »	12 » »	8 »	4 кварт.	12 ф. ст.
C	2	3 » »	6 » »	6 »	4 »	12 » »
D	2	3 » »	6 » »	8 »	6 »	18 » »
Сумма . .	12 акров	—	36 ф. ст.	26 кварт.	14 кварт.	42 ф. ст.

и, наконец, тот случай, когда расширение производства и возделываемой площади в четырех разрядах земли происходит неравномерно:

ТАБЛИЦА Ic

Сорт земли	Акры	Цена производства		Продукт	Рента в зерне	Рента в деньгах
		на акр	всего			
A	1	3 ф. ст.	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B	2	3 » »	6 » »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C	5	3 » »	15 » »	15 »	10 »	30 » »
D	4	3 » »	12 » »	16 »	12 »	36 » »
Сумма . .	12 акров	—	36 ф. ст.	36 кварт.	24 кварт.	72 ф. ст.

Прежде всего во всех этих случаях I, Ia, Ib, Ic рента с 1 акра остается одна и та же, так как, собственно говоря, продукт одинаковой массы капитала на акр земли одного и того же рода остался неизменным; предположено только, — и это в каждый момент происходит в любой стране, — что земли различных родов находятся в определенном отношении ко всей возделываемой земле; и предположено, — а это постоянно имеет место в двух странах при сравнении их одна с другой или в одной и той же стране в различные периоды ее развития, — что изменяется отношение, в ко-

тором вся возделываемая земельная площадь распределяется между различными сортами земли.

При сравнении Ia с I мы видим, что если обработка земель всех четырех разрядов возрастает в одинаковой пропорции, то с удвоением количества обрабатываемых акров удваивается все производство, а также рента в зерне и деньгах.

Но при последовательном сравнении Ib и Ic с I мы найдем, что в обоих случаях площадь обрабатываемой земли увеличивается втрое. В обоих случаях она увеличивается с 4 до 12 акров, но в Ib наибольшее увеличение происходит в разрядах *a* и *b*, из которых *a* не приносит никакой ренты, а *b* — наименьшую дифференциальную ренту; из 8 вновь возделываемых акров на долю *a* и *b* приходится по 3, итого 6 акров, тогда как на *c* и *d* приходится лишь по 1 акру, всего 2. Другими словами: $^3/_4$ прироста приходится на *a* и *b* и лишь $^1/_4$ на *c* и *d*. При таких данных, в Ib по сравнению с I увеличению в три раза площади возделанной земли не соответствует такое же увеличение продукта, так как количество его увеличилось с 10 не до 30, а лишь до 26. С другой стороны, так как значительная часть прироста приходится на разряд *A*, который не приносит ренты, а бо́льшая часть прироста, совершившегося на лучших землях, приходится на разряд *B*, то рента в зерне увеличилась лишь с 6 до 14 квартеров, а денежная рента — с 18 до 42 ф. ст.

Если мы, напротив, сравним Ic с I, т. е. случай, когда не приносящая ренты земля совсем не увеличивается в размере, земля, приносящая минимальную ренту, увеличивается лишь незначительно, тогда как наибольший прирост падает на *C* и *D*, то мы увидим, что при увеличении площади возделанной земли в три раза производство возросло с 10 до 36 квартеров, т. е. более чем в три раза; рента в зерне увеличилась с 6 до 24 квартеров, или в четыре раза, и во столько же раз увеличилась денежная рента: с 18 до 72 ф. ст.

Во всех этих случаях по самому существу дела цена земледельческого продукта остается неизменной; во всех случаях общая сумма ренты возрастает с расширением культуры, поскольку оно происходит не исключительно на худшей земле, не приносящей никакой ренты. Но рост этот различен. В той мере, в какой расширение имеет место на лучших сортах земли и, следовательно, масса продукта растет не только пропорционально увеличению земельной площади, но быстрее, в такой же мере увеличивается и рента в зерне и деньгах. В той мере, в какой расширение происходит преимущественно на наихудшей земле и на близких к ней видах почвы (причем предполагается, что категория наихудшей земли остается одна и та же), общая сумма ренты не увеличивается пропорционально расширению культивируемой площади. Следовательно, если даны две страны, в которых не приносящая ренты

земля *A* одинакова по качеству, то сумма ренты будет находиться в обратном отношении к той соответственной доле, которую в общей площади возделанной земли составляют наихудшие и менее хорошие категории почвы, а потому и в обратном отношении к массе продукта, получающейся при одинаковой затрате капитала на равновеликую общую площадь земли. Таким образом отношение между количеством обрабатываемой земли наихудшего качества и количеством земли наилучшего качества в пределах всей земельной площади страны оказывает на общую сумму ренты влияние обратное тому, какое отношение между качеством наихудшей из возделываемых земель и качеством лучшей и наилучшей оказывает на ренту с акра и, следовательно, при прочих равных условиях и на сумму ренты. Смешивание этих двух моментов дало повод к всевозможным нелепым возражениям против теории дифференциальной ренты.

Итак, общая сумма ренты возрастает уже вследствие одного расширения культуры и соединенного с ним увеличенного приложения капитала и труда к земле.

Но наиболее важным пунктом является такой: хотя, согласно предположению, отношение рент с различных видов почвы, по расчету на акр, не изменяется, а потому не изменяется и норма ренты по отношению к капиталу, затраченному на каждый акр, однако оказывается следующее: если мы сравним Ia с I — случай, когда число возделанных акров и произведенная на них затрата капитала увеличились пропорционально, — то мы найдем, что так же, как общее производство возросло пропорционально увеличившейся площади возделанной земли — оба удвоились, — возросла и общая сумма ренты. Она увеличилась с 18 до 36 ф. ст., совершенно так же, как число акров, увеличившееся с 4 до 8.

Если мы возьмем общую площадь в 4 акра, то общая сумма ренты с них составит 18 ф. ст., следовательно, средняя рента, принимая в расчет землю, которая не приносит ренты, составит $4^1/_2$ ф. ст. Такой расчет мог бы сделать, напр., какой-нибудь земельный собственник, которому принадлежали бы все 4 акра; и таким же образом статистика исчисляет среднюю ренту всей страны. Общая сумма ренты в 18 ф. ст. получается при применении капитала в 10 ф. ст. Отношение между обоими этими числами мы называем нормой ренты; в данном случае, следовательно, 180%.

Та же норма ренты получается в случае Ia, в котором вместо 4 акров возделывается 8, но все виды почвы в одинаковом отношении участвовали в приросте. Общая сумма ренты в 36 ф. ст. дает при 8 акрах и 20 ф. ст. затраченного капитала среднюю ренту в $4^1/_2$ ф. ст. с акра и норму ренты в 180%.

Если же мы, напротив, рассмотрим случай Ib, когда прирост произошел главным образом на обоих худших видах почвы, то

мы получим ренту в 42 ф. ст. с 12 акров, т. е. среднюю ренту в $3^1/_2$ ф. ст. с акра. Весь затраченный капитал = 30 ф. ст., следовательно, норма ренты = 140%. Таким образом средняя рента с акра уменьшилась на 1 ф. ст., а норма ренты упала со 180 до 140%. Следовательно, при возрастании общей суммы ренты с 18 до 42 ф. ст. здесь происходит понижение средней ренты, исчисляемой как на акр, так и на капитал; понижение параллельное, но не пропорциональное возрастанию производства. Это происходит несмотря на то, что рента во всех сортах земли, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, остается прежняя. Причина заключается в том, что $^3/_4$ прироста приходится на землю *A*, не дающую ренты, и на *B*, дающую лишь минимальную ренту.

Если бы в случае Ib все расширение ограничилось лишь землей *A*, то мы имели бы 9 акров на *A*, 1 на *B*, 1 на *C* и 1 на *D*. Общая сумма ренты попрежнему была бы 18 ф. ст., а следовательно, средняя рента с акра на этих 12 акрах равнялась бы $1^1/_2$ ф. ст.; 18 ф. ст. ренты на 30 ф. ст. затраченного капитала составляли бы норму ренты в 60%. Средняя рента, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, сильно уменьшилась бы, тогда как общая сумма ренты не возросла бы.

Сравним, наконец, Ic с I и Ib. По сравнению с I земельная площадь увеличилась втрое и так же увеличился затраченный капитал. Общая сумма ренты = 72 ф. ст. с 12 акров, т. е. 6 ф. ст. с акра вместо $4^1/_2$ ф. ст. в случае I. Норма ренты на затраченный капитал (72 ф. ст.: 30 ф. ст.) составляет 240% вместо 180%. Весь продукт увеличился с 10 до 36 квартеров.

Если мы сравним с Ib, где общее число возделанных акров, затраченный капитал и разности между возделанными видами почвы остались прежние, но распределение их иное, то увидим, что продукт = 36 квартерам вместо 26 квартеров, средняя рента с акра = 6 ф. ст. вместо $3^1/_2$ и норма ренты по отношению ко всему авансированному капиталу той же величины = 240% вместо 140%.

Как бы мы ни стали рассматривать различные положения, изображенные в таблицах Ia, Ib, Ic, — как положения, одновременно существующие одно возле другого в различных странах, или как последовательные положения в одной и той же стране, — мы приходим к следующим выводам: при постоянной цене хлеба — постоянной потому, что продукт с наихудшей, не приносящей ренты земли остается тот же; при неизменяющемся различии в плодородии различных разрядов возделываемой земли; при относительно одинаковом количестве продукта, а следовательно, при одинаковой затрате капитала в соответственно одинаковые доли (акры) земельной площади, обрабатываемой в каждом разряде; при постоянном вследствие этого отношении между рентами с акра каждого рода земли и при одинаковой норме ренты на капитал, вложенный в каждый участок земли одного и того же рода:

во-первых, сумма ренты всегда возрастает вместе с расширением возделываемой площади, а следовательно, с увеличением затраты капитала, за исключением того случая, когда весь прирост приходится на долю не приносящей ренты земли. *Во-вторых,* как средняя рента на акр (общая сумма ренты, деленная на все число обрабатываемых акров), так и средняя норма ренты (общая сумма ренты, деленная на весь затраченный капитал) могут весьма значительно изменяться, и притом в одном направлении, но в различной мере одна по отношению к другой. Если не принимать во внимание того случая, когда расширение происходит лишь на земле *А*, не приносящей ренты, то оказывается, что средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал, вложенный в земледелие, зависят от того, какую долю всей возделываемой земли составляют земли различных разрядов; или, что̀ сводится к тому же, от распределения всего затраченного капитала между землями различного плодородия. Много ли, мало ли земли обрабатывается в стране и в зависимости от этого (за исключением того случая, когда расширение приходится лишь на долю *А*) больше ли, меньше ли общая сумма ренты, — средняя рента на акр и средняя норма ренты на примененный капитал остаются без изменения до тех пор, пока не изменятся пропорции различных сортов земли во всей возделываемой площади. Несмотря на повышение и даже значительное повышение общей суммы ренты, совершающееся с расширением культуры и увеличением затраты капитала, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал понижаются, если земельные участки, не приносящие ренты или приносящие лишь незначительную дифференциальную ренту, возрастают быстрее лучших, приносящих бо̀льшую ренту земельных участков. Наоборот, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал повышаются по мере того, как лучшие земли начинают составлять относительно бо̀льшую долю всей площади и на их долю поэтому приходится относительно бо̀льшая затрата капитала.

Таким образом, если рассматривать среднюю ренту на акр или гектар всей возделываемой земли, как это обычно делается в статистических работах при сравнении различных стран в одну и ту же эпоху или различных эпох в одной и той же стране, то оказывается, что средняя высота ренты на акр, а потому и общая сумма ренты в известной мере (хотя отнюдь не в той же, а в быстрее возрастающей мере) соответствует не относительному, а абсолютному плодородию земледелия в стране, т. е. соответствует массе продуктов, получаемых в среднем с одинаковой земельной площади. Ибо чем бо̀льшую долю общей площади составляют лучшие категории почвы, тем больше масса продуктов при одинаковой затрате капитала с земельной площади одинаковой величины, и тем больше средняя рента на акр. При обратном условии обратное. Вследствие этого кажется, что рента определяется не от-

ношением дифференциального плодородия, а абсолютным плодородием, и что таким образом закон дифференциальной ренты уничтожается. Поэтому некоторые явления отрицаются или их пытаются объяснить несуществующими различиями средних хлебных цен и дифференциального плодородия возделываемых участков земли, — явления, основанные просто на том, что отношение общей суммы ренты как ко всей площади обрабатываемой земли, так и ко всему капиталу, вложенному в землю, при одинаковом плодородии не приносящей ренты земли, а потому и при одинаковых ценах производства и при одинаковой разнице между различными родами почвы, определяется не только рентой, получаемой на акр, или нормой ренты на капитал, но также и отношением числа акров земли каждого рода к общему числу возделываемых акров, или, что сводится к тому же, распределением всего затраченного капитала между различными родами почвы. До сих пор на это обстоятельство странным образом совершенно не обращали внимания. Во всяком случае оказывается, и это важно для дальнейшего хода нашего исследования, что относительная высота средней ренты на акр и средняя норма ренты, или отношение общей суммы ренты ко всему вложенному в землю капиталу, могут увеличиваться или уменьшаться просто вследствие экстенсивного расширения культуры, при неизменяющихся ценах, неизменяющейся разнице в плодородии возделываемых участков земли и неизменяющейся ренте с акра, или норме ренты на капитал, затраченный на акр в каждом действительно приносящем ренту разряде земли, т. е. на весь капитал, действительно приносящий ренту.

Необходимо сделать еще следующие дополнения относительно той формы дифференциальной ренты, которая исследована у нас под рубрикой I; они отчасти имеют значение и для дифференциальной ренты II.

Во-первых: мы видели, как средняя рента с акра или средняя норма ренты на капитал может повыситься при расширении культуры, постоянных ценах и неизменяющейся разнице в плодородии возделываемых земельных участков. Лишь только вся земля в какой-либо стране будет присвоена, затрата капитала на землю, культура и население достигнут определенной высоты, — условия, наличность которых предполагается, раз капиталистический способ производства сделался господствующим, подчинив себе и земледелие, — цена необработанной земли различного качества (предполагая существование лишь дифференциальной ренты) определяется ценой возделанных участков земли одинакового качества и соответственно расположенных. Цена этой земли такая же — за вычетом присоединяющихся к ней издержек по распашке, —

хотя она и не приносит ренты. Конечно, цена земли есть не что иное, как капитализированная рента. Но и в цене возделанных земельных участков оплачиваются лишь будущие ренты, напр., разом выплачиваются вперед ренты за двадцать лет, если определяющая процентная ставка = 5%. Раз продается земля, она продается как приносящая ренту, и перспективный характер ренты (которая рассматривается здесь как произведение земли, чем она является только по видимости) не делает разницы между невозделанной землей и возделанной. Цена невозделанных участков земли, как и рента с них, концентрированное выражение которой представляет цена земли, чисто иллюзорна, пока эти участки не будут действительно использованы. Но она определяется таким образом a priori [наперед] и реализуется, когда найдутся покупатели. Поэтому, если действительная средняя рента в известной стране определяется действительной средней годовой суммой ренты и отношением этой последней ко всей возделываемой площади, то цена невозделанной части земельной площади определяется ценою возделанной и является поэтому лишь отражением затраты капитала и ее результатов на возделанных земельных участках. Так как, за исключением наихудшей земли, все категории почвы приносят ренту (а эта рента, как мы увидим в рубрике II, возрастает вместе с массой капитала и соответствующей этой массе интенсивностью культуры), то благодаря этому образуется номинальная цена для невозделанных земель, которые таким образом становятся товаром, источником богатства для своих владельцев. Этим же объясняется, почему возрастает цена земли всей области, включая сюда и невозделанную землю (Opdyke [Опдайк]). Земельная спекуляция, напр. в Соединенных Штатах, основана лишь на этом отражении, которое капитал и труд отбрасывают на невозделанную землю.

Во-вторых: процесс расширения возделываемой земли вообще совершается или путем перехода к худшей земле или на различных имеющихся сортах земли в различных пропорциях, в зависимости от того, что имеется в наличности. Переход к худшей земле, конечно, никогда не совершается по доброй воле, а может быть лишь, — предполагая капиталистический способ производства, — следствием повышения цен, а при всяком способе производства — лишь следствием необходимости. Но это не имеет безусловного значения. Худшей земле оказывается предпочтение перед относительно лучшей землей вследствие ее положения, которое имеет решающее значение при всяком расширении культуры в молодых странах; далее, вследствие того, что, хотя почва известной полосы в целом принадлежит по своему строению к числу более плодородных, все же местами земли лучшего и худшего качества могут причудливо чередоваться, и худшую землю приходится обрабатывать уже по одному тому, что она находится в непосредственной

связи с лучшей. Если худшая земля врезывается отдельными участками в лучшую, то последняя дает ей преимущество положения перед землей более плодородной, но не прилегающей к обработанной или подлежащей обработке земле.

Так, штат Мичиган среди западных штатов начал вывозить хлеб одним из первых. Почва его в общем скудна. Но соседство со штатом Нью-Йорк и водное сообщение посредством озер и канала Эри сначала давали ему преимущество перед более плодородными от природы штатами, находящимися далее к западу. Пример этого штата в сравнении со штатом Нью-Йорк может также служить иллюстрацией перехода от лучшей земли к худшей. Почва штата Нью-Йорк, особенно западная часть, несравненно плодороднее, в особенности для возделывания пшеницы. Хищнической обработкой эта плодородная земля была превращена в неплодородную, и почва Мичигана оказалась теперь плодороднее.

«В 1836 г. через Буффало транспортировали водою пшеничную муку на запад, главным образом из пшеничного округа Нью-Йорка и Верхней Канады. В настоящее время, спустя лишь 12 лет, громадные запасы пшеницы и муки с запада привозят по озеру и каналу Эри в Буффало и соседнюю гавань Блэкрок для отправки водою на восток. Экспорт пшеницы и муки особенно стимулировался голодом в Европе в 1847 г. Вследствие этого пшеница в западном Нью-Йорке стала дешевле и возделывание ее сделалось менее выгодным; это побудило нью-йоркских фермеров больше заняться скотоводством, молочным хозяйством, плодоводством и т. д., т. е. такими отраслями, в которых по их мнению северо-запад не сумеет непосредственно конкурировать с ними» (J. W. Johnston: «Notes of North America», London 1851, I, стр. 222).

В-третьих: неправильно предполагать, что почва колоний и вообще молодых стран, которые могут вывозить хлеб по более дешевой цене, непременно отличается бо́льшим естественным плодородием. Хлеб продается в данном случае не только ниже его стоимости, но и ниже его цены производства, а именно ниже цены производства, определяемой средней нормой прибыли в более старых странах.

Если мы, как говорит Джонстон (стр. 223), «с этими новыми штатами, из которых ежегодно подвозят в Буффало такие большие количества пшеницы, привыкли соединять представление о большом приро́дном плодородии и беспредельном пространстве богатой земли», то это зависит прежде всего от экономических условий. Все население такой страны, как, напр., Мичиган, занималось вначале почти исключительно сельским хозяйством и специально массовыми продукта́ми его, так как только их можно было обменивать на промышленные товары и тропические продукты. Весь его избыточный продукт является поэтому в форме хлеба.

Это уже с самого начала отличает колониальные государства, основанные на базе современного мирового рынка, от прежних и в особенности от колоний античного мира. Современные колонии получают, чрез посредство мирового рынка, готовыми те продукты, которые при других обстоятельствах им пришлось бы изготовлять самим, как то: одежду, орудия и т. д. Только на такой основе южные штаты Союза и могли превратить хлопок в свой главный продукт. Разделение труда на мировом рынке дает им эту возможность. Если поэтому *кажется,* что они, принимая во внимание их молодость и относительную малочисленность населения, производят очень большой избыточный продукт, то этим они обязаны не плодородию их почвы и не плодотворности [Fruchtbarkeit] их труда, а односторонней форме их труда, а следовательно, и того избыточного продукта, в котором этот труд представлен.

Далее, в относительно менее плодородной пахотной земле, которая лишь недавно начала обрабатываться и еще не была тронута культурой, при более или менее благоприятных климатических условиях накоплено, по крайней мере в верхних слоях, так много легко растворимых веществ, необходимых для питания растений, что она долгое время дает урожай, не требуя удобрения, да еще при самой поверхностной обработке. Что касается западных прерий, то сюда присоединяется еще и то, что они почти не требуют никаких издержек на распашку, так как они пригодны для возделывания уже от природы[33a]. В менее плодородных областях этого рода избыток получается не вследствие высокого плодородия почвы, т. е. не вследствие высокого продукта на акр, а вследствие большого количества акров, которые могут быть поверхностно возделаны, так как сама эта земля или ничего не стоит возделывателю или, по сравнению со старыми странами, стоит чрезвычайно дешево. Например, там, где существует издольная аренда, как в некоторых частях Нью-Йорка, Мичигана, Канады и т. д. Одна семья поверхностно обрабатывает, скажем, 100 акров, и, хотя количество продукта, получаемого с акра, невелико, со 100 акров это дает значительный избыток для продажи. К этому присоединяется еще почти даровое содержание скота на естественных пастбищах, без искусственных лугов. Решающее значение имеет здесь не качество, а количество земли.

[33a] {Быстро возрастающее возделывание таких прерий и степных местностей как раз превратило в последнее время прославленное положение Мальтуса: «население давит на средства существования» в посмешище для детей, и в противоположность этому вызвало жалобы аграриев на то, что земледелие, а вместе с тем и Германия погибнут, если насильственными мерами не устранить жизненных средств, которые давят на население. Но обработка этих степей, прерий, пампасов, льяносов и т. д. едва лишь начинается; поэтому ее революционизирующее влияние на европейское сельское хозяйство будет со временем несравненно ощутительнее, чем оно было до сих пор. — *Ф. Э.*}

Возможность такой поверхностной обработки естественно исчерпывается более или менее быстро, — тем медленнее, чем плодороднее новая земля, и тем быстрее, чем больше вывоз ее продукта. «И все же такая земля дает превосходные первые урожаи, даже урожаи пшеницы; тот, кто снимает первые сливки с земли, может послать на рынок большой избыток пшеницы» (там же, стр. 224). В странах старой культуры отношения собственности, цена невозделанной земли, определяемая ценой возделанной и т. д., делают невозможным подобного рода экстенсивное хозяйство.

Следующие данные показывают, что, вопреки мнению Рикардо, эта земля не должна быть непременно очень плодородной, а также нет необходимости в том, чтобы возделывались категории почвы, одинаковые по своему плодородию: в штате Мичиган в 1848 г. было засеяно пшеницей 465 900 акров и производилось 4 739 300 бушелей, или в среднем по $10^1/_5$ бушеля на акр; по вычете семян это даст менее 9 бушелей на акр. Из 29 округов штата 2 производили в среднем 7 бушелей, 3 — 8, 2 — 9, 7 — 10, 6 — 11, 3 — 12, 4 — 13 бушелей и лишь 1 округ — 16 бушелей и еще 1 — 18 бушелей на акр (там же, стр. 226).

Для земледельческой практики большее плодородие почвы совпадает с возможностью более интенсивного немедленного использования этого плодородия. Такая возможность может быть больше по отношению к бедной от природы почве, чем по отношению к почве от природы богатой; колонист же прежде всего возьмется за такого рода землю и при недостатке капитала принужден будет так поступить.

Наконец, распространение культуры на все большие площади, — оставляя в стороне только что рассмотренный случай, когда приходится прибегать к земле худшего качества, чем та, которая до тех пор возделывалась, — на различные виды почвы, начиная с *A* и до *D*, т. е., напр., обработка больших площадей земель *B* и *C*, отнюдь не предполагает предварительного повышения цен хлеба, подобно тому как ежегодное расширение, напр., бумагопрядения не требует постоянного повышения цен пряжи. Хотя значительное повышение или понижение рыночных цен оказывает влияние на размер производства, однако, оставляя это в стороне, и при средних ценах, не оказывающих своим уровнем на производство ни задерживающего, ни особо оживляющего влияния, в земледелии (как и во всех других отраслях производства, которые ведутся капиталистически) постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тожественно с накоплением и которое при других способах производства непосредственно вызывается ростом населения, а в колониях — постоянной иммиграцией. Потребность постоянно возрастает и в предвидении этого все новые и новые капиталы постоянно вкладываются в новые земли, хотя, в зависимости от обстоятельств,

быть может, для возделывания новых и новых земледельческих продуктов. К этому само по себе приводит образование новых капиталов. Что касается единичного капиталиста, то размеры своего производства он соразмеряет с имеющимся в его распоряжении капиталом, поскольку это еще не выходит из-под его собственного контроля. Он стремится лишь к тому, чтобы занять как можно больше места на рынке. Если произведено слишком много, то он обвинит в этом не себя, а своих конкурентов. Отдельный капиталист может расширять свое производство как овладевая сравнительно большею частью существующего рынка, так и расширяя самый рынок.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

ВТОРАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ (ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II).

До сих пор мы рассматривали дифференциальную ренту лишь как результат различной производительности одинаковых затрат капитала на равных земельных площадях различного плодородия, так что дифференциальная рента определялась разностью между продуктом капитала, вложенного в наихудшую, не приносящую ренты землю, и продуктом капитала, вложенного в лучшую землю. При этом мы предполагали, что капиталы затрачивались одновременно на различных участках земли, так что каждой новой затрате капитала соответствовала более экстенсивная обработка земли, расширение возделываемой площади. Но по существу дифференциальная рента являлась в конце концов лишь результатом различной производительности равных капиталов, вложенных в землю. Рассмотрим теперь, получится ли какая-нибудь разница, если капиталы различной производительности затрачиваются один после другого на одном и том же участке земли и если они вкладываются одновременно в различные участки земли, — если только предположить, что результаты одни и те же.

Прежде всего нельзя отрицать, что, поскольку дело идет об образовании добавочной прибыли, совершенно безразлично, дадут ли 3 ф. ст. цены производства на акр земли *A* продукт в 1 квартер, так что 3 ф. ст. будут ценой производства и регулирующей рыночной ценой 1 квартера, тогда как 3 ф. ст. цены производства на акр земли *B* дадут 2 квартера и, таким образом, добавочную прибыль в 3 ф. ст., а 3 ф. ст. цены производства на акр земли *C* дадут 3 квартера и 6 ф. ст. добавочной прибыли, и, наконец, 3 ф. ст. цены производства на акр земли *D* дадут 4 квартера и 9 ф. ст. добавочной прибыли; или же такой результат получится от того, что эти 12 ф. ст. цены производства, соответственно 10 ф. ст. капитала, будут затрачены с таким же успехом, в такой же последовательности, на одном и том же акре. И в том и в другом случае капитал = = 10 ф. ст. и стоимость его последовательно затрачивается частями — по $2^1/_2$ ф. ст., — безразлично, затрачиваются ли они одновременно на 4 акрах земли различного плодородия или же одна после другой на одном и том же акре, — а из этих частей,

так как продукт их различен, одна не дает добавочной прибыли, между тем как другие дают добавочную прибыль, соответствующую разности между их продуктом и продуктом той затраты, которая не приносит ренты.

Добавочные прибыли и различные нормы добавочной прибыли с различных частей стоимости капитала образуются в обоих случаях одинаково. Рента же есть не что иное, как форма этой добавочной прибыли, образующей ее субстанцию. Но во всяком случае второй способ представляет затруднение в моменте, касающемся превращения добавочной прибыли в ренту, этого изменения формы, которое предполагает передачу дополнительной прибыли капиталистическим арендатором собственнику земли. Вот почему английские арендаторы оказывают такое упорное сопротивление официальной земледельческой статистике. Отсюда же борьба, которую они ведут с землевладельцами из-за установления действительных результатов их капиталовложений (Мортон). Именно при аренде земель устанавливается величина ренты, и после этого добавочная прибыль, получаемая от последовательных затрат капитала, попадает в карман арендатора все время, пока длится арендный договор. Отсюда борьба арендаторов за продолжительные арендные договоры и, наоборот, — вследствие перевеса силы на стороне лэндлордов — увеличение числа контрактов, которые можно ежегодно расторгнуть (tenancies at will).

Поэтому ясно с самого начала: хотя для закона образования добавочной прибыли безразлично, вложены ли равные капиталы с различными результатами одновременно в земельные участки равной величины или последовательно друг за другом в один и тот же участок земли, однако это составляет значительную разницу для превращения добавочной прибыли в земельную ренту. Последний способ вводит это превращение, с одной стороны, в более узкие, с другой — в менее устойчивые пределы. Поэтому в странах интенсивной культуры (а в экономическом смысле под интенсивной культурой мы разумеем не что иное, как концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого) работа таксатора, как показывает Мортон в своих «Resources of Estates», становится очень важной, сложной и трудной профессией. При более прочных улучшениях земли, когда истекает срок арендного договора, искусственно повышенное дифференциальное плодородие земли совпадает с естественным, а потому и оценка размера ренты совпадает с определением ренты от земель различного плодородия вообще. Напротив, поскольку образование добавочной прибыли определяется величиной капитала, вложенного в дело, величина ренты, получаемой при известном размере этого капитала, будет присоединена к средней ренте страны; поэтому будут обращать внимание на то, чтобы новый

арендатор располагал капиталом, достаточным для продолжения культуры с прежней степенью интенсивности.

При рассмотрении дифференциальной ренты II необходимо отметить еще следующие пункты.

Во-первых: ее основой и исходным пунктом не только исторически, но и поскольку дело идет об ее движении во всякий данный момент, является дифференциальная рента I, т. е. одновременное возделывание земельных участков, различных как по своему плодородию, так и по положению, т. е. одновременное применение различных составных частей всего земледельческого капитала на землях различного качества.

Исторически это само собою разумеется. В колониях колонистам приходится затрачивать лишь незначительный капитал; главными агентами производства являются труд и земля. Каждый отдельный глава семьи старается создать для себя и своих независимое поле действия, рядом с сотоварищами-колонистами. В собственно земледелии уже при докапиталистических способах производства дело должно было происходить вообще таким же образом. При овцеводстве и вообще скотоводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер. Капиталистический способ производства исходит из прежних способов производства, при которых средства производства фактически или юридически составляют собственность самого возделывателя, словом, из ремесленного ведения сельского хозяйства. По самой природе дела из этого лишь постепенно развивается концентрация средств производства и превращение их в капитал, противостоящий непосредственным производителям, превращенным в наемных рабочих. Поскольку капиталистический способ производства выступает здесь со своими характерными чертами, это происходит впервые в особенности в области овцеводства и скотоводства; но проявляется это не в концентрации капитала на относительно небольшой площади земли, а в производстве в большом масштабе, благодаря чему достигается экономия на количестве лошадей и других издержках производства; в действительности здесь нет приложения большего капитала к одной и той же земле. Далее, из естественных законов земледелия вытекает, что при известной высоте культуры и соответствующем ей истощении почвы капитал, понимаемый здесь также в смысле уже произведенных средств производства, становится решающим элементом земледелия. Пока возделываемая земля составляет относительно небольшую площадь сравнительно с невозделанной, и сила ее еще не истощена (а таково положение при

преобладании скотоводства и мясной пищи в период, предшествующий периоду преобладания собственно земледелия и растительной пищи), возникающий новый способ производства противостоит крестьянскому производству именно по размеру земельной площади, обрабатываемой за счет одного капиталиста, т. е. опять-таки по экстенсивной затрате капитала на земельной площади большего протяжения. Таким образом с самого начала следует иметь в виду, что дифференциальная рента I является той исторической основой, которая служит исходным пунктом. С другой стороны, движение дифференциальной ренты II в каждый данный момент начинается лишь в такой области, которая сама, в свою очередь, служит мозаичной основой для дифференциальной ренты I.

Во-вторых: при дифференциальной ренте в форме II к различию плодородия присоединяются различия в распределении капитала (и кредитоспособности) между фермерами. В собственно мануфактуре для каждой отрасли производства скоро слагается особый минимум размера предприятия и соответственно этому минимум капитала, без которого нельзя успешно вести отдельное предприятие. Точно так же в каждой отрасли производства образуется стоящий выше этого минимума нормальный средний размер капитала, которым должно располагать и располагает большинство производителей. Капитал большего размера может дать добавочную прибыль; меньшего размера не даст и средней прибыли. Капиталистический способ производства лишь медленно и неравномерно захватывает сельское хозяйство, как это можно наблюдать в Англии, классической стране капиталистического способа производства в области земледелия. Поскольку не существует свободного ввоза хлеба или его влияние лишь ограничено, потому что размер ввоза ограничен, то рыночную цену определяют производители, работающие на худшей земле, т. е. при условиях производства более неблагоприятных, чем средние. Бо́льшая часть общей массы капитала, который применяется в сельском хозяйстве и которым оно вообще располагает, находится в их руках.

Верно, что крестьянин, напр., затрачивает много труда на свою маленькую парцеллу, но труда изолированного и лишенного объективных как общественных, так и материальных условий производительности, отрешенного от них.

Это обстоятельство приводит к тому, что настоящие капиталистические фермеры имеют возможность присваивать себе часть добавочной прибыли, что не имело бы места — по крайней мере, поскольку дело касается указанной причины, — если бы капиталистический способ производства был так же равномерно развит в сельском хозяйстве, как в мануфактуре.

Рассмотрим сначала одно только образование добавочной прибыли при дифференциальной ренте II, не касаясь условий, при

которых может совершиться превращение этой добавочной прибыли в земельную ренту.

В таком случае ясно, что дифференциальная рента II является лишь другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с нею. Различие в плодородии различных земель влияет при дифференциальной ренте I лишь постольку, поскольку благодаря ему вложенные в землю капиталы дают неодинаковые результаты, неодинаковое количество продуктов на капиталы одинаковой величины или соразмерно с их относительной величиной. Получается ли это неравенство для различных капиталов, затрачиваемых один за другим на одном и том же участке земли, или для капиталов, вкладываемых в несколько земельных участков разнородной земли, — это ничего не может изменить в различии плодородия или его продукта, а потому и в образовании дифференциальной ренты с тех частей капитала, которые затрачены с большей продуктивностью. Попрежнему при равных затратах капитала различное плодородие обнаруживает земля, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных частей капитала дает такие же результаты, какие при дифференциальной ренте I дают различные категории почвы при затрате различных частей общественного капитала одинаковой величины.

Предположим, что тот же капитал в 10 ф. ст., который затрачивался в таблице I различными фермерами в виде самостоятельных капиталов по $2^1/_2$ ф. ст. на каждый акр четырех родов земли *A*, *B*, *C* и *D*, вместо этого затрачивается последовательно на одном и том же акре *D* так, что первая затрата дала бы 4 квартера, вторая — 3, третья — 2 и последняя — 1 квартер (или же в обратной последовательности). В таком случае цена 1 квартера, получаемого от наименее доходной части капитала, равная 3 ф. ст., не приносила бы дифференциальной ренты, но определяла бы цену производства до тех пор, пока была бы еще необходимость в пшенице, цена производства которой = 3 ф. ст. А так как, согласно предположению, производство ведется капиталистически и, следовательно, цена в 3 ф. ст. заключает в себе среднюю прибыль, приносимую вообще капиталом в $2^1/_2$ ф. ст., то три остальные части по $2^1/_2$ ф. ст. будут приносить, смотря по различию в количестве продукта, добавочную прибыль, так как этот продукт продается не по его цене производства, а по цене производства наименее доходной затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст.; затраты, которая не приносит ренты, и цена продукта которой регулируется по общему закону цен производства. Образование добавочной прибыли было бы такое же, как в таблице I.

Здесь снова оказывается, что дифференциальная рента II предполагает дифференциальную ренту I. Минимум продукта, который приносит капитал в $2^1/_2$ ф. ст., т. е. капитал, затраченный

на наихудшей земле, мы приняли здесь в 1 квартер. Следовательно, предполагается, что арендатор земли *D*, помимо тех $2^1/_2$ ф. ст., которые приносят ему 4 квартера, за что он уплачивает 3 квартера дифференциальной ренты, затрачивает на той же земле $2^1/_2$ ф. ст., которые приносят ему всего лишь 1 квартер, подобно такому же капиталу на наихудшей земле *A*. В таком случае это была бы затрата капитала, не приносящая ренты, так как она принесла бы фермеру только среднюю прибыль. Здесь не было бы никакой добавочной прибыли, нечему было бы превращаться в ренту. Но, с другой стороны, это уменьшение продукта от второй затраты капитала на *D* не оказало бы никакого влияния на норму прибыли. Это было бы то же самое, как если бы $2^1/_2$ ф. ст. были вновь затрачены на какой-нибудь новый акр земли сорта *A*, — обстоятельство, которое не оказало бы никакого влияния на добавочную прибыль, а следовательно, и на дифференциальную ренту с земель *A*, *B*, *C*, *D*. Для фермера же эта дополнительная затрата $2^1/_2$ ф. ст. на *D* была бы выгодна как раз в такой же мере, как, согласно нашему предположению, затрата первоначальных $2^1/_2$ ф. ст. на акр земли *D*, хотя она приносит 4 квартера. Если, далее, следующие две затраты капитала по $2^1/_2$ ф. ст. каждая дадут ему: первая 3, а вторая 2 квартера дополнительного продукта, то имело бы место новое уменьшение продукта по сравнению с продуктом, полученным от первой затраты в $2^1/_2$ ф. ст. на *D*, которая дала 4 квартера, а потому 3 квартера добавочной прибыли. Но это было бы лишь уменьшением величины добавочной прибыли и не оказало бы никакого влияния ни на среднюю прибыль, ни на регулирующую цену производства. Последнее могло бы произойти лишь в том случае, если бы дополнительное производство, которое приносит пониженную добавочную прибыль, сделало излишним производство на *A* и таким образом исключило бы *A* из числа обрабатываемых земель. В этом случае с понижением продуктивности дополнительной затраты капитала на акре земли *D* было бы связано уменьшение цены производства, напр., с 3 до $1^1/_2$ ф. ст., если бы землей, не приносящей ренты и регулирующей рыночную цену, сделался акр земли *B*.

Продукт с *D* был бы теперь $= 4 + 1 + 3 + 2 = 10$ квартерам, тогда как прежде он был равен 4 квартерам. Но цена квартера, регулируемая посредством *B*, уменьшилась бы до $1^1/_2$ ф. ст. Разница между *D* и *B* была бы $= 10 - 2 = 8$ квартерам, что по $1^1/_2$ ф. ст. за квартер составило бы 12 ф. ст., тогда как денежная рента с *D* раньше была $= 9$ ф. ст. Это следует отметить. Если сделать расчет на акр, то рента поднялась на $33^1/_3\%$, несмотря на уменьшившуюся норму добавочной прибыли с двух дополнительных капиталов по $2^1/_2$ ф. ст. каждый.

Отсюда видно, к каким необыкновенно сложным комбинациям дает повод дифференциальная рента вообще и особенно в форме II

вместе с формой I, тогда как Рикардо, напр., трактует ее чрезвычайно односторонне и как простую вещь. Бывают случаи, как приведенный выше, когда происходит понижение регулирующей рыночной цены и вместе с тем увеличение ренты на плодородных землях, так что возрастает как абсолютный продукт, так и абсолютный добавочный продукт. (При дифференциальной ренте I по нисходящей линии может возрастать относительный добавочный продукт, а потому и рента с акра, хотя абсолютный добавочный продукт с акра остается тот же или даже уменьшается.) Но в то же время уменьшается производительность затрат капитала, которые делаются одна за другой на одной и той же земле, несмотря на то, что значительная часть их приходится на более плодородные земли. Если смотреть с одной точки зрения — с точки зрения количества продукта и цен производства — производительность труда возросла. Но с другой точки зрения она уменьшилась, так как норма добавочной прибыли и добавочный продукт на акр для различных затрат капитала на той же самой земле уменьшились.

Дифференциальная рента II, при уменьшающейся продуктивности последовательных затрат капитала, только в том случае была бы непременно связана с вздорожанием цены производства и абсолютным уменьшением производительности, если бы эти затраты капитала могли быть произведены исключительно на худшей земле *A*. Если акр разряда *A*, дававший при затрате капитала в $2^1/_2$ ф. ст. 1 квартер по цене производства в 3 ф. ст., дает, при дальнейшей затрате в $2^1/_2$ ф. ст., т. е. при общей затрате в 5 ф. ст., в общей сложности лишь $1^1/_2$ квартера, то цена производства этих $1^1/_2$ квартеров = 6 ф. ст., а потому одного квартера = = 4 ф. ст. Всякое понижение производительности при возрастающей затрате капитала было бы здесь относительным уменьшением продукта с акра, тогда как такое понижение производительности на земле лучших сортов есть лишь уменьшение избыточного добавочного продукта.

Но по самой природе дела, интенсивная культура, т. е. последовательные затраты капитала на одной и той же земле, развивается преимущественно или в более значительной степени на землях лучших сортов. (Мы не говорим здесь о тех прочных улучшениях, посредством которых земли, до того времени непригодные, превращаются в пригодные.) Поэтому уменьшающаяся производительность последовательных затрат капитала должна действовать преимущественно вышеуказанным образом. Лучшая земля выбирается при этом потому, что она дает больше всего надежды на получение выгоды от употребленного на нее капитала, так как содержит в себе наибольшее количество естественных элементов плодородия, которые остается только использовать.

Когда после отмены хлебных законов культура в Англии сделалась еще интенсивнее, масса земель, на которых прежде

возделывалась пшеница, была использована для иных целей, а именно превращена в пастбища; напротив, плодородные пространства земли, наиболее пригодные для возделывания пшеницы, были дренированы и иным образом улучшены; капитал, применяемый для возделывания пшеницы, был сконцентрирован в более тесной области.

В этом случае, — а все возможные добавочные нормы, находящиеся между наибольшим количеством добавочного продукта лучшей земли и количеством продукта земли *A*, не приносящей ренты, соответствуют здесь не относительному, а абсолютному увеличению добавочного продукта на акр, — вновь образовавшаяся добавочная прибыль (потенциальная рента) представляет не превратившуюся в ренту часть прежней средней прибыли (часть продукта, в которой раньше была представлена средняя прибыль), а дополнительную добавочную прибыль, которая из этой формы превращается в ренту.

Напротив, только в том случае, если бы спрос на хлеб увеличился настолько, что рыночная цена превысила бы цену производства на земле *A*, и потому добавочный продукт с земель *A*, *B* или какого-либо другого разряда можно было бы получать лишь по более высокой цене, чем 3 ф. ст., — только в этом случае уменьшение продукта от дополнительной затраты капитала на какой-либо из разрядов *A*, *B*, *C*, *D* было бы сопряжено с повышением цены производства и регулирующей рыночной цены. Поскольку такое положение установилось бы на сравнительно продолжительное время и не вызвало бы возделывания дополнительной земли *A* (по меньшей мере качества *A*) и вообще никакие другие влияния не привели бы к более дешевому предложению, заработная плата при прочих равных условиях повысилась бы вследствие вздорожания хлеба и соответственно этому понизилась бы норма прибыли. В этом случае было бы безразлично, удовлетворялся ли бы возросший спрос путем вовлечения в обработку земли худшего качества, чем *A*, или же путем дополнительной затраты капитала, все равно на каком из четырех сортов земли. Дифференциальная рента стала бы повышаться в связи с понижением нормы прибыли.

Этот один случай, когда убывающая производительность капиталов, дополнительно вкладываемых в земли, уже находящиеся под культурой, может привести к повышению цены производства, понижению нормы прибыли и образованию более высокой дифференциальной ренты, — так как эта последняя при данных условиях повысилась бы на всех родах земли совершенно так же, как если бы худшая, чем *A*, земля стала теперь регулировать рыночную цену, — этот случай Рикардо превращает в единственный случай, в нормальный случай, к которому он сводит все образование дифференциальной ренты II.

Так оно и было бы в действительности, если бы обрабатывался лишь сорт земли *A* и если бы последовательные затраты капитала, производимые на ней, не были соединены с относительным приростом продукта.

Таким образом здесь, при дифференциальной ренте II, совершенно теряется из памяти дифференциальная рента I.

За исключением этого случая, когда предложения, исходящего с уже возделываемых земель, недостаточно, и потому рыночная цена в течение долгого времени превышает цену производства, пока не начнется возделывание новых, дополнительных худших земель, или пока весь продукт дополнительного капитала, затраченного на землях различных разрядов, не окажется возможным сбывать по более высокой цене производства, чем существовавшая до того времени, — за исключением этого случая относительное уменьшение производительности дополнительных капиталов не затрагивает регулирующей цены производства и норм прибыли. Вообще же говоря, возможны еще три следующих случая:

a) Если дополнительный капитал, затраченный на землю какого бы то ни было вида: *A, B, C, D,* дает лишь норму прибыли, определяемую ценой производства на *A,* то благодаря этому не образуется добавочной прибыли, а следовательно, и какой бы то ни было ренты, — не образуется точно так же, как если бы стала обрабатываться дополнительная земля *A*.

b) Если дополнительный капитал принесет большее количество продукта, то, само собою разумеется, образуется новая добавочная прибыль (потенциальная рента), если регулирующая цена остается прежняя. Последнее не всегда имеет место, именно не имеет места в том случае, если это дополнительное производство исключает землю *A* из числа обрабатываемых, а вместе с тем и из числа конкурирующих сортов земли. Тогда регулирующая цена производства понижается. Норма прибыли повысилась бы, если бы с этим было сопряжено понижение заработной платы или если бы более дешевый продукт вошел элементом в постоянный капитал. Если бы повышенная производительность дополнительных капиталов имела место на землях лучших сортов — *C* и *D,* то только от степени повышения производительности и от массы вновь вложенных капиталов зависело бы, насколько образование увеличенной добавочной прибыли (а следовательно, и увеличенной ренты) соединялось бы с понижением цены и повышением нормы прибыли. Эта последняя может повышаться и без понижения заработной платы, вследствие удешевления элементов постоянного капитала.

c) Если дополнительная затрата капитала даст добавочную прибыль в убывающем размере, но все же так, что продукт этой затраты оставляет избыток по сравнению с продуктом такого же капитала, затраченного на земле *A*, то, если только увеличившееся

предложение не исключит землю *A* из числа обрабатываемых земель, при всех обстоятельствах происходит образование новой добавочной прибыли, причем оно может произойти одновременно на *D, C, B, A*. Если же, напротив, из обработки будет вытеснена худшая земля *A*, то регулирующая цена производства понизится, и от отношения между уменьшившейся ценой 1 квартера и увеличившимся числом квартеров, образующих добавочную прибыль, зависит, повышается ли или понижается выраженная в деньгах добавочная прибыль, а следовательно, и дифференциальная рента. Но во всяком случае здесь обнаруживается то любопытное обстоятельство, что при уменьшении добавочной прибыли от последовательных затрат капитала цена производства может уменьшаться, вместо того чтобы обязательно повышаться, как это представляется с первого взгляда.

Эти дополнительные затраты капитала с убывающими добавочными продуктами как раз соответствуют такому случаю, когда на землях, стоящих по своему плодородию между *A* и *B*, *B* и *C*, *C* и *D*, были бы, напр., затрачены четыре новых самостоятельных капитала по $2^1/_2$ ф. ст., которые приносили бы соответственно $1^1/_2$ квартера, $2^1/_3$, $2^2/_3$ и 3 квартера. На всех этих сортах земли, на все четыре дополнительных капитала образовались бы добавочные прибыли, потенциальные ренты, хотя норма добавочной прибыли по сравнению с той, которую приносит равная затрата капитала на соответственно лучшей земле, и уменьшилась бы. При этом было бы совершенно безразлично, вложены ли эти четыре капитала в землю *D* и т. д. или же распределены между *D* и *A*.

Мы подходим теперь к существенному различию между обеими формами дифференциальной ренты.

Когда дело идет о дифференциальной ренте I, здесь при неизменяющейся цене производства и неизменяющихся разностях вместе с общей суммой ренты может повыситься средняя рента на акр или средняя норма ренты на капитал. Но среднее — это лишь абстракция. Действительный уровень ренты, в расчете на акр или на капитал, здесь остается прежний.

Напротив, уровень ренты, при расчете на акр, при тех же условиях может повыситься, хотя норма ренты, вычисленная на затраченный капитал, остается прежняя.

Предположим, что производство удваивается вследствие того, что на каждом из родов земли *A, B, C, D* затрачивается капитала не по $2^1/_2$, а по 5 ф. ст., т. е. в общем 20 ф. ст. вместо 10 ф. ст., причем относительное плодородие остается прежнее. Это было бы совершенно то же самое, как если бы вместо 1 акра каждого из этих сортов земли обрабатывалось 2 акра, причем издержки оставались бы те же. Норма прибыли не изменилась бы, равно как и ее отношение к добавочной прибыли или ренте. Если же *A* и стала бы приносить теперь 2 квартера, *B* — 4, *C* — 6, *D* — 8, то цена произ-

водства попрежнему равнялась бы 3 ф. ст. за квартер, так как этот прирост был бы обязан своим происхождением не удвоившемуся плодородию при прежнем капитале, а прежнему относительному плодородию при удвоившемся капитале. Эти 2 квартера с *A* стоили бы теперь 6 ф. ст., как раньше 1 квартер стоил 3 ф. ст. Прибыль на всех четырех родах земли удвоилась бы, но только потому, что удвоился затраченный капитал. Но рента удвоилась бы, возросла бы в том же отношении; она равнялась бы 2 квартерам для *B* вместо 1 квартера, 4 квартерам для *C* вместо 2 и 6 квартерам для *D* вместо 3, и соответственно этому денежная рента для *B, C, D* равнялась бы 6 ф. ст., 12 ф. ст., 18 ф. ст. Как и продукт на акр удвоилась бы и денежная рента при расчете на акр, а следовательно, цена земли, в которой капитализируется эта денежная рента. Согласно такому расчету, повышается хлебная и денежная рента, а следовательно, и цена земли, так как масштаб, которым измеряется последняя, акр, есть земельная площадь постоянной величины. Напротив, в относительной высоте ренты как норме ренты по отношению к затраченному капиталу не произошло никакого изменения. Общая сумма ренты в 36 относится к затраченному капиталу в 20, как общая сумма ренты в 18 к затраченному капиталу в 10. То же самое справедливо и для отношения денежной ренты, получаемой с земли каждого рода, к вложенному в последнюю капиталу; так, напр., 12 ф. ст. ренты с земли *C* относятся к 5 ф. ст. капитала, как раньше 6 ф. ст. ренты относились к $2^1/_2$ ф. ст. капитала. При этом не образуется новых различий между затраченными капиталами, но образуются новые добавочные прибыли только потому, что дополнительный капитал вкладывается в какую-либо из приносящих ренту земель или во все земли, принося при этом пропорционально своей величине прежний продукт. Если бы двойная затрата капитала была произведена, напр., лишь на *C*, то дифференциальная рента между *C, B* и *D* по отношению к капиталу осталась бы тою же, потому что, хотя масса ренты, полученная с *C*, и удвоилась бы, но удвоился бы и затраченный капитал.

Отсюда видно, что при неизменной цене производства, неизменной норме прибыли и неизменных разностях (а потому, при неизменной норме добавочной прибыли или ренты, взятой в отношении к капиталу) высота ренты, выраженной в продукте и в деньгах, получаемых с акра, а следовательно, и цена земли может повыситься.

То же самое может произойти при уменьшающихся нормах добавочной прибыли, а следовательно, и ренты, т. е. при уменьшающейся производительности дополнительных затрат капитала, все еще приносящих ренту. Если бы вторичные затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. не дали удвоенного продукта, а на *B* получилось бы

лишь $3^1/_2$ квартера, на *C* — 5 и на *D* — 7 * квартеров, то дифференциальная рента на *B* для второй затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. равнялась бы лишь $^1/_2$ квартера вместо 1, на *C* — 1 квартеру вместо 2 и на *D* — 2 квартерам вместо 3. Отношение между рентой и капиталом для обеих последовательных затрат было бы следующее:

	Первая затрата		Вторая затрата	
B:	рента 3 ф. ст.,	капитал $2^1/_2$ ф. ст.	Рента $1^1/_2$ ф. ст.,	капитал $2^1/_2$ ф. ст.
C:	» 6 » »	» $2^1/_2$ » »	» 3 » »	» $2^1/_2$ » »
D:	» 9 » »	» $2^1/_2$ » »	» 6 » »	» $2^1/_2$ » »

Несмотря на такое понижение нормы относительной производительности капитала, а следовательно, и добавочной прибыли, взятой по отношению к капиталу, хлебная и денежная рента повысилась бы для *B* с 1 до $1^1/_2$ квартеров (с 3 до $4^1/_2$ ф. ст.), для *C* — с 2 до 3 квартеров (с 6 до 9 ф. ст.) и для *D* — с 3 до 5 квартеров (с 9 до 15 ф. ст.). В этом случае разности для дополнительных капиталов по сравнению с капиталом, вложенным в *A*, уменьшились бы, цена производства осталась бы прежняя, но рента на акр, а следовательно, и цена земли за акр увеличилась бы.

Теперь, что касается комбинаций дифференциальной ренты II, которая предполагает как свою основу дифференциальную ренту I, то они следующие.

* В издании 1894 г. — 6 квартеров. *Ред.*

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II.—ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ: ПОСТОЯННАЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА.

Это условие предполагает, что рыночная цена попрежнему регулируется капиталом, вложенным в наихудшую землю *A*.

I. Если дополнительный капитал, вложенный в какую-либо землю, приносящую ренту, производит лишь столько, сколько производит такой же капитал, вложенный в землю *A*, т. е. если при регулирующей цене производства он приносит лишь среднюю прибыль, не давая, таким образом, никакой добавочной прибыли, то влияние, оказываемое им на ренту, равно нулю. Все остается по-старому. Это равносильно тому, как если бы любое число акров качества *A*, наихудшей земли, было присоединено к уже возделываемой земельной площади.

II. Дополнительные капиталы производят на землях всех родов дополнительные продукты пропорционально величине этих капиталов, т. е. производство возрастает, смотря по специфическому плодородию земли каждого рода, соразмерно с величиной дополнительного капитала. В XXXIX главе исходным пунктом нам служила следующая таблица I:

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной прибыли
								кварт.	ф. ст.	
A	1	2½	½	3	1	3	3	0	0	0
B	1	2½	½	3	2	3	6	1	3	120%
C	1	2½	½	3	3	3	9	2	6	240%
D	1	2½	½	3	4	3	12	3	9	360%*
Итого .	4	10	—	12	10	—	30	6	18	—

* В изд. 1894 г. соответственно 12%, 24%, 36%. *Ред.*

Теперь из нее получается:

ТАБЛИЦА II

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной прибыли
								кварт.	ф. ст.	
A	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	2	3	6	0	0	0
B	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	4	3	12	2	6	120%
C	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	6	3	18	4	12	240%
D	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	8	3	24	6	18	360%
	4	20	—	—	20	—	60	12	36	—

В данном случае нет необходимости в том, чтобы капитал вкладывался в каждый из сортов земли в удвоенном размере, как это имеет место в таблице. Закон остается тот же, если только на какой-либо одной или нескольких категориях земли, приносящей ренту, затрачен дополнительный капитал в какой бы то ни было пропорции. Необходимо лишь, чтобы производство на всех этих землях увеличивалось в том же отношении, в каком увеличивается капитал. Рента повышается здесь исключительно благодаря увеличению затраченного на землю капитала и соразмерно с этим увеличением капитала. Такое увеличение продукта и ренты, являющееся следствием увеличения затраченного капитала и пропорциональное ему, ничем не отличается ни по количеству продукта, ни по величине ренты от того случая, когда увеличивается возделываемая площадь равных по качеству участков земли, приносящих ренту, и начинает возделываться с такой же затратой капитала, с какой совершалась раньше обработка земельных участков того же качества. В случае, изображенном таблицей II, напр., результат был бы тот же, если бы дополнительный капитал в $2^1/_2$ ф. ст. на акр был затрачен на вторые акры земель *B*, *C* и *D*.

Этот пример не предполагает, далее, какого-либо более продуктивного применения капитала, а лишь применение большего капитала к той же площади и с теми же результатами, как и до того времени.

Все относительные величины здесь остаются прежние. Конечно, если рассматривать не относительные различия, а чисто арифметические, то окажется, что дифференциальная рента, получаемая с различного рода земель, может изменяться. Предположим, напр., что дополнительный капитал был вложен лишь в *B*

и D. В таком случае разница между D и $A = 7$ квартерам; прежде эта разница была $= 3$; между B и $A = 3$ квартерам; прежде была $= 1$; разница между C и $B = -1$; прежде была $= +1$ и т. д. Но эта арифметическая разница, имеющая решающее значение при дифференциальной ренте I, поскольку в ней выражается различие в производительности при одинаковом размере вложенного капитала, в данном случае не имеет никакого значения, так как является лишь следствием того, вложены или нет различные дополнительные капиталы, причем разница для каждой равной части капитала на различных участках не изменяется.

III. Дополнительные капиталы приносят избыточный продукт и образуют поэтому добавочные прибыли, но, при понижающейся норме, не пропорционально их увеличению.

ТАБЛИЦА III

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента кварт.	Рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	1	3	3	0	0	0
B	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	$2 + 1^1/_2 = 3^1/_2$	3	$10^1/_2$	$1^1/_2$	$4^1/_2$	90%
C	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	$3 + 2 = 5$	3	15	3	9	180%
D	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	$4 + 3^1/_2 = 7^1/_2$	3	$22^1/_2$	$5^1/_2$	$16^1/_2$	330%
	—	$17^1/_2$	$3^1/_2$	21	17	—	51	10	30	—

При этом третьем предположении опять-таки безразлично, приходятся ли вторичные дополнительные затраты капитала равномерно или неравномерно на земли разного рода, или нет; в одинаковых или неодинаковых отношениях уменьшается производство добавочной прибыли; вкладывается ли дополнительный капитал в один и тот же сорт земли, приносящий ренту, или распределяется, равномерно или неравномерно, между приносящими ренту землями различного качества. Все эти обстоятельства не имеют никакого значения для развиваемого нами закона. Единственное предположение, которое мы делаем, заключается в том, что дополнительный капитал, вложенный в приносящую ренту землю какого бы то ни было рода, дает добавочную прибыль, но в уменьшающейся пропорции по сравнению со степенью увеличения капитала. Пределы этого уменьшения колеблются в примерах находящейся перед нами таблицы между 4 квартерами $= 12$ ф. ст., продуктом

первой затраты капитала на наилучшей земле *D*, и 1 квартером = = 3 ф. ст., продуктом такой же затраты капитала на наихудшей земле *A*. Продукт лучшей земли при затрате капитала I представляет максимальную границу, а продукт наихудшей земли *A*, не приносящей ренты, не дающей никакой добавочной прибыли при одинаковой затрате капитала, — минимальную границу продукта, получаемого от последовательных затрат капитала на приносящих ренту землях какого бы то ни было рода, при убывающей производительности последовательных затрат капитала. Если предположение II соответствует тому случаю, когда новые одинаковые по качеству участки земли лучших родов присоединяются к возделываемой земельной площади, когда увеличивается количество какого-либо рода возделанной земли, то предположение III соответствует тому случаю, когда возделываются дополнительные земельные участки, различные степени плодородия которых распределяются между *D* и *A*, между плодородием лучшей и худшей земли. Если последовательные затраты капитала производятся исключительно на земле *D*, то они могут заключать в себе различия, существующие между *D* и *A*, далее — различия между *D* и *C*, равно как и различия между *D* и *B*. Если же все они производятся на земле *C*, то лишь различия между *C* и *A* или *B*; если на *B*, то лишь различия между *B* и *A*.

Но закон таков: рента на землях всех этих родов абсолютно возрастает, хотя и не пропорционально дополнительно вложенному капиталу.

Норма добавочной прибыли уменьшается как по отношению к дополнительному капиталу, так и по отношению ко всему вложенному в землю капиталу; но абсолютная величина добавочной прибыли возрастает совершенно так же, как уменьшение нормы прибыли на капитал вообще по большей части связано с увеличением абсолютной массы прибыли. Так, средняя норма добавочной прибыли, получаемой с капитала, вложенного в *B*, = 90% на капитал, тогда как при первой затрате капитала она была = = 120%. Но совокупная добавочная прибыль увеличивается с 1 квартера до $1^1/_2$ и с 3 ф. ст. до $4^1/_2$. Вся рента, взятая сама по себе, а не по отношению к удвоившемуся размеру авансированного капитала, абсолютно возросла. Различия между рентами различных сортов земли и их отношение друг к другу могут здесь изменяться; но это изменение различий является следствием, а не причиной увеличения рент одной по отношению к другой.

IV. Случай, когда дополнительные затраты капитала на лучших землях производят большее количество продукта, чем первоначальные затраты, не требует дальнейшего анализа. Само собою разумеется, что при этом предположении ренты, получаемые с акра, повышаются, и притом в большей пропорции, чем дополнительный

капитал, на какую бы категорию земли он ни был затрачен. В этом случае дополнительная затрата капитала соединяется с улучшением. Сюда же относятся случаи, когда дополнительная затрата меньшего капитала производит то же или большее действие, чем прежняя дополнительная затрата большего капитала. Случай этот не совсем тожествен с прежним, причем различие, существующее между ними, имеет важное значение при всех затратах капитала. Если, напр., 100 дают прибыль в 10, а 200, при определенной форме применения, дают прибыль в 40, то прибыль увеличилась с 10% до 20%, и постольку это равносильно тому, как если бы 50, при более целесообразной форме применения, дали прибыль в 10 вместо 5. Мы предполагаем здесь, что увеличение прибыли связано с соответственным увеличением продукта. Но различие заключается в том, что в одном случае я должен удвоить капитал, тогда как в другом — я получаю удвоенный эффект при прежнем капитале. Отнюдь не безразлично, произвожу ли я: 1) прежний продукт при половине прежнего количества живого и овеществленного труда или 2) удвоенный продукт при прежнем количестве труда, или 3) учетверенный продукт при удвоенном количестве труда. В первом случае труд — в живой или овеществленной форме — освобождается и может быть употреблен каклибо иначе; возможность располагать трудом и капиталом увеличивается. Освобождение капитала (и труда) само по себе есть увеличение богатства; оно оказывает совершенно то же действие, как если бы этот дополнительный капитал был получен при помощи накопления, но оно сберегает труд накопления.

Положим, что капитал в 100 произвел продукт в 10 метров. В 100 содержится как постоянный капитал, так и живой труд и прибыль. Таким образом метр стоит 10. Если теперь при помощи того же капитала в 100 я могу произвести 20 метров, то метр будет стоить 5. Если, напротив, я могу с капиталом в 50 произвести 10 метров, то метр будет также стоить 5, причем высвобождается капитал в 50, если только прежнее предложение товара достаточно. Если я должен затратить капитал в 200, чтобы произвести 40 метров, то метр также будет стоить 5. Определение стоимости, равно как и цены, так же мало позволяет уловить здесь какое-либо различие, как и масса продукта, пропорциональная авансированному капиталу. Но в первом случае — сберегается дополнительный капитал *, поскольку потребовалось бы примерно удвоить производство; во втором случае — высвобождается капитал **; в третьем случае увеличенный продукт можно получить лишь при том условии, если увеличится авансированный капитал, хотя и не в такой пропорции, какая потребовалась бы, если бы большее количество

* В изд. 1894 г. — «высвобождается капитал». *Ред.*

** Там же — «сберегается дополнительный капитал». *Ред.*

продукта пришлось изготовлять при прежней производительной силе. (Относится к отделу I.)

С точки зрения капиталистического производства, по отношению не к увеличению прибавочной стоимости, а к уменьшению издержек производства, — а сокращение издержек даже на элемент, образующий прибавочную стоимость, на труд, оказывает капиталисту такую же услугу и образует для него прибыль, пока регулирующая цена производства остается прежняя, — применение постоянного капитала всегда дешевле, чем переменного. В действительности, это предполагает соответствующее капиталистическому способу производства развитие кредита и обилие ссудного капитала. С одной стороны, я применяю 100 ф. ст. дополнительного постоянного капитала, если 100 ф. ст. составляют продукт 5 рабочих в продолжение года; с другой стороны — 100 ф. ст. в виде переменного капитала. Если норма прибавочной стоимости = 100%, то стоимость, произведенная 5 рабочими, = = 200 ф. ст.; напротив, стоимость 100 ф. ст. постоянного капитала = 100 ф. ст. и как капитала, быть может, она = 105 ф. ст., если процентная ставка = 5%. Одни и те же денежные суммы, смотря по тому, авансированы ли они для производства как стоимость постоянного или же как стоимость переменного капитала, выражают, если рассматривать их продукт, весьма различные стоимости. Что касается, далее, издержек производства товаров, с точки зрения капиталиста, то разница заключается еще в том, что из этих 100 ф. ст. постоянного капитала, поскольку они вложены в основной капитал, в стоимость товара входит лишь снашивание, тогда как 100 ф. ст., израсходованные на заработную плату, должны быть целиком воспроизведены.

У колонистов и вообще самостоятельных мелких производителей, которые совсем не располагают капиталом или могут располагать им только из высоких процентов, часть продукта, соответствующая заработной плате, представляет их доход, тогда как для капиталистов она является авансированием капитала. Поэтому первый смотрит на эту затрату труда как на необходимое условие продукта труда, который прежде всего и имеется в виду. Что же касается избыточного труда, затрачиваемого им сверх необходимого труда, то он, конечно, реализуется в избыточном продукте; и поскольку он может продать или лично потребить его, этот продукт рассматривается им как нечто ничего ему не стоившее, так как он не стоил овеществленного труда. Только расходование этого последнего имеет для него значение отчуждения богатства. Он естественно стремится продавать как можно дороже; но и продажа ниже стоимости и ниже капиталистической цены производства все еще имеет для него значение прибыли, если только эта прибыль не антиципирована задолженностью, ипотеками и т. д. Напротив, для капиталистов затрата как переменного

капитала, так и постоянного одинаково является авансированием капитала. Относительно большее авансирование постоянного капитала уменьшает при прочих равных условиях издержки производства, равно как в действительности и стоимость товаров. Поэтому, хотя прибыль происходит лишь из прибавочного труда, следовательно, лишь из применения переменного капитала, все же отдельному капиталисту может казаться, что живой труд является наиболее дорогим элементом цены производства, который больше всего следует сводить к минимуму. Это лишь капиталистически искаженная форма той истины, что относительно большее применение прошлого труда, по сравнению с живым, знаменует повышение производительности общественного труда и увеличение общественного богатства. Вот в каком ложном виде, каким перевернутым на голову представляется все с точки зрения конкуренции.

При условии неизменных цен производства дополнительные затраты капитала могут быть сделаны с постоянной, возрастающей или с убывающей производительностью на лучших землях, т. е. на всех землях, начиная с *B* и выше. На *A* это было бы возможно, при нашем предположении, только или при прежней производительности, причем земля попрежнему не дает ренты, или же при условии возрастания производительности; в таком случае одна часть вложенного в *A* капитала приносила бы ренту, другая — нет. Но это было бы невозможно при предположении, что производительная сила на *A* уменьшается, потому что в таком случае цена производства не осталась бы тою же, а повысилась бы. Но при всех этих обстоятельствах, т. е. будет ли приносимый дополнительными затратами добавочный продукт пропорционален их величине, будет ли он выше или ниже этой пропорции, — останется ли поэтому норма добавочной прибыли на капитал при возрастании последнего та же самая, повышается или понижается, — добавочный продукт и соответствующая ему добавочная прибыль с акра возрастает, а следовательно, может возрасти и рента как в хлебе, так и в деньгах. Возрастание просто массы добавочной прибыли, соответственно ренты, при расчете на акр, т. е. увеличение массы на какую-нибудь постоянную единицу, в данном случае, следовательно, на какое-нибудь определенное количество земли, акр или гектар, получает здесь выражение как возрастающая пропорция. Поэтому рента с акра возрастает при этих условиях просто вследствие увеличения капитала, вложенного в землю. И притом это происходит при неизменяющихся ценах производства, а потому, напротив, безразлично, остается ли производительность дополнительного капитала прежняя, уменьшается ли она или увеличивается. Эти последние обстоятельства изменяют размер, в котором происходит возрастание ренты на акр, но не самый факт этого возрастания. Это — явление, свойственное дифференциальной

ренте II и отличающее ее от дифференциальной ренты I. Если бы дополнительные затраты капитала производились не одна за другой, последовательно во времени, на одной и той же земле, а последовательно в пространстве, одна рядом с другой, на новых дополнительных участках земли соответствующего качества, то увеличилась бы общая масса ренты, а также, как это показано раньше, средняя рента со всей возделываемой площади, но не высота ренты с акра. При неизменном результате со стороны массы и стоимости всего производства и добавочного продукта, концентрация капитала на земельной площади меньшего размера повышает размер ренты с акра в тех случаях, когда рассеяние того же капитала на земельную площадь бо̀льших размеров при прочих равных условиях не оказывает такого действия. Но чем больше развивается капиталистический способ производства, тем более концентрируется капитал на одной и той же земельной площади, тем более, следовательно, повышается рента, в расчете на акр. Таким образом, если мы возьмем две страны, в которых цены производства были бы одинаковы, различия между разными сортами земли одинаковы и была бы вложена одинаковая масса капитала, но в одной стране преимущественно в виде последовательных затрат на ограниченной земельной площади, в другой — преимущественно в виде координированных затрат на более обширной площади, то рента с акра, а потому и цена земли была бы выше в первой и ниже во второй стране, хотя масса ренты в обеих странах была бы одинакова. Следовательно, различие в высоте ренты можно было бы объяснить здесь не различием естественного плодородия разнородных земель и не количеством затраченного труда, а исключительно различным способом затрат капитала.

Когда мы здесь говорим о добавочном продукте, то всегда под этим подразумевается соответственная часть продукта, в которой представлена добавочная прибыль. Вообще же под прибавочным продуктом или добавочным продуктом мы разумеем ту часть продукта, которая представляет всю прибавочную стоимость, а в единичных случаях разумеем ту часть продукта, в которой представлена средняя прибыль. Специфическое значение, придаваемое этому слову в тех случаях, когда дело идет о капитале, приносящем ренту, дает, как это было указано раньше, повод к недоразумениям.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II.—ВТОРОЙ СЛУЧАЙ: ПОНИЖАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА.

Цена производства может понизиться, если дополнительные затраты капитала происходят при неизменяющейся, убывающей или повышающейся норме производительности.

I. При неизменяющейся производительности дополнительных затрат капитала.

Этот случай, таким образом, предполагает, что количество продукта на землях различных родов возрастает, соответственно качеству каждого из них, в той же мере, в какой возрастает вложенный в них капитал. Это предполагает, при неизменяющихся различиях между землями, возрастание добавочного продукта, пропорциональное возрастанию затраченного капитала. Следовательно, случай этот исключает всякие влияющие на дифференциальную ренту дополнительные затраты капитала на земле *A*. На ней норма добавочной прибыли = 0; следовательно, она остается = 0, так как мы предположили, что производительная сила дополнительного капитала, а потому и норма добавочной прибыли не изменяются.

Но регулирующая цена производства может при этих условиях лишь понизиться, так как вместо цены производства *A* регулирующей становится цена производства на ближайшей по качеству земле *B*, или вообще на какой-нибудь земле, лучшей, чем *A*; если бы цена производства на земле *C* сделалась регулирующей, то капитал был бы извлечен из *A* или даже из *A* и *B*, и таким образом вся земля, худшая, чем *C*, перестала бы конкурировать с землями, на которых возделывается пшеница. Условие, необходимое для этого при данных предположениях, заключается в том, чтобы дополнительный продукт, получаемый благодаря дополнительным затратам капитала, удовлетворял потребностям, и таким образом производство на худшей земле *A* и т. д. сделалось бы излишним для обеспечения предложения.

Итак, возьмем, напр., таблицу II, но изменим ее таким образом, чтобы не 20 квартеров, а 18 удовлетворяли потребностям. В таком случае земля *A* отпала бы; *B* *, а вместе с ней цена

* В изд. 1894 г. — *D*. *Ред.*

производства в 30 шилл. стала бы регулирующей. Дифференциальная рента принимает тогда следующую форму:

ТАБЛИЦА IV

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена за кварт. ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной прибыли
								в зерне кварт.	в деньгах ф. ст.	
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	$1^1/_2$	9	2	3	60%
D	1	5	1	6	8	$1^1/_2$	12	4	6	120%
Итого	3	15	3	18	18	—	27	6	9	—

Таким образом, вся рента по сравнению с таблицей II понизилась бы с 36 ф. ст. до 9, а в хлебе — с 12 квартеров до 6; все производство сократилось бы лишь на 2 квартера, с 20 до 18. Норма добавочной прибыли, вычисленная в отношении к капиталу, понизилась бы втрое, с 180 до 60%*. Следовательно, понижению цены производства здесь соответствует уменьшение хлебной и денежной ренты.

По сравнению с таблицей I происходит уменьшение лишь денежной ренты; хлебная рента в обоих случаях равняется 6 квартерам, но только в одном случае они = 18 ф. ст., в другом = 9 ф. ст. Для земли *C* ** хлебная рента по сравнению с таблицей I осталась прежняя. Благодаря тому, что добавочное производство, достигнутое применением дополнительного капитала равной производительности, вытеснило с рынка продукт *A* и вместе с тем устранило землю *A* из числа конкурирующих агентов производства, — благодаря этому в действительности образовалась новая дифференциальная рента I, в которой лучшая земля *B* играет ту же роль, какую раньше играла более плохая земля *A*. Вследствие этого, с одной стороны, отпадает рента с *B*; с другой стороны, согласно предположению, затрата дополнительного капитала ничего не изменила в различиях между *B*, *C* и *D*. Поэтому часть продукта, превращающаяся в ренту, уменьшается.

Если бы результат, о котором говорится выше, — удовлетворение спроса при исключении земли *A* — был получен более чем

* В изд. 1894 г. — вдвое, с 180 до 90%. *Ред.*
** Там же — для земель *C* и *D*. *Ред.*

двойной затратой капитала на землях *C* или *D* или на обеих вместе, то дело приняло бы другой вид. Например, если бы третья затрата капитала была произведена на *C*:

ТАБЛИЦА IVa

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной прибыли
								в зерне кварт.	в деньгах ф. ст.	
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	$7^1/_2$	$1^1/_2$	9	9	$1^1/_2$	$13^1/_2$	3	$4^1/_2$	60%
D	1	5	1	6	8	$1^1/_2$	12	4	6	120%
Итого	3	$17^1/_2$	$3^1/_2$	21	21	—	$31^1/_2$	7	$10^1/_2$	—

Количество продукта с *C* увеличилось здесь по сравнению с таблицей IV с 6 квартеров до 9, количество добавочного продукта — с 2 квартеров до 3, денежная рента возросла с 3 до $4^1/_2$ ф. ст. В сравнении же с таблицей II*, где денежная рента = 12 ф. ст., и таблицей I, где она = 6 ф. ст., она, напротив, уменьшилась. Общая сумма ренты, выраженная в хлебе = 7 квартерам, уменьшилась по сравнению с таблицей II (12 квартеров), повысилась по сравнению с таблицей I (6 квартеров); выраженная в деньгах ($10^1/_2$ ф. ст.), уменьшилась по сравнению с обеими (18 ф. ст. и 36 ф. ст.).

Если бы третий капитал в $2^1/_2$ ф. ст. был затрачен на землю *B*, то хотя это и изменило бы массу производства, но не коснулось бы ренты, так как, согласно предположению, последовательные затраты капитала не вносят никакого различия в землю того же рода, а земля *B* ренты не приносит.

Напротив, если бы третья затрата капитала была произведена на земле *D* вместо *C*, то у нас получилась бы

ТАБЛИЦА IVb

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной прибыли
								кварт.	ф. ст.	
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	$1^1/_2$	9	2	3	60%
D	1	$7^1/_2$	$1^1/_2$	9	12	$1^1/_2$	18	6	9	120%
Итого	3	$17^1/_2$	$3^1/_2$	21	22	—	33	8	12	—

* В изд. 1894 г. — I. *Ред.*

Здесь общее количество продукта = 22 квартерам, более чем вдвое по сравнению с таблицей I, хотя авансированный капитал = лишь $17^1/_2$ ф. ст., по сравнению с 10 ф. ст., то есть не удвоился по сравнению с 10 ф. ст. Далее, общее количество продукта на 2 квартера превышает общее количество продукта таблицы II, хотя в последней авансированный капитал больше, а именно 20 ф. ст.

На земле *D* хлебная рента по сравнению с таблицей I возросла с 3* квартеров до 6, тогда как денежная рента осталась попрежнему 9 ф. ст. По сравнению с таблицей II хлебная рента с *D* осталась прежняя, 6 квартеров, но денежная рента понизилась с 18 ф. ст. до 9 ф. ст.

Если рассматривать общие суммы ренты, то хлебная рента таблицы IVb = 8 квартерам, больше, чем таковая таблицы I, равная 6 квартерам, и таблицы IVa, равная 7 квартерам, и, напротив, меньше, чем общая сумма ренты в таблице II = 12 квартерам. Денежная рента таблицы IVb = 12 ф. ст. больше, чем денежная рента таблицы IVa = $10^1/_2$ ф. ст., и меньше денежной ренты таблицы I = 18 ф. ст. и таблицы II = 36 ф. ст.

Чтобы по отпадении ренты с *B*, при условиях таблицы IVb, общая сумма ренты была такая же, как в таблице I, мы должны получить еще на 6 ф. ст. добавочного продукта, т. е. 4 квартера по $1^1/_2$ ф. ст., что является новой ценой производства. Тогда мы снова имеем общую сумму ренты в 18 ф. ст. как в таблице I. Величина требуемого на это дополнительного капитала будет различна в зависимости от того, вложим ли мы его в *C* или *D* или распределим между обоими видами почвы.

На *C* капитал в 5 ф. ст. приносит 2 квартера добавочного продукта, следовательно, 10 ф. ст. дополнительного капитала дадут 4 квартера дополнительного добавочного продукта. На *D* было бы достаточно дополнительной затраты в 5 ф. ст., чтобы произвести 4 квартера дополнительной хлебной ренты при предположении, положенном здесь в основу, что производительность дополнительных затрат капитала остается без изменения. Таким образом получаются следующие результаты.

ТАБЛИЦА IVc

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента кварт.	Рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	15	3	18	18	$1^1/_2$	27	6	9	60%
D	1	$7^1/_2$	$1^1/_2$	9	12	$1^1/_2$	18	6	9	120%
Итого	3	$27^1/_2$	$5^1/_2$	33	34	—	51	12	18	—

* В изд. 1894 г. — 2. *Ред.*

ТАБЛИЦА IVd

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента кварт.	Рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	$1^1/_2$	9	2	3	60%
D	1	$12^1/_2$	$2^1/_2$	15	20	$1^1/_2$	30	10	15	120%
Итого	3	$22^1/_2$	$4^1/_2$	27	30	—	45	12	18	—

Общая сумма ренты составила бы ровно половину того, что в таблице II, где дополнительные капиталы были затрачены при сохранении прежних цен производства.

Самое важное сравнить эти таблицы с таблицей I.

Мы видим, что при понижении цены производства наполовину, с 60 до 30 шилл. за квартер, общая сумма денежной ренты осталась прежняя = 18 ф. ст. и соответственно этому хлебная рента удвоилась, увеличилась с 6 до 12 квартеров. Рента с *B* отпала; с *C* денежная рента в IVc увеличилась наполовину, но вдвое уменьшилась в IVd; рента с *D* осталась прежняя = 9 ф. ст. в таблице IVc и поднялась с 9 до 15 ф. ст. в таблице IVd. Производство поднялось с 10 квартеров до 34 в IVc и до 30 квартеров в IVd; прибыль повысилась с 2 до $5^1/_2$ ф. ст. в IVc и до $4^1/_2$ в IVd. Общая затрата капитала возросла в одном случае с 10 до $27^1/_2$ ф. ст., в другом — с 10 до $22^1/_2$ ф. ст.; следовательно, оба раза более чем вдвое. Норма ренты, рента, исчисленная по отношению к авансированному капиталу, во всех таблицах с IV до IVd для каждого рода земли всюду одна и та же, что вытекает уже из предположения неизменности нормы производительности обеих последовательных затрат капитала на каждом роде почвы. Однако по сравнению с таблицей I она понизилась, — понизилась в среднем как для всех родов земли, так и для каждого отдельного рода. В таблице I она была равна 180% в среднем, в IVc $= \frac{18}{27^1/_2} \times 100 = 65^5/_{11}\%$ и в IVd $= \frac{18}{22^1/_2} \times 100 = 80\%$. Средняя денежная рента с акра повысилась. Ее средняя величина прежде, в таблице I, равнялась $4^1/_2$ ф. ст. с акра для всех 4 акров, а теперь в IVc и в IVd равняется 6 ф. ст. с акра для 3 акров. Ее средняя величина для земли, приносящей ренту, равнялась прежде 6 ф. ст., а теперь равняется 9 ф. ст. на акр. Таким образом, денежная стоимость ренты с акра повысилась и представляет теперь вдвое больше продукта, чем прежде; но 12 квартеров

хлебной ренты теперь составляют меньше половины всего продукта — 34 и 30* квартеров, тогда как в таблице I шесть квартеров составляют $^3/_5$ всего продукта в 10 квартеров. Итак, хотя рента, если рассматривать ее как соответственную часть всего продукта, а также если взять ее в отношении к затраченному капиталу, и понизилась, однако ее денежная стоимость, при расчете на акр, увеличилась, а стоимость ее, выраженная в продуктах, увеличилась еще больше. Если мы возьмем землю *D* в таблице IVd, то вся соответствующая затрате капитала цена производства [die ausgelegten Produktionskosten] = 15 ф. ст., из которых $12^1/_2$ ф. ст. составляют затраченный капитал. Денежная рента = 15 ф. ст. В таблице I цена производства на той же земле *D* была = 3 ф. ст., затраченный капитал = $2^1/_2$ ф. ст., денежная рента = 9 ф. ст., следовательно, последняя втрое больше цены производства и почти в четыре раза больше затраченного капитала. В таблице IVd для *D* денежная рента в 15 ф. ст. как раз равна цене производства и лишь на $^1/_5$ превышает затраченный капитал. При всем том денежная рента с акра на $^2/_3$ больше, равняется 15 ф. ст. вместо 9 ф. ст. В таблице I хлебная рента в 3 квартера = $^3/_4$ всего продукта, составляющего 4 квартера; в IVd она = 10 квартерам, т. е. половине всего продукта (20 квартеров), получаемого с акра земли *D*. Это показывает, что денежное и хлебное выражение ренты с акра может возрасти, хотя она и составляет относительно меньшую часть всей выручки и понизилась по отношению к авансированному капиталу.

Стоимость всего продукта в I = 30 ф. ст.; рента = 18 ф. ст., т. е. более половины этой стоимости. Стоимость всего продукта в IVd = 45 ф. ст., из которых 18 ф. ст., т. е. менее половины, составляют ренту.

Причина же того, что, несмотря на понижение цены на $1^1/_2$ ф. ст. за квартер, т. е. на 50%, и несмотря на уменьшение площади конкурирующей земли с 4 до 3 акров, общая сумма денежной ренты не изменяется, а хлебная рента удваивается, причем хлебная рента и денежная рента с акра повышаются, — причина заключается в том, что произведено большее число квартеров добавочного продукта. Цена хлеба понижается на 50%, добавочный продукт возрастает на 100%. Но для достижения такого результата все производство, согласно нашим условиям, должно увеличиться втрое, а капитал, затраченный на лучшие земли, должен более чем удвоиться. В каком отношении он должен увеличиться, зависит прежде всего от того, как распределяются дополнительные затраты капитала между лучшими и наилучшими землями, причем всегда предполагается, что производительность капитала на каждой категории земли возрастает пропорционально его величине.

* В изд. 1894 г. — 33 и 27. *Ред.*

Если бы понижение цены производства было менее значительным, то требовалось бы меньше дополнительного капитала, чтобы произвести ту же денежную ренту. Если бы предложение хлеба, необходимое для того чтобы исключить *A* из числа обрабатываемых земель, — а это зависит не только от количества продукта, получаемого с акра земли *A*, но также от того, какую часть всей возделываемой земельной площади составляет *A*, — итак, если бы необходимое для этого предложение было больше, следовательно, если бы потребовалась и бо̀льшая масса капитала, дополнительно затрачиваемого, на лучшей, чем *A*, земле, то денежная и хлебная ренты при прочих равных условиях возросли бы еще больше, несмотря на то, что земля *B* перестала бы приносить денежную и хлебную ренту.

Если бы капитал, переставший функционировать на земле *A*, был = 5 ф. ст., то для этого случая следовало бы взять для сравнения таблицы II и IVd. Весь продукт увеличился бы с 20 до 30 квартеров. Денежная рента уменьшилась бы вдвое, была бы 18 ф. ст. вместо 36 ф. ст.; хлебная рента осталась бы прежняя = 12 квартерам.

Если бы можно было произвести на земле *D* 44 квартера продукта = 66 ф. ст. при затрате капитала в $27^1/_2$ ф. ст., соответственно прежней норме для *D* — 4 квартера на $2^1/_2$ ф. ст. капитала, то общая сумма ренты опять поднялась бы до той высоты, которой она достигла в таблице II, и таблица приняла бы следующий вид:

Род земли	Капитал ф. ст.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
B	5	4	0	0
C	5	6	2	3
D	$27^1/_2$	44	22	33
Итого. .	$37^1/_2$	54	24	36

Все производство составило бы 54 квартера против 20 квартеров в таблице II, а денежная рента осталась бы прежней = 36 ф. ст. Но весь капитал был бы $37^1/_2$ ф. ст., тогда как в таблице II он был = 20. Весь авансированный капитал почти удвоился бы, между тем как производство почти утроилось бы; хлебная рента увеличилась бы вдвое, денежная не изменилась бы. Следовательно, если цена при неизменяющейся производительности понижается вследствие затраты дополнительного денежного капитала на лучших землях, приносящих ренту, т. е. на всех землях лучше *A*, то весь капитал

обнаруживает тенденцию не увеличиваться в такой пропорции, в которой возрастают производство и хлебная рента; таким образом возрастание хлебной ренты может уравновесить убыль в денежной ренте, вытекающую из понижения цены. Тот же закон проявляется и в том, что авансированный капитал должен быть больше в той мере, в которой он больше затрачивается на землю *C*, чем на *D*, — на землю, приносящую меньше ренты, чем на такую, которая приносит больше ренты. Это означает лишь следующее: чтобы денежная рента осталась без изменения или чтобы она повысилась, должно быть произведено определенное дополнительное количество добавочного продукта, а для этого требуется тем менее капитала, чем плодороднее земли, приносящие добавочный продукт. Если бы разница между *B* и *C*, *C* и *D* была еще больше, то требовалось бы еще меньше дополнительного капитала. Определенное отношение зависит: 1) от отношения, в котором понижается цена, т. е. от разницы между землей *B*, которая теперь не дает ренты, и *A*, которая раньше не давала ренты; 2) от отношения различий между лучшими, чем *B*, землями; 3) от массы вновь затрачиваемого дополнительного капитала и 4) от его распределения между землями различного качества.

Мы видим, что закон в действительности не выражает ничего иного, как то, что уже было развито при исследовании первого случая; именно, что при данной цене производства, какова бы ни была ее величина, рента может повышаться вследствие дополнительной затраты капитала. Ибо вследствие исключения *A* теперь получается новая дифференциальная рента I, причем уже земля *B* является теперь наихудшей землей, а $1^1/_2$ ф. ст. за квартер становятся ценой производства. Это одинаково имеет силу как для таблицы IV, так и для таблицы II. Закон все тот же, но исходной точкой берется земля *B* вместо *A* и цена производства в $1^1/_2$ ф. ст. вместо 3 ф. ст.

Все это важно здесь лишь в следующем отношении: если такое-то количество дополнительного капитала необходимо для того, чтобы отвлечь от земли капитал *A* и создать достаточное предложение без его участия, то оказывается, что это может сопровождаться неизменяющейся, повышающейся или убывающей рентой с акра если не на всех землях, то, по крайней мере, на некоторых, и в среднем для всех возделываемых земель. Мы видели, что хлебная рента и денежная рента не соразмерны. Только по традиции хлебная рента вообще все еще продолжает играть роль в экономии. С одинаковым успехом можно было бы доказать, что, напр., фабрикант на свою прибыль в 5 ф. ст. может купить гораздо большее количество своей собственной пряжи, чем раньше на прибыль в 10 ф. ст. Но во всяком случае это доказывает, что господа земельные собственники, если они являются одновременно владельцами или пайщиками мануфактур, сахарных, винокуренных заводов

и т. д., все же могут при понижении денежной ренты очень сильно выигрывать как производители своих собственных сырых материалов[34].

II. При понижающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Это не вызывает ничего нового постольку, поскольку цена производства здесь, как в только что рассмотренном случае, может лишь понизиться, если вследствие дополнительных затрат капитала на землях, лучших, чем *A*, продукт с *A* сделается излишним, и потому капитал будет извлечен из *A*, или земля *A* будет обращена на производство другого продукта. Случай этот уже исследован нами исчерпывающим образом. Мы показали, что хлебная и денежная ренты могут при этом возрасти, уменьшиться или остаться без изменения.

Для удобства сравнения воспроизведем прежде всего следующую таблицу:

ТАБЛИЦА I

Земля	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства с кварт.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	2½	½	3	1	0	0	0
B	1	2½	½	1½	2	1	3	120%
C	1	2½	½	1	3	2	6	240%
D	1	2½	½	¾	4	3	9	360%
Итого. .	4	10	—	—	10	6	18	180% средняя

Если мы теперь предположим, что цифра 16, обозначающая* количество квартеров, полученных с *B*, *C*, *D*, при убывающей

[34] В вышеприведенных таблицах от IVa до IVd следовало бы исправить проходящую через них погрешность в расчетах. Правда, это не изменяет теоретических положений, выведенных из данных таблиц, но порою приводит к чудовищным числовым отношениям по производству на акр. Но и это по существу не имеет значения. Во всех картах, изображающих рельеф и профиль местности, берут значительно больший масштаб для вертикалей, чем для горизонталей. Тому же, кто все-таки чувствует себя уязвленным в своих аграрных чувствах, предоставляется умножить число акров на любое число. Можно также в таблице I заменить 1, 2, 3, 4 квартера с акра 10, 12, 14, 16 бушелями (8 бушелей = 1 кварт.), причем числа других таблиц, выведенные из этих чисел, останутся в пределах вероятности; это даст возможность убедиться, что результат — отношение повышения ренты к увеличению капитала — сведется совершенно к тому же. Это мы и делаем в тех таблицах, которые редактор прибавляет к ближайшей главе. — *Ф. Э.*

* В таблице III. *Ред.*

норме производительности, достаточна для того чтобы исключить *A* из числа обрабатываемых земель, то таблица III превращается в следующую таблицу V.

ТАБЛИЦА V

Род земли	Акры	Затраты капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	$2^1/_2 + 2^1/_2$	1	$2 + 1^1/_2 = 3^1/_2$	$1^5/_7$	6	0	0	0
C	1	$2^1/_2 + 2^1/_2$	1	$3 + 2 \quad = 5$	$1^5/_7$	$8^4/_7$	$1^1/_2$	$2^4/_7$	$51^3/_7$%*
D	1	$2^1/_2 + 2^1/_2$	1	$4 + 3^1/_2 = 7^1/_2$	$1^5/_7$	$12^6/_7$	4	$6^6/_7$	$137^1/_7$%**
Итого	3***	15	—	16	—	$27^3/_7$	$5^1/_2$	$9^3/_7$	$94^2/_7$%**** средняя

Здесь, при уменьшении нормы производительности дополнительных капиталов и при различной степени этого уменьшения на различного рода землях, регулирующая цена производства понизилась с 3 до $1^5/_7$ ф. ст. Затрата капитала увеличилась наполовину ***** — с 10 до 15 ф. ст. Денежная рента уменьшилась почти вдвое — с 18 до $9^3/_7$ ф. ст., но хлебная рента — лишь на $^1/_{12}$, с 6 квартеров до $5^1/_2$. Весь продукт увеличился с 10 до 16, или до 160%. Хлебная рента составляет немного больше $^1/_3$ всего продукта. Авансированный капитал относится к денежной ренте, как 15 : $9^3/_7$, тогда как раньше это отношение было 10 : 18.

III. При повышающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Случай этот только тем отличается от варианта I, приведенного в начале этой главы, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, что если необходим известный дополнительный продукт для того чтобы изъять землю *A*, то это происходит здесь быстрее.

Как при убывающей, так и при повышающейся производительности дополнительных затрат капитала последние могут оказывать различное влияние в зависимости от того, как они распределяются между различными категориями земли. В той мере, в которой это различное влияние будет сглаживать или обострять раз-

* В изд. 1894 г. — $51^2/_5$. *Ред.*

** Там же — $137^1/_5$. *Ред.*

*** Там же — 4. *Ред.*

**** Там же — $94^3/_{10}$. Земля, не приносящая ренты, здесь не принята в расчет. *Ред.*

***** — в сравнении с таблицей I. *Ред.*

личие, дифференциальная рента с лучших земель, а вместе с тем и общая сумма ренты, понизится или повысится, как это было уже в случае с дифференциальной рентой I. В остальном все зависит от величины земельной площади и капитала, изъятых при выпадении *A*, и от относительного размера авансированного капитала, необходимого при повышающейся производительности для того чтобы доставить дополнительный продукт для покрытия спроса.

Единственный пункт, на исследовании которого здесь стоит остановиться и который вообще возвращает нас к исследованию того, как эта дифференциальная прибыль превращается в дифференциальную ренту, заключается в следующем:

В первом случае, когда цена производства не изменяется, дополнительный капитал, вложенный в землю *A*, не оказывает влияния на дифференциальную ренту как таковую, потому что земля *A* попрежнему не приносит ренты, цена ее продукта не изменяется и продолжает регулировать рынок.

Во втором случае, вариант I, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, земля *A* необходимо выпадает, что в еще большей мере относится к варианту II (понижающаяся цена производства при убывающей норме производительности), так как в противном случае дополнительный капитал, затраченный на земле *A*, должен был бы повысить цену производства. Но здесь, в варианте III второго случая, когда цена производства понижается вследствие того, что производительность дополнительного капитала повышается, этот дополнительный капитал может быть при известных условиях вложен как в землю *A*, так и в земли лучшего качества.

Предположим, что дополнительный капитал в $2^1/_2$ ф. ст., вложенный в землю *A*, производит $1^1/_5$ квартера вместо 1 квартера.

ТАБЛИЦА VI

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента кварт.	Рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	$1 + 1^1/_5 = 2^1/_5$	$2^8/_{11}$	6	0	0	0
B	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	$2 + 2^2/_5 = 4^2/_5$	$2^8/_{11}$	12	$2^1/_5$	6	120%
C	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	$3 + 3^3/_5 = 6^3/_5$	$2^8/_{11}$	18	$4^2/_5$	12	240%
D	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	6	$4 + 4^4/_5 = 8^4/_5$	$2^8/_{11}$	24	$6^3/_5$	18	360%
	4	20	4	24	22	—	60	$13^1/_5$	36	240%

Эту таблицу следует сравнить кроме основной таблицы I и с таблицей II, в которой удвоенная затрата капитала связана

с неизменяющейся производительностью, пропорциональной затрате капитала.

Согласно предположению, регулирующая цена производства понижается. Если бы она не изменялась, т. е. оставалась бы $= 3$ ф. ст., то наихудшая земля *A*, не приносившая раньше, при затрате капитала лишь в $2^1/_2$ ф. ст., никакой ренты, теперь стала бы приносить ренту, хотя никакой новой наихудшей земли не было бы привлечено к возделыванию; это произошло бы вследствие того, что производительность на ней увеличилась, но лишь для части капитала, а не для первоначально затраченного капитала. Первые 3 ф. ст. цены производства приносят 1 квартер; вторые — $1^1/_5$ квартера, но весь продукт в $2^1/_5$ квартера продается теперь по его средней цене. Так как норма производительности возрастает с дополнительной затратой капитала, то этот случай предполагает улучшение. Оно может заключаться в том, что на акр затрачивается вообще больше капитала (больше удобрения, больше механической работы и т. д.), или же в том, что вообще лишь этот дополнительный капитал дает возможность произвести качественно отличную более производительную затрату. В обоих случаях при затрате 5 ф. ст. на акр получается продукт в $2^1/_5$ квартера, тогда как при затрате половины этого капитала, $2^1/_2$ ф. ст., получается продукт лишь в 1 квартер. Продукт земли *A*, оставляя в стороне преходящие рыночные отношения, можно было бы попрежнему продавать по более высокой цене производства, чем новая средняя цена, лишь при том условии, если значительная площадь земель разряда *A* попрежнему возделывалась бы с капиталом всего в $2^1/_2$ ф. ст. на акр. Но как только новое отношение в 5 ф. ст. капитала на акр и, вместе с тем, улучшенное хозяйство приобретут всеобщее распространение, регулирующая цена производства понизится до $2^8/_{11}$ ф. ст. Разница между обеими частями капитала исчезла бы, и тогда акр земли *A*, обрабатываемый при помощи капитала в $2^1/_2$ ф. ст., возделывался бы в действительности ненормально, несоответственно новым условиям производства. Это уже было бы различие не между выручкой от различных частей капитала, затраченных на одном и том же акре, а между достаточной и недостаточной общей затратой капитала на акр. Отсюда видно, *во-первых*, что недостаточность капитала в руках большого числа арендаторов (это должно быть большое число, потому что, если бы это была малая часть, ей пришлось бы лишь продавать ниже своей цены производства) оказывает совершенно такое же влияние, как дифференцирование самих земель в нисходящем порядке. Худший способ обработки, примененный к худшей земле, увеличивает ренту с лучшей; он может даже создать ренту с лучше обрабатываемой земли такого же плохого качества, которая вообще ренты не приносит. Отсюда видно, *во-вторых*, что дифференциальная рента, возникающая из последовательной затраты капитала на одной и той же земельной площади,

в действительности превращается в некоторую среднюю величину, в которой уже нельзя распознать и отличить влияний различных затрат капитала и которые поэтому не порождают ренты на наихудшей земле, а 1) среднюю цену всего продукта, скажем, с одного акра *A*, превращают в новую регулирующую цену и 2) представляются как изменение общего количества капитала на акр, которое при новых условиях требуется для удовлетворительной обработки земли и в котором отдельные последовательные затраты капитала и их соответственные влияния слиты так, что их нельзя различить. Точно так же обстоит дело и с единичными дифференциальными рентами лучших земель. Они определяются в каждом случае различием среднего продукта соответственного рода земли по сравнению с продуктом наихудшей земли при увеличенной, ставшей теперь нормальною, затрате капитала.

Нет земли, которая приносила бы какой-нибудь продукт без затраты капитала. Так, даже при простой дифференциальной ренте, при дифференциальной ренте I, когда говорят, что 1 акр *A*, т. е. земли, регулирующей цену производства, дает столько-то продукта, по такой-то цене, и что лучшие земли *B*, *C*, *D* дают столько-то дифференциального продукта, а потому при существующей регулирующей цене столько-то и столько-то денежной ренты, то при этом всегда предполагается, что затрачен определенный капитал, считающийся при данных условиях производства нормальным капиталом. Совершенно так же, как в промышленности для каждой отрасли предприятий требуется определенный минимум капитала для того, чтобы возможно было производить товары по их цене производства.

Если этот минимум изменяется вследствие последовательных затрат капитала на одной и той же земле, связанных с улучшениями, то это происходит постепенно. Пока такого дополнительного капитала для ведения хозяйства не получит известное число акров, напр., земли *A*, до тех пор будет создаваться рента на тех акрах *A*, которые возделываются лучше, а рента со всех лучших сортов земли *B*, *C*, *D* повысится. Однако как только новый способ производства достигнет такого распространения, что сделается нормальным, цена производства понизится; рента, которую дают лучшие участки земли, снова понизится, и та часть земли *A*, которая не располагает капиталом в размере, сделавшемся теперь средним, будет вынуждена продавать продукты ниже своей индивидуальной цены производства, следовательно, не будет выручать средней прибыли.

То же самое происходит и при понижающейся цене производства, даже при убывающей производительности дополнительного капитала, если вследствие увеличившейся затраты капитала весь необходимый продукт начинают доставлять лучшие категории почвы и, таким образом, занятый в производстве капитал

извлекается, напр., из земли *A*, так что *A* перестает конкурировать в производстве этого определенного продукта, напр. пшеницы. То количество капитала, которое теперь в среднем затрачивается на лучшей земле *B*, сделавшейся регулирующею землею, становится теперь нормальным; и когда говорится о различном плодородии земельных участков, то предполагается, что на акр затрачивается капитал в этом новом нормальном размере.

С другой стороны, ясно, что этот средний размер затрачиваемого капитала, как, напр., в Англии 8 ф. ст. на акр до 1848 г. и 12 ф. ст. после 1848 г., образует масштаб при заключении арендных договоров. Для арендатора, затрачивающего больше, добавочная прибыль, пока длится арендный договор, не превращается в ренту. Произойдет ли это по истечении арендного договора, будет зависеть от конкуренции арендаторов, которые в состоянии сделать такое же чрезвычайное авансирование. При этом речь не идет о прочных улучшениях почвы, которые при одинаковой или даже уменьшающейся затрате капитала продолжают обеспечивать увеличенный продукт. Хотя эти прочные улучшения и являются продуктом капитала, однако они оказывают совершенно такое же действие, как различие в природных качествах земли.

Таким образом мы видим, что при дифференциальной ренте II играет роль такой момент, который при дифференциальной ренте I как таковой не проявляет своего действия, потому что последняя может попрежнему существовать независимо от какого бы то ни было изменения нормальной затраты капитала на акр. Этот момент заключается, с одной стороны, в том, что результаты различных затрат капитала на регулирующей земле *A* изглаживаются и продукт, получаемый с этой земли, представляется теперь просто нормальным средним продуктом с акра. С другой стороны, он заключается в изменении нормального минимума или средней величины затраты капитала на акр, причем это изменение выступает как свойство земли. Наконец, в различии способа превращения добавочной прибыли в форму ренты.

Далее, сравнение таблицы VI с таблицами I и II показывает, что хлебная рента по сравнению с I более чем удвоилась, в сравнении с II увеличилась на $1^1/_5$ квартера, тогда как денежная рента по сравнению с I удвоилась, а по сравнению с II не изменилась. Она значительно возросла бы, если бы (при прочих равных условиях) бо́льшая часть дополнительного капитала пришлась на лучшие категории почвы или если бы, с другой стороны, действие дополнительного капитала на *A* было менее значительным и таким образом регулирующая средняя цена квартера с *A* стояла бы выше.

Если бы увеличение плодородия, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, было различным на различного рода землях, это привело бы к изменению дифференциальных рент с этих земель.

Во всяком случае доказано, что при понижении цены производства, совершающемся вследствие повышения нормы производительности дополнительной затраты капитала, — т. е. когда эта производительность возрастает в большей пропорции, чем авансированный капитал, — рента с акра, напр., при удвоившейся затрате капитала, может не только удвоиться, но и более чем удвоиться. Но она может и понизиться в том случае, если вследствие более быстрого возрастания производительности земли *A* цена производства упадет в еще большей мере.

Если бы мы предположили, что дополнительные затраты капитала увеличили производительность, напр., земель *B* и *C* не в такой степени, как производительность земли *A*, так что для *B* и *C* относительные разницы уменьшились и увеличившееся количество продукта не возместило бы понижения цены, то по сравнению с таблицей II рента на *D* повысилась бы, на *B* и *C* понизилась бы.

ТАБЛИЦА VIa

Земля	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт с акра кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	$1 + 3 = 4$	$1^1/_2$	6	0	0
B	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	$2 + 2^1/_2 = 4^1/_2$	$1^1/_2$	$6^3/_4$	$^1/_2$	$^3/_4$
C	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	$3 + 5 = 8$	$1^1/_2$	12	4	6
D	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 = 5$	1	$4 + 12 = 16$	$1^1/_2$	24	12	18
Итого	4	20	—	$32^1/_2$	—	—	$16^1/_2$	$24^3/_4$

Наконец, денежная рента повысилась бы в том случае, если бы при том же пропорциональном повышении плодородия на лучшие земельные участки было затрачено больше дополнительного капитала, чем на *A*, или если бы дополнительные затраты капитала на лучшие земельные участки приводили к повышению нормы производительности. В обоих случаях разницы стали бы возрастать.

Денежная рента понижается, если улучшение, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, уменьшая все разницы или часть их, более влияет на *A*, чем на *B* и *C*. Она понижается тем больше, чем незначительнее повышение производительности лучших земельных участков. От того, насколько велика разница оказываемого влияния, зависит, повысится ли хлебная рента, понизится или останется без перемены.

Денежная рента, а равно и хлебная рента повышаются либо в том случае, если, при неизменяющейся относительной разнице

в дополнительном плодородии различных земель, дополнительного капитала на землю, приносящую ренту, будет затрачено больше, чем на землю *A*, не приносящую ренты, и больше капитала будет затрачено на землю, которая дает более высокую, чем на землю, дающую более низкую ренту; либо же в том случае, если при одинаковом дополнительном капитале плодородие более возрастает на лучшей и наилучшей земле, чем на земле *A*, а именно денежная рента и хлебная рента повышаются в соответствии с тем, в какой мере это увеличение плодородия высших разрядов земли сильнее, чем увеличение плодородия более низких разрядов.

Но, при всех обстоятельствах, рента относительно повышается, когда увеличение производительной силы является следствием дополнительной затраты капитала, а не просто следствием увеличившегося плодородия при неизменившейся затрате капитала. Это — абсолютная точка зрения, которая показывает, что в этом случае, как и во всех прежних, рента и увеличившаяся рента с акра (подобно тому, как при дифференциальной ренте I высота средней ренты на всю возделываемую площадь) есть следствие увеличившейся затраты капитала на землю, причем безразлично, функционирует ли эта дополнительная затрата с неизменившейся нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с убывающей нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с повысившейся нормой производительности при понизившихся ценах. Ибо наше предположение таково: постоянная цена при постоянной, понизившейся или повысившейся норме производительности дополнительного капитала, и понизившаяся цена при постоянной, понизившейся и повысившейся норме производительности, сводится к следующему: постоянная норма производительности добавочного капитала при постоянной или понижающейся цене, убывающая норма производительности при постоянной или понижающейся цене, повышающаяся норма производительности при постоянной и понижающейся цене. Хотя во всех этих случаях рента может остаться неизменной и может понизиться, она понизилась бы еще больше, если бы, при прочих равных обстоятельствах, условием повышения плодородия не была дополнительная затрата капитала. В таком случае дополнительная затрата капитала всегда является причиной относительной высоты ренты, хотя бы абсолютно она и понизилась.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ТРЕТИЙ СЛУЧАЙ: ПОВЫШАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА.

{Повышение цены производства предполагает, что производительность земли наихудшего качества, не приносящей ренты, убывает. Цена производства, принятая нами за регулирующую, может подняться выше 3 ф. ст. лишь в том случае, если бы $2^1/_2$ ф. ст., затраченные на *A*, стали производить менее 1 квартера или если бы 5 ф. ст. стали производить менее 2 квартеров, или если бы обработке пришлось подвергнуть землю еще худшего качества, чем *A*.

При неизменной или даже повысившейся производительности второй затраты капитала это было бы возможно лишь в том случае, если бы производительность первой затраты в $2^1/_2$ ф. ст. уменьшилась. Этот случай встречается довольно часто. Например, если истощенный при поверхностной вспашке верхний слой почвы дает при старой системе возделывания все меньшие урожаи, а затем извлеченный на поверхность посредством более глубокой вспашки нижний слой при рациональной обработке начинает давать более высокие урожаи, чем раньше. Но этот специальный случай, строго говоря, сюда не относится. Уменьшение производительности *первой* затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. обусловливает для лучших земель, даже если предполагать для них аналогичные отношения, понижение дифференциальной ренты I; однако здесь мы рассматриваем лишь дифференциальную ренту II. Но так как данный специальный случай не может иметь места, если не предполагается существование дифференциальной ренты II и так как он представляет в действительности отражение модификации дифференциальной ренты I на дифференциальную ренту II, то мы приведем пример этого случая [см. таблицу VII].

Денежная рента, как и денежная выручка остаются те же, что в таблице II. Повысившаяся регулирующая цена производства как раз возмещает то, что потеряно на количестве продукта; так как эта цена и количество продукта изменились в обратном отношении, то само собою разумеется, что произведение их остается прежнее.

ТАБЛИЦА VII

Род земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2} + 1\frac{1}{4} = 1\frac{3}{4}$	$3\frac{3}{7}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + 2\frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$	$3\frac{3}{7}$	12	$1\frac{3}{4}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2} + 3\frac{3}{4} = 5\frac{1}{4}$	$3\frac{3}{7}$	18	$3\frac{1}{2}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + 5 = 7$	$3\frac{3}{7}$	24	$5\frac{1}{4}$	18	360%
	—	20	—	—	$17\frac{1}{2}$	—	60	$10\frac{1}{2}$	36	240%

В вышеприведенном случае мы предполагали, что производительная сила второй затраты капитала выше, чем первоначальная производительность первой затраты. Дело не изменится, если для второй затраты капитала мы предположим лишь такую же производительность, какая была первоначально результатом первой затраты; получается:

ТАБЛИЦА VIII

Род земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма добавочной прибыли
								хлебная кварт.	денежная ф. ст.	
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$\frac{1}{2}+1=1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1+2=3$	4	12	$1\frac{1}{2}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1\frac{1}{2}+3=4\frac{1}{2}$	4	18	3	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$2+4=6$	4	24	$4\frac{1}{2}$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

И здесь увеличивающаяся в одинаковом отношении цена производства обусловливает то, что уменьшение производительности вполне уравновешивается как для выручки, так и для денежной ренты.

В чистом виде третий случай выступает лишь при убывающей производительности второй затраты капитала, в то время когда производительность первой затраты не изменяется, как это было всюду принято для первого и второго случаев. Дифференциальная

рента I здесь не затрагивается, изменение совершается лишь с той частью, которая возникает благодаря дифференциальной ренте II. Мы приводим два примера; в первом производительность второй затраты капитала предположена уменьшившейся на $\frac{1}{2}$, во втором — на $\frac{1}{4}$.

ТАБЛИЦА IX

Род земли	Акры	Затраты капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма ренты
								хлебная кварт.	денежная ф. ст.	
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1+\frac{1}{2}=1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$2+1\ \ =3$	4	12	$1\frac{1}{2}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$3+1\frac{1}{2}=4\frac{1}{2}$	4	18	3	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$4+2\ \ =6$	4	24	$4\frac{1}{2}$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

Таблица IX та же, что и таблица VIII, но только в таблице VIII уменьшение производительности падает на первую затрату капитала, в IX — на вторую.

ТАБЛИЦА X

Род земли	Акры	Затраты капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента		Норма ренты
								хлебная кварт.	денежная ф. ст.	
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1+\frac{1}{4}=1\frac{1}{4}$	$4\frac{4}{5}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$2+\frac{1}{2}=2\frac{1}{2}$	$4\frac{4}{5}$	12	$1\frac{1}{4}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$3+\frac{3}{4}=3\frac{3}{4}$	$4\frac{4}{5}$	18	$2\frac{1}{2}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$4+1\ \ =5$	$4\frac{4}{5}$	24	$3\frac{3}{4}$	18	360%
	—	20	—	24	$12\frac{1}{2}$	—	60	$7\frac{1}{2}$	36	240%

В этой таблице общая выручка, сумма денежной ренты и норма ренты тоже остаются такие же, как в таблицах II, VII и VIII, потому что продукт и продажная цена опять-таки изменились в обратном отношении, затрата же капитала осталась та же самая.

Но как обстоит дело в другом случае, возможном при повышающейся цене производства, а именно в том случае, когда худшая земля, которую до сих пор не стоило обрабатывать, теперь начинает возделываться?

Предположим, что такая земля, которую мы назовем *а*, вступает в число конкурирующих земель. В таком случае земля *А*, не приносившая до того времени ренты, начала бы давать ренту, и вышеприведенные таблицы VII, VIII и X приняли бы следующий вид:

ТАБЛИЦА VIIa

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента кварт.	Рента ф. ст.	Повышение
a	1	5	1	6	$1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2} + 1\frac{1}{4} = 1\frac{3}{4}$	4	7	$\frac{1}{4}$	1	1
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + 2\frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$	4	14	2	8	$1 + 7$
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2} + 3\frac{3}{4} = 5\frac{1}{4}$	4	21	$3\frac{3}{4}$	15	$1 + 2 \times 7$
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + 5 = 7$	4	28	$5\frac{1}{2}$	22	$1 + 3 \times 7$
	—	—	—	30	19	—	76	$11\frac{1}{2}$	46	—

ТАБЛИЦА VIIIa

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента кварт.	Рента ф. ст.	Повышение
a	1	5	1	6	$1\frac{1}{4}$	$4\frac{4}{5}$	6	0	0	0
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2} + 1 = 1\frac{1}{2}$	$4\frac{4}{5}$	$7\frac{1}{5}$	$\frac{1}{4}$	$1\frac{1}{5}$	$1\frac{1}{5}$
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + 2 = 3$	$4\frac{4}{5}$	$14\frac{2}{5}$	$1\frac{3}{4}$	$8\frac{2}{5}$	$1\frac{1}{5} + 7\frac{1}{5}$
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2} + 3 = 4\frac{1}{2}$	$4\frac{4}{5}$	$21\frac{3}{5}$	$3\frac{1}{4}$*	$15\frac{3}{5}$	$1\frac{1}{5} + 2 \times 7\frac{1}{5}$
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + 4 = 6$	$4\frac{4}{5}$	$28\frac{4}{5}$	$4\frac{3}{4}$	$22\frac{4}{5}$	$1\frac{1}{5} + 3 \times 7\frac{1}{5}$
	5	—	—	30	$16\frac{1}{4}$	—	78	10**	48	—

---

* В изд. 1894 г. — $2\frac{1}{4}$. *Ред.*

** Там же — 9. *Ред.*

ТАБЛИЦА Xa

Род земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Рента кварт.	Рента ф. ст.	Повышение
a	1	5	1	6	$1^1/_3$	$5^1/_3$	6	0	0	0
A	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$1+\ ^1/_4=1^1/_4$	$5^1/_3$	$6^2/_3$	$^1/_8$	$^2/_3$	$^2/_3$
B	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$2+\ ^1/_2=2^1/_2$	$5^1/_3$	$13^1/_3$	$1^3/_8$	$7^1/_3$	$^2/_3+6^2/_3$
C	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$3+\ ^3/_4=3^3/_4$	$5^1/_3$	20	$2^5/_8$	14	$^2/_3+2\times6^2/_3$
D	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$4+1\ \ =5$	$5^1/_3$	$26^2/_3$	$3^7/_8$	$20^2/_3$	$^2/_3+3\times6^2/_3$
	—	—	—	30	$13^5/_8$	—	$72^2/_3$	8	$42^2/_3$	—

Присоединением земли *a* создается новая дифференциальная рента I, на этой новой основе образуется затем дифференциальная рента II, тоже в измененном виде. Земля *a* обладает в каждой из трех вышеприведенных таблиц различным плодородием: ряд пропорционально повышающихся степеней плодородия начинается лишь с *A*. В соответствии с этим располагается и ряд повышающихся рент. Рента, получаемая с наихудшей земли, приносящей ренту, а раньше ее не дававшей, образует постоянную величину, которая просто присоединяется ко всем более высоким рентам; лишь за вычетом этой постоянной величины с ясностью выступает для более высоких рент ряд разниц и его параллелизм с рядом, обозначающим плодородие разнородных земель. Во всех таблицах различные степени плодородия, начиная с *A* до *D*, относятся друг к другу, как $1:2:3:4$, и соответственно этому относятся друг к другу ренты:

в VIIa, как $1:1+7:1+2\times7:1+3\times7$,

в VIIIa, как $1^1/_5:1^1/_5+7^1/_5:1^1/_5+2\times7^1/_5:1^1/_5+3\times7^1/_5$,

в Xa, как $^2/_3:{}^2/_3+6^2/_3:{}^2/_3+2\times6^2/_3:{}^2/_3+3\times6^2/_3$.

Коротко говоря: если рента с $A=n$, а рента с земли непосредственно более высокого плодородия $=n+m$, то ряд будет такой: $n:n+m:n+2m:n+3m$ и т. д. — *Ф. Э.*}

{Так как вышеприведенный третий случай в рукописи не был разработан, — там имеется лишь его заголовок, — то задачей редактора было по возможности восполнить это, как сделано выше. Но ему остается еще сделать общие выводы, вытекающие из всего предшествующего исследования дифференциальной ренты II с ее тремя главными случаями и девятью производными. Но для этой цели приведенные в рукописи примеры пригодны лишь в малой мере. Во-первых, в них сравниваются участки земли, выручки с которых относятся для площадей одинаковой величины, как 1:2:3:4; следовательно, берутся разницы, которые уже с самого начала сильно преувеличены и которые при дальнейшем развитии сделанных на этом основании предположений и исчислений приводят к совершенно непомерным числовым отношениям. Во-вторых, они дают повод к совершенно неверному представлению. Если при степенях плодородия, относящихся друг к другу, как 1:2:3:4 и т. д., получаются ренты ряда 0:1:2:3 и т. д., то тотчас же является искушение вывести второй ряд из первого и объяснить удвоение, утроение и т. д. рент удвоением, утроением и т. д. всего продукта. Но это было бы совершенно ошибочно. Ренты относятся как 0:1:2:3:4 даже в том случае, когда степени плодородия относятся как $n : n+1 : n+2 : n+3 : n+4$; ренты относятся одна к другой не как *степени* плодородия, а как *разности* плодородия; причем земля, не приносящая ренты, принимается за нулевую точку.

Таблицы оригинала следовало привести для разъяснения текста. Но чтобы получить наглядную основу для приведенных ниже результатов исследования, я в дальнейшем даю новый ряд таблиц, в которых выручка показана в бушелях ($^1/_8$ квартера, или 36,35 литра) и шиллингах (= марке).

Первая таблица (XI) соответствует прежней таблице I. Она дает выручку и ренты для земель пяти различных качеств *A — E* при *первой* затрате капитала в 50 шилл., что вместе с 10 шилл. прибыли составляет 60 шилл. всей цены производства на акр. Количество получаемого хлеба взято низкое: 10, 12, 14, 16, 18 бушелей с акра. Получающаяся при этом регулирующая цена производства = 6 шилл. за бушель.

Следующие 13 таблиц соответствуют трем случаям дифференциальной ренты II, рассмотренным в этой и двух предшествующих главах, причем *дополнительная* затрата капитала на той же земле предполагается равной 50 шилл. на акр, при постоянной, понижающейся и повышающейся цене производства. Каждый из этих случаев, в свою очередь, изображается так, как он складывается: 1) при неизменяющейся, 2) при понизившейся, 3) при повысившейся производительности второй затраты капитала сравнительно с первой. При этом получаются еще некоторые варианты, благодаря которым дело становится особенно наглядным.

В случае I: постоянная цена производства, мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала (таблица XII).

» 2: Убывающая производительность. Это может произойти лишь при том условии, если на землю *A* не делается второй затраты. При этом дело обстоит или

a) так, что земля *B* тоже не приносит ренты (таблица XIII), или

b) так, что земля *B* не становится землей, совершенно не приносящей ренты (таблица XIV).

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XV). И этот случай исключает вторую затрату капитала на земле *A*.

В случае II: Понижающаяся цена производства, мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XVI).

Вариант 2: Убывающая производительность (таблица XVII). Оба эти варианта приводят к тому, что земля *A* перестает входить в число конкурирующих земель, земля *B* перестает приносить ренту и регулирует цену производства.

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XVIII). Здесь земля *A* остается регулирующею.

В случае III: Повышающаяся цена производства, возможны две разновидности: земля *A* может остаться землей, не приносящей ренты и регулирующей цену, или же в конкуренцию вступает земля худшего качества, чем *A*, и начинает регулировать цену, так что *A* тогда приносит ренту.

Первая разновидность: Земля *A* остается регулирующей.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XIX). Это допустимо лишь при предположении, что производительность первой затраты уменьшается.

» 2: Убывающая производительность второй затраты (таблица XX). Это не исключает возможности, что производительность первой затраты не изменится.

» 3: Повышающаяся производительность второй затраты (таблица XXI *). Это опять-таки обусловливает убывающую производительность первой затраты.

Вторая разновидность: Земля худшего качества (обозначаемая посредством *a*) вступает в конкуренцию; земля *A* приносит ренту.

* В изд. 1894 г. — XIX. *Ред.*

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XXII).
» 2: Убывающая производительность (таблица XXIII).
» 3: Повышающаяся производительность (таблица XXIV).

Эти три варианта соответствуют общим условиям проблемы и не дают повода к каким-либо замечаниям.

Теперь мы приведем таблицы:

ТАБЛИЦА XI

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60	12	6	72	12	12
C	60	14	6	84	24	2 × 12
D	60	16	6	96	36	3 × 12
E	60	18	6	108	48	4 × 12
	—	—	—	—	120	10 × 12

При второй затрате капитала на той же земле.

Первый случай: При неизменяющейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60+60=120	10+10=20	6	120	0	0
B	60+60=120	12+12=24	6	144	24	24
C	60+60=120	14+14=28	6	168	48	2 × 24
D	60+60=120	16+16=32	6	192	72	3 × 24
E	60+60=120	18+18=36	6	216	96	4 × 24
	—	—	—	—	240	10 × 24

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; на земле *A* не произведено второй затраты.

1) Когда земля *B* перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XIII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+ 8 =20	6	120	0	0
C	60+60=120	14+ 9¹/₃=23¹/₃	6	140	20	20
D	60+60=120	16+10²/₃=26²/₃	6	160	40	2 × 20
E	60+60=120	18+12* =30	6	180	60	3 × 20
	—	—	—	—	120	6 × 20

2) Когда земля *B* не совсем перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XIV

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+ 9 =21	6	126	6	6
C	60+60=120	14+10¹/₂=24¹/₂	6	147	27	6+21
D	60+60=120	16+12 =28	6	168	48	6+2×21
E	60+60=120	18+13¹/₂=31¹/₂	6	189	69	6+3×21
	—	—	—	—	150	4×6+6×21

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; на земле *A* здесь тоже не производится второй затраты.

* В изд. 1894 г. — 20. *Ред.*

ТАБЛИЦА XV

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Проданная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A......	60	10	6	60	0	0
B......	60+60=120	12+15 =27	6	162	42	42
C......	60+60=120	14+17½=31½	6	189	69	42+27
D......	60+60=120	16+20 =36	6	216	96	42+2×27
E......	60+60=120	18+22½=40½	6	243	123	42+3×27
	—	—	—	—	330	4×42+6×27

Второй случай: При уменьшающейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала; земля *A* выпадает из конкуренции, земля *B* перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVI

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Проданная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
B......	60+60=120	12+12=24	5	120	0	0
C......	60+60=120	14+14=28	5	140	20	20
D......	60+60=120	16+16=32	5	160	40	2 × 20
E......	60+60=120	18+18=36	5	180	60	3 × 20
	—	—	—	—	120	6 × 20

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; земля *A* выпадает из конкуренции, земля *B* перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Проданная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
B......	60+60=120	12+ 9 =21	5⁵/₇	120	0	0
C......	60+60=120	14+10½=24½	5⁵/₇	140	20	20
D......	60+60=120	16+12 =28	5⁵/₇	160	40	2 × 20
E......	60+60=120	18+13½=31½	5⁵/₇	180	60	3 × 20
	—	—	—	—	120	6 × 20

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; земля *А* продолжает конкурировать. Земля *В* приносит ренту.

ТАБЛИЦА XVIII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60+60=120	10+15=25	$4^{4}/_{5}$	120	0	0
B	60+60=120	12+18=30	$4^{4}/_{5}$	144	24	24
C	60+60=120	14+21=35	$4^{4}/_{5}$	168	48	2 × 24
D	60+60=120	16+24=40	$4^{4}/_{5}$	192	72	3 × 24
E	60+60=120	18+27=45	$4^{4}/_{5}$	216	96	4 × 24
	—	—	—	—	240	10 × 24

Третий случай: При повышающейся цене производства.

А. Когда земля *А* остается землей, не приносящей ренты и регулирующей цену.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала, что обусловливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XIX

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели *	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60+60=120	$7^{1}/_{2}$+10=$17^{1}/_{2}$	$6^{6}/_{7}$	120	0	0
B	60+60=120	9 +12=21	$6^{6}/_{7}$	144	24	24
C	60+60=120	$10^{1}/_{2}$+14=$24^{1}/_{2}$	$6^{6}/_{7}$	168	48	2×24
D	60+60=120	12 +16=28	$6^{6}/_{7}$	192	72	3×24
E	60+60=120	$13^{1}/_{2}$+18=$31^{1}/_{2}$	$6^{6}/_{7}$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

* В изд. 1894 г. в эту графу попали по ошибке цифры из таблицы XXI. Цифры изменены согласно условиям. *Ред.*

Вариант 2: При уменьшающейся производительности второй затраты капитала, что не исключает возможности, что производительность первой затраты не изменится.

ТАБЛИЦА XX

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60+60=120	10+5=15	8	120	0	0
B	60+60=120	12+6=18	8	144	24	24
C	60+60=120	14+7=21	8	168	48	2×24
D	60+60=120	16+8=24	8	192	72	3×24
E	60+60=120	18+9=27	8	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала, что при данных предположениях обусловливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XXI

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
A	60+60=120	5+12$^1/_2$=17$^1/_2$	6$^6/_7$	120	0	0
B	60+60=120	6+15 =21	6$^6/_7$	144	24	24
C	60+60=120	7+17$^1/_2$=24$^1/_2$	6$^6/_7$	168	48	2×24
D	60+60=120	8+20 =28	6$^6/_7$	192	72	3×24
E	60+60=120	9+22$^1/_2$=31$^1/_2$	6$^6/_7$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

B. Когда худшая (обозначаемая буквою *a*) земля становится землей, регулирующей цену, и потому *A* начинает приносить ренту. Это не исключает возможности неизменяющейся производительности второй затраты для всех вариантов.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
a	120	16	$7^1/_2$	120	0	0
A	60+60=120	10+10=20	$7^1/_2$	150	30	30
B	60+60=120	12+12=24	$7^1/_2$	180	60	2×30
C	60+60=120	14+14=28	$7^1/_2$	210	90	3×30
D	60+60=120	16+16=32	$7^1/_2$	240	120	4×30
E	60+60=120	18+18=36	$7^1/_2$	270	150	5×30
	—	—	—	—	450	15×30

Вариант 2: Убывающая производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIII

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
a	120	15	8	120	0	0
A	60+60=120	$10+7^1/_2=17^1/_2$	8	140	20	20
B	60+60=120	12+9=21	8	168	48	20+28
C	60+60=120	$14+10^1/_2=24^1/_2$	8	196	76	20+2×28
D	60+60=120	16+12=28	8	224	104	20+3×28
E	60+60=120	$18+13^1/_2=31^1/_2$	8	252	132	20+4×28
	—	—	—	—	380	5×20+10×28

Вариант 3: Повышающаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIV

Род земли	Цена производства шилл.	Продукт бушели	Продажная цена шилл.	Выручка шилл.	Рента шилл.	Повышение ренты
a	120	16	$7^1/_2$	120	0	0
A	60+60=120	$10+12^1/_2=22^1/_2$	$7^1/_2$	$168^3/_4$	$48^3/_4$	$15+33^3/_4$
B	60+60=120	12+15 =27	$7^1/_2$	$202^1/_2$	$82^1/_2$	$15+2\times33^3/_4$
C	60+60=120	$14+17^1/_2=31^1/_2$	$7^1/_2$	$236^1/_4$	$116^1/_4$	$15+3\times33^3/_4$
D	60+60=120	16+20 =36	$7^1/_2$	270	150	$15+4\times33^3/_4$
E	60+60=120	$18+22^1/_2=40^1/_2$	$7^1/_2$	$303^3/_4$	$183^3/_4$	$15+5\times33^3/_4$
	—	—	—	—	$581^1/_4$	$5\times15+15\times33^3/_4$

Из этих таблиц вытекает следующее:

Прежде всего, что ряд рент находится друг к другу точно в таком же отношении, как ряд различий в плодородии, принимая за нулевой пункт регулирующую землю, не приносящую ренты. Рента определяется не абсолютной выручкой, а лишь различиями выручки. Будут ли разного рода земли приносить 1, 2, 3, 4, 5 бушелей или 11, 12, 13, 14, 15 бушелей продукта на акр, ренты в обоих случаях составят ряд: 0, 1, 2, 3, 4 бушеля или, соответственно, денежной выручки за них.

Но гораздо важнее результат, взятый по отношению ко всей сумме ренты при вторичной затрате капитала на одной и той же земле.

В пяти случаях из исследованных тринадцати *удваивается* вместе с затратой капитала и общая сумма ренты: вместо 12 шилл. × 10 она становится равной 24 шилл. × 10 = 240 шилл. Случаи эти следующие:

Случай I, постоянная цена, вариант 1: соответственное затратам увеличение производства (таблица XII).

Случай II, понижающаяся цена, вариант 3: возрастающее увеличение производства (таблица XVIII).

Случай III, повышающаяся цена, первая разновидность, когда земля *A* остается регулирующей, во всех трех вариантах (таблицы XIX, XX, XXI).

В четырех случаях рента повышается *более чем вдвое*, а именно:

Случай I, вариант 3, постоянная цена, но возрастающее увеличение производства (таблица XV). Сумма рент повышается до 330 шилл.

Случай III, вторая разновидность, где земля *A* приносит ренту, во всех трех вариантах. (Таблица XXII, рента = 30 × 15 =

$= 450$ шилл.; таблица XXIII, рента $= 20 \times 5 + 28 \times 10 = 380$ шилл.; таблица XXIV, рента $= 15 \times 5 + 33^3/_4 \times 15 = 581^1/_4$ шилл.)

В одном случае она *повышается*, но не до двойной суммы по сравнению с рентой, получаемой при первой затрате капитала:

Случай I, постоянная цена, вариант 2: убывающая производительность второй затраты при условиях, когда *B* не совсем перестает приносить ренту. (Таблица XIV, рента $= 6 \times 4 + 21 \times 6 = 150$ шилл.)

Наконец, только в трех случаях совокупная рента при второй затрате капитала, для всех сортов земли, остается в том же положении, как при первой затрате (таблица XI); это те случаи, когда земля *A* перестает участвовать в конкуренции, а земля *B* становится регулирующей и, следовательно, не приносящей ренты землей. Таким образом не только отпадает рента с *B*, но она убывает в каждом последующем члене ряда рент; этим обусловливается результат. Случаи эти следующие:

Случай I, вариант 2, когда условия таковы, что земля *A* выпадает (таблица XIII). Сумма рент равняется 20×6, следовательно, $12 \times 10 = 120$, как и в таблице XI.

Случай II, варианты 1 и 2. Здесь, согласно предположениям, необходимо выпадает земля *A* (таблицы XVI и XVII), и сумма рент опять равняется $20 \times 6 = 12 \times 10 = 120$ шилл.

Таким образом, это значит: в громадном большинстве всех возможных случаев вследствие увеличенного приложения капитала к земле рента повышается как на акр земли, приносящей ренту, так и особенно в ее общей сумме. Лишь в трех случаях из исследованных тринадцати общая сумма ее остается без изменения. Это те случаи, когда земля наихудшего качества, не приносившая до тех пор ренты и игравшая роль регулирующей земли, перестает участвовать в конкуренции, непосредственно следующая за ней лучшая по качеству земля становится на ее место, т. е. перестает приносить ренту. Но в этих случаях ренты с земель лучшего качества повышаются сравнительно с теми рентами, которые обязаны своим происхождением первой затрате капитала; если рента на *C* понижается с 24 до 20, то для *D* и *E* она повышается с 36 и 48 до 40 и 60 шиллингов.

Понижение общей суммы рент ниже того уровня, которого она достигла при первой затрате капитала (таблица XI), было бы возможно лишь в том случае, если бы, кроме земли *A*, перестала участвовать в конкуренции и земля *B*, так что регулирующей и не приносящей ренты землей сделалась бы земля *C*.

Таким образом, чем больше капитала вкладывается в землю, чем выше развитие земледелия и цивилизации вообще в данной стране, тем выше поднимается рента — как с акра, так и вся сумма рент, тем колоссальнее та дань, которую платит общество крупным землевладельцам в форме добавочной прибыли, пока все категории

земли, уже подвергшиеся возделыванию, сохраняют способность к конкуренции.

Этот закон объясняет удивительную живучесть класса крупных землевладельцев. Никакой другой класс общества не живет так расточительно, как этот, никакой другой не заявляет такой претензии на традиционную, «приличествующую сословию» роскошь, откуда бы ни получались для этого деньги, никакой другой класс не накопляет с таким легким сердцем долгов за долгами. И тем не менее он всегда выходит сухим из воды благодаря капиталу, который другие люди вложили в землю и который приносит ему ренты вне всякого соотношения с прибылями, извлекаемыми из него капиталистом.

Но тот же закон объясняет, почему эта живучесть крупного землевладельца постепенно исчерпывается.

Когда английские хлебные пошлины были отменены в 1846 г., то английские фабриканты думали, что они превратили этим землевладельческую аристократию в пауперов. Вместо этого, она стала еще богаче, чем была когда-либо прежде. Как это случилось? Очень просто. Во-первых, от фермеров стали требовать по контракту, чтобы они вкладывали по 12 ф. стерл. вместо 8 ф. стерл. на акр в год, а во-2-х, землевладельцы, имея очень много представителей в нижней палате, добились себе крупной государственной субсидии для дренирования своих земель и для других прочных улучшений. Так как полного вытеснения даже самой худшей земли нигде не было, а случалось — самое большее — лишь употребление ее для других целей, да и то в большинстве случаев только временное, — то ренты поднялись пропорционально увеличенным вложениям капитала в землю, и землевладельческая аристократия оказалась еще в лучших условиях, чем прежде.

Но ничто не вечно. Океанские пароходы, северо- и южноамериканские, а также индийские железные дороги дали возможность конкурировать на европейских хлебных рынках совершенно особенным странам. Это были, с одной стороны, североамериканские прерии, аргентинские пампасы, степи, уже от природы пригодные для обработки плугом, девственная почва, которая долгие годы давала богатые урожаи даже при примитивной культуре и без удобрения. С другой стороны, это были земли русских и индийских коммунистических общин, которые должны были продавать часть своего продукта, притом все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, которые выжимал из них, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства. Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег. И против этой конкуренции — конкуренции девственной степной почвы и русских и индийских крестьян, пода-

вленных непосильными податями, — европейский арендатор и крестьянин не мог уже при старых рентах держаться. Часть земли в Европе окончательно оказалась не в силах конкурировать в производстве зернового хлеба, ренты повсюду упали, для Европы стал общим правилом наш 2-ой случай, 2-ой вариант, именно: понижающаяся цена хлеба и понижающаяся производительность добавочных вложений капитала. Отсюда вопли аграриев от Шотландии до Италии и от южной Франции до восточной Пруссии. К счастью, еще далеко не все степные земли распаханы; их осталось еще достаточно для того чтобы разорить все европейское крупное землевладение, да и мелкое в придачу. — *Ф. Э.*}

Рубрики, под которыми нужно исследовать ренту, таковы:

А. Дифференциальная рента.

1) Понятие дифференциальной ренты. Иллюстрация силой воды. Переход к собственно земледельческой ренте.

2) Дифференциальная рента I, происходящая из различия в плодородии различных земельных участков.

3) Дифференциальная рента II, происходящая из последовательной затраты капитала на одной и той же земле. Дифференциальная рента II подлежит исследованию:

a) при постоянной,

b) при убывающей,

c) при повышающейся цене производства.

И далее

d) превращение добавочной прибыли в ренту.

4) Влияние этой ренты на норму прибыли.

B. Абсолютная рента.

C. Цена земли.

D. Заключительные замечания о земельной ренте.

Как общий результат рассмотрения дифференциальной ренты получается следующее:

Во-первых: образование добавочной прибыли может последовать различными путями. С одной стороны, на базисе дифференциальной ренты I, т. е. на базисе затраты всего земледельческого капитала на земельной площади, состоящей из разнородных по плодородию земель. Далее, в виде дифференциальной ренты II, на базисе различной дифференциальной производительности последовательных затрат капитала на одной и той же земле, т. е. на базисе большей производительности, выраженной, напр., в квартерах пшеницы, чем та, которая достигается при той же затрате

капитала на наихудшей земле, не приносящей ренты, но регулирующей цену производства. Но каким бы путем ни возникала эта добавочная прибыль, превращение ее в ренту, следовательно, ее переход из рук фермера в руки землевладельца всегда предполагает в качестве предварительного условия, что различные действительные индивидуальные цены производства (т. е. независимо от общей регулирующей рынок цены производства) отдельных продуктов единичных последовательных затрат капитала предварительно уравнялись в индивидуальную среднюю цену производства. Избыток общей регулирующей цены производства продукта одного акра над этой индивидуальной средней ценой образует и измеряет величину ренты на акр. При дифференциальной ренте I различия результатов распознаваемы сами по себе, так как они получаются на различных участках земли, находящихся один вне другого и возле другого, — получаются при такой затрате капитала на акр, которая принимается за нормальную, и при соответствующем этой затрате нормальном возделывании. При дифференциальной ренте II различия результатов надо сделать прежде всего отличимыми; в самом деле, их сначала приходится превратить обратно в дифференциальную ренту I, а это можно сделать лишь указанным способом. Возьмем, напр., таблицу III, стр. 701.

Земля *B* дает в результате первой затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. 2 квартера с акра, а в результате второй затраты, одинаковой по размеру, — $1^1/_2$ квартера, в общей сложности — $3^1/_2$ квартера с одного и того же акра. По этим $3^1/_2$ квартерам, собранным с одной и той же земли, нельзя различить, какая часть является продуктом затраты капитала I и какая затраты капитала II. В действительности $3^1/_2$ квартера суть продукт всего капитала в 5 ф. ст.; и фактически дело заключается лишь в том, что капитал в $2^1/_2$ ф. ст. принес 2 квартера, а капитал в 5 ф. ст. не 4, а $3^1/_2$ квартера. Дело ничуть не изменилось бы, если бы эти 5 ф. ст. дали 4 квартера, так что продукты обеих затрат капитала были бы одинаковы, или даже 5 квартеров, так что вторая затрата капитала дала бы избыток в 1 квартер. Цена производства первых 2 квартеров равняется $1^1/_2$ ф. ст. за квартер, а вторых $1^1/_2$ квартеров — 2 ф. ст. за квартер. Все эти $3^1/_2$ квартера вместе стоят поэтому 6 ф. ст. Это индивидуальная цена производства всего продукта, составляющая в среднем 1 ф. ст. $14^2/_7$ шилл. за квартер, круглым счетом, скажем, $1^3/_4$ ф. ст. При общей цене производства в 3 ф. ст., определяемой землей *A*, это дает добавочную прибыль в $1^1/_4$ ф. ст. на квартер и, следовательно, для всех $3^1/_2$ квартеров — $4^3/_8$ ф. ст. При средней цене производства на земле *B* это составит круглым счетом $1^1/_2$ квартера. Добавочная прибыль, получаемая с *B*, выражается, следовательно, в соответственной части продукта с *B*, в этих $1^1/_2$ квартерах, которые образуют ренту, выраженную в хлебе, и которые продаются по общей цене производства за $4^1/_2$ ф. ст. Но, наоборот,

избыточный продукт, получаемый с акра земли *B*, по сравнению с тем, который получается с акра *A*, нельзя считать без дальнейших околичностей добавочной прибылью, а потому и добавочным продуктом. Согласно предположению, акр земли *B* производит $3^1/_2$ квартера, акр *A* — лишь 1 квартер. Избыточный продукт с земли *B* представляет, следовательно, $2^1/_2$ квартера, а добавочный продукт — лишь $1^1/_2$ квартера; потому что на *B* затрачен вдвое больший капитал, чем на *A*, и потому вся цена производства на этой земле вдвое больше. Если бы на *A* было также затрачено 5 ф. ст. и норма производительности осталась без изменения, то продукт был бы равен 2 квартерам вместо 1, и таким образом стало бы ясным, что действительный добавочный продукт можно найти посредством сравнения не $3^1/_2$ и 1, а $3^1/_2$ и 2; что, следовательно, он равняется не $2^1/_2$, а всего $1^1/_2$ квартерам. Но, далее, если бы на *B* была произведена третья затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст., которая дала бы лишь 1 квартер, так что этот квартер стоил бы 3 ф. ст., как квартер, произведенный на земле *A*, то его продажная цена в 3 ф. ст. покрыла бы только всю цену производства, дала бы лишь среднюю прибыль, но никакой добавочной прибыли, а следовательно, и ничего, что могло бы превратиться в ренту. Продукт с акра любого рода земли, по сравнению с продуктом с акра земли *A*, не показывает ни того, является ли он продуктом одинаковой или большей затраты капитала, ни того, покрывает ли избыточный продукт только цену производства, или же он обязан своим возникновением более высокой производительности дополнительного капитала.

Во-вторых: при убывающей норме производительности дополнительных затрат капитала, границей которых, — поскольку речь идет об образовании новой добавочной прибыли, — является такая затрата капитала, которая покрывает лишь цену производства, т. е. производит квартер столь же дорого, как равная затрата капитала производит его на акре земли *A*, т. е., согласно предположению, за 3 ф. ст., — предел, где вся затрата капитала на акр земли *B* перестает давать ренту, был бы, как следует из вышеизложенного, достигнут, когда индивидуальная средняя цена производства продукта на акре *B* повысилась бы до уровня цены производства с акра земли *A*.

Если на *B* производятся лишь такие дополнительные затраты капитала, которые окупают цену производства и, следовательно, не образуют добавочной прибыли, а потому и ренты, то, хотя это и повышает индивидуальную среднюю цену производства квартера, тем не менее, не затрагивает добавочной прибыли, образовавшейся от прежних затрат капитала, следовательно, не затрагивает ренты, которая может получиться. Ибо средняя цена производства всегда остается ниже цены производства *A*, а если излишек цены с квартера и уменьшается, то количество квартеров увеличивается в том

же отношении, так что общий излишек цены остается без изменения.

В приведенном случае две первые затраты капитала в 5 ф. ст. на земле *B* производят $3^1/_2$ квартера, следовательно, согласно предположению, $1^1/_2$ квартера ренты = $4^1/_2$ ф. ст. Если сюда присоединится третья затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст., производящая лишь один дополнительный квартер, то вся цена производства (включая 20% прибыли) $4^1/_2$ квартеров = 9 ф. ст.; следовательно, средняя цена на акр = 2 ф. ст. за квартер. Таким образом средняя цена производства за квартер на земле *B* поднялась с $1^5/_7$ до 2 ф. ст., добавочная прибыль с квартера, по сравнению с регулирующей ценой *A*, упала таким образом с $1^2/_7$ до 1 ф. ст. Но $1 \times 4^1/_2 = 4^1/_2$ ф. ст., совершенно так же как прежде $1^2/_7 \times 3^1/_2 = 4^1/_2$ ф. ст.

Если бы мы предположили, что на *B* были сделаны еще четвертая и пятая дополнительные затраты капитала по $2^1/_2$ ф. ст., затраты, производящие квартер лишь по его общей цене производства, то весь продукт с акра составлял бы теперь $6^1/_2$ квартеров, а вся его цена производства была бы — 15 ф. ст. Средняя цена производства квартера снова повысилась бы для *B* с 2* до $2^4/_{13}$ ф.ст., а добавочная прибыль с квартера по сравнению с регулирующей ценой производства на земле *A* снова упала бы с 1 до $^9/_{13}$ ф. ст. Но и эти $^9/_{13}$ ф. ст. пришлось бы теперь считать на $6^1/_2$ квартеров, вместо прежних $4^1/_2$. Между тем $^9/_{13} \times 6^1/_2 = 1 \times 4^1/_2 = 4^1/_2$ ф. ст.

Отсюда прежде всего следует, что при этих обстоятельствах не требуется никакого повышения регулирующей цены производства для того, чтобы сделать возможными дополнительные затраты капитала на землях, приносящих ренту, возможными даже в таком размере, что дополнительный капитал совсем перестает доставлять добавочную прибыль и дает лишь среднюю прибыль. Из этого следует далее, что здесь сумма добавочной прибыли на акр остается без изменения, как бы ни уменьшалась добавочная прибыль с квартера; это уменьшение всегда уравновешивается соответствующим увеличением квартеров, производимых на акре. Для того чтобы средняя цена производства поднялась до уровня общей цены производства (следовательно, достигла бы 3 ф. ст. на землю *B*), должны быть сделаны такие дополнительные затраты капитала, продукт которых обладал бы более высокой ценой производства, чем регулирующая цена в 3 ф. ст. Но мы увидим, что этого одного тоже недостаточно, чтобы повысить среднюю цену производства квартера на землю *B* до уровня общей цены производства в 3 ф. ст.

Предположим, что на земле *B* были произведены:

1) $3^1/_2$ квартера, цена производства которых, как и прежде = = 6 ф. ст.; следовательно, две затраты капитала по $2^1/_2$ ф. ст. каж-

---

* В изд. 1894 г. — 1. *Ред.*

дая, причем обе образуют добавочные прибыли, но убывающей высоты.

2) 1 квартер за 3 ф. ст.; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства была бы равна регулирующей цене производства.

3) 1 квартер за 4 ф. ст.; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства на 25%* выше регулирующей цены.

Мы имели бы тогда $5^1/_2$ квартеров с акра за 13 ф. ст., при затрате капитала в $10^5/_6$ ф. ст.**; первоначальная затрата капитала возросла бы в четыре раза, но продукт первой затраты капитала не увеличился бы и в три раза.

$5^1/_2$ квартеров за 13 ф. ст. дают среднюю цену производства в $2^4/_{11}$ ф. ст. за квартер, следовательно, при регулирующей цене производства в 3 ф. ст., избыток в $^7/_{11}$ ф. ст. с квартера; он может превратиться в ренту. $5^1/_2$ квартеров при продаже по регулирующей цене в 3 ф. ст. дают $16^1/_2$ ф. ст. За вычетом всей цены производства в 13 ф. ст. остается $3^1/_2$ ф. ст. добавочной прибыли, или ренты; эти $3^1/_2$ ф. ст., считая по теперешней средней цене производства квартера на *B*, т. е. по $2^4/_{11}$ ф. ст. за квартер, являются теперь представителем $1^5/_{72}$*** квартера. Денежная рента понизилась бы на 1 ф. ст., хлебная рента — приблизительно на $^1/_2$ квартера, но несмотря на то, что четвертая дополнительная затрата капитала на *B* не только не производит добавочной прибыли, но дает менее, чем среднюю прибыль, попрежнему продолжает получаться добавочная прибыль и рента. Если мы предположим, что, кроме затраты капитала 3), и затрата 2) производит по цене, превышающей регулирующую цену производства, то все производство составит: $3^1/_2$ квартера за 6 ф. ст. + 2 квартера за 8 ф. ст., итого $5^1/_2$ квартеров по цене производства в 14 ф. ст. Средняя цена производства квартера была бы = $2^6/_{11}$ ф. ст., что оставляло бы избыток в $^5/_{11}$ ф. ст. Эти $5^1/_2$ квартеров, проданные по 3 ф. ст., дают $16^1/_2$ ф. ст.; за вычетом 14 ф. ст. всей цѐны производства остается $2^1/_2$ ф. ст. на ренту. При теперешней средней цене производства на земле *B* это составило бы $^{55}/_{56}$ квартера. Следовательно, рента все еще продолжает получаться, хотя и в меньшем размере, чем раньше.

Во всяком случае это показывает, что на лучших земельных участках при дополнительных затратах капитала, продукт которых обходится дороже, чем регулирующая цена производства, рента,— по крайней мере в пределах, допустимых практикой, — должна не исчезнуть, а лишь уменьшиться соответственно тому, с одной стороны, какую долю всего затраченного капитала составляет этот

* — от 4 ф. ст. *Ред.*

** В изд. 1894 г. — 10. *Ред.*

*** Должно быть $1^{25}/_{52}$. *Ред.*

менее производительный капитал, а с другой стороны — соответственно уменьшению его производительности. Средняя цена его продукта все же была бы ниже регулирующей цены и потому все еще оставалась бы добавочная прибыль, которая могла бы превратиться в ренту.

Предположим теперь, что средняя цена квартера *B* совпадает с общей ценой производства, что явилось следствием четырех последовательных затрат капитала ($2^1/_2$, $2^1/_2$, 5 и 5 ф. ст.) с убывающей производительностью:

	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт кварт.	Цена производства		Продажная цена ф. ст.	Выручка ф. ст.	Избыток для ренты	
				за кварт. ф. ст.	всего ф. ст.			кварт.	ф. ст.
1)	$2^1/_2$	$^1/_2$	2	$1^1/_2$	3	3	6	1	3
2)	$2^1/_2$	$^1/_2$	$1^1/_2$	2	3	3	$4^1/_2$	$^1/_2$	$1^1/_2$
3)	5	1	$1^1/_2$	4	6	3	$4^1/_2$	$-{}^1/_2$	$-1^1/_2$
4)	5	1	1	6	6	3	3	—1	—3
	15	3	6	—	18	—	18	0	0

Здесь арендатор продает каждый квартер по его индивидуальной цене производства, и потому все число квартеров продается им по их средней цене производства, совпадающей с регулирующей ценой в 3 ф. ст. Он получает поэтому на свой капитал в 15 ф. ст. попрежнему 20% прибыли = 3 ф. ст. Но рента исчезла. Куда же девался излишек при этом уравнении индивидуальных цен производства каждого квартера с общей ценой производства?

Добавочная прибыль с первых $2^1/_2$ ф. ст. равнялась 3 ф. ст.; со вторых $2^1/_2$ ф. ст. она равнялась $1^1/_2$ ф. ст.; в общей сложности добавочная прибыль на $^1/_3$ авансированного капитала, т. е. на 5 ф. ст., была = $4^1/_2$ ф. ст. = 90%.

При затрате капитала 3) 5 ф. ст. не только не приносят добавочной прибыли, но продукт ее в $1^1/_2$ квартерах, проданный по общей цене производства, дает минус в $1^1/_2$ ф. ст. Наконец, при затрате капитала 4), тоже в 5 ф. ст., продукт ее в 1 квартер, проданный по общей цене производства, дает минус в 3 ф. ст. Следовательно, обе затраты капитала, взятые вместе, дают минус в $4^1/_2$ ф. ст., равный добавочной прибыли в $4^1/_2$ ф. ст., которая получилась от затрат капитала 1) и 2).

Добавочная прибыль и отрицательная прибыль взаимно уничтожаются. Поэтому рента исчезает. Но в действительности это

возможно лишь потому, что те элементы прибавочной стоимости, которые образовали добавочную прибыль или ренту, входят теперь в образование средней прибыли. Фермер получает эту среднюю прибыль в размере 3 ф. ст. на 15 ф. ст., или в размере 20% за счет ренты.

Уравнение индивидуальной средней цены производства *B* с общей ценой производства *A*, регулирующей рыночную цену, предполагает, что разность между индивидуальной ценой продукта первых затрат капитала и превышающей ее регулирующей ценой все более и более уравновешивается и в конце концов уничтожается разницей, на которую продукт позднейших затрат капитала начинает превышать регулирующую цену. Таким образом то, что представляется добавочной прибылью, пока продукт первых затрат капитала продается отдельно, становится постепенно частью средней цены производства и тем самым входит в образование средней прибыли, пока, наконец, не будет совсем поглощено последнею.

Если бы вместо 15 ф. ст. затраты капитала на *B* на этой земле было затрачено всего 5 ф. ст., а дополнительные $2^1/_2$ квартера последней таблицы были произведены таким образом, что $2^1/_2$ акра земли *A* были бы возделаны вновь с затратой капитала в $2^1/_2$ ф. ст. на акр, то затраченный дополнительный капитал составил бы всего $6^1/_4$ ф. ст., а вся затрата на *A* и *B*, сделанная для производства этих 6 квартеров, составила бы всего $11^1/_4$ ф. ст. вместо 15 ф. ст., и вся цена их производства, включая и прибыль, составила бы $13^1/_2$ ф. ст. Эти 6 квартеров попрежнему продавались бы за 18 ф. ст., но затрата капитала уменьшилась бы на $3^3/_4$ ф. ст., и рента с *B* составляла бы, как и прежде, $4^1/_2$ ф. ст. на акр. Иначе обстояло бы дело, если бы для производства дополнительных $2^1/_2$ квартеров пришлось прибегнуть к худшей, чем *A*, земле, к *A* — 1, *A* — 2, так что цена производства квартера для $1^1/_2$ квартеров на земле *A* — 1 = 4 ф. ст., а для последнего квартера на земле *A* — 2 = 6 ф. ст. В таком случае 6 ф. ст. сделались бы регулирующей ценой производства квартера. Эти $3^1/_2$ квартера с земли *B* были бы проданы за 21 ф. ст. вместо $10^1/_2$ ф. ст., что дало бы ренту в 15 ф. ст. вместо $4^1/_2$ ф. ст., а в хлебе — ренту в $2^1/_2$ квартера вместо $1^1/_2$ квартеров. Точно так же один квартер с земли *A* теперь дал бы ренту в 3 ф. ст. = $^1/_2$ квартера.

Прежде чем исследовать этот пункт дальше, сделаем еще одно замечание.

Средняя цена квартера с *B* уравнивается, совпадает с общей ценой производства в 3 ф. ст. с квартера, регулируемой землей *A*, как только часть всего капитала, производящего избыточные $1^1/_2$ квартера, уравновесится той частью всего капитала, которая недопроизводит $1^1/_2$ квартера. Когда именно это будет достигнуто, или сколько капитала с недостаточной производительной силой должно быть для этого затрачено на *B*, зависит при данной

добавочной производительности первых затрат капитала от относительно недостаточной производительности последующих затрат капитала, — недостаточной по сравнению с производительностью равновеликой затраты капитала на наихудшей регулирующей земле *A*, или от индивидуальной цены производства продукта этих последующих затрат, по сравнению с регулирующей ценой.

Из предыдущего прежде всего следует:

Во-первых. До тех пор, пока дополнительные капиталы затрачиваются на одной и той же земле с добавочной производительностью, хотя бы и уменьшающейся, рента с акра, как хлебная, так и денежная, абсолютно возрастает, хотя она относительно, по сравнению с авансированным капиталом (следовательно, норма добавочной прибыли или рента), уменьшается. Пределом здесь служит тот дополнительный капитал, который приносит лишь среднюю прибыль, или для продукта которого индивидуальная цена производства совпадает с общей ценой производства. Цена производства при этих условиях остается без изменения, если только производство на худших землях не станет излишним вследствие увеличившегося предложения. Даже при уменьшающихся ценах эти дополнительные капиталы могут в известных пределах все еще производить добавочную прибыль, хотя и менее значительную.

Во-вторых. Затрата дополнительного капитала, который производит только среднюю прибыль, и добавочная производительность которого, следовательно, = 0, ничего не изменяет в высоте образовавшейся добавочной прибыли, а потому и ренты. Индивидуальная средняя цена квартера на лучших землях вследствие этого возрастает, избыток, получаемый с квартера, уменьшается, но число квартеров, дающих такой уменьшенный избыток, увеличивается, так что произведение не изменяется.

В-третьих. Дополнительные затраты капитала, которые приносят продукт с индивидуальной ценой производства, превышающей регулирующую цену, следовательно, добавочная производительность которых не только = 0, но менее нуля, минус, т. е. ниже, чем производительность равной затраты капитала на регулирующей земле *A*, — такая дополнительная затрата все более приближает индивидуальную среднюю цену всего продукта на лучших землях к общей цене производства, следовательно, все более уменьшает между ними разницу, которая образует добавочную прибыль, соответственно, ренту. Все бо́льшая и бо́льшая часть того, что раньше образовало добавочную прибыль или ренту, входит в образование средней прибыли. Тем не менее, весь капитал, затраченный на акр земли *B*, продолжает приносить добавочную прибыль, хотя она уменьшается вместе с увеличением массы капитала недостаточной производительности и с увеличением степени

этой недостаточной производительности. При возрастающем капитале и увеличивающемся производстве рента, получаемая с акра, уменьшается здесь абсолютно, а не только относительно, по сравнению с возрастающим размером затраченного капитала, как во втором случае.

Уничтожиться рента может только в том случае, если индивидуальная средняя цена производства всего продукта на лучшей земле *B* совпадает с регулирующей ценой, следовательно, если вся добавочная прибыль первых, более производительных затрат капитала пойдет на образование средней прибыли.

Крайним пределом уменьшения ренты с акра является тот пункт, на котором она исчезает. Но этот предел наступает не тотчас после того, как дополнительные затраты капитала начинают производить с недостаточной производительностью, а после того, как дополнительная затрата капитала с недостаточной производительностью приобретает такие размеры, что ее влияние уничтожает избыточную производительность первых затрат капитала, и производительность всего затраченного капитала становится равной производительности капитала, затраченного на *A*, а потому индивидуальная средняя цена квартера с *B* становится равной индивидуальной средней цене квартера с *A*.

Но и в этом случае регулирующая цена производства в 3 ф. ст. с квартера не изменилась бы, хотя рента и исчезла бы. Только за этим пределом цена производства должна была бы повыситься вследствие увеличения либо степени недостаточной производительности дополнительного капитала, либо величины самого дополнительного капитала при той же степени недостаточной производительности. Если бы, напр., выше в таблице на стр. 744 на той же земле производилось по 4 ф. ст. $2^1/_2$ квартера вместо $1^1/_2$ квартеров, то мы имели бы в общем 7 квартеров, вся цена производства которых равнялась бы 22 ф. ст.; квартер стоил бы $3^1/_7$ ф. ст.; т. е. он стоил бы на $^1/_7$ ф. ст. дороже общей цены производства, и последняя должна была бы повыситься.

Таким образом еще долгое время можно было бы затрачивать дополнительный капитал с недостаточной производительностью и даже с такой, степень которой все увеличивается, пока индивидуальная средняя цена квартера на лучших земельных участках не станет равна общей цене производства, пока не исчезнет совершенно избыток последней над первой, а вместе с тем и добавочная прибыль и рента.

Даже и в этом случае с исчезновением ренты с лучших земель индивидуальная средняя цена их продукта только совпала бы с общей ценой производства, следовательно, все еще не потребовалось бы повышения этой последней.

В вышеприведенном примере на лучшей земле *B*, находящейся, однако, на последнем месте в ряду лучших или приносящих

ренту земель, $3^1/_2$ квартера производятся при помощи капитала в 5 ф. ст., обладающего добавочной производительностью, и $2^1/_2$ квартера производятся при помощи капитала в 10 ф. ст., обладающего недостаточной производительностью, в общей сложности 6 квартеров, следовательно, $^5/_{12}$ этого количества производится при помощи этих последних частей капитала, затраченных с недостаточной производительностью. И только в этом пункте индивидуальная средняя цена производства 6 квартеров повышается до 3 ф. ст. за квартер, следовательно, совпадает с общей ценой производства.

Но при законе собственности на землю последние $2^1/_2$ квартера не могли бы быть произведены подобным образом по 3 ф. ст. за квартер, исключая тот случай, когда они могли бы быть произведены на $2^1/_2$ новых акрах сорта земли *А*. Случай, когда дополнительный капитал производит уже только по общей цене производства, явился бы пределом. За ним должны прекратиться дополнительные затраты капитала на одной и той же земле.

В самом деле, раз арендатору пришлось за две первые затраты капитала заплатить $4^1/_2$ ф. ст. ренты, то он должен ее продолжать уплачивать, и каждая затрата капитала, которая произвела бы квартер дороже * 3 ф. ст., повела бы к сокращению его прибыли. Это препятствует уравнению средней цены при недостаточной производительности.

Возьмем этот случай при прежнем примере, когда цена производства на земле *А* в 3 ф. ст. за квартер регулирует цену для земли *В*.

Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Цена производства за кварт. ф. ст.	Продажная цена		Добавочная прибыль ф. ст.	Убыток ф. ст.
					за кварт. ф. ст.	итого ф. ст.		
$2^1/_2$	$^1/_2$	3	2	$1^1/_2$	3	6	3	—
$2^1/_2$	$^1/_2$	3	$1^1/_2$	2	3	$4^1/_2$	$1^1/_2$	—
5	1	6	$1^1/_2$	4**	3	$4^1/_2$	—	$1^1/_2$
5	1	6	1	6	3	3	—	3
15	3	18	—	—	—	18	$4^1/_2$	$4^1/_2$

Цена производства $3^1/_2$ квартеров при двух первых затратах капитала тоже составляет для арендатора 3 ф. ст. за квартер, так

* В изд. 1894 г. — ниже. *Ред.*
** Там же — 3. *Ред.*

как ему приходится уплачивать ренту в $4^1/_2$ ф. ст., причем разница между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства попадает таким образом не в его карман. Следовательно, избыток цены продукта двух первых затрат капитала не может ему послужить возмещением дефицита в продуктах третьей и четвертой затраты капитала.

$1^1/_2$ квартера от затраты капитала 3) стоят фермеру, включая и прибыль, 6 ф. ст.; но при регулирующей цене в 3 ф. ст. за квартер он может продать их лишь за $4^1/_2$ ф. ст. Следовательно, он потерял бы не только всю прибыль, но сверх того $^1/_2$ ф. ст., или 10% затраченного капитала в 5 ф. ст. Его потеря в прибыли и капитале при затрате капитала 3) равнялась бы $1^1/_2$ ф. ст., а при затрате капитала 4) — 3 ф. ст., итого $4^1/_2$ ф. ст., ровно столько, сколько составляет рента от более производительных затрат капитала; индивидуальная цена производства, получающаяся при этих более производительных затратах, именно потому не может оказать уравнивающего влияния на индивидуальную среднюю цену производства всего продукта земли *B*, что избыток ее приходится выплатить в виде ренты третьему лицу.

Если бы для удовлетворения спроса пришлось произвести дополнительные $1^1/_2$ квартера при помощи третьей затраты капитала, то регулирующая рыночная цена должна была бы подняться до 4 ф. ст. за квартер. Вследствие такого вздорожания регулирующей рыночной цены рента на земле *B* для первой и второй затраты капитала повысилась бы, а на земле *A* образовалась бы рента.

Итак, хотя дифференциальная рента есть лишь формальное превращение добавочной прибыли в ренту и хотя собственность на землю дает здесь собственнику лишь возможность переместить добавочную прибыль из рук арендатора в свои, тем не менее оказывается, что последовательная затрата капитала на одну и ту же земельную площадь или, что сводится к тому же, увеличение капитала, затраченного на одной и той же земельной площади, при убывающей норме производительности капитала и неизменяющейся регулирующей цене, гораздо скорее доходит до возможного предела, следовательно, достигает в действительности более или менее искусственной границы как раз вследствие этого формального превращения добавочной прибыли в земельную ренту, являющегося следствием земельной собственности. Таким образом повышение общей цены производства, которое становится необходимым при более тесных пределах, чем это было бы при иных условиях, не только служит здесь причиной повышения дифференциальной ренты, но самое существование дифференциальной ренты как таковой является в то же время причиной того, что общая цена производства раньше и быстрее повышается, дабы таким образом обеспечить сделавшееся необходимым увеличенное предложение продукта.

Необходимо далее заметить следующее:

Дополнительная затрата капитала на земле *B* не могла бы повысить регулирующей цены до 4 ф. ст., как в приведенном выше примере, если бы земля *A* в результате второй затраты капитала доставляла добавочный продукт дешевле 4 ф. ст., или если бы в конкуренции стала участвовать новая, худшая, чем *A*, земля, цена производства на которой хотя и выше 3, но ниже 4 ф. ст. Таким образом мы видим, как дифференциальная рента I и дифференциальная рента II, в то время как первая является базисом для второй, вместе с тем служат пределом друг для друга, благодаря чему то производится последовательная затрата капитала на одном и том же земельном участке, то производится затрата капитала одна подле другой на новой дополнительной земле. Точно так же они ограничивают друг друга и в иных случаях, когда, напр., очередь доходит до лучших земель.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА И С НАИХУДШЕЙ ИЗ ВОЗДЕЛЫВАЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ.

Предположим, что спрос на хлеб повышается и что предложение может быть покрыто лишь посредством последовательных затрат капитала с недостаточной производительностью на земли, приносящие ренту, или посредством дополнительной затраты капитала, тоже с убывающей производительностью, на землю *A*, или посредством затраты капитала на новые земли худшего качества, чем *A*.

Возьмем землю *B* в качестве представительницы земель, приносящих ренту.

Дополнительная затрата капитала требует повышения рыночной цены выше 3 ф. ст. за квартер, которые до сих пор были регулирующей ценой, чтобы на земле *B* возможно было дополнительное производство 1 квартера (который может представлять здесь 1 млн. квартеров, как каждый акр — 1 млн. акров). На землях *C* и *D* и т. д., на сортах земли с наивысшей рентой, тоже может быть получен дополнительный продукт, но лишь с убывающей добавочной производительной силой; однако предполагается, что 1 квартер с земли *B* необходим для удовлетворения спроса. Если этот один квартер можно дешевле произвести посредством дополнительного капитала на *B*, чем посредством равной затраты дополнительного капитала на *A*, или чем спускаясь к земле *A* — 1, которая, напр., может произвести квартер лишь за 4 ф. ст., между тем как дополнительный капитал на *A* мог бы произвести квартер уже за $3^3/_4$ ф. ст., то дополнительный капитал, затраченный на *B*, стал бы регулировать рыночную цену.

Земля *A* попрежнему произвела 1 квартер за 3 ф. ст. Земля *B* тоже, как и раньше, произвела в общей сложности $3^1/_2$ квартера, индивидуальная цена производства которых составляет в итоге 6 ф. ст. Теперь, если бы на земле *B* потребовалась дополнительная затрата в 4 ф. ст. цены производства (включая и прибыль), чтобы произвести один новый квартер, между тем как на *A* его можно произвести за $3^3/_4$ ф. ст., то, само собою разумеется, он был бы

произведен на *A*, а не на *B*. Итак, предположим, что он может быть произведен на *B* при дополнительной цене производства в $3^1/_2$ ф. ст. В этом случае $3^1/_2$ ф. ст. сделались бы регулирующей ценой для всего производства. Тогда *B* продал бы свой теперешний продукт в $4^1/_2$ квартера за $15^3/_4$ ф. ст. Из этого на цену производства первых $3^1/_2$ квартеров приходится 6 ф. ст. и на последний квартер — $3^1/_2$ ф. ст., итого $9^1/_2$ ф. ст. Остается добавочная прибыль для ренты $= 6^1/_4$ ф. ст., между тем как раньше она была всего $4^1/_2$ ф. ст. В этом случае акр земли *A* тоже принес бы ренту в $^1/_2$ ф. ст., но цену производства в $3^1/_2$ ф. ст. стала бы регулировать не наихудшая земля *A*, а сравнительно лучшая земля *B*. При этом, конечно, предполагается, что новая земля качества *A*, такого же удобного положения, как возделывавшаяся до сих пор, недоступна и что пришлось бы сделать вторую затрату капитала на уже возделываемом участке *A*, но при большей цене производства, или пришлось бы обратиться к еще худшей земле *A* — 1. Как только последовательные затраты капитала приводят в действие дифференциальную ренту II, пределы повышающейся цены производства могут регулироваться лучшей землей, и худшая земля, базис дифференциальной ренты I, может тогда тоже приносить ренту. Таким образом и при наличии одной лишь дифференциальной ренты все возделываемые земли стали бы тогда приносить ренту. В таком случае перед нами были бы две следующих таблицы, в которых под ценой производства подразумевается сумма авансированного капитала плюс 20% прибыли, следовательно, на каждые $2^1/_2$ ф. ст. капитала по $^1/_2$ ф. ст. прибыли, итого 3 ф. ст.

Род земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Денежная выручка ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	3	3	0	0
B	1	6	$3^1/_2$	3	$10^1/_2$	$1^1/_2$	$4^1/_2$
C	1	6	$5^1/_2$	3	$16^1/_2$	$3^1/_2$	$10^1/_2$
D	1	6	$7^1/_2$	3	$22^1/_2$	$5^1/_2$	$16^1/_2$
Итого	4	21	$17^1/_2$	—	$52^1/_2$	$10^1/_2$	$31^1/_2$

Таково положение вещей до новой затраты капитала в $3^1/_2$ ф. ст. на *B*, приносящей только 1 квартер. После этой затраты дело обстоит таким образом:

Род земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Денежная выручка ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	$3^1/_2$	$3^1/_2$	$^1/_7$	$^1/_2$
B	1	$9^1/_2$	$4^1/_2$	$3^1/_2$	$15^3/_4$	$1^{11}/_{14}$	$6^1/_4$
C	1	6	$5^1/_2$	$3^1/_2$	$19^1/_4$	$3^{11}/_{14}$	$13^1/_4$
D	1	6	$7^1/_2$	$3^1/_2$	$26^1/_4$	$5^{11}/_{14}$	$20^1/_4$
Итого	4	$24^1/_2$	$18^1/_2$	—	$64^3/_4$	$11^1/_2$	$40^1/_4$

{Это опять не совсем верно вычислено. Арендатору *B* производство этих $4^1/_2$ квартеров обходится, во-первых, в $9^1/_2$ ф. ст. цены производства и, во-вторых, в $4^1/_2$ ф. ст. ренты, итого в 14 ф. ст.; в среднем за квартер $= 3^1/_9$ ф. ст. Эта средняя цена для всего его производства становится таким образом регулирующей рыночной ценой. Поэтому рента на *A* составила бы $^1/_9$ ф. ст. вместо $^1/_2$ ф. ст., а рента на *B* осталась бы попрежнему $4^1/_2$ ф. ст.; $4^1/_2$ квартера по $3^1/_9$ ф. ст. $=$ 14 ф. ст.; отсюда вычесть $9^1/_2$ ф. ст. всей цены производства, осталось бы на добавочную прибыль $4^1/_2$ ф. ст. Итак, несмотря на то, что числа должны быть изменены, пример показывает, как при посредстве дифференциальной ренты II относительно лучшая земля, уже приносящая ренту, может сделаться регулирующей цену и благодаря этому *вся* земля, в том числе и не приносившая до того времени ренты, может превратиться в приносящую ренту. — *Ф. Э.*}

Хлебная рента должна повыситься, раз повышается регулирующая цена производства хлеба, т. е. раз повышается цена производства квартера хлеба на регулирующей земле, или регулирующая затрата капитала на одном из сортов земли. Это все равно, как если бы все сорта земли сделались менее плодородными и производили бы, напр., на каждые $2^1/_2$ ф. ст. новых затрат капитала всего по $^5/_7$ квартера вместо 1 квартера. Весь тот избыток хлеба, который они производят при той же затрате капитала, превращается в добавочный продукт, которым представлена добавочная прибыль, а потому и рента. Если предположить, что норма прибыли остается прежняя, то фермер мог бы купить на свою прибыль меньшее количество хлеба. Норма прибыли может остаться прежняя, если заработная плата не повысится, — потому ли, что ее снизили до физического минимума, т. е. ниже нормальной стоимости рабочей силы; потому ли, что сравнительно дешевле стали другие предметы потребления рабочих, доставляемые мануфактурой; потому ли, что рабочий день удлинен или сделался интенсивнее и

вследствие этого норма прибыли в неземледельческих отраслях производства, регулирующая, однако, земледельческую прибыль, осталась прежняя, если не повысилась; или же потому, что хотя в земледелии затрачивается такой же капитал, но больше постоянного и меньше переменного.

Итак, мы рассмотрели первый способ возникновения ренты на земле *A*, — которая до сих пор была наихудшей, — без того, чтобы к возделыванию была привлечена еще худшая земля; именно, возникновение ренты, благодаря разности индивидуальной цены производства на этой земле, которая до сих пор была регулирующей, по сравнению с той новой, более высокой ценой производства, по которой последний дополнительный капитал, затраченный с недостаточной производительной силой на более хорошей земле, доставляет необходимый дополнительный продукт.

Если бы дополнительный продукт пришлось произвести на земле *A* — 1, которая может доставить квартер лишь за 4 ф. ст., то рента с акра на *A* повысилась бы до 1 ф. ст. Но в этом случае земля *A* — 1 передвинулась бы на место *A*, как наихудшая из культивируемых земель, а земля *A* вступила бы как низший член в ряд земель, приносящих ренту. Дифференциальная рента I изменилась бы. Таким образом этот случай лежит за пределами рассматриваемой здесь дифференциальной ренты II, которая возникает из различной производительности последовательных затрат капитала на одной и той же полосе земли.

Но, кроме этого, дифференциальная рента на земле *A* может возникнуть еще двояким способом.

В том случае, когда при неизменяющейся цене, — какова бы она ни была, хотя бы это была понизившаяся по сравнению с прежней цена, — дополнительная затрата капитала создает добавочную производительность, что prima facie до известной границы всегда должно иметь место как раз на наихудшей земле.

Во-вторых, в том случае, когда производительность последовательных затрат капитала на земле *A*, напротив, понижается.

В обоих случаях предполагается, что увеличение производства диктуется состоянием спроса.

Но здесь с точки зрения дифференциальной ренты выступает особое затруднение в связи с ранее выведенным законом, согласно которому общую цену производства для всей продукции (или для всей затраты капитала) всегда определяет индивидуальная средняя цена производства одного квартера. Ведь для земли *A*, в противоположность лучшим сортам земли, цена производства, которая ограничивает для новых затрат капитала уравнение индивидуальной с общей ценой производства, дана не извне. Ибо как раз индивидуальная цена производства на *A* и есть та самая общая цена производства, которая регулирует рыночную цену.

Предположим:

1) *При повышающейся производительной силе последовательных затрат капитала* на 1 акре земли *A*, авансировав капитал в 5 ф. ст., что соответствует 6 ф. ст. цены производства, можно произвести 3 вместо 2 квартеров. Первая затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст. доставляет 1 квартер, вторая — 2 квартера. В этом случае 6 ф. ст. всей цены производства дают 3 квартера, следовательно, квартер будет стоить в среднем 2 ф. ст.; таким образом если 3 квартера будут проданы по 2 ф. ст., то *A* попрежнему не принесет ренты, но изменится лишь основа дифференциальной ренты II; регулирующей ценой производства сделались 2 ф. ст. вместо 3 ф. ст.; на наихудшей земле капитал в $2^1/_2$ ф. ст. производит теперь в среднем $1^1/_2$ вместо 1 квартера, и это теперь официальное плодородие для всех земель более высокого качества при затрате в $2^1/_2$ ф. ст. С этого времени часть их прежнего добавочного продукта входит в образование их необходимого продукта, подобно тому как часть их прежней добавочной прибыли — в образование средней прибыли.

Если, напротив, произвести расчет таким способом, как на лучших землях, где средний расчет ничего не изменяет в абсолютной величине добавочной части, потому что для них общая цена производства дана как граница затраты капитала, то квартер от первой затраты капитала стоит 3 ф. ст., а 2 квартера от второй затраты — всего по $1^1/_2$ ф. ст. Таким образом на *A* возникла бы хлебная рента в 1 квартер и денежная рента в 3 ф. ст., но эти 3 квартера продавались бы по старой цене — за 9 ф. ст. Если бы последовала третья затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст. с такой же продуктивностью, как вторая, то были бы произведены теперь в общей сложности 5 квартеров за 9 ф. ст. цены производства. Если бы индивидуальная средняя цена производства на *A* осталась регулирующей, то квартер пришлось бы теперь продавать по $1^4/_5$ ф. ст. Средняя цена опять понизилась бы не вследствие нового повышения производительности третьей затраты капитала, а лишь вследствие прибавления новой затраты капитала с такой же дополнительной производительностью, как вторая. Вместо того чтобы повысить ренту, как это было бы на землях, приносящих ренту, последовательные затраты капитала относительно более высокой, но неизменяющейся производительности, сделанные на земле *A*, соответственно понизили бы цену производства, а вместе с тем при прочих равных условиях и дифференциальную ренту на всех других сортах земли. Напротив, если бы первая затрата капитала, которая производит 1 квартер за 3 ф. ст. цены производства, осталась регулирующей сама по себе, то 5 квартеров были бы проданы за 15 ф. ст., и дифференциальная рента от позднейших затрат капитала на земле *A* составила бы 6 ф. ст. Присоединение дополнительного капитала к акру земли *A*, в какой бы форме ни совершилось

оно, было бы в этом случае улучшением, и дополнительный капитал сделал бы более производительной и первоначальную часть капитала. Было бы бессмыслицей сказать, что $^1/_3$ капитала произвела 1 квартер, а остальные $^2/_3$ произвели 4 квартера. 9 ф. ст. на акр все же производили бы 5 квартеров, между тем как 3 ф. ст. производят только 1 квартер. Возникла ли бы здесь рента, добавочная прибыль, или нет, — это всецело зависело бы от обстоятельств. Нормально регулирующая цена производства должна была бы понизиться. Так будет при том условии, если это улучшенное, а потому сопряженное с увеличенными издержками возделывание имеет место на земле *A* лишь потому, что оно имеет место и на лучших сортах земли — значит, общая революция в земледелии; и если теперь идет речь о естественном плодородии земли *A*, то уже подразумевается, что на нее затрачено 6 или 9 ф. ст. вместо 3 ф. ст. Это в особенности бывает, когда обработке по новому методу подвергается бо́льшая часть возделанных акров земли *A*, доставляющая в данной стране основную массу подвоза. Но если бы улучшение охватило сначала лишь небольшую долю площади *A*, то эта лучше возделываемая часть стала бы доставлять добавочную прибыль, которую землевладелец, не теряя времени, постарался бы превратить целиком или отчасти в ренту и фиксировать как ренту. Таким образом, если бы спрос шел в ногу с растущим предложением, то постепенно, по мере того, как земля *A* во всей своей площади мало-помалу подвергается новому методу обработки, могла бы образоваться рента на всей земле качества *A*, и добавочная производительность, вся или отчасти, смотря по условиям рынка, оказалась бы конфискованной. Следовательно, уравнение цены производства на *A* по средней цене продукта, получаемого с *A* при увеличении затрат капитала, могло бы задерживаться фиксированием в форме ренты той добавочной прибыли, которая получается от этой увеличенной затраты капитала. В этом случае опять, как мы это видели раньше на лучших землях при убывающей производительной силе дополнительных капиталов, превращение добавочной прибыли в земельную ренту, т. е. вмешательство земельной собственности, повысило бы цену производства, так что дифференциальная рента не была бы просто следствием различий между индивидуальной и общей ценой производства. Это воспрепятствовало бы совпадению обеих цен для земли *A*, потому что воспрепятствовало бы регулированию цены производства средней ценой производства на *A*; следовательно, оно удержало бы цену производства на более высоком уровне, чем это необходимо, и таким образом создало бы ренту. Такой результат мог бы сложиться или удержаться даже при свободном ввозе хлеба из-за границы, потому что той земле, которая, не принося ренты, могла бы выдержать конкуренцию в возделывании хлеба и в том случае, если цена производства определяется извне, фермеры теперь были

бы вынуждены дать другое назначение, напр. отвести ее под выпас скота, и таким образом возделыванием хлеба были бы заняты лишь земли, приносящие ренту, то есть лишь земли, на которых индивидуальная средняя цена производства за квартер стоит ниже цены производства, определяемой извне. В общем можно принять, что в данном случае цена производства понизится, однако, не до уровня средней цены, и будет стоять выше его, но ниже цены производства на хуже возделываемой земле A, так что конкуренции новой земли A ставится предел.

2) *При убывающей производительной силе дополнительных капиталов.*

Предположим, что земля $A-1$ могла бы произвести дополнительный квартер лишь за 4 ф. ст., а земля A — за $3^3/_4$, т. е. дешевле, чем $A-1$, но на $^3/_4$ ф. ст. дороже, чем квартер, произведенный первой затратой капитала на A. В этом случае совокупная цена двух произведенных на A квартеров была бы $= 6^3/_4$ ф. ст.; следовательно, средняя цена за квартер $= 3^3/_8$ ф. ст. Цена производства повысилась бы, но всего на $^3/_8$ ф. ст., между тем как если бы дополнительный капитал был затрачен на новой земле, которая производит квартер за $3^3/_4$ ф. ст., она повысилась бы еще на $^3/_8$ ф. ст., до $3^3/_4$ ф. ст., и этим было бы вызвано соответствующее повышение всех остальных дифференциальных рент.

Цена производства в $3^3/_8$ ф. ст. за квартер на земле A таким образом уравнялась бы по средней цене производства на той же земле при увеличившейся затрате капитала и стала бы регулирующей; следовательно, здесь не получилось бы ренты, потому что не было бы добавочной прибыли.

Но если бы этот квартер, произведенный второй затратой капитала, был продан за $3^3/_4$ ф. ст., то земля A дала бы теперь ренту в $^3/_4$ ф. ст., и притом на все акры A, на которых не было бы сделано дополнительной затраты капитала и которые, следовательно, попрежнему производят квартер за 3 ф. ст. Пока существуют еще невозделанные пространства земли A, цена могла бы лишь временно повыситься до $3^3/_4$ ф. ст. Конкуренция новых участков A удерживала бы цену производства на 3 ф. ст., пока не была бы исчерпана вся та земля A, которой благоприятное положение позволяет производить квартер дешевле, чем за $3^3/_4$ ф. ст. Следовательно, приходится делать это допущение, хотя, раз один акр земли приносит ренту, собственник земли не уступит фермеру другого акра без ренты.

Уравнится ли цена производства по средней цене или же регулирующей сделается $3^3/_4$ ф. ст., индивидуальная цена производства при второй затрате капитала зависит опять-таки от более или менее всеобщего распространения второй затраты капитала на имеющейся земле A. Регулирующей ценой становится $3^3/_4$ ф. ст. только в том случае, если землевладелец успеет, пока не будет

удовлетворен спрос, фиксировать в качестве ренты ту добавочную прибыль, которая получалась бы при цене в $3^3/_4$ ф. ст. за квартер.

О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха. Мы видели, что последовательное уменьшение добавочной производительной силы затрат капитала постоянно увеличивает ренту с акра, при неизменяющейся цене производства, и что оно может привести к этому даже при понижающейся цене производства.

Но вообще должно заметить следующее.

С точки зрения капиталистического способа производства всегда имеет место относительное удорожание продуктов, если для получения того же продукта делается затрата, если должно оплачиваться нечто такое, что̀ прежде не оплачивалось. Ибо под возмещением капитала, потребленного в производстве, следует понимать только возмещение стоимостей, которые представлены в определенных средствах производства. Элементы природы, входящие в производство как агенты его, ничего не стоя, — эти элементы, какую бы роль ни играли они в производстве, входят в него не как составные части капитала, а как даровая естественная сила капитала, т. е. даровая естественная производительная сила труда, которая на базисе капиталистического способа производства выступает, однако, подобно всякой производительной силе, как производительная сила капитала. Следовательно, если в производстве принимает участие такая естественная сила, которая первоначально ничего не стоит, то она не входит в расчет при определении цены, пока продукт, изготовляемый при ее помощи, достаточен для удовлетворения потребности. Но если в ходе развития потребуется больше продукта, чем можно изготовить с помощью этой естественной силы, т. е. если придется производить этот дополнительный продукт без помощи этой естественной силы, или при посредстве содействия человека, человеческого труда, то в капитал войдет новый дополнительный элемент. Следовательно, для получения прежнего продукта будет сделана относительно бо̀льшая затрата капитала. При прочих равных условиях произойдет вздорожание производства.

(Из тетради, «начатой в середине февраля 1876 года».)

Дифференциальная рента и рента как просто процент на капитал, вложенный в землю.

Так называемые прочные мелиорации, — которые изменяют физические, отчасти и химические свойства почвы посредством операций, сто̀ящих затраты капитала, и которые могут рассматриваться как присоединение капитала к земле, — почти все сводятся

к тому, чтобы определенному участку земли, земле в определенном ограниченном месте придать такие свойства, которыми другая почва, в другом месте, зачастую совсем близко, обладает от природы. Одна земля нивелирована от природы, другую приходится нивелировать; одна обладает естественными стоками для воды, другая требует искусственного дренажа; одна от природы обладает глубоким пахотным слоем, на другой его необходимо углубить искусственно; одна глинистая почва от природы смешана с надлежащим количеством песка, у другой еще необходимо искусственно создать надлежащее отношение; один луг орошается от природы или покрывается илом, на другом этого приходится достигать посредством труда, или, говоря языком буржуазной экономии, посредством капитала.

Поистине забавна теория, согласно которой в этом случае на одной земле, относительные выгоды которой приобретены, рента есть процент, а на другой земле, которая обладает этими преимуществами от природы, не есть процент. (На деле же вопрос извращается таким образом, что раз в одном случае рента действительно совпадает с процентом, ее и в других случаях, когда фактически этого нет, надо называть процентом, ложно представить в виде процента.) Но после того как произведена затрата капитала, земля приносит ренту не потому, что в нее вложен капитал, а потому, что затрата капитала превратила землю в более производительное место для вложений, чем до этого. Предположим, что вся земля известной страны требует такой затраты капитала; в таком случае каждому участку земли, на котором она еще не была сделана, предстоит пройти эту стадию, и рента (процент, который участок в данном случае приносит), которую дает земля, уже получившая такую затрату капитала, точно так же является дифференциальной рентой, как если бы эта земля от природы обладала этим преимуществом, а остальной земле приходилось бы приобретать его лишь искусственным способом.

И эта сводимая к проценту рента становится чистой дифференциальной рентой, как только затраченный капитал будет амортизован. Иначе оказалось бы, что один и тот же капитал как капитал существует вдвойне.

Одно из самых забавных явлений заключается в том, что все противники Рикардо, оспаривающие определение стоимости исключительно трудом, выдвигают против объяснения дифференциальной ренты различием между землями то обстоятельство, что здесь стоимость определяется природой, а не трудом; и в то же время приписывают это определение положению или — и в еще большей мере — даже проценту на капитал, вложенный при возделывании в землю. Один и тот же труд создает одинаковую стоимость для

продукта, изготовленного в течение данного времени; но величина или количество этого продукта, а потому и та часть стоимости, которая приходится на соответственную часть этого продукта, зависит при данном количестве труда единственно от количества продукта, а последнее, в свою очередь, от производительности данного количества труда, не от абсолютной величины этого количества. Обязана ли эта производительность своим происхождением природе или обществу, совершенно безразлично. Только в том случае, когда она сама сто̀ит труда, следовательно, капитала, она увеличивает цену производства новой составной частью, чего природа сама по себе не делает.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ.

АБСОЛЮТНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА.

При анализе дифференциальной ренты мы исходили из предположения, что наихудшая земля не уплачивает земельной ренты или, выражаясь более обще, что земельную ренту уплачивает только такая земля, на которой индивидуальная цена производства ниже цены производства, регулирующей рынок, благодаря чему возникает добавочная прибыль, которая превращается в ренту. Необходимо прежде всего заметить, что закон дифференциальной ренты как дифференциальной ренты совершенно не зависит от правильности или неправильности этого предположения.

Если общую, регулирующую рынок цену производства мы обозначим посредством P, то P для продукта наихудшего сорта земли A совпадает с индивидуальной ценой производства на этой земле; т. е. цена оплачивает потребленный в производстве постоянный и переменный капитал плюс средняя прибыль (= предпринимательскому доходу плюс процент).

Рента в этом случае равна нулю. Индивидуальная цена производства ближайшего по качеству из лучших родов почвы $B = P'$, и $P > P'$; т. е. P оплачивает более чем действительную цену производства продукта на классе земли B. Пусть теперь $P - P' = d$; поэтому d, избыток P над P', есть та добавочная прибыль, которую добывает фермер этого класса B. Это d превращается в ренту, которую приходится уплачивать собственнику земли. Пусть для третьего класса земли C действительной ценой производства будет P'', и пусть $P - P'' = 2d$; следовательно, эти $2d$ превращаются в ренту; точно так же для четвертого класса D индивидуальная цена производства пусть будет P''', а $P - P''' = 3d$, которые превращаются в земельную ренту, и т. д. Допустим теперь, что предположение, будто для класса земли A рента $= 0$, а потому цена ее продукта $= P + 0$, ошибочно. Пусть, напротив, и она дает ренту $= r$. В таком случае вытекают следствия двоякого рода.

Во-первых: цена продукта земли класса A не регулировалась бы ценой производства на этой земле, а содержала бы некоторый избыток над этой ценой, была бы равна $P + r$. Ибо раз предполагается нормальный ход капиталистического производства, т. е.

раз предполагается, что излишек r, уплачиваемый фермером земельному собственнику, не представляет вычета ни из заработной платы, ни из средней прибыли на капитал, то фермер может выплачивать его лишь благодаря тому, что его продукт продается дороже цены производства, что он, следовательно, дал бы ему добавочную прибыль, если бы не приходилось отдавать этот излишек в форме ренты земельному собственнику. В таком случае регулирующая рыночная цена всего находящегося на рынке продукта всех сортов земли была бы не той ценой производства, которую дает капитал вообще во всех сферах производства, т. е. не ценой, равной издержкам плюс средняя прибыль, но была бы ценой производства плюс рента, $P+r$, не P. Ибо цена продукта класса A выражает вообще предел регулирующей общей рыночной цены, той цены, по которой может быть доставлен весь продукт, и постольку она регулирует цену этого совокупного продукта.

Однако, *во-вторых,* хотя общая цена продукта земли подверглась бы в этом случае существенной модификации, этим отнюдь не был бы снят закон дифференциальной ренты. Ибо, если цена продукта класса A, а тем самым и общая рыночная цена $= P+r$, то цена классов B, C, D и т. д. тоже была бы $= P+r$. Но так как для класса B $P - P' = d$, то $(P+r) - (P'+r)$ тоже было бы $= d$, а для C, в свою очередь, $P - P'' = (P+r) - (P''+r)$ было бы $= 2d$, как, наконец, для D, $P - P''' = (P+r) - (P'''+r) = 3d$ и т. д. Итак, дифференциальная рента осталась бы прежняя и регулировалась бы все тем же законом, хотя рента заключала бы теперь в себе элемент, независимый от этого закона, и одновременно с ценой продукта земли подверглась бы общему повышению. Отсюда следует, что как бы ни обстояло дело с рентой наименее плодородных видов почвы, от этого не только не зависит закон дифференциальной ренты, но единственный способ понять самую дифференциальную ренту в соответствии с ее характером заключается в том, чтобы ренту класса земли A приравнять нулю. Действительно ли она $= 0$ или > 0, безразлично, поскольку речь идет о дифференциальной ренте, и в самом деле не принимается во внимание.

Итак, закон дифференциальной ренты не зависит от результата дальнейшего исследования.

Теперь, если спросить далее, на чем собственно основывается предположение, что продукт земли наихудшего класса не дает ренты, то ответ необходимо гласит так: Если рыночная цена продукта земли, скажем хлеба, достигает такого уровня, что для дополнительно авансированного капитала A, затраченного на класс земли A, она оплачивает обычную цену производства, т. е. дает капиталу обычную среднюю прибыль, то этого условия достаточно для того чтобы на классе земли A мог быть затрачен дополнительный капитал. Т. е. для капиталиста достаточно этого

условия, чтобы вложить с обычной прибылью и использовать нормальным способом новый капитал.

Здесь следует заметить, что и в этом случае рыночная цена должна стоять выше, чем цена производства на *A*. Потому что раз создается дополнительное предложение, отношение спроса и предложения, очевидно, изменится. Прежде предложение было недостаточно, теперь оно достаточно. Следовательно, цена должна понизиться. Но чтобы она могла понизиться, для этого требуется, чтобы она раньше стояла на более высоком уровне, чем цена производства на *A*. Но меньшее плодородие класса *A*, вновь вступающего под обработку, приводит к тому, что цена не упадет вновь до такого низкого уровня, как в то время, когда рынок регулировала цена производства класса *B*. Цена производства на *A* образует границу не для временного, а для относительно прочного повышения рыночной цены. — Напротив, если вновь возделываемая земля плодороднее, чем класс *A*, который был до того времени регулирующим, и, однако, ее достаточно лишь для покрытия дополнительного спроса, то рыночная цена остается без изменения. Исследование вопроса, приносит ли ренту низший класс земли, и в этом случае совпадает с тем, которым мы заняты теперь: и здесь предположение, что класс земли *A* не приносит ренты, объяснялось бы достаточностью рыночной цены как раз для того, чтобы капиталистический фермер мог покрыть ею примененный капитал плюс средняя прибыль; короче говоря, такое предположение объяснялось бы тем, что рыночная цена дает ему цену производства его товара.

Во всяком случае капиталистический арендатор, поскольку он должен поступать как капиталист, может при этих условиях возделывать землю класса *A*. Итак, условие для нормального использования капитала на земле *A* имеется в наличности. Но из той посылки, что капитал мог бы быть вложен фермером в землю *A* в соответствии с средними условиями возрастания капитала, хотя он не мог бы платить ренту, отнюдь не следует заключение, что эта принадлежащая классу *A* земля так и будет без дальнейших околичностей предоставлена в распоряжение арендатора. То обстоятельство, что арендатор мог бы использовать свой капитал с обычной прибылью, если ему не придется платить ренту, в глазах земельного собственника вовсе не основание для того, чтобы даром предоставить свою землю арендатору и проявить такое филантропическое отношение к своему деловому другу, чтобы ввести crédit gratuit [даровой кредит]. Подобное предположение означает абстрагирование от земельной собственности, уничтожение земельной собственности, существование которой как раз и образует границу для затраты капитала и для свободного применения его к земле, — границу, которая отнюдь не рушится от одного простого соображения арендатора, что, если бы ему не пришлось уплачивать

ренту, т. е. если бы он мог на практике считать земельную собственность несуществующей, состояние хлебных цен позволило бы ему извлечь из своего капитала посредством эксплуатации земли *A* обычную прибыль. Но монополия земельной собственности, земельная собственность как граница капитала предполагается уже дифференциальной рентой, так как без этого добавочная прибыль не превратилась бы в земельную ренту и не досталась бы земельному собственнику вместо арендатора. И земельная собственность как граница продолжает существовать и там, где дифференциальная рента отпадает, т. е. на земле *A*. Если мы рассмотрим случаи, когда в стране капиталистического производства капитал может вкладываться в землю без платежа ренты, то мы найдем, что все они предполагают, если не юридическое, то фактическое уничтожение собственности на землю, уничтожение, которое, однако, может произойти лишь при совершенно определенных и случайных по своему характеру обстоятельствах.

Во-первых, когда сам земельный собственник — капиталист, или сам капиталист — земельный собственник. Если рыночная цена поднялась достаточно для того чтобы на той земле, которая является теперь землей вида *A*, можно было выручить цену производства, т. е. возмещение капитала плюс средняя прибыль, то он может в этом случае *сам вести хозяйство* на своем участке земли. Но почему? Потому, что по отношению к нему земельная собственность не создает какой-либо границы для приложения его капитала. Он может распоряжаться землей просто как элементом природы и потому может руководствоваться единственно соображениями об использовании своего капитала, капиталистическими соображениями. Такие случаи встречаются на практике, но только как исключения. Так же, как капиталистическое возделывание земли предполагает разделение функционирующего капитала и земельной собственности, совершенно так же оно исключает, как правило, ведение хозяйства самим земельным собственником. Сразу видно, что это совершенно случайно. Если увеличившийся спрос на хлеб требует возделывания большего количества земли *A*, чем ее имеется у собственников, которые сами ведут хозяйство, т. е. если часть земли *A* должна быть заарендована для того чтобы она вообще могла обрабатываться, тогда тотчас же отпадает гипотетическое понимание той границы, которую земельная собственность создает для приложения капитала. Получается плоское противоречие, когда исходят из соответствующего капиталистическому способу производства обособления капитала и земли, арендатора и земельного собственника, а потом, наоборот, предполагают, что, как правило, сами земельные собственники ведут хозяйство в полном объеме во всех тех случаях, когда капитал, если бы независимо от него и противостоя ему не существовало никакой земельной собственности, не извлекал бы из возделывания

земли никакой ренты. (См. у А. Смита место о ренте с рудников, цитированное значительно ниже*.) Это уничтожение земельной собственности имеет случайный характер. Оно может произойти и не произойти.

Во-вторых: в составе арендуемых земель могут быть такие отдельные участки земли, которые при данном уровне рыночных цен не приносят ренты, следовательно, фактически сдаются даром, но которые земельный собственник не считает таковыми, потому что он видит общую сумму ренты с земли, сдаваемой в аренду, а не особые ренты составляющих ее отдельных участков. В этом случае для фермера, поскольку дело касается тех входящих в арендуемую землю участков, которые не приносят ренты, земельная собственность как граница приложения капитала отпадает и притом отпадает в силу самого договора с земельным собственником. Но он не платит ренты за эти участки только потому, что он платит ренту за землю, к которой они образуют придаток. В этом случае предполагается как раз такая комбинация, когда приходится прибегнуть к более плохому виду почвы *A* не как к самостоятельному, новому полю производства, чтобы восполнить недостающее предложение, а когда, напротив, он составляет лишь неотделимую полосу в лучшей земле. Случай же, который мы должны исследовать, как раз тот, когда приходится самостоятельно вести хозяйство на участках земли *A*, следовательно, при наличности общих предпосылок капиталистического способа производства, чтобы самостоятельно сдавать их в аренду.

В-третьих. Арендатор может затратить дополнительный капитал на прежнюю аренду, хотя при существующих рыночных ценах получаемый таким образом дополнительный продукт доставляет ему лишь цену производства, приносит обычную прибыль, но не дает возможности платить дополнительную ренту. Таким образом на одну часть капитала, вложенного в землю, он уплачивает земельную ренту, на другую — нет. Но насколько мало это предположение разрешает проблему, видно из следующего: если рыночная цена (а также плодородие земли) дает ему возможность получать на дополнительный капитал добавочный продукт, который, подобно старому капиталу, приносит ему кроме цены производства известную добавочную прибыль, то до истечения срока договора об аренде он берет эту добавочную прибыль себе. Но почему? Потому, что пока продолжается срок арендного договора, отпадает образуемая земельной собственностью граница для приложения его капитала к земле. Однако то простое обстоятельство, что для обеспечения ему этой добавочной прибыли необходимо, чтобы дополнительная земля худшего качества самостоятельно подверглась возделыванию и была самостоятельно сдана в аренду,

* Стр. 788 настоящего тома. *Ред.*

неопровержимо доказывает, что затраты дополнительного капитала на старой земле недостаточны для получения необходимого повышенного предложения. Одно предположение исключает другое. Правда, теперь можно было бы сказать: сама рента с наихудшего вида почвы *A* есть дифференциальная рента по сравнению либо с землей, которая возделывается самим собственником (однако это встречается лишь как случайное исключение), либо с дополнительной затратой капитала на тех старых арендных участках, которые не приносят ренты. Но это 1) была бы такая дифференциальная рента, которая возникала бы не из различия плодородия различных сортов земли и которая поэтому *не* предполагала бы, что земля сорта *A* не приносит ренты и что продукт ее продается по цене производства. И 2) то обстоятельство, что дополнительные затраты капитала на том же арендуемом участке приносят или не приносят ренту, так же совершенно безразлично для того обстоятельства, что вновь возделываемая земля класса *A* уплачивает или не уплачивает ренту, как, напр., для учреждения нового самостоятельного фабричного предприятия безразлично, вкладывает ли другой фабрикант той же отрасли предприятий в процентные бумаги часть своего капитала, которую он не может целиком использовать в своем предприятии, или же он производит ряд таких отдельных расширений, которые не приносят ему полной прибыли, но все же дают больше, чем процент. Это для него дело второстепенное. Напротив, дополнительные новые предприятия должны приносить среднюю прибыль и устраиваются в надежде на среднюю прибыль. Конечно, дополнительные затраты капитала на старых арендах и дополнительное возделывание новой земли вида *A* образуют границы одно для другого. Предел, до которого на старой аренде может затрачиваться дополнительный капитал при менее благоприятных условиях производства, дается конкурирующими новыми затратами на земле класса *A*; с другой стороны, рента, которую может приносить земля этого класса, ограничивается конкурирующими дополнительными затратами капитала на старых арендах.

Однако все эти фальшивые увертки не разрешают проблемы, которая в простой постановке такова: предположим, что рыночная цена хлеба (который в этом исследовании является для нас представителем продукта земли вообще) достаточна для того, чтобы под возделывание были взяты части земли класса *A* и чтобы капитал, затраченный на эти новые поля, выручил цену производства продукта, т. е. возмещение капитала плюс средняя прибыль. Итак, предположим, что в наличности имеются условия для нормального возрастания капитала на земле класса *A*. Достаточно ли этого? Действительно ли можно в таком случае затратить этот капитал? Или же рыночная цена должна повыситься настолько, чтобы ренту приносила и наихудшая земля *A*? Т. е. кладет ли

монополия земельного собственника такую границу затрате капитала, которой не было бы с чисто капиталистической точки зрения, если бы не существовало этой монополии? Уже из условий поставленного вопроса вытекает, что, если, напр., на старых арендах существуют дополнительные капиталовложения, которые при данной рыночной цене не приносят никакой ренты, а дают лишь среднюю прибыль, это обстоятельство нисколько не решает вопроса, может ли в действительности быть затрачен капитал на землю класса *A*, которая тоже стала бы приносить среднюю прибыль, но никакой ренты. Но в этом как раз и заключается вопрос. Что дополнительные затраты капитала, не приносящие ренты, не в состоянии удовлетворить спрос, это доказывается необходимостью привлечения новой земли класса *A*. Если дополнительное возделывание земли *A* имеет место лишь постольку, поскольку она приносит ренту, следовательно, излишек над ценой производства, тогда возможны только два случая. Или рыночная цена должна стоять на таком уровне, чтобы даже последние дополнительные затраты капитала на старых арендах приносили добавочную прибыль, будет ли последняя присвоена фермером или землевладельцем. Это повышение цены и эта добавочная прибыль от последней дополнительной затраты капитала были бы следствием того, что земля *A* не может быть возделана, если она не даст ренты. Ибо если бы для возделывания было достаточно только цены производства, одной только средней прибыли, то цена не повысилась бы до такой степени и конкуренция новых участков земли уже началась бы, как только они стали бы приносить одни эти цены производства. В таком случае с дополнительными затратами капитала на старых арендах, не приносящими ренты, стали бы конкурировать затраты капитала на земле *A*, которые тоже не приносят ренты. — Или же последние затраты капитала на старых арендах не приносят ренты, но тем не менее рыночная цена поднялась достаточно высоко для того чтобы земля *A* начала возделываться и приносить ренту. В этом случае дополнительная затрата капитала, не приносящая ренты, возможна лишь потому, что земля *A* не может возделываться, пока рыночная цена не позволит ей приносить ренту. Без последнего условия культура ее началась бы уже при более низком уровне цены, и те позднейшие затраты капитала на старых арендуемых участках, которые, для того чтобы приносить обычную прибыль без ренты, требуют высокой рыночной цены, не могли бы иметь места. Ведь и при высокой рыночной цене они приносят лишь среднюю прибыль. Следовательно, при более низкой цене, которая при культуре земли *A* стала бы регулировать цену производства на ней, они не приносили бы этой прибыли, следовательно, при этом предположении вообще не могли бы быть сделаны. Конечно, рента с земли *A* образовала бы таким образом дифференциальную ренту, по сравнению с этими

затратами капитала на старых арендуемых участках, которые не приносят ренты. Но если участки земли *A* создают такую дифференциальную ренту, это лишь следствие того, что они вообще недоступны для возделывания, если только не станут приносить ренту, т. е. следствие того, что возникает необходимость этой ренты, которая сама по себе не обусловливается какой бы то ни было разницей между сортами земли и которая создает границу для возможного приложения дополнительных капиталов на старых арендах. В обоих случаях рента с земли *A* была бы не простым следствием повышения цены хлеба, а наоборот: то обстоятельство, что наихудшая земля должна приносить ренту для того чтобы ее вообще позволили возделывать, было бы причиной повышения цены хлеба до такого пункта, на котором явится возможность осуществить это условие.

Дифференциальная рента имеет ту особенность, что земельная собственность здесь лишь просто улавливает ту добавочную прибыль, которую иначе захватил бы и, при известных обстоятельствах, пока не истечет срок его арендного договора, действительно захватывает арендатор. Земельная собственность в этом случае — причина лишь перенесения известной части цены товара, части, которая возникает без содействия этой собственности (а вследствие того, что цена производства, регулирующая рыночную цену, определяется конкуренцией) и сводится к добавочной прибыли, — причина перенесения этой части цены от одного лица к другому, от капиталиста к земельному собственнику. Но земельная собственность в этом случае не причина, которой *создается* эта составная часть цены или то повышение цены, которое является предпосылкой этой части цены. Напротив, если наихудшая земля класса *A* не может возделываться, — хотя возделывание ее принесло бы цену производства, — пока она не приносит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является творческой причиной *этого* повышения цены. *Собственность на землю сама создала ренту.* Дело нисколько не изменяется от того, что, как во втором разобранном случае, рента, уплачиваемая теперь с земли *A*, образует дифференциальную ренту, по сравнению с теми последними дополнительными затратами капитала на старых арендах, которые выручают лишь цену производства. Ибо только то обстоятельство, что земля *A* не может быть возделана, пока регулирующая рыночная цена не поднимется настолько высоко, что земля *A* будет в состоянии приносить ренту, — только это обстоятельство и является здесь причиной, почему рыночная цена повышается до пункта, на котором последние затраты капитала на старых арендах выручают, правда, лишь свою цену производства, но такую цену производства, которая в то же время приносит ренту для земли *A*. То обстоятельство, что последняя вообще должна уплачивать ренту, является здесь при-

чиной образования дифференциальной ренты между землей *A* и последними затратами капитала на прежних арендах.

Если мы вообще говорим, что, — предполагая регулирование хлебной цены ценой производства, — земля класса *A* не уплачивает ренты, то мы имеем в виду ренту в категорическом значении слова. Если фермер уплачивает арендную плату, составляющую вычет из нормальной ли заработной платы его рабочих или из его собственной нормальной средней прибыли, то он не уплачивает никакой ренты, никакой самостоятельной составной части цены товара, отличной от заработной платы и прибыли. Уже раньше мы отмечали, что на практике это встречается постоянно. Если заработная плата земледельческих рабочих в известной стране вообще снижена в сравнении с нормальным средним уровнем заработной платы и потому вычет из заработной платы, часть заработной платы, входит, как общее правило, в состав ренты, то это не составит исключения и для арендатора наихудшей земли. В той самой цене производства, которая допускает возделывание наихудшей земли, эта низкая заработная плата уже является одной из образующих статей и потому продажа продукта по цене производства не дает возможности арендатору этой земли уплачивать ренту. Земельный собственник может также сдать свою землю в аренду рабочему, который готов будет все то или бо̀льшую часть того, что доставляет ему продажная цена сверх заработной платы, уплатить другому лицу в форме ренты. Однако во всех этих случаях отнюдь не уплачивается действительная рента, хотя уплачивается арендная плата. Но при существовании отношений, соответствующих капиталистическому способу производства, рента и арендная плата должны совпадать. А здесь мы и должны исследовать как раз это нормальное отношение.

Если даже рассмотренные выше случаи, когда в пределах капиталистического способа производства могут действительно иметь место капиталовложения в земли, не приносящие ренты, — если даже эти случаи ничего не дают для решения нашей проблемы, то еще меньше даст ссылка на колониальные отношения. Что делает колонию колонией, — мы говорим здесь лишь о собственно земледельческих колониях, — так это не только масса плодородных земель, находящихся в естественном состоянии. Нет, колониями делает их скорее то обстоятельство, что эти земли не присвоены, не подчинены земельной собственности. Именно это и составляет такое колоссальное различие между старыми землями и колониями, поскольку дело идет о земле: юридическое или фактическое отсутствие земельной собственности, как справедливо отметил Уэкфильд[35], и уже задолго до него открыли Мирабо-отец, физиократ,

---

[35] *Wakefield:* «England and America», London 1833. Ср. также [«Капитал»], кн. I, гл. XXV.

и другие старые экономисты. При этом совершенно безразлично, присваивают ли колонисты землю просто или же они под видом номинальной цены земли в действительности уплачивают государству всего лишь пошлину за приобретение юридического титула на землю. Безразлично также и то обстоятельство, что уже поселившиеся колонисты являются юридическими собственниками земли. Земельная собственность фактически не представляет здесь границы для приложения капитала, а также труда без капитала; захват части земли уже осевшими колонистами не исключает для новых пришельцев возможности превратить новую землю в сферу приложения их капитала или их труда. Поэтому, когда приходится исследовать, каким образом земельная собственность действует на цены продуктов земли и на ренту в тех случаях, когда эта собственность ограничивает землю как сферу для приложения капитала, было бы в высшей степени плоско ссылаться на свободные буржуазные колонии, где нет ни капиталистического способа производства в земледелии, ни соответствующей ему формы земельной собственности, которая вообще фактически здесь не существует. Так делает, напр., Рикардо в главе о земельной ренте. Вначале он говорит, что намерен исследовать влияние, оказываемое присвоением земли на стоимость продуктов земли, и непосредственно вслед затем берет в качестве иллюстрации колонии, причем предполагает, что земля существует там в сравнительно первобытных условиях и ее эксплуатация не ограничивается монополией земельной собственности.

Одна юридическая собственность на землю не создает земельной ренты для собственника. Но зато она дает ему власть не допускать эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование ее, которое принесет ему известный излишек, найдет ли земля применение для собственно земледелия или для иных производственных целей, как постройки и т. д. Он не может увеличить или уменьшить абсолютного размера этого поля деятельности, но может изменить то количество земли, которое находится на рынке. Отсюда, как уже отметил Фурье, характерный факт, что во всех цивилизованных странах сравнительно значительная часть земли всегда остается без возделывания.

Итак, предполагая такой случай, когда спрос требует распашки новых земель, скажем, менее плодородных, чем возделывавшиеся до того времени, — станет ли земельный собственник сдавать эти земли в аренду даром потому, что рыночная цена продукта земли поднялась достаточно высоко, для того чтобы затрата капитала на эту землю приносила арендатору цену производства, а тем самым обычную прибыль? Отнюдь нет. Затрата капитала должна принести ему ренту. Он сдаст в аренду лишь при том условии, если ему будет уплачиваться арендная плата. Следовательно, ры-

ночная цена должна подняться выше цены производства, до $P+r$, чтобы можно было уплачивать земельному собственнику ренту. Так как, согласно предположению, земельная собственность без сдачи в аренду ничего не приносит, не имеет в экономическом отношении никакой стоимости, то небольшого повышения рыночной цены над ценой производства достаточно для того чтобы двинуть на рынок новую землю наихудшего сорта.

Теперь встает такой вопрос: из того, что наихудшая земля приносит земельную ренту, которая не может быть выведена из различия плодородия, следует ли, что цена продукта земли необходимо является монопольной ценой в обычном значении слова, или ценой, в состав которой входит рента в такой же форме, как налог, с той только разницей, что этот налог взимает земельный собственник, а не государство? Что такой налог имеет свои определенные экономические границы, это само собою разумеется. Он ограничивается дополнительными затратами капитала на прежних арендах, конкуренцией заграничных продуктов земли — предполагается свободный ввоз их — конкуренцией земельных собственников между собою, наконец, потребностью и платежеспособностью потребителей. Но здесь речь идет не об этом. Речь идет о том, входит ли рента, уплачиваемая наихудшей землей, в цену ее продукта, которая, согласно предположению, регулирует общую рыночную цену, — входит ли она таким же образом, как налог в цену товара, обложенного им, т. е. как элемент, не зависимый от стоимости этого товара.

Это отнюдь не необходимый вывод и делался он лишь потому, что до сих пор не было понято различие между стоимостью товаров и их ценой производства. Мы видели, что цена производства известного товара отнюдь не тожественна с его стоимостью, хотя цены производства товаров, рассматриваемые в целом, регулируются только их совокупной стоимостью и хотя движение цен производства отдельных сортов товаров, предполагая все прочие условия неизменными, определяется исключительно движением их стоимостей. Мы показали, что цена производства известного товара может быть выше или ниже его стоимости и лишь в виде исключения совпадает с его стоимостью. Поэтому тот факт, что продукты земли продаются выше их цены производства, отнюдь еще не доказывает, что они продаются выше их стоимости; как тот факт, что промышленные продукты продаются в среднем по их цене производства, отнюдь не доказывает, что они продаются по своей стоимости. Возможно, что земледельческие продукты продаются выше их цены производства и ниже их стоимости, как, с другой стороны, многие промышленные продукты приносят цену производства только потому, что они продаются выше их стоимости.

Отношение цены производства известного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором

переменная часть капитала, произведшего товар, находится к его постоянной части, или органическим строением капитала, которым произведен товар. Если строение капитала в известной сфере производства ниже, чем строение среднего общественного капитала, т. е. если отношение его переменной составной части, затраченной на заработную плату, к его постоянной составной части, затраченной на вещественные условия труда, выше, чем в общественном среднем капитале, то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства. Т. е. такой капитал, применяя относительно больше живого труда, производит при равной эксплуатации труда больше прибавочной стоимости, а потому больше прибыли, чем равновеликая соответственная часть среднего общественного капитала. Поэтому стоимость его продукта будет выше цены его производства, так как эта цена производства равна возмещению капитала плюс средняя прибыль, а средняя прибыль ниже, чем прибыль, произведенная в этом товаре. Прибавочная стоимость, производимая средним общественным капиталом, меньше прибавочной стоимости, производимой капиталом этого низкого строения. Обратное получается в том случае, когда капитал, вложенный в определенную сферу производства, более высокого строения, чем средний общественный капитал. Стоимость произведенных им товаров ниже их цены производства, что представляет общее явление для продуктов наиболее развитых отраслей промышленности.

Если капитал в определенной сфере производства имеет более низкое строение, чем средний общественный капитал, то это прежде всего является лишь иным выражением того факта, что производительная сила общественного труда в этой особой сфере производства ниже среднего уровня, потому что достигнутая ступень производительной силы находит себе выражение в относительном перевесе постоянной части капитала над переменной, или в постоянном уменьшении той составной части данного капитала, которая затрачивается на заработную плату. Если, наоборот, капитал в определенной сфере производства имеет более высокое строение, то это является выражением развития производительной силы, превышающего средний уровень.

Оставляя в стороне собственно художественные работы, рассмотрение которых по самому существу дела не относится к нашей теме, само собою, конечно, разумеется, что различные сферы производства требуют по их техническим особенностям различного отношения между постоянным и переменным капиталом и что живой труд должен занимать в одних сферах большее место, в других — меньшее. Например, в добывающей промышленности, которую следует четко отличать от земледелия, совершенно отпадает сырой материал как элемент постоянного капитала, да и вспомогательный материал играет значительную роль лишь кое-где. В горной промышленности, однако, значительную роль играет другая часть

постоянного капитала — капитал основной. Однако и здесь прогресс развития может измеряться относительным ростом постоянного капитала по сравнению с переменным.

Если строение капитала в собственно земледелии ниже, чем строение среднего общественного капитала, то это prima facie было бы выражением того, что в странах развитого производства земледелие не ушло вперед в такой мере, как обрабатывающая промышленность. Такой факт, оставляя в стороне все другие, притом отчасти решающие экономические обстоятельства, находил бы себе объяснение уже в более раннем и быстром развитии механических наук и в особенности их применения, по сравнению с более поздним и отчасти совсем недавним развитием химии, геологии и физиологии и в особенности опять-таки с их применением к земледелию. Впрочем несомненный и давно известный[36] факт заключается в том, что прогресс самого земледелия постоянно выражается в относительном росте постоянной части капитала по сравнению с переменной. Ниже ли строение земледельческого капитала в определенной стране капиталистического производства, напр. в Англии, по сравнению с средним общественным капиталом, — это вопрос, который можно решить лишь статистически и которым детально заниматься было бы излишне для нашей цели. Как бы то ни было, теоретически установлено, что только при этом предположении стоимость земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, т. е., что прибавочная стоимость, производимая в земледелии капиталом определенной величины, или, что сводится к тому же, прибавочный труд (а следовательно, и прилагаемый живой труд вообще), приводимый им в движение и подчиненный ему, больше, чем при равновеликом капитале среднего общественного строения.

Итак, для той формы ренты, которую мы исследуем здесь и которая может получиться только при этом предположении, достаточно, если мы это предположение сделаем. Где оно отпадает, там отпадает и соответствующая ему форма ренты.

Однако один простой факт излишка стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства сам по себе ни в какой мере недостаточен для того, чтобы объяснить существование земельной ренты, независимой от различия в плодородии различных классов земли или последовательных затрат капитала на одной и той же земле, короче, такой ренты, которая в понятии отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому *абсолютной рентой*. Целый ряд мануфактурных продуктов обладает тем свойством, что их стоимость выше их цены производства, и несмотря на это они не приносят такого избытка над средней прибылью или такой избыточной прибыли, которая могла бы

[36] См. Домбаль и Р. Джонс.

превратиться в ренту. Наоборот. Существование и понятие цены производства и предполагаемой последнею общей нормы прибыли покоятся на том, что отдельные товары продаются не по их стоимости. Цены производства возникают из уравнения товарных стоимостей, которое, по возмещении соответственных капитальных стоимостей, потребленных в различных сферах производства, распределяет всю прибавочную стоимость пропорционально не тому, сколько ее произведено в отдельных сферах производства и сколько ее поэтому заключается в их продуктах, а пропорционально величине авансированных капиталов. Только таким образом возникает средняя прибыль и цена производства товаров, характерным элементом которой средняя прибыль является. Постоянная тенденция капиталов — произвести посредством конкуренции это уравнение в распределении прибавочной стоимости, созданной всем капиталом, и преодолеть все помехи этому уравнению. Отсюда и тенденция их допускать только такие добавочные прибыли, которые при всяких обстоятельствах возникают не из различия между стоимостями и ценами производства товаров, а, напротив, из различия между общей, регулирующей рынок ценой производства и отличными от нее индивидуальными ценами производства; такие добавочные прибыли, которые получаются поэтому не из различия между двумя различными сферами производства, а в пределах каждой сферы производства; которые, следовательно, не затрагивают общих цен производства, складывающихся в различных сферах, т. е. общей нормы прибыли, а, напротив, предполагают превращение стоимостей в цены производства и предполагают общую норму прибыли. Однако, как показано раньше, это предположение основывается на постоянном изменении пропорционального распределения всего общественного капитала между различными сферами производства, на постоянной иммиграции и эмиграции капиталов, на возможности переносить их из одной сферы в другую, короче, на свободе передвижения их между этими различными сферами производства, как между соответствующими свободными областями для приложения самостоятельных частей совокупного общественного капитала. При этом предполагается, что никакие барьеры, за исключением случайных или временных, не мешают конкуренции капиталов сводить стоимость к цене производства в такой, напр., сфере производства, в которой стоимость товаров выше их цены производства, или в которой производится прибавочная стоимость, бо́льшая, чем средняя прибыль, и вместе с тем распределять избыточную прибавочную стоимость этой сферы производства пропорционально между всеми сферами, которые эксплуатируются капиталом. Но если встречается обратное, если капитал наталкивается на чуждую силу, которую он может преодолеть лишь отчасти или совсем не может преодолеть и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допу-

скает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключающих упомянутое общее уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, очевидно, в таких сферах производства благодаря избытку товарной стоимости над ценой производства товаров возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и как таковая обособиться от прибыли. Но, как такая чуждая сила и преграда для капитала при его приложении к земле, противостоит земельная собственность, или капиталисту — земельный собственник.

Земельная собственность служит здесь барьером, который, если не уплачивается пошлины, т. е. не взимается ренты, не допускает новой затраты капитала на невозделанной до того времени или несданной в аренду земле, хотя земля, вновь привлекаемая к обработке, принадлежит к тому виду, который не приносит дифференциальной ренты и который, если бы не существовало земельной собственности, мог бы возделываться уже при некотором незначительном повышении рыночной цены, когда регулирующая рыночная цена доставляла бы возделывателю этой наихудшей земли лишь его цену производства. Между тем вследствие границы, которая ставится земельной собственностью, рыночная цена должна повыситься до такого пункта, когда земля может уплачивать излишек сверх цены производства, т. е. ренту. Но так как, согласно предположению, стоимость товаров, производимых земледельческим капиталом, выше их цены производства, то эта рента (за исключением того случая, который будет сейчас исследован) образует излишек стоимости над ценой производства или часть этого излишка. Равна ли рента всей разности между стоимостью и ценой производства или только большей или меньшей части этой разности, всецело зависело бы от соотношения между спросом и предложением и от размера площади, вновь привлеченной к возделыванию. До тех пор, пока рента не была бы равна излишку стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, часть этого излишка во всяком случае принимала бы участие в общем уравнении и пропорциональном распределении всей прибавочной стоимости между различными индивидуальными капиталами. Если бы рента была равна избытку стоимости над ценой производства, то вся эта часть, весь этот излишек прибавочной стоимости над средней прибылью был бы отвлечен от этого уравнения. Но равна ли эта абсолютная рента всему излишку стоимости над ценой производства или же равна лишь части его, и в том и в другом случае земледельческие продукты продавались бы по монопольной цене не потому, что их цена выше их стоимости, а потому, что она равна их стоимости, или потому, что она ниже их стоимости, но выше их цены производства. Их монопольное положение заключалось бы в том, что они, в отличие от других промышленных продуктов, стоимость которых выше общей цены производства, не нивелировались бы по цене производства. Так как одна

часть и стоимости и цены производства фактически является данной постоянной величиной, — именно, издержки производства, потребленный в производстве капитал, $= k$, — то различие между ними заключается в другой, переменной части, в прибавочной стоимости, которая в цене производства $= p$, прибыли, т. е. равна совокупной прибавочной стоимости, которая в данном случае исчисляется на общественный капитал и на каждый отдельный капитал, как на его пропорциональную часть, но которая в стоимости товара равна действительной прибавочной стоимости, созданной этим отдельным капиталом, и образует интегральную часть произведенных им товарных стоимостей. Если стоимость товара выше его цены производства, то цена производства $= k + p$, стоимость $= k + p + d$, так что $p + d =$ содержащейся в нем прибавочной стоимости. Следовательно, разность между стоимостью и ценой производства $= d$, излишку прибавочной стоимости, произведенной этим капиталом, над той, которая выпадает на его долю в соответствии с общей нормой прибыли. Из этого следует, что цена земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, не достигая размеров их стоимости. Из этого следует дальше, что до известного пункта может происходить длительное повышение цены земледельческих продуктов, прежде чем их цена достигнет уровня их стоимости. Из этого следует также, что только вследствие монополии земельной собственности излишек стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства может стать моментом, определяющим их общую рыночную цену. Из этого следует, наконец, что в этом случае не вздорожание продукта является причиной ренты, а рента причиной вздорожания продукта. Если цена продукта с единицы площади наихудшей земли $= P + r$, то все дифференциальные ренты увеличиваются соответствующими слагаемыми r, так как, согласно предположению, регулирующей рыночной ценой становится $P + r$.

Если бы среднее строение неземледельческого общественного капитала было $= 85c + 15v$ и норма прибавочной стоимости $= 100\%$, то цена производства была бы $= 115$. Если бы строение земледельческого капитала было $= 75c + 25v$, то стоимость продукта, при той же норме прибавочной стоимости, и регулирующая рыночная цена были бы $= 125$. Если бы земледельческий продукт уравнялся с неземледельческим по средней цене (для краткости мы предполагаем, что весь капитал одинаков в той и другой отрасли производства), то вся прибавочная стоимость была бы $= 40$, т. е. 20% на капитал в 200. Продукт как одного, так и другого продавался бы за 120. Следовательно, при уравнении по ценам производства средние рыночные цены неземледельческого продукта стояли бы выше, а земледельческого продукта ниже их стоимости. Если бы земледельческие продукты продавались по их полной стоимости, они были бы на 5 дороже, а промышлен-

ные продукты на 5 дешевле, чем после уравнения. Если рыночные условия не позволяют продавать земледельческие продукты по их полной стоимости, выручать весь излишек над ценой производства, то результат будет занимать среднее место между двумя крайними пунктами; промышленные продукты будут продаваться несколько выше их стоимости, а земледельческие продукты несколько выше их цены производства.

Хотя земельная собственность может взвинтить цену земледельческих продуктов выше их цены производства, однако не от нее, а от общего состояния рынка зависит, насколько рыночная цена, поднявшись над ценой производства, приближается к стоимости, и, следовательно, в какой мере прибавочная стоимость, произведенная в земледелии сверх данной средней прибыли, либо превратится в ренту, либо же примет участие в общем уравнении прибавочной стоимости в среднюю прибыль. Во всяком случае эта абсолютная, возникающая из излишка стоимости над ценой производства рента есть просто часть земледельческой прибавочной стоимости, превращение этой прибавочной стоимости в ренту, уловление ее земельным собственником; совершенно так же, как дифференциальная рента возникает из превращения добавочной прибыли в ренту, из уловления добавочной прибыли земельною собственностью при общей регулирующей цене производства. Эти две формы ренты суть единственно нормальные. Рента, кроме этих форм, может покоиться лишь на собственно монопольной цене, которая определяется не ценой производства и не стоимостью товаров, а потребностью и платежеспособностью покупателей, и рассмотрение которой относится к учению о конкуренции, где исследуется действительное движение рыночных цен.

Если бы вся земля известной страны, пригодная для земледелия, была уже сдана в аренду, — причем предполагается, как общее явление, капиталистический способ производства и нормальные отношения, — то не было бы такой земли, которая не приносит ренты, но могли бы существовать такие затраты капитала, отдельные части капитала, вложенного в землю, которые не приносят ренты; потому что, раз земля сдана в аренду, земельная собственность, как абсолютная граница для необходимого приложения капитала, перестает действовать. Как относительная граница, она продолжает еще действовать и после этого постольку, поскольку переход к земельному собственнику того капитала, который присоединен к земле, ставит здесь перед арендатором очень определенные границы. Только в этом случае вся рента превратилась бы в дифференциальную ренту, в дифференциальную ренту, определяемую не различиями в качестве земли, а различиями между добавочными прибылями, получающимися от последних затрат капитала на определенной земле, и рентой, которая уплачивалась бы за аренду земли наихудшего класса. Как абсолютная граница,

земельная собственность действует лишь постольку, поскольку допущение к земле вообще как к сфере для приложения капитала обусловливается данью земельному собственнику. Раз это допущение состоялось, последний уже не может противопоставить каких бы то ни было абсолютных границ количественному объему затраты капитала на данном участке земли. Постройке домов вообще ставится граница земельной собственностью третьего лица на тот участок, на котором должен быть построен дом. Но раз эта земля арендована под постройку домов, от арендатора уже зависит, построит ли он на ней высокий или низкий дом.

Если бы среднее строение земледельческого капитала было таково, каково строение среднего общественного капитала или выше, то абсолютная рента — опять-таки в только что исследованном значении — отпала бы; т. е. отпала бы рента, которая отличается как от дифференциальной ренты, так и от ренты, покоящейся на собственно монопольной цене. Тогда стоимость земледельческого продукта не была бы выше его цены производства, и земледельческий капитал не приводил бы в движение больше труда, а следовательно, не реализовал бы больше прибавочного труда, чем неземледельческий капитал. То же самое произошло бы в том случае, если бы строение земледельческого капитала стало одинаковым со строением среднего общественного капитала в результате прогресса культуры.

На первый взгляд кажется противоречием предполагать, что, с одной стороны, строение земледельческого капитала повышается, следовательно, повышается его постоянная часть по сравнению с переменной, а, с другой стороны, цена земледельческого продукта должна подняться настолько высоко, чтобы новая и более плохая, чем прежняя, земля могла уплачивать ренту, которая в этом случае может возникнуть лишь из избытка рыночной цены над стоимостью и ценой производства, короче, лишь из монопольной цены продукта.

Здесь необходимо проводить следующее различие.

Рассматривая образование нормы прибыли, мы прежде всего видели, что капиталы, которые в технологическом отношении составлены одинаково, т. е. в сравнении с количеством машин и сырого материала приводят в движение одинаковое количество труда, могут тем не менее иметь различное строение вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют различную стоимость. Сырой материал или машины могут быть в одном случае дороже, чем в другом. Чтобы привести в движение одинаковую массу труда (а это, согласно предположению, было бы необходимо для переработки одинаковой массы сырого материала), в одном случае пришлось бы авансировать больший капитал, чем в другом, потому что, напр., с капиталом в 100 я не могу привести в движение одинакового количества труда, если сырой материал, который прихо-

дится оплачивать из этих же 100, в одном случае стоит 40, в другом 20. Но что в технологическом отношении эти капиталы составлены одинаково, это немедленно обнаружилось бы, едва лишь цена более дорогого сырья упала бы до уровня более дешевого. Отношение стоимостей переменного и постоянного капитала сделалось бы одинаковым, хотя в техническом отношении примененного живого труда к массе и природе применяемых условий труда не произошло никакого изменения. С другой стороны, если рассматривать дело исключительно с точки зрения стоимостного строения, капитал более низкого органического строения, вследствие простого повышения стоимостей его постоянных частей, может по видимости подняться на одинаковую ступень с капиталом более высокого органического строения. Пусть перед нами будет капитал $= 60c + 40v$, — потому что он применяет много машин и сырого материала по сравнению с живым трудом, — и другой капитал $= 40c + 60v$, — потому что он применяет много живого труда (60%), мало машин (скажем, 10%) и по отношению к рабочей силе небольшое количество, притом дешевого сырого материала (скажем, 30%); вследствие одного только повышения стоимости сырых и вспомогательных материалов с 30 до 80, строение могло бы уравняться таким образом, что во втором капитале на 10 в машинах приходилось бы 80 в сыром материале и 60 рабочей силы, т. е. $90c + 60v$, что, выраженное в процентах, тоже было бы $=$ $= 60c + 40v$, причем не произошло бы никакой перемены в техническом строении. Следовательно, капиталы одинакового органического строения могут иметь различное стоимостное строение, и капиталы одинакового в процентах стоимостного строения могут занимать различные ступени органического строения, а потому служить выражением различных ступеней развития общественной производительной силы труда. Итак, одно то обстоятельство, что по стоимостному строению земледельческий капитал находился бы на общем уровне, еще не доказывало бы того, что общественная производительная сила труда достигла у него того же общего уровня. Оно могло бы свидетельствовать лишь о том, что собственный продукт этого капитала, образующий опять часть условий его производства, стал дороже или что теперь приходится привозить издалека вспомогательные материалы, как удобрение, которые раньше были прямо под рукой, и т. п.

Но, оставляя это в стороне, необходимо принять во внимание своеобразный характер земледелия.

Предположим, что машины, сберегающие труд, химические вспомогательные средства и т. д. находят себе в земледелии более широкое применение, что постоянный капитал, следовательно, возрастает технически, не только по стоимости, но и по массе, по отношению к массе применяемой рабочей силы; и в таком случае в земледелии (как и в горной промышленности) дело заключается

не только в общественной, но также и в естественной производительности труда, которая зависит от естественных условий труда. Возможно, что увеличением общественной производительной силы в земледелии лишь компенсируется, или даже не полностью компенсируется, уменьшение природной силы — эта компенсация во всяком случае может оказывать влияние лишь в течение некоторого времени, — так что, несмотря на техническое развитие, продукт не удешевляется, а лишь предотвращается еще большее его вздорожание. Возможно также, что при повышающейся цене хлеба абсолютная масса продукта уменьшается, между тем как относительный добавочный продукт возрастает; именно, это возможно при относительном увеличении постоянного капитала, который состоит главным образом из машин или скота, причем приходится возмещать только снашивание, и при соответствующем уменьшении переменной части капитала, которая затрачивается на заработную плату и которую постоянно приходится возмещать из продукта целиком.

Но возможно также, что вследствие прогресса земледелия потребуется лишь умеренное повышение рыночной цены над средней для того, чтобы могла поступить под обработку и в то же время приносить ренту такая земля худшего качества, которая при более низком уровне технических вспомогательных средств потребовала бы большего повышения рыночной цены.

То обстоятельство, что, напр., в скотоводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом, заключающимся в самом скоте, могло бы казаться решающим аргументом против того положения, что земледельческий капитал, в процентном отношении, приводит в движение рабочей силы больше, чем неземледельческий средний общественный капитал. Но здесь следует отметить, что при рассмотрении ренты мы исходим, как из определяющей, из той части земледельческого капитала, которая производит основное растительное средство питания, т. е. для цивилизованных народов вообще главное жизненное средство. Уже А. Смит показал, — и в этом одна из его заслуг, — что в скотоводстве и, вообще, в среднем, во всех капиталах, вложенных в землю не для производства главных жизненных средств, напр. хлеба, цена определяется совершенно иначе. Именно, она определяется здесь таким образом, что цена продукта земли, которая, скажем, как искусственный луг, утилизируется для скотоводства, но которую с таким же удобством можно было бы превратить в пахотную землю известного достоинства, — цена продукта должна повыситься настолько, чтобы могла получаться такая же рента, как с пахотной земли такого же достоинства; следовательно, рента с земли, засеваемой хлебом, принимает здесь участие в определении цены скота, почему Рамсей правильно отметил,

что цена скота, таким образом, искусственно повышается рентой, экономическим выражением земельной собственности, следовательно, земельной собственностью.

«При распространении земледелия уже нехватает необработанных земель для того чтобы удовлетворять существующий спрос на мясо. Приходится значительную часть возделанной земли обращать на выращивание и откармливание скота, цена которого поэтому должна быть достаточна не только для оплаты употребляемого на это труда, но и для оплаты ренты и прибыли, которые землевладелец и фермер могли бы получить, если бы эта земля была занята под пашню. Скот, выращенный на совершенно необработанных торфяниках, продается на данном рынке по той же цене при одинаковом весе и качестве, как и скот, выращенный на самых культурных землях. Владельцы таких торфяников пользуются этим и повышают ренту со своей земли в соответствии с ценою скота» (A. Smith, книга I, гл. XI, часть I)*. Итак, здесь в отличие от хлебной ренты и дифференциальная рента идет на пользу сравнительно худшей земле.

Абсолютная рента объясняет некоторые явления, которые с первого взгляда как будто позволяют отнести ренту за счет просто монопольной цены. Представим, напр., владельца такого леса, который растет без всякого содействия человека, следовательно, не как продукт лесоводства, скажем, в Норвегии, чтобы начать с примера А. Смита. Если ему уплачивается рента капиталистом, который занимается рубкой леса, вследствие того, напр., что на него существует спрос в Англии, или если владелец сам как капиталист производит рубку, то в дереве, кроме прибыли на авансированный капитал, ему уплачивается бо́льшая или меньшая рента. По отношению к этому продукту исключительно природы это представляется чисто монопольной надбавкой. Но в действительности капитал состоит здесь почти только из переменного капитала, затрачиваемого на труд, и потому он приводит в движение большее количество прибавочного труда, чем другой капитал равной величины. Следовательно, в стоимости дерева содержится больший избыток неоплаченного труда, или прибавочной стоимости, чем в продукте капиталов более высокого строения. Поэтому за дерево может выручаться средняя прибыль, и значительный излишек в форме ренты может доставаться собственнику леса. Наоборот, при той легкости, с какой может расширяться рубка леса, т. е. при быстроте увеличения этого производства, приходится предполагать, что необходимо очень значительное увеличение спроса для того, чтобы цена дерева сравнялась с его стоимостью и таким образом собственнику достался бы в форме ренты весь

* См. *А. Смит:* «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, Соцэкгиз, 1935 г., стр. 134. *Ред.*

излишек неоплаченного труда (сверх той его части, которая достается капиталисту как средняя прибыль).

Мы предполагали, что вновь привлекаемая к возделыванию земля по качеству еще хуже, чем та, которая возделывалась в последнее время как наихудшая. Если она лучше, она приносит дифференциальную ренту. Но здесь мы исследуем как раз тот случай, когда рента не выступает как дифференциальная рента. Здесь возможны только два случая. Или вновь привлекаемая к обработке земля хуже или же она такого же качества, как последняя из возделываемых земель. Если она хуже, то этот случай мы уже исследовали. Таким образом остается еще исследовать только тот случай, когда она такого же качества.

С прогрессом культуры, как мы выяснили это уже при исследовании дифференциальной ренты, вновь привлекаться к возделыванию может одинаково как земля такого же качества и даже лучшего, так и земля худшего качества.

Во-первых, потому, что при дифференциальной ренте (и при ренте вообще, так как даже при недифференциальной ренте всегда выступает вопрос, позволяет ли, с одной стороны, плодородие земли вообще, а с другой стороны, ее положение возделывать ее так, чтобы при регулирующей рыночной цене получалась прибыль и рента) действуют в обратном направлении двоякого рода условия, которые то взаимно парализуют друг друга, то берут перевес одно над другим. Повышение рыночной цены, — предполагая, что издержки производства, необходимые для возделывания, не понизились, другими словами, что завоевания технического характера не образуют нового момента, обусловливающего расширение возделывания, — может привести к возделыванию более плодородной земли, которая раньше своим положением исключалась из числа конкурирующих земель. Или же для менее плодородной земли это может настолько повысить выгоды положения, что ими уравняется меньшая производительность. Или, и без повышения рыночной цены, положение благодаря улучшению средств сообщения откроет возможность лучшим землям вступить в конкуренцию, что мы наблюдаем в огромном масштабе в Северной Америке на примере штатов, расположенных в прериях. Да и в странах старой цивилизации это совершается постоянно, хотя и не в таком масштабе, как в колониях, где, как справедливо отметил Уэкфильд, решающая роль принадлежит положению. Итак, во-первых, противоположные влияния положения и плодородия и, во-вторых, изменчивость фактора положения, который постоянно уравнивается, претерпевает постоянные прогрессивные изменения, направленные к уравнению, — вот почему вновь вступают в конкуренцию с уже возделываемыми землями попеременно участки земли одинакового, лучшего и худшего качества.

Во-вторых. С развитием естественных наук и агрономии изменяется и плодородие земли, так как изменяются средства, при помощи которых элементы почвы делаются пригодными для немедленного использования. Так, во Франции и в восточных графствах Англии легкие почвы, которые раньше считались плохими, совсем недавно поднялись до степени первоклассных (см. Пасси). С другой стороны, почва, которая считалась плохой не по своему химическому составу, но ставила известные механико-физические препятствия возделыванию, превращается в хорошую почву, как только открываются средства для того чтобы преодолеть эти препятствия.

В-третьих. Во всех странах старой цивилизации старые исторические и традиционные отношения, выступающие, напр., в форме государственных земель, общинных земель и т. д., совершенно случайно отвлекают крупные участки земли от возделывания, к которому они привлекаются лишь постепенно. Порядок, в котором они подвергаются возделыванию, не зависит ни от их качества, ни от их положения, а лишь от совершенно внешних обстоятельств. Если бы мы проследили историю английских общинных земель, как они постепенно превращались законами об огораживании [Enclosure Bills] в частную собственность и распахивались, то оказалось бы, что не может быть ничего смешнее того фантастического представления, будто бы выбором этого порядка руководил какой-нибудь современный агрохимик, Либих, напр., отводя известные поля за их химические свойства под культуру и исключая другие. В действительности здесь решающую роль играл «подходящий случай, толкающий на воровство [die Gelegenheit, die Diebe macht]»: представлявшаяся крупным лэндлордам возможность оттягать ту или иную землю под более или менее благовидным юридическим предлогом.

В-четвертых. Не говоря о том, что достигнутая в каждый определенный момент ступень развития в росте населения и капитала полагает расширению культуры известную, хотя и эластическую границу; не говоря о влиянии таких случайностей, которые временно воздействуют на рыночную цену, как, напр., ряд благоприятных и неблагоприятных времен года, — пространственное расширение земледельческой культуры зависит от общего состояния рынка капиталов и положения дел в данной стране. Для того чтобы дополнительный капитал обратился к земледелию, в периоды недостатка капиталов недостаточно того условия, что невозделанная земля, — уплачивает ли она ренту или нет, — может принести арендатору среднюю прибыль. В периоды изобилия капитала он устремляется к возделыванию земли, — даже если рыночная цена не повысится, — были бы только в остальном осуществлены нормальные условия. Земля лучшего качества, чем возделывавшаяся до того времени, в самом деле могла бы быть исключена из

конкуренции только либо моментом положения, либо непреодолимыми до сих пор границами, которые делают ее недоступной для арендатора, или случайностью конкуренции. Поэтому мы должны заниматься только теми сортами земли, которые по качеству одинаковы с последними из возделанных земель. Но между новой землей и последней из возделанных все еще остается разница издержек, которые требуются для того чтобы сделать первую пригодной к возделыванию, и от состояния рыночных цен и отношений кредита зависит, будут ли они произведены или нет. Когда эта земля действительно примет участие в конкуренции, рыночная цена при прочих равных условиях опять понизится до своего прежнего уровня, после чего вновь вступившая земля будет приносить такую же ренту, как соответствующая ей старая. Предположение, будто она не будет приносить ренты, доказывается его сторонниками таким образом, что они просто принимают то, что требуется доказать, а именно: что последняя земля не принесла ренты. Таким способом можно было бы доказать, что последние из построенных домов, кроме собственно наемной платы, представляющей процент на постройки, не приносят никакой ренты, хотя и сдаются в наем. Между тем факт таков, что они приносят ренту, еще не принося процента в наемной плате, когда они в течение долгого времени остаются незанятыми. Подобно тому, как последовательные затраты капитала на известный участок земли могут приносить пропорциональный добавочный продукт, а потому и такую же ренту, как первые, — совершенно так же поля такого качества, как последние из возделанных, могут при равных издержках давать равную выручку. Иначе вообще было бы непонятно, каким образом можно было бы поля одинакового качества брать под возделывание последовательно, а не либо брать все разом, либо же, вернее, не брать ни одного, чтобы не вызвать против себя конкуренции всех остальных. Земельный собственник всегда готов извлекать ренту, т. е. получать нечто даром; но чтобы удовлетворить его желание, капитал нуждается в известных условиях. Поэтому взаимная конкуренция между землями зависит не от того, что землевладелец хочет их конкуренции, но от того, найдется ли капитал, который захочет на новых полях конкурировать с другими.

Поскольку собственно земледельческая рента есть просто монопольная цена, последняя может быть весьма незначительной, как и абсолютная рента может быть здесь при нормальных условиях весьма незначительной, каков бы ни был избыток стоимости продукта над его ценой производства. Итак, существо абсолютной ренты заключается в следующем: равновеликие капиталы в различных сферах производства, при равной норме прибавочной стоимости, или равной эксплуатации труда, производят, в зависимости от различий среднего строения, различные массы прибавочной

стоимости. В промышленности эти различные массы прибавочной стоимости уравниваются в среднюю прибыль и равномерно распределяются между отдельными капиталами как между соответственными частями общественного капитала. Земельная собственность, когда для производства требуется земля для земледелия ли, для извлечения ли сырых материалов, тормозит это уравнение для капиталов, прилагаемых к земле, и улавливает известную часть прибавочной стоимости, которая иначе приняла бы участие в процессе уравнения в общую норму прибыли. В таких случаях рента составляет часть стоимости, точнее, прибавочной стоимости товаров, но часть эта достается не классу капиталистов, который извлек ее из рабочих, а земельным собственникам, которые извлекают ее из капиталистов. При этом предполагается, что земледельческий капитал приводит в движение больше труда, чем равновеликая часть неземледельческого капитала. Насколько велико это отклонение или существует ли оно вообще, зависит от относительного развития земледелия по сравнению с промышленностью. По самой природе дела эта разница с прогрессом земледелия должна уменьшаться, если пропорция, в которой переменная часть капитала уменьшается по сравнению с постоянной, не окажется для промышленного капитала еще больше, чем для земледельческого.

Эта абсолютная рента играет еще более значительную роль в собственно добывающей промышленности, где один элемент постоянного капитала, сырой материал, совершенно отпадает и где, — за исключением отраслей, в которых часть, состоящая из машин и прочего основного капитала, очень значительна, — безусловно преобладает самое низкое строение капитала. И как раз здесь, где рента представляется обязанной своим происхождением исключительно монопольной цене, требуются исключительно благоприятные рыночные отношения для того, чтобы товары продавались по их стоимости, или чтобы рента сделалась равной всему избытку прибавочной стоимости товара над его ценой производства. Таково положение, напр., при ренте с рыбных ловель, каменоломен, дико растущих лесов и т. д.[37].

---

[37] Рикардо разделывается с этим крайне поверхностно. См. место, направленное против А. Смита, о ренте с лесов в Норвегии, «Principles», гл. II [«On the Principles of Political Economy and Taxation», London 1821. — См. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии и податного обложения», Соч., т. II, гл. II, Соцэкгиз, 1935 г.], в самом начале.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ.

РЕНТА ЗА СТРОИТЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ. РЕНТА С РУДНИКОВ. ЦЕНА ЗЕМЛИ.

Повсюду, где существует вообще рента, выступает дифференциальная рента и подчиняется тем же законам, как земледельческая дифференциальная рента. Повсюду, где природные силы могут быть монополизованы и обеспечивают применяющему их промышленнику добавочную прибыль, — будет ли то водопад, или богатый рудник, или богатая рыбой вода, или хорошо расположенное строительное место, — лицо, признаваемое в силу своего титула на часть земного шара собственником этих предметов природы, улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты. Что касается земли, предназначаемой для строительных целей, то А. Смит показал, каким образом рента с этой земли, как и с других неземледельческих участков, регулируется в своей основе собственно земледельческой рентой (книга I, гл. XI, 2 и 3) *. Эта рента характеризуется, во-первых, тем преобладающим влиянием, которое здесь на дифференциальную ренту оказывает положение (очень важно, напр., при возделывании винограда и для строительных участков в больших городах); во-вторых, очевидностью полной пассивности собственника, активность которого заключается (в особенности по отношению к рудникам) просто в эксплуатации прогресса общественного развития, в который собственник ничего не привносит и в котором он ничем не рискует, — хотя бы в той мере, как промышленный капиталист; и, наконец, преобладанием монопольной цены во многих случаях, особенно, в случаях самой бесстыдной эксплуатации бедности (потому что бедность — более богатый источник для домовой ренты, чем рудники Потози когда-либо были для Испании[38]), и чудовищная власть, которую дает эта земельная собственность, когда она соединяется в одних руках с промышленным капиталом, дает ей возможность практически устранять с земли, как места

---

[38] Лэнг, Ньюмэн.

* *А. Smith:* «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», London 1776. См. *А. Смит:* «Исследование о природе и причинах богатства народов». Соцэкгиз, 1935 г. *Ред.*

для житья, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за заработной платы [39]. Одна часть общества требует в этом случае от другой дани за право обитать на земле, как и вообще земельная собственность включает право собственников эксплуатировать земной шар — недра земли, воздух, а вместе с тем все необходимое для сохранения и развития жизни. Строительную ренту необходимо повышает не только рост населения и возрастающая вместе с ним потребность в жилищах, но и развитие основного капитала, который или присоединяется к земле или коренится в ней, покоится на ней, как все промышленные постройки, железные дороги, товарные склады, фабричные здания, доки и т. д. Смешение платы за наем, поскольку она представляет процент и амортизацию капитала, вложенного в дом, с рентой просто за землю невозможно здесь даже при всем добром желании, как у Кэри, в особенности в тех случаях, когда, как в Англии, земельный собственник и строительный спекулянт суть совершенно разные лица. Здесь существенны два элемента: с одной стороны, эксплуатация земли в целях воспроизводства, либо добывающей промышленности, с другой — пространство, которое необходимо как элемент всякого производства и всякой человеческой деятельности. И в том и в другом случае земельная собственность требует своей дани. Спрос на строительные участки повышает стоимость земли как пространства и основы, и в то же время благодаря этому возрастает спрос на элементы земли, которые служат строительным материалом [40].

В книге II, глава XII, в показаниях Эдуарда Кэппса, крупного лондонского строительного спекулянта, перед банковской комиссией 1857 г., мы видели пример того, каким образом в быстро развивающихся городах, особенно, когда постройка ведется, как в Лондоне, фабричным способом, главным предметом строительной спекуляции служит собственно не дом, а земельная рента. Кэппс говорит там, № 5435: «Я полагаю, что человек, желающий преуспевать на свете, едва ли может рассчитывать, что он будет преуспевать, ведя только солидное дело (fair trade)... ему необходимо, кроме того, строить с целями спекуляции, и притом в крупном масштабе; потому что предприниматель извлекает очень мало прибыли из самых зданий, свою главную прибыль он извлекает из повышения земельной ренты. Пусть, напр., он снимает участок земли и уплачивает за него 300 ф. ст. в год; если он, тщательно

---

[39] Кроулингтонская стачка. *Энгельс:* «Lage der arbeitenden Klasse in England» [«Положение рабочего класса в Англии», 1848], S. 307 [см. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, стр. 534].

[40] «Замощение лондонских улиц дало возможность собственникам некоторых голых скал на шотландском берегу извлекать ренту из абсолютно бесполезной до того времени каменистой почвы». *A. Smith,* книга I, гл. XI, 2 [см. «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, Соцэкгиз, 1935 г., стр. 147].

выработав строительный план, построит на этом участке дома надлежащего разряда, то ему, быть может, удастся получать за это 400 или 450 ф. ст. в год, и его прибыль в несравненно большей мере заключалась бы в увеличении земельной ренты на 100 или 150 ф. ст. в год, чем в прибыли от построек, которую он во многих случаях едва ли даже принимает в расчет». При этом не следует забывать, что по истечении договора об аренде, самое большее 99 лет, земля со всеми находящимися на ней постройками и с земельной рентой, которая за это время обыкновенно повышается более чем в два-три раза, возвращается от строительного спекулянта или его правопреемника к первоначальному последнему земельному собственнику.

Собственно рента с рудников определяется совершенно так же, как земледельческая рента. «Существуют такие рудники, продукт которых может покрывать лишь оплату труда и возмещение капитала, затрачиваемого при их разработке, вместе с обычной прибылью на него. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю, но не дают ренты землевладельцу. Они могут разрабатываться с выгодой исключительно только землевладельцем, который, будучи сам предпринимателем, получает обычную прибыль на затраченный им капитал. Многие каменноугольные копи Шотландии разрабатываются таким именно образом и никаким другим способом не могут разрабатываться. Землевладелец никого не допустит к разработке, не потребовав уплаты некоторой ренты, а никто не будет в состоянии платить ее» (A. Smith, книга I, гл. XI, 2) *.

Необходимо различать, вытекает ли рента из монопольной цены потому, что независимо от нее существует монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене потому, что существует рента. Говоря о монопольной цене, мы вообще имеем в виду цену, которая определяется только стремлением купить и платежеспособностью покупателей, независимо от цены, определяемой как общей ценой производства, так и стоимостью продуктов. Виноградник, производящий вино совершенно исключительного качества, вино, которое вообще может производиться лишь в сравнительно небольшом количестве, дает монопольную цену. Вследствие этой монопольной цены, избыток которой над стоимостью продукта определяется единственно богатством и вкусами знатных потребителей вина, винодел мог бы реализовать значительную добавочную прибыль. Эта добавочная прибыль, которая вытекает в данном случае из монопольной цены, превращается в ренту и достается в этой форме земельному собственнику в силу его титула на этот участок земли, наделенный

* См. *А. Смит:* «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, Соцэкгиз, 1935 г., стр. 149. *Ред.*

особыми свойствами. Итак, здесь ренту создает монопольная цена. Наоборот, рента создала бы монопольную цену, если бы хлеб продавался не только выше цены производства, но и выше его стоимости, вследствие границы, которая полагается земельной собственностью безрентной затрате капитала на невозделанной земле. Что только титул собственности известного числа лиц на земной шар дает им возможность присваивать себе в качестве дани часть прибавочного труда общества, притом, по мере развития производства, присваивать в постоянно возрастающей мере, — это маскируется тем обстоятельством, что капитализированная рента, следовательно, именно эта капитализированная дань, выступает как цена земли, и потому последняя может продаваться подобно всякому другому предмету торговли. Поэтому покупателю кажется, что он получил свое притязание на ренту не даром, без труда, риска и предпринимательского духа капитала, а уплатил за это соответствующий эквивалент. Рента, как отмечено уже раньше, кажется ему просто процентом на капитал, за который он купил землю и вместе с нею притязание на ренту. Совершенно так же рабовладельцу, купившему негра, представляется, что он приобрел свою собственность на негра не в силу института рабства как такового, а в силу купли и продажи товара. Но ведь самый титул не порождается, а лишь переносится актом продажи. Титул должен существовать до того, как становится возможным его продать, и как одна продажа, так и ряд таких продаж и их постоянное повторение не могут создать этого титула. Что вообще создало его, — это производственные отношения. Когда последние достигают такого пункта, где им приходится переменить свою шкуру, отпадает получавший экономическое и историческое оправдание, возникший из процесса общественного производства жизни, материальный источник титула и всех основывавшихся на нем сделок. С точки зрения более высокой экономической формации общества частная собственность отдельных индивидуумов на земной шар будет представляться не в меньшей степени нелепой, чем частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не суть собственники земли. Они лишь ее владельцы, лишь пользующиеся ею, и, как boni patres familias [добрые отцы семейства], они должны оставить ее улучшенной следующим поколениям.

В дальнейшем исследовании цены земли мы оставляем в стороне все колебания конкуренции, всякую спекуляцию землей, а также мелкую земельную собственность, при которой земля представляет главное орудие производителей, так что они вынуждены покупать ее по любой цене.

I. Цена земли может повыситься, хотя рента не повышается; именно:

1) просто вследствие понижения уровня процента, благодаря чему рента продается дороже, а потому капитализированная рента, цена земли, возрастает;

2) потому, что возрастает процент на капитал, присоединенный к земле.

II. Цена земли может повыситься потому, что увеличивается рента.

Рента может увеличиться потому, что повышается цена продуктов земли, в каковом случае всегда повышается норма дифференциальной ренты, независимо от того, будет ли рента с наихудшей из возделываемых земель велика, мала или ее совсем не будет. Под нормой мы разумеем отношение той части прибавочной стоимости, которая превращается в ренту, к авансированному капиталу, производящему продукт земли. Оно отлично от отношения добавочного продукта ко всему продукту, потому что последний заключает в себе не весь авансированный капитал, именно не содержит в себе основного капитала, который продолжает существовать наряду с продуктом. Зато здесь подразумевается, что на тех классах земли, которые приносят дифференциальную ренту, возрастающая часть продукта превращается в избыточный добавочный продукт. На наихудшей земле повышение цены земледельческого продукта создаст сначала ренту, а вследствие этого цену земли.

Но рента может увеличиться и в том случае, если цена земледельческого продукта не повышается. Последняя может остаться без изменения или даже понизиться.

Если она остается без изменения, то рента может возрасти или потому только (оставляя в стороне монопольные цены), что при прежней затрате капитала на старых землях начинают возделываться новые земли лучшего качества, причем их будет достаточно только для того чтобы покрыть увеличившийся спрос, так что регулирующая рыночная цена остается без изменения. В этом случае цена старых земель не повысится, но для земли, вновь взятой под возделывание, цена поднимется выше уровня цены старой земли.

Или же рента повысится потому, что при прежней относительной урожайности и прежней рыночной цене возрастает масса капитала, эксплуатирующего землю. Поэтому, хотя рента по отношению к авансированному капиталу остается прежняя, ее масса, напр., удвоится, так как сам капитал удвоился. Так как не произошло понижения цены, то вторая затрата капитала приносит, подобно первой, добавочную прибыль, которая по истечении срока аренды тоже превращается в ренту. Масса ренты здесь увеличивается потому, что увеличивается масса капитала, производящего ренту. Утверждение, будто различные последовательные

затраты капитала на одном и том же участке земли могут произвести ренту лишь при том условии, если продукт их неодинаков, и потому возникает дифференциальная рента, равносильно утверждению, будто, если два капитала по 1 000 ф. ст. затрачены на двух полях одинаковой урожайности, то лишь один из них может принести ренту, хотя оба эти поля принадлежат к тому лучшему классу земли, который приносит дифференциальную ренту. (Следовательно, общая масса ренты, вся рента известной страны, увеличивается с массой затраченного капитала без того, чтобы цена единицы земельной площади или норма ренты или даже масса ренты на единицу площади обязательно возрастала; в этом случае масса всей ренты возрастает с пространственным расширением культуры. Это может быть сопряжено даже с понижением ренты на отдельных владениях.) Иначе это утверждение было бы равносильно другому утверждению, именно, что затрата капитала на двух различных участках земли, расположенных рядом, подчиняется иным законам, чем последовательная затрата капитала на одном и том же участке земли, между тем дифференциальную ренту выводят как раз из тожества закона в обоих случаях, из увеличения продуктивности затрат капитала как на одном и том же поле, так и на различных полях. Единственная модификация, которая существует здесь и которой не замечают, та, что последовательные затраты капитала в их применении к пространственно различным землям наталкиваются на границу земельной собственности, чего нет при последовательных затратах капитала на одну и ту же землю. Отсюда и то противоположное действие, благодаря которому эти различные формы затраты на практике взаимно ограничивают друг друга. При этом никогда не проявляются различия капитала. Если строение капитала остается то же самое, равно как и норма прибавочной стоимости, то норма прибыли остается неизменной, так что при удвоении капитала масса прибыли удваивается. Точно так же при предположенных отношениях норма ренты остается прежняя. Если капитал в 1 000 ф. ст. приносит ренту в x, то капитал в 2 000 ф. ст. при предположенных обстоятельствах приносит ренту в $2x$. Но если взять ренту в отношении к площади земли, которая осталась без изменения, так как, согласно предположению, удвоенный капитал работает на прежнем поле, то окажется, что вследствие увеличения массы ренты повысился и ее уровень [Höhe]. Тот самый акр, который приносил 2 ф. ст. ренты, приносит теперь 4 ф. ст.[41].

[41] Одна из заслуг Родбертуса, к значительной работе которого о ренте мы возвратимся в книге IV, заключается в том, что он развил этот пункт. Он только впадает в ошибку, во-первых, предполагая, будто для капитала рост прибыли всегда получает такое выражение, как будто возрос и капитал, так что при увеличении массы прибыли отношение остается прежнее. Это, однако, неверно, так как при изменении строения капитала норма прибыли,

Отношение части прибавочной стоимости, денежной ренты, — потому что деньги суть самостоятельное выражение стоимости, — к земле само по себе нелепо и иррационально, потому что здесь измеряются одна другою несоизмеримые величины: с одной стороны, определенная потребительная стоимость, участок земли во столько-то квадратных футов, и стоимость, точнее прибавочная стоимость, — с другой. В действительности это является лишь выражением того, что при данных отношениях собственность на квадратные футы земли дает земельному собственнику возможность улавливать определенное количество неоплаченного труда, реализованного капиталом, который роется на этих квадратных футах, как свинья в картофеле {здесь в рукописи поставлено в скобках зачеркнутое потом: Либих}. Но prima facie это выражение то же самое, как если бы мы вздумали говорить об отношении пятифунтового билета к диаметру земли. Однако до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум нисколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного. В формах проявления, отчужденных от внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они так же чувствуют себя дома, как рыба в воде. В этом случае справедливо то, что Гегель сказал относительно известных математических формул: то, что простой здравый смысл находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность *.

Итак, повышение массы ренты, рассматриваемое по отношению к самой площади земли, выражается совершенно так же, как повышение нормы ренты; отсюда затруднение, когда условия, которые объяснили бы один случай, отсутствуют в другом случае.

Но цена земли может повыситься даже в том случае, когда цена продукта земли уменьшается.

несмотря на неизменную эксплуатацию труда, может повыситься как раз потому, что относительная стоимость постоянной части капитала по сравнению с переменной понизилась. — Он впадает в ошибку, во-вторых, трактуя это отношение денежной ренты к количественно определенному участку земли, напр. к одному акру, как нечто такое, что вообще предполагается классической экономией в ее исследованиях о повышении или понижении ренты. Это опять неверно. Она постоянно трактует норму ренты, поскольку она рассматривает последнюю в ее натуральной форме, в отношении к продукту, а поскольку она рассматривает ренту как денежную ренту, — в отношении к авансированному капиталу, ибо это — действительно рациональные выражения.

* См. *Гегель:* Соч., т. I: «Энциклопедия философских наук», ч. I, Логика. М. — Л. 1930 г., стр. 336. *Ред.*

В этом случае дифференциальная рента, а потому и цена лучших земель может вследствие дальнейшего дифференцирования увеличиться. Или же, если этого нет, то при возросшей производительной силе труда, цена земледельческого продукта может понизиться, но таким образом, что это будет более чем уравновешено увеличением производства. Предположим, что квартер стоил 60 шилл. Если на том же акре при прежнем капитале будут произведены 2 квартера вместо одного, и квартер понизится до 40 шилл., то 2 квартера дадут 80 шилл., так что стоимость продукта прежнего капитала на прежнем акре повысится на одну треть, хотя цена квартера понизилась на одну треть. При исследовании дифференциальной ренты было показано, как это возможно без того чтобы продукт продавался выше его цены производства или стоимости. В действительности это осуществляется только двумя способами. Или плохая земля перестает конкурировать, но цена лучшей земли повышается, когда дифференциальная рента увеличивается, следовательно, когда общее улучшение действует неравномерно на различные сорта земли. Или же на наихудшей земле та же самая цена производства (и та же самая стоимость, если уплачивается абсолютная рента) вследствие повышения производительности труда получает выражение в увеличившейся массе продукта. Продукт представляет теперь ту же стоимость, что и раньше, но цена его составных частей понизилась, между тем как число этих частей увеличилось. Это невозможно, если применяется тот же самый капитал, потому что в этом случае в какой угодно массе продукта находит себе выражение все одна и та же стоимость. Но это возможно, если затрачен дополнительный капитал на гипс, гуано и т. д., словом, на такие улучшения, действие которых простирается на многие годы. Условие такого результата заключается в том, что хотя цена 1 квартера и понижается, однако, не в том отношении, как увеличивается число квартеров.

III. Эти различные условия повышения ренты, а вследствие этого и цены земли могут как вообще, так и для отдельных сортов земли, отчасти конкурировать между собою, отчасти исключать друг друга и могут действовать лишь попеременно. Но из изложенного следует, что из повышения цены земли нельзя без дальнейших околичностей делать вывода, что рента повысилась, и из повышения ренты, которое всегда влечет за собой повышение цены земли, нельзя без дальнейших околичностей делать вывода, что продукт земли увеличился [42].

Вместо того чтобы обратиться к рассмотрению действительных, природных [naturgemässen] причин истощения земли, —

[42] О падении земельных цен при повышении ренты как о факте см. Пасси.

причин, которые впрочем были неизвестны всем писавшим о дифференциальной ренте экономистам вследствие состояния земледельческой химии в их время, — вместо этого прибегали к помощи того пошлого соображения [flache Auffassung], что нельзя вложить любое количество капитала в пространственно ограниченный кусок земли. Так, напр., «Westminster Review» возражало Ричарду Джонсу, что нельзя прокормить всю Англию обработкой Сохо сквэра. Если это рассматривается, как особая невыгода земледелия, то верно как раз обратное положение. В земледелии могут быть продуктивно употреблены последовательные затраты капитала, потому что земля сама действует в качестве орудия производства, тогда как на фабрике, где земля служит лишь основой, местом расположения, территориальной операционной базой, на фабрике этого нет или это имеет место в очень узких границах. Правда, можно концентрировать большое производство на маленьком, по сравнению с раздробленным ремеслом, пространстве, и крупная индустрия поступает именно таким образом. Но если дана известная ступень развития производительной силы, то всегда требуется и определенное пространство, а стройка вверх имеет также свои определенные практические границы. За этими границами расширение производства требует также расширения земельной площади. Основной капитал, затраченный на машины и т. п., не улучшается вследствие употребления, а, наоборот, изнашивается. Новые изобретения могут и здесь производить отдельные улучшения, но если взять данную ступень развития производительной силы, то машина может только ухудшаться. При быстром развитии производительной силы все старые машины должны быть заменены более выгодными, т. е. должны быть совсем выброшены. Земля, напротив, постоянно улучшается, если правильно обращаться с нею. То преимущество земли, что последовательные затраты капитала могут давать прибыль без всякой потери предыдущих затрат, это преимущество включает также возможность различной производительности последовательных затрат капитала.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ.

ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ.

I. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Необходимо уяснить себе, в чем собственно заключается трудность трактовки земельной ренты с точки зрения современной экономии как теоретического выражения капиталистического способа производства. Этого еще не понимает даже огромное число новейших писателей, что доказывает всякая новая попытка объяснить земельную ренту «по-новому». Новизна в этих случаях почти постоянно заключается в том, что скатываются обратно к точке зрения, которая уже давно была преодолена. Трудность заключается не в том, чтобы вообще объяснить производимый земледельческим капиталом прибавочный продукт и соответствующую последнему прибавочную стоимость. Нет, этот вопрос разрешен анализом прибавочной стоимости, создаваемой всяким производительным капиталом, в какую бы сферу ни был он вложен. Трудность заключается в том, чтобы показать, откуда после того, как прибавочная стоимость уравнялась между различными капиталами в среднюю прибыль, в соответствующую их относительным величинам пропорциональную долю всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом во всех сферах производства, — откуда после этого уравнения, после уже совершившегося распределения, повидимому, всей прибавочной стоимости, которая вообще может быть распределена, откуда же берется еще та избыточная часть этой прибавочной стоимости, которую капитал, вложенный в землю, уплачивает в форме земельной ренты земельному собственнику. Совершенно оставляя в стороне практические мотивы, которые побуждали современных экономистов как защитников промышленного капитала против земельной собственности к исследованию этого вопроса, — мотивы, которые мы наметим ближе в главе об истории земельной ренты, — этот вопрос представлял для них как для теоретиков решающий интерес. Признать, что своим появлением рента на капитал, вложенный в земледелие, обязана особому действию самой сферы приложения, свойствам, принадлежащим земной коре как таковой, — это значило бы отказаться от самого понятия стоимости, следовательно, отказаться от всякой возможности научного познания в этой

области. Уже то простое наблюдение, что рента выплачивается из цены продукта земли, — что имеет место даже в том случае, когда она уплачивается в натуральной форме, раз арендатор выручает свою цену производства, — показывало, насколько нелепо избыток этой цены над обычной ценой производства, следовательно, относительную дороговизну земледельческого продукта, объяснять избытком естественной производительности земледельческой промышленности над производительностью других отраслей промышленности; так как, напротив того, чем производительней труд, тем дешевле каждая составная часть его продукта, потому что тем больше масса потребительных стоимостей, в которой представлено то же количество труда, следовательно, та же стоимость.

Вся трудность в анализе ренты заключалась, следовательно, в том, чтобы объяснить излишек земледельческой прибыли над средней прибылью, объяснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а излишек этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей промышленности. Сама средняя прибыль есть результат, образование процесса социальной жизни, протекающего при вполне определенных исторических отношениях производства, продукт, предполагающий, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы сама эта средняя прибыль появилась в качестве масштаба и — как это имеет место при капиталистическом способе производства — в качестве регулятора производства вообще. Следовательно, при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что вынуждает весь прибавочный труд и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчинил его лишь спорадически, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как излишке над средней прибылью, т. е. над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом. И если, напр., г. Пасси (см. ниже) уже по отношению к первобытному состоянию говорит о ренте как об излишке над прибылью, как об излишке над исторически определенной общественной формой прибавочной стоимости, так что, по г. Пасси, эта форма могла бы, пожалуй, существовать и без общества, — то это свидетельствует лишь о его наивности.

Для прежних экономистов, которые вообще лишь начинали анализ капиталистического способа производства, еще не развитого в их время, анализ ренты или вообще не представлял никаких затруднений или представлял затруднение совершенно иного характера. Петти, Кантильон, вообще писатели, ближе стоящие

к эпохе феодализма, рассматривают земельную ренту как нормальную форму прибавочной стоимости вообще, между тем как прибыль для них еще неопределенно сливается с заработной платой или, самое большее, представляется той частью этой прибавочной стоимости, которую капиталист оттягал у земельного собственника. Следовательно, они исходят из такого состояния, когда, во-первых, земледельческое население составляет еще решительно преобладающую часть нации и когда, во-вторых, земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает избыточный труд непосредственных производителей в первую очередь, когда, следовательно, земельная собственность все еще выступает как главное условие производства. Для них еще не могло существовать такой постановки вопроса, которая, с точки зрения капиталистического способа производства, имеет целью, наоборот, исследовать, каким образом земельная собственность достигает того, что отнимает у капитала часть произведенной им (т. е. выжатой из непосредственных производителей) и первоначально уже присвоенной им прибавочной стоимости.

У *физиократов* затруднение уже иного свойства. Как действительно первые систематические истолкователи капитала, они стремились анализировать природу прибавочной стоимости вообще. Для них этот анализ совпадает с анализом ренты, единственной формы, в которой для них существует прибавочная стоимость. Поэтому капитал, приносящий ренту, или земледельческий капитал, для них есть единственный капитал, производящий прибавочную стоимость, и приводимый им в движение земледельческий труд есть единственный дающий прибавочную стоимость труд, а потому, вполне правильно с капиталистической точки зрения, единственный производительный труд. Определяющим они совершенно правильно считают производство прибавочной стоимости. Им, помимо других заслуг, о которых речь будет в книге IV, принадлежит прежде всего та великая заслуга, что от торгового капитала, который функционирует только в сфере обращения, они обратились к производительному капиталу, в противоположность меркантильной системе, которая по своему грубому реализму являлась настоящей вульгарной экономией той эпохи, перед практическими интересами которой были оттеснены совершенно на задний план начатки научного анализа у Петти и его последователей. Между прочим, здесь, при критике меркантильной системы, дело идет лишь о ее воззрениях на капитал и прибавочную стоимость. Уже раньше мы отмечали, что производство на мировой рынок и превращение продукта в товар, а потому в деньги, монетарная система справедливо провозгласила предпосылкой и условием капиталистического производства. В ее продолжении, в меркантильной системе, решающую роль играет уже не превращение

товарной стоимости в деньги, а производство прибавочной стоимости, но с бессодержательной [begriffslos] точки зрения сферы обращения, притом таким образом, что эта прибавочная стоимость представлена в форме добавочных денег, в избытке торгового баланса. Вместе с тем поистине характерно для корыстолюбия купцов и фабрикантов того времени и адэкватно тому периоду капиталистического развития, который они представляют, то обстоятельство, что при превращении земледельческих феодальных обществ в промышленные и при соответствующей промышленной борьбе наций на мировом рынке задачей ставится ускоренное развитие капитала, которое достигается не так называемым естественным путем, а при помощи принудительных средств. Составляет огромную разницу, превращается ли национальный капитал в промышленный постепенно и медленно, или же это превращение ускоряется во времени, посредством налогов, которыми они в форме охранительных пошлин облагали главным образом земельных собственников, средних и мелких крестьян и ремесло, посредством ускоренной экспроприации самостоятельных непосредственных производителей, посредством насильственно ускоренного накопления и концентрации капиталов, короче, посредством ускоренного создания условий капиталистического способа производства. Точно так же это составляет огромную разницу в капиталистической и промышленной эксплуатации естественной национальной производительной силы. Поэтому национальный характер меркантильной системы в устах ее защитников — не просто фраза. Под предлогом, будто их занимает только богатство нации и ресурсы государства, они в действительности объявляют интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью государства и прокламируют буржуазное общество в противоположность старому сверхземному государству. Но в то же время имелось и сознание того, что развитие интересов капитала и класса капиталистов, капиталистического производства, сделалось базисом национальной силы и национального преобладания в современном обществе.

Далее, у физиократов правильно, что все производство прибавочной стоимости, а следовательно, и все развитие капитала, рассматриваемое со стороны естественной основы, действительно покоится на производительности земледельческого труда. Если люди вообще не в состоянии производить в течение одного рабочего дня больше жизненных средств, следовательно, в узком смысле больше земледельческих продуктов, чем требуется каждому рабочему для его собственного воспроизводства, если дневной затраты всей его рабочей силы достаточно лишь на то, чтобы произвести жизненные средства, необходимые для его личного потребления, то вообще не может быть и речи ни о прибавочном продукте, ни о прибавочной стоимости. Производительность земледельческого труда, пре-

вышающая индивидуальную потребность рабочего, есть базис всякого общества, и прежде всего базис капиталистического производства, которое все возрастающую часть общества отрывает от производства непосредственных жизненных средств и превращает ее, по выражению Стюарта, в free heads [вольные головы], дает возможность располагать ею для эксплуатации в других сферах.

Но что сказать о новейших экономических писателях, которые, как Дэр, Пасси и др., на закате дней всей классической экономии, даже на ее смертном одре повторяют самые первоначальные представления об естественных условиях прибавочного труда и, следовательно, прибавочной стоимости вообще и воображают, будто они этим дают нечто новое и разительное о земельной ренте, после того как эта земельная рента уже давным-давно исследована как особая форма и специфическая часть прибавочной стоимости? Для вульгарной экономии как раз характерно, что то, что̀ на определенной пережитой ступени развития было ново, оригинально, глубоко и обосновано, она повторяет в такое время, когда это плоско, отстало и ложно. Она обнаруживает этим, что ей чуждо даже представление о проблемах, занимавших классическую экономию. Она смешивает их с вопросами, которые могли ставиться лишь на более низкой ступени развития буржуазного общества. Так же обстоит дело и с ее неустанным самодовольным пережевыванием физиократических положений о свободе торговли. Как бы практически ни интересовали эти положения то или иное государство, они давным-давно утратили всякий теоретический интерес.

При собственно натуральном хозяйстве, когда земледельческий продукт совсем не вступает в процесс обращения или вступает в него лишь очень незначительная часть этого продукта и лишь сравнительно незначительная доля даже той части продукта, которая представляет доход земельного собственника, — как, напр., во многих древнеримских латифундиях, равно как в виллах Карла Великого, а также (см. Вэнсар: «Histoire du travail») в большей или меньшей мере на всем протяжении средних веков, — продукт и прибавочный продукт крупных имений состоит отнюдь не только из продуктов земледельческого труда. Он охватывает также и продукты промышленного труда. Домашний ремесленный и мануфактурный труд как подсобное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство как в древней и средневековой Европе, так — еще до настоящего времени — и в индийской общине, где ее традиционная организация еще не разрушена. Капиталистический способ производства совершенно уничтожает эту связь; процесс, который в крупном масштабе можно изучать особенно в Англии за последнюю треть XVIII века. Головы, выросшие в более или менее полуфеодальных обществах, Герреншванд напр., еще в конце XVIII века видят

в этом обособлении земледелия и мануфактуры безумно смелую общественную авантюру, непостижимо рискованный способ существования. И даже в тех земледельческих хозяйствах древности, в которых обнаруживается наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, в Карфагене и Риме, больше сходства с плантаторским хозяйством, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплуатации[42a]. Мы вообще не найдем в древности в континентальной Италии формальной аналогии, — которая, притом, во всех существенных пунктах представляется сплошь обманчивой для всякого, кто понял капиталистический способ производства и кто не открывает подобно г. Моммзену[43] капиталистического способа производства уже во всяком денежном хозяйстве, — мы найдем ее, пожалуй, только в Сицилии, потому что последняя существовала как земледельческая страна, платившая дань Риму, и потому земледелие в существенном имело целью экспорт. Здесь встречаются арендаторы в современном значении слова.

Неправильное понимание природы ренты основывается на том обстоятельстве, что рента в натуральной форме перешла из натурального хозяйства средних веков, и в полном противоречии с условиями капиталистического способа производства, в новейшее время отчасти в виде церковной десятины, отчасти как диковина, увековеченная старинными договорами. Благодаря этому кажется, будто рента возникает не из цены земледельческого продукта, а из массы продукта, следовательно, не из общественных отношений, а из земли. Уже раньше мы показали, что, хотя прибавочная стоимость представлена в добавочном продукте, однако добавочный продукт в смысле простого увеличения массы продукта не представляет, наоборот, прибавочной стоимости. Он может представлять минус стоимости. Иначе хлопчатобумажная промышленность 1860 г., по сравнению с 1840, должна была бы представлять огромную прибавочную стоимость, между тем как цена пряжи, напротив, понизилась. Вследствие ряда неурожайных годов рента может колоссально возрасти, потому что цена хлеба повышается, хотя эта добавочная стоимость представлена в абсолютно умень-

---

[42a] А. Смит показывает, до какой степени в его время (да и для нашего времени это остается в силе по отношению к плантаторскому хозяйству в тропических и субтропических странах) рента и прибыль еще не обособились, потому что земельный собственник есть в то же время и капиталист, как был, напр., Катон в своих имениях. Но это обособление — как раз предпосылка капиталистического способа производства, понятию которого притом вообще противоречит такой базис, как рабство.

[43] В своей римской истории г. Моммзен берет слово «капиталист» отнюдь не в смысле современной экономии и современного общества, а в духе популярного представления, которое все еще распространяется не в Англии или Америке, а на континенте как старинный пережиток исчезнувших отношений.

пившейся массе вздорожавшей пшеницы. Наоборот, вследствие ряда урожайных годов рента может понизиться, потому что цена падает, хотя упавшая рента будет представлена в большей массе сравнительно дешевой пшеницы. Теперь относительно ренты продуктами следует прежде всего заметить, что она представляет перешедшую из отжившего способа производства, прозябающую в качестве руины традицию, противоречие которой с капиталистическим способом производства обнаруживается в том, что она сама собою исчезла из частных договоров и что там, где могло вмешаться законодательство, как в случае с церковными десятинами в Англии, она была насильственно сметена как нелепость. Но, во-вторых, там, где она продолжает существовать на базисе капиталистического способа производства, она была и могла быть не чем иным, как по-средневековому замаскированным выражением денежной ренты. Пусть, напр., цена квартера пшеницы стоит на уровне 40 шилл. Часть этого квартера должна возместить содержащуюся в нем заработную плату, должна быть продана, чтобы она могла быть авансирована снова; другую часть необходимо продать для того чтобы уплатить падающую на нее долю налогов. Там, где развит капиталистический способ производства, а с ним разделение общественного труда, семена и даже часть удобрений входят в воспроизводство как товары, следовательно, должны быть куплены для возмещения; чтобы добыть денег на это, опять-таки приходится продать часть квартера. Поскольку же их в действительности не приходится покупать как товары, а напротив, они могут быть взяты из самого продукта in natura [в натуре], чтобы снова войти как условия производства в его воспроизводство, — как это бывает не только в земледелии, но и во многих отраслях производства, которые производят постоянный капитал, — то они входят в счет, выраженные как счетные деньги, и вычитаются как составные части издержек производства. Снашивание машин и вообще основного капитала приходится возмещать деньгами. Наконец, очередь за прибылью, которая исчисляется на эти издержки, выраженные в действительных или счетных деньгах. Эта прибыль представлена в известной доле валового продукта, которая определяется его ценой. А та часть, которая остается после этого, образует ренту. Если рента продуктами, установленная контрактом, больше этого остатка, определяемого ценой, то это будет уже не рента, а вычет из прибыли. Уже вследствие одной этой возможности рента продуктами, которая не сообразуется с ценой продукта, следовательно, может составлять и больше и меньше действительной ренты, а потому может образовать вычет не только из прибыли, но и из тех составных частей, которыми возмещается капитал, — уже по одной этой причине такая рента представляет устаревшую форму. В действительности эта рента продуктами, поскольку она является рентой не только по названию,

но и на деле, определяется исключительно избытком цены продукта над его ценой производства. Дело только в том, что эта переменная величина предполагается ею как постоянная. А это сводится к напоминающему доброе старое время представлению, что продукта in natura должно быть достаточно для того чтобы, во-первых, прокормить рабочих, далее, оставить капиталистическому арендатору больше пищи, чем ему требуется, и что избыток над этим образует натуральную ренту. Совершенно так же, как если фабрикант фабрикует 200 000 локтей ситца. Этого ситца достаточно для того чтобы не только одеть его рабочих и более чем одеть его жену и все его потомство и его самого, но оставить, кроме того, ситец на продажу и, наконец, уплачивать ситцем огромную ренту. Дело так просто! Стоит только из 200 000 локтей ситца вычесть цену их производства — и необходимо останется излишек ситца в качестве ренты. Например, из 200 000 локтей ситца вычесть цену их производства в 10 000 ф. ст., не зная продажной цены ситца, из ситца вычесть деньги, из потребительной стоимости как таковой вычесть меновую стоимость и затем определить избыток локтей ситца над фунтами стерлингов, — это действительно наивное представление. Это хуже, чем квадратура круга, в основе которой все же лежит представление о пределе, за которым сливаются прямая линия и кривая. Но именно таков рецепт г. Пасси. Вычтите деньги из ситца, прежде чем в голове или в действительности ситец превратился в деньги! Избыток составляет ренту, которая становится будто бы осязательной naturaliter [натурально] (см., напр., Карла Арнда), а не посредством «софистической» чертовщины! К этой глупости, к вычету цены производства из стольких-то шеффелей пшеницы, к вычитанию денежной суммы из меры объема сводится вся реставрация натуральной ренты.

II. ОТРАБОТОЧНАЯ РЕНТА.

Если мы рассмотрим земельную ренту в ее самой простой форме, в форме *отработочной ренты*, когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении землевладельца, работает на землевладельца, то здесь дело еще совершенно ясно, рента и прибавочная стоимость здесь тожественны. Рента, не прибыль, — вот та форма, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд. В какой мере рабочий (self-sustaining serf) может получить здесь избыток над необходимыми средствами своего существования, т. е. избыток сверх того, что при капиталистическом способе производства мы назвали бы заработной платой, это зависит при прочих равных условиях от того отношения,

в котором его рабочее время делится на рабочее время для него самого и барщинное рабочее время для землевладельца. Итак, этот избыток над необходимейшими средствами существования, зародыш того, что при капиталистическом способе производства является прибылью, здесь всецело определяется высотой земельной ренты, которая в этом случае не только есть непосредственно неоплаченный прибавочный труд, но и выступает как таковой; неоплаченный прибавочный труд для «собственника» условий производства, которые здесь тожественны с землей, а поскольку они отличны от нее, они считаются лишь ее принадлежностью. Что продукта барщинника должно быть здесь достаточно для того чтобы кроме средств его существования возместить и условия его труда, — это обстоятельство остается тем же самым для всех способов производства, так как это результат не специфической формы последних, а естественное условие всякого непрерывного и воспроизводящего труда вообще, всякого длительного производства, которое всегда есть одновременно и воспроизводство, а следовательно, воспроизводство и условий своего собственного функционирования. Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства. Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно ведет свое земледелие, как и связанную с ним сельско-домашнюю промышленность. Эта самостоятельность не снимается тем, что, как, напр., в Индии, эти мелкие крестьяне соединены в более или менее естественно выросшую производственную общину, так как здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному землевладельцу. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее[44]. Данная форма тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно. Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление

---

[44] По завоевании страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение и людей. Ср. Лэнге. См. также Мёзер.

к земле в качестве придатка последней, крепостная зависимость [Hörigkeit] в настоящем смысле этого слова. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества [Gemeinwesen], вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств.

Что касается отработочной ренты, наиболее простой и первоначальной формы ренты, то очевидно одно: рента является здесь первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с нею. Но совпадение прибавочной стоимости с неоплаченным чужим трудом не нуждается здесь в анализе, потому что он существует здесь еще в своей очевидной, осязательной форме, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в про-

странстве и времени от его труда на земельного собственника, и этот труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другого. Точно так же «свойство» земли приносить ренту сводится здесь к осязательно раскрывающейся тайне, потому что к природе, приносящей ренту, относится и прикованная к земле человеческая рабочая сила и отношение собственности, принуждающее владельца рабочей силы напрягать и тратить ее сверх той меры, которая требовалась бы для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Рента прямо состоит в присвоении этой избыточной затраты рабочей силы земельным собственником, потому что непосредственный производитель не уплачивает последнему больше никакой ренты. Здесь, где не только тожественны прибавочная стоимость и рента, но и прибавочная стоимость еще осязательно имеет форму прибавочного труда, совершенно ясно выступают и естественные условия или границы ренты, потому что они суть естественные условия и границы прибавочного труда вообще. Непосредственный производитель должен 1) обладать достаточной рабочей силой, и 2) природные условия его труда, т. е. в первую очередь обрабатываемой земли, должны быть достаточно благоприятны, словом, естественная производительность его труда должна быть достаточно велика для того, чтобы у него оставалась возможность затрачивать избыточный труд сверх труда, необходимого для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Эта возможность не создает ренты, ее создает лишь принуждение, превращающее возможность в действительность. Но самая возможность связана с субъективными и объективными естественными условиями. В этом тоже нет решительно ничего таинственного. Если рабочая сила незначительна и природные условия труда скудны, то прибавочный труд незначителен, но в таком случае незначительны, с одной стороны, потребности производителей, с другой стороны, относительное количество эксплуататоров прибавочного труда и, наконец, прибавочный продукт, в котором реализуется этот мало производительный прибавочный труд на это относительно незначительное число эксплуатирующих собственников.

Наконец, при отработочной ренте ясно само собою, что, при прочих равных условиях, всецело от относительных размеров прибавочного или барщинного труда зависит, в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшать свое положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования, или, если мы предвосхищаем капиталистический способ выражения, окажется ли у него и в какой мере возможность производить какую бы то ни было прибыль для себя самого, т. е. избыток над его заработной платой, производимой им же самим. Рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, законная форма прибавочного труда;

она далека от того, чтобы являться избытком над прибылью, т. е. в данном случае над каким-либо иным избытком сверх заработной платы; напротив, здесь не только размер такой прибыли, но и самое ее существование зависят, при прочих равных условиях, от размера ренты, т. е. прибавочного труда, принудительно выполняемого для собственника.

Некоторые историки выразили свое удивление перед тем, что, хотя непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец, и весь его прибавочный труд de jure [юридически] действительно принадлежит земельному собственнику, при этих условиях вообще может совершаться самостоятельное развитие имущества и, говоря относительно, богатства у обязанных барщиной или крепостных. Между тем ясно, что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть преобладающую роль. Ясно далее, что здесь, как и повсюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы санкционировать существующее как закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения. Это же, — оставляя все другое в стороне, — делается впрочем само собою, раз постоянное воспроизводство базиса существующего состояния, лежащего в его основе отношения, приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму, и эти регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, раз он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола. Он достигает этой формы при застойном состоянии как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого повторного их воспроизводства. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон. Так как данная форма прибавочного труда, барщинный труд, покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда, то барщинный труд должен, естественно, отнимать у непосредственного производителя несравненно меньшую долю всего труда, чем при развитых способах производства и в особенности при капиталистическом производстве. Предположим, напр., что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю. Эти два дня барщинного труда в неделю, таким образом, прочно установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной обычным или писаным правом. Но производи-

тельность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается в процессе его опыта, — совершенно так же, как новые потребности, с которыми он знакомится, совершенно так же, как расширение рынка для его продукта, возрастающая обеспеченность использования этой части его рабочей силы будут поощрять его к усиленному напряжению рабочей силы, причем не следует забывать, что применение этой рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и деревенскую домашнюю промышленность. Здесь дана возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств, от врожденного расового характера и т. д.

III. РЕНТА ПРОДУКТАМИ.

Превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты. Последнее при тех формах, которые мы рассматриваем здесь, состоит в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда; а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, *владеющий* условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить *собственнику* того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, т. е. собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике. В какой бы мере рента продуктами ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, т. е. ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и это одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство. Рента продуктами предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще; и отличается она от предыдущей формы тем, что прибавочный труд должен выполняться уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного

принуждения и постановлением закона вместо плети. Прибавочное производство, в смысле производства сверх необходимых потребностей непосредственного производителя, и производство на фактически ему самому принадлежащем поле производства, им самим эксплуатируемой земле, вместо производства в господском поместье подле и вне своего хозяйства, как было раньше, здесь стали уже само собою разумеющимся правилом. При этом отношении непосредственный производитель, применяя свой труд, более или менее располагает всем своим рабочим временем, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, попрежнему даром принадлежит земельному собственнику, с той только разницей, что последний уже получает его непосредственно не в его собственной натуральной форме, а в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется. Обременительные и в зависимости от регулирования барщинного труда являющиеся большей или меньшей помехой перерывы, обусловливаемые работой на земельного собственника (ср. книга I, гл. VIII, 2, фабрикант и боярин), отпадают, там где рента продуктами существует в чистом виде, или сводятся по крайней мере к немногочисленным коротким перерывам в течение года, если наряду с рентой продуктами сохраняются известные барщины. Труд производителя на самого себя и его труд на земельного собственника уже не отделяются осязательно во времени и пространстве. Эта рента продуктами в ее чистом виде, хотя ее обломки могут продержаться до более развитых способов производства и производственных отношений, попрежнему предполагает натуральное хозяйство, т. е. предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта. Она предполагает далее соединение деревенской домашней промышленности с земледелием; прибавочный продукт, образующий ренту, есть продукт этого соединенного земледельческо-промышленного семейного труда, причем, как это часто наблюдалось в средние века, в ренту продуктами могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты или же она доставляется лишь в форме собственно земледельческого продукта. При этой рентной форме рента продуктами, в которых представлен прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности. Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере является возможность этого и даже возможность того, что этот

непосредственный производитель приобретает средства для того чтобы, в свою очередь, прямо эксплуатировать чужой труд. Однако здесь, где мы заняты чистой формой ренты в продуктах, это нас не касается; как и вообще, мы не можем разбирать бесконечные различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, фальсифицироваться и сливаться. Благодаря связанной с определенным характером продукта и самого производства форме ренты продуктами, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, коротко говоря, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, напр., в Азии. Здесь, как и при более ранней форме отработочной ренты, земельная рента является нормальной формой прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, т. е. всего избыточного труда, который непосредственный производитель принужден даром, фактически, следовательно, по принуждению, выполнять на собственника существеннейшего условия его труда, на собственника земли, — хотя это принуждение уже не противостоит ему в старой грубой форме. Прибыль, — если мы, прибегая к ложной антиципации, так назовем ту частицу избытка его труда над необходимым трудом, которую он присваивает сам себе, — до такой степени не оказывает определяющего влияния на ренту в продуктах, что скорее она появляется за спиною последней и находит свою естественную границу в размере ренты продуктами. Последняя может достигать таких размеров, при которых она является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самых средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму жизненных средств. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит готовой и начинает эксплуатировать торговая нация-завоеватель, как, напр., англичане в Индии.

IV. ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА.

Под денежной рентой мы разумеем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей лишь избыток над средней прибылью — земельную ренту, возникающую из простого превращения формы ренты продуктами, как и она сама была, в свою очередь, лишь превращенной отработочной рентой.

Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в его натуральной форме, избыток необходимо превратить из этой натуральной формы в денежную форму. Хотя непосредственный производитель попрежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом. Отношение издержек производства, в состав которых теперь входят в большей или меньшей мере денежные затраты, приобретает решающее значение; во всяком случае приобретает решающее значение избыток той части валового продукта, которую предстоит превратить в деньги, над той частью, которая должна послужить, с одной стороны, опять как средство воспроизводства, с другой стороны, как непосредственное средство существования. Тем не менее базис этого рода ренты, хотя он и идет здесь навстречу своему разложению, все еще остается тот же, как при ренте продуктами, образующей исходный пункт. Непосредственный производитель попрежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать господину как собственнику этого существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, т. е. неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги. Собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и прочую движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей уже при предшествующих формах, и тем более приходится предполагать это для такой формы, как денежная рента. Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и то, что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах. На востоке Европы мы можем еще отчасти собственными глазами наблюдать процесс этого превращения. Насколько это неосуществимо без известного развития общественной производительной силы труда, свидетельствуют имевшие место при римских императорах различные потерпевшие неудачу попытки этого превращения и возвраты к натуральной ренте после того, как хотели превратить в денежную ренту хотя бы всю ту часть

этой ренты, которая взималась в виде государственного налога. Об этой же трудности перехода свидетельствуют, напр., перед революцией во Франции фальсификация и слияние денежной ренты с остатками ее прежних форм.

Денежная рента как превращенная форма ренты продуктами, и в противоположность ей, есть последняя форма и в то же время форма разложения того рода земельной ренты, который мы рассматривали до настоящего времени, именно земельной ренты как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, который приходится отдавать собственнику условий производства. В своей чистой форме эта рента, как и отработочная рента и рента продуктами, не представляет какого-либо избытка над прибылью. По своему понятию она поглощает последнюю. Поскольку прибыль возникает фактически лишь как особая часть избыточного труда наряду с рентой, денежная рента, как и рента в ее прежних формах, все еще остается нормальной границей этой эмбриональной прибыли, которая может развиваться лишь по мере возможности эксплуатации собственного ли избыточного, чужого ли труда, который получается в остатке по выполнении прибавочного труда, воплощенного в денежной ренте. Если прибыль действительно возникает наряду с этой рентой, то не прибыль является границей ренты, а, наоборот, рента является границей прибыли. Но, как уже сказано, денежная рента есть в то же время форма разложения рассматривавшейся до сих пор земельной ренты, совпадающей prima facie с прибавочной стоимостью и прибавочным трудом, земельной ренты как нормальной и господствующей формы прибавочной стоимости.

В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне все промежуточные формы, как, напр., форму мелкокрестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором.

При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто оброчное денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором. Это превращение, при наличности прочих благоприятствующих общих отношений производства, с одной стороны, утилизируется для того чтобы постепенно экспроприировать старых крестьян-владельцев и заменить их капиталистическим арендатором; с другой стороны, оно ведет к тому, что прежний владелец выкупает свое оброчное обязательство и превращается в независимого крестьянина с полной собственностью на

возделываемую им землю. Далее, превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В течение периода их возникновения, когда этот новый класс появляется лишь спорадически, у лучше поставленных обязанных оброком [rentepflichtigen] крестьян развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих, — совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных. Таким образом у них складывается мало-помалу возможность накоплять известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов. Среди самих прежних владельцев земли, которые сами ее обрабатывали, возникает таким образом рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых зависит от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства и которые расцветают с особенной быстротой, если на помощь им приходят, как в XVI веке в Англии, особо благоприятные обстоятельства, подобно тогдашнему возрастающему обесценению денег, обогащавшему их, при традиционных долгосрочных арендных договорах, за счет земельных собственников.

Далее: когда рента принимает форму денежной ренты и вместе с тем отношение между крестьянином, уплачивающим ренту, и земельным собственником принимает форму договорного отношения — превращение, возможное вообще лишь при уже данном относительно высоком уровне развития мирового рынка, торговли и мануфактуры, — необходимо начинается и отдача земли в аренду капиталистам, которые до того времени стояли за пределами деревни и которые теперь переносят в деревню и в сельское хозяйство приобретенный городскими методами капитал и уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства, производство продукта только как товара и только как средства для присвоения прибавочной стоимости. Общим правилом эта форма может сделаться лишь в странах, которые при переходе от феодального к капиталистическому способу производства господствовали на мировом рынке. С вмешательством капиталистического арендатора между земельным собственником и действительно работающим земледельцем разрываются все отношения, возникшие из прежнего способа производства в деревне. Арендатор становится действительным командиром этих земледельческих рабочих и действительным эксплуататором их прибавочного труда, между тем как земельный собственник стоит теперь в прямом отношении, именно просто денежном и договорном отношении, лишь к этому капиталистическому арендатору. Вместе с тем претерпевает превращение и природа ренты, — не только фактически и случайно, как отчасти наблюдалось уже при прежних формах,

а в ее признанной и господствующей форме. От нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда она низводится до избытка этого прибавочного труда над той его частью, которая присваивается в форме прибыли эксплуатирующим капиталистом; равно как он же теперь непосредственно извлекает весь прибавочный труд, — прибыль и избыток над прибылью, — забирает его в форме всего прибавочного продукта и превращает в деньги. В качестве ренты он отдает земельному собственнику теперь только избыточную часть этой прибавочной стоимости, которую он, в силу своего капитала, извлек непосредственной эксплуатацией сельских рабочих. Много ли или мало он отдает земельному собственнику, это определяется в среднем, как предел, той средней прибылью, которую капитал приносит в неземледельческих сферах производства, и регулируемыми ею неземледельческими ценами производства. Итак, из нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда рента теперь превратилась в характерный для этой особой сферы производства, для земледельческой сферы, избыток над той частью прибавочного труда, на которую капитал претендует как на часть, с самого начала и естественно причитающуюся ему. Вместо ренты прибыль сделалась теперь нормальной формой прибавочной стоимости, и рента имеет теперь значение лишь обособившейся при особых обстоятельствах формы не прибавочной стоимости вообще, а определенного ее ответвления, добавочной прибыли. Нет необходимости дольше останавливаться на том, как этому превращению соответствует постепенное превращение в самом способе производства. Это видно уже из того, что нормальным для этого капиталистического арендатора является производство земледельческого продукта как товара и что, в то время как раньше в товар превращался лишь избыток над его средствами существования, теперь относительно лишь ничтожная доля этих товаров непосредственно превращается в средства существования для него. Уже не земля, а капитал непосредственно подчиняет теперь себе и своей производительности земледельческий труд.

Средняя прибыль и регулируемая ею цена производства образуются вне отношений деревни, в сфере городской торговли и мануфактуры. Прибыль оброчного крестьянина не принимает участия в уравнении прибылей, потому что его отношение к земельному собственнику не есть капиталистическое отношение. Поскольку он получает прибыль, т. е. реализует — собственным ли трудом или эксплуатацией чужого труда — избыток над необходимыми средствами своего существования, это совершается вне нормального отношения и, при прочих равных условиях, высота этой прибыли не определяет ренту, а, наоборот, сама она определяется рентой как своей границей. Высокая норма прибыли в средние века обязана своей высотой не только низкому строению капитала, в котором преобладает переменный, затрачиваемый на

заработную плату элемент. Она обязана своей высотой практикуемому в деревне надувательству, присвоению части ренты земельного собственника и дохода подвластного ему населения. Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством.

Можно было бы вообразить, что простой факт вступления капиталистического арендатора в сельскохозяйственное производство служит доказательством того, что цена земледельческих продуктов, которые в той или иной форме искони уплачивали ренту, должна бы стоять выше цен производства в мануфактуре по крайней мере в эпоху этого вступления, — потому ли, что она достигла уровня монопольной цены, или же потому, что она повысилась до уровня стоимости земледельческих продуктов, а их стоимость действительно выше цены производства, регулируемой средней прибылью. Потому, что в противном случае, капиталистический арендатор при тех ценах земледельческих продуктов, которые он застал, не мог бы сначала реализовать из цены этих продуктов среднюю прибыль, а потом из той же самой цены уплатить еще в форме ренты избыток над этой прибылью. Из этого можно было бы заключить, что общая норма прибыли, которой капиталистический арендатор руководится в своем договоре с земельным собственником, образовалась без включения ренты и потому, начиная играть регулирующую роль в сельском хозяйстве, находит этот избыток готовым и уплачивает его земельному собственнику. Таким традиционным способом объясняет себе дело, напр., г. Родбертус. Но:

Во-первых. Это вступление капитала в земледелие как самостоятельной и ведущей силы совершается не разом и не повсюду, а постепенно и в особых отраслях производства. Он захватывает сначала не собственно земледелие, а такие отрасли производства, как скотоводство, особенно овцеводство, главный продукт которого, шерсть, при подъеме промышленности дает на первых порах постоянный избыток рыночной цены над ценой производства, что выравнивается лишь впоследствии. Так было в Англии в XVI веке.

Во-вторых. Так как это капиталистическое производство сначала выступает лишь спорадически, то ничего нельзя возразить против предположения, что оно сначала овладевает лишь такими комплексами земель, которые вследствие своего особого плодородия или вследствие особо благоприятного положения могут в общем уплачивать дифференциальную ренту.

В-третьих. Даже при том предположении, что при выступлении этого способа производства, предполагающего в действитель-

ности возрастание веса городского спроса, цены земледельческого продукта были выше цены производства, как это без сомнения было, напр., в последнюю треть XVII века в Англии, — даже и тогда, раз этот способ производства до известной степени выбьется из простого подчинения земледелия капиталу и раз произойдет необходимо связанное с его развитием улучшение в земледелии и понижение издержек производства, это уравновесится вследствие реакции, понижения цены земледельческих продуктов, как это было в первой половине XVIII века в Англии.

Итак, этим традиционным способом невозможно объяснить ренту как избыток над средней прибылью. При каких бы исторически данных условиях ни выступила рента впервые, — раз она пустила корень, она может иметь место уже лишь при ранее указанных современных условиях.

В заключение, говоря о превращении ренты продуктами в денежную ренту, следует еще заметить, что при ней становится существенным моментом капитализированная рента, цена земли, а следовательно, ее отчуждаемость и отчуждение, и что благодаря этому не только прежние оброчные крестьяне могут превратиться в независимых крестьян-собственников, но и городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с той целью, чтобы сдавать их крестьянам ли, капиталистам ли и пользоваться рентой как формой процента на свой таким способом затраченный капитал; что, следовательно, и это обстоятельство способствует преобразованию прежнего способа эксплуатации, отношения между собственником и действительным возделывателем, а также самой ренты.

V. ИЗДОЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРЦЕЛЛЯРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Здесь мы подошли к концу ряда ступеней развития земельной ренты.

Во всех этих формах земельной ренты: отработочная рента, рента продуктами, денежная рента (как просто превращенная форма ренты продуктами), плательщик ренты всегда предполагается действительным возделывателем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли. Даже при последней форме, при денежной ренте, — поскольку она является в чистом виде, т. е. как просто превращенная форма ренты продуктами, это не только возможно, но и действительно так бывает.

Как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать Metairie-System, или систему издольного хозяйства, при которой возделыватель (арендатор) кроме труда (собственного или чужого) доставляет

часть капитала для ведения дела, а земельный собственник кроме земли — остальную часть этого капитала (напр. скот), и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между арендатором [Maier] и земельным собственником. С одной стороны, у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. С другой стороны, та доля, которую получает здесь земельный собственник, не обладает чистой формой ренты. Фактически в ней может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента. Она может фактически также и поглотить весь прибавочный труд арендатора или же оставить ему бо̀льшую или меньшую часть этого прибавочного труда. Но существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, издольщику, применяет ли он только собственный или же и чужой труд, приходится предъявлять притязание на известную часть продукта не потому, что он рабочий, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет на свою долю притязание, основываясь не исключительно на своей собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал[44a].

Остаток старинной общинной собственности на землю, сохранившийся после перехода к самостоятельному крестьянскому хозяйству, напр., в Польше и Румынии, послужил там предлогом для того чтобы осуществить переход к более низким формам земельной ренты. Часть земли принадлежит отдельным крестьянам и обрабатывается ими самостоятельно. Другая обрабатывается сообща и образует прибавочный продукт, который служит отчасти для покрытия расходов общины, отчасти как резерв на случай неурожаев и т. д. Эти две последних части прибавочного продукта, а в конце концов и весь прибавочный продукт вместе с землей, на которой он вырастает, мало-помалу узурпируются государственными чиновниками и частными лицами, и первоначально свободные крестьяне — земельные собственники, для которых сохраняется повинность совместной обработки этой земли, превращаются таким образом в барщинников или обязанных к платежу ренты продуктами, между тем как узурпаторы превращаются в собственников не только узурпированной общинной земли, но и самих крестьянских участков.

Здесь нам нет надобности подробнее останавливаться на собственно рабовладельческом хозяйстве (которое тоже проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок) и на помещичьем хозяйстве,

---

[44a] Ср. Бюре, Токвиль, Сисмонди.

в котором земельный собственник ведет обработку за собственный счет, владеет всеми орудиями производства и эксплуатирует труд батраков, — несвободных или свободных, оплачиваемых натурой или деньгами. Земельный собственник и собственник орудий производства, а потому и непосредственный эксплуататор рабочих, относящихся к числу этих элементов производства, здесь совпадают. Точно так же совпадают рента и прибыль, разделение различных форм прибавочной стоимости не имеет места. Собственник всех орудий производства, к которым относится земля, а при первоначальной форме рабства и сами непосредственные производители, прямо извлекает из рабочих весь прибавочный труд, который здесь представлен в прибавочном продукте. Там, где господствуют капиталистические представления, как в американских плантациях, вся эта прибавочная стоимость рассматривается как прибыль; там, где не существует самого капиталистического способа производства и куда еще не перенесен соответствующий ему способ представления из капиталистических стран, она представляется рентой. Во всяком случае эта форма не представляет никаких затруднений. Доход земельного собственника, какое название ни давали бы ему, присваиваемый им наличный прибавочный продукт является здесь той нормальной и господствующей формой, в которой непосредственно присваивается весь неоплаченный прибавочный труд, и земельная собственность образует базис этого присвоения.

Далее *парцеллярная собственность*. Крестьянин здесь одновременно и свободный собственник своей земли, которая является главным орудием его производства, необходимой ареной для его труда и капитала. При этой форме не уплачивается никакой арендной платы, следовательно, рента не выступает в качестве обособленной формы прибавочной стоимости, хотя в странах, где вообще получил развитие капиталистический способ производства, она при сравнении с другими отраслями производства представляется добавочной прибылью, но такой добавочной прибылью, которая, как вообще вся выручка от труда, достается крестьянину.

Эта форма земельной собственности предполагает, что, как и при ее прежних, более древних формах, сельскому населению принадлежит огромный численный перевес над городским, что, следовательно, хотя капиталистический способ производства вообще и господствует, но относительно он развит лишь слабо, а потому и в других отраслях производства концентрация капиталов движется в узких границах, преобладает раздробление капиталов. По существу дела сами производители, крестьяне, должны потреблять здесь преобладающую долю сельскохозяйственного продукта как непосредственное средство существования, и лишь избыток над этим может как товар входить в торговлю с городами. Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена земледельческого

продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует при состояниях общества, при которых еще вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; она тогда выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она в карман того крестьянина, труд которого реализуется при более благоприятных естественных условиях. Как раз при этой форме, где цена земли входит элементом в фактические издержки производства для крестьянина, потому ли, что с дальнейшим развитием этой формы земля достается при разделе наследства взамен известной денежной стоимости, или потому, что при постоянных переходах всей собственности или ее составных элементов сам возделыватель покупает землю, причем деньги он добывает по большей части под ипотеку; где, следовательно, цена земли, представляющая не что иное, как капитализированную ренту, есть элемент, предполагаемый наперед, и где поэтому кажется, что рента существует независимо от каких бы то ни было различий в плодородии и положении земли, — как раз при этой форме приходится в общем предполагать, что абсолютной ренты не существует и что, следовательно, наихудшая земля не приносит никакой ренты; потому, что абсолютная рента или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монопольную цену, превышающую стоимость продукта. Но так как сельское хозяйство ведется здесь главным образом из-за непосредственных средств существования и так как земля представляет для большинства населения необходимое поле приложения его труда и капитала, то регулирующая рыночная цена продукта лишь при исключительных обстоятельствах достигнет размеров его стоимости; стоимость же эта, вследствие преобладания элемента живого труда, будет, как правило, выше цены производства, хотя этот избыток стоимости над ценой производства ограничивается, в свою очередь, тем, что в странах преобладающего парцеллярного хозяйства и неземледельческий капитал имеет низкое строение. Пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина не является ни средняя прибыль на капитал, с одной стороны, поскольку сам он является мелким капиталистом, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку он сам является земельным собственником. Абсолютной границей для него как для мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он, по вычете собственно издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, часто до тех пор, пока она покрывает физический минимум заработной платы. Что касается его как земельного собственника, то

для него отпадает граница, полагаемая собственностью, которая может проявиться лишь в противоположность обособленному от нее капиталу (включая и труд), ставя препятствие для приложения последнего. Конечно, процент на цену земли, который притом обыкновенно приходится уплачивать третьему лицу, ипотечному кредитору, является границей. Но этот процент может уплачиваться как раз из той части прибавочного труда, которая при капиталистических отношениях образовала бы прибыль. Следовательно, рента, антиципированная в земельной цене и уплачиваемом на последнюю проценте, не может быть чем-либо иным, как лишь частью капитализированного прибавочного труда крестьянина, избытка над трудом, необходимым для его пропитания, хотя этот прибавочный труд не реализуется в части стоимости товара, равной всей средней прибыли, и тем более в избытке над реализованным в средней прибыли прибавочным трудом, в добавочной прибыли. Рента может быть вычетом из средней прибыли или даже единственною частью ее, которая и реализуется. Итак, для того чтобы парцеллярный крестьянин обрабатывал свою землю или купил землю для возделывания, нет необходимости в том, чтобы, как это имеет место при нормальном капиталистическом способе производства, рыночная цена земледельческого продукта поднялась настолько высоко, чтобы приносить ему среднюю прибыль, а тем более избыток над этой средней прибылью, фиксированный в форме ренты. Следовательно, нет необходимости в том, чтобы рыночная цена повысилась до уровня ли стоимости, до уровня ли цены производства продукта парцеллярного крестьянина. Здесь — одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром и не принимает участия в регулировании цен производства или в образовании стоимости вообще. Следовательно, такая низкая цена есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда.

Эта форма свободной мелкой (парцеллярной) собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей нормальной формы, с одной стороны, составляет экономическое основание общества, в лучшие времена классической древности, с другой стороны, мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, проистекающих из разложения феодальной земельной собственности. Таково английское yeomanry, крестьянское сословие в Швеции, французское и западно-немецкое крестьянство. О колониях мы здесь не говорим, так как независимый крестьянин развивается там при иных условиях.

Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство [selbstwirtschaftend] есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, т. е. для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или зависимый [Untersasse], производит всегда сам себе средства к жизни, независимо, как отдельный работник с своей семьей. Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она является здесь фундаментом для развития личной самостоятельности. Она является необходимой переходной ступенью с точки зрения развития самого земледелия. Причины, по которым она гибнет, раскрывают ее пределы. Они таковы: уничтожение сельской (кустарной) промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности, постепенное обеднение и истощение почвы, подвергающейся этой культуре; узурпация крупными землевладельцами общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот; конкуренция крупного сельского хозяйства, ведется ли оно как плантаторское хозяйство или капиталистически. Ее гибели содействуют также улучшения в земледелии, которые приводят, с одной стороны, к понижению цен земледельческих продуктов, а с другой стороны, требуют увеличения затрат и более обильных вещественных условий производства; так было, напр., в первой половине XVIII века в Англии.

Мелкая земельная собственность, по самой своей природе, исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки.

Ростовщичество и система налогов должны вести ее повсюду к гибели. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от агрикультуры. Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Безмерное расточение человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства — необходимый закон мелкой собственности. Для этого способа производства урожайные годы — несчастье[45].

Один из специфических недостатков мелкого земледелия там, где оно связано с свободной собственностью на землю, проистекает из того, что обрабатывающий землю вкладывает капитал на покупку

[45] См. тронную речь французского короля у Тука.

земли. (То же относится и к переходной форме, при которой крупный землевладелец затрачивает капитал, во-первых, на покупку земли, и, во-вторых, на то, чтобы в качестве своего собственного арендатора вести на ней хозяйство.) При той подвижности, которую приобретает здесь земля как простой товар, возрастает число перемен во владении ею[46], так что для каждого нового поколения, с каждым разделом наследства, земля, с точки зрения крестьянина, снова выступает в виде капитальной затраты, т. е. становится купленною им землею. Цена земли образует здесь преобладающий элемент индивидуальных непроизводительных издержек производства или издержек производства продукта для отдельных производителей.

Цена земли есть нечто иное, как капитализированная и поэтому антиципированная рента. Если земледелие ведется капиталистически, так что земельный собственник получает только ренту, арендатор же ничего не платит за землю, кроме этой ежегодной ренты, то ясно, что хотя капитал, затраченный самим земельным собственником на покупку земли, является для него капиталом, приносящим проценты, он тем не менее не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на самое земледелие. Он не составляет элемента ни функционирующего в земледелии основного, ни оборотного капитала[47], напротив, он только доставляет покупателю титул на получение ежегодной ренты, но не имеет решительно никакого касательства к производству этой ренты. Ведь покупатель земли отдает капитал как раз тому, кто продает землю, и продавец отказывается за это от своей собственности на землю. Следовательно, как капитал покупателя этот капитал уже не существует; у покупателя его уже нет; следовательно, он не относится к тому капиталу, который каким-либо способом можно было бы вложить в самую землю. Дорого или дешево покупатель купил землю, или получил ее даром, — это ничего не изменяет ни в том капитале, который арендатор затрачивает на ведение хозяйства, ни в ренте, а влияет лишь на то, представляется ли

---

[46] См. Мунье и Рюбишон.

[47] Господин д-р H. Maron (Extensiv oder Intensiv? {Точнее эта брошюра не обозначена}) исходит из ложного предположения тех, с кем он борется. Он предполагает, что капитал, затрачиваемый на покупку земли, есть «Anlagekapital», и потом начинает спорить относительно соответствующих определений понятий Anlagekapital и Betriebskapital, т. е. основной капитал и оборотный капитал. Его совершенно ученические представления о капитале вообще, — извинительные, впрочем, для неэкономиста вследствие состояния германской «науки о народном хозяйстве», — скрывают от него, что этот капитал не есть ни основной, ни оборотный капитал; точно так же, как капитал, который кто-нибудь затрачивает на бирже на покупку акций или государственных фондов и который для него лично представляет помещение капитала, в действительности не «вкладывается» в какую бы то ни было отрасль производства.

последняя для него процентом или нет, или представляется ли она для него высоким или низким процентом.

Возьмем, напр., рабовладельческое хозяйство. Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выколочена из него. Но капитал, уплаченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд. Наоборот. Это — капитал, отчужденный рабовладельцем, вычет из того капитала, которым он располагает в действительном производстве. Он перестал существовать для рабовладельца, — совершенно так же, как капитал, затраченный на покупку земли, перестал существовать для земледелия. Это лучше всего доказывается тем, что он вновь начнет существовать для рабовладельца или собственника земли лишь в том случае, если он продаст раба или землю. Но тогда в такое отношение вступает покупатель. То обстоятельство, что он купил раба, еще не дает ему прямо возможности эксплуатировать раба. Эту возможность даст ему лишь дальнейший капитал, который будет помещен им в самое рабовладельческое хозяйство.

Один и тот же капитал не существует вдвойне: и в руках продавца и в руках покупателя земли. Из рук покупателя он переходит в руки продавца, и этим дело закончено. У покупателя теперь нет капитала, но у него имеется зато участок земли. То обстоятельство, что ренту, получаемую от действительного приложения капитала к этому участку земли, новый земельный собственник считает теперь процентом на капитал, который он не вложил в землю, а потратил на приобретение земли, решительно ничего не изменяет в экономической природе фактора земли, — как то обстоятельство, что кто-нибудь уплатил 1 000 ф. ст. за трехпроцентные консоли, не имеет никакого отношения к тому капиталу, из дохода которого выплачиваются проценты по государственному займу.

Деньги, затраченные на покупку земли, как и деньги, израсходованные на покупку государственных бумаг, суть в действительности капитал лишь *в себе,* как всякая сумма стоимости на базисе капиталистического способа производства есть капитал в себе, потенциальный капитал. Что̀ уплачивается за землю как и за государственные фонды, как и за другой покупаемый товар, — это известная сумма денег. Она в себе капитал, потому что она может быть превращена в капитал. От того употребления, которое продавец сделает из полученных им денег, зависит, превратятся ли они действительно в капитал или нет. Для покупателя они уже не могут функционировать как капитал, — подобно всяким другим деньгам, которые им окончательно израсходованы. В его расчетах они фигурируют для него как капитал, приносящий проценты, потому что доход, получаемый в виде ренты с земли или процента по

государственному займу, исчисляется им как процент на деньги, которых стоила ему покупка титула на этот доход. Он может реализовать их как капитал только посредством перепродажи. Но тогда другой, новый покупатель вступает в такое же отношение, в котором был первый, и никакими перемещениями из рук в руки затраченные таким образом деньги не могут превратиться в действительный капитал для того, кто их затратил.

При мелкой земельной собственности еще больше упрочивается та иллюзия, будто сама земля имеет стоимость и потому входит как капитал в цену производства продукта, подобно машине или сырому материалу. Но мы видели, что рента, а потому и капитализированная рента, цена земли, только в двух случаях может принимать участие в определении цены земледельческого продукта. Во-первых, когда вследствие строения земледельческого капитала, — капитала, который не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на покупку земли, — стоимость земледельческого продукта выше его цены производства, и отношения рынка дают собственнику земли возможность использовать эту разницу. Во-вторых, когда имеет место монопольная цена. И то и другое реже всего встречается при парцеллярном хозяйстве и мелкой земельной собственности, потому что как раз здесь производство в очень большой мере служит для удовлетворения потребностей самого земледельца и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли. Даже в тех случаях, когда парцеллярное хозяйство ведется на арендованной земле, арендная плата здесь в несравненно большей мере, чем при каких бы то ни было иных отношениях, заключает в себе часть прибыли и даже вычет из заработной платы; в таком случае это — рента лишь номинально, не рента как самостоятельная категория в противоположность заработной плате и прибыли.

Итак, затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет из себя затрату земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству, так как в этой области вообще реже встречаются настоящие кредитные отношения. Она представляет из себя помеху агрикультуре также и в том случае, когда происходит покупка крупных помещичьих хозяйств. Она на самом деле противоречит капиталистическому способу производства, для которого в целом безразлична задолженность землевладельца, все равно, унаследовал ли он свой участок земли или купил его. Сам ли он забирает ренту, или же должен, в свою очередь, отдать ее ипотечному кредитору, — это

само по себе ничего не изменяет в ведении хозяйства в заарендованном имении.

Мы видели, что при данной земельной ренте цена земли регулируется уровнем процента. Если последний низок, то цена земли высока, и обратно. Итак, при нормальных условиях высокая цена земли и низкий размер процента должны бы идти рука об руку, так что, если бы крестьянин вследствие низкого уровня процента дорого заплатил за землю, то этот же самый низкий уровень процента должен был бы доставить ему на благоприятных условиях в кредит капитал для ведения хозяйства. В действительности при господстве парцеллярной собственности дело обстоит иначе. Прежде всего, к крестьянам не относятся общие законы кредита, так как они предполагают, что производитель является капиталистом. Во-вторых, там, где преобладает парцеллярная собственность — о колониях здесь нет речи — и парцеллярный крестьянин образует основу нации, образование капитала, т. е. общественное воспроизводство, сравнительно слабо, и еще слабее образование ссужаемого капитала в раньше изложенном смысле. Оно предполагает концентрацию и наличность класса богатых праздных капиталистов (Мэсси). В-третьих, в том случае, где собственность на землю составляет жизненное условие для большей части производителей и необходимую сферу для приложения их капитала, цена земли повышается, независимо от уровня процента и часто в обратном отношении к нему, благодаря перевесу спроса на земельную собственность над предложением. За землю, продаваемую парцеллами, часто получают здесь гораздо более высокую цену, чем при продаже крупными массивами, так как здесь число мелких покупателей огромно, а число крупных покупателей мало (Bandes Noires*, Рюбишон; Ньюмэн). По всем этим причинам здесь цена земли повышается при относительно высоком размере процента. Относительно низкому проценту, который крестьянин извлекает здесь из капитала, затраченного на покупку земли (Мунье), на противоположной стороне здесь соответствует высокая ростовщическая процентная ставка, которую сам крестьянин должен уплачивать ипотечному кредитору. Ирландская система обнаруживает то же самое, только в иной форме.

Поэтому цена земли, этот элемент, сам по себе чуждый производству, может достигать здесь такой высоты, что производство становится невозможным (Домбаль).

Что цена земли играет такую роль, что купля и продажа земли, обращение земли в качестве товара развивается до такого размера, практически является следствием развития капиталистического способа производства, при котором товар становится общей формой всех продуктов и всех орудий производства. С другой стороны,

* «Черные банды» — объединения спекулянтов. *Ред.*

эти явления развиваются только там, где капиталистический способ производства получил лишь ограниченное развитие и не развернул всех своих особенностей; так как эти явления покоятся именно на том, что земледелие уже не подчинено — или еще не подчинено — капиталистическому способу производства, а подчинено способу производства, сохранившемуся от погибших форм общества. Следовательно вредные стороны капиталистического способа производства, с его зависимостью производителя от денежной цены его продукта, совпадают здесь с вредом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства. Крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых он мог бы производить свой продукт в виде товара.

Конфликт между ценой земли как элементом издержек производства для производителя и неэлементом цены производства продукта (даже если рента принимает определяющее участие в образовании цены земледельческого продукта, такого влияния отнюдь не оказывает капитализированная рента, которая авансируется на 20 и более лет) есть лишь одна из форм, в которых вообще выражается противоречие частной собственности на землю с рациональным земледелием, с нормальным общественным пользованием землею. Но, с другой стороны, частная собственность на землю, следовательно, экспроприация земли у непосредственных производителей — частная собственность одних, которая подразумевает отсутствие собственности на землю у других, — есть основа капиталистического способа производства.

Здесь, при мелком земледелии цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности, выступает сама как ограничение производства. При крупном земледелии и при крупной земельной собственности, основывающейся на капиталистическом способе хозяйства, собственность тоже является ограничением, так как она стесняет фермера в производительных затратах капитала, приносящих выгоду в последнем счете не ему, а землевладельцу. При обеих формах на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства для ряда сменяющихся человеческих поколений, выступает эксплуатация и расточение сил земли (не говоря уже о том, что эксплуатация ставится в зависимость не от достигнутого обществом уровня развития, а от случайных неодинаковых обстоятельств отдельных производителей). При мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности — вследствие эксплуатации этих средств для возможно быстрейшего обогащения арендаторов и собственников. И в том и в другом случае — вследствие зависимости от рыночной цены.

Вся критика мелкой земельной собственности в последнем счете сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия. К этому же сводится и вся противоположная критика крупной земельной собственности. Конечно, мы здесь для обоих случаев оставляем в стороне побочные политические соображения. Эта граница и эта помеха, которую всякая частная собственность на землю полагает земледельческому производству и рациональному возделыванию, сохранению и улучшению самой почвы, развивается и здесь и там, только в различных формах и в спорах об этих специфических формах зла забывается его последняя причина.

Мелкая земельная собственность предполагает, что громадное большинство населения живет в деревнях, что преобладает не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при этом исключается разнообразие и развитие воспроизводства, т. е. и материальных, и духовных условий его, исключаются условия рациональной культуры. С другой стороны, крупная земельная собственность сокращает земледельческое население до постоянно понижающегося минимума и противопоставляет ему все возрастающее, концентрирующееся в городах промышленное население; тем самым она порождает условия, пробивающие непоправимую брешь в процессе общественного обмена веществ, диктуемого естественными законами жизни, вследствие чего сила почвы растрачивается, а торговля выносит продукт этого расточения далеко за пределы собственной страны (Либих).

Если мелкая земельная собственность создает класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище ее примитивная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций: в самой деревне. Крупная промышленность и промышленное ведение крупного земледелия действуют рука об руку. Если первоначально они различаются тем, что первая истощает и разрушает больше рабочую силу, а следовательно, естественную силу человека, между тем как второе более непосредственно опустошает и разоряет естественную силу земли, то позже, с ходом развития, они подают друг другу руку: промышленная система и в деревне истощает рабочего, а промышленность и торговля, в свою очередь, создают для земледелия средства истощения почвы.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

ДОХОДЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ.

ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА.

I[48].

Капитал — прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля — земельная рента, труд — заработная плата: вот триединая формула, которая охватывает все тайны общественного процесса производства.

Далее, ввиду того что процент, как это показано раньше, выступает как специфический [eigentliche], характерный продукт капитала, а предпринимательский доход в противоположность этому как независимая от капитала заработная плата, то указанная триединая формула ближайшим образом сводится к следующей:

Капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата, причем прибыль, эта форма прибавочной стоимости, специфически характеризующая капиталистический способ производства, благополучно устраняется.

При ближайшем рассмотрении этого экономического триединства мы открываем следующее:

Во-первых, мнимые источники богатства, которыми можно располагать каждый год, относятся к совершенно различным сферам и не имеют ни малейшего сходства между собою. Они относятся друг к другу примерно как нотариальные пошлины, красная свекловица и музыка.

Капитал, земля, труд! Но капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической

[48] Следующие три отрывка находятся в различных местах рукописи отдела VI. — *Ф. Э.*

формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер. Капитал не есть сумма материальных и произведенных средств производства. Капитал — это превратившиеся в капитал средства производства, которые сами по себе так же не суть капитал, как золото или серебро сами по себе не суть деньги. Монополизированные определенной частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия приведения в действие самой этой рабочей силы,— вот что в силу этой противоположности персонифицируется в капитале. Не только продукты рабочих, превратившиеся в самостоятельные силы, продукты как поработители и покупатели своих производителей, но также и общественные силы и будущая... {? неразборчиво} форма этого труда противостоят им как свойства их продукта. Следовательно, мы имеем здесь определенную, на первый взгляд очень мистическую, общественную форму одного из факторов исторически создавшегося [historisch fabrizierten] общественного процесса производства.

А теперь рядом с этим земля, неорганическая природа как таковая, rudis indigestaque moles [грубая и необработанная масса], во всей ее первобытной дикости. Стоимость есть труд. Поэтому прибавочная стоимость не может быть землею. Абсолютное плодородие почвы не приводит к чему-либо иному, как только к тому, что известное количество труда дает известный, обусловливаемый естественным плодородием почвы, продукт. Различие в плодородии почвы приводит к тому, что одни и те же количества труда и капитала, следовательно, одна и та же стоимость, выражаются в различных количествах земледельческих продуктов; следовательно, что эти продукты имеют различные индивидуальные стоимости. Выравнивание этих индивидуальных стоимостей в рыночные стоимости приводит к тому, что advantages of fertile over inferior soil... are transferred from the cultivator or consumer to the landlord [выгоды, получаемые от более плодородной почвы по сравнению с худшей... переносятся от возделывателя или потребителя к лэндлорду] (Рикардо: «Principles», стр. 6)*.

И, наконец, в качестве третьего в этом союзе простой призрак — труд «вообще» [«die» Arbeit], который есть не что иное, как абстракция и, взятый сам по себе, вообще не существует или, если мы возьмем... {неразборчиво} производительная деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только обнаженная от всякой общественной формы и определенности характера, но даже просто в ее естественном

* «On the Principles of Political Economy and Taxation». См. *Д. Рикардо:* «Начала политической экономии и податного обложения», Соч., т. II, Соцэкгиз, 1935 г., стр. 37. *Ред.*

бытии, независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ, и как выражение жизни и утверждение жизни общая еще необщественному человеку с человеком, получившим какое бы то ни было общественное определение.

II.

Капитал — процент; земельная собственность, частная собственность на земной шар, притом современная, соответствующая капиталистическому способу производства, — рента; наемный труд — заработная плата. Итак, в этой форме должна заключаться связь между источниками дохода. Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность суть исторически определенные общественные формы, одна — труда, другая — монополизированного земного шара, и притом обе суть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической общественной формации.

Первое, что̀ бросается в глаза в этой формуле, заключается в том, что рядом с капиталом, рядом с этой формой одного элемента производства, принадлежащей определенному способу производства, определенной исторической структуре общественного процесса производства, рядом с элементом производства, слившимся с определенной социальной формой и представляемым в ней, без дальнейших околичностей ставятся: земля — с одной стороны, труд — с другой, два элемента реального процесса труда, которые в этой вещественной форме общи всем способам производства, суть вещественные элементы всякого процесса производства и не имеют никакого отношения [nichts zu schaffen haben] к его общественной форме.

Во-вторых. В формуле «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата» капитал, земля, труд выступают в качестве соответственных источников процента (вместо прибыли), земельной ренты и заработной платы как их продуктов, плодов; первые — основание, вторые — следствие, первые — причина, вторые — результат; и притом таким образом, что каждый источник относится к своему продукту, как к чему-то выделенному и произведенному им. Все три дохода, процент (вместо прибыли), рента, заработная плата, суть три части стоимости продукта; следовательно, вообще части стоимости, или, в денежном выражении, известные части денег, части цены. Хотя формула: капитал — процент есть самая бессодержательная [begriffsloseste] формула капитала, но тем не менее это — его формула. Но каким образом земля может создать стоимость, т. е. общественно определенное количество труда да еще именно ту особую часть стоимости ее собственных продуктов, которая образует ренту? Земля действует,

напр., как фактор производства при создании потребительной стоимости, материального продукта — пшеницы. Но она не имеет никакого отношения к производству *стоимости пшеницы.* Поскольку в пшенице представлена стоимость, пшеница рассматривается лишь как определенное количество овеществленного общественного труда, вне всякого отношения к особому веществу, в котором представлен этот труд, или к особой потребительной стоимости этого вещества. Это не противоречит тому, что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли. Производительность земледельческого труда связана с природными условиями, и в зависимости от производительности последних одно и то же количество труда бывает представлено в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей. Как велико количество труда, представленное в одном шеффеле, это зависит от того, какое количество шеффелей доставляется данным количеством труда. От производительности земли здесь зависит, в каких количествах продукта представлена стоимость; но эта стоимость дана независимо от такого распределения. Стоимость представлена в потребительной стоимости; а потребительная стоимость есть условие создания стоимости; но глупо создавать противопоставление там, где на одной стороне стоит потребительная стоимость, земля, а на другой стороне — стоимость, и притом еще особая часть стоимости. 2) {Здесь рукопись обрывается.}

III.

Вульгарная экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз в форме проявления экономических отношений, которая отчуждена от них и в которой они prima facie принимают нелепый характер и полны противоречий, — а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная экономия чувствует себя совершенно как дома и что эти отношения представляются ей тем самоочевиднее, чем более скрыта в них внутренняя связь, и чем, однако, более привычными они кажутся для обыденного представления. Поэтому у нее нет ни малейшего представления о том, что триединство, из которого она исходит: земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата или цена труда, суть три prima facie невозможные сочетания. Прежде всего перед нами потребительная стоимость, *земля,* которая не имеет стоимости, и меновая стоимость, *рента:*

таким образом социальное отношение, взятое как вещь, поставлено в отношение пропорциональности к природе; т. е. выходит, что в известном отношении друг к другу стоят две несоизмеримые величины. Затем *капитал — процент*. Если под капиталом понимается известная сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то prima facie — бессмыслица, чтобы стоимость больше стоила, чем она стоит. Как раз в форме: капитал — процент, отпадает всякое опосредствование, и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле. Именно потому вульгарный экономист и предпочитает формулу капитал — процент, с мистическим свойством стоимости быть неравной себе самой, формуле капитал — прибыль, что последняя уже ближе подходит к действительному капиталистическому отношению. А потом, тревожно чувствуя, что 4 не есть 5, и потому 100 талеров не могут же быть 110 талерами, вульгарный экономист ищет спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала, в его потребительной стоимости как условии производства для труда, в машинах, сыром материале и т. д. Таким образом опять удается вместо непонятного первого отношения, при котором 4 = 5, вывести совершенно несообразное отношение между потребительной стоимостью, вещью, с одной стороны, и определенным общественным производственным отношением, прибавочной стоимостью, с другой стороны, как в случае с земельной собственностью. Как только вульгарный экономист доходит до этих несоизмеримостей, ему все становится ясным, он уже не чувствует потребности раздумывать дальше. Ибо он дошел как раз до «рационального» для буржуазного представления. Наконец, *труд — заработная плата,* цена труда, как показано в книге I, есть выражение, которое prima facie противоречит понятию стоимости, равно как и понятию цены, которая вообще сама есть лишь определенное выражение стоимости; и «цена труда» столь же иррациональна, как желтый логарифм. Но как раз здесь-то больше всего и удовлетворяется вульгарный экономист, потому что он тут дошел до глубокого воззрения буржуа, который находит, что он платит деньги за труд, и так как именно противоречие формулы понятию стоимости снимает с него обязанность понять последнюю.

Мы[49] видели, что капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства

[49] Начало главы XLVIII по рукописи.

самих производственных отношений, а тем самым, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т. е. определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и в которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает в определенных материальных условиях, являющихся, однако, в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны — результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним. Далее мы видели: капитал, — а капиталист есть лишь персонифицированный капитал, — функционирует в процессе производства лишь как носитель капитала — итак, капитал выкачивает в соответствующем ему общественном процессе производства из непосредственных производителей, или рабочих, определенное количество прибавочного труда, который он получает без эквивалента и который по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения. Этот прибавочный труд выражается в прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость существует в прибавочном продукте. Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабской системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется в качестве страхования против случайностей, вследствие необходимого, соответствующего развитию потребностей и прогрессу [Fortschritt] населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением. Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [höhere Neubildung] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д. Он приводит таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, эта ступень создает материальные средства и зародыш для отношений, которые в более высокой форме

общества дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что, в зависимости от развития производительной силы труда, прибавочный труд может быть велик при малой общей продолжительности рабочего дня и относительно мал при большой общей продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 и прибавочный труд = = 3, то весь рабочий день = 6, и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 и прибавочный труд = 3, то весь рабочий день = 12, а норма прибавочного труда = только $33^1/_3$%. Таким образом от производительности труда зависит, сколько потребительной стоимости производится в течение определенного времени, а следовательно, также в течение определенного прибавочного рабочего времени. Следовательно, действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большего или меньшего изобилия тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться цивилизованный, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господствовал над ними; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адэкватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

Эта прибавочная стоимость или этот прибавочный продукт распределяется в капиталистическом обществе между капиталистами, — если мы оставим в стороне случайные колебания распределения и будем рассматривать его регулирующий закон, его нормирующие границы, — как дивиденд пропорционально той

доле, которая принадлежит каждому в общественном капитале. В этом виде прибавочная стоимость выступает как средняя прибыль, достающаяся капиталу, средняя прибыль, которая, в свою очередь, расщепляется на предпринимательский доход и процент и которая под этими обеими категориями может достаться различного рода капиталистам. Это присвоение и распределение прибавочной стоимости, соответственно — прибавочного продукта, капиталом имеет, однако, свою границу в земельной собственности. Как функционирующий капиталист выкачивает из рабочего прибавочный труд, а тем самым в форме прибыли прибавочную стоимость и прибавочный продукт, так земельный собственник, в свою очередь, выкачивает у капиталиста часть этой прибавочной стоимости или прибавочного продукта, в форме ренты, согласно раньше изложенным законам.

Итак, когда мы говорим здесь о прибыли как достающейся капиталу доле прибавочной стоимости, то мы имеем в виду среднюю прибыль (равную предпринимательскому доходу плюс процент), которая уже сокращена вычетом ренты из всей прибыли (по своей массе тожественной со всей прибавочной стоимостью); т. е. предполагается вычет ренты. Следовательно, прибыль капитала (предпринимательский доход плюс процент) и земельная рента суть не что иное, как особые составные части прибавочной стоимости, категории, в которых последняя становится различной в зависимости от того, достается ли она капиталу или земельной собственности, рубрики, которые, однако, ничего не изменяют в ее сущности. Сложенные вместе, они образуют сумму общественной прибавочной стоимости. Капитал выкачивает прибавочный труд, представленный в прибавочной стоимости и прибавочном продукте, непосредственно из рабочих. Следовательно, в этом смысле он может рассматриваться как производитель прибавочной стоимости. Земельная собственность не имеет никакого отношения к действительному процессу производства. Ее роль ограничивается тем, что она перемещает часть произведенной прибавочной стоимости из кармана капитала в свой собственный. Тем не менее, земельный собственник играет роль в капиталистическом процессе производства, не только благодаря тому давлению, которое он оказывает на капитал, и также не просто благодаря тому, что крупная земельная собственность является предпосылкой и условием капиталистического способа производства, так как она является предпосылкой и условием экспроприации условий труда у рабочих, но специально потому, что земельный собственник выступает как персонификация одного из существеннейших условий производства.

Наконец, рабочий, как собственник и продавец своей личной рабочей силы, под названием заработной платы получает часть продукта, где представлена часть его труда, которую мы называем

необходимым трудом, т. е. трудом, необходимым для сохранения и воспроизводства этой рабочей силы, каковы бы ни были условия этого сохранения и воспроизводства: скуднее или богаче, благоприятнее или неблагоприятнее.

Какими бы несравнимыми вообще ни казались эти отношения, в них есть одно общее: капитал из года в год приносит капиталисту прибыль, земля земельному собственнику — земельную ренту, и рабочая сила, — при нормальных условиях и пока она остается пригодной рабочей силой, — рабочему заработную плату. Эти три части всей ежегодно производимой общей суммы стоимости и соответствующие им части всего ежегодно производимого продукта могут быть, — накопление мы оставляем здесь пока в стороне, — ежегодно потребляемы их соответственными владельцами без того, чтобы иссяк источник их воспроизводства. Они являются как бы предназначенными для ежегодного потребления плодами многолетнего дерева или, вернее, трех деревьев, они образуют годовой доход трех классов: капиталиста, земельного собственника и рабочего, доходы, которые распределяются функционирующим капиталистом, так как он непосредственно выкачивает прибавочный труд и применяет труд вообще. Таким образом капиталисту его капитал, земельному собственнику его земля и рабочему его рабочая сила или, вернее, самый его труд (так как он действительно продает рабочую силу, только в ее проявлении, и цена рабочей силы, как показано раньше, на базисе капиталистического способа производства необходимо представляется ему ценой труда) представляются тремя различными источниками их специфических доходов: прибыли, земельной ренты и заработной платы. Они и действительно являются таковыми в том смысле, что капитал для капиталиста — многолетний насос для выкачивания прибавочного труда, земля для земельного собственника — многолетний магнит для притяжения части той прибавочной стоимости, которую выкачал капитал, и, наконец, труд — постоянно возобновляющееся условие и всякий раз [stets] возобновляющееся средство для того, чтобы под титулом заработной платы приобретать часть созданной рабочим стоимости, а следовательно, измеряемую этой частью стоимости часть общественного продукта — необходимые жизненные средства. Они являются таковыми далее в том смысле, что капитал фиксирует часть стоимости, а потому и продукта годового труда, в форме прибыли, земельная собственность — другую часть в форме ренты, и наемный труд — третью часть в форме заработной платы, и как раз посредством этого превращения делает эти части доходами капиталиста, земельного собственника и рабочего, не создавая, однако, самой субстанции, превращающейся в эти различные категории. Напротив, распределение предполагает наличность этой субстанции, т. е. всей стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как

овеществленный общественный труд. Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме. Почему это происходит, мы увидим в дальнейшем ходе исследования. Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых, как таковых, происходят три различные составные части ежегодно производимой стоимости, а следовательно, и продукта, в котором она существует, из которых, следовательно, происходят не только различные формы этой стоимости, достающиеся в виде доходов отдельным факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а тем самым и субстанция этих форм дохода.

{Здесь в рукописи недостает листа in folio [формата полулиста].}

...Дифференциальная рента связана с относительным плодородием земель, следовательно, со свойствами, которые возникают из почвы как таковой. Но поскольку она, во-первых, покоится на различии индивидуальных стоимостей продуктов различных сортов земли, это есть лишь то определение, которое мы только что упомянули; поскольку она, во-вторых, покоится на отличной от этих индивидуальных стоимостей регулирующей общей рыночной стоимости, это будет общественный, осуществляющийся при посредстве конкуренции закон, который не имеет никакого отношения ни к земле, ни к различным степеням ее плодородия.

Могло бы казаться, что по крайней мере в «труд — заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в «земля — земельная рента». Поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата, или цена труда, есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы; и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к общему фактору производства. Труд овеществляется [vergegenständlicht sich] и в той составной части стоимости товара, которая образует в качестве заработной платы цену рабочей силы; он создает эту часть точно так же, как другие части продукта; но он овеществляется в этой части не более и не иначе, чем в частях, которые образуют ренту или прибыль. И вообще раз труд нами фиксируется, как созидатель стоимости, мы рассматриваем его не в его конкретной форме [Gestalt], как условие производства, а в его общественной определенности, которая отлична от общественной определенности наемного труда.

Даже выражение «капитал — прибыль» здесь неправильно. Если капитал берется в том единственном отношении, в котором он производит прибавочную стоимость, именно в том его отношении к рабочему, в котором он выжимает прибавочный труд принуждением, оказываемым на рабочую силу, т. е. на наемного рабочего, то ведь эта прибавочная стоимость заключает в себе кроме прибыли (предпринимательский доход плюс процент) и ренту, короче, всю неразделенную прибавочную стоимость. Здесь, напротив, капитал как источник дохода ставится в отношение только к той части, которая достается капиталисту. А это не прибавочная стоимость, которую он вообще извлекает, а лишь та ее часть, которую он извлекает для капиталиста. Всякая связь отпадает еще более, если эта формула превращается в такую: «капитал — процент».

Если сначала мы рассматривали то, что разделяет три источника, то теперь мы видим, что их продукты, их порождения, напротив, все принадлежат к одной и той же области, к области стоимости. Однако это уничтожается тем (это отношение между не только несоизмеримыми величинами, но и между совершенно различными, никакого отношения друг к другу не имеющими и несравнимыми вещами), что капитал, подобно земле и труду, берется в действительности просто в его вещественной субстанции, следовательно, просто как произведенное средство производства, причем абстрагируются от него как от отношения к рабочему и от него как от стоимости.

В-третьих. В этом смысле, следовательно, формула: «капитал — процент (прибыль), земля — рента, труд — заработная плата» представляет одинаковую во всех частях и симметрическую несообразность. В самом деле, раз наемный труд представляется не как общественно определенная форма труда, но всякий труд по своей природе представляется наемным трудом (так представляет себе дело тот, кто опутан капиталистическими отношениями производства), то и определенные, специфические общественные формы, которые принимают вещественные условия труда — произведенные средства производства и земля по отношению к наемному труду (как, наоборот, с своей стороны они предполагают наемный труд) — прямо совпадают с вещественным бытием этих условий труда, или с тем видом, который они вообще имеют в действительном процессе труда, независимо от всякой его конкретной, исторически определенной общественной формы и даже независимо от *всякой* общественной формы. Отчужденная от труда, приобревшая самостоятельность по отношению к нему и тем самым превращенная форма [Gestalt] условий труда, в которой таким образом произведенные средства производства превращаются в капитал, а земля — в монополизированную землю, в земельную собственность, эта принадлежащая определенному историческому периоду форма отожествляется поэтому с бытием и функцией произведенных

средств производства и земли в процессе производства вообще. Эти средства производства оказываются капиталом сами по себе от природы; капитал оказывается просто «экономическим термином» для этих средств производства; и земля оказывается сама по себе от природы землей, монополизированной известным количеством земельных собственников. Как в капитале и капиталисте, — который в самом деле есть не что иное, как персонифицированный капитал, — продукты становятся самостоятельной силой по отношению к производителям, так и в земельном собственнике персонифицируется земля, которая тоже становится на дыбы и как самостоятельная сила требует своей доли в произведенном с ее помощью продукте; так что не земля получает принадлежащую ей часть продукта для восстановления и повышения ее производительности, а вместо нее земельный собственник получает долю этого продукта ее для расточения и мотовства. Ясно, что капитал предполагает труд как наемный труд. Но не менее ясно, что если исходить из труда как наемного труда, так что совпадение труда вообще с наемным трудом кажется самоочевидным, то капитал и монополизированная земля должны также представляться природной формой условий труда по отношению к труду вообще. Бытие в качестве капитала представляется теперь природной формой средств труда, а потому чисто вещным свойством, возникающим из их функций в процессе труда вообще. Таким образом капитал и произведенное средство производства становятся тожественными выражениями. Точно так же тожественными выражениями становятся земля и монополизированная частной собственностью земля. Оттого средства труда как таковые, являясь капиталом от природы, становятся источником прибыли, а земля как таковая — источником ренты.

Труд как таковой в его простой определенности как целесообразной производительной деятельности ставится в отношение к средствам производства, взятым не в их общественной определенности формы, а в их вещественной субстанции, к средствам производства как к материалу и средству труда, различающимся между собою тоже лишь вещественно как потребительные стоимости: земля — как непроизведенное средство труда, остальные — как произведенные средства труда. Следовательно, если труд совпадает с наемным трудом, то та определенная общественная форма, в которой условия труда противостоят теперь труду, в свою очередь, совпадает с их вещественным бытием. В таком случае средства труда как таковые суть капитал, и земля как таковая есть земельная собственность. Тогда формальная самостоятельность, приобретенная этими условиями труда по отношению к труду, и та особая форма этой самостоятельности, которой они обладают по отношению к наемному труду, оказывается свойством, неотделимым от них как от вещей, как от материальных условий

производства, оказывается характером, необходимо принадлежащим им, искони сросшимся [eingewachsener] с ними просто как с элементами производства. Их обусловленный определенной исторической эпохой социальный характер в капиталистическом процессе производства оказывается их вещным характером, естественно и, так сказать, искони прирожденным им как элементам процесса производства. В таком случае должно казаться, что соответственное участие, которое земля как первоначальное поле деятельности труда, как царство природных сил, как найденный готовым арсенал всех предметов труда, и другое соответственное участие, которое произведенные средства производства (орудия, сырые материалы и т. д.) принимают в процессе производства вообще, находят себе выражение в соответственных долях, которые достаются им как капиталу и земельной собственности, — т. е. их социальным представителям, — в форме прибыли (процента) и ренты, подобно тому, как для рабочего то участие, которое его труд принимает в процессе производства, выражается в заработной плате. Таким образом кажется, будто рента, прибыль, заработная плата порождаются той ролью, которую земля, произведенные средства производства и труд играют в простом процессе труда, даже если бы мы рассматривали этот процесс труда как процесс, происходящий просто между человеком и природой и абстрагировались от всякой исторической определенности. Это опять то же самое, только в иной форме, когда говорят: продукт, в котором представлен труд наемного рабочего на себя самого, представлена его выручка, его доход, это только заработная плата, та часть стоимости (а потому и общественного продукта, измеряемого этой стоимостью), которая представляет его заработную плату. Следовательно, если наемный труд совпадает с трудом вообще, то и заработная плата совпадает с продуктом труда, и та часть стоимости, которая представлена заработной платой, совпадает со стоимостью, вообще созданною трудом. Но благодаря этому и другие части стоимости, прибыль и рента, столь же самостоятельно противопоставляются заработной плате и, в свою очередь, должны возникать из собственных источников, специфически отличных и независимых от труда; они должны возникать из соучаствующих элементов производства, владельцам которых они достаются, следовательно, прибыль — из средств производства, вещественных элементов капитала, а рента из земли или природы, представляемой земельным собственником (Рошер).

Поэтому из источников дохода в том смысле, что капитал притягивает в форме прибыли к капиталисту часть той прибавочной стоимости, которую он извлекает из труда, монополия на землю притягивает к земельному собственнику другую часть в форме ренты, а труд отдает в форме заработной платы последнюю еще остающуюся часть стоимости рабочему, — из источников,

при посредстве которых одна часть стоимости превращается в форму прибыли, другая в форму ренты и третья в форму заработной платы, — земельная собственность, капитал и наемный труд превращаются в действительные источники, из которых возникают сами эти части стоимости и те соответственные части продукта, в которых существуют или на которые могут быть обменены эти части стоимости, в источники, из которых в последнем счете возникает сама стоимость продукта[50].

Уже когда мы говорили о простейших категориях капиталистического способа производства, и даже товарного производства, о товаре и деньгах, мы указали мистифицирующий характер, превращающий общественные отношения, для которых вещественные элементы богатства при производстве служат носителями, в свойства самих этих вещей (товар), и, что еще ярче, само производственное отношение — в вещь (деньги). Все формы общества, поскольку они доходят до товарного производства и денежного обращения, принимают участие в этом превращении. Но при капиталистическом способе производства и при капитале, который образует его господствующую категорию, его определяющее отношение производства, этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие. Если мы будем рассматривать капитал прежде всего в непосредственном процессе производства — как силу, выкачивающую прибавочный труд, — то это отношение еще очень просто; и действительная связь еще прямо навязывается носителям этого процесса, капиталистам, и еще сознается ими. Это убедительно доказывается упорной борьбой из-за границ рабочего дня. Но даже внутри этой неопосредствованной сферы — сферы непосредственного процесса между трудом и капиталом — дело не остается столь простым. С развитием относительной прибавочной стоимости в собственно специфически капиталистическом способе производства, в связи с чем развиваются общественные производительные силы труда, эти производительные силы и общественные связи труда кажутся перенесенными с труда на капитал. Благодаря этому капитал уже становится весьма таинственной сущностью, так как все общественные производительные силы труда представляются принадлежащими ему, а не труду как таковому и возникающими из его собственных недр силами. А затем сюда вмешивается процесс обращения, в который, именно в его обмен веществ и превращение формы, втягиваются все части капитала, даже земледельческого капитала, в той самой мере, как развивается специфический капиталисти-

[50] Заработная плата, прибыль и рента суть три первоначальных источника всякого дохода, равно как и всей меновой стоимости (А. Смит). Таким образом причины материального производства суть в то же время источники всех существующих основных доходов (*Шторх* [«Cours d'Économie Politique», Petersbourg 1815], I, стр. 259).

ческий способ производства. Это — сфера, в которой отношения первоначального производства стоимости отступают совершенно на задний план. Уже в непосредственном процессе производства капиталист действует вместе с тем как товаропроизводитель, как руководитель товарного производства. Этот процесс производства поэтому отнюдь не представляется ему просто процессом производства прибавочной стоимости. Но какова бы ни была та прибавочная стоимость, которую капитал в непосредственном процессе производства выкачивает и воплощает в товарах, стоимость и прибавочная стоимость, заключающиеся в товарах, должны реализоваться лишь в процессе обращения. И дело представляется таким образом, как будто стоимость, возмещающая стоимости, авансированные на производство, и в особенности прибавочная стоимость, заключающаяся в товарах, не просто реализуется в обращении, но возникает из него; эту иллюзию в особенности укрепляют два обстоятельства: во-первых, прибыль при отчуждении, зависящая от обмана, хитрости, знания дела, ловкости и тысячи рыночных конъюнктур; затем то обстоятельство, что здесь наряду с рабочим временем выступает второй определяющий элемент, время обращения. Хотя оно функционирует только как отрицательная граница образования стоимости и прибавочной стоимости, но получается такая внешняя видимость, как будто оно — столь же положительная причина их образования, как сам труд, и как будто оно привносит определение, происходящее из природы капитала, независимое от труда. В книге II нам, естественно, пришлось изображать эту сферу обращения лишь в ее отношении к определенностям формы, которые она порождает, указывать на дальнейшее развитие структуры [Gestalt] капитала, которое совершается в этой сфере. Но в действительности эта сфера есть сфера конкуренции, над которой, если рассматривать каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу в этих случайностях и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства. Но, далее: действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые образования [Gestaltungen], в которых все более утрачивается нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают взаимно самостоятельное существование и составные части стоимости закостеневают в самостоятельные одна по отношению к другой формы.

Как мы видели, превращение прибавочной стоимости в прибыль определяется как процессом обращения, так и процессом производства. Прибавочная стоимость, в форме прибыли, относится уже не к затраченной на труд части капитала, из которой

она происходит, а ко всему капиталу. Норма прибыли регулируется собственными законами, которые допускают и даже обусловливают ее изменение, при неизменной норме прибавочной стоимости. Все это больше и больше скрывает истинную природу прибавочной стоимости, а потому и действительный механизм капитала. В еще большей мере совершается это вследствие превращения прибыли в среднюю прибыль и стоимостей в цены производства, в регулирующие средние рыночных цен. Здесь вмешивается сложный общественный процесс — процесс уравнения капиталов, который отрывает относительные средние цены товаров от их стоимостей, и средние прибыли в различных сферах производства (совершенно не говоря уже об индивидуальных затратах капитала в каждой особой сфере производства) от действительной эксплуатации труда отдельными капиталами. Здесь не только так кажется, но и действительно средняя цена товаров отлична от их стоимости, следовательно, от реализованного в них труда, и средняя прибыль отдельного капитала отлична от прибавочной стоимости, которую этот капитал извлек из занятых им рабочих. Стоимость товаров проявляется непосредственно лишь в том влиянии, которое изменения производительной силы труда оказывают на понижение и повышение цен производства, на их движение, а не на их конечные пределы. Прибыль, как кажется, определяется непосредственной эксплуатацией труда лишь как фактором второстепенным [accessorisch], постольку именно, поскольку последняя дает капиталисту возможность при наличности регулирующих рыночных цен, существующих, повидимому, независимо от этой эксплуатации, реализовать прибыль, отклоняющуюся от средней прибыли. Что же касается нормальных средних прибылей, они кажутся имманентными капиталу, независимыми от эксплуатации; ненормальная эксплуатация, а также средняя эксплуатация при благоприятных, исключительных условиях, как представляется, обусловливает лишь отклонения от средней прибыли, а не самую среднюю прибыль. Расщепление прибыли на предпринимательский доход и процент (не говоря уже о вмешательстве торговой и денежно-торговой прибыли, которая основана на обращении и кажется возникающей целиком из обращения, а не из процесса самого производства) завершает обособление формы прибавочной стоимости, закостенение ее формы по отношению к ее субстанции, ее сущности. Одна часть прибыли, в противоположность другой, совершенно отрывается от капиталистического отношения как такового и представляется возникающей не из функции эксплуатации наемного труда, а из наемного труда самого капиталиста. В противоположность этому, процент представляется возникающим независимо от наемного труда рабочего и от собственного труда капиталиста, а из капитала как своего собственного независимого источника. Если первоначально, на поверхности обращения,

капитал казался капиталом-фетишем, стоимостью, порождающей стоимость, то теперь, в виде капитала, приносящего проценты, он представляется в наиболее отчужденной и наиболее своеобразной форме. А потому формула: «капитал — процент», как третий член к «земля — рента» и «труд — заработная плата», гораздо последовательнее, чем «капитал — прибыль», потому что в прибыли все еще сохраняется воспоминание о ее происхождении, которое в проценте не только исчезло, но фиксировано в форме, противоположной этому происхождению.

Наконец, рядом с капиталом как самостоятельным источником прибавочной стоимости выступает земельная собственность, которая ограничивает среднюю прибыль и передает часть прибавочной стоимости такому классу, который сам не работает, не эксплуатирует рабочих непосредственно и не может предаваться, по примеру капитала, приносящего проценты, морально назидательным соображениям, напр., о риске и жертвах при ссуде капитала. Так как здесь часть прибавочной стоимости кажется связанной непосредственно не с общественными отношениями, а с природным элементом, землей, то форма обособления и закостенения различных частей прибавочной стоимости одна по отношению к другой завершается, внутренняя связь окончательно разрывается, и ее источники совершенно закрываются именно взаимным обособлением отношений производства, которые связываются с различными вещественными элементами процесса производства.

В «капитал — прибыль» или, еще лучше, «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства вообще с его источниками, оказывается завершенной мистификация капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращение вещественных отношений производства с их исторически-общественной определенностью, завороженный, искаженный и на голову поставленный мир, в котором monsieur le Capital [господин капитал] и madame la Terre [госпожа земля] как социальные характеры и в то же время непосредственно как просто вещи справляют свой шабаш. Великая заслуга классической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и закостенение различных общественных элементов богатства один в отношении другого, эту персонификацию вещей и овеществление отношений производства, эту религию повседневной жизни, — тем, что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над средней прибылью, так что обе сливаются в прибавочной стоимости; тем, что она представила процесс обращения как простую метаморфозу форм и, наконец, свела в непосредственном процессе производства стоимость и прибавочную стоимость товаров

к труду. Однако даже лучшие из ее представителей, — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения, — в большей или меньшей мере остаются захваченными тем миром видимости, который они критически разрушили, и потому все в большей или меньшей мере впадают в непоследовательность, половинчатость и неразрешимые противоречия. Столь же естественно, с другой стороны, что действительные агенты производства чувствуют себя совершенно как дома среди этих отрешенных от действительных отношений и иррациональных форм: капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата, ибо они движутся и повседневно имеют дело именно с этими формами [Gestaltungen] внешней видимости. Не менее естественно поэтому, что вульгарная экономия, которая есть не что иное, как дидактический, более или менее доктринерский перевод повседневных представлений действительных агентов производства, и которая лишь вносит известный разумный порядок в эти представления, что она именно в этом триединстве, в котором изглажена всякая внутренняя связь, находит естественный, стоящий выше всяких сомнений базис для своего пустого самодовольства. В то же время эта формула соответствует интересам господствующих классов, так как она прокламирует и возводит в догму естественную необходимость и вечное оправдание источников их дохода.

Описывая, как отношения производства овеществляются и приобретают самостоятельность по отношению к агентам производства, мы не останавливаемся на том, каким образом, благодаря мировому рынку, его конъюнктурам, движению рыночных цен, периодам кредита, циклам промышленности и торговли, сменам процветания и кризиса, взаимосвязи представляются агентам производства как непреодолимые, стихийно господствующие над ними законы природы и проявляются по отношению к ним как слепая необходимость. Не останавливаемся потому, что действительное движение конкуренции лежит вне нашего плана и что мы имеем целью представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально-среднем типе.

В прежних общественных формах эта экономическая мистификация выступает преимущественно по отношению к деньгам и приносящему проценты капиталу. По самой природе дела она исключена, во-первых, там, где преобладает производство ради потребительной стоимости, для непосредственного собственного потребления; во-вторых, там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образуют широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и порабощенности, которые выступают и видимы как непосредственные движущие пружины производственного про-

цесса. В первобытных общинах, в которых господствует примитивный коммунизм, и даже в античных городских общинах сами эти общинные отношения с их условиями представляются базисом производства, равно как воспроизводство этого базиса — их конечной целью. Даже в средневековых цехах ни капитал, ни труд не являются несвязанными, напротив, их отношения определяются корпоративным устройством, отношениями, которые с ним связаны, и представлениями о профессиональном долге, положении мастера и т. д., которые соответствуют этим отношениям. Только при капиталистическом способе производства...

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ.

К АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА.

В исследовании, которое нам теперь предстоит, мы можем оставить в стороне различие между ценой производства и стоимостью, так как различие это вообще отпадает, если, как мы делаем в данном случае, рассматривать стоимость всего годового продукта труда, т. е. продукта всего общественного капитала.

Прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента суть не что иное, как своеобразные формы, которые принимают отдельные части прибавочной стоимости товаров. Величина прибавочной стоимости является пределом общей величины частей, на которые она может распадаться. Средняя прибыль плюс рента равняется поэтому прибавочной стоимости. Возможно, что часть заключающегося в товарах прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, не входит прямо в выравнивание средней прибыли, так что часть товарной стоимости вообще не получает выражения в цене соответственного товара. Но, во-первых, это компенсируется либо тем, что норма прибыли возрастает, если товар, проданный ниже его стоимости, образует элемент постоянного капитала, либо тем, что прибыль и рента представлены в большем количестве продукта, если товар, проданный ниже его стоимости, входит в качестве предмета личного потребления в часть стоимости, потребляемую как доход. А, во-вторых, эти колебания в среднем взаимно уничтожаются. Во всяком случае, если даже часть прибавочной стоимости, не получившая выражения в цене товара, оказывается потерянной для ценообразования, сумма средней прибыли плюс рента в своей нормальной форме никогда не может быть больше всей прибавочной стоимости, хотя и может быть меньше последней. Ее нормальная форма предполагает заработную плату, соответствующую стоимости рабочей силы. Даже монопольная рента, поскольку она не является вычетом из заработной платы, следовательно, не образует особой категории, косвенно всегда неизбежно образует часть прибавочной стоимости; если она и не образует части избытка цены над ценой производства того самого товара, составной частью которого является (как при дифференциальной ренте), или если она и не образует избы-

точной части прибавочной стоимости того самого товара, составной частью которого она служит, над частью его собственной прибавочной стоимости, измеряемой среднею прибылью (как при абсолютной ренте), то все же она образует часть прибавочной стоимости других товаров, т. е. товаров, обмениваемых на этот товар, имеющий монопольную цену. — Сумма средней прибыли плюс земельная рента никогда не может превышать величины, частями которой являются эти прибыль и рента и которая уже дана до этого разделения. Поэтому для нашего исследования безразлично, реализуется ли в цене товаров вся прибавочная стоимость товаров, т. е. весь заключающийся в товарах прибавочный труд, или нет. Прибавочный труд уже потому не реализуется целиком, что при постоянном изменении количества труда, общественно необходимого для производства данного товара, изменении, вытекающем из постоянного изменения производительности труда, часть товаров всегда производится в ненормальных условиях, а потому их приходится продавать ниже их индивидуальной стоимости. Во всяком случае прибыль плюс рента равны всей реализованной прибавочной стоимости (прибавочному труду), и для исследования, о котором здесь идет речь, реализованную прибавочную стоимость можно считать равной всей прибавочной стоимости, ибо прибыль и рента суть реализованная прибавочная стоимость, следовательно, та прибавочная стоимость, которая вообще входит в цены товаров, следовательно, практически вся та прибавочная стоимость, которая является составной частью этой цены.

С другой стороны, заработная плата, образующая третью своеобразную форму дохода, всегда равна переменной составной части капитала, т. е. той составной части, которая затрачивается не на средства труда, а на покупку живой рабочей силы, на уплату рабочим. (Труд, оплачивающийся при расходовании дохода, оплачивается из заработной платы, прибыли или ренты и потому не составляет части стоимости товаров, которыми он оплачивается. Таким образом он не принимается во внимание при анализе стоимости товаров и составных частей, на которые она распадается.) Стоимость переменного капитала, а следовательно, и цена труда воспроизводится в части овеществленного рабочего дня рабочих, в той части товарной стоимости, в которой рабочий воспроизводит стоимость своей собственной рабочей силы или цену своего труда. Весь рабочий день рабочего распадается на две части. Одна часть та, во время которой он выполняет количество труда, необходимое для воспроизводства стоимости его собственных жизненных средств: оплаченная часть всего его труда, та часть, которая необходима для его собственного сохранения и воспроизводства. Вся остальная часть рабочего дня, все избыточное количество труда, которое он совершает сверх труда, реализованного в стоимости его заработной платы, есть прибавочный труд,

неоплаченный труд, выраженный в прибавочной стоимости всей его товарной продукции (и потому в избыточном количестве товара), в прибавочной стоимости, которая, в свою очередь, распадается на части с различными наименованиями, на прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и ренту.

Итак, вся часть стоимости товаров, в которой реализуется весь труд рабочих, присоединяемый в продолжение одного дня или одного года, вся стоимость годового продукта, которую создает этот труд, распадается на стоимость заработной платы, прибыль и ренту. Ибо весь этот труд распадается на необходимый труд, посредством которого рабочий создает ту часть стоимости продукта, которою он сам оплачивается, т. е. заработную плату, и на неоплаченный прибавочный труд, посредством которого он создает ту часть стоимости продукта, которая представляет прибавочную стоимость и впоследствии распадается на прибыль и ренту. Кроме этого труда, рабочий не совершает никакого иного труда, и кроме всей стоимости продукта, которая принимает формы заработной платы, прибыли, ренты, он не создает никакой стоимости. Стоимость годового продукта, в которой выражается труд, вновь присоединенный им в продолжение года, равняется заработной плате или стоимости переменного капитала плюс прибавочная стоимость, которая, в свою очередь, распадается на формы прибыли и ренты.

Итак, вся часть стоимости годового продукта, создаваемая рабочим в продолжение года, выражается в годовой сумме стоимости трех доходов: стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Очевидно поэтому, что в создаваемой за год стоимости продукта стоимость постоянной части капитала не воспроизводится, так как заработная плата равна лишь стоимости переменной части капитала, авансированной на производство, а рента и прибыль равны лишь прибавочной стоимости, произведенному излишку стоимости над всей стоимостью авансированного капитала, равной стоимости постоянного капитала плюс стоимость переменного капитала.

По отношению к тому затруднению, которое предстоит разрешить здесь, совершенно безразлично то обстоятельство, что часть прибавочной стоимости, превращенной в форму прибыли и ренты, не потребляется в качестве дохода, а служит для накопления. Та ее часть, которая сберегается как фонд накопления, служит для образования нового, дополнительного капитала, но не для возмещения старой составной части старого капитала, израсходованной как на рабочую силу, так и на средства труда. Следовательно, в целях упрощения здесь можно принять, что доходы целиком пошли на личное потребление. Затруднение представляется двоякое. С одной стороны, стоимость годового продукта, в виде которого потребляются эти доходы, — заработная плата,

прибыль, рента — содержит в себе известную часть стоимости, равную стоимости вошедшей в него постоянной части капитала. Она содержит в себе эту часть стоимости, кроме части стоимости, которая сводится к заработной плате, и той части, которая разлагается на прибыль и ренту. Следовательно, стоимость годового продукта = заработной плате + прибыль + рента + *C*, причем последнее представляет постоянную часть его стоимости. Каким же образом произведенная за год стоимость, равная лишь заработной плате + прибыль + рента, может купить продукт, стоимость которого = (заработной плате + прибыль + рента) + *C*? Каким образом произведенная за год стоимость может купить продукт, обладающий большей стоимостью, чем она сама?

С другой стороны, если мы оставим в стороне ту часть постоянного капитала, которая не вошла в продукт и которая поэтому, хотя и с уменьшившейся стоимостью, продолжает существовать после годового производства товаров, как и до него, если мы таким образом на время абстрагируемся от примененного, но не потребленного основного капитала, то окажется, что постоянная часть авансированного капитала в форме сырых и вспомогательных материалов целиком вошла в новый продукт, тогда как часть средств труда целиком потреблена, другая же — лишь отчасти использована, так что только часть ее стоимости потреблена в производстве. Вся эта потребленная в производстве часть постоянного капитала должна быть возмещена in natura [в натуре]. Предполагая, что все прочие условия, особенно производительная сила труда, не изменились, для ее возмещения потребуется то же самое количество труда, как и прежде, т. е. она должна быть возмещена равновеликой стоимостью. В противном случае самое воспроизводство не может совершаться в прежнем масштабе. Но кто должен производить эти работы и кто их производит?

Что касается первого затруднения — кто должен оплатить заключающуюся в продукте постоянную часть стоимости и чем? — то предполагается, что стоимость постоянного капитала, потребленного в производстве, снова появляется как часть стоимости продукта. Это не противоречит предпосылкам второго затруднения, так как уже в книге I, гл. V (процесс труда и процесс возрастания стоимости) было показано, каким образом посредством простого присоединения нового труда, хотя и не воспроизводящего старой стоимости, а создающего лишь добавление к ней, создающего лишь добавочную стоимость, все же одновременно сохраняется в продукте старая стоимость; но в то же время было показано, что это совершается трудом не постольку, поскольку он производит стоимость, т. е. является трудом вообще, а поскольку он функционирует в качестве определенного производительного труда. Таким образом не требуется дополнительного труда для того чтобы сохранить стоимость постоянной части в том продукте, на который

расходуется доход, т. е. вся созданная в течение года стоимость. Но, конечно, требуется новый дополнительный труд для того чтобы возместить постоянный капитал, стоимость и потребительная стоимость которого были потреблены в истекшем году; без такого возмещения воспроизводство вообще невозможно.

Весь вновь присоединенный труд представлен во вновь созданной в продолжение года стоимости, которая, в свою очередь, целиком превращается в три вида дохода: заработную плату, прибыль и ренту. Стало быть, с одной стороны, не остается избыточного общественного труда для возмещения потребленного постоянного капитала, подлежащего восстановлению частью in natura и в его стоимости, частью только в его стоимости (поскольку дело идет просто о снашивании основного капитала). С другой стороны, стоимость, созданная годичным трудом и распадающаяся на заработную плату, прибыль и ренту, и в этих формах подлежащая расходованию, кажется недостаточной для того чтобы оплатить или купить постоянную часть капитала, которая должна находиться в продукте сверх вновь созданной стоимости.

Мы видим, что поставленная здесь проблема уже решена при исследовании воспроизводства всего общественного капитала, книга II, отдел III. Здесь мы возвращаемся к этому предмету прежде всего потому, что там прибавочная стоимость еще не была развернута в ее формах дохода: прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента, — а потому и не могла быть рассмотрена в этих формах; затем также и по той причине, что как раз к форме заработной платы, прибыли и ренты примыкает невероятный промах в анализе, проходящий через всю политическую экономию, начиная с А. Смита.

Мы разделили там весь капитал на два больших класса: класс I, производящий средства производства, и класс II, производящий средства индивидуального потребления. То обстоятельство, что некоторые продукты могут так же точно служить для личного пользования, как и в качестве средств производства (лошадь, зерновой хлеб и т. д.), отнюдь не уничтожает абсолютной правильности этого разделения. Оно в самом деле не гипотеза, а лишь выражение факта. Возьмем годовой продукт какой-либо страны. Часть продукта, какова бы ни была ее способность служить средством производства, входит в индивидуальное потребление. Это — продукт, на который расходуется заработная плата, прибыль и рента. Продукт этот является продуктом определенного подразделения общественного капитала. Возможно, что этот же самый капитал производит и продукты, принадлежащие к классу I. Поскольку это так, производительно потребляемые продукты, относящиеся к классу I, доставляются не тою частью этого капитала, которая потреблена на продукт класса II, на такой продукт, который действительно достается на долю индивидуального по-

требления. Весь продукт II, который входит в индивидуальное потребление и на который поэтому тратится доход, представляет бытие потребленного на него капитала плюс произведенный излишек. Таким образом, это — продукт капитала, вложенного только в производство средств потребления. И таким же образом подразделение I годового продукта, которое служит в качестве средства воспроизводства — сырого материала и орудий труда — какова бы ни была вообще способность этого продукта naturaliter [по его натуре] служить в качестве средства потребления, является продуктом капитала, вложенного исключительно в производство средств производства. Несравненно бо̀льшая часть продуктов, образующих постоянный капитал, находится и вещественно в такой форме, в которой они не могут войти в индивидуальное потребление. Поскольку это для части продукта возможно, поскольку, напр., крестьянин может съесть свое семенное зерно или заколоть свой рабочий скот, экономическое ограничение по отношению к этой части достигает в действительности того же, как если бы эта часть существовала в форме, не пригодной для потребления.

Как уже сказано, при рассмотрении обоих классов мы абстрагируемся от основной части постоянного капитала, которая продолжает существовать in natura и по своей стоимости, независимо от годового продукта обоих классов.

В классе II, на продукты которого расходуются заработная плата, прибыль и рента, коротко говоря, потребляются доходы, продукт по своей стоимости, в свою очередь, состоит из трех составных частей. Одна составная часть равна стоимости потребленной в производстве постоянной части капитала; другая составная часть равна стоимости той авансированной на производство переменной части капитала, которая затрачена на заработную плату; наконец, третья составная часть равна произведенной прибавочной стоимости, т. е. = прибыли + рента. Первая составная часть продукта класса II, стоимость постоянной части капитала, не может быть потреблена ни капиталистами, ни рабочими класса II, ни земельными собственниками. Она не образует какой бы то ни было части их дохода, но должна быть возмещена in natura, а чтобы это могло произойти, она должна быть продана. Напротив, остальные две составные части этого продукта равны стоимости произведенных в этом классе доходов = заработной плате + прибыль + рента.

В классе I продукт состоит по форме из таких же составных частей. Но та часть, которая образует здесь доход, заработная плата + прибыль + рента, короче, переменная часть капитала + + прибавочная стоимость, потребляется здесь не в натуральной форме продуктов этого класса I, а в продуктах класса II. Следовательно, стоимость доходов класса I должна быть потреблена

в виде той части продукта класса II, которая образует подлежащий возмещению постоянный капитал этого класса. Часть продукта класса II, которая должна возместить его постоянный капитал, потребляется в ее натуральной форме рабочими, капиталистами и земельными собственниками класса I. Они расходуют свои доходы на этот продукт II. С другой стороны, продукт класса I, поскольку он представляет доход класса I, производительно потребляется в его натуральной форме классом II, постоянный капитал которого он возмещает in natura. Наконец, потребленная постоянная часть капитала класса I возмещается собственными продуктами этого класса, которые состоят как раз из средств труда, сырых и вспомогательных материалов и т. д., частью возмещается посредством обмена капиталистов I между собою, частью же тем, что некоторые из этих капиталистов могут непосредственно применить свой собственный продукт снова как средство производства.

Возьмем прежнюю схему (книга II, гл. XX, II) простого воспроизводства:

$$\left.\begin{aligned} \text{I.}\ \ 4\,000c + 1\,000v + 1\,000m &= 6\,000 \\ \text{II.}\ \ 2\,000c + \quad 500v + \quad 500m &= 3\,000 \end{aligned}\right\} = 9\,000.$$

Согласно этому в II производителями и земельными собственниками потребляется как доход $500v + 500m = 1\,000$; остается возместить $2\,000\ c$. Это потребляется рабочими, капиталистами и получателями ренты класса I, доход которых $= 1\,000v + 1\,000\ m = 2\,000$. Потребляемый продукт II потребляется как доход классом I, а часть дохода класса I, представленная в неподлежащем потреблению продукте, потребляется в качестве постоянного капитала II. Следовательно, остается дать отчет относительно $4\,000\ c$ класса I. Это возмещается из собственного продукта $\text{I} = 6\,000$ или, вернее, $= 6\,000 - 2\,000$, так как эти $2\,000$ уже превращены в постоянный капитал для II. Следует заметить, что числа, конечно, взяты произвольно, а потому и отношение между стоимостью дохода I и стоимостью постоянного капитала II кажется произвольным. Однако же очевидно, что если процесс воспроизводства совершается нормально и при неизменяющихся прочих условиях, следовательно, оставляя в стороне накопление, сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты класса I должна равняться стоимости постоянной части капитала класса II. В противном случае либо класс II не сможет возместить свой постоянный капитал, либо у класса I не будет возможности превратить свой доход из непотребимой в потребимую форму.

Итак, стоимость годового товарного продукта, совершенно так же как и стоимость товарного продукта отдельной затраты капитала и стоимость каждого единичного товара, распадается

на две составные части стоимости: на одну *A*, возмещающую стоимость авансированного постоянного капитала, и другую *B*, выступающую в форме дохода в качестве заработной платы, прибыли и ренты. Последняя составная часть стоимости, *B*, в том отношении представляет противоположность первой, *A*, что *A*, при прочих равных условиях, 1) никогда не принимает формы дохода, 2) постоянно возвращается в форме капитала, а именно постоянного капитала. Однако и другая составная часть *B*, в свою очередь, в себе самой содержит противоположность. Прибыль и рента имеют то общее с заработной платой, что все три образуют формы дохода. Несмотря на это, они существенно отличаются одна от другой тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная стоимость, т. е. неоплаченный труд, в заработной плате — оплаченный труд. Часть стоимости продукта, которая представляет затраченную заработную плату, т. е. возмещает заработную плату и которая при нашем предположении, что воспроизводство совершается в том же масштабе и при тех же условиях, снова превращается в заработную плату, — эта часть притекает обратно прежде всего как переменный капитал, как составная часть капитала, который должен быть снова авансирован на воспроизводство. Эта составная часть функционирует двояким образом. Она существует сначала в форме капитала и обменивается как таковой на рабочую силу. В руках рабочего она превращается в доход, который он извлекает из продажи своей рабочей силы, обменивается как доход на жизненные средства и потребляется. Этот двойной процесс проявляется при посредстве денежного обращения. Переменный капитал авансируется деньгами, выплачивается в виде заработной платы. Это — его первая функция как капитала. Он обменивается на рабочую силу и превращается в проявление этой рабочей силы, в труд. Таков процесс для капиталиста. Но, во-вторых, на эти деньги рабочие покупают часть своего товарного продукта, измеряемую этими деньгами, и потребляют ее как доход. Если мы мысленно отрешимся от денежного обращения, то часть продукта рабочего находится в руках капиталиста в форме имеющегося в наличности капитала. Эту часть он авансирует как капитал, дает ее рабочему за новую рабочую силу, тогда как рабочий потребляет ее как доход непосредственно или посредством обмена ее на другие товары. Таким образом часть стоимости продукта, предназначенная при воспроизводстве к тому, чтобы превратиться в заработную плату, в доход для рабочих, прежде всего притекает обратно в руки капиталиста в форме капитала, точнее, переменного капитала. То обстоятельство, что она притекает обратно в этой форме, является существенным условием постоянно возобновляющегося воспроизводства труда как наемного труда, средств производства как капитала и самого процесса производства как капиталистического процесса производства.

Чтобы не запутывать дела, создавая бесполезные затруднения, необходимо отличать валовую выручку [Rohertrag] и чистую выручку от валового дохода и чистого дохода.

Валовая выручка, или валовой продукт, есть весь воспроизведенный продукт. За вычетом примененной, но непотребленной части основного капитала, стоимость валовой выручки, или валового продукта, равняется стоимости авансированного и потребленного в производстве капитала, постоянного и переменного, плюс прибавочная стоимость, которая распадается на прибыль и ренту. Или если рассматривать продукт не единичного капитала, а всего общественного капитала, то валовая выручка равняется вещественным элементам, образующим постоянный и переменный капиталы, плюс вещественные элементы прибавочного продукта, в которых представлены прибыль и рента.

Валовой доход есть та часть стоимости и измеряемая ею часть валового продукта [Bruttoprodukts oder Rohprodukts], которая остается за вычетом части стоимости во всем производстве (и измеряемой ею части продукта), возмещающей вложенный на производство и потребленный в нем постоянный капитал. Валовой доход равен, следовательно, заработной плате (или той части продукта, которая предназначена обратиться снова в доход рабочего) + прибыль + рента. Чистый же доход есть сверхстоимость, следовательно — прибавочный продукт, остающийся за вычетом заработной платы и представляющий собой реализованную капиталом и подлежащую разделу с землевладельцем прибавочную стоимость и измеряемый ею прибавочный продукт.

Мы видели, что стоимость каждого отдельного товара и стоимость всего товарного продукта каждого отдельного капитала распадается на две части: одну, которая просто возмещает постоянный капитал, и другую, которая, — хотя некоторая доля ее и притекает обратно как переменный капитал, стало быть, притекает обратно тоже в *форме* капитала, — тем не менее предназначена к тому, чтобы целиком превратиться в валовой доход и принять форму заработной платы, прибыли и ренты, сумма которых составляет валовой доход. Мы видели, далее, что то же самое наблюдается и по отношению к стоимости всего годового продукта общества. Различие между продуктом единичного капиталиста и продуктом общества заключается лишь в следующем: с точки зрения отдельного капиталиста, чистый доход отличается от валового дохода, ибо последний заключает в себе заработную плату, первый же исключает ее. Если же рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, т. е. из валового дохода. Впрочем, и это является одной абстракцией, так как все общество, при капиталистическом производстве, становится на капиталистическую точку

зрения и считает чистым доходом только доход, распадающийся на прибыль и ренту.

Напротив, фантазия, как, напр., у г. Сэя, будто вся выручка, весь валовой продукт превращается для нации в чистую выручку или не отличается от нее, следовательно, будто различие это, с национальной точки зрения, перестает существовать, — эта фантазия есть лишь необходимое и крайнее выражение абсурдной догмы, проходящей через всю политическую экономию со времени А. Смита, будто стоимость товаров в конечном счете целиком распадается на доходы: заработную плату, прибыль и ренту [51].

Разумеется, ничего не стоит понять, когда дело идет о каждом отдельном капиталисте, что часть его продукта должна снова превратиться в капитал (даже оставляя в стороне расширение воспроизводства или накопление), и притом не только в переменный капитал, назначение которого, в свою очередь, опять превратиться в доход для рабочего, т. е. в форму дохода, но и в постоянный капитал, который никогда не может превратиться в доход. Простейшее наблюдение процесса производства делает это очевидным. Затруднение начинается лишь тогда, когда процесс производства рассматривается в общем и целом. Стоимость всей части продукта, потребляемой как доход, в форме заработной платы, прибыли и ренты (причем совершенно безразлично, будет ли то личное или производительное потребление), действительно целиком, как показывает анализ, покрывается суммой стоимости, составленной из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, т. е. всей стоимостью трех доходов, хотя стоимость этой части продукта совершенно так же, как той, которая не входит в доход, содержит часть стоимости $= C$, равную стоимости заключающегося в этих частях постоянного капитала, следовательно, prima facie не может исчерпываться стоимостью дохода. Это обстоятельство, которое является, с одной стороны, практически бесспорным

---

[51] Рикардо делает следующее весьма удачное замечание относительно бессмысленного Сэя: «О чистом и валовом продукте г. Сэй говорит следующее: «Вся произведенная стоимость есть валовой продукт; эта стоимость за вычетом из нее издержек производства есть чистый продукт» (т. II, стр. 491). Следовательно, чистого продукта быть не может, потому что издержки производства по г. Сэю состоят из ренты, заработной платы и прибыли. На стр. 508 он говорит: «Следовательно, стоимость продукта, стоимость производительных услуг, стоимость издержек производства — все это одинаковые стоимости, если только вещи предоставляются их естественному течению». Если из всего вычесть все, то в результате ничего не останется» (*Рикардо:* «Principles», гл. XXII, стр. 512, примечание [русс. пер., стр. 273]). Впрочем, как мы увидим далее, и Рикардо нигде не опроверг ошибочного анализа цены товаров у Смита, именно разложения этой цены на сумму стоимостей доходов [Revenuen]. Рикардо не думает об ошибочности этого анализа и при своих анализах принимает его за верный постольку, поскольку он «отвлекается» от постоянной части стоимости товаров. От времени до времени он возвращается к тому же способу представления.

фактом, с другой стороны, столь же бесспорным теоретическим противоречием, представляет трудность, от которой легче всего увертываются, утверждая, что товарная стоимость лишь по видимости, с точки зрения отдельного капиталиста, заключает в себе какую-то другую часть стоимости, отличную от существующей в форме дохода. Фраза: «доход для одного становится капиталом для другого» избавляет от необходимости какого бы то ни было дальнейшего размышления. Каким образом, если стоимость всего продукта может быть потреблена в виде доходов, возможно возмещение старого капитала; каким образом стоимость продукта каждого индивидуального капитала может быть равна сумме стоимости трех доходов плюс *C*, постоянный капитал, а вся сумма стоимости продуктов всех капиталов равна сумме стоимости трех доходов плюс 0, — все это, конечно, представляется при этом неразрешимой загадкой, все это приходится тогда объяснять тем, что анализ вообще не способен постигнуть простые элементы цены, а должен довольствоваться вращением в порочном кругу и отодвиганием задачи до бесконечности. Таким образом то, что представляется в виде постоянного капитала, может быть разложено на заработную плату, прибыль, ренту, а товарные стоимости, в которых представлены заработная плата, прибыль, рента, в свою очередь, определяются заработной платой, прибылью, рентой и так далее до бесконечности [52].

В корне ложная догма, будто стоимость товаров в последнем счете может быть разложена на заработную плату + прибыль + + рента, получает еще и такое выражение, будто потребитель в последнем счете должен оплатить всю стоимость всего продукта; или еще — будто денежное обращение между производителями и потребителями в последнем счете должно равняться денежному

---

[52] «Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете сводится к одной или другой или ко всем этим трем частям {т. е. заработной плате, прибыли, ренте}... Четвертая часть, как можно предположить, необходима для возмещения капитала фермера или снашивания и починки и для восстановления рабочего скота и других орудий земледелия. Но следует заметить, что цена какого бы то ни было земледельческого орудия, напр. лошади, в свою очередь, состоит из этих же трех частей: ренты с той земли, на которой она взращена, труда, затраченного на уход за нею и на ее взращивание, и прибыли фермера, который авансирует и ренту за землю и заработную плату за труд. Поэтому, хотя цена хлеба покроет как цену, так и содержание лошади, тем не менее вся цена распадается непосредственно или в конечном счете на те же три части: ренту, труд {следует сказать: заработную плату} и прибыль» (*А. Смит* [«Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, Соцэкгиз, 1935 г., стр. 47, 48]). Мы покажем впоследствии, что А. Смит сам чувствует всю противоречивость и недостаточность этой уловки, ибо это только уловка, когда он отсылает нас от Понтия к Пилату, нигде не показывая нам той действительной затраты капитала, при которой цена продукта окончательно без дальнейшего отодвигания вдаль, без остатка распадается на эти три части.

обращению между самими производителями (Тук); положения, которые столь же неверны, как то основное положение, на которое они опираются.

Затруднения, которые приводят к этому ошибочному и prima facie абсурдному анализу, в основных чертах таковы:

1) Непонимание основного отношения между постоянным и переменным капиталом, а потому и природы прибавочной стоимости, а вместе с тем и всего базиса капиталистического способа производства. Стоимость каждого отдельного продукта капитала, каждого единичного товара заключает в себе часть стоимости = = постоянному капиталу, часть стоимости = переменному капиталу (превращенному в заработную плату для рабочих) и часть стоимости = прибавочной стоимости (позднее разделяющуюся на прибыль и ренту). Каким же образом возможно, чтобы рабочий на свою заработную плату, капиталист на свою прибыль, земельный собственник на свою ренту могли купить товары, из которых каждый содержит в себе не только одну из этих составных частей, но все три, и каким образом возможно, чтобы сумма стоимости заработной платы, прибыли, ренты, следовательно, трех источников дохода, вместе взятых, могла купить товары, составляющие все потребление получателей этих доходов, товары, которые, кроме этих трех составных частей стоимости, содержат в себе еще одну лишнюю составную часть стоимости, а именно постоянный капитал? Каким образом могут они на стоимость трех частей купить стоимость четырех? [53]

---

[53] Прудон выражает свою неспособность понять это следующей нелепой формулой: l'ouvrier ne peut pas racheter son propre produit [рабочий не может выкупить свой собственный продукт], потому что в него входит процент, присоединяющийся к издержкам производства [prix-de-revient]. Но, как поучает его г. Эжен Форкад? «Если бы возражение Прудона было правильно, оно касалось бы не только profits du capital [прибылей с капитала], но уничтожило бы самую возможность промышленности. Если рабочий принужден платить 100 за вещь, за которую он получил всего 80, если заработная плата в состоянии выкупить в продукте лишь стоимость, вложенную в него ею самою, то это равносильно утверждению, что рабочий не может ничего выкупить, что заработная плата ничего не может оплатить. Действительно в издержках производства [prix-de-revient] всегда заключается нечто большее, чем заработная плата рабочего, а в продажной цене нечто большее, чем прибыль предпринимателя, напр., цена сырого материала, часто уплаченная за границей... Прудон забыл о непрерывном росте национального капитала; он забыл, что этот рост совершается для всех рабочих, для рабочих предприятий так же, как для ремесленников» («Revue des deux Mondes», 1848, т. 24, стр. 998). Мы имеем здесь перед собою образчик оптимизма буржуазного бессмыслия в наиболее соответствующей ему форме глубокомыслия. Во-первых, г. Форкад полагает, что рабочий не мог бы жить, если бы не получал, кроме стоимости, которую производит, более высокой стоимости, тогда как, наоборот, капиталистический способ производства был бы невозможен, если бы рабочий действительно получал стоимость, которую он производит. Во-вторых, он совершенно правильно обобщает то затруднение, которое Прудон выставил в такой узкой форме. Цена товара содержит в себе излишек не только над заработной

Анализ мы дали в книге II, отдел III.

2) Непонимание способа, посредством которого труд, присоединяя новую стоимость, сохраняет старую стоимость в новой форме, не производя этой последней стоимости вновь.

3) Непонимание общей связи процесса воспроизводства, как она представляется не по отношению к единичному капиталу, а по отношению ко всему капиталу; непонимание затруднения, заключающегося в том, каким образом продукт, в котором реализуется заработная плата и прибавочная стоимость, т. е. вся стоимость, созданная всем вновь присоединенным в течение года трудом, может возмещать свою постоянную часть стоимости и еще в то же время сводиться к стоимости, ограниченной доходами; каким образом, далее, потребленный в производстве постоянный капитал может быть вещественно и по стоимости возмещен новым, несмотря на то, что вся сумма вновь присоединенного труда реализуется лишь в заработной плате и в прибавочной стоимости и исчерпывающе представлена в сумме стоимости обеих. Главное затруднение как раз и заключается в этом, в анализе воспроизводства и отношения его различных составных частей, со стороны как их вещественного характера, так и отношений их стоимости.

4) Но сюда присоединяется дальнейшее затруднение, которое еще усиливается, как только различные составные части прибавочной стоимости выступают в форме самостоятельных по отношению друг к другу доходов. Затруднение это заключается в том, что твердые определения дохода и капитала взаимно меняются, меняют свое место, так что кажутся лишь относительными определениями с точки зрения единичного капиталиста, которые, однако, исчезают при рассмотрении всего процесса производства. Например, доход рабочих и капиталистов класса I, производящего постоянный капитал, возмещает и вещественно и по стоимости постоянный капитал капиталистов класса II, производящего средства потребления. Таким образом можно обойти затруднение посредством такого представления: то, что для одного — доход, для другого — капитал, а потому эти определения не имеют никакого отношения к действительному обособлению составных

платой, но также и над прибылью, а именно постоянную часть стоимости. Таким образом и капиталист, согласно рассуждению Прудона, не мог бы выкупить товары на свою прибыль. Как же разрешает Форкад загадку? Бессмысленной фразой о росте капитала. Итак, постоянный рост капитала должен, между прочим, выражаться и в том, что анализ товарной цены, невозможный для экономиста при капитале в 100, делается излишним при капитале в 10 000. Что сказали бы о химике, который на вопрос: чем объясняется, что в земледельческом продукте содержится больше углерода, чем в самой почве? — ответил бы: это объясняется постоянным ростом земледельческого производства. Благонамеренное желание открыть в буржуазном мире лучший из всех возможных миров заменяет в вульгарной экономии всякую необходимость любви к истине и стремления к научному исследованию.

частей стоимости товара. Далее, товары, предназначенные в конце концов к тому, чтобы образовать вещественные элементы, на которые расходуется доход, т. е. средства потребления, напр., шерстяная пряжа, сукно, проходят в продолжение года различные ступени. На одной ступени они образуют часть постоянного капитала, на другой — они потребляются индивидуально, следовательно, целиком входят в состав дохода. Можно, следовательно, вообразить себе вместе с А. Смитом, что постоянный капитал есть лишь мнимый элемент товарной стоимости, исчезающий в общей связи. Таким же образом происходит далее обмен переменного капитала на доход. Рабочий покупает на свою заработную плату часть товаров, составляющую его доход. Этим самым он в то же время возмещает для капиталиста денежную форму переменного капитала. Наконец, часть продуктов, образующих постоянный капитал, возмещается или in natura [в натуре] или посредством обмена между самими производителями постоянного капитала, — процесс, к которому потребители не имеют никакого касательства. Если упустить это из виду, то может возникнуть ложное представление, что доход потребителей возмещает весь продукт, следовательно, и постоянную часть стоимости.

5) Помимо путаницы, которую вносит превращение стоимостей в цены производства, возникает другая вследствие превращения прибавочной стоимости в различные особенные формы дохода, самостоятельные по отношению одна к другой и относящиеся к различным элементам производства, в прибыль и ренту. Забывают, что стоимости товаров являются основой и что распадение этой товарной стоимости на особенные составные части и дальнейшее развитие этих составных частей стоимости в формы дохода, их превращение в отношения различных владельцев различных факторов производства к этим отдельным составным частям стоимости, их распределение между этими владельцами сообразно определенным категориям и титулам, решительно ничего не изменяет в самом определении стоимости и его законе. Так же мало изменяется закон стоимости тем обстоятельством, что уравнение прибыли, т. е. распределение всей прибавочной стоимости между различными капиталами, и препятствия, которые отчасти (в абсолютной ренте) ставятся земельной собственностью на пути к этому уравнению, обусловливают отклонение регулирующих средних цен товаров от их индивидуальных стоимостей. Это оказывает влияние опять-таки только на присоединение прибавочной стоимости к ценам различных товаров, но не снимает самой прибавочной стоимости и совокупной стоимости товаров как источника этих различных составных частей цены.

Здесь перед нами quid pro quo [путаница], которое мы рассматриваем в следующей главе и которое неизбежно связано с иллюзией, будто бы стоимость возникает из своих собственных

составных частей. А именно, различные составные части стоимости товара приобретают в доходах самостоятельные формы, и в качестве таковых доходов их относят к отдельным вещественным элементам производства как к их источникам, вместо того чтобы отнести их, как к их источнику, к стоимости товара. Они действительно относятся к упомянутым особым источникам, но не как составные части стоимости, а как доходы, как составные части стоимости, достающиеся этим определенным категориям агентов производства: рабочему, капиталисту, земельному собственнику. Тем не менее можно вообразить, что эти составные части стоимости не происходят от разложения товарной стоимости, а, наоборот, образуют ее лишь своим соединением; тогда-то и получается великолепный порочный круг: стоимость товаров возникает из суммы стоимости заработной платы, прибыли, ренты, а стоимость заработной платы, прибыли, ренты, в свою очередь, определяется стоимостью товаров, и т. д.[54].

[54] «Оборотный капитал, затраченный на материалы, сырой материал и законченные произведения, сам состоит из товаров, необходимая цена которых составлена из тех же элементов, так что причислять эту часть оборотного капитала к элементам необходимой цены при рассмотрении совокупности товаров страны значило бы допустить двойной счет» (*Шторх:* «Cours d'Éc. Pol.», II, стр. 140). Под этими элементами оборотного капитала Шторх разумеет (основной — это только измененная форма оборотного) постоянную часть стоимости. «Правда, что заработная плата рабочего, так же как и часть прибыли предпринимателя, которая состоит из заработных плат, если рассматривать их как часть средств существования, в свою очередь, составляются из товаров, купленных по рыночной цене и тоже заключающих в себе заработные платы, ренты на капиталы, земельные ренты и предпринимательские прибыли... это соображение служит лишь для того, чтобы доказать невозможность разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (там же, примечание). В своих «Considérations sur la nature du revenu national» (Paris 1824) Шторх в полемике с Сэем, правда, понимает всю нелепость, к которой приводит ошибочный анализ товарной стоимости, разлагающий ее только на доходы, и правильно оценивает всю бессмыслицу этих выводов — с точки зрения не единичных капиталистов, а нации, — но сам он не делает ни шага вперед в анализе prix nécessaire [необходимой цены], относительно которой он заявляет в своем «Cours», что необходимую цену нельзя разложить на ее действительные элементы, не отодвигая, в мнимом движении вперед, решения задачи до бесконечности. «Ясно, что стоимость годового продукта разделяется частью на капиталы, частью на прибыли и что каждая из этих частей стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, необходимые нации как для сохранения ее капитала, так и для обновления ее потребительного фонда (стр. 134, 135)... Может ли она (живущая своим трудом крестьянская семья) жить в своих ригах и конюшнях, питаться своими семенами и кормом для скота, одеваться в свой рабочий скот, развлекаться своими земледельческими орудиями? Согласно тезису г. Сэя, следовало бы ответить положительно на все эти вопросы (135, 136)... Если признать, что доход нации равняется ее валовому продукту, т. е. что из него не приходится вычитать капитала, то придется тоже признать, что она может непроизводительно израсходовать всю стоимость своего годового продукта, не принеся ни малейшего ущерба своему будущему доходу (147). Продукты, составляющие капитал нации, не подлежат потреблению» (стр. 150).

При нормальном состоянии воспроизводства только часть вновь присоединенного труда употребляется на производство и, следовательно, на возмещение постоянного капитала; именно, как раз та часть, которая возмещает постоянный капитал, израсходованный в производстве средств потребления, вещественных элементов дохода. Это уравнивается тем, что указанная постоянная часть не стоит классу II добавочного труда. Но постоянный капитал, который (если рассматривать весь процесс воспроизводства, в который, следовательно, включено и вышеуказанное уравнение классов I и II) не есть продукт вновь присоединенного труда, хотя этот продукт невозможно было бы произвести без него, — этот постоянный капитал подвергается во время процесса воспроизводства, в вещественном отношении, случайностям и опасностям, которые могут его уменьшить. (Далее, если рассматривать его со стороны стоимости, то и в этом отношении он может обесцениться вследствие изменения в производительной силе труда; однако это относится лишь к единичным капиталистам.) В соответствии с этим часть прибыли, следовательно, прибавочной стоимости, а потому и прибавочного продукта, в котором (если рассматривать его с точки зрения стоимости) представлен лишь вновь присоединенный труд, служит страховым фондом. При этом дело нисколько не изменяется от того, управляется ли этот страховой фонд страховым обществом как отдельное предприятие или нет. Это — единственная часть дохода, которая не потребляется как доход и не служит обязательно фондом накопления. Служит ли она фактически как фонд накопления или лишь покрывает недочеты воспроизводства, это зависит от случая. Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочного труда, которая наряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна сохраниться и по уничтожении капиталистического способа производства. Конечно, это предполагает, что часть, регулярно потребляемая непосредственными производителями, не будет ограничена ее теперешним минимальным уровнем. Кроме прибавочного труда на тех, которые, благодаря своему возрасту, еще не могут или уже не могут принимать участие в производстве, отпадает какой бы то ни было труд на содержание тех, кто не работает. Если обратиться ко времени возникновения общества, то мы увидим, что здесь нет еще произведенных средств производства, следовательно, нет постоянного капитала, стоимость которого входит в продукт и который при воспроизводстве в том же масштабе должен возмещаться in natura [в натуре] из продукта в размере, определяемом его стоимостью. Но природа непосредственно дает здесь жизненные средства, которых не приходится производить. Поэтому она оставляет дикарю, которому приходится удовлетворять

лишь очень малые потребности, время не на то, чтобы использовать еще не существующие средства производства для нового производства, а на то, чтобы, кроме труда, которого стоит присвоение существующих в природе жизненных средств, затрачивать труд на превращение других продуктов природы в средства производства: лук, каменный нож, лодку и т. д. Процесс этот, если рассматривать его только с вещественной стороны, совершенно соответствует у дикаря обратному превращению прибавочного труда в новый капитал. В процессе накопления постоянно совершается превращение такого продукта избыточного труда в капитал; и то обстоятельство, что всякий новый капитал происходит из прибыли, ренты или других форм дохода, т. е. из прибавочного труда, ведет к ошибочному представлению, будто вся стоимость товаров возникает из дохода. Это обратное превращение прибыли в капитал при ближайшем анализе показывает, что добавочный труд, — который всегда выступает в форме дохода, — служит не для сохранения или воспроизводства прежней капитальной стоимости, а, поскольку она не потребляется как доход, для создания нового дополнительного капитала.

Все затруднение вытекает из того, что весь вновь присоединенный труд, поскольку созданная им стоимость не сводится к заработной плате, является в виде прибыли, — понимаемой здесь как форма прибавочной стоимости вообще, т. е. как стоимость, которая ничего не стоила капиталисту и которая поэтому, конечно, не должна возмещать ему ничего авансированного, никакого капитала. Поэтому такая стоимость существует в форме свободного, добавочного богатства, короче, с точки зрения отдельного капиталиста, в форме его дохода. Но эту вновь созданную стоимость одинаково можно потребить как производительно, так и индивидуально, одинаково и как капитал и как доход. Она частично уже по своей натуральной форме должна быть потреблена производительно. Таким образом, ясно, что ежегодно присоединяемый труд создает как капитал, так и доход; что̀ и обнаруживается в процессе накопления. Но часть рабочей силы, употребляемая на то, чтобы вновь произвести капитал (следовательно, по аналогии, та часть рабочего дня, которую дикарь употребляет не на то, чтобы присваивать пищу, а на то, чтобы изготовлять орудие, посредством которого он присваивает пищу), потому становится нераспознаваемой, что весь продукт прибавочного труда прежде всего выступает в форме прибыли, — определение, которое в действительности не имеет ничего общего с самим этим прибавочным продуктом, а касается только частного отношения капиталиста к инкассированной им прибавочной стоимости. В действительности прибавочная стоимость, создаваемая рабочим, распадается на доход и капитал, т. е. на средства потребления и добавочные средства производства. Но прежний, оставшийся от прошлого

года, постоянный капитал (кроме той части, которая повреждена и, следовательно, pro tanto [соответственно] уничтожена, стало быть, поскольку прежний капитал не должен быть воспроизведен, — а такие нарушения процесса воспроизводства относятся к сфере страхования), рассматриваемый со стороны его стоимости, не воспроизводится посредством вновь присоединенного труда.

Мы видим, далее, что часть вновь присоединенного труда постоянно поглощается в процессе воспроизводства и возмещения потребленного постоянного капитала, хотя этот вновь присоединенный труд распадается только на доходы: заработную плату, прибыль и ренту. Но при этом упускается из виду, 1) что часть стоимости продукта этого труда *не есть* продукт этого вновь присоединенного труда, а уже существовавший и потребленный постоянный капитал; что поэтому та часть продукта, в которой представлена эта часть стоимости, тоже не превращается в доход, а возмещает in natura средства производства этого постоянного капитала; 2) что часть стоимости, которая действительно представляет этот вновь присоединенный труд, не потребляется in natura как доход, а возмещает постоянный капитал в другой сфере, где она превращается в такую натуральную форму, в которой она может быть потреблена как доход, но которая, в свою очередь, опять-таки не является исключительно продуктом вновь присоединенного труда.

Пока воспроизводство совершается в неизменном масштабе, каждый потребленный элемент постоянного капитала должен возмещаться in natura посредством нового экземпляра соответствующего рода, если не того же самого количества и формы, то такой же дееспособности. Если производительная сила труда остается прежняя, то это натуральное возмещение включает возмещение той самой стоимости, какую постоянный капитал имел в своей прежней форме. Если же производительная сила труда увеличивается так, что те же самые вещественные элементы можно воспроизвести меньшим трудом, то меньшая часть стоимости продукта может вполне возместить in natura постоянную часть. Избыток может в таком случае послужить для образования нового добавочного капитала, или можно будет большей части продукта придать форму средств потребления, или же уменьшить прибавочный труд. Напротив, если производительная сила труда уменьшится, то на возмещение прежнего капитала потребуется более значительная часть продукта; прибавочный продукт уменьшится.

Обратное превращение прибыли или вообще какой бы то ни было формы прибавочной стоимости в капитал показывает, — если мы отвлечемся от исторически определенной экономической формы и будем рассматривать это превращение просто как образование новых средств производства, — что все еще сохраняется то положение, когда рабочий, кроме труда, направленного на

приобретение непосредственных жизненных средств, затрачивает труд на производство средств производства. Превращение прибыли в капитал означает не что иное, как применение части избыточного труда на образование новых, добавочных средств производства. Что это совершается в форме превращения прибыли в капитал, означает лишь, что не рабочий, а капиталист распоряжается избыточным трудом. Что этот избыточный труд должен сначала пройти стадию, в которой он выступает как доход (в то время как, напр., у дикаря он выступает как труд, непосредственно направленный на производство средств производства), означает лишь, что этот труд или его продукт присваивается тем, кто не работает. Но что̀ в действительности превращается в капитал, — это не прибыль как таковая. Превращение прибавочной стоимости в капитал означает лишь, что прибавочная стоимость и прибавочный продукт не потребляются капиталистом как доход, индивидуально. Что̀ действительно превращается таким образом — это стоимость, овеществленный труд, или продукт, в котором непосредственно представлена эта стоимость или на который она обменивается после предварительного превращения в деньги. И тогда, когда прибыль превращается в капитал, не эта определенная форма прибавочной стоимости, не прибыль составляет источник нового капитала. Прибавочная стоимость при этом только превращается из одной формы в другую. Но не это превращение формы делает ее капиталом. В качестве капитала теперь функционирует товар и его стоимость. Но то обстоятельство, что стоимость товара не оплачена, — а только вследствие этого она и становится прибавочной стоимостью, — совершенно безразлично для овеществления труда, для самой стоимости.

Недоразумение выражается в различных формах. Например, в том, что товары, из которых состоит постоянный капитал, также заключают в себе элементы заработной платы, прибыли и ренты. Или: то, что представляет для одного доход, для другого представляет капитал, и потому это — просто субъективные отношения. Так, пряжа прядильщика содержит часть стоимости, которая представляет для него прибыль. Следовательно, ткач, покупая пряжу, реализует прибыль прядильщика, для него же самого эта пряжа — лишь часть его постоянного капитала.

Кроме того, что уже раньше было выяснено об отношении дохода и капитала, следует заметить: то, что̀, с точки зрения стоимости, входит с пряжей как составная часть в капитал ткача — это стоимость пряжи. Как части этой стоимости распределяются для самого прядильщика на капитал и доход, другими словами, на оплаченный и неоплаченный труд, — это совершенно безразлично для определения стоимости самого товара (если отвлечься от изменений, обусловливаемых средней прибылью). Однако здесь таится еще на заднем плане представление, будто прибыль, вообще

прибавочная стоимость, есть избыток над стоимостью товара, который образуется лишь благодаря надбавке, взаимному надувательству, барышу от отчуждения. Если оплачивается цена производства или даже стоимость товара, оплачиваются, конечно, и составные части стоимости товара, которые представляются продавцу последнего в форме дохода. О монопольных ценах здесь, разумеется, нет речи.

Во-вторых, совершенно верно, что составные части товаров, из которых состоит постоянный капитал, могут быть сведены, подобно всякой другой товарной стоимости, к частям стоимости, которые для производителей и собственников средств производства распадаются на заработную плату, прибыль и ренту. Это есть лишь капиталистическая форма выражения того факта, что всякая товарная стоимость есть лишь мера заключающегося в товаре общественно необходимого труда. Но уже в первой книге было показано, что это ничуть не препятствует распадению товарного продукта всякого капитала на отдельные части, из которых одна представляет исключительно постоянную часть капитала, другая — переменную часть капитала и третья — только прибавочную стоимость.

Шторх выражает и мнение многих других, когда говорит: «Продукты, подлежащие продаже, составляющие национальный доход, следует рассматривать в политической экономии двояким образом: как стоимости по отношению к индивидуумам и как блага по отношению к нации; потому что доход нации определяется не так, как доход отдельного индивидуума, по его стоимости, а по его полезности или по тем потребностям, которые он может удовлетворить» («Consid. sur le revenu national», стр. 19).

Во-первых, совершенно ложная абстракция: нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, рассматривать как собирательный организм [Gesamtkörper], работающий только для удовлетворения национальных потребностей.

Во-вторых, по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается преобладающим [vorherrschend] в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

ВИДИМОСТЬ, СОЗДАВАЕМАЯ КОНКУРЕНЦИЕЙ.

Уже было показано, что стоимость товаров, или регулируемая всею их стоимостью цена производства, распадается на:

1) Часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал или представляет прежний труд, потребленный в форме средств производства при изготовлении товара; другими словами, стоимость или цену средств производства, вошедших в процесс производства товара. Здесь мы имеем всегда в виду не отдельные товары, а товарный капитал, т. е. ту форму, в которой представлен продукт капитала за определенный отрезок времени, напр. за год; отдельный товар образует лишь элемент товарного капитала, который, впрочем, по своей стоимости распадается аналогично на те же самые составные части.

2) Часть стоимости, которая составляет переменный капитал, измеряющий собою доход рабочего и превращающийся для последнего в его заработную плату, которую рабочий, следовательно, воспроизвел в этой переменной части стоимости капитала; короче, часть стоимости, в которой представлена оплаченная часть труда, вновь присоединенного в производстве товара к первой постоянной части стоимости.

3) Прибавочная стоимость, т. е. часть стоимости товарного продукта, в которой представлен неоплаченный, или прибавочный, труд. Эта последняя часть стоимости принимает, в свою очередь, самостоятельные формы, которые в то же время являются формами дохода: форму прибыли на капитал (процент на капитал как таковой и предпринимательский доход с капитала как функционирующего капитала) и форму земельной ренты, которая достается собственнику земли, участвующей [mitwirkenden] в процессе производства. Составные части 2) и 3), т. е. та составная часть стоимости, которая всегда принимает форму дохода — в виде заработной платы (конечно, лишь после того, как последняя предварительно прошла через форму переменного капитала), прибыли и ренты — отличается от постоянной составной части 1) тем, что к ней сводится вся та стоимость, в которой овеществляется труд, вновь присоединенный к этой постоянной части, к средствам производ-

ства товара. Если же оставить в стороне постоянную часть стоимости, то окажется верным утверждение, что стоимость товара, поскольку она, таким образом, представляет вновь присоединенный труд, всегда разлагается на три части, образующие три формы дохода — на заработную плату, прибыль и ренту[55], соответствующие величины стоимости которых, т. е. те соответственные доли, которые эти величины составляют от всей стоимости, определяются различными, специфическими, выведенными выше законами. Но было бы неверно обратное утверждение, что стоимость заработной платы, норма прибыли и норма ренты образуют самостоятельные, конституирующие элементы стоимости, путем соединения которых получается, — если оставить в стороне постоянную составную часть, — стоимость товара; другими словами неверно было бы утверждение, что они образуют слагающие составные части товарной стоимости или цены производства[56].

Легко заметить, в чем тут разница.

Допустим, что стоимость продукта капитала, равного 500, будет $400\ c + 100\ v + 150\ m = 650$; $150\ m$ распадаются, в свою очередь, на 75 прибыли + 75 ренты. Допустим, далее, чтобы устранить ненужные трудности, что это капитал среднего строения, так что его цена производства совпадает с его стоимостью; совпадение, всегда имеющее место, раз продукт этого единичного капитала может рассматриваться как продукт соответствующей его величине части всего капитала.

---

[55] При распадении стоимости, присоединенной к постоянной части капитала, на заработную плату, прибыль и земельную ренту получаются, само собою разумеется, части стоимости. Их можно, конечно, представить себе существующими в непосредственном продукте, в котором представлена эта стоимость, т. е. в непосредственном продукте, который произвели рабочие и капиталисты данной особой сферы производства, напр. бумагопрядения, следовательно, в пряже. Однако в действительности они представлены в этом продукте не больше и не меньше, чем в каком-либо другом товаре, чем в какой-либо другой составной части вещественного богатства той же самой стоимости. Ведь на практике заработная плата уплачивается деньгами, то есть в чистом выражении стоимости; то же верно по отношению к проценту и ренте. И в самом деле, для капиталиста превращение его продукта в чистое выражение стоимости имеет большое значение; оно уже предполагается при самом распределении. Превращаются ли эти стоимости обратно в тот же самый продукт, в тот же самый товар, из производства которого они возникли, покупает ли рабочий обратно часть непосредственно произведенного им продукта, или же он покупает продукт другого и качественно отличного [andersgearteter] труда — все это не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. Г-н Родбертус обнаруживает совершенно бесполезное рвение по этому вопросу.

[56] «Достаточно заметить, что то же самое общее правило, которое регулирует стоимость сырого продукта и мануфактурных товаров, приложимо также и к металлам; их стоимость зависит не от нормы прибыли, не от нормы заработной платы, не от ренты, выплачиваемой за рудники, но от всего количества труда, необходимого для того чтобы добыть металл и доставить его на рынок» (*Рикардо:* «Princ.», гл. III, стр. 77 [русс. пер., стр. 44]).

Здесь заработная плата, измеряемая переменным капиталом, составляет 20% авансированного капитала; прибавочная стоимость, отнесенная ко всему капиталу, 30%, а именно 15% прибыли и 15% ренты. Вся та составная часть стоимости товара, в которой овеществлен вновь присоединенный труд, равна $100\,v+150\,m=$ $=250$. Величина ее не зависит от того, что она распадается на заработную плату, прибыль и ренту. Соотношение этих последних частей показывает нам, что рабочая сила, оплаченная сотнею, скажем, фунтов стерлингов, доставила количество труда, выражающееся в сумме денег, равной 250 ф. ст. Мы видим отсюда, что рабочий выполнил прибавочного труда в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем труда для самого себя. Если рабочий день = 10 часам, он работал 4 часа для себя и 6 часов для капиталиста. Итак, труд рабочих, оплаченных 100 ф. ст., выражается в денежной стоимости 250 ф. ст. За исключением этой стоимости в 250 ф. ст. ничего не приходится делить между рабочим и капиталистом, между капиталистом и земельным собственником. Такова вся стоимость, присоединенная к стоимости средств производства, равной 400. Поэтому произведенная указанным образом и определяемая количеством овеществленного в ней труда товарная стоимость в 250 составляет предел тех дивидендов, которые рабочий, капиталист и земельный собственник могут извлечь из этой стоимости в форме заработной платы, прибыли и ренты.

Пусть капитал с тем же самым органическим строением, т. е. с тем же самым отношением между примененной живой рабочей силой и приведенным в движение постоянным капиталом, вынужден платить 150 ф. ст. вместо 100 ф. ст. за ту же самую рабочую силу, приводящую в движение постоянный капитал, равный 400; пусть, далее, прибавочная стоимость распадается опять-таки в новом отношении на прибыль и ренту. Так как предполагается, что теперь переменный капитал в 150 ф. ст. приводит в движение ту же самую массу труда, какая раньше приводилась в движение капиталом в 100 ф. ст., то вновь произведенная стоимость была бы попрежнему = 250 и стоимость всего продукта попрежнему = = 650, но мы имели бы тогда $400\,c+150\,v+100\,m$; и эти $100\,m$ распадались бы, скажем, на 45 прибыли и 55 ренты. Пропорция, в которой вся вновь произведенная стоимость распределяется теперь между заработной платой, прибылью и рентой, была бы совершенно иная; совершенно иной была бы также величина всего авансированного капитала, хотя он приводит в движение ту же самую совокупную массу труда, что и раньше. Заработная плата составляла бы $27\frac{3}{11}\%$, прибыль — $8\frac{2}{11}\%$, рента — 10% авансированного капитала; следовательно, вся прибавочная стоимость несколько более 18%.

Вследствие повышения заработной платы изменилась бы величина неоплаченной части всего труда, а тем самым и величина

прибавочной стоимости. При десятичасовом рабочем дне рабочему приходилось бы теперь 6 часов работать на себя и лишь 4 часа на капиталиста. Изменилось бы также отношение между прибылью и рентой; уменьшенная прибавочная стоимость делилась бы между капиталистом и земельным собственником в новой пропорции. Наконец, вследствие того, что стоимость постоянного капитала осталась неизменной, а стоимость авансированного переменного капитала возросла, уменьшенная прибавочная стоимость выражалась бы в еще более пониженной норме валовой прибыли [Bruttoprofitrate], причем под последней мы разумеем здесь отношение всей прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу.

Изменение в стоимости заработной платы, в норме прибыли и норме ренты, каково бы ни было действие законов, регулирующих взаимоотношение этих частей, может совершаться лишь в границах, определяемых величиной вновь созданной товарной стоимости = 250. Исключение могло бы иметь место лишь в том случае, если бы рента покоилась на монопольной цене. Это нисколько не изменило бы закона, но лишь усложнило бы исследование. Ибо если бы мы в этом случае стали рассматривать только самый продукт, то изменение обнаружилось бы лишь в распределении прибавочной стоимости; если же мы стали бы рассматривать относительную стоимость этого продукта по сравнению с другими товарами, то мы нашли бы лишь то различие, что часть прибавочной стоимости последних переносится на этот специфический товар.

Повторяем вкратце:

Стоимость продукта	Новая стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма валовой прибыли
Первый случай: $400c + 100v + 150m = 650$. .	250	150%	30%
Второй случай: $400c + 150v + 100m = 650$. .	250	$66^2/_3$%	$18^2/_{11}$%

Прежде всего прибавочная стоимость понизилась на одну треть своей прежней величины, с 150 до 100. Норма прибыли понизилась несколько более, чем на одну треть, с 30 до 18%, так как уменьшенная прибавочная стоимость исчисляется теперь на возросший авансированный совокупный капитал. Но и она упала далеко не в том отношении, как норма прибавочной стоимости. Эта последняя с $\frac{150}{100}$ упала до $\frac{100}{150}$, т. е. с 150 до $66^2/_3$%, в то время как норма прибыли понизилась лишь с $\frac{150}{500}$ до $\frac{100}{550}$, или с 30 до

$18^2/_{11}\%$. Таким образом норма прибыли падает относительно больше, чем масса, но меньше, чем норма прибавочной стоимости. Далее, мы видим, что стоимости, как и массы продуктов, остаются неизменными, раз применяется то же самое количество труда, хотя авансированный капитал вследствие увеличения его переменной составной части увеличился. Это возрастание авансированного капитала отозвалось бы, конечно, очень чувствительно на капиталисте, начинающем новое предприятие. Но с точки зрения воспроизводства в целом возрастание переменного капитала означает лишь одно, — что бо́льшая часть стоимости, вновь созданной при помощи вновь присоединенного труда, превращается в заработную плату и, стало быть, прежде всего в переменный капитал, вместо того чтобы превращаться в прибавочную стоимость и прибавочный продукт. Следовательно, стоимость продукта остается неизменной, так как она ограничена, с одной стороны, постоянной капитальной стоимостью = 400, с другой стороны — числом 250, в котором представлен вновь присоединенный труд. Но обе эти величины остались неизменными. Продукт этот, поскольку он сам снова входит в постоянный капитал, представляет в данной величине стоимости ту же, что и прежде, массу потребительной стоимости; следовательно, та же самая масса элементов постоянного капитала сохраняет ту же самую стоимость. Иначе обстояло бы дело в том случае, если бы заработная плата повысилась не потому, что рабочий стал получать бо́льшую долю своего собственного труда, но если бы он стал получать бо́льшую долю своего собственного труда потому, что упала производительность труда. Тогда вся стоимость, в которой выражается то же самое количество труда — оплаченного и неоплаченного — осталась бы неизменной; но масса продукта, в которой представлено это количество труда, уменьшилась бы и, следовательно, возросла бы цена каждой соответственной части продукта, так как каждая такая часть представляет теперь большее количество труда. Повышенная заработная плата в 150 представляла бы не более продукта, чем прежняя заработная плата в 100; пониженная прибавочная стоимость в 100 представляла бы лишь $^2/_3$ того продукта, $66^2/_3\%$ той массы потребительных стоимостей, которая прежде выражалась в 100. В этом случае вздорожал бы и постоянный капитал, поскольку в него входит этот продукт. Но это не было бы следствием повышения заработной платы, — а, наоборот, повышение заработной платы было бы следствием вздорожания товаров и следствием пониженной производительности того же самого количества труда. Здесь возникает иллюзия, будто повышение заработной платы удорожило продукт; в действительности повышение это является не причиной, а результатом изменения стоимости товаров вследствие пониженной производительности труда.

Если, наоборот, при прочих равных условиях, — т. е. при том условии, что прежнее количество затраченного труда было бы представлено, как и раньше, в 250, — повысилась или упала бы стоимость средств производства, примененных трудом, то и стоимость той же массы продукта повысилась бы или упала на ту же самую величину. $450\,c + 100\,v + 150\,m$ составляет стоимость продукта $= 700$, тогда как $350\,c + 100\,v + 150\,m$ дает для стоимости той же самой массы продукта лишь 600, вместо прежних 650. Следовательно, когда растет или уменьшается авансированный капитал, приводимый в движение тем же самым количеством труда, тогда, при прочих равных условиях, увеличивается или падает стоимость продукта, — раз увеличение или уменьшение авансированного капитала происходит вследствие изменения величины стоимости постоянной части капитала. Наоборот, она не изменяется, если увеличение или уменьшение авансированного капитала вызвано изменением величины стоимости переменной части капитала при неизменной производительной силе труда. Увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала не компенсируется никаким противоположным движением. Увеличение же или уменьшение переменного капитала при неизменяющейся производительности труда компенсируется обратным движением прибавочной стоимости, так что стоимость переменного капитала плюс прибавочная стоимость, т. е. стоимость, вновь присоединенная трудом к средствам производства и вновь созданная в продукте, остается неизменной.

Напротив, если увеличение или уменьшение стоимости переменного капитала или заработной платы есть следствие вздорожания или понижения цены товаров, т. е. следствие уменьшения или увеличения производительности труда, примененного в данном вложении капитала, то это отразится на стоимости продукта. Но повышение или понижение заработной платы является здесь не причиной, а только следствием.

Если бы, напротив, в вышеприведенном примере, при неизменном постоянном капитале $= 400\,c$, изменение $100\,v + 150\,m$ в $150\,v + 100\,m$, т. е. возрастание переменного капитала явилось следствием понижения производительной силы труда не в данной отрасли производства, напр. в бумагопрядении, но, скажем, в земледелии, доставляющем рабочему пищевые продукты, — следовательно, явилось результатом вздорожания этих пищевых продуктов, то стоимость продукта не изменилась бы. Стоимость в 650 теперь, как и прежде, была бы представлена в той же самой массе хлопчатобумажной пряжи.

Из вышеизложенного вытекает, далее, следующее: если благодаря экономии и т. п. уменьшаются затраты постоянного капитала в тех отраслях производства, продукты которых входят в потребление рабочего, то это в такой же степени, как и непосредственное

возрастание производительности самого затрачиваемого труда, может привести к уменьшению заработной платы, так как удешевляет жизненные средства рабочего, — может привести, следовательно, к повышению прибавочной стоимости; так что норма прибыли возросла бы здесь по двум причинам: во-первых, потому что уменьшается стоимость постоянного капитала и, во-вторых, потому что увеличивается прибавочная стоимость. Рассматривая превращение прибавочной стоимости в прибыль, мы предполагали, что заработная плата не понижается, а остается постоянной, так как там мы должны были исследовать колебания нормы прибыли, независимо от изменения нормы прибавочной стоимости. Кроме того, выясненные нами там законы имеют общий характер, они применимы также и к тем вложениям капитала, продукты которых не входят в потребление рабочего, изменение стоимости продукта которых, следовательно, не оказывает влияния на заработную плату.

Итак, обособление и разложение стоимости, ежегодно присоединяемой вновь к средствам производства или к постоянному капиталу при помощи вновь прилагаемого труда, — обособление этой вновь созданной стоимости и разложение ее на различные формы дохода: на заработную плату, прибыль и ренту, нисколько не изменяет границы самой стоимости, той суммы стоимости, которая распределяется между этими различными категориями; совершенно так же, как изменение отношения между этими отдельными частями не может изменить их суммы, этой данной величины стоимости. Данное число 100 остается всегда тем же самым, разложим ли мы его на 50 + 50, или на 20 + 70 + + 10, или на 40 + 30 + 30. Та часть стоимости продукта, которая распадается на эти доходы, определена совершенно так же, как и постоянная часть стоимости капитала, стоимостью товаров, т. е. количеством труда, овеществленного в них в каждом данном случае. Таким образом, во-первых, дана масса товарной стоимости, распределяющаяся между заработной платой, прибылью и рентой, — дана, следовательно, абсолютная граница суммы отдельных частей стоимости этих товаров. Во-вторых, что касается самих отдельных категорий, то их средние и регулирующие границы также даны. Заработная плата образует базис такого их ограничения. Она, с одной стороны, регулируется естественным законом; ее минимальная граница дана физическим минимумом жизненных средств, необходимых рабочему для поддержания и воспроизводства своей рабочей силы, — дана, следовательно, определенным количеством товаров. Стоимость этих товаров определяется рабочим временем, которое требуется для их воспроизводства, и, тем самым, той частью труда, вновь присоединяемого к сред-

ствам производства, или той частью каждого рабочего дня, которую рабочий употребляет для производства и воспроизводства эквивалента стоимости этих необходимых жизненных средств. Если, напр., средняя стоимость его жизненных средств за день равняется по стоимости 6 часам среднего труда, то он должен в среднем работать на себя 6 часов в день. Действительная стоимость его рабочей силы отклоняется от этого физического минимума; она различна в зависимости от климата и уровня общественного развития; она зависит не только от физических, но и от исторически развившихся общественных потребностей, которые становятся второю природою. Но в каждой стране и в каждый данный период эта регулирующая средняя заработная плата является данной величиной. Таким образом стоимость всех остальных доходов получает границу. Она всегда равна стоимости, в которой воплощается весь рабочий день (который здесь совпадает с средним рабочим днем, так как он охватывает всю массу труда, приведенную в движение всем общественным капиталом), минус та часть его, которая воплощается в заработной плате. Ее граница, следовательно, дана границей той стоимости, в которой выражается неоплаченный труд, т. е. количеством этого неоплаченного труда. Если та часть рабочего дня, которую рабочий затрачивает на воспроизводство стоимости своей заработной платы, находит свою крайнюю границу в физическом минимуме заработной платы, то другая часть рабочего дня — та, в которой представлен прибавочный труд, а следовательно, и та часть стоимости, которая выражает собою прибавочную стоимость, — находит свою границу в физическом максимуме рабочего дня, т. е. в том совокупном количестве ежедневного рабочего времени, которое рабочий вообще может дать при условии сохранения и воспроизводства своей рабочей силы. Так как в настоящем исследовании дело идет о распределении той стоимости, в которой представлен весь труд, вновь присоединяемый в течение года, то рабочий день может рассматриваться здесь как величина постоянная, и предполагается как таковая, независимо от того, много ли или мало он отклоняется от своего физического максимума. Абсолютная граница той части стоимости, которая образует прибавочную стоимость и распадается на прибыль и земельную ренту, таким образом дана; она определяется величиной неоплаченной части рабочего дня, остающейся за вычетом оплаченной его части, следовательно, той частью стоимости всего продукта, в которой этот прибавочный труд находит свое осуществление. Если мы назовем, как я это сделал, прибылью прибавочную стоимость, ограниченную этими пределами и исчисленную на весь авансированный капитал, то прибыль эта, рассматриваемая со стороны ее абсолютной величины, равна прибавочной стоимости, и, следовательно, границы ее определены столь же закономерно, как и границы

этой последней. Но высота нормы прибыли также есть величина, включенная в известные границы, определяемые стоимостью товаров. Она есть отношение всей прибавочной стоимости ко всему общественному капиталу, авансированному на производство. Если этот капитал = 500 (скажем, миллионов), а прибавочная стоимость = 100, то 20% образуют абсолютную границу нормы прибыли. Распределение общественной прибыли сообразно этой норме между капиталами, вложенными в различные сферы производства, создает отклоняющиеся от стоимостей товаров цены производства, которые и являются действительно регулирующими средними рыночными ценами. Но отклонение это не снимает ни определения цен стоимостями, ни закономерных границ прибыли. Если стоимость товара равна потребленному при его производстве капиталу *k* плюс заключающаяся в нем прибавочная стоимость, то цена производства товара равна потребленному при его производстве капиталу *k* плюс прибавочная стоимость, которая приходится на его долю сообразно общей норме прибыли, напр. 20% на капитал, авансированный для производства этого товара, как на действительно потребленный, так и просто примененный капитал. Но эта надбавка в 20% сама определяется прибавочной стоимостью, созданной всем общественным капиталом, и ее отношением к стоимости капитала; именно поэтому она составляет 20%, а не 10 или 100. Таким образом превращение стоимостей в цены производства не снимает границ прибыли, но только изменяет распределение последней между различными отдельными капиталами, из которых состоит общественный капитал, — распределяет ее между ними равномерно, пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению ко всему капиталу. Рыночные цены поднимаются выше и падают ниже этой регулирующей цены производства, но такие колебания взаимно уничтожаются. Если рассмотреть таблицы цен за продолжительный период, устранив те случаи, когда вследствие изменения производительной силы труда изменяется действительная стоимость товаров, а также те случаи, когда процесс производства нарушается какими-либо естественными или общественными бедствиями, то мы будем поражены прежде всего относительно узкими пределами отклонений и затем регулярностью, с которой такие отклонения уравновешиваются. Мы найдем здесь то господство регулирующих средних, которое Кетле указал для общественных явлений. Если выравнивание товарных стоимостей в цены производства не наталкивается ни на какие препятствия, то рента сводится к дифференциальной ренте, т. е. ограничивается выравниванием тех сверхприбылей, которые регулирующая цена производства доставила бы известной части капиталистов и которые теперь присваивает земельный собственник. Следовательно, здесь рента находит свою определенную границу стоимости в тех откло-

нениях индивидуальных норм прибыли, которые вызываются регулированием цен производства при посредстве общей нормы прибыли. Если земельная собственность ставит препятствия выравниванию товарных стоимостей в цены производства и присваивает себе абсолютную ренту, то эта последняя ограничена избытком стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, следовательно, избытком заключающейся в них прибавочной стоимости сверх прибыли, выпадающей на долю капиталов соответственно общей норме прибыли. Эта разница образует здесь границу ренты, которая опять-таки составляет лишь определенную часть данной и заключающейся в товарах прибавочной стоимости.

Наконец, если бы уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий, и в частности в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монопольная цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, все же границы, определяемые стоимостью товаров, этим не были бы сняты. Монопольная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, но такое нарушение оставило бы границу самой прибавочной стоимости неизменной. Если бы товар с такой монопольной ценой входил в число предметов необходимого потребления рабочего, он повысил бы заработную плату и тем самым понизил бы прибавочную стоимость, раз рабочему попрежнему выплачивали бы всю стоимость его рабочей силы. Такой товар мог бы понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, но лишь поскольку заработная плата превышает границу своего физического минимума. Здесь монопольная цена уплачивалась бы путем вычета из реальной заработной платы (т. е. из суммы потребительных стоимостей, получаемых рабочим путем данного количества труда) и из прибыли других капиталистов. Границы, в пределах которых монопольная цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен, были бы твердо определены и поддавались бы точному учету.

Итак, подобно тому, как распределение стоимости товаров, вновь присоединенной и вообще разлагающейся на доходы, находит свои данные и регулирующие границы в соотношении между необходимым и прибавочным трудом, заработной платой и прибавочной стоимостью, точно так же и разделение самой прибавочной стоимости на прибыль и земельную ренту находит свои границы в законах, регулирующих уравнение норм прибыли. Что касается расщепления на процент и предпринимательский доход, то пределы их обоих, вместе взятых, образует средняя прибыль. Она

дает ту определенную величину стоимости, в границах которой это разделение должно произойти и только и может произойти. Определенная пропорция, в которой происходит разделение, здесь носит случайный характер, т. е. определяется исключительно отношениями конкуренции. В то время как в других случаях равновесие спроса и предложения уничтожает отклонения рыночных цен от регулирующих их средних цен, т. е. уничтожает влияние конкуренции, здесь оно является единственно определяющим. Но почему? Потому, что один и тот же фактор производства, капитал, должен распределить достающуюся на его долю прибавочную стоимость между двумя владельцами этого самого фактора производства. Но то обстоятельство, что здесь нет определенной закономерной границы для раздела средней прибыли, не снимает границ последней, как части товарной стоимости, — так же, как граница прибыли предприятия не затрагивается тем фактом, что два его компаньона по каким-либо внешним обстоятельствам делят между собою эту прибыль не поровну.

Если, следовательно, та часть товарной стоимости, в которой представлен труд, вновь присоединенный к стоимости средств производства, распадается на различные части, приобретающие затем в виде доходов самостоятельные по отношению друг к другу формы [Gestalten], то отсюда еще отнюдь не следует, что заработную плату, прибыль и ренту надо рассматривать как конституирующие элементы, из соединения, или суммы, которых возникает регулирующая цена (natural price, prix nécessaire [естественная цена, необходимая цена]) самих товаров; таким образом не товарная стоимость — по вычете из нее постоянной части стоимости — была бы первоначальным единством, которое распадается на указанные три части, а, наоборот, цена каждой из этих трех частей определялась бы самостоятельно, и лишь из сложения этих трех независимых величин получалась бы цена товара. В действительности стоимость товара есть величина, заранее данная, это есть совокупность всей суммы стоимости заработной платы, прибыли и ренты, каковы бы ни были относительные величины этих последних. При указанном же ложном понимании заработная плата, прибыль и рента суть три самостоятельные величины стоимости, совокупная величина которых создает, ограничивает и определяет величину товарной стоимости.

Прежде всего ясно, что если бы заработная плата, прибыль и рента конституировали цену товаров, то это в равной степени должно было бы относиться как к постоянной части товарной стоимости, так и к другой ее части, в которой представлены переменный капитал и прибавочная стоимость. Эта постоянная часть может, следовательно, быть при этом оставлена без внимания, так как стоимость товаров, из которых она состоит, точно так же сводилась бы к сумме стоимости заработной платы, прибыли и

ренты. Как уже было показано, этот взгляд отрицает даже самое существование такой постоянной части стоимости.

Ясно, далее, что здесь отпадает всякое понятие стоимости. Остается только представление цены в том смысле, что владельцам рабочей силы, капитала и земли уплачивается известная сумма денег. Но что такое деньги? Деньги — не вещь, а определенная форма стоимости, следовательно, опять-таки предполагают стоимость. Итак, пусть определенное количество золота или серебра уплачивается за эти элементы производства или приравнивается этому количеству мысленно. Но ведь золото и серебро (и просвещенный экономист гордится тем, что он это уразумел) сами являются товарами, как всякие другие товары. Следовательно, цена золота и серебра также определяется заработной платой, прибылью и рентой. Таким образом, мы не можем заработную плату, прибыль и ренту определять тем, что они приравниваются известному количеству золота и серебра, так как стоимость этого золота и серебра, в которой они должны быть оценены, как в своем эквиваленте, должна раньше быть оценена как раз ими, независимо от золота и серебра, т. е. независимо от стоимости всякого товара, которая сама как раз есть продукт указанных трех факторов. Итак, сказать, будто стоимость заработной платы, прибыли и ренты состоит в том, что они равны известному количеству золота и серебра, значило бы лишь сказать, что они равны известному количеству заработной платы, прибыли и ренты.

Возьмем прежде всего заработную плату. Ибо и с этой точки зрения следует исходить из труда. Как же определяется регулирующая цена заработной платы, та цена, около которой колеблются ее рыночные цены?

Скажем, спросом и предложением рабочей силы. Но о каком спросе на рабочую силу идет здесь речь? О спросе капитала. Следовательно, спрос на труд равносилен предложению капитала. Чтобы говорить о предложении капитала, мы должны знать прежде всего, что такое капитал. Из чего состоит капитал? Возьмем самое простое его проявление [Erscheinung]: из денег и товаров. Но деньги лишь форма товара. Значит, из товаров. Но стоимость товаров, по предположению, определяется, в первую очередь, ценою производящего их труда, заработной платой. Заработная плата является здесь предпосылкой и рассматривается как элемент, конституирующий цену товаров. Стало быть, эта цена должна быть определена отношением предложения труда к капиталу. Цена самого капитала равна цене товаров, из которых он состоит. Спрос капитала на труд равен предложению капитала. А предложение капитала равно предложению суммы товаров данной цены, и эта цена, в первую очередь, регулируется ценою труда, а цена труда опять-таки равна той части товарной цены, из которой состоит переменный капитал, уделяемый рабочему

в обмен на его труд; а цена товаров, из которых состоит этот переменный капитал, в первую очередь, определяется опять-таки ценою труда; ибо цена товаров определяется ценою заработной платы, прибыли и ренты. Следовательно, для того чтобы определить заработную плату, мы не можем исходить из капитала как из предпосылки, ибо стоимость самого капитала определяется при участии заработной платы.

Кроме того, привлечение к делу конкуренции нисколько не помогает нам. Конкуренция заставляет рыночные цены труда повышаться или падать. Но допустим, что спрос и предложение труда взаимно покрываются. Чем тогда будет определяться заработная плата? Конкуренцией. Но ведь мы как раз предположили, что конкуренция перестала определять, что благодаря равновесию ее обеих противоположно направленных сил она перестает оказывать влияние. Ведь мы как раз хотим найти естественную цену заработной платы, т. е. не ту цену труда, которая регулируется конкуренцией, а ту, которая, наоборот, регулирует ее.

Не остается ничего другого, как определить необходимую цену труда необходимыми жизненными средствами рабочего. Но эти жизненные средства — товары, имеющие цену. Следовательно, цена труда определяется ценою необходимых жизненных средств, а цена жизненных средств, как и всех других товаров, определяется в первую очередь ценою труда. Следовательно, цена труда, определяемая ценою жизненных средств, определяется ценою труда. Цена труда определяет самое себя. Другими словами, мы не знаем, чем определяется цена труда. Труд имеет здесь вообще цену, потому что он рассматривается как товар. Следовательно, чтобы говорить о цене труда, мы должны знать, что такое вообще цена. Но что такое цена вообще, мы этим путем как раз и не узнаем.

Но допустим, что столь утешительным способом мы определили необходимую цену труда. Как же обстоит дело с средней прибылью, с прибылью каждого капитала, которая при нормальных условиях образует второй элемент цены товара. Средняя прибыль должна определяться средней нормой прибыли; а как определяется эта последняя? Конкуренцией между капиталистами? Но конкуренция уже предполагает существование прибыли. Она предполагает различные нормы прибыли, а следовательно, и различные прибыли в тех же самых или различных отраслях производства. Конкуренция может влиять на норму прибыли лишь постольку, поскольку она влияет на цены товаров. Конкуренция может достигнуть лишь того, чтобы производители в пределах одной и той же сферы производства продавали свои товары по одинаковым ценам, а в пределах различных отраслей производства — по ценам, дающим им одинаковую прибыль, одинаковую пропорциональную надбавку к цене товара, уже определенной частично заработной платой. Конкуренция может поэтому

лишь уравнивать различия в норме прибыли. Для того чтобы возможно было уравнивать неодинаковые нормы прибыли, прибыль как элемент товарной цены должна уже быть налицо. Конкуренция ее не создает. Она повышает или понижает ее, но не создает того уровня, который устанавливается, раз равенство действительно наступило. И когда мы говорим о необходимой норме прибыли, мы хотим узнать как раз эту норму прибыли, которая не зависит от движения конкуренции, а, с своей стороны, регулирует конкуренцию. Средняя норма прибыли появляется при равновесии сил конкурирующих между собою капиталистов. Конкуренция может создать это равновесие, но не ту норму прибыли, которая выступает при этом равновесии. Почему, когда такое равновесие достигнуто, общая норма прибыли = 10 или 20 или 100%? Вследствие конкуренции? Но, как раз наоборот, конкуренция устранила причины, вызывавшие отклонения от 10 или 20 или 100%. Она привела к товарной цене, при которой каждый капитал дает одинаковую прибыль пропорционально своей величине. Но величина самой этой прибыли независима от конкуренции. Последняя лишь все снова и снова приводит все отклонения к данной величине. Один человек конкурирует с другими, и конкуренция заставляет его продавать свои товары по той же самой цене, как и эти другие. Но почему же эта цена 10 или 20 или 100?

Следовательно, не остается ничего другого, как объяснить норму прибыли, а потому и прибыль, как непостижимым образом определяемую надбавку к цене товара, которая до этого пункта определялась заработной платой. Эта норма прибыли должна быть данной величиной — вот единственное, что говорит нам конкуренция. Но это мы знали и раньше, когда мы говорили об общей норме прибыли, о «необходимой цене» прибыли.

Совершенно нет нужды опять проследить этот бесплодный ход рассуждений в применении к земельной ренте. И без того ясно, что, проведенный сколько-нибудь последовательно, он приводит лишь к тому, что прибыль и рента оказываются просто надбавкой, определяемой совершенно непостижимыми законами, к цене товаров, определяемой, в первую очередь, заработной платой. Короче, конкуренция должна объяснить все бессмыслицы экономистов, между тем как экономисты, наоборот, должны были бы объяснить конкуренцию.

Если оставить в стороне ту фантазию, будто прибыль и рента, как составные части цены, создаются обращением, т. е. возникают из продажи, обращение же не может дать ничего такого, что ему самому не было предварительно дано, — то дело сводится просто к следующему:

Пусть цена товара, определяемая заработной платой, = 100; норма прибыли 10% на заработную плату и рента 15% на заработную плату. Тогда цена товара, определяемая суммой заработной

платы, прибыли и ренты, = 125. Эти 25 надбавки не могут возникнуть из продажи товара. Потому что все, продающие друг другу товары, продают за 125 то, что каждому из них стоило 100 заработной платы; результат получается тот же, как если бы все они продавали по 100. Следовательно, операция эта должна быть рассмотрена независимо от процесса обращения.

Если трое делят самый товар, который теперь стоит 125, — а дело нисколько не изменится, если капиталист сначала продаст товар за 125, а потом уплатит рабочему 100, себе самому 10 и землевладельцу 15, — то рабочий получает $^4/_5 = 100$ стоимости и продукта. Капиталист получает $^2/_{25}$ стоимости и продукта, а получатель земельной ренты — $^3/_{25}$. Продав за 125 вместо 100, капиталист отдает рабочему лишь $^4/_5$ того продукта, в котором представлен труд последнего. Следовательно, результат получился бы тот же самый, если бы он дал рабочему 80, удержав 20, из которых 8 пришлось бы на его долю и 12 на долю получателя земельной ренты. Он тогда продал бы товар по его стоимости, так как в действительности надбавки к цене суть повышения, независимые от стоимости товара, которая при допущенном выше предположении определяется стоимостью заработной платы. Таким образом окольным путем это свелось бы к тому, что, при данном представлении, слова «заработная плата», 100 — означают стоимость продукта, т. е. сумму денег, в которой представлено это определенное количество труда, но что стоимость эта все-таки отлична от реальной заработной платы и, следовательно, оставляет некоторый избыток. Только этот избыток улавливается путем номинальной надбавки к цене. Следовательно, если бы заработная плата была 110 вместо 100, то прибыль должна бы быть = 11, и земельная рента = $16^1/_2$, стало быть, цена товара = $137^1/_2$. Отношение осталось бы при этом без изменения. Но так как деление осуществлялось бы всегда путем номинальной надбавки определенных процентов к заработной плате, то цена повышалась бы и падала бы вместе с заработной платой. Заработная плата сначала приравнивается здесь к стоимости товара и затем снова отделяется от этой последней. В действительности же дело сводится бессодержательным окольным путем к тому, что стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, стоимость же заработной платы — ценою необходимых жизненных средств, а избыток стоимости над заработной платой образует прибыль и ренту.

Распадение стоимости товаров за вычетом стоимости потребленных при их производстве средств производства; распадение этой данной суммы стоимости, определенной количеством труда, овеществленного в товарном продукте, на три составные части, которые принимают затем в качестве заработной платы, прибыли и земельной ренты вид самостоятельных независимых друг от

друга форм дохода, — это распадение представляется на открытой для всех поверхности капиталистического производства, а следовательно, и в представлениях захваченных ею агентов последнего, в совершенно извращенном виде.

Пусть вся стоимость какого-либо товара = 300, из которых 200 составляют стоимость потребленных при его производстве средств производства, или элементов постоянного капитала. Остаются, следовательно, 100 как сумма новой стоимости, присоединенной к этому товару в процессе его производства. Эта новая стоимость в 100 исчерпывает собою все, что может подлежать разделению между тремя формами дохода. Если заработная плата = x, прибыль = y, земельная рента = z, то в рассматриваемом случае сумма $x + y + z$ всегда будет равна 100. Но в представлении промышленников, купцов и банкиров, как и в представлении вульгарных экономистов, это происходит совсем не так. Для них не стоимость товара за вычетом стоимости потребленных на его изготовление средств производства дана равной 100, которые распадаются затем на x, y и z. Напротив, для них цена товара слагается просто из величин стоимости заработной платы, прибыли и ренты, которые определяются независимо от стоимости товара и друг от друга, так что x, y и z даны и определены каждый самостоятельно и лишь из суммы этих величин, которая может быть меньше и больше 100, получается величина стоимости товара как результат сложения этих составных частей, образующих его стоимость. Такое quid pro quo [путаница] неизбежно вследствие целого ряда причин:

Во-первых, составные части стоимости товара противостоят друг другу как самостоятельные доходы, которые относятся как таковые к трем совершенно отличным друг от друга факторам производства: труду, капиталу и земле, вследствие чего кажется, что они возникают из этих последних. Собственность на рабочую силу, капитал и землю есть причина того, что эти различные составные части стоимости товаров выпадают на долю соответственных собственников и потому превращаются для них в доходы. Но стоимость не возникает из превращения в доход, она должна быть уже налицо, прежде чем она получит возможность превратиться в доход, принять этот вид. Видимость обратного укрепляется тем сильнее, что определение относительной величины этих трех частей по отношению друг к другу совершается по разнородным законам, связь которых с самою стоимостью товаров и ограничение которых стоимостью отнюдь не обнаруживается на поверхности.

Во-вторых: как мы уже видели, общее повышение или понижение заработной платы, вызывая при прочих равных условиях движение общей нормы прибыли в противоположном направлении, изменяет цены производства различных товаров, повышает

одни из них и понижает другие в зависимости от среднего строения капитала в соответственных сферах производства. Таким образом здесь, по крайней мере в некоторых отраслях производства, опыт действительно показывает, что средняя цена товара повышается вследствие повышения заработной платы и понижается вследствие ее понижения. Но «опыт» не показывает, что независимая от заработной платы стоимость товаров скрыто регулирует эти изменения. Если, напротив, повышение заработной платы является местным, если оно происходит лишь в отдельных отраслях производства под влиянием особых условий, то может иметь место соответственное номинальное повышение цен этих товаров. Такое повышение относительной стоимости одного сорта товаров по сравнению с другими, для которых заработная плата остается неизменной, является тогда лишь реакцией против местного нарушения равномерности в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, средством уравнения особых норм прибыли в общую норму. «Опыт», который здесь получается, опять таков, что цена определяется заработной платой. Итак, опыт в обоих случаях показывает одно, — что заработная плата определяет товарные цены. Чего опыт не показывает, — это скрытой причины этой зависимости. Далее: средняя цена труда, т. е. стоимость рабочей силы, определяется ценой производства необходимых жизненных средств. Если повышается или понижается вторая, то повышается или понижается и первая. Опыт обнаруживает здесь опять-таки лишь существование связи между заработной платой и ценой товаров; но причина может представляться следствием, а следствие причиной, что и имеет место при движении рыночных цен, где повышение заработной платы выше средней соответствует связанному с периодом расцвета повышению рыночных цен выше цен производства, а следующее затем падение заработной платы ниже средней соответствует падению рыночных цен ниже цен производства. Если оставить в стороне колебательное движение рыночных цен, то зависимости цен производства от стоимости товаров должен бы соответствовать в непосредственном опыте prima facie тот факт, что при повышении заработной платы понижается норма прибыли и наоборот. Но мы уже видели, что норма прибыли может определяться изменениями в стоимости постоянного капитала, независимыми от изменений заработной платы; так что заработная плата и норма прибыли могут изменяться не в противоположном, а в одном и том же направлении, могут одновременно повышаться или падать. Если бы норма прибыли непосредственно совпадала с нормой прибавочной стоимости, это было бы невозможно. Равным образом при повышении заработной платы, вызванном ростом цен жизненных средств, норма прибыли может остаться неизменной или даже повыситься вследствие большей интенсивности труда или удлине-

ния рабочего дня. Все эти данные опыта подтверждают иллюзию, вызванную самостоятельной, искаженной формой составных частей стоимости, будто одна заработная плата или заработная плата вместе с прибылью определяют стоимость товаров. Раз вообще такая иллюзия имеет место по отношению к заработной плате, раз кажется, будто цена труда совпадает со стоимостью, произведенной трудом, то, по отношению к прибыли и ренте это разумеется само собою. Их цены, т. е. их денежные выражения, должны в этом случае регулироваться независимо от труда и созданной последним стоимости.

В-третьих: допустим, что стоимости или только по видимости независимые от последних цены производства в непосредственном опыте всегда совпадают с рыночными ценами товаров, вместо того чтобы проявляться лишь как регулирующие средние цены посредством постоянной компенсации непрерывных колебаний рыночных цен. Допустим, далее, что воспроизводство совершается всегда при одних и тех же неизменных условиях, так что производительность труда во всех элементах капитала остается постоянной. Допустим, наконец, что та часть стоимости товарного продукта, которая в каждой сфере производства образуется путем присоединения к стоимости средств производства нового количества труда, следовательно, новой стоимости, — распадается в неизменной пропорции на заработную плату, прибыль и ренту, так что действительно выплаченная заработная плата, фактически реализованная прибыль и фактическая рента всегда непосредственно совпадают: со стоимостью рабочей силы, с той частью всей прибавочной стоимости, которая, в силу средней нормы прибыли, причитается каждой самостоятельно функционирующей части всего капитала и с пределами, в которые normaliter [нормально] заключена земельная рента на данном базисе. Допустим, одним словом, что распределение произведенной обществом стоимости и регулирование цен производства совершается на капиталистическом базисе, но с устранением конкуренции.

Итак, при этих предположениях, когда стоимость товаров была бы и проявлялась бы как величина постоянная; когда часть стоимости товарного продукта, распадающаяся на доходы, оставалась бы постоянной величиной и именно таковой и представлялась бы; когда, наконец, эта данная и постоянная часть стоимости распадалась бы на заработную плату, прибыль и ренту всегда в неизменной пропорции, — даже при таких предположениях действительное движение неизбежно должно было бы представляться в извращенном виде: не как распадение заранее данной величины стоимости на три части, принимающие форму независимых друг от друга доходов, но, наоборот, как образование этой стоимости из суммы независимых, самостоятельно определяемых каждый сам по себе, составляющих ее элементов заработной платы, прибыли и земельной

ренты. Такая видимость возникла бы неизбежно, так как в действительном движении отдельных капиталов и их товарных продуктов не стоимость товара предполагается как данная при распадении ее на составные части, а, наоборот, составные части, на которые она распадается, функционируют как предпосылка стоимости товаров. Прежде всего отдельному капиталисту, как мы уже видели, издержки производства товара кажутся величиной данной и в действительной цепе производства всегда выступают в качестве такой величины. Но издержки производства равны стоимости постоянного капитала, авансированных средств производства, плюс стоимость рабочей силы, которая, однако, представляется агенту производства в иррациональной форме цены труда, так что заработная плата представляется в то же время доходом рабочего. Средняя цена труда есть величина данная, так как стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее воспроизводства. Что же касается той части стоимости товаров, которая составляет заработную плату, то она порождается не тем, что принимает эту форму заработной платы, не тем, что капиталист авансирует рабочему под формой [Erscheinungsform] заработной платы его долю в его собственном продукте, но тем, что рабочий производит эквивалент, соответствующий его заработной плате, т. е. в течение известной части своего ежедневного или годового труда производит стоимость, содержащуюся в цене его рабочей силы. Но заработная плата устанавливается договором раньше, чем произведен соответствующий ей эквивалент стоимости. Как элемент цены, величина которого дана раньше, чем произведен товар и товарная стоимость, как составная часть издержек производства, заработная плата представляется не частью всей стоимости товара, отрывающеюся в самостоятельной форме от совокупной стоимости товара, а, наоборот, величиной данной, определяющей собою заранее эту совокупную стоимость, т. е. представляется фактором, образующим стоимость и цену. Роль, аналогичную той, какую заработная плата играет в издержках производства товара, средняя прибыль играет в цене его производства, ибо цена производства равна издержкам производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Эта средняя прибыль входит практически в представления и расчеты самого капиталиста как регулирующий элемент, — и не только в том смысле, что она определяет собою перенесение капитала из одной сферы приложения в другую, но и вообще при всяких покупках и договорах, охватывающих процесс воспроизводства за более или менее продолжительный период. Но поскольку это так, средняя прибыль является заранее данной величиной и действительно не зависит от стоимости и прибавочной стоимости, создаваемой в каждой особенной отрасли производства, тем более при каждом отдельном вложении капитала

в пределах каждой такой отрасли. Средняя прибыль в своем внешнем проявлении кажется не результатом расщепления стоимости, а, наоборот, величиной, независимой от стоимости товарного продукта, заранее данной в процессе производства товаров и определяющей самую среднюю цену товаров, т. е. фактором, образующим стоимость. При этом прибавочная стоимость вследствие распадения ее различных частей на совершенно независимые друг от друга формы представляется в еще более конкретной форме предпосылкой образования стоимости товаров. Часть средней прибыли в форме процента самостоятельно противополагается функционирующему капиталисту как элемент, предпосланный [vorausgesetztes Element] производству товаров и их стоимости. Как бы ни колебалась величина процента, она тем не менее в каждый момент и для каждого капиталиста есть величина данная, которая для него, единичного капиталиста, входит в состав издержек производства производимых им товаров. Такую же роль для земледельческого капиталиста играет земельная рента в форме, установленной договором арендной платы, и для других предпринимателей — арендная плата за помещения для предприятий. Так как эти части, на которые распадается прибавочная стоимость, для каждого отдельного капиталиста являются данными элементами его издержек производства, то кажется, будто они, наоборот, образуют прибавочную стоимость, образуют одну часть товарной цены, подобно тому, как заработная плата образует ее другую часть. Тайна, вследствие которой эти продукты разложения товарной стоимости всегда кажутся предпосылками образования стоимости, состоит просто в том, что капиталистический способ производства, как и всякий другой, непрерывно воспроизводит не только материальный продукт, но и общественные экономические отношения, экономические определенности формы его образования. Поэтому результат этого процесса производства столь же неизменно принимает вид его предпосылок, как его предпосылки — вид его результата. И как раз это непрерывное воспроизводство тех же самых отношений антиципируется отдельным капиталистом как сам собою разумеющийся, не подлежащий никакому сомнению факт. Пока продолжает существовать капиталистическое производство как таковое, одна часть вновь присоединенного труда постоянно превращается в заработную плату, другая — в прибыль (процент и предпринимательский доход), третья — в ренту. При заключении договоров между собственниками различных факторов производства это является предпосылкой, и эта предпосылка правильна, как бы ни колебались в каждом единичном случае относительные величины. Та определенная форма [Gestalt], в которой противостоят друг другу части стоимости, является предпосылкой, потому что она постоянно воспроизводится, и она постоянно воспроизводится, потому что является неизменной предпосылкой.

Впрочем, опыт и поверхность явлений показывают также, что, рассматриваемые со стороны их величины, рыночные цены, во влиянии которых капиталист действительно видит единственное определение стоимости, — что эти рыночные цены отнюдь не зависят от указанных антиципаций, отнюдь не сообразуются с тем, высоки ли или низки процент или рента, предусмотренные договором. Но рыночные цены постоянны лишь в изменении, и их средняя за более или менее продолжительный период как раз и дает соответственные средние заработной платы, прибыли и ренты, как величины постоянные и, следовательно, в последнем счете господствующие над рыночными ценами.

С другой стороны, весьма простой кажется следующая мысль: раз заработная плата, прибыль и рента образуют стоимость, потому что они представляются предпосылками производства стоимости и для отдельного капиталиста входят в качестве предпосылок в издержки и цену производства, то стоимость образуется и постоянной частью, стоимость которой входит в производство каждого товара как величина данная. Но постоянная часть капитала есть не что иное, как сумма товаров и, следовательно, товарных стоимостей. Получается, таким образом, плоская тавтология, что товарная стоимость образует товарную стоимость и есть причина ее.

Однако если бы капиталист находил какой-либо интерес в том, чтобы поразмыслить над этим вопросом, — а его размышления как капиталиста определяются исключительно его интересами и своекорыстными мотивами, — то опыт тотчас покажет ему, что продукт, производимый им самим, входит в другие сферы производства как постоянная часть капитала, и продукты других сфер производства входят в его продукт в качестве постоянной части капитала. Так как для него, поскольку речь идет о его новой продукции, вновь образованная стоимость складывается, повидимому, из величин заработной платы, прибыли и ренты, — то это представление переносится им также и на постоянную часть, состоящую из продукции других капиталистов; таким образом, цена постоянной части капитала, а вместе с тем и вся стоимость товаров, сводится, правда, способом, в котором нельзя разобраться до конца, в последнем счете к сумме стоимости, получающейся от сложения самостоятельных, регулируемых различными законами, проистекающих из различных источников факторов стоимости: заработной платы, прибыли и ренты.

В-четвертых. Продаются ли товары по их стоимости или нет, для отдельного капиталиста совершенно безразлично, следовательно, для него совершенно безразлично самое определение стоимости. Определение стоимости уже с самого начала есть нечто, совершающееся за его спиной, в силу независимых от него условий, так как не стоимости товаров, а отличные от них цены произ-

водства образуют регулирующие средние цены в каждой отрасли производства. Определение стоимости как таковое интересует отдельного капиталиста и служит для него и для капитала в каждой сфере производства определяющим моментом лишь постольку, поскольку уменьшение или увеличение количества труда, которое требуется для производства товаров, при росте или падении производительной силы труда, в первом случае дает ему возможность получить при существующих рыночных ценах сверхприбыль, а в другом — принуждает его повышать цены товаров, так как теперь на каждую единицу продукта, или на каждый отдельный товар, падает больше заработной платы, больше постоянного капитала, а следовательно, больше процента. Определение стоимости интересует его лишь постольку, поскольку оно повышает или понижает для него самого издержки производства товара, поскольку, следовательно, ставит его в исключительное положение.

Напротив, заработная плата, процент и рента представляются ему границами, регулирующими не только ту цену, по которой он может реализовать часть прибыли, предпринимательский доход, причитающуюся на долю его, как функционирующего капиталиста, но по которой он вообще должен продавать товары, чтобы возможно было продолжение процесса воспроизводства. Для него совершенно безразлично, реализует он или нет при продаже стоимость и прибавочную стоимость, заключающуюся в товаре, если только он при данной цене выколачивает обычный или более чем обычный предпринимательский доход сверх издержек производства, индивидуально данных для него величиной заработной платы, процента и ренты. Поэтому, если оставить в стороне постоянную часть капитала, то заработная плата, процент и рента представляются ему ограничивающими, а потому творческими, определяющими элементами товарной цены. Если ему удастся, напр., понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, т. е. ниже ее нормальной высоты, получить капитал по пониженному проценту и уплачивать арендную плату ниже нормального уровня ренты, то для него совершенно безразлично, продает ли он товар ниже его стоимости, даже ниже общей цены производства, так что часть содержащегося в товаре прибавочного труда отдается при этом даром. Это относится и к постоянной части капитала. Если, напр., промышленник может купить сырой материал ниже его цены производства, то это гарантирует его от убытка даже и в том случае, когда ему приходится, в свою очередь, продавать этот материал в готовом продукте ниже цены производства. Его предпринимательский доход может остаться неизменным и даже возрасти, если только остается неизменным или возрастает избыток товарной цены над теми ее элементами, которые должны быть оплачены, возмещены эквивалентом. Но кроме стоимости средств

производства, которые входят в производство его товаров как количественно данные элементы цены, как раз заработная плата, процент и рента являются такими ограничивающими и регулирующими элементами цены, входящими в это производство. Поэтому они представляются ему элементами, определяющими цену товаров. С этой точки зрения представляется, будто предпринимательский доход определяется или тем избытком, который имеется в рыночной цене, зависящей от случайных условий конкуренции, над имманентной стоимостью товаров, определяемой вышеуказанными элементами цены; или же, поскольку сам предпринимательский доход оказывает определяющее влияние на рыночные цены, он сам представляется, в свою очередь, зависящим от конкуренции между продавцами и покупателями.

Как в конкуренции между отдельными капиталистами, так и в конкуренции на мировом рынке данные и заранее предположенные величины заработной платы, процента и ренты входят в расчеты как величины постоянные и регулирующие, — постоянные не в том смысле, что величины эти не изменяются, а в том, что они в каждом отдельном случае даны и образуют постоянную границу для непрерывно колеблющихся рыночных цен. Так, напр., при конкуренции на мировом рынке дело идет исключительно о том, можно ли при данной заработной плате, данном проценте и данной ренте продать товар по данной общей рыночной цене или ниже ее с выгодой, т. е. реализуя при этом соответственный предпринимательский доход. Если в одной стране заработная плата и цена земли низки, а процент на капитал, наоборот, высок, так как капиталистический способ производства здесь вообще недостаточно развит, в то время как в другой стране заработная плата и цена земли номинально высоки, а процент на капитал низок, то капиталист в первой стране применяет больше труда и земли, во второй — сравнительно больше капитала. При учете того, насколько возможна конкуренция между обоими этими капиталистами, эти факторы входят как определяющие элементы. Таким образом опыт показывает здесь теоретически, а своекорыстные расчеты капиталиста показывают практически, что цены товаров определяются заработной платой, процентом и рентой, ценой труда, капитала и земли и что эти элементы цены действительно являются регулирующими, образующими цену факторами.

Само собою разумеется, при этом всегда остается один элемент, который является не предпосылкой, а результатом рыночной цены товаров, — именно избыток над издержками производства, образующимися путем сложения указанных выше элементов — заработной платы, процента и ренты. Представляется, будто этот четвертый элемент определяется в каждом отдельном случае конкуренцией, а в среднем выводе из отдельных случаев — средней

прибылью, которая опять-таки регулируется тою же самою конкуренцией, но только за более продолжительный период.

В-пятых. На базисе капиталистического способа производства распадение стоимости, в которой представлен вновь присоединенный труд, на доходы в форме заработной платы, прибыли и земельной ренты становится настолько само собою разумеющимся, что этот метод применяется даже там, где совершенно отсутствуют самые условия существования этих форм дохода (мы не говорим уже о прошлых исторических периодах, откуда мы приводили примеры при исследовании земельной ренты). Это значит, что под данные формы дохода подводится все путем аналогии.

Если независимый рабочий — возьмем мелкого крестьянина, так как здесь применимы все три формы дохода, — работает на самого себя и продает свой собственный продукт, то он рассматривается, во-первых, как свой собственный работодатель (капиталист), который применяет самого себя в качестве рабочего; затем как свой собственный земельный собственник, который применяет самого себя как своего арендатора. Как рабочему он выплачивает себе заработную плату, как капиталист он присваивает себе прибыль, как земельному собственнику платит себе ренту. Предполагая, что капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения являются общим социальным базисом, такая характеристика правильна постольку, поскольку независимый производитель не своему труду, а своей собственности на средства производства, — уже принявшие здесь вообще форму капитала,— обязан тем, что он в состоянии присвоить свой собственный прибавочный труд. И далее, поскольку он производит свой продукт в качестве товара и, следовательно, зависит от цены последнего (а если даже этого и нет, то цена все же может быть принята в расчет), масса прибавочного труда, которой он может воспользоваться, зависит не от ее собственной величины, а от общей нормы прибыли; равным образом некоторый излишек над долей прибавочной стоимости, определяемой общей нормой прибыли, зависит опять-таки не от количества затраченного им труда, но может быть присвоен им лишь в силу того, что он — собственник земли. Так как подобного рода форма производства, не соответствующая капиталистическому способу производства, может быть подведена — и до известной степени не без основания — под капиталистические формы дохода, то тем сильнее упрочивается иллюзия, что капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства.

Если свести заработную плату к ее общей основе, т. е. к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной

производительной силой общества (т. е. общественной производительной силой его собственного труда как действительно общественного), которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если далее свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при данных производственных условиях общества необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью; если, наконец, включить в № 1, необходимый труд, и в № 2, прибавочный труд, то количество труда, которое работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, т. е. если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства.

Впрочем, такого рода подведение было свойственно и прежним господствующим способам производства, напр. феодальному. Производственные отношения, совершенно не отвечающие ему, стоящие совершенно вне его, подводились под феодальные отношения, напр., в Англии tenures in common socage [крестьянское держание земли] (в противоположность tenures on knight's service [рыцарскому держанию]), которые включали только денежные обязательства и лишь по имени были феодальными.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ.

ОТНОШЕНИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Итак, стоимость, ежегодно присоединяемая вновь при помощи вновь присоединяемого труда, — а следовательно, и часть годового продукта, в которой представлена эта стоимость и которая может быть выделена из валовой выручки, — распадается на три части, принимающие формы трех различных доходов, формы, выражающие одну часть этой стоимости, как принадлежащую или достающуюся владельцу рабочей силы, другую — владельцу капитала, а третью — владельцу земельной собственности. Следовательно, это — отношения или формы распределения, так как они выражают те отношения, в которых вся вновь произведенная стоимость распределяется между владельцами различных факторов производства.

Согласно обычному взгляду, эти отношения распределения являются естественными отношениями, отношениями, вытекающими прямо из природы всякого общественного производства, из законов человеческого производства. Конечно, нет возможности отрицать, что докапиталистические общества обнаруживают иные способы распределения, но эти последние истолковываются как неразвитые, несовершенные и замаскированные, не доведенные до своего наиболее чистого выражения и высшей формы [Gestalt], иначе окрашенные разновидности этих естественных отношений распределения.

В таком представлении правильно лишь одно: раз дано общественное производство какого бы то ни было рода (напр. примитивная индийская община или более искусственно развившийся коммунизм перуанцев), то всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и их иждивенцев [Angehörige] и, — оставляя в стороне часть, идущую на производительное потребление, — другой частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный продукт и кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей.

Следовательно, тожество различных способов распределения сводится лишь к тому, что они тожественны, когда мы отвлекаемся от их различий и специфических форм и фиксируем внимание только на их единстве в противоположность различиям.

Ум, более развитой, более критический, признает[56a], правда, исторически развивающийся характер отношений распределения, но с тем бо̀льшим упорством держится за неизменный, вытекающий из человеческой природы, следовательно, независимый от всякого исторического развития характер самих производственных отношений.

Напротив, научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что он — способ производства особого рода, специфической исторической определенности, что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и форм их развития, как свое историческое условие, — условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения, — отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни, — имеют специфический, исторический и преходящий характер; что, наконец, условия распределения, по сущности своей тожественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер.

При рассмотрении отношений распределения исходят в первую очередь из того мнимого факта, что годовой продукт распределяется как заработная плата, прибыль и земельная рента. Но выраженный таким образом этот факт не верен. Продукт распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы. Один из этих доходов, заработная плата, собственно принимает форму дохода, дохода рабочего, лишь после того, как он предварительно противостоял тому же самому рабочему в *форме капитала*. Тот факт, что произведенные условия труда и продукты труда противопоставляются вообще как капитал непосредственным производителям, уже заранее предполагает определенный общественный характер вещественных условий труда по отношению к рабочим и тем самым определенное отношение их к владельцам условий труда и друг к другу в самом производстве. Превращение этих условий труда в капитал предполагает, в свою очередь, экспро-

---

[56a] *J. Stuart Mill:* «Some Unsettled Questions in Polit. Econ.», London 1844.

приацию земли у непосредственных производителей и тем самым определенную форму земельной собственности.

Если бы одна часть продукта не превращалась в капитал, то другая не принимала бы формы заработной платы, прибыли или ренты.

С другой стороны, если капиталистический способ производства предполагает эту определенную общественную форму [Gestalt] условий производства, то он непрерывно воспроизводит ее. Он не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, в которых эти продукты производятся, воспроизводит тем самым и соответственные отношения распределения.

Можно, конечно, сказать, что капитал (в который включается и земельная собственность как его противоположность) сам уже предполагает распределение: экспроприацию у рабочего условий его труда, концентрацию этих условий в руках меньшинства индивидуумов, исключительную собственность на землю для других индивидуумов, — одним словом, все те отношения, которые были исследованы в отделе о первоначальном накоплении (книга I, гл. XXIV). Но это распределение совершенно отлично от того, что разумеют под отношениями распределения, когда приписывают этим последним исторический характер в противоположность производственным отношениям. При этом имеют в виду различные титулы на долю продукта, предназначенную для индивидуального потребления. Напротив, эти отношения распределения являются основой особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его агентов в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства.

Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства.

Во-первых. Он производит свои продукты в виде товаров. Не самый факт производства товаров отличает его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой [Charakter]. Это подразумевает прежде всего, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, а потому в качестве свободного наемного рабочего, а, следовательно, труд вообще выступает в качестве наемного труда. После всего того, что было выяснено нами до сих пор, излишне снова показывать, как отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства. Главные агенты самого этого способа производства, капиталист и наемный рабочий как таковые, сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда; это — определенные общественные характеры,

которые налагает на индивидуумов общественный процесс производства; продукты этих определенных общественных производственных отношений.

Характер 1) продукта как товара и 2) товара как продукта капитала уже включает все отношения обращения, т. е. определенный общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определенные общественные черты, в то же время он включает столь же определенные отношения агентов производства, которыми определяется возрастание стоимости [Verwerthung] их продукта и его обратное превращение в жизненные ли средства, или в средства производства. Но, даже оставляя это в стороне, из указанных выше двух характерных особенностей продукта как товара или товара как капиталистически произведенного товара вытекает все определение стоимости и регулирование стоимостью всего производства. В этой совершенно специфической форме стоимости труд имеет значение, с одной стороны, только как общественный труд; с другой стороны, распределение этого общественного труда и его взаимное дополнение, обмен веществ между его продуктами, его подчинение общественному механизму и включение в этот последний — все это предоставлено случайным, взаимно уничтожающимся стремлениям единичных капиталистических производителей. Так как эти последние противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, причем каждый старается продать свой товар возможно дороже (и даже в регулировании производства руководствуется как будто только своим произволом), то внутренний закон пробивает себе дорогу лишь при посредстве их конкуренции, их взаимного давления друг на друга, благодаря которому взаимно уничтожаются отклонения. Лишь как внутренний закон, противостоящий отдельным агентам, как слепой закон природы выступает здесь закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний.

Далее, уже в товаре и в еще большей степени в товаре как продукте капитала, включено овеществление общественных определений производства и субъективизация материальных основ производства, характеризующие весь капиталистический способ производства.

Второе, что специально отличает капиталистический способ производства, — это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит прежде всего капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость. При исследовании относительной прибавочной стоимости и, далее, превращения прибавочной стоимости в прибыль мы видели, как на этом основывается характерный для капиталистического периода способ производства, — особая форма развития общественных производительных

сил труда, принимающих, однако, по отношению к рабочему вид самостоятельных сил капитала и находящихся поэтому в прямом противоречии с собственным его, рабочего, развитием. Производство ради стоимости и прибавочной стоимости включает, как показали наши дальнейшие исследования, непрерывно действующую тенденцию сократить рабочее время, необходимое для производства товара, т. е. стоимость последнего ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом повышения общественной производительной силы труда, которое, однако, здесь представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала.

Та власть, которую приобретает капиталист как олицетворение капитала в непосредственном процессе производства, та общественная функция, которую он выполняет как руководитель и властелин производства, существенно отличны от власти на базисе производства при помощи рабов, крепостных и т. д.

В то время как на базисе капиталистического производства массе непосредственных производителей противостоит общественный характер их производства в форме строго регулирующей власти и построенного как законченная иерархия общественного механизма процесса труда, — причем, однако, этой властью носители ее пользуются лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было при более ранних формах производства, — среди самих носителей этой власти, среди самих капиталистов, которые противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, господствует полнейшая анархия, в которой общественная связь производства осуществляется как всесильный закон природы, подчиняющий себе личный произвол.

Только вследствие того, что даны как предпосылка труд в форме наемного труда и средства производства в форме капитала,— следовательно только вследствие такого специфически общественного характера этих двух важных факторов производства,—часть стоимости (продукта) превращается в прибавочную стоимость, и эта прибавочная стоимость — в прибыль (ренту), в доход капиталиста, в добавочное, находящееся в его распоряжении, принадлежащее ему богатство. Но только потому, что она представлена, таким образом, как *его прибыль,* добавочные средства производства, предназначенные для расширения воспроизводства и образующие часть прибыли капиталиста, представлены как добавочный капитал, и расширение процесса воспроизводства вообще — как процесс капиталистического накопления.

Хотя форма труда как наемного труда имеет решающее значение для характера всего процесса и для специфического способа самого производства, тем не менее не наемным трудом

определяется стоимость. При определении стоимости дело идет об общественном рабочем времени вообще, о количестве труда, которым вообще может располагать общество и в различных пропорциях поглощения которого различными продуктами определяют, так сказать, удельный общественный вес последних. Та определенная форма, в которой общественное рабочее время проявляется [sich durchsetzt] в стоимости товаров как фактор, определяющий последнюю, связана, конечно, с формою труда как наемного труда и соответствующей формою средств производства как капитала постольку, поскольку лишь на этом базисе товарное производство становится всеобщей формой производства.

Рассмотрим, однако, самые так называемые отношения распределения. Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль — капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, следовательно, определенные общественные черты [Charaktere] условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически определенного отношения производства.

А теперь возьмем прибыль. Эта определенная форма прибавочной стоимости есть предпосылка того, что созидание новых средств производства совершается в форме капиталистического производства; следовательно, это есть отношение, господствующее над воспроизводством, хотя отдельному капиталисту и кажется, что он собственно мог бы проесть всю свою прибыль в качестве дохода. Он наталкивается, однако, при этом на границы, которые встают перед ним в форме фонда страхования, резервного фонда, закона конкуренции и т. д. и практически доказывают ему, что прибыль не есть просто категория распределения продукта, предназначенного для индивидуального потребления. Далее, весь капиталистический процесс производства регулируется при посредстве цены продуктов. Но регулирующие цены производства, в свою очередь, регулируются уравнением норм прибыли и соответствующим ему распределением капитала между различными общественными сферами производства. Таким образом, прибыль является здесь главным фактором не распределения продукта, но самого его производства, частью распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства. Расщепление прибыли на предпринимательский доход и процент представляется разделением одного и того же дохода. Но оно порождается прежде всего развитием капитала как стоимости самовозрастающей, создающей прибавочную стоимость, — развитием этой определенной общественной формы [Gestalt] господствующего процесса производства. Оно развивает из себя кредит и кредитные учреждения, и тем самым форму [Gestalt] производства. В проценте и т. д. так

называемые [angebliche] формы распределения входят в цену как определяющие производственные моменты.

Что касается земельной ренты, то могло бы показаться, что она является чисто распределительной формой, так как земельная собственность как таковая не выполняет в самом процессе производства никакой — по крайней мере никакой нормальной — функции. Но то обстоятельство, что 1) рента ограничивается избытком над средней прибылью, 2) что земельный собственник из руководителя и властелина процесса производства, а следовательно, и всего общественного жизненного процесса, низводится до роли простого сдатчика земли в аренду, земельного ростовщика, простого получателя ренты, — обстоятельство это есть специфически исторический результат капиталистического способа производства. То, что земля получила форму земельной собственности, служит исторической предпосылкой этого способа производства. То обстоятельство, что земельная собственность приобретает формы, допускающие капиталистический способ ведения сельского хозяйства, является продуктом специфического характера этого способа производства. Доход земельного собственника и при других формах общества можно назвать рентой. Но он существенно отличен от ренты, какой она выступает при этом способе производства.

Следовательно, так называемые отношения распределения соответствуют исторически определенным, специфически общественным формам процесса производства и тем отношениям, в которые вступают между собою люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и возникают из этих форм и отношений. Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, только одну сторону которых они выражают. Капиталистическое распределение отлично от тех форм распределения, которые возникают из других способов производства, и каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает.

То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой критики буржуазной экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и очищает

место более высокой. Что момент такого кризиса наступил, обнаруживается, когда расширяются и углубляются противоречия и противоположность между отношениями распределения, — а следовательно, и определенной исторической формой [Gestalt] соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой[57].

---

[57] См. работу о Competition and Cooperation (1832 ?).

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ.

КЛАССЫ.

Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, таким образом, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, базирующегося на капиталистическом способе производства.

В Англии современное общество в своей экономической структуре достигло бесспорно наиболее широкого, наиболее классического развития. Однако и здесь это классовое расчленение не выступает еще в чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют пограничные линии (правда, в деревне несравненно меньше, чем в городах). Впрочем это безразлично для нашего исследования. Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все более и более отделяются от труда, что раздробленные средства производства все более концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наемный труд, а средства производства — в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельное отделение земельной собственности от капитала и труда [58], т. е. превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства.

Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс, — причем ответ этот получится сам собою,

---

[58] Ф. Лист правильно замечает: «Преобладание самодовлеющего хозяйства [Selbstbewirthschaftung] в крупных поместьях свидетельствует только о недостатке цивилизации, средств сообщения, отечественных промыслов и богатых городов. Потому-то мы и находим его повсеместно в России, Польше, Венгрии, Мекленбурге. Прежде оно преобладало и в Англии; с развитием торговли и промышленности на его место стало разделение на хозяйства средней величины, сдача в аренду» («Die Ackerverfassung, die Zwergwirthschaft und die Auswanderung», 1842, стр. 10).

раз мы ответим на другой вопрос: благодаря чему наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших общественных класса?

На первый взгляд, это — тожество доходов и источников дохода. Перед нами три большие общественные группы, составные части [Komponenten] которых — образующие их индивидуумы — живут соответственно заработной платой, прибылью и земельной рентой, использованием своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности.

Но, с этой точки зрения, врачи и чиновники, напр., образовывали бы два класса, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, причем члены каждой из этих двух групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же было бы верно и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда среди рабочих, как и среди капиталистов и земельных собственников, — последние распадаются, напр., на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных ловель.

{Здесь рукопись обрывается.}

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДОПОЛНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ «КАПИТАЛА»

С тех пор как третий том «Капитала» передан на суд общественного мнения, он уже многократно подвергался самым разнообразным толкованиям. Иного нельзя было и ожидать. При его издании моей задачей было прежде всего подготовить возможно более аутентичный текст, передать новые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами, ограничить мое личное вмешательство лишь абсолютно необходимым, причем и в таких случаях не оставлять у читателя ни малейшего сомнения в том, кто с ним говорит. Это порицалось; высказывалось мнение, что я должен был превратить имевшийся в моем распоряжении материал в систематически обработанную книгу, en faire un livre, как выражаются французы, другими словами — аутентичность текста принести в жертву удобству читателя. Но я не так понимал свою задачу. На такую переработку я не имел ни малейшего права: такой человек, как Маркс, может претендовать на то, чтобы быть выслушанным самолично и передать потомству свои научные открытия в подлинном собственном изложении. Далее, у меня не было ни малейшего желания так недопустимо — как мне это должно было казаться—обращаться с наследием столь выдающегося человека; я бы это считал нарушением доверия. И, в-третьих, это было бы совершенно бесполезно. Вообще бесцельно чем-либо поступиться для людей, которые не могут или не желают читать, для тех, которые уже в отношении первого тома потратили больше усилий на его неправильное толкование, чем это было необходимо для того чтобы его правильно понять. Для тех же, кто стремится к действительному пониманию, самым важным был именно подлинник; для них моя переработка в лучшем случае

имела бы ценность комментария и к тому же комментария к чему-то неизданному и недоступному. При первой же полемике, однако, пришлось бы привлечь подлинный текст, а при второй и третьей — издание его in extenso [в полном объеме] стало бы неизбежным.

Такого рода полемика вполне естественна в отношении сочинения, дающего столько нового, и притом лишь в форме бегло набросанной первой обработки, местами не лишенной пробелов. Именно здесь мое вмешательство может быть действительно полезным для устранения трудностей в понимании, для того чтобы выдвинуть на первый план наиболее важные моменты, значение которых в тексте недостаточно резко бросается в глаза, или сделать некоторые важнейшие дополнения к написанному в 1865 г. тексту под углом зрения положения вещей в 1895 г. И действительно, уже в настоящее время имеются два таких пункта, краткое выяснение которых мне представляется необходимым.

I.

ЗАКОН СТОИМОСТИ И НОРМА ПРИБЫЛИ.

Следовало ожидать, что разрешение кажущегося противоречия между обоими этими факторами и после опубликования марксова текста приведет к спорам, как и до этого. Кое-кто ожидал настоящего чуда и считает себя разочарованным, увидев вместо предполагаемого фокус-покуса простое, рациональное и прозаически трезвое разрешение противоречия. Конечно, более всех злорадно разочарован уже известный нам знаменитый Лориа. Этот нашел, наконец, архимедову точку опоры, благодаря которой даже пигмей его калибра может поднять на воздух и взорвать прочно сооруженное гигантское здание, созданное Марксом. Как, — восклицает он с негодованием,—вот это и есть решение? Да тут чистейшая мистификация! Экономисты, раз они говорят о стоимости, то о такой стоимости, которая фактически устанавливается в обмене. «А заниматься стоимостью, по которой товары не только не продаются, *но и не могут продаваться (nè possono vendersi mai)*, этого не делал еще, да и никогда не сделает, ни один экономист, сохранивший хотя бы тень рассудка... Когда Маркс утверждает, что стоимость, по которой товары *никогда* не продаются, определяется пропорционально содержащемуся в них труду, разве не повторяет он — только в обратной форме — положение правоверных экономистов, что стоимость, по которой товары продаются, не находится в пропорции с затраченным на них трудом?.. Ничуть не помогает и утверждение Маркса, что, несмотря на отклонение отдельных цен от отдельных стоимостей, сумма цен всех товаров всегда совпадает с их совокупной стоимостью или с количеством труда, содержащегося в совокупной массе товаров. Ведь так как

стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, то уже само представление о совокупной стоимости есть абсурд, бессмыслица... contradictio in adjecto». В самом начале своего сочинения Маркс, дескать, заявляет, что обмен может приравнивать два товара только потому, что они содержат равные количества однородного элемента, а именно равное количество труда. Теперь же он торжественно отрекается от самого себя, утверждая, что товары обмениваются не пропорционально содержащимся в них количествам труда, а в совершенно иной пропорции. «Видано ли было когда-либо более полное приведение к абсурду, большее теоретическое банкротство? Совершалось ли когда-либо научное самоубийство с большей помпой и торжественностью?» («Nuova Antologia», 1 февраля 1895 г., стр. 478 и 479).

Как видите, наш Лориа вне себя от радости. Разве он не был прав, третируя Маркса, как такого же, как и он сам, заурядного шарлатана? Не угодно ли полюбоваться — Маркс издевается над своей публикой совершенно так же, как Лориа; он пробавляется мистификациями, точь-в-точь как ничтожнейший итальянский профессор политической экономии. Но в то время как этот шарлатан может позволить себе это, так как он владеет своим ремеслом, неуклюжий северянин Маркс на каждом шагу попадает впросак, говорит бессмыслицы, абсурд, так что в конце концов ему остается только торжественно покончить с собою.

Не будем пока касаться утверждения, что товары никогда не продавались и не могут продаваться по их стоимости. Остановимся здесь лишь на уверении господина Лориа, что «стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, и что поэтому уже самое понятие совокупной стоимости товаров есть абсурд, бессмыслица и т. д.». Итак, отношение, в котором два товара обмениваются, — их стоимость — есть нечто совершенно случайное, прилетевшее к товарам извне и могущее иметь сегодня одну величину, а завтра другую. Обменивается ли центнер пшеницы на один грамм или на один килограмм золота, ни в малейшей степени не зависит от условий, внутренне присущих этой пшенице или этому золоту, а от совершенно чуждых им обоим обстоятельств. Ибо в ином случае эти условия должны были бы иметь значение и в обмене, господствовать над ним в общем и целом и иметь самостоятельное существование независимо от обмена, так что можно было бы говорить и о совокупной стоимости товаров. Но знаменитый Лориа утверждает, что это бессмыслица. В каком бы отношении ни обменивались два товара, это и есть их стоимость — вот и все. Следовательно, стоимость идентична с ценой, и каждый товар имеет столько стоимостей, сколько он может иметь цен. Цена же определяется спросом и предложением, а кто еще продолжает задавать вопросы, ожидая ответа, — тот дурак.

Но тут имеется маленькая загвоздка. При нормальном состоянии спрос и предложение взаимно покрываются. Разделим все наличные товары мира на две половины—группу спроса и равную ей по величине группу предложения. Допустим, далее, что цена каждой группы = 1 000 млрд. марок, франков, фунтов стерлингов или еще чего-либо. Это даст в сумме цену или стоимость в 2 000 млрд. Бессмыслица, абсурд! — восклицает г. Лориа. Обе группы вместе могут представлять цену в 2 000 млрд., но со стоимостью дело обстоит иначе. Если мы говорим: цена, то 1 000 + + 1 000 = 2 000; но если мы говорим: стоимость, то 1 000 + 1 000 = 0. Так обстоит дело, по крайней мере в данном случае, где речь идет о совокупности всех товаров. Ибо здесь товар каждого из двух стоит 1 000 млрд., потому что каждый из них хочет и может дать эту сумму за товар другого. Если же мы сосредоточим все товары обоих в руках третьего лица, то у первого не будет никакой стоимости, у второго тоже, а у третьего и подавно: в результате ни у кого не будет ничего. И мы снова восхищены превосходством нашего южного Калиостро, так расправившегося с понятием стоимости, что от него не осталось ни малейшего следа. Вот достойное завершение вульгарной экономии [1].

---

[1] Этот же «своей славой известный» господин (говоря словами Гейне) несколько позже был вынужден ответить на мое предисловие к третьему тому, а именно после того, как оно появилось на итальянском языке в первом номере «Rassegna» за 1895 г. Ответ напечатан в «Riforma Sociale» от 25 февраля 1895 г. Осыпав меня сначала неизбежными у него и именно потому вдвойне противными похвалами, он заявляет, что и не думал присваивать себе заслуг Маркса в области материалистического объяснения истории. Он-де признал их еще в 1885 г. — как-то мимоходом в журнальной статейке. Но зато тем упорнее он умалчивает об этом там, где об этом нужно говорить, а именно в своей книге на эту тему, где Маркс упоминается лишь на стр. 129, да и то по вопросу о мелком землевладении во Франции. А теперь он отважно заявляет, что Маркс вовсе не является творцом этой теории; если она не была намечена в общих чертах еще Аристотелем, то несомненно, что Гаррингтон прокламировал ее уже в 1656 г., и она была вновь развита затем целой плеядой историков, политиков, юристов и экономистов задолго до Маркса. И чего только нельзя вычитать из французского издания сочинения Лориа! Короче — законченный плагиатор. После того как я помешал ему продолжать хвастовство при помощи позаимствований из Маркса, он смело заявляет, что и Маркс точно так же украшался чужими перьями, как и он. Из других моих возражений Лориа отвечает лишь на сказанное по поводу его утверждения, будто Маркс никогда и не думал писать второй, а тем более третий том «Капитала». «И теперь Энгельс отвечает мне, с триумфом указывая на второй и третий томы... Восхитительно! А я так рад этим томам, которым я обязан такою массою умственного наслаждения, что никогда еще мне не была так приятна победа, как приятно это поражение, если это действительно можно считать поражением. Но поражение ли это в самом деле? Действительно ли верно, что Маркс написал с целью опубликования эту массу не связанных между собою заметок, которые Энгельс собрал с таким благоговением? Можно ли действительно допустить, что Маркс... предполагал этими страницами завершить свое сочинение и свою систему? Верно ли, что Маркс опубликовал бы эту главу о средней норме прибыли, где много лет тому назад обещанное решение сводится к безотрадной мистифика-

В брауновском «Archiv für soziale Gesetzgebung» (год VII, выпуск 4) Вернер Зомбарт дает весьма хорошее в общем изложение контуров системы Маркса. Это первый случай, когда немецкому университетскому профессору удается прочесть в сочинениях Маркса в общем и целом то, что Маркс действительно сказал, когда этот профессор заявляет, что критика системы Маркса может заключаться не в опровержении, — «этим пусть займутся политические карьеристы», — а лишь в дальнейшем ее развитии. Конечно, и Зомбарт занимается нашей темой. Он исследует вопрос, какое значение имеет стоимость в системе Маркса, и приходит к следующим выводам: стоимость не проявляется в меновом отношении капиталистически произведенных товаров; она не живет в сознании агентов капиталистического производства; стоимость — не эмпирический, а мысленный, логический факт; понятие стоимости в ее материальной определенности есть у Маркса не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия; при капиталистическом строе хозяйства закон стоимости господствует над экономическими явлениями в последнем счете и для этого хозяйственного строя в самом общем виде означает следующее: стоимость товаров есть специфически-историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в последнем счете господствующей над всеми экономическими явлениями. Так говорит Зомбарт; относительно такого понимания значения закона стоимости для капиталистической формы производства нет оснований утверждать, что оно неверно. Но в то же время оно представляется мне взятым слишком обще, требующим более определенной, более точной формулировки; оно, по моему мнению, ни в какой мере не исчерпывает всего значения закона стоимости на тех ступенях экономического развития общества, которые подчинены господству этого закона.

В брауновском «Sozialpolitisches Zentralblatt» от 25 февраля 1895 г., № 22, напечатана также превосходная статья Конрада

ции, к вульгарнейшей игре словами? По меньшей мере позволительно усомниться в этом... Это доказывает, что Маркс после издания своей блестящей (splendido) книги не имел в виду дать ее продолжения или же хотел предоставить завершение этого колоссального труда своим идейным наследникам, не неся за это личной ответственности».

Так написано на стр. 267. Самый презрительный отзыв Гейне о его немецкой филистерской публике заключается в словах: под конец автор так привыкает к своей публике, как будто имеет дело с разумным существом. За кого же должен считать свою публику знаменитый Лориа?

В заключение — новая порция похвал сыплется на мою несчастную голову. При этом наш Сганарель уподобляется Валааму, который пришел проклинать, но уста которого против воли расточают «слова благословения и любви». Как известно, Валаам отличался тем, что ездил на осле, который был умнее своего седока. На этот раз, очевидно, Валаам оставил своего осла дома.

Шмидта о третьем томе «Капитала». В особенности следует отметить имеющийся здесь показ того, как выведением средней нормы прибыли из прибавочной стоимости Маркс впервые дает ответ на вопрос, который до сих пор еще ни разу не был даже поставлен экономистами: как определяется высота этой средней нормы прибыли и почему она достигает 10 или 15%, а не 50 или 100%? С тех пор как мы знаем, что прибавочная стоимость, присвоенная прежде всего промышленными капиталистами, является единственным и исключительным источником, из которого получается прибыль и земельная рента, этот вопрос решается сам собою. Эта часть статьи Шмидта как бы специально написана для экономистов à la Лориа, если только не напрасный труд — пытаться открыть глаза тем, кто не хочет видеть.

Шмидт также имеет формальные сомнения по поводу закона стоимости. Он называет его научной *гипотезой,* построенной для объяснения фактического процесса обмена, гипотезой, которая оправдала себя как необходимый теоретический исходный пункт, бросающий свет даже на явления конкурентных цен, как будто совершенно противоречащие ей; без закона стоимости, по его мнению, невозможно какое бы то ни было теоретическое познание экономического механизма капиталистической действительности. А в одном частном письме, которое он мне разрешил цитировать, Шмидт прямо объявляет закон стоимости в пределах капиталистической формы производства фикцией, хотя и теоретически необходимой. Но это понимание, по моему мнению, совершенно не верно. Закон стоимости и для капиталистического производства имеет гораздо большее и более определенное значение, чем значение простой гипотезы, не говоря уже о фикции, хотя бы и необходимой.

Как Зомбарт, так и Шмидт, — знаменитого Лориа я упоминаю при этом лишь мимоходом в качестве забавного экземпляра вульгарной экономии, — не обращают должного внимания на то, что здесь дело идет не о чисто логическом лишь процессе, но об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей.

Решающее место по этому поводу имеется у Маркса в т. III, 1, стр. 154 *:

«Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары,* но как *продукты капиталов,* которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости».

Для иллюстрации этого различия предполагается сначала, что рабочие владеют средствами производства, работают в среднем

* Изд. 1894 г. См. настоящий том, ч. I, стр. 182. *Ред.*

одинаковое время и с одинаковой интенсивностью и непосредственно обменивают свои продукты между собою. При таких условиях два работника присоединяли бы своим однодневным трудом к своему продукту одинаковое количество новой стоимости, но продукт каждого из них имел бы различную стоимость в зависимости от количества труда, уже ранее воплощенного в средствах производства. Эта последняя часть стоимости представляла бы постоянный капитал капиталистического хозяйства; часть вновь присоединенной стоимости, потраченная на жизненные средства рабочих, соответствовала бы переменному капиталу, а остающаяся сверх того часть новой стоимости представляла бы прибавочную стоимость, которая в данном случае принадлежала бы рабочим. Следовательно, оба работника, за вычетом возмещения лишь авансированной ими «постоянной» части стоимости, получили бы равные по величине стоимости; однако отношение части, представляющей прибавочную стоимость, к стоимости средств производства, — что соответствовало бы капиталистической норме прибыли, — было бы у них различно. Но так как каждый из них при обмене получает возмещение стоимости его средств производства, то это было бы совершенно безразличным обстоятельством.

«Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям соответствует поэтому *гораздо более низкой ступени,* чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенная высота капиталистического развития... Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, является вполне правильным рассматривать стоимости товаров не только *теоретически,* но и *исторически,* как prius [предшествующее] цен производства. Это относится к таким укладам, *когда работнику принадлежат средства производства,* а таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землей, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее взглядом, что развитие продуктов в товары имеет своим исходным пунктом обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим укладам, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины» (Маркс, т. III, 1, стр. 156) *.

Если бы Марксу удалось еще раз переработать третий том, то он, несомненно, развил бы это место значительно подробнее. В своем

* См. настоящий том, ч. I, стр. 184—185. *Ред.*

же теперешнем виде оно дает лишь набросок того, что следовало бы сказать по данному вопросу. Остановимся на нем поэтому несколько подробнее.

Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями и что эти производители стихийно объединены в более или менее коммунистически организованные общины; что обмен избытков этих продуктов с посторонними, с которого начинается превращение продуктов в товары, относится к позднейшему времени; первоначально обмен имеет место лишь между отдельными разноплеменными общинами и только позднее приобретает значение и внутри общин, существенно содействуя их разложению на бо̀льшие или меньшие семейные группы. Но и после этого разложения обменивающиеся главы семейств остаются трудящимися крестьянами, производящими почти все необходимое для удовлетворения всех своих потребностей в собственном хозяйстве при помощи своей семьи, и лишь незначительную часть необходимых предметов они выменивают на стороне на избыток продукта своего труда. Семья занимается не только земледелием и скотоводством, но перерабатывает также их продукты в готовые предметы потребления, местами даже мелет еще зерно на ручной мельнице, печет хлеб, прядет, красит, ткет лен и шерсть, дубит кожи, сооружает и чинит деревянные здания, изготовляет инструменты и орудия труда, нередко выполняет столярные и кузнечные работы, так что такая семья или семейная группа в основном сохраняет самодовлеющий характер.

То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX столетия в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, т. е. из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны или лучшего качества покупных изделий. Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого на изготовление предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и тележник работали на его глазах, так же как и портной или сапожник, которые еще в дни моей юности ходили у наших рейнских крестьян из избы в избу и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд — и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других трудящихся производителей

иначе, чем пропорционально затраченному труду? При таких условиях рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подходящим мерилом для количественного определения подлежащих обмену величин, но при таких условиях всякое другое мерило было совершенно немыслимо. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт 10-часового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров имеют тенденцию все в большей мере соразмеряться с количествами воплощенного в них труда. С момента появления в этом хозяйственном строе денег тенденция к соответствию с законом стоимости (nota bene — в формулировке Маркса!) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой — она уже начинает нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной эксплуатации, и те периоды, за которые цены в среднем почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными.

То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников. Вначале обмен совершается непосредственно, без участия купца, в базарные дни в городах, где крестьянин продает свои продукты и совершает покупки. И здесь точно так же крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород и сад, но очень часто клочок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д. Таким образом, в средневековье люди были в состоянии довольно точно подсчитать друг у друга издержки производства в отношении сырья, вспомогательных материалов, рабочего времени — по крайней мере, поскольку дело касалось предметов повседневного обихода.

Но как же при этом обмене по количеству затраченного труда определялось это количество, хотя бы косвенно и относительно, для продуктов, требующих затраты труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределенным размером продукции, напр. для хлеба и скота, и при этом у людей, не умеющих считать? Очевидно, лишь путем длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт научал людей. Необходимость для каждого в общем и целом выручить свои издержки содействовала в каждом отдельном случае нахождению правильного пути, ограниченное же число видов предметов, поступавших в обмен, наряду с неизменяющимся — нередко в течение многих столетий — характером их производства облегчали эту задачу. Доказательством того, что для приблизительно точного установления относительной величины стоимости этих продуктов вовсе

не требовалось слишком много времени, служит уже один тот факт, что такой товар, как скот, для которого, ввиду продолжительности периода производства отдельной его штуки, это определение кажется наиболее затруднительным, был первым довольно общепризнанным денежным товаром. Для того чтобы это осуществилось, необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров, достигла фиксации, относительно необычной и беспрекословно признаваемой на территории многочисленных племен. И люди того времени, как скотоводы, так и те, кто у них покупал, наверное были достаточно умны для того чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченное ими рабочее время. Наоборот, чем ближе к раннему состоянию товарного производства находится тот или другой народ, — напр. русские и жители Востока, — тем больше времени и до сих пор растрачивают [verschwenden] они на то, чтобы путем долгого, упорного торга выколотить полное возмещение рабочего времени, употребленного на производство продукта.

Исходя из этого определения стоимости рабочим временем, все товарное производство, — а вместе с тем и многообразные отношения, в которых проявляются различные стороны закона стоимости, — развивается так, как это изложено в первом отделе первого тома «Капитала»; стало быть, в особенности условия, при которых единственно созидателем стоимости является труд. Притом это — такие условия, которые прокладывают себе путь, не проникая в сознание участников, и которые лишь путем трудных теоретических исследований могут быть абстрагированы из повседневной практики, которые, стало быть, действуют подобно законам природы, что неизбежно вытекает, как доказал Маркс, из природы товарного производства. Важнейшим и решающим шагом вперед был переход к металлическим деньгам, но в результате этого перехода и определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена. С точки зрения практики решающим мерилом стоимости стали деньги, и это тем более, чем разнообразнее становились товары, служащие предметами торговли, чем в большей мере они притекали из отдаленных стран и, следовательно, чем меньше можно было учесть необходимое для изготовления этих товаров рабочее время. К тому же и сами деньги вначале большей частью притекали из чужих краев; но даже и в том случае, когда благородные металлы добывались в данной стране, крестьяне и ремесленники отчасти не были в состоянии даже приблизительно определить затраченный на их добывание труд, с другой же стороны, у них самих под влиянием привычки считать на деньги значительно затемнялось представление о свойстве труда как мерила стоимости; в народном сознании деньги начали служить представителем абсолютной стоимости.

Словом, закон стоимости Маркса имеет силу повсюду, — поскольку вообще имеют силу экономические законы, — для всего периода простого товарного производства, следовательно, до того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем более средние цены за продолжительные периоды, непрерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV столетия нашего летосчисления. Начало же обмена товаров относится ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писаной истории и уходит в глубь веков в Египте по меньшей мере за три, а может быть и за пять тысяч лет, в Вавилонии же за четыре-шесть тысяч лет до нашего летосчисления. Таким образом, закон стоимости господствовал в течение периода в пять-семь тысяч лет. И вот после этого полюбуйтесь глубокомыслием г. Лориа, называющего стоимость, имевшую всеобщее и непосредственное значение в течение всего этого времени, стоимостью, по которой товары никогда не продавались и не могут продаваться и исследованием которой никогда не будет заниматься ни один экономист, имеющий хотя бы каплю здравого рассудка.

До сих пор мы не говорили о купце. Мы могли оставлять без внимания его вмешательство до настоящего пункта, когда мы переходим к превращению простого товарного производства в капиталистическое товарное производство. Купец был революционизирующим элементом этого общества, где прежде все было неизменно, неизменно, так сказать, по наследству; где крестьянин не только свой надел, но и свое положение свободного собственника, свободного или зависимого оброчника или крепостного, а городской ремесленник свое ремесло и цеховые привилегии получали наследственно и почти неотчуждаемо; кроме того, каждый из них получал по наследству свою клиентуру, свой рынок сбыта, так же как и выработанное с юных лет мастерство в унаследованной профессии. И вот в этот мир вступил купец, который должен был стать исходным пунктом для этого переворота. Но он не действовал в качестве сознательного революционера, а, наоборот, как плоть от плоти, кость от кости этого мира. Купец средневековья отнюдь не был индивидуалистом, он был по существу своему общинником, как и все его современники. В деревне господствовала выросшая на почве первобытного коммунизма община-марка. Каждый крестьянин имел первоначально надел одинаковой

величины, с одинаковыми участками земли различного качества, и пользовался соответствующими одинаковыми правами в общине-марке. С тех пор как община-марка стала замкнутой и был прекращен отвод новых наделов, наступило дробление наделов благодаря наследованию и т. д. и соответствующее дробление общинных прав, но единицей общинного землевладения попрежнему оставался полный надел, так что были половины, четверти и восьмушки надела с половинной, четвертой или восьмой долей участия в правах общины-марки. По образцу общины-марки строились все позднейшие промышленные организации и прежде всего городские цехи, внутреннее устройство которых было не чем иным, как приложением устройства общины-марки, но уже к ремесленным привилегиям, а не к определенной территории. Центральным пунктом всей организации было равное участие каждого ее члена в пользовании всеми обеспеченными за цехом привилегиями и доходами, как это красноречиво выражено в привилегии на «кормление от пряжи», данной жителям Эльберфельда и Бармена в 1527 г. (Thun: «Industrie am Niederrhein» [Тун: «Нижнерейнская промышленность»], II, 164 и сл.). То же относится к горной промышленности, где каждый пай горного участка также давал одинаковое участие и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями. И то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам, вызвавшим к жизни заморскую торговлю. Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинополя, — каждая «нация» в своем собственном гостином дворе [Fondaco], состоящем из жилого помещения, трактира, склада, выставочного помещения и магазина с общей конторой, — составляли законченные торговые товарищества; они были отгорожены от конкурентов и клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особых клейм, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д. Точно так же вели свое дело ганзейцы на «Немецком мосту» (Tydske Bryggen) в норвежском Бергене, а также их голландские и английские конкуренты. Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен! Бойкот, которому он подвергался, означал при тогдашних условиях неизбежное разорение, не говоря уже о прямых штрафах, налагаемых товариществом на виновника. Но, кроме того, основывались более тесные товарищества с определенными целями, вроде генуэзского общества Маона, владевшего в течение многих лет квасцовыми залежами Фокеи в Малой Азии и на острове Хиосе в XIV и XV столетиях, далее — большого Равенсбергского торгового общества, которое с конца XIV столетия вело торговые дела с Италией и Испанией и основы-

вало там свои отделения, а также немецкого общества аугсбургских купцов — Фуггер, Вельзер, Фелин, Гехштеттер и т. д., нюрнбергских — Гиршфогель и других, которое с капиталом в 66 000 дукатов и тремя кораблями принимало участие в португальской экспедиции 1505—1506 гг. в Индию, получив при этом 150, а по другим источникам — 175% чистой прибыли (Heyd: «Levantehandel» [Гейд: «Левантская торговля»], II, 524), и целого ряда других обществ-«монополий», приводивших Лютера в такую ярость.

Здесь мы впервые наталкиваемся на прибыль и норму прибыли. А именно — стремление купцов сознательно и преднамеренно направлено к тому, чтобы сделать эту норму прибыли равной для всех участников. У венецианцев на востоке, у ганзейцев на севере каждый платил одинаковые со своими соседями цены за приобретаемые товары, они стоили ему одинаковых транспортных издержек, он получал за них одинаковые с другими цены и закупал обратный груз по тем же ценам, как и другие купцы его «нации». Таким образом, норма прибыли была одинакова для всех. В крупных торговых товариществах распределение прибыли пропорционально вложенной доле капитала было столь же само собою разумеющимся, как и пользование правами в марке пропорционально дающим эти права долям надела или как участие в прибыли горнозаводских предприятий пропорционально числу паев (кукс). Таким образом, равная норма прибыли, которая в своем полном развитии есть один из конечных результатов капиталистического производства, оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма.

Эта первоначальная норма прибыли неизбежно была очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия; наконец, самый сбыт и условия этого сбыта основывались на данных чужеземными князьями привилегиях, которые довольно часто нарушались или совершенно отменялись. Прибыль, следовательно, должна была включать высокую страховую премию. Кроме того, оборот совершался медленно, выполнение сделок затягивалось, а в более благоприятные периоды, которые, впрочем, редко бывали продолжительны, торговые дела представляли собою монопольную торговлю с монопольной прибылью. О том, что средняя норма прибыли была очень высока, свидетельствуют также и обычные тогда очень высокие нормы процента, которые всегда должны быть в общем ниже обычного уровня торговой прибыли.

Но эта высокая и равная для всех участников норма прибыли, получаемая благодаря совместной деятельности товариществ, имела силу лишь в пределах данных товариществ, т. е. в данном случае у отдельных «наций». Венецианцы, генуэзцы, ганзейцы, голландцы — каждая нация для себя и, вероятно, вначале также для каждого отдельного рынка сбыта — имели особые нормы прибыли. Выравнивание этих различных норм прибыли отдельных товариществ осуществлялось противоположным путем — при помощи конкуренции. Прежде всего выравнивались нормы прибыли на различных рынках одной и той же нации. Если Александрия давала бо̀льшую прибыль на венецианские товары, чем Кипр, Константинополь или Трапезунд, то венецианцы направляли больше капиталов в Александрию, изъяв часть их из обращения на других рынках. Далее должно было последовать постепенное уравнение норм прибыли между отдельными нациями, вывозящими на одни и те же рынки одинаковые или сходные товары, причем очень часто некоторые из этих наций разорялись и исчезали со сцены. Процесс этот, однако, постоянно прерывался политическими событиями: так, напр., вся торговля с Востоком погибла вследствие монгольских и турецких нашествий, а грандиозные географическо-торговые открытия с 1492 г. лишь ускорили и затем довершили эту гибель.

Последовавшее затем внезапное расширение области сбыта и связанный с этим переворот в путях сообщения не принесли на первых порах существенных изменений в способе ведения торговли. Торговля с Индией и Америкой также велась сперва преимущественно товариществами. Но теперь уже за этими товариществами стояли крупные нации. Место торговавших с Востоком каталонцев заняла в американской торговле вся объединенная Испания, а наряду с ней две такие большие страны, как Англия и Франция; даже самые маленькие страны — Голландия и Португалия были все же, во всяком случае, не меньше и не слабее Венеции — самой большой и сильной торговой нации предшествовавшего периода. Это давало странствующему купцу [merchant adventurer] XVI и XVII столетий опору, которая все более и более делала излишним товарищество, защищающее своих членов также и при помощи оружия, а связанные с его существованием расходы становились излишним бременем. Далее, теперь богатства накоплялись в руках отдельных лиц значительно быстрее, так что в скором времени отдельные купцы могли вкладывать в одно предприятие столько же средств, сколько раньше вкладывало целое общество. Торговые общества, там, где они еще продолжали существовать, превращались по большей части в вооруженные корпорации, которые под защитой и протекторатом своих государств завоевывали и монопольно эксплуатировали целые вновь открытые страны. Но чем в большем числе основывались, преимущественно государ-

ством, колонии в новых областях, тем более торговые товарищества отступали на задний план перед торговлей отдельного купца, и вместе с тем уравнение норм прибыли все более и более становилось исключительно делом конкуренции.

До сих пор мы познакомились лишь с нормой прибыли торгового капитала. Ибо до сих пор мы имели дело лишь с торговым и ростовщическим капиталом, а промышленному капиталу только предстояло еще развиться. Производство еще было преимущественно в руках работников, которые владели своими собственными средствами производства и труд которых, следовательно, не приносил прибавочной стоимости капиталу. Если они и были вынуждены отдавать безвозмездно часть своего продукта третьему лицу, то лишь в виде дани феодальному владыке. Поэтому торговый капитал, по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с отечественных покупателей иностранных продуктов. Только в конце этого периода — для Италии, следовательно, с упадком левантской торговли — иностранная конкуренция и затруднения в сбыте могли вынуждать ремесленного производителя экспортных товаров уступать купцу-экспортеру товары ниже их стоимости. Таким образом, мы обнаруживаем здесь такое явление, что во внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по своим стоимостям, а в международной торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям. Полная противоположность современному положению, когда цены производства имеют силу в международной и оптовой торговле, между тем как в розничной городской торговле ценообразование регулируется совершенно другими нормами прибыли, так что теперь, напр., говядина испытывает более значительную надбавку в цене по дороге от лондонского оптового торговца к лондонским потребителям, чем на пути от оптового торговца в Чикаго к лондонскому оптовому торговцу, включая сюда и расходы по перевозке.

Орудием этого постепенного переворота в ценообразовании был промышленный капитал. Начало этому было положено уже в средние века, а именно в трех областях: судоходстве, горных промыслах и текстильной промышленности. Судоходство в тех размерах, в которых оно велось итальянскими и ганзейскими приморскими республиками, невозможно было без матросов, т. е. наемных рабочих (отношения найма последних могли маскироваться артельными формами с участием в прибылях), а галеры того времени немыслимы без гребцов — наемных рабочих или рабов. Предприятия по добыванию руды, которые первоначально велись объединенными в артели работниками, почти везде превратились в акционерные общества для ведения дела при помощи наемных рабочих. В текстильной же промышленности купец начал прямо

ставить мелких мастеров-ткачей себе на службу, раздавая им пряжу и заставляя их за его счет перерабатывать ее в ткань за определенную плату, — короче говоря, превращаясь из простого купца в так называемого *раздатчика*.

Здесь мы имеем перед собой первые зачатки образования капиталистической прибавочной стоимости. Горнозаводские промыслы, ввиду их замкнутого монопольно-корпоративного характера, мы можем оставить в стороне. Что же касается судоходства, то, очевидно, здесь прибыль должна была, во всяком случае, равняться обычной прибыли данной страны со специальной надбавкой на страхование, износ судов и т. д. Но как же обстояло дело с раздатчиками в текстильной промышленности, которые впервые вынесли на рынок товары, произведенные прямо за счет капиталиста, создав этим конкуренцию товарам того же рода, произведенным за счет ремесленника?

Норма прибыли торгового капитала была уже заранее дана. Она уже была также, по крайней мере для каждой данной местности, сведена к своей средней норме. Что же могло побудить купца взять на себя дополнительную роль раздатчика? Лишь одно: перспектива большей прибыли при равной с другими продажной цене. И именно это он имел в виду. Заставив работать на себя мелких мастеров, он ломал традиционные границы производства, при которых производитель продавал свой готовый продукт и ничего другого. Торговый капиталист покупал рабочую силу работника, который покамест еще владел своими орудиями производства, но уже больше не владел сырьем. Обеспечивая, таким образом, ткачу регулярный заработок, он мог вместе с тем так понижать его заработную плату, что часть затраченного рабочего времени оставалась неоплаченной. Таким образом, раздатчик становился присвоителем прибавочной стоимости сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли. Правда, он должен был для этого применять добавочный капитал, чтобы закупать пряжу и т. д. и оставлять ее в руках ткача до окончательной выделки продукта, между тем как прежде он выплачивал полную цену продукта только в момент покупки его. Но, во-первых, в большинстве случаев он и раньше уже делал дополнительные затраты капитала на ссуды ткачу, которого, как правило, только долговое рабство заставляло подчиняться новым условиям производства. И, во-вторых, даже независимо от этого расчет представляется в следующем виде.

Допустим, что наш купец вел свое экспортное дело с капиталом в 30 000 дукатов, цехинов, фунтов стерлингов или чего-нибудь другого. Положим, что 10 000 из них затрачено на покупку товаров внутреннего производства, в то время как 20 000 используются им на заморских рынках сбыта. Пусть капитал оборачивается раз в два года, тогда годовой оборот равен 15 000. Но допустим, что наш купец хочет заняться ткачеством за свой счет, сделаться раз-

датчиком. Какой капитал должен он для этого дополнительно затратить? Пусть время производства куска ткани, которой он торгует, равняется в среднем двум месяцам (хотя это наверное слишком продолжительный срок). Допустим далее, что он за все должен платить наличными деньгами. В таком случае он должен будет дополнительно затратить такой капитал, чтобы его хватило для снабжения ткачей пряжей на два месяца. Так как его годовой оборот — 15 000, то в два месяца он закупает тканей на 2 500. Пусть 2 000 из них представляют стоимость пряжи, а 500 — заработную плату ткачей; тогда нашему купцу потребуется дополнительный капитал в 2 000. Допустим, что прибавочная стоимость, которую он благодаря новому способу присваивает себе от ткача, достигает лишь 5% стоимости ткани, что составляет безусловно весьма скромную норму прибавочной стоимости в 25% ($2\,000\,c + 500\,v + 125\,m$; $m' = \frac{125}{500} = 25\%$; $p' = \frac{125}{2\,500} = 5\%$). При таких условиях наш купец, при годовом обороте 15 000, получит 750 добавочной прибыли, а в $2^2/_3$ года вернет себе, следовательно, весь затраченный дополнительный капитал.

Но чтобы ускорить свой сбыт и вместе с тем свой оборот и благодаря этому получить ту же прибыль с прежнего капитала в более короткий период времени, — стало быть, чтобы получить в течение того же времени бóльшую прибыль, — он подарит небольшую часть своей прибавочной стоимости покупателю, будет продавать дешевле своих конкурентов. Последние также превратятся постепенно в раздатчиков, и тогда добавочная прибыль сведется для них всех к обычной прибыли или даже к меньшей, причем она будет получаться на повысившийся у них всех капитал. Равенство нормы прибыли снова восстановлено, хотя быть может уже на другом уровне, ввиду того что часть произведенной внутри страны прибавочной стоимости уступается иностранным покупателям.

Дальнейшим шагом по пути подчинения промышленности капиталу было введение мануфактуры. Последняя также давала возможность мануфактуристу, который в XVII и XVIII столетиях в большинстве случаев был и экспортером своих товаров, — в Германии так было до 1850 г. почти повсюду, а местами сохранилось и до сих пор, — производить дешевле его старомодных конкурентов-ремесленников. Повторяется тот же процесс: прибавочная стоимость, присваиваемая владельцем мануфактуры — капиталистом, позволяет ему или купцу-экспортеру, с которым он ее делит, продавать дешевле своих конкурентов, пока новая форма производства не станет всеобщей и снова произойдет уравнение прибылей. Уже заранее данная норма торговой прибыли, если даже она уравнена в местном масштабе, остается прокрустовым ложем, на котором без всякого милосердия отсекается избыточная прибавочная стоимость.

Если мануфактура бурно развилась благодаря удешевлению продуктов, то в еще гораздо большей степени этому удешевлению обязана своим ростом крупная промышленность, которая путем непрерывного революционизирования производства все более и более понижает издержки производства товаров и беспощадно устраняет все прежние способы производства. Именно крупная промышленность таким путем окончательно завоевывает капиталу внутренний рынок, кладет конец мелкому производству и натуральному хозяйству самодовлеющей крестьянской семьи, устраняет прямой обмен между мелкими производителями и ставит всю нацию на службу капиталу. Она также выравнивает нормы прибыли различных отраслей торговли и промышленности в одну общую норму прибыли и обеспечивает, наконец, промышленности подобающую ей господствующую роль при этом выравнивании, устраняя бо́льшую часть препятствий, до тех пор стоявших на пути перенесения капитала из одной отрасли в другую. Вместе с этим для всего процесса обмена совершается превращение стоимостей в цены производства. Это превращение происходит, следовательно, в силу объективных законов, помимо сознания или намерения участников. То обстоятельство, что конкуренция низводит до общего уровня прибыль, превышающую общую норму, и таким путем снова отнимает у первых присваивателей-промышленников прибавочную стоимость, превышающую средний уровень, не представляет собою никаких теоретических трудностей. На практике же тем более, так как отрасли с избыточной прибавочной стоимостью, т. е. с высоким переменным и низким постоянным капиталом или с низким строением капитала, по самой природе своей позже всего и наименее полно подчиняются капиталистическому производству; это прежде всего земледелие. Что же касается, наоборот, повышения цен производства выше стоимости товаров, которое необходимо, чтобы поднять до уровня средней нормы прибыли недостаточную прибавочную стоимость, заключенную в продуктах отраслей с высоким строением капитала, то теоретически это выглядит весьма трудным, на практике же, как мы уже видели, совершается всего легче и быстрее. Ибо товары этого рода, когда они начинают производиться капиталистически и поступают в капиталистическую торговлю, вступают в конкуренцию с товарами того же рода, произведенными докапиталистическими способами, т. е. стоящими дороже. Следовательно, капиталистический производитель даже при отказе от части прибавочной стоимости все же может выручать обычную для его местности прибыль, которая первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникала благодаря торговому капиталу задолго до того, как вообще начали капиталистически производить, и стала, следовательно, возможна промышленная норма прибыли.

II.

БИРЖА.*

1) Из третьего тома, пятого отдела, в особенности из главы [27]** видно, какое положение биржа занимает в капиталистическом производстве вообще. Однако с 1865 г., когда книга была написана, наступило изменение, которое придает бирже значительно возросшую и все растущую роль и которое в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков [Börsianer] все производство, как промышленное, так и земледельческое, и все обращение — как средства сообщения, так и функцию обмена; таким образом, биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства.

2) В 1865 г. биржа была еще *второстепенным* элементом в капиталистической системе. Основную массу биржевых ценностей представляли государственные бумаги, но и их количество было относительно невелико. Наряду с этим акционерные банки, которые на континенте и в Америке господствовали, в Англии же только готовились к поглощению аристократических частных банков, в массе своей играли еще сравнительно незначительную роль. Железнодорожные акции были также еще относительно слабо распространены по сравнению с настоящим временем. Непосредственно же производительных предприятий, так же как и банков, в акционерной форме было лишь немного, большей частью они создавались в *более бедных* странах, как Германия, Австрия, Америка и т. д.; — «глаз хозяина» был тогда еще не изжитым суеверием.

Следовательно, биржа тогда была еще местом, где капиталисты отнимали друг у друга накопленные ими капиталы и которое непосредственно касалось рабочих лишь как новое доказательство всеобщего деморализующего влияния капиталистического хозяйства и как подтверждение кальвинистского тезиса, что уже на этом свете благодать божья — иными словами, случай — распределяет благословение и проклятье, богатство, т. е. наслаждение и власть, и бедность, т. е. лишения и рабство.

3) Теперь иначе. Со времени кризиса 1866 г. накопление происходило со все возрастающей быстротой и притом таким образом, что ни в одной промышленной стране, и всего менее в Англии, производство не поспевало за накоплением, и накопление отдельного капиталиста не могло найти полного применения в расширении

* Рукопись озаглавлена Энгельсом следующим образом: «Биржа, дополнительные замечания к третьему тому «Капитала»». *Ред.*

** Энгельс в рукописи оставил свободное место, чтобы проставить порядковый номер главы. Речь идет, очевидно, о главе 27 — «Роль кредита в капиталистическом производстве». *Ред.*

его собственного предприятия; в английской хлопчатобумажной промышленности [это наблюдалось] уже в 1845 г., [далее] железнодорожные аферы. Вместе с этим накоплением возрастала и масса рантье, людей, которым надоело постоянное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели только развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний. И, в-третьих, чтобы облегчить приложение массы пришедшего, таким образом, в подвижное состояние денежного капитала, ныне повсюду, где этого не было раньше, созданы были новые законодательные формы для обществ с ограниченной ответственностью и были снижены обязательства акционеров, до тех пор отвечавших в неограниченном размере (акционерные общества в Германии в 1890 г. — 40% подписки!).

4) Отсюда постепенное превращение промышленности в акционерные предприятия. Одну отрасль за другой постигает эта судьба. Сначала железоделательная промышленность, где в настоящее время необходимы гигантские вложения (еще раньше горнозаводская промышленность, если она еще не имела формы паевых предприятий). Затем химическая промышленность, точно так же машиностроительные заводы. На континенте также текстильная промышленность, а в Англии еще лишь в отдельных местностях — Ланкашир (прядильная фабрика в Ольдхэм, ткацкая фабрика в Бэрнлэй и т. д., объединение швейных предприятий; но это лишь предварительная ступень, которая во время ближайшего кризиса распадается и снова попадает в руки [отдельных] хозяев), пивоварни (несколько лет назад американские пивоварни были отданы в руки английского капитала, далее Guiness Bess, Allsopp *). Затем тресты, создающие гигантские предприятия с общим управлением (как United Alcali **). Обыкновенная единоличная фирма все более и более становится только предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту, когда оно будет достаточно велико, чтобы превратиться в акционерное [«gegründet» werden].

То же самое относительно торговли. Leafs, Parsons, Morleys, Morrison, Dillon *** — все они превратились в акционерные общества. Точно так же теперь и розничные фирмы и притом не только под внешностью кооперации à la «Stores» ****.

То же самое относительно банков и других кредитных учреждений также и в Англии. Масса новых — все в форме акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Даже старые банки,

---

* Названия двух крупных английских пивоваренных фирм. *Ред.*
** Английский химический трест. *Ред.*
*** Названия фирм. *Ред.*
**** Т. е. по образцу универмагов. *Ред.*

как...* и т. д., преобразуются с 7 частными [акционерами] в акционерное общество.

5) В области земледелия то же самое. Неимоверно расширившиеся банки, особенно в Германии (под всевозможными бюрократическими наименованиями) — все более и более носители ипотек; вместе с их акциями действительная верховная собственность над землевладением передается бирже, и это в еще большей степени, когда имения попадают в руки кредиторов. Здесь переворот в сельском хозяйстве, связанный с обработкой степей, оказывает огромное влияние; если так будет продолжаться, то можно предвидеть время, когда земля попадет в руки биржи также в Англии и во Франции.

6) Далее приложение капитала за границей — все в акциях. Если говорить только об Англии: американские железные дороги, северные и южные (справиться по биржевому бюллетеню), Гольдбергер и т. д.

7) Затем колонизация. Последняя — ныне простое отделение биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку, французы завоевали Тунис и Тонкин. Африка прямо сдана в аренду компаниям (Нигер, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Африка). Машоналэнд и Наталь взяты во владение для биржи Родсом.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XIX, часть I, изд. 1939 г., и т. XIX, часть II, изд. 1947 г.

---

* Слово неразборчиво. Выглядит, как «Glyn et C°», очевидно, название банка. *Ред.*

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШИХ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В III ТОМЕ «КАПИТАЛА».

Д.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

СОДЕРЖАНИЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПРИБЫЛЬ И НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НОРМУ ПРИБЫЛИ.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБЫЛИ В СРЕДНЮЮ ПРИБЫЛЬ.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ЗАКОН ТЕНДЕНЦИИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К ПОНИЖЕНИЮ.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА И ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА В ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ И ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

РАСПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОБАВОЧНОЙ ПРИБЫЛИ В ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

ДОХОДЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ.

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ.

Подписано к печати 1/VIII 1951 г. Тираж 100 тыс. экз. М-27841. Бумага 60×92 1/16. 29,25 бумажных. 58,5 п. л. 70 уч.-изд. л. Заказ № 1239. Цена в переплете 20 руб.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.